257308.

Сочиненія Бѣлинскаго

лит. каб

257308

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

Уральский Госуниверситет
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

8(с)1
Б43

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Пр. 1955 г.

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

С. А. Венгерова.

ТОМЪ VII.

257308

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, 39.
1904.

982

ОГЛАВЛЕНІЕ VII-го ТОМА.

*** (Звѣздочка) поставлена передъ статьями, невходившими въ прежнія собранія сочиненій Бѣлинскаго или входившими съ сокращеніями.**

«Отечественныя Записки» 1842 года.

		стр.
576.	Русская литература въ 1841 году	1—63
*577.	Утренняя Заря альманахъ на 1842 годъ изданный *В. Владиславлевымъ*	63—65
*578.	Русская Бесѣда, т. II	65—69
*579.	Сказка за сказкой. Мертвыя головы или русскіе въ Чечнѣ. Повѣсть *П. Каменскаго*	69
*580.	Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ	69—71
*581.	Автоматъ. Соч. *И. Калашникова*	71—72
*582.	Повѣсть Ангелина. Въ 3 ч. *Николая Молчанова*	72—74
*583.	Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ или какъ выйдти въ люди. Сочиненіе *Е. Г.*	74—75
*584.	Цвѣты Музы. *Александра Градцева*	76—79
*585.	Альбомъ Избранныхъ Стихотвореній. Изд. штабсъ-капит. *Милюкова*	79—81
*586.	Стихотворенія *Аполлона Майкова*	81—102
587.	Кузьма Петровичъ Мирошевъ. *М. Н. Загоскина*	102—122
588.	Эвелина де-Вальероль. Ром. *Н. Кукольника*	122—124
*589.	Кузьма Петровичъ Мирошевъ. *М. Н. Загоскина*	124
590.	Стихотворенія *Аполлона Майкова*	124—125
591.	Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. *Владиміра Строева*	126—130
*592.	Репертуаръ Русскаго и Пантеонъ Всѣхъ Европейскихъ Театровъ, на 1842 годъ. Изд. *И. Песоцкаго*	130—133
*593.	Русская грамматика. Составленная *Д. Ивановымъ*	133—134
394.	Педантъ. Литературный типъ	134—141
*595.	Русскій театръ въ С.-Петербургѣ. Князь Серебрянный или Отчизна и Любовь. *П. Филимонова.* Ромео и Юлія. Драма *Шекспира,* пер. *М. Каткова.* Отецъ и Дочь *Н. Г. Ободовскаго.* Римскій Боецъ *А. Суме.* Передѣлка *В. К.* Елена Глинская. *Николая Полеваго*	141—153
*596.	Два Призрака. Романъ *Ѳ. Фанъ-Дима*	157
*597.	Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго Университета, изданный *Я. Гротомъ*	157—164

стр.

*598 Маранны, историческая повѣсть *Людвига Филипсона*. Перев. *Бернарда Бертензона* 164
*599 Русскій Патріотъ . . . . . 164—165
*600. Гуакъ или непреоборимая вѣрность 165
*601. Сказка о Мельникѣ (—) Колдунѣ, о Хлопотливой Старухѣ (,) о Жидкахъ и Варнакахъ. Соч. *Е. Алипанова* . . . . 165—166
*602. Петръ Великій, историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго *П. Ободовскимъ* и положенная на музыку *Л. Фуксомъ* 166
*603. Стихотворенія *А. Полежаева* . . . . . 167—204
*604. Комары. Всякая всячина. *Ѳаддея Булгарина*. Картинки русскихъ нравовъ. Сказка о славномъ витязѣ и могучемъ богатырѣ Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ, о прекрасной царевнѣ Свѣтловидѣ и о косолапомъ другѣ медвѣдѣ . . 204—213
*605. Повѣсти въ стихахъ *Елисаветы Шаховой*. Ѳеофилъ духовная повѣсть *Е. Алипанова*. Военные(я) пѣсни *Е. Алипанова*. Досуги для дѣтей. *Е. Алипанова* 214
*606. Гайдамаки. Поэма *Т. Шевченка*. . . . . 214—216
*607. Кесари. *Ф. де-Шампиньи* . . . . . 216—217
*608. Часы выздоровленія. *Александра Полежаева* 217
*609. Игра въ преферансъ . . . . . 217—218
*610. Альфъ и Альдона. *Н. Кукольника* . . . . . 218—223
*611. Картины Русской Живописи. Выпускъ первый . . . . . 223—224
*612. Рѣчь о критикѣ. *А. Никитенка* . . . . . 224—225
613. Тысяча и Одна Ночь, арабскія сказки 225
*614. Дагеротипъ. Тетрадь первая 226
*615. Начатки *А. Т.* 227
*616. Еще купцы 3-й гильдіи *Петра Григорьева* 2. 227
*617. Солнечный Лучъ Романъ *И. Штевена*. Сказка о Трефовомъ королѣ Фанъ-Фанѣ, о приключеніи принца Факъ-Стона, и о принцессѣ Эфери . . . . . 227—228
618. Опытъ Библіографическаго Обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы съ октября 1841 по апрѣль 1842 (*А. Бранта*). Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ . . . . . 228—233
*619. Созерцатель человѣческихъ знаній (,) или энциклопедія наукъ, художествъ, искусствъ, промышленности, постановленій (?) и проч. *Михаила Павлова* . . . . . 233—235
*620. Робинзонъ Крузе. *Кампе* . . . . . 235—238
621. Русскій театръ въ Петербургѣ. Христина, Королева Шведская. *П. Г. Ободовскаго*. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій или Семейная ненависть. *П. Г. Ободовскаго*. Святословъ. Помѣшанный. *Тимона Бурмицкаго*. Настинька. *Коровкина* . . . . . 238—245
622. Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. *Н. Гоголя* . . 246—258
*623. („Макарьевская Литература“) . . . . . 258—259
*624. Стихотворенія *Николая Воронова* за 1841 годъ . . . . . 259—261
625. Дагеротипъ. Тетрадь вторая . . . . . 261—263
*626. Парижская Красавица. *Поль-де-Кока* . . . . . 263—264

		стр.
*627.	Россійская Грамматика съ присовокупленіемъ піитическихъ правилъ *Якова Пожарскаго*	264—265
628.	Сельскія Бесѣды	265
*629.	Очерки къ Борису Годунову, Александра Пушкина. *К. Шрейдера*	265—266
*630.	Исторія Государства Россійскаго. *Н. М. Карамзина*	266—268
*631.	Картины Русской Живописи. Выпускъ второй	268—269
*632.	Наши, описанные съ натуры русскими. Выпуски 9, 10 и 11.	269
*633.	Финляндія и финляндцы. *Ѳ. Дершау*	269—270
634.	Журнальныя и литературныя замѣтки	270—276
635.	Русская Бесѣда. Томъ III.	276—283
*636.	Братья по оружію или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ. Соч. *Джемса*, перев. *А. А.*	283—284
*637.	Малоярославецъ въ 1812 году, гдѣ рѣшилась судьба большой арміи Наполеона. *Владиміра Глинки*	284
638.	Физіологія Влюбленнаго. Передѣлка съ фр. *Н. Г. Р.*	285—286
638-а.	Дагеротипъ. Тетради 3, 4, 5 и 6	638—640
639.	Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души (*Константина Аксакова*)	286—292
*640.	Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ. *К. А. Авдѣевой.*	292—293
*641.	О чувственной любви и пагубныхъ дѣйствіяхъ ея. *Іоганна Фридриха Остервальда*	293
642.	Журнальныя и литературныя замѣтки	294
643.	Рѣчь о критикѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраординн. професс. докторомъ философіи *А. Никитенко*. Статья I.	294—312
*644.	Сумерки. *Евгенія Баратынскаго*	313
*645.	Христіернъ II и Густавъ-Ваза, драматическій очеркъ въ четырехъ актахъ *А. (?) Лажечникова*	313
*646.	Осенніе цвѣты. Вечерніе досуги. Завѣтныя думы. *М. Демидова*	313—317
*647	Наслѣдство комедіанта, или имперія и возстановленіе. *Ольде Кока*	317
*648.	Сказка объ Игнашѣ Разувалѣ, о прекрасной Людмилѣ, пріамской царевнѣ, объ алмазномъ замкѣ, о чугунномъ мостѣ, двѣнадцатиглавомъ змѣѣ и о волшебникѣ Колдоранѣ. Въ вольныхъ стихахъ. Соч. *И. Руссо*	317—318
*649.	Русскіе въ доблестяхъ своихъ, въ вѣрѣ, вѣрности и въ любви своей къ престолу и отечеству. *Сергѣя Глинки*	318
*650.	Картины русской живописи. Выпускъ III.	318—319
*651.	Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *Леопольда Ранке*	319
652.	Денница ново-болгарскаго образованія. *Василія Априлова.*	319—320
653.	Руководство къ изученію русской словесности. *Истра Георгіевскаго*	321—323
*654.	Библіографическое извѣстіе. (Сочиненія *Гоголя*)	323—325
655.	Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ	326—339
656.	Русскій театръ въ Петербургѣ. Ифигенія въ Авлидѣ трагедія *Расина*, переводъ *М. Лобанова*. Школа женщинъ. Ко-	

		стр.
	медія *Мольера*, переводъ *П. И. Хмельницкаго*. Критика на «Школу Женщинъ», комедія *Мольера*, переводъ *Г. Н. Л.* Волшебный посъ или талисманъ и финики. Передѣлка *А. Н. Писарева*. Мать испанка, *Н. А. Полеваго*	339—345
657.	Литературныя и журнальныя замѣтки	345—355
*658.	Рѣчь о критикѣ, *А. Никитенка*, статья II	355—386
*659.	Сочиненія *Платона*. Переводъ проф. *Карпова*	386—393
660.	Наши, списанные съ натуры русскими. Вып. 12	393—396
*661.	Картинка русскихъ нравовъ, книжки III и IV	396—397
*662.	Сплетни. Изд. *Кукарику*	397—398
*663.	Мать-Испанка	398—399
*664.	Послѣдній Хеакъ. Поэма *В. Зотова*	398—99
665.	Русскій театръ въ Петербургѣ. Великій актеръ или любовь дебютантки. *П. П. Каменскаго*. Жены наши пропали! или майоръ Bon vivant *П. Григорьева 1-го*. Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами. *Н. А. Полеваго*. Комическіе сцены изъ новой поэмы Мертвыя Души, сочиненіе *Гоголя*, составленные *Г****	399—401
*666.	Литературныя и журнальныя замѣтки	402—411
*667.	Рѣчь о критикѣ. *А. Никитенка*. Статья III	412—424
668.	Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя Мертвыя Души	424—446
669.	Драматическія сочиненія и переводы. *Н. А. Полеваго*	446—452
*670.	Дочь купца Жолобова. *И. Калашникова*	452—453
*671.	Любовь музыканта. *Андрея Ярославцева*	453—456
*672.	II письма на луну. III письма на луну	456
*673.	Общая реторика. *Н. Кошанскаго*	456—457
*674.	Колосья. *В. М.*	458—460
675.	Литературныя и журнальныя замѣтки	460—465
*676.	Стихотворенія *Евгенія Баратынскаго*	465—495
*677.	Утренняя Заря, альманахъ на 1843 годъ, изданный *И. Владиславлевымъ*.	495—499
678.	Стихотворенія *Владиміра Бенедиктова*	499—501
*679.	Наши, списанные съ натуры русскими. Выпускъ 13	502
*680.	Сочиненія *Ѳаддея Булгарина*	502—503
*681.	Таинственный монахъ (,) или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. (*Р. Зотова*)	503—504
682.	Стихотворенія *Н. С.*	504—505
*683.	Дагеротипъ. Тетради 7, 8, 9, 10, 11 и 12	505—506
*684.	Памятникъ искусствъ	506—507
685.	Литературныя и журнальныя замѣтки	507—514
686.	Русскій театръ въ Петербургѣ. Людмила, драма въ трехъ отдѣленіяхъ, подражаніе нѣмецкому (Lenore), составленная изъ баллады *В. А. Жуковскаго*, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ его стиховъ	514

Посмертныя и неизвѣстныя статьи 1840—1842 гг.

*687.	Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. *Дениса Давыдова*	514—543
688.	Труды Императорской Россійской Академіи. Ч. 1 и 2	543—554
	Примѣчанія къ VII тому	554—643

576. Русская литература въ 1841 году. Историческій взглядъ вообще на русскую литературу.—Кантемиръ—Ломоносовъ—Сумароковъ—Державинъ—Фонъ-Визинъ — Дмитріевъ — Карамзинъ — Крыловъ — Озеровъ—Жуковскій — Батюшковъ—Гнѣдичъ—Пушкинъ и его школа—Грибоѣдовъ.—Русскіе романы и романисты—Гоголь.—Современная литература въ 1841 году: періодическія изданія—литературныя и ученыя сочиненія.—Общій выводъ [1]).

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жь онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены: но дорожитъ
Одними ль звуками піитъ?
И гдѣ жь мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . . . .
. . . . . .
Поэты наши переводятъ
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ осирійскій Геликонъ!

Пушкинъ.

Въ этихъ стихахъ Пушкина заключается самая рѣзкая характеристика русской литературы. Правда, многіе не безъ основанія могутъ принять ихъ скорѣе за эпиграмму на русскую литературу, нежели за характеристику ея, потому-что уже поэзія самого Пушкина не подходитъ подъ эту характеристику, а у насъ, кромѣ Пушкина, есть и еще нѣсколько явленій, достойныхъ болѣе или менѣе почетнаго упоминанія даже при его имени. Но если это не характеристика, то и не совсѣмъ эпиграмма. Эпиграмма есть плодъ презрѣнія или предубѣжденія къ предмету, на который она нападаетъ; а Пушкинъ, котораго поэзія—самый звучный и торжественный органъ русскаго духа и русскаго слова, не могъ презирать той литературы, которой посвятилъ всю жизнь свою. Впрочемъ, для оправданія великаго поэта въ подобномъ презрѣніи, довольно было бы и этихъ чудныхъ стиховъ, въ которыхъ съ такою задушевностію, съ такимъ умиленіемъ высказывается самое родственное, самое кровное чувство любви къ родному слову:

.....Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены.....

Между-тѣмъ, любовь любовью, а истина прежде всего—даже прежде самой любви. Вамъ, конечно, не разъ случалось слышать отъ другихъ и самимъ предлагать вопросъ: «Что новаго у насъ въ литературѣ?» или: «Нѣтъ ли чего нибудь прочесть?» Скажите: какъ вы отвѣчали, или какъ вамъ отвѣчали на этотъ вопросъ?... Правда, у насъ выходитъ ежемѣсячно книгъ до тридцати: ими испещряются книгопродавческія объявленія, сужденіями о нихъ наполняются библіографическіе отдѣлы журналовъ; ихъ хвалятъ и бранятъ; о нихъ спорятъ и бранятся; а между-тѣмъ все таки—

Да гдѣ жь онѣ? Давайте ихъ!

Какъ хотите, а это—презатруднительный вопросъ! Попытаемся, однакожь, отвѣтить на него, только не прямо, и не просто, и не отъ своего лица, а въ формѣ слѣдующаго разговора между двумя лицами—А и Б.

А.—*Такъ гдѣ жь онѣ? Давайте ихъ!*

Б.—Извольте. Только ихъ такъ много, что ни мнѣ перечесть, ни вамъ унести съ собою невозможно. Начнемъ съ начала.

А.—Да, если вы вздумаете прочесть мнѣ весь каталогъ Смирдина, то конечно останетесь побѣдителемъ въ нашемъ спорѣ.

Б.—Нѣтъ: я буду говорить только о капитальныхъ явленіяхъ нашей литературы, которыхъ безсмертіе признано знаменитѣйшими авторитетами въ дѣлѣ эстетическаго вкуса и подтверждено «общимъ мнѣніемъ».

А.—Интересно; начинайте же именно съ начала русской литературы.

Б.—Ну, вотъ вамъ «Сатиры Кантемира»...

А.—Покорно благодарю; вѣдь я спрашивалъ васъ о книгахъ, которыя годятся не для одного украшенія библіотекъ, но и для чтенія....

Б.—Какъ! вы не признаете достоинства кантемировыхъ сатиръ? Вспомните, какою славою пользовались онѣ въ свое время! Вспомните эту поэтическую надпись къ портрету знаменитаго сатирика:

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ.
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ!

Вспомните, что такъ основательно высказано Жуковскимъ въ его превосходной статьѣ «о Сатирахъ Кантемира»...

А.—Какъ же, какъ же! читалъ я и ее: статья точно превосходная; но ваша первая попытка занять меня чтеніемъ все-таки не удалась: я уже читалъ Кантемира, а перечитывать—страшусь и подумать, потому-что я читаю не изъ одного любопытства, но и для удовольствія.

Б.—Вотъ Ломоносовъ—поэтъ, лирикъ, трагикъ, ораторъ, реторъ, ученый мужъ...

А.—И прибавьте—великій характеръ, явленіе, дѣлающее честь человѣческой природѣ и русскому имени; только не поэтъ, не лирикъ, не трагикъ и не ораторъ, потому-что реторика—въ чемъ бы она ни была, въ стихахъ, или въ прозѣ, въ одѣ или похвальномъ словѣ—не поэзія и не ораторство, а просто реторика, вещь, высокочтимая въ школахъ, любезная педантамъ, но скучная и непріятная для людей съ умомъ, душою и вкусомъ...

Б.—Помилуйте!

Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ!

А.—Не спорю: можетъ быть, онъ и Малербъ «нашихъ странъ», но отъ этого «нашимъ странамъ» отнюдь не легче, и это нисколько не мѣшаетъ «нашимъ странамъ» зѣвать отъ тяжелыхъ, прозаическихъ и реторическихъ стиховъ Ломоносова. Но между имъ и Пиндаромъ—такъ же мало общаго, какъ между олимпійскими играми и нашими иллюминаціями,—или олимпійскими ристаніями и нашими лебедянскими скачками; за это я постою и поспорю. Пиндаръ былъ поэтъ: вотъ уже и несходство съ Ломоносовымъ. Поэзія Пиндара выросла изъ почвы эллинскаго духа, изъ нѣдръ эллинской національности; такъ называемая поэзія Ломоносова выросла изъ варварскихъ схоластическихъ реторикъ духовныхъ училищъ XVII вѣка: вотъ и еще несходство...

Б.—Но Ломоносову удивлялся Державинъ, его превозносилъ Мерзляковъ, и нѣтъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, критика, литератора, который не видѣлъ бы въ Ломоносовѣ великаго лирика. Въ одной статьѣ «Вѣстника Европы» сказано: «Ломоносовъ дивное и великое свѣтило, *коего* лучезарнымъ сіяніемъ *не налюбоваться въ сытость и позднѣйшему потомству*».

А.—Я *въ сытость* уважаю статью «Вѣстника Европы», равно какъ и

Державина и Мерзлякова; но сужу о поэтахъ по своимъ, а не по чужимъ мнѣніямъ. Впрочемъ, если вамъ нужны авторитеты,—ссылаюсь на мнѣніе Пушкина, который говоритъ, что «въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни соображенія», и что «самъ будучи первымъ нашимъ университетомъ, онъ былъ въ немъ, какъ профессоръ поэзіи и элоквенціи, только исправнымъ чиновникомъ, а не поэтомъ, вдохновеннымъ свыше, не ораторомъ, мощно увлекающимъ». И если вы имѣете право раздѣлять мнѣніе о Ломоносовѣ Державина, Мерзлякова и «Вѣстника Европы», то почему же мнѣ не имѣть права раздѣлять мнѣніе Пушкина? Не правда ли?

Б.—Конечно; противъ этого не нашлись бы ничего сказать всѣ «ученые мужи». И такъ, вы не хотите считать сочиненій Ломоносова въ числѣ книгъ для чтенія?

А.—Я этого не говорю о всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова; но ужь конечно не буду читать ни его реторики, ни похвальныхъ словъ, ни торжественныхъ одъ, ни трагедій, ни посланій о пользѣ стекла и другихъ предметахъ, полезныхъ для фабрикъ, но не для искусства; да, не буду, тѣмъ болѣе, что я уже читалъ ихъ... Но я всегда посовѣтую всякому молодому человѣку прочесть ихъ, чтобы познакомиться съ интереснымъ *историческимъ фактомъ* литературы и языка русскаго. Что же касается до собственно-ученыхъ сочиненій Ломоносова по части физики, химіи, навигаціи, русскаго стихосложенія,—они всегда будутъ имѣть свою *историческую* важность и цѣну въ глазахъ людей, занимающихся этими предметами, всегда будутъ капитальнымъ достояніемъ исторіи *ученой* русской литературы; но публикѣ литературной они всегда будутъ чужды, какъ поэзія и ораторскія рѣчи Ломоносова... Ломоносову воздвигнутъ памятникъ,—и онъ вполнѣ достоинъ этого; онъ—великій характеръ, примѣчательнѣйшій человѣкъ; юноши съ особеннымъ вниманіемъ и особенною любовію должны изучать его жизнь, носить въ душѣ своей его величавый образъ; но, Бога ради, увольте ихъ отъ поэзіи и краснорѣчія Ломоносова... Прошлаго года, кажется, изданъ былъ, однимъ «ученымъ» обществомъ, *выборъ* изъ поэтическихъ и ораторскихъ сочиненій Ломоносова, въ двухъ томахъ in-quarto, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ образецъ для школьныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ. Что сказать объ этомъ? Я человѣкъ простой, не изъ «учёныхъ»;—можетъ, оно тамъ такъ и нужно—это не мое дѣло, какъ сказалъ городничій въ «Ревизорѣ» объ учителѣ уѣзднаго училища; но между публикою и школою такая же разница, какъ и между книгою и дѣйствительностію: что хорошо въ одной, то никуда не годится въ другой... [2])

Б.—Я понимаю, что̀ вы хотите сказать. И такъ, вотъ вамъ десять томовъ «Полнаго Собранія всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ *покойнаго* дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собранія члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы въ удовольствіе любителей Россійской учености Николаемъ Новиковымъ», и пр. Я надѣюсь, что вы къ его стихамъ и прозѣ будете благосклоннѣе, чѣмъ къ

стихамъ и прозѣ Ломоносова: поэзія Сумарокова менѣе школьна и болѣе жизненна, чѣмъ поэзія Ломоносова. Сумароковъ писалъ не однѣ оды и трагедіи, но и сатиры, комедіи, даже комическія статьи, въ которыхъ преслѣдовалъ невѣжество, дикость нравовъ, ябедничество, взяточничество, казнокрадство и прочіе смертные грѣхи полу-азіатской общественности.

А.—И я согласенъ, что онъ принесъ своего рода пользу и сдѣлалъ частицу добра для общества; но не хочу кланяться грязному помелу, которымъ вымели улицу. Помело всегда помело, хотя оно и полезная вещь. Сатиры и комедіи Сумарокова—помело, въ полезности котораго я не сомнѣваюсь, но которому все-таки кланяться не стану. И суздальскія литографіи «какъ мыши кота погребаютъ» и «какъ пришелъ Яковъ ёрша смякалъ» тоже принесли свою пользу черному народу: безъ нихъ, онъ не имѣлъ бы понятія о вещи, называемой картиною; но кто же будетъ говорить о суздальскихъ лубочныхъ литографіяхъ, какъ о произведеніяхъ искусства? Сумароковъ нападалъ на невѣжество—и самъ не больше другихъ зналъ, и бредилъ только своимъ «бѣднымъ рифмичествомъ», какъ выразился о немъ Ломоносовъ. Сумароковъ преслѣдовалъ дикость нравовъ, жаловался печатно, что въ Москвѣ «во время представленія «Семиры» грызутъ орѣхи, и когда представленіе *въ пущемъ жарѣ своемъ*, сѣкутъ поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, къ тревогѣ всего партера, ложъ и театра» *),— тотъ самый Сумароковъ избилъ палкою купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему «ваше превосходительство!» Главная причина негодованія Сумарокова на общественное невѣжество состояла въ томъ, что оно мѣшало обществу понимать его пресловутыя трагедіи; а подьячихъ преслѣдовалъ онъ сколько потому, что имѣлъ до нихъ дѣла, столько и для остраго словца. Истинное негодованіе на противорѣчія и пошлость общества есть недугъ глубокой и благородной души, которая стоитъ выше своего общества и носитъ въ себѣ идеалъ другой, лучшей общественности. Судя по одному поступку Сумарокова съ купцомъ, нельзя думать, чтобъ сей пінта былъ выше своего общества; а въ сочиненіяхъ его незамѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ лучшаго идеала общественности. Онъ не страдалъ болѣзнями современнаго ему общества; онъ только досадовалъ и злился, что общество, не понимая его геніальныхъ твореній, не отдавало ему за нихъ должнаго почтенія, и вѣрило больше московскому подьячему, чѣмъ господину Вольтеру и ему, господину Сумарокову **)... Если хотите видѣть страданія высокой души человѣка, непонимаемаго современностію,—читайте письма Ломоносова къ Шувалову..... [3])

Б.—Но Сумароковъ былъ первымъ драматургомъ въ Россіи, и его трагедіямъ даже обожатели Ломоносова, какъ Мерзляковъ, отдаютъ преимущество?

А.—Я съ этимъ несогласенъ. Ломоносовъ и въ ошибкахъ своихъ поучи-

*) Полное Собр. соч. Сумарокова, т. IV, стр. 63.
**) Тамъ же.

тельнѣе и выше этого бездарнаго писаки. Оба они реторы въ своихъ стихахъ; но вѣдь и реторика реторикѣ рознь, реторика Корнеля, Расина и Вольтера всегда будетъ выше реторики Озерова, а реторика Ломоносова выше реторики Сумарокова. Ломоносовъ вездѣ уменъ, даже и въ реторическихъ стихахъ своихъ.

Нѣтъ, по моему мнѣнію, Сумароковъ сдѣлалъ одно истинно-важное дѣло, хотя и безъ всякаго особеннаго умысла: его піитическая тѣнь возникла передъ критическимъ окомъ С. Н. Глинки и вдохновила его «предъявить» препитересную книгу: «Очерки жизни и сочиненія Александра Петровича Сумарокова», пресловутую книгу, которая, говоря языкомъ ея почтеннаго сочинителя, «огромила россійскій бытъ»... [4]) Вотъ за это спасибо Сумарокову: лучшаго онъ ничего не могъ сдѣлать...

Б.—Но что вы скажете о Княжнинѣ? Общее мнѣніе приписываетъ ему усовершенствованіе русскаго театра, рожденнаго Сумароковымъ...

А.—Да, общее мнѣніе всѣхъ «курсовъ и исторій русской литературы». Княжнинъ не напрасно занимаетъ въ нихъ свое мѣсто; только ему и не должно выходить изъ нихъ, благо онъ пригрѣлъ себѣ тепленькую коморку. Исторія литературы и сама литература — не всегда одно и то же. При возникновеніи литературы, начавшейся подражаніемъ, является множество маленькихъ героевъ, пріобрѣтающихъ себѣ безсмертіе. Грузинцевъ, авторъ пьесы «Петръ Великій», и г. Свѣчинъ, сочинитель «Александроиды», стоятъ Тредьяковскаго; но о нихъ уже забыли—они поздно родились, поздно явились; а Тредьяковскій никогда не будетъ забытъ, потому-что родился во-время. Я не спорю, что Сумароковъ *отецъ россійскаго театра*, и притомъ достойный отецъ достойнаго сына; но все-таки театръ нашъ не исключительно отъ него долженъ вести свою родословную: вспомните, что еще въ царствованіе Алексія Михайловича у насъ было нѣчто похожее на придворный театръ, гдѣ разъигрывались мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которыми начались всѣ европейскіе театры. Что-жь? не прикажете ли и ихъ напечатать для пользы и удовольствія почтеннѣйшей публики? И Французы, въ исторіи своей литературы, упоминаютъ о «мистеріяхъ», равно какъ и о драмахъ Гарньѐ и Гарди, предшественникахъ Корнеля; но они не разбираютъ ихъ, не излагаютъ ихъ содержанія, не разсуждаютъ о ихъ красотахъ или недостаткахъ, не рекомендуютъ ихъ вниманію публики, не включаютъ ихъ въ общій капиталъ своей литературы. Литературныя заслуги бываютъ внѣшнія и внутреннія: первыя важны для той минуты, въ которую появились; вторыя остаются навсегда. Иначе, ничьей жизни не достало бы перечесть и изучить иную литературу. Такъ и Княжнинъ, лѣпившій свои реторическія трагедіи и комедіи изъ дурно-переведенныхъ имъ лоскутковъ ветхой и дырявой мантіи классической французской Мельпомены, оказалъ своего рода пользу и современному театру и современной литературѣ. За это ему честь и слава; но требовать, чтобъ его читали и это чтеніе называли «занятіемъ литературою»— просто нелѣпость. Даже и учащемуся юношеству нѣтъ никакой нужды давать читать такихъ писателей, какъ Сумароковъ и Княжнинъ, если это дѣлается

не для предостереженія отъ покушенія или возможности писать такъ же дурно, какъ писали сіи пінты. Но это значило бы подражать Спартанцамъ, которые, для внушенія своему юношеству отвращенія отъ пьянства, заставляли рабовъ напиваться...

Б.—Вижу, что о Херасковѣ и Петровѣ нечего и говорить съ вами...

А.—Тѣмъ болѣе, что о нихъ и педанты перестали говорить: это тяжба начисто пропгранная. Сюда же должно отнести и Богдановича съ его тяжелою и неуклюжею «Душенькою», которая считалась въ свое время образцомъ легкости и граціозности, и возбуждала фуроръ.

Б.—А Хемницеръ, Капнистъ?

А.—Изъ нихъ можно кое-что помѣщать въ хрестоматіяхъ и другихъ подобныхъ сборникахъ, составляемыхъ для руководства при изученіи исторіи русской литературы. Первый написалъ пять-шесть порядочныхъ басень, изъ которыхъ «Метафизикъ» пользуется особеннымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ людей, видящихъ въ подобныхъ произведеніяхъ что-то важное, и говорящихъ «творецъ Метафизика» точно такъ же, какъ другіе говорятъ «творецъ Макбета». Капнистъ передѣлалъ довольно-удачно, въ духѣ своего времени, одну или двѣ оды Горація; элегіи же его особенно-важны для хрестоматій, какъ живое свидѣтельство сантиментальнаго духа русской литературы того времени. О «Ябедѣ» его довольно сказать, что это произведеніе было благороднымъ порывомъ негодованія противъ одной изъ возмутительнѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности, и что, за это, долго пользовалось оно огромною славою, не смотря на все свое поэтическое и даже литературное ничтожество. Замѣчательно, до чего простиралось незаслуженное удивленіе къ этому посредственному произведенію: Писаревъ, лучшій русскій водевилистъ и вообще человѣкъ замѣчательно-даровитый въ сферѣ мелкой житейской литературы, сражался за «Ябеду» и въ стихахъ и въ прозѣ, и въ одномъ изъ своихъ лучшихъ произведеній, нападая на одного журналиста [5]), повершилъ свои тяжкія обвиненія слѣдующею наивною выходкою:

Онъ Грибоѣдова хвалилъ—
И разругалъ Капниста!..

Въ-самомъ-дѣлѣ, тяжелое обвиненіе! О, доброе старое время!..

Б.—Но мы, кажется, забѣжали впередъ; воротимтесь. Думаю, вы будете не такъ исключительны и строги въ своемъ сужденіи о Державинѣ.

А.—Съ уваженіемъ отступаю при этомъ знаменитомъ имени, но не для того, чтобъ пасть передъ нимъ во прахъ и безсознательно воскурить ѳиміамъ громкихъ фразъ и возгласовъ, а для того, чтобъ лучше и полнѣе измѣрить глазами этотъ величавый образъ, и строже и тверже произнести свое сужденіе о немъ—потому именно, что глубоко уважаю его... Державинъ—первое *дѣйствительное* проявленіе русскаго духа въ сферѣ поэзіи, которой до него не было на Руси. Державинъ — это Илья Муромецъ нашей поэзіи. Тотъ три-

дцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, не зная, что онъ богатырь; а этотъ сорокъ лѣтъ безмолвствовалъ, не зная, что онъ поэтъ; подобно Ильѣ Муромцу, Державинъ поздно ощутилъ свою силу, а ощутивъ, обнаружилъ ее въ исполинскихъ и безплодныхъ проявленіяхъ... Ни кого у насъ не хвалили такъ много и такъ безусловно, какъ Державина, и никто доселѣ не понятъ менѣе его. Невольно смиряясь передъ исполинскимъ именемъ, всѣ склонялись передъ нимъ, не замѣчая, что это только имя—не больше; поэтъ, а не поэзія... Его всѣ единодушно превозносятъ, всѣ оскорбляются малѣйшимъ сомнѣніемъ въ безукоризненности его поэтической славы, и между-тѣмъ никто его не читаетъ, и всего менѣе тѣ, которые печатно кричатъ о немъ... По моему мнѣнію, эти люди, такъ безсознательно поступающіе, дѣйствуютъ очень разумно, и нисколько не противорѣчатъ самимъ-себѣ. Я сравнилъ Державина съ древнимъ русскимъ богатыремъ, Ильею Муромцемъ, и, на основаніи этого сравненія, назвалъ поэзіи Державина исполинскими, но безплодными проявленіями поэтической силы: для объясненія своей мысли, я долженъ продолжать это сравненіе. Илья Муромецъ одинъ-одинехонекъ побиваетъ цѣлую татарскую рать—и чѣмъ же? — не копьемъ, не мечемъ, не палицею тяжкою, а Татариномъ, котораго онъ схватилъ за ноги, да и давай имъ помахивать на всѣ четыре стороны, сардонически приговаривая:

„А и крѣпокъ Татаринъ—не ломится,
„А жиловатъ, собака—не изорвется“.

Кто не согласится, что подобный подвигъ поражаетъ умъ удивленіемъ? Но и кто же не согласится, что возбуждаемое имъ удивленіе—чувство чистовнѣшнее, холодное, и что оно — только удивленіе, а не тотъ божественный восторгъ, который возбуждается въ духѣ чрезъ разумное проникновеніе въ глубокую сущность предмета? Но здѣсь нѣ во что проникать: здѣсь только сила, лишенная всякаго содержанія, сила какъ сила — больше ничего. Совсѣмъ не такъ дѣйствуютъ на насъ миѳическія сказанія римскаго народа о Гораціяхъ-Коклесахъ, Муціяхъ-Сцеволахъ, или рыцарскія легенды о военномъ схимничествѣ за честь креста, гроба и имени Господня, о битвахъ за красоту, о неизмѣнности обѣтамъ, о безумномъ фантастическомъ обожаніи воображаемыхъ идеаловъ, какъ-будто дѣйствительныхъ существъ: они возбуждаютъ въ насъ не одно удивленіе, но и любовь, и восторгъ, и сознаніе. Съ любовію преклоняемся мы передъ безконечностію духа человѣческаго, предъ несокрушимою твердостію воли, торжествующей надъ ограниченными условіями немощной плоти; въ нихъ мы обожаемъ божественную способность человѣка уничтожаться, какъ въ жертвенномъ огнѣ на алтарѣ Бога, въ паѳосѣ къ безплотной и безсмертной идеѣ... И это отъ-того, что онѣ полны обще-человѣческаго содержанія, что мы ощущаемъ, чувствуемъ и провидимъ въ нихъ все, чѣмъ человѣкъ есть человѣкъ— чувственное явленіе незримаго и вѣчнаго духа... И вотъ этого-то содержанія въ поэзіи Державина такъ же мало, какъ и въ подвигѣ Ильи Муромца. Откуда

было взять ему содержаніе для своей поэзіи? Къ намъ долетали неопредѣленные слухи и толки объ XVIII вѣкѣ Франціи, мы даже сами ѣздили знакомиться съ нимъ въ Парижъ... У насъ читали Вольтера и повторяли его остроты; но на Руссо смотрѣли только какъ на чувствительнаго мечтателя; существованія же Нѣмца Канта тогда никто и не подозрѣвалъ... Россія была на вѣки оторвана отъ своего прошедшаго, да и притомъ такъ уже свыклась съ реформою, что и не могла ничего найдти въ немъ для себя; настоящее ея было невѣрнымъ и косвеннымъ отраженіемъ чужаго: откуда же было возникнуть въ ней своеобразному созерцанію жизни, суммѣ тѣхъ общихъ для всѣхъ и каждаго понятій, посредствомъ которыхъ въ обществѣ сливаются воедино всѣ частности и личности, которыя составляютъ цвѣтъ, характеристику, душу общества и, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его поэзіи и литературѣ?.. Ихъ не было, и не могло быть. И вотъ отъ-чего поэзія Державина такъ чужда всякаго содержанія. Что могъ видѣть и слышать онъ въ своемъ дѣтствѣ, у себя дома? чему могъ онъ выучиться въ школѣ? что могъ ему дать опытъ его жизни въ юношествѣ и въ лѣтахъ мужества? Можно ли дивиться, что, въ апогеѣ своей славы, пятидесятилѣтній Державинъ смотрѣлъ на поэзію какъ на отдыхъ и забаву, а на канцелярскія бумаги, какъ на дѣло, считалъ себя не поэтомъ, а чиновникомъ? Повторяю: тутъ нѣчего было и думать о содержаніи для поэзіи— и поэзія Державина осталась безъ всякаго содержанія. Возьмемъ ли мы его такъ-называемыя «анакреонтическія стихотворенія»: сколько въ нихъ превосходныхъ частностей, удачныхъ стиховъ, поэтическихъ образовъ, сколько огня и яркости; но вмѣстѣ съ тѣмъ, и какая во всемъ внѣшность: ни малѣйшаго признака, ни слабыхъ слѣдовъ мистики сердца, жизни чувства! Чувство любви онъ вездѣ беретъ въ его отвлеченной общности: оно всегда у него одно и то же, всегда неподвижно, оцѣпенѣло, никогда не переходитъ изъ мотива въ мотивъ, и потому лишено всего внутренняго, — блеститъ, но не грѣетъ... Возьмемъ ли его такъ-называемыя философическія оды: онѣ иногда богаты сентенціями, въ родѣ описанія признаковъ, долженствующихъ составлять истиннаго вельможу, и всегда бѣдны мыслями, лишены созерцанія. Только одно созерцаніе сообщаетъ нѣкоторымъ его одамъ поэтическій колоритъ: это мысль о преходящности всего въ мірѣ, о паденіи героевъ, царствъ и народовъ, смываемыхъ съ лица земли волнами всепоглощающаго океана времени... Да, *дума* Державина объ этомъ предметѣ иногда грустна и полна величія и поэзіи, и нигдѣ не выразилъ онъ ее съ такою полнотою и силою, какъ въ своей прекрасной «Одѣ на смерть Мещерскаго»:

Ни что отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;

Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безжалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Тутъ есть поэзія, потому-что есть мысль, не изъ головы выскочившая въ одно прекрасное утро, когда хозяинъ этой головы, сидя въ халатѣ, пилъ чай и курилъ трубку, но вышедшая изъ глубоко-потрясенной натуры, въ страданіи рожденная изъ судорожно-сжавшагося сердца... Особенно-яркою характеристикою вѣка дышитъ этотъ куплетъ:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жь онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

XVIII вѣкъ слишкомъ игралъ жизнію, слишкомъ-легко смотрѣлъ на нее; роскошь, прохлады и нѣги были его стихіею: потому удивительно ли, что только смерть человѣка, а не причина и слѣдствіе ея заставляли призадумываться этихъ вѣтреныхъ, легкомысленныхъ дѣтей XVIII вѣка? На пиру грянулъ громъ—веселые гости смутились; передъ ними бездыханный трупъ «сына роскоши, прохладъ и нѣгъ», слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, человѣка, котораго смерть не должна бы посмѣть коснуться... Но *и онъ* мертвъ — *что же* послѣ этого смѣетъ надѣяться на жизнь? эта мысль леденитъ кровь въ ихъ жилахъ, и изъ груди ихъ, сжатой страшнымъ призракомъ смерти, вырывается болѣзненный вопль: «О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Вотъ трагическая сторона XVIII вѣка, который больше всѣхъ золъ въ мірѣ боялся смерти, — и Державинъ безсознательно, но превосходно выразилъ эту мысль. Однакожь она у него не вездѣ одинаково-хорошо выражена, всегда вертится около самой-себя, не двигаясь впередъ, подобно колесцу вентилатора, и оттого утомляетъ читателя однообразнымъ шумомъ своихъ оборотовъ. Кромѣ же этой мысли, я другихъ не знаю у Державина; а согласитесь, что странно представить себѣ поэзію, которая вся вращается на одной, и притомъ лишенной внутренняго движенія мысли... Что же до его торжественныхъ одъ,—и въ нихъ есть смѣлые обороты, яркіе проблески *державинской* поэзіи; но онѣ невообразимо-длинны, а это очень невыгодное обстоятельство въ лирической и особенно — «торжественной» поэзіи: при длиннотѣ, скука побѣдитъ всякую по-

эзію; потомъ, онѣ преисполнены враждебнаго для поэзіи элемента — реторики, натянуты, неестественны, дурно концепированы, а главное—лишены и тѣни какого бы то ни было содержанія. Притомъ же и событія, подавшія поводъ къ сочиненію этихъ одъ, были особенно-важны только для своего времени: наше время совершенно къ нимъ холодно, потому-что его интересы стали и пошире, и поглубже, и почеловѣчнѣе. Два стихотворенія Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина» совершенно уничтожаютъ всѣ многочисленныя торжественныя оды Державина.

Сверхъ «Оды на Смерть Мещерскаго», я высоко ставлю еще его «Водопадъ». Въ этой пьесѣ съ особенною выпуклостію и рѣзкостію проявились всѣ достоинства и недостатки поэзіи Державина. Въ ней особенно замѣтенъ этотъ полетъ, составляющій характеристическую черту державинской поэзіи; глубокая и торжественная дума лежитъ въ ея основаніи; смѣлость и оригинальность образовъ и картинъ доходитъ въ ней часто до высокаго; въ ней—

Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подземныхъ.
. . . . . .
Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ конхъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Духъ читателя настроенъ фантастически и ожидаетъ чудесъ—

Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщій гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.
Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица враповъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала;
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Но особенно люблю я «Водопадъ» за героя, котораго дивная судьба при жизни и дивная смерть среди степи, подъ походнымъ плащомъ, вдохновила Державина. Много величавыхъ образовъ украшаетъ блестящій вѣкъ Екатерины Великой; но Потемкинъ всѣхъ ихъ заслоняетъ въ глазахъ потомства своею колоссальною фигурою. Его и теперь все такъ же не понимаютъ, какъ не понимали тогда: видятъ счастливаго временщика, сына случая, гордаго вельможу,— и не видятъ сына судьбы, великаго человѣка, умомъ завоевавшаго свое безмѣрное счастіе, а геніемъ доказавшаго свои права на него. Потемкинъ—это одна изъ тѣхъ титанскихъ натуръ, которыхъ душа вѣчно пожирается ничѣмъ-

неудовлетворяемою жаждою дѣятельности,—для которыхъ перестать дѣйствовать значитъ перестать жить,—которымъ, завоевавъ землю, надо дѣлать высадку на луну или умирать...

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ,
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ,—ихъ шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Колоссальный образъ Потемкина съ ногъ до головы облитъ поэзіею; Державинъ понялъ это,—и «Водопадъ» самая высокая, самая поэтическая пѣснь его.

Однакожь, смѣлая концепція этой пѣсни неудачна въ цѣломъ, и блеститъ только частностями; все сочиненіе растянуто; лучшія мѣста прерываются реторикою; желаніе сказать какую-нибудь любимую мысль, которая не выходитъ изъ предъидущаго и не вяжется съ послѣдующимъ, привело множество лишнихъ стиховъ только для внѣшней связи; безпрестанно загорающееся огнемъ поэзіи чувство читателя безпрестанно охлаждается водою общихъ реторическихъ мѣстъ; прекрасные стихи смѣняются дурными, счастливые обороты—ничтожными выраженіями,—и въ цѣломъ, эта поэма только истомитъ и измучитъ читателя, а не усладитъ его полнымъ, яснымъ восторгомъ...

Я особенно дорожу тѣми одами Державина, въ которыхъ выражена вельможная и барская жизнь на-распашку—единственная, хотя и относительно-поэтическая жизнь того времени. Поэзія всегда вѣрна исторіи, потому-что исторія есть почва поэзіи. Я сказалъ, что вельможество было единственнымъ образованнымъ сословіемъ того времени,—и это не могло не отразиться въ поэзіи Державина, давъ ей, хоть и бѣдное и одностороннее, содержаніе. Такія оды его, какъ «къ Первому Сосѣду», «къ Второму Сосѣду», «Гостю»—принадлежатъ къ числу лучшихъ его одъ. Но еще интереснѣе тѣ изъ нихъ, которыя блещутъ картинами русской природы. Его русская осень гораздо-лучше весны, а зима весело блеститъ яркою бѣлизною снѣговъ и пушистаго инея... Сѣдая чародѣйка, она машетъ косматымъ рукавомъ, сыпля снѣгъ, морозъ и иней, претворяя воды въ льды; въ поляхъ воютъ голодные волки; олень уходитъ на мшистыя тундры, медвѣдь ложится въ свое логовище... А румяная осень?—

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ,
Шумящи красно-желты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ, посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги;
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ...

Да, Державинъ сочувствовалъ русской осенней и зимней природѣ,—и это сочувствіе, какъ наслѣдіе, перешло отъ него къ Пушкину. Но что у Пушкина является апоѳеозомъ, то у Державина есть только элементъ, начало чего-то, зерно еще неразвившееся въ растеніе и цвѣтъ. Великую приноситъ Державину честь, что онъ въ одѣ, гдѣ говорится объ осадѣ Очакова и Потемкинѣ, дерзнулъ, вопреки всѣмъ понятіямъ того времени о благородной и украшенной природѣ въ искусствѣ, говорить о зайцахъ, о голодныхъ волкахъ, о медвѣдяхъ, о русскомъ мужикѣ и его добрыхъ щахъ и пивѣ, дерзнулъ назвать зиму сѣдою чародѣйкой, которая машетъ *косматымъ* рукавомъ: это показываетъ, что онъ одаренъ былъ сильными и самостоятельными элементами поэзіи, которымъ, однакожь, нельзя было развиться во что-нибудь опредѣленное и суждено было остаться только элементами, по отсутствію содержанія, еще невыработаннаго общественною жизнію, по неимѣнію литературнаго, поэтическаго, разговорнаго и всякаго языка, и по кривымъ понятіямъ объ искусствѣ—не только у насъ, но и въ самой Европѣ, гдѣ XVIII вѣкъ вообще былъ неблагопріятенъ поэзіи. Конечно, во всемъ этомъ Державинъ нисколько не виноватъ, я и не виню его: говорю только, что ему можно удивляться, его должно изучать, но что нѣтъ никакой возможности читать его для наслажденія поэзіею, и что его произведенія, будучи важнымъ фактомъ для эстетики, теперь составляютъ въ сферѣ поэзіи совершенно-мертвый капиталъ. Возьмемъ даже его «Осень во время осады Очакова», тѣ самыя прекрасныя картины осени и зимы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Онѣ преисполнены самыхъ прозаическихъ обмолвокъ, или блестокъ «облагороженной и украшенной природы»: послѣ щей и пива, у него крестьянинъ, подобно какому-нибудь менестрелю, *поетъ блаженство своихъ дней*; отъ хладнаго дыханія зимы, *цѣпенѣетъ взоръ природы, небесный Марсъ оставляетъ громы, и ложится отдыхать въ туманы, сельскія Нимфы* (т. е. деревенскія дѣвки въ лаптяхъ, если не босикомъ) перестаютъ пѣть въ хороводахъ... Я ужь не говорю о томъ, что въ этой одѣ нѣтъ ни единства мысли, ни единства ощущенія; что она не составляетъ ничего общаго, переполнена реторикою, богата дурными стихами, неточными выраженіями, на которыхъ безпрестанно спотыкается встревоженное чувство: это общая и наобходимая принадлежность, существенное качество каждаго стихотворенія Державина. И насъ хотятъ заставить читать его, для услажденія себя поэзіею!.. Поэзія есть искусство, художество, изящная форма истинныхъ идей и вѣрныхъ (а не фальшивыхъ) ощущеній: поэтому, часто одно слово, одно неточное выраженіе портитъ все поэтическое произведеніе, разрушая цѣлость впечатлѣнія. Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизустъ, и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейдти въ міръ поэзіи Пушкина, столь свѣтлой, ясной, прозрачной, *опредѣленной*, возвышенно-свободной, безъ напряженности, полной содержанія, и потому вызывающей изъ души читателя всѣ чувства, даже такія, которыхъ возможности

онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ, заставляющей *вглядываться* и *вдумываться* въ природу, въ жизнь и во внутреннее, тайное святилище собственной души,—наконецъ, поэзіи, столь гармонической и художественной. Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго державинскою поэзіею на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ-простою, слишкомъ-кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко-вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи. И эта сила дѣтскихъ впечатлѣній имѣетъ свою причину въ богатствѣ и могуществѣ поэтическихъ элементовъ, какими одаренъ былъ отъ природы Державинъ. Родись этотъ человѣкъ въ благопріятное для поэзіи время,—можетъ быть, онъ былъ бы великимъ поэтомъ, и вѣкамъ завѣщалъ бы свои могучія и полетистыя вдохновенія; но судьба велѣла ему быть *первою ступенью* рождающейся въ народѣ поэзіи,—и вотъ едва прошло двадцать-пять лѣтъ послѣ его смерти, а его уже никто не читаетъ, и только безотчетно, на-вѣру и по преданіямъ, восторгаются имъ... Повторяю: я поставилъ бы долгомъ и обязанностію всякому юношѣ не только прочесть—даже изучить Державина, какъ великій фактъ въ исторіи русской литературы, языка и эстетическаго образованія общества; но никому не возьмусь совѣтовать читать Державина для эстетическаго наслажденія: я знаю напередъ, что мой совѣтъ пропалъ бы втунѣ послѣ первой прочитанной оды, или послѣ первыхъ стиховъ ея. Воля ваша, я такъ же не умѣю представить женщину съ Державинымъ въ рукахъ, какъ Пушкинъ не умѣлъ ее представить себѣ съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ. Знаю, что со мною многіе согласятся, но съ насмѣшливою улыбкою, которая будетъ не очень любезна въ отношеніи къ дамамъ; но, право, пора бы намъ оставить этотъ *мусульманскій* взглядъ на женщину, и въ справедливомъ смиреніи сознаться, что наши женщины едва-ли не умнѣе нашихъ мужчинъ, хоть эти господа и превосходятъ ихъ въ учености. Кто первый, вопреки школьнымъ предразсудкамъ, живымъ, непосредственнымъ чувствомъ оцѣнилъ поэзію Жуковскаго?—женщины. Пока наши романтики подводили поэзію Пушкина подъ новую теорію и отстаивали ее отъ незаслуживавшихъ вниманія педантовъ-классиковъ,—женщины наши уже заучили наизустъ стихи Пушкина. Мнѣніе, что женщина годна только рождать и няньчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать, да почитывать легонькіе пустячки—это истинно киргизъ-кайсацкое мнѣніе! [6]) Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мужчиной въ дарахъ высшей духовной жизни,—и если она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія,—этому причиною не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріальной силы мужчины, полу-варварское, немного во-

сточное устройство общества, и сахарное, аркадское воспитаніе, которое дается женщинѣ... Но вѣкъ идетъ, идеи движутся, и варварство начинаетъ колебаться: женщина уже сознаётъ свои права человѣческія, и блистательными подвигами доказываетъ гордому мужчинѣ, что и она тоже дочь неба, какъ и онъ сынъ неба... Кому неизвѣстны имена Бетины и Рахели [7]), которыхъ глубокія натуры отъ всякаго прикосновенія къ нимъ жизни издавали изъ себя электрическія искры откровенія тайнъ духа? Кому неизвѣстно имя геніальной Жоржъ Зандъ? Недавно, въ Англіи вышла книга миссъ Джемсонъ—«Характеры Шекспировскихъ Женщинъ», *изумившая* ученую и философскую Германію силою и глубиною анализа сокровенной души женщины, вѣрнымъ и мощнымъ постиженіемъ величайшаго поэта въ мірѣ, вдохновенныхъ, поэтическимъ и, въ то же время, полнымъ мысли и опредѣлительности изложеніемъ [8]). Недавно вышла въ Германіи книга «Миѳологія Грековъ и Римлянъ»—плодъ глубочайшаго изученія древности, книга столь же глубоко-философская, сколько и высоко-поэтическая: авторъ этой книги—женщина, *Тинетта Гомбергъ*... У насъ еще такъ недавно начали появляться истинно-ученые мужчины—слѣдовательно, намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ и Гомбергъ; но и наша литература можетъ по справедливости гордиться многими женскими именами (если она ужь гордится *столь многими* мужскими), изъ которыхъ особенно замѣчательны—графиня Сара Толстая и неизвѣстная дама, авторъ многихъ превосходныхъ повѣстей, подписывающаяся *Зенеидою Р—вою*... [9]) И такъ, если женщины понимаютъ глубоко Шекспира и Гомера, то я, право, не вижу, почему бы онѣ не могли понимать Державина... А между-тѣмъ, онѣ точно его не понимаютъ и никогда не будутъ читать, особенно видя, что и мужчины давно уже отказались отъ этого удовольствія...

Б.—Я понимаю вашъ взглядъ на Державина, и каковъ бы онъ ни былъ въ-самомъ-дѣлѣ, но я увѣренъ, что во многомъ не могутъ не согласиться съ вами самые ожесточенные поклонники старины. Но послѣ такого взгляда на Державина, я уже боюсь предложить вамъ фонъ-Визина...

А.—Напрасно: этому писателю я не только всегда дамъ почетное мѣсто на полкѣ моего небогатаго русскими книгами шкапа, но и не откажусь подчасъ и перелистовать и перечесть его, сколько для историческаго изученія, столько и для удовольствія. Вмѣстѣ съ Державинымъ, фонъ-Визинъ есть полное выраженіе екатерининскаго времени. Смѣшно, когда хотятъ дѣлать изъ него поэта и комика; но, какъ писатель, онъ безцѣненъ. Что бы вы ни читали въ немъ,—комедіи ли его, забавное ли и злое посланіе его къ Шумилову, письма ли изъ-за границы, исповѣдь ли, вопросы ли—вездѣ видите умнаго и остраго человѣка, тонкаго наблюдателя, живую исторію своего времени. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, имѣя значеніе въ своей литературѣ, не совсѣмъ бы утратили его и въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ. Что до его поэзіи, онъ невиненъ въ ней. Въ комедіяхъ его нѣтъ ничего идеальнаго, а слѣдовательно, и творческаго: характеры дураковъ въ

нихъ—вѣрные и ловкіе списки съ каррикатуръ тогдашней дѣйствительности; характеры умныхъ и добродѣтельныхъ—реторическія сентенціи, образы безъ лицъ; юморъ его комедій довольно легокъ и мелокъ: онъ ищетъ больше смѣшнаго и каррикатурнаго, чѣмъ комическаго и характернаго. Но при всемъ томъ «Недоросль» и «Бригадиръ», уже согнанные съ театра, никогда не будутъ изгнаны ни изъ исторіи русской литературы, ни изъ библіотекъ *порядочныхъ людей*. Не будучи комедіями въ художественномъ значеніи, онѣ—прекрасныя произведенія бельлетрической литературы, драгоцѣнныя лѣтописи общественности того времени. «Дворянскіе Выборы» были сколкомъ съ комедій фонъ-Визина, и въ достоинствахъ и недостаткахъ, но *скалывать* и *изобрѣтать* двѣ вещи розныя; притомъ же, все хорошо въ свое время,—и честь и слава уму и таланту фонъ-Визина, что онъ угадалъ, что̀ можно и что̀ нужно было въ его время...

Б.—Вотъ мы съ вами и переговорили о цѣломъ періодѣ русской литературы. Конечно, надо согласиться, что немного потратишь времени на прочтеніе всего, что̀ произвелъ этотъ періодъ.

А.—Слѣдующій будетъ несравненно-богаче; только необходимо надо строго опредѣлять степень этого богатства, относительную или безусловную цѣнность частностей, изъ которыхъ состоитъ его цѣнность. А то—чего добраго!—вообразимъ себя такими богачами, что положась, конечно на большое и уже прожитое богатство, и не увидимъ, какъ прійдется по міру идти.

Б.—Интересно мнѣ, что вы скажете о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, начавшихъ собою второй періодъ нашей литературы. Вѣроятно, ихъ еще можно читать и перечитывать?...

А.—Прежде всего, надо замѣтить, что Карамзинъ не ро́вня Дмитріеву. Дмитріевъ написалъ очень небольшую книгу стиховъ, и надо, чтобъ въ стихахъ такой книги было слишкомъ-много поэзіи, чтобъ ее читали въ наше время... Но ея не читаютъ уже лѣтъ двадцать, а въ наше время немногіе даже знакомы съ ней, и то не лично, а по слухамъ, по рекомендаціи учителей словесности и по литературнымъ адрес-календарямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «исторіи русской литературы»... И Дмитріевъ въ-самомъ-дѣлѣ—примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я очень любилъ его въ дѣтствѣ, и отъ-души благодаренъ ему за пользу и удовольствіе, которыя принесли мнѣ его стихотворенія въ мои дѣтскіе годы. Впрочемъ, басни и сказки Дмитріева и теперь еще могутъ доставлять дѣтямъ пользу и удовольствіе; если же будутъ для нихъ вредны, то развѣ со стороны своей негармонической и непоэтической версификаціи; но его оды и пѣсни теперь не годятся ни для дѣтей, ни для стариковъ—ихъ время давно прошло! А въ свое время онѣ были прекрасны, распространяли въ обществѣ охоту къ чтенію, пріучали публику къ благороднымъ наслажденіямъ ума, доставляли ей возвышенное удовольствіе. Но это все-таки не мѣшало Дмитріеву не быть поэтомъ, не имѣть ни фантазіи, ни чувства: онѣ замѣнялись у него умомъ и ловкостію. Русская версификація въ

стихахъ Дмитріева сдѣлала значительный шагъ впередъ: въ свое время они считались чрезвычайно-гладкими и гармоническими. Вообще, стихи Дмитріева гораздо лучше стиховъ Карамзина. Дмитріева можно назвать *сотрудникомъ* и помощникомъ Карамзина въ дѣлѣ преобразованія русскаго языка и русской литературы: что́ Карамзинъ дѣлалъ въ-отношеніи къ прозѣ, то Дмитріевъ дѣлалъ въ-отношеніи къ стихотворству. Но проза тогда была важнѣе стиховъ, и потому заслуги Карамзина уничтожаютъ собою заслугу Дмитріева: между ними нѣтъ ни сравненія, ни параллели въ этомъ отношеніи. Карамзинъ *первый* родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику [10]); съ него перваго должно полагать начало русской литературы не какъ школьнаго, «ученаго» занятія, но какъ предмета живаго интереса со стороны общества. Правда, этотъ живой интересъ былъ еще довольно апатиченъ, а ограниченное число читателей не могло назваться публикою; но что́ же и теперь у насъ за публика? а между-тѣмъ, теперешняя публика и огромна и образована въ-сравненіи съ тою публикою; безъ той публики не было бы и теперешней. Поэтому, дѣло Карамзина—великій подвигъ, вполнѣ достойный того, чтобъ наше время обезсмертило его монументомъ. Карамзинъ явился преобразователемъ языка и стилистики. Въ обществѣ бродили уже новыя идеи, для выраженія которыхъ не доставало въ русскомъ языкѣ ни словъ, ни оборотовъ. Карамзинъ улегитимировалъ своимъ талантомъ употребленіе вошедшихъ и входившихъ въ русскій языкъ словъ, и ввелъ совершенно новыя не только иностранныя, но и русскія слова, какъ напр. «промышленность». Карамзина обвиняютъ въ растлѣніи чужестранными словами и оборотами, преимущественно галлицизмами, дѣвственности русскаго языка. Но эти люди забываютъ, что тогда не было никакого русскаго языка, и что латино-славянская проза Ломоносова и Хераскова гораздо-меньше была русскимъ языкомъ, чѣмъ проза не только Карамзина, но и самыхъ неловкихъ его подражателей, отчаянныхъ галломановъ. Карамзинъ началъ писать языкомъ общества, тѣмъ самымъ, которымъ всѣ говорили; но, разумѣется, идеализировалъ его, потому-что письменный языкъ—искусственный, какъ бы ни былъ онъ естественъ, простъ, живъ и свободенъ. Карамзинъ явился въ самое время съ своею реформою: тогда всѣ чувствовали ея необходимость,—большинство безсознательно, избранники сознательно: доказательствомъ перваго служитъ общій восторгъ, съ какимъ были приняты первые опыты Карамзина; а доказательствомъ втораго можетъ служить *Макаровъ,* современникъ Карамзина, талантливый литераторъ, въ одно время съ Карамзинымъ, и совершенно независимо отъ него, писавшій такою же прекрасною прозою [11]). Не смотря на то, что духъ времени былъ за Карамзина, знаменитому реформатору нужна была большая сила характера, или большая разсчетливость, чтобъ не смущаться толками и воплями литературныхъ старовѣровъ. Въ самомъ-дѣлѣ, потребна была большая рѣшимость, чтобъ изъ міра натянутой эпохи въ родѣ «Каина и Гармоніи» низпуститься въ міръ любви и горестей какой-нибудь «Бѣдной Лизы», ко-

торая не имѣла чести быть даже простою дворянкою. Въ лицѣ Карамзина, русская литература въ первый разъ сошла на землю съ ходуль, на которыя поставилъ ее Ломоносовъ. Конечно, въ «Бѣдной Лизѣ» и другихъ чувствительныхъ повѣстяхъ не было ни слѣда, ни признака обще-человѣческихъ интересовъ; но въ нихъ есть интересы просто человѣческіе—интересы сердца и души. Въ повѣстяхъ Карамзина, русская публика въ первый разъ увидѣла на русскомъ языкѣ имена *любви*, *дружбы*, *радости*, *разлуки*, и пр. не какъ пустыя, отвлеченныя понятія и реторическія фигуры, но какъ слова, находящія себѣ отзывъ въ душѣ читателя. Такъ-какъ это было въ первый разъ, всѣ эти чувства, нѣжныя до слабости, умѣренныя до блѣдной безцвѣтности, сладкія до приторности, были приняты за глубокое проникновеніе въ духовную натуру человѣка. Карамзинъ засталъ XVIII вѣкъ на его исходѣ, и взялъ отъ него только пастушескую сладость чувствъ, мадригальную силу страстей. И хорошо, что это случилось такъ, а не иначе: если бы его сочиненія были выраженіемъ болѣе глубокаго содержанія, или хоть какого-нибудь содержанія,—онѣ плодотворно дѣйствовали бы на немногія благодатныя натуры, масса не замѣтила бы ихъ, и Карамзинъ не создалъ бы публики, не приготовилъ бы возможности существованія русской литературы. Чувство и чувствительность—не одно и то же: можно быть чувствительнымъ, не имѣя чувства; но нельзя не быть чувствительнымъ, будучи человѣкомъ съ чувствомъ. Чувствительность ниже чувства, потому-что она болѣе зависитъ отъ организаціи, тогда-какъ чувство болѣе относится къ духу. Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, приторная, есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры: такая чувствительность очень хорошо выражается словомъ «сантиментальность». Однакожъ, будучи не совсѣмъ завиднымъ качествомъ, и сантиментальность лучше одеревенѣлаго состоянія въ грубой корѣ животной естественности, — и потому, въ массѣ тогдашняго общества, прежде всего должно было пробудить сантиментальность, какъ первый выходъ изъ одеревенѣлости. Европейская сантиментальность, составлявшая одну изъ заднихъ сторонъ XVIII вѣка, и привитая Карамзинымъ къ русской литературѣ, была смягчающимъ средствомъ для современнаго ему общества, мало знакомаго съ грамотою. Многіе нападаютъ на жидкость содержанія въ «Письмахъ Русскаго Путешественника»: я такъ не вижу въ нихъ равно никакого содержанія, и потому самому уважаю ихъ. Еслибы Карамзинъ сдѣлалъ изъ нихъ вѣрную картину нравственнаго состоянія Европы въ то время, а не знакомилъ бы съ однѣми внѣшностями европейской цивилизаціи и дорожными случайностями,—его путешествіе почти ни на кого не подѣйствовало бы. Карамзинъ, въ своихъ письмахъ, вездѣ обнаруживаетъ симпатію къ реформѣ Петра и антипатію къ длиннобородой старинѣ: чувство вѣрное, но мотивы его не довольно-глубоки! Для Карамзина, европеизмъ состоялъ въ однихъ удобствахъ образованной жизни: больше онъ ничего не предвидѣлъ въ этомъ величайшемъ вопросѣ, въ которомъ заключается вся судьба человѣчества. Но потому-то путешествіе Карамзина и было такъ понятно для публики, такъ восхитило ее

и произвело такое сильное и такое благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей тогдашняго общества. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ должно смотрѣть на Карамзина. Едва-ли кто больше его принесъ пользы русской литературѣ (замѣтьте: не поэзіи, не искусству, не наукѣ,—а литературѣ) и едва-ли кто менѣе можетъ быть читаемъ въ наше время, какъ онъ. Державина нельзя читать, но—должно изучать: о сочиненіяхъ Карамзина нельзя сказать и этого. Чуждыя всякаго содержанія, они не могутъ быть переведены ни на какой европейскій языкъ: что бы нашла въ нихъ Европа, изъ чего бы поняла она въ нихъ, что онъ — великій писатель?.. Чуждыя нашему времени по формѣ, т. е. по самому языку своему, составляющему торжество классной стилистики— кѣмъ они будутъ читаться въ наше время, если не людьми, для которыхъ «Бѣдная Лиза» можетъ быть первою прочитанною ими повѣстью? Между-тѣмъ, безъ Карамзина исторія нашей литературы не имѣетъ смысла; имя его велико, заслуги безсмертны, но творенія его, какъ важныя и необходимыя только для современной ему эпохи, дошедъ до своей апогеи [12]), обвитыя лаврами побѣды, безмолвно и безтревожно покоятся теперь въ своей лучезарной славѣ...

Б.—Но вы говорите только о мелкихъ трудахъ Карамзина; а вѣдь онъ написалъ «Исторію Государства Россійскаго»...

А—Не написалъ, а только хотѣлъ написать, но не успѣлъ кончить и предисловія. *Государство Россійское* началось съ творца его—Петра-Великаго, до появленія котораго оно было младенецъ, хотя и младенецъ-Алкидъ, душившій змѣй въ колыбели; но кто же пишетъ *исторію* младенца! О младенчествѣ великаго человѣка упоминается, и то мимоходомъ, только въ предисловіи или введеніи въ его исторію [13]). Содержаніе исторіи составляетъ таинственная психея народа, дающая чувствовать свое животворное присутствіе во внѣшнихъ событіяхъ; но событія сами-по-себѣ еще не составляютъ исторіи, какъ бы красно ни были они разсказаны. Педанты нападали на Карамзина за промахи противъ лѣтописей, за мелочныя ошибки въ фактахъ: нелѣпое обвиненіе! Умъ цѣпенѣетъ передъ огромностью подвига, совершеннаго Карамзинымъ: онъ писалъ исторію, онъ же и разработывалъ рѣшительно-нетронутые матеріалы для нея. Что было сдѣлано до него по части исторической критики документовъ? — Ничего: Шлецеръ и другіе были заняты преимущественно вопросомъ о происхожденіи Руси, который и теперь еще не рѣшенъ. Даже текстъ Нестора и теперь еще не возстановленъ и не очищенъ; что сдѣлалъ для него Шлецеръ, тѣмъ и теперь еще пробавляются наши «учёные» [14]). И такъ, Карамзинъ работалъ за десятерыхъ,—и его примѣчанія къ «Исторіи Государства Россійскаго» едва-ли еще не драгоцѣннѣе самого текста... И при такомъ трудѣ нападать на мелкія фактическія ошибки! Не въ нихъ, а въ идеѣ все дѣло; и вотъ съ этой-то стороны еще никто и не взглянулъ на великое твореніе Карамзина. Правда, нѣкоторые [15]) *очень основательно* упрекали Карамзина, что онъ былъ незнакомъ съ идеями Гизо, Тьерри, Баранта и другихъ, *послѣ* него явившихся историковъ; но я, право, не вижу ника-

кого отношенія русской исторіи къ исторіи образованія европейскихъ государствъ. У насъ даже написано по этимъ идеямъ начало «Исторіи Русскаго Народа»; но уже самое заглавіе этой исторіи, или заглавіе начала этой исторіи, показываетъ ея внутреннее достоинство, равно какъ и то, какъ далеко обогнала она въ идеяхъ исторію Карамзина: тамъ *государство*, которое только готовилось быть, но котораго еще не было; а тутъ *народъ*, который не сознавалъ еще своего существованія [16]). Изъ баснословнаго періода Руси Карамзинъ сдѣлалъ эпическую поэму въ духѣ XVIII вѣка, и то, чего не достало бы на десять страничекъ, растянулъ на томы. Уставши отъ безплоднаго описанія періода междоусобій и ужасовъ татарщины, онъ думалъ отдохнуть, принимаясь за 6-й томъ. «Отселѣ — говоритъ онъ—исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной»; но кому, даже и прежде Карамзина, не только послѣ его, не было извѣстно, что слова «натріархальность» и «государственность» не одно и то же? Что же касается до насъ, живущихъ послѣ Карамзина, — мы читали на этотъ счетъ превосходное политическое сочиненіе подьячаго XVII вѣка, Кошихина, и потому уже не можемъ довольствоваться понятіемъ Карамзина о «государственности». Нѣчего уже говорить о томъ, что Карамзинъ невѣрно смотрѣлъ на Грознаго и на другія историческія лица. Но если наше время все это можетъ понимать вѣрнѣе Карамзина, этимъ оно обязано все-таки Карамзину же, потому-что, безъ его исторіи, мы не имѣли бы никакихъ данныхъ для сужденій. До-сихъ-поръ, ни одна попытка написать исторію Россіи не только не помрачила великаго творенія Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при немъ... И мы до-тѣхъ-поръ не будемъ имѣть настоящей исторіи Россіи, пока исторія Карамзина не перестанетъ быть читаемою, а ее еще долго-долго будутъ читать... Что же касается до меня собственно, — я прочелъ уже ее, и даже не одинъ разъ: и потому теперь она не можетъ увеличить моей «библіотеки *для чтенія*» (не для справокъ), т. е. того, что я называю литературою и отвѣтомъ на вопросъ: «Да гдѣ жь онѣ? давайте ихъ!»

Б.—Я вамъ упомянулъ бы о Крыловѣ; но вѣдь вы и его читали...

А.—И никогда не перестану читать. Собраніе его басень есть капитальная книга русской литературы. Это нашъ единственный баснописецъ: по-крайней-мѣрѣ, другихъ я не знаю, да и знать не хочу, что бы мнѣ ни говорили о Хемницерѣ и Дмитріевѣ... Достоинство басень Крылова безусловно и не зависитъ ни отъ времени, ни отъ моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будетъ умножаться годъ-отъ-году, въ безконечность. Мѣсто, которое онъ долженъ занимать между другими нашими поэтами, должно быть опредѣлено вопросомъ: какое мѣсто занимаетъ басня въ кругу прочихъ родовъ поэзіи? Рѣшеніе этого вопроса очень не трудно въ наше время...

Б.—Озеровъ...

А.—Очень примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я люблю его особенно за то, что онъ своими трагедіями такъ ясно и опредѣлительно рѣшилъ вопросъ о псевдо-классической драмѣ... Благодаря ему, теперь нѣчего

и спорить объ этомъ предметѣ: не дѣлайте возраженій, а только попросите прочесть или посмотрѣть на театрѣ «Эдипа въ Аѳинахъ», «Фингала», или «Поликсену» (о «Донскомъ» уже никто не будетъ говорить—все равно, какъ о «Хоревѣ»)... Роль драмы, въ которомъ упражнялся Озеровъ, уже самъ-по-себѣ есть отрицаніе всякой поэзіи, натянутость, неестественность и скука... Но если трагедіи Озерова будете разсматривать и относительно, — то и тогда увидите въ нихъ, конечно, большой успѣхъ, но только успѣхъ вкуса и языка, а не поэзіи, не искусства, и притомъ успѣхъ только сравнительно съ трагедіями Сумарокова и Княжнина. Въ трагедіяхъ Озерова нѣтъ глубокаго чувства, и вообще въ нихъ больше чувствительности, чѣмъ какого-нибудь чувства, а пафосъ замѣненъ или раздражительностію, или высокопарностію. Озеровъ по-преимуществу принадлежитъ къ карамзинской школѣ: онъ усвоилъ себѣ всѣ ея элементы — и расплывающуюся, слезливую раздражительность чувствительности, и искусственную красоту стилистики. Къ этому должно присовокупить еще реторическую восторженность, запятую имъ у его французскихъ образцовъ. Впрочемъ, карамзинская школа, въ лицѣ Озерова, сдѣлала большой шагъ впередъ: въ чувствительности Озерова больше силы, упругости и жизни; это что-то среднее между чувствительностію и чувствомъ, какъ-бы переходъ отъ чувствительности къ чувству. Вообще, громкая слава и восторгъ современниковъ были справедливою, вполнѣ заслуженною данью дарованіямъ Озерова, и исторія русской литературы всегда дастъ ему почетное мѣсто на своихъ страницахъ, хоть его никто уже и не читаетъ и не будетъ читать, кромѣ людей, исторически изучающихъ литературу: для нихъ Озеровъ всегда останется интереснымъ явленіемъ.

Б.—Ваше мнѣніе объ Озеровѣ ново и оригинально,—и я думаю...

А.—Напротивъ, мое мнѣніе объ Озеровѣ и не ново и не оригинально: всѣ такъ думаютъ о немъ, но не всѣ такъ говорятъ. Въ нашей критикѣ, и особенно въ нашихъ учебникахъ, замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонство живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно, — а говорятъ другое. Иной господинъ ни разу не прочелъ, напримѣръ, Ломоносова, и помнитъ изъ него развѣ знаменитую строфу: «науки юношей питаютъ», которую невольно заучилъ въ дѣтствѣ, а начнетъ писать о Ломоносовѣ— такъ и посыплются у него слова: *русскій Пиндаръ, высокое пареніе, торжественность, сила* и пр. и пр. Такъ повторяются у насъ до-спхъ-поръ пустыя фразы и о Державинѣ: *потомокъ Багрима, сѣверный бардъ, пѣвецъ Фелицы, алмазы, яхонты, сапфиры*, и т. п. Впрочемъ, если наша публика, вмѣсто критики, часто читаетъ или похвальныя слова, или плоскую брань,—въ этомъ отчасти она сама виновата: скажите хоть слово противъ «знаменитаго» писателя, котораго, впрочемъ, вы сами высоко цѣните, — тотчасъ: «Ахъ, какое неуваженіе! помилуйте; *оно, конечно, правда, но какъ это можно, и къ-чему это?...*» У насъ ужъ такъ привыкли смотрѣть на критику: коли хвалитъ, такъ хвали; коли бранитъ, такъ только держись! Тутъ,

по-неволѣ, иной разъ припомнишь стихъ Крылова: «Да, спрашивай ты толку у звѣрей»... Главная причина этому,—дѣтскость образованія: никто не хочетъ мыслить, а всѣ только хотятъ читать. Требуютъ, чтобъ критикъ не опредѣлилъ достоинство писателя, а расхвалилъ или разбранилъ его, и если статья состоитъ не изъ однѣхъ похвалъ, если авторъ не превозносится въ ней безусловно, говорятъ: «разругали»... Многимъ вы никакъ не растолкуете, что отъ противоположности сужденій объ авторѣ авторъ не дѣлается другимъ, все остается тѣмъ же, чѣмъ есть на-самомъ-дѣлѣ; но что только изъ противоположности сужденій возможенъ выводъ правильнаго и истиннаго сужденія объ авторѣ. Современники смотрятъ на автора такъ — потомки иначе: это еще не всегда значитъ, чтобъ они противорѣчили другъ другу; но часто значитъ только, что современники видѣли и цѣнили въ авторѣ одну сторону, исключительно удовлетворившую требованіямъ ихъ времени; а потомки, пресполненные новыхъ потребностей, сообразно съ духомъ *ихъ* времени, холодны и равнодушны къ сторонѣ автора, восхищавшей его современниковъ. Но эта холодность, это равнодушіе нисколько не уничтожаютъ заслугъ автора и его *историческаго* достоинства: его не будутъ читать, но всегда будутъ чествовать его имя, какъ представителя эпохи, какъ лицо историческое. На что жь тутъ сердиться и чѣмъ обижаться? Дѣтство и дѣтство—больше ничего! А право, пора бы уже перестать играть въ литературу, пора бы смотрѣть на нее посерьезнѣе... Конечно, тогда многіе «безсмертные» совсѣмъ умрутъ, *великіе* сдѣлаются только *знаменитыми*, или *замѣчательными*, знаменитые ничтожными; много сокровищъ обратится въ хламъ; но за то истинно-прекрасное вступитъ въ свои права, а пересыпанье изъ пустаго въ порожнее реторическими фразами и общими мѣстами—занятіе, конечно безвредное и невинное, но пустое и пошлое—замѣнится сужденіемъ и мышленіемъ... Но для этого необходима терпимость къ мнѣніямъ, необходимъ просторъ для убѣжденій. Всякій судитъ какъ можетъ и какъ умѣетъ; ошибка—не преступленіе, и несправедливое мнѣніе—не обида автору. Дѣло въ томъ, чтобъ мнѣніе было искренно и независимо отъ внѣшнихъ разсчетовъ, касалось не лицъ, а только ихъ сочиненій. Грустно подумать, что все, мною теперь сказанное, старо только въ книгахъ, а на дѣлѣ очень и очень ново, такъ-что долго еще будетъ повторяться съ разными варьяціями. Правда, у насъ всѣ, и говорящіе и пишущіе, повторяютъ это, но какъ общія мѣста, непмѣющія никакого отношенія къ дѣлу,—и только коснитесь авторитета умершаго автора—шумъ и толки: «да что! да какъ! да помилуйте!»; а о живомъ и не заикайтесь... Можетъ-быть, онъ и самъ не увидитъ ничего оскорбительнаго для себя въ вашемъ отзывѣ; но у него есть толпа почитателей, а толпа—всегда толпа: она не говоритъ, а кричитъ, не доказываетъ, а вопіетъ...

Б.—Все это правда; но я думаю, что тутъ надо винить не публику, а критиковъ, которые или не могутъ, или не смѣютъ «свое сужденіе имѣть» и отдѣлываются повтореніемъ фразъ, уже около ста лѣтъ всѣмъ надоѣдающихъ...

Но вѣдь мы съ вами говоримъ, а не пишемъ, такъ почему же вамъ не сказать, а мнѣ не послушать искренняго и—каково бы оно ни было—*своего*, а не чужаго мнѣнія, напримѣръ о Жуковскомъ и Батюшковѣ?...

А.—Вы не напрасно соединили эти два имени. Почти въ одно время явились они, какъ двѣ яркія звѣзды, на горизонтѣ нашей литературы, и дружно совершили по немъ свое, полное тихаго свѣта, шествіе, пока горестная судьба не остановила одну изъ нихъ на полу-дорогѣ, и не велѣла другой продолжать уже одинокій путь по новымъ и чуждымъ для нея пространствамъ, при ослѣпительномъ свѣтѣ вновь-взошедшаго солнца.... Жуковскій и Батюшковъ—оба поэты и оба прозаики; оба они двинули впередъ и версификацію и прозу русскую. Проза ихъ богаче содержаніемъ прозы Карамзина, а отъ-того кажется лучше и по формѣ своей, которая въ сущности не болѣе, какъ усовершенствованная стилистика Карамзина, чуждая своеобразнаго, національнаго колорита, и больше искусственная и щеголеватая, чѣмъ живая и сросшаяся съ своимъ содержаніемъ, какъ, напримѣръ, проза Пушкина и другихъ даровитыхъ писателей послѣдняго времени. Ученики побѣдили учителя: проза Жуковскаго и Батюшкова единодушно была признана «образцовою», и всѣ силились подражать ей... Въ наше время, уже никому не прійдетъ въ голову потратить столько труда, хлопотъ, времени, искусства и прекрасной прозы на повѣсти въ родѣ «Марьиной Рощи», или «Предславы и Добрыни», и если бы кто написалъ ихъ въ наше время, никто бы не сталъ читать... Это отъ-того, что въ наше время не дорожатъ однимъ языкомъ, а требуютъ «слога», разумѣя подъ этимъ словомъ живую, органическую соотвѣтственность формы съ содержаніемъ, и наоборотъ, умѣніе выразить мысль тѣмъ словомъ, тѣмъ оборотомъ, какіе требуются сущностію самой мысли, для которой всякое другое слово и другой оборотъ были бы неопредѣленны и неясны. Тогда «стилистика» годилась не для однихъ этюдовъ, но считалась искусствомъ, а этюды были не исключительнымъ упражненіемъ учениковъ, но и дѣломъ мастеровъ... Это очень естественно: чтобъ выучиться писать, надо сперва овладѣть формою; грамматика всегда предшествуетъ логикѣ. Наша литература была до Пушкина ученицею, особенно въ прозѣ: вотъ причина исключительнаго владычества стилистики, убитой Пушкинымъ и уступившей свое мѣсто «слогу». Со стороны поэзіи, заслуги Жуковскаго и Батюшкова были несравненно выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ со [17]) стороны прозы. Но здѣсь оба поэта совершенно расходятся и въ направленіи, и въ сущности, и въ результатахъ своей поэтической дѣятельности: Жуковскаго нельзя назвать «поэтомъ» въ смыслѣ свободной, творческой натуры, которая въ разнообразныхъ и роскошныхъ художественныхъ созданіяхъ исчерпываетъ самобытную, ей собственно сродную и принадлежащую сферу міросозерцанія. Оригинальныхъ произведеній Жуковскаго немного, да и тѣ нейдутъ ни въ какое сравненіе съ его же собственными переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Между его оригинальными произведеніями есть небольшія (величина въ лирическихъ произведеніяхъ часто есть признакъ

отсутствія поэзіи и присутствія реторики,—отсутствія мысли и присутствія разсужденій), проникнутыя чувствомъ, плѣняющія мелодіею звуковъ, красивостію стиховъ, звучностію и яркостію языка, но чуждыя художественной формы. Самое чувство ихъ однообразно-уныло и нерѣдко походитъ на чувствительность. Что же касается до его большихъ лирическихъ произведеній, какъ-то: многочисленныхъ посланій, «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣвца на Кремлѣ», «Пѣсни Барда надъ гробомъ Словянъ-побѣдителей», «Отчета о лунѣ», «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», «Вадима» и пр., ихъ можно считать образцами изящной реторики и стихотворнаго краснорѣчія... Въ нихъ чувство пробуждается рѣдко—именно, когда поэтъ изъ чуждой ему сферы торжественной поэзіи входитъ въ свой элементъ, и сладкими стихами говоритъ о красѣ-дѣвицѣ, тоскующей надъ гробомъ милаго, гдѣ для нея и зелень ярче, и цвѣты ароматнѣе, и небо свѣтлѣе... Если бъ я достовѣрно зналъ, что «Эолова Арфа», «Ахиллъ» и «Теонъ и Эсхинъ»—не переводы, а оригинальныя произведенія, я сказалъ бы, что у Жуковскаго есть три превосходныя оригинальныя пьесы; но все-таки не назвалъ бы ихъ произведеніями поэта въ томъ значеніи, о которомъ сейчасъ говорилъ, потому-что три пьесы, каковы бы онѣ ни были, еще не могутъ составить собою значительнаго цикла поэтической дѣятельности. Оригинальныя произведенія Жуковскаго представляютъ собою великій фактъ и въ исторіи нашей литературы, и въ исторіи эстетическаго и нравственнаго развитія нашего общества; ихъ вліяніе на литературу и публику было безмѣрно-велико и безмѣрно-благодѣтельно. Въ нихъ, еще въ первый разъ, русскіе стихи явились не только благозвучными и поэтическими по отдѣлкѣ, но и съ *содержаніемъ*. Они шли изъ сердца и къ сердцу; они говорили не о яркомъ блескѣ иллюминацій, не о громѣ побѣдъ, а о таинствахъ сердца, о таинствахъ внутренняго міра души... Они исполнены были тихой грусти, кроткой меланхоліи,—а это элементы, безъ которыхъ нѣтъ поэзіи. Правда, въ стихахъ Жуковскаго, то, что бы должно оставаться только элементомъ, было, напротивъ, и альфою и омегою его поэзіи; но таково было требованіе времени, таковъ былъ ходъ историческаго развитія нашей литературы: Жуковскій, въ этомъ случаѣ, думая служить искусству, служилъ обществу, развивая его эстетическое и нравственное чувство и приготовляя его къ пріятію истинной поэзіи. Державина тогда превозносили; но стихотворенія его не были настольною книгою у молодого человѣка и не прятались подъ изголовье красавицы. Стихи Карамзина и Дмитріева удовлетворяли не всѣхъ, и ими восхищались только записные любители литературы, а прочіе превозносили ихъ болѣе изъ приличія. Отъ торжественныхъ одъ у публики уже заложило уши, и она сдѣлалась глуха для нихъ. Всѣ ждали чего-то новаго, а между-тѣмъ, къ воспріятію истинной поэзіи, въ смыслѣ искусства, еще далеко не были готовы. Тогда явился Жуковскій съ своими унылыми и задушевными стихотвореніями, которыя *всѣ* сдѣлали свое дѣло, принесли свою пользу. Кто теперь будетъ читать, или, читая, восхищаться такими пьесами, какъ «Надъ прозрачными водами», «Мой или другъ,

хранитель ангелъ мой»? А *тогда*!.. Да, я еще самъ помню, что̀ такое были они для меня, послѣ стиховъ Державина и его подражателей... Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, чтобъ вы меня не поняли ложно, и не приняли моихъ словъ за униженіе Державина въ пользу Жуковскаго. По элементамъ поэзіи и національности, Державинъ—колоссъ передъ оригинальными произведеніями Жуковскаго, а между тѣмъ дѣйствіе произведеній Жуковскаго на душу читателя всегда, а въ то время особенно, было сильнѣе, дѣйствительнѣе и благотворнѣе. Причина не въ томъ, что стихи Жуковскаго, какъ стихи, гораздо лучше стиховъ Державина: это преимущество времени, а не таланта; нѣтъ, перевѣсъ на сторонѣ стиховъ Жуковскаго заключается въ ихъ *содержаніи*. Въ самомъ-дѣлѣ, одна какая-нибудь картина Вадима, сидящаго съ кіевскою княжною въ пещерѣ, во время бури, стóитъ тысячи торжественныхъ одъ въ родѣ «На взятіе Измаила»... Въ поэзіи Державина нерѣдко просвѣчиваютъ чисто-русскіе, чисто-національные элементы: одно уже это ставитъ его, *какъ поэта*, несравненно выше Жуковскаго; я и стараюсь особенно указать вамъ не на безусловное, не на художественное, а болѣе на *историческое* достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго, какъ на главную причину важнаго и сильнаго вліянія даже тѣхъ изъ нихъ, которыя слабы въ поэтическомъ отношеніи и теперь совсѣмъ забыты...

Б.—Но вѣдь вы же сами приписываете нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, наприм., «Эоловой Арфѣ», «Ахиллу», «Теону и Эсхину» безотносительное поэтическое достоинство?...

А.—И однакожь все-таки не почитаю ихъ оригинальными пьесами, но отношу къ разряду переводныхъ, точно такъ же, какъ у Пушкина и переводныя пьесы отношу къ оригинальнымъ... Въ этомъ-то и достоинство, и важность, и великая заслуга Жуковскаго. До него наша поэзія лишена была всякаго содержанія, потому-что наша юная, только-что зарождавшаяся гражданственность не могла собственною самодѣятельностію національнаго духа выработать какое-либо обще-человѣческое содержаніе для поэзіи: элементы нашей поэзіи мы должны были взять въ Европѣ и передать ихъ на свою почву. Этотъ великій подвигъ совершенъ Жуковскимъ. Въ его натурѣ есть какая-то родственность съ музами Германіи и Альбіона,—и ему, при такомъ высокомъ талантѣ, легко было, въ превосходныхъ переводахъ, усвоить намъ многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ. Мы еще въ дѣтствѣ, не имѣя опредѣленнаго понятія о томъ, что̀ переводъ, что̀ оригинальное произведеніе, заучиваемъ ихъ, *какъ сочиненія Жуковскаго*. Это сродняетъ насъ съ нѣмецкою и англійскою поэзіею, и мы потомъ входимъ въ ихъ святилище уже не какъ профаны, но какъ уже рожденные посвященными... Отъ-того-то въ Россіи такъ рано сдѣлались возможными и переводы съ этихъ языковъ, и изученія этихъ литературъ въ ихъ собственныхъ звукахъ; тогда-какъ, наприм., для Французовъ и теперь еще закрыто печатью тайны святилище, особенно, германской поэзіи. Черезъ это же мы пришли въ состояніе усвоить себѣ германское созерцаніе искусства,

германскую критику, германское мышленіе. И все это сдѣлалъ Жуковскій одними своими переводами! Онъ ввелъ къ намъ *романтизмъ*, безъ элементовъ котораго, въ *наше время невозможна* никакая поэзія. Пушкинъ, при первомъ своемъ появленіи, былъ оглашенъ *романтикомъ*. Поборники новизны называли его такъ въ похвалу, старовѣры—въ порицаніе, но ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали въ Жуковскомъ представителя истиннаго романтизма. Причина очевидна: романтизмъ полагали въ формѣ, а не въ содержаніи. Правда, романтическое содержаніе не можетъ укладываться въ опредѣленныя по самому объему и соразмѣрныя формы древней поэзіи; оно требуетъ простора и часто, такъ сказать, нарушаетъ въ свою пользу права формы. Но не въ этомъ сущность романтизма. Романтизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обаяталенъ этотъ фантастическій, запертый въ самомъ-себѣ міръ; средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравновѣсило ихъ, помирило его и съ исторіею и съ практическою дѣятельностію. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобъ питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его!.. Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди не далекіе и не глубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами; они толкуютъ и понимаютъ себя и все внѣ ихъ находящееся задомъ напередъ и вверхъ ногами. Но горе и тому, кто, увлеченный одною внѣшностію, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ: нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ-себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все, что̀ хотите, но онъ никогда—не «человѣкъ», и вы никогда ему не ввѣритесь, не будете его другомъ, не откроете ему никакого внутренняго *человѣческаго* чувства, боясь опрофанировать это чувство... И такъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній—крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашемъ и уловляетъ насъ: чтобъ избавиться отъ его ложныхъ

и нечистыхъ обаяній, прежде всего нужно развить въ себѣ *романтическіе элементы*. Пусть они возобладаютъ надъ вашимъ духомъ, возбудятъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравновѣсятся въ свое время съ другою стороною нашего духа, зовущею ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности; что же до натуръ односторонникъ; исключительныхъ, или слабыхъ—имъ вездѣ грозитъ равная опасность—и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ мірѣ. И такъ, развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей человѣчности [18]). И вотъ великая заслуга Жуковскаго! Трепетъ объемлетъ душу при мысли о томъ, изъ какого ограниченнаго и пустаго міра поэзіи въ какой безконечный и полный міръ ввелъ онъ нашу литературу; какимъ содержаніемъ обогатилъ и оплодотворилъ онъ ее посредствомъ своихъ переводовъ!.. Трагедіи Озерова—и «Орлеанская Дѣва» Шиллера, анакреонтическія стихотворенія Державина, чувствительныя пѣсни и романсы Карамзина, Дмитріева, Каннистэ, Нелединскаго-Мелецкаго—и «Пѣсня Миньоны», «Голосъ съ того свѣта», «Утѣшеніе въ слезахъ», «Горная дорога», «Мечты», «Элизіумъ», «Элегія на кончину королевы виртембергской», «Сельское Кладбище», «Побѣдитель», «Три путника», «Теонъ и Эсхинъ», «Старый рыцарь» и проч.; торжественныя оды—и такія баллады, какъ «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиковы журавли», «Лѣсной царь», «Кассандра», «Графъ Габсбургскій», «Узникъ», «Эолова арфа», «Ахиллъ», «Торжество побѣдителей», «Жалобы Цереры», «Кубокъ», «Замокъ Смальгольмъ»!.. А тамъ еще остаются переводы: «Шильйонскій Узникъ», «Пери и Ангелъ», сельскія стихотворенія. «Ундина»—эта благоуханная, мелодическая и фантастическая повѣсть сердца, это *оригинально-переводное* твореніе Жуковскаго, лучше всего поясняетъ, почему его не хотятъ называть переводчикомъ, а смотрятъ на него, какъ на самостоятельнаго поэта. Дѣйствительно, Жуковскаго нельзя назвать собственно-переводчикомъ: въ выборѣ пьесъ для перевода онъ руководствовался не однимъ безотчетнымъ влеченіемъ, но какъ-будто началомъ; онъ вездѣ искалъ *своего* и, находя, переводилъ; всѣ переводы его носятъ на себѣ какой-то общій отпечатокъ, всѣ они образуютъ собою какой-то особенный міръ поэзіи—*поэзіи Жуковскаго* [19]). Самыя оригинальныя произведенія—какъ-будто переводы, а переводы—какъ-будто оригинальныя произведенія. Онъ не случайно перевелъ «Орлеанскую Дѣву», а не «Донъ Карлоса», не «Валленштейна», не «Вильгельма Телля»: историческая сфера—не его сфера; ему родственнѣе этотъ міръ чудесъ внутренняго духа, ему болѣе по душѣ вдохновенная таинственнымъ дубомъ героиня... Да, велика, непзмѣримо-велика заслуга Жуковскаго русской литературѣ, русскому обществу! Это не временная, не относительная заслуга: многіе, или, лучше сказать, большая часть его переводовъ будутъ вѣчными памятниками его огромнаго таланта, неувядаемыми цвѣтами русской литературы. Поколѣніе отъ поколѣнія будетъ воспитываться ими на служеніе духу жизни... Я не умѣю ничего лучше представить себѣ его переводовъ: «Торжество Побѣдителей» и «Жалобы Цереры»;—еслибъ Жуковскій перевелъ только

ихъ—и тогда бы онъ составилъ себѣ имя въ нашей литературѣ. Если между его переводами есть слабые—причина въ неудачномъ выборѣ, а не въ недостаткѣ таланта. Таковы: «Королева Урака», «Долина», отрывки изъ «Камоэнса» и т. п. Но и его неудачныя пьесы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, одинѣ уже сдѣлали свое дѣло, другія еще будутъ его дѣлать: ихъ содержаніе для неразвитаго еще эстетическаго вкуса всегда будетъ замѣнять недостатокъ формы. Объ образцовыхъ переводахъ его я уже все сказалъ, что хотѣлъ сказать; о полномъ же циклѣ его поэзіи заключаю свое сужденіе стихами Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость;
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Б.—Я, право, не вижу, почему бы ваше сужденіе о Жуковскомъ могло кому-нибудь показаться рѣзкимъ, или оскорбительно-несправедливымъ... Развѣ потому—что оно нисколько не похоже на то, что толковали о Жуковскомъ наши аристархи, особенно «ученые»... Мнѣ теперь особенно интересно услышать ваше мнѣніе о Батюшковѣ...

А.—Батюшковъ болѣе поэтъ, чѣмъ Жуковскій; Батюшковъ былъ одаренъ отъ природы художественными силами. Въ стихѣ его есть упругость и пластика; о гармоніи нечего и говорить до Пушкина, у насъ не было поэта съ стихомъ столь гармоническимъ. Батюшковъ сочувствовалъ древнему міру; въ натурѣ его были элементы эллинскаго духа. И между тѣмъ, онъ прошелъ почти незамѣченнымъ явленіемъ, тогда-какъ Жуковскаго знала наизусть вся Россія: причина—недостатокъ, если не отсутствіе содержанія въ поэзіи Батюшкова. Родною его музы должна была быть Эллада, а посредникомъ между его музою и геніемъ Эллады—Германія, и между тѣмъ, талантъ Батюшкова развился на безплодной для искусства почвѣ французской литературы XVIII вѣка; онъ не почиталъ для себя униженіемъ переводить и подражать даже какому-нибудь сладенькому Парни. Итальянская поэзія тоже не могла быть ему особенно полезною, и скорѣе была вредна. Одно изъ лучшихъ его произведеній—«Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи» внушено ему дикимъ геніемъ мрачнаго сѣвера. Антологическія стихотворенія—эти драгоцѣнные брильянты въ его поэтическомъ вѣнцѣ, подарены ему геніемъ родной ему Эллады. Все прочее занимаетъ у него середину между скандинавскою элегіею и антологическими стихотвореніями, и потому—все это какъ-то нерѣшительно, болѣе сверкаетъ превосходными частностями, красотою пластически художественной формы, но не цѣлымъ, которое, по недостатку содержанія, не могло являться въ художественной замкнутости и окончености. Батюшковъ явился въ такое время нашей литературы, когда ни у кого не было и предчувствія о томъ, что такое искусство со стороны формы. Поэтому, онъ заботился больше о гладкости и правильности того, что называли тогда «слогомъ», и мало заботился о виртуозности

своего художественнаго рѣзца, такъ-что его пластическіе стихи были безсознательнымъ результатомъ его художественной натуры,—и вотъ почему въ его стихотвореніяхъ такъ много неточныхъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, а иногда онъ не чуждъ и растянутости и реторики. Батюшковъ самъ чувствовалъ недостатокъ въ содержаніи для своей поэзіи, и потому переходилъ изъ крайности въ крайность: отъ свѣтлаго, поэтическаго эпикуреизма къ какому-то строгому и прозаическому мистицизму. Поэзія его всегда нерѣшительна, всегда что-то хочетъ сказать и какъ-будто не находитъ словъ. Впрочемъ, чтобъ сдѣлать вѣрную и полную оцѣнку Батюшкову, надо много говорить, надо безпрестанно цитовать его стихи. Батюшковъ не принадлежитъ къ числу геніальныхъ творческихъ натуръ; но талантъ его до того великъ, что, не будь его поэзія лишена почти всего содержанія, родись онъ не передъ Пушкинымъ, а послѣ него,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ, котораго имя было бы извѣстно не въ одной Россіи.

Б.—Да что же вы разумѣете подъ словомъ «содержаніе», которое служитъ основаніемъ всѣхъ вашихъ сужденій о поэзіи и поэтахъ?

А.—Я не берусь вамъ опредѣлять философски что̀ такое «содержаніе» въ жизни, въ исторіи, въ искусствѣ, въ наукѣ, но охарактеризую его вамъ общими признаками и объясню примѣрами, взятыми изъ сферы искусства. Содержаніе въ искусствѣ не всегда то, что̀ можно съ перваго взгляда выговорить и опредѣлить; оно не есть воззрѣніе, или опредѣленный взглядъ на жизнь, не начало или система какихъ-либо вѣрованій и убѣжденій, родъ философской школы, или политической котеріи; содержаніе есть нѣчто высшее, изъ чего вытекаютъ всѣ вѣрованія, убѣжденія и начала; содержаніе есть міросозерцаніе поэта, его личное ощущеніе собственнаго пребыванія въ лонѣ міра, и присутствіе міра во внутреннемъ святилищѣ его духа. Когда вы читаете поэта безъ содержанія, но обладающаго большимъ талантомъ, вы чувствуете, что васъ *что-то* растревожило, возбудило въ васъ стремленіе къ *чему-то*, повергло васъ въ *какое-то* неопредѣленное состояніе; но не удовлетворило, не наполнило ничѣмъ; здѣсь самое наслажденіе—только раздраженіе, а не удовлетвореніе. Напротивъ, когда вы читаете поэтическія произведенія, проникнутыя глубокимъ содержаніемъ, вы чувствуете, что стремитесь къ чему-нибудь опредѣленному, наслаждаетесь чѣмъ-нибудь положительнымъ, что вы пріяли въ себя новую силу, что вашего существованія прибавилось, что вы чѣмъ-то преисполнились. Тогда вы страдаете страданіемъ вашего поэта, блаженствуете его блаженствомъ, потому что въ его страданіи или его блаженствѣ узнаете обще-человѣческую скорбь или радость, душу вѣка, интересъ времени. Вашъ поэтъ покоряетъ васъ, заставляетъ видѣть все въ томъ колоритѣ, въ какомъ самъ все видитъ. Такое вліяніе производятъ на душу читателя великіе поэты, каковы, напр., Байронъ, Шиллеръ, Гёте. Ихъ нельзя читать всѣхъ вдругъ, но каждый изъ нихъ поочередно овладѣваетъ цѣлою частію вашей жизни и дѣлаетъ васъ на то время байронистомъ, шиллеристомъ, гётистомъ. У насъ вообще содержаніе понимаютъ только внѣшнимъ

образомъ, какъ «сюжетъ» сочиненія, не подозрѣвая, что содержаніе есть душа, жизнь и сюжетъ этого сюжета. И потому, если дѣло идетъ особенно о романѣ, или повѣсти, то смотрятъ только на полноту происшествій, на сложность завязки и искусство развязки. Съ этой точки зрѣнія, «Эвелина де-Вальероль» г. Кукольника, конечно, будетъ романомъ съ содержаніемъ, потому-что и въ цѣлый день не перескажешь всѣхъ «приключеній», обрѣтающихся въ этой сказкѣ; а «Старосвѣтскіе Помѣщики» Гоголя, гдѣ очень просто разсказано, какъ жилъ старикъ со старушкой, какъ сперва умерла старушка, а потомъ умеръ старикъ, съ тоски по ней, и гдѣ нѣтъ ни происшествій, ни завязки, ни развязки,—будетъ повѣстью безъ всякаго содержанія....

Б.—А! теперь я понимаю, отъ-чего вы мало находите содержанія у такихъ изъ нашихъ писателей, которые общимъ мнѣніемъ признаны великими... Кстати: эпоха литературы, на которой мы остановились, была ознаменована союзами знаменитостей, поэтическими и литературными тріумвиратами...

А.—Которые теперь, за давностію, забыты, такъ-что историкамъ нашего времени надо дѣлать новые... И я первый попытаюсь на это, присоединивъ къ именамъ Жуковскаго и Батюшкова имя Гнѣдича. Этотъ человѣкъ у насъ доселѣ не понятъ и не оцѣненъ, по недостатку въ нашемъ обществѣ ученаго образованія. Переводъ «Иліады»—эпоха въ нашей литературѣ, и прійдетъ время, когда «Иліада» Гнѣдича будетъ настольною книгою всякаго образованнаго человѣка. Это время недалеко, потому-что, благодаря просвѣщенному, истинно-европейскому стремленію нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго изученіе древнихъ языковъ непреложнымъ условіемъ гимназическаго и университетскаго курса,—*образованность* и *невѣжество* скоро перестанутъ быть синонимами, и истинная ученость сдѣлается основою истинной образованности...[20]) Безъ историческаго созерцанія жизни древнихъ нельзя понимать и ихъ искусства; вотъ почему «Иліада» никогда не можетъ быть доступна толпѣ. Безъ созерцанія греческаго искусства, никакого искусства нельзя понимать, — и потому нечего распространяться о томъ, какъ великъ подвигъ Гнѣдича, какое безконечное вліяніе имѣетъ и будетъ имѣть онъ на русскую литературу. Духъ Гнѣдича былъ родственъ съ геніемъ эллинской поэзіи; самъ-собою, вопреки своему развитію и духу времени, онъ прозрѣлъ въ глубокую сущность греческаго искусства. Переводъ «Иліады», если сравнить съ подлинникомъ, есть не болѣе, какъ

...разъигранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ,—

но все же «Фрейшицъ», а не собственная фантазія, выдаваемая за «Фрейшица»:—а это великое дѣло! Никакое колоссальное твореніе искусства не можетъ быть переведено на другой языкъ такъ, чтобъ, читая переводъ—вы не имѣли нужды читать подлинникъ; напротивъ, не читавъ творенія въ подлинникѣ, нельзя имѣть точнаго о немъ понятія, какъ бы ни былъ превосходенъ переводъ. Къ «Иліадѣ» особенно относится эта *горькая* истина: только гре-

ческій языкъ могъ выразить такое греческое содержаніе, и на всѣхъ другихъ языкахъ «Иліада»—засушенное тропическое растеніе, хотя и сохранившее, по-возможности, и блескъ своихъ красокъ и ароматическій запахъ. Нашъ Гнѣдичъ умѣлъ схватить въ своемъ переводѣ отраженіе красокъ и аромата подлинника, умѣлъ уловить колоритъ греческаго созерцанія и сдѣлать его фономъ картины своего перевода. Переводъ Гнѣдича—копія съ древней статуи, сдѣланная даровитымъ художникомъ новаго времени. А это великій подвигъ, безсмертная заслуга! Русскій языкъ одинъ изъ счастливѣйшихъ языковъ, по своей способности передавать произведенія древности. Невѣжды смѣются надъ славянскими словами и оборотами въ переводѣ Гнѣдича; но это именно и составляетъ одно изъ его существеннѣйшихъ достоинствъ. Всякій коренной, самобытный языкъ, въ періодъ младенчества народа, въ созерцаніи котораго жизнь еще не распалась на поэзію и прозу, но и самая проза жизни опоэтизирована,—такой языкъ, въ своемъ началѣ, бываетъ полонъ словъ и оборотовъ, дышущихъ какою-то младенческою простотою и высокою поэзіею; со временемъ, эти слова и обороты замѣняются другими, болѣе прозаическими, а старыя остаются богатымъ сокровищемъ для разумнаго употребленія, и наоборотъ, если ихъ некстати употребляютъ. Такъ у насъ остались древнія поэтическія слова: *ланиты, очи, уста, перси, рамена, храмъ, храмина, прагъ*, и т. п., замѣнившіяся прозаическими словами: *щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порогъ* и т. п. Конечно, нѣтъ ничего смѣшнѣе, пошлѣе и надутѣе, какъ употребленіе педантами и безвкусными рифмотворцами старинныхъ словъ тамъ, гдѣ это не требуется сущностію дѣла, напр., въ переводѣ тассова «Освобожденнаго Іерусалима» [21]) и т. п. Но въ переводѣ «Иліады» наши слова, подъ перомъ вдохновеннаго переводчика, исполненнаго поэтическаго такта—истинное и безцѣнное сокровище! Замѣните выраженія: «ему *покорилась* лилейно-раменная Гера-богиня»; «и *осклабился* Зевсъ-громовержецъ» выраженіями: «его послушалась жена»; «разсмѣялся Зевесъ»,—тогда изъ высокой поэзіи выйдетъ пошлая проза...

Б.—Однако мы уже такъ далеко зашли съ вами, что, кажется, и не доберемся до Пушкина...

А.—Напротивъ, мы уже добрались до него...

Б.—Какъ?—Такъ не-уже-ли Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ—и всѣ тутъ?

А.—А кто же еще, думали бы вы? Не-уже-ли *Николевъ, Бобровъ. Долгорукій, Хвостовъ, Остолоповъ, Подшиваловъ, Никольскій, Глинки, Шаховской, Воейковъ, Измайловъ, Шаликовъ, Пушкинъ* (В.), *Катенинъ, Пнинъ, Буринскій, Шатровъ, Горчаковъ, Бунина, Крюковской, Лобановъ, Ф(Ѳ)едоровъ*, (Б. М.), *Кокошкинъ, Ильинъ, Ивановъ*, и пр.?... Пора бы уже и перестать безпокоить ихъ почтенныя и заслуженныя имена нашимъ журнальнымъ критикамъ и обозрѣвателямъ, какъ оставила въ покоѣ забывшая о нихъ публика... Сверхъ-того, не все, что́ касается до литера-

туры, входитъ въ исторію литературы: многое поступаетъ въ вѣдомство статистики литературы, которая занимается всѣми книгами и всѣми писателями безъ изъятія, подводя ихъ подъ числа и итоги, иногда очень интересные и поучительные... Первый опытъ такой статистики русской литературы составилъ г. Гречъ, подъ названіемъ «Опыта Краткой Исторіи Русской Литературы», впрочемъ, довольно плохой даже и для статистики...

Б.—Но нѣкоторые изъ нихъ...

А.—Были люди съ дарованіемъ, хотите вы сказать? Правда, но ихъ дарованія такъ сильны, что не могли не быть замѣчены въ свое время, и такъ слабы, что забылись еще прежде, чѣмъ кончили они свое поприще. Такія дарованія—случайности, а не дѣйствительныя явленія. Дѣйствительно только то, что родится изъ важныхъ причинъ и производитъ важныя слѣдствія. Если изучать всѣ случайности, помнить ихъ и говорить о нихъ—не станетъ вѣку человѣческаго, нѣкогда будетъ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Сверхъ-того, написать мимоходомъ, между службою и картами, двѣ-три пѣсни, журнальную статейку, какую-нибудь сказку, которыя бы обратили на автора минутное вниманіе толпы, еще не значитъ быть поэтомъ, или даже и литераторомъ...

Б.—Итакъ, перейдемъ къ Пушкину.

А.—И поговоримъ о немъ какъ-можно меньше, потому-что сказать о немъ всего не успѣешь и въ цѣлую жизнь. Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно-живущимъ и движущимся явленіямъ, неостанавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...

Батюшковъ уже свершилъ свое поприще, несчастно прерванное; Жуковскій, хоть еще и далеко не свершилъ своего поприща, но результаты его поэтической дѣятельности уже пустили глубоко свои корни въ почву воспріимчиваго и плодовитаго русскаго духа,—когда ребенокъ-Пушкинъ начиналъ знакомиться съ русскою литературою. Жадно читалъ онъ все, что́ засталъ тогда написаннымъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. И вотъ онъ дѣлается усерднымъ, и, надо сказать, часто неловкимъ ученикомъ предшествовавшихъ ему корифеевъ нашей литературы и плохимъ ихъ подражателемъ. Стихъ его не былъ лучше даже стиха его дяди, В. Пушкина; онъ пишетъ посланіе *къ красавицѣ, нюхающей табакъ*, и жалѣетъ въ немъ, зачѣмъ онъ не табакъ... Усердно печатаетъ онъ свои дѣтскія фантазіи въ «Россійскомъ Музеумѣ», издававшемся въ 1815 году. Прочтите лицейскія стихотворенія Пушкина—и въ лучшихъ изъ нихъ вы увидите только хорошаго подражателя. Въ первомъ томѣ изданныхъ имъ-самимъ стихотвореній вы уже не находите ничего дурнаго, напротивъ видите много хорошаго; но въ пьесахъ: «Лицинію», «Пѣвецъ», «Амуръ и Гименей», «Ш***ву», «Торжество Вакха», «Разлука», «Дельвигу», «Жуковскому», «Русалка», «Стансы Т***му», «В***му», «Кривцову», «Вой-

на», «Къ Овидію», писанныхъ отъ 1815 до 1822, вы еще видите не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей. Всѣ исчисленныя мною стихотворенія перемѣшаны съ такими, въ которыхъ Пушкинъ является уже Пушкинымъ, въ которыхъ мы видимъ поэзію, неимѣющую ничего общаго съ прежнею, бывшею до Пушкина, — поэзіею, явившуюся вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ проявленій, подобно Аѳинѣ-Палладѣ, вдругъ и во всеоружіи родившейся изъ головы Зевса. Въ отдѣлѣ стихотвореній, означенныхъ 1823 годомъ, вы уже не встрѣчаете ничего непушкинскаго, ничего навѣяннаго Пушкину его учителями. Правда, въ поэмахъ его—«Русланъ и Людмила», «Кавказскій Плѣнникъ» видно сильное вліяніе, но уже другихъ учителей:—Пушкинъ навсегда расквитался съ русскою литературою и сталъ ея учителемъ... Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкинымъ въ поэзіи, литературѣ, версификаціи и языкѣ русскомъ. Между стихомъ Пушкина и стихомъ Батюшкова больше разстоянія, чѣмъ между стихомъ Батюшкова и стихомъ Державина. Достоинство пушкинскаго стиха состоитъ не въ одной легкости—легкость одно изъ второстепенныхъ качествъ его: нѣтъ, достоинство этого стиха заключается въ его художественности, въ этой органической, живой соотвѣтственности между содержаніемъ и формою, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи, стихъ Пушкина можно сравнить съ красотою человѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслію: отнимите у нихъ оживляющее ихъ чувство и мысль—они останутся только красивыми, но уже не божественно-прекрасными глазами. Теперь многіе пишутъ стихи и гладкіе, и гармоническіе, и легкіе; но пушкинскій стихъ *напомнила* намъ только муза Лермонтова... [22]) Поэзія Пушкина полна, насквозь пронизнута содержаніемъ, какъ гранёный хрусталь лучемъ солнечнымъ: у Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышло бы изъ жизни и было написано въ-слѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чаяніи, что авось-де это будетъ недурно... Это обстоятельство рѣзкою чертою отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ. Художническая добросовѣстность Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра души своей только выношенныя, вызрѣвшія поэтическія фантазіи, которыя сами рвались наружу. Этимъ онъ совершенно избѣжалъ реторики, декламаціи и общихъ мѣстъ: ихъ слѣды замѣтны только развѣ въ его ученическихъ произведеніяхъ, о которыхъ я говорилъ. Слѣдствіемъ глубоко-истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ строго-художественная форма. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ-себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего посторонняго и лишняго, свободно-движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство и всякое ощущеніе, такъ вѣренъ у него и всякій образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, ничего недоконченнаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго. Опредѣленность есть свойство ве-

ликихъ поэтовъ, и Пушкинъ вполнѣ обладалъ этимъ свойствомъ. Ограниченные люди ставили его поэзіи въ вину, что она все *оземляетъ* и *овеществляетъ*—обвиненіе, которое обнаруживаетъ рѣшительное отсутствіе эстетическаго чувства, самое грубое неразумѣніе поэзіи! Поэтъ—соперникъ творящей природѣ, подобно ей, онъ стремится безплотныхъ духовъ жизни, рѣющихъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ, уловить въ прекрасные и полные органически-идеальной жизни образы, воплотить небесное въ земное, и земное просвѣтлить небеснымъ... Поэтъ не терпитъ отвлеченныхъ представленій: творя, онъ мыслитъ образами[23]), а всякій образъ только тогда и прекрасенъ, когда опредѣленъ и вполнѣ доступенъ созерцанію.—Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо. Справедливо сказалъ Гоголь, что «въ Пушкинѣ, какъ-будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, гибкость и сила нашего языка». Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько-же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко-точенъ, математически-опредѣленъ. Многообъемлемость и многосторонность также принадлежатъ къ числу качествъ, которыя срослись съ поэзіею Пушкина. Грусть у него смѣняется шуткою, эпиграммою, тяжелая скорбь неожиданно разрѣшается освѣжающимъ душу юморомъ. Его нельзя назвать ни поэтомъ грусти, ни поэтомъ веселія, ни трагикомъ, ни комикомъ исключительно: онъ все... Самое простое ощущеніе звучитъ у него всѣми струнами своими и потому чуждо монотонности; это всегда полный аккордъ... Всего чаще, ощущеніе у Пушкина—диссонансъ, разрѣшающійся въ гармонію, и всего рѣже—простая мелодія... Трудно было бы опредѣлить общее направленіе поэзіи Пушкина; но можно сказать утвердительно, что имя романтика навязано на него не совсѣмъ впопадъ, такъ же какъ невпопадъ отнято оно у Жуковскаго. Характеръ чисто-романтической поэзіи всегда болѣе или менѣе односторонній и исключительный. Поэзія Пушкина—самый разнообразный міръ, гдѣ примирены самые разнообразные и противорѣчащіе элементы, гдѣ простая и вмѣстѣ роскошная форма спокойно и равновѣсно овладѣла своимъ многосложнымъ содержаніемъ... Наконецъ, Пушкинъ—вполнѣ національный поэтъ, заключившій въ духѣ своемъ всѣ національные элементы. Это видно не только изъ тѣхъ произведеній, гдѣ чисто-русское содержаніе выражалъ онъ въ чисто-народной формѣ, и гдѣ не имѣлъ онъ себѣ соперника; но еще болѣе изъ тѣхъ произведеній, которыя, ни по содержанію, ни по формѣ, кажется, не могутъ имѣть ничего русскаго. Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики національности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ, врѣзавшихся въ моей памяти: «Истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національнъ, когда описываетъ совершенно-сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами». Мнѣ кажется, что кромѣ грусти, какъ основнаго мотива пушкинской поэзіи, и бодраго, мощнаго выхода изъ нея не въ

какое-нибудь тепленькое утѣшеньице, а въ ощущеніе собственной силы, какъ самой характеристической черты ея,—національность ея состоитъ еще во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней движимости, въ отсутствіи одолѣвающей страстности. У Пушкина диссонансъ и драма всегда внутри; а снаружи все спокойно, какъ-будто ничего не случилось, такъ-что грубая, невосприимчивая, или неразвитая натура не можетъ тутъ видѣть ни силы, ни борьбы, ни величія... Замѣтьте, что герои Пушкина никогда не лишаютъ себя жизни, по силѣ трагической развязки, но остаются жить... Пушкинъ въ этой чертѣ бываетъ страшно-великъ... Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и такъ національно, такъ русски-проявившейся... Ни одинъ поэтъ не имѣлъ на русскую литературу такого многосторонняго, сильнаго и плодотворнаго вліянія. Пушкинъ убилъ на Руси незаконное владычество французскаго псевдо-классицизма, расширилъ источники нашей поэзіи, обратилъ ее къ національнымъ элементамъ жизни, показалъ безчисленныя новыя формы, сдружилъ ее впервые съ русскою жизнію и русскою современностію, обогатилъ идеями, пересоздалъ языкъ до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотѣли писать.

Б.—Но что вы скажете о Пушкинѣ въ-сравненіи съ европейскими поэтами?

А.—Онъ относится къ нимъ, какъ Россія къ Европѣ, а европейскіе поэты къ нему—какъ Европа къ Россіи. Пушкинъ обладалъ міровою творческою силою: по формѣ, онъ—соперникъ всякому поэту въ мірѣ; но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ, выразившихъ собою моментъ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И это нисколько не йдетъ къ униженію великаго генія Пушкина; повторяю, что поэту принадлежитъ форма, а содержаніе—исторіи и дѣйствительности его народа. Россія досель жила внѣшнею силою; національное сознаніе пробудилось въ ней не дальше, какъ съ великаго 1812-го года... Какому-нибудь Байрону довольно было исторіи своего отечества, чтобъ имѣть готовое содержаніе для своей поэзіи; а Пушкину еще оставалась цѣлая Европа, т. е. цѣлое человѣчество. Слова: *папа*, *католицизмъ*, *феодализмъ*, *вассалъ*, *реформація*, *религіозная война*, *всемірная торговля*, и пр. и пр. не могли въ слухѣ Пушкина раздаваться такъ же, какъ въ слухѣ Байрона: что для одного было предметомъ любознательности, то для другого было личнымъ интересомъ, возбуждавшимъ всѣ его страсти, всѣ чувства... Самое образованіе европейскихъ поэтовъ сдѣтства питаетъ ихъ «поэтическимъ содержаніемъ»: чего не зналъ Гёте, какою ученостію обладалъ Шиллеръ! Байронъ въ подлинникѣ читалъ греческихъ и латинскихъ писателей! Въ Европѣ все такъ чудно устроено,—одно не мѣшаетъ другому, напр., свѣтъ наукѣ, а наука свѣту; у насъ же, объ этомъ свѣтѣ Пушкинъ говорилъ съ такимъ отчаяніемъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!..

Но здѣсь не должно упускать изъ виду важнаго обстоятельства: смерть застигла Пушкина въ порѣ полнаго развитія необъятныхъ силъ его творческаго духа, въ ту самую минуту, когда онъ уже начиналъ уходить отъ волнующей юную и пылкую натуру внѣшности и погружаться въ бездонную глубь своего внутренняго *я*, когда онъ только-что пересталъ пробовать свое перо и только-что начиналъ писать настоящимъ образомъ... [24])

Б.—Однако нашъ разговоръ грозитъ быть страшно-длиннымъ, если вы хотите говорить о поэтахъ пушкинской школы...

А.—Если только по этому, а не по чему-нибудь другому,—то онъ будетъ очень коротокъ. Время великій критикъ: его крылья провѣваютъ всѣ дѣла человѣческія, оставляя на току немного зеренъ и разсѣвая по воздуху много шелухи... У насъ же, надо замѣтить, время особенно быстро летитъ: мы, люди новаго поколѣнія, едва перешедшіе за роковую черту 30-ти лѣтъ, отдѣляющую юность отъ мужества, мы, заучившіе наизустъ первые стихи Пушкина, мы, едва успѣвавшіе слѣдовать, такъ сказать, по пятамъ за его быстрымъ поэтическимъ бѣгомъ,—мы давно уже оплакали его безвременную кончину, а на школу его смотримъ уже, какъ на «дѣла давно-минувшихъ дней, преданья старины глубокой», любимъ ее только по отношенію къ собственному нашему развитію, только по воспоминанію о прекрасномъ времени нашей жизни, когда всякій новый журналъ, всякая новая книжка журнала, альманахъ, какой-нибудь сборъ «мечтаній и звуковъ» были для насъ праздникомъ, тотчасъ врѣзывались въ памяти, возбуждали живые восторги, шумные споры... И, если хотите, понятно, что мы въ то блаженное время давали Пушкину сподвижниковъ и товарищей, строили тріумвираты и цѣлыя школы; но понятно также и то, что теперь, при имени Пушкина, мы не знаемъ, кого вспомнить, кого назвать...

Б.—Какъ! столько именъ, столько славъ...

А.—Но вѣдь въ то время и г. *Олинъ*, авторъ «Корсара» и многихъ романтическихъ элегій, издатель безчисленнаго множества программъ несостоявшихся журналовъ и газетъ, и г. *М. Дмитріевъ*, сочинитель цѣлой книги стиховъ, и г. *Раичъ*, авторъ десятка плаксивыхъ стихотвореній, и г. *Трилунный*, переводчикъ и подражатель Байрона, и Ѳ. Н. *Глинка*, изобрѣтатель благоухающей нравственностію поэзіи, и много еще другихъ—все это были имена и славы, да еще какія?... [25])

Б.—Но я разумѣю не ихъ, а Баратынскаго, Козлова, Давыдова (Дениса), Дельвига, Подолинскаго, Языкова. Помните, бывало, говаривали: Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ?

А.—Да, т. е. тріумвиратъ... И точно, названные вами писатели недаромъ считались даровитыми. Въ нихъ выразился характеръ эпохи, теперь уже миновавшей; они завоевали себѣ мѣсто въ исторіи русской литературы. Я не люблю поэмъ Баратынскаго: въ нихъ больше ума, чѣмъ фантазіи; но между его лирическими произведеніями есть очень замѣчательныя. Мнѣ особенно нравится въ нихъ этотъ характеръ *вдумчивости* въ жизнь, который свидѣтельствуетъ о

присутствіи мысли. Элегія Баратынскаго «На смерть Гёте»—превосходна. Козловъ замѣчателенъ особенно удачными переводами изъ Мура; но переводы его изъ Байрона всѣ слабы. Есть нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ и между его собственными. У него много души; жаль только, что чувство его часто походитъ на чувствительность. Поэмы его вообще слабы; изъ нихъ «Чернецъ» замѣчателенъ по эффекту, который онъ произвелъ на публику, и который напомнилъ объ эффектѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Элегіи Давыдова часто пышутъ истинною поэзіею, и ихъ всегда можно перечесть съ удовольствіемъ, не смотря на ихъ однообразность. Вообще, въ поэзіи Давыдова есть какая-то достолюбезная оригинальность, свой собственный характеръ. Имя Дельвига мнѣ любезно, какъ друга дѣтства Пушкина. *Русскія* пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ онѣ удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни. Въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но незамѣтно главнаго—греческаго созерцанія жизни... Подолинскій *былъ* человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ: въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполненію... Стихи Языкова блестятъ всею роскошью внѣшней поэзіи,—и если есть внѣшняя поэзія, то Языковъ необыкновенно-даровитый поэтъ. Онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ: его поэзія была самымъ сильнымъ противоядіемъ пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смѣлыми и рѣзкими словами и оборотами своими Языковъ много способствовалъ расторженію пуританскихъ оковъ, лежавшихъ на языкѣ и фразеологіи. Правда, его новыя слова и фразы почти всегда изысканны, неточны, а нерѣдко и грѣшатъ противъ вкуса; но они всѣмъ понравились, а потому и сдѣлали свое дѣло... Стихъ Языкова громокъ, звученъ, ярокъ; но въ немъ это—чисто-внѣшнія достоинства, безъ всякаго отношенія къ содержанію. Да и что̀ составляетъ содержаніе его поэзіи? или, лучше сказать, есть ли въ ней какое-нибудь содержаніе? Поэзія, полная содержаніемъ, всегда развивается, идетъ впередъ; поэзія, чуждая всякаго содержанія, всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ, поетъ одно и то же, однимъ и тѣмъ же голосомъ. Вначалѣ, она можетъ возбуждать фуроръ; но когда къ ней привыкнутъ, ея уже не читаютъ, а только безусловно хвалятъ... Проходитъ пылъ, остается дымъ и чадъ; поэтъ начинаетъ писать вялые, холодные и вообще плохіе стихи, которыхъ уже никто не почитаетъ сто̀ящими даже порицаній... А мнѣ странно, что вы не упомянули о г. Хомяковѣ: хотя онъ по таланту и гораздо ниже Языкова, но послѣ Языкова какъ-то невольно вспоминаешь г. Хомякова. Это не безъ причины: между ними много общаго, именно—внѣшняя красота стиха, независящая отъ смысла пьесы, и однообразіе въ манерѣ и предметахъ пѣснопѣній... Въ-самомъ-дѣлѣ, Языковъ все пѣлъ студентскіе пиры и студентскую удаль; г. Хомяковъ *символически* поетъ все о чемъ-то высокомъ и прекрасномъ; содержаніе пѣсень г. Языкова неподвижно; содержаніе

пѣсень г. Хомякова также неподвижно, потому-что это всегда одна и та же отвлеченная мысль, одни и тѣ же громкія слова; оба поэта часто обращаются въ своихъ стихахъ къ Россіи,—и ни у того, ни у другого не сорвалось съ пера ни одного русскаго слова, ни одного русскаго выраженія, на которое отозвалась бы русская душа, или въ которомъ отозвалась бы русская душа. Не правда ли, все это очень сходно? Но, между-тѣмъ, тутъ есть и несходство: г. Языковъ кончаетъ не такъ, какъ началъ—онъ утратилъ даже свой бойкій, звонкій и разгульный стихъ; г. Хомяковъ неизмѣненъ: онъ по-прежнему владѣетъ стихомъ своимъ... Причина этой разности та, что для стиховъ Языкова—каковы бы ни были они—нуженъ былъ хоть пылъ молодости, если не вдохновеніе; для стиховъ же г. Хомякова этого не было нужно.... [26])

Б.—Но я не понимаю, что̀ же вы разумѣете подъ школою Пушкина...

А.—Собственно, ея не было. Пушкинъ только развязалъ руки тогдашней молодёжи на гладкій, бойкій стихъ, настроилъ ее на элегическій тонъ, вмѣсто торжественнаго, да ввелъ въ моду поэмы, вмѣсто балладъ; тайна же его поэзіи, и по содержанію, и по формѣ, для всѣхъ оставалась тайною. Въ его поэзіи всѣ видѣли одну внѣшнюю, поверхностную сторону, а во внутрь ея и не заглядывали...

Б.—Но въ чемъ же великое вліяніе Пушкина на русскую литературу, если школа, имъ созданная, такъ скоро исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда?..

А.—Въ томъ именно, что благодаря Пушкину, мы скоро оцѣнили эту школу по достоинству... Вліяніе Пушкина было не на одну минуту; оно окончится только развѣ съ смертію русскаго языка. Сверхъ-того, странно было бы измѣрять достоинство поэта рожденною имъ школою. Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, создалъ ли какую школу, напр., Байронъ: мы хотимъ знать только Байрона и судить о немъ по немъ самомъ, а не по его школѣ, еслибъ она и была. Не Пушкинъ виноватъ, что вмѣстѣ съ нимъ не явилось сильныхъ талантовъ... Притомъ же, вліяніе великаго поэта замѣтно на другихъ поэтовъ не въ томъ, что его поэзія отражается въ нихъ, а въ томъ, что она возбуждаетъ въ нихъ собственныя ихъ силы: такъ солнечный лучъ, озаривъ землю, не сообщаетъ ей своей силы, а только возбуждаетъ заключенную въ ней силу... У кого есть талантъ, и кто способенъ понять поэзію Пушкина, принять въ себя ея содержаніе,—тотъ, конечно, будетъ писать несравненно-лучше, нежели какъ бы онъ писалъ, не зная Пушкина. А многіе ли понимаютъ Пушкина?.. Повѣрьте мнѣ, надо быть выбрану изъ десяти тысячъ, чтобъ понимать Пушкина! Вѣдь это талантъ своего рода, и талантъ большой! Вотъ, напр., Веневитиновъ: хоть и нельзя указать явнаго вліянія Пушкина на его поэзію, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ Пушкину обязанъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Веневитиновъ самъ-собою составилъ бы школу, еслибъ судьба не пресѣкла безвременно его прекрасной жизни, обѣщавшей такое богатое развитіе. Въ его стихахъ просвѣчивается дѣйствительно-идеальное, а не мечтательно-идеальное направленіе; въ нихъ видно содержаніе, которое заключало въ себѣ

самодѣятельную силу развитія; но форма его поэтическихъ произведеній, даже самый характеръ ихъ, не обѣщали въ Веневитиновѣ поэта,—и я увѣренъ, что онъ скоро оставилъ бы поэзію для философскихъ созерцаній. На этомъ поприщѣ многаго можно было ожидать отъ него. Онъ возбудилъ къ себѣ сильное участіе, даже энтузіазмъ молодыхъ людей обоего пола своими произведеніями и въ стихахъ и въ прозѣ: это участіе, этотъ энтузіазмъ были пророческіе... Говоря о поэтахъ того времени, нельзя не упомянуть о Полежаевѣ какъ поучительномъ примѣрѣ необузданной силы безъ содержанія,—таланта безъ образованія,—вдохновенія безъ вкуса. Эта дикая натура пала жертвою собственной силы, разъ не такъ направленной,—пала жертвою собственнаго огня, ненашедшаго для себя настоящей пищи...

Б.—А Грибоѣдовъ?

А.—Онъ самъ-по-себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіею, для которой едва-ли гдѣ могъ быть образецъ, не говоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ—все оригинально въ «Горе отъ Ума». Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни; паоосъ ея—негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную [27]) печатію старины Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще невполнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности—къ «китайскому незнанью иноземцевъ». Не понявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые подбородки, на фраки съ хвостомъ назади, съ выемкою впереди и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долгополой старины... Но это показываетъ только незрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: «Горе отъ Ума», не смотря на всѣ свои недостатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Если бы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко оставила бы за собою «Горе отъ Ума». Это видно изъ самаго «Горе отъ Ума»: въ немъ такъ много ручательствъ за огромное поэтическое развитіе... Какая убійственная сила сарказма, какая ѣдкость иронія, какой паосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ; какіе типическіе характеры; какой языкъ, какой стихъ—энергическій, сжатый, молніеносный, чисто-русскій! Удивительно ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы, и разнеслись, между образованными людьми, по всѣмъ концамъ земли русской! Удивительно ли, что «Горе отъ Ума» еще въ рукописи было выучено напзустъ цѣлою Россіею!... [28]) Грибоѣдовъ наводитъ мнѣ на душу грустную мысль о трагической судьбѣ русскихъ поэтовъ... Батюшковъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ по-

этической дѣятельности... хуже, чѣмъ умеръ; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ погибли безвременно...

. . . . . иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?...

Б.—Прерываю ваше поэтическое раздумье прозаическимъ вопросомъ: говоря о поэтахъ до-пушкинской эпохи, вы забыли Мерзлякова, котораго русскія пѣсни, впрочемъ, принадлежатъ къ позднѣйшему времени.

А.—Да много ли его русскихъ пѣсенъ-то? «Среди долины ровныя»—не народная, и даже не простонародная, а развѣ сантиментально-мѣщанская пѣсня. «Чернобровый, черноглазый» и «Не липочка кудрявая»—прекрасныя и выдержанныя пѣсни; всѣ другія—съ проблесками національности, но и съ «чувствительными» противъ нея обмолвками. Въ поэзіи Мерзлякова есть чувство, но нѣтъ мысли. Теорія его—французско-классическая; слѣдовательно, объ ней можно и не говорить. Переводы его изъ древнихъ не изящны; въ нихъ не вѣетъ жизнію эллинскаго духа. Мерзляковъ смотрѣлъ на древнихъ сквозь лагарповскіе очки. Онъ переводилъ идилліи г-жи Дезульеръ, и ужасными виршами пересказалъ на книжномъ русскомъ языкѣ временъ Хераскова «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса.

Б.—Къ кому же мы теперь перейдемъ отъ Пушкина и Грибоѣдова?

А.—Къ повѣсти и роману. Пресытившись стихами, мы захотѣли прозы; а примѣръ Вальтера Скотта былъ очень соблазнителенъ... Марлинскій первый началъ писать русскія повѣсти. Онѣ были для своего времени то же, что̀ повѣсти Карамзина для той эпохи; разница между ними только та, что однѣ *романтическія*, другія *классическія*, въ простомъ смыслѣ этихъ словъ. «Юрій Милославскій» былъ первымъ русскимъ историческимъ романомъ. Онъ явился очень во̀-время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго. Вотъ причина его необыкновеннаго успѣха. Теперь онъ—препріятное и преполезное чтеніе для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ включительно, и для простого народа. Жаль, что онъ не изданъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и не продается копеекъ по 20 серебромъ: онъ много бы могъ принести пользы. Я не буду исчислять всѣхъ повѣстей и романовъ, всѣхъ нувеллистовъ и романистовъ: это былъ бы безполезный трудъ и скучный разговоръ. Романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ—Нарѣжный. Въ 1804 году издалъ онъ отчаянную романтическую трагедію «Димитрій Самозванецъ», которая была сколкомъ съ «Разбойниковъ» Шиллера; потомъ печаталъ повѣсти и романы—блѣдные, безцвѣтные, манерные, во вкусѣ г-жи Жанлисъ. Въ 1824 онъ издалъ «Бурсака», а въ 1825—«Два Ивана», романы, запечатлѣнные талантомъ, оригинальностію, комизмомъ, вѣрностію дѣйствительности. Ихъ обвиняли тогда въ грубой простонародности; но главный ихъ недостатокъ состоялъ въ бѣдности *внутренняго* содержанія. Онъ еще написалъ что-то въ родѣ *Жилблаза*, кото-

рый былъ почище всѣхъ *Выжигиныхъ*, хотя и имѣлъ несчастіе подать поводъ къ появленію этихъ литературныхъ бродягъ и выродковъ... Лучшій романистъ пушкинскаго періода литературы нашей, безъ сомнѣнія, Лажечниковъ. «Новикъ» его слишкомъ полонъ, такъ сказать, обремененъ внутреннимъ обиліемъ: видно, что онъ—первое произведеніе автора; но въ немъ много теплоты, одушевленія, много прекрасныхъ частностей. «Ледяной Домъ» есть лучшее произведеніе Лажечникова по содержанію, по одушевленію, которымъ онъ *спокойно* проникнутъ, по характерамъ лицъ, по превосходнымъ частностямъ и полнотѣ цѣлаго. Въ «Басурманѣ» Лажечниковъ перенесся въ чуждую ему сферу жизни, которая всѣхъ менѣе можетъ дать содержаніе для романа. Не смотря на то, недостаточный въ цѣломъ, «Басурманъ» не чуждъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстъ; къ лучшимъ изъ нихъ принадлежатъ тѣ, гдѣ является *грозное* лицо Іоанна III, дѣда настоящаго Грознаго; также сцена трагической смерти Нѣмца-лекаря, замученнаго Татарами... Жаль, что Лажечниковъ мало пишетъ: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ вліяніе особенно сильно на эстетическое и нравственное развитіе современнаго имъ общества. Что касается до повѣсти—она, современи появленія Марлинскаго до Гоголя, играла роль ученицы, и только въ отрывкѣ изъ романа Пушкина «Арапъ Петра Великаго» на минуту явилась мастеромъ, въ смыслѣ нѣмецкаго *мейстера*, или итальянскаго *маэстро*. Съ Гоголя начался русскій романъ и русская повѣсть, какъ съ Пушкина началась истинно-русская поэзія... Гоголь внесъ въ нашу литературу новые элементы, породилъ множество подражателей, навелъ общество на истинное созерцаніе романа, какимъ онъ долженъ быть; съ Гоголя начинается новый періодъ русской литературы, русской поэзіи...

Б.—Воля ваша, а мнѣ кажется, что вы увлекаетесь и видите въ Гоголѣ далеко больше того, что́ въ немъ есть. Что́ говорить—талантъ, и талантъ замѣчательный, удивительное искусство вѣрно списывать съ натуры; но—согласитесь сами—вѣдь дѣйствительная и высокая сторона въ искусствѣ есть идеалы, а что́ за идеальныя лица—какой-нибудь взяточникъ-городничій, мѣщанка Пошлепкина, какой-нибудь Иванъ Ивановичъ, или Иванъ Никифоровичъ?...

А.—Вы очень вѣрно выразили мнѣніе толпы о Гоголѣ, и, по моему мнѣнію, толпа совершенно-права съ своей точки зрѣнія...

Б.—Какъ хотите, но я охотно готовъ быть представителемъ толпы въ этомъ случаѣ. Смѣяться и смѣяться, смѣшить и смѣшить—это, право, совсѣмъ не то, что́ умилять сердца, возвышать душу...

А.—Совершенная правда! Смѣшить—дѣло весельчаковъ и забавниковъ, а смѣяться—дѣло толпы.—Чѣмъ грубѣе и необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе расположенъ смѣяться всякой плоскости, хохотать всякому вздору. Ничего нѣтъ легче, какъ разсмѣшить его. Онъ не понимаетъ, что можно плакать и рыдать, когда сердце хочетъ выскочить изъ груди отъ полноты бла-

женства и радости, и что можно хохотать до безумія, когда сердце сдавлено тоскою, или разрывается отчаяніемъ. Ступайте въ русскій театръ, когда тамъ даютъ «Гамлета»—и вы услышите вверху (а иногда и внизу) самый веселый, самый добродушный смѣхъ, когда Гамлетъ, заколовъ Полонія, на вопросъ матери: «кого ты убилъ?» отвѣчаетъ «мышь!»... Помните ли вы еще разговоръ Гамлета съ Полоніемъ, съ актерами и съ Офеліею: мнѣ становилось страшно отъ этихъ сценъ ужасной проніи глубоко-оскорбленной и тяжко-страдающей души датскаго принца; а другіе, если и не дремали, то смѣялись... Я хочу сказать этимъ совсѣмъ не то, что Шекспиръ и Гоголь—одно и то же; или что «Гамлетъ» Шекспира и «Миргородъ» Гоголя—одно и то же,—нѣтъ, я говорю только, что смѣхъ смѣху—рознь... Если бы изъ «Тараса Бульбы» сдѣлать драму,—я увѣренъ, что въ страшной сценѣ казни, когда старый казакъ на вопль сына: «Слышишь ли, батьку!» отвѣчаетъ: «Слышу, сынку!» многіе отъ души расхохотались бы... И въ-самомъ-дѣлѣ, не смѣшно ли иному благовоспитанному, милому и образованному чиновнику, который привыкъ называть отца уже не то, чтобы «тятенькою», но *даже* «папенькою», не смѣшно ли ему слышать это грубое, хохлацкое «батьку» и «сынку»?.. Надо сказать правду, у насъ вообще смѣяться не умѣютъ и всего менѣе понимаютъ «комическое». Его обыкновенно полагаютъ въ фарсѣ, въ каррикатурѣ, въ преувеличеніи, въ изображеніи низкихъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Я говорю это не въ осужденіе нашему обществу. Постиженіе комическаго—вершина эстетическаго образованія. Шиллеръ, великій Шиллеръ признается, что въ первой порѣ своей юности, при началѣ знакомства съ Шекспиромъ, его возмущала эта холодность, безстрастіе, дозволявшія Шекспиру шутить въ самыхъ высокихъ, патетическихъ мѣстахъ и разрушать явленіемъ шутовъ впечатлѣнія самыхъ трогательныхъ сценъ въ «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Макбетѣ» и т. д., останавливать ощущеніе тамъ, гдѣ оно желало бы безостановочно стремиться впередъ, или хладнокровно отрывать его отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ бы оно такъ охотно остановилось и успокоилось *). Идеальное-трагическое открывается юному чувству непосредственно и сразу; идеальное-комическое дается только развитому и образованному чувству человѣка, знающаго жизнь не по однимъ восторженнымъ мечтаніямъ и не по наслышкѣ. На такого человѣка комическое часто производитъ обратное дѣйствіе: возбуждаетъ въ немъ не веселый смѣхъ, а одно скорбное чувство. Онъ улыбается, но въ его улыбкѣ столько меланхоліи...

Комизмъ еще не составляетъ основнаго элемента всѣхъ сочиненій Гоголя. Онъ разлитъ преимущественно въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Это комизмъ веселый, улыбка юноши, привѣтствующаго прекрасный Божій міръ. Тутъ все свѣтло, все блеститъ радостію и счастіемъ; мрачные духи жизни не смущаютъ тяжелыми предчувствіями юнаго сердца, трепещущаго полнотою жизни. Здѣсь поэтъ какъ-бы самъ любуется созданными имъ оригиналами.

*) См. его «Abhandlung über naive und sentimentalische Dichtung». [39])

Однакожь эти оригиналы не его выдумка, они смѣшны не по его прихоти; поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И потому всякое лицо говоритъ и дѣйствуетъ у него въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подъ вліяніемъ котораго оно находится. И ни одно изъ нихъ не проговаривается: поэтъ математически вѣренъ дѣйствительности, и часто рисуетъ комическія черты, безъ всякой претензіи смѣшить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту дѣйствительности. Смѣхъ толпы для него бываетъ оскорбителенъ въ такихъ случаяхъ; она смѣется тамъ, гдѣ надо удивляться тонкой чертѣ дѣйствительности, вѣрно и зорко подмѣченной, удачно схваченной. Въ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ», Гоголь отъ веселаго комизма переходитъ къ «юмору», который у него состоитъ въ противоположности созерцанія истинной жизни, въ противоположности идеала жизни—съ дѣйствительностію жизни. И потому, его юморъ смѣшитъ уже только простяковъ, или дѣтей; люди, заглянувшіе въ глубь жизни, смотрятъ на его картины съ грустнымъ раздумьемъ, съ тяжкою тоскою... Изъ-за этихъ чудовищныхъ и безобразныхъ лицъ, имъ видятся другіе, благообразные лики; эта грязная дѣйствительность наводитъ ихъ на созерцаніе идеальной дѣйствительности, и то, что̀ есть, яснѣе представляетъ имъ то, что̀ бы должно быть... Въ «Миргородѣ» этотъ юморъ особенно проникаетъ собою насквозь дивную повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; оканчивая ее, вы отъ-души восклицаете съ авторомъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» точно, какъ-будто выходя изъ дома умалишенныхъ, гдѣ съ горькою улыбкою смотрѣли вы на глупости несчастныхъ больныхъ... Въ этомъ смыслѣ, комедія Гоголя «Ревизоръ» стоитъ всякой трагедіи. Что же касается до искусства Гоголя вѣрно списывать съ натуры—это изъ тѣхъ безсмысленно-пошлыхъ выраженій, которыя оскорбляютъ своею нелѣпостію здравый смыслъ. Подобная похвала—оскорбленіе. Гоголь творитъ вѣрно природѣ; списываютъ съ природы не живописцы, а маляры, и ихъ списки—чѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ безжизненнѣе для всякаго, кому неизвѣстенъ подлинникъ. Вѣрность натурѣ въ твореніяхъ Гоголя вытекаетъ изъ его великой творческой силы, знаменуетъ въ немъ глубокое проникновеніе въ сущность жизни, вѣрный тактъ, всеобъемлющее чувство дѣйствительности. И это уже многіе чувствуютъ, хотя еще и слишкомъ немногіе сознаютъ. Теперь всѣ стараются писать вѣрно натурѣ, всѣ сдѣлались юмористами: таково всегда вліяніе геніальнаго человѣка! Новый Коломбъ, онъ открываетъ неизвѣстную часть міра, и открываетъ ее для удовлетворенія своего безпокойно-рвущагося въ безконечность духа; а ловкіе антрепренёры стремятся по слѣдамъ его толпою, въ надеждѣ разбогатѣть чужимъ добромъ!...

Б.—И вотъ мы приблизились къ самому интересному для насъ предмету—къ современной намъ литературѣ. О настоящемъ всегда говорится больше, чѣмъ объ отдаленномъ: малѣйшія подробности имѣютъ интересъ; самое маленькое дарованіе имѣетъ цѣну...

А.—И, однакожь, я всего менѣе намѣренъ распространяться о современной литературѣ, во-первыхъ, для того, чтобъ не наговорить много о пустякахъ, а во-вторыхъ, чтобъ *не раздразнить гусей*... Правда, у насъ и теперь не безъ дарованій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; скажу болѣе: въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляются иногда въ одинъ день, зато они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день... Теперь очень трудно стало прослыть за человѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ, во всѣхъ родахъ, что, дѣйствительно, надо что-нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изящномъ, съ которыми трудно отъ чего-нибудь разахаться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь уже всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что̀ приснится ему во снѣ, а то, что̀ есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много обѣщаетъ въ будущемъ. Но современная литература много теряетъ отъ того, что у ней нѣтъ головы; даже яркіе таланты поставлены въ какое-то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатаетъ; Лермонтова уже нѣтъ,—

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель въ жизни своей...

А какое пышное развитіе обѣщалъ этотъ богатый дарами природы, этотъ мощный и глубокій духъ!.. Публика встрѣтила его, какъ представителя новаго періода литературы, хотя и видѣла еще одни опыты его... Предчувствія общества не обманчивы: гласъ Божій—гласъ народа!..

Б.—А вѣдь результатъ нашего разговора рѣшительно въ мою пользу. Вы спрашивали меня съ насмѣшкою: «Да гдѣ жь онѣ? давайте ихъ!»—и сами не только насчитали множество именъ знаменитыхъ и великихъ, но и нашли въ нашей литературѣ внутреннюю жизнь, историческое движеніе, гдѣ послѣдующее выходитъ изъ предъидущаго...

А.—Въ-самомъ-дѣлѣ? Посмотримте-ка, сколько знаменитыхъ и великихъ именъ насчитали мы... Ломоносовъ—какъ великій характеръ (качество не обогащающее нашей литературы!), какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, имѣющихъ теперь *историческое* достоинство; Фонвизинъ, какъ умный писатель, котораго небольшая книга имѣетъ для насъ значеніе «мемуаровъ», передавшихъ намъ духъ и характеръ русскаго XVIII вѣка; Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, какъ лица, имѣющія бо̀льшее или мѐньшее значе-

ніе въ исторіи русской литературы, русскаго общественнаго образованія,—авторитеты, съ которыми мы должны знакомиться въ школѣ, и которыхъ уже не можемъ читать, вышедши изъ школы въ свѣтъ;—авторы, которыхъ имена для насъ священны, но которыхъ значеніе—наша семейная тайна, неразрѣшимая для иностранцевъ, хотя бы иностранцы и могли прочесть ихъ на своихъ языкахъ... И такъ, вотъ уже *шесть* именъ... Далѣе: Крыловъ, геніальный писатель національныхъ басень—этой поэзіи здраваго разсудка... Жуковскій, внесшій въ нашу литературу и въ нашу жизнь романтическіе элементы и усвоившій намъ нѣсколько превосходныхъ произведеній нѣмецкой и англійской словесности, которыя *тамъ* читаются въ подлинникѣ... Батюшковъ—замѣчательный талантъ, неопредѣленно и блѣдно развившійся; но недостатку содержанія, поэзія его, поэтому, не можетъ быть перенесена на почву чуждаго слова, не подвергаясь опасности завянуть и выдохнуться... Гнѣдичъ, превосходный переводчикъ «Иліады»—совершитель подвига, важнаго и великаго только для насъ... Пушкинъ и Гоголь,—вотъ поэты, о которыхъ нельзя сказать: «я ужь читалъ!», но которыхъ чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь; вотъ истинное, *капитальное* сокровище нашей литературы... Если Пушкинъ найдетъ достойныхъ переводчиковъ, то не можетъ не обратить на себя изумленнаго вниманія Европы; но все-таки онъ и не можетъ быть тамъ оцѣненъ по достоинству; этому всегда помѣшаетъ объемъ и глубина содержанія его поэзіи, далеко немогущія состязаться съ объемомъ и глубиною содержанія, какимъ проникнута поэзія великихъ представителей европейскаго искусства... Иностранецъ, коротко ознакомившійся съ Россіею и ея языкомъ, не можетъ не признать въ Пушкинѣ, какъ въ художникѣ, міровой творческой силы, которой нечего бояться чьего бы то ни было соперничества; многія лирическія стихотворенія, выражающія субъективность Пушкина, еще болѣе утвердятъ его въ этомъ убѣжденіи; но тѣ творенія Пушкина, въ которыхъ онъ выходилъ на историческую почву жизни, и которыхъ величіе и колоссальность необходимо зависитъ отъ содержанія, покажутъ ему, что Пушкинъ, слишкомъ-рано родившись для Россіи, слишкомъ-рано и умеръ для нея... Общественные интересы современной Европы развились изъ почвы тысячелѣтняго всемірно-историческаго развитія, и могутъ возбуждаться только такимъ поэтическимъ содержаніемъ, которое оплодотворяетъ собою вѣкъ, творитъ новую исторію, и какимъ проникнуты творенія Шекспира, Байрона, Шиллера и Гёте... Сказанное о Пушкинѣ можно примѣнить и къ Гоголю... Теперь, кто же остается?—Грибоѣдовъ, написавшій одну комедію, да Лермонтовъ, написавшій одинъ романъ въ прозѣ, небольшую книжку стихотвореній... Изъ прежней школы Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ—вотъ и всѣ... Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность: правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ

еще не составляетъ общества, а нѣсколько идей, пріобрѣтенныхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому-что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература; наша литература безъ публики, потому-что наша публика что-то загадочное: одинъ читалъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ г. Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій г. Тимофеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и «Гамлету», и водевилямъ г. Коровкина, и «Парашѣ» г. Полеваго... И не думайте, чтобъ это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества,—нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ... Историческій ходъ свой наша литература совершила въ самой же себѣ: ея настоящею публикою былъ самъ нищущій классъ. и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе или менѣе разумный отзывъ во всей массѣ грамотнаго общества... Но будемъ смотрѣть на литературу просто, какъ на постоянный предметъ занятія публики, слѣдовательно, какъ на безпрерывный рядъ литературныхъ новостей: что жь это за литература! Да занимайте вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на чтеніе посвятите время между обѣдомъ и кофе,—и тогда не на одинъ день останетесь вы безъ чтенія. Въ журналахъ все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре порядочныя повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ полдюжины, включая сюда и ученыя—вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, по-неволѣ восклицаете, протяжно зѣвая: «Да гдѣ жь онѣ?—давайте ихъ!»... Любопытно было бы сдѣлать хоть одинъ перечень литературныхъ явленій за цѣлый годъ...[30])

Но это мы сдѣлаемъ уже сами, тѣмъ болѣе, что это такъ не трудно сдѣлать: Библіографическая Хроника «Отеч. Записокъ», не пропускающая ни одной новой книги, изданной въ Россіи, даетъ намъ всѣ нужные для такого дѣла матеріалы. Если прерванный нами разговоръ сколько-нибудь заинтересовалъ васъ, читатели, то и наша *приписка* къ нему не должна миновать вашего вниманія: можетъ-быть, въ этомъ годичномъ обзорѣ найдете вы кое-какія поясненія и дополненія къ длинному разговору; по-крайней-мѣрѣ, встрѣтите имена, не упомянутыя тамъ, но извѣстныя давно или недавно, и играющія первыя роли въ современной русской литературѣ...

Начнемъ съ журналовъ. Въ журналахъ теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная и переводная. Въ нихъ помѣщаются теперь повѣсти. которыя недавно издавались особо, частяхъ въ двухъ, въ трехъ и четырехъ; въ нихъ цѣликомъ печатаются романы, которыхъ каждая глава стоитъ иной повѣсти недавняго времени; въ нихъ печатаются драмы, историческія книги, и т. д. Ко всему этому надо прибавить, что наши журналы изъ всѣхъ силъ

стремятся къ многосторонности и всеобъемлемости—не во взглядѣ, о которомъ, правду сказать, немногіе изъ нихъ думаютъ,—а въ разнообразіи входящихъ въ ихъ составъ предметовъ: тутъ и политика, и исторія, и философія, и критика, и библіографія, и сельское хозяйство, и изящная словесность—чего хочешь, того просишь. Многіе не видятъ во всемъ этомъ добра и толкуютъ обо всемъ этомъ вкось и вкривь,—*а ларчикъ просто открывался!* Человѣкъ съ дарованіемъ переводитъ драму Шекспира; напечатать ему свой переводъ не на что; на удачу пуститься нельзя, потому-что каковъ бы ни былъ переводъ, все-таки нельзя надѣяться, чтобъ его разошлось болѣе двухъ десятковъ экземпляровъ, и то развѣ года въ два... Что жъ тутъ остается дѣлать?—Напечатать въ журналѣ. Это и прекрасно: тѣ, которые могутъ судить о Шекспирѣ и оцѣнить переводъ, прочтутъ, можетъ-быть, еще непрочитанную ими драму великаго творца; а тѣ, которые никакихъ другихъ драматическихъ красотъ, кромѣ «репертуарныхъ», не смыслятъ,—тѣ будутъ вознаграждены какою-нибудь большою сказкою, въ той же книжкѣ журнала напечатанною... Въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года было помѣщено цѣлое большое историческое сочиненіе «Альбигойцы», которое было всѣми прочтено съ жадностію и произвело общій восторгъ: будь же оно издано отдѣльно, его никто бы не прочелъ, о немъ никто бы не узналъ, переводчикъ напрасно потратилъ бы трудъ и время, а издатель деньги... Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно для объясненія, почему журналистика поглотила всю литературу. Это не прихоть, не произволъ, даже не разсчетъ со стороны журналистовъ: причина дѣла въ необходимости, въ самой дѣйствительности... Что журналистъ хочетъ обнять своимъ журналомъ всѣ области литературы и науки, удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества—отъ стиховъ до статей о свекловичномъ сахарѣ и удобреніи полей разными средствами,—здѣсь тоже очень простая причина: онъ хочетъ, чтобъ его журналъ читала публика... У насъ еще не можетъ быть спеціальныхъ журналовъ, намъ пожалуйте всего за однѣ и тѣ же деньги; мы хотимъ не мнѣнія, не руководительнаго начала, не предмета для ученія, или размышленія,—мы хотимъ чтенія, какъ средства отъ скуки, потому-что однѣ карты да карты, силетни да силетни,—оно конечно хорошо, да вѣдь прискучитъ же... Семейство выписываетъ журналъ,—журналистъ долженъ угодить всѣмъ членамъ этого семейства: отецъ-старикъ читаетъ, напр., перечень событій въ отечествѣ и статьи по части сельскаго хозяйства; мать—повѣсти и модныя извѣстія; сынъ—критику и разборы книгъ; дочь—стихи, повѣсти и модныя извѣстія; смѣсь—всѣ. Не угодите одному, останутся недовольны всѣ! За границею, сущность журнала состоитъ въ его мнѣніи, и потому тамъ журналисту нечего бояться соперничества, не къ чему хвататься за множество такихъ предметовъ: у него есть мнѣніе—есть и подписчики, потому-что кто раздѣляетъ его доктрину, тотъ будетъ читать его журналъ; слѣдовательно, ему не помѣшаютъ, его не заслонятъ, не задавятъ другіе журналы, хотя бы у нихъ были десятки тысячъ подписчиковъ. Тамъ гибнетъ только безцвѣтность, безхарактерность,

безсиліе и бездарность. Толстота нашихъ журналовъ тоже не разсчетъ, а необходимость. И въ городѣ скучно жить—о деревнѣ нечего и говорить: вы получаете книжку журнала столь полновѣсную, что предвидите цѣлую недѣлю чтенія—не счастіе ли, не блаженство ли это?.. Иные же слабы глазами, или *не привыкли* читать скоро—имъ на цѣлый мѣсяцъ занятіе; шутка ли это?.. Тощіе и содержаніемъ и талантомъ журналы истощаютъ послѣднее свое остроуміе на насмѣшки надъ толстыми журналами, а толстые журналы рѣдко даже замѣчаютъ тощихъ... Все это въ порядкѣ вещей, все это *русская литература!*..

Приступая къ журналамъ, начнемъ съ старѣйшаго изъ нихъ — съ «Сына Отечества». Онъ кончился нынѣшній годъ *сорокъ третьимъ* нумеромъ, вмѣсто *пятидесяти-втораго*... Въ этой 43-й книжкѣ особенно примѣчательна статья о первомъ томѣ «Русской Бесѣды»: разсказывается строкахъ въ трехъ содержаніе каждой пьесы, потомъ дѣлается большая выписка изъ пьесы, а изъ всего этого выводится *подразумѣваемое* слѣдствіе, что пьеса очень хороша... Какой наивный способъ критиковать книги и наполнять журналъ... Странное дѣло! мы всѣми силами старались слѣдить за «Сыномъ Отечества»: получимъ, бывало, отсталую книжку — тотчасъ же читать—и ничего не прочтемъ... Публика, въ отношеніи къ «С. О.», была за-одно съ нами, съ тою только разницею, что даже и не разрѣзывала его... А кажется, чего въ немъ нѣтъ — и политика, и сокращенные романы, и экстракты изъ повѣстей, а въ смѣси всегда бездна остроумія — ничто не помогло! Съ будущаго года «С. О.» *снова* возрождается, юнѣетъ... Бѣдный старецъ! найдетъ ли онъ наконецъ для своихъ изсохшихъ, желтѣющихъ костей мертвую и живую воду—не знаемъ; но обыкновенной, прѣсной воды въ немъ много... Не далѣе, какъ передъ началомъ прошлаго года, грозная аффиша возвѣстила, что баронъ Брамбеусъ, по врожденному ему великодушію, не помня зла, рѣшается протянуть свою высокородную руку падшему врагу, чтобъ поднять его. И дѣйствительно, баронъ руку-то протянулъ, но врага-то не поднялъ — у старика, видно, отнялись ноги, или, можетъ-быть, у барона ослабли руки?.. Оставимъ же ихъ, пожелавъ имъ добраго здравія и укрѣпленія силъ, и обратимся къ «Библіотекѣ для Чтенія», которая должна непосредственно *слѣдовать* за «Сыномъ Отечества» [31]).

«Б. для Ч.» съ 1839 года какъ-будто пошатнулась — начала опаздывать, чего съ нею прежде не бывало; начала печатать статьи объ искусствѣ, которыхъ смыслъ доселѣ остается тайною для публики и здраваго смысла. Въ *девяти* книжкахъ тянулся романъ г. Кукольника «Эвелина де Вальероль»; получая слѣдующую книжку, публика забывала, что̀ прочла въ предшествовавшей: это было очень удобно придумано для доставленія публикѣ пріятнаго и занимательнаго чтенія. Въ *пятой* книжкѣ вдругъ явился экстрактъ изъ романа Тика «Витторія Аккоромбона», вполнѣ переведеннаго и напечатаннаго въ *третьей* и *четвертой* книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»... Отдѣленіе «Литературной Лѣтописи» и «Смѣси» въ «Б. для Ч.» были,—особенно пер-

вое,—по два, по три листочка, увеличиваясь только въ послѣднихъ книжкахъ стараго и первыхъ книжкахъ новаго года, какъ это воспослѣдовало и теперь. Но умный человѣкъ и на одной страничкѣ найдется что сказать! «Б. для Ч.»... была очень находчива въ этомъ отношеніи... Четвертая книжка ея вдругъ, ни съ того ни съ сего, пустилась разсуждать о Гомерѣ, гекзаметрѣ, о томъ, какъ должно переводить Гомера... Не довольствуясь разсужденіями, она—такая добрая!—не оставила поучить,—разумѣется тѣхъ, кто захочетъ учиться у ней,—самымъ дѣломъ, и представила, или, какъ выражается С. Н. Глинка, «предъявила» образчики своихъ трудовъ по части сочиненія настоящихъ, самыхъ лучшихъ гекзаметровъ; но приступила къ этому очень тонко и ловко: она объявила, что критика—вздоръ, шарлатанство, ибо-де критика есть не что иное, какъ личное мнѣніе, «ничтожная, безпослѣдственная, частная болтовня *)»... Avis aux lecteurs! Что касается до-насъ, — мы очень рады этому «извѣстію»: оно объяснило намъ, что такое критика въ «Б. для Ч.». Изъ снисхожденія къ требованіямъ педантовъ, вдругъ пускается она въ ученую критику, говоря: «Я объявляю, что напрягу всѣ силы, чтобы, елико возможно, быть важнымъ и не смѣяться. *Скучайте!* Мнѣ до этого дѣла нѣтъ **)». И что же! Не возможно лучше и честнѣе сдержать даннаго слова: статья вышла скучная, прескучная... «Б. для Ч.» пустилась разсуждать объ отношеніи музыки къ гекзаметру и гекзаметра къ музыкѣ, и обнаружила по обоимъ этимъ предметамъ столько природнаго знанія, что, читая статью ея, такъ и приговариваешь къ каждому слову: «Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ; замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился ***)». Результатомъ всѣхъ этихъ тоническихъ и метрическихъ разглагольствованій на восьмнадцати страницахъ былъ знаменитый стихъ:

По берегу Невы Маша ходила бѣлою босою ногою, собирая ягоды и отморозила себѣ носъ...

Послѣ этого стиха, о «Б. для Ч.» скорѣе можно сказать, что она не выдумаетъ пороху, нежели, что она не сочинитъ стиху...

За диссертаціею слѣдуетъ разборъ дряннаго опыта перевода «Одиссеи», а въ разборѣ развитіе слѣдующихъ двухъ великихъ идей: N 1. «Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье Иліады во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой карикатуры ея размѣру, ея гармоніи, цвѣту, физіономіи, духу, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ Русскихъ съ формою и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности» ****). N 2. «Древніе подъ *простотою* (simplicitas) разумѣли *простонародность*, и Гомеръ объясняется какъ *кумъ Емельянъ* у казака Луганскаго»... [32]) Въ смѣси XI книжки помѣщены

*) Б. для Ч. 1841, No IV, Лит. Лѣтопись, стр. 16.

**) Ibid. стр. 17.

***) "Ревизоръ" комедіи Гоголя, стр. 82 перваго изданія.

****) „Б. для Ч." No IV, стр. 3.

неоспоримыя доказательства, что древніе *раскрашивали красками* свои статуи, и что классическіе города были—пзящный Китай!... Подлинно, мандаринскій взглядъ на искусство...

Впрочемъ, можетъ-быть, все это и шутка: «Б. для Ч.» большая охотница шутить,—это всѣмъ извѣстно. Прочтите, напр., въ третьей книжкѣ ея похвалы графинѣ Растопчиной, Зенендѣ Р... и г. Кукольнику, и отгадайте, что̀ это—похвала или насмѣшка... Но, говоря о трехъ послѣднихъ частяхъ сочиненій Пушкина,—мы въ этомъ увѣрены—«Б. для Ч.» не шутитъ: по ея мнѣнію, Пушкинъ—писатель старой школы—онъ употреблялъ *сей* и *оный*... Впрочемъ, это дѣло личнаго вкуса и личнаго самолюбія, полагающаго войну противъ *сихъ* и *оныхъ* великимъ подвигомъ; но въ XII книжкѣ на 55 стр. Лит. Лѣтописи, находится превосходный образчикъ *учености* «Б. для Ч.», гдѣ доказывается, что все на свѣтѣ *дымъ*, въ томъ числѣ и *всемірный законъ постепенности*... Впрочемъ, направленіе и духъ «Б. для Ч.» такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что о нихъ новаго ничего нельзя сказать, кромѣ того развѣ, что одно и то же надоѣдаетъ, мысли безъ содержанія становятся пусты, старыя шутки приторны... Справедливость требуетъ замѣтить, что прошлогодняя «Б. для Ч.» не чужда и хорошихъ статей, особенно переводныхъ; жаль только, что къ нимъ нельзя имѣть вѣры, не зная, за что ихъ должно принимать—за дѣло, или за шутку. Къ числу шутокъ, и довольно плоскихъ, принадлежитъ статья о Франклинѣ.—Критика въ «Б. для Ч.» всегда пуста, всегда наполнена выписками изъ сухихъ сочиненій, преимущественно подвергающихся ея разсмотрѣнію. Но критика на книгу отца Іакинѳа о Китаѣ представляетъ собою блестящее исключеніе изъ общаго правила этого журнала: статья живая, энергическая, умная, хотя и не чуждая парадоксовъ. Странный журналъ эта «Б. для Ч.»: о Китаѣ судитъ по-европейски, а о европейскомъ искусствѣ по китайски! Подлинно, кому на что дастъ Богъ дарованіе!... [33])

Къ отдѣленію русской и иностранной поэзіи въ «Б. для Ч.» мы будемъ обращаться ниже, говоря вообще о произведеніяхъ бельлетристики въ прошломъ году; а теперь перейдемъ къ другимъ журналамъ.

«Современникъ» прошлаго года по-прежнему былъ вѣренъ своему плану, духу и направленію, и по-прежнему былъ богатъ хорошими оригинальными статьями и хорошими переводами произведеній скандинавской поэзіи. Особенно интересна и важна въ немъ неоконченная статья «Нибелунги». Окончаніе этой превосходной статьи будетъ помѣщено, вѣроятно, въ «Современникѣ» нынѣшняго 1842 года [34]).

Въ «Москвитянинѣ» было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, которыя намъ особенно пріятно исчислить здѣсь *всѣ*: «Споръ», стихотвореніе *Лермонтова*, «Послѣдніе стихи лорда Байрона» *К. Павловой*, «Сцены къ Ревизору» и «Письмо о первомъ представленіи «Ревизора» *Гоголя;* Обозрѣніе гегелевой логики» *Рѣдкина;* «Нѣсколько словъ о римской исторіи» *Лункина;* О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита» *Кро-*

кова; «Нѣсколько словъ о сценическомъ художествѣ» *Крюкова;* разборъ «Чтеній о русскомъ языкѣ Греча» *Шевырева.* Интересны нѣкоторые матеріалы для исторіи русской литературы, напр., «Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ» (изъ записокъ *Дмитріева*) и пр.; нѣкоторые матеріалы для исторіи Россіи, какъ напр., «Послѣдній претендентъ мѣстничества, князь Козловскій», «Письмо Н. И. Панина о поимкѣ Пугачева», и пр. Замѣчательныхъ повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ, въ «Москвитянинѣ» не было [35]).

«Русскій Вѣстникъ», хотя и новый журналъ, однако новаго ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что опаздывалъ выходомъ книжекъ и, вмѣсто обѣщанныхъ *двѣнадцати* книжекъ, появился въ прошломъ году только въ числѣ *десяти*, чтò, конечно, для него *ново*, потому-что онъ дѣлаетъ это еще въ первый разъ. Наполнялся же онъ статьями спеціальнаго содержанія, сухими и не журнальными. Пускался «Русскій Вѣстникъ» и въ философію, — правда, не часто, всего, кажется, только одинъ разъ, но за то съ большимъ успѣхомъ. Любопытные сами могутъ справиться объ этомъ въ курьёзной статьѣ: «Европа, Россія и Петръ Великій»; а мы выпишемъ изъ нея, для пользы и удовольствія читателей, только одинъ, но за то длинный и, по глубинѣ содержанія, не совсѣмъ понятный періодъ:

«Послѣ *великой субботы* творенія, когда кончились явленія вещественныхъ силъ природы, и явилось въ мірѣ послѣднее, духовное божіе созданіе, вѣнецъ твореній его, *человѣкъ*, земля, жилище человѣка, представила ему, въ отвердѣлыхъ формахъ своихъ, *внѣшній* обширный материкъ планеты, гдѣ сомкнуты были двѣ великія части свѣта—*Азія* и *Европа*, Востокъ и Западъ, двѣ противоположности, двѣ половины міра, борьба которыхъ должна была составить *жизнь человѣчества* (?.), ибо жизнь есть ни что иное, какъ бореніе двухъ началъ—возрожденія и разрушенія, свѣта и тѣни, стремленія частей къ самобытности, и стремленія цѣлаго совмѣстить въ себѣ частную самобытность". (Р. В. N 1, *стр.* 97).

Мы не выбирали, а выписали на выдержку, взяли немногое изъ многаго; осталась бездна гораздо-лучшаго; въ-особенности рекомендуемъ мѣсто отъ 104 до 107 страницы, гдѣ очень ясно и ново разсуждается *о паденіи человѣка, о фетишизмѣ, о философской (?!..) религіи Китайцевъ, о буддизмѣ, браминизмѣ, магахъ, Египтянахъ, Скандинавахъ, Цельтахъ, Магамеданахъ*, и другихъ предметахъ, не менѣе близкихъ къ Россіи и исторіи Петра-Великаго. Эту интересную статью можно раздѣлить на три части: первую занимаетъ философія—*взглядъ и нѣчто*—двадцать двѣ страницы (95—116); вторая посвящена собственно Россіи и занимаетъ *восемь* страницъ (125—133); третья посвящена Петру-Великому и занимаетъ собою—*меньше одной страницы* (134). Въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ, чтò было хорошаго въ «Р. В.» по части изящной словесности; а теперь укажемъ только на ученыя и критическія статьи, больше или меньше интересныя; ихъ очень немного: оригинальная статья «Завоеваніе Азова въ 1696 году» Н. Полеваго, переводная статья «Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи, 1689 года» (Дела

*

Нёвилля); разборъ Н. Полеваго первой тетради «Исторіи Петра Великаго» соч. г. Ламбина; разборъ «Ластовки», «Исповѣди доктора Ястребцова». Этого довольно на *десять* книгъ—чего же больше!... Ко всему этому надо прибавить, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» незамѣтно ничьего преимущественнаго вліянія, которое могло бы дать этому изданію характеръ, направленіе, образъ мыслей: имена гг. Полеваго, Кукольника и Греча украсили только его программу, а не листы; впрочемъ, два первые сдѣлали хоть что-нибудь въ качествѣ сотрудниковъ, если не редакторовъ; но третій ничего не сдѣлалъ и въ этомъ качествѣ, ибо одна или двѣ безцвѣтныя статьи ничего не значатъ въ годовомъ изданіи журнала. Какъ тутъ не вспомнить геніальнаго выраженія одной статьи въ пушкинскомъ «Современникѣ» 1836 года, объ участіи г. Греча въ «Б. для Ч.»: «Имя г. Греча было выставлено только для формы; по-крайней-мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно ужъ сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилаго человѣка приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы»... («Соврем.» т. I стр. 195) [36]).

За исключеніемъ «Отеч. Записокъ», хвалить или осуждать которыя — не наше дѣло, вотъ и всѣ наши журналы. Газетъ у насъ еще меньше — всего двѣ, т. е. газетъ, издаваемыхъ не отъ правительства и посвященныхъ преимущественно литературѣ: «Сѣверная Пчела» и «Литературная Газета».

«Сѣверная Пчела» издается и Богъ-знаетъ сколько лѣтъ, что-то очень давно: по-странное дѣло!—она такъ всегда вѣрна себѣ, такъ неизмѣнчива ни къ лучшему, ни къ худшему, что первый нумеръ перваго года ея существованія и послѣдній нумеръ только-что кончившагося вчера 1841-го года—такъ похожи одинъ на другой, и по содержанію, и по тону, и по взгляду, или по отсутствію всякаго взгляда на предметы, что можно подумать, будто оба эти листка напечатаны въ одинъ и тотъ же день. Поэтому, мы безошибочно можемъ привести о ней сужденіе изъ упомянутой выше статьи «О движеніи журнальной литературы», которую Пушкинъ напечаталъ въ первой книжкѣ своего «Современника» на 1836 годъ, и съ которой, слѣдственно, онъ былъ совершенно согласенъ. Вотъ что сказалъ Пушкинъ, или его «Современникъ» [37]): «Сѣверная Пчела» заключала въ себѣ оффиціальныя извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполняла свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что̀ ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ «С. П.» пробовали остроту пера разные незнакомые, скрывавшіеся подъ разными буквами, безъ сомнѣнія люди молодые, потому-что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства. Они нападали развѣ на самаго уже беззащитнаго и круглого си-

роту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобъ расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя грѣхъ такою оговоркою: «впрочемъ желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога» или: «хорошая книга требуетъ хорошаго изданія», и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и пр. Впрочемъ, отъ «С. П.» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша; ея дѣло было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ» (*стр.* 202 — 204)... Для полноты вѣрной характеристики «Сѣверной Пчелы», мы должны прибавить, что ея участіе въ литературѣ болѣе и болѣе принимаетъ характеръ *статистическій*, особенно въ концѣ стараго и началѣ новаго года: она судитъ исключительно только о числѣ подписчиковъ на журналы, о цѣнахъ журналовъ, о томъ, *ошибко* ли идетъ книга, или залежалась... Что же касается до политическихъ извѣстій — это самая интересная часть «Сѣверной Пчелы», потому-что политическія извѣстія всегда новѣе, свѣжѣе, полнѣе и интереснѣе въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Инвалидѣ», которые, постоянно, днемъ или двумя днями раньше «Сѣверной Пчелы» сообщаютъ политическія новости, такъ что «Сѣверной Пчелѣ» остается лишь весьма легкій и пріятный трудъ — перепечатывать эти новости въ столбцы свои... Кстати: есть поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году «Русскій Инвалидъ» значительно расширитъ свои предѣлы и дастъ обширное мѣсто статьямъ литературнымъ, фельетону, библіографіи; самый форматъ его увеличится, можетъ-быть въ первую, можетъ-быть во вторую половину года.

«Литературная Газета» была вѣрна своей литературной политикѣ: объ этомъ знаетъ «Сѣверная Пчела», т. е. ея ученые издатели и добросовѣстные даровитые сотрудники. Особенно замѣчательны были въ прошломъ году фельетонные разборы «Литер. Газеты» оперъ «Аскольдовой Могилы» и «Тоски по Родинѣ», нѣкоторыя рецензіи и другія газетныя статьи; съ нынѣшняго года «Литературная Газета» значительно усилитъ свой интересъ для публики, болѣе держась чисто-газетной сферы; выходя же въ недѣлю только одинъ разъ, не листкомъ, а тетрадью, она, нисколько не теряя въ свѣжести извѣстій, пріобрѣтаетъ возможность представлять своимъ читателямъ довольно-большія повѣсти, разсказы, даже водевили и небольшія драмы [38]).

Теперь сдѣлаемъ краткое обозрѣніе всего, сколько-нибудь примѣчательнаго, что появилось, въ-продолженіи прошлаго года, по части изящной литературы, какъ оригинальнаго, такъ и переводнаго, какъ отдѣльно изданнаго, такъ и помѣщеннаго въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто занимаютъ три тома посмертныхъ сочиненій Пушкина, между которыми много такихъ, которыя публика прочла въ первый разъ. Въ этихъ же трехъ томахъ

помѣщено нѣсколько стихотвореній, пропущенныхъ въ первыхъ восьми томахъ, и нѣсколько сообранныхъ, по смерти Пушкина, журналами, преимущественно «Отеч. Записками». Особенной благодарности издатели заслуживаютъ за помѣщеніе *лицейскихъ стихотвореній* Пушкина: это важный фактъ для русской литературы и исторіи развитія поэтической дѣятельности Пушкина. Иные говорятъ, что не должно было печатать того, чего не хотѣлъ печатать самъ Пушкинъ при жизни своей: — странное мнѣніе! Пушкинъ не могъ и не долженъ былъ печатать всего: не его дѣло было выставлять себя геніемъ и великимъ человѣкомъ, котораго каждая строка интересна и важна для современниковъ и потомства; это было дѣло другихъ, когда смерть измѣнила отношенія поэта къ публикѣ и публики къ поэту,—а это дѣло выполнили издатели его сочиненій. Небольшое число стихотвореній, не вошедшее въ послѣдніе три тома, и *семь* пропущенныхъ прозаическихъ статей издатели хотятъ собрать въ особой книжкѣ и *безденежно* выдать купившимъ три послѣдніе тома сочиненій Пушкина. — Въ «Отеч. Запискахъ» было напечатано *девять* стихотвореній Лермонтова: «Есть рѣчи», «Завѣщаніе», «Оправданіе», «Родина», «Послѣднее Новоселье», «Кинжалъ», «Плѣнный рыцарь», «Парусъ» и «Желанье»; одно («Споръ») помѣщено въ «Москвитянинѣ», два во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». Въ «Отеч. Запискахъ» напечатано нѣсколько пьесъ Кольцова, изъ которыхъ «Что ты спишь, мужичокъ», «Разсчетъ съ жизнію», «Много есть у меня» и въ-особенности «Ночь» принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ русской поэзіи. Какъ жаль, что стихотворенія Кольцова (разумѣется, *строго* избранныя) до-сихъ-поръ не изданы! Поэтическое дарованіе Кольцова признано всѣми безусловно; многіе изъ талантливыхъ нашихъ музыкантовъ кладутъ его пѣсни на музыку; и такъ, его читаютъ и поютъ, его хвалятъ, но не многіе знаютъ степень и важность его дарованія, какъ *капитальнаго*, а не временнаго, которое занимаетъ современность и умираетъ вмѣстѣ съ лицомъ... Кольцовъ принадлежитъ къ числу такихъ художниковъ, которые не могутъ претендовать на всеобъемлемость и многосторонность выражаемой ихъ творчествомъ жизни, но которые, избравъ себѣ *одну* сторону жизни, исчерпываютъ ее глубоко и мощно, какъ напр., Орасъ Вернѣ въ изображеніи военныхъ сценъ. Если бы стихотворенія Кольцова были изданы,— въ этомъ всѣ убѣдились бы и скоро и единодушно. Теперь же нѣтъ *общаго впечатлѣнія* въ пользу его поэзіи, потому-что какъ можно требовать, чтобъ каждый помнилъ, гдѣ и когда было помѣщено то или другое стихотвореніе?— Вѣроятно, читатели «Отеч. Записокъ» обратили вниманіе на стихотворенія г. Огарева, отличающіяся особенною внутреннею меланхолическою музыкальностію; всѣ эти пьесы почерпнуты изъ столь глубокаго, хотя и тихаго чувства, что часто, не обнаруживая въ себѣ прямой и опредѣленной мысли, онѣ погружаютъ душу именно въ невыразимое ощущеніе того чувства, котораго сами онѣ только какъ-бы невольные отзывы, выброшенные переполнившимся волненіемъ. Прошлый годъ былъ ознаменованъ появленіемъ новаго дарованія, подающаго въ буду-

щемъ большія надежды: мы говоримъ о г. Майковѣ, котораго стихотворенія являлись, впрочемъ рѣдко означенныя полнымъ именемъ автора, въ «Б. для Ч.»—Изъ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ особенно замѣчательны «Пустынникъ», «Сомнѣніе» (№ 2); въ «Отеч. Запискахъ» «Вакханка» и «Искусство» (№№ 10 и 11). Лучшія стихотворенія г. Майкова—въ антологическомъ родѣ. Въ нихъ столько эллинскаго и пластическаго въ содержаніи и формѣ, столько полноты и жизни, что нельзя въ авторѣ не признать положительно-поэтическаго таланта. Конечно, не всѣ его стихотворенія равнаго достоинства; есть между ними и не совсѣмъ удачныя; но за то, иныя не оставляютъ ничего желать; лучшее изъ нихъ «Сонъ», напечатанный въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ, и цитованное въ статьѣ «Отеч. Зап.» о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте». Стихотворенія г. Майкова не-антологическія, большою частію отличаются прекрасными стихами и поэтическими частностями; но ихъ содержаніе почти всегда неопредѣленно и отзывается какою-то юношескою незрѣлостію. Въ нынѣшнемъ году, г. Майковъ издастъ свои стихотворенія; мы поговоримъ о нихъ, когда они выйдутъ въ свѣтъ [39]).—Въ прошломъ году вышла первая часть стихотвореній графини Ростопчиной, уже извѣстныхъ публикѣ и оцѣненныхъ ею по достоинству. Стихотворенія Козлова напечатаны *третьимъ* изданіемъ. «Піитическіе Опыты» Елизаветы Кульманъ вышли *вторымъ* изданіемъ. Третье изданіе «Сказаній Русскаго Народа» и первая часть русскихъ народныхъ сказокъ, изд. г. Сахаровымъ, дополняютъ собою общій итогъ прошлогодней поэзіи. Изъ капитальныхъ произведеній русской поэзіи, появились вторымъ изданіемъ: «Ревизоръ» (съ новыми сценами и письмомъ автора о первомъ представленіи его комедіи) и «Герой Нашего Времени». Новаго по части романа и драмы ничего не являлось. Впрочемъ, къ романамъ сколько-нибудь замѣчательнымъ принадлежатъ: «Эвелина де Вальероль», помѣщенный въ девяти книжкахъ «Библіотеки для Чтенія», да «Византійскія Легенды» и вышедшій вторымъ изданіемъ «Аббаддонна». «Эвелина де Вальероль» г. Кукольника читается легко и весело, потому-что въ ней много *внѣшняго* интереса, бездна эффектовъ, толпа лицъ, изъ которыхъ лицо Гар-Піона даже похоже на характеръ. Героя въ романѣ нѣтъ ни одного, а героевъ много; видѣнъ умъ и изученіе, но мало фантазіи. Однимъ словомъ, «Эвелина де Вальероль» примѣчательный tour de force таланта, который не такъ слабъ, чтобъ ограничиваться бездѣлками, доставляющими фельетонную извѣстность, и не такъ силенъ, чтобъ создать что-нибудь выходящее за черту посредственности. Сколько ни написалъ г. Кукольникъ драмъ, и русскихъ и итальянскихъ, всѣ онѣ не что иное, какъ «этюды», которые могутъ имѣть свои относительныя достоинства, но которые читать очень скучно. Повѣстями наша литература была гораздо-богаче. Лучшая повѣсть прошлаго года, безъ всякаго сомнѣнія—«Аптекарша» графа В. А. Соллогуба, напечатанная во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». И немудрено: графъ Соллогубъ—писатель съ замѣчательнымъ дарованіемъ, а «Аптекарша» рѣшительно выше всего, что онъ написалъ. Давно уже мы не читали по-рус-

ски ничего столь прекраснаго по глубоко-*гуманному* содержанію, тонкому чувству *такта*, по мастерству формы, простирающемуся до какой-то художественной полноты. Это *третье* прекрасное произведеніе графа Соллогуба, послѣ «Исторіи двухъ Калошъ» и отрывка изъ «Тарантаса», и мы видимъ особенное доказательство таланта автора въ большей зрѣлости его, которая такъ очевидна въ послѣднемъ его произведеніи. Содержаніе «Аптекарши» очень просто, такъ-что для людей безъ эстетическаго чувства она можетъ показаться повѣстью, лишенною высокаго содержанія, простымъ разсказомъ о простомъ случаѣ; но въ этомъ-то все и достоинство ея. Прочитавъ повѣсть, вы чувствуете, что внутри ея совершалась трагедія, тогда-какъ снаружи все было спокойно. Курляндскій юноша, баронъ Фиренгеймъ,—«природа котораго была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая», какъ выражается авторъ,—живя въ Дерптѣ, на квартирѣ профессора, *заинтересовался слегка* его хорошенькою дочкою, которая, съ своей стороны, глубоко полюбила его. Превосходно изображена авторомъ борьба въ душѣ барона между пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него милая дѣвушка, и оскорбительнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него проза окружающей ее дѣйствительности. Это понятно: розовое личико пятнадцати-лѣтней дѣвочки, съ большими темносиними глазами, длинными шелковистыми рѣсницами, дѣтской, задумчивой головкой—не совсѣмъ вяжется съ кухонными хлопотами, сальными свѣчами и изношеннымъ салопомъ. Только навсегда уѣзжая изъ Дерпта, баронъ понялъ, какъ любила его бѣдная Шарлотта. Долго не видались они. Баронъ началъ хлопотать о служебной карьерѣ и, говоря словами самаго автора—«Аннѣ съ короной онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному съ чувствомъ глубокаго почтенія»... Потомъ онъ встрѣчаетъ ее въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ, женою бѣднаго Нѣмца-аптекаря, старается соблазнить ее; но ему не удается и, пристыженный благородствомъ аптекаря [40]), безкорыстною любовію его и чистымъ уваженіемъ къ женѣ, уѣзжаетъ изъ городка. Пріѣхавъ опять, черезъ годъ времени, въ городишко, онъ узнаетъ, что Шарлотта умерла отъ чахотки... Не знаемъ, долго ли онъ грустилъ, или скоро ли опять утѣшился: знаемъ только, что повѣсть графа Соллогуба оставляетъ въ душѣ глубоко-грустное впечатлѣніе... О разсказѣ нѣчего и говорить: это само мастерство: характеры всѣ до одного прекрасно очерчены, вѣрно выдержаны. Герой—одно изъ тѣхъ типическихъ и часто-встрѣчающихся лицъ, которымъ природа не отказала въ чувствѣ и способности понимать многое, но которыхъ она, въ то же время, надѣлила большимъ избыткомъ ничтожности и пустоты въ характерѣ. Отецъ Шарлотты—типъ нѣмецкаго *гелерта* [41]), и какъ хорошъ онъ, когда выкатываетъ студентской ватагѣ весь скудный свой погребъ и съ сверкающими отъ восторга глазами смотритъ на ихъ ученый разгулъ, или когда онъ отъ-души восхищается мастерскою раною, отъ которой могъ умереть его любимецъ. Но въ повѣсти есть еще лицо, о которомъ мы не говорили: это

уѣздный франтъ, въ венгеркѣ съ кистями—лицо въ высшей степени типическое, мастерски очерченное...

Г. Панаевъ напечаталъ въ прошломъ году двѣ повѣсти: «Онагръ» (Отеч. Зап. № 5) и «Барыня» (въ первомъ томѣ «Русской Бесѣды»), принадлежащія къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ прошлогодней литературы. «Барыня» особенно хороша: въ ней столько характеристическаго, вѣрнаго, ловко и цѣпко схваченнаго. Впрочемъ, каждая новая повѣсть г. Панаева бываетъ лучше предшествовавшей, въ чемъ читатели наши особенно могутъ убѣдиться по «Актеону». Это добрый знакъ: развитіе и движеніе впередъ есть несомнѣнное доказательство истиннаго дарованія...

Въ «Отеч. Запискахъ» обратили на себя вниманіе избраннѣйшей части публики двѣ повѣсти А. Н. (псевдонимъ): «Звѣзда» (№ 3) и «Цвѣтокъ» (№ 9). Онѣ отличаются особеннымъ, самостоятельнымъ характеромъ, и обнаруживаютъ въ авторѣ даръ творчества, который, при условіи развитія, можетъ обѣщать много въ будущемъ. «Звѣзда» особенно хороша по какому-то грустному и зловѣщему колориту, разлитому по фону картины. Къ особенностямъ обѣихъ повѣстей принадлежитъ какая-то вкрадчивая, завлекающая вниманіе читателя вѣрность въ малѣйшихъ подробностяхъ изображаемой дѣйствительности, и необыкновенное умѣніе завязать цѣлую драму на самыхъ, повидимому, обыкновенныхъ, вседневныхъ случайностяхъ. Разсказъ столько же простой, сколько увлекающій и поэтическій. А. Н. написалъ уже не одну прекрасную повѣсть; въ «Телескопѣ» 1836 года были напечатаны его «Катенька Пылаева» и «Антонина»; въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 и 1839 гг.—«Однѣ сутки изъ жизни холостяка» и «Флейта»; въ «Отеч. З.» 1840—«Недоумѣніе». Общій недостатокъ почти всѣхъ его повѣстей состоитъ въ томъ, что женскіе характеры изображаются въ нихъ типически, искусно, вѣрно, а мужскіе большею частію блѣдно и безцвѣтно [42]).

Въ «Б. для Ч.» была только одна оригинальная повѣсть, но за то прекрасная: мы говоримъ о «Теофаніи Аббіаджіо» (№№ 1 и 2), г-жи Ганъ, обыкновенно подписывающейся *Зенеидою Р-вою*. Г-жа Ганъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ талантамъ современной литературы. Въ ея повѣстяхъ замѣтенъ недостатокъ такта дѣйствительности, умѣнія схватывать и изображать съ ощутительною точностію и опредѣленностію самыя обыкновенныя явленія ежедневности. Но этотъ недостатокъ вознаграждается внутреннимъ содержаніемъ, присутствіемъ живыхъ, общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ-особенности, полнотою чувства, электрически сообщающагося душѣ читателя. Поэтому, часто въ повѣстяхъ г-жи Ганъ внѣшнее содержаніе, завязка и развязка бываютъ не совсѣмъ правдоподобны и естественны, какъ, напр., въ повѣсти «Идеалъ», гдѣ женщина, одаренная глубокимъ чувствомъ, увлекается поэтомъ, который оказывается негодяемъ, и потомъ удивляется, какъ можно быть такимъ «небеснымъ» въ своихъ сочиненіяхъ и «земнымъ» въ своей жизни: тутъ что-нибудь да не такъ—или

героиня повѣсти не довольно имѣла эстетическаго такта, чтобъ не очароваться пустыми фразами, или поэтъ не былъ негодяй. Очевидно, что *сюжетъ* для г-жи Ганъ имѣетъ значеніе оперная либретто, на которое она потомъ пишетъ музыку своихъ ощущеній и мыслей. И въ-самомъ-дѣлѣ, эти ощущенія у ней иногда возвышаются до паѳоса,—и мы ничего не сказали бы о ея повѣстяхъ, если бъ не выписали изъ нихъ хотя нѣсколькихъ строкъ, характеризующихъ ея талантъ: Вотъ, напр. вдохновенная выходка женскаго чувства, оскорбленнаго предательскою мишурою общественнаго мнѣнія о значеніи женщины:

«Но какой злой геній такъ исказилъ предназначеніе женщины? Теперь она родится для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ, рядиться, плясать, владычествовать въ обществѣ, а на дѣлѣ быть бумажнымъ шахомъ, которому паяцъ кланяется въ присутствіи зрителей, и котораго онъ бросаетъ въ темный уголъ наединѣ. Намъ воздвигаютъ въ обществахъ троны; наше самолюбіе украшаетъ ихъ, и мы не замѣчаемъ, что эти мишурные престолы—о трехъ ножкахъ, что намъ стоитъ немного потерять равновѣсіе, чтобы упасть и быть растоптанной ногами ничего неразбирающей толпы. Право кажется иногда, будто міръ Божій созданъ для однихъ мужчинъ; имъ открыта вселенная со всѣми таинствами; для нихъ и слава, и искусства, и познанія; для нихъ свобода и всѣ радости жизни. Женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутываютъ ужаснымъ «что скажетъ свѣтъ»—и если ея надежды на семейное счастіе не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное, ограниченное воспитаніе не позволяетъ ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ; она поневолѣ должна броситься въ омутъ свѣта или до могилы влачить безцвѣтное существованье!...»

Или вотъ заключительныя строки прекрасной повѣсти «Судъ Свѣта», гдѣ убитая ложнымъ мнѣніемъ женщина, въ сознаніи своей правоты, пишетъ къ тому, кто, умѣвъ такъ сильно полюбить, не умѣлъ достойно оцѣнить ее:

«Судъ свѣта теперь тяготѣетъ надъ нами обоими; меня, слабую женщину, онъ сокрушилъ, какъ ломкую тросточку; васъ, о! васъ, сильнаго мужчину, созданнаго бороться со свѣтомъ, съ рокомъ и со страстями людей, онъ не только оправдаетъ, но даже возвеличитъ, потому-что члены этого страшнаго трибунала все люди малодушные... Съ позорной плахи, на которую положилъ онъ голову мою, когда уже роковое желѣзо занесено надъ моей невинной шеей, я еще взываю къ вамъ послѣднимъ словами устъ моихъ: «не бойтесь его!... Онъ рабъ сильнаго и губитъ только слабыхъ...»

«Теофанія Аббіаджіо»—лучшая изъ повѣстей г-жи Ганъ... [43])

Г. Кукольникъ въ прошломъ году написалъ много повѣстей, о которыхъ нельзя судить вѣрно, не раздѣливъ ихъ на три разряда: на повѣсти, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни временъ Петра-Великаго; на повѣсти, которыхъ содержаніе заимствовано изъ другихъ эпохъ русской жизни, и, наконецъ, на повѣсти, которыхъ содержаніемъ служитъ жизнь чуждыхъ намъ странъ, особенно Италіи. Первыя всѣ очень интересны; вторыя—посредственны; третьи—изъ-рукъ-вонъ плохи... И потому поговоримъ о первыхъ. Это собственно не повѣсти, а разсказы о старинѣ, въ основаніе которыхъ г. Кукольникъ всегда беретъ какой-нибудь извѣстный *историческій* анекдотъ. Но надо знать, что

онъ умѣетъ сдѣлать изъ этого анекдота, съ какимъ искусствомъ онъ разскажетъ его, свяжетъ частный бытъ съ исторіею, а исторію съ частнымъ бытомъ; сколько у него тутъ комическаго, а иногда и истинно-высокаго, особенно въ тѣхъ сценахъ, гдѣ является у него Петръ-Великій; сколько оригинальныхъ характеровъ и какая яркая картина борьбы нововведеній съ старинною дикостію нравовъ! Не думайте, чтобъ г. Кукольникъ дѣлалъ изъ приверженцевъ старины каррикатуры и чудища: нѣтъ, это иногда вѣрные слуги великаго царя, люди честные и благородные; но не думайте, чтобъ г. Кукольникъ изображалъ ихъ на-манеръ героевъ нашихъ патріотическихъ драмъ, т. е. людьми, которые говорятъ нравственными сентенціями, и дѣйствуютъ какъ машины: нѣтъ, это лица дѣйствительныя, исполненныя комизма, и, въ то же время, трогающія своимъ благородствомъ въ грубыхъ формахъ. Таковъ, напр., *Иванъ Михайловичъ*, олонецкій прокуроръ... Жаль, что г. Кукольникъ не издастъ своихъ разсказовъ отдѣльно: ихъ не мало, а книжка вышла бы преинтересная. Вотъ перечень этихъ разсказовъ: «Новый Годъ» и «Авдотья Петровна Лихончиха», «Прокуроръ», «Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ», «Иванъ Ивановичъ»— лучшая въ этомъ родѣ повѣсть г. Кукольника, занимающая собою первый выпускъ «Сказки за Сказкою». Кстати замѣтимъ, что и «Капустинъ», помѣщенный въ «Утренней Зарѣ» на нынѣшній годъ, принадлежитъ къ числу такихъ же разсказовъ г. Кукольника.

Но мы заговорились,—и потому спѣшимъ, въ общемъ перечнѣ, поименовать другія заслуживающія большаго или меньшаго вниманія повѣсти, разсѣянныя въ періодическихъ изданіяхъ. «Еще изъ записокъ одного молодого человѣка» Искандера (О. З. № 8); первый отрывокъ изъ этихъ записокъ, полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія, и заинтересовавшихъ общее вниманіе, былъ помѣщенъ въ «О. З.» 1840 года (№ 12); о второмъ можно сказать, что онъ еще лучше перваго; «Куликъ», повѣсть г. Гребенки, въ «Утренней Зарѣ» на 1841, и его же «Записки Студента» въ «О. З.» (№ 2); «Южный Берегъ Финляндіи» повѣсть князя Одоевскаго, въ «Утренней Зарѣ»; «Левъ», разсказъ графа Соллогуба, въ «О. З.» (№ 4); «Институтка», романъ въ письмахъ. С. А. Закревской—новой талантливой писательницы, вышедшей на литературное поприще (О. З. № 12); «Мичманъ Поцѣлуевъ» В. И. Даля, во второмъ томѣ «Русской Бесѣды».—Баронъ Брамбеусъ, въ послѣдней книжкѣ «Б. для Ч.» вдругъ разразился, послѣ долгаго молчанія, *началомъ* большой повѣсти «Идеальная Красавица, или Дѣва чудная». Въ этомъ началѣ нѣтъ никакого содержанія, а есть одни разсужденія о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ, разсужденія, мѣстами умныя, но большею частію скучныя, прескучныя...

Отдѣльно вышли уже извѣстныя публикѣ повѣсти графа Соллогуба, подъ названіемъ «На Сонъ Грядущій»—заглавіе, совершенно не соотвѣтствующее эффекту интереснаго сборника...

Теперь—о переводахъ. Можно сказать утвердительно, что у насъ въ настоящее время больше всего переводятъ Шекспира, хоть и нельзя сказать, чтобъ

его больше всего читали. Здѣсь первое мѣсто должно занимать смѣлое и благородное предпріятіе г. Кетчера—перевести прозою всего Шекспира. Г. Кетчеръ напечаталъ пять пьесъ, другія послѣдуютъ безостановочно. Журналы уже отдали полную справедливость важности предпріятія г. Кетчера и достоинству его перевода; а возможность продолжать предпріятіе доказываетъ, что на Руси есть люди, которые читаютъ не однѣ сказки и умѣютъ понимать не однѣ «репертуарныя» пьесы... Въ 7 № «О. З.» помѣщенъ превосходный переводъ «Двѣнадцатой Ночи» г. Кронеберга; въ «Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ»—замѣчательный по своему поэтическому достоинству переводъ г. Каткова «Ромео и Юлія»; въ «Б. для Ч.»—«Сонъ въ Ивановскую Ночь», какъ-то-*странно* переведенный; въ «Репертуарѣ Русскаго Театра»—«Коріоланъ»—въ четырехъ (?) дѣйствіяхъ, прозою (№ 4) и, «Отелло», переведенный весьма посредственно и вяло, стихами (№ 9). Лучшіе переводные романы тоже въ журналахъ: «Викторія Аккоромбона» Лудвига Тика, въ «Отеч. Запискахъ» (№№ 3 и 4); *экстрактъ* изъ того же романа въ «Б. для Ч.» (№ 5); «Оливеръ Твистъ», романъ Диккенса въ «Отеч. Запискахъ» (№№ 9 и 10); «Олленъ Камеронъ въ «Б. для Ч.» (№№ 8, 9 и 10). Этотъ романъ приписывается Вальтеру Скотту. Герой его—Карлъ II, представленный здѣсь совершенно наоборотъ тому, какъ представленъ онъ въ романѣ Вальтера Скотта «Вудстокъ». Впрочемъ, романъ, чей бы онъ ни былъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Отдѣльно-вышедшіе переводы: напечатанный въ «Отеч. Запискахъ» 1840 года переводъ превосходнаго романа Купера «Путеводитель въ Пустынѣ, или Озеро-Море»; прекрасный переводъ съ подлинника, стихами, поэмы Тегнера «Фритіофъ» г. Грота: это былъ истинный подарокъ русской литературѣ; переводъ «Клавиго» драмы Гёте, г. Струговщикова.

Вотъ вся наша изящная и бельлетрическая литература: мы не пропустили ничего сколько-нибудь примѣчательнаго, и забыли только о вещахъ, которыя не стоятъ того, чтобъ ихъ помнить... Самое утѣшительное и отрадное явленіе послѣдняго времени есть, безъ сомнѣнія, движеніе въ ученой и учебной литературѣ Россіи. Вотъ перечень всего примѣчательнаго по этой части. «Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ» Михайловскаго-Данилевскаго; «О Россіи въ Царствованіе Алексѣя Михайловича, *современное* сочиненіе Григорія Кошихина»; «Энциклопедія Законовѣденія» профессора Неволина; «Основанія Уголовнаго Судопроизводства» профессора Баршева; «Уральскій Хребетъ въ физическо-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ» профессора Щуровскаго; «Китай, его жители, нравы и пр.» отца Іакинѳа; «Картинная Галлерея», изданная А. Плюшаромъ; «Путешествіе по Сѣвернымъ Берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю» и прибавленіе къ этому путешествію, фонъ-Врангеля; «О большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» генерала Окунева; «Лекціи Статистики» Рославскаго; «Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка» *(вторая часть)* Бутурлина; «Руководство къ Познанію Средней Исторіи» Смарагдова; «Древняя Исторія» профессора Лоренца; первый томъ

ученаго альманаха «Юридическія Записки», издаваемаго профессоромъ Рѣдкинымъ [44]).

Всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, кромѣ періодическихъ изданій, брошюръ и отдѣльно отпечатанныхъ журнальныхъ статей, вышло въ прошломъ году около четырехъ-сотъ; изъ нихъ по части изящной литературы, оригинальныхъ и переводныхъ, новыхъ и вновь изданныхъ, выше насчитали мы всего *шестнадцать;* все остальное въ журналахъ;—ученыхъ сочиненій тоже шестнадцать; итого всего *тридцать-двѣ*... Что же такое остальныя 368 [45]) книгъ?—*Цынъ-Кіу-Тонгъ*, романъ г. Зотова; *Деньги*, комическая поэма; *Разгулье купеческихъ сынковъ; Мечтатель*, романъ г. Воскресенскаго; *Веселый порошокъ*, Васильева; *Дочь разбойника; Сорокъ лѣтъ пьяной жизни; жизнь Вилльяма Шекспира*, соч. г. Славина; *Козелъ-бунтовщикъ; Гулянье подъ Новинскимъ* и пр. и пр. Право, тутъ спросишь невольно: «Да гдѣ-жь онѣ?—давайте ихъ!..

Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги,
И все зачѣмъ?—чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ не надобно читать?..

Однакоже есть и своя утѣшительная сторона въ прозаическомъ и повѣствовательномъ направленіи нашей литературы: значитъ, оно сближается съ обществомъ, съ дѣйствительностію, хочетъ быть сознаніемъ общества, его выраженіемъ. Замѣтьте, что теперь безъ хорошихъ оригинальныхъ повѣстей журналъ погибъ въ понятіи публики, которая хочетъ видѣть себя, свою дѣйствительность въ литературѣ, и потому холоднѣе принимаетъ произведенія, въ которыхъ изображается чуждый ей міръ. Стихотворенія теперь читаются меньше, и потому общее вниманіе могутъ обращать на себя только замѣчательные таланты: это тоже добрый знакъ! Вообще, много хорошихъ элементовъ, много добрыхъ признаковъ; только все это какъ-то нерѣшительно, безцвѣтно, въ какомъ-то хаосѣ. На аренѣ литературы еще слышны старые голоса, поющіе старыя пѣсни и имѣющіе своихъ слушателей: вмѣстѣ съ новыми голосами, они образуютъ довольно-нескладный и дикій концертъ. Особенно любопытное зрѣлище представляетъ наша ученая литература: съ одной стороны, нѣкоторые журналы вопіютъ противъ просвѣщенія и Европы, съ другой выходятъ книги Неволина, Баршева, Рѣдкина, Лоренца...

Мы видимъ, что русская земля богата талантами: какова бы ни была наша литература, но она—огромное явленіе для какихъ-нибудь ста лѣтъ; въ ней есть имена, озаренныя ореоломъ генія, въ ней есть яркіе таланты; но первыя не стали вровень съ самими собою, а вторые часто, обнаруживъ много силъ, мало сдѣлали. Съ другой стороны, въ публикѣ, безъ которой никогда не можетъ быть истинной, дѣйствительной литературы,—въ публикѣ господ-

ствуетъ хаосъ мнѣній, нестрота вкуса, способность обольщаться возгласами спекулянтовъ и ничтожными явленіями. Какая всему этому причина?—Отвѣчать не трудно: съ одной стороны, недостатокъ внутреннихъ интересовъ въ обществѣ, съ другой—недостатокъ *солиднаго*, прочнаго, основаннаго на наукѣ образованія. Посмотрите, что иногда проповѣдуютъ наши журналы: если повѣрить имъ, то нужно только выучиться грамотѣ, чтобъ все понимать и обо всемъ судить, особенно о поэзіи. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ всякій судитъ легко и важно о Шекспирѣ, котораго онъ не читалъ даже въ переводахъ, а видѣлъ только на русской сценѣ,—о Байронѣ, Гёте, Шиллерѣ, даже Гомерѣ. У насъ какъ-будто никто и не понимаетъ, что безъ изученія глубокаго и напряженнаго, безъ наукообразнаго развитія эстетическаго чувства, нельзя понимать поэзіи; что непосредственное чувство безъ размышленія и вниканія ни къ чему не ведетъ, кромѣ личныхъ предубѣжденій въ пользу или не въ пользу того или другаго поэта, того или другаго поэтическаго произведенія. Какъ у насъ читаютъ? Взялъ драму Шекспира—прочелъ, зѣвая, десятокъ страницъ,—не нравится, и бросилъ; но это бы еще ничего, а худо то, что вотъ уже готово и мнѣніе въ родѣ слѣдующаго: «эта драма плоха, слѣдственно, о Шекспирѣ у насъ только кричатъ, а толку-то въ немъ мало». Конечно, нѣтъ ничего легче и даже пріятнѣе, какъ оправдать свою ограниченность, невѣжество и необразованность тѣмъ, что Шекспиръ никуда не годится... У насъ хотятъ читать только глазами, а не умомъ; чтеніе, требующее усилія мыслительной способности, почитается пустымъ, губящимъ золотое время занятіемъ. У насъ играютъ въ поэзію, въ литературу и науку, какъ въ мячикъ. У насъ думаютъ, что и философія можетъ быть такимъ же легкимъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени, какъ чтеніе газетнаго фельетона: прочелъ и понялъ все, а не понялъ—темно и глупо написано... Богъ судья людямъ, разсѣевающимъ въ обществѣ такія невѣжественныя понятія!.. Посмотрите, что и какъ у насъ пишутъ о Гегелѣ люди, неимѣющіе о немъ никакого понятія... Переведутъ глупую, невѣжественную статью какого-нибудь презираемаго въ Германіи за свое невѣжество и недобросовѣстность мистика, и рѣшатъ, что Гегель чудовище! А добродушная безграмотность, видя въ восхищеніи, что ей тутъ все по плечу, все понятно, восклицаетъ: «вонъ каковъ этотъ Гегель, а у насъ его прославляютъ!..» Причитавшись къ такимъ мнѣніямъ, прислушавшись къ такимъ толкамъ, всякій порядочный человѣкъ позволяетъ себѣ не знать, что пишется въ нашихъ журналахъ и книгахъ,—что дѣлается въ нашей литературѣ... [46])

Вся надежда на будущее. Наука у насъ видимо принимается; публичное образованіе развивается на твердыхъ началахъ, и незамѣтно, невидимо подрастаетъ новая публика, съ просвѣщеннымъ мнѣніемъ, съ образованнымъ вкусомъ, съ разумными требованіями. Что-то тогда будутъ дѣлать многіе наши «заслуженные и опытные литераторы», когда эта вдругъ выросшая публика скажетъ имъ: «подите прочь съ своими смѣшными притязаніями; я не знаю

васъ!»—Да мы написали... мы издали... наши сочиненія разошлись... наши книги шли бойко...

— «Да гдѣ жь онѣ?—Давайте ихъ!...» [47])

*577) **Утренняя Заря**, альманахъ на 1842 годъ, изданный *В. Владиславлевымъ* [48]). Четвертый годъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1842. Въ 12-ю д. л. 372 стр. (Цѣна 15 руб. ассиг.) *).

«Утренняя Заря» г. Владиславлева уже четвертый годъ продолжаетъ блистать на небосклонѣ русской литературы своими прекрасными статьями въ стихахъ и прозѣ, точно такъ же, какъ прекрасными картинками и виньетами. Въ томъ и другомъ отношеніи, она не имѣетъ себѣ соперниковъ; она одна въ нашей литературѣ, какъ одна заря на небѣ. Въ нынѣшнемъ году, блескъ ея нисколько не уменьшился: почти всѣ статьи и стихотворенія имѣютъ достоинство. Между первыми особенно замѣчательны: «Приключеніе на желѣзной дорогѣ» гр. В. Соллогуба,—легкій, живой и увлекательный разсказъ; и «Капустинъ, московскій купецъ» русская быль изъ временъ Петра-Великаго, очень занимательно и характеристически разсказанная г. Кукольникомъ. Къ числу неудачныхъ прозаическихъ статей можно отнести только одну: «Джорданіо Фенероли, или сердце въ банкѣ, вторая новелла доктора Сильвіо Теста» г. Кукольника, который вообще довольно-вяло пишетъ итальянскія повѣсти.

Изъ стихотвореній особенно замѣчательны три: «Любовь Мертвеца» Лермонтова, «Къ ***.» г. Коренева, и «Дорожная Дума» кн. Вяземскаго. Пьеса Лермонтова больше интересна какъ фактъ личности поэта, нежели какъ особенно-поэтическое стихотвореніе. Вотъ оно:

Пускай холодною землею
Засыпанъ я.
О другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

*) Многіе изъ читателей „Отеч. Записокъ“ изъявили желаніе, чтобъ въ Библіографической Хроникѣ, при разборахъ книгъ, выставлялась и цѣна ихъ. Исполняемъ такое справедливое желаніе; но не можемъ обѣщать этого относительно *всѣхъ* разбираемыхъ нами книгъ, ибо часто Конторы Редакціи Отеч. Записокъ не имѣютъ свѣдѣнія о цѣнѣ нѣкоторыхъ книгъ именно въ то время, когда печатается книжка журнала; иныя же изъ разбираемыхъ книгъ часто вовсе не поступаютъ въ продажу; другія поступаютъ въ книжныя лавки гораздо позже выхода книжки „Отеч. Записокъ“, и т. д. *Ред.*

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ.
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узналъ.
. . . . . .
. . . . . .
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ тобой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.
Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Моя душа въ нѣмомъ страданьи
Вся задрожитъ;
Случится ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ,
Твои слова текутъ пылая
По мнѣ огнемъ.
Ты не должна любить другова,
Нѣтъ, не должна:
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы, твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя, міра и забвенья
Не надо мнѣ!

Стихотвореніе г. Коренева отличается особенною наивною граціозностію формы:

Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?
Ты ль это, милое, воздушное творенье,
Которымъ такъ полна была душа моя?
О боги! что за превращенье!
Гдѣ жь эта свѣтлая эмаль твоихъ очей!
Гдѣ стройный, гибкій станъ Психеи?
Гдѣ музыкальная плѣнительность рѣчей?
Гдѣ всѣ поэзіи затѣи?
Гдѣ эта милая, былая простота—
Что такъ плѣняла насъ заманчивой уловкой?
Гдѣ живость рѣзвая, любезность, острота?
Гдѣ Маша прежняя съ кудрявою головкой?
Ахъ, Марья Павловна! какой волшебникъ злой
Провелъ вамъ на челѣ угрюмыя морщины?
Какъ скоро стали вы—помѣщицей простой,
Уѣздной барыней изъ миленькой Ундины!

Ахъ, Марья Павловна! не вѣрится все мнѣ...
Представить не могу.. да полно это вы ли?
Бывало, вы цвѣты любили на окнѣ—
А нынѣ тамъ стоятъ съ наливками бутыли!

Гравюръ въ «Утренней Зарѣ» семь: 1) портретъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны; 2) заглавная виньета—Утренняя Заря надъ памятникомъ Пожарскому и Минину; 3) портретъ графини Е. М. Завадовской; 4) портретъ графини С. А. Бенкендорфъ; 5) портретъ княжны М. И. Барятинской; 6) портретъ баронессы К. Н. Менгденъ; 7) портретъ А. П. Фрейгангъ.

***578. Русская Бесѣда.** Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ. Издаваемое въ пользу А. Ф. Смирдина. Томъ II. Санктпетербургъ. 1841. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 511 стр. (Цѣна за всѣ три тома 10 рублей серебромъ) [49]).

Мы отозвались о первомъ томѣ «Русской Бесѣды» въ общихъ выраженіяхъ, смотрѣли на него только со стороны цѣли изданія, дѣлающей честь русской литературѣ, а не со стороны достоинства помѣщенныхъ въ немъ статей. Читатели, вѣроятно, поняли причину такого неопредѣленнаго отзыва съ нашей стороны [50]). Второй томъ гораздо лучше перваго по безотносительному достоинству составляющихъ его пьесъ. Сказать правду, въ первомъ томѣ нечего было прочесть, кромѣ прекрасной статьи г. Панаева, «Барыня», обратившей на себя вниманіе публики—честь, которой удостоиваются только произведенія, далеко выходящія за черту ежедневности. Все остальное въ первомъ томѣ «Бесѣды»—посредственность: ни худо, ни хорошо. Однакожь, исключеніе остается за «Александриною» фанъ Дима—длинной, растянутой и нескладной повѣстью, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго такта дѣйствительности, ни характеровъ, ни лицъ, ни образовъ,—въ которой изображаются пансіонскою кистью пансіонскія чувства и страсти и дѣтскія понятія о магнетизмѣ,—повѣстью, до того скучной, что прочесть ее до половины значитъ уже совершить великій трудъ...

Не таковъ второй томъ. Его наполняютъ все имена извѣстныя и громкія въ нашей литературѣ: авторъ «Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ», кн. Одоевскій, г. Вельтманъ, казакъ Луганскій, графъ Соллогубъ и другіе. О первой статьѣ—«Архангельскій Соборъ» нечего и говорить: имя ея автора лучше всего ручается за ея высокое достоинство.—«Пекинское Дворцовое Правленіе» принадлежитъ къ самымъ интереснѣйшимъ статьямъ отца Іакиноа о Китаѣ.—«Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ», статья князя Долгорукова, заключаетъ въ себѣ полную и любопытную біографію знаменитаго дипломата, игравшаго такую важную роль въ исторіи Россіи. Мы можемъ указать въ ней только на одинъ недостатокъ: авторъ слишкомъ бездоказательно чернитъ характеръ Волынскаго, и такимъ образомъ о нерѣшенномъ историческомъ во-

просѣ говоритъ положительно, какъ-будто для всѣхъ и каждаго давно уже рѣшеннымъ.—Не знаемъ, какимъ образомъ единственный случай изъ жизни Гёте—его поѣздка на Гарцъ, такъ неосновательно и странно названъ въ оглавленіи книги «Жизнію Гёте»; но случай разсказанъ увлекательно, живо, а стихи переведены превосходно и объяснены удовлетворительно. Г. Струговщиковъ мастеръ своего дѣла, когда переводитъ Гёте. Стихотвореніе «Зимняя Поѣздка на Гарцъ» было напечатано въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Записокъ» прошлаго года: въ «Бесѣдѣ» оно явилось вмѣстѣ съ разсказомъ о случаѣ, подавшемъ Гёте поводъ съѣздить на Гарцъ и написать это превосходное стихотвореніе; отъ этого обстоятельства переводъ г. Струговщикова пріобрѣтаетъ въ «Бесѣдѣ» всю прелесть новости.—Признаемся откровенно: мы не поняли повѣсти г. Вельтмана «Захарушка» и особенно второй ея половины «Каменная Баба»; но такъ-какъ это, по-видимому, отрывокъ изъ большаго сочиненія, то и судить о немъ теперь невозможно; самый же разсказъ отличается тѣми достоинствами, которыя публика привыкла встрѣчать въ сочиненіяхъ г. Вельтмана.—«Два дня въ Демутовомъ Трактирѣ» барона Корфа и «Разсказъ» г. Основьяненко читаются съ удовольствіемъ.—«Мичманъ Поцѣлуевъ», повѣсть В. Луганскаго, принадлежитъ къ лучшимъ разсказамъ этого писателя, у котораго вездѣ видны избытокъ ума и многосторонняя опытность.—«Записки покойнаго Дениса Васильевича Давыдова, во время поѣздки его въ 1826 году изъ Москвы въ Тифлисъ» преисполнены интереса по бойкому, умному и оригинальному изложенію, живо напомнившему намъ этого лихаго наѣздника на полѣ войны и литературы. Но истинный перлъ не только втораго тома «Русской Бесѣды», но и русской литературы за нѣсколько годовъ, составляетъ «Аптекарша», повѣсть графа Соллогуба. Мы уже говорили о ней въ отдѣлѣ Критики этой книжки, въ обозрѣніи литературы 1841 года; но какъ о хорошемъ нельзя довольно наговориться, то полюбуемся хоть «франтомъ въ венгеркѣ». Это лицо въ высшей степени типическое; это вашъ и мой знакомецъ; мы съ вами встрѣчали его во всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, какіе только случалось намъ видѣть: вы были знакомы съ нимъ даже въ Москвѣ, хоть имени и фамиліи его не можете припомнить; но вы непремѣнно вспомните, когда прочтете «Аптекаршу»,—вспомните, узнаете, хоть бы никогда не видали его... Яковъ, камердинеръ пріѣхавшаго въ уѣздный городокъ свѣтскаго человѣка, угрюмо и съ ворчаніемъ хлопоталъ подлѣ господской коляски; къ нему подходитъ «какой-то господинъ въ пуховой фуражкѣ и въ венгеркѣ съ шнурками и кисточками, что, какъ извѣстно, явный признакъ провинціальнаго франта». Услышавъ шумъ, баринъ Якова высунулся въ окно и сдѣлался свидѣтелемъ слѣдующей курьезной сцены:

— Я тебя спрашиваю, чья коляска? говорилъ франтъ.
— Я вамъ отвѣчаю, что господская, сердито отвѣчалъ Яковъ.
— Да чья—господская?
— Ну, говорятъ вамъ—господская.

— Да чья же?..

— Ну, господская. Все узнаете, скоро состарѣетесь.

— Что... что?.. Вотъ я тебя... Да нѣтъ, вотъ возьми, братецъ, гривенникъ. Скажи, голубчикъ, чья коляска?

— Не надо мнѣ вашего гривенника. Любопытны слишкомъ. Ступайте своей дорогой.

— Коляска моя, закричалъ молодой человѣкъ изъ окна.—Что вамъ угодно?—Франтъ поспѣшно поднялъ голову и началъ раскланиваться, стоя въ грязи.

— Ахъ! извините-съ... Шелъ мимо-съ... Вижу-съ коляску отличной работы. Смѣю спросить, что изволили за нее дать-съ?

— 3500, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Гмъ. Деньги хорошія! Смѣю спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Баронъ Фиренгеймъ.

— Ахъ, помилуйте... Я вашего, должно быть, родственника очень зналъ-съ. Вмѣстѣ въ полку были. Позвольте быть знакомымъ.

И, не ожидая приглашенія, франтъ опрометью бросился къ крыльцу, и черезъ минуту очутился уже въ комнатѣ пріѣзжаго.

— Позвольте-съ спросить, какъ вамъ приходится баронъ Газенкампфъ, который былъ у насъ ротмистромъ въ полку?

— Моя фамилія не Газенкампфъ, а Фиренгеймъ, отвѣчалъ, улыбнувшись, молодой человѣкъ.

— Ахъ, а мнѣ послышалось Газенкампфъ.—Извините, пожалуста.—Какой у васъ хорошенькій халатъ.—Чай теперь этакіе халаты носятъ въ Петербургѣ.

— Не знаю, право. Какъ кто хочетъ.

— Очень хорошій фасонъ. Я попрошу у васъ для выкройки. По дѣламъ службы изволили вѣроятно къ намъ пріѣхать.

— Да-съ.

— Я вамъ долженъ доложить, я съ здѣшними господами служащими никакого дѣла не имѣю,—и въ глаза почти не знаю. Городничій нашъ, Аѳанасій Иваповичъ, изволите его знать? Добрый человѣкъ, только слабъ немножко, за купцами ухаживаетъ. Впрочемъ многаго не возьмешь: у насъ купечество себѣ на умѣ. Сами такъ исправно воруютъ, что любо. Вы ихъ еще не изволите знать. Криворожинъ, Надулинъ, Ворышевъ—лихой народъ, нечего сказать. Судья глупенекъ, сказать правду, и также попиваетъ, за то ужь стрянчій продувная шельма.—А впрочемъ я ихъ знать не знаю.—Что это у васъ, часики на столѣ.

— Часы.

— Ахъ, позвольте взглянуть.—Какая прелесть! Что за цѣпочка! намъ, провинціаламъ, этакихъ вещей и во снѣ не видать..... Это туалетный приборъ у васъ на столѣ.

— Да-съ.

— Серебряный, или аплике?

— Серебряный.

— Ахъ, позвольте взглянуть.—Какъ хорошо! Какая работа! Дорого изволили дать?

— Не помню, право.

— Отличная вещица! Я еще этакой не видывалъ. А эти пилочки на что

— Для ногтей.

— Ужь чего теперь не выдумаютъ—надо сказать правду.

— Да что же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ съ отчаяніемъ молодой человѣкъ.—Господинъ въ венгеркѣ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Да ничего-съ.

— Какъ же вы здѣсь живете?

— Да я у помѣщиковъ гощу большею частію. Свою деревню я продалъ, такъ живу себѣ по-неволѣ иногда въ городѣ,—а то въ гостяхъ всегда.

Не правда ли, это лицо знакомо вамъ давно?..

Вообще, еслибъ изъ перваго тома «Русской Бесѣды» перенести во второй «Барыню» г. Панаева, второй томъ былъ бы вполнѣ-интересною книгою, по своему прозаическому отдѣленію. Впрочемъ, помѣщенныя въ немъ двѣ пьесы Лермонтова, вмѣстѣ съ переводомъ г. Струговщикова изъ Гёте, дѣлаютъ его интереснымъ и по стихотворному отдѣленію. Первая изъ нихъ, «Графинѣ Растопчиной», какъ-то довольно неопредѣленна:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены,
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жь?—отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...
Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный;
Но ихъ разрознитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Опѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный,
И ласки вѣчныя свои.

Не правда ли, что это стихотвореніе не оставляетъ на душѣ никакого вѣрнаго впечатлѣнія? Но за то другая пьеса Лермонтова—«Изъ Альбома С. Н. Карамзиной»—прелесть!

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.

Но прихоти ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ-отъ-году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду
Подъ-вечеръ тихій разговоръ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . [51])

Какая простота и глубокость! Оборотъ мысли, фразы—все пушкинское.

Что-то скажетъ намъ третій томъ «Русской Бесѣды»?..

***579. Сказка за Сказкой.** Мертвыя головы, или Русскіе въ Чечнѣ. Повѣсть соч. *П. Каменскаго.* Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1841. Въ 8-ю д. л. 255—320 стр. (Цѣна 40 коп. сер.) [52]).

Не смотря на всю напряженность вниманія, съ какимъ мы заставили себя прочесть, отъ первой страницы до послѣдней, повѣсть г. Каменскаго; не смотря на отличныя ея достоинства — поэтическія, литературныя, драматическія и повѣствовательныя,—мы ровно ничего въ ней не поняли, т. е. почему *что*, *какъ*, и почему *такъ*, а не *этакъ* въ ней и то и другое, и наконецъ все... Судить же о томъ, что̀ выше нашего понятія, запрещаетъ скромность, и вотъ почему мы не судимъ о повѣсти г. Каменскаго, смутно догадываясь, что она должна быть очень хороша... Но «Сказку за Сказкой» мы поняли совершенно, и можемъ судить о ней. Это одно изъ тѣхъ предпріятій, которыя умѣютъ блеснуть сначала чѣмъ-нибудь хорошимъ, напр., хоть повѣстью въ родѣ «Сержанта Ивана Иванова», но блеснуть для того, чтобъ, возбудивъ вниманіе публики, кое-какъ поддерживаться потомъ трудами и усердіемъ тѣхъ господъ сочинителей, которые всегда готовы написать что̀ угодно и сколько-угодно, заранѣе условившись *въ мѣрѣ* и *количествѣ*...

***580. Жизнь и Похожденія Петра Степанова сына Столбикова,** помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка. Изданіе конторы привилегированной типографіи Фишера. Въ Санктпетербургѣ. 1841. Въ 8-ю д. л. Въ трехъ частяхъ. Въ I-й части 184, во II-й—195, въ III-ей—202 стр. (Цѣна 2 р. 50 к. сер.) [53]).

Не понимаемъ, что̀ за охота такому почтенному и талантливому писателю, какъ г. Основьяненко, тратить время и трудъ на изображеніе глупцовъ, подобныхъ Столбикову. Петръ Столбиковъ самъ, отъ своего лица, разсказываетъ исторію своей жизни, и въ этомъ разсказѣ не всегда бываетъ вѣренъ соб-

ственному характеру: изъ пошлаго глупца, идіота, иногда вдругъ становится онъ умнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, а потомъ опять дѣлается глупцомъ. Въ поступкахъ онъ также противорѣчитъ самому-себѣ: то умно управляетъ имѣніями помѣщиковъ, то, сдѣлавшись предводителемъ дворянства, подаетъ губернатору проектъ о истребленіи саранчи такимъ образомъ: пусть она ѣстъ хлѣбъ, а мужики должны въ это время оборвать у ней крылья, — или что-то въ этомъ родѣ...

Ничѣмъ другимъ не можемъ мы объяснить этого страннаго направленія такого замѣчательнаго дарованія, какимъ владѣетъ г. Основьяненко, какъ словомъ «провинція»... Можемъ ошибаться, но, пока не докажутъ намъ противнаго, остаемся при своемъ убѣжденіи;—мы вотъ что думаемъ: въ провинціи (разумѣется, нѣтъ правилъ безъ исключенія), свое понятіе о литературѣ, свой взглядъ на изящное: идеалъ высокаго и патетическаго заключается тамъ въ повѣстяхъ Марлинскаго; идеалъ комическаго — въ «Энеидѣ, вывороченной на изнанку». Одно стоитъ другаго!.. Нѣтъ, господа! комическое и смѣшное—не всегда одно и то же; а смѣшное для толпы иногда совсѣмъ не смѣшно для образованнаго класса общества... Элементы комическаго скрываются въ дѣйствительности такъ, какъ она есть, а не въ каррикатурахъ, не въ преувеличеніяхъ. Вообще, такіе провинціалы не худо сдѣлали бы, еслибъ подражали столичнымъ жителямъ не въ однѣхъ модахъ, но и въ литературѣ; а для этого сперва должно присматриваться и изучать внимательно, что̀ считается въ столицѣ смѣшнымъ и острымъ, и что̀ плоскимъ. Вотъ, напр., какую бы великую пользу могло принести иному провинціальному «юмористу» внимательное чтеніе «Антекаршн» гр. Соллогуба, и особенно пристальное изученіе лица «уѣзднаго франта въ венгеркѣ» [54]). Этотъ франтъ именно потому и смѣшонъ, что онъ — вѣрное изображеніе дѣйствительнаго явленія, а не каррикатурное. Провинціальный авторъ, для вящшаго удовольствія своей уѣздной публики, сдѣлалъ бы этого франта и пьяницей и воромъ, и пошехонцемъ, такъ-что сосѣди сочинителя «надорвали бы животики». Но въ повѣсти, на которую мы ссылаемся, франтъ есть то, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, и потому онъ смѣшонъ, а не отвратителенъ. Встрѣтясь съ такимъ господиномъ въ жизни, вы не могли бы смотрѣть на него безъ досады и презрѣнія; но въ повѣсти онъ очень милъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ природа должна являться въ искусствѣ умытою и очищенною...

Въ провинціи есть общіе предметы для смѣшнаго и общія мѣста для его выраженія: это обыкновенно такія вещи, надъ которыми смѣяться въ столицѣ давно уже почитается смѣшнымъ: французскій языкъ, французскія моды, иностранцы-гувернеры. Столбиковъ г. Основьяненка не потому, видите, дуракъ, что родился дуракомъ, не потому не могъ добиться отличать въ картахъ масть отъ масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу; даже не потому, что мошенникъ-опекунъ съ умысломъ дурно воспитывалъ его; а потому, что оный Столбиковъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у Француза *Филу*... По

понятію г. Основьяненка, всѣ иностранцы—злодѣи и мерзавцы; отъ нихъ все зло на свѣтѣ—и холодъ зимою, и жаръ лѣтомъ, и ревматизмъ въ старости, и незнаніе грамматы въ дѣтствѣ... Всѣ иностранцы, выведенные въ его повѣсти, ссылаются въ Сибирь, а иностранки дѣлаются развратницами... Старая пѣсня! Теперь всякому извѣстно, что много было вреда для общества отъ разныхъ выходцевъ, но что между ними бывали и достойные люди, сдѣлавшіе много добра. Да и кого должно винить во злѣ: французскаго ли маркера, который выдалъ себя за профессора, или русскаго помѣщика, который могъ принять его за профессора?.. Вина была съ обѣихъ сторонъ,—и, право, нѣтъ никакой нужды обновлять такихъ старыхъ вопросовъ, къ которымъ теперь всѣ такъ равнодушны. Кстати: почему авторъ не сказалъ, въ какомъ пансіонѣ воспитывался опекунъ Столбикова, члены суда, которые, вопреки законамъ, сдѣлали его опекуномъ, и прочія лица, въ такой наготѣ и такъ рѣзко изображенныя въ романѣ?..

Воля почтеннаго автора, а право, онъ хорошо бы поступилъ, еслибъ, вмѣсто того, чтобъ повторять свои повѣсти, принялся за такіе очерки историческихъ лицъ, какъ его «Головатый»—эта, по-истинѣ, превосходная статья, обличающая въ авторѣ большое дарованіе. Нѣсколько такихъ статей — и за авторомъ было бы упрочено почетное мѣсто въ нашей литературѣ...

***581. Автоматъ.** Соч. *И. Калашникова.* Санктпетербургъ. 1841. Въ типографіи А. Іогансона. Въ 12-ю д. л. Въ двухъ частяхъ. Въ I-ой части 156, во II-ой—105 стр. (Цѣна 2 руб. сер.) [55]).

«Автоматъ» г. Калашникова, вѣроятно, понравится нѣкоторымъ. Требованія читателей такъ же различны, какъ и сами читатели; а между читателями есть множество такихъ, для которыхъ каждая капля слезъ чувствительнаго и великодушнаго сибирскаго чиновника покажется глубже и безпредѣльнѣе океана, потому-что въ этой каплѣ «погружалась цѣлая вѣчность неописаннаго блаженства». Другіе, можетъ быть, пожалѣютъ, зачѣмъ авторъ, увлекаемый сценами любви, которыя онъ изображаетъ, по-своему, весьма интересно,—зачѣмъ онъ не посвятилъ больше труда изображенію Сибири и нравовъ ея жителей. Мы согласны, что тогда его повѣсть была бы еще интереснѣе. «Автоматъ» написанъ языкомъ правильнымъ и пріятнымъ, а мѣстами и романически-восторженнымъ, въ примѣръ и доказательство чего выписываемъ слѣдующія строки: «Да!—думала Ольга, безотчетно смотря на постоянную веселость давнишнихъ пріятелей:—вы все по-прежнему довольны и радостны, а я?.. Боже великій! Что дѣлается съ моимъ сердцемъ? куда дѣвалось спокойствіе дѣтства? За чѣмъ я допустила вкрасться въ мое сердце этому безумству?.. Чего могу я ожидать? Почему я льщу себя надеждою, что Евгеній меня любитъ? Нѣсколько взглядовъ, въ которыхъ, можетъ быть, мое собственное воображеніе замѣтило небывалые признаки сердечной страсти, нѣсколько взглядовъ—и я уже увѣ-

рилась... Безумная!.. увѣрилась въ его ко мнѣ любви. А онъ, можетъ быть, вовсе не думаетъ обо мнѣ; можетъ быть, любитъ другую; можетъ быть, въ тайнѣ смѣется надъ моею глупостію... Боже мой! Боже мой! Грудь моя тѣснится, сердце дрожитъ!..» (*Ч. 2, стр. 75*). Кто не согласится, что это истинный языкъ страсти, голосъ женскаго сердца?.. Кто не согласится, что все это высказано столько же поэтически, сколько и ново? Пусть читатели сами судятъ о достоинствѣ повѣсти г. Калашникова по выписанному нами отрывку; намъ же остается только увѣрить ихъ, что почти вся повѣсть состоитъ изъ такихъ превосходныхъ—и даже еще лучшихъ мѣстъ...

***582. Повѣсть Ангелина.** Въ трехъ частяхъ. Сочиненіе *Николая Молчанова*. 1837 года. Санктпетербургъ. Въ типографіи Губернскаго Правленія. 1841. Въ 12-ю д. л. 92 стр. [56])

Какія иногда великія событія происходятъ въ мірѣ—и ихъ никто не знаетъ. Кому до сего времени могло быть извѣстно, что въ 1837 году была сочинена превосходная поэма «Ангелина»?—Рѣшительно никому, кромѣ самого сочинителя, и развѣ еще счастливыхъ друзей его. Но 1841-й выдалъ великую тайну 1837 года: теперь просвѣщенная Европа узнаетъ, что на святой Руси покойникъ романтизмъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ жизни и разражался такими романтическими поэмами, въ которыхъ сквозь самый лучшій телескопъ не откроешь ни тѣни классицизма. Въ-самомъ-дѣлѣ, если романтизмъ состоитъ въ туманности, неопредѣленности смысла, выраженій и цѣлаго содержанія, то «Ангелина» есть по-превосходству романтическое произведеніе, особенно драгоцѣнное въ наше время, когда математическая точность въ словахъ, выраженіяхъ, вымыслѣ, характерахъ, сдѣлалась первымъ условіемъ всякаго поэтическаго произведенія. Судите сами:

Давно ужъ солнце догорѣло
И потемнѣла прелесть дня;
Давно погасла и заря,
Крыло ночное зачернѣло,
Умолкъ на Волгѣ шумный гулъ,
Легли туманы, вѣтръ уснулъ,
И волны, думы и работы
Не бьются въ грудь; умолкли гроты,
Стоитъ ночная тишина,
И сонъ, и вольность, и свобода...

Ну, не правы ли мы?.. *Потемнѣвшая прелесть дня; почернѣвшее крыло ночи; небьющіяся въ грудь* (не знаемъ чью) *волны, думы и заботы; стоящая тишина, сонъ, вольность и свобода*, которые, вѣроятно, лежали днемъ: что же все это, если не романтизмъ? Классики, т. е. люди, требующіе отъ поэзіи здраваго смысла, пожалуй, скажутъ, что это не романтизмъ, а га-

лиматья; но кто же вѣритъ этимъ черствымъ душамъ, которыя не понимаютъ того, что поэзія не математика, и что чѣмъ она туманнѣе, тѣмъ возвышеннѣе!..

И вотъ ужь полночь наступила,
Луна пол-бѣга совершила...

Луна полбѣга совершила: романтизмъ, рѣшительный романтизмъ!.. Но вотъ что-то въ сумракѣ чернѣется и бьется: что бы это такое было? Авторъ отвѣчаетъ—*пловецъ;* но кто онъ—этого самъ авторъ не знаетъ, потому-что «пловецъ подъ тайною скрывался». Съ пловца спалъ широкій плащъ, шляпа полетѣла къ ногамъ, палашъ въ сторону и—

Плеча̀ въ кудряхъ, грудь обнажилась,—
Въ героѣ—дѣва отразилась.

Такъ, вы угадали: это она, это Ангелина. Она убрана волшебною красой, въ ней пламенѣетъ не бой; она каменѣетъ не отъ страха, она отвагѣ предана; она потеряла друга и, довѣрившись лунѣ, пришла на берегъ Волги съ томностью, съ кудрями и съ мечтами. Какая интересная дѣвица! должно быть, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей...

Но довольно, читатели: въ «Ангелинѣ» 92 страницы, а мы разобрали только *двѣ:* судите же, какова бы вышла наша статья, еслибъ мы разобрали всю поэму, со всѣми ея романтическими красотами—*и съ мечтами, и съ кудрями, и съ смертельнымъ пистолетомъ, который дрожалъ въ рукѣ героя, Ардаліона, блистательнаго и надменнаго Марса,—съ бичемъ міра, сыномъ природы, т. е. Наполеономъ, съ палашами, путниками, чернецами* и многими другими интересными вещами, изъ которыхъ сочинена «Ангелина»?.. И потому, не смѣя «довѣрить лунѣ» и взять въ руки «шарфъ и мечъ съ пучиной слезъ», ограничимся краткимъ извѣстіемъ, что поэма оканчивается тѣмъ же, чѣмъ и началась—прогулкою на берегахъ Волги, что̀ ясно обнаруживается въ сихъ прекрасныхъ заключительныхъ стихахъ:

Завѣтной думой увлеченный,
Затрепеталъ мой духъ стѣсненный,
И вдругъ гроза минувшихъ дней
Мелькнула въ памяти моей.
Привѣтомъ ласково природа
Живила сердце и мечты;
И юныхъ дней краса, свобода
Мелькали съ призракомъ судьбы.
И мракъ и думы и печали
Своей завѣтною тоской,
Своей завѣтною волной
Мнѣ душу тихо наполняли.
Еще мнѣ мнится мрачный сонъ,
Я помню, какъ па лонѣ счастья,
Въ объятьяхъ друга и участья,
Покинулъ міръ Ардаліонъ...

И героиня молодая,
Тоскуя, томная, въ мечтахъ,
И какъ богиня не земная,
Одна гуляла въ берегахъ!..

Не понимаемъ ни слова—а хорошо прочтешь разъ—хочется прочесть еще! Но въ томъ-то и сущность романтизма, что онъ плѣняетъ безъ помощи смысла, который долженъ быть принадлежностью одной прозы...

***583. Человѣкъ съ Высшимъ Взглядомъ,** или какъ выдти въ люди. Сочиненіе *Е. Г.* Санктпетербургъ. 1842. Въ типографіи А. Іогансона. Въ четырехъ частяхъ. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 259, во II-й—197, въ III-й—182, въ IV-й—188 стр. (Цѣна 4 р. сер.) [57]).

Объ этомъ романѣ приложено было при театральныхъ афишахъ извѣстіе, которое гласитъ между прочимъ: «Новая книга представляетъ картины петербургской мѣстности и нравовъ людей различныхъ сословій, населяющихъ великолѣпную столицу. Герой—человѣкъ, изнуряемый жаждою извѣстности, человѣкъ, который занятъ думою: какъ пріобрѣсть значеніе въ обществѣ или свѣтское имя; человѣкъ, увлеченный въ бездну индустріальной жизни. Этотъ характеръ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ типовъ нашего времени.»—И такъ, этотъ романъ уже нѣкоторымъ образомъ разобранъ и оцѣненъ самимъ авторомъ его, или издателемъ—все равно. Мы очень рады такому обстоятельству: оно избавляетъ насъ отъ лишняго труда много говорить объ этомъ произведеніи,—и теперь остается только замѣтить, что петербургская мѣстность въ романѣ обозначена дѣйствительно съ неимовѣрною точностію: читая «Человѣка съ Высшимъ Взглядомъ» вы безпрестанно узнаёте то Невскій, то Гороховую, то Литейную, особенно если авторъ не лѣнится называть ихъ по имени. Равнымъ образомъ, вы съ не малымъ удивленіемъ, точно новость какую-нибудь, узнаёте изъ этого романа, что зимою въ Петербургѣ бываетъ снѣгъ и Нева покрывается льдомъ, наплывающимъ изъ Ладожскаго Озера; что лѣтомъ въ Петербургѣ бываетъ иногда даже жарко, а въ Невѣ можно даже купаться; узнаёте, что между Петербургомъ и Павловскомъ есть желѣзная дорога, что въ Петербургѣ есть кандитерская Беранже, куда ходятъ господа-офицеры и чиновники ѣсть пирожки и пить кофе; и пр. Достовѣрность всѣхъ этихъ фактовъ, наполняющихъ собою новый романъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ это можетъ усмотрѣть каждый разсудительный читатель. Что же до «нравовъ людей различныхъ сословій, населяющихъ великолѣпную столицу», тутъ мы должны разойтись немножко съ заключеніемъ критической афиши, и сказать, что въ романѣ нѣтъ не только петербургскихъ, но и никакихъ нравовъ, никакихъ людей; все это замѣняется въ немъ бумажными куклами плохой работы. Герой романа и не думалъ «увлекаться въ бездну индустріальной жизни»; онъ только далъ всѣ свои деньги на одно весьма несбыточ-

ное предпріятіе, которое и лопнуло потомъ. Виноваты: деньги онъ далъ не свои, а взятыя имъ взаймы у ростовщика, который,—такой добрый!—ссудилъ его безъ залога, подъ вексель, зная, что у должника его нѣтъ ни на сто рублей имѣнія, ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго. Это по части вѣрности «нравовъ людей различныхъ сословій, населяющихъ великолѣпную столицу»!.. Далѣе: герой совсѣмъ не человѣкъ съ высшимъ взглядомъ, а, какъ всѣ дѣйствующія лица въ этомъ романѣ, кукла, неуклюже-вырѣзанная изъ листа бумаги, съ надписью на лбу: «эгоистъ и подлецъ»... Странный образъ мыслей у г. Е. Г.: онъ думаетъ, что быть эгоистомъ и подлецомъ значитъ быть человѣкомъ съ высшимъ взглядомъ!.. Особенный и главный признакъ людей съ высшимъ взглядомъ, по мнѣнію г. «сочинителя», состоитъ въ томъ, что они всегда думаютъ наперекоръ толпѣ... Послѣ этого, Байронъ будетъ *человѣкъ съ высшимъ взглядомъ*, въ смыслѣ г. Е. Г.; а дѣйствующія лица въ «Ревизорѣ» Гоголя будутъ людьми порядочными, ибо они живутъ и думаютъ какъ всѣ, и почитаютъ страшнымъ грѣхомъ попасть въ выскочки... Впрочемъ, Самоѣдовъ, герой романа г. Е. Г., къ концу книги исправляется и дѣлается прекраснѣйшимъ человѣкомъ—какъ это бываетъ во всѣхъ плохихъ романахъ.....

Слогъ «Человѣка съ Высшимъ Взглядомъ» обнаруживаетъ музу юную, которая рано промѣняла указку на перо. Г. Е. Г. «словечка въ простотѣ не скажетъ—все съ ужимкой»: тамъ, гдѣ бы вы сказали просто, что такимъ людямъ въ любви не удается, а отъ женитьбы они сами бѣгутъ,—тамъ нашъ авторъ говоритъ: «*Амуръ* бѣгаетъ отъ нихъ, какъ отъ чудовищъ; а отъ *цѣпей Гименея* они удаляются сами» (Ч. I. стр. 134). Тамъ, гдѣ всякій сказалъ бы: *напились мадеры*, авторъ пишетъ: «упились дарами острова Мадеры» (ч. III. стр. 44). Вотъ еще нѣсколько образчиковъ такихъ фразъ,—или нѣтъ, такихъ «нравовъ людей различныхъ сословій, населяющихъ великолѣпную столицу»: *существо, глотающее изъ полнаго сосуда влагу Вакха; связанный узами Гименея; при помощи авангарда приплоренныхъ надеждъ, побѣдно разгонялъ рой горестныхъ мыслей; въ воскресный іюньскій день петербургскіе жители чувствуютъ симпатическое влеченіе вонъ изъ города*, и т. п.

Но всего забавнѣе въ этомъ романѣ то, что̀ авторъ называетъ картинами большаго совѣта: этотъ «большой свѣтъ» напоминаетъ своимъ тономъ Марью Андреевну и гостей городничаго въ «Ревизорѣ»; салоны же его ничѣмъ не отличаются отъ залъ Hôtel du Nord, гдѣ, по описанію автора, прислуживаютъ ярославцы въ чистыхъ передникахъ и съ бородами... Вообще, тонъ госпсподина-сочинителя самый свѣтскій, поэтическій, граціозный: дамъ называетъ онъ «дамочками», а прекрасную и образованную Француженку, незнающую ни слова по-русски, заставляетъ спрашивать у своего возлюбленнаго: «Какъ идутъ ваши *дѣлишки*?»... (ч. III. стр. 28).

*584. **Цвѣты Музы.** Сочиненіе *Александра Градцева*. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Іогансона. Въ 8-ю д. л. 73 стр. [58])

Не смотря на неблагопріятное время для поэзіи, не смотря на то, что теперь почти совсѣмъ не читаютъ стиховъ,—новые поэты не перестаютъ являться, нежданные, непрошенные, а новыя стихотворенія такъ и плодятся, словно грибы послѣ дождя. Давно ли вышли стихотворенія г. Бочарова; давно ли восхищались мы поэмою г. Молчанова «Повѣсть Ангелина»—и вотъ являются «Цвѣты Музы» г. Градцева... Но это еще не все: сколько надеждъ впереди, сладостныхъ надеждъ! *Сынъ природы*, Ѳедотъ Кузмичевъ, приготовилъ «Поэму въ 14 пѣсняхъ» и—почему же не надѣяться!—можетъ-быть, скоро потянутся, одно за другимъ, собранія стихотвореній поэтовъ «Библіотеки для Чтенія» и покойной «Галатеи»—гг. Кропоткина, Щеткина, Степанова, Зотова, Чужбинскаго, Третьякова, Чернецкаго, Скачкова, Соколова, Волкова, г-жъ Шаховой, Надерной и иныхъ... Прекрасныя стихотворенія гг. Сушкова, Бахтурина, Быстроглазова давно уже изданы и, сдѣлавъ свое дѣло, т. е., доставивъ публикѣ большое удовольствіе, покоятся въ кладовыхъ—сихъ Елисейскихъ Поляхъ умершихъ стиховъ и прозы... Но обратимся къ «Цвѣтамъ Музы» г. Градцева. Надо признаться, что эти цвѣты не совсѣмъ красивы и ароматны; но въ этомъ виновата не муза г. Градцева, а типографія г. Іогансона, на безплодной почвѣ которой возросли они... Проницательные читатели поймутъ, что мы говоримъ о внѣшнемъ безобразіи «Цвѣтовъ» г. Градцева; что же до внутренняго—о немъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Снарядили корабль—громадный, онъ недвижимъ стоитъ у морской бездны, и по влажной и бурной степи летитъ взоромъ какъ соколъ,—а самъ думаетъ: «о, гремучія волны! не долго мнѣ стоять; спущусь я тяжелою пятою *къ вамъ* на хладную грудь, какъ геній раздора...

Мнѣ небо отвагу и силу дало
Носиться надъ бурною глубью;
Разрѣжу я ваше сѣдое чело
Своею широкою грудью!

Теперь, читатели, мы вамъ-самимъ предоставляемъ пріятный и полезный трудъ отыскать единство образности въ смѣлыхъ и «цвѣтистыхъ» тропахъ музы г. Градцева: сперва корабль грозитъ волнамъ спуститься тяжелою пятою на нихъ (или, какъ выражается муза г. Градцева, *къ нимъ*) хладную грудь; а потомъ хочетъ своею широкою грудью рѣзать ихъ сѣдое чело: изъ этого сбивчиваго обстоятельства очень естественно вытекаетъ вопросъ о фигурѣ корабля, т. е., о томъ, гдѣ у него грудь и гдѣ ноги, или «пята»; и потомъ о фигурѣ волнъ, т. е. гдѣ у нихъ «сѣдое чело» и гдѣ «хладная грудь»... Не сознавая себя въ силахъ рѣшить такой мудреный вопросъ, будемъ продолжать исторію корабля и волнъ.—Погрозивши волнамъ, нашъ корабль, «одѣтый величьемъ и съ *пламенемъ* въ очахъ», торжественно погру-

зился въ воды ме(ъ)дной пятой, «*всклубляя* свой флагъ распущенный»: волны осердились—и давай бросаться ему на грудь; но «бѣгунъ морей» не струсилъ—онъ началъ работать и грудью и пятою: грудью онъ дерется, а пятой «смялъ волны». Волны, видя, что плохо дѣло, что дракой ничего не возьмешь, очень хитро придумали испугать «бѣгуна морей» дикими, напыщенными стихами: «Ты-де—говорятъ онѣ—*быстрой и упорной встрѣчей разрушилъ наше возстаніе* (чудная мысль, смѣлый оборотъ!) *и исторгалъ изъ насъ рыданія;* но не гордись своею стальною грудью—ты рукотворность человѣка, ты духомъ тлѣнья отягченъ; а мы (т. е. волны) созданы отъ вѣка, *къ намъ недоступенъ смертный сонъ*; бѣги же вонъ изъ моря». Но корабль себѣ-на-умѣ: его не надуешь плохими и безмысленными стихами—вѣдь онъ и самъ мастеръ кропать ихъ: «врете вы» крикнулъ онъ на нихъ—

И быстро сорвалъ свой якорь чугунный,
Торжественной думой взлетѣвъ къ небесамъ,
Наперстникъ стихіи надменной и бурной
Стрѣлою помчался по черпымъ волнамъ.

Вотъ такъ ужъ корабль—подлинно, что удивительный: самъ *срываетъ* якорь, а не снимается съ якоря, *думой* прямо въ небеса, а *стрѣлою*—по черпымъ волнамъ... Но и это еще не все: сперва вы видѣли его врагомъ «надменной и бурной стихіи», а теперь онъ вдругъ является ея «наперстникомъ»—видно, насильно влѣзъ въ дружбу...

Все разсказанное нами составляетъ содержаніе перваго цвѣтка музы г. Градцева. Что же въ этомъ «содержаніи»? спросите вы:—что за мысль, что за смыслъ? Не знаемъ навѣрное, но думаемъ, что это этюдъ. Вы, читатель, конечно, учились въ дѣтствѣ нелѣпой наукѣ, называемой «реторпкою»; васъ конечно, заставляли «сочинять» на заданныя тэмы; слѣдовательно, вы знаете, какъ пишутся такія сочиненія. Если же не знаете, мы вамъ скажемъ. Вотъ, на-прим., дана тэма—«корабль»: что жь тутъ писать?—Какъ что? если въ классическомъ родѣ, то благосклонныя небеса, попутные вѣтры, морскія божества, милая жена и прекрасныя дѣти, ожидающія въ мирной хижинѣ дорогаго ихъ сердцу пловца; потомъ буря, кораблекрушеніе, гибель, а за тѣмъ нравоученіе: какъ-де не надёжны всѣ надежды человѣческія, и въ виду, дескать, берега погибаетъ пловецъ, тщетно простирая объятія къ «вѣрной подругѣ и безцѣннымъ залогамъ нѣжнаго союза», а наконецъ—выводъ: слѣдовательно, коли ужъ ѣздить, такъ сухимъ путемъ, а не моремъ; лучше же всего не ѣздить, а сидѣть дома, не гоняясь за богатствомъ и славою,—да, впрочемъ, вы ужъ читали басню «Два Голубя»... Если же угодно въ романтическомъ родѣ: назовите корабль «бѣгуномъ моря», «человѣческою мыслью, одѣтою въ дерево, желѣзо и смоленую пеньку, окрыленную парусами»; море сравните съ душою злодѣя, и потомъ заставьте его ругаться съ кораблемъ, потомъ драться, и кого-нибудь изъ нихъ сдѣлайте побѣдителемъ; но бойтесь вывести

какое-нибудь заключеніе: романтизмъ требуетъ таинственности, неопредѣленности: въ немъ все дѣло въ ничемъ, или въ чемъ-то... Славная наука реторика, особенно та глава въ ней, которая трактуетъ объ «изобрѣтеніи» и «общихъ мѣстахъ»!... Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть, какое прекрасное стихотвореніе помогла она написать г. Градцеву. Дѣло идетъ о «холмѣ»,—простомъ, обыкновенномъ холмѣ; ну, что бы, кажется, можно сказать о холмѣ, кромѣ того, что онъ—холмъ; но геній и реторика найдутся наговорить всего о ничемъ. Былъ—изволите видѣть—въ степяхъ за Волгою холмъ, на которомъ «орелъ обитель основалъ»; на холмѣ было тихо, какъ во всякой «обители», и *безмолвіе оживлялось* только крикомъ орловъ... Вотъ муза г. Градцева и начинаетъ допрашивать холмъ: гдѣ-де была *обитель* твоей младенческой поры и кто тебя сюда занесъ?—Холмъ ни слова, какъ-будто (такой гордецъ!) и знаться не хочетъ съ музою г. Градцева; а между-тѣмъ—

Сбѣжались тучи; заклубился
Мятежный вихе(о)рь; застоналъ
На Волгѣ грозно пѣнный валъ;
И, гулъ гремучій покатился
Съ холма раскатомъ громовымъ,
И мнѣ казалось озарился
Недвижный (*гулъ?*) пламенемъ живымъ,
Но нѣтъ.., гулъ шумный, не отвѣты,—
Не рѣчь холма на говоръ мой;
Затихла степь: въ туманъ одѣтый
Молчитъ холмъ черный и нѣмой.

Этими стихами заключается пьеса: поняли ль вы ихъ?..

Очень интересна также пьеса «Къ смерти». Муза г. Градцева такими словами не велитъ идти смерти въ счастливое семейство:

Гдѣ жизнь такъ давно разцвѣла,
Туда, гдѣ жизнь еще мила,
Не изливай свое злодѣйство,
Тяжелыхъ не бросай цѣпей.
Къ чему разрушишь(ъ) благо дней!

Муза г. Градцева произращаетъ не одни цвѣты, но и цѣлыя деревья: на первый случай она подчуетъ только сукомъ съ большаго дерева—одною сценою изъ жизни Владиміра(.) князя новгородскаго», которая сцена, какъ гласитъ выноска, есть «Отрывокъ» изъ драматическихъ сценъ: «Владиміръ и Рогнеда съ 980 по 986 годъ». Первый опытъ въ Д(д)рамѣ!—наивно замѣчаетъ авторъ... По суку видно, что «Рогнеда съ 980 по 986 годъ» есть дерево большое, но водяное—нѣчто въ родѣ вятлы...

Всѣ замашки музы г. Градцева обличаютъ въ немъ поэта романтическаго, изъ школы г. Бенедиктова. Да, г. Градцевъ романтикъ, а слѣдовательно и несчастный человѣкъ, потому-что всѣ романтики несчастные люди. Читайте—и страдайте:

Одинокъ я въ этой жизни,
Чуждо все душѣ моей,
Нѣтъ мнѣ друга, нѣтъ отчизны,
Нѣтъ мнѣ ласки отъ людей.
Тяжко други! подъ луною
Безпріютный я брожу,
И не съ радостью, съ тоскою
Я на Божій міръ гляжу.
Одичалъ я въ жизни бурной,
И увялъ какъ въ осень цвѣтъ.
О друзья! подъ мрачной урной
Горько лечь во цвѣтѣ лѣтъ.

***585.** За романтическими «Цвѣтами Музы» г. Градцева, слѣдуетъ классическая книга съ тремя заглавными листами, въ форматѣ нотной тетради.

Первый заглавный листъ гласитъ глухо:

Часть I.

Второй заглавный листъ выражается нѣсколько опредѣленнѣе:

Альбомъ Избранныхъ Стихотвореній. 1842.

Третій заглавный листъ, явно служащій продолженіемъ второму, поступаетъ съ гораздо-большею, противъ первыхъ двухъ, откровенностію:

Посвященные прекрасному полу. *Изд. шт.-капит.* Милюковымъ.

Типографіи не означено; если книжку поворотить бокомъ—она походитъ на 12-ти-дольную; состоитъ изъ 98 стр. Цѣна ей 5 р. ас.

Мы назвали сборникъ штабс-капитана Милюкова «классическимъ»—и не ошиблись: кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ стихотвореній новѣйшаго издѣлія, да маленькой пьески Пушкина, все остальное въ этомъ сборникѣ—старое, теперь забытое, или новое въ старомъ и забытомъ родѣ. Кто, напр., не будетъ изумленъ неожиданною встрѣчею съ этимъ почтеннымъ двоестишіемъ, которое когда-то казалось и умно и остро:

Что наша жизнь?—Романъ.—Кто авторъ?—Анонимъ.
Читаемъ по складамъ, смѣемся, плачемъ, спимъ.

На стр. 11, ни-съ-того ни-съ-сего, безъ заглавія, безъ причины и цѣли, помѣщено восемь стиховъ изъ «Пѣвца во Станѣ Русскихъ Воиновъ» Жуковскаго

Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну сердца милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ(:)
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все *отважное* (великое) летитъ;
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Съ такою же вѣрностію перепечатана пьеса Пушкина: «Въ чужбинѣ свято наблюдаю святой обычай старины». Въ «Альбомѣ» первый ея стихъ напечатанъ такъ: «Чужбинѣ свято наблюдаю». Не знаемъ, для чего и какимъ образомъ попала въ альбомъ, посвященный «прекрасному полу», юмористическая пьеска Державина: «Поймали птичку голосисту». Но еще менѣе понятно, зачѣмъ и какъ попали въ альбомъ, посвященный «прекрасному полу», лакейскія пьесы въ родѣ слѣдующей *эпитафіи*:

Вотъ лекарю надгробный стихъ:
Здѣсь тотъ лежитъ, кто *клалъ* другихъ.

Очевидно, что въ этихъ кучерскихъ стихахъ дѣло идетъ о лошадиномъ лекарѣ»; но далѣе:

Одинъ другому предлагалъ:
Не хочешь ли побиться лбами?
Другой на то ему сказалъ:
Мой гладокъ лобъ, а твой съ рогами!

Или:

«Хотѣлъ бы Лизу я имѣть своей женой,
Она меня своей плѣнила красотой,
Я тысячу пріятствъ и прелестей въ ней вижу!»
—Да что жь не женишься?—«Рогатыхъ ненавижу.»

Видно, что нашъ галантерейный штабс-капитанъ составилъ себѣ понятіе о «прекрасномъ полѣ» по образцамъ не слишкомъ изящнымъ... Да и какого общества, какого тона должны быть экземпляры «прекраснаго пола», которыми рѣшился *такимъ образомъ* угощать издатель альбома?...

Пьесы, въ родѣ слѣдующихъ, заставляютъ думать, что собиратель имѣлъ въ виду уѣздныхъ горничныхъ:

О, не плачь, не горюй,
Ты пригоженькая!
Не тужи, не тоскуй,
Ты хорошенькая! и пр.

Или:

Мило милой заниматься,
Мило милую любить,
Мило милой восхищаться:
Мило милой милымъ быть.

Послѣдніе стихи должны быть очаровательны въ устахъ какого-нибудь Донъ-Хуана въ байковомъ сюртукѣ, съ сережкой въ ухѣ, подъ аккомпаниментъ балалайки.

Воскрешая вкусъ классической старины нашей, штабс-капитанъ Милюковъ засорилъ свой, и безъ того довольно неопрятный, альбомъ еще и шарадами, которыя—сто противъ одного—его мастерства. Не угодно ли полюбоваться хоть на одну:

Когда вы музыкѣ учиться начинали,
То *первый* и *второй* являлись вамъ не разъ;

И вѣрно вмѣстѣ ихъ вы часто съединяли,
Когда красавица собой плѣняла васъ.
Послѣдній всякій часъ на языкѣ вертится,
И безъ него о васъ нельзя вамъ говорить,
О *цѣломъ* рѣдко кто въ семъ свѣтѣ не крушится,
Оно жъ и радостей намъ тысячи даритъ,
И древнихъ рыцарей оно одушевляло,
И совѣстью честныхъ ворочало судей,
Свирѣпыхъ въ ангеловъ нерѣдко превращало,
И мало ли какихъ не дѣлало затѣй.

Какъ вы думаете—что бы это значило?—*Ми-ла-я!*... О тонкая штука вишь куда метнулъ!...

Для довершенія эффекта, г. штабс-капитанъ украсилъ альбомъ и французскими стишками—собственнаго издѣлія...

***586. Стихотворенія Аполлона Майкова.** Санктпетербургъ. 1841 [59]).

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь-только ожесточенное тяжкими утратами, или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія,—какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнитъ ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастія: это другой вопросъ,—и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно-напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны, или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова,—мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и *нѣчто* обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ,—теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ...

Наша литература, не смотря на свою молодость и незрѣлость, уже свершила нѣсколько фазовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности

ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей, нѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много обѣщавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!... И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы, и приходить въ пѣстовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ—съ адомъ... Точно также, теперь только развѣ не образованная, не воспитанная посредственность рѣшится «призывать вдохновеніе на *высь чела*, вѣнчаннаго звѣздой»; выдумать «грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью», или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры. А прежде—и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава гг. Марлинскому, Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ, и навсегда избавили нашу публику отъ наклонности къ изысканной дичи въ мысляхъ и выраженіи!.. Ихъ образъ дѣйствованія и усилія, для этой цѣли, были совершенно-обратные и отрицательные; но за то результаты вышли теперь и прямые и положительные. Въ этомъ случаѣ, намъ мало нужды даже до намѣреній и мотивовъ: результатъ все выкупаетъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданъ для самихъ дѣйствователей... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностію имени г. Полеваго, который стремился къ той же цѣли, и притомъ еще двумя совершенно-различными путями: *безсознательно*—философско-историческими статьями, критиками и повѣстями; и *сознательно*—превосходными пародіями на стихи нѣкоторыхъ дикихъ поэтовъ, которые помѣщалъ онъ въ своемъ «Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы»—этомъ лучшемъ произведеніи всей его литературной дѣятельности...[60]). Да, заслуги этихъ людей, вольныя и невольныя, сознательныя и безсознательныя, поставили, такъ сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣченною со стороны публики; она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ, еще до-сихъ-поръ, и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобъ худы, да и не то, чтобъ очень-хороши, ужь невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время рифмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на мѣсто того и другаго требуются глубокія чувства и идеи, выраженныя въ художественной формѣ, съ

рифмами, или безъ рифмъ—все равно. Для успѣха въ поэзіи, теперь мало одного таланта: нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ-себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи и высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова,—значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами-собою раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, неимѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодаго поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона—хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ «Отеч. Записокъ» должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ-называемой *антологической* поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзіи г. Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте» *). Теорія антологической поэзіи имѣетъ такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній г. Майкова, что мы, въ помянутой статьѣ, выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его дивно-поэтическую, роскошно-художественную пьесу «Сонъ», не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ,—и мы, при разборѣ этого «Альманаха», еще задолго до статьи о «Римскихъ Элегіяхъ», выписали въ нашемъ журналѣ, это стихотвореніе, скромно подписанное буквою *М.* **). И—смотрите и судите сами—удивительно ли, что это стихотвореніе, безъ подписи знаменитаго, или, по-крайней-мѣрѣ, знакомаго имени, поразило насъ до того, что мы

*) «Отеч. Записки» 1841. Т. XVII, отдѣленіе «Критики», стр. 23 [61]).

**) „От. Зап.“ 1840, т. IX, отд. „Библ. Хроники“ стр. 14 [62]).

перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь
Спомъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь
Иду я подъ родной, соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ. (Стр. 9).

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой-себѣ красота совершенно-нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко-блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеею.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи г. Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найдти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ, мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,

И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты! (Стр. 120).

Остановимся на этомъ стихотвореніи, и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанію—это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, и изъ-за поэтическаго, полнаго жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующейся слову мысли... Стихъ: «Что міръ ея есть міръ пустой и ложный», прозаиченъ; «и блѣдный вымыслъ—красота»: неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, *низводящемъ изъ длани* потокъ разящей молніи» невѣрно и въ-отношеніи къ языку, и въ-отношеніи къ поэзіи; «Лунный ликъ *такъ сокровенъ*» ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; «И ты невольно симъ явленьямъ *даруешь жизни красоты*»—выражено слабо и неопредѣленно. Послѣдніе два стиха въ пьесѣ прекрасны; но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ-много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самою пьесою настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примиритъ чисто-поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи г. Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще незнѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,

Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы (Стр. 3).

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье. (Стр. 63).

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно-высказанное въ немъ, явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностію отдѣлки. Что же до содержанія—оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта: что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ—и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по-преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, лупы блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;

Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль волнъ напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи, пьесы г. Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ главу эстетики,—и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ Эллиновъ природа была пафосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи, муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно-ощущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безъискусственно-изящныхъ пѣсенъ. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много-обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодаго поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только-что началъ писать *не*-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва-ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,—г. Майковъ, изученіемъ изящной древне-классической поэзіи, завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато—посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основный элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами Грека, и—какъ мы увидимъ ниже—иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ разсчетъ его молодость (а ея, въ этомъ случаѣ, нельзя не брать въ разсчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Мепискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ

Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный! (Стр. 48).

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ,—вы ощутите душою и безконечную красоту и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль. Если же духу вашему не чуждо древнее міросозерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или, что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться Грекомъ, такъ-что самый взыскательный Аѳинянинъ, современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза г. Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ «Вакханкѣ», которая уже извѣстна читателямъ «Отеч. Записокъ» *). Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и—

Дориду.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?..
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златаго,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ

*) Томъ XVIII (1841) отд. III, стр. 340.

Забудетъ всѣ любви приманки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечь, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

(*Стр. 91*).

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пьеса не только не понравится, но и возбудитъ все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навыворотъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на что напали они съ остервененіемъ,—знайте, что̀ это превосходно; что восхвалили они съ пепстовствомъ — знайте, что это по̀шло или мертво. Лицемѣрные моралисты въ высшей степени обладаютъ этою *выворотною* вѣрностію сужденія... Что же до ихъ строгости—она понятна: Шиллеръ, въ одной изъ своихъ *ксеній*, сказалъ, что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее...[63]). Кто имѣетъ счастіе быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,—для тѣхъ стихотвореніе «Доридѣ», при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное—право собственности, не позволяютъ намъ выписать изъ книги г. Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній—особенно «Гезіода» и «Вакха», тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пьесъ, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощь покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ копяхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри: улыбаясь,*
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

(*Стр. 74*).

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужь пѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужь полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся.
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты віются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жь: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цалуешь звонко, пѣжно!

(*Стр. 171*).

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ; но тонъ поэзіи, но созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же, дышущія сладостію и нѣгою свѣтлаго неба Эллады!.. *).

Однакожь, тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова полное выраженіе древней поэзіи, или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностію и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи, или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идиллій и пѣсни, жизнь грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то, со стороны трагедіи, она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона—заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,—и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагическій элементъ преобладаетъ уже и въ самой «Иліадѣ»—этой прародительницѣ всѣхъ трагедій греческихъ, въ-послѣдствіи явившихся. Что же разумѣлъ Грекъ подъ «трагическимъ»?—Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни, или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедіи. Трагическое грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, движительнаго

*) Вотъ перечень прочихъ пьесъ г. Майкова въ антологическомъ родѣ: VII, *Картина Вчера, Гезіодъ, Радость, Эхо и Молчаніе*, XVII, *Пустынножку, Пріапу*, XXIV, XXVI, *Туллу, Овидій, Вакханка, Вертоградъ, Scholia, Вакхъ, Двѣ Элегіи, Зимнее Утро, Подражаніе Сафо*, LIII, *Плющъ, Исповѣдь, Цинтіи, Свирѣль*, LXVIII, LXX, LXXIII, LXXV, *Горы, Діонея*, LXXXI, *Поэзія*.

начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденія героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностію человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ, источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ въ «Антигонѣ» Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, веледушно жертвующая своею жизнію для выполненія того, что она считала своимъ долгомъ, и невыполненіе чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти,—и Креонъ, какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому, вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно-разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро-сражавшимся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою женщиною, не была бы героинею, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланный трупами благороднѣйшихъ жертвъ помостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность есть апоѳеоза человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума... Но почему же герой есть—герой? что дѣлаетъ человѣка героемъ?—Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до веледушной готовности смертію запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе—жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастія... И такъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва-замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды-утраченнаго счастія, однажды-полученной жизни, однажды-пріобрѣтеннаго друга, или милой сердца: но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнію—и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина

и правда?.. О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и конечныхъ помысловъ... Трагическое, это—Божія гроза. освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душою—и, умѣя наслаждаться жизнію, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать гдѣ и когда велитъ судьба,—вотъ что было для Грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся—живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности Грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великою душою трагическую сторону жизни, въ противности съ свѣтлою ея стороною,—и глубоко, мощно, со всею роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ—«Торжество Побѣдителей», такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколько бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколько низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!.. Вспоминая Аякса, убившаго себя въ гнѣвѣ за коварное похищеніе Одиссеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оплидъ, говоритъ!

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой пафосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ стихахъ:

О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить съ людьми племенъ дѣлами--

Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она.
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ непзмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе *эллинизма* и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе, повидимому, и совершенно-противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Напѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утомленье;
Добрый вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ!
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого: но долгъ критики замѣтить, что̀ у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента «трагическаго» въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что г. Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но придетъ время — и, можетъ быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, еслибъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени... Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это—великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! *Стихъ* въ поэзіи—то же, что *слогъ* въ прозѣ, а *слогъ*—это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ, но еще и въ движеніи, въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта; а движеніе и развитіе состоитъ въ безпрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не въ хронологической послѣдовательности. Батюшковъ—поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его пьесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія.

Но мы отдалились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ «наивнаго» и «природнаго», такъ чуждъ элементъ «трагическаго» въ древней поэзіи. Разъ г. Майковъ былъ близокъ къ нему, по содержанію, избранному имъ для самой большой своей пьесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хоть, можетъ быть, и думалъ вполнѣ его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ «Олиноъ и Эсоирь» (римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства). Мысль поэмы — контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ *шестьдесятъ* страницъ, которыя, въ чтеніи, легко могутъ показаться *шестью-стами* страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше намѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но г. Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ понравившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между-тѣмъ, сколько элементовъ «трагическаго» съ обѣихъ сторонъ могло-бъ и должно-бъ было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей трагедіи;

но за то, римская исторія есть безпрерывная трагедія, — зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи едвали есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіею Римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паѳосъ къ гражданской свободѣ, къ ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина отдѣльно, гражданская доблесть, въ цвѣтущія времена великой республики, и гордая, стоистическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ [64]), и уступчивость судьбѣ, въ слѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ, и счастливая для менѣе-великихъ, но болѣе во время явившихся—вотъ гдѣ элементы «трагическаго» въ исторіи Рима, великой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ—этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени!.. Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго Римляшина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ, выразилъ бы—сколько стоистическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олиѳъ г. Майкова только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ—образъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ напр., вотъ эта пиршественная пѣсня Римлянъ-язычниковъ:

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Гремя, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ убранствахъ вертограда—
Угоднѣе богамъ!

Настанетъ часъ—воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ. На звуки флейтъ и лиръ

Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ, и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О, други! сыпьте розъ гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ—этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда киѳара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

Вообще, когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ какъ-будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его «Венера Медицейская», содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ *Венеры Медицейской*, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственною красотою—

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды (?!),
И стройный станъ и шелкъ кудрей:
И Римъ парекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало-поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ-будто изысканная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли—видѣть простую копію, портретъ, въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны; есть между ними даже оскорбляющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ, напр.:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: *пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ?* Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи г. Бенедиктова, но очень-дурно въ стихотвореніи г. Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ.

Что такое: *молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья?* Не-уже-ли это поэзія, не реторика?..

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія, съ болѣе или менѣе-антологическимъ оттѣнкомъ: *Радость, Измѣна, XXXIII, Жизнь, Прощаніе съ Деревней, Заря, Горы, Мраморный Фавнъ.* Что до послѣдняго стихотворенія,—оно было бы лучше, еслибъ не было растянуто приставкою и кончилось 25-мъ стихомъ, или —можетъ-быть, еще лучше—13-мъ стихомъ [65]).

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній г. Майкова, и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ, мы желали бъ найдти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но—увы!—мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ-немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное — реторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ «Чудномъ Вѣкѣ» поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра-Великаго, которая возсіяла —

..... въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; *въ той храминѣ священной,*
Гдѣ льды горятъ какъ въ храминѣ чудесъ...

Не реторика ли это?.. Въ концѣ пьесы, авторъ заставляетъ Петра *выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ,* а *громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу*, забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, qui est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... [66]) Стихотвореніе, означенное N. V., превосходно по стихамъ, но мысль—приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка—изысканна... Прекрасны послѣдніе *шесть* стиховъ стихотворенія «Воспоминаніе»; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и, особенно, этого начала:

Когда ты *въ пучины былаго*
Окунешься думой...

«Еврейская Пѣснь» отличается прекрасными, звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Пьеса «Монастырь» откровенно названа авторомъ «введеніе къ *ненаписанной* поэмѣ». Она начинается этими непоэтическими стихами:

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстляндцевъ уловлялъ въ желѣзные оковы...

За тѣмъ слѣдуетъ реторика, изрѣдка прерываемая стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ..

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора, и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ—*печатать*, но читать безъ напряженія и утомленія подобные стихи?—

Все тлѣніе и прахъ!
Здѣсь, за оградою, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья.
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья,
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли;
И въ мирной келіи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль, въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на пѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну, отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
На лоно вѣчности, въ подоблачный эоиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны,
Откуда бѣдную зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: неугодно ли прочесть вамъ его, не переводя духа, или не скрывъ смысла?.. И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое «*окованныя* стѣны», «одежда *мертвая*» (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать — «одежда *мертвыхъ*», да мѣра стиха не позволила), «*вѣренъ* ли монашескій обѣтъ» (*кому* и *чему* вѣренъ?)? Что такое «*весенніе* часы и *мечтательныя* безсонницы»?..

Теперь обращаемся ко всѣмъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенные?—

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо, голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ, или кликъ опасной битвы,
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясные красавицы глаза,

По блѣдному лицу жемчужиной блистала,
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору грудей,
И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?

Пьеса, означенная № XIV (стр. 30), принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ пьесахъ: «Воробьевы Горы», «Два Гроба», «Истинное Благо», «Мститель» *(скандинавская баллада)*, и «Кладбище»—мы рѣшительно не узнаемъ г. Майкова, — и подпишите подъ ними: г. Щеткинъ, г. Кропоткинъ, г. Гогніевъ, г. Романовичъ — никто бы не удивился... «Воробьевы Горы» написаны точно какъ-будто г. Бенедиктовымъ; въ нихъ есть «кровель море разливное» (жаль, что не *разливанное!*), въ нихъ есть стихи: «И *до-полюсныя* воды у монхъ восплещутъ пятъ», въ нихъ «крадется пламени змѣя»; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ «Двухъ Гробахъ» собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о *носилкахъ Карла XII* и о *вѣнцѣ Наполеона*, будто бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

Взманивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія (?),
Въ объятіяхъ его замучила Россія,
И гробомъ стала...

Вы ли это, г. Майковъ?..

Въ «Двухъ Моряхъ» воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сиріи) моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: «Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли» (?), «По немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ среброкосматый, станица волнъ не ратуетъ во вѣкъ» (!).—Стихотвореніе «В. А. С.....у» замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этюдъ.—Въ маленькой поэмѣ «Іафетъ» много ума есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ «рефлектированномъ» произведеніи, не все высчитали, что есть въ немъ: въ немъ есть изысканныя выраженія: *міръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія Горы — гордыя врата Европы.* «Молитва Бедуина» была бы очень хороша, еслибъ въ ней нѣкоторые стихи не были такъ тяжелы. «Горный Ключъ» принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, еслибъ въ немъ ручьи не были названы «рѣзвыми нитями земли». Очень недурна пьеска «Кто—онъ?» Къ хорошимъ можно причислить еще: «Призывъ», «Безвѣтріе», «Мысль Поэта», «Пѣвцу», «Жизнь», «Мысль», «Заря» и «Е. П. М.».

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что̀ непріятно встрѣтить въ печати, и что̀ бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что пьесы въ родѣ «Воробьевыхъ Горъ» и «Кладбища» написаны

г. Майковымъ давно уже, и милы ему, можетъ-быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музы; но мы судимъ о нихъ какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту — и да пріиметъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ же радушіемъ и тою любовію, съ какими мы даемъ его!—совѣтуемъ беречься изъисканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности, и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собою ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стоитъ низвергнуть истуканъ, ею же самою слѣпленный (обыкновенно изъ весенняго снѣгу—это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потупленными очами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь *великіе* поэты, которыхъ слава продолжалась не дольше трехъ лѣтъ... по-крайней-мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и *изъисканными выраженіями*, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать...[67]) Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова, стихъ — просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изъисканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ, онъ — истинный, глубокій и притомъ *опытный*, *искушенный* художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по-крайней-мѣрѣ, въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изъисканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однакожь и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до-сихъ-поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою. Пьесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной движимости поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова пьеса LV (стр. 119), которой не выписываемъ, потому-что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая пьеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы,
Тамъ—солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

На эту пьеску не нужно комментаріевъ: кто жаждетъ также и горечи, какъ и сладости грезъ, тотъ будетъ—«царства дивнаго всесильный властелинъ»...

Но перлы не-антологическихъ стихотвореній г. Майкова это — «Ангелъ и Демонъ» и «Раздумье». Вотъ первое.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла;
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жь уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ:
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную пѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но *пышный* (!) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достаетъ, что-то недоговорено; эпитетъ *пышный* не удовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже *гордый* больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. За то «Раздумье»—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ поражаетъ оно содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ-осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!..
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ борепіи мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многаго надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрываться отъ участи, столь полной обаятельнаге счастія, и питать, въ молодой груди, желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства [68]).

587. Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Русская быль временъ Екатерины II. Сочиненіе *М. Н. Загоскина*. Четыре части. Москва. 1842 [69]).

Г. Загоскинъ пишетъ очень мало, но, сравнительно съ другими, онъ у насъ самый плодовитый романистъ. Въ десять лѣтъ слишкомъ — вотъ уже шестой романъ, да въ промежуткахъ, повѣстей съ пятокъ: по-нашему, по-русски, это много, очень-много. Самъ г. Булгаринъ написалъ всего-на-все только пять романовъ, и ужь больше—можно поручиться—не напишетъ ни одного: такъ ему посчастливилось въ этомъ дѣлѣ. Важный фактъ въ исторіи русскаго романа, потому-что въ ней г. Булгаринъ играетъ гораздо-бо́льшую и важнѣйшую роль, нежели какъ думаютъ и враги и почитатели его несравненнаго таланта! Такъ-какъ мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, т. е. почителелей, то и почитаемъ долгомъ объяснить значеніе г. Булгарина въ плачевной исторіи русскаго романа,—тѣмъ болѣе, что, безъ этого, мы никакъ не въ состояніи сдѣлать настоящей оцѣнки послѣднему роману г. Загоскина.

Всѣ русскіе романы можно раздѣлить на два разряда. Первый разрядъ ихъ начался «Бурсакомъ» и «Двумя Иванами» Нарѣжнаго, а кончился тремя попытками даровитаго И. И. Лажечникова—«Послѣднимъ Новикомъ», «Ледянымъ Домомъ» и «Басурманомъ». Здѣсь не мѣсто сравнивать между собою таланты обоихъ романистовъ; довольно сказать, что это таланты яркіе, замѣчательные, и что ничего общаго, никакой исторической связи между ними нѣтъ. Нарѣжный явился слишкомъ-рано, не издавалъ ни журнала, ни газеты, гдѣ бы могъ ежедневно хвалить самого-себя,—и прошелъ незамѣченнымъ, остался безъ подражателей. Романы Лажечникова были, напротивъ, оцѣнены публикою по достоинству, безъ всякихъ на этотъ счетъ стараній съ его стороны, или со стороны его друзей, издающихъ газеты и журналы. Романы Лажечникова были фактами эстетическаго и нравственнаго образованія русскаго общества, и навсегда будутъ достойны почетнаго упоминанія въ исторіи русской литературы. Къ этому же разряду надо причислить и «Юрія Милославскаго» г. Загоскина; но о немъ рѣчь послѣ.

Второй разрядъ романовъ ведетъ свое начало издалека.

У насъ образовался особый родъ романа, который сперва назывался *нравоописательнымъ*, *нравственно-сатирическимъ*, а теперь ужь никакъ не называется, хотя бы и долженъ былъ называться *моральнымъ*. Блистатель-

ный талантъ г. Булгарина былъ творцомъ этого рода романовъ; не менѣе блистательный талантъ г. Загоскина былъ его утвердителемъ и распространителемъ. Господа Зотовъ и Воскресенскій принадлежатъ къ числу самыхъ счастливыхъ и даровитыхъ подражателей этихъ двухъ сочинителей. Проницательный читатель и безъ насъ угадаетъ имена прочихъ многочисленныхъ романистовъ этой категоріи. Но, сверхъ морально-сатирическаго романа, есть еще два разряда романовъ, которые, впрочемъ, составляютъ одинъ разрядъ съ нимъ. Мы говоримъ о романѣ *восторженномъ*, *патетическимъ*, живописующемъ растрепанные волосы, всклокоченныя чувства и кипящія страсти. Основателемъ этого рода романа былъ даровитый Марлинскій, у котораго есть тоже свои счастливые подражатели. Третій родъ романа—*идеально-сантиментальный:* его началъ г. Полевой своими сладенькими повѣстями, онъ же и кончилъ его въ переслащенномъ романѣ своемъ «Аббадонна»;—подражателей у г. Полеваго не имѣется.

Всѣ эти три рода романа образуютъ собою одинъ разрядъ. Разсмотримъ его.

До Вальтера Скотта не было истиннаго романа. Великое твореніе Сервантеса «Донъ-Кихотъ» составляло исключеніе изъ общаго правила, а знаменитый «Жилблазъ де-Сантилана» Француза Лесажа прославленъ не въ мѣру и не по достоинству. Это не больше, какъ довольно-недурное произведеніе, которое однако было бы лучше, еслибъ не было такъ растянуто, или еслибъ его сократить на половину, т. е. изъ восьми частей сдѣлать только четыре. Романы восьмнадцатаго вѣка: Радклифъ, Дюкре-дю-Менила, Жанлисъ, Коттенъ, Шписа, Клаурена и другихъ, — только до Вальтера Скотта могли считаться романами: они изображали не общество, не людей, не дѣйствительность, а признаки больного, или празднаго воображенія. Знаменитые англійскіе *Памелы*, *Клариссы*, *Грандиссоны* и *Ловеласы* держались ближе общества и дѣйствительности; но дидактическая цѣль убила въ нихъ поэзію. Вальтеръ Скоттъ первый показалъ, чѣмъ долженъ быть романъ. До него думали, что «пѣсня—быль, а сказка—ложь», какъ говоритъ русская поговорка, и что, поэтому, чѣмъ больше нелѣпицъ въ романѣ, тѣмъ онъ лучше. Желая придать ему какую-нибудь цѣну въ глазахъ людей *солидныхъ* и *разсудительныхъ*, навязали ему полезную цѣль — исправлять нравы, осмѣивая порокъ и хваля добродѣтель. Такимъ образомъ, роману было приказано быть органомъ ходячихъ моральныхъ истинъ своего времени. Да, *своего времени*, ибо ходячая мораль такъ же измѣнчива, какъ и курсъ голландскаго червонца: въ прошломъ вѣкѣ мораль предписывала бѣдному и незначительному человѣку имѣть патрона-благодѣтеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущеннымъ къ его столу или къ его ручкѣ: теперь все это считается униженіемъ человѣческаго достоинства. И такъ, что теперь называется *подличаньемъ*, тогда называлось *умѣньемъ жить*; что теперь называется *подлостью*—тогда называлось—скромностью и смиреніемъ;

что̀ теперь называется *благородствомъ души*—тогда называлось *гордостью, она же есть смертный грѣхъ*... Такимъ образомъ, сочинители давали человѣческія имена и фамиліи своимъ жалкимъ, а нерѣдко и подленькимъ моральнымъ понятіямъ, выдавая свое резонёрство за «нравственность» да еще «чистѣйшую», а свою картофельную сантиментальность — за «любовь». Эти ограниченныя понятьица и сладенькія чувствованьица означались нумерами на особыхъ ярлычкахъ, а ярлычки наклеевались на лбахъ безобразныхъ фигуръ, грубо-вырѣзанныхъ изъ картонной бумаги: весьма-остроумно-придуманное удобство для читателя романа! благодаря ему, читатель уже не могъ запутаться во множествѣ именъ и одинаковыхъ фигуръ, потому-что на лбу каждой читалъ: «добродѣтельный № 1», «злодѣй № 2» и т. д. Тогда все были или добродѣтельные или злодѣи; не было необходимѣйшихъ и многочисленныхъ членовъ общества—глупцовъ и безцвѣтныхъ характеровъ, которые ни добры, ни злы, и т. п. Романъ всегда оканчивался благополучно, и зѣвающій читатель оставлялъ книгу не прежде, какъ послѣ расправы, т. е. брака гонимой четы, награды добрымъ и наказанія злымъ. Всѣ говорили одинакимъ языкомъ; о колоритѣ мѣстности, различіи сословій никто и не спрашивалъ.

Мы не безъ умысла распространились о старинномъ романѣ и высказали о немъ читателю истины, нѣсколько уже старыя и давно всѣмъ извѣстныя: намъ это было нужно для того, чтобъ показать, какъ новѣйшій романъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ сочинителей далеко ушелъ отъ романа добраго стараго времени, чѣмъ отъ него разнится и чѣмъ на него похожъ. «Но вѣдь вы обѣщали намъ разобрать новый романъ г. Загоскина, а говорите о романахъ, которые были за сто и дальше лѣтъ до г. Загоскина?»—Я о немъ-то и говорю, какъ увидите ниже.

Вальтеръ Скоттъ не изобрѣлъ, не выдумалъ романа, но открылъ его, точно такъ же, какъ Коломбъ не изобрѣлъ и не выдумалъ Америки, а только открылъ ее. Сервантесъ, задолго до Вальтера Скотта, написалъ истинный историческій романъ. Правда, онъ явно имѣлъ сатирическую цѣль—осмѣять запоздалое и противное духу времени рыцарствованіе въ мечтахъ и дурныхъ романахъ,— и этой цѣлью великій человѣкъ заплатилъ дань своему вѣку; но творческій, художественный элементъ его духа былъ такъ силенъ, что побѣдилъ разсудочное направленіе, и Сервантесъ, стремясь къ правоисправительной цѣли, достигъ совсѣмъ другой цѣли—именно художественной, а черезъ нее и правоисправительной. Его донъ-Кихотъ есть не карикатура, а характеръ, полный истины и чуждый всякаго преувеличенія, не отвлеченный, но живой и дѣйствительный. Идея донъ-Кихота не принадлежитъ времени Сервантеса: она—обще-человѣческая, вѣчная идея, какъ всякая «идея»: донъ-Кихоты были возможны съ тѣхъ поръ, какъ явились человѣческія общества, и будутъ возможны, пока люди не разбѣгутся по лѣсамъ. Донъ-Кихотъ—благородный и умный человѣкъ, который весь, со всѣмъ жаромъ энергической души, предался любимой идеѣ; комическая же сторона въ характерѣ донъ-Кихота состоитъ въ противоположно-

сти его любимой идеи съ требованіемъ времени, съ тѣмъ, что она не можетъ быть осуществлена въ дѣйствіи, приложена къ дѣлу. Донъ-Кихотъ глубоко понимаетъ требованія истиннаго рыцарства, разсуждаетъ о немъ справедливо и поэтически, а дѣйствуетъ, въ качествѣ рыцаря, нелѣпо и глупо; когда же разсуждаетъ о предметахъ внѣ рыцарства, то является истиннымъ мудрецомъ. И вотъ почему есть что-то грустное и трагическое въ судьбѣ этого комическаго лица, а его сознаніе заблужденій своей жизни на смертномъ одрѣ возбуждаетъ въ душѣ глубокое умиленіе и невольно наводитъ васъ на созерцаніе печальной судьбы человѣчества. Каждый человѣкъ есть немножко донъ-Кихотъ; но болѣе всего бываютъ донъ-Кихотами люди съ пламеннымъ воображеніемъ, любящею душою, благороднымъ сердцемъ, даже съ сильною волею и съ умомъ, но безъ разсудка и такта дѣйствительности. Вотъ почему въ нихъ столько комическаго, а комическое ихъ такъ грустно, что возбуждаетъ смѣхъ сквозь слезы; еслибъ это были люди ничтожные—они не были бы даже и слишкомъ смѣшны: истинныхъ донъ-Кихотовъ можно найти только между недюжинными людьми. Но главное: они всегда были, есть и будутъ. Это типъ вѣчный, это единая идея, всегда воплощающаяся въ тысячѣ разныхъ видахъ и формахъ, сообразно съ духомъ и характеромъ вѣка, страны, сословія и другими отношеніями, необходимыми и случайными. Такъ и теперь сколько есть донъ-Кихотовъ, напр., въ одной литературѣ! Человѣкъ, который искренно убѣжденъ въ томъ, чему уже никто не вѣритъ, и который жертвуетъ трудомъ, достояніемъ, спокойствіемъ и здоровьемъ для убѣжденія другихъ въ своемъ убѣжденіи,—развѣ онъ не донъ-Кихотъ? Сколько умнаго, истиннаго въ томъ, что̀ говоритъ онъ, а цѣлое все-таки—ложь, возбуждающая уже не негодованіе, а смѣхъ, вызывающая не возраженія, а насмѣшки...

И такъ, достоинство сервантесова романа—въ идеѣ: идея сдѣлала его вѣчнымъ, никогда неумирающимъ и никогда нестарѣющимся поэтическимъ произведеніемъ. Въ идеѣ заключается причина того, что, несмотря на испанскія имена, мѣстность, обычаи, частности,—люди всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ читаютъ и будутъ читать «Донъ-Кихота». Что же касается до испанскаго колорита и событій, характеровъ и лицъ—этотъ колоритъ свидѣтельствуетъ, что идея «Донъ-Кихота»—живая, воплотившаяся и обособившаяся, а не отвлеченно-общая и отвлеченная идея.

Вотъ это-то жизненно-органическое сліяніе общаго (идеи) съ особнымъ (вѣкъ, страна, индивидуальные характеры) составляетъ сущность и достоинство романовъ Вальтера Скотта. Этотъ великій поэтъ былъ человѣкъ, Британецъ и баронетъ въ-добавокъ: у него были свои личныя понятія и понятьица, свои личныя чувства и чувствованьица, національныя вражды и ненависти, народные предразсудки, что̀ все, вмѣстѣ взятое, и сгубило его «Исторію Наполеона». Но онъ ничего этого не вносилъ въ свою творческую дѣятельность, и входя въ созерцаніе судебъ человѣчества и человѣка, откладывалъ въ сторону свою личность и свое баронетство; онъ хотѣлъ только приковать къ бу-

магѣ видѣнія и образы, возникавшіе передъ его внутреннемъ окомъ, а судить, резонёрствовать о нихъ предоставлялъ другимъ. И хорошо сдѣлалъ: онъ вообще не мастеръ былъ судить; но въ творчествѣ былъ великій мастеръ. Потому-то романы его были зеркаломъ дѣйствительности, въ которомъ она походила сама на себя больше, нежели тогда, когда оставалась бы просто дѣйствительностію. Въ его романахъ вы видите и злодѣевъ, но понимаете, почему они—злодѣи, и иногда интересуетесь ихъ судьбою. Большею же частію, въ романахъ его вы встрѣчаете мелкихъ плутовъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ бѣды въ романахъ, какъ это бываетъ и въ самой жизни. Герои добра и зла очень рѣдки въ жизни; настоящіе хозяева въ ней—люди середины, ни то, ни сё. Вальтеръ Скоттъ былъ натуры глубокой, но спокойной и тихой, пользовался отличнымъ здоровьемъ и не зналъ нищеты и бѣдности [70]). Отъ-того, взглядъ его на жизнь веселъ и ясенъ, а романы, большею частію, оканчиваются счастливо; но, какъ человѣкъ геніальный, а слѣдовательно, и уважавшій свято объективную истину изображаемаго имъ міра, онъ написалъ нѣсколько романовъ, которые очень похожи на ужасныя трагедіи, какъ напр. «Ламмермурская Невѣста», «Сен-Ронанскія Воды», «Айвенго», или «Ivanhoe» (со стороны судьбы Ревекки), «Морской Разбойникъ» (Бренда)... Да, романы Вальтера Скотта потому великія произведенія искусства, что они не прикрашенное и не разсропленное, а дѣйствительное, хотя и идеальное, изображеніе жизни какъ она есть. Только жалкіе писаки подбѣливаютъ и подрумяниваютъ жизнь, стараясь скрывать ея темныя стороны, и выставляя только утѣшительныя. Но романы этихъ господъ сочинителей похожи на грошевые пряники, которые услаждаютъ вкусъ одной черни, поддонковъ и осадковъ человѣчества. Истина выше всего, и какъ ни закрывайте глаза отъ зла—зло отъ этого не меньше существуетъ-таки. Недавно было въ модѣ нападать на современныхъ французскихъ романистовъ за исключительно-мрачный взглядъ ихъ на жизнь; но теперь порядочные люди уже не нападаютъ на нихъ за это, сколько потому-что эти нападки уже старая пѣсня, сколько и въ-слѣдствіе умной, хотя и поздней догадки, что никто не можетъ видѣть вещи иначе, какъ онѣ представляются ему, и что кто не любитъ мрачныхъ картинъ, тотъ не смотри на нихъ, а писать ихъ все-таки не мѣшай. Теперь эти нападки сдѣлались достояніемъ меньшей литературной братіи,—и Боже мой! какія тонкія остроты, какія грозныя анаѳемы бросаетъ она на бѣдную французскую литературу, втайнѣ удивляясь ей, и въявь питаясь убогими крохами съ ея богатаго стола... Смѣшно и жалко!..

Какъ великій геній, Вальтеръ-Скоттъ не могъ не имѣть сильнаго вліянія на свой вѣкъ и даже на людей, съ которыми у него и у которыхъ съ нимъ не было ничего общаго. Всѣ бросились писать историческіе романы, не зная исторіи, будучи чужды всякаго историческаго созерцанія и взгляда на жизнь, и думая, въ простотѣ сердца, что романы великаго Шотландца отъ-того такъ удались, что въ нихъ исторія слита съ частнымъ бытомъ, и что имъ стоитъ

только перелистовать какой-нибудь томъ исторіи Карамзина, да придумать любовь, разлуку, препятствіе и благополучный бракъ — такъ и они будутъ Вальтерами Скоттами—и разбогатѣютъ, и прославятся. Нѣкоторымъ въ самомъ дѣлѣ удалось это въ каррикатурѣ и въ миньятюрѣ. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ таковы были результаты движенія, произведеннаго Вальтеромъ Скоттомъ: они были безконечно-важны во всѣхъ отношеніяхъ, и для всѣхъ литературъ, слѣдственно и для нашей. Мы уже упоминали о прекрасныхъ попыткахъ Лажечникова, и могли бы сдѣлать еще важнѣйшія указанія, — но это не относится собственно къ роману. Любопытно было бы взглянуть, какъ подѣйствовалъ Вальтеръ Скоттъ на большую, по числу, часть своихъ подражателей; но это когда-нибудь,—а теперь обратимся къ романамъ г. Загоскина и къ другимъ одной съ ними категоріи.

«Юрій Милославскій» былъ первымъ историческимъ романомъ на русскомъ языкѣ. Историческаго въ немъ было—надо сказать правду—очень мало, если исключить собственныя имена, числа и внѣшнія событія. Русскіе люди первой половины XVII вѣка у него очень-похожи на мужичковъ и бородатыхъ торговцевъ нашего времени. Герой—образъ безъ лица, не человѣкъ и не тѣнь: его ни руками схватить, ни глазами увидѣть; но что всего забавнѣе, этому безтѣлесному существу авторъ навязалъ понятія, чувства и деликатность сантиментальныхъ героевъ прошлаго вѣка. Замашка—основать русскій романъ XVII вѣка на любви, показываетъ, что авторъ не вникъ въ бытъ старой Руси и увлекался подражаніемъ Вальтеру Скотту. Всѣ лица романа—осуществленіе личныхъ понятій автора; всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ нравятся въ чтеніи, потому-что авторъ умѣлъ придать имъ какой-то призракъ дѣйствительности, и это умѣнье обличало въ немъ прежняго драматическаго писателя. Особенно же нравятся эти лица тѣмъ достолюбезнымъ добродушіемъ, которое умѣлъ придать имъ авторъ. Познакомившись съ такимъ лицомъ на одной страницѣ романа, вы знаете, что онъ будетъ говорить и дѣлать на другой, третьей—и такъ до послѣдней, а все-таки съ удовольствіемъ слѣдите за нимъ. Но герои добра и зла ужасно-неудачны: мы говорили уже о самомъ Милославскомъ, а теперь скажемъ, что и таинственный незнакомецъ, открывающійся потомъ Мининымъ, не лучше его; боярин Кручина и другъ его сбиваются на мелодраматическихъ злодѣевъ... И однакожъ романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первая попытка на русскій историческій романъ; сверхъ-того, въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и одушевленнымъ; разсказъ легкій, льющійся, увлекательный: ничему не вѣрите, а читаете, словно «Тысячу и Одну Ночь». Его и теперь можно перелистовать съ удовольствіемъ, какъ, вѣроятно, вы перелистываете иногда «Робинзона Крузе», который въ дѣтствѣ доставлялъ вамъ столько чистѣйшаго и упоительнѣйшаго наслажденія.—За «Юріемъ Милославскимъ» послѣдовалъ другой русскій историческій романъ г. Загоскина «Рославлевъ». Онъ былъ повтореніемъ «Юрія Милославскаго»: тѣ же лица,

тѣ же характеры, тѣ же начала, тѣ же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сдѣлалась виновата передъ судомъ автора въ томъ, что, какъ женщина, полюбила мужчину, не спрашивая, какой онъ націи. И за это, авторъ старался всѣми силами выставить ее въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, а героя тѣмъ паче возвеличить; но какъ сей великій мужъ былъ роднымъ братомъ боярина Юрія Милославскаго, то романъ и палъ, не смотря на возгласы пріятелей. Не будемъ и мы тревожить его праха.—«Аскольдова Могила» была могилою славы автора, какъ историческаго романиста; онъ самъ это увидѣлъ, и утѣшился тѣмъ, что изъ плохаго романа сдѣлалъ плохое либретто для хорошей оперы. Тогда онъ обратился къ простымъ, неисторическимъ романамъ, въ которыхъ талантъ его явно попалъ въ свою настоящую сферу, хоть и повыбился изъ силъ, напрягая ихъ въ чуждой ему сферѣ, куда приманила его подражательность. Подлинно, справедливо сказано:

Гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно!..

Оставимъ пока романы г. Загоскина и обратимся къ историческому обозрѣнію романической дѣятельности другаго знаменитаго таланта: такъ требуетъ *внутренняя* связь нашей статьи.

Первымъ романомъ г. Булгарина былъ знаменитый въ русской литературѣ «Иванъ Выжигинъ»,—это извѣстно всей просвѣщенной Европѣ. Сатира и мораль составляютъ душу этого превосходнаго произведенія; сатира отличается такимъ жолчнымъ остроуміемъ, а мораль—такою убѣдительностію, что тотчасъ же по выходѣ «Ивана Выжигина», въ Россіи уже нельзя было увидѣть ни одного изъ пороковъ и недостатковъ, осмѣянныхъ г. Булгаринымъ. И не удивительно: въ сатирѣ ему служили образцомъ Сумароковъ, «гонитель злыхъ пороковъ»... Вторымъ романомъ г. Булгарина былъ «Димитрій Самозванецъ», который, впрочемъ, показалъ, что историческая почва нисколько не родственна таланту г. Булгарина, столь сильному и поэтическому на моральной почвѣ. Романъ палъ, и только чрезвычайный успѣхъ *Выжигина* помогъ разойдтись единственному изданію *Самозванца*. Въ немъ были всѣ недостатки «Юрія Милославскаго», но не было ни тѣни теплоты и добродушія, составляющихъ неотъемлемое достоинство произведенія г. Загоскина. Впрочемъ, г. Булгаринъ умѣлъ, съ другой стороны, сдѣлать свой историческій романъ если не интереснымъ, то заслуживающимъ неоспоримое уваженіе: именно, съ моральной стороны, съ которой онъ замѣчателенъ. Вотъ что сказалъ о немъ Пушкинъ, прикинувшійся разъ Ѳеофилактомъ Косичкинымъ: «Что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г. Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г. Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него *Ножовымъ*, взяточникъ—*Взяткинымъ*, дуракъ—*Глаздуринымъ*, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—*Хлопоухинымъ*, Димитрія Самозванца—*Каторжниковымъ*, а Марину Мни-

шекъ — княжною *Шлохиною:* за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно». (*См.* «Телескопъ» 1831 года, ч. IV) [71]). Третьимъ романическимъ подвигомъ г. Булгарина былъ «Петръ Ивановичъ Выжигинъ»—опять историческій романъ, гдѣ Наполеонъ былъ представленъ въ контрастѣ съ Петромъ Ивановичемъ, и гдѣ Петръ Ивановичъ совершенно заслонилъ Наполеона—что̀ и доказало неспособность г. Булгарина живописать историческія личности, особенно такія великія, какъ Наполеонъ. Г. Загоскинъ въ то же время и также неудачно изображалъ Наполеона въ своемъ «Рославлевѣ»: чудное сходство въ направленіи романической дѣятельности обоихъ этихъ писателей!.. Тогда г. Булгаринъ съ горя отъ неудачи впалъ въ новую неудачу—написалъ третій и послѣдній исторический романъ свой—«Мазепу». Дружба всѣми силами старалась поддержать это произведеніе, но и сама рушилась подъ тяжестію такого подвига: читатели, можетъ-быть, вспомнятъ ловкую статью о «Мазепѣ» въ «Б. для Ч.» [72]) Тогда г. Булгаринъ написалъ «Записки Чухина», гдѣ снова, и уже навсегда, вошелъ въ родственную его таланту сферу.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, что̀ такое моральный романъ, т. е. ка̀къ онъ пишется и къ чему онъ годенъ. О *восторженномъ* родѣ романовъ новаго сказать нечего, что же до *идеально-сантиментальныхъ*, то здѣсь не мѣсто и не время распространяться о нихъ; мы предоставляемъ себѣ воспользоваться этимъ удовольствіемъ при появленіи перваго романа въ такомъ родѣ, или—чего лучше!—при выходѣ послѣднихъ двухъ частей «Аббаддоны» г. Полеваго: извѣстно, что первыя четыре части были изданы два раза безъ хвоста, о которомъ мы имѣемъ понятіе по двумъ большимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ «Сынѣ Отечества» 1840 года. Итакъ, приступаемъ прямо къ разбору «Кузьмы Петровича Мирошева», какъ типическаго представителя цѣлаго рода романовъ, который должно назвать *морально-сатирическимъ*.

Всѣ главы въ новомъ романѣ г. Загоскина означены разными затѣйливыми заглавіями, которыя вошли въ моду въ нашей литературѣ съ появленія въ свѣтъ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Первая глава «Кузьмы Петровича Морошева» гласитъ «О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти». Начинается она возраженіемъ противъ несправедливо-пріобрѣтенной рѣкою Сурою извѣстности въ народѣ (вѣроятно, народѣ Пензенской губерніи, гдѣ она только и извѣстна): авторъ справедливо замѣчаетъ, что покрытыя сосновыми лѣсами берега Суры очень мрачны, и что Сура течетъ на сѣверъ. Вы ожидаете, читатель, встрѣтить на берегу этой несправедливо-прославленной (что̀ неопровержимо доказано г. Загоскинымъ почти на двухъ страницахъ) рѣки городъ, или деревню, гдѣ родился герой, или гдѣ началось дѣйствіе романа: ничего не бывало! Сура не имѣетъ никакого отношенія къ роману, точно такъ же, какъ и Гангесъ или Нилъ; на берегу Хопра начался романъ... Вы, можетъ-быть, думаете, что авторъ распространился ни-съ-того ни-съ-сего о Сурѣ только для того, чтобъ къ его роману, тощему содержаніемъ, прибавилось полторы лишнія

странички: ошибаетесь, читатель! Нѣтъ, это просто подражаніе русскимъ пѣснямъ: кто не знаетъ, что почти всѣ наши народныя пѣсни начинаются, не съ того, съ чего начинаются, а именно съ того, съ чего не начинаются, на-пр.:

Ужь не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шолковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ, и пр.

Или:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая, и пр.

Продолжаю. Хопру посвящено только нѣсколько строкъ, затѣмъ на тринадцати страницахъ слѣдуетъ описаніе деревни, принадлежащей герою романа. Деревня—какъ всѣ русскія деревни—ничего особеннаго! Въ число этихъ тринадцати страницъ должно включить легенду объ источникѣ, или родникѣ въ деревнѣ Мирошева. Вотъ ужь этого не понимаемъ: зачѣмъ сюда зашла эта легенда, если не для забавы читателей? ибо тѣ добрые люди, которые могли бы прійдти отъ нея въ умиленіе, за безграмотностію, не прочтутъ романа г. Загоскина. Изъ второй главы узнаёмъ, «Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отъ-чего у прадѣда Кузьмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а ему досталось только пятьдесятъ». Авторъ начинаетъ родъ Мирошевыхъ не съ яицъ Леды, а только лѣтъ за сто съ небольшимъ до царя Ѳеодора Іоанновича; и потому надо прочесть, по-крайней-мѣрѣ, три страницы, прежде, чѣмъ дойдешь до отца героя романа, Кузьмы Петровича. Отецъ его тянулся изъ всѣхъ силъ имѣть псарню—не меньше, чѣмъ у князя Ромодановскаго, и протянулъ тысячу-шестьсотъ душъ, а сыну оставилъ съ небольшимъ четыреста. Петръ Кузьмичъ женился на модницѣ, которая разорила его въ разоръ и терпѣть не могла своего сына (онъ-то и герой романа) за его кучерское имя,—что и заставило Петра Кузьмича отвезти малолѣтняго Кузьму Петровича въ Петербургъ и отдать въ кадетскій корпусъ. Черезъ пять лѣтъ, родители Кузьмы Петровича умерли, и ему отъ четырехъ-сотъ душъ крестьянъ осталось только триста рублей денегъ.

Теперь мы будемъ слѣдовать за романомъ не по главамъ, а постараемся разсказать содержаніе всей книги покороче. У Кузьмы Петровича былъ дядька, Прохоръ Кондратьевичъ — маленькое, и не совсѣмъ удачное подражаніе *Савельичу* въ «Капитанской дочкѣ». Здѣсь особенно интересно мнѣніе автора о слугахъ такого рода; представляемъ его на судъ читателей:

„Куда дѣвалось это поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патріархальными правами нашихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ показаться невѣроятною, а встарину это бывало сплошь. Обыкновенно *барское дитя* переходило отъ кормилицы къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожатые: кормилица, нянюшка и дядька, сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который въ послѣдствіи становился

ихъ барином. *Разумѣется*, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два братца подерутся между собою, а тамъ—глядишь, и нянюшки таскаютъ другъ-друга за волосы» (Ч. I. Стр. 52).

Получивъ наслѣдство (300 руб.), Мирошевъ былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ и заказалъ себѣ Нѣмцу портному полную форменную экипировку; а Прохоръ выторговалъ у Нѣмца тридцать рублей изъ ста, расплакавшись передъ нимъ о бѣдности барина. Затѣмъ, Мирошевъ пошелъ въ прусскую кампанію. По увѣренію почтеннаго и даровитаго автора «всѣ товарищи полюбили его за кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который, однакожъ, не помѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи; служивые говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фрунтовомъ офицерѣ, а вся молодежь называла его *дядюшкой*». Лицо, какъ видите, идеальное, вполнѣ заслуживающее чести быть героемъ такого прекраснаго романа, какъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Прохоръ тоже попалъ въ большую честь за свою услужливость и честность, а главное—за умѣнье объясняться съ Нѣмцами. Одинъ русскій офицеръ попросилъ у Нѣмца молока, а тотъ подалъ ему колбасу—офицеръ было и по зубамъ Нѣмца, по позвали Прохора, и тотъ сталъ на четвереньки, заревѣлъ теленкомъ (?!). Нѣмецъ догадался—и дѣло кончилось миролюбиво. Въ полку былъ поручикъ Фурсиковъ—забіяка въ мирѣ и трусъ на войнѣ. Мирошевъ былъ свидѣтелемъ его трусости (повтореніе слово-въ-слово исторіи съ княземъ Блёсткинымъ въ «Рославлевѣ»). Когда кончилась война, и Мирошевъ воротился съ полкомъ въ Россію, Фурсиковъ былъ эскадроннымъ командиромъ и такъ распекалъ при всякомъ случаѣ нашего Мирошева, что тотъ подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву искать своихъ сослуживцевъ—не помогутъ ли они найдти ему штатское мѣстечко. Имѣнія съ нимъ было—пара крестьянскихъ лошадей, телега, да пять цѣлковыхъ въ карманѣ. Жалѣлъ о немъ болѣе всѣхъ гуляка и рубака, *добрый малый*, Костоломовъ... Да! я и забылъ сказать, что у Мирошева была родная тетка, старая дѣвица, у которой было 50 душъ крестьянъ, и съ которою мать его, а ея сестра, была во враждѣ. На дорогѣ къ Москвѣ, Мирошевъ разговорился съ Прохоромъ о-томъ-о-сёмъ, и Прохоръ, между прочими умными вещами, которыя онъ такой мастеръ говорить, сказалъ, что не худо бы Кузьмѣ Петровичу имѣть душъ тысячи двѣ крестьянъ. «Э! — отвѣчалъ Мирошевъ: хорошо было бы, еслибъ хоть вотъ и этакую деревеньку—вотъ, что стоитъ на лѣво-то!» Тутъ баринъ и деньщикъ пустились въ запуски хвалить деревеньку,—и у Мирошева ни-съ-того, ни-съ-сего загорѣлось остановиться въ ней кормить лошадей, хоть они еще и мало отъѣхали. Слуга было-заспорилъ, но скоро согласился: вѣдь противъ судьбы не пойдешь... Да, судьбы, читатель, судьбы: радостное біеніе ва-

шего сердца и тонкая проницательность вашего ума давно уже сказала вамъ, къ чему ведутъ всѣ эти подробности... Путешественники остановились въ крайней избѣ у старосты Парѳена. Прохоръ предлагаетъ барину обѣдъ, но баринъ хочетъ гулять. Оно такъ и должно: всѣ истинные герои романовъ любятъ гулять и мечтать, хоть бы они родились и жили въ такое время, когда по-пусту шататься не любили и всякому гулянью предпочитали — поплотнѣе набивши желудокъ, хорошенько всхрапнуть. Но Мирошевъ былъ изъ грамотныхъ и, вѣроятно, уже прочелъ «Приключенія Никанора, несчастнаго Дворянина»:—похожденія знаменитаго «Георга Милорда Англинскаго» тогда едвали еще были изданы. Вотъ Мирошевъ и спрашиваетъ у одного мужичка, можно ли погулять въ рощѣ.—Сколько душѣ угодно, не то, что въ рощѣ, да и въ саду.—Сталобыть, господъ нѣтъ дома?—Была барыня, да и та умерла.—*(Понимаете?..)* Такъ и домъ посмотрѣть можно? — Вѣстимо. Пока ключница пошла за ключами, Мирошевъ глядь въ дверь одной комнаты, да и остолбенѣлъ... Тамъ—видите—сидѣла, облокотясь на столъ и читая книжку, прелестная молодая дѣвица съ печальнымъ лицомъ. Описаніе ея красоты пропускаемъ: оно превосходно, но нѣсколько сбивается на общій тонъ чувствительныхъ романовъ. Вдругъ у дѣвицы выступили на глазахъ слезы, а у Мирошева облилось сердце кровью. «Боже мой!—подумалъ онъ:—*и это небесное созданіе, этотъ ангелъ несчастливъ!* Краснѣя, онъ разспросилъ ключницу потомъ объ этой дѣвицѣ, и узналъ, что она—«дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», сирота, призрѣнная покойною владѣтельницею деревеньки. Яркими красками описала Мирошеву ключница Ѳедосья добродѣтели сей дѣвицы, и какъ она, Ѳедосья, видѣла во снѣ свою умершую дочь и прочее, все такое... Гуляя, Мирошевъ расплакался,—изъ сего ясно видно, что онъ «полюбилъ сильно, глубоко и вѣчно, а не тою чувственною любовью, что вспыхнетъ да пройдетъ». Наплакавшись и нагулявшись, онъ воротился въ деревню — глядь, въ ней движеніе: мужики и бабы въ праздничныхъ платьяхъ, и лишь только кто увидитъ его, бухъ ему въ ноги.—Что такое? спрашиваетъ изумленный Мирошевъ. — Такъ-съ, ничего-съ! отвѣчаетъ ему таинственнымъ голосомъ Прохоръ. Короче, читатель: помѣщица села Хопровки, недавно умершая, была *вышереченная* тётка Мирошева, и Кузьмѣ Петровичу не даромъ захотѣлось кормить лошадей въ этой деревенькѣ... Впрочемъ, вы давно уже ожидали такого чуда. Но вотъ бѣда: тётинька-то хотѣла отказать имѣніе своей питомицѣ, Кузьма Петровичъ даже нашелъ написанную вчернѣ духовную, которую не успѣли перебѣлить за смертію помѣщицы. Какъ истинный герой романа, чувствительный и великодушный, онъ почитаетъ себя не въ правѣ воспользоваться наслѣдствомъ, не ему отказаннымъ, и, къ величайшему огорченію Прохора, отдаетъ деревню Марьѣ Дмитріевнѣ, которая жила въ людской, въ семействѣ добродѣтельнаго лакея Лаврентія,—а самъ хочетъ уѣхать въ Москву. Героиня наша и не прочь было, да какъ узнала отъ Прохора, что у его барина-то имѣнія всего-на-все, и съ лошадьми, рублей на 50, — то и не хотѣла уступить герою въ велико-

душіи, и *печатнымъ*, т. е. книжнымъ слогомъ плохихъ романовъ второй четверти текущаго столѣнія, на-чисто отперлась отъ деревни: иду-де, говоритъ, въ монастырь. Затѣмъ слѣдуетъ въ высшей степени патетическая сцена: Мирошевъ, собравшись съ духомъ, предлагаетъ ей владѣть деревнею вмѣстѣ, а то—говоритъ—и уѣду на край свѣта, и сойду съ ума, и умру съ тоски. Все это очень хорошо, весьма трогательно, только во всемъ этомъ не видно нисколько людей того времени, а слѣдовательно, и никакихъ людей. Но передъ вѣнцомъ, оба они явились вдругъ людьми того времени: не говоря уже о невѣстѣ, самъ женихъ страшно затосковалъ о томъ, что нхъ некому проводить къ вѣнцу и не будь Ѳедосьи и Прохора, я думаю, что бракъ не состоялся бы, а романъ кончился бы вò-время... Изъ церкви Мирошевъ, по предложенію новобрачной, пошелъ на могилу тётки: тамъ Марья Дмитріевна посадила кустъ розановъ, который сначала-было началъ рости, а потомъ завялъ, листья облетѣли. Приходятъ и—о, диво дивное и чудо чудное!—кустъ разросся, раззеленѣлся, расцвѣлъ... «О, матушка, матушка!» вскричала Марья Дмитріевна, упавъ на могилу своей благодѣтельницы: «я понимаю тебя: ты благословляешь дитя твое, ты радуешься его счастью!» Послѣ этого трогательнаго воззванія по такому чувствительному поводу, молодые упали на колѣни на могилѣ. Замѣтивъ эффектъ, произведенный надъ мужемъ своею рѣчью, Марья Дмитріевна проговорила другую — еще лучше, обнявъ своего нѣжнаго супруга: «О, мой другъ! теперь нѣтъ сомнѣнія, мы будемъ счастливы! Она благословляетъ нашъ союзъ. Вчера этотъ кустъ походилъ на *мертвый трупъ*, а сегодня... Посмотри, какъ пышны эти розаны, какъ свѣжа эта зелень! Видишь ли, какъ блестятъ на листочкахъ эти алмазныя капли росы?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Это не роса: это радостныя слезы моей второй матери!».. Милое, доброе созданіе эта Марья Дмитріевна: и говоритъ, какъ пишетъ, или словно по печатному читаетъ; во всякомъ случаѣ, говоритъ какъ не говорятъ и теперь, и какъ еще менѣе могли говорить въ тѣ времена, когда вслѣдствіе родительской предосторожности на счетъ нравственности дочерей, дѣвушекъ не учили ни читать, ни писать... Зачѣмъ же она такъ говоритъ, какъ нигдѣ не говорятъ, кромѣ плохихъ романовъ? Затѣмъ, милостивые государи, чтобъ плѣнить воображеніе, тронуть сердце и убѣдить имъ читателя, какъ это предписывается въ любой реторикѣ...

Вы думаете, что тутъ и все? что наши герои зажили бы благополучно и—роману конецъ?.. Какъ бы не такъ! Это еще только *первая* часть, только вступленіе, за которымъ слѣдуютъ три части; это только присказка, а сказка-то впереди... Доскажемъ же ее какъ-нибудь.

Между первою и второю частью проходитъ 18 лѣтъ. Марья Дмитріевна уже превратилась въ барыню толстую, плотную и румяную — простонародный идеалъ русской красоты (Замѣчательно, что у г. Загоскина въ этомъ романѣ дѣйствующія лица большею частію плотныя, толстыя, а мужчины почти всѣ лысые...). Она уже объясняется просто, иногда даже черезъ-чуръ-просто, какъ всѣ русскія помѣщицы того времени, т. е. 1780 года. Кузьма Петровичъ мало

перемѣнился, да и не отъ чего: вѣдь онъ это время только ѣлъ, пилъ да спалъ; человѣкъ онъ былъ добрый—мухи не обидитъ, на слугу не осердится; и такъ, не удивительно, что онъ только постарѣлъ немного. У нихъ есть дочь, Варинька—вотъ ужъ милочка-то: глаза голубые (счетомъ два), носикъ... ну, да вы и такъ ее знаете наизусть. Авторъ очень жалѣетъ, что принужденъ былъ сравнить ея станъ съ аравійскою пальмою, а не съ русскою сосною,—и мы вполнѣ раздѣляемъ его горе.

«Пылкое сердце и какая-то наклонность къ мечтательности составляли отличительную черту ея характера: въ этомъ она вовсе непохожа на своихъ родителей, которые не давали волю (*и*) своему воображенію (*и не мудрено: у нихъ его вовсе не было!*), не залетали въ *туманную даль*, а жили по-просту, какъ Богъ велѣлъ,—и вѣрно въ нашъ романтическій вѣкъ показались бы людьми весьма обыкновенными, прозаическими и даже пошлыми (*вотъ что правда, то правда!*). Бѣдняжки! они не знали, что разгульная и буйная жизнь имѣетъ свою поэзію (*но не-уже-ли же животной жизни противополагается только разгульная и буйная: есть еще разумно-человѣческая, которая выше той и другой*); что жизнь спокойная, не волнуемая страстями, вовсе не жизнь, а прозябаніе; что мы, хотя живемъ на сѣверѣ, а должны смотрѣть на западъ, и такъ же, какъ тамъ, думать объ одномъ только земномъ просвѣщеніи, то есть: что мы можемъ забыть о земной нашей родинѣ; но за то должны передъ наукою благоговѣть какъ передъ святынею, и художеству покланяться какъ божеству».

А! вотъ что! понимаемъ... Но возьмите немного терпѣнія—то ли еще поймете: для того-то мы и пересказываемъ вамъ содержаніе этого романа. Недалеко отъ Мирошевыхъ деревня Кирсанова, богатаго помѣщика, у котораго есть сынъ. Разумѣется, *онъ* влюбился въ *нее*, а *она* начала «обожать» его. Къ Мирошевымъ ѣздятъ сосѣди: *Вертлюгины*, мужъ—дуракъ, а жена—кокетка, модница, сплетница и все что угодно: авторъ изобразилъ ее со всею ѣдкостію своей неподражаемой ироніи; потомъ, бѣдный помѣщикъ, *Зарубкинъ*, сплетникъ, пьяница, побироха и шутъ. Мы и не упомянули бы о немъ, да съ нимъ былъ анекдотъ, который вѣрно характеризуетъ то прекрасное время, когда люди «передъ наукою не благоговѣли, какъ передъ святынею, и художеству не покланялись, какъ божеству». Послушайте разсказъ самого Зарубкина о томъ, что сдѣлалъ съ нимъ *Аѳонька*, шутъ Кирсанова:

«Да, сударь! привязался ко мнѣ, проклятый! Научили чтоль его—не знаю Началъ такія не пригожія рѣчи говорить, всячески меня порочитъ; я сначала все въ шутку поворачивалъ, да онъ ужь больно сталъ нахальничать: натянулъ палецъ, да и щолкъ меня по носу; я его отпихнулъ—а онъ и ну драться. А Иванъ Никифоровичъ, чѣмъ бы дурака-то унять, кричитъ: «Не поддавайся, Аѳонька!»—а тотъ и пуще! Гляжу: ахти! дуракъ-то ужь и до рожи добирается!... Я и руками и ногами, кричу: «батюшки бьетъ! батюшки бьетъ!» а *его высокородіе* такъ и умираетъ со смѣху. Да ужь сынокъ-то его, Владиміръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровье, такой добрый! схватилъ Аѳоньку за воротъ и оттащилъ прочь; а все этотъ шальной раза два съѣздилъ меня по уху. Что будешь дѣлать!» (*Часть II, стр.* 20—21)

Да, можно повѣрить, что Зарубкинъ «не благоговѣлъ передъ наукою, какъ передъ святынею, и художеству не покланялся, какъ божеству»: такое само-

униженіе и животное незнаніе своего человѣческаго достоинства никогда не соединяется съ благородною любовію къ наукѣ и возвышенною страстью къ искусству. И что идетъ къ Зарубкину, то же можно сказать и о вѣкѣ «Зарубкиныхъ...»

Въ сосѣдствѣ деревни Мирошевыхъ было имѣніе одного богача-графа, который, поручивъ его управленію холопа своего, *Курочкина*, не хотѣлъ и знать о немъ: въ немъ было всего только 400 душъ! Курочкинъ этотъ былъ знаменитый, въ духѣ того времени, законовѣдецъ: чуть кто ему не понравится — тяжбу, да и оттягаетъ, именемъ графа, сколько захочетъ десятинъ земли, или лѣсу. У Курочкина былъ сынъ—офицеръ... Я и забылъ сказать, что въ семействѣ Мирошевыхъ есть дѣвушка *Дуняша* — родъ подруги и горничной Вариньки, дочь того Лаврентія, что нѣкогда призрѣлъ-было Марью Дмитріевну. Курочкинъ началъ намекать Мирошеву о сватовствѣ, а тотъ, думая, что дѣло идетъ о Дуняшѣ, и радехонекъ; но когда недоразумѣніе разрѣшилось—въ Мирошевѣ проснулась дворянская гордость. Прохоръ чуть не избилъ сваху; Марья Дмитріевна—та, что говорила по печатному на могилѣ — не уступила въ ревности Прохору: насилу отстоялъ отъ нихъ Мирошевъ бѣдную сваху. Впрочемъ, этой свахѣ досталось и отъ автора: онъ такое принялъ горячее участіе въ оскорбленіи Мирошева, что изобразилъ ее хуже чорта и такъ смѣшно, что еслибъ прочелъ Прохоръ, то сказалъ бы: «батюшки-свѣты, животики надорвешь—умора да и только...» Также саркастически изображенъ и сынъ Курочкина: самъ Митрофанъ Фонвизина—умница передъ нимъ. Оно такъ и надо; чѣмъ солонѣй севрюжина, тѣмъ вкуснѣе для извѣстнаго разряда гастрономовъ... Между-тѣмъ, наши голубки вздыхаютъ, воркуютъ, и разъ такъ разворковались, что и кольцами помѣнялись. Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ—второе изданіе Кузьмы Петровича, только съ корректурными поправками въ правописаніи: онъ надѣленъ всѣми возможными добродѣтелями, и не имѣетъ только лица и характера, но похожъ на вырѣзанную изъ картузной бумаги фигурку, у которой изъ-подъ головы тотчасъ же начинаются ноги, и на лбу ярлычокъ съ нумеромъ.—«Я—говоритъ онъ—противъ воли отца на тебѣ не женюсь, а любить буду до гроба и умру твоимъ суженымъ.»

«О! какое непзъяснимое блаженство изобразилось въ глазахъ Варпньки! «Моимъ суженымъ!—повторила она. Да чего еще я могу просить у Бога? Ты станешь вѣчно любить меня—да! вѣчно... *Здѣсь* ты будешь женихомъ моимъ, а *тамъ*—Господь назоветъ насъ супругами! Онъ услышитъ мою молитву: твоя невѣста умретъ прежде тебя... О! какъ она будетъ тебя дожидаться!... Владиміръ!—продолжала Варинька, снимая съ пальца золотое колечко,—можетъ быть въ церкви Божіей намъ не удастся никогда обмѣняться кольцами; надѣнь его и дай мнѣ свое. Если ты самъ не снимешь его съ моего пальца, то, будь увѣренъ, я лягу съ нимъ въ могилу...

. . . . . .

— Теперь мы съ тобой обручены!—сказалъ Владиміръ, глядя *съ неизъяснимою любовію* на Варпньку. О, мой ангелъ невинности и доброты! – продолжалъ онъ, *цѣлуя ея руку*,—какая женщина въ мірѣ можетъ равняться съ тобою!...

*

О, повѣрь, мой другъ! еслибъ любовь моя не была также чиста, какъ эти ясныя небеса... еще чище—какъ душа твоя! я не смѣлъ бы тогда прикоснуться къ тебѣ, не смѣлъ бы взять тебя за руку!.. Какъ я люблю тебя *здѣсь*, такъ можно будетъ мнѣ любить тебя и *тамъ*, гдѣ нѣтъ ничего земнаго. Ты правду сказала, Варинька: если не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ мірѣ Господь благословитъ нашъ союзъ» (*Ч. II, стр.* 240—241).

Каково?—Попробуйте найти такую сцену любви у Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Шиллера, Гёте, Руссо, Пушкина: увѣряю васъ, что не найдете, лучше и не трудитесь, не ищите напрасно... Вотъ перо, такъ перо!.. Господи, подумаешь, какіе есть сочинители на свѣтѣ: начнешь читать—такъ невольно и плачешь и смѣешься, смѣешься и плачешь...

Эта *трогательная* сцена любви была подслушана Вертлюгиною, которая нагло навязывалась на Кирсанова и ревновала его къ Варинькѣ. Въ-слѣдствіе этого, старикъ Кирсановъ увезъ своего сына въ Воронежъ, чтобъ насильно женить его тамъ на дочери своего богатаго пріятеля; отъ-этого Варинька, на 91 страницѣ III части, упала въ обморокъ, и съ той же минуты, какъ истинная героиня романа, сдѣлалась больна; а Курочкинъ между-тѣмъ затѣялъ дѣло въ-слѣдствіе котораго Мирошевъ увидѣлъ себя въ необходимости ѣхать въ Москву. Варинька исхудала—узнать нельзя; къ большему несчастію, ее чуть не залечилъ Нѣмецъ-лекарь. *Игнатьевна* (которую мы доселѣ знали подъ именемъ *Ѳедосьи*) ворожитъ и колдуетъ, несмотря на свою набожность.

«Несмотря на это грубое невѣжество, на эту странную смѣсь вѣры съ суевѣріемъ, въ старину едва ли ужь не тверже вѣрили, и ужь конечно лучше нашего умѣли любить».

И спору нѣтъ: въ романѣ г. Загоскина столько представлено неоспоримыхъ доказательствъ этой истины, что невольно жалѣешь о своемъ отчаянномъ безвѣріи въ гаданія, нашептыванія, вспрыскиванья, и о своей рѣшительной неспособности объясняться въ любви на манеръ *Мирошевыхъ* и *Кирсановыхъ*...

Дуняша давно уже играетъ не послѣднюю роль въ романѣ, а ея грудь все еще высоко взметывается безпредметною любовію, говоря высокимъ слогомъ. Но не безпокойтесь: такая достойная дѣвица не останется безъ «предмета»: авторъ неусыпно бдитъ за героями и героинями своего романа; онъ любитъ пары, и когда понадобится, у него голубокъ какъ съ неба свалится. На святкахъ Дуняша пошла ворожить въ баню, которая стояла въ полѣ за околицею. Вдругъ звонъ колокольчика—оглянулась: за ней косматое чудовище—ахъ!.. и въ обморокъ. Очнувшись, увидѣла она не чудовище, а *его*... Онъ сбился съ дороги (въ тотъ вечеръ была страшная мятель) и пришелъ на огонекъ... Оказалось, что это русскій лекарь, изъ Воронежа. Онъ вмигъ вылечилъ Вариньку, сказавъ ей, наединѣ, разумѣется, что Владиміръ вѣренъ, а въ вящшее доказательство вручилъ ей и письмо. Словно рукой сняло болѣзнь—отецъ и мать въ восторгѣ: они увѣрены, что лекарство подѣйствовало. Уѣзжая, «лекарь поглядѣлъ на Дуняшу *такъ чудно*, что она вся вспыхнула». Понимаете?.. Вотъ вамъ и

еще пара голубковъ. Они же и ровня: лекарь тоже сынъ крѣпостнаго человѣка... Надо сознаться, что подъ чудотворнымъ перомъ г. Загоскина все такъ хорошо улаживается, что лучше желать нельзя. Онъ повертываетъ законами дѣйствительности подобно тому герою русской сказки, который только скажетъ: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію»—и какъ тутъ было...

Мирошевъ отправился съ Прохоромъ въ Москву, и на дорогѣ (очень-кстати) встрѣтился съ Костоломовымъ, который тоже ѣдетъ въ Москву искать себѣ мѣста городничаго въ какомъ-нибудь городишкѣ. Онъ—видите—любилъ несчастно, и, по великодушію, рѣшился подарить отцу своей возлюбленной любимаго полвопѣгова борзаго кобеля, *Буяна*, чтобъ тотъ согласился отдать свою дочь за того, кого она любила (*Ч. III. Стр.* 263 — 276). Въ Москвѣ, пріятели остановились на подворьѣ, и тотчасъ же были свидѣтелями, какъ сыщикъ Ванька-Каинъ поймалъ разбойника, обманувъ его прежней пріязнью. Хлопоты Мирошева о дѣлѣ кончились тѣмъ, что подъячій Тетерькинъ, которому онъ, по простотѣ своей, не смотря на всѣ предостереженія Прохора, ввѣрился,—разорилъ его въ конецъ. Нашелся идеально-честный человѣкъ, который взялъ на себя трудъ объяснить простаку, что его стряпчій сидитъ въ тюрьмѣ, откуда пойдетъ на каторгу, а его дѣло едвали когда кончится. Домой! Но не на чемъ; ѣсть тоже нечего. Одна надежда на Костоломова, а тотъ самъ идетъ къ Мирошеву попросить взаймы. Узнавъ о положеніи пріятеля, Костоломовъ тащитъ его обѣдать къ какому-то графу.

«У нѣкоторыхъ изъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ на покоѣ, почти ежедневно были такъ-называемые *открытые столы*. Каждый опрятно-одѣтый человѣкъ, хотя бы онъ былъ вовсе незнакомъ хозяину, могъ смѣло приходить обѣдать за этотъ столъ; его не спрашивали, кто онъ такой. Дождавшись въ столовой хозяина и *отвѣсивъ ему низкій поклонъ*, онъ садился за общую трапезу и кушалъ на здоровье во славу Божію и въ честь русскаго гостепріимнаго хозяина, которому и кушанье показалось бы не вкуснымъ, еслибъ за его столомъ сидѣло менѣе ста человѣкъ гостей. Этотъ обычай извѣстенъ намъ по одному преданію. Мы не дошли еще до просвѣщенной разсчетливости нашихъ западныхъ сосѣдей, у которыхъ отдѣльный сынъ не придетъ не-званый обѣдать къ отцу; но несмотря на это, съ трудомъ уже вѣримъ, что русское хлѣбосольство могло когда-нибудь существовать въ такомъ обширномъ размѣрѣ,—и вотъ почему я нашелъ необходимымъ предварить своихъ читателей, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ на Руси, и что были у насъ такіе бояре, которые находили удовольствіе угощать однимъ и тѣмъ же столомъ и бѣдныхъ и богатыхъ, и друзей и незнакомыхъ; однимъ словомъ, дѣлиться со всѣми богатствомъ, которымъ наградилъ ихъ Господь—и проживать свои доходы дома, а не копить деньги для того, чтобъ проматывать ихъ на чужой сторонѣ, ради *пріобрѣтенія себѣ* европейскаго имени» (*Ч. IV. Стр.* 122—123).

Теперь мы понимаемъ, въ чемъ дѣло...

Какъ ни допытывался Мирошевъ у Костоломова имени графа—тотъ не хотѣлъ его сказать до обѣда. Сѣли. Мирошеву досталось сидѣть подлѣ какого-то отставнаго драгунскаго офицера, который очень странно велъ себя и походилъ на помѣшаннаго. Надо замѣтить, что и Мирошевъ служилъ въ драгунахъ и былъ

въ отставномъ драгунскомъ мундирѣ. Послѣ обѣда, узнавъ отъ Костоломова, что они обѣдали у того самого графа, съ которымъ у него процессъ, Мирошевъ, отъ простоты своей, перепугался—и бѣжать, а съ испугу едва могъ проговорить свою фамилію спрашивавшему его о ней дворецкому. На другой день вечеромъ Прохоръ, къ несказанной своей радости, получилъ, на имя своего барина, одиннадцать серебряныхъ ложекъ. Черезъ нѣсколько часовъ, Мирошевъ узналъ, черезъ разговоры незнакомыхъ ему людей въ гостинницѣ, что отставной поручикъ *Мирошевъ*, обѣдая у графа *такого-то*, укралъ серебряную ложку, а графъ, когда ему донесли, велѣлъ отдать ему и остальныя одиннадцать, говоря, что, можетъ-быть, бѣдный человѣкъ нуждается—такъ пусть ужь у него будетъ цѣлая дюжина... Мирошевъ съ отчаянія о потерѣ честнаго имени наговорилъ короба три великолѣпныхъ фразъ и совсѣмъ бы зарѣзался, еслибъ Костоломовъ не напомнилъ ему о женѣ и дочери.

Здѣсь я прерву повѣствованіе (которое, впрочемъ, скоро кончится), чтобъ замѣтить, какой великій мастеръ г. Загоскинъ завязать и развязать узелъ романа. Процессъ Мирошева явно долженъ былъ быть проигранъ; Мирошевъ — нищій безъ земли съ 50-ю душами; ему не на что и домой воротиться—бѣда да и только! Чѣмъ кончиться роману? гдѣ быть свадьбѣ и богатству, которыми оканчивается всякій порядочный романъ въ трогательномъ родѣ? Но гепій тамъ-то и найдется, гдѣ обыкновенный умъ потеряется: авторъ самымъ естественнымъ образомъ свелъ Мирошева съ графомъ въ ту самую минуту, когда уже самъ читатель видитъ, что безъ участія графа роману не распутаться. Встрѣча съ графомъ была несчастна для Мирошева: она лишила его еще и чести, когда уже онъ былъ лишенъ куска хлѣба,—не безпокойтесь, это не что другое, какъ «игра трудностями» со стороны автора. Вы ближе къ развязкѣ, чѣмъ думаете. Костоломовъ, идя отъ Мирошева домой, увидѣлъ, что на какого-то одѣтаго по-нѣмецки человѣка напали три мужика: Костоломовъ разогналъ ихъ, а въ томъ, котораго спасъ отъ нихъ, узналъ съищика Ваньку-Каина. Счастливая встрѣча, не правда ли?..—Отецъ родной, услуга за услугу: помоги отъискать вора, что, нарядившись въ драгунскій мундиръ, укралъ у графа серебряную ложку!—Изволь, сударь! — Стучатся молодцы въ избушку. Отворить имъ замѣшкались: замѣтно было, что кого-то прятали. Вошли, а подъ лавкой лежитъ казакинъ, картузъ и драгунская шапка. Гостей встрѣтила баба-торговка всякимъ товаромъ, какой Богъ пошлетъ. — Нѣтъ ли чего купить, Матренушка?—спросилъ Каинъ.—Вынесла разное платье.—Нѣтъ ли серебреца?—Какъ не быть!—да и тащитъ ларецъ; открыла, а ложка-то тутъ-вотъ и графскій гербъ на ней...—Гдѣ взяла?—Мѣщанинъ продалъ.—Вотъ не этотъ ли, что ходитъ въ этомъ?—сказалъ Каинъ, вытаскивая изъ-подъ лавки казакинъ, картузъ и саблю. Свиснулъ Каинъ—налетѣла его команда, и скрутили молодца, что былъ за перегородкою... Видите ли, какъ все счастливо случилось, удалось и уладилось? Видите ли, что невинность всегда оправдается, а преступленіе всегда откроется?.. Поутру, Каинъ представилъ молодца съ ложкою къ графу.

Мирошевъ, извѣщенный Костоломовымъ обо всемъ тотчасъ же, началъ каяться въ грѣхѣ отчаянія... Развязку немудрено понять: графъ проситъ у Мирошева извиненія, увѣряетъ его, что процессъ кончился въ его пользу, даетъ ему денегъ на дорогу и пакетъ, который проситъ его велѣть Курочкину прочесть при себѣ вслухъ. Мирошевъ униженно благодаритъ графа и проситъ его походатайствовать о мѣстѣ городничаго въ Новохоперскъ для Костоломова. — Извольте: намъ это не почемъ.—Наконецъ, блаженный Мирошевъ упалъ въ объятія дородной супруги и чувствительной дочери, а Прохоръ побѣжалъ звать Курочкина. Между тѣмъ, въ отсутствіе Мирошева, у Кирсанова съ отцомъ была горячая сцена: молодецъ такъ расплакался и такъ «трогательно» говорилъ, что старикъ махнулъ рукою—«только, говоритъ, самъ не поѣду сватать, а письмо напишу». Мирошевъ, въ-слѣдствіе правилъ, Богъ-знаетъ-почему навязанныхъ на него авторомъ, не соглашается на этотъ вынужденный и неровный бракъ, и говоритъ женѣ книжнымъ нашего времени языкомъ, слѣдующую рацею: «Эхъ, Марья Дмитріевна! тѣми ли мы смотримъ на нее (т. е. *на дочь*) глазами, какими будетъ смотрѣть Иванъ Никифоровичъ? Она единственное дитя наше, наша радость, наше утѣшеніе; а что она для него? Деревенская барышня, дочь нечиновнаго дворянина, безъ всякаго свѣтскаго образованія, помѣха всѣмъ честолюбивымъ его видамъ, и вдобавокъ ко всему этому—бѣдная дѣвушка, которая, по смерти отца и матери, получитъ пятьдесятъ душъ!.. *О, мой другъ! и пр.* (*Ч. IV. Стр.* 258—299). — «Вотъ, какъ бы за нею было душъ хоть *двѣсти*»—прибавилъ онъ... Тутъ явился Курочкинъ съ поклонами и трепетомъ, чуя бѣду; распечаталъ конвертъ—тамъ купчая на село Воздвиженское, состоящее изъ *четырехъ-сотъ тридцати-семи* душъ, со включеніемъ въ ихъ число и Курочкина; купчая на имя Мирошева... О, великодушный графъ!.. И какъ все это кстати!.. Добродѣтельный Мирошевъ простилъ Курочкина и, не смотря на сопротивленіе Прохора, отпустилъ его на волю даромъ. Тутъ какъ нарочно и старый Кирсановъ раскаялся въ своей гордости—и шасть на дворъ... Боже мой, какъ все это кстати!.. Говорите послѣ этого, что на землѣ нѣтъ счастья!..

Вы думаете—конецъ: нѣтъ еще! Авторъ понялъ, какъ больно читателю будетъ разстаться скоро съ такими прекрасными и нравственными людьми, каковы герои его несравненнаго романа: онъ показываетъ намъ ихъ всѣхъ ровно черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ знаменитаго дня чтенія купчей. Бывшая Варинька Мирошева, а теперь Варвара Кузьминишна Кирсанова, стала женщиною прекрасною, но *дородною*... Удивительное счастіе для героинь романовъ г. Загоскина—чуть перестанутъ сантиментальничать и выражаться «высокимъ слогомъ»—тотчасъ и разжирѣютъ: видимая благодать Божія!.. Марья Дмитріевна уже очень поустарѣла, а Кузьма былъ еще довольно свѣжъ. У дородной Варвары Кузьминишны было двѣ дочери и сынъ. Авторъ показываетъ намъ всѣхъ ихъ за чаемъ, подъ липкою: умилительная картина семейственнаго счастія!.. Тутъ сидитъ и старикъ Кирсановъ, и новохоперскій городничій Костоломовъ, и

новохоперскій уѣздный врачъ Логиновъ, супругъ Дуняши. Изъ ихъ разговоровъ узнаёмъ, что Алексѣй Панкратьичъ Курочкинъ, сынъ бывшаго прикащика, теперь уѣздный засѣдатель,—тотъ, что было-лѣзъ въ женихи Варинькѣ—попалъ въ уголовную. Вертлюгина по духовной покойнаго мужа владѣла его имѣніемъ; племянникъ его вступился и доказалъ, что духовная фальшивая, и что Вертлюгина вложила перо въ руку уже умершаго своего сожителя, и подписала такимъ образомъ духовную, а дуралей Курочкинъ подписался свидѣтелемъ... Боже мой! какія гнусныя дѣла творились въ тѣ блаженныя времена, когда «не благоговѣли передъ наукою, какъ передъ святынею, и не покланялись искусству какъ божеству, когда тверже вѣрили и пламеннѣе любили, чѣмъ теперь»!..

Далѣе, изъ разговоровъ собесѣдниковъ узнаёмъ, что Прохоръ Кондратьевичъ — лежитъ при смерти, и не мудрено: ему уже за девяносто. Вдругъ докладываютъ, что *умеръ* и велѣлъ барину отдать какой-то ларецъ: въ немъ былъ образокъ, 10 цѣлковыхъ, двѣ игрушки и истертые дѣтскіе башмачки Мирошева...

Изъ этого длиннаго изложенія содержанія длиннаго романа г. Загоскина можете видѣть, читатель, какъ легко писать такіе романы для всякаго, кто только захочетъ писать: стоитъ разъ осмѣлиться, а тамъ ужь не трудно набить руку. О талантѣ, идеяхъ и тому подобныхъ вещахъ нечего и говорить, когда рѣчь идетъ о такихъ романахъ. Спрашиваемъ прямо и не шутя: не-уже-ли сколько-нибудь-образованный и начитанный человѣкъ увидитъ въ *Мирошевѣ* и *Кирсановѣ*—героевъ романа, лица и характеры типическіе?.. Скажите, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и не похожи ли одинъ на другаго, какъ двѣ капли воды, взятыя изъ одного и того же пруда?.. Умные люди говорятъ, что въ Божіемъ мірѣ нельзя сыскать двухъ листочковъ, совершенно сходныхъ между собою; а тутъ вдругъ два героя въ одномъ романѣ, которыхъ не чѣмъ отличить другъ отъ друга! Образъ мыслей ихъ одинъ и тотъ же, языкъ и фразы—тѣ же; притомъ въ нихъ нѣтъ ничего принадлежащаго къ ихъ времени. Не-уже-ли трудно выдумать, за одинъ присѣстъ, сто такихъ героевъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и въ то же время ни на кого, ни на что, даже на самихъ себя, не похожихъ? И это искусство, литература, романъ... Но далѣе... Но что говорить далѣе? Вѣдь героини такъ же хороши, какъ и герои. По-крайней-мѣрѣ, онѣ хоть жирѣютъ съ годами, слѣдовательно, измѣняются хоть физически... А сахарныя сцены любви, пряничныя фразы приторныхъ чувствованьицъ и водяныхъ ощущеньицъ?.. И это мы читаемъ въ 1842 году, и это будутъ хвалить пріятельскіе журналы и покупать довѣрчивые покупатели? А что за содержаніе романа? Человѣкъ получилъ чудеснымъ (т. е. несбыточнымъ) образомъ наслѣдство, и *таковымъ* же образомъ влюбился и женился, за неумѣніемъ и неспособностью сдѣлать что-нибудь болѣе необыкновенное. Этимъ бы слѣдовало и кончить: кажется, и самъ авторъ такъ думалъ, но дописавъ послѣднюю страницу, вѣрно рѣшился продолжать на авось, довѣрившись не фантазіи, а рукѣ и перу... Во второй части являются новые уже

герои: зачѣмъ же романъ названъ *Кузьмою Петровичемъ Мирошевымъ?* И опять — что за содержаніе? — Путаница несбыточно-счастливыхъ событій, страшныя хлопоты судьбы, нарушившей законы дѣйствительности,—и все это для того только, чтобъ оставить за Мирошевымъ его 50 душъ и наклеить носъ Курочкину!.. Даже не для того, чтобъ соединить «законнымъ бракомъ» два безличныя, но добродѣтельныя существа: ибо старикъ Кирсановъ рѣшился переломить свою гордость и пріѣхать къ Мирошевымъ, ничего не зная объ окончаніи процесса. Слѣдовательно, процессъ, наполняющій собою двѣ съ половиною части романа, не имѣетъ никакого отношенія къ судьбѣ «злополучныхъ любовниковъ»? И такъ, къ чему же все это и зачѣмъ все это? Какой смыслъ, какая цѣль, какое намѣреніе?—И однакожь, въ романѣ есть все это: и смыслъ, и цѣль, и намѣреніе, только плохо выраженныя, безталантно выполненныя. Но о нихъ сейчасъ.

Мы видѣли, что всѣ герои и героини романа г. Загоскина раздѣляются на три разряда: № 1, *добродѣтельные*, № 2, *злодѣи*, № 3, *лица комическія*. Каковы первые—мы уже говорили. Вторые—каррикатуры, въ которыхъ, однакоже, есть призракъ дѣйствительности, какъ, наприм., въ негодяѣ Курочкинѣ. Третьи всѣхъ удачнѣе въ лицѣ Ѳедосьи и Прохора. Это не личности, не характеры, но искусственныя олицетворенія сословія. Все это, разумѣется, лучше безцвѣтныхъ героевъ. Они, по-крайней-мѣрѣ, говорятъ языкомъ — слѣдствіе вліянія Вальтера Скотта даже на «сочинителей» романовъ. Этотъ языкъ грубо и неизящно вѣренъ природѣ. Въ Прохорѣ заключена вся мысль романа; на немъ сосредоточено все вдохновеніе, весь паѳосъ концепціи; онъ истинный и единый герой романа, Ахиллъ этой выворотненной на изнанку «Иліады». Авторъ любитъ его, удивляется ему: онъ искренно жалѣетъ, что ужь нѣтъ болѣе такихъ слугъ. Прохоръ является на первыхъ страницахъ романа и сходитъ съ него — на послѣдней. Въ немъ основная мысль, въ немъ смыслъ, цѣль и намѣреніе романа. Мысль эта—превосходство правовъ старины передъ современными, разумность того времени, когда «не благоговѣли передъ наукою, какъ передъ святынею, и не покланялись искусству, какъ божеству»... Странная ненависть къ наукѣ и искусству, удивительная вражда къ просвѣщенію!..

Героиня романа—*Ѳедосья*. Въ ней мы видимъ неоспоримый документъ (запыленный, заплесневѣлый и подгнившій отъ времени), доказывающій, что только во времена суевѣрія «умѣютъ и твердо вѣрить и горячо любить». Напрасно даровитый сочинитель не сдѣлалъ изъ Прохора и Ѳедосьи—злополучныхъ любовниковъ, въ концѣ романа преодолѣвающихъ всѣ препятствія и вступающихъ въ «законный бракъ». Тогда бы юное поколѣніе нашего времени знало у кого учиться любить...

Но довольно, читатели! Если мы заняли ваше вниманіе разборомъ «Кузьмы Петровича Мирошева»—это потому-что романъ г. Загоскина есть типъ моральныхъ и сатирическихъ русскихъ романовъ нашего времени, глава всѣхъ ихъ. Скоро о подобныхъ явленіяхъ уже не будутъ ни говорить, ни писать, какъ

уже не говорятъ и не пишутъ больше о *Выжигиныхъ*,—и цѣль нашей статьи—ускорить по-возможности это вожделѣнное время, которое будетъ свидѣтельствомъ, что наша литература и общественный вкусъ сдѣлали еще шагъ впередъ...

588. Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе *Н. Кукольника*. Второе, исправленное изданіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1841—1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 249, во II-й—264, въ III-ей—274, въ IV-ой—345 стр. (Цѣна 3 р. сер., вѣсовыхъ за три фунта) [73]).

Читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе о романѣ г. Кукольника [74]). Это далеко не художественное произведеніе: въ немъ нѣтъ ни идеи, ни слишкомъ-вѣрнаго и глубокаго взгляда на эпоху, ни внутренняго содержанія, поражающаго единствомъ впечатлѣнія и ясною ощутительностію того, чего нельзя выразить словомъ и чего поэтическая форма была бы только чувственнымъ проявленіемъ. Героиня романа служитъ лишь внѣшнимъ центромъ множества событій и множества лицъ, имѣющихъ къ ней слишкомъ-мало отношенія. Сама-по-себѣ она ни глубоко-задуманный и хорошо-выполненный женскій характеръ, ни даже особенно интересное *описаніе* характера: блѣдна, безцвѣтна, обозначена чертами общими и неопредѣленными. Другія лица не чужды внѣшняго интереса въ запутанномъ механизмѣ романа; но ни одно изъ нихъ не можетъ назваться типическимъ лицомъ. Лучше другихъ Гаръ-Піонъ. Гойко сбивается на мелодраматическаго героя,—а онъ-то собственно и есть герой романа: по-крайней-мѣрѣ, въ романѣ, все черезъ него и имъ, и ничего безъ него, такъ-что еслибъ Гойко не спасался безпрестанно отъ смерти чудеснымъ образомъ, чрезвычайно похожимъ на *deus ex machina*, то романъ остановился бы, и авторъ не зналъ бы, что ему дѣлать съ своими героями и дѣйствующими лицами и куда ихъ дѣвать. На Ришльё г. Кукольникъ смотритъ слишкомъ-невѣрно: Ришльё, по его мнѣнію, подорвалъ, гоненіемъ аристократіи, французскую монархію и приготовилъ новѣйшіе перевороты въ исторіи Франціи... Такой взглядъ есть лучшая мѣрка достоинства романа: на ложномъ основаніи нельзя создать хорошаго произведенія. Всякая великая историческая личность творитъ волю пославшаго ее, хотя, по-видимому, и совершаетъ только свою собственную волю; всякій великій историческій дѣйствователь выполняетъ требованія духа времени, которыхъ онъ есть только представитель, а не производитель, хоть онъ и думаетъ осуществлять лишь свои собственныя понятія о потребностяхъ общества; потому ни о какомъ историческомъ героѣ, какъ бы великъ онъ ни былъ, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ не то, что должно,—или хвалить его за то, что онъ сдѣлалъ хорошо, когда бы могъ, еслибъ захотѣлъ, сдѣлать худо. Историческое лицо дѣлаетъ только то, что необходимо, — по-крайней-мѣрѣ, только необходимыя изъ его дѣйствій производятъ результаты; все же принадлежащее его личному произволу,

и доброе и худое, существуетъ временно, не оставляя никакихъ слѣдствій и исчезая вмѣстѣ съ лицомъ. Что за гигантъ такой кардиналъ Ришльё, что могъ сдѣлаться владыкою судебъ цѣлаго народа и произвести не то, чего высшія силы хотѣли, а что его кардинальской эминенціи было угодно!.. Подобное историческое созерцаніе и мелко, и ограниченно, и старо. Да притомъ, г. Кукольникъ навязалъ Ришельё дѣло, котораго тотъ и не думалъ дѣлать: онъ сокрушилъ феодализмъ и пріуготовилъ монархію Людовика XIV, которая потомъ пала вслѣдствіе причинъ, нисколько независѣвшихъ отъ кардинала Ришльё; а г. Кукольникъ заставляетъ его подрывать монархію и религію!!...

Въ изображеніи характера Ришльё, авторъ держался извѣстнаго романа Альфреда де-Виньи «Сен-Маръ»[75]). Вообще, этотъ романъ имѣлъ большое вліяніе на романъ г. Кукольника, и не смотря на то, ихъ никакъ нельзя сравнивать между собою въ достоинствѣ. Мы не слишкомъ-высокаго, или, лучше-сказать, слишкомъ-невысокаго понятія объ «облизанномъ» (какъ назвалъ его Пушкинъ) произведеніи щепетильнаго[76]) французскаго романиста; но оно, по нашему мнѣнію, все-таки несравненно выше своего русскаго отпрыска. Оно проще, малосложнѣе, ярче по очеркамъ характеровъ, и проникнуто началами, которыя, каковы бы они ни были, даютъ ему жизнь и колоритъ. Г. Кукольникъ писалъ свой романъ безъ особенныхъ притязаній: ему, кажется, просто хотѣлось написать повѣсть съ разными похожденіями, способными занять своею калейдоскопическою пестротою не слишкомъ-взыскательное вниманіе празднаго читателя,—и онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Сверхъ того, у него была еще и задушевная мысль—представить картину состоянія искусствъ въ Италіи и Франціи XVII столѣтія. Въ этомъ, у него нѣтъ ничего общаго съ де-Виньи; но за то, все это у него нисколько не вяжется съ романомъ, и составляетъ какъ бы вставку, занимающую пять главъ, названныхъ авторомъ «римскими» и отмѣченныхъ предостерегательнымъ эпиграфомъ «ad libitum», а это значитъ, что авторъ избавляетъ отъ чтенія этихъ *римскихъ главъ* всякаго, кому «почему-либо подробности художественной исторіи могутъ показаться незанимательными и утомительными». Что касается до насъ,—намъ эти подробности не показались незанимательными и утомительными, мы прочли ихъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ самый романъ.—Есть и еще важное различіе романа г. Кукольника отъ романа де-Виньи: русскій романистъ представилъ Сен-Мара совершенно иначе, чѣмъ французскій, и гораздо ближе къ исторической истинѣ.

Говоря вообще, если разсматривать романъ г. Кукольника внѣ строгихъ требованій искусства,—это очень пріятное явленіе въ нашей мертвой и скудной литературѣ; это просто—длинная повѣсть, переполненная затѣйливо-запутанными и удовлетворительно-распутанными происшествіями; повѣсть, умно-задуманная, внимательно соображенная, но не *концепированная;* повѣсть, для которой много было употреблено труда, изученія, но мало вдохновенія; наконецъ, повѣсть, въ которой мало внутренняго, но бездна внѣшняго интереса, какимъ отличается напр., «Тысяча и Одна Ночь». Въ ней есть эффекты, довольно не-

ловкіе, какъ напр., смерть кардинала Ришльё; но большая часть ея эффектовъ отличается умомъ и вкусомъ. Вообще этотъ романъ написанъ для образованной части публики, а не для полуграмотной черни, для которой сочиняются беззубо-сатирическіе, пошло-моральные и приторно-чувствительные романы. Мы не поклонники произведеній г. Кукольника; видимъ въ немъ дарованіе, котораго и не оспориваемъ; но не видимъ въ немъ ни генія, ни огромнаго таланта, который въ немъ признается *иногда* (когда требуютъ того *особенныя обстоятельства*) нѣкоторыми журналами, печатно-называющими себя его друзьями и пріятелями [77])...

Романъ г. Кукольника изданъ прекрасно.

* **539. Кузьма Петровичъ Мирошевъ.** Русская быль В(в)ременъ Екатерины II. Сочиненіе *М. Н. Загоскина*. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1842. Въ четырехъ частяхъ. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 200, во II-й—248, въ III-й—279, въ IV—290 стр. (Цѣна 5 р. сер., съ перес. 5 р. 70 к. сер.)[78]).

Появленіе новаго романа г. Загоскина есть истинный праздникъ для критики,—потому мы и посвятили «Кузьмѣ Петровичу Мирошеву» особую статью въ отдѣленіи Критики. Какъ умѣли, и сколько позволили намъ слабыя силы наши, подробно и искренно изложили мы свое скромное мнѣніе объ этомъ несравненномъ произведеніи, и—что всего важнѣе въ отношеніи къ нему—не испугались двоякаго труда, прочесть его отъ начала до конца, и потомъ разобрать его отъ первой страницы до послѣдней. А трудъ—согласитесь, былъ не шуточный: вѣдь 1017 страницъ, хоть и довольно разгонисто напечатанныхъ!.. Чтобъ не ограничиваться сухимъ библіографическимъ извѣстіемъ, мы замѣтимъ здѣсь, что при всѣхъ достоинствахъ, какія только можно ожидать отъ новаго романа автора «Искусителя» и «Тоски по Родинѣ»—«Кузьма Петровичъ Мирошевъ» значительно уступаетъ этимъ двумъ, съ такою славою предшествовавшимъ ему, произведеніямъ. Мы знаемъ, что мнѣніе другихъ журналовъ не будетъ согласно съ нашимъ; но «Отеч. Записки» въ томъ и поставляютъ свою славу, тѣмъ и пріобрѣли себѣ довѣріе у просвѣщенной публики, что имѣютъ свое, независимое мнѣніе...

«Мирошевъ» изданъ изящно—что дѣлаетъ большую честь типографіи г. Степанова, рѣшительно лучшей въ Москвѣ. Излишнее употребленіе прописныхъ буквъ тамъ, гдѣ нужно употреблять строчныя, и другія орѳографическія странности—напр.: лице(о), плече полев(ы)ой, даровы(о)й и т. п.,—вѣроятно, не зависѣли отъ типографіи.

590. Стихотворенія Аполлона Майкова. Спб. 1842. Въ типографіи Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. 240 стр. (Цѣна 1 р. 50 к. сер., вѣсовыхъ за 2 фунта) [79]).

Русская литература пріобрѣтаетъ въ г-нѣ Майковѣ новое, весьма замѣчательное и подающее о себѣ хорошія надежды дарованіе. Это собраніе изящныхъ

стихотвореній г. Майкова можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, назваться *сюрпризомъ* публикѣ, которая въ одно и то же время, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, увѣрится въ истинности дарованія новаго поэта и узнаетъ о его существованіи. Причина этого заключается въ томъ, что г. Майковъ мало печаталъ въ повременныхъ изданіяхъ свои стихотворенія,—и если печаталъ, то большею частію безъ подписи имени, и большею частію въ такомъ журналѣ, въ которомъ публика не читаетъ стихотвореній, увѣренная напередъ, что тамъ стихи находятся въ большей или меньшей аналогіи съ персидскимъ выраженіемъ: «нанизывать жемчугъ на нить описаній»,—а извѣстно, что вслѣдствіе этого выраженія, стихъ есть нѣчто условное, искусственное, неимѣющее никакого отношенія къ своему содержанію... Въ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы помѣстили подробный разборъ стихотвореній г. Майкова, гдѣ со всею искренностію и прямотою, изложили свое мнѣніе почти о каждой пьесѣ особенно, желая сдѣлать нашу статью полезнѣе для молодаго поэта. Хорошее назвали мы хорошимъ, дурное дурнымъ, и только объ иномъ посредственномъ совсѣмъ умолчали. Посмотримъ и послушаемъ, что̀ скажутъ другіе, и позабавятъ ли насъ неловкимъ употребленіемъ словъ: «художественность», «субъективность», «идея» и т. п. O, imitatores!.. Особенно забавно будетъ читать сужденія о достоинствѣ стихотвореній г. Майкова, какъ̀ все лучшее въ нихъ будетъ похулено, во имя такъ называемой «моральности», которая вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобъ не понимать ничего истинно-прекраснаго, и какъ̀ все худшее въ нихъ будетъ превознесено за изъисканныя выраженія, неопредѣленныя и незрѣлыя мысли и мнимую идеальность:—недостатки, которыхъ тоже не чужда муза г. Майкова. Но мы слышали, что одинъ изъ моральныхъ *критиканов*ъ уже выполнилъ эту задачу къ полному своему удовольствію, подавъ г. Майкову мудрый совѣтъ не воспѣвать языческихъ боговъ, во избѣжаніе соблазна мірянъ, но услаждать «братію» назидательными стихотвореніями, которыхъ главное условіе, по его мнѣнію—отсутствіе всякаго изящества и надутые возгласы о томъ, что̀ всѣ уважаютъ, но чему уже никто не вѣритъ, наприм., о томъ, что люби добродѣтель—будешь богатъ, не имѣй таланта—станешь хорошо писать, и т. п. Говорятъ, что, вслѣдствіе этой прекрасной теоріи, сей критиканъ съ презрѣніемъ отозвался объ антологическихъ стихотвореніяхъ, составляющихъ торжество таланта г. Майкова, и расхвалилъ именно тѣ его стихотворенія, которыхъ бы ему совсѣмъ не слѣдовало печатать... Мы не читали знаменитой критики, и потому не знаемъ, до какой степени справедливы эти слухи о ея содержаніи, равно какъ и то, будто бы этотъ же аристархъ открылъ въ г. Славинѣ великій талантъ; но мы почитаемъ здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о современномъ невѣжествѣ, которое, прикрывая себя именемъ какой-то лицемѣрной морали, скрежещетъ зубами на Аполлона Бельведерскаго и Венеру Медичейскую... Дай только волю этимъ кабаньимъ зубамъ—они сгрызли бы божественный мраморъ, какъ̀ гнилую картофелину; да не уцѣлѣть бы тогда отъ нихъ ни Дрезденской Галлереѣ, ни нашей Академіи Художествъ[60])...

Стихотворенія г. Майкова изданы прекрасно.

591. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. *Владиміра Строева.* Двѣ части. Санктпетербургъ. 1841—1842. Въ тип. А. Іогансона. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 222, во II-й—215 стр. (Цѣна 2 рубля сер., вѣсовыхъ за 2 фунта) [81]).

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать интересно о предметѣ всѣмъ извѣстномъ, старомъ и избитомъ; но въ то же время нѣтъ и ничего легче этого. Причина трудности, кромѣ неспособности со стороны автора, заключается чаще всего въ томъ, что хотятъ быть новыми во что бы ни стало, ищутъ предметовъ поразительныхъ, важныхъ, и, пренебрегая фактами, пускаются въ философскія воззрѣнія и поэтическія описанія. Это общій недостатокъ девяностодевяти изо ста путешествій. Почти всѣ они бываютъ удивительно-глубокомысленны, бываютъ удивительно-живописны, и—невыносимо-скучны. Все хорошо въ нихъ, а зѣваешь; все ново, а между тѣмъ извѣстные и дешевые «guides» въ 16-ю и 32-ю долю листа, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, такъ и толпятся въ вашей памяти. Вы хотите познакомиться съ характеромъ народа въ его домашнемъ быту, у себя, дома, такъ-сказать,—а васъ душатъ скучными описаніями памятниковъ и зданій, щедро разсыпая архитектурные термины. Если у васъ станетъ терпѣнія прочесть такую книгу,—вы обыкновенно говорите, протяжно зѣвая: «стоило ли ѣздить такъ далеко, чтобъ написать книгу, которую всякій можетъ составить и не выѣзжая изъ своего захолустья, не только изъ предѣловъ родины?»... Чтобъ путешествіе было интересно, надо только смотрѣть на вещи просто и, не гоняясь за поразительнымъ, передавать вѣрно, какое впечатлѣніе произвели на автора самые обыкновенные и вседневные предметы. Само-собою разумѣется, что всякая страна имѣетъ свое значеніе, свою физіономію и свою вседневность. Въ Англіи, кромѣ парламентовъ, важны фабрики, купеческія конторы и рабочій классъ народа; въ Германіи всего важнѣе университеты; но во Франціи, прежде всего улицы, кафе, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, чтобъ видѣть, уши, чтобъ слышать, и разсудокъ, чтобъ понимать видимое и слышимое,—тотъ сейчасъ пойметъ, гдѣ на что должно обратить особенное вниманіе, и съ которой стороны должно взглянуть на предметъ, общій многимъ странамъ. Газеты издаются во всей Европѣ, такъ же, какъ и театры есть во всей Европѣ; но вездѣ они или наслажденіе, или удобство жизни, а во Франціи—необходимость, насущный хлѣбъ, какъ въ старой Испаніи—бои съ быками и ауто-да-фе еретиковъ. Литература составляетъ важную сторону жизни каждаго европейскаго народа; но въ Германіи она тѣсно связана съ наукою, въ Англіи она—просто литература; въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—обнародываніе богословскихъ мнѣній разныхъ сектъ; а во Франціи, литература—сама жизнь по преимуществу народная, и тѣмъ менѣе обще-человѣческая. Опера въ Парижѣ—или наслажденіе немногихъ или тщеславіе цѣлаго народа; а въ Италіи, это цѣлая жизнь, какъ во Франціи литература и журналистика. Итакъ, оставьте въ сторонѣ и длину, и вышину,

и размѣры, и формы Notre Dame, Лувра, Тюльери, Пале-Рояля и пр., а лучше, если ужь заговорили о нихъ, разскажите намъ, какимъ образомъ возникли эти зданія изъ исторической жизни народа, и какими обстоятельствами, невозможными у всякаго другаго народа, сопровождалось ихъ построеніе; какъ смотритъ на нихъ народъ, какихъ событій въ его жизни были они театромъ или свидѣтелями. Не пересчитывайте число улицъ, не знакомьте насъ съ ихъ названіями: все это и мелко, и ничтожно, и трудно для памяти; а лучше скажите намъ, какъ толпится по нимъ живое народонаселеніе города: идетъ ли оно важно, размѣреннымъ шагомъ, съ скучною и апатическою физіономіею, или суетится, веселое, беззаботное, полное жизни и интереса. Словомъ, такъ покажите намъ народъ на улицѣ, чтобъ мы тотчасъ же узнали, каковъ онъ и у себя въ домѣ, а въ домѣ покажите намъ его такъ, чтобъ мы могли догадаться, каковъ онъ въ театрѣ. Стѣны ничего не значатъ: важны только люди...

Для наблюдательнаго путешественника очень-легко схватить характеристическія черты страны, потому-что характеръ страны прежде всего овладѣваетъ имъ самимъ, какъ прилипчивая болѣзнь. Въ Парижѣ, вамъ не посидится дома, хоть бы вы были мизантропъ, или подагрикъ:—вамъ захочется бѣгать съ утра до ночи по кафѣ, улицамъ, бульварамъ, театрамъ. Тамъ всего легче излечиться отъ русской хандры, или апатіи, и англійскаго сплина. Тамъ по неволѣ вы сдѣлаетесь говорливы, почувствуете охоту до вѣстей и новостей. Тамъ вы будете даже любезнымъ, хотя бы вы были семинаристъ, квакеръ, или степной житель. Въ Италіи (вообще) вы сдѣлаетесь обожателемъ прекрасной природы, хотя бы отъ-роду не видѣли въ природѣ ничего другаго, кромѣ полей, которыя производятъ хлѣбъ, и навозу, которымъ удобряются поля, сдѣлаетесь меломаномъ, хотя бы уши ваши неспособны были отличить романса Глинки отъ пѣсни Шуберта, или уличной шарманки отъ скрыпки Оле-Буля [82]). Въ Римѣ же вы непремѣнно сдѣлаетесь антикваріемъ и особенно *комментаторомъ*. Вся сущность науки тамъ въ комментаріяхъ. Понять Данта, какъ поэта—будетъ для васъ постороннимъ дѣломъ; вся ваша забота, вся дѣятельность и трудолюбіе устремятся на то, чтобъ на каждый стихъ Данта быть въ состояніи прочесть наизустъ тысячу комментаріевъ. А Данта читать—извѣстное дѣло—все равно, что купаться въ Адріатическомъ Морѣ [83])... Избави васъ Богъ поддаваться этой страсти къ комментаріямъ, этому прилипчивому міазму: иначе вы воротитесь домой съ огромнымъ запасомъ пустыхъ комментаріевъ, но безъ живой души и здраваго смыслу, сдѣлаетесь страшнымъ педантомъ, заклятымъ врагомъ животворной идеи, изступленнымъ обожателемъ мертвой буквы, жаднымъ лакомкой до пергаментной гнили и фоліантной пыли... О, берегитесь, берегитесь! Иначе что за смѣшную роль будете вы играть, какъ лукаво будутъ улыбаться, слушая, какъ вы въ высокопарныхъ фразахъ, прерываемыхъ точками, какъ-будто отъ одышки, будете производить въ геніи и Вальтеръ-Скотты какого-нибудь посредственнаго итальянскаго романиста,

или кстати и не кстати обращаться къ классической почвѣ и голубому небу Италіи.

Часто путешественники вредятъ себѣ и своимъ книгамъ дурною замашкою видѣть въ той или другой странѣ не то, что̀ въ ней есть, но то, что̀ они заранѣе, еще у себя дома, рѣшились въ ней видѣть, въ-слѣдствіе односторонніхъ убѣжденій, закоренѣлыхъ предразсудковъ, или какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей и корыстныхъ разсчетовъ. Нѣтъ ничего хуже кривыхъ и косыхъ взглядовъ; нѣтъ ничего несноснѣе искаженныхъ фактовъ. А факты можно искажать и не выдумывая лжи. Иностранецъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ праздничный день, можетъ встрѣтить на улицахъ много пьяныхъ мужиковъ,—и если онъ будетъ выходить изъ своей квартиры только по праздникамъ, и притомъ вечеромъ, то безъ всякой лжи будетъ въ правѣ написать, что на петербургскихъ улицахъ ему попадалось много пьянаго народу изъ черни; но будетъ ли онъ правъ, если напишетъ, что когда ни выйди въ Петербургѣ на улицу, всегда встрѣтишь множество пьяныхъ «джентльменовъ»? Во всѣхъ большихъ городахъ есть большіе пороки, и кто хочетъ искать въ нихъ только одной этой стороны, тотъ всегда найдетъ ее. Поэтому, нѣтъ ничего легче, какъ оклеветать, или превознести страну: не нужно выдумывать фактовъ, стòитъ только обратить вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые подтверждаютъ заранѣе-составленное мнѣніе, закрывая глаза на тѣ, которые противорѣчатъ этому мнѣнію. Такимъ образомъ, никого не обманывая вымышленною ложью, можно увѣрять, что Французы—народъ суровый, тяжелый, разсчетливый, корыстный а Англичане—народъ живой, легкій, увлекающійся, симпатичный и даже—чего добраго—гуманный!.. При этомъ случаѣ, очень-удобно можно доказать, что вездѣ и все худо, что Европа гніетъ, что желѣзныя дороги ведутъ въ адъ, и тому подобныя странности... Но эти странности,—чтобъ не назвать ихъ иначе,—бываютъ еще смѣшнѣе, когда путешественникъ худо играетъ принятую на себя по разсчетамъ роль; когда, въ немъ невольно проглядываетъ подобострастное удивленіе къ предметамъ, въ-отношеніи къ которымъ онъ силится выказать притворное равнодушіе. Такъ иной, говоря съ презрѣніемъ о Беранже, Жоржѣ Зандѣ, Викторѣ Гюго,—вдругъ падаетъ на колѣни передъ какимъ-нибудь Ламартиномъ, какимъ-нибудь Альфредомъ де Виньи, какимъ-нибудь господиномъ *де*-Бальзакомъ. Такіе путешественники въ обоихъ случаяхъ обнаруживаютъ дикость нравовъ, несмягченныхъ цивилизаціею и образованіемъ [84]).

Путешествія пишутся иногда въ формѣ ежедневныхъ записокъ,—и тогда центромъ описаній дѣлается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно-интересна и увлекательна. Разумѣется, для этого прежде всего нужно, чтобъ личность путешественника не только не оскорбляла своимъ цинизмомъ, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханнымъ впечатлѣніемъ своей непосредственности. Но какова же будетъ это «благоуханное впечатлѣніе», если путешественникъ разсказываетъ вамъ, какъ и что покупалъ онъ на пло-

щади?.. Такая простонародная, площадная и циническая сцена не можетъ быть пріятна даже и тогда, когда дѣло идетъ о дырявомъ плащѣ; но каково же, когда вопросъ заключается въ сапогахъ, или въ чемъ-нибудь еще болѣе домашнемъ?.. Что за удовольствіе для читателя узнать, что нашъ путешественникъ такъ чуждъ чувства изящнаго, что приходитъ въ изступленіе при видѣ прекрасныхъ, но безполезныхъ вещей, которыми любитъ окружать себя образованное чувство даже и въ житейскихъ мелочахъ, и на которыя даже бѣдный, но эстетически-настроенный человѣкъ нашего времени охотно удѣляетъ часть своихъ средствъ, какъ на необходимости?.. Нашъ вѣкъ не любитъ чопорной изысканности въ формахъ, но онъ еще далѣе отъ циничесой неопрятности въ наружности. Есть люди, которые и въ халатѣ умѣютъ быть пристойными: но есть люди, которые и во фракѣ оскорбляютъ чувство приличія. Авторъ можетъ показаться своимъ читателямъ и въ халатѣ; но подобныя фамильярности съ его стороны не должны впадать въ цинизмъ. Записки путешественника не только могутъ, должны быть просты; всему есть границы, полагаемыя чувствомъ и смысломъ, и отрывистыя отмѣтки, подобныя слѣдующимъ: «ѣли, легли спать;—вчера пошли было въ дешовый кабакъ обѣдать—на дорогѣ застигъ проливной дождь,—писали съ женой письма» напомнили бы собою записки прославленнаго Гоголемъ титулярнаго совѣтника Попрыщина[85])...

Иногда путешествія пишутся въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ. Авторъ сперва описываетъ зданія, потомъ промышленность, нравы народа, и такъ далѣе, посвящая каждую главу на особый предметъ, о которомъ онъ уже не имѣетъ нужды говорить въ другихъ главахъ своей книги. Эта форма имѣетъ свою выгоду и свою хорошую сторону, представляя читателю рядъ отдѣльныхъ и цѣлыхъ картинъ. Если она теряетъ въ калейдоскопической живости описанія, за то дѣлаетъ безопаснѣе личность автора отъ непріятнаго впечатлѣнія на читателя. Г. Строевъ очень-хорошо поступилъ, избравъ эту форму, хотя къ описанію Парижа отрывочныя записки и всего лучше идутъ. Г. Строевъ болѣе или менѣе, но почти вездѣ избѣгъ исчисленныхъ нами недостатковъ, которые въ особенности вредятъ книгамъ путешествій. Правда, найдется въ его книгѣ нѣсколько ничего-незначущихъ выраженій въ родѣ «Сѣверной Пальмиры», подъ которою, не знаемъ почему, ему угодно разумѣть нашъ Петербургъ. Конечно, Петербургъ городъ великолѣпный и необыкновенно-красивый, но это совсѣмъ не причина называть его ни Пальмирою, ни Вавилономъ, ни другимъ древнимъ чуть-чуть недопотопнымъ городомъ, о которомъ мы не можемъ себѣ сдѣлать никакого представленія. Вообще, обыкновеніе называть новое старыми именами—Наполеона Цезаремъ, Барклая Фабіемъ, Кутузова сѣвернымъ Сципіономъ (для отличія отъ южнаго) прилично только для новыхъ изданій исторіи г. Кайданова, и развѣ еще литературщикамъ, подвизающимся въ заднихъ рядахъ фельетонной литературы. Можно еще упрекнуть г. Строева за разсужденія, хоть ихъ у него—слава Богу—и немного.

Такъ, напримѣръ, онъ могъ бы, безъ всякаго ущерба, но съ явною выгодою для своей книги, уволить насъ отъ своихъ взглядовъ на современную французскую литературу, ограничиваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно вѣримъ, что г. Строеву, какъ бывшему фельетонисту и автору давно-забытыхъ (по счастію для него) «Сценъ Петербургской Жизни», Бальзакъ кажется великимъ романистомъ. Г. Бальзакъ дѣйствительно колоссъ передъ всѣми нашими *бальзачниками*, которые съ такимъ подробнымъ анализомъ расплываются въ описаніи будуара, наряда, движеній и сердецъ своихъ графинь, княгинь и княженъ. Одно уже то, что Бальзакъ всегда шелъ своею дорогою и не только никому не подражалъ, но родилъ тысячи плохихъ подражателей, доказываетъ, что Бальзакъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Онъ большой мастеръ разсказывать, и еслибъ не расплывался въ водяномъ и растянутомъ многословіи, которое онъ выдастъ за тонкій анализъ платья, комнатъ, душъ, сердецъ, страстей и чувствъ—плодъ будто-бы глубокой наблюдательности; еслибъ онъ не выдумывалъ графинь и маркизъ, какія существуютъ только въ его воображеніи, прикованномъ къ прихожимъ салоновъ, а описывалъ болѣе-доступную и болѣе-знакомую ему дѣйствительность,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ писателей втораго или третьяго разряда, не былъ бы теперь забытъ и осмѣянъ въ Парижѣ, не выписался бы такъ скоро и не издавалъ бы плохихъ статеекъ подъ фирмою плохаго «Revue parisienne» [86]). Также, мы охотно вѣримъ, что г. Строеву не можетъ слишкомъ нравиться г-жа Д'Юдеванъ: у всякаго свой вкусъ. И потому мы не будемъ спорить съ г. Строевымъ, а скажемъ просто, что его книга о Парижѣ чрезвычайно любопытна по содержанію, богата фактами, хорошо написана, живо изложена,—и вообще такъ интересна, что трудно отъ нея оторваться [87]).

***592. Репертуаръ Русскаго и Пантеонъ Всѣхъ Европейскихъ Театровъ**, на 1842 годъ. Изданіе *И. Песоцкаго*. Санктпетербургъ. 1842. №№ 1. 2. 3. 4 [86]).

Соединеніе *двухъ* названій на заглавномъ листкѣ *одного* изданія не новость на Руси: такъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» долго играли, во взаимныхъ объятіяхъ, роль двуутробки; обнявшіеся «Репертуаръ» и «Пантеонъ»—вторая, если не ошибемся, двойчатка въ русской литературѣ: она представляетъ собою самый разительный примѣръ измѣнчивости судебъ всего подлунпаго и умилительное зрѣлище примирившихся враговъ, которые, въ порывѣ новой дружбы, смѣнившей старую вражду, такъ и хотятъ задушить другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ... Но сущность дѣла заключается въ самомъ дѣлѣ, а не въ его названіи. Такъ иная книга смѣло называетъ себя, наприм., исторіею русскаго народа, а въ-самомъ-то дѣлѣ есть перефразировка исторіи Карамзина, сдобренная высшими взглядами, высокопарными философскими выходками, не кстати приводимыми и плохо понятыми идеями Гизо, Тьери, Нибура [89]);

такъ иное сочиненіе смѣло называетъ себя «драматическимъ представленіемъ», тогда, какъ въ-самомъ-то дѣлѣ оно есть оскорбительная пародія на великое созданіе величайшаго генія, нелѣпость, оскорбляющая и эстетическій вкусъ, и здравый смыслъ [90])... Такъ и «Репертуаръ», соединившись съ «Пантеономъ», измѣнился и расширился только въ заглавномъ своемъ листкѣ, сжавшись однако въ числѣ листовъ: все же прочее осталось въ немъ по прежнему, развѣ съ тою разницею, что стало еще хуже, чѣмъ было прежде. Эта разница неоспоримо доказывается содержаніемъ первыхъ четырехъ книжекъ журнала-двойчатки. Вотъ что говоритъ редакція на 39 стр. первой книжки: «Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ нерѣдко затруднялся при печатаніи піесъ, *принужденный* иногда выбирать не изъ *хорошаго лучшее*, а изъ ДУРНАГО ПОСРЕДСТВЕННОЕ». И такъ, «Репертуаръ» наконецъ самъ съ наивною откровенностію сознался, что цѣлые три года выбиралъ онъ *изъ дурнаго посредственное*, и слѣдовательно набивался одною *посредственностію!..* Къ этому прибавлять нечего: собственное сознаніе паче всякаго свидѣтельства... Можно развѣ замѣтить, что слово «посредственный» употреблено редакціею изъ деликатности къ собственному самолюбію, и замѣняетъ слова «вздоръ» и «пустяки»... «Но,—продолжаетъ *откровенная* въ прошедшемъ и *осторожная* въ настоящемъ редакція,—«нынѣ это неудобство устранено: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои и, не ограничиваясь піесами игранными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя піесы, которыя хотя бы не были, но могутъ быть играны на русской сценѣ». Мы сами думаемъ, что «Репертуаръ» будетъ давать такія пьесы: ибо онъ уже перевелъ съ французскаго на-скорую-руку новую пьесу Скриба «Цѣпь»: но кромѣ ея, онъ печатаетъ все игранныя на сценѣ чудища театральнаго міра: «Отецъ и Дочь» — пошлость первой величины; «Елена Глинская»—скучная и длинная пародія на Шекспирова «Макбета»; «Приключеніе на искусственныхъ водахъ»—комедія-водевиль, передѣланный съ французскаго г. П. Каратыгинымъ, конечно, въ тысячу разъ лучше «Отца и Дочери» и «Елены Глинской», но эта бездѣлка хороша на сценѣ, особенно если хорошо играется, а не въ печати. Вотъ драматическія сокровища, напечатанныя въ четырехъ первыхъ книжкахъ «Репертуара» и Пантеона»: было изъ чего и соединяться, какъ-будто бы для подобныхъ пустяковъ нужны соединенныя силы!..

Изъ статей не-драматическихъ, самыя замѣчательныя въ этихъ четырехъ книжкахъ «Репертуара» «Отрывки изъ философическихъ записокъ суфлера, Фоки Савельича Пѣтушкова» О. Булгарина, и «Обзоръ русской драматической словесности»» князя А. А. Шаховскаго. Извѣстно всѣмъ, что г. Булгаринъ особенно силенъ въ статьяхъ юмористическихъ. Вотъ образчики дивнаго остроумія его, украсившіе собою первую книжку «Репертуара» на нынѣшній годъ:

«Однажды (слова суфлера), за столомъ, на именинахъ жены его (подрядчика), попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромахи*, графа Хвостова. Передо

мною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе!* Я какъ рванулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разлетѣлись съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и улеглись на прическахъ купеческихъ женъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изъ-подъ вывѣски: *Здѣсь брѣютъ и кровь отворяютъ.* Пошла кутерьма! У одной дамы пирожокъ оттянулъ локонъ и, прилѣпившись къ лицу, снялъ слой свинцовыхъ бѣлилъ и сурьмы; у другой сѣлъ на чепцѣ, какъ ворона на гнѣздѣ; у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умильно посматривала на путейскаго офицера», и т. п.

Не правда ли: какъ все это остро и мило, безъ натяжки, безъ преувеличенія, безъ дурнаго тона?.. Мы увѣрены, что почитатели »Репертуара» *животики надорвали*, хохоча до слезъ и крича: «Ай, уморушка! ну, ужъ господинъ Булгаринъ! распотѣшилъ душеньку!»

«Мѣсто мое самое *не видное* въ театрѣ».

Острота!..

«Будучи, такъ сказать, попираемъ *ногами* актеровъ, я всегда въ *головѣ* у нихъ».

Каламбуръ!

„Кузнецъ праздновалъ крестины, и мѣхъ въ тотъ день не *надувалъ*, а ночью *надули* кузнеца, и украли у него мѣхъ“,

„Я чтобъ отдѣлаться отъ него, приказалъ ему притти къ себѣ за мѣхомъ, давъ адресъ не свой, а извѣстнаго актера-*надувалы*, который у авторовъ передъ бенефисомъ лапки *сосетъ*, а послѣ бенефиса честь ихъ *грызетъ*“.

„Бенефиціанты жестоко *надуваютъ* почтеннѣйшую публику, она хотя и *надувается*, но все-таки платитъ деньги“.

Но лучшая острота во всей статьѣ—это «излеченіе отъ гнѣва *декоктомъ дубинорумъ*»!!!...

«Обзоръ Русской Драматической Словесности» есть какой-то запоздалый голосъ, нескладно-воніющій о геніи Сумарокова, съ важностію разбирающій красоты его трагедій. Статья начинается такъ;

„Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго морей, и въ соединеніи съ норманскими воинами составлявшіе одно обширное государство“ и проч.

Скажите на милость: какое отношеніе имѣютъ Славяне и Нормапы, Балтійское и Черное море къ русскому театру, начавшемуся въ губернскомъ городѣ Ярославлѣ, въ половинѣ XVIII вѣка?.. Мнѣнія, изложенныя въ этой статьѣ, такъ вѣрны, что даже редакція «Репертуара» принуждена была, на каждой страницѣ, дѣлать оговорки въ выноскахъ: «Это мнѣніе *почтеннаго* автора сей статьи, а не редакціи «Репертуара»... Такъ зачѣмъ же было помѣщать все это?.. Вѣрно, затѣмъ, что ваше изданіе есть корзина, въ которую каждый можетъ бросать все, что ему вздумается?..

О критикѣ «Репертуара» много говорить нечего, кромѣ того, что здѣсь набиваютъ руку и вострятъ свое перо и способности дѣти, которымъ страхъ какъ хочется поскорѣе имѣть усы и быть литераторами: это замѣтно и по

взглядамъ, и по понятіямъ, и по слогу, и по дѣтскому неумѣнію выражаться грамотно и складно...

Въ *Смѣси* помѣщаются разные остроумные куплеты изъ такихъ водевилей, которые даже «Репертуару» совѣстно было принять на свои страницы. Вотъ для образчика:

Я одурѣлъ, я ошалѣлъ
И отъ вина, и отъ испуга;
Съ начала до конца ревѣлъ,
Какъ быкъ, или во сто пудъ бѣлуга.
Ну, словомъ, всѣхъ я удивилъ,
И пьесу *дьявольски* украсилъ:
Лунзѣ ногу отдавилъ
И президенту носъ раскварсилъ.

Скажите, Бога ради: для *кого* печатаются всѣ эти плоскости и пошлости? Не-уже-ли у «Репертуара» можетъ быть своя публика?..

***593. Русская грамматика,** составленная *А. Ивановымъ*. Третье исправленное и дополненное изданіе. Книга сія одобрена Совѣтомъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и принята за руководство къ преподаванію въ этомъ заведеніи. Спб. Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1842. Въ 8-ю д. л. 107 стр. (Цѣна 70 к. сер.; вѣсовыхъ за фунтъ) [91]).

Грамматика г. Иванова принадлежитъ къ числу довольно-сносныхъ компиляцій, т. е. довольно-хорошо-сдѣланныхъ и склеенныхъ выборокъ изъ разныхъ грамматикъ. Впрочемъ, несмотря на то, она преисполнена разнаго рода промаховъ, неточныхъ опредѣленій, произвольныхъ раздѣленій и проч. Укажемъ на нѣкоторыя.

«Предметы бываютъ: 1 *одушевленные*, т. е. имѣющіе жизнь».—Произведенія растительнаго царства имѣютъ жизнь, однакожь *липа* или *дубъ* не суть одушевленные предметы. *Существа, одаренныя способностію произвольнаго движенія съ мѣста на мѣсто*, называются одушевленными предметами.

«*Собственное* имя, которымъ мы называемъ *нѣкоторые* (?) предметы для отличія ихъ отъ подобныхъ же предметовъ, напр. *Россіянинъ*» и проч.—Стало-быть, слово *Россіянинъ* служитъ для отличія одного Россіянина отъ другаго Россіянина?.. Очень-хорошо!.. Къ числу собственныхъ же именъ, авторъ относитъ слова: *май, понедѣльникъ*... Тоже недурно!..

Мѣстоименіе авторъ опредѣляетъ старинымъ манеромъ—частію рѣчи, употребляющейся вмѣсто имени, тогда-какъ мѣстоименіе есть часть рѣчи, выражающая сознаніе личности и ея отношенія къ другимъ личностямъ и предметамъ. Въ-слѣдствіе нашего взгляда, *сей, этотъ, мой, твой*, будутъ уже не мѣстоименіями, а прилагательными; мѣстоименіями же останутся только: *я*,

ты, онъ, мы, вы, они, кто, что, нѣкто, кто-нибудь, нѣчто, что-нибудь, никто, ничто. Да и по опредѣленію г. Иванова, *мой, твой, свой*, не суть мѣстоименія: какія имена замѣняютъ они собою?

Въ примѣрѣ: «онъ *играетъ* съ нимъ въ кегли» авторъ называетъ глаголъ «играетъ» взаимнымъ: не правда; взаимные глаголы оканчиваются на *ся*, а безъ этого всѣ глаголы сдѣлались бы взаимными!

«Видъ служитъ къ различію дѣйствія или состоянія предмета». Въ этомъ опредѣленіи ровно ничего не сказано.

Много можно бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на грамматику г. Иванова...

594. Педантъ. *Литературный типъ* [92]).

Всѣмъ ученымъ и образованнымъ людямъ вѣдомо, что словесность, т. е. литература, должна имѣть цѣлію — *поучать, услаждая*. Покойный Мерзляковъ, великій знатокъ и учитель по части изящнаго, даже перевелъ (и прекрасно), кажется, изъ Тасса, чудесные стишки на этотъ счетъ:

Такъ врачъ болящаго младенца *ко* устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми унитанъ по краямъ:
Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль — дѣло хорошее, спору нѣтъ, но и скучное, горькое — противъ чего опять никто спорить не будетъ; слѣдовательно, надо же ее подслащать, *разсычать*, чтобъ она достигала своей цѣли, т. е. исправляла нравы, дѣлала дурака умнымъ, пьяницу трезвымъ, взяточника и казнокрада — безкорыстнымъ, бездарнаго писаку отучала отъ пера, ябедника и клеветника отъ ложныхъ доносовъ...

Далѣе, всей просвѣщенной Европѣ извѣстно, что «идеалъ» есть не что иное, какъ собраніе въ одну фигуру разныхъ чертъ, разбросанныхъ въ природѣ и дѣйствительности,—а отнюдь не сама дѣйствительность въ возможности. Творчества тутъ не нужно: хотите изобразить красавицу—приглядывайтесь ко всѣмъ красавицамъ, которыхъ имѣете случай видѣть; у одной срисуйте носъ, у другой глаза, у третьей губы и т. д.—такимъ образомъ вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти опредѣленія—«литературы» и «идеала»—чрезвычайно-основательными и вѣрю имъ безусловно. Особенно-хороши они тѣмъ, что, во-первыхъ, избавляютъ автора отъ необходимости имѣть талантъ и фантазію, а во-вторыхъ, уничтожаютъ возможность писать такія изображенія, въ которыхъ всякій, ктобъ ни былъ, могъ узнать себя и, въ-слѣдствіе этого, жаловаться на личности...

Само-собою разумѣется, что этотъ взглядъ на «литературу» и «идеалы» особенно удобенъ для «типовъ» въ родѣ тѣхъ, которые теперь извѣстны подъ

именемъ «Нашихъ» [93]). Гоголь сказалъ великую правду, что «у насъ если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно пріймутъ на свой счетъ» (*). Поэтому, я нахожу гораздо-приличнѣе и удобнѣе изображать такіе типы, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые были бы очень смѣшны: чрезъ это авторъ достигнетъ двухъ цѣлей разомъ—доставитъ удовольствіе своимъ читателямъ и никого не обидитъ.

Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сдѣлать очеркъ одного изъ такихъ *педантовъ*, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ, но которые могутъ существовать въ праздномъ воображеніи человѣка, подобно мнѣ, имѣющаго свободное время для бумагомаранія. Если мой педантъ не разсмѣшитъ васъ и не доставитъ вамъ удовольствія—это обнаружитъ только мое неумѣнье и мою безталантность. Я нарочно взялъ предметъ для типа изъ такой сферы, которая у насъ не представляетъ собою ни сословія, ни касты. Всѣ эти мои оговорки проистекаютъ изъ роковаго предчувствія, что мой типъ, вмѣсто улыбки, возбудитъ въ васъ зѣвоту, вмѣсто того, чтобъ разсмѣшить, усыпитъ васъ; ибо—признаюсь вамъ—я не слишкомъ-то полагаюсь на свой талантъ по части типовъ... «Такъ зачѣмъ же беретесь?» скажете вы. Во-первыхъ, хочется попробовать — «авось-либо» — великое слово для русскаго человѣка, который многое дѣлаетъ на «авось»; потомъ, неотвязчивыя просьбы пріятелей: «вы-де знаете педантовъ и можете ихъ изобразить; теперь-де типы въ модѣ, *наши* въ ходу; да кто вамъ сказалъ, что вы не можете? вы человѣкъ съ дарованіемъ»... Что будешь дѣлать! Вы не знаете, что̀ это за народъ—мои пріятели! Какъ пристанутъ—непремѣнно уговорятъ; станутъ вамъ доказывать, что вы человѣкъ съ дарованіемъ—право, сочините романъ, хотя бы всю жизнь занимались математикою, или сельскимъ хозяйствомъ... Ну, что̀ ни будетъ—начинаю и, для успокоенія крѣпко-біющагося сердца, прошу васъ еще замѣтить, что это не типъ собственно, а скорѣе очеркъ, или проектъ для типа...

Не воображайте себѣ моего педанта человѣкомъ старымъ, сѣдымъ, беззубымъ, добрымъ и глупымъ, обожателемъ Хераскова, поклонникомъ Сумарокова, послѣдователемъ философіи Баумейстера, піитики Аполлоса и реторики г. Толмачева: то педантъ добраго стараго времени, педантъ-покойникъ,—миръ праху его! Нѣтъ, я хочу вырѣзать вамъ силуетъ педанта новѣйшихъ временъ, педанта-романтика, который такъ молодъ, что еще и не родился на свѣтъ; такъ вамъ знакомъ, что вы не повѣрите мнѣ, чтобъ его можно было найдти и на лунѣ, не только на землѣ. Но если ужь болтать, то надо болтать обстоятельно, дѣлая видъ, что говоришь правду; въ этомъ-то и все смѣшное моего типа... Мой педантъ—сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Не претендуя на богатство, онъ претендуетъ на знатность рода.

(*) „Современникъ“ 1836 года, т. III, стр. 60 [94]).

Зовутъ моего педанта: *Ліодоръ Ипполитовичъ Картофелинъ*. Росту онъ весьма небольшаго; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно-осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четвероугольное и похожее на фоліантъ. Еслибъ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственныя неудачи увѣрить свѣтъ въ своей геніальности, мой педантъ былъ-бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное in-quarto. Глаза у него сѣрые, а волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка съ довольно-длинною косичкою. Не помню, когда онъ родился; знаю, что въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда всѣ журналы наши превратились въ толки о классицизмѣ и романтизмѣ. Картофелинъ воспитывался въ единственномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрусѣвшимъ Нѣмцемъ—назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ Нѣмцы—гофраты). Картофелинъ обнаруживалъ блестящія способности, и былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, особенно по части россійской словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведеніе соотвѣтствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикою рѣчи и стихи, въ низшихъ классахъ—сочиненія своихъ учителей, а въ высшихъ—собственнаго издѣлія. Онъ первый подбилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую недѣлю по рукамъ мальчиковъ ходила чисто и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, подъ названіемъ «Сѣверная Флора, № такой-то». Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или *Безбрежина*, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика и смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Ліодора Безбрежина: онъ объявилъ себя монополистомъ этихъ двухъ отдѣленій. Г. Гофратъ чуть не плакалъ отъ умиленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего пансіона: послѣ каждаго новаго романтическаго стихотворенія, онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и нѣжно цаловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на генія; а учитель словесности, учившійся нѣкогда по Бургію и, слѣдовательно, классикъ по неволѣ, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелинъ, сей внукъ (увы, *не послѣдній!*) Василія Кирилловича Тредіаковскаго, пріѣхалъ въ одну изъ столицъ нашихъ,—положимъ въ Москву. Не помню, что онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ «россійской словесности»... Да, я непремѣнно хочу сдѣлать моего педанта учителемъ словесности: знаменитый дѣдъ всѣхъ педантовъ, Василій Кириловичъ Тредіаковскій, былъ «профессоромъ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ»: одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педанта учителемъ «россійской словесности»; сверхъ-того, я убѣжденъ отъ всей души, что никакое званіе такъ не идетъ къ педанту, какъ званіе учителя «россійской словесности». Да, эта «россійская словесность» преимущественно сподручна для шарлатановъ и педантовъ: въ нее можно класть что̀ угодно, и оттуда можно вынимать какія угодно

теоріи, безъ опасенія заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ всякій учитель словесности былъ педантъ—смѣшно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педантъ непремѣнно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

Но мой педантъ не ограничился однимъ учительствомъ: онъ, какъ и слѣдовало ожидать, пустился въ литературу. Всѣ альманахи и журналы были наполнены его стихами. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей,—но эти мысли отзывались чѣмъ-то напряженнымъ, изысканнымъ и дикимъ, такъ-что снутри походили на совершенную безсмыслицу—не только безсмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно-глубокими и возвышенными. Хотя толпа болѣе видитъ снаружи, чѣмъ снутри, однако она не читала стиховъ Картофелина, и осталась при одномъ уваженіи къ нимъ. Въ то время, одинъ ловкій промышленникъ основалъ журналъ, который, по его плану, долженъ былъ отличаться добросовѣстностью, ученостію и безкорыстіемъ. Послѣдняя статья касалась исключительно однихъ *сотрудниковъ;* издатель же имѣлъ о ней свое понятіе, которое не почиталъ нужнымъ объяснять во всеуслышаніе. Хитрый антрепренёръ тотчасъ смекнулъ, что̀ за птица Картофелинъ. Онъ понялъ, что этотъ чернильный витязь готовъ трудиться до кроваваго поту изъ одной «славы», изъ одного удовольствія каждый день пересчитывать, сколько новыхъ строкъ прибавилось у него къ числу уже написанныхъ: чистое и благородное удовольствіе всѣхъ педантовъ! О, педантъ похожъ въ этомъ отношеніи на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитываетъ, сколько рублей и копеекъ прибыло у него съ утра... Журналистъ не ошибся: Картофелинъ оказался для него золотымъ человѣкомъ: онъ взвалилъ на себя всю работу, а разживу предоставилъ хозяину, который, впрочемъ, почелъ нужнымъ, изъ приличія, увѣрить его, что небольшія выгоды отъ журнала онъ употребляетъ на изданіе полезныхъ книгъ и вспомоществованіе бѣднымъ людямъ, а самъ питается безкорыстною любовію къ наукѣ и высокими мыслями. Добродушный педантъ повѣрилъ: онъ былъ столько же безкорыстенъ, честенъ и довѣрчивъ, сколько и опрометчивъ... И это нисколько не удивительно: ограниченность такъ часто соединяется съ добродушною честностью—по крайней мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не раздразнятъ, умышленно, или не умышленно, ея мелкаго самолюбія...

Но вотъ что многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ: прозаическими статьями своими Картофелинъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ человѣкъ со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ,—и я долженъ сознаться, что такое мнѣніе о Картофелинѣ было только преувеличено, но въ основаніи не совсѣмъ несправедливо. Мой педантъ—изволите видѣть—дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелочно-самолюбивъ, но не бездаренъ; послѣднія достоинства онъ, въ качествѣ педанта, долженъ пріобрѣсти въ-послѣдствіи, когда мелкое самолюбіе его, въ союзѣ съ лѣтами, задавитъ въ немъ то немногое, что дала ему природа. Притомъ же,

обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже геніемъ—по-крайней-мѣрѣ, въ кругу своихъ пріятелей и товарищей по пансіону—сотрудниковъ рукописной «Сѣверной Флоры»: педанты прежнихъ временъ тащились по избитой колеѣ Баттё и Лагарповъ, а мой Картофелинъ принялся за нѣмечину. Малой онъ былъ работящій, прилежный; память у него была здоровая; нѣмецкому языку онъ былъ выученъ еще въ дѣтствѣ. Я увѣренъ, что-по инстинкту, онъ выбралъ бы своими героями Клопштока и Николаи, но слава Гёте и Шиллера тогда была уже во всемъ своемъ колоссальномъ величіи, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми:—такъ ему, знаете, при готовыхъ понятіяхъ, чужимъ умомъ и при фразистомъ языкѣ не трудно было показаться не тѣмъ, что онъ есть... Притомъ же, въ молодости, всякій человѣкъ живѣе, а слѣдственно, и умнѣе, чѣмъ въ старости, и по инстинкту отстаиваетъ новое противъ стараго... Впрочемъ, и тогда уже многіе замѣчали въ слогѣ Картофелина что-то пухлое, дряблое, какую-то искусственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковымъ корнемъ и сытою... И эти люди не ошиблись, какъ увидимъ ниже.

Вотъ поѣхалъ мой педантъ за границу—вы думаете, въ Германію?—Я самъ то же думалъ сперва, но моя фантазія велитъ мнѣ послать его въ страну *филологовъ* и *комментаторовъ*, гдѣ на каждый стихъ великаго поэта написано по сту тысячъ томовъ объясненій и примѣчаній. Не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ цѣлыя семь лѣтъ, но знаю, что присылалъ оттуда предкія стихотворенія.

Наконецъ, мой Картофелинъ возвращается въ любезное отечество... Боже мой, какъ онъ перемѣнился! Поѣхалъ молодымъ литераторомъ, котораго настоящую цѣну немногіе понимали, а воротился педантомъ, котораго значеніе уже всѣмъ ясно... Сѣмена принесли плоды, и натура сказалась... Начнемъ съ того, что онъ пріѣхалъ съ брюшкомъ—доказательство, что онъ страдалъ о судьбѣ человѣчества въ своихъ стишонкахъ... Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая, въ баснѣ Езопа, хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться къ нему. Общество педантъ сталъ принимать за свое училище, салонъ за аудиторію, свѣтскихъ людей—за школьниковъ: говоритъ все свысока, словно лекцію читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно, и если кто заговоритъ, хотя бы на противоположномъ концѣ залы, онъ посмотритъ на того, какъ Юпитеръ олимпійскій—съ гнѣвомъ и помаваніемъ бровей... Любимый разсказъ его о томъ, какъ онъ ходилъ, въ Парижѣ, на поклоненіе къ великому романисту. Въ Германіи педантъ былъ проѣздомъ; она ему не понравилась. Нѣмцы,—говорилъ онъ,—раздружились, въ своей отвлеченности, съ жизнію; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума... Я былъ въ Берлинѣ,—и мой бѣдный черепъ трещалъ отъ мудреныхъ вещей, которыя слы-

шалъ я въ тамошнемъ университетѣ... Нѣмцы забыли великаго Бахмана и предпочитаютъ ему сухаго, отвлеченнаго, схоластическаго Гегеля, этого Андрамелеха новѣйшей философіи». Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ фистулу, какъ-будто отъ изнурительной полноты ощущеній въ пустой груди, какъ будто бы отъ изнеможенія вслѣдствіе частой декламаціи ex-officio. Въ школу онъ приноситъ съ собою графинъ сахарной воды, которою запиваетъ почти каждую свою фразу... И вотъ, въ порывѣ моего *типическаго* вдохновенія, мнѣ кажется, что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣдающаго съ приличною важностію, слышу его чахоточный голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды: «Милостивые государи! я былъ тамъ и тамъ, а вы не были; но это ничего: послѣ того, что̀ я разскажу вамъ о тѣхъ странахъ—вамъ покажется, что вы сами тамъ были... Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнію—они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ... Нѣмцы не любятъ буквы... а я, господа̀, я—признаюсь—люблю букву... Вотъ я было-вздумалъ прочесть эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа̀, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы...» Литературы педантъ, конечно, не оставилъ, но его дѣятельность уже измѣнилась: о Нѣмцахъ и нѣмецкомъ онъ уже — ни слова... Слогъ его сталъ дикъ до послѣдней степени. Желая поднять до седьмаго неба повѣсти своего пріятеля, онъ говоритъ, что его пріятель выдвинулъ всѣ ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца... Начиная восхищаться родиною, онъ дѣлаетъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: что, если бы наша Волга, забравъ съ собою Оку и Каму, да соединившись съ Леною, Енисеемъ, Обью и Днѣпромъ, взлѣзла на Альпы, да оттуда—у у у у у! на всѣ концы Европы; куда бы дѣвались всѣ эти Французишки, Нѣмчура?.... Не правда-ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говоритъ: «а что̀, тятя, колибъ нашъ чалый меринъ-то сдѣлался бурою коровою — вѣдь мама молочка еще бы дала мнѣ?»... Вы смѣетесь, читатели? моя выходка вамъ кажется фарсомъ, плоскою шуткою? Смѣйтесь, а я стою на томъ, что педантъ еще и не то въ состояніи написать. Вѣдь я васъ предупредилъ, что пишу выдумку, игру моей досужей фантазіи, а не списываю рабски съ дѣйствительности: такъ не мѣшайте же мнѣ выдумывать. И такъ, я увѣренъ, что мой педантъ слова не скажетъ въ простотѣ—все съ ужимкой: напр., вмѣсто того, чтобъ сказать, что Петербургъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, онъ скажетъ, что ровная гладь подкатилась подъ огромные дома града Петрова... и проч. и проч.

Воротившись изъ-за границы, мой педантъ перемѣнился и въ другомъ отношеніи: бывало, онъ вздыхалъ въ стишонкахъ о лунѣ и дѣвѣ, горевалъ о какой-то разрозненной съ нимъ волнѣ; а теперь очень прозаически, но за то выгодно и тепло пристроился и зажилъ филистеромъ. Ужь не знаю, отъ этого ли,

или отъ долговременнаго пребыванія за границею, только мой педантъ, воротившись, сдѣлался ужаснымъ витяземъ жолтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что онъ даже дома ходитъ въ жолтыхъ перчаткахъ; при выходѣ всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, онъ, бывало, такъ и кричитъ: *place aux dames!* Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало, по крайней мѣрѣ, три точки... Это такъ понравилось педанту, что онъ безъ точекъ послѣ каждой своей фразы ужь ничего не могъ писать.

Много прошло времени, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, а мой педантъ не долженъ измѣняться: любовь его къ буквѣ должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращеніе ко всему живому и разумному—также. Сло́ва «идея» онъ не долженъ слышать безъ ужаса и безъ точекъ... По моему мнѣнію, онъ даже долженъ сдѣлаться лицемѣрнымъ моралистомъ и ханжою, потому-что, всегда думая давать тонъ и направленіе времени, онъ всегда былъ и всегда долженъ быть рабомъ времени и выдавать за новость то, что̀ уже давно сказано другими, болѣе его сметливыми людьми. И такъ, мой педантъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное, и на повалъ бранитъ все, въ чемъ есть жизнь, душа, талантъ... Онъ безпристрастенъ и, зажмуривъ глаза, колотитъ направо и налѣво, и чужихъ и своихъ, если послѣдніе, будучи ему чужими по таланту, бываютъ своими по отношеніямъ... Да, онъ вѣренъ своему правилу...

Не смотря на то, что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно добрымъ и честнымъ человѣкомъ,—нѣтъ существа болѣе его способнаго быть злымъ и низкимъ. Дѣло въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбіе: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами,—онъ добръ, веселъ, любезенъ по своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что̀ только въ его возможности; но бѣда ваша, если вы не съумѣете, или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе и талантливѣе его, что у него самолюбіе съѣло небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природою... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое—берегитесь его!.. Рецензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты... Тогда вы у него—кондотьери, бандитъ... Да, педантъ все проститъ вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды—быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ, это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его «позывовъ» есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ...

И не смотря на все это, еще многое бы можно было поразсказать о педантѣ; но не все же вдругъ, надо что-нибудь поберечь и на будущее время. Притомъ же, я еще не знаю, понравится ли вамъ, читатели, и то, что̀ я написалъ. Если же понравится, то ждите отъ меня типъ *литературнаго цинника:* это

человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни; человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ—и ученый и литераторъ; человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулантомъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ — идеалъ честности, безкорыстія и добросовѣстности; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопрятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ циническою короткостію: «надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности»; человѣкъ, который, если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ бездѣлкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную благодарность, а себѣ деньги... Да, мало ли еще можно написать такихъ типовъ? А газетёры, журналисты, фельётонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другіе «исты»?.. Вотъ гдѣ заключаются неисчерпаемыя сокровища для «Нашихъ»...

Петръ Бульдоговъ [95]).

*595. Русскій театръ въ Петербургѣ [96]).

Театральная литература наконецъ надоѣла намъ до-нельзя! А между тѣмъ «Театральная Хроника» необходима въ журналѣ какъ дополненіе къ «Библіографической Хроникѣ». Что тутъ дѣлать?—Мы рѣшились говорить только о пьесахъ, примѣчательныхъ по эффекту, произведенному ими на публику Александринскаго Театра; о другихъ или умалчивать, или говорить коротко, безъ изложенія содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, легкое дѣло—разсказывать содержаніе того, въ чемъ не только содержанія—смысла не бываетъ!..

Съ чего же начать?—Въ продолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ надѣлали много шуму слѣдующія пьесы, о которыхъ мы не говорили, и изъ которыхъ едва дышутъ только послѣднія, а первыя уже умерли:

Князь Серебрянный, или Отчизна и Любовь, оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *П. Филимонова.*

Эта драма—передѣлка извѣстной повѣсти Марлинскаго «Наѣзды». Передѣлывать повѣсть въ драму, или драму въ повѣсть—противно всѣмъ понятіямъ о законахъ творчества, и есть дѣло посредственности, которая своего выдумать ничего не умѣетъ, и потому хочетъ жить, по неволѣ, чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ и чужимъ талантомъ. Когда такого рода чернильные витязи хватаются за хорошую повѣсть — оскорбительно видѣть, какъ они уродуютъ прекрасное произведеніе; когда они берутся за плохую повѣсть—досадно видѣть ихъ тщетныя усилія воскресить забытую нелѣпость. Повѣсть Марлинскаго «Наѣзды» въ свое время была хороша и стоила своего успѣха. Хотя герой ея, по своимъ чувствамъ, понятіямъ и поступкамъ, былъ Нѣмецъ съ русскимъ именемъ, хотя въ его русскихъ поговоркахъ высказывался нѣмецкій складъ ума; хоть всѣ

событія повѣсти натянуты и неестественны, страсти поставлены на ходули, характеры составлены по рецептамъ: однако бойкій, одушевленный разсказъ и хорошій языкъ автора всѣми были приняты за удивительное мастерство воскрешать «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», живописать страсти и изображать характеры, да еще какіе—глубокіе, сильные, идеальные... Но теперь—иное дѣло! Съ тѣхъ поръ много утекло воды въ океанъ забвенія, а съ нею и вода повѣстей Марлинскаго... Съ тѣхъ поръ причитались, присмотрѣлись и прислушались ко многому новому, и лучше поняли, что̀ такое творчество, народность въ искусствѣ, созданные характеры, истинныя чувства и естественно-развивающееся дѣйствіе. Теперь читать «Наѣзды» — все равно, что перечитывать страшные романы г-жи Радклифъ, которые въ свое время производили фуроръ во всей просвѣщенной Европѣ. Видѣть же на сценѣ плохую передѣлку устарѣвшей повѣсти—хуже всего худаго, что̀ только можно придумать. Содержаніе «Наѣздовъ» Марлинскаго такъ всѣмъ извѣстно, что нѣтъ никакой надобности пересказывать его—особенно по поводу плохой драмы.

Ромео и Юлія. Драма *Шекспира*, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переводъ *М. Каткова*.

Чего не дѣлаютъ у насъ съ бѣднымъ Шекспиромъ? Его передѣлываетъ и народируетъ г. Полевой [97]), его переводятъ какіе-то мальчики, его сокращаютъ артисты, растягиваютъ плохіе переводчики; его, наконецъ, даютъ на русской сценѣ, вмѣстѣ съ *Серебряннымъ*, *Березовскими*, *Гладіаторами*, *Парашами*, *Уголинами* и прочимъ сценическимъ хламомъ!.. Переводамъ «Ромео и Юліи» еще посчастливилось: переводъ г. Каткова изъ лучшихъ русскихъ переводовъ драмъ Шекспира; но давать его на сценѣ на слѣдовало: для роли Ромео нуженъ былъ артистъ не только пламенный, вдохновенный, но еще и молодой и прекрасный собою; для роли Юліи нужна такая артистка, какой еще на русской сценѣ не бывало; для прочихъ дѣйствующихъ лицъ также нужны актёры, какихъ у насъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Бѣда Шекспиру: публика при представленіи его пьесъ спитъ, а онъ, вишь, виноватъ!.. Впрочемъ, лучше всѣхъ выполнилъ свою роль г. Максимовъ 1-й, игравшій Меркуціо. Переводъ г. Каткова «Ромео и Юліи» напечатанъ въ «Пантеонѣ» 1841 года, слѣдовательно, нѣтъ нужды разсказывать содержаніе этой пьесы, *нечаянно* попавшей на сцену...

Отецъ и Дочь. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Передѣланная съ итальянскаго *П. Г. Ободовскимъ*.

Г. Ободовскій, вмѣстѣ съ г. Полевымъ—самые ревностные работники для сцены Александринскаго Театра. Любо-дорого смотрѣть на плодовитую и не-

утомимую дѣятельность! Одинъ все переводитъ и переводитъ, и притомъ именно *все*, т. е. всякую всячину въ чувствительномъ и трогательномъ родѣ; другой... но позвольте, сперва надо поговорить объ одномъ...

Чтобъ быть счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, дѣйствуя на литературномъ поприщѣ, прежде всего должно не имѣть таланта... да не имѣть таланта, однако же и не быть совершенно бездарнымъ писателемъ, а такъ-себѣ— знаете — серёдка на половинѣ, ни то, ни сё: толпа любитъ посредственность... Потомъ должно имѣть много дѣятельности, такъ, чтобъ, напр., ставить драму за драмою—словно блины печь: толпа не злопамятна и требуетъ, чтобъ ей безпрестанно напоминали о себѣ, чтобъ имя пришедшагося ей по плечу господина-сочинителя безпрестанно рябило въ ея глазахъ... Потомъ... но что̀ слѣдуетъ потомъ, я разскажу вамъ послѣ, когда-нибудь, а теперь мнѣ нужно поскорѣе разсказать вамъ содержаніе «Отца и Дочери», а то, пожалуй, этакъ мы и не доберемся до «Елены Глинской»...

Агнеса Доберстонъ вышла замужъ за лорда Станлея, противъ воли своего отца; отъ-сего рѣченный отецъ сошелъ съ ума и пошелъ въ домъ умалишенныхъ. Черезъ пять лѣтъ, лорду Станлею надоѣло ворковать съ своею нѣжною голубкою; въ душѣ его пробудилось честолюбіе; цѣлый годъ онъ живетъ въ Лондонѣ, хлопочетъ по выборамъ, а жена тоскуетъ въ небольшомъ городкѣ близъ Дублина. Наконецъ, супруги увидѣлись,—и мужъ безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ женѣ разводъ: ему надо жениться на дочери какого-то маркиза, чтобъ открыть себѣ политическую каррьеру. Жена въ обморокѣ, пользуясь которымъ мужъ хочетъ отправить ее во Францію, подкупивъ капитана корабля. Очнувшись, Агнеса несетъ разную высокопарную дичь о проклятіи отца, о сбывшихся надъ нею его мрачныхъ предсказаніяхъ. Слуга Робертъ помогаетъ ей убѣжать съ пятилѣтнею ея дочерью, Кларою. Въ лѣсу встрѣчается она съ отцомъ, который, съ оборванною цѣпью на ногѣ, вырвался изъ дома умалишенныхъ. Слѣдуетъ сцена столкновенія виновной дочери съ сумасшедшимъ отцомъ, сцена, исполненная самыхъ пошлыхъ и приторныхъ эффектовъ, общихъ мѣстъ и пустыхъ восклицаній. Все это кажется толпѣ ужасно-патетическимъ, отчаянно-потрясающимъ: такъ видитъ ребенокъ страшное привидѣніе въ человѣкѣ, который, чтобъ испугать его, надѣлъ свою шубу шерстью вверхъ... И въ-самомъ-дѣлѣ, Агнеса такъ испугалась, что понесла неисчерпаемую дичь, исполненную *высокаго слога* и незнанія грамматики:

СЕЙ *горькій видъ* страданій не снесу,
О, Господи! разрушь меня огнемъ небеснымъ,
Мой *тщетный* прахъ вели ты бурямъ разметать;
я довела его до страшнаго безумья,
Дни нѣжнаго отца *я* отравила, *я!..*

Потомъ Агнеса приходитъ въ модный магазинъ Фанни, дочери своей кормилицы. Фанни даетъ ей убѣжище, черезъ что лишается всѣхъ своихъ покупщицъ—дрянныхъ женщинъ, которыя такъ и бросаютъ въ Агнесу свои тар-

тюфскія анаѳемы. Мало того: онѣ хотятъ лишить Фанни жениха, но Генрихъ, сей великодушный женихъ, еще болѣе влюбляется отъ-этого въ свою невѣсту. Агнеса добивается въ домѣ сумасшедшихъ мѣста сидѣлки при своемъ отцѣ. Наконецъ, его чудеснымъ образомъ исцѣляютъ музыкою; за чѣмъ слѣдуютъ объятія, охи, ахи, вздохи... Все это крайне растянуто, водяно, приторно, пошло, вздорно, фразисто; характеровъ нѣтъ, дѣйствія никакого. И немудрено: плоская мелодрама эта передѣлана изъ опернаго либретто... Что въ либретто хорошо, какъ положеніе для музыки, то въ драмѣ, естественно, выходитъ ужасно нелѣпо...

Римскій Боецъ (Гладіаторъ). Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *А. Сумѣ*, передѣланная съ французскаго *В. К.*

Когда думаешь, говоришь, или пишешь о какихъ бы то ни было драматическихъ пьесахъ, о какомъ бы то ни было театрѣ,—всегда и невольно вспоминаешь нашъ Михайловскій Театръ, его французскую труппу, его русскую публику. Чудный театръ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ — нельзя довольно нахвалиться имъ!.. Вотъ, напр., какъ не поставить его въ образецъ всѣмъ театрамъ въ мірѣ за его репертуаръ: на Михайловскомъ Театрѣ даются или веселые, живые, забавные и умные водевили французскіе, прекрасно-поставляемые, превосходно-выполняемые; или комедіи, въ которыхъ отражается современная жизнь, въ концепціи и выполненіи которыхъ виденъ этотъ общественный тактъ, сценическое умѣнье, простота и истина, свойственныя только французскимъ писателямъ нашего времени,—таковы комедіи Camaraderie, Un bal masqué, Les premières armes du duc de Richelieu, и т. п.; или наконецъ такъ-называемую «драму»—эту единственно-истинную трагедію нашего времени, которая находитъ патетическое, потрясающее и высокое въ прозѣ повседневнаго быта, въ дѣйствительности современной жизни, таковы пьесы—La famille Riquebourg, ou le mariage mal assorti, La Lectrice, Une Faute, Une Chaîne и т. п. Но на немъ не даютъ ни шекспировскихъ трагедій, для которыхъ мала наша французская труппа, и которымъ не соотвѣтственны ея первые таланты, ни новѣйшихъ издѣлій подъ громкимъ именемъ трагедій—этихъ жалкихъ и пошлыхъ поддѣлокъ подъ шекспировскую и шиллеровскую драму, которыя такъ же похожи на свои образцы, какъ трагедіи Корнеля и Расина на трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида... За то, въ Михайловскій Театръ ходятъ наслаждаться изящнымъ искусствомъ, а не зѣвать и хлопать. Если даютъ водевиль—вы смѣетесь отъ души; если даютъ комедію,—вы, и смѣясь, мыслите и наслаждаетесь; если даютъ драму,—потрясенная душа ваша надолго освѣжается отъ удушья прозаической вседневности мощными и благородными впечатлѣніями... Если изрѣдка случается вамъ видѣть скучныя пьесы и на Михайловскомъ Театрѣ,—такъ это развѣ такъ-на-

зываемую «высокую комедію» XVIII вѣка; но и тутъ васъ вознаграждаетъ превосходная, художественная игра артистовъ[98]). Но если ужь и зѣвать, такъ конечно лучше отъ плохой комедіи, чѣмъ отъ плохой, или и превосходной, но плохо-выполняемой трагедіи: ибо въ послѣднемъ случаѣ требованія ваши выше и важнѣе...

«Гладіаторъ» есть именно одна изъ тѣхъ трагедій, въ которыхъ авторы становятъ на дыбы свою фантазію, пришпориваютъ ее насильственнымъ экстазомъ, ищутъ содержанія въ народахъ, вѣкахъ и эпохахъ, извѣстныхъ имъ только по книгамъ, и то весьма мало; одна изъ тѣхъ трагедій, гдѣ что ни чувство, что ни мысль, что ни слово—то и ложь и фальшь; одна изъ тѣхъ трагедій, которыя насильно распяливаются на пять актовъ и множество отдѣленій, картинъ, сценъ, выходовъ и т. п., для того только, чтобъ сравняться въ объёмѣ съ драмами Шекспира; наконецъ, одна изъ тѣхъ трагедій, которыя пишутся для зѣвоты и рукоплесканій толпы, зѣвающей, а все хлопающей, чтобъ слышать себя же самое и чтобъ деньги недаромъ пропадали... Когда Французъ пишетъ драматическую пьесу, не выходя изъ соціальнаго элемента, твердо держась своего національнаго созерцанія интересовъ и сущности современной жизни,—ему нѣтъ соперниковъ: онъ простъ, истиненъ, ловокъ, живъ, остроуменъ, блестящъ, трогателенъ, глубокъ; но за то, когда онъ залетитъ въ прошедшіе вѣка и къ чужимъ народамъ, когда съ важнымъ видомъ берется создать что-нибудь великое,—не меньше пяти актовой пьесы,—онъ ложенъ, вычуренъ, фразёръ, декламаторъ, эффектёръ, поверхностенъ, пустъ, скученъ... Нѣмецъ тутъ съумѣетъ быть хоть вѣренъ исторіи и выказать свою громадную эрудицію; слѣдственно, въ его драмѣ хоть что-нибудь можно найдти, а у Француза—ровно ничего не найдете, кромѣ скуки и трескотни надутыхъ фразъ и фейерверочныхъ эффектовъ... Содержаніе «Гладіатора» всего лучше подтвердитъ нашу мысль.

Мать кесаря Гордіана имѣетъ много тайнъ, которыя не могутъ принести чести такой важной особѣ ея пола; гладіаторъ—наперсникъ и повѣренный этихъ страшныхъ и грязныхъ тайнъ. Когда императрица Фаустина готовилась сдѣлаться матерью, ее кто-то увѣрилъ, что для счастія новорожденнаго нуженъ составъ, сдѣланный изъ свареннаго ребенка; и вотъ Фаустина замучила одну женщину, разрѣшающуюся въ пыткѣ, преждевременно, дѣвочкою, которую въ ту же минуту вырываетъ изъ рукъ Фаустины вбѣжавшій отецъ новорожденной: это самъ гладіаторъ. Онъ спасся съ дочерью въ Египетъ, но тамъ ее у него украли, и съ-тѣхъ-поръ онъ потерялъ ее изъ виду. Флавіанъ, римскій аристократъ,—послѣдователь эпикурейской школы, страстно любитъ свою невольницу—Неомедію, и хочетъ на ней жениться. Фаустина, видя въ Неомедіи свою соперницу, велитъ гладіатору убить ее; но гладіаторъ, замѣтивъ въ жертвѣ сходство съ своею женою, разжалобился и поклялся отмстить Фаустинѣ за смерть жены. Но вотъ сцена языческаго брака: не смотря на то, что Неомедія—втайнѣ христіанка и ревностная ученица проповѣдника Орисѳена, она

рѣшается соединиться съ своимъ возлюбленнымъ по языческимъ обрядамъ и передъ лицомъ языческихъ божествъ. Вбѣгаетъ гладіаторъ,—ее вытаскиваютъ; потомъ народъ схватилъ Орисѳена, поносившаго боговъ Рима, и жрецъ осуждаетъ его на смерть. Тогда въ порывѣ религіознаго увлеченія, Неомедія объявляетъ, что она—христіанка, и опрокидываетъ алтарь Юпитера. Ее осуждаютъ на смерть въ циркѣ, отъ руки гладіатора. Входитъ гладіаторъ въ циркъ, машетъ, словно тросточкой, огромной булавою—*Римляне* изо всѣхъ силъ бьютъ въ ладоши, завидѣвъ такого молодца... Вотъ вводятъ Неомедію; гладіаторъ опять разжалобился—проситъ Римлянъ помиловать красавицу—тѣ кричатъ «смерть!»—дѣлать нечего: «Ну, душенька (говоритъ гладіаторъ), станьте на колѣни и нагните головку».—Извольте, сударь.—«Теперь снимите же покрывало съ вашихъ плечъ.—«Ахъ, какъ можно! стыдно-съ, при всѣхъ-съ.—«Ничего-съ»—да и сдернулъ покрывало... Глядь: на шеѣ родимый знакъ—боги! это дочь его—ахъ, охъ, о!!... Родитель мой!.. Дочь моя!.. Рукоплесканія... Фаустина принуждена спасать Неомедію: отъ нея, по изреченію оракула, зависитъ участь императора, ея сына... Но поздно: народъ окружилъ темницу и хочетъ растерзать Неомедію; гладіаторъ прошибъ стѣну, ворвался, зарѣзалъ дочь, и—напыщенной галиматьѣ конецъ!.. Характеровъ нѣтъ, естественности — ни на волосъ, смыслу — мало; за то, безсмысленныхъ эффектовъ бездна...

Елена Глинская, драматическое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. *Николая Полеваго.*

Быть всѣмъ во всемъ, и быть во всемъ первымъ—кажется, девизъ литературной дѣятельности г. Полеваго. Слава Кузена заставила его быть философомъ (о существованіи Гегеля г. Полевой узналъ недавно и, слѣдственно,поздно, когда уже не въ состояніи былъ соперничать съ нимъ); слава Гизо и Тьерри заставила его написать шесть томовъ «Исторіи Русскаго Народа» въ XVIII томахъ; опыты Баранта разсказывать исторію простодушнымъ языкомъ лѣтописей заставили г. Полеваго написать «Клятву при Гробѣ Господнемъ»; слава Шлегелей, барона Экштейна и статьи французскаго журнала «Globe» сдѣлали г. Полеваго критикомъ и возбудили въ немъ любовь и удивленіе къ Шекспиру, превратившіяся теперь въ соревнованіе; слава Сэя заставила г. Полеваго сдѣлаться политико-экономомъ и произнести въ Московской Коммерческой Академіи превосходную рѣчь «О невещественномъ капиталѣ»; ну, словомъ, статистика, политическая экономія, исторія, философія, критика, филологія, грамматика, этика, журналистика, лирическая поэзія, повѣсть, романъ, — все это поприще одного г. Полеваго, одного, безъ соперниковъ, безъ помощниковъ... Вольтеръ и Гёте нашего времени, г. Полевой принялся наконецъ за драматическую поэзію. Мелкія пьесы ему ни почемъ: онъ пишетъ не считая, печа-

таетъ, не гордясь, ставитъ на сцену, не гонясь за рукоплесканіями, хотя,—изъ вѣжливости,—и выходитъ на вызовы публики Александринскаго Театра... Что̀ ему маленькія пьесы! Онѣ такъ же не могутъ ничего ни убавить, ни прибавить къ его славѣ, какъ и листки калуфера или мяты не могутъ украсить собою лавроваго вѣнца... Но и не въ патріотическихъ пьесахъ поставляетъ г. Полевой свою заслугу: онъ хочетъ состязаться съ Шекспиромъ, и если не побѣдить его, то не уступить ему—знай-де *нашихъ!*. Для этого, онъ сперва *поправилъ*, т. е. передѣлалъ «Гамлета», и безъ всякаго разсчета и умысла, совершенно-безсознательно достигъ прекрасной цѣли: представивъ это вѣковое, колоссальное произведеніе въ миньятюрныхъ размѣрахъ, онъ тѣмъ самымъ приблизилъ его къ смыслу толпы, и, при помощи дарованія актеровъ, сдѣлалъ на Руси *народнымъ* это слабое подобіе шекспирова созданія, отразившаго въ себѣ свой оригиналъ, какъ капля воды отражаетъ въ себѣ солнце. Вызовъ послѣ перваго представленія и вообще чрезвычайный успѣхъ передѣлки «Гамлета» открыли г. Полевому тайну его призванія и его генія—онъ сѣлъ да и написалъ—пародію на «Ромео и Юлію», которую назвалъ «Уголино». Намъ скажутъ, что въ содержаніи «Уголино» нѣтъ ничего общаго съ драмою Шекспира: да, во внѣшнемъ содержаніи, т. е. въ «сюжетѣ» точно мало общаго, но мысль, но пафосъ пьесы рождены рѣшительно драмою Шекспира. Въ наше время никто не будетъ такъ простъ, чтобъ подражать формѣ извѣстнаго произведенія; тѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ подражаній отъ того, кто первый на Руси возсталъ противъ пошлой подражательности псевдо-классическихъ временъ. Вся постройка «Уголино» лежитъ на любви Нино къ Вероникѣ, и всѣ сцены любви того и другаго суть не что иное, какъ самая жалкая пародія на сцены любви въ «Ромео и Юліи». Что у Шекспира глубоко и мощно, будучи въ то же время и граціозно,—то у нашего самороднаго драматурга—слабо, мелко, приторно, фразисто, сладенько, прянично... Нино и Вероника—это аркадскіе пастушки, взятые изъ идиллій г-жи Дезульеръ; это разрумяненные герои флоріановскихъ и геснеровскихъ поэмъ. Но г. Полевому показалось, что послѣ «Уголино» ему остается только не останавливаться и продолжать идти. Слѣдствіемъ этого убѣжденія была новая пародія на Шекспира—«Елена Глинская». Въ «Уголино» онъ пародировалъ «Ромео и Юлію»: въ «Еленѣ Глинской» онъ пародируетъ—легко сказать!—«Макбета». Взглянемъ на содержаніе этой новой пародіи.

Теперь ввелось въ моду каждому дѣйствію драмы давать особое какое-нибудь эффектное и заманчивое названіе: этого требуетъ, вѣроятно, искусство сочиненія аффишъ, отъ котораго часто зависитъ успѣхъ драмы. Г. Полевой—поборникъ этого прекраснаго нововведенія, бодро состязается въ немъ съ прочими корифеями современной драматической литературы—гг. Ободовскимъ, Марковымъ, Бахтуринымъ и прочими. Подобная поддержка умнаго нововведенія тѣмъ умилительнѣе со стороны г. Полеваго, что онъ давно уже не любитъ никакихъ нововведеній, даже въ орографіи, и преслѣдуетъ ихъ всею важно-

стію своего,—впрочемъ, уже нѣсколько запоздалаго,—авторитета. И потому, *первое* дѣйствіе его новой драмы называется «Боярскій Совѣтъ», *второе*— «Грановитая Палата», *третье* — «Литовскій лѣсъ», *четвертое* — «Кремлевскій Теремъ», *пятое* — вѣроятно, для бо́льшаго эффекта, какой всегда производить таинственность, никакъ не названо. Вся пьеса титулуется «драматическимъ представленіемъ», вѣроятно, для доказательства ея близкаго родства съ созданіями Шекспира. И такъ, первое дѣйствіе — «Боярскій Совѣтъ». Дѣйствіе происходитъ въ залѣ кремлевскихъ теремовъ, но совѣта мы не видимъ: сперва являются дьякъ и окольничій; и первый сообщаетъ второму, что бояре—*шумятъ*. За тѣмъ слѣдуетъ длинная, скучная и ничего въ себѣ незаключающая сцена между двумя этими безличными лицами. Но вотъ явленіе второе: оно поживѣе. Бояре являются на-лицо и «шумятъ», ругая Оболенскаго, заклиная не уступать ему. Хитрый интриганъ Василій Шуйскій подтруниваетъ надъ ними себѣ подъ носъ. Является Оболенскій, и велитъ идти по домамъ, такъ-какъ-де княгиня уже распустила совѣтъ. — Нейдемъ!—А почему?—И пошла потѣха! Главная причина спора—осужденіе на смерть князя Андрея, втораго сына Іоанна III, произнесенное княгинею Еленою, матерью Грознаго. Отъ споровъ и брани дошло-было и до рѣзни; но вотъ является новый герой—лицо, сдѣлавшееся необходимою принадлежностію всякаго русскаго романа и русской драмы—шутъ, Пахомко. Его шутки образумливаютъ бояръ—они становятся тише, и уже только рычатъ другъ на друга, но не кусаются. Входитъ Елена: В. Шуйскій уже успѣлъ ей «донести». Она велитъ боярамъ просить прощенія у Оболенскаго, но тѣ рѣшительно отказываются, а Оболенскій говоритъ, что презираетъ равно и ихъ вражду и ихъ дружбу. Иванъ Бѣльскій умоляетъ княгиню отмѣнить приговоръ князю Андрею, а Пахомко трунитъ надъ В. Шуйскимъ, поетъ, ломается—пріятная смѣсь высокаго съ комическимъ!.. Наконецъ, Елена остается на сценѣ только съ Оболенскимъ, Пахомкою и Запольскою (наперсницею). Она говоритъ Оболенскому, что смиритъ буйство бояръ, осмѣливающихся не уважать его, опору престола и защитника царства. Оболенскій проситъ ее дать ему случай на полѣ брани доказать ей, что онъ готовъ пести ей жизнь на жертву.

Елена (*съ жаромъ*).
Нѣтъ, жизнь твоя мнѣ дорога—щади ее!
Оболенскій (*изумляясь*).
Княгиня!
(*Безмолвіе*).
Я иду готовить войско
На встрѣчу польскаго посла и Шихъ-Алея.

Чудная сцена! какъ ловко умѣлъ нашъ драматургъ приподнять для зрителей и читателей край завѣсы, скрывающей его драму, и одною фразою обнаружить любовь Елены къ Оболенскому!... Правда, это при Запольской и Пахомкѣ; но вѣдь сильныя чувства не замѣчаютъ свидѣтелей, а къ тому же, Запольская—

наперсница Елены, Пахомко—шутъ, дуракъ,—не пойметъ: такъ чего же ей было и церемониться?...

Во второмъ актѣ, Марія воркуетъ печально объ отсутствіи голубка ея—Оболенскаго, и жалуется на его охлажденіе. Входитъ Пахомко. Они, видно, знакомы; по-крайней-мѣрѣ, Пахомко называетъ себя *слугою* Маріи. Онъ проситъ ее спасти отъ смерти «важнаго человѣка».—Да какъ же это?—Попроси мужа.—А кто мой мужъ?—Будто ты не знаешь? Изъ этого узнаемъ мы, что Оболенскій женатъ на Маріи *инкогнито*,—что было очень въ духѣ того времени. Она даже не знаетъ, кто ея родители. Слышенъ стукъ—Пахомко уходитъ, Оболенскій входитъ—слѣдуетъ нѣжная сцена, гдѣ Марія говоритъ, что она «состарѣлась сердцемъ». Онъ просилъ у ней чару романеи, чтобъ развеселиться. Марія говоритъ про себя: «Не поцѣлуй Маріи, а чара романеи развеселитъ его!..» Какъ все это въ духѣ того времени! Конечно, теперь вѣдь не пьютъ романеи!... Оболенскій одинъ; въ длинномъ монологѣ, онъ жалѣетъ Марію, раскаявается, что «мятежную судьбу свою и огненныя страсти соединилъ съ ея невиннымъ сердцемъ»—«горе (продолжаетъ онъ), когда не *чистая любовь*, *святая* сердца связала, а корысть» (именно языкъ того времени!..). Далѣе, онъ вспоминаетъ время, когда думалъ только о мечѣ, смѣясь надъ боярскими смутами... «Будто огненные змѣи, теперь они *облапили* меня» заключаетъ онъ. Какое выразительное слово «облапили»! Однако, оно приводитъ меня въ невольное раздумье: если авторъ надѣялся здѣсь придать этому слову польское значеніе, то оно не имѣетъ тутъ никакого смысла; если же понимать въ настоящемъ, а не *переносномъ*, значеніи, то надо придать змѣямъ лапы, которыхъ эти пресмыкающіяся такъ же лишены, какъ медвѣди жала. А все-таки же хорошо это «облапить»—и смѣло, и живописно, и ново!...

Слѣдствіемъ просьбы Маріи было то, что Оболенскій догадался о ея тайныхъ сношеніяхъ съ кѣмъ-то, разсвирѣпѣлъ, какъ огненный змѣй съ лапами, и хотѣлъ «облапить»—старую няню Маріи, но разсудилъ отложить это интересное дѣло до другого болѣе-удобнаго времени, и ушелъ. Дѣйствіе переносится опять въ кремлевскія палаты. Елена принимаетъ посла крымскаго хана, который говоритъ заносчиво; Оболенскій ему не уступаетъ,—война объявлена. За тѣмъ представляется Шихъ-Алей. Далѣе польскій посолъ требуетъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ выдачи Глинскихъ, родственниковъ Елены; надѣясь на Оболенскаго, Елена и польскому послу объявляетъ войну.

Въ литовскомъ лѣсу совершаетъ свои чары колдунъ съ вайделотами. Онъ сзываетъ чертей и толкуетъ о Гедеминахъ и Ольгердахъ. Является Симеонъ Бѣльскій. Онъ передался на сторону Литовцевъ и въ битвѣ съ Оболенскимъ смертельно раненъ. Колдунъ осердился, и пуще прежняго сталъ звать чертей:

Совершайся ада месть!
Зло, раздоръ, погибель, брани,
Ухищренье, мщенье, лесть,

Съ адскимъ пламенникомъ въ длани.
На могучаго вождя
Поспѣшите, поспѣшите!
Какъ туманомъ ослѣпите
Очи свѣтлыя его!
Будто хитрою змѣею,
Въ сердце, въ умъ его вползите,
Въ ядъ тлетворный обратите
Свѣтъ ума и солнца свѣтъ...
Мщенью, злобѣ мѣры нѣтъ!

Испугавшись самъ какофоніи и безсмыслицы этихъ стиховъ, колдунъ проваливается подъ полъ при ударѣ грома. Бѣгутъ Поляки, преслѣдуемые Русскими. Оболенскій вступаетъ, отъ нечего-дѣлать, въ разговоры съ умирающимъ Бѣльскимъ, который отъ-того только и не торопится умереть, что ему нужно побраниться съ Оболенскимъ. За этимъ онъ умираетъ. Оболенскій, опершись на мечъ, читаетъ надъ тѣломъ Бѣльскаго длинную рацею. Приходитъ колдунъ и вызывается открыть ему будущее, становитъ его въ кругъ и не велитъ призывать имени Божьяго. Оболенскій труситъ. Гремитъ громъ. Черти поютъ хоромъ слѣдующую галиматью:

Сѣйте громъ
Рѣшетомъ!
Жарьте змѣй
Для людей!
Поспѣшите, поспѣшите,
Духи тьмы!

Оболенскій со страстей не замѣчаетъ, что черти его надуваютъ, и что въ ихъ пѣсни нѣтъ смыслу. Является котёлъ съ *тяжущимися* (о чемъ тяжба—не сказано) привидѣніями. Черти опять затянули стихотворную дичь:

Гей, гей, гей, гей!
На пагубу людей
Мы собрались
Мы принеслись!
Кипитъ котелъ очарованій
И гибнетъ человѣка умъ
Въ огнѣ волшебныхъ обаяній
И тяжкихъ и преступныхъ думъ.

Является женщина подъ покрываломъ, съ вѣнцомъ въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой.—Кто ты, привидѣніе?—спрашиваетъ Оболенскій. Я Елена.—А вѣнецъ чей?—Мономаховъ.—А кому его?—Тебѣ.—А сынъ Елены?—Привидѣніе грозитъ кинжаломъ... Оболенскій ругаетъ привидѣніе, выбѣгаетъ за черту,—и все исчезаетъ. Странно, читатели, не правда ли? Но не пугайтесь—вѣдь это только пародія, и притомъ очень не ловкая, на сцену вѣдьмъ въ «Макбетѣ»... Можетъ быть, это насмѣшка надъ Шекспиромъ, допустившимъ участіе нечистой силы въ драму, полную во всемъ остальномъ истины и дѣйстви-

тельности?.. Но, г. Полевой, вѣдь «Макбетъ» не историческая драма, у ней нѣтъ ничего общаго съ драматическими хрониками Шекспира; сдѣдовательно, Шекспиръ имѣлъ полное право на страшно-поэтическое олицетвореніе страстей Макбета въ образѣ вѣдьмъ, существованію которыхъ въ его время еще вѣрили; а ваше «драматическое представленіе»—вѣдь историческая эпоха, изображаемая имъ, относится не къ миѳическому періоду русской исторіи, а къ самому историческому?...

Выбѣжавъ изъ круга, въ которомъ его морочили дрянными, безсмысленными виршами и пошлыми фокус-покусами, Оболенскій зацѣпляется за трупъ Бѣльскаго: многознаменательная случайность!.. Громко грозитъ онъ сжечь колдуна, а тихонько спрашиваетъ его: «Мой ли будетъ вѣнецъ, и не погибну ли я?» Колдунъ отвѣчаетъ плохими стихами:

Нѣтъ, долголѣтенъ, славенъ,
Ты будешь, но страшись: настанетъ часъ твой.
Когда двѣ свидятся сестры
Во мракѣ, средь ночной поры,
При свѣтѣ мѣсяца *младаго!*
Кольца страшися *золотаго,*
И зелья берегись *лихаго!*

(*Насмѣшливо*).

Привѣтствую тебя, великій князь московскій!

За тѣмъ громъ: колдунъ опять проваливается подъ полъ; слышны трубы; бѣгутъ воеводы; одинъ кричитъ «здравствуй, *танъ Гламиса!*»—нѣтъ, извините: «намѣстникъ смоленскій!»—Другой кричитъ: «здравствуй, *танъ Кавдора!*»—опять нѣтъ: «намѣстникъ казанскій—сейчасъ-де прискакалъ гонецъ отъ Елены!» Какова пародія, читатели?—Право, что̀ передъ нею Энеида, вывороченная наизнанку!...

Скучно разсказывать содержаніе того, въ чемъ нѣтъ никакого содержанія, въ чемъ есть только—«слова, слова, слова» какъ говоритъ Гамлетъ; скучно развивать дѣйствіе драмы, въ которой нѣтъ никакого дѣйствія, есть только разговоры,—и потому сократимъ остальные два акта въ нѣсколько строкъ и скажемъ, во-первыхъ, что самое смѣшное, плоско-эффектное мѣсто въ IV актѣ есть сцена Пахомки съ Трунилою, изъ-подъ надзора котораго шутъ уводитъ Марію, а въ V актѣ явленіе тѣни предка Глинскихъ въ длинномъ саванѣ; далѣе то, что Марія сходится въ кельѣ съ сестрою своею, Соломоніею, разведенною супругою Василія Іоанновича; что Елена даетъ кольцо Оболенскому; что В. Шуйскій, неся ядъ Еленѣ, хвалитъ Оболенскому, съ злобною улыбкою, доброе, заморское винцо, исцѣляющее отъ всѣхъ недуговъ, а Оболенскій, какъ дуракъ, ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, обнимается и воркуетъ съ Маріею... Мелодрама заключается пряничною, сычоною сценою:

В. Шуйскій.

Воины! Возьмите Оболенскаго!

МАРІЯ (*схватывая его*).

Нѣтъ! я не отдамъ его—онъ мой!

(*падаетъ въ его объятія*).

ОБОЛЕНСКІЙ.

Прочь, презрѣнные услужники! благоговѣйте передъ судьбою, постигнувшею преступное величье—благоговѣйте передъ кончиною праведницы! (*становится передъ Маріею на колѣни.*)

МАРІЯ.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь!

(*умираетъ*)

ОБОЛЕНСКІЙ.

Жизнь за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней!—Я вижу, кровожадные, вижу жребій мой въ злобныхъ взорахъ вашихъ!—Непостижимый жребій! куда ты довелъ меня? Казнь очиститъ преступленіе мое... *Она* будетъ за меня молиться!

О, реторика! о, наборъ словъ, взятыхъ и сведенныхъ на удачу изъ словаря! О, герой безъ образа и лица, безъ характера и силы, безъ величія и смысла! О, драма, въ которой всѣ говорятъ—говорятъ много, длинно, водяно, сантиментально, растянуто, вяло, плохою рубленною прозою, и никто ничего не дѣлаетъ! О, драма, въ которой нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствія, ни народности, ни стиховъ, ни языка, ни правдоподобія; но въ которой много русскихъ словъ, ошибокъ противъ грамматики и языка, въ которой бездна скуки, скуки, скуки!... О, жалкая и оскорбляющая чувство пародія на великое созданіе великаго генія!...

Помните ли вы, читатели, какой грозный разборъ написалъ, нѣкогда, издатель «Московскаго Телеграфа» на мелодраму князя Шаховскаго «Двумужница»? Этотъ разборъ г. Полевой перепечаталъ потомъ, слово-въ-слово въ своихъ «Очеркахъ русской литературы», изданныхъ имъ въ Петербургѣ, въ 1839 году... Если вы совсѣмъ не знаете этой статьи, или забыли ее,—мы напомнимъ вамъ кое-что изъ нея. Статья эта написана въ формѣ разговора, *будто-бы* подслушаннаго г. Полевымъ въ кофейной Петровскаго Театра: одинъ изъ разговаривающихъ, молодой человѣкъ, защищаетъ «Двумужницу», другой, старикъ, нападаетъ на нее.

Молодой человѣкъ. Если вамъ мало похвалы, которая напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ довольно ли будетъ того, что въ Петербургѣ зрители рыдали, не просто плакали отъ нея; дамы были въ истерикѣ и обморокахъ; мужчины кричали, что у нихъ *русскій духъ въ очью проявляется;* что это свѣтлая звѣзда народности литературной, національности драматической, пѣснь лебедя поэтическаго. А вы согласитесь, что Петербургъ всегда перещеголяетъ Москву вкусомъ.

Старикъ. Едва ли въ драматическомъ искусствѣ. Гдѣ донынѣ Филатка пляшетъ въ митавскомъ маскарадѣ, гдѣ донынѣ уродливыя бенефисныя пьесы безобразятъ сцену, тамъ едва ли можно положиться на вкусъ публики. Вы видѣли «Двумужницу» здѣсь?

М. Ч. Нѣтъ, не видалъ. Но это чудо, это прелесть...

Ст. А судя по прежнему—

М. Ч. Что же: *по прежнему?*

Ст. То, что князь А. А. Шаховской донынѣ испыталъ всѣ роды драматическихъ сочиненій: писалъ трагедіи, комедіи, оперы, водевили, мелодрамы, въ стихахъ и прозѣ; бралъ предметы изъ библіи—вспомните „Деббору"—изъ исторіи, изъ сказокъ; передѣлывалъ въ драму романы В. Скотта, М. Н. Загоскина, поэмы Пушкина, обошелъ весь міръ, ища предметовъ для драмы, былъ и въ древней Греціи, и въ новой Франціи—такое безпокойство показываетъ, безъ сомнѣнія, или многообразное величіе генія, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнаса, такъ-что ему *не остается ничего дѣлать*, какъ...

М. Ч. Ну что жь—докончите.

Ст. Какъ перестать писать, или сознаться, подобно Репетилову:

И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ! *)

Не знаю, какъ вамъ, читатели, а мнѣ такъ кажется, что все это можно примѣнить къ г. Полевому, по поводу его «Елены Глинской»... Да, въ статьѣ о «Двумужницѣ» я вижу горькую насмѣшку судьбы, издѣвающейся надъ человѣческою личностію... Статья эта была рѣзка, но справедлива и основательна; а между-тѣмъ, все-таки «Двумужница» князя Шаховскаго въ тысячу разъ лучше и «Елены», и всѣхъ патріотическихъ, и народныхъ, и чужестранныхъ драматическихъ представленій г. Полеваго... Отъ-чего же г. Полевой напалъ съ такой энергіею и такимъ жаромъ на пьесу князя Шаховскаго?... Отъ-того, читатели, что въ жизни человѣка есть періодъ, когда всякое посредственное или фальшивое явленіе въ сферѣ искусства кажется святотатственнымъ оскорбленіемъ священнѣйшихъ вѣрованій души... Мы потому же самому напали и на «Елену Глинскую»...

На дивитесь, что г. Полевой нѣкогда такъ хорошо понималъ достоинство драматическихъ произведеній, на поприщѣ которыхъ теперь самъ подвизается съ такимъ усердіемъ и съ такимъ успѣхомъ: *тогда* и *теперь*—между этими словами—увы!—много разницы [99])...

***596. Два Призрака.** Романъ. Соч. *Ѳ. Фанъ-Дима.* Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1842. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I части 252, во II—208, въ III—228, въ IV—258 стр. (Цѣна 5 р., съ перес. 6 р. 50 к. сер.) [100]).

Въ оправданіе мудрой русской пословицы: «не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ», недавно появившееся имя г-на Фанъ-Дима грозитъ сдѣлаться знаменитымъ именемъ въ современной русской литературѣ, благодаря вкусу, образованности, безпристрастію и добросовѣстности нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ, которые до седьмаго неба превознесли водяную, дѣтски-несвязную и напыщенную повѣсть «Александрина»—первый опытъ г. Фанъ-Дима. «Два

*) *См.* „Очерки Русской Литературы" Ч. I. стр. 417 и 418.

Призрака» были превознесены ими только еще въ видѣ извѣщеній о появленіи этого романа: что же будетъ въ критикахъ и рецензіяхъ о немъ?.. А между-тѣмъ, «Два Призрака» не только не уступаютъ въ пухлости и водянисти «Александринѣ», но едва-ли еще и не превосходятъ ее въ этихъ качествахъ— ужь тѣмъ однимъ, что въ-четверо длиннѣе и пухлѣе ея. Эти «Два Призрака» не что иное, какъ одинъ призракъ, и суть самое «призрачное» явленіе современной литературы — четырех-томный нуль, огромное вмѣстилище словъ безъ значенія и фразъ безъ содержанія, длинный, утомительный разсказъ о происшествіяхъ и случаяхъ, которыхъ не бываетъ въ дѣйствительности; вялое и безцвѣтное изображеніе людей, характеровъ и общества, которыхъ не было, нѣтъ и не будетъ нигдѣ, кромѣ холоднаго воображенія безталантныхъ сочинителей...

Мѣркою достоинства всякаго литературнаго произведенія, претендующаго на изображеніе дѣйствительности, должно быть его сходство съ изображаемою дѣйствительностію. Посмотримъ же, до какой степени г. Фанъ-Димъ является вѣрнымъ живописцемъ современной дѣйствительности, которую онъ рисуетъ въ своихъ «Двухъ Призракахъ».

Идеальный кирасирскій офицеръ Владиміръ Марлинъ, «страстно влюбленъ» въ Агаѳью, или Агату Леновскую, прендеальную дѣвицу рѣдкой красоты, но и безпримѣрной глупости. Въ-послѣдствіи оказывается, что она втайнѣ «боготворила» идеальнаго кирасира, а дурочкой только прикидывалась, въ-слѣдствіе добровольно-даннаго ею обѣщанія своему ревнивому жениху, Васильскому, бывшему любовнику ея матери, которая, умирая, взяла съ ребенка-Агаты клятву выйдти за своего уже пожилаго обожателя. Вотъ основа романа.—Скажите: гдѣ бываютъ такія дѣвушки, которыя даютъ и сдерживаютъ слово играть въ обществѣ роль дуръ? Гдѣ бываютъ женихи, которые, изъ ревности, требуютъ подобныхъ условій отъ своихъ невѣстъ? Гдѣ бываютъ общества, въ которыхъ совершаются такія чудныя исторіи? Видите ли, какъ проста и естественна завязка романа, какъ она въ духѣ современнаго общества, и какъ вѣрно характеризуетъ она современную дѣйствительность!.. Но далѣе: идеальная Агата тайно присылаетъ къ идеальному кирасиру письма, по добродушному убѣжденію автора, полныя ума, чувства и женской прелести, и подписывается подъ письмами *Аріэлемъ*. Идеальный Марлинъ, любя Агату, влюбляется и въ таинственнаго Аріэля, и такимъ образомъ колеблется между «двумя призраками» до-тѣхъ-поръ, пока дѣло не объяснилось въ концѣ четвертой части и онъ не женился, вмѣсто двухъ, на одномъ призракѣ. Въ первой и въ половинѣ второй части приплетена, ни къ селу, ни къ городу, какая-то Аменанда Гольцева, — тоже «идеальная» женщина, страстно влюбленная въ «идеальнаго» Марлина. Это обстоятельство значительно увеличиваетъ пухлую толщину и томительную скуку романа.

Сказавъ о содержаніи романа, укажемъ на нѣкоторыя частности его. Не угодно-ли вамъ полюбоваться, напр., картиною «большаго свѣта?»

Послѣ разныхъ сценъ на вечерѣ у Аменанды Гольцевой, пріѣзжаетъ туда

старый вѣстовщикъ и сплетникъ Гранитскій и разсказываетъ обществу свѣжую новость о появившейся въ Петербургѣ красавицѣ. Дамы пристаютъ къ нему съ вопросами, мужчины молча окружаютъ его.

— Да-съ, продолжалъ Гранитскій съ самодовольною улыбкою, мы кое-что успѣли узнать объ этомъ *дивномъ явленіи.* Красавица только-что пріѣхала изъ Тамбовской губерніи; ей всего семнадцать лѣтъ; матери у нея нѣтъ, отецъ, Павелъ Игнатьевичъ Леновскій, заслуженный Суворовскій Генералъ, тяжело израненный, и потому никуда не выѣзжаетъ изъ дома. Въ собраніе онъ отпускалъ дочь съ теткой, съ которой она(,) кажется(,) будетъ выѣзжать въ продолженіи цѣлой зимы.

Марлинъ обнаруживаетъ, что онъ знаетъ Леновскую; его просятъ нарисовать обществу ея портретъ.

— Я плохой живописецъ портретовъ, особенно на словахъ; потому и не смѣю взять на себя описанія такой красавицы. Что же касается до ея ума и любезности, продолжалъ онъ *запинаясь,* то я еще такъ мало знаю Агафью Ивановну...

Вотъ именно языкъ «большаго свѣта»!..

Но «запинка» не долго продолжалась со стороны идеальнаго кирасира: кто-то усомнился въ красотѣ Агаты,—и Марлинъ воскликнулъ:

— Леновская прелестна—какъ любовь въ первыхъ мечтахъ юности, какъ робкое желанье, озаренное яркими, алмазными лучами надежды! Ея красота пышнѣе, роскошнѣе всего, что можетъ выразить это слово, для нея—всякое сравненіе нѣмо и мертво! При первомъ взглядѣ на чудную дѣвушку, Рафаэлевы мадонны перестаютъ казаться идеалами; но когда взглянешь на нее въ другой разъ, когда встрѣтишь ея чарующій взоръ, невольно усомнишься въ ея земномъ существованіи и душа рвется спросить у милаго видѣнья *звучнымъ* словомъ Байрона: «откуда ты?»

Владиміръ говорилъ, будто понуждаемый невольнымъ чувствомъ удивленія; но, высказавъ свое мнѣніе, вызванное только ошибочнымъ перетолкованіемъ его движенія, онъ неожиданно замолкъ и лице его снова приняло прежнее, задумчивое выраженіе.

Это—изволите видѣть *большой свѣтъ!* Такъ описываютъ большой свѣтъ тѣ, которые знаютъ его только по повѣстямъ Марлинскаго...

Характеровъ въ этомъ романѣ нѣтъ: въ немъ все призраки, которые говорятъ длинно, утомительно, надуто и плоско. Самъ Марлинъ, что называется—просто глупъ, и слава Богу; его высокопарная дичь явно заимствована изъ «Милорда Англинскаго» и «Гуака, или Непреоборимая Вѣрность». Агата... но мы объ ней не скажемъ ни слова, изъ уваженія къ ея твердой рѣшимости слыть глупою и, въ оправданіе этой благородной рѣшимости, выпишемъ нѣсколько словъ изъ ея писемъ:

„Я сейчасъ изъ Александринскаго театра..... Я видѣла M-me Allan въ трогательной роли la lectrice... Исполненіе прекрасно, я была въ восхищеніи, плакала, но не забывала, что я въ театрѣ и что она актриса,—впрочемъ(,) кажется(,) актриса замѣчательная и любимая публикою“.

Конечно, не рѣшившись твердо играть роль глупой, нельзя восхищаться, плакать отъ игры артиста, и въ то же время не забыть, что онъ актёръ?.. Еще менѣе нельзя говорить холодно, предположительнымъ тономъ, что г-жа Аллань, *кажется*, актриса замѣчательная и любимая публикою... Но смѣшнѣе и каррикурнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа—Петръ Александровичъ Смѣльскій, на которомъ авторъ хотѣлъ показать опытъ своего комическаго дарованія. Если прочія лица надуты и натянуты, то лицо Смѣльскаго плоско и тривьяльно, тогда-какъ авторъ явно силился сдѣлать изъ него умнаго, милаго и достолюбезнаго чудака.—«Но я не хочу ее любить!»—говоритъ Марлинъ Смѣльскому.—«Не хочешь? вотъ это новость? Давно ли въ твоей поэтической, художнической *башкѣ* слова: *любовь* и *воля* стали ходить въ одной упряжкѣ? Ты не хочешь ее любить, прошу покорно! За что же такія немилости?»—Такъ отвѣчалъ Смѣльскій Марлину.

Только не желая распространяться о пустякахъ, не приводимъ изъ этого романа примѣровъ приторной дружбы, сладенькой любви, пряничной сантиментальности и другихъ подобныхъ жалкихъ чувствованьицъ. Но, вмѣсто этого, приведемъ нѣсколько примѣровъ романическаго слога г. Фанъ-Дима: «побѣдительнымъ роемъ остротъ и оригинальныхъ шутокъ ослѣпить общее мнѣніе и увлечь его за собою»;—«посовѣтую ему залить шампанскимъ свои сухіе вздохи, и, съ доброй подорожной проклятій, отправить къ черту свою глупую страсть»;—«за явнымъ отказомъ автора живописать интересную красавицу, вамъ, любезный читатель, остается осѣдлать ваше воображеніе, и ѣхать на немъ отыскивать оригиналъ нашей героини(,) или другую красавицу, столь же совершенную: итакъ, ногу въ стремя, скокъ на сѣдло, счастливый путь, мой читатель...»;—«авторъ владѣетъ внимательнымъ слухомъ: онъ слышитъ даже быструю рѣчь воображенія (?), нѣмой говоръ сердца или шопотъ таинственный души (??), такъ же ясно, какъ громкій перебой рѣчей гостиной, какъ звонкую трещотку людскихъ мнѣній, или *гласную тревогу* поэтическаго восторга...»;—«въ груди ея горѣлъ жаръ тропиковъ»;—«самыя высокія идеи являлись въ разговорахъ его естественно(,) мило, безъ малѣйшей натяжки, не на ходуляхъ напыщеннаго романтизма, но на двухъ здоровыхъ ногахъ образованнаго здраваго смысла»;—«сердце женщины, а тѣмъ болѣе умной, образованной и наклонной къ мечтательности, есть горнило, въ которомъ закаляется часто будущность человѣка и всегда опредѣляются настоящія границы способностей и достоинствъ его»;—«разговоръ съ Смѣльскимъ вспѣнилъ ея чувства надеждой»;—«когда же напротивъ въ фантастическомъ эскадронѣ думъ Владиміра все обстояло благополучно»;—«дума человѣческая—такая же бездна, когда въ ней заволнуютъ волны злобствующей ревности»;—«Владиміръ Марлинъ сдѣлался *чудо какой милочка*»... Но довольно—всего не перечтешь и не выпишешь...

Подражая такъ каррикатурно Марлинскому въ слогѣ, г. Фанъ-Димъ къ сожалѣнію, не подражаетъ ему въ правильности языка: въ «Двухъ Призра-

кахъ» часто попадаются галлицизмы, въ родѣ слѣдующаго: «Но увидѣвъ новаго человѣка, лицо его потеряло выраженіе особеннаго удовольствія (ч. I стр. 178), и пр.

Въ заключеніе, должно сказать, что «Два Призрака» наполнены множествомъ разсужденій, изъ которыхъ иныя обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка умнаго и образованнаго; но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываютъ, что умъ и начитанность, при отсутствіи эстетическаго чувства, вкуса и творческой изобрѣтательности, при незнаніи сердца человѣческаго и современной дѣйствительности, никого не могутъ сдѣлать романистомъ и поэтомъ [101])...

*597. **Альманахъ** въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго Университета, изданный *Я. Гротомъ*. Гельсингфорсъ. Въ тип. вдовы Симеліусъ, 1842. Въ 8-ю д. л. 303 стр. (Цѣна 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р. сер.) [102]).

Заглавіе этой книги само говоритъ о причинѣ и цѣли ея явленія,—и потому мы прямо приступимъ къ разсмотрѣнію составляющихъ ее статей.

Первая статья «Воспоминанія Александровскаго Университета», принадлежитъ самому издателю и содержитъ въ себѣ подробную исторію финляндскаго святилища наукъ. Абоскій Университетъ основанъ 1640 года, 14 іюля, слѣдовательно, существуетъ слишкомъ 200 лѣтъ и потому—старѣйшій университетъ въ Россійской Имперіи, послѣ Дерптскаго, который основанъ въ 1632 году, но былъ закрытъ съ 1710 по 1719 годъ. Еще Густавъ-Адольфъ думалъ объ основаніи университета въ Финляндіи; но тридцатилѣтняя война помѣшала ему въ этомъ, и онъ успѣлъ только обратить старинную абоскую школу въ гимназію. Вотъ эта-то гимназія и была обращена королевою Христиною въ университетъ по старанію графа Браге, губернатора Финляндіи. Въ обнародованной по сему случаю королевской граммотѣ, между прочимъ, излагается, на старинномъ шведкомъ языкѣ, какъ «во всѣ времена міра признавалось, что школы и академіи, подобны разсадникамъ и растилищамъ, гдѣ изъ книжныхъ искусствъ добрые нравы и добродѣтели свое первое происхожденіе извлекаютъ» и какъ «въ прежнія времена не только язычники крайне заботились объ основаніи и учрежденіи такихъ школъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было какое-нибудь понятіе и свѣдѣніе о Богѣ, всегда о томъ же пеклись; особливо съ-тѣхъ-поръ, какъ христіанство стало озарять вселенную, начали разные христіанскіе короли и регенты не менѣе прилагать величайшее стараніе»... и пр. Потомъ говорится, что по столькимъ полезнымъ примѣрамъ въ чужихъ земляхъ, и въ отечествѣ, а наболѣе по примѣру Густава-Адольфа-Великаго, который между прочимъ возстановилъ академію въ *Упсалѣ* и основалъ новую въ *Дерптѣ*, признается за благо «къ чести и украшенію нашего Великаго Княжества Финляндскаго» учредить въ Або, вмѣсто гимназіи «academiam или университетъ». Далѣе,

предоставляются новому учрежденію тѣ же права и преимущества, какими пользуется Академія Упсальская, и повелѣвается всѣмъ уважать по достоинству «реченный нашъ Абоскій Университетъ, какъ мастерскую добродѣтелей и свободныхъ книжныхъ искусствъ». Открытіе университета было религіозно-патріотическимъ торжествомъ всего края, для всѣхъ сословій, и было совершено со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ. На другой день, въ главной аудиторіи была разъиграна студентами нравоучительная комедія «Студенты», которая была принята съ восторгомъ многочисленною толпою зрителей и зрительницъ, и въ которой доказывалось, какъ «нѣкоторые родители зѣло скупо снабжаютъ деньгами своихъ сыновей, кои обыкновенно и становятся прилежны; а другіе снабжаютъ ихъ всѣмъ, чего ни потребуютъ, чрезъ каковую неразсудительную щедрость сыновья становятся нерадивы, ослушны и негодны, какъ нѣкіе юноши предаются роскоши, игрѣ и другимъ порокамъ, и становятся развратны; другіе же прилежатъ наукамъ, добродѣтели и страху Божію, и становятся достохвальными и превыспренними мужами». Новооткрытую академію стали называть Абоскою, Ауранческою (по рѣкѣ Аурѣ, при которой стоитъ Або), Христининскою. Она заняла каменный двухэтажный домъ, гдѣ была гимназія, и все помѣщеніе состояло изъ пяти комнатъ, въ которыхъ зимою было невыносимо-холодно.

На содержаніе университета первоначально назначено было только 6125 серебряныхъ талеровъ, часть которыхъ выплачивалась изъ Абоскаго Казначейства, а остальная—натурою, т. е. хлѣбомъ, сѣномъ и пр. Профессоровъ первоначально было 11, изъ которыхъ только два Финна, а прочіе—Шведы; студентовъ 44, изъ которыхъ только 8 было Финновъ. Любопытно распредѣленіе предметовъ по философскому факультету, въ которомъ было 6 кафедръ: *политики и исторіи* (politices et historiarum), *грѣческаго* и *еврейскаго языковъ* (linguarum hebrææ et græcæ), *математики* (mathematum). *физики* и *ботаники* (physices botanices), *логики* и *поэзіи* (logices et poeseos), *краснорѣчія* (eloquentiæ, куда собственно относилась только латинская литература). Не прошло года, какъ число учащихся возросло до 300 Лекціи читались на латинскомъ языкѣ. Въ 1643 году университетъ уже назначилъ промоцію, или возведеніе студентовъ на степень *магистровъ*. Отъ высшаго начальства послѣдовало строжайшее предписаніе возводить въ эту степень только самыхъ достойнѣйшихъ. Объ одномъ студентѣ при этомъ случаѣ постановлено было, что такъ какъ онъ «in vita et moribus (по поведенію) грубоватъ, хотя впрочемъ ученая персона», то и позволить ему только держать преніе на степень, но не промовировать его. Объ одномъ магистрѣ, dominus Torpensis, сказано въ протоколѣ консисторіи (универс. совѣта): «Неблагопристойно, что онъ въ разныхъ мѣстахъ сватается, почему per occasionem и замѣтить ему, чтобы онъ впредь не такъ часто, какъ доселѣ, пѣлъ свои пѣсни и вирши; онѣ ни ему, ни академіи никакой похвалы не приносятъ». Также, какъ черту тогдашнихъ нравовъ, приводимъ резолюцію, приложенную при промоціи: «Поелику оный *Сигфридусъ* къ отвѣту не готовъ, то философскому факультету

потребовать, чтобъ онъ еще 3 года пробылъ здѣсь при академіи и учился прилежно. Впрочемъ, означенный Dr. S. можетъ тотчасъ послѣ промоціи отправиться куда-нибудь въ Швецію, *гдѣ бы его слабость in studiis не могла обнаружиться къ посрамленію сей академіи*».

Но разительнѣйшую черту вѣка представляетъ осужденіе на смерть одного студента, Эоленіуса, за *колдовство*, въ 1661 г. Въ числѣ обвиненій были и его быстрые успѣхи въ латинскомъ и восточныхъ языкахъ, красивый почеркъ, и легкость, съ какою другой студентъ выучился у него латинскому языку. Быть бы бѣдному на кострѣ, еслибъ не вступился за него Браге, не нашедшій достаточныхъ причинъ къ осужденію Эоленіуса, и велѣвшій зачесть ему въ наказаніе долговременное заключеніе въ карцерѣ. Подобный же случай былъ въ 1670 году. У студента Гуннеруса, въ Ревелѣ, нашли тетрадь, въ которую онъ, бывши еще въ Або, выписалъ откуда-то нелѣпыя правила о томъ, какъ посредствомъ союза съ нечистымъ духомъ сдѣлаться вдругъ ученымъ, и т. п. По возвращеніи въ Або, онъ за это былъ присужденъ къ тюремному заключенію, къ покаянію и удаленію навсегда изъ университета. Самъ тогдашній проканцлеръ Гецеліусъ старшій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, участвовалъ въ этомъ рѣшеніи; но и оно, по жалобѣ обвиненнаго, было уничтожено графомъ Браге. Этотъ замѣчательный человѣкъ, стоявшій выше своего грубаго вѣка, до самой смерти своей, слишкомъ сорокъ лѣтъ былъ покровителемъ Абоскаго Университета.

Изъ нашихъ сокращенныхъ выписокъ читатели могутъ видѣть, какъ интересна статья г. Грота; не желая разстаться съ нею такъ скоро, выписываемъ вполнѣ слѣдующее мѣсто:

«Но ничто такъ не показываетъ грубости тогдашнихъ нравовъ, даже въ самыхъ школахъ, какъ обычай, извѣстный подъ именемъ *депозиціи*. На молодыхъ людей, хотѣвшихъ поступить въ Университетъ, надѣвали платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, черный плащъ, шапку съ ослиными ушами и съ рогами. Потомъ, начернивъ лицо ихъ и въ каждый уголъ рта вставивъ имъ по длинному свиному клыку, депозиторъ—такъ назывался особый человѣкъ—съ огромной аллебардой въ рукѣ, гналъ ихъ, какъ стадо, въ университетскую залу, гдѣ ихъ ожидало многочисленное общество. Тамъ они становились въ кружокъ около своего пастыря: онъ начиналъ выравнивать и мѣрить ихъ своею аллебардой, корчить передъ ними лицо, присѣдать, смѣяться надъ ихъ маскарадомъ. Потомъ произносилъ онъ рѣчь, доказывалъ по-своему необходимость воспитанія и, задавая разные вопросы, слегка ударялъ новичковъ, когда клыки мѣшали имъ отвѣчать; особыми щипцами схватывалъ ихъ за горло, валялъ на полъ; клыки ихъ, роги и уши сравнивалъ съ пороками, невѣжествомъ и глупостью. Вырывая послѣ эти украшенія, говорилъ, что такъ точно науки должны истреблять въ нихъ все дурное. Еще вынималъ онъ изъ особаго мѣшка стругъ, приказывалъ имъ ложиться по очереди на полъ, стругалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ и дѣйствіе это уподоблялъ дѣйствію ученія на душу. Слѣдовали разныя другія церемоніи въ томъ же родѣ, послѣ чего онъ окачивалъ своихъ мучениковъ цѣлымъ ведромъ воды и вытиралъ имъ лицо жесткой тряпкой. Тутъ онъ провозглашалъ ихъ *свободными студен-*

тами академіи; но съ тѣмъ, чтобъ они еще 6 мѣсяцевъ ходили въ своихъ черныхъ плащахъ и прислуживали старымъ студентамъ съ безусловною покорностью. Служба эта называлась *пенализмомъ* и до послѣднихъ временъ сохранилась въ нѣкоторой степени при Абоскомъ Университетѣ. Должность же депозитора было уничтожена еще въ исходѣ 17-го столѣтія (постановленіемъ 25 ноября 1691 г.). До того времени она поручалась обыкновенно какому-нибудь магистру, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Депозиторъ содержался на иждивеніи студентовъ. Консисторія должна была напоминать ему, чтобы онъ обращался съ ними порядочно и пристойно".

„Другимъ обычаемъ того времени было представленіе въ Университетъ комедій при торжественныхъ случаяхъ: актерами были студенты, игравшіе подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ. Этотъ обычай перешелъ въ Або изъ Упсалы, куда занесенъ былъ изъ школъ іезуитскихъ.

.Какъ черту, характеризующую вѣкъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ опредѣленій университетской консисторіи отъ 1642 года. „На ректорскихъ угощеніяхъ (т. е. обѣдахъ, даваемыхъ новыми ректорами) должно подавать 6 ординарныхъ блюдъ, не считая масла, хлѣба и окорока; послѣ обѣда не разносить конфектъ, а развѣ только сыръ. И надлежитъ ректору подавать хорошее финское пиво и немного французскаго пива" и т. п. Потомъ исчислены почетные чины, которые ректоръ долженъ торжественно приглашать; „что касается до типографщика, книгопродавца и переплетчика, то ректоръ можетъ приглашать ихъ черезъ своего собственнаго слугу, если заблагоразсудитъ". Сверхъ того дозволяется ректору позвать одного изъ двухъ добрыхъ пріятелей или родственниковъ и тѣхъ изъ студентовъ, которые при торжествѣ участвовали въ музыкѣ. Женщинъ отнюдь не велѣно приглашать, ни даже женъ профессоровъ или другихъ гостей, и подъ опасеніемъ штрафа запрещено пировать до другого дня.

Также подробно и также интересно разсказываетъ г. Гротъ и дальнѣйшую исторію Абоскаго Университета до незабвеннаго дня $^{4}/_{16}$ іюня 1808 года, когда Высочайшимъ рескриптомъ на имя проканцлера, епископа Тенгстрема, Императоръ Александръ утвердилъ «силу всѣхъ правъ и преимуществъ, Абоскому Университету присвоенныхъ», и когда богатыя милости высокаго ревнителя просвѣщенія дали этому учрежденію новую силу и новую жизнь. 1-го апрѣля 1809 г. Або былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Благословеннаго, а на другой день и Абоскій Университетъ. «Мы едва вѣрили глазамъ своимъ» говоритъ профессоръ Лагусъ: «когда этотъ гиперборейскій Атлантъ, презирая непастье, верхомъ въѣхалъ въ городъ почти безъ свиты: всѣмъ вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, кланялся онъ съ необычайно радостною привѣтливостью. Допущенные въ присутствіе Монарха, не могли мы надивиться чудной сладости его рѣчи, милостивому и плѣнительному его обращенію и всѣмъ высокимъ украшеніямъ души его. Какъ блистательно явилъ онъ ихъ, бывъ въ этомъ святилищѣ музъ 2 апрѣля 1809 года! съ какимъ вниманіемъ все разсматривалъ, съ какою чрезвычайною кротостью въ выраженіяхъ принялъ онъ благоговѣйное привѣтствіе Каменъ, при чемъ—повѣрятъ ли потомки?—*стоялъ* передъ тономъ, для него приготовленнымъ!» Канцлеромъ университета былъ назначенъ сперва М. М. Сперанскій, потомъ графъ Армфельтъ, по смерти котораго вы-

боръ палъ на графа Н. Н. Румянцева; но какъ онъ отказался отъ предлагаемой ему должности, то университетъ осмѣлился повергнуть къ престолу всеподданнѣйшую просьбу, не удостоитъ ли великодушный Монархъ и его, по примѣру Упсальскаго и Лундскаго Университетовъ, пользовавшихся не разъ счастіемъ состоять подъ управленіемъ членовъ королевскаго дома, подобною милостію, даровавъ ему канцлера въ особѣ Е. И. В. Государя Великаго Князя Николая Павловича. Императоръ съ свойственнымъ благодушіемъ снисшелъ на просьбу университета, въ канцеляріи котораго теперь хранится одинъ драгоцѣнный актъ, писанный по французски—рескриптъ Великаго Князя на имя членовъ университета... Любопытные могутъ прочесть его въ статьѣ г. Грота.

Такъ, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, обогащенный во всѣхъ отношеніяхъ, университетъ сей началъ въ новыхъ стѣнахъ и жизнь въ полномъ смыслѣ новую. Въ-теченіи 9-ти лѣтъ слишкомъ, онъ, подъ отеческимъ управленіемъ Его Высочества, спокойно наслаждался плодами щедротъ Александра, и посреди постоянныхъ успѣховъ, признательно благословлялъ имена своихъ державныхъ покровителей. Неожиданная кончина обожаемаго Государя поразила музъ Ауры глубокою печалью; но могли ли слезы ихъ не осушиться, когда другой августѣйшій хранитель ихъ, воспріявъ державу, назначилъ канцлеромъ Абоскаго Университета своего первороднаго сына и наслѣдника, Государя и Великаго Князя Александра Николаевича? [103]).

1827 года, 4 сентября н. с., городъ Або жестоко пострадалъ отъ сильнаго пожара; въ числѣ другихъ общественныхъ зданій, сгорѣлъ и университетъ, съ своею библіотекою; но щедротами благополучно царствующаго нынѣ Императора подобно фениксу изъ пепла снова возродился къ большему еще противу прежняго благосостоянію. Манифестомъ $^{9}/_{21}$ октября 1824 г., Высочайше повелѣно, чтобы Финляндскій Университетъ, для тѣснѣйшаго соединенія съ верховными правительственными мѣстами края, переведенъ былъ въ Гельсингфорсь, и въ память своего незабвеннаго благотворителя, впредь назывался «Александровскимъ». Октября 1, 1832 года были торжественно открыты лекціи уже въ новомъ зданіи Гельсингфорса. Отовсюду университетъ получалъ пособія. Особенно трогателенъ и замѣчателенъ, какъ признакъ образованности, развитой и въ низшемъ сословіи Финляндцевъ, былъ даръ, присланный университету *крестьянами* одного прихода (Вихтисъ, въ Ниландской губерніи): даръ этотъ состоялъ въ 50-ти бочкахъ ржи, которыя университету предоставлялось употребить по его благоусмотрѣнію...

Студентовъ, посѣщавшихъ Финляндскій Университетъ отъ 1640 по 1840 годъ, было 15,763. Изъ этого числа, къ первому столѣтію относится 6,684 человѣка, ко второму 9,079.

1840 года, іюля $^{3}/_{15}$, Александровскій Университетъ праздновалъ свой *двухсотлѣтній* юбилей, который былъ торжествомъ всей Финляндіи. Въ статьѣ г. Грота, любопытные найдутъ всѣ подробности этого торжества.

Вторая статья въ альманахѣ г. Грота, есть «Путешествіе на юбилей 1840

года» — большое стихотвореніе (стр. 117 — 132), знаменитаго финляндскаго поэта Францѣна. Оно отличается общими качествами всѣхъ, писанныхъ на торжественные случаи стихотвореній.

«Финляндія въ русской поэзіи», письмо къ Цигнеусу г. Плетнева, замѣчательно, какъ фактъ, до какой степени Финляндія имѣла вліяніе на вдохновеніе нашихъ поэтовъ.

«Нѣсколько дней въ Лапландіи»—въ высшей степени любопытная статья г. Кастрена, доцента финскаго и древнихъ сѣверныхъ языковъ при Александровскомъ Университетѣ. Г. Кастренъ не разъ путешествовалъ по разнымъ областямъ Финляндіи, собирая памятники народной финской словесности. Главный трудъ г. Кастрена есть шведскій переводъ въ стихахъ большой финской поэмы «Калевала».

«Необойденный Домъ»—повѣсть князя Одоевскаго, прекрасно разсказанная.

«О національномъ характерѣ Финновъ» — чрезвычайно-любопытная статья г. Эмина, лектора исторіи при гимназіи въ Борго, и издателя литературнаго листка.

«Макбетъ христіанская ли трагедія?» статья г. Рунеберга, не обличающая въ авторѣ особеннаго критическаго такта, или современныхъ понятій объ искусствѣ.

«О литературной совѣстливости»—письмо къ Рунебергу графа Соллогуба, содержаніемъ и изложеніемъ своимъ не совсѣмъ напоминаетъ даровитаго автора «Исторіи Двухъ Калошъ», «Тарантаса» и «Аптекарши». Немного странны могутъ показаться эти нападки на журналистику и на французскую литературу, какъ-будто отъ нихъ гибнетъ міръ?.. Гдѣ люди, тамъ и зло; но гдѣ люди, тамъ же и добро: вольно же, видя одно, не указывать на другое?.. И какъ сравнить Парижъ съ Або? Въ послѣднемъ не удивительна чистота нравовъ и безкорыстіе ученой и литературвой дѣятельности: въ этомъ маленькомъ свѣтломъ ручейкѣ нѣтъ подводныхъ камней, на немъ не бываетъ бурь и урагановъ,—плыви-себѣ, ничего не бойся, ничѣмъ не соблазняйся, созерцая бѣдную, но величавую природу и погружаясь во внутрь святилища души своей... Парижъ—море, океанъ; но тамъ-то и слава смѣлому пловцу, презирающему и ярость волнъ и губительную твердость подводныхъ камней. А такіе отважные пловцы только и бываютъ, что на большихъ моряхъ... Немного странна и, признаться, немного смѣла мысль — изрекать анаѳему на цѣлый народъ, и объявлять его никуда негоднымъ...[104]). Пора бы оставить намъ выходки на цѣлыя націи, вмѣстѣ съ оставленными выходками противъ моднаго платья, французскаго языка, баловъ и танцевъ: все это не худо бы предоставить моральнымъ и бездарнымъ романистамъ... Деньги — вотъ зло въ литературѣ! — кричатъ всѣ. Да помилуйте, кто же можетъ существовать безъ денегъ, или кто захочетъ трудиться безъ вознагражденія?

Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать!

справедливо сказалъ Пушкинъ[105]). Торгуетъ своими трудами только посредственность; истинный талантъ не почтетъ для себя унизительнымъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почтетъ низостію писать для денегъ. Нѣтъ, и у насъ есть благородные дѣйствователи, отрадныя исключенія изъ общаго правила. Ссылаемся въ этомъ на самого графа Соллогуба, который, вѣроятно, самъ знаетъ не двухъ, не трехъ изъ нихъ... Тоже и въ журналистикѣ: это «Отеч. Записки» могутъ сказать смѣло, гордо и не краснѣя...

Но не съ одной этой стороны мы не согласны съ статьею графа Соллогуба: мы думаемъ также, что онъ не совсѣмъ опредѣлительно характеризуетъ русскихъ писателей:

Передъ нами Державинъ съ своимъ мощнымъ стихомъ, Крыловъ съ народными баснями, Карамзинъ съ совѣстливыми и прекрасными трудами, Пушкинъ, пылающій страстію и остроуміемъ (*и только?..*), Жуковскій, докторъ нашего университета, гремящій о славѣ русскаго величія на кровавомъ полѣ бородинской битвы. Вотъ имена, которыя мы произносимъ съ гордостью... а за ними имена Батюшкова, Веневитинова, Козлова, Языкова, Гоголя, Хомякова...»

Впрочемъ, если мы и «нападаемъ» на статью графа Соллогуба, то нападаемъ только на сущность ея, на содержаніе, а не на небрежности въ языкѣ: это предоставляемъ мы на разживу нищей братіи; только ея терпѣнію сродно высчитывать опечатки и мелкія обмолвки противъ грамматики, которую она такъ «твердо выучила». Судить о содержаніи она не въ силахъ: еслижь когда и пріймется, то наскажетъ такихъ диковинокъ, что досыта нахохочешься: ей, на-примѣръ, вдругъ покажется, что повѣсти Нарѣжнаго во сто кратъ лучше повѣстей Гоголя (дался ей этотъ Гоголь!), что въ повѣстяхъ Гоголя нѣтъ философскаго взгляда на свѣтъ (эти господа не шутя хлопочутъ о философскихъ взглядахъ!..), нѣтъ познанія сердца человѣческаго, и, наконецъ, что князь Одоевскій и графъ Соллогубъ выше Гоголя, какъ Чимбарасо выше Пулковской горы... Избави насъ Богъ вступать въ споры съ этими господами о дѣлѣ вкуса, котораго имъ не далъ Богъ: но зачѣмъ же они ставятъ князя Одоевскаго и графа Соллогуба ниже даже Булгарина и Греча, и объявляютъ, что оба означенные литератора не умѣютъ писать, не знаютъ языка и грамматики (если грамматики г.Греча—такъ правда; да кто же ее и знаетъ кромѣ самого «почтеннаго» ея автора?)?.. Что все это доказываетъ?—То, что гдѣ есть литераторы, тамъ есть и «сочинители», гдѣ люди, тамъ и разныя насѣкомыя, созданныя только для того, чтобъ жужжать и надоѣдать людямъ, которые то-и-дѣло прихлопываютъ ихъ...

«Нынѣшніе крестьяне-поэты Финляндіи» —прелюбопытная статья г. Ленрота: провинціальнаго врача въ Каяцѣ. Г. Ленротъ — ревностный собиратель финскихъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ и т. п. Онъ обошелъ нѣкоторыя части Финляндіи пѣшкомъ, и важнѣйшими плодами его странствованій были: «Кантелетаръ» (Дочь Арфы), огромное собраніе отдѣльныхъ пѣсенъ, и «Калевала»

(Финляндія), 32 большія пѣсни, составляющія, по открытію, одно цѣлое, родъ эпической поэмы.

Вообще, любопытнѣйшія статьи въ альманахѣ г. Грота суть тѣ, которыя непосредственно относятся къ Финляндіи.

*598. **Маранны**, историческая повѣсть *Людвига Филипсона*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Бернардъ Бертензонъ*. Одесса. Въ городской типографіи. 1842. Въ 12-ю д. л. 269 стр: (Цѣна 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к. сер.)[106]).

Это одно изъ тѣхъ бельлетрическихъ произведеній, которыхъ въ многопишущей и много-читающей Германіи цѣлыя сотни тысячъ, которыя тамъ печатаются для удовольствія самихъ сочинителей, но не читаются публикою, и которыя иногда переводятся на русскій языкъ неопытными юношами, употребляющими на нихъ свое знаніе нѣмецкаго языка и свободное время. *Маранны*—испанскіе евреи, которые по принужденію приняли христіанскую вѣру, втайнѣ исповѣдуя свою, за что благочестивымъ и ревностнымъ испанскимъ духовенствомъ и были преданы аутодафэ, въ XV столѣтіи, при Фердинандѣ-Католикѣ. Къ этому обстоятельству авторъ, г. Филипсонъ, присоединилъ взятіе Гренады,—и изъ толпы образовъ безъ лицъ, изъ множества реторическихъ рѣчей, несвойственныхъ говорящимъ, составилъ повѣсть немного похуже флоріанова «Гонзальва Кордуанскаго» и немного-получше «Георга, милорда Англійскаго». Что касается до перевода, онъ довольно-хорошъ, жаль только, что трудъ переводчика потраченъ неумѣстно; въ особенности же переводъ замѣчателенъ тѣмъ, что принадлежитъ бывшему воспитаннику еврейскаго училища въ Одессѣ, и служитъ образцомъ того старанія, съ какимъ молодые люди изъ Евреевъ усвоиваютъ себѣ языкъ русскій.

*599. **Русскій Патріотъ.** Отечественное пѣснопѣніе. Въ типографіи Карла Крайя. 1842. Въ 8-ю д. л. 24 стр.[107]).

Неизвѣстный «пѣснопѣвецъ», настроивъ свою лиру на классическій ладъ, такъ взываетъ къ Россіи:

Не пасынокъ—твой сынъ, слуга не лицемѣрный,
Дерзаетъ пѣть тебя, и думу думать вслухъ.

Чувство любви къ отечеству—благородное и возвышенное чувство; но оно должно высказываться не въ плохихъ виршахъ, и такъ какъ хорошая цѣль не оправдываетъ дурного выполненія,—то мы и совѣтовали бы неизвѣстному «отечественному пѣснопѣвцу» заняться лучше сочиненіемъ протоколовъ и отношеній, чѣмъ терзать слухъ своихъ соотечественниковъ стихотворною нескладицею, въ родѣ слѣдующей:

Россіи *каждый* дворянинъ
Благими *красится* дѣлами,
Родные чувствами, сердцами
Вельможа, воинъ, гражданинъ.
Вмѣщая въ сердцѣ правоту,
Нося санъ званія священный (!?),
Боярин русскій просвѣщенный,
Презрѣвъ надменность, суету—
Для общей пользы и для благъ,
Трудовъ и жизни не жалѣя,
Къ царю душою пламенѣя,—
Добромъ свой измѣряетъ шагъ,
Не для себя, не для родни,
Но жатву Россамъ собираетъ.
Боярин русскій просвѣщенъ;
Въ душѣ и въ чувствахъ благороденъ;
Ползти, склоняться въ прахъ несроденъ,
И нѣгою не пресыщенъ;
Умѣренъ въ жизни средь *довольствъ*.
Врагъ роскоши пустой, *мятежной;*
Супругъ, отецъ въ семействѣ нѣжный,
И другъ радушья, хлѣбосольствъ,

Читая подобныя нелѣпости, поневолѣ вспомнишь о «Петріадахъ» «Александріядахъ» и другихъ «идахъ», «ядахъ» и «адахъ»; а вспомнивъ о нихъ, невольно вспомнишь стихъ изъ комедіи Грибоѣдова:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

***603. Гуакъ**, или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть. Изданіе второе. Спб. Въ типографіи А. Сычева. 1842. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-ой—115, во II-ой—101 стр. [102]).

Глупая сказка въ родѣ «Георга Милорда Англинскаго». Какъ жаль, что наши грамотные простолюдины не могутъ ни чѣмъ лучше удовлетворять свою охоту къ чтенію! Языкъ, правописаніе, бумага, печать—все въ «Гуакѣ» соотвѣтствуетъ нелѣпости и пошлости содержанія и вполнѣ оправдываетъ назначеніе типографіи г. Сычева.

***601. Сказка о Мельникѣ (-) Колдунѣ, о Хлопотливой Старухѣ(,) о Жидкахъ и Батракахъ.** Соч. *Е. Алипанова*. Изданіе второе. Въ типографіи Е. Алипанова. Въ 32-ю д. л. 59 стр. [109]).

Если правда, что эта книжонка напечатана вторымъ изданіемъ,—то по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ «Гуакъ или непреоборимая вѣрность»

достигъ второго изданія. Алипановъ смышлёный русскій мужичекъ, разсудившій, что авторство ему сподручнѣе хлѣбопашества, а перо легче сохи и бороны,— и вотъ, настроивъ свой волосяной гудокъ, нашъ мужичекъ поетъ православному люду:

Въ подмосковной деревнюшкѣ,
Въ свѣтлой, новенькой избушкѣ,
Жилъ, былъ мельникъ чудородъ,
А по имени Ѳедотъ.
Съ молодыхъ лѣтъ до морщины,
Не знавалъ Ѳедотъ кручины;
Съ пѣсней рожь, овесъ мололъ,
Попѣвая, за помолъ
Бралъ онъ денежки съ народу,
Шёлъ, закинувъ сѣти въ воду;
За ничто считавъ ершей,
Щукъ ловилъ, да карасей;
Ѣлъ ушицу, *пилъ до поту:*
То-то жизнь была Ѳедоту!

Въ-самомъ дѣлѣ, этотъ Ѳедотъ былъ мужикъ не глупый: лучше потѣть надъ ухою, чѣмъ надъ плохими виршами, плоскими и грязными сказками.

***602. Петръ Великій**, историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго *П. Ободовскимъ* и положенная на музыку *Л. Фуксомъ*. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 16 стр.[110]).

Эта книжечка издана на двухъ языкахъ — нѣмецкомъ и русскомъ. Авторъ нѣмецкихъ стиховъ неизвѣстенъ; ихъ передѣлалъ на русскій ладъ—г. Ободовскій, переводчикъ тысячи-одной нѣмецкой драмы, которыя обыкновенно съ такимъ шумомъ даются въ Александринскомъ Театрѣ, и которыя ровно ничего не значатъ для драматической литературы. Ораторія была исполнена недавно въ концертѣ здѣшняго Филантропическаго Общества; мы ничего не слыхали о музыкальномъ ея достоинствѣ, но душевно желаемъ, чтобъ музыка произвела благопріятнѣйшее впечатлѣніе на публику, нежели то, какое производятъ стихи ея. Не худо бы помнить гг-мъ стихотворцамъ, работающимъ надъ оперными и ораторными либретто, что не все то поэзія, что̀ укладывается въ размѣръ и завостряется рифмами. Въ стихахъ г. Ободовскаго есть такія диковинки, что Боже упаси!

*603. **Часы выздоровленія** (,) стихотворенія *А. Полежаева.* Москва. 1842.

Стихотворенія А. Полежаева. Москва. 1832.

Кальянъ. Стихотворенія *Александра Полежаева.* Москва. 1838. (Изданіе третье).

Арфа. Стихотворенія *Александра Полежаева.* Москва. 1838.[111]).

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!..

А. Полежаевъ.

Первая изъ книгъ, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ этой статьи заключаетъ въ себѣ оборышъ стихотвореній талантливаго Полежаева и не заслуживаетъ никакого вниманія. Это явно или—спекуляція на имя, или слѣдствіе необдуманнаго дружескаго усердія къ покойному автору. Тѣмъ не менѣе мы рады появленію этой книжки, потому-что она даетъ намъ удобный случай поговорить о Полежаевѣ, какъ о поэтѣ вообще, и сдѣлать критическую оцѣнку всей его поэтической дѣятельности.

Слава дается людямъ геніемъ и не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ отношеній. Противъ нея безсильны предубѣжденія, зависть и злоба. Они даже служатъ ей, стараясь уничтожать ее,—и если имъ удается иногда помрачить ея лучезарный блескъ, то не болѣе, какъ на минуту, и для того только, чтобъ она явилась еще лучезарнѣе: такъ солнце является въ бо́льшемъ блескѣ, когда пройдутъ мимо застилавшія его облака, а они не могутъ же не проходить мимо его! Время всегда на сторонѣ «славы», и, опираясь на него, она торжествуетъ даже надъ самимъ временемъ. Но слава дается однимъ геніямъ,—и какъ между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ есть множество посредствующихъ ступеней и звеньевъ, называемыхъ «талантами» и «дарованіями», такъ и между «славою» и «неизвѣстностью» есть посредствующія величины славы, называемыя большею или меньшею «извѣстностью». Вотъ эти-то таланты и дарованія, эти-то извѣстности болѣе или менѣе и испытываютъ на себѣ вліяніе случайныхъ отношеній и временныхъ обстоятельствъ, ничтожныхъ и безсильныхъ для генія и славы. Нельзя провести рѣзкой черты, отдѣляю-

щей генія отъ таланта, ибо есть таланты, близкіе къ генію, и вообще, подобное разграниченіе окончательно совершается временемъ и вѣками. Въ этомъ вопросѣ, для насъ важно только то, что чѣмъ выше, сильнѣе, многостороннѣе, глубже, словомъ, огромнѣе талантъ,—тѣмъ больше его извѣстность приближается къ славѣ, тѣмъ менѣе могутъ вредить ему случайныя отношенія; и на оборотъ: чѣмъ меньше и одностороннѣе—талантъ, или низшая его степень—дарованіе, тѣмъ больше зависитъ оно не отъ самого-себя, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ особенно-сильно обнаруживается на него въ самое его возникновеніе и развитіе. Часто случается, что совершенно-пустое и ничтожное дарованіе пользуется въ свое время громкою извѣстностію, похожею на славу; а истинный и замѣчательный талантъ проходитъ незамѣченный толпою при жизни, забытый ею по смерти. И когда потокъ времени поглотитъ всѣ случайныя извѣстности и эфемерныя славы, тщетно сталъ бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще-промелькнувшаго таланта: его вновь заслоняютъ вновь-возникшія извѣстности, его слава, его творенія принадлежатъ исключительно его времени, которое прошло для него и безплодно и безвозвратно. Потомство согласится, что онъ былъ выше тѣхъ, которые заслоняли его, но и на немъ не захочетъ остановить своего вниманія такъ-же, какъ и на нихъ. Впрочемъ, нельзя сдѣлать общаго правила изъ такого случая, потому именно, что онъ случай. Часто бываетъ и на оборотъ: часто пальма первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но въ томъ-то и состоитъ зависимость таланта отъ случайности, что онъ также можетъ быть признанъ современниками, какъ и не признанъ ими. Только мировые геніи поставлены внѣ закона этой случайности, ибо не могутъ не быть ни не признанными, ни забытыми.

Конечно, не стоитъ и хлопотать о талантѣ, который умеръ не живя, и котораго имени нельзя воззвать къ жизни. Но этому могутъ противорѣчить два обстоятельства. Во-первыхъ, истина и справедливость сами себѣ цѣль; для нихъ иногда можетъ быть важенъ предметъ болѣе по отношенію къ нимъ-самимъ, чѣмъ къ себѣ-самому. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о такомъ талантѣ, который, будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ послѣ своей смерти, не столько по недостатку въ силѣ, сколько по неразвитости, ложному направленію, или по причинамъ, скрывавшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился: тогда критикѣ стоитъ и очень стоитъ заняться имъ, какъ предметомъ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Къ такимъ-то талантамъ принадлежитъ Полежаевъ, и потому-то мы давно желали найдти случай поговорить о немъ. Теперь много именъ въ нашей литературѣ, пользующихся только прошедшею своею извѣстностью, и на этомъ зыбкомъ основаніи тщетно требующихъ себѣ вниманія равнодушной къ нимъ современности: и однакожь, всѣ они нѣкогда заслоняли собою Полежаева, котораго и теперь не видно изъ-за ихъ поблекшей извѣстности. И какъ имъ было не заслонить его? ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ красиво,

сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора—хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ... Еще въ Москвѣ Полежаевъ пользовался громкою извѣстностію; тамъ и доселѣ не забытъ онъ; но Петербургъ вскользь слышитъ о существованіи его, какъ поэта: теперь же, когда Петербургъ, давно уже центръ администраціи, день-ото-дня болѣе и болѣе дѣлается центромъ умственной и всякой другой дѣятельности Россіи, — теперь и литературная извѣстность въ Россіи, даже въ самой Москвѣ, возможна только черезъ Петербургъ.

Часто случается встрѣтить въ критикахъ и рецензіяхъ мнѣніе, что такой-то поэтъ могъ бы пріобрѣсти себѣ прочную славу, но погубилъ свое дарованіе, увлекшись звономъ рифмы, вычурностію въ выраженіяхъ, и т. п. Справедливо ли такое мнѣніе? —Можетъ-быть, и справедливо, только крайне односторонне, по нашему мнѣнію. Почему Шиллеръ—великій поэтъ?—Потому-что получилъ *отъ природы* великій геній. А почему Шиллеръ не погубилъ своего великаго генія, почему онъ не увлекся звономъ рифмы, вычурностію выраженія?—Потому-что онъ получилъ *отъ природы* великую душу, которая презирала мелочами и стремилась къ одному истинному, великому и вѣчному. Видите ли: здѣсь причина прежде всего въ натурѣ поэта, которая, уже по самой сущности своей, не допустила бы его сбиться съ пути. Но, скажутъ намъ, поэзія Шиллера велика не одною силою художническаго генія, не однимъ пламенемъ любви къ человѣчеству и къ истинѣ, но и мірообъемлющимъ, вѣчно-юнымъ и вѣчноразвивающимся содержаніемъ, котораго только возможность лежала въ его натурѣ, но которое усвоено, развито и обогащено было имъ посредствомъ ученія и неослабнаго стремленія за современными интересами. Такъ; но опять-таки начало всего въ натурѣ поэта, душа котораго вѣчно сгорала жаждою знанія, и сердце котораго вѣчно билось только для идеи. Потомъ, здѣсь причина еще и въ духѣ, жизни и развитіи, словомъ—исторіи народа, среди котораго родился поэтъ, и наконецъ въ историческомъ моментѣ, въ которомъ засталъ поэтъ современное ему человѣчество. Это ужъ не его заслуга—это дѣло судьбы, велѣвшей ему родиться Германцемъ, а не Китайцемъ. Природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется Китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; Китайцы будутъ имъ восхищаться, но Европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ и ничтожнымъ. Но если бы

этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологіи духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ. Содержаніе для поэзіи даетъ поэту жизнь, а не наука: наука только обогащаетъ и развиваетъ это содержаніе. Не изъ книгъ почерпнулъ Шиллеръ свою ненависть къ униженному человѣческому достоинству въ современномъ ему обществѣ: онъ самъ, еще дитятей и юношею, перестрадалъ болѣзнями общества и перенесъ на себѣ тяжкое вліяніе его устарѣлыхъ формъ; наука только познакомила его съ причинами настоящаго, скрывавшимися въ вѣкахъ, уяснила вопросъ и дала сознательное направленіе энергической дѣятельности его могучаго духа. Равнымъ образомъ, не наукою постигъ онъ все великое и истинное въ среднихъ вѣкахъ: наука только уяснила ему этотъ вопросъ, а самый вопросъ возбудила въ немъ жизнь: ибо современная ему цивилизація была результатомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ добромъ и зломъ. Болѣе ощутительно вліяніе науки на Шиллера въ его сочувствіи съ древнимъ міромъ; но и тутъ, корень этого сочувствія скрывался въ исторіи его отечества, связанной съ исторіею Рима, а черезъ нее и съ исторіею Греціи. Предполагаемый нами китайскій геній могъ бы усвоить себѣ только извнѣ европейскую образованность и просвѣщеніе: выростая безъ почвы, она не принесла бы и плодовъ; непонятый соотечественниками, онъ не былъ бы оцѣненъ и Европейцами. Другое дѣло, еслибъ, родившись въ Европѣ, или, перевезенный туда младенцемъ, онъ выросъ и развился въ духѣ и жизни той страны; но и тогда бы онъ могъ быть только поэтомъ этой страны, а отнюдь не китайскимъ поэтомъ.

И такъ, два обстоятельства творятъ великихъ поэтовъ—натура и исторія. Въ-слѣдствіе этого, и величайшій по своей натурѣ и поэтическимъ силамъ поэтъ не можетъ достигнуть въ искусствѣ назначенной ему высоты,—если онъ родился среди народа, котораго національность или лишена міроваго значенія, или еще не развилась до него; въ такомъ случаѣ, онъ можетъ быть ниже не только равныхъ ему, но и низшей натуры и меньшими творческими силами одаренныхъ поэтовъ, которыхъ геній воспитался на почвѣ національности, имѣющей міровое значеніе. При оцѣнкѣ степени достоинства того или другаго поэта, нельзя не брать въ соображеніе этого обстоятельства, если хотите быть справедливыми и многосторонними въ своемъ приговорѣ.

Все сказанное нами относится только къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые столько же принадлежатъ человѣчеству, сколько и своему отечеству, и къ которымъ, по этому, такъ идетъ эпитетъ «міровыхъ». Нельзя не быть великимъ поэтомъ, будучи міровымъ поэтомъ; но можно быть великимъ поэтомъ, не будучи міровымъ поэтомъ: эта разница не въ натурѣ поэта, а въ историческомъ значеніи его отечества. Но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, а слѣдовательно и содержаніе для поэзіи. Только содержаніе можетъ быть истиннымъ мѣриломъ

всякаго поэта—и геніальнаго, и просто даровитаго. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ говорить: «такой-то поэтъ могъ бы быть великимъ, но погубилъ свое дарованіе»,—должно, на основаніи содержанія его поэзіи, показать—сперва: дѣйствительно ли его талантъ былъ великъ, а потомъ: столько ли онъ былъ великъ, чтобы, опираясь на своей силѣ, не могъ сбиться съ настоящаго пути и утратить свою силу. А то говорятъ: «г. N N обѣщалъ много, но увлекся звономъ рифмы—и изъ него не вышло ничего!» Но, милостивые государи! на чемъ же вы основываете, что онъ много обѣщалъ, если такіе пустяки, какъ звонъ рифмы, или вычурность въ выраженіи, могли сбить его съ толку? Не все ли это равно, что сказать: «такой-то господинъ подавалъ блестящія надежды быть великимъ полководцемъ; но, къ-сожалѣнію, увлекшись врожденною трусостію, оставилъ военное поприще и рѣшился опредѣлиться въ становые приставы?» Если бы въ васъ было побольше эстетическаго такта, то—увѣряемъ васъ—вы въ первыхъ же произведеніяхъ вашей мнимо-великой будущей надежды увидѣли бы только звонъ рифмъ и поняли бы, что больше звонаря изъ него ничего никогда не выйдетъ! Странно было бы назвать Лермонтова великимъ поэтомъ за двѣ написанныя имъ книжки; но о немъ всѣ говорятъ, какъ о великомъ поэтѣ, ибо въ этихъ двухъ книжкахъ онъ далъ залогъ своего будущаго великаго развитія,—и никому, кромѣ людей, которые въ искусствѣ ничего не смыслятъ,—никому не прійдетъ въ голову сказать, что Лермонтовъ могъ бы современемъ погубить свой талантъ, увлекшись звономъ рифмы, или вычурностію фразы. Такіе таланты обезсиливаютъ себя не подобными пустяками, а развѣ тѣмъ, что, отрываясь отъ современныхъ интересовъ, предаются созерцательному отчужденію отъ живой дѣйствительности и засыпаютъ въ поэтическомъ аскетизмѣ, или живутъ жизнію прошедшаго, холодные къ современному, которое, въ свою очередь, равнодушно къ ихъ запоздалымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, но если и для великихъ талантовъ возможно *свое* паденіе, тѣмъ болѣе возможно оно для дарованій второстепенныхъ. Но и въ-отношеніи къ нимъ, мы все-таки разумѣемъ не «рифменный звонъ» и не «вычурную фразу», которыми способны увлекаться только дарованія внѣшнія, лишенныя внутренней самостоятельной силы, чуждыя всякаго содержанія. Гладкій и звучный стихъ, внѣ содержанія, обнаруживаетъ только способность къ формѣ поэтической: въ-отношеніи къ истинной поэзіи, онъ то же самое, что̀ реторика въ отношеніи къ истинному краснорѣчію. Чтобъ стихъ былъ поэтическій, не только мало гладкости и звучности, но не достаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляетъ истинное содержаніе всякой поэзіи. Эта мысль даетъ себя чувствовать въ поэзіи, какъ извѣстный взглядъ на извѣстную сторону жизни, какъ начало (principe), которымъ вдохновляются и живутъ творенія поэта. Каждый вѣкъ и каждое время питаетъ свою думу о жизни, стремится къ своимъ цѣлямъ, и источникомъ всѣхъ своихъ побужденій имѣетъ единое начало,—и чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ болѣе выражается въ

немъ эта дума его времени. Всякое истинное содержаніе отличается жизненностію, въ-слѣдствіе которой оно движется впередъ, развивается, а не стоитъ, оцѣпенѣлое, на одномъ мѣстѣ, или, подобно попугаю, не повторяетъ вѣчно одного и того же, и притомъ одними и тѣми же словами. Вотъ почему истинные поэты постепенно, съ теченіемъ времени, становятся глубже и совершеннѣе въ своихъ твореніяхъ; и вотъ почему творенія истинныхъ поэтовъ располагаются умными издателями не по родамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно съ временемъ появленія на свѣтъ каждаго изъ нихъ. А откуда же возьмется это движеніе, эта постепенность совершенствованія, если поэтъ барабанитъ своими гладкими и звучными стихами вѣчно одно и то же,—напримѣръ: студентскія попойки, звонъ рюмокъ, хлопанье пробокъ, дѣву-красоту, у которой перси всегда полны, а сердце пусто? Тутъ можетъ быть услуга только языку и версификаціи, а отнюдь не поэзіи. И не диво, если такой стихотворецъ, ошибочно-провозглашенный поэтомъ, скоро выпишется, всѣмъ надоѣстъ старыми погудками на новый ладъ, или новыми погудками на старый ладъ, утратитъ даже свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ, и, мертвый для всякихъ современныхъ, живыхъ интересовъ, по привычкѣ будетъ отъ времени до времени, плохими стихами, воспѣвать, въ пріятельскихъ журналахъ, то рейнвейнъ, который *нѣжитъ*, *такъ-сказать*, *глубокомысленно*, то *малагу*, которую пьютъ, когда уже ничего другаго желудокъ не выноситъ?.. Важное дѣло—знать намъ, какое вино пьетъ господинъ стихотворецъ... Послѣ такой фамильярности съ доброю публикою, ему остается только увѣдомлять ее, разумѣется, въ стихахъ, въ какомъ погребѣ беретъ онъ свое вино. Оно бы и лучше: тогда стихи его имѣли цѣну и достоинство хоть прейс-курантовъ, и потому хоть на что-нибудь годились бы... И послѣ этого еще говорятъ, что онъ много обѣщалъ, но жаль-де, что, увлекшись звономъ рифмы, погубилъ свой талантъ!.. Да въ рифменномъ-то звонѣ и заключался весь его талантъ, почтенные господа-аристархи!.. [112]).

Но не лучше его и тѣ рифмотворцы, у которыхъ, кажется, что ни слово, то мысль, а какъ вглядишься, такъ что ни слово—то реторическая завитушка, или дикое сближеніе несближаемыхъ предметовъ. Одинъ изъ такихъ господъ, пожалуй, такъ опишетъ вамъ дружбу: «у меня—скажетъ онъ—есть въ сердцѣ рана; она вѣчно истекаетъ кровью; ее нанесъ мнѣ другъ нѣжною рукою, и сквозь ту рану онъ смотритъ въ мое сердце», и тому подобное. Другой, пожалуй, пропишетъ: «что въ морѣ купаться, то-де читать Данта: его стихи упруги и полны, какъ моря упругія волны». Третій чудакъ, пожалуй, соблазнясь этимъ образцовымъ примѣромъ, затянетъ: «что макароны ѣсть съ пармезаномъ—то Петрарку читать: стихи его сладко скользятъ въ душу, какъ эти обмасленныя, круглыя и длинныя бѣлыя нити скользятъ въ горло». Четвертый посовѣтуетъ юношамъ не «призывать вдохновенія на *высь чела*, вѣнчаннаго *звѣздой*», или станетъ воспѣвать *грудь*, которая *высоко взметалась безпредметною любовію*; *любовь*, которая *гнѣздится въ ущеліяхъ сердецъ*;

дѣву, которой *станъ поэтъ вносилъ въ вихрь круженія на огненной ладони; струи времени, возрастившія мохъ забвенія на развалинахъ любви; гибкій станъ*, въ которомъ *поэтъ утопляетъ горящую ладонь; искру души*, которая *прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины; дѣву*, которая, *сидя на жеребцѣ, гордится усѣстомъ*,—и тому подобную дикую галиматью, которую иногда и на самомъ дѣлѣ выдаютъ намъ за полную мыслей поэзію, и которую основательная критика должна преслѣдовать огнемъ и мечомъ, какъ преступленіе противъ здраваго смысла, языка, литературы и искусства...[113]). Нѣтъ, не такова поэзія, полная мысли: она проста, естественна, неизъискана, какъ творенія природы, выразившія собою мысль Творца... О такихъ рифмачахъ, если только бываютъ на свѣтѣ такіе рифмачи, нельзя говорить: «они многое обѣщали, а мало сдѣлали»; но должно говорить: «они ничего не обѣщали хорошаго, и много написали вздорнаго».

Есть поэты, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о которыхъ, по первымъ же ихъ произведеніямъ, можно безошибочно сказать, что они недалеко пойдутъ и скоро выпишутся. Это тѣ одностороннія дарованія, которыя пробуждаются отъ какой-нибудь случайности—несчастія, утраты, и, открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро исчерпываютъ его весь, настроивъ свою лиру на одинъ тонъ; а потомъ, когда неглубокій родникъ истощится и пересохнетъ, уже по привычкѣ къ рифмамъ, продолжаютъ вяло и бездушно выговаривать то, что нѣкогда пѣлось у нихъ по-крайней-мѣрѣ искренно и тепло... Потомъ, это тѣ *эфемерныя* души, которыя бываютъ юны только во время юности; переживъ юность, онѣ тотчасъ же отцвѣтаютъ, и скоро мирятся съ прозою жизни. И слава имъ, если они, изъ поэтовъ сдѣлавшись агрономами, чиновниками, спекулантами, совсѣмъ забываютъ свою лиру для счетовъ, аршина, или дѣловыхъ бумагъ; и позоръ имъ, если они вздумаютъ обманывать и себя и другихъ рифмованною стукотнею безчувственныхъ чувствъ и безсмысленныхъ мыслей!.. Юность дается человѣку только разъ въ жизни, и въ юности каждый изъ нихъ доступнѣе, чѣмъ въ другомъ возрастѣ, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранитъ юность до старости, не давъ душѣ своей остыть, ожесточиться, окаменѣть—

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, баованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,

Учтивыхъ, маленькихъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Да, возможное совершенство каждаго человѣка, то, къ чему долженъ и можетъ стремиться каждый человѣкъ, состоитъ именно въ томъ, чтобъ, и доживши до сѣдыхъ волосъ, даже у края могилы, не пережить своей юности... Но увы! сколь немногіе достигаютъ этого, и сколь многіе старѣются, когда еще не миновалась и юность ихъ! Эта разница происходитъ, при многихъ причинахъ, прежде всего отъ разницы въ натурахъ, съ которыми родятся люди. Это же и главная причина, отъ-чего одинъ поэтъ всю жизнь сохраняетъ свое вдохновеніе, а другой теряетъ его послѣ десятка хорошихъ, впрочемъ, стихотвореній. И напрасно о такихъ поэтахъ говорятъ: «какъ много обѣщалъ онъ и какъ мало выполнилъ!» О такихъ, напротивъ, чаще можно говорить: «онъ обѣщалъ еще меньше, нежели сколько выполнилъ»...

«Но—говорятъ—если бы онъ писалъ такъ, а не этакъ, воспѣвалъ то, а не это—онъ сохранилъ бы свой талантъ». Нѣтъ, милостивые государи, тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ-себѣ, въ слабости своей натуры, носитъ своего врага...—«Но если бы онъ слушался критики?»—Поэтовъ творитъ природа и жизнь, а не критика,—и для нихъ поучительнѣе критики на чужія сочиненія, чѣмъ на ихъ собственныя...—«Однакожъ, отъ-чего же нибудь онъ сбился же?»—Для такихъ талантовъ на каждомъ шагу жизни стоятъ силки, и отъ чего бы то ни было, но имъ надо сбиться... Въ-отношеніи къ нимъ, даже не интересно и изслѣдовать причины паденія.

Гораздо-поучительнѣе паденіе такихъ поэтовъ, которые не такъ сильны, чтобъ не бояться паденія, и не такъ слабы, чтобъ выдохнуться незамѣтно и испариться въ болотной атмосферѣ житейской повседневности; но которые, или достигаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, той степени развитія, что ихъ творенія дѣлаются капитальнымъ, хотя и второстепеннымъ сокровищемъ отечественной литературы; или, при неблагопріятствѣ судьбы, пролетаютъ по пути жизни блудящею кометою, являя своею жизнію и своими произведеніями зрѣлище печальное и поучительное. Таковъ былъ талантъ Полежаева...

Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 года; но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно-какъ и имя ихъ автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностью страстей, которыя, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дали ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основа-

тельной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбуждать къ себѣ и ужасъ и состраданіе: Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого-себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Полежаева уже нѣтъ, и потому о немъ можно говорить прямо и открыто: подобная откровенность никого не оскорбитъ, но многимъ будетъ поучительна. Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ,—и говоря о немъ, мы говоримъ не о частномъ человѣкѣ. Къ-тому же, въ нашемъ сужденіи о Полежаевѣ, мы будемъ основываться не на какихъ-нибудь посторонніхъ и сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а на его собственныхъ поэтическихъ признаніяхъ: ибо всѣ лучшія его произведенія суть не иное что, какъ поэтическая исповѣдь его безумной, страдальческой жизни. Мы пишемъ не для того, чтобъ осуждать, а для того, чтобъ поучать и поучаться изъ такого разительнаго примѣра: могила миритъ все, и надъ нею должны раздаваться не проклятія и осужденія, а слова примиренія и благословенія... [114]).

Слишкомъ-рано попявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла,—Полежаевъ, подобно многимъ людямъ того времени, не подумалъ, что онъ могъ и долженъ былъ уволить себя только отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою рифмою,—и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе-свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе-подчиненный человѣкъ. Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другаго, еще болѣе страшнаго идола—чувственность. Для человѣка необходимъ періодъ идеальныхъ, восторженныхъ стремленій и порываній: перешедъ черезъ него, онъ можетъ отрѣшиться отъ всего мечтательнаго и фантастическаго, но уже не можетъ остаться животнымъ даже въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ, которыя у него будутъ смягчены и облагорожены чувствомъ красоты и пріймутъ характеръ эстетическій. И Полежаевъ пережилъ этотъ періодъ идеальнаго чувства, но уже слишкомъ не во-время, какъ мы увидимъ. Сначала, онъ, который не имѣлъ права сказать о себѣ, что не зналъ мятежнаго волненія страстей,—онъ имѣлъ право сказать:

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ.
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови

Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ!

Онъ имѣлъ право, не клевеща на самого себя для краснаго словца, сказать красавицѣ, не сводившей съ него задумчивыхъ очей и припадавшей къ нему на грудь въ порывахъ забвенья:

Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!
. . . . . .
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
. . . . . .
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы—красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть—мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милый!..
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

И потому не удивительно, если не во-время и не въ-пору явившееся мгновеніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту страшную, похоронную пѣснь самому-себѣ:

О грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза!
Наскучилъ я обителью земною!
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы—черные, волшебные глаза!

Увы! давно, печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Непстовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!

Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—
И буйный духъ, и сердце огневое—
Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей!

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ, въ пучинѣ безпощадной.

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ,
Любилъ встрѣчать я думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ...

И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
О цѣли бытія,
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ,
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Которое бъ могло изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ;—

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
О, нѣтъ!—какъ духъ карающій и злой,—
Свѣтлѣе дня явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
На муравѣ долины ароматной!..

Явилось... все исчезло для меня:
Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я, съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ!.. Какъ-будто существомъ
Другихъ міровъ—какъ-будто божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
«Люби меня!—И въ очи и въ уста

«Лобзай меня, пѣвецъ оспротѣлый,
«Какъ мотылекъ лилею по утру!
«Люби меня, какъ милую сестру,—
«И снова я и къ небу, и къ добру
«Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!..»

И что жъ? Совершилось ли возрожденіе—этотъ великій актъ любви? и святая власть женственнаго существа побѣдила ли ожесточенную мужскую твердость?—Нѣтъ! Поэтъ не воскресъ, а только пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души... Остальная половина этого стихотворенія, или, лучше сказать, этой поэтической исповѣди, отличается тою хаотическою неопредѣленностью, въ какую погрузило душу поэта его полу-возрожденіе: и какъ ничего положительнаго не могло выйдти изъ новаго состоянія души поэта, такъ ничего не вышло и изъ стихотворенія, въ которомъ онъ силился его выразить. Эта неопредѣленность отразилась и на стихахъ: стихъ, доселѣ поэтическій, даже крѣпкій и сжатый, становится прозаическимъ, вялымъ и растянутымъ, и только мѣстами сверкаетъ прежнимъ огнемъ, какъ угасающій волканъ; цѣлые куплеты ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ словъ, въ которыхъ видно одно тщетное усиліе что-то сказать. И потому, мы представимъ конецъ пьесы въ сокращеніи:

Напрасно я мой геній горделивый,
Мой злобный рокъ на помощь призывалъ;
Со мною онъ, *какъ другъ* (?) изнемогалъ,
Какъ слабый врагъ предъ мощнымъ трепеталъ,—
И я въ цѣпяхъ *предъ* дѣвою стыдливой!
Въ цѣпяхъ!.. Творецъ! безсильное дитя
Играетъ мной по волѣ безотчетной,
Казнитъ меня съ улыбкой беззаботной—
И я, какъ рабъ, влачусь за нимъ охотно,
Всю жизнь мою страданью посвятя!..

За тѣмъ, Богъ-знаетъ почему, поэтъ спрашиваетъ дурными стихами, о *ней:* кто она, и гдѣ тотъ, «кто дѣвы молодой *вопьетъ* въ себя невинное дыханье?»

Гроза и громъ! ужель мои уста
Произнесутъ убійственное слово?
Уже ли все въ подсолнечной готово
Лишить меня прекраснаго земного?..
Такъ, я лишенъ, лишенъ—и навсегда!..
Кто видѣлъ тернъ колючій и безплодный,
И рядомъ съ нимъ роскошный виноградъ?
Когда жъ и гдѣ равно ихъ ощутятъ,
И на одной грядѣ соединятъ?..
Цвѣтетъ ли миртъ въ Лапландіи холодной?
Вотъ жребій мой! Благія небеса!
Быть можетъ, я достоинъ наказанья;
Но—я съ душой—могу ли безъ роптанья,
Сносить мои жестокія страданья?
Забуду ль васъ, о черные глаза?

Далѣе, поэтъ вспоминаетъ тѣ безцѣнныя мгновенія, когда, и при лунѣ и при солнцѣ, бесѣдовалъ онъ тихо съ милою дѣвою, или бродилъ съ нею между гробами —

.... съ унылыми мечтами,
И вѣчный сонъ, надъ мирными крестами,
И смерть и жизнь летали передъ нами,
И я искалъ покоя мертвецовъ!

Вспоминаетъ, какъ онъ заставалъ прекрасную въ слезахъ надъ «Элоизою»,

Иль затая дыханье на устахъ,
Во тьмѣ ночей стерегъ ее въ волнахъ,—
Гдѣ, иногда, подъ сумрачною ризой,
Бѣла, какъ снѣгъ,—волшебныя красы,
Она струямъ зеркальнымъ предавала.
И между-тѣмъ, стыдливо обнажала
И грудь и станъ—и вѣтромъ развѣвало
И флеръ ея, и черные власы...
Смертельный ядъ любви неотразимой
Меня терзалъ и медленно губилъ;
Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ...
Быть можетъ... нѣтъ! мой часъ уже пробилъ,
Ужасный часъ, ничѣмъ неотразимый!

Можно догадываться изъ этихъ стиховъ, что душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями... Страшное состояніе! Какъ понятны, послѣ этого, стихи Полежаева:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!..

Эти *черные глаза*, очевидно, были важнымъ, хотя уже и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева: скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса — «Грусть»:

На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,
Рвалъ я съ жадностью безумной,
Благовонные цвѣты.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерялъ,—
И душевной укоризны,
Можетъ быть, не избѣжалъ.
Отчего жь не съ сожалѣньемъ,
Отчего—скажите мнѣ—
Но съ невольнымъ восхищеньемъ
Вспомнилъ я о старинѣ?
Отчего же локонъ черный,
Этотъ локонъ смоляной,
День и ночь, какъ духъ упорный,
Все мелькаетъ предо мной?
Отчего, какъ въ полдень ясный,
Голубыя небеса—
Мнѣ таинственно прекрасны
Эти черные глаза?

Почему же голосъ сладкой,
Этотъ голосъ неземной,
Льется въ душу мнѣ украдкой
Гармонической волной?
Что тревожитъ духъ унылой,
Манитъ къ счастію меня?
Ахъ! не вспыхнетъ надъ могилой
Искра прежняго огня!
Отлетѣли заблужденій
Невозвратные рои —
И я мертвъ для наслажденій,
И угасъ я для любви!
Сердце ищетъ, сердце проситъ
Послѣ бури уголка;
Но мольбы его разноситъ
Безотрадная тоска!

Но это только мгновеніе въ жизни поэта; другая любовь неотступно жила съ нимъ и погубила его—эта та, о которой онъ самъ сказалъ:

Въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь!
Не воскреснетъ она!

Эта-то любовь, извлекшая столько грязныхъ [115]) пѣсенъ, извлекала иногда и поэтическіе звуки изъ души поэта, какъ въ этой прекрасной пѣснѣ его — «Цыганка»:

Кто идетъ передъ толпою
На широкой площади
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?
Подъ разодраннымъ покровомъ,
Проницательна, черна—
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена?
Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ;
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка,
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты—коварная Цыганка,
Дочь свободы и весны!

Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали,
Друга радостнаго дня.
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты
Ты дарила наслажденью
Африканскіе цвѣты!
Ахъ, я помню!.. Но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ:
Фараонка, не напрасно
Тяготитъ мнѣ душу сонъ!
Пронеслась съ годами сила,
Я увялъ—и на яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву!

Въ pendant къ этой пьесѣ приводимъ здѣсь и «Ахалукъ»:

Ахалукъ, мой ахалукъ,
Ахалукъ демикотонный,
Ты—работа нѣжныхъ рукъ
Азіатки благосклонной!
Ты родился подъ иглой
Отагинки чернобровой,
Послѣ робости суровой
И любви во тьмѣ ночной;
Ты не пышной нестротою—
Цвѣтомъ гордыхъ узденей,
Но смиренной простотою—
Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей,
Милъ для сердца и очей...
Черенъ ты, какъ локонъ длинный
У Цыганки кочевой,
Мраченъ ты, какъ духъ пустынный—
Сторожъ урны гробовой!
И серебряной тесьмою,
Какъ волнистою струею
Дагестанскаго ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалмѣ,
Никогда луна во тьмѣ,
Ни чело твое, о База—
Это блѣдное чело,
Это чистое стекло,
Споря въ живости съ опаломъ,
Подъ ревнивымъ покрываломъ,
Не сіяли такъ свѣтло!
Ахъ, серебряная змѣйка,

Непаглядная струя—
Это ты, моя злодѣйка,
Ахалукъ суровый—я!

Но апеѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его пьеса «Гаремъ».

Кто любитъ нѣгу чувствъ, блаженство сладострастья
И не паритъ въ края азійскіе душой?
Кто, пылкій юноша, который въ морѣ счастья
Не жаждетъ вѣкъ утратить молодой?
Пусть онъ летитъ туда.....
И населитъ красой блестящій свой гаремъ!
Тамъ жизни радость онъ познаетъ и оцѣнитъ
И снова обрѣтетъ потерянный эдемъ!..

Тамъ миръ для чувствъ и ока!
Красавицы востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй,
Послушныя рабыни,
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!
Съ душой полубогини,
Въ восторгахъ огневыхъ,
Душа его сольется,
Заснетъ—и вновь проснется,
Чтобъ снова утонуть
Въ пучинѣ наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье;
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка
И страстно обнимаетъ;
Одна его лобзаетъ,
Одна ему поетъ,
Горитъ и изнываетъ,
. . . . . .
Прелестныя подруги,
Воздушны какъ зефиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги,
То вьются, то летятъ,
То быстро стапутъ въ рядъ.
Межъ-тѣмъ въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,
Влюбленный сибаритъ
Роскошно возлежитъ
И, взоромъ пожирая
Движенья гурій рая,
Трепещетъ и кипитъ,
И къ дѣвѣ сладострастья
Залогъ желанный счастья—

Платокъ его летитъ...
. . . . . .
Но гдѣ гаремъ, но гдѣ она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая, какъ весна,
Свѣжа, плѣнительна, статна,
Рѣзвится въ банѣ ароматной?
На чьи небесныя красы
Съ досадной ревностью власы
Волною падаютъ пріятной.
. . . . . .
Кого усердная толпа
Рабынь услужливыхъ лелѣетъ?
Чья кровь горячая замлѣетъ
Въ объятьяхъ дѣвы огневой?
Кто сей счастливецъ молодой?
Ахъ, гдѣ я? Что со мною стало?
Она надѣла покрывало,
Ее ведутъ—она идетъ:
Ее любовь на ложѣ ждетъ...
. . . . . .
Такъ жрецъ любви, игра страстей опасныхъ,
Пѣлъ наслажденья чуждыхъ странъ,
И оживлялъ въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Чувствъ очарованныхъ обманъ.
Онъ пѣлъ—души его кумиры
Носились тайно вкругъ него,
И въ этотъ мигъ на всѣ порфиры
Не промѣнялъ бы онъ гарема своего!..

Въ этомъ дионрамбѣ выражено объясненіе ранней гибели его таланта... Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Ренегата», и по множеству мѣстъ цинически-безстыдныхъ и безумно-вдохновенныхъ, не могъ быть напечатанъ вполнѣ[116]). Азія — колыбель младенческаго человѣчества и, какъ элементъ, не могла не войдти и въ жизнь возмужавшаго и одухотворившагося Европейца, но какъ элементъ—не больше: исключительное же ея обожаніе—смерть души и тѣла, позоръ и гибель при жизни и за могилою... Полежаевъ жилъ въ Азіи, а Европа только на мгновеніе шевелила его душою: удивительно ли, что онъ—

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей?

Отличительный характеръ поэзіи Полежаева—необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе-благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды,

оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Мысль для поэзіи то же, что̀ масло для лампады: съ нимъ она горитъ пламенемъ ровнымъ и чистымъ, безъ него вспыхиваетъ по-временамъ, издаетъ искры, дымится чадомъ, и постепенно гаснетъ. Мысль всегда движется, идетъ впередъ, развивается. И потому творенія замѣчательныхъ поэтовъ (не говоря уже о великихъ) постепенно становятся глубже содержаніемъ, совершеннѣе формою. Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ-себѣ, всегда вертится около самого-себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражается въ однообразныхъ формахъ.

Въ пьесѣ «Ночь на Кубани», вопль отчаянія смягченъ какою-то грустью и совпадаетъ съ единственно-возможною надеждою несчастливца—надеждою на прощеніе отъ подобнаго себѣ несчастливца, собственнымъ опытомъ познавшаго, что такое несчастіе:

. . . . . .
Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ,
И на зарѣ весеннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ;
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья;
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья;
Кто спръ и чуждъ передъ людьми;
Кому дадутъ изъ сожалѣнья,
Иль ненавистнаго презрѣнья,
Когда-нибудь клочокъ земли...
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ,
И скажетъ: «такъ, ты несчастливъ!»
Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!..
. . . . . .
Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ поймetъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!
Я буду—онъ; онъ будетъ—я!
Въ одномъ изъ насъ сольются оба!
И пусть тогда вражда и злоба,

И мечь, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!..
. . . . . .
. . . . . .

Естественно, что Полежаевъ, въ свѣтлую минуту душевнаго умиленія, обрѣлъ столько еще тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить въ стихахъ одно изъ величайшихъ преданій Евангелія:

И говорятъ ему: „она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое“.
И на лукавое возванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ.
И наконецъ сказалъ народу:
„Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцовъ законъ:
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?..“
И вновь писалъ онъ на землѣ...
Тогда съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья—
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена...
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: „Покинь твою боязнь,
Гдѣ твой сенедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?“
Она въ отвѣтъ: «Никто, Учитель!»—
«И такъ и я твоей души
Не осужу,—сказалъ Спаситель,—
Иди въ свой домъ—и не грѣши».

Можетъ-быть, послѣ этого намъ будетъ легче и поучительнѣе внимать страшнымъ признаніямъ поэта... Тяжесть паденія его была бы не вполнѣ обнята нами безъ двухъ пьесъ его — «Живой мертвецъ» и «Цѣпи». Вотъ первая:

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Кто демонскою силой,
Враждуя съ темною могилой,
Живетъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,

При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливый.
Блѣдно, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И—очарованъ—за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.
Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землей,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ осквернѣннымъ.
Вотъ мой удѣлъ—игра страстей,
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
На вѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И—членъ ненужный бытія—
Не оскверню собой природы!
Мнѣ міръ—пустыня, гробъ—чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья.

Но сила чувства, особенно въ падшемъ человѣкѣ, не всегда соединяется съ силою воли,—и вопреки себѣ, онъ долженъ хранить жизнь, какъ собственную кару...

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей...
. . . . . .
. . . . . .
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный,
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный
Съ-тѣхъ-поръ горитъ въ моихъ очахъ:
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,

Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь мопхъ страданій
И умираю ночь и день!
Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ,
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ!
. . . . . .
Уже рукой ожесточенной,
Берусь за пагубную сталь[117]),
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе и печаль!..
Готовъ! но цѣнь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ...
. . . . . .
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И... вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

«Вечерняя Заря», одна изъ лучшихъ пьесъ Полежаева, есть та же погребальная пѣсня всей жизни поэта; но въ ней отчаяніе растворено тихою грустью, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергіи выраженія—обыкновенныхъ качествахъ его поэзіи:

Я встрѣчаю зарю,
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эѳиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и раститъ.
Что жъ, кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что, въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска

Молодаго пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска!..
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ—но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою!..
Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!
Духъ унылъ; въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла;
Міръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!..
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей;
Но ихъ рой отлетѣлъ
При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой!..
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ,
Не сгараючи тлѣть...

Не кропите жь меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ—я увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

Но Полежаевъ зналъ не одну муку паденія: онъ зналъ также и торжество возстанія, хотя и мгновеннаго; съ энергической и мощной лиры его слетали не одни диссонансы проклятія и воплей, но и гармонія благословеній...

Я погибалъ;
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей,
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье;
Окаменѣлъ,
Какъ хладный камень;
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень,—
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній!
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Печать проклятій—
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя-самихъ,
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Я видѣлъ тѣнь,—
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И... свершено!..

Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ!..
Рукою сильной
Остовъ могильный
Вдругъ оживилъ,—

И Капиъ новый
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Опъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной!
Гори жъ, сіяй,
Заря святая!
И догорай
Не померкая!

Въ другое время, сорвались съ его лиры звуки торжества и возстанія, но уже слишкомъ-поздняго, и уже не столь сильные и громкіе: посмотрите, какая нескладица въ большой половинѣ этой пьесы («Раскаяніе»), какъ хорошіе стихи мѣшаются въ ней съ плохими до безсмыслицы:

Я согрѣшилъ противъ разсудка.
Его на мигъ я разлюбилъ (?!):
Тебѣ, степная незабудка,
Его я съ честію подарилъ (??)!
Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Которы демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой (?)!
Кинжалъ коварный сожалѣнья
Притворной дружбы и любви,
Теперь потопетъ, безъ сомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови;
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ—
Все мнѣ и казнь и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмѣлья,
Ты отлетѣла наконецъ,
Минута злобнаго веселья!
Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата,
Тебя, какъ жертву казамата,

Рукой попосной оковалъ?
О, пѣтъ! свершилось—жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ!
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной:
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды (?!);

И посмотрите—какъ торжественно окончаніе этой пьесы; оно можетъ служить образцомъ того, что называется въ эстетикѣ «высокимъ»:

Но предъ лицомъ кавказскихъ горъ
Я рву печистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ ѳиміамъ,
И передамъ моимъ струнамъ,
И ревъ, и вой минувшей бури!.

Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство—пластическая художественность и виртуозность формъ; которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно-искусства, и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собою не одно искусство, но и всю область духа; въ которомъ такая бездна поэзіи, и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ, эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому не достаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ; причиною этого было сколько то, что онъ небрежно занимался поэзіею и никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній, замѣняя неточныя выраженія опредѣленными, слабые стихи—сильными, растянутыя мѣста — сжатыми; столько и то, что, оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвысилъ его, наукою и размышленіемъ, до *вкуса*. Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣньи овладѣть собственною мыслію и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего посторонняго и лишняго. Причина этого опять въ неразвитости и происходящей изъ нея неясности и неопредѣленности созерцанія. Представляемъ здѣсь, въ поучительный для молодыхъ поэтовъ примѣръ подобной невыдержанности, двѣ прекрасныя, но испорченныя пьесы Полежаева, въ совершенно различныхъ родахъ. Первая называется «Море»:

Я видѣлъ море—я измѣрилъ
Очами жадными его:
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
О море, море!—я мечталъ

Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,—
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ, и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?..
. . . . . .

Превосходно! Стихи, достойные величія моря! Но то ли далѣе?—

Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надъ тобой?
Или невѣдомая сила,
Враждуя *съ мирной тишиной*,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей все изъ ничего?
Надолго ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты!

Сбивчиво, темно, неопредѣленно, хотя и замѣтно, что у поэта шевелилась на душѣ мысль! Далѣе опять лучше:

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!..
Я вопрошалъ ее... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межь-тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отвагой полный,
Ныряль предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшнаго счастья твоего?
Смотри на челнъ—ужъ нѣтъ его
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну!..

Превосходные стихи, кромѣ двухъ послѣднихъ, которые все портятъ; но цѣлаго не видно, и послѣ начала пьесы какъ-то не того ожидалось... Но, сообразно съ серединою, окончаніе прекрасно:

Въ другое время, на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ чолнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

Вторая пьеса называется «Баю, баюшки, баю»:

Въ темной горницѣ постель;
Надъ постелью колыбель;
Въ колыбели, съ полуночи,
Бьется, плачетъ, что̀ есть мочи,
Безпокойное дитя.
Вотъ лампаду засвѣтя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Бѣлой грудью къ крикуну—
И лелѣетъ, и ко сну
Избалованнаго клонитъ,
И поетъ, *и тихо стонетъ*
На чувствительный распѣвъ
Девясто-лѣтнихъ дѣвъ (??!!):

«Да усни же ты, усни,
«Мой *хорошій молодецъ!*
«*Угомонъ тебя возьми,*
«*О постылый сорванецъ!*
«Баю, баюшки, баю!
«*Ужъ и есть ли гдѣ такой*
«*Сизокрылый голубокъ,*
«*Ненаглядный, дорогой,*
«*Какъ мой маленькій сынокъ!*
«*Баю, баюшки, баю!*
«Во зеленомъ во саду
«Красно вишенье растетъ;
«По широкому пруду
«Бѣлый селезень плыветъ!
«Баю, баюшки, баю!
«*Словно вишенье, румянъ,*
«*Словно селезень онъ бѣлъ—*
«*Да усни же ты, буянъ!*
«*Не кричи же ты, пострѣлъ!*
«Баю, баюшки, баю!
«Я на золотѣ кормить
«Буду сына моего,

«Я достану, *такъ и быть*,
«Царь-дѣвицу для него.
«Баю, баюшки, баю!
«Будетъ важный человѣкъ,
«Будетъ сынъ мой генералъ!
«Ну, заснулъ .. *хоть бы на вѣкъ*
«*Избери его провалъ!*
«Баю, баюшки, баю!»

Свѣтъ потухъ надъ генераломъ:
Чернобровка покрываломъ
Обернула колыбель—
И ложится на постель...
Въ темной горницѣ молчанье;
Только тихое лобзанье
И неясныя слова
Были слышны раза два...
Послѣ, тѣнью боязливой,
Кто-то—чудилося мнѣ—
Осторожно и счастливо,
При мерцающей лунѣ,
Пробирался по стѣнѣ....

Какая грубая смѣсь прекраснаго съ низкимъ и безобразнымъ, граціознаго съ безвкуснымъ! Окончаніе пьесы, въ которомъ заключена вся мысль ея, стоило, чтобъ для нея выписать всю пьесу. Истинное эстетическое чувство и истинный критическій тактъ состоятъ не въ томъ, чтобъ, замѣтивъ несовершенство, или дурныя мѣста въ произведеніи, отбросить его отъ себя съ презрѣніемъ, но чтобъ не пропустить немногаго хорошаго и во многомъ дурнаго оцѣнить его и насладиться имъ.

Впрочемъ, съ лиры Полежаева сорвалось нѣсколько произведеній безукоризненно-прекрасныхъ. Такова его дивная «Пѣснь Плѣннаго Ирокезца»,— этотъ высокій образецъ благородной силы въ чувствѣ и выраженіи:

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ.
Равнодушно они
Для забавы дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщю чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой;
И какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.

Передъ сонмомъ тѣней восною
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ!
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ,
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Такова его прекрасная по мысли, хотя и не безусловно-непогрѣшительная по выраженію, пьеса—«Божій Судъ».

Есть духи зла—пенстовыя чада
Благословеннаго творца,
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада;
А жизнь—мученье безъ конца.
Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ,
Изъ тьмы вѣковъ, эѳиръ одушевленной
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ—
Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости изрекъ;
«Да будетъ прахъ величія основой!»
И всталъ изъ праха человѣкъ;
Тогда, предъ Нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса—
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь—волшебная краса.
И ярче звѣздъ и солнца золотого,
Какъ іорданскія струи,
Вокругъ Его—Властителя Святаго,
Вились архангеловъ рои.
И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцемъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ!
Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ—

*

И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.
Свершился судъ!.. Могущая десница
Подъяла молніи и громъ—
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ.
Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ—
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.
Напрасно ждутъ преступные свободы—
Они противны небесамъ—
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ!

Таковъ его переводъ пьесы Байрона «Вальтасаръ», который нѣкогда былъ неправо присвоенъ себѣ однимъ стихотворцемъ, и напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»,—что и произвело большіе споры между этимъ журналомъ и «Галатеею»[118]), гдѣ спорная пьеса была получена изъ настоящаго источника:

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
Рядъ сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ и горитъ;
И земной полубогъ
Пиръ устроитъ велитъ.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжитъ чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаютъ любовь.
Упоёнъ, восхищенъ—
Царь на тронѣ сидитъ,
И торжественный тронъ
И блеститъ и горитъ.
Вдругъ невѣдомый страхъ
У царя на челѣ
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ ужасъ очей:
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ царемъ,
Начертала слова.

И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской.
И Еврей молодой
Къ Валтасару предсталъ
И слова прочиталъ:
Мани, Факел, Фарес.
Вотъ слова на стѣнѣ:
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани, значитъ: Монархъ
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ—
Смыслъ середней черты;
Фаресъ,—третье—гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!
Рекъ—исчезъ... Изумленъ,
Царь не вѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окружонъ
И... онъ мертвъ на щитѣ.

Есть у Полежаева нѣсколько пьесъ въ народномъ топѣ; тонъ ихъ не вездѣ выдержанъ; но онѣ вообще показываютъ въ нашемъ поэтѣ большую способность къ произведеніямъ этого рода. Таковы: «У меня ль молодца», «Окно», «Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти», «Тамъ на небѣ высоко» и «Узникъ». Послѣдняя особенно-невыдержана и, несмотря на то, особенно прекрасна; вотъ лучшіе стихи изъ нея:

. . . . . .
Охъ, ты жизнь моя, жизнь молодецкая!
Отъ меня ли, жизнь, убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы!
. . . . . .
Кто видалъ, когда на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною,
Какъ сдружился я, при сѣдой лупѣ,
Съ смертью раннею, безпокойною?
Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и мятелицу,
И приласкивалъ и умаливалъ
Непаглядную красну-дѣвицу.
Штофы, бархатъ, ткани цвѣтныя
Саблей острой ей отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашѣ недруговъ послѣ пѣнивалъ.

Знали всѣ меня—зналъ и старъ и младъ,
И широкій долъ, и дремучій лѣсъ;
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ,
Вмѣсто пѣсенъ я слышу звукъ желѣзъ.

Какъ доказательство, что въ натурѣ Полежаева лежало много человѣческихъ элементовъ, выписываемъ его стихотвореніе на погребеніе дѣвушки:

Я видѣлъ смерти лютый пиръ
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Не длинный рядъ экипажей,
Не черный флеръ и не кадилы,
Въ толпѣ придворныхъ и пажей
За ней толпились до могилы.
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой услуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и въ день печали
Убитый горестью женихъ,
Среди ровесницъ молодыхъ,
Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отпѣлъ послѣднюю молитву,
И вотъ сильнѣе вопль и плачъ...
И смерть окончила ловитву!
Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница—
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица.
Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: прости, прости, невѣста!
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты.
Я зналъ ее—она, играя
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ дареный, отцвѣла.

Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изъисканность и неточность въ выраженіяхъ происходили у него отъ небрежности въ трудѣ и

недостатка развитія. Онъ часто какъ-будто игралъ стихомъ, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна рифма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. Можно ли выказать больше одушевленія, чувства, и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ пьесѣ «Пѣснь погибающаго Пловца», писанной двухстопными хореями съ рифмами:

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, топетъ
Мой челнокъ!
Все черпѣе
Сводъ надзвѣздный
Все мрачпѣе
Воютъ бездны!
Глубь безъ дна!
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ!..
Горе, горе!
Онъ настигнетъ,
Въ шумномъ морѣ
Чолнъ погибнетъ!
Гробъ готовъ!..
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынный
Разпесетъ!..
Даръ завѣтный
Провидѣнья,
Гость привѣтный
Наслажденья,—
Жизнь иль мигъ!
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой,
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!
Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы,—

Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ!
На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ,
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ!..
Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ!
Парусъ бѣлый,
Перелетный,
Якорь смѣлый,
Беззаботный,
Тусклый лучъ
Изъ-за тучь,
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей,
Затемняли
Мнѣ друзья!
Что жь мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной,
Что въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой,
И погибнетъ,
Трупъ живой!
Все черньѣе
Сводъ надзвѣздный!
Все мрачньѣе
Воютъ бездны!

Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

«Вальтасаръ» можетъ служить доказательствомъ необыкновенной способности Полежаева переводить стихами. Только ему надо было переводить что-нибудь, гармонировавшее съ его духомъ, и преимущественно лирическія произведенія, по причинѣ субъективной настроенности его натуры. Но неразвитость его была причиною неудачнаго выбора пьесъ для перевода. Полежаевъ съ жадностію переводилъ водяныя «медитаціи» Ламартина, которыя всего вѣрнѣе можно назвать «реторическими разглагольствованіями». Онъ перевелъ ихъ съ полдюжину, и притомъ самыхъ длинныхъ. Переводы его прекрасны, и если чрезвычайно-скучны, то это ужь вина Ламартина, а не Полежаева.

Мы выше сказали, что натура Полежаева была чисто-субъективная. Поэтому настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма-неудачны. Поэма его «Коріоланъ» отличается реторическимъ характеромъ; звучныхъ стиховъ въ ней много, но поэтическихъ весьма мало. Этому причиною и неразвитость его: онъ не понималъ ни духа римскаго народа, ни историческаго значенія избраннаго имъ героя. И потому, содержаніе его «Коріолана»—общія реторическія мѣста. То же можно сказать, не боясь ошибиться, и о другой его поэмѣ «Видѣніе Брута». Даже и лирическія его пропроизведенія, отличающіяся длинnотою, относятся къ такимъ же неудачнымъ попыткамъ, какъ напр. пьеса «Герменчугское[119]) Кладбище». Впрочемъ, длинныя лирическія произведенія и у какого-угодно поэта рѣдко бываютъ хорошими произведеніями.

Полежаевъ много писалъ въ сатирическомъ родѣ,—и это самыя неудачныя, самыя жалкія его попытки. Таковы: «Иманъ-Козелъ», «День въ Москвѣ», «Кредиторы», «Чудакъ», «Авторъ и Читатель» и разныя мелочи. Всѣ онѣ отзываются дурнымъ тономъ харчевень и простонародныхъ ресторацій, и могутъ восхищать своимъ остроуміемъ развѣ ту почтенную публику, которая съ господскими шубами на рукахъ присутствуетъ въ коридорахъ театровъ и прихожихъ домовъ. Это происходило не отъ недостатка у поэта въ природномъ остроуміи, а отъ того круга общества, въ которомъ онъ погубилъ свой талантъ, свое счастіе и свою жизнь. Слѣдующая пьеска показываетъ, что онъ не чуждъ былъ юмористической веселости, но что ему не доставало лишь тонкаго эстетическаго такта приличія:

Я былъ въ горахъ –
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ—
Какая гадость!
Скажу не въ смѣхъ:

Аулъ Шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ.
Большой и длинный,
Обмазанъ глиной,
Не чистъ внутри,
Не чистъ снаружи;
Мечети съ три,
Ручьи, да лужи,
Кладбище, ровъ,
Да рыбный ловъ,
Духанъ, пять лавокъ,
И наконецъ,
Всему въ добавокъ,
Вверху дворецъ
Преавантажный
И двухъ-этажный,
Гдѣ князь Шамхалъ
Сидитъ и судитъ
Всѣхъ на повалъ.
Въ большомъ папахѣ,
Въ цвѣтной рубахѣ,
Румянъ и дюжъ,
Счастливый мужъ
По царству ходитъ
И юныхъ дѣвъ
И въ стыдъ и гнѣвъ
Нерѣдко вводитъ.

Нельзя не пожелать, чтобъ люди, имѣющіе право на собственность сочиненій Полежаева и такъ дурно издающіе ихъ,—издали бы ихъ опрятно, на хорошей бумагѣ, безъ искаженія стиховъ, безъ грамматическихъ ошибокъ, безъ опечатокъ, а главное—съ разборомъ и съ толкомъ, исключивъ нелѣпыя сатирическія пьесы, о которыхъ мы говорили, и плоскія эпиграммы («Картина», «Напрасное Подозрѣніе»); надутыя и пустозвонныя торжественныя оды («Въ память благотвореній», «Геній») и всѣ слабыя изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ. Безъ этого хлама, книжка выйдетъ небольшая, за то прекрасная по содержанію и необходимая для каждаго любителя отечественной литературы. Можно, если угодно, включить въ нее и «Оскара Альфскаго» и всѣ переводы изъ Ламартина и Делавиня, для почитателей этихъ поэтовъ и для образца способности Полежаева къ переводамъ: но въ такомъ случаѣ, всѣхъ ихъ должно соединить въ одномъ отдѣлѣ, въ концѣ книги, не мѣшая съ мелкими пьесами. Можно включить въ нее и эпическіе опыты—«Коріолана» и «Видѣніе Брута», какъ фактъ ложнаго развитія сильнаго дарованія; но опять съ условіемъ—чтобъ они были помѣщены въ особомъ отдѣлѣ. Вотъ перечень мелкихъ пьесъ, которыя могутъ войдти въ дѣльное изданіе сочиненій Полежаева: *Посвященіе другу его А. П. Л—му; Морни и тѣнь Кормала* (изъ Оссіана); *Валь-*

тасаръ; Море; Водопадъ; Живой Мертвецъ; Ожесточенный; Провидѣніе; Цѣпи; Погребеніе; Вечерняя Заря; Пѣснь плѣннаго Ирокезца; Пѣснь погибающаго пловца; Любовь; Звѣзда; *Пѣсня* («Зачѣмъ задумчивыхъ очей»); *У меня ль молодца; Тамъ, на небѣ высоко; Романсъ* («Пышно льется свѣтлый Терекъ»); *Черкесскій романсъ; Ночь на Кубани; Черная Коса; Мертвая Голова; Гаремъ; Табакъ; Тарки; Цыганка; Раскаяніе; Лунный Свѣтъ* (изъ В. Гюго); *Ахалукъ; Призваніе; Окно; Отрывокъ изъ Посланія къ А. П. Л—му; Черные Глаза; Божій Судъ; Негодованіе; Грѣшница; Грусть; Пѣсня* («Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти»); *Прощаніе; Узникъ; Баю-баюшки-баю.* Сверхъ того, въ одномъ московскомъ журналѣ, чуть ли не въ «Галатеѣ» 1830 года, былъ напечатанъ замѣчательный по своему поэтическому достоинству отрывокъ изъ какого-то большаго стихотворенія Полежаева; мы не помнимъ его названія, но помнимъ стихи, которыми онъ начинается:

. . . . . И я въ тюрьмѣ...
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ,
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
У двери дремлетъ часовой... [120])

Вотъ все, что̀ можетъ и должно войдти въ порядочное изданіе стихотвореній Полежаева.

Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо [121]) одаренъ чрезвычайною силою, но играть чугунными шарами, какъ мячиками—еще не значитъ быть героемъ. Такъ; но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на него и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ, не выше ли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами, и кряхтя подъ тяжестію не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силою!... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейдти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемый браздами разума; но въ то же время, мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта—быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что, наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, расцвѣсть пышнымъ

цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи. Мы не обинуясь скажемъ, что изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, который одинъ образуетъ въ нашей литературѣ школу,—несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти—Полежаевъ и Веневетиновъ... Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ...

Комета—явленіе безобразное, если хотите, но ея страшная красота для каждаго интереснѣе мгновеннаго блеска падучей звѣзды, случайно возникающей и безъ слѣда исчезающей на горизонтѣ ночнаго неба...[122])

*604. **Комары.** Всякая всячина. Ѳаддея Булгарина. Рой первый. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Journal de Saint.-Pétersbourg. Въ 12-ю д. л. 259 стр.

Картинки Русскихъ Нравовъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Journal de Saint-Pétersbourg. Книжки 1 и 2-я. Въ 16-ю д. л. 51 и 50 стр.

Сказка о славномъ витязѣ и могучемъ богатырѣ Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ,о прекрасной царевнѣ Свѣтловидѣ и о косолапомъ другѣ медвѣдѣ. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Сычева. 1841. Въ 12-ю д. л. 70 стр.[123]).

Вотъ почти все, чѣмъ даритъ насъ апрѣль мѣсяцъ по части *изящной* словесности и *изящной* прозы! Больше ничего! Ни одного романа, ни одного собранія повѣстей, ни одной сносной повѣсти!.. Скудный, безплодный мѣсяцъ... Вообразите: всего-на-все—«Комары», новыя картинки къ старымъ сказкамъ будто бы о русскихъ нравахъ, и—новая сказка о Богатырѣ Лягушкинѣ, Царевнѣ Свѣтловидѣ и косолапомъ медвѣдѣ!..

«Комары»—чрезвычайно-интересное явленіе въ современной русской литературѣ; здѣсь извѣстный сочинитель, г. Ѳ. Булгаринъ, вылился весь со всею солью, со всѣмъ блескомъ своего остроумія, со всею своею философіею (?)... Это, можно сказать, результаты его литературной дѣятельности, его литературныя убѣжденія. И потому, нельзя отдѣлаться отъ этой книжонки двумя словами; надо перебрать ее внимательнѣе—для пользы читателей, которымъ, вѣроятно, не прійдется читать ее.

Первая статейка въ «Комарахъ» г. Булгарина называется «Вмѣсто Предисловія»: въ ней очень-тонко и очень-зло *критикуются* люди, которымъ ничего ни стоитъ проиграть въ преферансъ десять цѣлковыхъ, и которымъ жаль заплатить за «Комаровъ» полтора цѣлковыхъ. Признаемся, въ этомъ

случаѣ, мы сами готовы причислить себя къ этимъ окритикованнымъ людямъ. Лучше убить вечеръ за преферансомъ, нежели читать старые разсказы, давно уже истертые въ газетныхъ фельетонахъ. Во второй статейкѣ, объясняется разница между «Осами» (les Guêpes) Альфонса Карра и «Комарами» г. Булгарина. Мы думаемъ, что подобное объясненіе совершенно излишне: «Осы» французскаго литератора довольно скучны, какъ и всѣ книги, въ которыхъ авторы берутся острить наподрядъ и въ срокъ; но въ «Осахъ» Альфонса Карра встрѣчаются иногда вещи дѣйствительно-остроумныя. Ниже, читатели ясно увидятъ разницу въ этомъ отношеніи между «Осами» и «Комарами»... Дальнѣйшее различіе между ними состоитъ еще въ томъ, что А. Карръ сражается въ своихъ «Осахъ» не съ лицами, а съ началами (principes), и преслѣдуетъ не своихъ личныхъ непріятелей, а доктрину, непріязненную его собственной доктринѣ; господинъ же Булгаринъ, напротивъ, сдѣлалъ изъ своихъ «Комаровъ» апоѳеозу собственной своей литературной личности заживо, и говоритъ въ нихъ только или о самомъ себѣ и своихъ сочиненіяхъ, или о людяхъ, которымъ его сочиненія не столько нравятся, какъ ему-самому. Вотъ объ этомъ-то различіи слѣдовало бы ему распространиться, но объ немъ-то онъ и умолчалъ, вѣроятно, предполагая, что это и безъ того замѣчено будетъ людьми догадливыми... Вмѣсто того, г. Булгаринъ распространился о томъ, что «Осы» исполнены личностей, а «Комары», будто-бы, чужды личностей,—изъ чего и выводится подразумѣваемое имъ скромное заключеніе, что «Комары» лучше «Осъ». Но хотя «Комары» г. Булгарина жужжатъ безпрестанно то прямою бранью, то намеками на «толстые журналы» и на «Петербургскія квартиры», извѣстную комедію-водевиль г. Кони, которая по весьма-понятнымъ причинамъ такъ не нравится ему [124]),—однакожь, мы не хотимъ тутъ видѣть никакихъ литературныхъ личностей и намековъ, и очень жалѣемъ, что господинъ-сочинитель «Комаровъ» не поступилъ такъ же и вздумалъ видѣть личности тамъ, гдѣ не имѣлъ права подозрѣвать ихъ. Г. Булгаринъ утверждаетъ, будто въ русской литературѣ есть люди, которые за критику мстятъ своимъ противникамъ—клеветою!!. Послушайте, что онъ говоритъ объ этомъ: «Для удовлетворенія жаждѣ мщенія, за какую-нибудь критику, или острое словцо, эти господа представляютъ литераторовъ въ гнусномъ видѣ, и тѣмъ наносятъ величайшій вредъ нашей литературѣ. И кто же пишетъ все это?.. Вотъ на-примѣръ, посмотрите, какимъ образомъ выставленъ русскій журналистъ въ такъ-называемой комедіи-водевилѣ: *Петербургскія Квартиры*. Хуже всякаго подъячаго и ябедника!.. Это самое гнусное лицо въ мірѣ, лжецъ, взяточникъ... Онъ беретъ деньги за похвалы съ книгопродавцевъ... Они даютъ ему золото!.. (*стр.* 10—11). Затѣмъ г. Булгаринъ старается изо всѣхъ силъ увѣрить своихъ читателей, что наши *книгопродавцы* и *золото*—понятія несовмѣстныя, и что такихъ безнравственныхъ журналистовъ на Руси нѣтъ. Да изъ чего же всѣ эти хлопоты? Почему г. Булгаринъ нападаетъ именно съ этой стороны на «Петербургскія Квартиры»? Непостижимо? Намъ кажется, что всякій благоразумный читатель долженъ видѣть въ этомъ

водевилѣ только чистый вымыселъ фантазіи, а отнюдь не статистическое, или историческое сочиненіе? Публика хочетъ смѣяться—и водевилистъ смѣшитъ ее изображеніемъ разныхъ чудаковъ, а иногда и негодяевъ, если онъ къ тому имѣетъ еще и нравственную цѣль, какъ вѣроятно имѣлъ ее авторъ означеннаго водевиля. Литература, въ смыслѣ вымысловъ изображенія, рисуетъ не то, что есть въ-самомъ-дѣлѣ, а то, что возможно; для уничтоженія этой-то *возможности* и пишутся нравственно-сатирическія сочиненія, въ которыхъ, по увѣренію г. Булгарина, онъ самъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ подвизался. Г. Булгаринъ написалъ столько чорныхъ, и между-тѣмъ, конечно, ни на кого не похожихъ портретовъ взяточниковъ,—и однакожь, можно ли утвердительно сказать, что на Руси есть такіе взяточники? Ихъ нѣтъ; но есть возможность ихъ существованія,—для того-то грѣхъ лихоимства и изображается въ такихъ гнусныхъ чертахъ, чтобы предотвратить въ будущемъ возможность появленія взяточниковъ. Здѣсь предается казни общественнаго мнѣнія *идея*, а не лицо, или лица. Также точно и г. Кони, вѣроятно, имѣлъ въ виду предать публичному позору идею безсовѣстнаго и безчестнаго журналиста, наносящаго срамъ и литературѣ и журнальному дѣлу, а отнюдь не оскорбить журналистовъ намекомъ. И лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія служитъ то, что *доселѣ* ни одинъ изъ журналистовъ не думалъ оскорбиться пьесою г. Кони; напротивъ, многіе хвалили ее, а публика ей аплодировала, вызывала автора, актеровъ, и всѣ единодушно жалѣли, что автору вздумалось исключить при представленіи самый лучшій ея актъ, въ которомъ именно изображенъ журналистъ-взяточникъ, и котораго высокое достоинство всѣмъ извѣстно было не изъ рукописи, а изъ печатной книги.

Нападки «Комаровъ» г. Булгарина на пьесу г. Кони тѣмъ страннѣе и непонятнѣе, что самъ же г. Булгаринъ весьма основательно замѣчаетъ: «правда всегда выходитъ на верхъ, какъ масло въ водѣ, и несправедливость вредна не тому, противу кого устремлена, а тому, кто сочинилъ ее». (*стр.* 12). Но при всемъ своемъ негодованіи на «Петербургскія Квартиры», господинъ-сочинитель «Комаровъ» называетъ пьесу г. Кони только цвѣточками, а ягодками называетъ—что бы вы думали?—нѣсколько строкъ, почему-то зацѣпившихъ его за живое, изъ статьи князя Вяземскаго, напечатанной въ «Утренней Зарѣ» на 1841 годъ! . При разборѣ Альманаха г. Владиславлева [125]), мы выписали эти незабвенныя и прекрасныя строки; но какъ повторять и распространять хорошее пріятно и полезно, и какъ мы хотимъ, чтобъ читатели имѣли передъ глазами самые факты для повѣрки нашей справедливости въ спорѣ съ господиномъ-сочинителемъ «Комаровъ»,—то и выписываемъ ихъ здѣсь снова, изъ самыхъ «Комаровъ» (*стр.* 13).

„Должно однакожь замѣтить, что литературныя несогласія того времени были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ; тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли высказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой удалости ума,

искавшаго въ подобныхъ ошибкахъ случайности, гласности и блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматеровъ, нежели артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ выходили другъ противъ друга добровольные, безкорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуютъ изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягою и оружіемъ своимъ, и за безсиліемъ своимъ къ бою на чистоту, готовы прибѣгать ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, поруганные и уязвленные побѣдителемъ, они не признаютъ себя побѣжденными; если стрѣлы ихъ не мѣтки и удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасѣ другое оружіе, потаенное, ядовитое, имѣютъ свои неприступныя засады, изъ коихъ поражаютъ противниковъ своихъ навѣрное. Сей язвы литературъ и обществъ, которыя ихъ терпятъ потому, что и въ Божіемъ твореніи пресмыкаются ядовитые гады и слѣд., нужны въ общемъ планѣ созданія, къ счастію и къ чести своей, не знала *старинная* литература наша".

Выписавъ эти строки, г. Булгаринъ начинаетъ утверждать, будто онѣ могутъ заставить иного недогадливаго (именно, *недогадливаго!*) читателя справляться, съ кѣмъ не въ ладахъ ихъ авторъ, на чью критику онъ сердится, и на кого метитъ... Помилуйте, можно ли быть такъ пугливу и безпокоиться на такихъ зыбкихъ основаніяхъ! Князь Вяземскій, пиша эти строки, утверждалъ только, что *тогда*, въ описываемое имъ время, не было того-то и того-то; но онъ не говоритъ, что *теперь* есть все это: въ его строкахъ нѣтъ ни одного слова, на основаніи котораго можно было бы доказать подобное памѣреніе. Толковать же такъ и сякъ чьи-либо слова и придавать имъ, по своему произволу, такой смыслъ, котораго не подтверждаетъ ихъ буквальное знаменованіе,—то же, что судить совѣсть другаго и судить ее судомъ инквизиторскимъ...

Но возвратимся снова à nos moutons,—къ нашимъ барашкамъ, или къ «Комарамъ»... Французская поговорка здѣсь кстати пришлась, потому-что «Комары» г. Булгарина невинны, кротки и незлобивы, какъ барашки... Будемъ слѣдовать за ихъ сочинителемъ изъ страницы на страницу, останавливаясь на томъ, что покажется намъ болѣе-замѣчательнымъ.

На стр. 24 «Комаровъ» находимъ прелюбопытное библіографическое извѣстіе и драгоцѣнный фактъ къ исторіи русской книжной торговли. Грозно обращаясь къ кому-то, будто бы цѣлый годъ трубившему похвалы: «Герою Нашего времени», который, не смотря на то, лежалъ не трогаясь съ мѣста въ книжныхъ лавкахъ, г. Булгаринъ говоритъ: «А сказала «Сѣверная Пчела» правду—и «Герой нашего времени» мгновенно исчезъ изъ книжныхъ лавокъ... и пошелъ бродить по свѣту». Не знаемъ, до какой степени достовѣрно это скромное «объявленіе», но если оно точно достовѣрно, то мы первые отдаемъ полную справедливость неподражаемой ловкости «Сѣверной Пчелы» составлять книгопродавческія объявленія [126]).

Отъ стр. 29 до 73 включительно, простирается философическій взглядъ на гордость, какъ губительный порокъ, и нравоучительный разсказъ, фактически подкрѣпляющій собою глубокомысленный взглядъ сочинителя на предметъ, самъ-

по-себѣ довольно старый и избитый. Статья эта называется «Нищій»; въ ней трогательно и поучительно разсказано, какъ одинъ купецъ-мильйонеръ разорился отъ гордости, пошелъ по міру, и какъ сочинитель «Комаровъ», вмѣстѣ съ добрыми своими пріятелями, помогъ ему, и тѣмъ пріобрѣлъ отъ него право разсказывать всѣмъ о своемъ благодѣтельномъ поступкѣ... Впрочемъ, какъ ни умилительно разсказанъ этотъ анекдотъ безъ всякаго содержанія, какъ ни высоко цѣнимъ мы талантъ г. Булгарина—разсказывать длинно о томъ, о чемъ совершенно нечего разсказывать, и какъ ни глубоко уважаемъ мы его усердіе повторять всѣмъ извѣстныя изъ азбукъ правила нравоученія,—однакожь должно сознаться, что извѣстный сочинитель дѣтскихъ книгъ г. Борисъ Ф(Ѳ)едоровъ въ этомъ искусствѣ далеко превосходитъ г. Булгарина, и что онъ еще убѣдительнѣе могъ бы доказать вредъ, происходящій отъ такого ужаснаго порока какъ гордость...

За «Нищимъ» слѣдуетъ «Метемпсихоза», въ которой фантазія господина сочинителя «Комаровъ» развертывается во всемъ блескѣ радужныхъ лучей своихъ, выказываетъ всю свою затѣйливость, впрочемъ, такими выдумками, которыми она уже не разъ удивляла всѣхъ, и безъ особенныхъ отмѣнъ или новыхъ прибавленій противъ прежняго... Сочинитель, въ одно изъ своихъ многочисленныхъ странствованій по бѣлому свѣту, отправившись на кораблѣ (кажется, изъ Испаніи, можетъ-быть, во времена Наполеона) [127]), на островъ, нашелъ тамъ жреца, который видитъ душу каждаго человѣка. Сочинитель говоритъ жрецу, что онъ заглядываетъ въ толстую книгу, выходящую ежемѣсячно, и каждый разъ видитъ тамъ похвалы литературному безкорыстію и проклятія литераторамъ, продающимъ литературные труды свои за деньги. Жрецъ успокоиваетъ сочинителя, увѣряя его, что издатель «толстой книги» выдаетъ ее не даромъ, а за деньги, и что слѣдовательно, литературное безкорыстіе—вздоръ, и что всѣ издатели въ мірѣ похожи на него, господина-сочинителя... Утѣшившись этимъ пріятнымъ увѣреніемъ, сочинитель спрашиваетъ жреца о водевилистѣ, который поставилъ на сцену «Собачьи Канупы»; жрецъ ему отвѣчалъ, что «Собачьи Канупы» достойны всякаго уваженія, ибо изъ нихъ выползъ пройдоха, герой извѣстнаго романа, и въ нихъ же получила свое начало *безкорыстная* литературная дѣятельность извѣстнаго рода... Тѣмъ все и кончается.

На 99 стр. «Комаровъ», у какого-то сочинителя, когда онъ что-то писалъ, убѣжала изъ головы мысль, которая всегда бѣгаетъ отъ него, когда онъ пишетъ. Потому статья и названа полицейскимъ терминомъ: «Бѣглая мысль». Когда реченный сочинитель кончилъ свое писаніе, мысль къ нему воротилась и разсказала свои «похожденія», какъ ее отвсюду гоняли. Статья эта отличается свойственнымъ г-мъ Булгарину игривымъ и граціознымъ остроуміемъ; для доказательства этого, намъ стóитъ сказать, что мысль, въ разговорѣ съ сочинителемъ, всегда называетъ его «папенькою», а *папенька* называетъ ее «бѣглянкою».

Когда мысль снова убѣжала отъ господина-сочинителя, онъ, безсмысленный, отправился, на англійскомъ кораблѣ, путешествовать, и заѣхалъ къ антиподамъ, отъ-чего статья и получила затѣйливое и остроумное названіе «Путешествія къ антиподамъ на цѣлебный островъ». На этомъ островѣ, сочинитель-путешественникъ нашелъ всѣхъ своихъ враговъ, т. е. тѣхъ литераторовъ, которыхъ презрѣніе такъ оскорбляло его на этой сторонѣ земнаго шара. Но—о чудо!—всѣ эти литераторы, поживя на цѣлебномъ островѣ, совершенно излечились отъ своей благородной гордости, бросаются къ сочинителю на шею, нѣжно цалуютъ, обнимаютъ его, жмутъ ему руки, и хоромъ кричатъ, что онъ былъ правъ, совершенно правъ, говоря о нихъ въ одномъ и томъ же листкѣ будтобы по сту различныхъ правдъ, и что они были виноваты, находя противорѣчія въ его о нихъ отзывахъ... Скромный и озадаченный неожиданностію такого пріема, сочинитель, едва успѣвалъ откланиваться и отцаловываться... Вотъ, для образчика этой сцены, одинъ отрывочекъ:

— „Чокнемся“—сказалъ, улыбаясь, *высокій парень, съ раздутымъ лицомъ*. „Вѣдь мы съ тобою были нѣкогда пріятелями, а прогнѣвался я на тебя въ припадкѣ болѣзни, когда ты не хотѣлъ признать меня преобразователемъ драмы и драматическаго искусства... драматургомъ—превыше Лопеса де Вега, Кальдерона, Шекспира и Шиллера!.. Ну, выпьемъ же... *благо есть случай выпить*... Какой я геній“—продолжалъ ораторъ—„просто дюжинный писатель, на какихъ въ Германіи и во Франціи смотрѣть не хотятъ!.. А у насъ... вы же, господа журналисты, свели меня съ ума, хваля мои пустяки, за то, что я добрый малой... и даже заставляя книжниковъ платить мнѣ... Слава Богу... теперь я излечился, и вижу, что мнѣ надобно еще крѣпко поучиться русской грамотѣ... Но что толковать—обнимемся!..

Истинно-прекрасное литературное общество и по чувствамъ, и по тону!.. Ну если бы кто-нибудь, забывъ, что это просто игра фантазіи г. Булгарина, вздумалъ увидѣть въ этомъ изображеніе русской литературы? Не правъ ли бы онъ былъ, сдѣлавъ заключеніе, что арена русской литературы грязнѣе Сѣнной Площади и Толкучаго-Рынка?..

«Путешествіе къ антиподамъ на цѣлебный островъ» замѣчательно еще и многими автобіографическими чертами, которыя дышутъ удивительною откровенностію... «Не дерзаю себя сравнивать ни съ Шатобріаномъ, ни съ Вальтеръ Скоттомъ, ни съ Байрономъ, ни (*даже*) съ Гюго и Дюма», говоритъ г. Булгаринъ (14 *стр.*): похвальная, хотя и неумѣстная скромность, ибо говоритъ, что между г. Булгаринымъ и такими людьми, какъ Вальтеръ Скоттъ и Байронъ—есть общее развѣ только въ томъ, что онъ, подобно имъ, не можетъ жить безъ пищи и воздуха, говорить это—значитъ утверждать съ важностію великую истину, что золото дороже глины... Равнымъ образомъ, кажутся намъ не совсѣмъ умѣстными фразы, въ родѣ слѣдующихъ; «по словамъ враговъ моихъ я—литературный *торгашъ*, *спекулянтъ*» — (стр. 123)... «Враги мои изображаютъ меня сущимъ *змѣемъ горыничемъ*» (стр. 122) и тому подобныхъ... Не помнимъ, гдѣ и когда называли враги г-на Булгарина

такими незавидными именами. Мы думаемъ даже, что едвали бы возможно было напечатать такіе рѣзкіе эпитеты. Это, должно быть, просто выдумка. Но мы никакъ не можемъ понять странное расположеніе въ г. Булгаринѣ выдумывать подобныя вещи, или принимать на свой счетъ все, что говорится дурнаго въ литературномъ смыслѣ о комъ-нибудь вообще .. Намъ кажется также невѣрнымъ извѣстіе, сообщаемое г-мъ Булгаринымъ на 122—123 страницѣ «Комаровъ», именно: «Люди стали отъискивать то зло, которое я, по мнѣнію враговъ монхъ, надѣлалъ на земномъ шарѣ—и не нашли вовсе ни обманутыхъ, ни оклеветанныхъ, ни ограбленныхъ мною, этимъ змѣемъ-горыничемъ»... Это извѣстіе вдвойнѣ несправедливо: во-первыхъ, зло на земномъ шарѣ могутъ дѣлать только Чингисъ-Ханы и Атиллы, а не частные люди, кругъ дѣятельности которыхъ ограниченъ «Сѣверною Пчелою» и «Экономомъ»; во-вторыхъ, люди больше думаютъ о себѣ и своихъ дѣлахъ, и имъ некогда терять времени на справки о томъ, о чемъ не стоитъ труда справляться... А вотъ, когда г. Булгаринъ благодаритъ за распространеніе его извѣстности, и въ Россіи и за границею, — это дѣло, и тутъ есть за что благодарить: слава г. Булгарина гремитъ и за границею...

Съ стр. 155 до конца книжки, разсыпана разная мелочь, которая весьма удивила и обрадовала насъ. Глядимъ—и не вѣримъ глазамъ своимъ: старые знакомцы! Дѣло въ томъ, что два послѣднія отдѣленія «Комаровъ», названныя у господина-сочинителя «Комариками» и «Комарьими Вѣстями», состоятъ въ отдѣльныхъ, краткихъ и отрывочныхъ статьяхъ, изъ которыхъ первыя отличаются свойственною г-ну Булгарину глубокостію философическаго созерцанія, а вторыя—свойственнымъ ему остроуміемъ. Первыя суть нѣчто въ родѣ афоризмовъ и полиметровъ Жанъ-Поля Рихтера *), а вторыя—въ родѣ сатирическаго вѣстника, вторично изданнаго Страховымъ въ 1795 году, подъ титуломъ: «*Сатирическій Вѣстникъ, удобоспособствующій разглаживать намарщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей*». Въ томъ и другомъ отдѣленіи, талантъ г. Булгарина торжествуетъ рѣшительно, и можно съ достовѣрностію сказать, что никогда еще не поднимался онъ до такой высоты. Но что удивило и обрадовало насъ,—это явное и несомнѣнное сходство въ тонѣ, замашкѣ и мыслительности «Комариковъ» и «Комарьихъ Вѣстей» съ нашими старыми знакомцами—«Сатирическими Вѣдомостями», которыми остроумный А. Измайловъ, ровно *двадцать лѣтъ* назадъ тому, украшалъ свой журналъ «Благонамѣренный». Сравните, если угодно, то и другое.

*) Жаль только, что г. Булгаринъ уступаетъ Жанъ-Полю въ фактической учености: на 200-й страницѣ «Комаровъ» г. Булгаринъ слова Шиллера о Тилли: «Er lachte niemals—онъ никогда не смѣялся» отнесъ къ Валленштейну... Но это маленькій недосмотръ—не больше: вѣроятно, за множествомъ разнообразныхъ занятій, г. Булгарину некогда было справиться хоть съ исторіею г. Кайданова.

Комарики.

Знаменитый польскій магнатъ XVIII вѣка, Карлъ Радзивилъ, воевода виленскій, чрезвычайно любилъ шутки и невинную и забавную ложь, въ родѣ *не любо не слушай*, а лгать не мѣшай. Однажды спросилъ у него король польскій, Станиславъ Понятовскій: «Жива ли, князь, ваша знаменитая борзая собака, о которой вы мнѣ разсказывали чудеса?»—Жива, В. В., но ослѣпла — «Такъ уже она больше не можетъ ловить зайцевъ дюжинами?» — промолвилъ король.—Извините, В. В., отвѣчалъ Радзивилъ: слѣпота не мѣшаетъ. Выѣзжая на охоту, я привязываю на шею моей слѣпой борзой собакѣ зрячую болонку (,) и дѣло идетъ по прежнему».

Сатирическія Вѣдомости.

Никто не лжетъ съ такою смѣлостію, неустрашимостію и рѣшительностію, какъ помѣщикъ нашъ, отставной ротмистръ *Пулинъ*. На сихъ дняхъ разсказывалъ онъ, что въ послѣднюю турецкую войну, при императрицѣ Екатеринѣ II, какой-то лихой наѣздникъ, одѣтый въ кольчугу, срубилъ ему булатною саблею голову. «А я—продолжалъ г. Пулинъ—выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, попалъ ему прямо въ сердце и убилъ до смерти—соскочилъ съ коня, поднялъ свою голову и *поцѣловалъ* ее...» (*чтмъ?*) Всѣ захохотали. Спросите *покойника* NN.—сказалъ Пулинъ—онъ былъ при этомъ свидѣтелемъ и не дастъ мнѣ солгать». («Благонамѣренный» *1823. Ч. XXIII. стр. 131*).

Комарьи Вѣсти.

Нужны обойщикъ и столяръ для меблировки головы моднаго франта. Работы много: пространство огромное и совершенно пустое.

На границѣ большаго свѣта учреждается таможня—и тогда изъ многихъ *призванныхъ* будетъ мало *избранныхъ*, т. е. вопреки тому, что иногда дѣлается.

Сбѣжала *аккуратность* въ исполненіи условій; кто отыщетъ ее, тому будетъ дано приспособное награжденіе.

Оказалась здѣсь повальная болѣзнь, называемая *мыломъ*, а потому и объявляется симъ каждому, для принятія предосторожности отъ заразы.

Потребна прачка для стирки и глаженія сочиненій юныхъ геніевъ и бальныхъ поэтовъ.

Желающіе избавиться отъ умныхъ иностранныхъ книгъ, могутъ отдать ихъ здѣшнимъ *переводчикамъ*. Они *переведутъ* ихъ успѣшнѣе, нежели *переводятъ* крысъ и мышей.

Нужно большое количество *крючковъ*. Желающіе поставлять оные благоволятъ явиться къ *понеже* и *поелику*.

За отъѣздомъ продается пара сѣдыхъ подъячихъ, годныхъ на всякую черную работу.

Сатирическія Вѣдомости.

Потребенъ для отъѣзда въ деревню съ однимъ изъ здѣшнихъ стихотворцевъ слушатель крѣпкаго сложенія и испытаннаго терпѣнія. Явиться въ какую-нибудь изъ книжныхъ лавокъ.

Потребна для Сидора Сидоровича *Жидоморова* домоправительница, или кухарка съ умѣреннымъ аппетитомъ, которой обѣщаетъ онъ значительную пенсію, если прослужитъ добропорядочно до его кончины и притомъ безъ всякой денежной платы. (*«Благонам.» 1823 г. Ч. XXIII, стр. 132*).

Потребна актриса для роли *львицы* въ драмѣ: *Джонъ или Добродѣтельный*

Иванъ. Явиться на пробу въ маленькій лубочный театръ, что на Невѣ у ледяныхъ горъ.

Потребны для мелочныхъ критиковъ здравый смыслъ и нѣсколько совѣсти. Спросить въ книжныхъ лавкахъ. (*«Благонам.» 1823 г. Ч. XXI., стр. 314*).

Предоставляемъ судить самимъ читателямъ, кто остроумнѣе, въ своихъ сатирическихъ bon mots—г. Булгаринъ, или г. Измайловъ; что̀ касается до насъ, мы думаемъ, что оба они остроумнѣе, т. е. оба лучшѣе. Замѣтимъ при этомъ, какъ̀ видѣнъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, даже самыхъ ничтожныхъ, перстъ судьбы неотразимый: покойный Измайловъ не любилъ «Отечественныхъ Записокъ», издававшихся тогда основателемъ ихъ П. П. Свиньинымъ, — и надо же было судьбѣ сдѣлать такъ, чтобъ Измайловъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ своимъ, передалъ г. Булгарину, какъ-будто по наслѣдству, и свое нерасположеніе къ «Отеч. Запискамъ»!.. Странные, право, случаи бываютъ на свѣтѣ!

Выписываемъ еще два, особенно замѣчательные, образчика остроумія господина-сочинителя «Комаровъ».

„Хозяева домовъ чрезвычайно жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ появилась на сценѣ комедія-водевиль *Петербургскія Квартиры*, никто не нанимаетъ квартиръ, опасаясь, что онѣ также дурны, какъ и эта комедія.

Чудное дѣло! Дались же сочинителю «Комаровъ» эти «Петербургскія Квартиры»: вотъ уже ровно въ двадцать-первый разъ упоминаетъ онъ о нихъ, въ своей книжкѣ!.. это не даромъ!..

„Помните-ли вы, какимъ образомъ Сикстъ V заставилъ избрать себя въ папы? Онъ притворился хилымъ, хворымъ, полуглухимъ, полуслѣпымъ и выжившимъ изъ ума, т. е. не опаснымъ никому и близкимъ къ очисткѣ вакансіи. Послѣ избранія, онъ выпрямился и появился въ свѣтъ здоровымъ, веселымъ и умнымъ. Когда близкій къ папѣ человѣкъ изъявилъ свое удивленіе на счетъ этой внезапной перемѣны, папа отвѣчалъ: „Еслибъ я зналъ, что меня можно отрѣшить отъ мѣста—я бы не перемѣнился послѣ моего возвышенія“!

Зарубите на стѣнку это, господа, кому вѣдать о семъ надлежитъ!

Предоставляя другимъ отыскивать таинственный смыслъ этихъ угрожающихъ и не совсѣмъ понятныхъ словъ,—съ своей стороны, объявляемъ тому, *кому сіе вѣдать надлежитъ*, что «Отечественныя Записки», также намѣреваются, въ отдѣленіи смѣси, прибавить постоянную статью, въ юмористическомъ тонѣ, на-манеръ «Комаровъ» г. Булгарина. Цѣль ихъ—показать, *кому сіе вѣдать надлежитъ*, какъ̀ должны писаться статьи такого рода. Общее названіе статьи будетъ видно тогда, когда появится самая статья... Но въ ожиданіи будущаго, представляемъ на первый разъ маленькій образчикъ на выдержку, что̀ попалось подъ-руку изъ приготовленнаго запаса:

«Писатели, которые надѣются жить въ потомствѣ, всего менѣе хлопочутъ о томъ, что и какъ̀ думаютъ о нихъ современники; рѣшеніе вопроса о своей личности и своихъ твореніяхъ предоставляютъ они времени. Такіе писатели иногда ведутъ подробныя записки своей жизни, и ихъ не смущаетъ мысль, что эти записки могутъ быть напечатаны только послѣ ихъ смерти... Напро-

тивъ, чѣмъ ничтожнѣе и эѳемернѣе писатель, тѣмъ раздражительнѣе его самолюбіе, тѣмъ неугомоннѣе его печатная драка съ мнимыми его врагами. Во всякой брани, хотя бы ему случилось услышать ее на площади, или на рынкѣ, онъ видитъ личности на себя, — и мститъ, отгрызаясь площадною бранью. Когда онъ увидитъ, что книжные продукты его забыты и поступили пудами на толкучіе рынки, что извѣстность его поддерживается только его же бранью и литературною клеветою на другихъ, что репутація его, какъ плохаго сочинителя, утверждена на прочныхъ основаніяхъ, пути къ разживѣ посредствомъ книжнаго шарлатанства пресѣчены: тогда ему остается одно— писать книжонки о самомъ-себѣ, о своихъ сочиненіяхъ; прикидываться жертвою зависти, происковъ, интригъ... Но эта продѣлка ему уже не поможетъ, а развѣ еще больше повредитъ, ибо для него только одно могло бъ еще быть спасеніемъ: молчаніе — въ надеждѣ, что его такъ же скоро забудутъ, какъ скоро забыли его маранья, которыя онъ съ такою смѣлостью предавалъ тиспенію.

Нравится ли вамъ этотъ отрывочекъ?..

Кончивъ все о «Комарахъ», перейдемъ къ «Картинкамъ Русскихъ Нравовъ».

Соревнованіе—великій движитель промышленности и всякаго совершенствованія. Успѣхъ «Нашихъ» г. Башуцкаго[128]) возбудилъ въ г. Булгаринѣ стремленіе— пріобрѣсти успѣхъ еще бо́льшій. И вотъ для этого онъ далъ двѣ весьма-посредственныя статейки свои (изъ стараго, давнымъ-давно напечатаннаго хламу)— «Салонница» и «Корнетъ» для прекрасныхъ рисунковъ г. Тима; а г. Тимъ, въ свою очередь, къ весьма-посредственнымъ статейкамъ г. Булгарина, приложилъ свои прекрасные рисунки, сдѣланные имъ съ гораздо-большимъ стараніемъ, чѣмъ его же рисунки къ «Нашимъ»,—отчего и вышли двѣ маленькія, изящно изданныя книжечки. Нечего говорить, что для чего здѣсь употреблено—текстъ для картинокъ, или картинки для текста, и соотвѣтствуетъ ли одно другому. Разумѣется, всякій полюбуется картинками, а читать текста ужъ вѣрно не будетъ.

Что же касается до «Сказки о славномъ витязѣ, храбромъ и могучемъ богатырѣ, Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ, о прекрасной царевнѣ Свѣтловидѣ и о косолапомъ другѣ медвѣдѣ»,—эта вещь весьма нелѣпая, что уже видно изъ самаго ея заглавія, и столь же дурно изданная, сколь хорошо изданы «Картинки Русскихъ Нравовъ». Скромный авторъ «Сказки» не выставилъ своего имени: и хорошо сдѣлалъ! Имя его, вѣроятно, не такъ еще извѣстно, чтобъ онъ имѣлъ право выставлять его, и въ книжонкѣ своей жаловаться на враговъ, завистниковъ, клеветниковъ или распространяться о своей добродѣтели, своихъ заслугахъ, своихъ талантахъ и своихъ сочиненіяхъ. И потому, вся его книжонка не многимъ развѣ нелѣпѣе иной сочинительской апологіи самому себѣ, за то, гораздо благопристойнѣе ея и назидательнѣе...

*605. **Повѣсти въ Стихахъ** *Елисаветы Шаховой.* Спб. Въ типографіи Конрада Вингебера и сына. 1842. Въ 8-ю д. л. 167 стр.

Θеофилъ, духовная повѣсть. Соч. *Е. Алипанова.* (Изданіе второе). 1842. Спб. Въ типографіи Е. Алипанова. Въ 16-ю д. л. 42 стр.

Вѣенные (я) Пѣсни. Соч. *Е. Алипанова.* (Изданіе второе). Спб. Въ типографіи Е. Алипанова. Въ 16-ю д. л. 62 стр.

Досуги для Дѣтей. Соч. *Е. Алипанова.* (Изданіе второе). Спб. 1842. Въ 16-ю д. л. 60 стр. [129]).

Прочитавъ стихотворныя повѣсти г-жи Шаховой, мы убѣдились, что писать повѣсти стихами гораздо-легче, нежели читать ихъ. Мы думаемъ—это оттого, что проза должна писаться прозою, а не стихами, въ доказательство чего и приводимъ слѣдующее мѣсто:

Мазурка—танецъ обольщеній,
Восторговъ, суетныхъ побѣдъ,
Ты праздникъ бальныхъ вдохновеній,
Зачинщикъ сердца тайныхъ бѣдъ:
Ты просто *пирный* возмутитель,
Забавникъ, вѣтреникъ и льстецъ,
Ты невозбранный покровитель
Соединенія сердецъ!
И я мазуркѣ дань платила,
Но не притворно весела
Отъ чудодѣйки отходила
Всегда бездушнѣй, чѣмъ была.
Вся эта суетность смятеній
Душѣ докучна и чужда,
Но я для бальныхъ приключеній
Люблю мазурку иногда.
Люблю и въ вихрь ея вдаваться,
Въ причудныхъ вымыслахъ тонуть,
Чтобъ послѣ многому смѣяться
И слаще дома отдохнуть.

Мы увѣрены, что многое непонятное въ этихъ стихахъ было бы понятно въ прозѣ, гдѣ для рифмы и мѣры не надо жертвовать смысломъ...

Мужичекъ Алипановъ рѣшительно пошелъ въ *сочинители!* Чтобъ удобнѣе подвизаться на этомъ веселомъ поприщѣ, онъ завелъ типографію и, въ качествѣ ея хозяина, который самъ-себѣ голова, смѣло ставитъ на своихъ дрянныхъ книжонкахъ «второе изданіе», издавая ихъ только въ первый разъ.

*606. **Гайдамаки.** Поэма *Т. Шевченка* (о?). Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. А. Сычева. Въ 8-ю д. л. 131 стр. [130]).

Читателямъ «Отеч. Записокъ» извѣстно мнѣніе наше на счетъ произведеній такъ-называемой малороссійской литературы. Не станемъ повторять его здѣсь,

и только скажемъ, что новый опытъ *співаній* г. Шевченка, привилегированнаго, кажется, малороссійскаго поэта, убѣждаетъ насъ еще болѣе, что подобнаго рода произведенія издаются только для услажденія и назиданія самихъ авторовъ: другой публики у нихъ, кажется, нѣтъ. Если же эти господа *кобзари* думаютъ своими *поэмами* принести пользу низшему классу своихъ соотчичей, то въ этомъ очень ошибаются: ихъ поэмы, несмотря на обиліе самыхъ вульгарныхъ и площадныхъ словъ и выраженій, лишены простоты вымысла и разсказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всѣмъ плохимъ пінтамъ,—часто нисколько не народны, хотя и подкрѣпляются ссылками на исторію, пѣсни и преданія,—и слѣдовательно, по всѣмъ этимъ причинамъ—онѣ непонятны простому народу и не имѣютъ въ себѣ ничего съ нимъ симпатизирующаго. Для такой цѣли было бы лучше, отбросивъ всякое притязаніе на титло поэта, разсказывать народу простымъ понятнымъ ему языкомъ о разныхъ полезныхъ предметахъ гражданскаго и семейнаго быта, какъ это прекрасно началъ (и жаль, что не продолжалъ) г. Основьяненко въ брошюрѣ своей «Лысты до любезныхъ землякивъ». А то, пожалуй, какой-нибудь волостной мудрецъ-писарь (только не Шельменко), прочтя ваши «сочиненія», отвѣтитъ вамъ вашими же словами:

Теплый кожухъ, тилько шкода,
Не па мене шитый,
А розумне ваше слово
Брехнею подбыте. (Гайдамаки, стр. 11.)

Что касается до самой поэмы г-на Шевченко—«Гайдамаки», здѣсь есть все, что подобаетъ каждой малороссійской поэмѣ: здѣсь Ляхи, Жиды, казаки; здѣсь хорошо ругаются, пьютъ, бьютъ, жгутъ, рѣжутъ; ну, разумѣется, въ антрактахъ кобзарь (ибо безъ кобзаря какая ужъ малороссійская поэма!) поетъ свои вдохновенныя пѣсни, безъ особеннаго смысла, а дивчина плачетъ, а буря гомонитъ... Вотъ образчики:

Одчиняй проклятый Жиде!
Бо будышъ битый, одчиняй!
Ламайте двери поки выйде,
Викна посыпались, „стрывай!
„Стрывайте заразъ“,—„нагаями
„Свыняче ухо, жартувать
„Чи що ты хочишъ!? Я! зъ панами?
„Крый Боже заразъ! Дайте встать
„Ясновельможни (пышкомъ свыни)
„Пани полковнику ламай“,
Упалы двери... а нагай
Малюе вздовжъ жидивску спыну,
„Здоровъ свыне, здоровъ жиде,
„Здоровъ чортивъ сыну.“
Та-нагаемъ, та-нагаемъ
А жидъ зогнувъ спыну
„Не жартуйте мости пане“
„Добри вечыръ, въ хату!

„Ще разъ шельму, ще разъ годи!
„Выбачай проклятый,
„Добри вечиръ, а де дочка?
„Умерла панове“
„Лжешь іудо, нагаями!
Посыпалысь знову... и т. д.

Не правда ли, какая мѣткая кисть въ описательной природѣ? Этой картинѣ посвящена цѣлая глава: *Конфедераты.*—А вотъ нѣчто въ родѣ чувствительно-нѣжномъ. Страстный любовникъ, Яремо, пришелъ на свиданіе къ своей возлюбленной; но ея еще нѣтъ. Яремо, по сему случаю, поетъ элегію на цѣлой страницѣ, и уже собирается умирать, какъ вдругъ—шелестъ:

Попидъ гаемъ мовъ ласочка
Крадыця Оксана.
Забувъ, побигъ, обнялыся,
„Серце...“ тай зомлилы
Довго, довго, тилько „серце“
Тай знову пимилы.

Яремо говоритъ:

„Годи пташко“,

Оксана:

„Ще трошички,
Ще... ще... сызокрылый,
Выйми душу... ще разъ... ще разъ...
Охъ, якъ я втомилась“.

Опять картина, и какая живая! Вотъ ужъ подлинно, говоря поэтическимъ языкомъ самого господина-сочинителя: *ушкварилъ!*

Изданіе наполнено всевозможными ошибками противу знаковъ препинанія, какъ это отчасти видно изъ приведенныхъ примѣровъ, гдѣ, для соблюденія смысла, мы принуждены были поставить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свои знаки.

*** 607. Кесари.** Сочиненіе *Ф. де-Шампаньи.* Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 223 стр. [131]).

Переводъ прекраснаго сочиненія Шампаньи есть истинный подарокъ русской литературѣ, столь бѣдной хорошими историческими сочиненіями. Можетъ быть, мы поговоримъ по-подробнѣе, въ отдѣлѣ «Критики», объ этомъ важномъ произведеніи; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что переводчикъ заслуживаетъ благодарность сколько за выборъ книги для перевода, столько и за прекрасное выполненіе своего труда. Правда, можно замѣтить въ иныхъ мѣстахъ перевода небрежности, въ другихъ невѣрность выраженій и словъ, какъ напр.: выражавшее у Римлянъ презрѣніе слово Graeculus—*Гречонокъ* (какъ мы говоримъ *Французишка*, *Нѣмчура*), переводчикъ перевелъ *маленькимъ Греком*ъ (стр. 92); *претендентовъ* онъ называетъ *претендателями* (стр. 99),

актера—лицедѣемъ и т. п.; но это мелочи въ сравненіи съ общимъ достоинствомъ перевода—живаго, бойкаго, одушевленнаго, легкаго, свободнаго и яснаго. Изданіе книги опрятно, и было бы даже красиво, еслибъ не было изуродовано множествомъ прописныхъ буквъ, безъ нужды и безъ смысла поставленныхъ въ уваженіе старинной схоластической орѳографіи «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Корректура тоже не совсѣмъ исправна.

*608. **Часы Выздоровленія**(.) Стихотворенія *Александра Полежаева*. Москва. Въ тип. А. Евреинова. 1842. Въ 12-ю д. л. 67 стр.[132]).

По поводу этой книжки, мы подробно говорили о Полежаевѣ и его стихотвореніяхъ въ отдѣлѣ «Критики» этого нумера «Отеч. Записокъ». Въ «Часахъ Выздоровленія» нѣтъ никакихъ признаковъ душевнаго и поэтическаго выздоровленія, а замѣтенъ скорѣе совершенный упадокъ силъ замѣчательнаго и нѣкогда сильнаго таланта. Лучшая пьеса въ «Часахъ Выздоровленія»—«Узникъ»; но, во-первыхъ, она невыдержана, и стихи въ ней наполовину превосходны, наполовину плохи; а во-вторыхъ, она не новость, потому-что была напечатана въ «Отеч. Запискахъ» (1840. Т. VIII). Послѣ «Узника» не дурна пѣсня «Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти»,—не болѣе, какъ не дурна. «Вѣнокъ на гробъ Пушкина»—нѣчто въ родѣ лирической поэмы,—не первая, но уже послѣдняя неудачная попытка въ этомъ родѣ. Вотъ посвященіе этихъ стихотвореній другу автора, А. П. Л—му:

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ минувшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой-о-чемъ.
Увы! старинный жаръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ,
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой.

Изданіе книжки довольно-скромно и весьма-нерадиво: въ нѣкоторыхъ стихахъ нѣтъ мѣры, и много орѳографическихъ ошибокъ.

*609. **Игра въ Преферансъ.** Собраніе правилъ и постановленій, употребляемыхъ во всѣхъ родахъ этой игры, а именно: преферанса простаго, преферанса съ кадилами, преферанса сложнаго полнаго и преферанса неполнаго, объясненныхъ примѣрами, извлеченными изъ лучшихъ сочиненій и опытовъ извѣстнѣйшихъ игроковъ, съ показаніемъ примѣрныхъ игръ(,) никогда непроигрываемыхъ и одиннадцатью таблицами разсчетовъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Бородина и К°. Въ 16-ю д. л. 123 стр. Съ эпиграфомъ:

Бранятъ всѣ карты, но дурнаго
Я въ нихъ не вижу ничего,
И кто не хочетъ взять чужаго,
Не проиграетъ своего [133]).

Эпиграфъ немножко неудачно выбранъ; кто въ преферансѣ не хочетъ взять чужаго, тотъ много проиграетъ своего: дѣло извѣстное! Само же сочиненіе написано далеко лучше другихъ въ этомъ родѣ. Видѣнъ, знаете, такой опытный взглядъ, такія обширныя свѣдѣнія, такая строгая система: доказательство, что наука о преферансѣ совершенствуется болѣе и болѣе. Оно и лучше! Назидайте, почтеннѣйшій авторъ, назидайте своихъ соотчичей! Есть города, куда свѣтъ просвѣщенія еще не вполнѣ проникъ; возьмемъ въ примѣръ, недалѣе, какъ Москву. Москва, Россіи дщерь любима, и что жь? Вообразите, какая закоренѣлость нравовъ! Тамъ упорно еще держатся старины и играютъ въ преферансъ б е з ъ п е р е г о в о р о в ъ, т. е., безъ преимущества мастей!!!.. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ трудно повѣрить этому; но я самъ видѣлъ это собственными глазами. Что жь, если сказать еще имъ, что теперь въ преферансѣ играютъ и *мизерныя* игры? Вѣдь не повѣрятъ, рѣшительно не повѣрятъ; а между-тѣмъ, вотъ и вы объ этомъ же говорите въ вашемъ сочиненіи... Странно!

***610. Альфъ и Альдона.** Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе *И. Кукольника*. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 267, во II-й—286, въ III—235, въ IV—280 стр. [134]).

Нельзя не удивляться неистощимой дѣятельности г. Кукольника. Это, рѣшительно, плодовитѣйшій и неутомимѣйшій изъ всѣхъ современныхъ нашихъ писателей. Самъ г. Полевой долженъ уступить, въ этомъ отношеніи, пальму первенства г. Кукольнику, ибо г. Полевой удивляетъ публику своею дѣятельностію больше или по части объявленій и программъ о многомъ множествѣ своихъ сочиненій, или только первыми томами самихъ сочиненій, никогда не представляя послѣднихъ томовъ; господинъ же Кукольникъ, напротивъ, не обѣщаетъ, а дѣлаетъ, или обѣщая немногое, исполняетъ очень-много—словомъ, какъ говорится, продаетъ товаръ лицомъ. И, однакожь, удивительная дѣятельность г. Кукольника вовсе не сфинксова загадка, для рѣшенія которой былъ бы нуженъ новый Эдипъ. Дѣло, напротивъ, очень-понятно и весьма-ясно. Еслибъ талантъ г. Кукольника равнялся дѣятельности его и трудолюбію,—г. Кукольникъ былъ бы теперь первымъ талантомъ во всей Европѣ, не только у себя дома. Чрезвычайная дѣятельность обыкновенно бываетъ признакомъ или великаго генія, или посредственности. Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ,—каждый изъ нихъ сочинилъ, перевелъ, словомъ, напечаталъ на меньше Пушкина, который, если сообразить количество написан-

наго имъ съ числомъ прожитыхъ имъ лѣтъ, написалъ очень-много. Нѣмецкій авторъ, Тикъ, насочинилъ не менѣе Шиллера и Гёте,—и это, однакожь, доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ Тикъ былъ равенъ по таланту двумъ упомянутымъ корифеямъ богатой нѣмецкой литературы, но то, что и посредственность бываетъ иногда такъ же производительна, какъ геній. Впрочемъ, мы называемъ Тика *посредственностію* не безусловно, а относительно къ Шиллеру и Гёте, изъ которыхъ съ послѣднимъ добрый Нѣмецъ Тикъ когда-то думалъ даже соперничествовать, повѣривъ на-слово братьямъ Шлегелямъ, объявившимъ его, по своимъ католическимъ разсчетамъ, главою романтической школы. Взятый самъ-по-себѣ, безъ сравненія съ великими поэтами, Тикъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, не послѣдній писатель въ Германіи; у насъ онъ былъ бы изъ первыхъ и—чего добраго!—слылъ бы за генія... Мы не ставимъ г. Кукольника наравнѣ ни съ такими сочинителями, какъ Тредьяковскій, Сумараковъ и Херасковъ, ни съ такимъ писателемъ, какъ Тикъ: г. Кукольникъ, безъ всякаго сомнѣнія, столько же выше первыхъ, сколько ниже послѣдняго. Несомнѣнное превосходство г. Кукольника передъ тремя плодовитыми авторами добраго стараго времени нашей литературы заключается не въ одномъ преимуществѣ настоящей эпохи передъ семидесятыми годами прошлаго столѣтія, но и въ талантѣ. Превосходство Тика передъ г. Кукольникомъ состоитъ не въ одномъ талантѣ, но и въ бо̀льшей артистически-ученой настроенности души, въ бо̀льшей обширности не однихъ фактическихъ свѣдѣній и многосторонней эрудиціи, но и въ философскомъ, мыслительномъ, идеальномъ образованіи. Плодовитые писатели, подобные Тику, всегда означаютъ или цвѣтущее состояніе, или упадокъ литературы: если они являются при великихъ творцахъ, какъ явился Тикъ при Шиллерѣ и Гёте,—они служатъ несомнѣннымъ признакомъ цвѣтущаго состоянія литературы; если же они дѣйствуютъ одиноко, на первомъ планѣ, какъ дѣйствуетъ теперь въ Германіи Тикъ, со времени смерти Гёте,—они означаютъ упадокъ литературы. Еслибъ мы не ожидали на-дняхъ выхода «Похожденій Чичикова» Гоголя, то, смотря на усердные и обильные труды гг. Кукольника, Полеваго и Ободовскаго, не на шутку подумали бы, что русской литературѣ настаетъ конецъ концовъ...

Подобно Тику, г. Кукольникъ написалъ кое-что весьма-замѣчательное, если взять въ разсчетъ бѣдность русской литературы; подобно Тику, онъ не написалъ ничего рѣшительно-дурнаго... Здѣсь мы опять должны оговориться, что сближеніе г. Кукольника съ Тикомъ, по нашему мнѣнію, можно основывать не на равенствѣ ихъ между собою, а на общности значенія, какое каждый изъ нихъ имѣетъ въ-отношеніи къ *своей* литературѣ—не болѣе. Такъ, напр., смѣшно было бы и сравнивать «Эвелину де Вальероль» г. Кукольника съ романомъ Тика «Витторія Аккоромбона»: послѣдній романъ могъ живо заинтересовать собою даже образованную нѣмецкую публику; а первая не произвела особеннаго впечатлѣнія даже между читателями «Библіотеки для Чтенія». И между-тѣмъ, все-таки, сравнительно съ современными русскими

романами, каковы: «Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ», «Жизнь и Похожденія Столбикова», «Семейство Холмскихъ (изданное прошлаго года въ третій разъ), «Автоматъ», «Непостижимая», «Два Призрака», «Мирошевъ» и пр.. — сравнительно съ ними, «Эвелина де Вальероль» есть произведеніе геніальное, великое, громадное, словомъ то же самое, что романы Вальтеръ Скотта въ сравненіи съ «Эвелиною де Вальероль»...

Что же касается до новаго романа г. Кукольника «Альфъ и Альдона»— онъ особеннымъ образомъ относится къ исчисленнымъ нами современнымъ русскимъ романамъ. Онъ и лучше и хуже ихъ: лучше потому, что въ немъ больше не только смыслу, но и ума; хуже потому, что въ немъ меньше свободы и добродушной искренности. Дѣло въ томъ, что гг. сочинители помянутыхъ романовъ пропѣли свои эпопеи тѣмъ голосомъ, какой дала имъ природа, и если ихъ пѣснопѣнія вышли довольно-усыпительны,—больше всего виновата въ томъ природа, недавшая пѣвцамъ лучшаго голоса, а самихъ пѣвцовъ можно винить развѣ въ томъ только, что они нисколько не обработали ученіемъ своихъ и безъ того посредственныхъ голосовъ; г-нъ же Кукольникъ пропѣлъ эпопею объ «Альфѣ и Альдонѣ» нѣсколькими тонами выше своего природнаго голоса, а потому и разъигралъ роль пѣвца, который, утомивъ безполезнымъ напряженіемъ грудь свою, измучилъ и истомилъ своихъ слушателей. Еслибъ «Мирошева» напечатать такъ сжато, какъ напечатанъ новый романъ г. Кукольника, то всѣ четыре части «Мирошева» легко сравнялись бы въ объемѣ съ одною частію «Альфа и Альдоны»: но это-то и составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ романа г-на Кукольника. Обширность объема имѣетъ значеніе только какъ результатъ обширности содержанія, требующаго для себя широкихъ рамъ: въ противномъ же случаѣ, она очень сбивается на пухлость, водяность, растянутость и тому-подобныя незавидныя качества. Въ новомъ романѣ г. Кукольника, нѣтъ никакого содержанія; заключающіяся въ немъ приключенія и похожденія могли бы умѣститься въ повѣсть обыкновеннаго размѣра. Чрезвычайное множество дѣйствующихъ лицъ, которыми, такъ-сказать, напичканъ и начиненъ романъ, также принадлежитъ къ числу его главнѣйшихъ недостатковъ. Дѣйствующее лицо въ романѣ непремѣнно должно быть *характеромъ*, или совсѣмъ не должно существовать: въ этомъ отношеніи, ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Альфѣ и Альдонѣ» не имѣло бы ни малѣйшаго права на вниманіе къ себѣ со стороны не только мыслящей, но и просто читающей публики. Г. Кукольникъ хотѣлъ, въ своемъ романѣ, начертать картину нравственнаго и политическаго состоянія Литвы въ половинѣ XIV столѣтія, когда князья частію исповѣдывали христіанскую религію, съ половиною народа, частію покровительствовали ей, между-тѣмъ, какъ другая половина народа держалась издыхающаго язычества. Не знаемъ, до какой степени подобная эпоха можетъ служить романисту; но знаемъ, что г. Кукольнику она весьма плохо послужила. Въ романѣ его безпрестанно упоминается объ «эпохѣ»; онъ испещренъ литовскими именами мѣстъ, урочищъ и людей того времени,

по колорита и духа эпохи нѣтъ и признаковъ. Ольгердъ, честолюбивый, хитрый воинъ и политикъ въ духѣ временъ полуварварскихъ, является у г. Кукольника цивилизованнымъ человѣкомъ нашего времени, добрякомъ, сантиментальнымъ фразеромъ, хоть авторъ и увѣряетъ читателя, что это—герой и великій человѣкъ. Братъ Ольгерда, Кейстутъ, настоящій герой романа, тоже похожъ на человѣка нашего времени, которому пришла въ голову фантазія нарядиться воинственнымъ варваромъ XIV вѣка и, подобно донъ-Кихоту, прикинуться рыцаремъ, вмѣсто того, чтобъ жить добрымъ помѣщикомъ,—сражаться съ баранами, а не заниматься овцеводствомъ. Альфъ и Альдона—плодъ любви Литвянки и нѣмецкаго рыцаря, совоспитанники дѣтей Гедымина. Кейстутъ любилъ Альдону; Альфъ—Анастасію, дочь боярина. Тотъ и другой влюбились потомъ въ вайделотку Бируту. Эта Бирута — существо неземное, красота не описанная, умъ высокій, богиня душою и сердцемъ, идеалъ женскаго совершенства, внѣшняго и внутренняго. Все это очень-хорошо; худо только, что во всемъ этомъ мы должны вѣрить на-слово *описаніямъ* автора; сами же мы видимъ въ Бирутѣ собраніе общихъ реторическихъ мѣстъ, полую воду фразъ и словъ, натянутость и напыщенность. Альдона, въ свою очередь, то же идеалъ невообразимыхъ совершенствъ, и намъ очень-жаль, что авторъ не позаботился помочь нашему недоразумѣнію, сказавъ, которая изъ этихъ «неземныхъ дѣвъ» выше... И такъ, Альфъ и Кейстутъ—соперники; но первый долженъ былъ уступить Кейстуту; въ-слѣдствіе чего и сдѣлался негодяемъ, предателемъ, навелъ Кейстута на засаду и живаго выдалъ Нѣмцамъ, а самъ какъ ни въ чемъ не бывалъ. Правда, онъ же потомъ и помогъ Кейстуту вырваться изъ плѣна, но потому только, что Бирута дала ему слово не принадлежать никому, кромѣ какой-то глупой богини, которой она посвятила свое дѣвство. Между-тѣмъ, мы не знаемъ, кого изъ нихъ любитъ Бирута, или любитъ ли она кого-нибудь: хотя Бирута и разговариваетъ на нѣсколькихъ страницахъ, но изъ ея болтовни ничего нельзя выжать. И вдругъ, ни съ того ни съ сего, Бирута рѣшается выйти за Кейстута; Альфъ же, затаивъ ненависть къ Кейстуту, уѣзжаетъ въ Москву, чѣмъ и кончается длинный и скучный романъ. Но и достигши вожделеннаго конца романа, читатель не видитъ конца своему умственному истязанію! Послѣднія строки сильно заставляютъ его опасаться еще новаго романа, въ которомъ, вѣроятно, безчестный Альфъ будетъ играть уже не третестепенную, а первую ролю...

Къ главнымъ лицамъ романа г. Кукольника принадлежитъ лицо князя овручскаго Юрія Романовича, иначе барона Кристофа. Это, изволите видѣть, человѣкъ, который съ-молоду только и дѣлалъ, что наспловалъ женщинъ, не разъ былъ женатъ, потомъ исправился и—сдѣлался шпіономъ... Право такъ! Пріобрѣтя довѣренность Нѣмцевъ, онъ знаетъ тайны ордена и передаетъ ихъ Ольгерду. Онъ въ романѣ вездѣ и нигдѣ: является всегда нечаянно, эффектно, театрально, исчезаетъ также внезапно. Онъ водитъ за-носъ Нѣмцевъ, не потому, чтобъ самъ былъ слишкомъ-уменъ и слишкомъ-хитеръ,—напротивъ, онъ

довольно-простъ и ограниченъ, какъ всѣ болтуны (а онъ, надо признаться, большой болтунъ)—нѣтъ, онъ обманываетъ Нѣмцевъ потому только, что г-ну Кукольнику угодно было представить Нѣмцевъ глупѣе даже самого овручьскаго князя, Юрія Романовича, барона Кристофа тожь. Цѣлую жизнь надувалъ онъ Нѣмцевъ самыми дѣтскими штучками, ни разу не возбудивъ въ нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія,—и они не повѣсили его... А вѣдь стоило бы повѣсить: онъ былъ предатель, шпіонъ, и все это не изъ какого-нибудь важнаго побужденія, какъ напр., религіознаго, политическаго, или національнаго фанатизма, или, наконецъ, изъ жажды личнаго мщенія; а такъ—отъ нечего-дѣлать, изъ уваженія къ Ольгерду и изъ желанія доставить г-ну Кукольнику оригинальное лицо для романа, лицо благороднаго предателя, идеальнаго шпіона, который тѣмъ не менѣе достоинъ висѣлицы по законамъ военнымъ и гражданскимъ. Нельзя безъ смѣха читать, какими ребяческими продѣлками способствуетъ баронъ Кристофъ (онъ же и князь овручьскій, Юрій Романовичъ) бѣгству Кейстута изъ нѣмецкаго плѣна, какъ кстати помогаетъ ему въ томъ и глупость командора, и его давнишняя связь съ сумасшедшею Гертрудою, и любовь ея дочери, Матильды, къ графу Герарду, и буря, и наводненіе, и пьянство Омельки, и охота въ Маріенталѣ, и проч. и проч..!.. И не смотря на то, что этотъ человѣкъ равнодушно, безъ сожалѣнія, безъ раскаянія обманываетъ людей, съ которыми связанъ и дружбою и любовью, авторъ силится представить его человѣкомъ благороднымъ и возвышеннымъ!..

Послѣ Юрія Романовича, или прежде его,—не знаемъ, право—должно занимать первое мѣсто въ романѣ лицо Цвиркуна, пѣстуна Гедыминовичей и Альфа. Въ немъ благосклонный читатель долженъ видѣть также человѣка идеально-высокаго, но въ то же время и простаго, комически-веселаго, милаго, любезнаго; и автору не можетъ быть пріятно, если неблагосклонный читатель увидитъ въ Цвиркунѣ пустаго болтуна, который, думая быть оригинальнымъ и шутливымъ въ своемъ многоглаголаніи, бываетъ только несносно-скученъ. Натянутость и неестественность въ комическомъ еще несноснѣе, чѣмъ въ трагическомъ... А вотъ сейчасъ являются на сцену и трагическія ходули; на нихъ громоздится, шатаясь и падая безпрестанно, сумасшедшая Вундина — лицо мелодраматическое до смѣшнаго и шутовскаго. Кстати о шутовскомъ: въ романѣ г. Кукольника оно имѣетъ особеннаго представителя въ лицѣ Ларчика, маленькаго урода и шута при дворѣ Ольгерда. Этотъ Ларчикъ не простой шутъ: онъ сгораетъ пламенною страстію къ Альдонѣ, за что Ольгердъ то-и-дѣло бьетъ его костылемъ...

Но не перечесть всѣхъ героевъ въ романѣ г. Кукольника. На обрисовку каждаго изъ нихъ авторъ не пожалѣлъ словъ, и каждое изъ нихъ не жалѣетъ словъ, чтобъ наскучить собою читателю. Въ романѣ, какъ и въ самой дѣйствительности, могутъ быть лица случайныя и незначительныя; но только великіе поэты умѣютъ одною чертою, однимъ словомъ очеркивать ихъ характеры; обыкновенные таланты оставляютъ ихъ такъ, а посредственности за-

ставляютъ ихъ высказывать себя пустымъ многословіемъ, которое дѣлаетъ ихъ еще безличнѣе. Вообще, характеры у г. Кукольника очерчены такими общими, безхарактерными чертами, что трудно отличать одно лицо отъ другаго, и читатель невольно запутывается въ чащѣ именъ, словно въ густомъ лѣсу. Характеръ разсказа г. Кукольника эпизодическій: кончишь главу и прощаешься надолго съ выведенными въ ней лицами и событіями, чтобъ въ слѣдующей познакомиться съ новыми, а когда потомъ опять встрѣтишься съ первыми, то уже и не узнаёшь ихъ. Самъ романъ начинается съ 225-й страницы перваго тома: все предъидущее есть родъ введенія. Слогъ романа соотвѣтствуетъ содержанію и характерамъ дѣйствующихъ лицъ: онъ какъ-то утомляетъ и наводитъ дремоту...

*611. **Картины Русской Живописи.** Гравюры съ извѣстнѣйшихъ картинъ русской живописи, исполнены Робинсономъ, Гисомъ и другими лучшими лондонскими граверами. Выпускъ первый. Гравюра: Благовѣщеніе, съ картины Боровиковскаго. Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 32 стр. (Цѣна каждому выпуску 50 коп. сер.; при полученіи выпуска вносятся деньги за слѣдующій)[135]).

Новое, чрезвычайно-изящное изданіе, которое непремѣнно найдетъ себѣ обширный кругъ читателей между охотниками до книгъ духовно-нравственнаго содержанія. «Картины Русской Живописи» будутъ издаваться выпусками; каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ два печатные листа текста и одну гравюру; въ-теченіе нынѣшняго года издается 12 такихъ выпусковъ, въ которыхъ, слѣдовательно, вмѣстится 12 гравюръ и 24 печатные листа текста, что вмѣстѣ составитъ томъ, и къ нему, при послѣднемъ выпускѣ, дана будетъ гравированная на стали виньета съ общимъ заглавнымъ листомъ *). Цѣль изданія состоитъ въ томъ, чтобъ доставить публикѣ отлично-гравированныя копіи съ лучшихъ произведеній русской иконной живописи, или съ картинъ религіознаго содержанія. Такъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, сказано, что уже изготовлены гравюры съ слѣдующихъ картинъ: 1) Благовѣщеніе, съ карт. *Боровиковскаго* (которая приложена къ *первому*, нынѣ-изданному выпуску), 2) Истязаніе Спасителя, съ карт. *Егорова;* 3) Явленіе Христа Магдалинѣ, съ карт. *Иванова;* 4) Причащеніе умирающей съ карт. *Венеціянова;* 5) Іерусалимъ, съ карт. *Воробьева;* 6) Св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, съ карт. *Бруни;* 7) Св. Василій Великій, съ карт. *Шебуева;* 8) Взятіе Богоматери на небо, съ карт. *К. Брюллова;* 9) Гробъ Господень, съ карт. *Воробьева;* 10) Пещера, съ карт. его же; 11) Св. Семейство, съ карт. *Егорова;* и 12) Тайная Вечеря, съ карт. *Шебуева.* Такимъ образомъ, издатели заготовили уже всѣ двѣнадцать гравюръ, нужныя для составленія обѣщаемаго ими тома. Это обстоятельство, равно какъ и имена нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, извѣстныхъ исправностію и изяществомъ своихъ изданій,—имена, хоть

*) Желающіе подписаться на всѣ 12 выпусковъ платятъ 5 р. сер.

и не поставленныя на оберткѣ, но не смотря на то, намъ извѣстныя,—вѣрная и надежная порука въ томъ, что «Картины Русской Живописи» будутъ выдаваться аккуратно, что это изданіе уже вполнѣ,—по-крайней-мѣрѣ по главной и затруднительнѣйшей своей части,—составлено, и слѣдственно, не можетъ подвергаться никакимъ остановкамъ, зависящимъ отъ неисправности гравёровъ, случайностей подписки, и пр. и пр. Всѣ гравюры сдѣланы въ Англіи лучшими художниками, и если всѣ онѣ такъ же хороши, какъ приложенная при первомъ выпускѣ, то русскую публику можно поздравить съ превосходнымъ изданіемъ. Особенно хорошо исполненъ въ этой гравюрѣ ликъ архангела Гавріила, гдѣ соблюдены достоинства лучшей гравировки: вѣрность подлиннику (подлинникъ этой иконы—на царскихъ вратахъ Казанскаго Собора, въ Петербургѣ) и мягкость;—легкость, какая-то прозрачность и свѣтозарность всей фигуры архангела, такъ дивно выраженныя въ картинѣ, совершенно соблюдены и въ гравюрѣ.

Текстъ перваго выпуска состоитъ изъ трехъ статей: 1) Русская Школа Живописи, г. Кукольника, 2) Стихотвореніе г. Бенедиктова и 3) Благовѣщенскій Соборъ въ Москвѣ, автора «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ».—Статья г-на Кукольника доказываетъ, что онъ довольно-внимательно изучилъ исторію живописи въ Россіи съ ея фактической стороны, но едва ли составилъ о ней себѣ вѣрный взглядъ: онъ видитъ «художество» тамъ, гдѣ не было замѣтно ничего, кромѣ «ремесла».—Стихотвореніе г. Бенедиктова относится къ содержанію гравюры «Благовѣщеніе».—Лучшею статьею показалась намъ «Благовѣщенскій Соборъ въ Москвѣ». Въ ней соединены рѣдко соединяющіяся качества: точность описанія съ изяществомъ одушевленнаго изложенія. Авторъ «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ» сохранилъ и въ этой статьѣ тотъ священный жаръ, которымъ проникнуты многія мѣста прежнихъ его сочиненій.

Кромѣ статьи г. Кукольника, весь текстъ перваго выпуска «Картинъ» относится прямо къ содержанію приложенной къ выпуску гравюры. Желательно было бы еще, чтобъ издатели давали при гравюрахъ и статьи о подлинникахъ, съ которыхъ онѣ сдѣланы, т. е. о достоинствѣ ихъ, о мѣстѣ, гдѣ онѣ находятся, и хоть біографическія свѣдѣнія о самыхъ художникахъ, которыхъ таланту обязаны мы этими картинами.

Дай Богъ успѣха доброму начинанію! Можетъ-быть, послѣ этого, появятся у насъ такія же изящныя копіи съ произведеній русской живописи и по другимъ частямъ.

***612. Рѣчь о Критикѣ**, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета марта 25 дня 1842 года, экстраордин. професс. докторомъ философіи *А. Никитенко*. Спб. 1842. Въ 8-ю д. л. 29 стр. [136]).

Академическія рѣчи г. Никитенко выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій этого рода. Жизненное содержаніе и блестящее, краснорѣчивое изложеніе

всегда составляютъ неотъемлемую принадлежность всего, что выходитъ изъ-подъ даровитаго пера этого автора: мы обратимся къ его «Рѣчи» въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Зап.», гдѣ, въ отдѣлѣ Критики, поговоримъ кстати и вообще о русской критикѣ.

613. Тысяча и Одна Ночь, арабскія сказки. Спб. Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9 и 10. Въ 12-ю д. л. Въ VI-ой части 239, въ VII-ой—240, въ VIII-ой—239, въ IX-ой—239, въ X-ой—238 стр. [137]).

Арабскія сказки суть полнѣйшее выраженіе національнаго духа и общественности важнѣйшаго изъ мухаммеданскихъ народовъ, нѣкогда игравшаго въ мірѣ такую великую роль. Созданія пламенной фантазіи, отрѣшившейся отъ всѣхъ прочихъ способностей души, онѣ отличаются силетеніемъ и переплетеніемъ частей и эпизодовъ, образующихъ собою какое-то уродливое цѣлое—узорчатою нестротою своей фантастической ткани и рѣзкою яркостію своихъ восточныхъ красокъ; онѣ невольно поражаютъ этимъ безсмысленнымъ, произвольнымъ искаженіемъ дѣйствительности, или, лучше-сказать, этою дѣйствительностію, построенною на воздухѣ, лишенною всѣхъ подпоръ возможности, вопреки здравому смыслу. Это-то самое и придаетъ имъ колоритъ оригинальности, составляющій главную ихъ прелесть. Всѣ восточные народы—страстные охотники до разсказовъ и, такъ-какъ восточная жизнь лишена всякаго движенія и разнообразія, они хотятъ, чтобъ эти разсказы были исполнены чудесъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли бы собою контрастъ съ ихъ однообразною, скучною дѣйствительностью. И какъ понятно, что, не смотря на всю нелѣпость вымысла, эти сказки слушаются бритыми правовѣрными головами съ самымъ добродушнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинѣ каждой черты ихъ! Это не глупость, а младенческое состояніе ума, погруженнаго въ вѣчную дремоту. Вотъ почему для дѣтей чтеніе «Арабскихъ Сказокъ» доставляетъ столько наслажденія: человѣкъ-дитя въ Европѣ сочувствуетъ народу-дитяти въ простодушныхъ откровеніяхъ его фантазіи. Человѣкъ взрослый не можетъ читать залпомъ этихъ сказокъ: ему наскучитъ одно и то же—и чудесныя красавицы, и разумные принцы, и повторенія однихъ и тѣхъ же рѣчей, въ которыхъ ровно ничего нѣтъ. Но такъ-какъ и между взрослыми много дѣтей, то «Арабскія Сказки» всегда будутъ имѣть у себя обширный кругъ читателей и почитателей.

Первыя пять частей этого новаго перевода вышли въ 1839 году; тогда же были отпечатаны 6 и 7-я, вышедшія теперь въ свѣтъ съ четырьмя прочими. Нельзя не желать, чтобъ это изданіе было доведено до конца. Изданіе весьма-опрятно; переводъ очень-хорошъ.

***614. Дагеротипъ.** Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній, по причинѣ значительнаго накопленія матеріаловъ, и еще ожидаемыхъ значительныхъ, уже обѣщанныхъ статей, состоять будетъ изъ двѣнадцати тетрадей, каждая въ два листа и болѣе. Срокъ выхода каждой тетради не опредѣляется, но всѣ двѣнадцать тетрадей, будутъ непремѣнно изданы до 1-го января 1843 года. Тетрадь первая. Спб. 1842. Въ типографіи А. Бородина и К°. Въ 8-ю д. л. 35 стр. [138]).

Мы, какъ говорится, съ дипломатическою точностью выписали странное, многоглагольливое, широковѣщательное и въ духѣ книгопродавческихъ объявленій написанное заглавіе этой странной книжки, состоящей изъ 35-ти страницъ, напечатанной весьма-скромно и со множествомъ опечатокъ. Не понимаемъ, что это такое?—Маленькое вступленіе на полуторѣ страничкѣ, подъ заглавіемъ «Дагеротипъ»; потомъ маленькое стихотвореньице г. Губера; далѣе крошечная фѣльетонная статейка о Листѣ, какого-то г. Ноткина; затѣмъ—«Три», бамбоччіада, г. Кукольника, читанная имъ когда-то на какомъ-то «литературномъ вечерѣ»—статейка крайне-пустая по содержанію и весьма-посредственная по изложенію; далѣе—извѣстіе о собраніи оригинальныхъ эскизовъ первѣйшихъ мастеровъ, которымъ владѣлъ въ Москвѣ покойный князь А. И. Долгорукій (это извѣстіе было бы очень-любопытно и умѣстно въ газетѣ); за тѣмъ—пустой анекдотъ, подъ названіемъ «Сентъ-Медаръ»; наконецъ—«Астраханскія Письма» (*письмо первое*). Въ этомъ первомъ письмѣ самая интересная вещь—слѣдующее извѣстіе: «Въ этотъ годъ литература наша представляетъ несравненно болѣе достойныхъ произведеній, нежели предшествовавшіе года. Сенковскій написалъ прекрасный романъ «Идеальная Красавица»; первую часть ты читалъ въ «Библіотекѣ». Цѣлый, говорятъ, скоро выдетъ. «Мирошевъ» ни чѣмъ не хуже прежнихъ романовъ Загоскина. Увлекательная простота разсказа выкупаетъ бѣдность содержанія, потому-что для романа недостаточно небольшаго анекдотца, каково бы ни было его эпизодическое развитіе. «Два Призрака» романъ фанъ Дима, *чудный, вѣрный* очеркъ *свѣтской жизни* (?!...), исполненный весьма отчетливыхъ анатомическихъ разложеній сердца. Наконецъ, на-дняхъ вышелъ романъ Кукольника «Альфъ и Альдона», о которомъ поговорю въ слѣдующемъ письмѣ. Четыре романа (*и притомъ плохихъ—прибавимъ мы отъ себя*) въ четыре мѣсяца, кажется, довольно? Достаточный запасъ на все лѣто?»—Ужь, конечно, достаточный, особенно, если читать ихъ отъ первой страницы до послѣдней; этакъ и на годъ станетъ работы; но кто-же отважится на нее?.

Въ заглавіи нѣтъ ничьего имени; слѣдовательно, издатель хочетъ быть невидимкою для печати. Не знаемъ, кто будетъ читать сборъ этихъ «рисунковъ», какъ названы въ немъ его плохія статейки?..

*615. **Начатки.** Собраніе разнородныхъ статей, въ прозѣ. *А. Т.* Спб. Въ типографіи Эдуарда Праца. 1842. Въ 7-ю д. л. 88 стр. [139]).

Въ этихъ «Начаткахъ» нѣтъ никакихъ начатковъ: въ нихъ все начинается ничѣмъ, и оканчивается тѣмъ же. Начатки—слово, само по-себѣ не имѣющее смысла; начатки чего, чему?—нужно другое слово въ родительномъ, или дательномъ падежѣ, чтобъ слово «начатки» получило опредѣленный смыслъ и значеніе. «Начатки» А. Т. состоятъ изъ слѣдующихъ статей: 1) «Роза. Способъ разводить розу отводками и сберегать ее во время зимы» (посвящена «прекрасному полу» и украшена чувствительнымъ эпиграфомъ: «*Всѣхъ цвѣточковъ болѣ Розу я любилъ*...); 2) Сѣнная торговая площадь въ Санктпетербургѣ; 3) Сады на сѣнной площади; 4) Сѣнная, торговая площадь, въ историческомъ отношеніи; 5) Милость Екатерины II-ой къ Яковлеву. Истинное происшествіе, въ 1762 году». Всѣ эти статьи отличаются особенно тѣмъ, что ихъ содержаніе легко уложилось бы, вмѣсто 88-ми страницъ, просто на *восьми* страничкахъ. Впрочемъ, онѣ написаны правильнымъ, пріятнымъ, *романическимъ* слогомъ карамзинскаго періода нашей литературы. Книжка издана красиво, такъ-что и «прекрасному полу», говоря «романическимъ слогомъ», не противно будетъ держать ее въ маленькихъ, бѣленькихъ, пухленькихъ, и т. д. ручкахъ...

*616. **Еще Купцы 3-й Гильдіи**, оригинальный водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе 1-е. Женихъ съ Апраксина Двора. Дѣйствіе 2-е. Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Соч. актера *Петра Григорьева 2*. Спб. 1842. Въ типографіи А. Сычева [140]).

Въ этомъ водевилѣ, какъ въ большей части сколько-нибудь сносныхъ русскихъ драматическихъ произведеній, всѣ дураки и негодяи очень-смѣшны, потому-что вѣрно срисованы съ дѣйствительности, а умники и добродѣтельные очень-глупы и приторны, потому-что выдуманы доморощеною фантазіею по идеаламъ старинной классической драмы. На сценѣ этотъ водевиль очень-смѣшонъ, по роли Проходкина, которую превосходно выполняетъ самъ сочинитель водевиля.

*617. **Солнечный Лучъ.** Происшествіе изъ временъ Екатерины II. Романъ въ V частяхъ. Сочиненіе *И. Штевена*. Спб. 1841—1842. Въ тип. оберъ-полиціймейстера. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 270, во II-й—260, въ III-й—288, въ IV-й—218, въ V-й—242 стр.

Сказка о Трефовомъ Королѣ Фанъ-Фанѣ, о Приключеніи Принца Факъ-Стана и о Принцессѣ Эфери. Спб. Въ тип. А. Сычева. 1842. Въ 12-ю д. л. 54 стр. [141]).

Первое изъ этихъ произведеній есть не что иное, какъ уголовно-слѣдственное дѣло, изложенное, въ формѣ романа, со всею занимательностію, ка-

кой только можно требовать отъ таланта г. Штевена. Можетъ-быть, нашимъ читателямъ будетъ интересно узнать, какое значеніе имѣетъ въ этомъ романѣ *солнечный лучъ*, т. е. просто ли онъ только освѣщаетъ собою описываемыя въ немъ приключенія и похожденія, или принимаетъ въ немъ дѣятельное участіе и играетъ роль дѣйствующаго лица?—На такой вопросъ мы не можемъ отвѣчать иначе, какъ выпискою слѣдующаго отрывка изъ начала романа, гдѣ его героя мы видимъ еще дитятею:

„Солнце взошло на самый горизонтъ, отбрасывало яркіе лучи; они перебѣгали, измѣнялись, по временамъ исчезали, и снова на глыбахъ слоистаго песка останавливались; *Людгеръ находился въ дѣйствіи*, вычеркивалъ ихъ (?) палочкою съ настоящаго направленія, покрывалъ доскою, и когда они устремлялись снова, то движеніями и словами изъявлялъ досаду.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ маіоръ въ изумленіи.

„Играю".

— Гдѣ жь твои игрушки?

„А вотъ, солнечные лучи; они мелькаютъ по землѣ, мѣшаютъ мнѣ взглянуть вверхъ; я не люблю ихъ, хочу поймать" (Ч. I. стр. 27—28).

Изъ этого небольшаго отрывка, проницательный читатель и безъ насъ догадается, что Людгеру и въ концѣ романа не удалось поймать солнечныхъ лучей, а что отъ нихъ-то онъ и былъ несчастенъ... По этому же отрывку читателю легко будетъ сдѣлать заключеніе о занимательности разсказа, слогѣ, языкѣ и талантѣ, которыми отличается романъ г. Штевена... Тутъ наше дѣло—сторона!

Что же касается до «Сказки о Трефовомъ Королѣ, и пр.»,—это вздоръ, о которомъ совѣстно и говорить: нелѣпое заглавіе и типографія г. Сычова говорятъ сами за себя.

618. Опытъ Библіографическаго Обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842 *(Л. Бранта)*. Спб. Въ тип. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. 1842. Въ 8-ю д. л. IV и 72 стр.

Нѣсколько Словъ о Періодическихъ Изданіяхъ Русскихъ. Спб. Въ тип. Главн. Упр. Путей Сообщ. и Публ. Зданій. Въ 8-ю д. л. XII стр. [142]).

Занятіе «литературою», видно, становится у насъ занятіемъ очень-привлекательнымъ. Страсть къ сочинительству съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Не говоримъ уже о томъ, что почти ежедневно,—и все чаще и чаще,—появляются въ печати на русскомъ языкѣ книжки и книжонки, изумляющія своею пустотою рецензентовъ, которые обязаны читать ихъ, и тѣхъ горемычныхъ людей, которымъ случайно попадаются онѣ на глаза и которыми читаются отъ «скуки ради». Кто пишетъ ихъ? кто ихъ издаетъ? для кого издаются онѣ? — Богъ вѣсть! Извѣстно только, что все это дѣйствительно пишется, издается и, мо-

жетъ-быть, продается, благодаря ловкости бородатыхъ разносителей просвѣщенія по темнымъ угламъ обширнаго Царства Русскаго. Но еслибъ вы, почтенный читатель мой, знали, сколько еще *не печатается* изъ того, что̀ пишется: вы ужаснулись бы этой громадной массѣ исписанной бумаги, этого изумительнаго потока бездарности, пошлости и безграмотности! Когда бъ вы знали, сколько, напримѣръ, пишущій эти строки обязанъ, по долгу журналиста, прочесть, въ-теченіе года, стихотвореній большихъ и малыхъ, повѣстей, разсказовъ, драмъ, отрывковъ, такъ-называемыхъ «ученыхъ» статей, и пр. и пр.,— вамъ сдѣлалось бы страшно, увѣряю васъ! Но прибавьте еще, что большую часть всего этого должно читать по-пустякамъ, потому-что большая часть статей, присылаемыхъ отъ господъ-анонимовъ, псевдонимовъ и другихъ, подписывающихъ свои подлинныя, невыдуманныя имена, остается безъ употребленія и отсылается въ Контору Отечественныхъ Записокъ «для возвращенія»[143]). Еслибъ печатать все получаемое редакціею, то въ-теченіи года можно было бы издавать три такіе журнала, по объему, какъ «Отечественныя Записки», и каждая книжка этого журнала могла бъ быть втрое толще каждой книжки «Отечественныхъ Записокъ». Ужасъ! Откуда все это берется? что это за имена неслыханныя и невиданныя въ русской литературѣ, которыя пишутъ и присылаютъ эти статьи? гдѣ скрываются они? Отъ Архангельска до Ахалцыха, отъ Варшавы до Иркутска едва-ли есть хоть одна губернія, которая не надѣлила бы редакціи «Отечественныхъ Записокъ» нѣсколькими статьями, переводными и оригинальными, повѣстями, разсказами, стихами,—особенно же стихами... Охъ, ужь эти стихи! отъ нихъ рѣшительно нѣтъ отбоя: они присылаются ежедневно со всѣхъ сторонъ, на разноцвѣтныхъ бумажкахъ, удивительно-красиво переписанные, весьма-часто запечатанные въ пакетахъ, застрахованныхъ на почтѣ. И что за умилительныя письма получаются съ этими статьями! Васъ просятъ такъ униженно, такъ ласково, какъ-будто дѣло шло Богъ-знаетъ о какомъ благополучіи; вамъ говорятъ, что хоть статья и не имѣетъ никакого достоинства, но для поощренія юнаго таланта, только-что выступающаго на литературное поприще, вы должны поправить ее и напечатать, чѣмъ безконечно обяжете автора и поощрите его къ дальнѣйшимъ трудамъ (какъ-будто журналъ— пансіонная тетрадка, въ которой мальчики пробуютъ свои перья, плохо-очиненныя и не привыкшія еще къ орѳографіи!); иногда убѣждаютъ васъ несчастными обстоятельствами автора, его безпомощностью, бѣдностью, и проч.,— какъ-будто журналъ — богадѣльня или лазаретъ для пособія нуждающимся! Еще чаще читаете, что не авторское самолюбіе, но единственно желаніе видѣть статью свою напечатанною въ такомъ прекрасномъ журналѣ, какой вы издаете, заставляетъ автора просить васъ о помѣщеніи его статьи, которую онъ самъ смиренно признаетъ недостойною такого прекраснаго журнала... О, да сколько могъ бы я поразсказать вамъ о тѣхъ изворотахъ, которые употребляютъ господа-сочинители, чтобъ какъ-нибудь попасть въ журналъ съ своею статьею и видѣть подъ нею свое неизвѣстное имя! Повѣрьте, это презабавная исторія.

Когда-нибудь, на-досугѣ, я побесѣдую о ней съ вами; но и теперь не могу удержаться, чтобъ не упомянуть объ одномъ престранномъ письмѣ, недавно полученномъ мною со стихами изъ города Лубны,—письмѣ, которое вѣрно удивитъ васъ не менѣе того, какъ и меня удивило. Вообразите: къ стихамъ, — весьма-похожимъ на старческіе, хоть немножко-безсмысленнымъ, но за то съ рифмами,—приложено *десять рублей ассигнаціями*, которые авторъ проситъ редакцію *оставить у себя*, если стихи будутъ напечатаны *)! Вотъ до чего доводитъ наконецъ страсть къ сочинительству! Люди, отверженные искусствомъ, не только силятся писать, не только тратятъ время на написаніе, и деньги на переписываніе своихъ статей,—часто огромныхъ тетрадей in folio,— не только платятъ вѣсовыя и страховыя на почту, но еще хотятъ платить редакціямъ за то только, чтобъ хоть какъ-нибудь напечататься!.. Жалкая, гибельная страсть, впрочемъ весьма понятная тамъ, гдѣ литература—не искусство, а только забава, гдѣ равнодушіе публики равняется лишь дерзости и невѣжеству литературщиковъ, смѣло выступающихъ впередъ и гордо называющихъ себя «сочинителями»; гдѣ само искусство—плодъ еще несозрѣвшій снаружи, но уже гніющій внутри; гдѣ наконецъ нѣтъ никакой литературы, а есть только геніальные проблески, подобно молніи, на-минуту озаряющіе темный горизонтъ и быстро исчезающіе... Но зато, въ этой тьмѣ гнѣздятся цѣлыя стаи особыхъ существъ, родъ мелкихъ гномовъ, которые, вообразивъ себя поэтами, романистами, драматистами, критиками, трудятся, хлопочутъ, пищатъ, кричатъ, и очень обижаются, когда ихъ никто не слушаетъ, или когда кто-нибудь прикрикнетъ на нихъ, чтобъ замолчали. Раздутое самолюбіице этихъ маленькихъ человѣчковъ мѣшаетъ имъ видѣть въ себѣ людей очень-обыкновенныхъ, очень-пошлыхъ, и непремѣнно требуетъ, чтобъ они пріобрѣли себѣ громкое имя; а какъ громкое имя легче всего пріобрѣтается черезъ типографскіе станки, то они и силятся, во-что бы ни стало, попасть въ «сочинители». И это-то движеніе, незнаемое публикою, примѣтное только для микроскопа журналиста, многіе чествуютъ именемъ литературы русской, видятъ въ ней жизнь, дѣятельность, партіи, и Богъ-знаетъ что еще... Бѣдная литература! бѣдное искусство!

Вотъ недалекій примѣръ: передъ нами лежатъ двѣ брошюры, которыхъ названія выписаны выше. Что это такое? Посмотрите, сдѣлайте милость. Сочинитель ихъ—какой-то господинъ-Брантъ, который написалъ, по его собственному увѣренію, какія-то повѣсти и, разобиженный журналами, издалъ еще какую-то брошюру «Петербургскіе Критики и Русскіе Писатели». Повѣстей его, вѣроятно, никто не читалъ; даже и мы позабыли о нихъ, какъ забываемъ обыкновенно весь этотъ печатный хламъ, отдавъ о немъ въ свое время отчетъ

*) Пользуемся случаемъ, для объявленія, что эти стихи не будутъ напечатаны, и мы просимъ приславшаго ихъ доставить его адресъ, для возвращенія ему денегъ. Если-же въ-теченіе *трехъ мѣсяцевъ* адресъ не будетъ полученъ, деньги отдадутся въ пользу инвалидовъ, — а стихи все-таки не будутъ напечатаны.

публикѣ: брошюры его «Петербургскіе Критики» также не припомнимъ; но отъискавъ рецензію свою о пей въ нашемъ же журналѣ, видимъ, что это былъ — слабенькій голосокъ обиженнаго самолюбьица, желавшаго какъ-нибудь попасть въ извѣстность, силившагося нашумѣть о себѣ какъ-можно-больше, и жестоко обманувшагося въ своихъ разсчетахъ, потому-что шума оно никакого не сдѣлало, а брошюра умерла, только-что родившись, и погребена, какъ теперь извѣщаетъ самъ г. Брантъ, въ магазинѣ г. Юнгмейстера: желающіе поклониться праху ея могутъ адресоваться къ этому книгопродавцу. Такимъ образомъ, первая попытка не удалась г. Бранту: читатели не слыхали его имени, не читали его «сочиненій»; надо было выдумывать новое средство, чтобъ какъ-нибудь да попасть въ «сочинители». Какое же средство? Съ повѣстями г. Бранта публика не заблагоразсудила познакомиться; съ брошюрою его тоже: дай попытаться—сдѣлаться критикомъ, или, правильнѣе «критиканомъ»: публика любитъ критики, она съ жадностію читаетъ этотъ отдѣлъ въ журналахъ, многіе ищутъ тутъ предмета для разговоровъ, даже для сплетенъ,—и вотъ г. Брантъ дѣлается критиканомъ, собираетъ 70 книгъ, вышедшихъ *съ октября 1841 по апрѣль 1842 года*, и на 72-хъ страничкахъ отдаетъ о нихъ кому-то отчетъ — (мы говоримъ: «кому-то», потому-что никто не просилъ объ этомъ г. Бранта, никто не возлагалъ на него этой обязанности, никто не требовалъ у него отчета)... Но тутъ новое затрудненіе: кто же будетъ читать эту брошюру? кому нужно знать, что думаетъ г. Брантъ о той или другой книжкѣ, изъ вышедшихъ съ октября 1841 по апрѣль 1842 года? Г. Брантъ тотчасъ нашелся: онъ вздумалъ разослать свою брошюру при газетахъ *безденежно*. Теперь ужъ, конечно, вы, поневолѣ, если не прочтете, то хоть увидите ее, и на ней увидите имя его, г. Бранта,—а ему этого только и хочется... Славная выдумка! Немножко убыточна, правда, потому-что напечатать нѣсколько тысячъ экземпляровъ чего-нибудь—стóитъ денегъ; но вѣдь почему же не потѣшить своего сочинительскаго самолюбія? Это такъ весело, такъ дѣтски-невинно, такъ пансіонски-простодушно! Притомъ и не то еще приносится въ жертву страсти сочинительствовать... Удивительно только, какъ никто до-сихъ-поръ не воспользуется этимъ для водевилей...

Но возвращаемся къ г. Бранту. Обѣ брошюры его: и «Опытъ Библіографическаго Обозрѣнія», и «Нѣсколько словъ» суть новые холостые выстрѣлы въ поле. Смѣшно было бы и отъискивать въ нихъ какого-нибудь критическаго кодекса, принадлежащаго ихъ сочинителю: о критеріумѣ не можетъ быть тутъ и помина. Да, впрочемъ, г-нъ Брантъ, какъ видно, и не хлопоталъ объ этомъ,— нѣтъ, онъ весьма-простодушно, хоть и весьма-широковѣщательно, цвѣтисто, съ невыразимыми претензіями на краснорѣчіе, говоритъ, что такая-то книжка очень-хороша, другая только хороша, третья, не болѣе какъ изрядна, не отдавая никакого отчета, почему все это ему кажется такъ, а не иначе, — ибо общихъ мѣстъ, которыя онъ повторяетъ, съ-голосу, нахвативъ ихъ оттуда-отсюда по журналамъ, нельзя же назвать основаніями въ дѣлѣ критики: это

годно только для критиканства тѣхъ господъ «сочинителей», которые цѣлый вѣкъ свой пѣтушатся изъ того, чтобъ ихъ называли «сочинителями». Чтобъ видѣть, какъ г. Брантъ мало понимаетъ значеніе критики, довольно взглянуть на заглавіе его «Опыта». Скажите, сдѣлайте милость, на чемъ основывался онъ, начавъ свое обозрѣніе *съ октября 1842 года?* Почему не началъ онъ его прежде, или послѣ этого времени? Вѣдь книга или брошюра должна представлять изъ себя нѣчто цѣлостное; а что цѣлостнаго могутъ доставить книги, вышедшія съ октября 1841 по апрѣль 1842 года? Былъ ли этотъ періодъ эпохою въ русской литературѣ? Ознаменовался ли онъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, что̀ могло бы доставить обозрѣнію общій выводъ? Ничего не бывало! Г. Брантъ, принявшись случайно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «критиковать въ своей литературѣ» книги и книжонки, просто отсчиталъ шесть мѣсяцевъ назадъ, и — какъ надо ему отдать справедливость, считать онъ умѣетъ очень вѣрно, ибо мартъ, февраль, январь, декабрь, ноябрь, октябрь составляютъ ровно полгода, — то и остановился на октябрѣ, съ котораго начинается это полугодіе, да и пошелъ-себѣ расписывать тому похвалу, тому совѣтъ, тому замѣчаніе... Господи Боже мой! откуда что берется! *Мы*, де-скать, и о томъ-то просимъ, и то-то совѣтуемъ,—и все такъ важно, такъ ораторски, все мы, да мы,—точно редакція какого-нибудь журнала... Дѣтство, литературно-простоумное дѣтство, такъ охотно копирующее все, что дѣлаютъ взрослые!.. Но будемъ надѣяться, это новая неудавшаяся попытка авось образумитъ г-на Бранта, и онъ перестанетъ сочинительствовать, для того, чтобъ разсылать свои сочиненія даромъ при газетахъ...

Болѣе нечего сказать объ этихъ брошюркахъ... Однакожь, позвольте, позвольте, что это на послѣдней страницѣ «Опыта»? Боже великій! да это объявленіе... да, да, глаза не обманываютъ насъ, — объявленіе о новой затѣѣ г. Бранта, — о новомъ романѣ въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА (?) ЕСТЬ, съ психологическими интересами, съ историческими лицами, съ д'Абрантесъ и Гёте (*Гёте*, изображаемый *господиномъ Брантомъ!!!*), съ событіями 1814 и 1815 годовъ... Нѣтъ, ужь такое средство втискаться въ сочинители превосходитъ всякую мѣру. Надобно этимъ шуткамъ и конецъ знать! Побойтесь Аполлона, г. Брантъ! Мы пропускаемъ безъ вниманія ваши похвалы самому-себѣ, такъ скромно выраженныя въ предисловіи къ «Опыту», пропускаемъ то мѣсто, гдѣ, говоря о «Нашихъ» и *юридически* придираясь къ статьѣ «Армейскій Офицеръ», вы разсказываете своимъ читателямъ, что вы родились и выросли «на бивуакѣ, въ лагеряхъ съ отцомъ-ветераномъ», какъ-будто это нужно знать кому-нибудь; пропускаемъ безъ упоминанія вашу непостижимо-отчаянную выходку на стр. VI-й брошюры «Нѣсколько Словъ о періодическихъ изданіяхъ Русскихъ», что будто-бы «большая часть журналовъ нашихъ сильно заговорили (а) о добросовѣстности критики именно съ изданія вашей брошюры *Петербургскіе критики и Русскіе писатели*», которой никто не читалъ и которая, поэтому, не могла имѣть ни на что и

ни на кого никакого вліянія,—выходку, которая вамъ не обошлась бы даромъ, еслибъ намъ не жалко было тратить словъ попустому и доказывать вамъ, что нехудо бы иногда знать и мѣру... Все это мы пропускаемъ; но пощадите же и вы насъ, пощадите самого-себя, бросьте свое несчастное намѣреніе—печатать трехтомный романъ для подваловъ книжныхъ лавокъ, или для подарковъ подписчикамъ разныхъ газетъ. Имѣйте, наконецъ, хоть маленькое состраданіе къ бѣдной русской литературѣ, которая имѣетъ уже у себя гг. Алипановыхъ, Сиговыхъ, Кузмичевыхъ [144])...

***619. Созерцатель Человѣческихъ Знаній** (,) или энциклопедія наукъ, художествъ, искусствъ, промышленности, постановленій (?) и проч. *Михаила Павлова*. Спб. Въ тип. штаба военно-учебныхъ заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 107 стр. [145]).

На оборотѣ послѣдней страницы этой книжки напечатаны слѣдующія строки, которыя, по всей справедливости, должны были бы предшествовать книгѣ, потому что въ нихъ объясняется цѣль ея:

«При изданіи сего обширнаго сочиненія, помѣстилъ я въ первой части Космографію (міроописаніе) потому, что первый предметъ, поражающій взоръ человѣка, есть прекрасный и удивительный міръ вообще, съ которымъ мы и должны сперва познакомиться. Въ слѣдующей же части я намѣренъ разсматривать человѣка, въ отношеніи его къ міру и подобныхъ себѣ, въ отношеніи гражданскихъ постановленій и правъ, и въ отношеніи всѣхъ животныхъ и веществъ, сотворенныхъ Рукою Божіею.

«А потомъ, постепенно излагать всѣ отрасли знаній человѣческихъ, какъ плоды дѣятельности человѣка, предназначеннаго жить въ обществѣ себѣ подобныхъ.—Впрочемъ, каждая часть этого сочиненія будетъ издаваться совершенно отдѣльно одна отъ другой.

«Недостатки и погрѣшности, могущіе вкрасться въ моемъ сочиненіи, прошу почтеннѣйшихъ читателей извинить, ибо настоящій мой трудъ, издаваемый однимъ мною, и предпринятый на пользу *бѣдныхъ жителей* нашего отечества, заставляетъ меня какъ можно стѣснять объемъ его, а недостатокъ пособій и время не позволяютъ слѣдить за новѣйшими открытіями.

«Усердный Сочинитель.»

Не спорим, усердіе очень-похвально, какъ дружба и другія добродѣтели; но извѣстная басня нашего несравненнаго Крылова доказала, что и дружба бываетъ иногда хуже вражды, и что «хватить камнемъ друга въ лобъ» еще не значитъ оказать ему услугу. Космографія г. Павлова, какъ сборникъ общихъ фактическихъ свѣдѣній по этой части, дѣйствительно могла бы принести нѣкоторую пользу «бѣднымъ жителямъ нашего отечества»; но только въ такомъ случаѣ, еслибъ, во-первыхъ, она была написана грамотнымъ языкомъ и еслибъ, во-вторыхъ, г. сочинитель прямо приступилъ къ дѣлу, не вдаваясь, на 16-ти страницахъ, въ разглагольствованія о философіи, о которой онъ, какъ видно

изъ этихъ разглагольствованій, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, и которую излагаетъ какимъ-то вавилонскимъ нарѣчіемъ... Вотъ примѣръ въ доказательство справедливости нашего мнѣнія о книгѣ г. Павлова:

„Склоненіе и прямое восхожденіе звѣздъ *опредѣливъ однажды, то опыя навсегда ужс опредѣлены;* напротивъ склоненіе и прямое восхожденіе Солнца, Луны и Планетъ должно опредѣлять на всякій день: ибо всѣ звѣзды движутся по параллельнымъ кругамъ къ экватору, *слѣдовательно* и не удаляются отъ него ни менѣе, ни болѣе, а *слѣдовательно* и склоненіе ихъ не перемѣняется; напротивъ Солнце, двигаясь по эклиптикѣ, и проходя по оной каждый день почти 1°, ежедневно перемѣняетъ склоненіе и прямое восхожденіе(,) такъ напр.(,) Солнце, вступя на экваторъ въ точку Овна (или справедливѣе въ точку Рыбъ), будетъ имѣть склоненіе 0° и прямое восхожденіе также 0°, потомъ двигаясь ежедневно(,) склоненіе его и прямое восхожденіе возрастаютъ, придя въ тропикъ Рака(,?) склоненіе его Сѣверное наибольшее, а прямое восхожденіе 90°, далѣе, спускаясь по Эклиптикѣ (,) склоненіе его умепьшается и въ точкѣ осенняго равноденствія будетъ 0°, а прямое восхожденіе 180°, придя въ тропикъ Козерога(,) склоненіе Солнца будетъ Южное наибольшее, а прямое восхожденіе будетъ 270°, а наконецъ (слава Богу—*наконецъ!*) когда придетъ въ первую точку Овна опять, то будемъ имѣть прямое восхожденіе 0° и склоненіе 0°.“ (*Стр.* 66—67.)

Какой періодъ! на какомъ языкѣ написанъ онъ?!.. И такимъ-то небывалымъ на земномъ шарѣ діалектомъ написана вся книжка г. Павлова! Въ философскихъ своихъ требованіяхъ, которыхъ таинственный смыслъ непроницаемѣе элевзинскихъ таинствъ, г. Павловъ говоритъ между прочимъ:

„Да и невозможно ожидать, по части наукъ, превосходныхъ и полезныхъ книгъ дотолѣ, пока не перемѣнится духъ *свѣтской философіи*, принимающей все то, что льститъ чувству и игрѣ воображенія: читать повѣсти и романы, *плоды пылкаго воображенія*, есть общая мода и общее мнѣніе; а книги истинно глубокія и *сухія*, по ихъ сужденію (?) и предмету, относящіяся къ наукѣ и драгоцѣннымъ познаніямъ природы, остаются въ удѣлъ ученымъ и людямъ, одареннымъ дѣятельнымъ духомъ.“ (Стр. 13—14).

На это замѣтимъ г. Павлову, во-первыхъ, что во Франціи въ ужасномъ ходу повѣсти и романы, «плоды пылкаго воображенія», но что это не помѣшало тамъ процвѣтанію точныхъ наукъ болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ; во-вторыхъ, что люди, подобные Бюффону, Кювье, Жоффруа-де-Сент-Илеру, Араго, умѣли сдѣлать свой предметъ нисколько не *сухимъ*, а только глубокимъ; въ-третьихъ, что г. Павлову не мѣшало бы позаняться чтеніемъ повѣстей и романовъ, «плодовъ пылкаго воображенія», для того, чтобъ попривыкнуть къ совершенно-непзвѣстному для него русскому языку и научиться грамотно и со смысломъ писать по-русски; въ-четвертыхъ, что не философія предшествуетъ точнымъ наукамъ и вообще всякому фактическому вѣдѣнію, но точныя науки должны служить предуготовительными знаніями для изученія философіи, и что если «бѣдные жители нашего отечества» не имѣютъ никакого понятія о первыхъ началахъ космографіи, то гдѣ же имъ понимать философ-

скія разглагольствованія, которыя, къ-тому же, и написаны невообразимо безграмотно, и смыслъ которыхъ, вѣроятно, остался тайною для самого «усерднаго сочинителя»?...

*620. **Робинзонъ Крузе.** Романъ для дѣтей. Сочиненіе *Кампе*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинами, рисованными г-мъ *Тиммомъ* и вырѣзанными на деревѣ барономъ *Нетгельгорстомъ*. Часть первая. Санктпетербургъ. 1842. Въ типографіи С.-Петербургской Городской Полиціи. Въ 12-ю д. л. 175 стр. [146]).

Въ предисловіи, говоря объ извѣстности, которою такъ заслуженно пользуется дѣтская книга «Робинзонъ Крузе», переводчикъ приводитъ мнѣніе Руссо, изъ книги его «Emile ou de l'Education»:

„Нѣтъ ли какой-нибудь возможности сблизить столько уроковъ, разсѣянныхъ въ такомъ множествѣ книгъ, соединить ихъ подъ одинъ общій предметъ, который былъ бы доступенъ съ перваго взгляда, былъ бы увлекателенъ, заманчивъ, даже въ этомъ (дѣтскомъ) возрастѣ? Если можно придумать положеніе, въ которомъ всѣ естественныя нужды человѣка представлялись бы ощутительнымъ образомъ уму ребенка, и въ которомъ способы удовлетворить этимъ нуждамъ постепенно развивались бы съ такою же легкостью, то именно надъ этимъ простымъ и живымъ изображеніемъ такого положенія надобно прежде всего заставить работать воображеніе ребенка.

„Я уже вижу, какъ разгорается твое собственное воображеніе, пламенный философъ. Но не хлопочи по-пустому; это положеніе найдено,—оно описано, и, не въ обиду тебѣ, гораздо лучше, нежели можешь ты описать, покрайней-мѣрѣ, гораздо проще и ближе къ истинѣ. Если намъ непремѣнно нужны книги, то, по моему мнѣнію, есть такая книга, въ которой находится самый превосходный трактатъ о воспитаніи. Эта книга будетъ первая, которую прочтетъ мой Эмиль; долгое время въ ней будетъ заключаться вся его библіотека, и навсегда его въ библіотекѣ она займетъ важное мѣсто. Эта книга будетъ текстъ, которому всѣ наши бесѣды о Естественной Исторіи станутъ служить комментаріями. Она будетъ служить критеріумомъ успѣховъ въ развитіи нашей судительной силы, и, до-тѣхъ-поръ, пока не испортится вкусъ нашъ, чтеніе ея всегда будетъ доставлять намъ удовольствіе. Что же это за книга—эта удивительная книга? Что это? Аристотель? Плиній? Бюффонъ?—Нѣтъ, это—*Робинзонъ Крузе*.

„Робинзонъ Крузе на своемъ островѣ, одинъ-одинехонекъ, лишенный и сообщества себѣ подобныхъ и инструментовъ всякаго рода, а между-тѣмъ, снабжающій себя всѣмъ необходимымъ для своего положенія, для своего сохраненія, и мало того, достигающій даже до нѣкотораго благосостоянія, вотъ предметъ, который можно тысячами способовъ сдѣлать интереснымъ. Вотъ какимъ образомъ осуществимъ мы пустынный островъ, который сначала служилъ для меня только уподобленіемъ. Это положеніе, конечно, не есть положеніе человѣка общественнаго; натурально, что оно не должно быть и положеніемъ Эмиля: но по этому именно положенію, онъ долженъ цѣнить всѣ другія. Самое вѣрное средство—возвыситься надъ предубѣжденіями и утвердить понятія свои на истинныхъ отношеніяхъ вещей, состоитъ въ томъ, чтобъ поставить себя на мѣсто человѣка, отъединеннаго отъ общества, и судить

обо всемъ такъ, какъ долженъ судить самъ онъ, въ отношеніи къ своей собственной пользѣ.

„Романъ этотъ, очищенный отъ всего лишняго, начинающійся кораблекрушеніемъ Робинзона близъ его острова, и оканчивающійся прибытіемъ корабля, который избавляетъ его, въ одно и то же время будетъ и забавою и учебникомъ Эмиля. Я хочу, чтобъ этотъ романъ вскружилъ ему голову, чтобъ мой Эмиль безпрестанно думалъ о робинзоновомъ жилищѣ, объ его ламахъ, о его плантаціяхъ; чтобъ онъ узналъ въ подробности, не изъ книгъ, но на самомъ дѣлѣ, все, что надобно знать въ подобныхъ обстоятельствахъ; пусть онъ самого себя воображаетъ Робинзономъ, пусть кажется ему, что онъ одѣтъ въ кожи, что на головѣ у него большая шапка, въ рукѣ копье, что у него весь странный костюмъ и всѣ необыкновенныя принадлежности Робинзона, даже до зонтика, хоть въ немъ не будетъ онъ имѣть никакой нужды. Я хочу, чтобъ онъ тревожился о томъ, какія взять мѣры, если у него случится недостатокъ въ томъ или другомъ: пусть онъ внимательно разбираетъ поступки своего героя, пусть ищетъ онъ, не выпустилъ ли тотъ чего изъ виду, нельзя ли было сдѣлать что-нибудь лучше; пусть онъ со всевозможнымъ вниманіемъ замѣчаетъ его ошибки, и пользуется ими, чтобъ самому при случаѣ не впасть въ такую же ошибку; не думайте, чтобъ у него не родилось желанія *поробинзонить*: въ этомъ именно будетъ заключаться настоящій воздушный замокъ сего счастливаго возраста...

„И эта мечтательность дѣтства—какимъ благимъ средствомъ будетъ служить она для человѣка искуснаго, который умѣлъ возбудить ее въ ребенкѣ, для того, чтобъ обратить въ пользу. Ребенокъ отъ нетерпѣнія—устроить себѣ магазинъ на своемъ островѣ, будетъ съ бо́льшимъ жаромъ учиться, нежели наставникъ его учить. Онъ будетъ стараться узнать все, что̀ полезно, и лишь только то, что̀ полезно: вамъ уже не нужно будетъ вести его, нѣтъ—а развѣ удерживать».

Затѣмъ, переводчикъ, объясняя, что Руссо говоритъ не о «Робинзонѣ» Нѣмца Кампе, а о «Робинзонѣ» Англичанина Даніэля Фоэ, прибавляетъ:

„Но *добрый* Жанъ-Жакъ, говоря о томъ Робинзонѣ, котораго онъ имѣлъ въ виду, не совсѣмъ вѣрно выражается, что будто бы Робинзонъ на своемъ островѣ, «dépourvu des instruments de tous les arts»; нѣтъ, Робинзонъ Даніэля Фоэ попадаетъ на островъ не совсѣмъ съ голыми руками: у него есть карманный ножикъ, есть кремень, трутъ, а въ скоромъ времени съ разбитаго корабля онъ добываетъ себѣ многіе инструменты: топоръ, пилу, наконецъ ружья, порохъ и пр. Отъ-этого „Робинзонъ“ теряетъ много занимательности для юныхъ читателей, потому-что хотя онъ и уединенъ на островѣ, удаленъ отъ общественной жизни, но не лишенъ многихъ орудій, которыя доставила ему именно жизнь общественная“.

Здѣсь г. переводчикъ гораздо-больше «не совсѣмъ вѣрно выражается», чѣмъ *добрый* Жанъ-Жакъ, и ровно дважды грѣшитъ противъ истины. Во-первыхъ, эпитетъ *добраго* (граничащій своимъ значеніемъ съ эпитетомъ «простодушнаго») нисколько нейдетъ къ Руссо, къ имени котораго гораздо больше шелъ бы эпитетъ *геніальнаго* и титло великаго писателя. Руссо не былъ философомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ ученаго, который занимается философіею, какъ наукою, и для котораго философія имѣетъ чисто-

ученый, кабинетный интересъ, внѣ жизни; но Руссо былъ мудрецъ, въ смыслѣ древнихъ, т. е. человѣкъ, котораго вся жизнь была мышленіемъ, котораго мышленіе было любовію, а любовь мышленіемъ... Руссо не создалъ никакой философской системы, но обогатилъ идеями новѣйшую философію, такъ что самъ Гегель ссылается на него, какъ на величайшій авторитетъ.

И Руссо былъ правъ, видя столь важную для воспитанія книгу въ «Робинзонѣ» Даніэля Фоэ; а переводчикъ Кампе совсѣмъ не правъ, отдавая преимущество переведенной имъ книгѣ передъ «Робинзономъ» англійскимъ. Правда, англійскій Робинзонъ очутился на островѣ съ ножомъ, трубкою и малымъ количествомъ табаку въ карманѣ, и вскорѣ перевезъ съ корабля все ему нужное; но это обстоятельство нисколько не ослабило основной мысли романа,—мысли человѣка, поставленнаго въ необходимость, для поддержки его существованія, бороться со всевозможными препятствіями и побѣждать ихъ, развивая въ себѣ спавшую дотолѣ способность изобрѣтательности, и однимъ собою представляя цѣлое общество; ибо всевозможныя орудія работы были бы Робинзону, ничему не учившемуся съ малолѣтства, совершенно безполезны, если бы необходимость и чувство самосохраненія, вмѣсто того, чтобъ убить его энергію, напротивъ не укрѣпили ее и не вызвали на борьбу всѣхъ силъ духа его, самому ему дотолѣ неизвѣстныхъ. Сверхъ-того, Робинзонъ Фоэ запасся ружьями, порохомъ, компасами, математическими инструментами, зрительными трубками и книгами; но не имѣетъ кирки, лопатокъ, заступовъ, иголъ, нитокъ, полотна и многаго другаго. Дѣлая себѣ столъ и стулъ, онъ принужденъ былъ рубить цѣлое дерево и, обрубивъ сучья, тесать его до-тѣхъ-поръ, пока не выходила доска желаемой толщины. Слѣдовательно, «добрый» Руссо былъ правъ, говоря о Робинзонѣ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ необходимыхъ инструментовъ.

Вообще, «Робинзонъ» Фоэ несравненно-лучше «Робинзона» Кампе: послѣдній состоитъ, большею частію, изъ піэтистическихъ и резонёрскихъ разговоровъ отца, разсказывающаго дѣтямъ исторію Робинзона. Эти разговоры для дѣтей болѣе способны произвести въ дѣтяхъ скуку и отвращеніе къ морали, чѣмъ быть для нихъ наставительными. «Робинзонъ» Фоэ большею частію наполненъ разсказомъ, котораго интереса и занимательности для дѣтей ни съ чѣмъ нельзя сравнить; разсужденіями онъ наскучаетъ довольно-рѣдко. Этотъ первоначальный и истинный «Робинзонъ» былъ переведенъ и по-русски (съ французскаго перевода) въ 1814 году подъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія Робинзона Круза природнаго Англичанина. Переведена съ французскаго Яковомъ Трусовымъ».

Во всякомъ случаѣ, и новый переводъ книги Кампе не лишній въ нашей литературѣ, такъ бѣдной сколько-нибудь-сносными сочиненіями для дѣтей; тѣмъ болѣе не лишній, что онъ сдѣланъ порядочно, со смысломъ, и изданъ опрятно. Что касается до картинокъ,—въ первой части этого новонзданнаго и новопереведеннаго «Робинзона»—ихъ только одна, представляющая грудное изобра-

женіе Робинзона съ бородою и въ какомъ-то колпакѣ; остальныя шесть не что иное, какъ виньетки, и притомъ весьма-посредственныя.

621. Русскій театръ въ Петербургѣ [147]).

Вслѣдъ за литературными комарами знаменитаго «сочинителя» г. Булгарина[148]), прилетѣли, почуявъ весну, и настоящіе комары, а за ними, по тому же законуродства, появились и бенефисные комары—множество драмъ, водевилей и прочаго вздору; шумятъ, жужжатъ, пищатъ; посѣтители Александринскаго театра хлопаютъ, вызываютъ; любители изящнаго, попавшіеся въ театръ по случаю, или по неволѣ, зѣваютъ, дремлютъ, проклинаютъ досужую фантазію драматическихъ бумагомарателей, трутней сценическаго улья... Боже мой, сколько мелкихъ водевильныхъ страстей волнуется, сколько крошечныхъ авторскихъ самолюбій напряжено, надуто, раздуто—истинная буря въ стаканѣ воды!.. Тутъ свой міръ, свои нравы и обычаи, свои извѣстности и славы... Подлинно, премудро устроенъ Божій міръ: естествоиспытатель, посредствомъ микроскопа, открываетъ цѣлую вселенную въ каплѣ болотной воды; театральный рецензентъ, посредствомъ простой зрительной трубки, или лорнета, открываетъ въ каплѣ русской литературы отдѣльную литературу—литературу сценическую, или драматическую... И въ этой пародіи на драматическую поэзію, и въ этомъ крохотномъ, микроскопическомъ уголкѣ словеснаго міра есть свои авторитеты и авторитетики, свои геніи и таланты, словомъ, свои аристократы и плебеи... Чудотворная сила солнца, живительнымъ лучемъ весеннимъ воззывающая къ жизни міріады инфузорій въ каплѣ болотной воды, и десятки драмъ и водевилей въ бенефисной литературѣ русской!.. Начнемъ же съ геніевъ и кончимъ талантами.

Христина, Королева Шведская. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго *П. Г. Ободовскимъ*.

Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій или Семейная Ненависть. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ въ стихахъ, соч. *П. Г. Ободовскаго*.

Г. Ободовскій перевелъ, передѣлалъ и сочинилъ драмъ около сотни. Разумѣется, на это потребно было не мало времени; но г. Ободовскій и подвизается на этомъ поприщѣ уже не малое время, лѣтъ десятка полгора, по-крайней-мѣрѣ, сколько мы помнимъ. Не смотря на то, онъ началъ входить въ сильную извѣстность между бенефиціантами, записною публикою Александринскаго Театра и подписчиками «Репертуара» г. Песоцкаго, очень недавно, года два, не больше. Но это сдѣлалось не случайно. Чего добраго! можетъ-быть, скоро г. Ободовскій попадетъ въ число корифеевъ русской драматиче-

ской литературы... Помните ли вы въ «Горѣ отъ Ума» простодушный отвѣтъ Скалозуба Фамусову, на похвалу послѣдняго за его хорошую службу:

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты?

Раннія и неожиданныя горестныя утраты, которыя недавно понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ своихъ истинныхъ представителей; апатическое молчаніе, которое упорно хранятъ, или слишкомъ-рѣдко, какъ бы не хотя, прерываютъ оставшіеся даровитые люди,—все это выдвинуло впередъ такихъ сочинителей, которымъ, безъ того, вѣкъ бы свой пришлось ограничиться извѣстностью только между своими пріятелями. Посмотрите, въ-самомъ-дѣлѣ, даже плодовитый сочинитель, г. Булгаринъ, принужденъ ограничиться только комарьимъ жужжаньемъ про свою прошлую «сочинительскую» славу; по толикихъ почтенныхъ и похвальныхъ трудахъ, онъ, нашъ Несторъ-романистъ, тщетно хватился-было за драму: коварная «Шкупа» потопила его,—и, сидя за плитою своего «Эконома»,

Онъ пикнетъ въ тишинѣ
Главой лавровою..... [119]).

Sic transit... и пр. Но утѣшимся: былъ бы прудъ, рыба будетъ... Теперь на первомъ планѣ рисуется всеобъемлющій г. Кукольникъ; за нимъ, на почтительной дистанціи, блистаетъ вѣчно-юный талантъ, г. Полевой; за нимъ, на третьемъ планѣ, съ приличною истинному таланту скромностью, раскланивается публикѣ за снисходительные вызовы,—прилежное и усердное дарованіе г. Ободовскаго... Вообще, талантъ г. Ободовскаго удивительно-приличенъ, удобенъ и соотвѣтственъ настоящему положенію русской литературы: онъ не можетъ оскорбить своимъ превосходствомъ ничьего самолюбія, хотя и дѣйствительно превосходитъ многихъ драматистовъ нашихъ... Драмы г. Ободовскаго, и переводныя, и передѣланныя, и оригинальныя, отличаются тою общею имъ характеристическою чертою, что онѣ не то, чтобъ хороши, да и не то, чтобъ слишкомъ-дурны (ибо на Александринскомъ Театрѣ играютъ еще и худшія, а сочинители ихъ тѣмъ не менѣе награждаются вызовами), такъ-себѣ—серёдка на половинѣ... Счастливый талантъ! Враговъ нѣтъ, а славы много, и славы безъ терній, безъ огорченій...

Хотя «Христина» и передѣланная, а «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» оригинальная драма г. Ободовскаго; но обѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ кровной родственности, и обѣ кажутся оригинальными произведеніями одного и того же сочинителя... Посмотримъ на нихъ поближе, и начнемъ съ первой, т. е. съ «Христины». Дѣло давно уже извѣстное, что г. Ободовскій не совсѣмъ-счастливъ въ выборѣ иностранныхъ пьесъ для своихъ переводовъ и передѣлокъ: и въ «Христинѣ» онъ не избѣжалъ этого несчастія, такъ давно и такъ постоянно его преслѣдующаго. Это пьеса вялая и сонная по дѣйствію.

но тѣмъ усладительнѣйшая для нѣмецкихъ бюргеровъ, которыхъ жизнь прозябаетъ подъ девизомъ: «bete und arbeite», тѣмъ эффектнѣйшая для чувствительныхъ добрыхъ нѣмецкихъ филистеровъ, которые и въ драмѣ любятъ созерцать безжизненность и вялость своего домашняго существованія. Видя эту драму на сценѣ, безъ помощи аффиши, даже и въ третьемъ актѣ не привыкнешь отличать одно лицо отъ другаго, — чему, кромѣ отчаянной безхарактерности и безличности героевъ, много способствуетъ магнетическое и сонливое дѣйствіе, производимое драмою на зрителя.

Вотъ содержаніе новой передѣлки нашего неутомимаго передѣлывателя. Молодой графъ Штейнбергъ, Шведъ и племянникъ шведскаго патріота, воспитанный въ Германіи и влюбившійся тамъ въ молодую графиню Спарре, теперь наперсницу королевы Христины, возвращается на родину къ старому дядѣ; какимъ-то счастливымъ случаемъ, онъ спасаетъ отъ потопленія королеву, которая, узнавъ своего избавителя, жалуетъ его въ каммер-юнкеры своего двора, и хочетъ пожаловать еще и въ свои любовники. Первое званіе молодой человѣкъ принялъ, другаго не принимаетъ ни подъ какимъ видомъ: онъ-дескать, мечтаетъ о той, которой имя во дворцѣ и произнесть не смѣетъ. Христина при каждомъ удобномъ случаѣ открыто вѣшается ему на шею, клянется погубить «милую воровку его покоя», и—о, Боже!—узнаетъ въ соперницѣ свою любимицу. Но давъ слово погубить, она хочетъ сдержать его и готова отослать чету голубковъ въ рудники. Между-тѣмъ, у королевы былъ любовникъ, графъ де-ла-Гарди, былъ и другой, возвышенный первымъ и погубившій его клеветой, маркизъ Сантино, хитрецъ, клеветникъ и поэтъ, чѣмъ особенно и плѣнилъ «покровительницу наукъ и искусствъ». Первый любовникъ свергнутъ съ своего величія, второй также, потому-что оказался обманщикомъ; молодой графъ не хочетъ быть даже мужемъ королевы, которая готова бы, пожалуй, и на это,— благо онъ, видите, происходитъ отъ старинной королевской крови. Что дѣлать? Христина вызываетъ цвейбрюккенскаго принца, за котораго хотѣла-было выйдти замужъ, да расчувствовалась о величіи своей роли въ Европѣ и Швеціи и объявила его просто наслѣдникомъ. Чувствовать — такъ ужь чувствовать! Любовники прощены и обняты королевою. Сантиментально - величественныя фразы въ бюргерскомъ вкусѣ—и драма кончается, не уступая въ заключеніи любой добродѣтельной драмѣ слезогонителя нѣмецкаго, Коцебу. Ни Христина драмы, ни Христина сцены, разумѣется, не посятъ и тѣни сходства съ историческою Христиною.

«Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» есть явное подражаніе «Скопину-Шуйскому» г. Кукольника. Подлинно, вещи познаются и оцѣняются по сравненію: «Скопинъ-Шуйскій» самъ-по-себѣ есть не больше, какъ довольно-сносное произведеніе человѣка не безъ дарованія; но въ-сравненіи съ «Царемъ Васильемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ» это просто—шекспировское произведеніе... За то, съ своей стороны, «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» есть довольно-несносное произведеніе человѣка работящаго; но въ-сравненіи, напримѣръ, съ «Алексан-

дромъ Македонскимъ» г. Маркова,—это великое, колоссальное произведен іе.. Вездѣ безконечная лѣствица твореній—и въ русской литературѣ!.. Пять дѣйствій и еще прологъ—страшно! Словно тяжелый сонъ послѣ сытнаго ужина, представляются намъ эти пять дѣйствій и одинъ прологъ, да еще два водевиля послѣ нихъ... И врагу лютому нельзя пожелать такого сна... Снилось намъ, будто какой-то молодой человѣкъ, въ военномъ костюмѣ древней Руси, говорилъ что-то свысока, размахивалъ руками, а потомъ подписалъ сдачу Кексгольма. «Это прологъ кончился», сказали намъ, когда мы проснулись отъ рукоплесканій восторженной публики. И вотъ снова тяжелый сонъ смежилъ своими «свинцовыми перстами» усталыя наши вѣжды, и снилось намъ, что царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ овладѣлъ братъ его, Димитрій, которымъ владѣетъ жена его, Екатерина, урожденная Малюта-Скуратова; что Василій Іоанновичъ изъ историческаго Шуйскаго, хитраго, пронырливаго интригана, превратился въ слабаго, добраго старичка, который все охаетъ да стонетъ, говоря, что людямъ вѣрить нельзя. Димитрій дѣйствуетъ изъ-за жены, которая чуть не бьетъ его на сценѣ, при публикѣ Александринскаго Театра; однако онъ ловко, вопреки природной тупости, единственно изъ угожденія г. сочинителю, успѣшно поселяетъ недовѣрчивость къ Скопину въ душѣ безхарактернаго Василія. Скопинъ въ опалѣ. Василій съ горя идетъ бесѣдовать съ тѣнями предковъ на гробахъ; Скопинъ, по тому же побужденію, очутился тамъ прежде (то-то молодыя-то ноги!) и засталъ тамъ бояръ, которыхъ Прокопій Ляпуновъ уговариваетъ, свергнувъ Василія, объявить царемъ Скопина-Шуйскаго... Скопинъ, слышалось намъ сквозь сонъ, понесъ такую заоблачную рацею, что Ляпуновъ, не зная, что̀ и дѣлать, заткнулъ себѣ уши; вдругъ входитъ царь, обнимаетъ Скопина за вѣрность, стращаетъ бояръ, но изъ презрѣнія къ нимъ не хочетъ ихъ ни казнить, ни вѣшать; а Ляпунова называетъ только горячею головою, которая, изъ любви къ родинѣ, готова напроказить и Богъ-знаетъ что... Какой добрый этотъ Василій Іоанновичъ Шуйскій! Какъ жаль, что онъ таковъ не въ исторіи, а только во снѣ... или въ драмѣ г. Ободовскаго!.. Потомъ, или прежде этого, не помнимъ хорошенько, — снилось намъ, что за кулисами шумъ и крики, что Екатерина на сценѣ съ 14-ти-лѣтнимъ сыномъ своимъ, Георгіемъ, который очень любитъ Скопина и котораго Скопинъ тоже любитъ. Входитъ какой-то Нѣмецъ; Екатерина даетъ ему денегъ и велитъ мѣтить въ «черное сердце»; Нѣмецъ выбѣжалъ; за кулисами выстрѣлъ; за тѣмъ вбѣгаетъ на сцену мужиковъ пять-шесть, съ длинными ножами и ружьями — хотятъ убить отродье Малюты-Скуратова, Екатерину съ сыномъ, но не подходятъ къ ней близко: они знаютъ, что сейчасъ долженъ войдти царь и спасти ихъ жертвы; вотъ они издалека и машутъ ножами и руками, а Екатерина кричитъ (прикинулась, что и вправду боится); входитъ Василій, мужики попадали наземь; Екатерина съ сыномъ къ ногамъ царя; занавѣсъ опускается, публика хлопаетъ...

Потомъ снилось намъ, что у Димитрія Шуйскаго пиръ, на которомъ онъ напился дотого, что еле на ногахъ держался. Входитъ Скопинъ; Екатерина

подноситъ ему кубокъ вина съ ядомъ; «въ винѣ ядъ» говоритъ Скопинъ въ видѣ моральной сентенціи, а Екатерина испугалась, что онъ угадалъ ея злое намѣреніе: эффектъ! Скопинъ отпиваетъ половину, а Екатерина уходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, не заглянувши въ кубокъ. Входитъ Георгій; Скопинъ проситъ его выпить за свое здоровье; Георгій пьетъ. Гости разошлись; эффектная сцена смерти Георгія, кривлянія и завыванія Екатерины; занавѣсъ опускается— мы опять проснулись отъ рукоплесканій...

Когда мы снова погрузились въ нашъ магнетическій сонъ, то думали увидѣть на сценѣ трупъ Скопина, выставленный для вящшаго эффекта, какъ вдругъ ничего не бывало—покойникъ идетъ-себѣ здоровехонекъ на площадь, а на площади Василій и народъ, т. е. человѣкъ съ десятокъ мужиковъ и бабъ. Царь назначаетъ Скопина воеводою надъ войскомъ противъ Сигизмунда, и называетъ Скопина «Отцомъ Отечества»: видно, это римское обыкновеніе было также и въ русскихъ нравахъ... Еще прежде этого снилось намъ, что одинъ боярин, укоряя другаго въ злоязычіи, сказалъ два извѣстные стиха сатирика Милонова:

Для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца.

Не шутите Милоновымъ: хоть онъ родился въ 1792, а умеръ въ 1821 году, но его стихи знали наизустъ еще при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ... Вотъ, когда царь и Скопинъ все переговорили, послѣдній, видя, что больше уже нечего дѣлать, началъ кончаться... Для бо́льшаго эффекта вбѣжала Екатерина и въ реторическомъ бреду мелодраматическаго отчаянія разболтала тайну своего преступленія. Василій бросаетъ скипетръ и самъ упадаетъ на полъ... Когда мы проснулись отъ рукоплесканій и вызововъ публики, восторженной симъ изящнымъ произведеніемъ, занавѣсъ былъ уже опущенъ...

Святославъ. Драматическое представленіе въ четырехъ картинахъ, въ стихахъ.

Эта драма составляетъ переходъ отъ драмъ г. Ободовскаго къ «Александру Македонскому» г. Маркова: она значительно похуже первыхъ и значительно получше послѣдней. Имени автора не выставлено, но видно, что это или очень-молодой, или весьма-старый человѣкъ, ибо только въ этихъ двухъ крайностяхъ человѣческаго возраста можно выбрать героемъ драмы такое полуисторическое, а потому и не драматическое лицо. Подобныя драмы въ наше время то же самое, что нѣкогда были эпическія поэмы и классическія трагедіи: о содержаніи не хлопотали, гнались только за «сюжетомъ», и смѣло навязывали каждому лицу одни и тѣ же чувства, страсти, слова и рѣчи, хотя бы это лицо было— хазарскій, печенѣжскій, калмыцкій князь, или византійскій императоръ, или рыцарь среднихъ вѣковъ. Да оно вѣдь и легче: не требуетъ ни знанія людей и жизни, ни историческаго изученія, ни таланта творчества. Всѣ посредственности

нашего времени строго слѣдуютъ этому преданію псевдо-классической старины это романтики только въ мужицкихъ поговоркахъ. Истинная драма нашего времени угадана только Французами: это драма современнаго общества, образчиками которой могутъ служить пьесы въ родѣ «La famille de Riquebourg», «Une Faute», «La Lectrice», «Une Chaine» и т. п. Драма историческая требуетъ огромнаго творческаго таланта, и должна быть достояніемъ только геніальныхъ поэтовъ. Къ-тому же, она совсѣмъ не для сцены, ибо для такой драмы нѣтъ театровъ не только у насъ, даже въ Европѣ: чтобъ разъигрывать подобныя драмы, необходима труппа по-крайней-мѣрѣ изъ 500 человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы талантъ, развитый эстетически, знакомый съ исторіею. Въ числѣ этой огромной труппы должны быть и такіе артисты, изъ которыхъ каждый годится только для одной роли, и хотя бы ему случалось только разъ въ годъ съиграть, но онъ долженъ получать хорошій окладъ. Тогда можно бъ было ставить на сцену даже и шекспировскія драмы, которыя только тогда и доставляли бы публикѣ глубочайшее и возвышеннѣйшее нравственное (не говоримъ: только эстетическое) наслажденіе; а до тѣхъ-поръ, драмы Шекспира будутъ только усыплять насъ въ театрѣ и оскорблять наше чувство уродливымъ и безсмысленнымъ выполненіемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что за радость видѣть одну или двѣ роли не только порядочно и со смысломъ, но даже и превосходно выполненныя, а на всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ смотрѣть какъ на маріонетокъ, приводимыхъ въ движеніе нитками и пальцами?.. Французская драма современнаго общества, о которой мы говорили выше, не требуетъ, по своей немногосложности, ни большихъ труппъ, ни особеннаго множества превосходныхъ талантовъ: напротивъ, есть два-три замѣчательные таланта — и довольно; остальные артисты могутъ быть только людьми способными, умными, привыкшими къ сценѣ. Каждому легче прикинуться на сценѣ барономъ, купцомъ, чиновникомъ, артистомъ, крестьяниномъ, образцы которыхъ онъ безпрестанно видитъ вокругъ себя въ дѣйствительности, нежели Грекомъ, Римляниномъ, Вандаломъ, Германцемъ историческихъ временъ, идеалы которыхъ онъ долженъ самъ создавать своимъ воображеніемъ. Отчего же наши доморощенные драматурги все лѣзутъ въ шекспировскую драму, а не хотятъ заняться драмою современнаго общества? Мы думаемъ, оттого, что не нужно для первой, какъ они ее понимаютъ, того, что̀ нужно для второй — ума, знанія общества, людей, человѣческаго сердца, вдохновенія и таланта... Вѣдь такіе люди, какъ какой-нибудь Скрибъ, не десятками родятся, а, что всего грустнѣе, родятся только во Франціи—странѣ общественности и соціальности, слѣдовательно, въ странѣ, уже по духу своему драматической.

«Святославъ» можетъ служить образчикомъ мнимо-романтическихъ и псевдоклассическихъ трагедій на ходуляхъ. Герой,—риторъ и говоритъ,—вопреки своему историческому характеру, многословно и напыщенно; ничего не дѣлаетъ и только говоритъ. Завязка—верхъ нелѣпости: Святослава любитъ печенѣжская княжна, которая, переодѣвшись въ мужское платье, служитъ Святославу ору-

женосцемъ. Потомъ, въ Святослава влюбляется болгарская царевна,—и галиматья кончается тѣмъ, что печенѣжская княжна зарѣзываетъ и болгарскую царевну, и Святослава, и нелѣпую драму, о которой ничего нельзя сказать, но по поводу которой можно вспомнить эти два стиха старика Кантемира:

Умъ недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки!

Помѣшанный, драма въ одномъ дѣйствіи, въ вольныхъ стихахъ, соч. *Тимона Бурмицкаго.*

Не въ добрый для посѣтителей театра часъ завелись въ его репертуарѣ драмы съ художниками, которые всѣ больше или меньше помѣшаны отъ генія и отъ любви къ знатнымъ дамамъ, всѣ больше или меньше нагоняютъ зѣвоту своимъ геніемъ и любовью, всѣ говорятъ больше или меньше громкія и избитыя фразы безъ содержанія, а иногда, по волѣ авторовъ, и безъ грамматики. Вотъ они больше и больше плодятся, эти художники, и продолжаютъ надоѣдать собою зрителямъ. Новое драматическое дарованіе г. Тимона Бурмицкаго дебютируетъ такимъ же избитымъ, монотоннымъ и пошлымъ лицомъ. Впрочемъ, произведеніе новаго драматиста отнюдь не оригинальное, а заимствованное изъ либретто одной французской оперы, хотя нашъ сочинитель почему-то взялъ весь грѣхъ такого изобрѣтенія на себя. Дѣло, помнится, вотъ въ чемъ: Альбертъ Мюллеръ, геніальный музыкантъ-композиторъ, въ припадкѣ своего генія, ни съ того ни съ сего, вдругъ влюбился въ замужнюю графиню Кольдицъ и поспѣшилъ упасть передъ нею на колѣни среди собранія, которое слушало его симфонію. По примѣру Тасса, влюбившагося нѣкогда въ сестру своего государя, Альбертъ Мюллеръ долженъ быть посаженъ за такую дерзость въ тюрьму, гдѣ, по тому же примѣру, долженъ сойдти съ ума, чтобъ положеніемъ своимъ возбудить интересъ въ зрителяхъ. Все это, какъ видите, очень натурально и въ нравахъ нашего времени. Выпущенный изъ тюрьмы помѣшаннымъ, онъ съ одной стороны поступаетъ на мѣсто *учителя музыки при Лейпцигскомъ Университетѣ*, а съ другой—подъ опеку и надзоръ кузины своей Лупзы, которая держитъ его подлѣ себя въ гостинницѣ, гдѣ живетъ, и которую онъ, помѣшанный, принимаетъ за графиню, что и подаетъ поводъ къ высокопарнымъ, мертвымъ фразамъ. Но помощью хозяина гостинницы, которому отдана на сохраненіе знаменитая симфонія, посадившая въ тюрьму композитора, эта симфонія украдена студентами, сбирающимися сдѣлать сюрпризъ учителю, разыгравъ ее подъ окнами. Между тѣмъ, графиня, разумѣется, по уши влюбившаяся въ артиста, теряетъ мужа и отыскиваетъ композитора, котораго находитъ у сестры его, своей пріятельницы. Альбертъ не узнаетъ ея, сердце вдовы-графини растерзано: новый эффектъ и новыя фразы! Сбираясь жениться на графинѣ, за которую все принимаетъ свою кузину, онъ хватился симфоніи — симфоніи нѣтъ!

Опять поводъ къ прекрасному эффекту. Онъ въ отчаяніи; сумасшедшій больше прежняго, хватаетъ онъ за горло содержателя гостинницы, который, по обычаю всѣхъ содержателей гостинницъ, трусъ, хвастунъ и фарсёръ. Чудо! заглядѣнье! Извѣстная часть публики хлопаетъ неутомимо, въ ладоши... Но подъ окнами раздается симфонія, Альбертъ вдругъ припоминаетъ все прошлое, избавляется отъ своего сумасшествія и избавляетъ зрителей отъ дальнѣйшей скуки; подписывается брачный контрактъ съ графинею, а Луиза выходитъ за особеннаго жениха,—самое скромное и по страдательности своей наименѣе надоѣдающее лицо драмы. Бракъ, поздравленіе студентовъ, остальной залпъ пустозвонныхъ фразъ—и конецъ.

Вольные стихи г. Тимона Бурмицкаго, не смотря на свою вольность, довольно гладки, и, при лучшемъ выборѣ перевода, авторъ могъ бы оказать нѣкоторую услугу сценѣ, и безъ того наводняемой плохими переводами и плохими оригинальными твореніями разныхъ господъ сочинителей.

Настинька. Провинціальныя сцены съ куплетами, въ трехъ картинахъ, соч. г. *Коровкина.*

Есть дарованія (нельзя же и ихъ не назвать дарованіями), которыя не только не могутъ сдѣлать что-нибудь свое, оригинальное, но даже и старымъ-то, готовымъ, могутъ воспользоваться не иначе, какъ когда оно опрощено и избито до пошлости. Эти-то дарованія собственно составляютъ литературную толпу, завидную золотую посредственность. Напримѣръ, послѣ Пушкина и другихъ мастеровъ, стало ни-по-чемъ писать бойкіе русскіе стихи,—и сколько появилось поэтовъ, увы, не-читаемыхъ! Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ изображеній провинціальной нашей жизни и нравовъ, появилась тьма-тьмущая книжекъ и книжонокъ, водевилей и водевильчиковъ на ту же тэму. Самое искусство поставлять водевили для русской сцены опростилось до чрезвычайности. Не говоря уже о водевиляхъ гг. Каратыгина въ Петербургѣ и Ленскаго въ Москвѣ, ихъ пишутъ и г. Григорьевъ въ Петербургѣ и г. Соколовъ въ Москвѣ. Но есть имена въ литературѣ, особенно въ литературѣ сценической, какъ наиболѣе лестной и легкой для такихъ господъ,—это имена дарованьицъ-любителей, къ какимъ безъ сомнѣнія принадлежитъ и г. Коровкинъ. Сочинители этого разряда пробиваются и щеголяютъ уже тѣми крохами, которыя остаются отъ первыхъ потребителей. Еслибъ вы захотѣли живѣе представить себѣ сказанное нами—посмотрите новое произведеніе г. Коровкина «Настиньку». Въ такихъ сценическихъ произведеніяхъ судьба артистовъ нашихъ (даровитыхъ, разумѣется) *трижды* и *четырежды* горестна,—какъ сказалъ бы Гомеръ.—Не будемъ надоѣдать вамъ изложеніемъ содержанія этого водевиля, въ которомъ главное по плану автора лицо идеально-мило, потому-что сочинитель старается сдѣлать его «таковымъ», и идеально-пошло, какъ оказалось на дѣлѣ, вопреки стараніямъ господина сочинителя.

***622. Похожденіе Чичикова или Мертвыя души.** Поэма *Н. Гоголя.* Москва. Въ университетской типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 475 стр. (Цѣна 3 р. сер., съ перес. 3 р. 75 коп. сер.) [150]).

Есть два способа выговаривать новыя истины. Одинъ—уклончивый, какъ-будто непротиворѣчащій общему мнѣнію, больше намекающій, чѣмъ утверждающій; истина въ немъ доступна избраннымъ и замаскирована для толпы скромными выраженіями: *если смѣемъ такъ думать, если позволено такъ выразиться; если не ошибаемся*, и т. п. Другой способъ выговаривать истину—прямой и рѣзкій; въ немъ человѣкъ является провозвѣстникомъ истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкія оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкуетъ въ свою пользу, и въ которомъ видно низкое желаніе служить и нашимъ и вашимъ. «Кто не за меня, тотъ противъ меня»: — вотъ девизъ людей, которые любятъ выговаривать истину прямо и смѣло, заботясь только объ истинѣ, а не о томъ, что̀ скажутъ о нихъ-самихъ... Такъ-какъ цѣль критики есть истина же, то и критика бываетъ двухъ родовъ: уклончивая и прямая. Является великій талантъ, котораго толпа еще не въ состояніи признать великимъ, потому-что имя его не притвердилось ей,— и вотъ уклончивая критика, въ осторожнѣйшихъ выраженіяхъ, докладываетъ «почтеннѣйшей публикѣ», что явилось-де замѣчательное дарованіе, которое, конечно, не то, что высокіе геніи гг. А, Б и В, уже утвержденные *общественнымъ мнѣніемъ*, но которое, не равняясь съ ними, все-таки имѣетъ свои права на общее вниманіе; мимоходомъ намекаетъ она, что хотя-де и не подвержено никакому сомнѣнію геніальное значеніе гг. А, Б и В, но что-де и въ нихъ не можетъ не быть своихъ недостатковъ, потому-де, что «и въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя пятна»; мимоходомъ, приводитъ она мѣста изъ новаго автора и, ничего не говоря о немъ-самомъ, равно какъ и не опредѣляя положительно достоинства приводимыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе говоритъ о нихъ восторженно, такъ-что задняя мысль этой уклончивой критики нѣкоторымъ, весьма-немногимъ, даетъ знать, что новый авторъ выше всѣхъ геніальныхъ гг. А, Б и В, а толпа охотно соглашается съ нею, уклончивою критикою, что новый авторъ очень можетъ быть и не безъ дарованія, и затѣмъ забываетъ и новаго автора и уклончивую критику, чтобъ снова обратиться къ геніальнымъ именамъ, которые она, добродушная толпа, затвердила уже наизустъ. Не знаемъ, до какой степени полезна такая критика. Согласны, что, можетъ-быть, только она и бываетъ полезна; но какъ натуры своей никто перемѣнить не въ состояніи, то, признаемся, мы не можемъ побѣдить нашего отвращенія къ уклончивой критикѣ, какъ и ко всему уклончивому, ко всему, въ чемъ мелкое самолюбіе не хочетъ отстать отъ другихъ въ уразумѣніи истины и, въ то же время, боится оскорбить множество мелкихъ самолюбій, обнаруживъ, что знаетъ больше ихъ, а потому и ограничивается скромною и благонамѣренною службою и нашимъ и вашимъ... Не такова критика прямая и

смѣлая: замѣтивъ въ первомъ произведеніи молодаго автора исполинскія силы, пока еще несформировавшіяся и не для всѣхъ примѣтныя, она, упоенная восторгомъ великаго явленія, прямо объявляетъ его Алкидомъ въ колыбели, который дѣтскими руками мощно душитъ завистливыя мелкія дарованьица пристрастныхъ, или ограниченныхъ и недальновидныхъ критиковъ... Тогда на бѣдную «прямую» критику сыплятся насмѣшки и со стороны литературной братіи, и со стороны публики. Но эти насмѣшки и шутки чужды всякаго спокойствія и всякой добродушной веселости; напротивъ, онѣ отзываются какимъ-то безпокойствомъ и тревогою безсилія, исполнены вражды и ненависти. И не мудрено: «прямая критика» не удовольствовалась объявленіемъ, что новый авторъ обѣщаетъ великаго автора; нѣтъ, она, при этомъ удобномъ случаѣ, выразилась съ свойственною ей откровенностію, что геніальные гг. А, Б и В съ компаніею, никогда не были даже и замѣчательно-талантливыми господами; что ихъ слава основалась на неразвитости общественнаго мнѣнія и держится его лѣнивою неподвижностью, привычкою и другими чисто-внѣшними причинами; что одинъ изъ нихъ, взобравшись на ходули ложныхъ, натянутыхъ чувствъ и надутыхъ, пустозвонныхъ фразъ, оклеветалъ дѣйствительность ребяческими выдумками; другой ударился въ противоположную крайность и грязью съ грязи мазалъ свои грубыя картины, приправляя ихъ провинціальнымъ юморомъ; и такъ третьяго, четвертаго и пятаго... Вотъ тутъ-то и начинается борьба старыхъ мнѣній съ новыми, предразсудковъ, страстей и пристрастій—съ истиною (борьба, въ которой всего болѣе достается «прямой критикѣ», и о которой всего менѣе хочетъ знать «прямая критика»)... Врагами новаго таланта являются даже и умные люди, которые уже столько прожили на бѣломъ свѣтѣ и такъ утвердились въ извѣстномъ образѣ мыслей, что ужь въ новомъ свѣтѣ истины по-неволѣ видятъ только помраченіе истины; если же изъ нихъ найдется хоть одинъ такой, который въ свое время и самъ понималъ больше другихъ, былъ поборникомъ новой истины, теперь уже ставшей старою,— то, спрашиваемъ, какова же должна быть его немощная вражда противъ новаго таланта, въ которомъ онъ чуетъ что-то, но котораго понять не можетъ? И если у этого ci-devant умнаго и шедшаго впереди съ высшими взглядами, а теперь отсталаго отъ времени человѣка, если у него характеръ слабый, ничтожный и завистливый, а самолюбіе мелкое и раздражительное, то спрашиваемъ, какое жалкое зрѣлище должно представлять его отчаянно-безсильная борьба съ новымъ талантомъ?..[151]) Что же сказать о тѣхъ «господахъ сочинителяхъ», которые, благодаря своей ловкости и сметливости, замѣняющимъ у людей ограниченныхъ и бездарныхъ умъ и талантъ, пошлыми, въ каммердинерскомъ вкусѣ остротами надъ французскимъ языкомъ, балами и модами, лорнетками, куцыми фраками, прическою à la russe, усами, бородами и т. п., успѣли во время подтибрить себѣ извѣстность нравственно-сатирическихъ и нравственно-описательныхъ талантовъ? Правда, новый талантъ ничего имъ не сдѣлалъ, ничего о нихъ не сказалъ, никогда съ ними не знался ни лично, ни

литературно, какъ съ людьми, съ которыми у него общаго ничего нѣтъ и быть не можетъ; но за то, онъ показалъ, что̀ такое истинный юморъ и непрощаемая невѣжествомъ и порокомъ истинная иронія, и какъ должно дѣйствовать въ пользу общественной нравственности, не резонёрствуя о нравственности, но только «возводя въ перлъ созданія» типическія явленія дѣйствительности: а это развѣ не то же самое, что убить наповалъ нашихъ нравственно-сатирическихъ сочинителей, даже и не принимая на себя труда знать о ихъ незанимательномъ существованіи? И вотъ они, эти господа нравственно-сатирическіе и другихъ родовъ сочинители, прославившіеся не одними романами, но и въ качествѣ грамотѣевъ и исправныхъ корректоровъ, прибѣгаютъ для униженія страшнаго имъ таланта, ко всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: сперва не признаютъ въ немъ никакого таланта и видятъ рѣшительную бездарность; но сознавая, къ своему ужасу, что слава таланта все растетъ и растетъ, все идетъ и идетъ своею дорогою и не замѣчаетъ раздающагося вокругъ него лая, они начинаютъ милостиво замѣчать въ немъ талантъ, изъявляя сожалѣніе, что онъ дозволяетъ себѣ сбиваться съ пути, увлекаться непомѣрными похвалами пріятелей (изъ которыхъ со многими онъ даже и незнакомъ совсѣмъ), которые видятъ въ немъ и Богъ-знаетъ что, тогда-какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ имѣетъ талантъ только вѣрно и забавно списывать съ натуры; далѣе, «при сей вѣрной оказіи», доказываютъ, что онъ *даже* и языка-то не знаетъ, въ подтвержденіе чего указываютъ на мелкіе промахи противъ грамматики г. Греча, на типографскія ошибки, или осуждая со всѣмъ негодованіемъ, свойственнымъ «угнетенной невинности», сильныя, оскорбляющія приличіе выраженія, въ родѣ слова *вонять*, котораго, по ихъ увѣренію, не скажетъ въ ихъ обществѣ и порядочный лакей...[152]) Большинство публики, съ своей стороны, оскорбленное, сколько похвалами «прямой критики» новому таланту, къ которому оно еще не привыкло, и котораго, потому, еще не могло понять, столько же—или еще больше—ея откровенными выходками противъ геніальныхъ гг. А, Б и В, къ которымъ оно давно привыкло, и которыхъ хотя ужь и не читаетъ, но по привычкѣ и по преданію все еще считаетъ геніями,—это большинство публики вдвойнѣ не благоволитъ къ новому таланту. Господа нравственно-сатирическіе сочинители хорошо понимаютъ это и еще лучше пользуются этимъ: они по-времени перестаютъ говорить о себѣ и своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ, и являются жаркими поклонниками чужой славы, прежде, т. е. когда она была въ ходу, ими ненавидимой и оскорбляемой, а теперь, т. е. когда она скоропостижно скончалась, будто-бы дорогой и священной для нихъ... И вотъ они кричатъ о духѣ партій, который заставляетъ иной «толстый журналъ» хвалить писателя, неумѣющаго писать по-русски, и пристрастно унижать истинныя дарованія... Но вотъ, слава геніальныхъ господъ А, Б и В, наконецъ забывается, благодаря времени и рѣзкой откровенности «прямой критики»; новый талантъ дѣлается авторитетомъ: его оригинальныя и самобытныя созданія, полныя мысли, сіяющія художественною красотою, вѣющія духомъ новой, прекрасной жизни, про-

никаютъ въ сознаніе общества, производятъ новую школу въ исскуствѣ и литературѣ, такъ что сами нравственно-сатирическіе сочинители, волею или неволею, принуждены перечинить на новый ладъ свои притупившіяся перья и передразнивать форму недоступныхъ имъ по содержанію твореній генія; общественное мнѣніе круто поворачивается въ пользу великаго поэта,— и вопіющая партія отсталыхъ посредственностей теряется, не знаетъ, что̀ дѣлать, грозитъ ругательными статьями и несмѣетъ выполнить угрозы, боясь конечно для себя позора... Не знаемъ, какую роль во всемъ этомъ играла « прямая критика » и насколько содѣйствовала она этому процессу общественнаго сознанія; но знаемъ, что тѣ же люди, которые изъ порицателей великаго поэта сдѣлались жалкими его поклонниками, не любятъ вспоминать, что такой-то критикъ, еще при первомъ появленіи поэта, не боясь идти противъ общественнаго мнѣнія, не боясь равно раздразнить гусей, равно презирая и насмѣшки и ненависть, смѣло и рѣзко сказалъ о немъ то, что̀ теперь говоритъ о немъ большинство и они-сами, эти безпамятные люди... Знаемъ также, что явись опять новое, свѣжее дарованіе, первыми своими созданіями обѣщающее великую будущность,—«прямая критика» также честно разъиграетъ свою ролю, и ту же игру повторятъ, въ-отношеніи къ ней и къ поэту, и завистливая посредственность, и тугая, медленная въ процессахъ своего сознанія толпа... Но знаемъ при этомъ еще и то, что «прямота», какъ и все истинное и великое, должна быть сама-себѣ цѣлью и въ самой-себѣ находить свое удовлетвореніе и свою лучшую награду...

Все это—такъ, взглядъ, разсужденія; теперь скажемъ слова два о нѣкоторыхъ фактахъ, подавшихъ намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ и имѣющихъ близкое отношеніе къ автору книгъ, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой статьи. Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ «прямой критики», сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ существующихъ журналовъ, только на долю «От. Записокъ» выпала роль « прямой » критики. Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ (*) возбудила противъ насъ столько криковъ, столько непріязненности, какъ со стороны литературной братіи, такъ и со стороны большинства читающей публики?— И что же? смѣшно и жалко видѣть, какъ, съ голосу «Отеч. Записокъ», словами и выраженіями (не новы, да благо ужь готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразёра—Богъ знаетъ изъ какихъ щелей понаползшіе въ современную литературу критиканы, Богъ-вѣдаетъ какіе журналы и какія газеты! Большинство публики не только думаетъ сердиться, но тоже, въ свою очередь, повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! Давно ли многіе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермонтовѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ журналъ?— И что же! Мало того, что участіе и устремленныя

*) «Отеч. Записки» 1840, т. VIII [153]).

на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики, при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполнѣ оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ,—мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованія онъ не подозрѣвалъ, и которые гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своею враждою, чѣмъ пріязнію... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ теперь журналовъ, «Отеч. Записки» *первыя* и *однѣ* сказали, и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ, указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Еслибъ мы имѣли несчастіе увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ-нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образцѣ бездарности,—и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь—великій талантъ, геніальный поэтъ и *первый* писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь перваго великаго поэта Руси... Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна мысль видѣть имя Гоголя подлѣ имени Пушкина; они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя, и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ собою отношенія Гете и Шиллера... Изъ всѣхъ немногихъ высокопревозносимыхъ въ «Отеч. Запискахъ» поэтовъ, только одинъ Лермонтовъ находился съ ихъ издателемъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ и почти исключительно одному ему отдавалъ свои произведенія; такъ-какъ этого нельзя было поставить въ упрекъ ни издателю, ни его журналу,—то вздумали увѣрять, что *немногимъ* (sic!) успѣхомъ своимъ «Отеч. Записки» обязаны Лермонтову. Это увѣреніе воспослѣдовало послѣ многихъ другихъ увѣреній въ томъ, что «Отеч. Записки» никогда не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть *никакого* успѣха... Судя по такому постоянству въ мнѣніи объ успѣхѣ «Отеч. Записокъ», можно думать, что эти люди скоро убѣдятся въ слѣдующей истинѣ: если стихотворенія такого поэта, какъ Лермонтовъ, не могли не придать собою большого блеска журналу, то еще не было на Руси (да и нигдѣ) примѣра, чтобъ какой-нибудь журналъ держался чьими бы то ни было стихотвореніями... При этомъ, можетъ-быть, вспомнятъ они, что «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ Пушкинъ исключительно печаталъ свои стихотворенія, не имѣлъ никакого успѣха, ни большаго, ни малаго, потому-что въ немъ, кромѣ стиховъ Пушкина, ничего интереснаго для публики не было... Издатель «Отеч. Записокъ» всегда сохранитъ, какъ лучшее достояніе своей жизни, признательную память о Пушкинѣ, который удостоивалъ его больше, чѣмъ простаго знаком-

ства; но признаетъ себя обязаннымъ отречься отъ высокой чести быть пріятелемъ, или, какъ обыкновенно говорится, «другомъ» Пушкина: если онъ высоко ставитъ поэтическій геній Пушкина, такъ это по причинамъ чисто-литературнымъ... Въ его журналѣ читатели не разъ встрѣчали восторженныя похвалы Крылову и Жуковскому:—и это опять по причинамъ чисто-литературнымъ, хотя издатель и пользуется честью знакомства съ обоими лауреатами нашей литературы, и хотя послѣдній удостоилъ его журналъ помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ пьесъ своихъ... Въ «Отеч. Записках» читатели не разъ встрѣчали также восторженныя похвалы Батюшкову и особенно Грибоѣдову; по этихъ двухъ поэтовъ издатель «Отеч. Записокъ» даже никогда и не видывалъ... Что касается до Гоголя, издатель «Отеч. Записокъ» дѣйствительно имѣлъ честь быть знакомъ съ нимъ; но не больше какъ знакомъ,—и въ то время, какъ «Отеч. Записки», своими отзывами о Гоголѣ возбуждали къ себѣ ненависть и навлекали на себя осужденія разныхъ критиковъ,—Гоголь жилъ въ Италіи, а возвращаясь на родину, жилъ преимущественно въ Москвѣ, и ни одной строки его еще не было въ нашемъ журналѣ... Что же заговорятъ наши критическіе рыцари печальнаго образа, если когда-нибудь увидятъ въ «Отеч. Записках» повѣсть Гоголя?.. О, тогда они завопятъ: «видите ли все хвалятъ *своихъ!..*» [154])

Мы не безъ умысла разговорились, по поводу поэмы Гоголя, о такихъ не прямо-литературныхъ предметахъ. Что дѣлать! наша литература еще такъ молода, общественное мнѣніе такъ еще не твердо, что намъ должно говорить о многомъ, о чемъ уже давно не говорится въ иностранныхъ литературахъ, и о чемъ, есть надежда, скоро совсѣмъ перестанутъ говорить и въ нашей литературѣ... Журналъ издается не для извѣстнаго круга, а для всѣхъ; «Отеч. Записки» имѣютъ такой обширный кругъ читателей, въ которомъ нельзя никакъ предполагать единства въ мнѣніи. Притомъ же, иногородная публика, которая издалека смотритъ на Петербургъ, какъ на центръ литературной дѣятельности въ Россіи, не можетъ иногда не приходить въ смущеніе отъ противорѣчащихъ журнальныхъ толковъ, не зная кому вѣрить, кому не вѣрить: и потому должно давать ей ключъ къ истинѣ не одними словами, но и фактами. Чего добраго!—можетъ-быть, скоро ей начнутъ превозносить Гоголя тѣ же самые люди, которые поносили насъ за похвалы ему, и которые теперь, потерявшись отъ неслыханнаго успѣха «Мертвыхъ Душъ», подобно утопающему, хватаются даже за соломенку для своего спасенія отъ потопленія въ волнахъ Леты, и увѣряютъ, что «Кузьма Петровичъ Мирошевъ» выше «Мертвыхъ Душъ»... Чего добраго!—можетъ-быть, скоро эти люди будутъ упрекать насъ въ невѣжествѣ, безвкусіи и пристрастіи, если бы намъ когда-нибудь случилось какое-нибудь новое произведеніе Гоголя найти неудовлетворительнымъ... Времена перемѣнчивы... Притомъ же есть люди, которые думаютъ, что то и хорошо, что̀ въ ходу...

Но пока, для насъ еще существуетъ достовѣрность, что всѣ знаютъ, *кто*

первый оцѣнилъ на Руси Гоголя... [155]) Мы знаемъ, что еслибъ гдѣ и случилось публикѣ встрѣтить болѣе или менѣе подходящее къ истинѣ сужденіе о Гоголѣ, особенно въ тонѣ и духѣ «Отеч. Записокъ», публика будетъ знать источникъ, откуда вытекло это сужденіе, и не приймет его за новость... Теперь всѣ стали умны, даже люди, которые родились неумны, и каждый съумѣетъ поставить яйцо на столъ... Послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ» много найдется литературныхъ Коломбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великій талантъ въ русской литературѣ, новаго великаго писателя русскаго — Гоголя...

Но не такъ-то легко было открыть его, когда онъ былъ еще дѣйствительно-новымъ. Правда, Гоголь, при первомъ появленіи своемъ встрѣтилъ жаркихъ поклонниковъ своему таланту; но ихъ число было слишкомъ-мало. Вообще, ни одинъ поэтъ на Руси не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшіе наизустъ его творенія; къ его таланту никто не былъ равнодушенъ, его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокій юморъ, его безконечную иронію, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятнымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Впрочемъ, мы коснулись такого предмета, котораго нельзя объяснить въ рецензіи. Скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенія въ ихъ постепенномъ развитіи [156]). Теперь же, ограничимся выраженіемъ въ общихъ чертахъ своего мнѣнія о достоинствѣ «Мертвыхъ Душъ»—этого великаго произведенія.

Нашей литературѣ, въ-слѣдствіе ея искусственнаго начала и неестественнаго развитія, суждено представлять изъ себя зрѣлище отрывочныхъ и самыхъ противорѣчащихъ явленій. Мы уже не разъ говорили, что не вѣримъ существованію русской литературы, какъ выраженію народнаго сознанія въ словѣ, исторически-развившагося; но видимъ въ ней прекрасное начало великаго будущаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ какъ молнія, широкихъ и размашистыхъ, какъ русская душа, но не болѣе, какъ *проблесковъ*. Все остальное, изъ чего слагается вседневная дѣятельность нашей литературы, имѣетъ мало, или совсѣмъ не имѣетъ отношенія къ этимъ проблескамъ, кромѣ развѣ того, какое отношеніе имѣетъ тѣнь къ свѣту и мракъ къ блеску. Гоголь началъ свое поприще еще при Пушкинѣ и съ смертію его замолкъ, казалось, навсегда. Послѣ «Ревизора», онъ не печаталъ ничего до половины текущаго года. Въ этотъ промежутокъ его молчанія, столь печалившаго друзей русской литературы и столь радовавшаго литературщиковъ, успѣла взойти и погаснуть на горизонтѣ русской поэзіи яркая звѣзда таланта Лермонтова. Послѣ «Героя Нашего Времени» только въ журналахъ (читатели знаютъ, въ какихъ [157])

альманахѣ Смирдина явилось нѣсколько повѣстей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; но ни въ журналахъ, ни отдѣльно не явилось ничего капитальнаго, ничего такого, что̀ составляетъ вѣчное пріобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечные въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь и ненависть, и восторженныя похвалы и ожесточенныя порицанія, полное удовлетвореніе и совершенное недовольство, но во всякомъ случаѣ общее вниманіе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературою; торжество посредственности было полное; видя, что никто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ; она выпустила длинную фалангу уродовъ и недоносковъ, то передразнивая Марлинскаго въ призракахъ, то шарлатаня французскою исторіею и литовскими преданіями, растягивая ихъ на длинные томы скучныхъ росказней; то перебиваясь старою ветошью мнимо-патріотическихъ и мнимо-народныхъ сценъ пресловутой старины; то выдавая намъ за народность грязь простонародья, за патріотизмъ сало и галушки, а за юморъ и остроуміе каррикатуры нигдѣ-небывалыхъ идіотовъ, которые, по волѣ г. сочинителя, то глупы, то умны, то опять глупы; то пародируя Шекспира и перелагая его драмы на русскіе нравы; то переводя на русскій языкъ и русскую сцену мусоръ и щебень съ задняго двора нѣмецкой драматической литературы... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности, — вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время, глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое... Въ «Мертвыхъ Душахъ» авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ-сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ Душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ-сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостію,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго

міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута ежедневно-вращающихся образовъ избралъ однѣ немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко-отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы»; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что̀ ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи»; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телѣги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ»... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!»...

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы, читатель можетъ говорить:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ пафосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подлеца чубараго» включительно,—въ Петрушкѣ, носившемъ съ собою свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, въ просонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ читателей оскорбится въ печати тѣмъ, что̀ такъ субъективно-свойственно ему въ жизни, и назоветъ сальностями выходки въ родѣ казненнаго на ногтѣ звѣря; но это значитъ не понять поэмы, основанной на пафосѣ дѣйствительности, ка̀къ она есть. Изображайте мѣщанско-филистерскую жизнь Нѣмцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ похвалу или насмѣшку) о педантизмѣ ихъ опрятности, касаясь же жизни русскаго простонародья, неотличающагося, какъ извѣстно, излишнею чистоплотностью, значило бы пропустить одну изъ характеристическихъ чертъ ея, еслибъ не замѣтить, что не только въ деревняхъ, днемъ, сидя у воротъ, бабы усердно занимаются казненіемъ звѣрей у ребятишекъ, изъявляя имъ этимъ свою нѣжность и заботливость, но и въ столицахъ извощики на биржахъ и работники на улицахъ, не рѣдко оказываютъ другъ другу подобную услугу, единственно изъ безкорыстной любви къ такому занятію... Мы знаемъ наперед̀ъ, что наши сочинители и критиканы не пропустятъ воспользоваться расположеніемъ многихъ читателей къ чопорности и ихъ склонностію находить въ себѣ образованность большаго свѣта, выказывая при этомъ собственное знаніе приличій высшаго общества. Нападая на автора «Мертвыхъ Душъ» за сальности его поэмы, они съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнутъ, что и порядочный лакей не станетъ выражаться, какъ выражаются у Гоголя благопамѣренные и почтенные чиновники... Но мимо ихъ, этихъ столь посвященныхъ въ таинства высшаго общества критиканов̀ъ и сочинителей; пусть ихъ хлопочутъ о томъ, чего не смыслятъ, и стоятъ за то, чего не видали, и что̀ не хочетъ ихъ знать...

«Мертвыя Души» прочтутся всѣми, но понравятся разумѣется не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что «Мертвыя Души» не соотвѣтствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могутъ вполнѣ насладиться только тѣ, кому доступна мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, а не «сюжетъ»; для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста̀ и частности. Сверхъ-того, какъ всякое глубокое созданіе, «Мертвыя Души» не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. «Мертвыя Души» требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому и сильноразвитому духу. Толпа не понимаетъ и не любитъ его. У насъ, всякій писака такъ и таращится рисовать бѣшеныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и съ своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для себя уни-

женіемъ снизойдти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышь кошку. «Комическое» и «юморъ» большинство понимаетъ у насъ какъ шутовское, какъ каррикатуру, и мы увѣрены, что многіе не шутя, съ лукавою и довольною улыбкою отъ своей проницательности, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ-шутку назвалъ свой романъ поэмою... Именно такъ! Вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человѣкъ, Боже мой! Самъ безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!.. Именно такъ, вы угадали, умные люди...

Что касается до насъ, то, не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живаго писателя, мы скажемъ только, что не въ-шутку назвалъ Гоголь свой романъ «поэмою», и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ нею. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго и смѣшнаго; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьёзно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя Души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ, подробнѣе; а теперь пусть скажетъ что-нибудь самъ авторъ:

«...И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи», зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линія сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ

этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!... (424—427).

«....И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“, его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ— и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу кунцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и воронымъ крикомъ, летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль—и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка! птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на-скоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вотъ уже видно вдали какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ....

„Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился, пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ копяхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху,—и мчится вся вдохновленная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на земли, и косясь, посторанниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.....“ (473—475).

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе дифирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные

великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ-души станетъ хохотать отъ-того, отъ-чего у другаго волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ... А между-тѣмъ, это такъ, и иначе быть не можетъ. Высокая, вдохновенная поэма пойдетъ для большинства за «преуморительную штуку». Найдутся также и патріоты, о которыхъ Гоголь говоритъ на 468-й стран. своей поэмы, и которые, съ свойственною имъ проницательностію, увидятъ въ «Мертвыхъ Душахъ» злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному,—они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ быть деревенькахъ—плодахъ благонамѣренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричатъ и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшею критическою оцѣнкою поэмы... Что̀ касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишествѣ непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ-юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ,—къ счастію немногихъ, хотя къ несчастію и рѣзкихъ—мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ-легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ-скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними (стр. 208—430). Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое, и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ... Объ этомъ много можно сказать, какъ и о многомъ другомъ,—что̀ мы и сдѣлаемъ скоро въ свое время и въ своемъ мѣстѣ [158]).

---

623. («Макарьевская» Литература) [159]).

Всякая литература подвержена своимъ законамъ—это уже общее правило. Литературы заднихъ рядовъ, предводимыя гг. Кузмичевыми и разными иными знаменитостями въ томъ же родѣ, также имѣютъ свои законы, свои условія; но эти условія, кажется, въ томъ только и состоятъ, что въ нихъ заключается чистое отрицаніе самыхъ простыхъ законовъ, общихъ всѣмъ литературамъ, выражающимъ сколько-нибудь разумное содержаніе. Такъ хоть бы это условіе: есть въ году время, время жаровъ и зноя, когда едва-ли не всякій нѣсколько сокращаетъ свою обыкновенную дѣятельность, когда даже умственныя силы теряютъ много своей энергіи, и когда самыя требованія на произведенія высшей, умственной дѣятельности по-необходимости должны быть умѣреннѣе, ограниченнѣе; въ эту пору и литература, не истощаясь совершенно, впрочемъ, также уменьшаетъ свою производимость и какъ-бы отдыхаетъ, собирая силы для новыхъ трудовъ, для будущей дѣятельности:—это можетъ случиться не только въ нашей, но и во всякой другой, болѣе-солидной литературѣ. Но попробуйте наблюдать—не только вооруженными, но и простыми глазами—надъ этими безвременными литературами, которыхъ достоинство измѣряется только вѣсомъ и количествомъ, и вы увидите совсѣмъ-противное явленіе: онѣ какъ будто существуютъ внѣ законовъ пространства и времени; условія климата и атмосферы для нихъ совер-

менно не имѣютъ значенія; въ то время, какъ для васъ наступаетъ пора отдыха, у нихъ начинается работа самая живая, самая дѣятельная: работаютъ головы, руки, перья,—больше всего перья, а отъ нихъ не отстаютъ и типографскіе станки. Тутъ не только печатается и издается изъ тьмы въ свѣтъ «новое», но перепечатывается, или ужь по-крайней-мѣрѣ, получаетъ новую обертку и все старое: такимъ-образомъ, первое изданіе вдругъ, по волшебному манію, становится вторымъ, пѣсенникъ дѣлается собраніемъ пѣсень; большое изданіе—маленькимъ, карманнымъ, для удобнѣйшаго употребленія, и проч. и проч.; всѣхъ пріемовъ и увертокъ этой литературы не перескажешь. И что̀ это бываетъ за работа, особенно если ужь «макарьевская»-то недалеко! По русской пословицѣ—тянъ да ляпъ, и вышелъ корабль! Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Всѣ, мало-мальски сложные инструменты, въ такомъ случаѣ, чтобъ не мѣшали, отлагаются въ сторону: топоръ, обухъ и долото—вотъ всѣ орудія макарьевской литературы. Имъ некогда, они спѣшатъ,—такъ до чистоты ли тутъ? Лишь было бы что продать къ великому дню, да выручить хоть свои-то, ужь за большимъ не гонятся. Дадимъ имъ дорогу, этимъ скороспѣлымъ издѣліямъ книжной мануфактуры: теперь именно то время, когда они кучами валятъ на макарьевскую, спѣша захватить себѣ тамъ мѣстечко рядомъ съ желѣзомъ и кожею. Намъ не нужно долго задерживать ихъ и всматриваться въ ихъ физіономію: лица все знакомыя, да притомъ есть и вещи, и даже лица, которыя стоитъ только назвать по имени, чтобъ въ одномъ словѣ разсказать вамъ ихъ прошедшую и будущую исторію. Итакъ, начнемъ-те нашъ осмотръ [160]):

* **624. Стихотворенія Николая Воронова** за 1841 годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 46 стр. [161]).

Г. Вороновъ, какъ видно, пишетъ погодно и думаетъ, что обязанъ отдавать публикѣ ежегодный отчетъ въ своихъ стихотворныхъ упражненіяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по его мнѣнію, публикѣ очень-интересно видѣть плоды его ежегодныхъ трудовъ по части наводненія русской литературы посредственными стихами. Убѣжденіе, конечно, невинное и безвредное, тѣмъ болѣе, что публика и не узнаетъ о существованіи стихотвореній г. Воронова: стало быть, публикѣ нѣ за что и сердиться; но рецензентъ—другое дѣло: онъ прочелъ стихотворенія г. Воронова за 1841 годъ и сильно опасается прочесть когда-нибудь стихотворенія г. Воронова за 1842, 43 и т. д. годы. Сталобыть, рецензенту есть за что сердиться на г. Воронова. Конечно, стихи г. Воронова не то, чтобъ были ужъ очень-плохи, но они и не очень-хороши, а потому и хуже, чѣмъ просто худы, ибо съ удовольствіемъ можно читать только такіе стихи, которые или очень-плохи или очень-хороши: всякая средина между этими крайностями никуда не годится въ дѣлѣ стиховъ. Можетъ-быть, стихотворенія, въ родѣ слѣдующаго, кому-нибудь понравятся не меньше, чѣмъ и самому автору:

*

Локонъ черный, локонъ длинный,
Я любилъ тебя, ласкалъ.
Прежде въ залахъ такъ эфирно,
Ты подъ музыку леталъ:
А въ гостиныхъ, послѣ *вальсу*,
Чуть колеблемый *въ тиши* (?),
Ты по дымкѣ *по атласу*,
Рисовался *на груди*.
Но теперь тебя не видно
На балахъ и вечерахъ:
Не блистая смолью дивной,
Такъ роскошно при огняхъ,
Ты у *дѣвы*-чародѣйки
Не бѣжишь ужъ за *ушкомъ*,
По лилейной чудной шейкѣ
Ароматнымъ завиткомъ.
Ручка нѣжная, лаская,
Отстригнула шалуна;
Крѣпко сжатая, нылая,
Съ нимъ разсталася она!
Съ тѣхъ поръ юноша владѣетъ
И любуется тобой;
Онъ хранитъ тебя, лелѣетъ,
И кропитъ любви слезой!—

Можетъ-быть, говоримъ мы, подобные стихи кому-нибудь и покажутся звучными, гладкими и поэтическими, не смотря на ихъ полубогатыя рифмы, *ароматные завитки* и *отстригнутые локоны;* но намъ-то какое до этого дѣло, и мы-то за какое преступленіе осуждены не только читать ихъ, но еще и писать о нихъ?..

Можетъ-быть, кому-нибудь не меньше, чѣмъ самому сочинителю, покажется много души и чувства въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Ахъ, зачѣмъ ее (*я*) не зная,
Простодушно вѣрилъ ей!
Сколько даромъ я, страдая,
Погубилъ безумныхъ дней!
Сколько пламенныхъ мечтаній,
И тоски, и горькихъ слезъ,
Сердца лучшихъ упованій,
Въ даръ любви я ей принесъ!
Сердце жадно къ ней стремилось
Въ дни обманчивой любви;
Для нея одной лишь билось
Въ этой пламенной груди.
Но я вижу, все напрасно,
Что прошло, не возвратить!
Такъ довѣрчиво и страстно
Дважды сердцу не любить!
Можетъ-быть, припоминая,

Все прошедшее подъ часъ,
Я вздохну по ней, мечтая
И теперь еще не разъ.

Можетъ быть, говоримъ мы, какой-нибудь юноша, читая въ классѣ, украдкою отъ учителя, стихотворенія г. Воронова, или какая-нибудь двѣнадцатилѣтняя *дѣва-чародѣйка*, тихонько отъ матери, или взрослая швея, пожалѣютъ искренно о несчастномъ авторѣ, не смотря на его сантиментальность, и посердятся на вѣроломную, которой онъ простодушно вѣрилъ, не зная ея; но кому какое дѣло до всѣхъ этихъ ребяческихъ вздоровъ? Никто не хочетъ знать ихъ, и всякій имѣетъ право повторить г-ну Воронову стихи Лермонтова:

Какое дѣло *намъ*, страдалъ ты, или нѣтъ?
На-что *намъ* знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между-тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

625. Дагеротипъ. Тетрадь вторая. Спб. 1842 г. Въ типографіи А. Бородина. Въ 8-ю д. л. 39 стр. (Цѣна 25 коп. сер.) [162]).

Вторая тетрадь «Дагеротипа», подобно первой, начинается *Дагеротипомъ*, котораго содержаніе также мистически-таинственно и для непосвященныхъ недоступно, какъ и названіе. «Всѣ опыты въ началѣ бываютъ слабы, но никогда не заслуживаютъ насмѣшки, потому-что неизвѣстно, какой они пріймутъ оборотъ». Этимъ оракульскимъ изрѣченіемъ начинается первая статья во второй тетради «Дагеротипа», называющаяся «Дагеротипъ». Но нынѣче никого не запугаешь оракульскими изрѣченіями, и потому мы не обинуясь скажемъ, что оракулъ говоритъ рѣшительную неправду, утверждая, что надъ опытами, какъ ни слабы они, никогда не должно смѣяться, изъ уваженія къ неизвѣстности оборота, какой они пріймутъ. Мы думаемъ, напротивъ, что будущее можетъ приниматься въ разсчетъ только на основаніи настоящаго, а если настоящее нелѣпо, то можно и должно надъ нимъ смѣяться. Если начало дурно и ничего хорошаго не обѣщаетъ, почему же не смѣяться надъ нимъ? Если продолженіе, или конецъ, сверхъ чаянія, будутъ хороши, почему же не похва-

лить ихъ? Одно другому не мѣшаетъ. Если, напр., третья тетрадь «Дагеротипа» будетъ хороша, мы охотно похвалимъ ее; но какъ вторая плоха, подобно первой, мы пока будемъ продолжать смѣяться надъ «Дагеротиномъ».

За первою статейкою «Дагеротипа», наполненною какими-то таинственными намеками о мистическомъ значеніи «Дагеротипа», слѣдуетъ «Мудрецъ Платонъ и ученикъ его Ктезиппъ», легенда Гёте, переводъ г. Струговщикова. Въ этой легендѣ, Ктезиппъ изображенъ такимъ, какимъ Ктезиппъ какой-нибудь могъ быть въ самомъ дѣлѣ; но Платонъ рѣшительно не похожъ на себя, такъ же, какъ этотъ переводъ ни мало не похожъ на другіе переводы г. Струговщикова, и такъ же, какъ вся эта пьеска похожа скорѣе на дѣтское сочиненіе г. Ф. Ѳедорова, чѣмъ на произведеніе сколько-нибудь даровитаго поэта. [163]).

«Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ»—что-то въ родѣ повѣсти безъ завязки и развязки, безъ начала и конца, безъ цѣли и плана, наконецъ безъ всякаго содержанія, сочиненіе г. Полеваго. Ни истины, ни правдоподобія, ни занимательности—ничего этого нѣтъ и тѣни въ разсказѣ г. Полеваго. Это какая-то каррикатура на дѣйствительность, что-то въ родѣ сатиры на русскій европеизмъ. Г. Полевой занимаетъ самое пріятное положеніе въ современной русской литературѣ: онъ все во всемъ, онъ вездѣ и нигдѣ, онъ редакторъ журнала, онъ драматургъ и, послѣ г. Кукольника, глава театральной и сценической литературы, онъ пишетъ въ свой журналъ начала повѣстей, которымъ не суждено никогда кончиться, отрывки, изъ которыхъ ничего цѣлаго не выйдетъ. Умилительнѣе всего, что онъ пишетъ легко и скоро: это—благодѣтельные плоды долговременнаго упражненія въ россійской словесности, счастливые результаты навыка, похвальнымъ трудолюбіемъ пріобрѣтеннаго! Въ-слѣдствіе всего этого, г. Полевой сталъ почетнымъ лицомъ въ современной русской литературѣ: новый журналъ—и тамъ долженъ быть его «отрывокъ», или по крайней мѣрѣ его обѣщаніе что-нибудь написать, о чемъ-нибудь разсудить, какой-нибудь вопросъ рѣшить; новый альманахъ: безъ него какъ-то неловко—имя громкое; бенефиціантъ нуждается въ пьесѣ: все къ нему же, все къ г. Полевому, который, по выраженію одного изъ друзей его, *пишетъ полосами;* нужна исторія—Петра, Колумба, Чингисъ-Хана, Россіи, Испаніи, Дауріи: одно слово, и паровая машина записала или вступленіе, или отрывокъ, или одинъ конецъ... Правда, все это отзывается скоростью, все это ни хорошо, ни худо, все это постоянно носитъ на себѣ отпечатокъ посредственности; но все это тѣмъ лучше гармонируетъ съ характеромъ современной русской литературы, и все это тѣмъ завиднѣе и блестящѣе дѣлаетъ литературное положеніе г. Полеваго... Имя его извѣстно публикѣ, а такъ-какъ очарованіе именъ у насъ еще не исчезло, то статью прочтутъ, зная впередъ, что она ни то ни сё; прочитавъ, будутъ говорить, что плоха, но объ изданіи всегда отзовутся какъ о чемъ-то заслуживающемъ вниманія: тамъ-де статья г. Полеваго... Однимъ словомъ, г. Полевой драгоцѣнный человѣкъ для современной русской литературы: въ этомъ вѣрно съ нами согласенъ и« Дагеротипъ»... [164]).

За «Огурчиковымъ» слѣдуютъ двѣ музыкальныя статьи, одна въ двѣ съ половиною, другая въ полторы странички; подъ обѣими красуется имя г. Ноткина, и въ обѣихъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ буквъ, словъ и знаковъ препинанія. Но вотъ и «Астраханскія Письма», которыя ужасно отзываются Астраханью, и которыя писаны, вѣроятно, для астраханскихъ татаръ, которымъ мы охотно и предоставляемъ восхищаться ими и судить о нихъ.

Вотъ и *все*. Что̀ такое это *все*, къ чему оно, зачѣмъ, для чего, — это тайна, которой мы не возьмемся рѣшить. Кто это читаетъ, кому это нужно— Богъ вѣсть!

***626. Парижская Красавица** (La jolie fille du Faubourg). Романъ *К. Поль-де-Кока*. Санктпетербургъ. Въ типогр. III-го Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1842. Въ 4-хъ частяхъ. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части—120, въ II—119, въ III—131, въ IV—126 стр. [165]).

Не смотря на ожесточенные вопли идеальныхъ критиковъ и моральныхъ людей, которые вслухъ громко бранятъ Поль-де-Кока, а про-себя прилежно читаютъ его,—добрый, милый и талантливый Поль-де-Кокъ не перестаетъ писать, а переводчики не перестаютъ взапуски переводить его на всѣ языки Европы. И Поль-де-Кокъ вполнѣ достоинъ этой чести. Онъ не берется за идеалы, которые ему не по сплямъ; а въ томъ, что̀ не выходитъ изъ круга его созерцанія и его способностей, онъ несравненепъ и превосходенъ. Знаніе людей и общества, добродушіе, веселость, вѣрность истинѣ, мѣстами душа и чувство, наловливость легкой французской фантазіи въ подробностяхъ, и нравственное чувство въ цѣломъ, умѣнье хорошо концепировать и ровно выдержать характеры, завязать и развязать просто, естественно и безъ натяжекъ, узелъ возможнаго, взятаго изъ современнаго общества, каково бы оно ни было, узелъ разсказа, изложить его легко, увлекательно, живо, насмѣшитъ до слезъ, а иногда и тронуть,—вотъ неотъемлемыя достоинства Поль-де-Кока и неотъемлемыя права его на скромную и тихую славу. Въ «Парижской Красавицѣ» онъ остался вѣренъ себѣ, и этотъ романъ читается скоро-легко. Характеръ героини и ея судьба возбуждаютъ живое участіе своимъ благородствомъ и женскимъ достоинствомъ; прекрасно очерченъ характеръ Елены де Бреванъ, кокетки, испорченной богатствомъ и пансіонскимъ воспитаніемъ; прочія лица морятъ со смѣху своею оригинальностію. Особенно-хорошо обрисованы соблазнительныя парижскія гризетки.

Мы не разъ уже говорили, что Поль-де-Кока можно читать только по-французски. Этому двѣ причины: первая та, что Поль-де-Кокъ по-преимуществу французскій писатель; живость и оригинальность его разсказа неразрывно связана съ духомъ разговорнаго французскаго языка; вторая та, что наши россійскіе перелагатели нещадно уродуютъ Поль-де-Кока. Стирая съ его разсказа

колоритъ добродушія и граціозности, они заставляютъ русскихъ читателей видѣть въ немъ однѣ сальности и плоскія, грубыя картины цинизма. Переводчикъ «Парижской Красавицы» не отсталъ въ этомъ похвальномъ обыкновеніи отъ своихъ многочисленныхъ товарищей по ремеслу, и варварски опошлилъ, огрубилъ и обезсмыслилъ «La jolie Fille du Faubourg». Съ этимъ обстоятельствомъ, относящимся ко вкусу, соединяется еще и грубое незнаніе отечественнаго языка. Вотъ нѣсколько образчиковъ, показывающихъ, что переводчику не худо было бы поучиться русской грамматикѣ: «Едва *вступивъ* въ юношескій возрастъ *горести* должны быть не тяжелыя, и скользнувъ по сердцу, не проникать въ его глубину» (Ч. I, стр. 22): *горести вступаютъ въ юношескій возрастъ!* очень-хорошо! «Я лучше люблю замокъ и экипажи» (стр. 67): галлицизмъ! по-русски говорится: *мнѣ лучше нравятся*. Такихъ выраженій не оберешься въ переводѣ «Парижской Красавицы». Прибавьте къ этому незнаніе орѳографіи, неумѣнье распоряжаться знаками препинанія, бездну типографскихъ ошибокъ, и, наконецъ, варварскую манеру писать русскими буквами то *мосье*, то *судырь;* то *Аманднъ* и *Маргаритъ*, то *Амандина* и *Маргарита; Фобуръ дю Темпль* и т. п.

*627. **Россійская Грамматика**, съ присовокупленіемъ пінтическихъ правилъ. Изданная для обученія юношества *Яковомъ Пожарскимъ*. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 67 стр. [166]).

Г. Яковъ Пожарскій возъимѣлъ благое и достохвальное намѣреніе воскресить своею особою умершаго вмалѣ великаго мужа блаженной памяти, Михаила Меморскаго. Для этого онъ сочинилъ *россійскую* (а не *русскую*) грамматику въ вопросахъ и отвѣтахъ, и присовокупилъ къ ней, на *пяти* страничкахъ, пінтическія правила, въ которыхъ, для примѣровъ версификаціи, помѣстилъ слѣдующіе стихи:

Здѣсь весною
Зябликъ пѣлъ;
Здѣсь со мною
Фирсъ сидѣлъ.

Пусть счастье коловратно,
Нельзя не знать того:
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.

Гости, пената встрѣчайте, встрѣчайте,
Красны стелите цвѣты по пути;
Мѣсто пространно давайте, давайте,
Чтобъ было музамъ свободно пройдти.

Изложеніе правилъ совершенно соотвѣтствуетъ достоинству этихъ стиховъ.

Воп. Что есть буква?

Отв. Буква есть знакъ, представляющій первоначальную часть выговора. (Очень-понятно, ясно и удовлетворительно!)

Воп. Что составляется изъ буквъ?

Отв. Изъ *буквъ* составляются *слоги*, изъ слоговъ *слова*, изъ словъ *рѣчь*, напр., *Богъ есть всемогущъ*.

Воп. Какъ называется писатель стиховъ?

Отв. Писатель стиховъ называется *поэтъ*, *пѣита и пѣитъ*.

Воп. Какъ сочиненія называются?

Отв. Главное стихотворное сочиненіе называется *поэма*.

Воп. Въ чемъ состоитъ матерія поэмы?

Отв. *Матерія поэмы* состоитъ въ стихахъ, дѣйствія и *вещи* описывающихъ.

Воп. Что есть поэзія?

Отв. *Поэзія* или *стихотворство* есть *наука*, всякую *вещь* или данную матерію располагать по мѣрѣ стопъ, и описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ и читающихъ.

Что это такое? Ужъ не перепечатка ли пресловутой «россійской грамматики», пресловутаго Меморскаго? Что-то похоже...

628. Сельскія Бесѣды. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1842. Въ 12-ю д. л. 114 стр. [167]).

Книга, изданная для простонародья и касающаяся своимъ содержаніемъ быта земледѣльцевъ. Доброе дѣло! Жаль только, что изложеніе не довольно-увлекательно и не довольно-доступно для православныхъ бородъ и остриженныхъ въ кружокъ головъ. Жаль еще, что книжка оканчивается «Русскою сказкою о бѣлой царицѣ русь-дѣвицѣ, и о чудѣ-богатырѣ славномъ еревичѣ»: поддѣлки подъ тонъ и манеры народныхъ сказокъ всегда болѣе или менѣе приторны; сверхъ того, у мужиковъ много и своихъ сказокъ, которыя ничѣмъ не умнѣе, даже глупѣе той, которою подчуютъ ихъ «Сельскія Бесѣды». «Русскій мужикъ сѣръ, а умъ-то у него не чортъ съѣлъ», говоритъ пословица: у русскаго мужичка много природнаго ума, много разумнаго чутья, которое заставляетъ его смотрѣть на сказки, какъ на пустяки, и уважать то, что, будучи доступно его разумѣнію, въ то же время можетъ сдѣлать его умнѣе и поставить выше понятій его сословія и быта, а не то, что только держитъ его въ кругѣ его же ограниченной жизни, или еще толкаетъ ниже этого круга. Жаль также, что и цѣна этой книжки, незначительная для горожанъ (25 к. сер.), высока для мужиковъ.

***629. Очерки къ Борису Годунову, Александра Пушкина.** 15 очерковъ и обвертка, рисованы *К. Шрейдеромъ*. Санктпетербургъ. 1842. Въ 4-юд. л. [168]).

Кому не извѣстны превосходные очерки Флаксмана къ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» Гомера, и превосходные очерки Реча къ драмамъ Шекспира, къ «Коло-

колу» Шиллера, и пр.? Вслѣдъ за этими двумя геніальными художниками, и г. Шрейдеръ вздумалъ подарить русскую публику очерками къ «Борису Годунову» Пушкина. Это, безъ всякаго сомнѣнія, благое и похвальное намѣреніе; жаль только, что г. Шрейдеръ, подражая Флаксману и Рочу въ идеѣ своего предпріятія,—въ исполненіи его взялъ себѣ въ руководители свое вдохновеніе и собственный талантъ. Это по-видимому не важное обстоятельство, имѣло важныя и непріятныя слѣдствія: оно заставило г. Шрейдера представить публикѣ 15-ть каррикатуръ, и очень-злыхъ, на «Бориса Годунова». Боже мой, что это такое? Что за конценція, что за частности, что за лица, что за носы, что за уроды? Да это просто торжество суздальской школы гравированія на лубкахъ; это рѣшительное, и притомъ весьма удачное, подражаніе извѣстнымъ литографіямъ: «какъ мыши кота погребаютъ», и «какъ пришелъ Яковъ, ерша смякалъ»... Бѣдный Пушкинъ! бѣдный «Борисъ Годуновъ»! Досталось же имъ отъ усердія г. Шрейдера!..

***630. Исторія Государства Россійскаго.** Сочиненіе *Н. М. Карамзина*. Изданіе пятое. Въ трехъ книгахъ (,) заключающихъ въ себѣ двѣнадцать томовъ, съ полными примѣчаніями, украшенное портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Изданіе *И. Эйнерлинга*. Книга I (томы I, II, III и IV). Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1842. Въ 8-ю д. л., XVII, 156, 192, 174 и 186 стр. текста; (150, 172, 138 и 162 стр. Примѣчаній. (Цѣна 50 р. ас. за всѣ три книги; каждая книга отдѣльно 5 р. сер.; за пересылку каждой книги вѣсов. за четыре фунта). [169]).

Мы говорили уже о намѣреніи г. Эйнерлинга издать всѣ 12 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина въ *трехъ* компактныхъ книгахъ,—намѣреніи полезномъ въ высшей степени. Мы жалѣли только, основываясь на программѣ, разосланной г. Эйнерлингомъ при газетахъ, что изданіе его не будетъ вполнѣ-удовлетворительно, не заключая въ себѣ ни «ключа» къ творенію Карамзина, ни другихъ приложеній. Теперь, вмѣстѣ съ первою книгою этого изданія, получили мы новое объявленіе г. Эйнерлинга, неоставляющее желать ничего болѣе, и спѣшимъ привѣтствовать это предпріятіе отъ всего сердца, желая ему заслуженнаго успѣха. Издатель не только обѣщаетъ намъ «Азбучный Указатель или Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго», составленный г. Строевымъ, вновь пересмотрѣнный, дополненный, и, разумѣется, примѣненный къ этому новому компактному изданію, но пользуется еще *исправленіями* и *замѣчаніями*, сдѣланными рукою историографа на поляхъ собственнаго его экземпляра втораго изданія; эти исправленія и замѣчанія никогда еще не были извѣстны публикѣ, потому-что никогда и нигдѣ не были напечатаны. Такимъ образомъ, изданіе г. Эйнерлинга будетъ полнѣйшимъ изъ всѣхъ прежнихъ, и читатели получатъ теперь «Исторію Государства Россійскаго» въ томъ

самомъ видѣ, въ какомъ желалъ бы напечатать ее самъ исторіографъ въ позднѣйшіе годы своей жизни. Здѣсь будетъ поправлено все, что въ-послѣдствіи онъ считалъ обмолвкою, недосмотромъ, неправильностью; слѣдственно, теперь можно будетъ судить о знаменитомъ твореніи, какъ о книгѣ пересмотрѣнной, улучшенной самимъ авторомъ, и все оставшееся непоправленнымъ, непередѣланнымъ, признать за результатъ убѣжденій автора, непокинувшихъ его до самой смерти. Въ изданной нынѣ книгѣ, или въ первыхъ четырехъ томахъ, находится не болѣе четырнадцати такихъ исправленій и замѣчаній.

Сверхъ того, г. Эйнерлингъ, включилъ въ самыя примѣчанія тѣ *дополненія*, которыя Карамзинъ помѣстилъ въ концѣ послѣднихъ томовъ втораго изданія своей «Исторіи», съ указаніемъ куда каждая должна быть отнесена. Не довольствуясь и этими улучшеніями, издатель обѣщаетъ намъ два чрезвычайно-важныя приложенія, именно, написанный Карамзинымъ *Перечень происшествій до вступленія Дома Романовыхъ на россійскій престолъ* и статью Карамзина *О древней и новой Россіи*. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ:

«Къ XII Тому, за смертію Автора недокончennому, будетъ приложенъ найденный въ бумагахъ его, имъ самимъ составленный изъ бывшихъ у него матеріаловъ, *перечень происшествій* до вступленія благословеннаго Дома Романовыхъ на Всероссійскій Престолъ. Читатели увидятъ здѣсь приготовительную работу для сего тома, заглянувъ такъ сказать въ самый кабинетъ великаго Писателя, котораго каждый слѣдъ намъ дорогъ, и будутъ въ состояніи заключить, что именно занимало умъ и воображеніе его между предметами, коихъ онъ еще не успѣлъ описать; найдутъ притомъ и нѣкоторыя указанія какъ бы ихъ описать надлежало.

«Карамзинъ желалъ въ заключеніе XII Тома окинуть взглядомъ слѣдующія времена Исторіи Россійской до нашихъ дней. Судьба не дозволила ему исполнить сего намѣренія. Но гораздо прежде того онъ по особенному случаю сочинилъ для Императора Александра любопытную *статью о древней и новой Россіи*, оставшуюся въ неизвѣстности до 1837 года, въ который она въ первый разъ явилась въ Современникѣ Пушкина. Издатель помѣстилъ ее въ концѣ XII Тома, полагая, что, будучи произведеніемъ того же незабвеннаго нашего Исторіографа, не легко измѣнявшаго свой взглядъ на событія, взглядъ вѣрный, основанный на зрѣлыхъ соображеніяхъ, она должна принести особенное удовольствіе читателямъ, когда вниманіе ихъ прерывается въ семъ томѣ на самомъ любопытнѣйшемъ мѣстѣ, и они, съ трудомъ оставляя книгу, доставившую имъ столько наслажденія, конечно желали бы еще услышать хотя нѣсколько словъ отъ Автора, предъ ними незапно умолкшаго».

Все это, вмѣстѣ съ «Указателемъ» и другими (какъ говоритъ г. Эйнерлингъ) немаловажными пособіями къ «изученію сего знаменитаго творенія» (Исторіи Государства Россійскаго), составитъ особую, *четвертую* книгу, которою воспользуются безденежно только подписавшіеся на все изданіе, т. е. на всѣ три книги вдругъ; прочіе же подписчики должны будутъ вносить за четвертую книгу особую плату, которая назначится въ-послѣдствіи.

Вышедшая нынѣ первая книга издана превосходно. Чёткій и красивый

шрифтъ, удобный и чрезвычайно-вмѣстительный форматъ, чистая бумага и прекрасно-гравированный портретъ исторіографа,—ставятъ ее на ряду съ лучшими европейскими книгамц этого рода. Все это изданіе можетъ почесться образцовымъ, какъ по обдуманности и полнотѣ его, такъ и по наружному изяществу. Мы совѣтовали бы нашимъ издателямъ поучиться у г. Эйнерлинга печатать творенія тѣхъ писателей, которые имѣютъ важное значеніе въ русской литературѣ. А то, поглядите, какъ изданы у насъ Ломоносовъ, Державинъ,—смотрѣть совѣстно...

Вторая книга компактнаго изданія «Исторіи Государства Россійскаго» выйдетъ въ сентябрѣ, третья въ январѣ 1843 года: въ нихъ будутъ содержаться остальные восемь томовъ.

Нельзя не пожелать, чтобъ это изданіе имѣло полный успѣхъ между русскими читателями; успѣхъ необходимъ ему, какъ для вознагражденія издержекъ, на него употребленныхъ (издержки, по словамъ объявленія, простираются до 100,000 рублей), такъ и для того, чтобъ это могло поощрить и другихъ увеличивать у насъ число компактныхъ книгъ, столь выгодныхъ и доступныхъ всякому небогатому человѣку.

***631. Картины Русской Живописи.** Выпускъ второй. Гравюра: Истязаніе, съ картины Егорова. Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 24 стр. (Цѣна каждому выпуску 50 к. сер.; при полученіи выпуска вносятся деньги за слѣдующій) [170]).

Ожиданія не обманули насъ: почтенные издатели «Картинъ Русской Живописи» продолжаютъ выдавать свои тетради безостановочно. Не успѣли мы дать отчетъ о первой тетради, какъ вотъ ужь вышла и вторая. Гравюра, приложенная при этой тетради, сдѣлана такъ же прекрасно, какъ и приложенная при первой. Въ этотъ разъ, читатели получаютъ вѣрную копію съ извѣстной картины нашего заслуженнаго художника, Егорова, «Истязаніе Христа». Кто знаетъ подлинникъ, тотъ вполнѣ будетъ удовлетворенъ гравюрою: лицо и вся фигура Божественнаго Страдальца, предстоящаго съ связанными руками и съ поднятымъ горѣ взоромъ, звѣрскія лица біющихъ его воиновъ,—все это какъ въ картинѣ.

Во второй тетради помѣщено стихотвореніе г. Соколовскаго «Божественная Ноша», относящееся къ содержанію гравюры, и статья г. Надеждина «Грота-Феррата», въ которой весьма-занимательно и прекраснымъ языкомъ разсказана исторія праведнаго отшельника Св. Нила, изображеннаго въ фрескахъ Доминикино. Эти фрески находятся въ часовнѣ монастыря Грота-Феррата, лежащаго между Фраскати и Монте-Альбано, въ окрестностяхъ Рима. Г. Надеждинъ, во время своего путешествія, посѣтилъ этотъ монастырь и тамъ слышалъ житіе Св. Нила, которое теперь и передаетъ намъ. Постническая, до-

бровольно-страдальческая жизнь святаго отшельника, имѣетъ также близкое отношеніе къ гравюрѣ, приложенной къ этой тетради.

***632. Наши,** списанные съ натуры Русскими. Выпуски 9, 10 и 11. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Journal de St. Pétersbourg. Въ 8-ю д. л. 33 стр. (Цѣна 40 к. сер. за выпускъ безъ перес.) [171]).

«Наши, списанные съ натуры Русскими» приняли благое намѣреніе выходить въ свѣтъ уже не тетрадями, какъ прежде, а цѣлыми, отдѣльными статьями. Теперь «Наши» появляются съ «Гробовымъ Мастеромъ», статьею уже не новою: она была когда-то напечатана въ журналѣ. Впрочемъ, это обстоятельство нисколько не отнимаетъ цѣны у статьи, потому-что, вопервыхъ, она явилась съ прекрасными дѣйствительно-типическими рисунками, а во-вторыхъ, она сама-по-себѣ не безъ достоинства, и многое въ ней, всегда будучи далеко отъ *типизма*, иногда очень-близко къ натурѣ. Гробовщикъ *Тихоморовъ*—лицо очень-возможное, а потому и истинное; при всемъ этомъ, въ нашей литературѣ онъ—лицо столь же новое и незнакомое, сколько старое и всѣмъ знакомое въ жизни. Его тонъ и знаніе приличій, т. е. умѣніе съ печальною миною, гармонирующею важности обстоятельства и печали, истинной или ложной, родственниковъ и друзей покойника, обобрать и мертваго и живыхъ ловкосоставленнымъ и краснорѣчиво-написаннымъ «печальнымъ счетомъ»,—удачно схвачены авторомъ, какъ самыя характеристическія черты гробовщика. Вообще, такія статьи, какъ «Няня», «Армейскій Офицеръ» и «Гробовой Мастеръ» хоть кого такъ заставятъ смотрѣть снисходительно на слабыя стороны этого изданія, и забыть даже злополучнаго «Водовоза». Красота же изданія и превосходныя картинки не могутъ не сдѣлать «Нашихъ» пріятнымъ явленіемъ въ современной русской литературѣ, столь бѣдной годными для чтенія книгами.

***633. Финляндія и Финляндцы.** Сочин. *Ѳ. Дершау*. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Импер. Акад. Наукъ. Въ 8-ю д. л. 107 стр. (Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. сер.) [172]).

Всѣ мы жалуемся на недостатокъ хорошихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ,—жалуемся, указывая на совершенно-противное у иностранцевъ, а забываемъ, что ужь одно пространство нашей Руси безконечной таково, что развѣ въ чемъ другомъ, но никакъ не въ этомъ отношеніи потягается съ нами хоть одно, не только европейское, даже азіатское царство. Мудрено ли, что такое неслыханное протяженіе и такое разнообразіе изучаются не скоро? Правда, тутъ немного виновата и какая-то холодность къ своему, но холодность, все же незаслуживающая проклятія: она постепенно исчезнетъ съ постепеннымъ ограж-

данствленіемъ разныхъ частей Россіи. Со многимъ, что еще долго, можетъ-быть, не сдѣлалось бы хорошо-извѣстно,знакомитъ насъ попечительное правительство[173]); со многимъ образованные частные люди, занесенные въ ту или другую сторону, тѣми или другими обстоятельствами. Такъ, напримѣръ, авторъ книги «Финляндія и Финляндцы», имѣлъ, какъ самъ говоритъ, «случай объѣхать любопытную Финляндію, жить долгое время между Финляндцами, а потому посвятить себя исключительно изученію этой страны», и теперь знакомитъ соотечественниковъ съ нею,—знакомитъ, хоть съ небольшимъ на 100 страницахъ, однако довольно-полно и весьма-искусно. Въ его книжечкѣ сказано обо всѣхъ городахъ княжества, отъ Выборга и Гельсингфорса до Торное[174]) и Кекгольма,—сказано въ отношеніяхъ и историческомъ, и статистическомъ, и во всякихъ, какія доступны человѣку не глубоко-ученому, но образованному и умному, вздумавшему наблюдать страну. Финляндія же—страна очень стоящая наблюденія человѣка и просто-образованнаго и собственно-ученаго! Авторъ находитъ въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ Финляндіей, большое сходство съ впечатлѣніями, какія оказала на Мармьѣ Данія, гдѣ, какъ выражается французскій ученый, «душа пріобрѣтаетъ какую-то свѣжесть, спокойствіе, умѣряющее бурныя волненія ума и безпокойныя страсти». Можетъ-быть, именно этому успокоительному и располагающему къ юношеской свѣжести впечатлѣнію страны слѣдуетъ приписать ту пріятность, доходящую до сладости, какою проникнута книжка г. Дершау. Книжка-же эта, какъ говоритъ самъ г. Дершау, есть только «краткій очеркъ Великаго Княжества Финляндскаго»: почему онъ написалъ «краткій очеркъ», а не подробное изображеніе страны, которой «изученію исключительно себя посвятилъ»—мы не знаемъ: знаетъ про то онъ-самъ. Вообще, очеркъ г. Дершау очень-занимателенъ и написанъ довольно-хорошимъ слогомъ. Какъ совѣстливый разсказъ образованнаго очевидца, хорошо знакомаго съ описываемою страною, онъ гораздо-болѣе достоинъ уваженія, нежели тѣ «прогулки» въ Финляндію, или куда-нибудь, которыя, при видимомъ разсчетѣ на карманы простодушныхъ читателей, еще взводятъ небылицы,—да еще какія!—на добрыхъ Финляндцевъ[175]).

634. Журнальныя и литературныя замѣтки.

Зная не только, что и какъ пишется въ нашихъ журналахъ, но и догадываясь напередъ, что и какъ будетъ въ каждомъ изъ нихъ писаться, мы не принадлежимъ къ числу ревностныхъ ихъ читателей. Если же и заглядываемъ въ нихъ, такъ больше для своего личнаго удовольствія, изъ желанія прочесть иногда что-нибудь забавное,—нежели по обязанности. А между-тѣмъ, ища удовольствія, встрѣчаемъ иногда и пользу: время-отъ-времени попадаются въ журналахъ вещи курьёзно-поучительныя, по поводу которыхъ иногда невольно раздумаешься о томъ и о сёмъ. Такъ какъ теперь большая часть нашихъ журна-

ловъ, за исключеніемъ «Отеч. Записокъ», «Библіотеки для Чтенія» и «Сѣв. Пчелы», извѣстна публикѣ только развѣ по именамъ, и то изъ упомянутыхъ извѣстныхъ ей изданій,—то мы и приняли благое намѣреніе, если не сохранить для потомства, то хоть сдѣлать извѣстнымъ для современниковъ рѣдкости и драгоцѣнности, которыя, какъ оазисы въ пустынѣ, попадаются въ мало-извѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ. Равнымъ образомъ, можетъ попадаться много интереснаго въ томъ или другомъ отношеніи и при перелистываніи старыхъ журналовъ, старыхъ и новыхъ книгъ. Все такое мы намѣрены или пересказывать, или просто выписывать, съ собственными замѣтками, когда дѣло требуетъ поясненія, или и безъ замѣтокъ, когда дѣло краснорѣчиво говоритъ само-за-себя. Будучи увѣрены въ занимательности подобныхъ замѣтокъ для читателей, мы намѣрены сдѣлать изъ нихъ родъ постоянной статьи, время-отъ-времени помѣщаемой въ отдѣлѣ Смѣси «Отеч. Записокъ». Такъ какъ наши замѣтки не имѣютъ ничего общаго ни съ осами, ни съ шмелями, ни съ трутнями, ни съ комарами [177]), ни съ другими животными, то мы ихъ и называемъ просто «журнальными и литературными замѣтками». Вотъ нѣсколько такихъ замѣтокъ для начала.

Съ нѣкотораго времени въ русскую поэзію закралась странная и неприличная изысканность въ мысли и выраженіи. Многіе критики справедливо и строго вооружились противъ нея. Мы думали-было, что она и кончилась, какъ вдругъ открыли, къ изумленію своему, слѣдующее извѣстіе о ней въ «Русскомъ Вѣстникѣ»:

„Изъ 12-ти нѣсъ въ стихахъ, находящихся во второмъ томѣ *Бесѣды* замѣчательнѣе всѣхъ стихотвореніе г. Шевырева. Но развѣ г. Шевыревъ все еще пишетъ стихи? Да, пишетъ, прекрасные, какъ проза, чистые, какъ вода, правоучительные, какъ изрѣченія Антонія Мурета отрокамъ. Видите: какой-то поэтъ умеръ. Г. Шевыревъ такъ разсердился за смерть его, что не совѣтуетъ юношамъ призывать вдохновеніе *на высь чела*, вѣнчаннаго *звѣздой* (?), не заводить нѣснопѣній предъ суетной толпой.

Коль грудь твою огонь небесъ объемлетъ,

то берегись, говоритъ г. Шевыревъ, берегись: въ рпему *рокъ не дремлетъ!* И разсуждаетъ онъ далѣе, что *нашъ языкъ горькой, прекраснаго не любитъ*, безсмысленно *сосудъ прекраснаго губитъ*, и все равно ему, хоть *гроза смяла роскошнаго* (?) *мотылька*, хоть *увяла роза въ пламенномъ разцвѣтѣ*, хоть *застылъ въ горахъ зачавшійся потокъ*, или хоть *поэтъ палъ, зажавши рану груди.* Стихи очень хороши, но мысль ихъ кажется намъ не совсѣмъ вѣрною. Не всѣ, чью *грудь огонь небесъ объемлетъ*, не всѣ, *призывающіе вдохновеніе на высь чела, вѣнчаннаго звѣздой*, умираютъ *зажавши рану груди.* Есть поэты, которые пишутъ стихи и стишки, а между тѣмъ живутъ себѣ спокойно. Такіе поэты есть на бѣломъ свѣтѣ, и слѣдственно, мысль почтеннаго г. Шевырева не вполнѣ вѣрна. Что, если русскіе поэты испугаются, послушаютъ совѣта г. Шевырева, перестанутъ писать стихи вовсе? Въ такомъ случаѣ, мы принуждены приняться за стихи самого г. Шевырева, потому-что запрещая другимъ, самъ онъ кропать стихи не перестанетъ. Дѣлать нечего—бу-

демъ мы ихъ тогда читать и восклицать: „О, суетная толпа! О, безумный вѣкъ! О корыстный вѣкъ! вотъ до чего мы дожили!

О горькій вѣкъ! мы видно заслужили
И по грѣхамъ намъ видно суждено

читать стихи въ родѣ перевода Валленштейнова Лагеря, или Освобожденнаго Іерусалима, какими подарилъ насъ нѣкогда г. Шевыревъ, или стиховъ: *На смерть поэта*, коими украсилъ онъ 2-й томъ Бесѣды! Впрочемъ, въ какомъ прекрасномъ саду не растутъ полынь и крапива?“

Впрочемъ, мы, кажется, ошиблись: изъ выписки явствуетъ, что тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не объ изъисканности и вычурности въ выраженіяхъ и мысли: напротивъ, критикъ отдаетъ полную справедливость художественнымъ красотамъ стиховъ поэта, и не согласенъ съ нимъ только въ мысли. Но въ послѣднемъ отношеніи, вѣрно многіе возьмутъ сторону поэта противъ критика: если бы всѣ другіе русскіе поэты, послушавъ совѣта г. Шевырева, замолчали, многіе охотно стали бы пробавляться превосходными стихами г. Шевырева, какъ восхищаются его несравненными критическими статьями. Г. Шевыревъ стяжалъ себѣ двойной вѣнокъ—какъ поэтъ и какъ критикъ: это доказываютъ всѣ труды его по той и другой части—и переводъ отрывка изъ «Освобожденнаго Іерусалима», гдѣ онъ такъ удачно усыновилъ русской версификаціи итальянскую октаву, и его критическія статьи о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, гдѣ онъ такъ ясно доказалъ, что г. Бенедиктовъ шагнулъ дальше Жуковскаго и Пушкина, и о стихотвореніяхъ Лермонтова, гдѣ съ такою тонкостью замѣтилъ онъ, что Лермонтовъ подражалъ, въ своихъ стихахъ, то Жуковскому, то Пушкину, то г. Бенедиктову. Подобныя заслуги со стороны г. Шевырева русской поэзіи и русской критикѣ, кажется, достаточны для извиненія его въ стихотвореніи, подобномъ «На смерть Поэта», еслибъ его выраженіе было и вычурно, а мысль отзывалась старчествомъ или дѣтскостію,—чего, однакожь, мы вовсе не видимъ.

Кто не помнитъ того времени въ нашей литературѣ, когда эпиграммы были въ такомъ ходу, что каждый поэтъ, эпическій, драматическій или лирическій, непремѣнно долженъ былъ написать хоть нѣсколько эпиграммъ? Самъ Пушкинъ заплатилъ полную дань этому направленію, и только Лермонтовъ—поэтъ совершенно-новой эпохи—не написалъ ни одной эпиграммы. Но теперь этотъ пріятный родъ сочиненій, кажется, опять входитъ въ моду, преимущественно тщаніемъ и усердіемъ извѣстнаго стихотворца стараго времени, г. *Михайла Дмитріева*. Вотъ одна изъ его эпиграммъ, живо-напоминающая старое доброе время владычества французскаго классицизма въ нашей литературѣ:

Мой шестистопный ямбъ тяжелымъ ты нашелъ!
Да, другъ! онъ для тебя не въ первый разъ тяжелъ!

Должно быть, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь усердномъ читателѣ или слушателѣ стиховъ автора эпиграммы. Въ такомъ случаѣ, нельзя не сознаться,

что эпиграмма остра и ядовита, хотя и написана въ невинномъ классическомъ духѣ. Но вотъ двѣ эпиграммы въ романтическомъ родѣ:

. . . . . .у.

Ага! узналъ и тотчасъ ты замѣтилъ
Мои стихи—признайся—почему?
Не правда ли, ты съ жадностью ихъ встрѣтилъ,
Какъ песъ лозу, знакомую ему?
Кусай—прошу: что, горьки или сладки?
Но чтобъ впередъ не дать тебѣ повадки,
Тупымъ зубамъ напомню я стихомъ,
Что онъ живетъ, что много силы въ немъ
Добить твои послѣдніе остатки.

С. Ш.

Къ N. N.

Какъ не узнать тебя, писклявaго Фрерона,
Тебя, наѣзднпка на палочкѣ верхомъ,
Ферульной критики лихаго Дормидона!
Ты хохлишься пндѣйскимъ пѣтухомъ
И мнѣ грозишь беззубыми стихами—
Молчи, пискунъ! Ну, гдѣ ты находилъ,
Чтобъ льва могучаго, съ зубами и когтями
Когда-нибудь оселъ копытомъ билъ?

Первая изъ этихъ эпиграммъ напечатана въ московскомъ, а вторая въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Безъ-сомнѣнія, обѣ онѣ прекрасны, но петербургская, кажется, лучше [178]).

Наконецъ «Сѣверная Пчела» разразилась статьею противъ «Мертвыхъ Душъ», о появленіи которой она позаботилась объявить, назадъ тому уже съ мѣсяцъ. Судя по времени, въ продолженіи котораго эта знаменитая статья писалась, мы ожидали, что она превзойдетъ даже знаменитыя статьи той же газеты о *седьмой главѣ* «Онѣгина» Пушкина, о «Юріи Милославскомъ» г. Загоскина и «Басурманѣ» Лажечникова, три знаменитыя статьи, въ которыхъ помянутыя произведенія были, что-называется, втоптаны въ грязь. Но ожиданіе наше не сбылось: статья вышла предобрая и пренаивная. Особенно понравилось намъ, что она напоминаетъ собою критики блаженной памяти «Вѣстника Европы» и журналовъ, издававшихся въ Россіи еще прежде «Вѣстника»; тотъ же взглядъ, та же манера, тѣ же понятія и тотъ же образъ выраженія! Главная нападка, разумѣется, на то, что дѣйствующія лица въ романѣ Гоголя все дураки и негодяи. Нападка столь же несправедливая, сколь и не новая! Во-первыхъ: дѣйствующія лица въ «Иванѣ Выжигинѣ» тоже все дураки или негодяи, а между-тѣмъ романъ г. Булгарина былъ превознесенъ «Сѣверною Пчелою». Да что «Иванъ Выжигинъ»? Вспомните, что̀ сказано въ извѣстной статьѣ остроумнаго Косичкина о дѣйствующихъ лицахъ и прочихъ романовъ г. Булгарина... [179]).

Во-вторыхъ: какъ же рецензентъ «Пчелы» не замѣтилъ двухъ мѣстъ въ поэмѣ Гоголя, изъ которыхъ первое намъ объясняетъ, почему добродѣтельный человѣкъ не взятъ въ герои:

„Потому-что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку, потому-что праздно на устахъ вращается слово «добродѣтельный человѣкъ»; потому-что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ, что ни попало; потому-что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому-что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому-что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка“ (*стр.* 431).

Въ другомъ мѣстѣ, авторъ ясно говоритъ, что его герой не подлецъ:

„Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ; есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили бы свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется какихъ-нибудь два, три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели“ (*стр.* 465).

Вторая нападка рецензента состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ Гоголя нѣтъ видите—*содержанія*!!... Вотъ ужь тутъ мы не знаемъ, что и сказать,—т. е. хоть и знаемъ, да боимся понапрасну потратить слова: мы учились эстетикѣ по новымъ книгамъ, а рецензентъ, какъ замѣтно по тону и смыслу его статьи, человѣкъ прошлаго вѣка, и «содержаніе» смѣшиваетъ съ «сюжетомъ», идеалъ же романа видитъ въ бабьихъ сплетняхъ и росказняхъ о разной небывальщинѣ, составляющей сюжетъ какой-нибудь «Черной Женщины».

Третья нападка грозной рецензіи направлена на обиліе неприличныхъ и неупотребляемыхъ въ высшемъ обществѣ словъ, каковы *подлецъ*, *свинья*, *свинтусъ*, *бестія*, *каналья*, *бабешка*, *ракалія*, *Θетюкъ*, *скалдырникъ*, *мошенникъ*, *напакостить* и т. п., которыя употребляются дѣйствующими лицами въ романѣ Гоголя. Особенное неблаговоленіе благовоспитаннаго рецензента навлекло на себя слово *Θетюкъ*, употребленное *Ноздревымъ*, и при немъ, въ выноскѣ, объясненіе автора, что «Θетюкъ, слово обидное для мужчины, происходитъ отъ буквы Θ, почитаемой нѣкоторыми неприличною». Что сказать на это? Такъ-какъ мы не принадлежимъ къ тому *высшему* обществу, которое столь знакомо рецензенту «Сѣверной пчелы», то и ограничимся на этотъ разъ небольшою выпискою изъ статьи князя Вяземскаго, которому настоящее высшее общество извѣстно по-крайней-мѣрѣ не менѣе кого-другаго. Вотъ что говоритъ князь Вяземскій, по поводу «Ревизора», о нападкахъ словолововъ на неприличныя слова, встрѣчающіяся въ этой комедіи:

„У котораго-то изъ нихъ уши покраснѣли отъ выраженій: *супъ воняетъ*, *чай воняетъ рыбою*. Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что скажетъ и чего не скажетъ лакей? Не-уже-ли писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія не въ употребленіи. Такъ,—если онъ описываетъ лакейскую сцену; но иначе къ чему же? На примѣръ, *Осипъ* въ „Ревизорѣ“ говоритъ чисто-лакей-

скимъ языкомъ, лакея въ немъ слышимъ деревенскаго, который прожилъ нѣсколько времени въ столицѣ; это дѣло другое. Впрочемъ, критикъ, можетъ-быть, и правъ; въ этомъ случаѣ мы спорить съ нимъ не будемъ. *Порядочный лакей*, то-есть, что называется un laquais endimanché, точно, можетъ-быть постыдится сказать: *вонлетъ*, но *порядочный человѣкъ*, то-есть благовоспитанный, смѣло скажетъ это слово и въ гостиной и передъ дамами. Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо-свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ:* жеманство, упорность, щепетность, оговорки, отличительные признаки людей—не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной—у себя, дома: садится ли онъ въ кресла? онъ садится какъ въ свои кресла; заговоритъ ли? онъ не боится переговориться. Посмотрите на провинціала, на выскочку: онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула, шевелитъ краемъ губъ, кобенясь, извиняется вычурными фразами нашихъ нравоучительныхъ романовъ, не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отъ-чего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и непарушимости законовъ его, попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что̀ знаютъ; рѣдко будетъ имъ случай говорить, – это правда, но за то могутъ говорить дѣльное. Можно быть очень-добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ и не имѣть доступа въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о правахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что̀ вамъ за нее рыцарствовать? Эта область сама умѣетъ стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣйствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ языка «Ревизора»: а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка «Ревизора» лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамбса. Не смѣшно ли, не жалко ли съ желудкомъ натощакъ гнѣваться на повара, который позволилъ себѣ поставить не довольно-утонченное кушанье на столъ, за коимъ нѣтъ намъ прибора?.. (*)

Наконецъ, четвертая и главная нападка рецензента устремлена на промахи противъ грамматикъ г. Греча. Здѣсь рецензентъ говоритъ съ особенною важностью и убѣдительностью, какъ человѣкъ, вошедшій въ свою стихію, гдѣ ему и привольно и безопасно. Дѣйствительно, языкъ у Гоголя не отличается мертвою правильностью, и на него легко нападать грамотѣямъ и корректорамъ, которые считаютъ *языкъ* и *слогъ* за одно и то же, не подозрѣвая, что между *языкомъ* и *слогомъ* такое же неизмѣримое разстояніе, какъ и между мертвою, механическою правильностью рисунка бездарнаго маляра-академика и живымъ оригинальнымъ стилемъ геніальнаго живописца. Но посмотрите, какія ошибки отыскалъ рецензентъ въ поэмѣ Гоголя противъ языка: «молодой человѣкъ *оборотился назадъ*» (ошибка?!); «скромно *темнѣла* сѣрая краска» (по мнѣнію рецензента должно: *темнѣлась!!*..); «при (?) нихъ стоялъ учи-

(*) „Современникъ“ *1836 г., т. II, стр. 295–296.* [180]).

тель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою» (нѣтъ, восклицаетъ рецензентъ, *стоявшій при нихъ учитель поклонился*) и т. п... Не довольно ли! Вѣдь ужь видно, о какомъ дерзновенномъ возстаніи Гоголя и противъ какой грамматики и логики говоритъ онъ—противъ грамматики г. Греча и логики г. Рождественскаго... Изъ всѣхъ указанныхъ имъ примѣровъ «самаго неправильнаго и варварскаго языка и слога» у Гоголя, справедливо осуждено развѣ одно слово *узрѣтъ* вм. *узрѣнъ*: дѣйствительно, великая ошибка со стороны Гоголя, и мы охотно вѣримъ, что строгій рецензентъ никогда бы не сдѣлалъ подобной, такъ же, какъ никогда бы не написалъ «Мертвыхъ Душъ».

Впрочемъ, рецензентъ не хулитъ, кое-что онъ и хвалитъ, исполняя такимъ образомъ обязанность истинной критики, какъ ее понимали назадъ тому лѣтъ за сорокъ: сказавъ вообще, что романъ плохъ, онъ замѣтилъ неприличныя выраженія, потомъ грамматическія неправильности, за тѣмъ слегка кое-что похвалилъ, а въ заключеніе выписалъ нѣсколько хорошихъ мѣстъ, тщательно имъ выбранныхъ, чтобъ тѣмъ лучше удружить автору. Понятія о содержаніи, идеѣ, о творчествѣ и т. п.—предметы самые старосвѣтскіе, и новому времени принадлежатъ только выраженія, въ родѣ слѣдующихъ, которыхъ не терпѣло старинное приличіе,—напр. что все хорошее въ романѣ Гоголя «утопаетъ въ какой-то смѣси *вздору, пошлостей и пустяковъ*», «удивляемся *безвкусію* и *дурному тону*, господствующимъ въ этомъ романѣ», «языкъ и слогъ самые неправильные и варварскіе» и т. п.

635. Русская Бесѣда. Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ. Въ пользу *А. Ф. Смирдина*. Томъ III. Санктпетербургъ. 1842. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 15, 38, 120, 41, 18, 20, 4, 135, 34, 40, 120 и 30 (615) стр. (Цѣна за всѣ три тома 10 р. сер.) [181]).

Знаменитое предпріятіе, долженствовавшее поправить разстроенныя дѣла г. Смирдина и прославить таланты и великодушіе русскихъ литераторовъ, кончилось: передъ нами лежитъ *третій* и послѣдній томъ «Русской Бесѣды». Мы *бесѣдовали* съ этимъ третьимъ томомъ, и сладка была намъ эта безмолвная бесѣда въ часъ дремоты... Точнѣе сказать: бесѣда была довольно-тяженька, но заключеніе ея было легко и пріятно... Не шутя, что̀ это такое: шутка, или дѣйствительно плодъ усердія, — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, по русской пословицѣ?.. Нашъ вопросъ относится не къ г. Смирдину, который могъ быть издателемъ, но отнюдь не критикомъ добровольныхъ приношеній со стороны великодушныхъ литераторовъ, притомъ же, какъ человѣкъ, знающій общежитіе, а можетъ-быть и до робости деликатный въ обращеніи съ пишущимъ людомъ, г. Смирдинъ, хоть и со слезами (ужь конечно не признательности), долженъ былъ принимать всякій хламъ, который вручали ему съ такою добродушною готовностію... Нѣтъ, мы хотимъ сказать, какъ̀ достало у иныхъ

гг. сочинителей столько храбрости, чтобъ напечатать свои произведенія, да еще и выставить подъ ними имена свои?.. Но мы опять обмолвились: дивиться тутъ нѣчему, а было бы чему подивиться, если бъ многіе сочинители не воспользовались такимъ прекраснымъ случаемъ втереться въ печать, подъ предлогомъ великодушія, о которомъ никто не просилъ ихъ... Въ первыхъ двухъ томахъ были два прекрасныя, хотя и не равныя по достоинству, бельлетрическія произведенія: «Антекарша» графа Соллогуба и «Барыня» г. Панаева: за эти двѣ пьесы очень можно простить двумъ первымъ томамъ «Бесѣды» всѣ прочія повѣсти, которыми они были начинены. Но въ третьемъ томѣ, какъ-будто по тщательному выбору, помѣщено, по части повѣстей—такое, хуже чего ни написать, ни выдумать нельзя. Вотъ, нѣкто, г. Смирновъ, пухло, водяно, дрябло, растянуто, съ дикими претензіями на глубокомысліе, знаніе жизни (пріобрѣтенное, вѣроятно, на ученической скамейкѣ), съ претензіями на юморъ, остроуміе, оригинальность и прочія достоинства, въ которыхъ природа положительно и безжалостно отказала ему, разсказываетъ длинныя и скучныя, какъ кавказская дорога по благословенной плоскости Земли Войска Донскаго, похожденія какого-то Ѳомы Ѳедоровича, и еще какого-то Мефистофеля изъ семинаристовъ, съ «рафинированно-дьявольской» улыбкой. Остроумныя выходки (которыхъ острота, впрочемъ, ощутительна только для сочинителя) называетъ онъ «витцами», пичкаетъ свой вялый разсказъ полонизмами («*высшей представительницей* великихъ женщинъ *есть* существующая (?) М-me Лафаржъ» стр. 13), барбаризмами и безсмыслицами («это сильно и вредно *повліяло* на его характеръ», стр. 21; «*медвѣдевать*» стр. 35; «вечеръ былъ порядочный, *комильфотный*» стр. 56), московскими любезностями («я, нижеподписавшійся, знаю въ Москвѣ пропасть хорошенькихъ ножекъ, и особенно одну, *умоистребительную*, пару, передъ которой недостойны пасть даже головы Ньютона или Гегеля», стр. 96). Мѣстами, кстати и не кстати, сочинитель любитъ щегольнуть намекомъ на свое знаніе того или другаго автора, того или другаго сочиненія, изъ чего ясно видно, что сочинитель еще очень-молодой человѣкъ и не успѣлъ еще отвыкнуть отъ школьныхъ замашекъ. Но, не желая только хулить, съ особеннымъ удовольствіемъ выписываемъ лучшее мѣсто изъ его длинныхъ разглагольствій:

«Къ чему корчить изъ себя то, къ чему Богъ не создалъ, и подниматься на какую-бы то ни было дыбу? Если въ-самомъ-дѣлѣ есть люди, призванные въ жизнь для того, чтобъ изучать движеніе чужихъ жизней внутреннею, глубокою силою постиженія, то вѣдь они не маскируются и не натягиваются, не громоздятся на пьедесталы и не драпируются *тамъ* лохмотьями жалкаго эффекта, а мѣшаются съ толпою смѣло и дружно, не боясь потеряться *тамъ*, но научаясь *тамъ* познавать *людъ*, съ которымъ живутъ и дѣйствуютъ. Они просты, потому-что естественны» (стр. 58).

Какъ жаль, что эту истину г. Смирновъ понялъ только теоретически! Иначе, онъ никакъ не написалъ бы «Жизнь и Смерть Ѳомы Ѳедоровича»...

Вотъ авторъ «Семейства Холмскихъ» на сорока-одной страницѣ разсказы-

ваетъ о «Послѣдствіяхъ услуги, оказанной кстати». Разсказъ его дышетъ чистѣйшею нравственностію, напоминая блаженное время романовъ г-жъ Жанлисъ, Коттенъ, дѣвицы Марьи Извѣковой, гг. Августа Лафонтена, Клаурена, и пр. и пр.

Вотъ какой-то г. М. П., ни съ того ни съ сего, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, повѣствуетъ о «Сраженіи при Коссовѣ, происходившемъ 27-го августа 1389-го года, между Османами, подъ начальствомъ султана Мурада 1-го, и христіанскими союзниками, подъ главнымъ предводительствомъ короля Сербіи Лазаря». Повѣствованіе его улеглось на 20-ти страницахъ, и явилось, вѣроятно, въ-слѣдствіе желанія что-нибудь напечатать.

Вотъ какой-то г. *Кузмичъ* (тоже изъ новыхъ сочинителей) въ повѣсти «Монастырская Гора» представилъ, или, какъ выражается С. Н. Глинка, *предъявилъ* неудачный опытъ пародіи на Гоголя въ изображеніи нравовъ малороссійскаго простонародья, и, въ то же время, довольно-удачное подражаніе Марлинскому — въ изображеніи глубокихъ чувствъ, могучихъ страстей, невыразимыхъ бѣдствій и несбыточныхъ приключеній. Повѣсть длинная, странная, но за то усыпительная въ юмористическихъ мѣстахъ и забавная въ патетическихъ сценахъ.

Вотъ нѣкто г. Войтъ *огромляетъ* (по выраженію того же С. Н. Глинки) *россійскій бытъ* разсказомъ «Маякъ Утэ (,) или Эпизодъ изъ Жизни». Самое примѣчательное въ этомъ «огромленіи россійскаго быта» — то, что Маякъ Утэ не играетъ въ повѣсти никакой дѣйствующей роли, но скромно и безмолвно остается въ качествѣ слушателя. Не менѣе замѣчательно было бы въ этомъ разсказѣ и невѣроятное обиліе морскихъ терминовъ, равно какъ и дикихъ до безсмысленности фразъ à la Marlinsky, еслибъ все это не было уже старо, пошло, истерто и истаскано. Герой разсказа — одинъ изъ тѣхъ Звонскихъ, Линскихъ, Лидиныхъ, Греминыхъ и всякихъ ловкихъ военныхъ людей, о которыхъ упоминаетъ Гоголь на 319 и 320 страницахъ «Мертвыхъ Душъ». Будучи столь же любезенъ, какъ и они, онъ не уступаетъ имъ и въ бурномъ краснорѣчіи адскихъ страстей: «То была ужасная ночь» — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: «во мнѣ скопилось столько пламени и крови; я боялся, чтобъ «отъ жара не распался мой черепъ, и я сдерживалъ его въ своихъ рукахъ. «Когда я дотрогивался до головы, то волосы клочьями повисали между пальцевъ; я чувствовалъ, что они подгорали въ корняхъ. Эти волосы я показывалъ, *утѣшаясь*, что и я сгорю страстями, какъ и они» (стр. 32)... Страшно, читатели, страшно! и потому не старайтесь узнавать, что̀ еще, кромѣ этого, содержится въ «Маякѣ Утэ»: иначе, и вы сгорите страстями, какъ волосы г. *Тѣова*, который такъ бѣшено изображалъ клокотаніе своихъ растрепанныхъ чувствъ, или какъ уши г. *Ланитина*, который слушалъ это повѣствованіе, впрочемъ не подозрѣвая въ немъ натянутой галиматьи и, съ своей стороны, отвѣчая на нее такою же высокопарною дичью...

Вотъ кто-то г. Струковъ (еще новый сочинитель!) разсказываетъ о такомъ

приключенiи, будто бы случившемся на Петровскомъ-Острову, какого и во снѣ не увидишь: такъ оно длинно, невѣроятно, безцвѣтно, вяло, скучно, дѣтски-безсвязно и старчески-безсильно!.. За нимъ, г. Гречъ (старый и «заслуженный» сочинитель) изъ разныхъ Guides и подобныхъ компиляцiй сшилъ довольно-пустенькую и безцвѣтную статейку объ «Окрестностяхъ Неаполя»: больше нѣчего сказать объ этой кучѣ общихъ мѣстъ, старыхъ новостей и ничего не заключающихъ въ себѣ описанiй.

Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, обо всемъ этомъ говорить подробно, излагать содержанiе, разбирать съ отчетливостью?—Пусть дѣлаютъ это другiе: съ насъ довольно и того подвига, что мы все это прочли, и что, поэтому, намъ будетъ за что́ долго помнить третiй томъ «Русской Бесѣды», составленный изъ «сочиненiй лучшихъ литераторовъ»...

Мы сказали нѣсколько словъ о статейкѣ г. Греча, и читатели навѣрное ждутъ, что мы сейчасъ заговоримъ о статейкѣ г. Булгарина? Читатели правы. На этотъ разъ, нравоописательное и нравственно-сатирическое перо г. Булгарина, съ свойственнымъ ему юморомъ и вѣрностiю дѣйствительности, описало, на 18-ти страницахъ, «Чиновника». Извѣстно всѣмъ, что этотъ интересный классъ русскаго и петербургскаго общества не разъ былъ воспроизводимъ творческимъ перомъ Гоголя; тѣмъ не менѣе г. Булгаринъ покусился на подобный же подвигъ—и хорошо сдѣлалъ: можемъ утвердительно сказать, что г-ну Булгарину не суждено самою судьбою ни въ чемъ сталкиваться съ Гоголемъ, и потому онъ остался самимъ-собою, сохранилъ свою неподражаемую оригинальность, въ-слѣдствiе которой въ его «Чиновникѣ» можете найдти все, что вамъ угодно, кромѣ одного—именно, *чиновника*. Оно и лучше: никто не обвинитъ скромнаго сочинителя въ *личностяхъ*, которыя русскiе читатели любятъ видѣть во всякомъ литературномъ произведенiи, гдѣ нѣтъ Лидиныхъ, Гремныхъ, Звонскихъ, Линскихъ, Лапитныхъ и другихъ исполненныхъ свѣтскости и пламенныхъ страстей героевъ. За то, изъ статейки г. Булгарина читатели могутъ узнать, во-первыхъ, что скромные чиновники превосходно переплетаютъ книги, дѣлаютъ лучшiе картонажи для кандитерскихъ и отличныя игрушки съ механизмомъ—и все это самоучкою; во-вторыхъ, что рядомъ съ книжною лавкою Заикина, есть игрушечная лавка честнаго купца Мухина, а въ ней продаются лучшiя дѣтскiя игрушки,—что̀-де хорошо извѣстно г-ну Булгарину (стр. 12—13); въ-третьихъ, что г. Булгаринъ бываетъ на крестинахъ у чиновниковъ и тамъ говоритъ *свысока* съ дамами и *коренно по-русски* съ мужчинами, но вина не пьетъ, хотя и любитъ выпить рюмку хорошаго вина за столомъ, а это-де потому, что г. Булгаринъ знако̀мъ съ сосѣднимъ погребщикомъ (стр. 17)!.. Особеннаго вниманiя заслуживаютъ заключительныя строки статейки г. Булгарина. Надо сказать, что, вмѣстѣ съ статейкою, умеръ и герой ея; эта, повидимому, весьма естественная развязка подала поводъ сочинителю расчувствоваться такъ: «Вѣчная память и миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Много «истребилъ ты бумаги въ жизни, много искрошилъ перьевъ, пролилъ рѣки

«чернилъ, растопилъ горы сургуча; но ты не писалъ ни пасквилей, ни до-«носовъ, ни глупыхъ и злобныхъ критикъ, не заставилъ никого проливать «слезы, не рѣзалъ языкомъ чужой репутаціи, не прижегъ ни чьего сердца «клеветою.» Имѣющій уши да слышитъ!

Не менѣе, если еще не болѣе, послѣ статейки г. Булгарина, заслуживаетъ вниманія статейка г. Погодина. Извѣстно всѣмъ, что г. Погодинъ вотъ уже другой годъ разсказываетъ о своемъ путешествіи по омраченному буйствомъ знанія Западу, и разсказываетъ съ истинно-достойною всякаго удивленія оригинальностію. На сей разъ, мы узнаёмъ, что и какъ дѣлалъ г. Погодинъ въ Лондонѣ. Завидѣвъ Лондонъ, г. Погодинъ восклицаетъ: «Вотъ онъ всемірный «базаръ, вотъ столица народа купующаго и продающаго, съ похотью очей и «гордостью житейской!» Если читатели спросятъ насъ, почему же народа *купующаго*, а не *покупающаго*, и не-уже-ли только Лондонъ покупаетъ и продаетъ съ *похотью очей* и *гордостью житейской*, а Парижъ, Амстердамъ, Брюссель, Лейпцигъ, Гамбургъ, Лиссабонъ, Петербургъ, Москва и пр. покупаютъ и продаютъ безъ *похоти очей* и *гордости житейской*, — мы отвѣтимъ имъ, что не знаемъ, и посовѣтуемъ имъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому г. сочинителю.

Въ таможнѣ, чемоданы г. Погодина, въ отличіе отъ прочихъ путешественниковъ, были осматриваемы «дверемъ затвореннымъ».

Перехвативъ кое-что, г. Погодинъ отправился въ театръ, прямо въ *раекъ* (стр. 6); за мѣсто въ райкѣ онъ заплатилъ очень-недорого — всего одинъ рубль. «Надо было (говоритъ онъ) много храбрости для этого рѣшенія: «во-первыхъ, какъ найти дорогу, купить билетъ, дойти до мѣста, а потомъ какъ «воротиться въ полночь домой, среди мошенниковъ, которые, говорятъ, попа-«даются здѣсь на каждомъ шагу, и, главное дѣло, не умѣя объясняться по-«англійски» (стр. 6). Дѣйствительно, нельзя не подивиться удивительному присутствію духа г. Погодина, который не только рѣшился дойдти до театра, взять билетъ въ раекъ, но и рисковалъ, возвращаясь въ полночь домой, повстрѣчаться съ англійскими мошенниками, которые не умѣютъ объясняться по-англійски!... Но не пугайтесь, читатели, за храбраго путешественника: онъ пошелъ. Хозяинъ наговорилъ ему о дорогѣ въ *раекъ* столько страшнаго, что онъ было-оробѣлъ, не смотря на свою примѣрную и столь блестящимъ образомъ доказанную храбрость. «Какъ вдругъ (говоритъ г. Погодинъ) мельк-«нула счастливая мысль, выпросить у него (у хозяина) проводника, кото-«рый бы отвелъ меня и послѣ пришелъ за мною, въ раекъ; такъ и сдѣ-«лалось. Однакожь страхъ не кончился. Сидя на мѣстѣ, я все боялся, ну «если мальчикъ не придетъ за мною, или я не найду его, *и проч. и «проч.*» (стр. 6 — 7). Мимоходомъ, между прочимъ, доказавши ясно, какъ $2 \times 2 = 4$, что должность разнощика аффишъ возмущаетъ его душу, г. Погодинъ зашелъ въ лотерею, — и читатель поражается слѣдующими строками: «За всякимъ прилавкомъ сидитъ по разряженной красавицѣ для выставки и

«приманки. Препротивное впечатлѣніе! Одна получаетъ деньги, другая выдаетъ «билетъ, третья вертитъ колесомъ, четвертая читаетъ выпавшій нумеръ, пя«тая отдаетъ выигранную вещь. *Ахъ, какъ мнѣ было гадко обойти ихъ «кругомъ!*»

Да не подумаютъ читатели, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Такъ-какъ за границею нѣтъ лѣнтяевъ, тунеядцевъ, Петрушекъ и Селивановъ, такъ-какъ тамъ время есть тотъ же капиталъ, а трудъ человѣка тѣмъ болѣе капиталъ; такъ-какъ тамъ одинъ успѣваетъ дѣлать то, чего у насъ не успѣваетъ дѣлать цѣлая дворня дармоѣдовъ, — то мужчины тамъ взяли на себя труды, серьезные, которые не подъ-силу женщинѣ, а женщины отправляютъ всѣ легкія и требующія порядка и чистоты обязанности. По-этому, заграницею, женщины служатъ и въ гостинницахъ, и въ трактирахъ, и сидятъ за прилавками магазиновъ, лотерей и т. п. Это и разсчетливо и изящно, ибо видъ хорошенькой, со вкусомъ и опрятно одѣтой женщины, особенно гармонически дѣйствуетъ на всякую душу.

Описаніе парламента у г. Погодина—верхъ оригинальности![182]).

Но вотъ г. Погодинъ опять былъ въ райкѣ. Лишь-только онъ оттуда, какъ вдругъ... Но нѣтъ, пусть самъ г. Погодинъ скажетъ, что съ нимъ случилось по выходѣ изъ райка, а мы такъ перепугались за ужасныя слѣдствія, которыя могли бы выйдти изъ этого случая, что не можемъ слова сказать... «Вдругъ кинулась почти на меня какая-то вакханка, и я *едва* убѣжалъ отъ нея въ свой Leister-street!» — Страшно!..

По поводу англійскаго банка, г. Погодинъ выводитъ утѣшительное для Россіи слѣдствіе, что никогда наша торговля не сравнится съ англійскою, потому-де, что нашъ купецъ чуть наживетъ капиталъ, да и на бокъ, на печь, словно въ *раекъ*, и что мы Русскіе можемъ быть счастливы только дома, у себя въ своей *избѣ* (?!...), и что такъ-де было вездѣ у Славянъ... Помилуйте! да изъ чего же хлопоталъ Петръ-Великій, какъ не изъ того, чтобъ сдѣлать насъ изъ Славянъ людьми образованными, а избы наши замѣнить домами и зданіями?... Впрочемъ нашъ путешественникъ, кажется, и самъ увидѣлъ, что немного заговорился, почему и поспѣшилъ пренаивно воскликнуть: «Вотъ объ чемъ пришлось мнѣ подумать на дорогѣ въ Товеръ!» Правду сказать было о чемъ и думать!...

Въ Товерѣ, съ г. Погодинымъ случилось слѣдующее достопамятное происшествіе, о которомъ пусть онъ самъ разскажетъ: «Хоть я мирный человѣкъ и «терпѣть не могу ничего огнестрѣльнаго, а почти *охрабрился*, глядя на «сверкающія груды, и *даже взмахнулъ рукою*, но опустилъ ее скорѣе и «вонъ изъ великолѣпной галлереи, которая такъ торжественно свидѣтель«ствуетъ о звѣрствѣ нашего просвѣщеннаго человѣчества» (стр. 16).

Когда проходившіе по Темзѣ пароходы приближались къ мостамъ высокими *мачтами* или *трубами*, по словамъ г. Погодина, у него замирало сердце, а по тѣлу пробѣгала дрожь: ну какъ-де забудутъ опустить трубу и

пароходъ расшибется!... Но, къ крайнему удивленію путешественника, такого несчастія не случилось. «Мы Москвичи (говоритъ онъ далѣе) не привыкли къ «дѣйствіямъ машинъ и къ этой точности заведенныхъ часовъ, которая здѣсь «перешла во всеобщее вѣрованіе, для насъ неизвѣстное» (стр. 22).

Въ звѣринцѣ, говоритъ г. Погодинъ, всѣ звѣри живутъ какъ *баря*...

Описаніе Виндсорскаго Замка у г. Погодина — прелесть!

Словомъ, кто хочетъ вполнѣ насладиться путевыми записками г. Погодина и вполнѣ оцѣнить ихъ, тотъ читай ихъ самъ «дверемъ затвореннымъ»... Увѣряемъ, что удовольствіе будетъ полное и совершенное...

Есть въ третьемъ томѣ «Русской Бесѣды» и стихи; но и о стихахъ вообще мы рѣшились говорить только въ крайнихъ случаяхъ.

Впрочемъ, третій томъ «Русской Бесѣды» набитъ не одними вздорами; есть въ немъ двѣ очень-дѣльныя статьи. Первая — «Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ» принадлежитъ г. Бантышъ-Камонскому, и, по своему содержанію, весьма-интересна и любопытна. Вторая — «Прокофій Ляпуновъ» принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ произведеніямъ г. Полеваго, которыя доказываютъ, что этотъ литераторъ и теперь еще могъ бы заниматься чѣмъ-нибудь лучшимъ, нежели изданіе плохаго журнала, составленіе плохихъ неоконченныхъ повѣстей и конкурренціи съ разными водевилистами и другими господами, съ успѣхомъ и славою подвизающимися въ «Репертуарѣ» г. Несоцкаго и на сценѣ Александрийскаго Театра. Цѣль статьи г. Полеваго доказать, что Ляпуновъ былъ только человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, но отнюдь не патріотъ, а напротивъ безнравственный человѣкъ, игравшій присягами и клятвами, измѣнявшій всѣмъ партіямъ. Мысль справедливая, хорошо изложенная и достаточно подтвержденная фактами. Но авторъ слишкомъ далеко ею увлекся и не могъ остановиться на той серединѣ истины, которая и должна быть искомою истиною, какъ примиреніе двухъ крайностей. Справедливо нападая на Карамзина, который первый сдѣлалъ изъ Ляпунова героя въ древнемъ духѣ, г. Полевой совсѣмъ-несправедливо осуждаетъ какихъ-то «поэтовъ», будто-бы по слѣдамъ Карамзина, представляющихъ Ляпунова въ апоѳеозѣ гражданскаго и патріотическаго героизма. Если какой-нибудь посредственный талантъ эффектировалъ Ляпуновымъ въ посредственной драмѣ, а вслѣдъ за нимъ какой-нибудь бездарный писака вновь поставилъ Ляпунова на реторическія ходули героизма, да еще въ какомъ-нибудь плохомъ романѣ Ляпуновъ выведенъ съ той же дѣтской точки зрѣнія, — изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ русская поэзія ошибочно увлеклась Ляпуновымъ: ибо русская поэзія не хочетъ имѣть ничего общаго съ посредственными дарованіями и плохими рифмачами и писаками. Напротивъ, скорѣе можно удивляться, какъ никто изъ истинныхъ поэтовъ не воспользовался такимъ характеромъ. Если изобразить Ляпунова, какимъ онъ явился въ исторіи, то это истинный кладъ для поэзіи. Дѣло въ томъ, что Ляпуновъ, несмотря на свою совершенную безнравственность, все-таки лицо одаренное душою сильною, человѣкъ, властвовавшій надъ нестройною толпою единственно силою своего характера. Словомъ,

это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа создаетъ такъ же на великое добро, какъ и на великое зло, смотря по тому, какое даетъ имъ направленіе воспитаніе и общество. Мы, скажемъ не обинуясь, что Ляпуновъ, злодѣй и предатель, какимъ онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ, лицо болѣе-поэтическое, нежели всѣ его современники, за исключеніемъ Скопина-Шуйскаго, который, въ свою очередь, лицо тоже довольно-загадочное. Ляпуновъ былъ тѣмъ, чѣмъ не могъ не быть: его пороки суть пороки общества его времени, а его могучій духъ принадлежитъ одному ему.

И такъ, вотъ и весь третій томъ «Русской Бесѣды». Въ одномъ московскомъ журналѣ, по выходѣ перваго тома этого изданія, было сказано, что если кто можетъ поддержать г. Смирдина, такъ конечно не петербургскіе литераторы. Въ-слѣдствіе этого, во II-мъ томѣ «Русской Бесѣды» явились стихи *На смерть поэта*, и въ III-мъ томѣ—дорожныя записки... Кстати: статей гг. Сенковскаго и барона Брамбеуса нѣтъ въ «Русской Бесѣдѣ»! O tempora! o mores! [183]).

***636. Братья по Оружію** или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ. Историческій романъ. Сочиненіе *Джемса*. Переводъ съ англійскаго *А. А.* Въ тип. Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. Четыре части. 131, 90, 143, 124 стр. [184]).

Тѣ крѣпко ошибутся, которые подумаютъ, что книжные списки, собственно принадлежащіе «макарьевской ярмаркѣ», составляются изъ оригинальныхъ произведеній: напротивъ, здѣсь иногда можно встрѣтить также и переводы, и даже съ англійскаго! Доказательствомъ тому четыре маленькія книжечки, заглавіе которыхъ мы выписали. Здѣсь, впрочемъ, есть маленькая странность, по крайней-мѣрѣ съ перваго взгляда. Джемсъ считается не послѣднимъ въ фалангѣ англійскихъ романистовъ: поэтому можно бы ожидать, что его произведеніе, какое бы оно ни было по числу—второе, третье, или пятое, удовлетворяетъ хотя самымъ первымъ требованіямъ искусства, то-есть, что оно не чуждо занимательности и основано на интригѣ довольно-замысловатой, такъ-что, хотя бы книга и не оставляла сильнаго впечатлѣнія, но ее можно было бы прочесть безъ скуки. Въ «Братьяхъ по Оружію» ничего этого нѣтъ; о достоинствахъ сколько-нибудь высшихъ и не спрашивайте. Дѣйствія много, но оно походитъ на сказку. Дѣйствующія лица, не смотря на громкія имена, на рыцарскія доблести, которыя имъ приписываются, очень походятъ на мальчиковъ, которые пускаютъ змѣи или играютъ въ-лошадки. Авторъ не упускаетъ случая разсказывать и историческія событія, которыми такъ обильна эпоха, избранная имъ для дѣйствія (вѣкъ Иннокентія III и Филиппа); но все это съ какою-то ученическою манерою, съ какою-то дѣтскимъ легкомысліемъ, отъ которыхъ всѣ историческія главы въ романѣ становятся перифразою страницъ какого-нибудь

историческаго учебника. Словомъ, господину Джемсу, въ переведенномъ его романѣ, мы по совѣсти не можемъ указать другой болѣе-прямой дороги, какъ вмѣстѣ съ «Гуакомъ», «Дочерью-Разбойницей» и «Чернымъ Временемъ»,—на «макарьевскую». Этимъ мы никакъ еще не хотимъ равнять Джемса съ сочинителями означенныхъ произведеній, потому-что въ какой-же литературѣ можно найдти произведенія, равныя «Гуаку», «Дочери-Разбойницѣ», и какихъ авторовъ можно равнять съ ихъ даровитыми сочинителями? Но мы хотимъ сказать, что переводчикъ, дѣлая выборъ изъ многочисленныхъ сочиненій Джемса, безъ-сомнѣнія, всего болѣе сообразовался со вкусомъ той публики, для которой пишутся и издаются «Гуаки» и тому подобныя знаменитости, и оставилъ безъ вниманія другіе его романы, которые заключаютъ въ себѣ гораздо-болѣе интереса. Переводъ—хотя бы онъ былъ сдѣланъ и прямо съ англійскаго—достоинъ романа, то-есть романа, назначеннаго для ярмарочнаго расхода: книга, что-называется, переведена просто, безъ затѣй, съ-плеча, какъ обыкновенно переводятъ тѣ, которые *упражняются* въ этомъ дѣлѣ.

***637. Малоярославецъ въ 1812 году,** гдѣ рѣшилась судьба большой арміи Наполеона. Сочиненіе *Владиміра Глинки*. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Е. Алипанова. Въ 8-ю д. л. 152 стр. [185]).

Въ прошломъ году, почтеннѣйшій С. Н. Глинка *огромилъ россійскій бытъ, предъявивъ* ему свое сочиненіе о Сумароковѣ, теперь безъ-вѣсти пропавшее въ чуланахъ и подвалахъ, куда книгопродавцы сваливаютъ залежавшійся товаръ свой. Въ нынѣшнемъ году, С. Н. Глинка удовольствовался только тѣмъ, что издалъ въ свѣтъ литературное произведеніе своего сына. Сочиненіе Глинки-сына, вышедшее съ предисловіемъ и эпилогомъ отца, отличается тѣми качествами, которые С. Н. Глинку сдѣлали однимъ изъ первоклассныхъ русскихъ прозанковъ, поэтовъ и публицистовъ. Слогъ высокій, тонъ мистическій, множество эпитетовъ, толки à propos къ битвѣ при Малоярославцѣ обо всемъ, что̀ только можетъ зайти въ голову человѣка въ минуту упоительнаго одушевленія. Въ иныхъ мѣстахъ не достаетъ ясности, какъ напр., въ этомъ періодѣ: «Не смѣя идти громить своимъ геніемъ войны недавно созданный городъ мудрымъ и творческимъ геніемъ Петра, онъ вынужденный распоряженіемъ Кутузова отъ славы дальнихъ завоеваній, и помня только уже о своемъ спасеніи, бросился жадно захватить большую оброшенную калужскую дорогу, мечталъ спокойно и безостановочно пройти въ раскрытыя малоярославскія ворота» (стр. 12). Но этотъ недостатокъ легко вознаграждается глубокостью идей, нѣкіимъ, такъ-сказать, пареніемъ свысока. А въ эпилогѣ—чего въ немъ нѣтъ! И ссылки на Аруэта, и плохіе стихи, и высокопарная проза, и во всемъ этомъ что-то еще такое, чего бъ

Нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ!

638. Физіологія Влюбленнаго. Передѣлка съ французскаго *Н. Г. Р.* Виньетки *П. Фурмана*. Санктпетербургъ. Изданіе книгопродавца *Василья Полякова*. 1842. Въ тип. К. Вингебера. Въ 16-ю д. л. 140 стр. [185]).

Хитеръ русскій человѣкъ! Не хочетъ онъ ни въ чемъ уступить Нѣмцу! Посмотритъ на хитрую нѣмецкую работу, почешетъ въ затылкѣ, возьметъ топоръ—тянъ да лянъ, да и крѣпко. Прежде, онъ тягался такимъ образомъ съ Нѣмцемъ только въ ремеслахъ: теперь онъ не хочетъ ему уступать ни въ литературѣ, ни въ изящныхъ искусствахъ. Угодно ли доказательствъ? Въ Парижѣ вышли каррикатуры на литературныя знаменитости Франціи: въ Москвѣ, Логиновъ перелитографировалъ ихъ и издалъ съ стихами, имъ-самимъ переведенными съ французскаго. Литографіи вышли плохи, стихи, переведенные Логиновымъ, еще хуже; но ему и дѣла нѣтъ до того: онъ не въ накладѣ, и изъ подтишка посмѣивается и надъ Французами и надъ Русскими. Въ Парижѣ вышло изданіе «La Physiologie des Amoureux»: въ Петербургѣ, книгопродавецъ Поляковъ вырѣзалъ такіе же политипажи, перевелъ прозу, подбавилъ своихъ собственныхъ и Пушкина стиховъ, прирѣзалъ, ради народности, нѣсколько политипажей съ русскими мужичками и бабами, и издалъ книжонку, которая такъ же похожа на свой парижскій оригиналъ, какъ орангутангъ на человѣка. Но ему-то, Полякову, что до того? онъ показалъ свои таланты въ качествѣ переводчика, поэта, рисовальщика и, особенно, ловкаго издателя, хорошо знающаго «физіологію русскаго читающаго люда», да и знать ничего не хочетъ. Поляковъ истинный философъ; онъ знаетъ, что слава—дымъ, то же, что статья «Сѣверной Пчелы»,—знаетъ это, и смѣло издаетъ «Физіологію Влюбленнаго», гдѣ живая, игривая французская болтовня превратилась въ тяжелую бесѣду чиновническаго круга, а граціозная вольность въ довольно-неопрятную грубость; гдѣ картинки напоминаютъ собою искусство суздальскихъ граверовъ, оттиски блѣдны, бумага сквозитъ, русскіе мужички и бабы не кстати мѣшаются съ парижскими франтами, дамами и гризетками, русскія пѣсни и стихи Пушкина безъ толку попали во французское сочиненіе... Извѣстное стихотвореніе Пушкина:

Мой другъ! забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье, (и пр.)

окрещены у догадливаго Полякова названіемъ «Влюбленный Поэтъ». А вотъ образчики русскихъ пѣсенъ, которыя страстный къ поэзіи Поляковъ помѣстилъ въ своей «Физіологіи Влюбленнаго»:

Я жила-была у матушки...

Нѣтъ, не то... это, должно быть, сочиненіе самого Полякова. Вотъ лучше:

Яжъ-то умѣю,
Яжъ-то гораздъ

Красну дѣвицу трепать, цаловать,
Трепать, цаловать,
Къ сердцу прижимать,
Къ сердцу прижимать,
Животомъ называть
Еще душечкою,

Очень-хорошо! Но самое-то лучшее, что есть въ этой книжкѣ, или что будетъ отъ нея, извѣстно только Полякову.

639. Нѣсколько Словъ о Поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Москва. 1842. Въ 8-ю д. л. 19 стр. [187]).

Мы ничего не хотѣли-было говорить объ этой странной брошюрѣ; но насъ побудили къ этому слѣдующія въ ней строки:

„Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что касается до мнѣнія петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ исключая можетъ-быть „Отеч. Зап.“, которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ и не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности!..“

Хоть мы и не имѣемъ никакихъ причинъ особенно горячиться за *всѣ* петербургскіе журналы; но все-таки долгъ справедливости требуетъ замѣтить автору брошюры, что кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простирается не только на Петербургъ, но и на Москву и на всѣ провинціи Россіи, куда выписываются они тысячами, и что, наоборотъ, кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ не простирается даже и на Москву, ибо ни найти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что-нибудь рѣшительно невозможно. Это фактъ, противъ котораго не устоитъ никакое умозрѣніе—ни нѣмецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило насъ говорить о томъ, о чемъ легко можно было бы умолчать, а снисходительное выключеніе «Отеч. Записокъ» изъ опалы, подъ которую подпали у строгаго автора петербургскіе журналы. Пожалуй—чего добраго!—найдутся люди, которые заключатъ изъ этого, что «Отеч. Записки» раздѣляютъ мнѣніе автора брошюры о Гоголѣ и о «Мертвыхъ Душахъ»: вотъ этого-то мы никакъ не хотѣли бы, и желаніе отклонить отъ себя незаслуженную честь участвовать въ ультра-умозрительныхъ московскихъ воззрѣніяхъ на просто-понимаемое нами дѣло, побудило насъ взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголѣ и его твореніяхъ такъ оригинальны, такъ отважны, что едва ли кто-нибудь осмѣлился бы раздѣлить съ нимъ славу ихъ изобрѣтенія. И такъ, спѣшимъ объясниться.

„Предъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами“.

Вотъ что прежде всего видитъ авторъ брошюры въ «Мертвыхъ Душахъ»! Дѣло, видите-ли—такого рода: перенесенный изъ Греціи на Западъ, древній эпосъ мелѣлъ постепенно, и наконецъ совсѣмъ высохъ, *низойдя* до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія — до французской повѣсти... Но Гоголь спасъ древній эпосъ — и міръ имѣетъ теперь новую «Иліаду», т. е. «Мертвыя Души» и новаго Гомера, т. е. Гоголя!.. Бѣдный Гоголь!

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!..

И такъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно-стоящее, независимо отъ исторіи; онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ—въ «Мертвыхъ Душахъ!..»

И такъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а *снизошелъ* до романа!.. Поздравляемъ философское умозрѣніе, плохо знающее фактическую исторію!..

И такъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса?.. Увы и современное-то человѣчество не есть ли—искаженная Грецiя?.. Именно такъ!..

Но, увы! какъ ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаическіе Петербургцы [188]), все-таки остаемся при своихъ *историческихъ* убѣжденіяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же похожъ на Гомера, а «Мертвыя Души» на «Иліаду», какъ сѣрое петербургское небо и сосновыя рощи петербургскихъ окрестностей на свѣтлое небо и лавровыя рощи Эллады. Далѣе, мы думаемъ, что Гоголь вышелъ совсѣмъ не изъ Гомера и не состоитъ съ нимъ ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ,—думаемъ, что онъ вышелъ изъ Вальтера-Скотта, изъ того Вальтера-Скотта, который могъ явиться самъ-собою, независимо отъ Гоголя, но безъ котораго Гоголь никакъ не могъ бы явиться. Во французской повѣсти мы видимъ не крайнее униженіе древняго эпоса, а просто—французскую повѣсть, выраженіе, зеркало французской жизни. Мы даже не видимъ ничего особенно-позорнаго и въ нѣмецкихъ повѣстяхъ, часто отражающихъ въ себѣ не сферу дѣйствительной жизни, а химеры фантазіи, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филистерствомъ. Что выражаетъ собою духъ всемірно-исторической націи, то не можетъ быть вздоромъ, и та философія, которая называетъ вздоромъ подобныя вещи, сама—вздоръ, хотя бъ она была и абсолютная...

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смекнулъ, что онъ уже слишкомъ запесся, и поспѣшилъ замѣтить, что «Мертвыя Души» не одно и то же съ «Иліадою», ибо-де «само содержаніе кладетъ здѣсь разницу»; но тутъ же, въ выноскѣ, замѣчаетъ онъ: «Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ» (стр. 5). На это мы можемъ отвѣчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій

ходъ ни пришяло оно, вмѣсто юмористическаго,—все-таки «Иліада» будетъ сама-по-себѣ, а «Мертвыя Души» будутъ сами-по-себѣ. «Иліада» выразила собою содержаніе положительное, дѣйствительное, общее, міровое и всемірно-историческое, слѣдовательно, вѣчное и неумирающее: «Мертвыя Души», равно какъ и всякая другая русская поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому-что еще негдѣ его взять, а на «нѣтъ» и суда нѣтъ. Авторъ брошюры видитъ у Гоголя «эпическое созерцаніе, древнее, истинное, то же, какое у Гомера»: это показываетъ, что онъ совершенно не понялъ паѳоса «Мертвыхъ Душъ» и, обольстившись умозрѣніями собственнаго изобрѣтенія, навязалъ поэмѣ Гоголя значеніе, котораго въ ней вовсе нѣтъ. Напрасно онъ не вникнулъ въ эти глубоко-знаменательныя слова Гоголя: «И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ-руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее *сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы*» (Мертвыя Души, стр. 258). Въ этихъ немногихъ словахъ высказано все значеніе, все содержаніе поэмы, и намекнуто, почему она названа «поэмою». Въ смыслѣ *поэмы*, «Мертвыя Души» діаметрально-противоположны «Иліадѣ». Въ «Иліадѣ», жизнь возведена на апоѳеозу; въ «Мертвыхъ Душахъ» она разлагается и отрицается; паѳосъ «Иліады» есть блаженное упоеніе, проистекающее отъ созерцанія дивно-божественнаго зрѣлища; паѳосъ «Мертвыхъ Душъ» есть юморъ, созерцающій жизнь *сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы*. Что же касается до эпическаго спокойствія,—оно совсѣмъ не исключительное качество поэмы Гоголя: это—общее родовое качество эпоса. Романы Вальтера Скотта и Купера, поэтому, также отличаются эпическимъ спокойствіемъ.

Нельзя безъ улыбки читать 9-й страницы брошюры, гдѣ авторъ заставляетъ Ахилла новой «Иліады», *плутоватаго* Чичикова, сливаться съ субстанціальною стихіею русской жизни въ чемъ бы вы думали?—въ любви къ скорой ѣздѣ!.. И такъ, любовь къ скорой почтовой ѣздѣ—вотъ субстанція русскаго народа!.. Если такъ, то конечно почему жь бы *Чичикову* и не быть Ахилломъ русской «Иліады», Собакевичу—Аяксомъ неистовымъ (особенно во время обѣда), Манилову—Александромъ Парисомъ, Плюшкину—Несторомъ, Селифану—Автомедономъ, полиціймейстеру, отцу и благодѣтелю города—Агамемноном, а квартальному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакированныхъ ботфортахъ—Гермесомъ?..

Въ сравненіяхъ, разсѣянныхъ по поэмѣ Гоголя, авторъ брошюры особенно видитъ сродство его съ Гомеромъ. Но это сродство существуетъ также и между Пушкинымъ и Гомеромъ,—что можно *фактически* доказать ссылками на «Евгенія Онѣгина» и другія поэмы Пушкина... Думаемъ, что съ этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полнотѣ жизни, въ которой изображаетъ Гоголь свои лица, и которая дѣйствительно-удивительна, авторъ брошюры не точно выразился,

сказавъ, будто «Гоголь не лишаетъ лицо, отмѣченное мелкостью, низостью, *ни одного* человѣческаго движенія»: надо было сказать — иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человѣческихъ движеній, или что-нибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, что и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичъ не лишены ни одного человѣческаго чувства и, потому, ни чѣмъ не хуже любаго великаго человѣка. Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смотрѣть съ участіемъ на глупую и сантиментальную розмазню Манилова, когда тотъ идіотски мечтаетъ о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на бельведерѣ, съ котораго видна Москва, какъ они съ нимъ пріѣзжаютъ въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, обвораживаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и какъ само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами... Признаемся, мы читали это со смѣхомъ и безъ всякаго участія къ личности Манилова, можетъ-быть, потому именно, что не имѣемъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода «мечтательными» личностями.

Далѣе, авторъ брошюры доказываетъ, что такой полноты созданія, какова у Гоголя, не встрѣтить ни у кого, кромѣ какъ у Гомера и Шекспира. «Да» говоритъ онъ: «*только* Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайною искусства».—А Пушкинъ?.. Да куда ужь тутъ Пушкину, когда Гоголь заставилъ (впрочемъ безъ всякаго съ своей стороны желанія—мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существованіи Сервантеса, Данта, Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтера-Скотта, Купера, Беранжѐ, Жоржа-Занда!.. Всѣ они—пасъ передъ Гоголемъ!.. Куда имъ до него! Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—больше никого мы не хотимъ знать, что ни говори себѣ «неблагонамѣренные» люди!.. Однако жь, авторъ брошюры позволяетъ Гомеру и Шекспиру стоять подлѣ Гоголя только по *акту созданія*, а по содержанію, онъ ставитъ ихъ выше его. «Въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, *и только* Гомера и Шекспира, ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ». Какіе счастливцы эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ не далъ имъ дожить до такого счастія!.. «Мы» говоритъ авторъ брошюры: «далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но, въ отношеніи къ акту творчества, *они ниже Гоголя*» (стр. 15). Но говоря далѣе, авторъ брошюры жестоко проговаривается, самъ того не замѣчая, и даетъ намъ прекрасное средство его же орудіемъ сдуть построенные имъ карточные домики фантазёрскихъ умозрѣній:

«Развѣ не можетъ быть такъ напримѣръ (продолжаетъ авторъ брошюры) поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни; другой создастъ великаго человѣка, взявши бо́льшее содержаніе, но только помѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества» (стр. 15).

Во-первыхъ, разсуждая о дѣлѣ творчества, нѣчего и говорить о поэтахъ, *не* обладающихъ тайною творчества, и заставлять ихъ намѣчать общими чертами идеалы великихъ людей; надо великаго поэта противопоставлять великому же поэту. Въ такомъ случаѣ, мы не обинуясь скажемъ, что слегка-намѣченный идеалъ великаго человѣка будетъ болѣе великимъ созданіемъ, нежели во всей полнотѣ и во всей свободѣ жизни воспроизведенный цвѣтокъ. Двѣ стороны составляютъ великаго поэта: естественный талантъ и духъ, или содержаніе. Это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ:—высшая точка, зенитъ поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ словомъ высшее его явленіе, мы думали воспользоваться для этого эпитетомъ «міроваго»; но скоро увидѣвъ, что черезъ это смѣшиваются два различныя представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не міровымъ поэтомъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ: но если вы хотите знать, что̀ такое «міровой» поэтъ, возьмите Байрона хоть въ прозаическомъ французскомъ переводѣ, и прочтите изъ него, что̀ вамъ прежде попадется на глаза. Если вы не падете въ трепетѣ предъ колоссальностію идей этого страшнаго ученика Руссо, этого глубокаго субъективнаго духа, этого потомка мнѳическихъ титановъ, громоздившихъ горы на горы и осаждавшихъ Зевеса на его неприступномъ Олимпѣ,—тогда не понять вамъ, что̀ такое «міровой» поэтъ. Прочтите «Фауста» и «Прометея» Гёте, прочтите трепещущія пѳѳосомъ любви ко всему человѣчному созданія Шиллера,—и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, идущихъ въ главѣ всемірно-историческаго движенія *цѣлаго человѣчества*, поставили вы ниже великаго *русскаго* поэта... Что же касается до вашего сравненія художественно-созданнаго цвѣтка съ слегка-наброшеннымъ идеаломъ великаго человѣка, мы укажемъ вамъ на примѣръ не изъ столь великой сферы. «Бояринъ Орша» Лермонтова—произведеніе не только слегка-начерченное, но даже дѣтское, гдѣ большею частію ложны и нравы и костюмы: но просимъ васъ указать намъ на что-нибудь и побольше цвѣтка, что̀ могло бы сравниться съ этимъ геніальнымъ очеркомъ. Отъ-чего это?—отъ-того, что въ дѣтскомъ созданіи Лермонтова вѣетъ духъ, передъ которымъ потускнѣетъ не одно художественное произведеніе—цвѣтокъ ли то, или цѣлый цвѣтникъ...

«Итакъ (продолжаетъ авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняютъ неполно, но чтобы не писать длинной статьи) надѣемся мы пояснить наши слова: *въ отношеніи къ акту творчества*. Но Боже насъ сохрани, чтобы миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя: мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ тою же тайною, какою обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они»... И такъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту созданій, какъ у Гоголя; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою, одною и тою же тайною искусства» (стр. 15—16).

Положимъ даже, что все это и такъ, но вотъ вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему именно тутъ радоваться?.. Во-первыхъ, еще совсѣмъ не доказанная истина, совсѣмъ не аксіома, что Гоголь, по акту творчества, выше, хоть, напримѣръ, Пушкина и позволяетъ стоять подлѣ себя только Гомеру и Шекспиру,—и мы очень жалѣемъ, что авторъ брошюры не взялъ на себя труда доказать это, а ограничился нѣсколькими фразами, въ родѣ оракульскихъ. Во-вторыхъ, акта творчества еще мало для поэта, чтобъ имя его стало на-ряду съ именами Гомера и Шекспира... Все это ужасно сбивается на реторику и фразы, все это такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. Занятіе, конечно, невинное, но и ни къ чему не ведущее, кромѣ профанаціи именно того, что̀ составляетъ предметъ дѣтскаго удивленія. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣетъ, въ созданіяхъ Гоголя, этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что̀ бы сталось съ любымъ созданіемъ Гоголя, еслибъ оно было переведено на французскій, нѣмецкій, или англійскій языкъ? Что̀ интереснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ немъ для француза, Нѣмца, или Англичанина? Гдѣ же права Гоголя стоять на-ряду съ Гомеромъ, Шекспиромъ?—Знаете ли, что̀ мы сказали бы на-ушко всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гёте, или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ, и проч. Вальтеромъ Скоттомъ тоже шутить нѣчего: этотъ человѣкъ далъ историческое и соціальное направленіе новѣйшему европейскому искусству.

И, однакожь, мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его «Мертвыя Души»—великимъ произведеніемъ. Но въ первомъ случаѣ, мы разумѣемъ естественный талантъ, по которому Гоголь, какъ и Пушкинъ, дѣйствительно напоминаютъ собою величайшія имена всѣхъ литературъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя не дивиться его умѣнію оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическіе образы,—его орлиному взгляду, которымъ онъ проникаетъ во глубину тѣхъ тонкихъ и для простаго взгляда недоступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣпая ограниченность видитъ мелочи и пустяки, не подозрѣвая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ вертится, увы!—цѣлая сфера жизни. Но Гоголь великій русскій поэтъ, не болѣе, «Мертвыя Души» его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно-великое значеніе. Такова, пока, судьба всѣхъ русскихъ поэтовъ; такова судьба и Пушкина. Никто не можетъ быть выше вѣка и страны; никакой поэтъ не усвоитъ себѣ содержанія, неприготовленнаго и невыработаннаго исторіею. Немногое, слишкомъ-немногое изъ произведеній Пушкина можетъ быть передано на иностранные языки, не утративъ съ формою своего субстанціальнаго достоинства; но изъ Гоголя—едва ли что-нибудь можетъ быть передано. И, однакожь, мы въ Гоголѣ видимъ болѣе-важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ объектовъ и болѣе даетъ чувство-

вать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданія поэта нашего времени. Повторяемъ: чѣмъ выше достоинство Гоголя, какъ поэта, тѣмъ важнѣе его значеніе для русскаго общества, и тѣмъ менѣе можетъ онъ имѣть какое-либо значеніе внѣ Россіи. Но это-то самое и составляетъ его важность, его глубокое значеніе и его—скажемъ смѣло—колоссальное величіе для насъ, Русскихъ. Тутъ нѣчего и упоминать о Гомерѣ и Шекспирѣ, нѣчего и путать чужихъ въ свои семейныя тайны. «Мертвыя Души» стоятъ «Иліады», но только для Россіи: для всѣхъ же другихъ странъ, ихъ значеніе мертво и непонятно.

Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за геніальность на святой Руси, а свое русское, хотя бы и отличенное высокою даровитостію, презиралось за то только, что оно русское. Время это, слава Богу, прошло, и теперь настало другое, когда намъ уже ни-по-чемъ и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, потому-что мы успѣли уже позавестись своими,—мы чужихъ становимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа и слѣва, и взадъ и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумагѣ. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческія фразы...

Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта—аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники... А тамъ, что?—Кому суждено возмужать, тотъ по тихоньку забудетъ о томъ, о чемъ такъ громко говорилъ прежде, или будетъ самъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ грѣхомъ юности... Но есть люди, которые или навѣкъ остаются дѣтьми, или навѣкъ остаются юношами: ихъ убѣжденіе не слабѣетъ; они продолжаютъ высказывать его съ прежнимъ простодушіемъ, и новыя фантазіи, подобныя прежнимъ, тянутся у нихъ до гроба длинною вереницею, какъ мечты у Манилова, по отъѣздѣ Чичикова... [189]).

*640. Записки о Старомъ и Новомъ Русскомъ Бытѣ. *К. А. Авдѣевой.* Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 133 стр. [190]).

Здѣсь собрано нѣсколько статей, заключающихъ въ себѣ разсказы о мѣстахъ Россіи, гдѣ живала и бывала сочинительница, или что слыхала она о старинномъ русскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ литературѣ нашей, записки эти не совсѣмъ новы: онѣ уже печатались и въ журналахъ и отдѣльно, безъ имени почтенной сочинительницы: но, не будучи новыми, онѣ не перестаютъ быть пріятными, какъ довольно-добродушные разсказы умной и начитанной женщины. Заглавіе, данное книгѣ,

кажется намъ, не совсѣмъ вѣрно: старый русскій бытъ точно въ ней находимъ, но гдѣ же новый? Есть замѣтки о бытѣ остзейскихъ Нѣмцевъ, о русскихъ крестьянахъ, поселившихся вкругъ Чудскаго-Озера, кое-что о бытѣ жителей Иркутска (и жаль, что такъ мало: К. А. Авдѣева, тамъ родившаяся и долго жившая, могла бы много поразсказать интереснаго), объ одесской жизни—и только. Впрочемъ, этотъ излишній объемъ заглавія принадлежитъ, очевидно, не самой писательницѣ «Записокъ», а издателю, Н. А. Полевому, который имѣетъ честь быть роднымъ братомъ сочинительницы, какъ объявляетъ онъ въ предисловіи—одномъ изъ тѣхъ предисловій, гдѣ г. Полевой любитъ такъ откровенно намекать на свою геніальность и знаменитость. Впрочемъ, книга, къ-счастію, не имѣетъ ничего общаго съ этимъ предисловіемъ: самъ г. Полевой говоритъ, что его участіе ограничивалось только легкими грамматическими поправками—и мы охотно вѣримъ, не встрѣчая въ книгѣ тѣхъ высокопарностей и величавыхъ разглагольствій, которыя такъ давно и такъ справедливо надоѣли читающему міру во всемъ, что выходитъ оригинальнаго изъ-подъ пера г. Полеваго, со времени прекращенія его «Телеграфа». Г-жа Авдѣева проговариваетъ гдѣ-то въ своихъ «Запискахъ» о намѣреніи написать для публики и болѣе, очень желаемъ, чтобъ это намѣреніе сбылось. Одно посовѣтовали-бъ мы: оставить въ покоѣ *старый бытъ*. Гг. Сахаровъ, Снегиревъ, частію г. Пассекъ и другіе уже довольно трудились и трудятся собирать и обнародовать свѣдѣнія и изслѣдованія объ этомъ старинномъ бытѣ: перо сочинительницы можетъ быть употреблено гораздо-полезнѣе и пріятнѣе на описаніе того, что она видѣла и съ чѣмъ встрѣчалась въ своей жизни.

***641. О чувственной любви** и пагубныхъ дѣйствіяхъ ея. Разсужденіе *Іоанна Фридриха Остервальда*. Часть I. Переводъ съ французскаго подлинника, изданнаго въ Амстердамѣ въ 1707 году. Санктпетербургъ. Въ тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 303 стр.[191]).

Изъ заглавія видно, что еще въ 1707 году авторъ задалъ себѣ вопросъ: «отъ чего сія *мерзость* съ толикою силою царствуетъ во многихъ людяхъ?» и нашелъ, что «одною изъ коренныхъ причинъ сего зла есть недостатокъ въ наставленіяхъ и пособіяхъ по этой части». Рѣшивъ себѣ вопросъ такимъ отвѣтомъ, онъ написалъ назидательную книгу. Какой то почтенный человѣкъ возъимѣлъ похвальное намѣреніе въ 1841 году перевести эту книгу на русскій языкъ, перевелъ и издалъ, объяснивъ, что такое сокровище «переведено съ нѣкоторыми дополненіями, и посвящается *новобрачнымъ*, старобрачнымъ и безбрачнымъ, желающимъ предохраниться или очиститься отъ чувственной любви». Жаль, что большая часть того класса, который будетъ потребителемъ этой полезной книги, еще не довольно-грамотна на Руси.

642. Журнальныя и литературныя замѣтки [192]). Поздравляемъ Россію съ новымъ поэтическимъ геніемъ. У насъ были и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, и Вальтеръ-Скотты, и Гёте, и Шиллеры: не доставало только Беранже. Теперь и этотъ недостатокъ восполненъ. Гдѣ жь нашелся этотъ русскій Беранже? Мы давно его знали, только не знали, что онъ Беранже. Мы все думали, что онъ просто—русскій куплетистъ и русскій водевилистъ, лицо, само-собою разумѣется, весьма-скромное, едва-замѣтное въ нашей литературѣ. Но мы ошибались: честь и слава «Сѣверной Пчелѣ»! Сквозь свои критическія стекла она открыла новаго, невѣдомаго міру русскаго генія. Этотъ геній, этотъ русскій Беранже—кто бы вы думали?—г. Ленскій!.. Не изумляйтесь. Вотъ извѣстіе, слово отъ слова заимствуемое нами изъ 143 № «Сѣверной Пчелы».

«Въ Петербургъ пріѣхалъ на дняхъ отличный нашъ водевилистъ и артистъ московскаго театра, Д. Т. Ленскій. Кромѣ Пушкина, никто не превосходитъ г. Ленскаго въ легкой поэзіи. По несчастію, онъ мало пишетъ, а еще менѣе печатаетъ. Переводы г. Ленскаго пѣсенъ и лирическихъ стихотвореній удивительно хороши и нисколько не уступаютъ подлиннику. Дружескія посланія, застольныя пѣсни и куплеты, кстати и *къ случаю* (à propos), г. Ленскаго имѣютъ высокое достоинство. Г. Ленскій—нашъ Беранже, нашъ Дезожье! Какъ было бы хорошо, еслибъ кто-нибудь вздумалъ издать его легкія стихотворенія и переводы въ особой книжечкѣ, и украсилъ ихъ политипажами! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это изданіе имѣло бы чудесный успѣхъ! Г. Ленскій также любезенъ въ обществѣ, какъ и прототипъ его, Беранже». [193]).

643. Рѣчь о критикѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи *Императорскаго* Санктпетербургскаго Университета, Марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи, *А. Никитенко*. Санктпетербургъ. 1842. [194]).

СТАТЬЯ I.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подлежитъ *критикѣ*, даже сама *критика*. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе: но оно дѣйствуетъ такъ не въ смыслѣ и духѣ прошедшаго вѣка, который, почти до конца своего, умѣлъ только разрушать, не умѣя созидать; напротивъ, наше время алчетъ убѣжденій, томится голодомъ истины. Оно готово принять всякую живую мысль; преклониться предъ всякимъ живымъ явленіемъ: но оно не спѣшитъ имъ на встрѣчу, а спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ, безъ страсти и увлеченія. Боясь разочарованія, оно боится и очаровываться наскоро. Какъ-будто враждебно смотритъ нашъ, закаленный въ буряхъ ученій и событій вѣкъ, на все новое, которое претендуетъ замѣнить ему неудовлетворяющее его старое; но эта враждебность есть въ сущности только благоразумная осторожность, плодъ тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и восхищается какъ-будто холодно; но эта холодность у него

не въ сердцѣ, а только въ манерѣ; она признакъ не старости, а возмужалости. Скажемъ болѣе: эта холодность есть сосредоточенность внутренняго восторга, плодъ самообладанія, умѣющаго видѣть всему настоящее мѣсто и настоящія границы, равно презирающаго и искусственную, на-живую-нитку смётанную *золотую середину*—этого идола посредственности, и фанатическое увлеченіе крайностями, этой болѣзни односторонних умовъ. И это покажется намъ очень-естественнымъ, когда вспомнимъ, что послѣдняя половина прошедшаго и еще не-кончившаяся половина настоящаго вѣка могутъ многіе изъ своихъ дней назвать вѣками: такъ много въ-продолженіи ихъ было испытано и пережито человѣчествомъ. Юноша на все бросается горячо и опромётчиво: ему ничего не стоитъ пасть на колѣни, воздѣть руки горѣ и обоготворить то, къ чему черезъ минуту онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искушенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія, и если что̀ выдержитъ его строгое холодное изслѣдованіе, то̀ уже не на-мигъ овладѣетъ его любовію и уваженіемъ. Возмужалый человѣкъ доволенъ чувствомъ, и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе: онъ дорожитъ имъ для него-самого, и скорѣе постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все любитъ для восторга, и восторгъ давитъ и рветъ грудь ему, если онъ не сообщитъ его другимъ. На нашъ вѣкъ много нападокъ, и весьма-справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то нерѣшимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ страстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ перехода, вѣкъ, котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошедшаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная, куда двинуться. Все это правда; но въ то же время, правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнитъ и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль паладина среднихъ вѣковъ, жить мечтами и ломать копья за невѣдомую красоту, или, подобно донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульсинеи, за неимѣніемъ въ наличности красоты дѣйствительно-существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженныя времена той фантастической эпохи человѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣты на всѣ его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Міръ возмужалъ: ему нуженъ не пестрый калейдоскопъ воображенія, а микроскопъ и телескопъ разума, сближающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. *Дѣйствительность*,—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ значеніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить вытекать Нигеръ изъ облаковъ, или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуютъ жизнію изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка,

открыть песчаную пустыню, дѣйствительно-существующую, болѣе важное пріобрѣтеніе, чѣмъ вѣрить существованію *Эльдорадо*, котораго не видали ничьи смертныя очи. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи, дѣйствительно-существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ заблужденій, ребяческихъ погремушекъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ лжей. Если бы ложь предстала передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины и съ улыбкою манила его въ свои роскошныя объятія, а истина въ видѣ страшнаго остова смерти, летящаго на гигантскомъ конѣ съ косою въ рукахъ: онъ отвергся бы, съ презрѣніемъ и ненавистію, отъ обольстительнаго призрака, и бросился бы въ мертвящія объятія остова... Ему лучше ощутить себя въ дѣйствительныхъ объятіяхъ страшной смерти духа, чѣмъ схватить въ свои руки призракъ, долженствующій исчезнуть при первомъ къ нему прикосновеніи... И это совсѣмъ не скептицизмъ: это, напротивъ, обожествленіе истины, которая можетъ быть страшна только для ограниченности индивидуальнаго человѣка, а сама-въ-себѣ есть вѣчная красота и вѣчное блаженство. Скептицизмъ отчаявается въ истинѣ и не ищетъ ея; нашъ вѣкъ — весь вопросъ, весь стремленіе, весь исканіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится лжи, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину. [195])

И однакожь, человѣкъ всегда стремился къ познанію истины; слѣдовательно: всегда мыслилъ, изслѣдовалъ, повѣрялъ. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно, оно всегда находилось подъ вліяніемъ его непосредственнаго созерцанія, или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе-принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освбождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ея полнотою новой жизни. Такъ въ Греціи сначала всѣ явленія дѣйствительности, фантастически-представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастически же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства. И эта фантастическая дѣйствительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фантастическіе средніе вѣка философія была чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, химія—алхиміей, астрономія—астрологіей, исторія—романомъ, географія—волшебною сказкою. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазіи принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ, онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одинъ и самъ-по-себѣ онъ долженъ страшиться собственной силы, которая увлекла бы его къ исключительности и односторонности. И потому, въ XIX вѣкѣ, разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіею; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ вліяніемъ. И теперь разумъ во всемъ ищетъ самого себя; и

только то признаетъ дѣйствительнымъ, въ чемъ находитъ самого-себя. Этимъ наше время рѣзко отличилось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всѣмъ воспреобладалъ: для него уже ничто не есть болѣе само-себѣ цѣль, но все должно отъ него получать утвержденіе своей самостоятельности и дѣйствительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему, приводящіе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія, средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы сказали, что разумъ тогда только признаетъ извѣстную истину, ученіе, или явленіе, дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого ему только одинъ путь и одно средство — разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собою данную истину, или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобъ опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобъ оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такія явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего, и объявляетъ ихъ только эмпирически-существующими, но не дѣйствительными. Этотъ процессъ и называется «критикою». Многіе подъ критикою разумѣютъ или охужденіе разсматриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худаго:—самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосредственнаго чувства, или индивидуальнаго убѣжденія: судъ предлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя обще-человѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: «мнѣ нравится, мнѣ не нравится» могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кушаньѣ, винахъ, рысакахъ, гончихъ собакахъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о явленіяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности — тамъ всякое *я*, которое судитъ самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ и мнѣніи, напоминаетъ собою несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который, съ бумажною короною на головѣ, величаво и благоуспѣшно правитъ своимъ воображаемымъ народомъ, казнитъ и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо никто ему не мѣшаетъ въ этомъ невинномъ занятіи. Критиковать—значитъ искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и черезъ которые оно могло быть, и опредѣлять степень живаго, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ какъ бываютъ явленія, вполнѣ выражающія общее въ частномъ, идеалъ въ конечномъ, и бываютъ явленія, только въ извѣстной степени выражающія это единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія, только претендующія на это единство, въ самомъ же дѣлѣ совершенно-чуждыя его; слѣдовательно и критика не только безусловно хулитъ, или только похваливаетъ и побраниваетъ, но иногда ограничивается одною похвалою. У насъ, на Руси, особенно, критика получила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать—для многихъ

значитъ ругать, а критика одно и то же съ ругательною статьею. Мало того: критикою называютъ и сатиру и пасквиль, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикою называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику все равно, что правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карою, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ, критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ея имя и употребляется больше только въ-отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ греческаго слова, означающаго «судить» слѣдовательно, въ обширномъ значеніи, критика есть то же, что̀ «сужденіе». Поэтому есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ наукъ, исторіи, нравственности и пр. Лютеръ, на-пр., былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соотвѣтственна тѣмъ явленіямъ, о которыхъ судитъ: поэтому, она есть сознаніе дѣйствительности. Такъ, на-пр., что̀ такое Буало, Баттё, Лагарпъ? Отчетливое сознаніе того, что̀ непосредственно (какъ явленіе, какъ дѣйствительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени. То и другое—равно сознаніе эпохи; но критика есть сознаніе философское, а искусство—сознаніе непосредственное. Содержаніе того и другаго—одно и то же; разница только въ формѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслящее и судящее, слѣдовательно, критикующее время. Въ критикѣ нашего времени, болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что такое само искусство нашего времени?—Сужденіе, анализъ общества; слѣдовательно, критика. Мыслительный элементъ теперь слился даже съ художественнымъ,—и для нашего времени мертво-художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія, или дифирамбъ восторга, если оно не есть вопросъ, или отвѣтъ на вопросъ [196]). Удивляться ли, послѣ этого, что критика есть самовластная царица современнаго умственнаго міра? Теперь вопросъ о томъ, что̀ скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важенъ самаго великаго произведенія. Что бы и какъ бы ни сказали о немъ, — повѣрьте, это прочтется прежде всего, возбудитъ страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться — мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулся бы, кто сказалъ бы, что такое-то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ наслажденіи, не изслѣдовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства — мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ массахъ.

Въ Россіи, пока еще существуетъ только критика искусства и литературы.

Это обстоятельство придаетъ ей еще бо́льшій интересъ и бо́льшую важность. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще только въ искусствѣ и литературѣ, а слѣдовательно, въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интеллектуальное сознаніе нашего общества. Поэтому, нисколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ, оффиціально избранный быть органомъ годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи—критику. Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе-современнаго и болѣе-близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнію и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ, отправляемыхъ, въ добавокъ, на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколькихъ сотъ присутствующихъ на торжественномъ собраніи. Неменѣе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бываютъ люди, умѣющіе соединить интересъ предмета и основательность, глубокость взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Этимъ умѣньемъ вполнѣ обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи г. Никитенко, какъ и все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и отличаются особенною красотою выраженія. Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ г. Никитенко во всемъ, что̀ составляетъ основаніе, или частности его идей; но каждый, даже и не соглашаясь съ ними вполнѣ, прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, вызывающими на размышленіе, поражающими умъ. Парадоксъ или явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мыслями. Опровергаютъ то, что̀ считаютъ ложью; спорятъ о томъ, что̀ обѣ стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважаютъ. Опровергающій мнѣніе считаетъ себя безусловно-правымъ, спорящій старается быть правымъ, но почитаетъ побѣду столько же возможною и для противной стороны, какъ и для самого-себя. Судъ побѣды предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія) достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи г. Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и краснорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ,—и какъ случаю поговорить о дѣлѣ. Сверхъ-того, предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу,—истинное наслажденіе.

Съ первыхъ же строкъ «Рѣчи» поражаютъ читателя и блескъ ея изложенія, и ея живые мотивы, такъ-сказать, животрепещущіе интересомъ современности.

«ММ. ГГ.! Удостоивая благосклоннаго участія скромное наше торжество во имя науки, вы конечно въ правѣ требовать отъ насъ не только обнаруженія нашихъ ученыхъ убѣжденій, результатовъ обычнаго, долгомъ возложеннаго на насъ служенія истинѣ, но и сочувствія къ тѣмъ вопросамъ науки и словесности, которые предлагаетъ сама жизнь всѣмъ намъ совокупно, какъ членамъ живаго организма—общества. Университетъ не можетъ быть чуждъ ни одного изъ возвышенныхъ интересовъ и движеній общественныхъ: ибо ему ввѣрено развивать и направлять силы поколѣнія, призванныя подвизаться для нихъ. Самое могущественное и самое положительное участіе науки въ событіяхъ міра совершается, безъ сомнѣнія, тамъ, гдѣ предстоятъ ей отверстые, свѣжіе умы и откуда несутъ они ея сокровища прямо въ дань исторіи и великимъ судьбамъ народа. Здѣсь-то слагается тотъ прекрасный союзъ вѣчныхъ всеобщихъ истинъ съ живыми силами вещей, который однѣ дѣлаетъ событіями, а въ другія вноситъ свѣтъ началъ, смыслъ и законность».

Ораторъ разсматриваетъ критику только въ отношеніи къ искусству, и опредѣляетъ ее «судомъ разума надъ творчествомъ».

«Но (говоритъ онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшею, первоначальною властію міра, совершительницею жизни и судебъ ея? Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій! То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?.. И какъ заглянуть въ нѣдра волкана, или въ лицо солнцу, чтобъ спросить у нихъ, «Зачѣмъ эти непріятныя тревоги веществъ, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія: зачѣмъ это сіяніе?» или сказать имъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“. Суетны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другаго отзыва, кромѣ жизни или смерти.

„И точно, есть творчество неподвластное суду и приговору разума человѣческаго: это творчество природы. У нея нѣтъ разнорѣчащаго смысла въ требованіи и рѣшеніи, нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что есть, то и должно быть, и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развита, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка *все свое*, все имъ подобающее; ничѣмъ другимъ и ничѣмъ большимъ они уже не могутъ быть. Цвѣтокъ раскинулся во всемъ блескѣ роскошной красоты, или неожиданно поникъ юношескимъ вѣнцомъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ сѣвера—законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силы—и нѣтъ другаго приговора событію, какъ: „оно свершилось“.

Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: духъ, или разумъ, произведшій природу, выше природы, слѣдовательно, можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобъ произнести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: «вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе», но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи, что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ быть не можетъ. «Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силою, воздвигающею вещи?..» Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа—что же она

такое, если не самыя эти блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія, воплотившіяся въ живые образы,—изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ дѣйствительности?.. Понятія родятъ не тѣни—тѣни родятъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзать состязаться съ силою, имъ же самимъ рожденною? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышащей матеріи? Еслибъ разумъ, судя о природѣ, т. е. приводя для себя въ сознаніе его же собственные законы, ею выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то, могло-бъ быть иначе,—онъ этимъ пришелъ бы въ противорѣчіе съ самимъ-собою, отрекся бы отъ самого-себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ-собою. Природа есть нѣчто мертвое, несуществующее само для себя: только духъ человѣческій знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты, что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческій знаетъ все это, и блаженствуетъ въ своемъ знаніи. Зеркало отражаетъ въ себѣ стоящіе противъ него предметы, но не видитъ ихъ, и для него все равно, отражать ихъ, или нѣтъ; важность и неважность такого вопроса существуетъ только для человѣка. Умри на землѣ человѣчество—и земли больше не будетъ, хотя бы она и осталась такою, или еще и лучшею, чѣмъ была при человѣчествѣ: ея не будетъ, потому-что не кому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобъ духъ, или разумъ только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растеній зелены? имъ слѣдовало бъ быть голубыми; зачѣмъ дубъ высокъ, а розанъ низокъ? и т. п. Онъ знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны: онъ не претендуетъ измѣнять ихъ; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ же, онъ измѣняетъ климаты, осушаетъ болота и тундры, утучняетъ песчаныя степи и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течь водѣ тамъ, гдѣ ея не было, и каналами *соединяетъ разъединенныя* природою моря, озера и рѣки; цвѣтокъ, взлелѣянный имъ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка дико-растущаго, вода и вѣтеръ покорно работаютъ на его машинахъ, мелятъ и пилятъ; пары съ быстротою молніи посятъ его по сушѣ и по морю; обезоруженные громы минуютъ его жилища и зданія; онъ побѣдилъ и время и пространство; онъ царь природы, повелѣвающій ею въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственныхъ законовъ. Совсѣмъ-иное видитъ ораторъ въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Съ этимъ опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ, дѣло можетъ быть понято и такъ и иначе, смотря по тому, съ какой стороны на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведеніе природы, на какой бы ступени ея ни стояло оно, совершенно въ-отношеніи къ самому-себѣ, тогда-какъ произведенія искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что теряетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низшую степень искусства въ-отношеніи къ природѣ: это значитъ, что искусство развивается свободно, а при-

рода неподвижно заключена въ математическіе законы своего существованія. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому, животныя чужды заблужденій, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человѣкъ. Притомъ же, преходящее въ созданіяхъ искусства есть ошибка не творящаго духа художника, а времени, въ которое онъ дѣйствовалъ. То, что мы отвергаемъ въ такихъ произведеніяхъ, отвергаемъ не какъ ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее нѣкогда истиннымъ; слѣдовательно, отвергаемъ форму не за форму, а за ея содержаніе. Сознательное творчество не можетъ быть выше безсознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божія, то развѣ не она же является и въ дѣйствіяхъ *разумной* воли человѣка, и развѣ человѣкъ творитъ великое отъ себя и собою, а не Богомъ, и черезъ Бога?.. Только въ неразумныхъ дѣйствіяхъ своей воли личность человѣческая является самостоятельною и отпавшею отъ божественнаго источника, въ которомъ ея жизнь и сила; но тогда-то она и является ничтожною, случайною, безсильною и униженною. [197]).

«Творчество человѣческое есть только безпрерывно-повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества—идею полноты и совершенства жизни», говоритъ ораторъ. Опредѣленіе справедливое, но, смѣемъ думать, не совсѣмъ-полное и удовлетворительное. Во-первыхъ, идеи «полноты и совершенства жизни» не должны быть смѣшиваемы съ идеею «изящества» и «красоты», особенно если «эта полнота и совершенство жизни» не опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ. Во-вторыхъ, изящество и красота еще не все въ искусствѣ. Мы сами были нѣкогда жаркими послѣдователями идеи красоты, какъ не только единаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства, и красота для красоты, самоцѣльность искусства бываетъ всегда первымъ моментомъ этого процесса. Миновать этотъ моментъ—значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ, значитъ односторонне понять искусство. Все живое движется и развивается; понятіе объ искусствѣ не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная. Заключая въ себѣ много сторонъ, оно требуетъ развитія по времени каждой изъ нихъ, прежде, чѣмъ дается въ своей полнотѣ и цѣлостности. Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейдти къ высшей, не значитъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого, потому только, что оно *истинно*, а совсѣмъ не потому-что оно *наше*. Какъ-скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи *истиннымъ*, онъ уже не долженъ называть его *своимъ*: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію, и будетъ называть «своимъ» ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; одни заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другаго, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше че-

ловѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію въ-слѣдствіе внѣшнихъ разсчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло... [198]).

Что красота есть необходимое условіе искусства, что безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства—это аксіома. Но съ одною красотою искусство еще не далеко уйдетъ, особенно въ наше время. Красота есть необходимое условіе всякаго чувственнаго проявленія идеи. Это мы видимъ въ природѣ, въ которой все прекрасно, исключая только тѣ уродливыя явленія, которыя сама природа оставила недоконченными и спрятала ихъ во мракѣ земли и воды (моллюски, черви, инфузоріи, и т. п.) [199]). Но намъ мало красоты эмпирической дѣйствительности: любуясь ею, мы все-таки требуемъ другой красоты, и отказываемъ въ названіи искусства самому точному копированію природы, самой удачной поддѣлки подъ ея произведенія. Мы называемъ это ремесломъ. Какая же та красота, которой жаждетъ нашъ духъ, неудовлетворяющійся красотою природы, и которой мы требуемъ отъ искусства? Красота міра *идеальнаго*, міра безплотнаго, міра разума, гдѣ отъ-вѣка заключены всѣ прототипы живыхъ образовъ, откуда исходитъ все реально существенное. Слѣдовательно, красота есть дщерь разума, какъ Афродита—дщерь Зевеса. Но у Грековъ, не смотря на это подчиненіе красоты разуму, красота болѣе, чѣмъ у какого-нибудь другаго народа, имѣла самостоятельное, абсолютное значеніе. Они все созерцали подъ преобладающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ было искусство, по преимуществу имѣвшее цѣлью красоту—ваяніе. Впрочемъ, и сами Греки отдѣляли красоту отъ другихъ сторонъ бытія и обожествили ее только въ идеальномъ образѣ Афродиты. Красота Зевса есть красота царственнаго величія міродержавнаго разума; красота другихъ боговъ также выражаетъ и еще какую-нибудь идею, кромѣ красоты. Что же касается до ихъ поэзіи, въ ея прекрасныхъ образахъ выражалось цѣлое содержаніе эллинской жизни, куда входила и религія, и нравственность, и наука, и мудрость, и исторія, и политика, и общественность. Красота безусловная, абсолютная, красота какъ красота, выражалась только въ Афродитѣ, которую вполнѣ могло выражать только ваяніе. Слѣдовательно, даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобъ цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Содержаніе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически-рѣшаемый.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви, ее могла выразить только живопись, но ужь никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно, она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово «средство» не должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму проявленія, безъ которой

искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты [200]). И тотъ бы жестоко обманулся, кто думалъ бы видѣть въ представителяхъ новѣйшаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основавшихъ себѣ свой собственный фантастическій міръ, среди современной имъ дѣйствительности. Вальтеръ Скоттъ, своими романами, рѣшилъ задачу связи исторической жизни съ частною. Онъ живописецъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыя онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной, домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, ненаписавшій не только ни одного романа—даже ни одной повѣсти, съ признательностію ученика называетъ Вальтера Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка—значило геніально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гёте—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, въ-слѣдствіе своей уже слишкомъ-нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, для себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его «Прометей» дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности, Куперъ болѣе другихъ держится въ чисто-художественной сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выработала изъ себя элементовъ для современной поэзіи. Впрочемъ, какъ *живой* человѣкъ, а не *птица*, поющая для себя, Куперъ взялъ, возможно-полную дань съ жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе «Шпіона» составляетъ борьба его отечества за независимость; въ «Американскихъ Пуританахъ», въ «Эва Эффингемъ» и другихъ романахъ, онъ касается разныхъ сторонъ невыформировавшейся гражданственности страны-будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ историческою и философическою дѣйствительностію современности, если она вообразитъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ

жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ, для подтвержденія этой истины, современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жаненъ, Сю, де-Виньи, конечно, не громадные таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все же это люди замѣчательно-даровитые. И что же?—они не успѣли еще и состарѣться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинною славою, не прибавляя къ ея увядающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка; а другіе стали во Франціи то же самое, что у насъ теперь иные право-описательные и нравственно-сатирическіе сочинители:—горе-богатыри, модели для каррикатуръ, мишень для насмѣшекъ критики. Отъ-чего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались?—Отъ-того, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь: талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того, чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали, что пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушною искренностію—результатомъ безсознательности и мелкости ихъ натуръ, выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія—за мудрость, и гордились тѣмъ, что это прекрасное общество нашло въ нихъ достойныхъ выразителей. Послѣ нихъ явились другіе даровитые люди—Сулье, Бернаръ, и пр. Но что же?—читая повѣсть, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ геніевъ, вы удивляетесь необыкновенному таланту разсказа, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изложенія; читаете ее съ наслажденіемъ, и—забываете завтра же, какъ кушанье, о которомъ помнятъ только тогда, когда ѣдятъ его. Отъ-чего это?—Отъ-того, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрины, ни началъ; отъ-того, что они пишутъ для того, только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только внѣшними узами, а не духовнымъ родствомъ, основаннымъ на паосѣ къ идеѣ вѣка и общества. Общество, въ свою очередь, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ, не любя, не ненавидя, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ-скоро они наскучатъ ему и какъ-скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокус-покусами. Не такое зрѣлище представляетъ собою геніальная женщина, извѣстная подъ именемъ Жоржа-Занда. Это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра [201]). Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Отъ-того, многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Отъ-того талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ. И—что еще болѣе доказываетъ истину нашего

убѣжденія—всѣ *такіе* таланты замѣчательны еще и какъ характеры нравственные, энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіею къ человѣчеству, любовію къ истинѣ. И это очень-естественно: только птица поетъ отъ-того, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть «птицы»: они счастливы, если имъ поется, они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности...

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія, и что искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія... [202])

Переходя собственно къ критикѣ, какъ къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на *личную*, *аналитическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлить на два рода—*искреннюю* и *пристрастную*. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная ни о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все выводятъ изъ себя, опираясь на собственныхъ воззрѣніяхъ и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ человѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душою,—въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но смѣшанные со множествомъ парадоксовъ, давно-остывшихъ основаній, давно-забытыхъ заблужденій (ибо человѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Такіе критики иногда встрѣчаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ фѣльетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализированнымъ чрезъ невѣдѣніе даро-ваніямъ. Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ, еще и человѣкъ ограниченный,—то берите его скорѣе въ фѣльетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятся со стороны грамматики и онечатокъ, и, ради всего святаго, упражняйте ихъ больше въ объявленіяхъ о табачныхъ и кандитерскихъ лавочкахъ, о ножевщикахъ и водочистительныхъ машинахъ. Это литературная тля, о которой не стоитъ и говорить... [203])

Разсуждая о *личной* критикѣ, ораторъ разумѣетъ исключительно *лично-пристрастную* критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ-общими чертами, — чему причиною, разумѣется, оффиціальный характеръ торжества, подавшаго поводъ къ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критики, отличающейся вдругъ и невѣжествомъ и ограниченностью, мы назвали *тлею*, то витязей пристрастно-личной критики можно назвать саранчою литературною. Здѣсь чѣмъ умнѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества: его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикою, увѣряя ее, что умъ «надуваетъ» человѣчество; что добродѣтель есть полезный предразсудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, «надувшій» Грековъ своимъ мнимымъ демономъ, прославляя имъ посредственность и наглою ложью унижая истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ, злобѣ и глупости своихъ враговъ, и т. п. [201]) Впрочемъ, такимъ критикамъ и такой критикѣ, вѣрно, будутъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ г. Никитенко. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько изъ этихъ строкъ, которыя можно назвать диѳирамбомъ благороднаго негодованія:

«Но какъ! неужели для такой критики есть мѣсто въ литературѣ и сочувствіе въ обществѣ? Неужели эта юродивая дщерь слѣпой прихоти и эгоизма осмѣливается, сама собою, безъ полномочія науки, безъ доказаннаго призванія, безъ искры любви къ святому дѣлу совершенствованія человѣческаго — неужели осмѣливается она присвоить себѣ священные аттрибуты судьи въ искусствѣ, назваться критикою, выйти изъ дымнаго логовища умовъ невѣжественныхъ и празднословныхъ на свѣтъ и небоязненно произносить свои безаконные приговоры, раздавать поддѣльные лавры, поражать карами? Что жь дѣлаетъ общественное мнѣніе? Однимъ ударомъ своего побѣдоноснаго презрѣнія оно могло бы стереть съ лица литературы эту лжекритику, хищницу чужаго достоянія, принадлежащаго уму, знанію и таланту. Но общественное мнѣніе въ дѣлѣ искусства у насъ еще такъ юно, и потому скромно и застѣнчиво. Шаткое въ основныхъ понятіяхъ искусства, которыхъ еще не успѣло себѣ усвоить, оно робко склоняется предъ всякимъ смѣлымъ натискомъ высокомѣрія и самоувѣренности; рѣшительный тонъ въ глазахъ его есть сильнѣйшее логическое доказательство истины, а насмѣшка признакъ генія, который до того великъ, что для него нѣтъ ничего великаго. Удивительно ли, что личная критика вовсе не занимается искусствомъ и пораждаетъ однѣ личности? Здѣсь судьи не подлежатъ никакой отвѣтственности: ибо кто будетъ пересуживать ихъ сужденія? Пусть говорятъ смѣло все, что хотятъ: имъ повѣрятъ, потому-что для тѣхъ, у кого нѣтъ никакого убѣжденія, все равно принять его изъ однихъ устъ, или изъ другихъ. Какой соблазнъ! Какъ широко отворяются въ литературу двери всѣмъ мелкимъ страстямъ, которыя невозможностію развитія осуждены были бы развѣ только шевелить илъ на самомъ днѣ общества, а теперь дорогою печати выходятъ изъ своихъ кромѣшныхъ убѣжищъ, вползаютъ, какъ черви, на самыя вершины юнаго, только-

*

что расцвѣтающаго искусства и истощаютъ его жизненные соки. У всякаго безъ сомнѣнія есть враги, друзья, покровители: гдѣ какъ не въ критикѣ удобнѣйшій случай заклеймить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому-что онъ падаетъ на самую нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія—на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому-что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь погою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему жъ ей и стремиться? къ пріобрѣтенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не требуетъ уваженія, а готова даже простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала бы дѣйствовать въ духѣ разума—и погибла бы. Извѣстно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы топутъ, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта".

Картина, къ-несчастію, весьма-вѣрная дѣйствительности, не смотря на общность ея чертъ! Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣлитъ на *аналитическую* и *философскую*, или по преимуществу *художественную*.

„Не такова, мм. гг., истинная критика, органъ бдительнаго разума, приводящаго въ гармонію человѣческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, произносящая судъ торжественный и всенародный надъ дѣломъ, предвозвѣстница приговора потомства, драгоцѣнная награда дарованія, кара нелицепріятная бездарности, стражъ народнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитическій, она изслѣдуетъ стихіи, изъ коихъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта, и условія ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его генія, направленія, взгляда на вещи; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему писателя, степень принимаемаго имъ участія въ движеніяхъ современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматриваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, коими авторъ дѣйствуетъ для достиженія своей цѣли, и изъясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, завѣтная мысль его созданія, что принадлежитъ въ ней его свободному художническому воззрѣнію на вещи, и что принадлежитъ набѣгу случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, какія изъ этихъ понятій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи—въ творчествѣ умственномъ. Ничто не можетъ сравниться съ занимательностію подобныхъ изысканій. Вы вводитесь въ святилище глубочайшихъ тайнъ человѣческой природы; вы присутствуете при самомъ рожденіи геніальной мысли; встрѣчаете ее потомъ на рубежѣ при переходѣ изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный; передъ вами движутся всѣ силы, обра-

зующія изящное созданіе,—и талантъ писателя, и духъ времени, и духъ общества; въ вашихъ глазахъ слагаются стихіи его въ этотъ удивительный нравственный организмъ, коему суждено вмѣщать въ себѣ чистѣйшую жизнь—жизнь красоты, слѣдовательно, истины и добра.

„Аналитическая критика, однакожъ, не удовлетворяетъ еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ, что такое самое твореніе. „Вы, возразятъ мнѣ, видите его предъ собою раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ—чего жъ болѣе?"—Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч,, есть еще одно отношеніе, очень важное—это отношеніе къ идеѣ красоты. Вѣдь оно для нея и существуетъ; всѣ творческія операціи, которыя аналитическою критикою такъ хорошо намъ раскрыты, именно для нея и предприняты. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшитъ.

„Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вещами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войти въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, если бы оно не соединялось также узами съ тѣмъ, что выше вещей—съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неизгладимую физіономію? Одно становится заслугою въ наукѣ, потому-что его направляетъ идея истины, другое пріобрѣтаетъ значеніе въ искусствѣ, потому-что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается наконецъ къ идеѣ изящнаго и становится вполнѣ художественною. При свѣтѣ ея разбираемое твореніе, безъ всякаго вліянія лицъ, безъ ухищреній, само собою займетъ приличное ему мѣсто въ литературѣ, и если оно падетъ на пути къ славѣ, то падетъ не отъ оскорбленій, а отъ истины, которая посвѣтила ему въ лицо и показало на немъ людямъ клеймо бездарности. Между-тѣмъ, съ произведеніемъ истиннаго таланта вы имѣете всѣ способы соединиться тѣснѣйшими узами: оно изслѣдовано глубоко и вѣрно со всѣхъ сторонъ; вотъ и изящная его сторона, вотъ нѣжные, тонкіе, едва уловимые, но можетъ быть и самые занимательные изгибы красоты, коими писатель означилъ свою идею—они могли отъ васъ ускользнуть; зоркое око критики ихъ различаетъ и дѣлаетъ вамъ доступными; наслаждайтесь тѣмъ, чего собственный вашъ взглядъ не успѣлъ уловить, и будьте благодарны руководству, дополняющему ваше упущеніе. Критика паперсница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, коимъ оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и достославно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы — искусство и духъ общественный, опираются на ея мудрость и правоту: одно ввѣряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе—славу, другой—честь и достоинство своихъ чувствованій.

„Но въ каждомъ произведеніи искусства есть недостатки: что дѣлаетъ съ ними критика? Вотъ ея правило: знать только одни недостатки—тѣ, которыхъ изобличеніе можетъ служить урокомъ въ истинѣ, или защитою противъ заблужденій. Съ помощію анализа, она особенно отличаетъ ошибки, или невѣрное направленіе вкуса, бывшія плодомъ вѣка—и не караетъ безщадно писателей, честно служившихъ искусству въ духѣ своего времени, за то, что

они не предупредили хода судьбы и не дѣйствовали по идеямъ, которыхъ не было. Она каждому воздаетъ по заслугамъ — относительному достоинству свое, безусловному свое и не забываетъ, что если потомство умнѣе прошедшаго, которое оно судитъ, то въ свою очередь оно будетъ имѣть также потомство, и горе тѣмъ, кои не умѣли сдѣлать всего и не умѣли прощать той же вины другимъ!..".

Нельзя не согласиться въ сущности со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, критики *аналитическая*, какъ называетъ ее ораторъ, или *историческая*, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство, или, еще скорѣе, опошлить критику. Каждое произведеніе искусства непремѣнно должно разсматриваться въ отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности, и въ отношеніяхъ художника къ обществу; разсмотрѣніе его жизни, характера, и т. п. также можетъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно-эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стоитъ исторической критики; ибо, если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью,—оно все-еще можетъ имѣть хотя одностороннее, относительное достоинство; но если, при живыхъ современныхъ интересахъ, оно не ознаменовано печатію творчества и свободнаго вдохновенія, то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности, и самая жизненность его интересовъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ безсмысленна и нелѣпа. Изъ этого прямо выходитъ, что не для чего и раздѣлять критику на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать въ ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слагается дѣйствительность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетической, и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ односторонняя, а слѣдовательно, и ложна. Критика должна быть одна, и разносторонность взглядовъ должна выходить у нея изъ одного общаго источника, изъ одной системы, изъ одного созерцанія искусства. Это и будетъ критикою нашего времени, въ которомъ многосложность элементовъ ведетъ не къ дробности и частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до слова «аналитическій»,—оно происходитъ отъ слова «анализъ», означающаго разборъ, разложеніе, которые составляютъ свойство всякой критики, какая бы ни была она, историческая, или художественная.

Насъ спросятъ: какимъ образомъ въ одной и той же критикѣ могутъ органически слиться два различныя воззрѣнія, историческое и художественное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ, въ одно и то же время, свободно слѣдовалъ своему вдохновенію, и служилъ духу современности, не смѣя

выйдти изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма-легко рѣшить и теоретически и исторически. Каждый человѣкъ, а слѣдовательно, и поэтъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вліяніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которою живетъ окружающее его общество. Отъ-этого, онъ дѣлается Французомъ, Нѣмцемъ, Русскимъ, и т. д.; отъ-этого онъ, родившись, на-примѣръ, въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло жечь на кострахъ людей, думающихъ такъ, какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религіозно убѣжденъ, что никого не должно жечь и рѣзать, что дѣло общества не мстить наказаніемъ за проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что̀ удовлетворится и оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но человѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлые шесть вѣковъ, въ-продолженіи которыхъ развивалось, въ своихъ моментахъ, его понятіе объ истинномъ, и въ каждомъ изъ сихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ *моментомъ* развитія общечеловѣческой истины; а этотъ-то *моментъ* и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающею страстію (пафосомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отъ-чего европейскіе живописцы среднихъ вѣковъ писали все мадоннъ да святыхъ?—Отъ-того, что религіозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ возстановленію религіозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. «Но» скажутъ намъ: «если нельзя выйдти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духѣ своего времени, а слѣдовательно, нечего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ?» — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія—въ обществахъ, которыхъ понятія діаметрально-противоположны ихъ дѣйствительности, которыя учатъ въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигіозности, распаденія, разъединенія, индивидуальности и—ея необходимаго слѣдствія—эгоизма: къ-несчастію, слишкомъ рѣзкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми преданіями, которымъ болѣе не вѣрятъ, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукою, выработавшимся изъ историческихъ движеній,—при такомъ состояніи обществъ иногда самыя благородныя, самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одинокими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются жрецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ видно должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другіе—и это, увы! часто лучшіе,—убѣгаютъ во-внутрь себя, съ отчаяніемъ

махнувъ рукою на эту оскорбляющую чувство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ вмѣстѣ съ другими, искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который, изволите видѣть, не стоитъ ихъ страданій и ихъ радостей; засѣвъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь расцвѣченныя стекла, они поютъ себѣ какъ птицы... Боже мой! *человѣкъ* дѣлается *птицею!* Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Что же изъ этого должно было выйдти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ геніевъ, маленькихъ великихъ-людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумятъ, пошумятъ да и замолкнутъ, скончавшись вмалѣ еще прежде своей смерти, часто во цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на тэмы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само-собою проявится во внѣ. Когда человѣкъ сильно потрясенъ страстію, исключительно занятъ одною мыслію, — все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторяется у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ видѣніяхъ своихъ повторяющимъ святыя думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью, или гибнуть въ себѣ-самомъ и черезъ себя-самого. Человѣчество дошло наконецъ до такихъ убѣжденій, которыхъ *нечистые* люди, уже изъ собственныхъ видовъ, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ-самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику, и разсмотрѣвъ «Рѣчь», подавшую поводъ къ этой статьѣ,—мы, въ слѣдующей статьѣ, сдѣлаемъ историческое обозрѣніе русской критики, отъ начала ея до нашего времени [205]).

***644. Сумерки.** Сочиненіе *Евгенія Баратынскаго*. Москва. Въ тип. А. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. Въ 12-ю д. л. 88 стр. [206])

Въ этой книжкѣ содержатся стихотворенія г. Баратынскаго, писанныя имъ послѣ изданія въ двухъ томахъ собранія стихотвореній въ 1835 году. Эти, послѣднія, стихотворенія были разсѣяны въ разныхъ журналахъ: «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отеч. Запискахъ» и пр.; изданныя теперь отдѣльно, они могутъ служить дополненіемъ къ означенному собранію стихотвореній г. Баратынскаго 1835 года. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ поговорить въ особой статьѣ о всей поэтической дѣятельности такого замѣчательнаго лица въ русской литературѣ, какъ г. Баратынскій,—что̀ мы и сдѣлаемъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

***645. Христіернъ II и Густавъ-Ваза,** драматическій очеркъ въ четырехъ актахъ. Соч. *А. (?) Лажечникова*. Спб. Въ тип. А. Бородина и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 119 стр. [207])

Мы говорили уже объ этой драмѣ въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ», говоря о «Дагеротипѣ»: теперь остается дополнить, что драму г. Лажечникова желающіе могутъ пріобрѣтать мимо «Дагеротипа». Да еще развѣ не мѣшаетъ дополнить, что или буква *А* передъ фамиліею г. Лажечникова въ заглавіи поставлена ошибкою, вмѣсто *И*, или что эта драма не есть сочиненіе даровитаго автора «Ледянаго Дома», «Новика» и «Басурмана». И то и другое можетъ быть весьма-вѣроятно.

***646. Осенніе Цвѣты.** Стихотворенія *М. Демидова*. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 73 стр. Съ эпиграфомъ: «Военный и партикулярный портной изъ Парижа Ѳедоръ Прохоровъ». *Вывѣска въ одномъ губернскомъ городѣ.*

Вечерніе Досуги. Стихотворенія *М. Демидова*. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 62 стр. Съ эпиграфомъ: «0×0=0». *Таблица умноженія.*

Завѣтныя Думы. Стихотворенія *М. Демидова*. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 57 стр. Съ эпиграфомъ: «Полкъ впередъ, дирекція на середину, рысью, маршъ!» *Командныя слова* [208]).

Какое огромное богатство поэтическаго запаса! «Осенніе Цвѣты», и «Вечерніе Досуги», и «Завѣтныя Думы», и все это, для бо̀льшаго эффекта, въ

двухъ отдѣленіяхъ, и притомъ, съ изящными, глубокознаменательными эпиграфами. Русская поэзія снова оживаетъ въ лицѣ г. Демидова,—и если нельзя сказать, чтобъ въ г. Демидовѣ Россія пріобрѣла новаго Пушкина, или новаго Лермонтова, то съ достовѣрностію и утвердительно можно сказать, что Россія пріобрѣла въ немъ новаго—г. Тимоѳеева... «Какого же это г. Тимоѳеева?»—спрашиваютъ насъ изумленные читатели: «мы не помнимъ никакого г. Тимоѳеева»... Какъ не помните? (отвѣчаемъ мы). Да того самаго, что печаталъ въ «Библіотекѣ» и пѣсни, и элегіи, и поэмы, и мистеріи... «А! мистеріи! мистеріи! теперь вспоминаемъ! эти мистеріи такъ забавляли насъ...»—хоромъ говорятъ намъ обрадовавшіеся читатели. Чтобъ еще болѣе усилить ихъ радость, напомнимъ имъ, что этотъ г. Тимоѳеевъ былъ провозглашенъ «Библіотекою» прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина, и что этотъ г. Тимоѳеевъ издалъ свои пѣсни, элегіи, поэмы и мистеріи въ четырехъ томахъ, съ своимъ портретомъ. Гдѣ теперь этотъ г. Тимоѳеевъ, или гдѣ теперь эти четыре тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоѳеева,—мы также не знаемъ, какъ не знаетъ и публика. Это горестное обстоятельство повергло-было насъ въ унылыя размышленія о суетѣ поэтической славы въ семъ треволненномъ мірѣ, о непрочности патентовъ на безсмертіе, выдаваемыхъ инымъ поэтамъ пріятельскими журналами, и о многомъ другомъ; мы готовы были даже предаться отчаянію, которое было такъ сильно, такъ сокрушительно, что чуть-было не заставило насъ пуститься отыскивать четыре безъ вѣсти пропавшіе тома съ пѣснями, элегіями, поэмами, мистеріями и портретомъ г. Тимоѳеева, или, въ случаѣ неудачи, отыскать по-крайней-мѣрѣ тѣ книжки «Библіотеки», въ которыхъ г. Тимоѳеевъ провозглашенъ былъ прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина... какъ вдругъ—о радость!—мы вспомнили о лежащихъ передъ нами трехъ тоненькихъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова, изъ которыхъ каждая такъ удобно раздѣлена на два отдѣленія, снабжена такими затѣйливыми, остроумными и глубокомысленными эпиграфами... Мы поскорѣе разрѣзали ихъ, начали перелистывать, заглянули туда-сюда (сердце говорило намъ, что насъ ожидаетъ что-то радостное)—хорошо, прекрасно, превосходно! Но, Боже великій!—это что̀ въ «Осеннихъ Цвѣтахъ»?—цѣлая поэма! Названіе ея—«Любопытный Мальчикъ»; она посвящается поэтомъ «его мальчикамъ-друзьямъ, Васин(ь)кѣ и Сережѣ»; въ ней съ мальчикомъ разговариваютъ, русскими стихами съ рифмами Соловей, Стрекоза, Волна на рѣкѣ, Цвѣтокъ... Такъ! это не поэма! предчувствіе не обмануло насъ: это—*мистерія!*.. Но далѣе—«Комета»! Слушайте:

Возсталъ съ ножемъ на брата братъ,
Вездѣ господствуетъ развратъ,
Порокъ, предательство, грабежъ,
И въ людяхъ правды нѣтъ—все ложь.

Затѣмъ «Хоръ нечистыхъ духовъ» поетъ какой-то романсъ о томъ, что золото горитъ, блеститъ, и что для сердецъ оно—магнитъ. Потомъ является

обсерваторія, а на ней астрономъ съ телескопомъ въ рукахъ. За обсерваторіей является *бѣдная крестьянская изба, мальчикъ, дѣвочка* и *старикъ*; за ними—*нечистая, мрачная и холодная комната, съ купцомъ*; далѣе—*площадь, сидѣлецъ изъ одной лавочки, сидѣлецъ изъ другой лавочки, господинъ А и господинъ Б; паяцъ изъ балагана*,—все это заключается «хоромъ небесныхъ силъ». Рѣшительная *мистерія*! Но не ею оканчивается все: есть еще *мистерія* подъ названіемъ «Талисманъ», и еще *мистерія*—«Картина», съ художникомъ,—все какъ у г. Тимоѳеева. Слѣдующая пьеса, не смотря на свою краткость и лаконизмъ, тоже принадлежитъ къ разряду мистерій:

Гордость.

„Пойду—и покорю себѣ моря и сушу,
И царства сильныя и грады, все разрушу!
Мнѣ міръ сей малъ!“ сказалъ одинъ гордецъ.
„Заутра въ бой! Пусть свѣтъ меня узнаетъ,
Я богъ! безсмертный богъ!—Юпитеръ мой отецъ!“
Сказалъ и умеръ. День свѣтаетъ.
А гдѣ онъ, тотъ *глупецъ*?

Тотъ «глупецъ» долженъ быть не кто другой, какъ Александръ Македонскій... Но не удивляйтесь, что величайшій геній и герой древности—глупецъ: таково свойство мистерій; въ нихъ умные представляются дураками, а дураки умными. Потому-то онѣ и мистеріи!

Одно только странно показалось намъ въ стихотвореніяхъ г. Демидова. Всякая поэзія есть плодъ душевныхъ силъ поэта, а душевныя силы заключаются въ движеніи, жизни, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Господинъ же Демидовъ, кажется, давно уже изжилъ всю свою жизнь и лишился всѣхъ своихъ душевныхъ силъ, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ стиховъ, разсѣянныхъ въ разныхъ его стихотвореніяхъ.

Вотъ, на-прим., что говоритъ онъ о страстяхъ, безъ которыхъ поэту нельзя писать, какъ нельзя кораблю плыть безъ вѣтра:

Я ихъ не имѣю. Уже протекли,
Исчезли лѣта молодыя,
А съ ними потухли, пропали, прошли
Желанья и страсти былыя.
Угасли мечтанья подъ гнетомъ тоски;
Но часто онѣ оживаютъ,
Въ вѣнкахъ, какъ и прежде; *но эти вѣнки*
Ужъ тлѣнье гробовъ навѣваютъ.

Или—и это еще ужаснѣе:

Увы! друзья! я юность *промоталъ*,
Я бросилъ въ грязь *алмазы вдохновеній*,
Я и *мечты* свои и *чувства* растерялъ

На пыльномъ торжествѣ суетъ и заблужденій.
Я для грядущаго въ *младенчествѣ былом*ъ
Не собиралъ, увы! ни опытовъ, ни знаній,
И нынѣ, одряхлѣвъ и *тѣломъ* и *умомъ*,
Не рву, мои друзья, плодовъ воспоминаній.
Въ пирахъ промчалася она, моя весна,
Трудъ беззаботному гулякъ былъ неве(ѣ)*домъ;*
И жизнь кончается, увы! *озарена*
Только (читай: *только*) *эпохами* межъ чаемъ и обѣдомъ.
Отъ вѣка я отсталъ (замѣтно!): чужой между своихъ,
Я въ одиночествѣ жизнь скучную кончаю,
И этихъ новыхъ жизней ихъ (*чьихъ?*)
И новыхъ думъ не понимаю.
И мнѣ былая жизнь печальна и тяжка,
Минувшіе поступки безъ значенья:
Минувшая тоска, увы! одна тоска
Чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй въ моемъ воображеньи...

Прерываемъ на минуту пьесу, чтобъ замѣтить, что два послѣдніе стиха суть весьма-удачное подражаніе двумъ стихамъ Пушкина:

Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.

Такихъ весьма-удачныхъ подражаній весьма-много въ стихотвореніяхъ г. Демидова, и притомъ подражаній не одному Пушкину, но и Дельвигу и другимъ, въ особенности же Полежаеву... Теперь кончимъ пьесу:

Хотя еще въ груди подъ *сводомъ пустоты*,
Блистаетъ огонекъ, но безъ тепла и силы;
Хотя еще и есть въ душѣ моей мечты,
Но ужь холодныя, какъ выходцы могилы.
О други! есть, *да*, есть ужасная печаль,
Ее вамъ высказать и вѣчности не станетъ
Она какъ хладная, зазубренная сталь,
Грудь бѣдную пронзаетъ и *тиранитъ*.

Но, не смотря на это по-истинѣ бѣдственное положеніе поэта, въ его стихотвореніяхъ встрѣчаются красоты вѣчныя и неумирающія. Всѣхъ ихъ не выпишешь—такъ ихъ много; но *сталь*, которая *тиранитъ* бѣдную грудь, напоминаетъ удивительную красоту въ одномъ стихотвореніи г. Демидова: ея мы не можемъ не выписать. Вотъ она:

Что имя?—звукъ, *пороховой бурак*ъ,
Волна средь волнъ, песчинка въ массѣ міра,
Мусатова *курительный* табакъ,
Или Гамлетъ великаго Шекспира!

Непонятно—и высоко: непонятно потому-что высоко, и высоко потому-что непонятно!..

Но лучше всего намъ понравились двѣ вещи во всѣхъ трехъ книжкахъ стихотвореній г. Демидова: во-первыхъ, эпиграфъ къ «Вечернимъ Досугамъ»— $0\times0=0$, что, вѣроятно, значитъ: «нуль, помноженный на нуль, даетъ въ произведеніи нуль»; во-вторыхъ, вотъ эти стихи:

Нѣтъ, нѣтъ! сегодня вдохновенье
Не озаряетъ хладный умъ;
И нѣтъ въ моемъ стихотвореньи
Ни сильныхъ чувствъ, ни новыхъ думъ!
Иди жъ въ огонь, ты, трудъ несчастный,
Дитя горбатое мое,
Да не увидитъ свѣтъ безстрастный
Въ тебѣ убожество твое!
Какъ скучно! (*Веч. Дос., стр.* 6).

Эти стихи до того намъ понравились, что мы невольно повторяли ихъ по прочтеніи каждаго изъ стихотвореній г. Демидова...

Рѣшительно, если «Библіотека для Чтенія» права, что г. Тимоѳеевъ былъ прямымъ наслѣдникомъ таланта Пушкина, то мы еще правѣе, утверждая, что г. М. Демидовъ прямой наслѣдникъ и таланта, и славы г. Тимоѳеева.

***647. Наслѣдство Комедіанта, или Имперія и Возстановленіе. (L'homme aux trois culottes).** Романъ *Поль-де-Кока.* Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Н. Греча. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 346, во II-й—353 стр.[209]).

Поль-де-Коку вздумалось, по-своему, охарактеризовать, въ романѣ, три знаменитыя эпохи французской исторіи послѣдняго времени—Республику, Имперію и Возстановленіе,—и онъ превосходно это сдѣлалъ, если смотрѣть на дѣло съ его точки зрѣнія. Впрочемъ, о содержаніи этого романа было уже говорено въ XVI томѣ «Отеч. Записокъ», въ отдѣлѣ *Иностранной Литературы* (стр. 7). Переводъ вообще сносенъ; изданіе сдѣлано по-человѣчески: бумага и печать порядочные, и, вмѣсто четырехъ тощенькихъ уродливыхъ частицъ, читатели получатъ двѣ убористо и четко-напечатанныя части, въ форматѣ, котораго длина и ширина соотвѣтственны толщинѣ. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ переводовъ романовъ Поль-де-Кока, которые еще можно брать въ руки тѣмъ, кто не можетъ читать по-французски.

***648. Сказка** объ Игнашѣ Разуваѣ, о прекрасной Людмилѣ, пріамской царевнѣ, объ алмазномъ замкѣ, о чугунномъ мостѣ, двѣнадцатиглавомъ змѣѣ и о волшебникѣ Колдоранѣ. Въ вольныхъ стихахъ. Соч. *И. Руссо.* Санктпетербургъ. Въ тип. А. Сычева. Въ 12-ю д. л. 95 стр. [210]).

Хотя нелѣпое заглавіе и типографія г. Сычева сами-по-себѣ удовлетворительно опредѣляютъ достоинство этой книжонки, однако мы все-таки вы-

пишемъ изъ нея нѣсколько *вольныхъ* стиховъ (т. е. *плохихъ*, ибо, по мнѣнію сочинителя этихъ пустяковъ, *вольные* и *плохіе* стихи—одно и то же), чтобъ читатели сами могли видѣть, каково это новое «макарьевское» произведеніе:

Время шло и шло не мало,
Лѣтъ пятнадцать миновало;
Сынъ растетъ не по годамъ,
Не по днямъ, а по часамъ,
Парень всѣмъ былъ такъ хорошъ.
Переросъ отца Игнаша,
Да ума въ немъ, *воля ваша*,
Не найдется ни на грошъ

Именно, ни на грошъ—ни въ Игнашѣ, ни во всей этой книжкѣ.

***649. Русскіе** въ доблестяхъ своихъ, въ вѣрѣ, вѣрности и въ любви своей къ престолу и отечеству. Соч. *Сергѣя Глинки*. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Сычева. Двѣ книжки. Въ 8-ю д. л. Въ I-й книжкѣ 55, во II-й—62 стр. [211]).

Предметъ и содержаніе этихъ книжекъ заслуживали бы, по своей важности, лучшей бумаги, лучшей типографіи и лучшаго изложенія. Но, по русской пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ», г. Глинка «предъявилъ» (говоря его любимымъ словомъ) какъ могъ и что могъ россійской публикѣ въ ея пользу и назиданіе. Если публика узнаетъ о существованіи этого «предъявленія», то, вѣроятно, будетъ за него благодарна усердному сочинителю; если же не узнаетъ—ловкіе книгопродавцы распродадутъ ее вмѣстѣ съ пѣсенниками и сѣренькими романами. Въ томъ и другомъ случаѣ, книга не пропадетъ.

***650. Картины Русской Живописи.** Выпускъ третій. Гравюра: Явленіе Христа Магдалинѣ, съ картины Иванова. Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 32 стр. (Цѣна каждому выпуску 50 к. сер.; при полученіи выпуска вносятся деньги за слѣдующій) [212]).

Гравюра «Явленіе Христа Магдалинѣ», приложенная при этомъ третьемъ выпускѣ «Картинъ Русской Живописи» сдѣлана превосходно. Скорбное, плачущее лицо Магдалины, на которомъ замѣтны слѣды долговременныхъ, глубокихъ страданій, и которое такъ поражало всѣхъ знатоковъ живописи въ превосходной картинѣ нашего знаменитаго художника Иванова, присланной изъ Рима нѣсколько лѣтъ назадъ,—сохранило въ гравюрѣ всѣ черты свои, всю энергію, всю прелесть. Смотря на эту гравюру, можно получить полное понятіе о высокомъ художественномъ достоинствѣ картины. Чистота и отчетливость англійской гравировки не оставляютъ ничего желать больше.

Въ третьемъ выпускѣ помѣщена статья г-на Кукольника «Русская Живописная Школа», служащая продолженіемъ первой его статьи о томъ же предметѣ, помѣщенной въ первомъ выпускѣ «Картинъ».

Выпуски четвертый и пятый, говорятъ, выйдутъ на-дняхъ. Гравюры для нихъ давно уже получены изъ Лондона.

***651. Римскіе Папы**, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе *Леопольда Ранке*. Переводъ съ нѣмецкаго. Берлинъ. 1834. Спб. Въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 480 стр. [213]).

Нельзя не порадоваться, что такое глубокое европейское сочиненіе переведено наконецъ на русскій языкъ, хотя и не вполнѣ; но нельзя тутъ же не пожалѣть, что оно переведено языкомъ тяжелымъ, неопредѣленнымъ, сбивчивымъ, иногда неправильнымъ; а издано хотя и красиво, но со множествомъ опечатокъ, съ набойчатою пестротою безъ нужды, вопреки орѳографіи, щедрою рукою насыпанныхъ прописныхъ буквъ. Однакожь спасибо и за то! Русскому, незнающему иностранныхъ языковъ, лучше прочесть такое глубокое твореніе въ какомъ-нибудь переводѣ и какъ-нибудь изданное, чѣмъ совсѣмъ не читать его. Мы поговоримъ о немъ въ отдѣлѣ критики, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

652. Денница Ново-Болгарскаго Образованія. Сочиненіе *Василія Априлова*, изданное имъ на своемъ иждивеніи въ пользу Габровскаго Училища. Часть первая. Одесса. Въ городской типографіи. 1841. Въ 8-ю д. л. 146 и XXII стр. [214]).

Цѣль этой книжки—познакомить Русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль похвальная и выполненная отчасти недурно. Въ книжкѣ есть интересные факты. Просвѣщеніе Болгаръ пока еще не отличается слишкомъ-большимъ свѣтомъ; но другъ человѣчества не можетъ непорадоваться и одному началу благаго дѣла. Въ этомъ случаѣ, вопросъ не о Болгарахъ и не о Славянахъ, а о *людяхъ*. Всѣ люди должны быть братьями людямъ. Изъ-за большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. Если эти меньшіе уже слишкомъ-малы, такъ-что едва лепечутъ кое-что, можно ихъ не слушать; но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, что, можетъ-быть, будутъ когда-нибудь и говорить? Вотъ, наприм., стихи—дѣло другое: если они плохи, имъ нечего радоваться. Если же они внушены какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ напр., признательностію,—воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ. Намъ рѣшительно не нравится «Рыданіе на смертьта Ю. И. Венелина». Вотъ для примѣра отрывокъ:

Плачете, рыдайте,
Всы болгарски чада,
Изгубихме вѣчно
Юрья Венелина,
Нашъ премудрый братъ!...
Но на вѣчный споменъ
Въ нашите сердца
Неговото име
Ще бы безсмертно
Ако и умрелъ.

Впрочемъ, и то сказать: можетъ-быть, эти стихи и хороши для людей, знакомыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи,—не споримъ.—Учитесь, учитесь, добрые, почтенные Болгары! До того же времени, постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всѣмъ славянофиламъ [215]) побольше вѣжливости и человѣчности. Кто больше интересуется литературою Франціи, Германіи и Англіи, нежели болгарскими букварями, на тѣхъ они смотрятъ, какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ Испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ, въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли еретиками. Наши Испанцы, т. е. ваши ревнители, хоть сейчасъ готовы были бы учредить инквизицію для истребленія духа европолюбія и для распространенія духа азіелюбія и обскурантизма, т. е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя) недавно напечаталъ на насъ, въ московскомъ журналѣ, именно по поводу книжки г-на Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушіи къ ученымъ государствамъ, находящимся подъ владычествомъ Турціи, и въ любви къ нѣмецкимъ гелертамъ. Прочитавъ это «предъявленіе», мы воздали хвалу Богу, что живемъ въ XIX-мъ вѣкѣ, а то сгорѣть бы намъ на кострѣ. Въ самомъ-дѣлѣ, добрые Болгары, насъ уличили въ страшномъ преступленіи: мы, видите, какъ-то сказали, что Турки—народъ, образующій собою государство, а Болгаре—только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ-то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ *историческаго права, которое есть сила*. Досталось же за это и намъ, и нѣмецкимъ гелертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ *славянскихъ* гелертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣлываться съ *русскими* литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ прійдется также избѣгать всякаго съ ними столкновенія, какъ вы избѣгаете его съ турецкими кадіями... Да! просвѣщайтесь, добрые Болгары! дай вамъ Богъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если ужь не можете безъ нихъ обходиться; только, Бога ради, берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ больше Турковъ [216]).

653. Руководство къ Изученію Русской Словесности, содержащее въ себѣ основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію краснорѣчія, піитику и краткую исторію литературы, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія *Петромъ Георгіевскимъ*. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 71, 92, 169 и 216 стр. [217]).

Въ мірѣ умственномъ такъ же есть свои аномаліи, какъ и въ физическомъ. Особенно-богата ими русская учебная литература. У насъ есть удивительная «Всеобщая Исторія», надъ которою образованные люди улыбаются вотъ уже, кажется, около двадцати, если не болѣе, лѣтъ, и которая все-таки продолжаетъ-себѣ втихомолку распложаться новыми изданіями [218]). Но особенно посчастливилось на аномаліи русской учебной литературѣ по части теорій и исторій искусствъ и литературы. Это уже даже и не аномаліи: это просто чудовища и чудища, въ сравненіи съ которыми всякое безобразіе есть красота. Какъ бы ни дурна была всеобщая исторія, все же она говоритъ о фактахъ, дѣйствительно-бывшихъ, все же изъ нея можно узнать хоть нѣсколько именъ историческихъ; все же въ ней нельзя Александра Македонскаго назвать китайскимъ императоромъ, а Перикла турецкимъ Пашою. Теорія изящнаго, напротивъ, даетъ каждому возможность говорить, что на умъ взбредетъ, называть свѣчу собакою, а луну пирогомъ—полная свобода! благо за подобныя вещи пошлинъ не берутъ, а иногда еще и деньги даютъ. Наши учебники по части теоріи и исторіи изящнаго тѣмъ уродливѣе и нелѣпѣе, что по-большей-части пишутся людьми добраго стараго времени, когда толковали только о трехъ единствахъ, о подражаніи украшенной природѣ, а въ примѣръ высокаго приводили «c'est moi» «qu'il mourût» [219]). Но еслибъ эти господа остались вѣрны своему времени, они были бы меньше смѣшны, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ ихъ совсѣмъ не читали бы, и о нихъ совсѣмъ не было бы слышно. Но вотъ горе: застигнутые врасплохъ новымъ временемъ, пережившіе уже и великую войну классицизма съ романтизмомъ,—они увидѣли себя въ горькой и тяжелой необходимости смѣшать свои старыя понятія съ новыми, признать авторитеты. Изъ этого вышла такая дикая смѣсь книгъ, что трудно и характеризовать ее; она напоминаетъ собою дикарей Океаніи, которые, вслѣдствіе вліянія на нихъ англійской цивилизаціи, стали ходить въ европейской одеждѣ, прицѣпляя сабли къ юбкамъ, надѣвая военный мундиръ безъ нижняго платья, или сапоги безъ всякой другой одежды.

Все сказанное отнюдь не должно относиться къ безподобному «Руководству» г. Георгіевскаго. Оно по истинѣ *безподобно*, ибо нѣтъ ничего подобнаго ему въ цѣломъ мірѣ. Въ немъ нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, ни старыхъ, ни новыхъ понятій. Оно составлено особеннымъ образомъ и по особенному,

неслыханному въ мірѣ источнику—по рецензіи 230 и 231 №№ «Сѣверной Пчелы» 1836 года,—какъ добродушно признается, въ предисловіи, самъ г. сочинитель этого безподобнаго руководства!... Разсмотримъ же это безподобное «Руководство къ Изученію Русской Словесности».

Разсмотримъ прежде всего заглавіе книги: оно такъ же безподобно, какъ и вся книга.

«Руководство къ изученію русской словесности, содержащее въ себѣ *основныя начала изящныхъ искусствъ, теорію краснорѣчія и краткую исторію литературы* (какой?)». Какимъ образомъ «основныя начала изящныхъ искусствъ и теорія краснорѣчія» сдѣлались «русскою словесностью»? Они должны составлять предметъ эстетики, а не русской словесности, предметъ которой, какъ самое названіе ея показываетъ, есть русское слово, русскій языкъ. Сочинитель толкуетъ въ своемъ «Руководствѣ» о *живописи, зодчествѣ*, и даже *садоводствѣ;* но теорія первыхъ двухъ искусствъ есть предметъ эстетики, а не русской словесности, а теорія садоводства есть полезное знаніе для садовниковъ, но не для учениковъ класса русской словесности.

Теперь не угодно ли взглянуть на «основныя начала изящныхъ искусствъ»? На первой страницѣ, въ выноскѣ, есть мысль, поражающая своею глубокостію и новостію. Она состоитъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, что «подъ художникомъ должно разумѣть собственно такъ называемаго художника, артиста и поэта». Хорошія мысли и другихъ невольно заставляютъ выдумывать хорошія мысли: это мы испытали на себѣ, и по примѣру г. Георгіевскаго рѣшительно утверждаемъ, что «подъ сапожникомъ должно разумѣть собственно такъ-называемаго сапожника, чеботаря и иногда башмачника». Послѣ этого интересно знать, какъ г. Георгіевскій опредѣляетъ «искусство». Слушайте! слушайте! «Подъ искусствомъ разумѣютъ способность, или *навыкъ* (!...) *посредствомъ упражненія* (!!...) производить какой-либо предметъ, по извѣстнымъ правиламъ, съ извѣстною цѣлію». Не правда ли, подъ это опредѣленіе удивительно-хорошо подходитъ искусство тачать сапоги?..

«Живопись есть искусство, представляющее предметы на гладкой поверхности посредствомъ рисовки и красокъ». Какъ хорошо это опредѣленіе схватило идею живописи! Жаль только, что оно забыло о *свѣтло-тѣни*...

«Подъ *музыкою нынѣ* разумѣютъ искусство производить и соединять звуки пріятнымъ для слуха образомъ». Если это опредѣленіе г. Георгіевскаго вѣрно, то пѣтухъ никогда не будетъ хорошимъ музыкантомъ, а соловей и канарейка—отличные музыканты.

„Говоря о природѣ, которой подражаютъ изящныя искусства, объяснимъ это слово. Природа артистовъ и *стихотворцевъ* весьма обширна; она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ *дѣйствительный*, т. е. физическій, нравственный и гражданскій, котораго мы сами составляемъ часть; потомъ міръ *исторический*, населенный великими тѣнями и великими происшествіями; далѣе міръ *баснословный*, миѳологическій, въ которомъ обитаютъ боги и герои; наконецъ міръ *идеальный*, или возможный, въ которомъ нѣтъ ни людей, ни

дѣйствій, но есть время, мѣсто, пища и обстоятельства для тѣхъ и другихъ (??!!..).—Аристофанъ осмѣивалъ Сократа при другихъ—это міръ дѣйствительный; трагедія: *Димитрій Донской* взята изъ исторіи; трагедія: *Медея* взята изъ баснословія; *Кій*, *Синавъ* и *Труворъ* взяты изъ нашихъ героическихъ, или баснословныхъ временъ. *Скупой* Плавта и *Тартюфъ* Мольера взяты изъ міра возможнаго, или идеальнаго. Вотъ то, что вообще называется для художника *природою*".

Именно то самое! Поняли ль вы тутъ хоть что-нибудь, читатели?—Мы, признаемся, ровно ничего не поняли. По нашему искреннему мнѣнію, это даже не то, что называется пустословіемъ—мы не видимъ тутъ даже желанія прикрыть фразами отсутствіе мысли; это—извините за откровенность — просто сумбуръ! Какимъ образомъ подобныя пошлости Сумарокова, какъ *Кій*, *Синавъ* и *Труворъ*, могли попасть въ книгу, систематически-разсуждающую о началахъ изящнаго? Откуда это раздѣленіе природы на четыре міра? Развѣ міръ историческій не есть міръ дѣйствительный, а міръ воображаемый? И не-уже-ли комедіи Аристофана потому взяты изъ дѣйствительнаго міра, что онъ при другихъ, а не наединѣ съ собою осмѣивалъ Сократа?... Но намъ совѣстно говорить о такихъ пустякахъ и унизительно опровергать ихъ... А между-тѣмъ вся эта толстая книга, состоящая изъ 548 страницъ въ 8-ю долю листа, биткомъ набита подобными дивами. Желая угодить всѣмъ и никого не обидѣть, сочинитель всѣхъ равно пожаловалъ въ геніи: онъ съ равнымъ уваженіемъ и равною любовію упоминаетъ о Херасковѣ и о Пушкинѣ, о Сумароковѣ и Грибоѣдовѣ, о Шекспирѣ и о г. Хмѣльницкомъ, о Вальтерѣ Скоттѣ и баронѣ Брамбеусѣ. Съ такимъ же безпристрастіемъ повторяетъ онъ, не вникая въ смыслъ, мнѣнія и Батте, и Нѣмцевъ, и «Вѣстника Европы», и «Московскаго Телеграфа», и гг. Толмачева, и Кошанскаго, и Платона съ Аристотелемъ. И все это произошло не изъ эклектическаго желанія помирить различныя ученія, а изъ того, что сочинителю всѣ мнѣнія равны, ибо онъ не взялъ себѣ въ толкъ ни одного изъ нихъ. Исполать [220])!

*654. Библіографическое извѣстіе [221]).

Всѣ литературные интересы, всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что «Мертвыя Души» оживили погруженную въ апатію современную русскую литературу. Большая часть журналовъ, по весьма-понятнымъ причинамъ *соревнованія* (ибо ихъ издатели сами романисты и нувеллисты, словомъ—«сочинители»), большая часть журналовъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ всѣ сродныя ей средства къ униженію перваго поэтическаго таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ—или просто отдаетъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей. У насъ такъ немного журналовъ, что не нужно объяснять чита-

*

телямъ, какой журналъ именно играетъ ту или другую роль въ-отношеніи къ Гоголю, который, между-тѣмъ, не читая русскихъ журналовъ, спокойно живетъ-себѣ въ Римѣ, гдѣ была написана имъ первая часть «Мертвыхъ Душъ» и гдѣ, вѣроятно, будетъ написано имъ еще не одно твореніе, долженствующее привести многихъ сочинителей въ совершенное отчаяніе, заранѣе возбуждающее самыя живыя опасенія за ихъ умственное здоровье. Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы говорили объ одной восторженной московской брошюрѣ[222]), явившейся по поводу «Мертвыхъ Душъ»: кто знаетъ, не явится ли и еще нѣсколько брошюръ pro и contra? Таково свойство всего великаго, далеко-выдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности: оно производитъ движеніе, возбуждая и обожаніе и ненависть, восторженныя рукоплесканія и ожесточенный крикъ, преувеличенныя похвалы и брань. И если что-нибудь можетъ вредить такому великому явленію въ литературѣ, такъ ужь конечно исполненное дѣтскаго энтузіазма и дѣтской добродушной искренности удивленіе, видящее въ твореніи не то великое, которое въ немъ есть дѣйствительно, а то великое, котораго въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Что же касается до ожесточенной брани,—чѣмъ неосновательнѣе она, тѣмъ болѣе служитъ въ пользу и прославленіе творенія, которое силится она унизить и загрязнить собою! «Герой Нашего Времени» Лермонтова имѣлъ замѣчательный успѣхъ, какъ все, что̀ ни появляется въ Россіи ознаменованнаго печатью высшаго таланта; но успѣхъ этого превосходнаго творенія былъ бы, безъ сомнѣнія, еще блестящѣе и прочнѣе, еслибъ не имѣлъ несчастія нигдѣ не встрѣтить себѣ ожесточенныхъ нападокъ, и еслибъ не имѣлъ несчастія встрѣтить написанную слогомъ аффишъ похвалу въ одномъ захолустьѣ газетной литературы, откуда бы и должны были раздаться хулительные вопли оскорбленной самолюбивой посредственности[223]). «Мертвыя Души» избѣжали подобнаго несчастія, и зато успѣхъ ихъ напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина. Мы здѣсь разумѣемъ не матеріальный успѣхъ, хотя и достовѣрно знаемъ, что «Мертвыхъ Душъ» скоро нельзя будетъ достать ни въ одной книжной лавкѣ, не смотря на то, что онѣ печатались въ большомъ числѣ экземпляровъ,—но успѣхъ нравственный, состоящій въ томъ, что «Мертвыя Души» со-дня-на-день болѣе и болѣе раскрываются передъ глазами публики, во всей безконечности и глубокости ихъ идеальнаго значенія, со-дня-на-день болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ себѣ почитателей и приверженцевъ даже между людьми, немогшими оцѣнить ихъ сразу, при первомъ чтеніи, и со-дня-на-день болѣе и болѣе становятся живою новостію минуты, вмѣсто того, чтобъ постепенно отступать въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ и старыхъ, потерявшихъ свой интересъ новостей... Трудитесь же, почтенные сочинители, пишите новыя брани на «Мертвыя Души» и ихъ знаменитаго творца, чтобъ выше и выше еще становились они, и безъ васъ уже высоко-ставшіе!..

Между-тѣмъ, какъ «сочинители» бранятъ «Мертвыя Души» и Гоголя, а литераторы хвалятъ ихъ и спорятъ о нихъ,—что же дѣлаетъ русская читаю-

щая публика?—То же самое, что̀ и всегда дѣлала она съ сочиненіями Гоголя. Не смотря на незрѣлость образованія нашего общества, допускающую его иногда обольщаться и увлекаться мишурными явленіями, въ немъ есть какое-то чутье, которое замѣняетъ ему недостатокъ развитія, и которое заставляетъ его окончательно становиться на сторонѣ только истинно-прекраснаго и великаго. «Вечеровъ на Хуторѣ» разошлось два изданія; «Арабесокъ» и «Миргорода» уже нигдѣ нельзя достать; передъ выходомъ, весною нынѣшняго года, втораго изданія «Ревизора», за экземпляръ перваго желавшіе имѣть его платили по 25-ти рублей ассигнаціями. И теперь, чтобъ собрать всѣ сочиненія Гоголя, даже еслибъ можно было купить ихъ по объявленнымъ цѣнамъ, нужно заплатить *сорокъ-три* рубля асс. («Вечера на Хуторѣ», «Арабески» и «Миргородъ»—каждое сочиненіе по 12-ти рублей, и новое изданіе «Ревизора» 7 рублей). Но и тутъ еще будете имѣть не все, если не пріобрѣли того года «Современника», въ которомъ напечатаны повѣсти «Носъ» и «Коляска», и драматическая сцена «Утро Дѣловаго Человѣка», да «Москвитянина» за нынѣшній годъ, гдѣ напечатанъ «Римъ».—Итакъ, спѣшимъ извѣстить русскую читающую публику, что это неудобство на-счетъ пріобрѣтенія сочиненій ея любимаго писателя скоро будетъ устранено. Къ декабрю мѣсяцу текущаго года выйдетъ собраніе сочиненій Гоголя въ *четырехъ* томахъ, красиво и изящно-изданныхъ. Въ *первый* томъ войдутъ «Вечера на Хуторѣ» въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ къ каждой, какъ было при второмъ ихъ изданіи. *Второй* томъ будетъ состоять изъ «Миргорода», въ которомъ повѣсти «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» напечатаются безъ всякихъ поправокъ и измѣненій; повѣсть «Вій» съ исправленіями, а «Тарасъ Бульба» совершенно-передѣланный чуть не вдвое обширнѣе прежняго, ибо авторъ развилъ въ немъ многія подробности, о которыхъ въ первомъ изданіи только слегка было намекнуто, какъ наприм., любовь Андрія и прекрасной Польки, и проч. Въ *третій* томъ, кромѣ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ»:—«Невскій Проспектъ», «Записки Сумасшедшаго» и «Портретъ» (послѣдняя совершенно передѣлана),—войдутъ помѣщенныя въ «Современникѣ» 1836 года повѣсти «Носъ» и «Коляска», напечатанный въ «Москвитянинѣ» эпизодическій разсказъ «Римъ», и новая, еще нигдѣ-ненапечатанная повѣсть «Шинель»—одно изъ глубочайшихъ созданій Гоголя [224]). Въ *четвертомъ* томѣ помѣстятся: «Ревизоръ», комедія въ пяти актахъ, съ новыми противъ втораго изданія поправками автора и съ письмомъ его о первомъ представленіи этой пьесы; «Женитьба», *новая комедія* въ двухъ дѣйствіяхъ, нигдѣ-ненапечатанная; драматическія сцены: «Утро Дѣловаго Человѣка» (напечатанныя въ «Современникѣ»), «Тяжба», «Лакейская Сцена», «Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», «Свѣтскія Сцены», «Игроки» (послѣднія шесть еще нигдѣ не были напечатаны).

Все изданіе заключитъ въ себѣ болѣе *ста* печатныхъ листовъ.

655. Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ [225]).

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Державинъ.

«А! это вы? насилу-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ? Здоровы ли? что новаго?»... Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ, съ книжкою «Библіотеки для Чтенія» въ рукахъ, привѣствовалъ другаго, только-что вошедшаго въ лавку, съ живостію бросившись къ нему на встрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною,— должно быть о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому-что онъ и улыбался, и смѣялся; по-временамъ съ устъ его слетали неопредѣленныя восклицанія. Онъ даже заговаривалъ со мною о погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя-тремя фразами о погодѣ, значитъ иногда нажить пріятеля и «моншера»), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ «да» и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодого человѣка, при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьею. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который показался мнѣ столь интереснымъ, что я почелъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живостію своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ-бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною важностью въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ А., а другаго господиномъ Б.

А. Что новаго?—Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ «Библіотекѣ для Чтенія»?

Б. Ахъ, да!—статью о «Мертвыхъ Душахъ». Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато, какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужь можно сказать: *писано желчью*...

А. Да, правда...

Б. Жаненъ! Рѣшительный Жаненъ!

А. Ну, ужь вотъ этого-то я и не скажу. Жаненъ—болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нынѣче

совсѣмъ не то, что́ болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что̀ болталъ вчера: но Жаненъ все таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жаненъ и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хоть и совершенно-внѣшними, и отличается *тономъ порядочныхъ людей*. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онѣ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурнаго тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такіе періоды настоящіе свинтусы*! Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобъ возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло-то въ успѣхѣ, и bien rira qui rira le dernier[225])! Осуждать такое остроуміе могутъ многіе съ большою основательностію; а острить такъ сами едва-ли могли бы, еслибъ и хотѣли.

А. По-крайней-мѣрѣ, нужна для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу,—всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали, или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надоѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи невозможно, и какъ-скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого-себя, то перестанутъ и смѣяться, начнутъ зѣвать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ «Б. для Ч.»?

А. Нисколько. Когда она не увлекается пристрастіемъ, а главное, остритъ надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно ей подъ-силу, и о чемъ серьезно не сто̀итъ сказать и двухъ-словъ,—ея рецензіи бываютъ очень-забавны. Такъ, наприм., нельзя было не улыбнуться, читая въ «Б. для Ч.» разборъ, или лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то г. Бочарова. Но когда *такое же* остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по-необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само-по-себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что ни говорите, а въ статьѣ о «Мертвыхъ Душахъ» много ѣдкости...

А. Прибавьте—безсильной, для предмета, слишкомъ-высоко въ-отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площаднаго писаки съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ «поэмами» разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ

кажется очень-плоскимъ. Разберите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что это такое?—Послушайте: «Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія...» Пока довольно; остановимся на «пыхтѣніи» рецензента. «Пыхчу» есть настоящее время глагола «пыхтѣть», который значитъ то же, что «тяжело дышать». Но послѣднее выраженіе употребляется въ-отношеніи къ людямъ, а первое въ-отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите ли: явное незнаніе русскаго языка?.. Если же слово «пыхтѣть» и употребляется въ-отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и жолчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п... Итакъ, что же хорошаго въ рецензіи, которая почти началась словомъ «пыхчу»?—Но будемъ слѣдить далѣе за «пыхтѣньемъ» аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочиненіе «поэмою»,—и вотъ онъ заставляетъ своихъ читателей, «свидѣтелей его бѣшенаго восторгу», спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозою поэмы не признаетъ «поэмою» Все это, дѣйствительно, очень-забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензіею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшенаго восторгу, отъ-того, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣру, а можетъ, и отъ смѣшной претензіи пыхтящаго рецензенту преобразовать правописаніе языку, который чуждъ ему, и котораго духу онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придирокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его, пыхтящаго рецензенту, знаетъ употребленіе родительнаго надежу и не хочетъ слѣдовать его нелѣпой орѳографіи. «Поэтъ» (восклицаетъ или «пыхтитъ» рецензентъ) «поэтъ—существо всемірное; онъ выше временъ, «пространствъ и грамматики!» Можетъ-быть, это восклицаніе, или это «пыхтѣніе» и очень-остроумно, а главное, очень-ново и оригинально; но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи «Б. для Ч.»: не она ли, вотъ уже ровно *девятый* годъ, ежемѣсячно смѣется надъ грамматикою и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ кстати подвернувшуюся ей подъ-руку, чтобъ было чѣмъ швырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо-большимъ успѣхомъ, швырялъ ею г. Гречъ въ распорядителя «Библіотеки для Чтенія». И вотъ, для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ, рецензентъ спѣшитъ употребить слово «запаховъ», какъ онъ употребляетъ слово «мозги», «мечтъ» и т. п. Въ выраженіи Гоголя: «покамѣстъ слуги управлялись и возились», онъ подчеркиваетъ слово «возились», давая тѣмъ знать, что оно, почему-то, будто-бы не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ «свидѣтелямъ его бѣшенаго восторгу». Впрочемъ, всѣхъ его *подчеркиваній* не перечтешь: они

многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ—послушайте, «Во всѣхъ словенскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носъ* имѣетъ въ родительномъ падежѣ *носа*, а *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ* имѣютъ *шуму*, *вѣтру*, *дыму*». Скажите, Бога ради: что это такое: шутка, мистификація, или просто—«пыхтѣнье»? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ, склоняются въ родительномъ падежѣ слова: *носъ*, *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ*; но какъ природный Русскій, знаю достовѣрно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда которое именно, на это нѣтъ постояннаго правила, но это слышитъ ухо природно-Русскаго, слышитъ—и никогда не обманывается. Всякій Русскій скажетъ, какъ у Гоголя: «Волосъ, вылѣзшій изъ нос*у*», и ни одинъ Русскій не скажетъ: «Волосъ, вылѣзшій изъ нос*а*». Точно также должно говорить *порывы вѣтра*, а не *порывы вѣтру*. И такъ, знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ-горя, вздумалъ перекраивать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему Русскихъ!..

Б. Однакожь, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, согласитесь, что не рецензенту же «Б. для Чт.» упрекать его въ этомъ. Я далекъ отъ того, чтобы ставить Гоголю въ защиту неправильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей [227]). Но у Гоголя есть нѣчто такое, что заставляетъ не замѣчать небрежности его языка,—есть *слогъ*. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово, или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть *слогъ*, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать такъ же не дѣло «Б. для Ч.», какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и, въ-особенности, полонизмовъ.

Б. Это совершенная правда: г. Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ—помните?... [228]) Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія всѣ выдуманы; но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставлять, что тѣмъ болѣе дивишься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что же и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?..

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога, но и противъ дурнаго тона сочиненія, такъ некстати названнаго «поэмою», противъ странной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ-себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ-половину, потому-что, какъ хочетъ «Б. для Ч.», а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ «поэма» въ приложеніи къ «Мертвымъ Душамъ», это происходитъ отъ-того, что онъ не понимаетъ значенія слово «поэма». Какъ видно изъ его намековъ, поэма непремѣнно должна воспѣвать народъ въ лицѣ ея героевъ. Можетъ-быть, «Мертвыя Души» и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними, въ этомъ отношеніи, можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальныя части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи...

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму, въ началѣ и серединѣ рецензіи... Что касается до меня лично, я *пока* готовъ принять слово «поэма», въ-отношеніи къ «Мертвымъ Душамъ», за равнозначительное слову «твореніе». Въ этомъ значеніи, всякое произведеніе поэзіи есть поэма—и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словѣ «поэма», стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень-наивно и очень-невинно силится бросить на автора не совсѣмъ-прохладную тѣнь неуваженія, будто-бы, къ русскому обществу, котораго репутація такъ дорога сердцу рецензенту, незнающаго русскаго языку и русской грамматики... Иначе, какъ же вы поймете «тонкіе» намеки рецензенту на то, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» будто-бы, «при каждомъ *неблаговидномъ* случаѣ наводитъ рѣчь на Русскихъ». Какой же этотъ «неблаговидный случай»?—Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, «зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями». Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло,—вотъ «Мертвыя Души»—я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

«Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые

бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни присмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ".

Итакъ, очевидно, что авторъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно больны чиноманіею, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ-третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чиноманію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями[229]). Судите же, послѣ этого, изъ какого *свѣтлаго* источника вытекло негодованіе незнающаго по-русски рецензента, негодованіе, которымъ такъ преисполнены эти его строки:

„Помилуйте! вскрикиваетъ *почтеннѣйшій* (гостиподворскій эпитетъ!) читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего *почтеннѣйшаго* носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *воздуховъ* (острота и грамматическая ошибка!); что вы это, съ вашимъ поэтомъ, *при каждомъ неблаговидномъ случаѣ, наводите рѣчь наРусскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете?* Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно *закрывать носъ* и глаза рукою. Если порядочные Русскіе не охотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого долженъ быть распространившійся между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый *народный порокъ*, не всеобщая спѣсь, не безразсудная гордость. *Надъ чѣмъ вы тутъ насмѣхаетесь? Куда наровите свои эпиграммы!* (не по русски!) Страсть зазнаться!..*Да чтобы по случаю Петрушки, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ повыше— это рецензентомъ выключено, а глаголъ „зазнаться" повороченъ на глаголъ „зазнаваться"!!..), *надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ въ немъ себѣ равнаго!* Но это не правда. *Вы систематически унижаете русскихъ людей.* Я (о!...) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши *зловонныя* картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе..."

Итакъ, скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о *томъ* ли, *то* ли говоритъ онъ, на что возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не «пыхтѣнье»: это что-то въ родѣ придирокъ извѣстнаго рода...

Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хорошо; но зато какъ зло, какъ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ *своего дѣла*. Но объ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а на-счетъ дурнаго тона, сальныхъ картинъ, грязныхъ изображе-

ній—что вы скажете на-счетъ всего этого? Право, « Мертвыя Души » какъ-будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожь ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурнаго тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большаго свѣта, въ этомъ случаѣ, безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ «Мертвыхъ Душъ», я узнаю того же опытнаго мастера отнять непріятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще задолго до появленія бонтонно-«пыхтящей» рецензіи. И хотя эти другіе ратовали съ тою же цѣлію и въ-слѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому-что, въ простотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шутя считаютъ неприличнымъ то, что въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличнымъ[230]). Но нашъ рецензентъ очень-хорошо понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большаго свѣта, онъ не пропуститъ случая ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество...

А. Нисколько. Франція, въ-отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожь, и тамъ центръ свѣткости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно, въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстіи и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нелѣпо было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма-обыкновенной и правдивой фразѣ, что *истинный* хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ нетербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя «большимъ свѣтомъ» и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а слѣдовательно, и дурнаго тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ «большимъ свѣтомъ», который для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ-какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышатъ они, переходитъ у нихъ въ каррикатуру: развязность и свобода высшаго общества—въ наглость, приличіе — въ чопорность, вѣжливость — въ церемонность, любезность—въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ними нерѣдко встрѣчаются прекрасныя исключенія; въ ихъ домахъ вы не найдете того, что называется «высшимъ свѣтомъ», но найдете благородный тонъ, бла-

городную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ «высшемъ свѣтѣ». Въ нихъ есть *свое*, отъ-того они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большаго свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ цѣломъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что домы, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежатъ къ тому, что называется «средними кругами»: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже и низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, сбираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но что же плоскаго и грязнаго находитъ рецензентъ у Гоголя? — Портреты Петрушки и Селифана, *запахи* (говоря его не русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно-непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что же бы сказалъ онъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... «Грязь на грязи!» восклицаетъ «почтеннѣйшій», чистоплотный рецензентъ.

Б. Однакожь, вы вѣрно не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящною эту грязь, «возведенную въ перлъ созданія», нахожу ее въ милліонъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго круга общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина быта, дома и двора Коробочки — въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о геніальномъ взмахѣ творческой кисти, потому-что каждая черта запечатлѣна типическою вѣрностью дѣйствительности и живо, осязательно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Ну, хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнію!

А. Не взыщите—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, чего бы не было въ дѣйствительности; она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, что и значитъ «возводить въ перлъ созданія». Всякая другая поэзія—пустое фантазерство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэтическаго произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но не-уже-ли же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова и тому подобныхъ героевъ и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія, есть; и авторъ совсѣмъ не думалъ своими «Мерт-

выми Душами» утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ извѣстную сферу жизни, дѣйствительно существующую—вотъ и все. Упрекать его за это—все равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонвизина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя), озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ, равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузорій, какъ-будто въ природѣ нѣтъ твореній, болѣе-благородныхъ? Сверхъ того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенныя Гоголемъ, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличиваютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невѣжественности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра-Великаго прошло только 116, а не 300 лѣтъ. Не-уже-ли въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы только въ другомъ платьѣ; во Франціи и въ Англіи они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на *свободныхъ* парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественною искрою въ душѣ вездѣ рѣдки,—и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями и такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя въ правѣ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ: *свинтусъ*, *скотоводъ*, *подлецъ*, *остюкъ*, *чортъ знаетъ*, *нагадить* и тому подобныя—такія слова видѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому говорить не странно?.. Но авторъ «Мертвыхъ Душъ» нигдѣ не говоритъ самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ, сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка; а Ноздревъ —языкомъ *историческаго человѣка*, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картежныхъ продѣлокъ. Не заставить же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что же касается до слова «подлецъ», авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: *воръ*, *разбойникъ*, *плутъ*, *взяточникъ*, *казнокрадъ*, *завистникъ*, *лжецъ*, *клеветникъ*, и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличнаго въ словѣ *подлецъ*, и чѣмъ оно непристойнѣе, на-примѣръ, словъ *предатель*, *низкопоклонникъ*, и проч. Дѣло не въ *словѣ*, а въ *тонѣ*, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говорятъ все вѣжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія выраженія, за которыя выводятъ подъ руки изъ собраній; а порядочный человѣкъ выражается рѣзко,

называетъ вещи ихъ настоящими словами—*вонь вонью*, *подлеца подлецомъ*, и между тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона. Правда Гоголь иногда касается такихъ сторонъ общественности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для слуха, и для взора; но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а «возводитъ ее въ перлъ созданія», какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, не смотря на свою силу, цѣпкость и глубокость, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ тайною великаго таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, пріобрѣсти себѣ большее число читателей? Гдѣ, укажите, рисуетъ онъ грязь для грязи, по страсти къ цинизму—замашка, довольно-любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ не въ-попадъ, такъ натянуто, вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ—это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ походящаго на Поль-де-Кока, по-крайней-мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это—баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русской грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блестки внѣшняго, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно подкрѣпить фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя «Фантастическія Путешествія» какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся-было на нихъ сначала слишкомъ-горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому,—то вамъ стоитъ только перелистовать ихъ, чтобъ передъ вами возникла цѣлая галерея картинъ, одна другой неумытѣе, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе «запахи» должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати —со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы[231]). Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки на счетъ критики «Б. для Ч.» Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, «закрывать рукою» вашъ «почтеннѣйшій» носъ; я только напомню вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Этну къ антиподамъ и попадается прямо въ антрапа танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ, за это, кусаетъ ее за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ (1)...

(1) „Фант. Пут. барона Брамбеуса“ стр. 307—309.

Что—хорошо?.. А его чистоплотные разсказы о «тихомъ, роскошномъ, пуховомъ тѣльцѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ» (2); о «свѣтлой похотливой кожѣ преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухленькихъ грудей и плечъ» (3); о «постели двухъ юныхъ любовниковъ, только-что оставленной ими по утру въ живописномъ безпорядкѣ, еще дышащей волканическою теплотою ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ любви» (4); о душѣ пустынника, «забирающейся за пестрые прозрачные платочки его слушательницъ, чтобъ играть съ ихъ бѣленькою грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ» (5); о «бѣлой, *жирной* ножкѣ мандаринши», на которой «влюбленныя насѣкомыя (т. е. блохи) утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ» и которыхъ мандаринша должна была «всякій вечеръ ловить у себя подъ рубашкою» (6). Какъ вы думаете: вѣдь право недурно?... Да то ли еще есть у «почтеннѣйшаго» барона! Вспомните-ка его «Большой выходъ Сатаны», гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ сѣдалищѣ, вслѣдствіе оплеухи, данной ему сатаною... А тонъ, выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости! Напримѣръ: «Если есть счастіе на свѣтѣ, то не индѣ, какъ въ шараварахъ» (7); или: «иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150,000 годоваго дохода» (8); или: «если бъ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе» (9); или: «Льстецы, видя только *задъ* души въ глазахъ сильныхъ людей, не разбираютъ и лобызаютъ все, что имъ ни выставишь» (10)... Помните ли его статью «Юная Словесность», гдѣ *юная словесность* лѣзетъ къ нашему барону въ домъ «шумитъ, *безчинствуетъ*, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность счастія» (11)? Баронъ объявляетъ читателямъ, что у него есть баронесса, «образующая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человѣчества», которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній «юной словесности», для чего и «пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ». Юная словесность «стрѣляетъ раскаленными ядрами по бастіону супружества»; потомъ «бусурманка (т. е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ». Баронъ пыхтитъ и кричитъ: «Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ахъ, *распутница!*» Баронесса «срывается ночью

(2) „Биб. для Чтенія“ 1834 г., т. I, стр. 4—5.
(3) Ibid, стр. 61.
(4) „Фант. Пут.“ стр. 199.
(5) „Новоселье“, ч. II, стр. 217—218.
(6) Ibid. стр. 168.
(7) „Новоселье“, ч. II, стр. 204.
(8) „Биб. для Чтенія“, т. I, отд. I. стр. 97.
(9) „Новоселье“, ч. II, стр. 146.
(10) Ibid. стр. 148.
(11) „Биб. для Чтенія“, т. III, отд. I, стр. 54—59.

съ постели»; «повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень», а *юная словесность* «вся запачканная кровью, *пыхтитъ* и качается въ своей грязной лужѣ» и проч. Право, хорошо! Что жь не смѣетесь, не хохочете, или, по-крайней-мѣрѣ, не пыхтите отъ восторгу?.. Что жь вы не восклицаете: «какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины»?.. Что такое исторія, какъ наука?—«Жеманная и придирная баба» (12)... Что такое историческій романъ?—«Плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія исторіи съ воображеніемъ» (13)... Что такое сочинитель «Мазепы» (плохаго романа, теперь забытаго)?—«Наѣздникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ кинжаломъ» (14)... Теперь, не угодно ли полюбоваться философическими афоризмами столько же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона?—«Воздухъ есть сухая вода» (15); «камень, гранитъ—тоже жидкость, но которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами» (16); «Земная планета—атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка» (17)... «Что такое я самъ?» спрашиваетъ баронъ, и тотчасъ весьма-удовлетворительно рѣшаетъ этотъ любопытный вопросъ: «Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образцу, зажженной внутри искрою небеснаго огня» (18)... Не хотите ли образчика баронскаго слогу — «Эта бѣдная Зенеида... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще *борющаяся* съ волнами страшнаго хаоса и *въ лицѣ погибели* (?) *хватающаяся* за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастія; уже *смолола ея существованіе въ своей пасти*, и бросила *его* (?) *безъ всякой доски* въ *омутъ* домашняго насилія» (19)... Хорошо!.. Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ этихъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень-любопытна, и если не пыхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ попыхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензенговъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, что я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается «Фантастическими Путешествіями», «Новосельемъ» и тремя первыми томами «Биб. для Чтенія» за 1834 годъ... Слышите ли: *только!* Сколько же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать прелюбопытную исторію русской литературы!..

---

(12) Ibid. Т. II, отд. V, стр, 42.
(13) Ibid. стр. 14.
(14) Ibid. стр. 44.
(15) „Биб. для Чтенія“, т. II, отд. I, стр. 145.
(16) Ibid, стр. 146.
(17) Ibid.
(18) Ibid. стр. 146.
(19) Ibid. стр. 161.

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ пищу для споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора—пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась—не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могли думать, будто не найдется человѣка, который растолковалъ бы ей, что у нея подъ рукой есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе-годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха «Мертвыхъ Душъ» не остановить ей, пыхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязности и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усилія, безсильные извороты! Этакъ можно объяснять развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь «Библіотеки для Чтенія», которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, и теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался напомнить о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованіемъ о «Дѣвѣ Чудной» (публика отъ «Дѣвы» заснула, а о баронѣ не вспомнила); а «Библіотека» быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ темной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче, какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергіи пыхтящей рецензіи... Въ-самомъ-дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатавъ его половину, размануть имъ вниманіе публики, но, увы!—публика уже не та! Съ-тѣхъ-поръ, какъ «Б. для Ч.» успѣла ей наскучить этою мудростью, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который удивляетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя однѣми и тѣми же шуточками,—съ-тѣхъ-поръ публика прочла «Капитанскую Дочку» и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ «Ревизоромъ», заучила наизустъ стихи Лермонтова, и много разъ перечла его «Героя Нашего Времени»... Какой шагъ впередъ? Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Дѣвы Чудной» и назвала ее «дѣвою скучною»?.. Что дѣлать барону? — Тщетно «Библіотека для Чтенія» громко провозгласила г. Кукольника геніемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда г. Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя, не опасныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины де Вальероль», ни «Двухъ Призраковъ», ни «Альфа и Альдоны»; а на-расхватъ раскупила «Мертвыя Души»—произведеніе писателя, о которомъ если «Б. для Ч.» и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ нѣкогда публика забыла «Большой Выходъ Сатаны» и не прочла «Похожденій Одной Ревижской Души», потому-что сильно заинтересовалась какою-то повѣстью о *ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*... Постой же, мы его!.. И вотъ является пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо

«нечистоплотнымъ твореніемъ», глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ—плоскостью, благородное сознаніе поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ *родной* ему *русской* литературѣ—бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ, изношенномъ видѣ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающейся мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю это salto mortale критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ нелюбопытный до многаго, что дѣлается въ русской литературѣ); поэтому, естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я впрочемъ радъ этому разговору. Я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С*** и къ Л***, и буду съ ними спорить противъ «Б. для Ч.» за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что статья. Говорить можно все, а вотъ еслибъ вы напечатали статью, гдѣ бы также смѣло опровергали рецензію «Б. для Ч.», какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала «Мертвыя Души» и Гоголя: тогда другое дѣло! Однакожь я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ «Библіотекою». Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднѣе, по-крайней-мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей какъ вы,—и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но, пора обѣдать. Прощайте[232]).

656. Русскій театръ въ Петербургѣ [233]).

Производительный геній нашихъ доморощенныхъ драматурговъ наконецъ совсѣмъ истощился. Даже публика Александринскаго Театра—эта самая довольная и невзыскательная изъ всѣхъ публикъ въ мірѣ—наконецъ начинаетъ понимать, что «на своихъ не далеко уѣдешь». Что жь тутъ дѣлать, особенно бѣднымъ бенефиціянтамъ?—Съ горя, они рѣшились на поступокъ отчаянный: ставить на сцену старыя пьесы, снова тормошить ветхія кости покойника-классицизма. Публика Александринскаго Театра, тоже съ горя, рѣшилась смотрѣть эти пьесы, которыя, впрочемъ, для нея совершенная новость, и которыя скоро ей наскучатъ не хуже самодѣльныхъ и передѣльныхъ водевилей, какъ-скоро она къ нимъ попримотрится... Боже мой! какъ быстро все идетъ на Руси! Давно ли, кажется, владычествовалъ въ нашей литературѣ и на нашей сценѣ французскій псевдо-классицизмъ! Давно ли кончились ожесточенные бои

за романтизмъ противъ классицизма, и за классицизмъ противъ романтизма! И вотъ уже на пьесы Расина и Мольера смотрятъ въ театрѣ, какъ на пьесы новыя, о которыхъ только журналисты и литераторы знаютъ, что онѣ старыя. Впрочемъ, причиною этого не одинъ быстрый ходъ потока мнѣній, но и невинное незнаніе всего, что дѣлалось вчера и чего уже не дѣлается нынѣ. Публика Александринскаго Театра—особая публика, подобной которой не найдти ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Это публика безъ преданій, безъ корня и почвы: она составляется или изъ того временно-набѣгающаго на Петербургъ народонаселенія, которое сегодня здѣсь, а завтра Богъ-знаетъ гдѣ, или изъ того дѣльнаго люда, который ходитъ въ театръ отдохнуть отъ протоколовъ и отношеній, и которому, послѣ канцелярскаго слога, лучше всего на свѣтѣ слогъ «Сѣверной Пчелы», юморъ «Библіотеки для Чтенія» и тонкая игра водевильнаго остроумія. Гдѣ жь всѣмъ этимъ людямъ помнить, что было назадъ тому лѣтъ двадцать? Итакъ, давайте имъ не только Расина и Мольера, но даже и «Волшебный Носъ» г. Писарева: пока для нашего дѣловаго люда это будетъ ново, онъ останется всѣмъ этимъ очень-доволенъ, и будетъ съ важностію разсуждать, отъ-чего «Ифигенія въ Авлидѣ» такъ хороша, а между-тѣмъ клонитъ ко сну...

Итакъ, пересмотримъ сперва старыя «возобновленныя» пьесы, а отъ нихъ обратимся къ новой самодѣльщинѣ, передѣльщинѣ и переводамъ съ французскаго.

Ифигенія въ Авлидѣ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Расина*, переводъ *М. Лобанова.*

Какая знаменитая трагедія—эта «Ифигенія»! Какое великое имя—этотъ Расинъ! Герои, цари, жрецы, полководцы, паперсники, паперсницы, вѣстники, александрійскіе стихи, важная выступка, пѣвучая декламація—все это чудо, прелесть, очарованіе! И если мы во всемъ этомъ не видимъ натуры, смысла, толка, страстей, чувствъ, мысли, поэзіи—виноватъ не Расинъ, а нашъ современный вкусъ, развращенный, сбитый съ истиннаго пути поэтами новаго времени, которые увидѣли высочайшій идеалъ искусства въ пьяномъ дикарѣ Шекспирѣ. И Буало былъ правъ, говоря Расину: «пиши—я ручаюсь за потомство!» Почему же Буало могъ знать, что вкусъ потомства такъ исказится, сдѣлается до того нелѣпымъ, что потребуетъ отъ поэзіи истины, вдохновенія, чувства, идеи, дѣйствительности? Почему же могъ знать Расинъ, что Буало ошибется, думая, что «потомство» вѣчно будетъ ходить въ пудреныхъ парикахъ, въ фижмахъ, въ шитыхъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками? — Мы, съ своей стороны, тоже не виноваты, что вѣкъ маркизовъ-меценатовъ давно прошелъ, и что, не губя своей репутаціи честнаго человѣка, нельзя уже надѣть ничьей ливреи, чтобы сподобиться блаженства сѣсть на нижнемъ концѣ стола знатнаго барина, и за это писать его женѣ мадригалы, а сму поздравительные стихи въ

высокоторжественный день именинъ его.—Итакъ, всѣ правы—и Расинъ, который писалъ такія прекрасныя трагедіи, и Буало, который такъ громко хвалилъ ихъ, и г. Лобановъ, который такъ мило переводилъ ихъ, и мы, которые такъ протяжно зѣваемъ отъ нихъ и такъ крѣпко спимъ послѣ нихъ.

Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы, по поводу изданной г. Поляковымъ «Физіологіи Влюбленнаго», удивлялись похвальному самолюбію русскаго человѣка, который ни въ чемъ не хочетъ уступить ни Нѣмцу, ни Французу, и который сейчасъ же, съ топоромъ и скобелью, не только сдѣлаетъ то же, что̀ другіе дѣлаютъ посредствомъ машинъ, но еще и норовитъ выдать свое издѣліе за нѣмецкое или французское. Одинъ изъ бенефиціянтовъ Александринскаго Театра, узнавъ (изъ «Репертуара» г. Песоцкаго), что на французскомъ театрѣ Расинъ снова въ страшномъ ходу, не задумался нисколько воскресить на сценѣ Александринскаго Театра изящные переводы г. Лобанова и поставилъ въ свой бенефисъ «Ифигенію въ Авлидѣ». Онъ даже пріискалъ для этого и свою, доморощенную mademoiselle Rachel, которая къ парижской относится точно такъ же, какъ переводные стихи г. Лобанова къ оригинальнымъ стихамъ Расина, стихамъ звучнымъ, плавнымъ, гармоническимъ, а мѣстами и поэтическимъ, писаннымъ языкомъ свѣтскимъ, безъ усѣченій, безъ «пінтическихъ вольностей», безъ «сихъ» и «оныхъ», безъ «токовъ слезныхъ», и безъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Куда, родитель мой, стремительно спѣшишь?
Ужель отрадныхъ дочь объятій ты лишишь?

Вообще, постановка или возстановка подобныхъ допотопныхъ рѣдкостей очень-забавна, заставляя однихъ хвалить ихъ зѣвая, другихъ—принимать ихъ за водевили и за оперы, гдѣ все сплошь поютъ; но жаль, что она положительно вредна, даже губительна для молодыхъ сценическихъ артистовъ, ибо портитъ ихъ дикцію и жестикуляцію, пріучая ихъ и говорить и двигаться не по-человѣчески. Отъ классическихъ пьесъ пострадало уже на Руси не одно замѣчательное дарованіе, и только немногіе могучіе таланты, воспитанные на классическихъ трагедіяхъ, могли освободиться, и то не безъ утраты силъ, отъ манерности и бездушной однообразности въ игрѣ. Впрочемъ, это нисколько не относится къ превосходному таланту Александринскаго Театра—г. Толченову 1-му, который, въ роли Агамемнона, былъ, по своему обыкновенію, неподражаемо-хорошъ. Будь у насъ такихъ талантовъ съ дюжину—и Расинъ, Корнель, Вольтеръ воскресли бы на Руси еще лучше, чѣмъ въ Парижѣ [234])!

Школа Женщинъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Мольера*, переводъ *П. И. Хмѣльницкаго.*

Критика на «Школу Женщинъ». Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Мольера*, переводъ съ французскаго *Г. Н. П.*

Вотъ, что̀ касается до возобновленія Мольера на тощей сценѣ русскаго театра,—это другое дѣло! Ужь, конечно, смотрѣть комедію Мольера—болѣе умное и благородное занятіе, нежели отхлопывать себѣ руки и кричать безъ умолку при грубыхъ двусмысленностяхъ самодѣльныхъ, передѣльныхъ и переводныхъ водевилей, или при патетическихъ сценахъ топорной работы самодѣльныхъ и передѣльныхъ драмъ... Правда, Мольеръ, какъ сатирическій живописецъ нравовъ чуждаго намъ общества и далекой отъ насъ эпохи, можетъ существовать для насъ только какъ фактъ исторіи ново-европейской литературы, на сценѣ же не имѣетъ для насъ никакого значенія, никакого смысла; но, повторяемъ, лучше же что-нибудь дѣльное въ какомъ бы то̀ ни было отношеніи, чѣмъ рѣшительно-бездѣльное во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мольеръ былъ человѣкъ съ огромнымъ талантомъ; но, при сужденіи о немъ, надо знать, въ чемъ заключался этотъ талантъ, въ чемъ его значеніе, и гдѣ его границы и мѣсто. Французы безъ дальнихъ околичностей говорятъ и пишутъ: «Шекспиръ и Мольеръ! Мольеръ и Шекспиръ!», какъ-будто это два родные брата, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихъ родство самое дальнее. Мольеръ не былъ то, что̀ называется «художникомъ»: его комедіи не произведенія строгаго искусства; въ нихъ нѣтъ никакихъ неумирающихъ, вѣчныхъ красотъ; но имя Мольера тѣмъ не менѣе велико и почтенно, а его комедіи любезны и дороги для патріотическаго чувства Французовъ. И если Французы не правы въ томъ, что не по достоинству превозносятъ Мольера и дерзаютъ, въ слѣпотѣ національной гордости и эстетической ограниченности, ставить его наравнѣ съ тѣмъ, кто такъ же не имѣетъ себѣ равнаго между поэтами, какъ нашъ Петръ между царями—съ Шекспиромъ, то все-таки Французы правы въ своей любви, въ своей признательной памяти къ Мольеру, неохлажденныхъ ни общественныхъ измѣненіемъ, ни успѣхами новой своей литературы. Да, они правы, забывъ Корнеля и Расина, и помня Мольера. Мольеръ былъ воспитателемъ французскаго общества, въ самый интересный моментъ его развитія, когда оно, при Лудовикѣ XIV, окончательно разставшись съ грубыми формами среднихъ вѣковъ, начало новую жизнь—жизнь ума, анализа, критики. Комедіи Мольера—сатиры въ драматической формѣ, сатиры, въ которыхъ рѣзкое, остроумное перо его предавало на публичный позоръ невѣжество, глупость и подлость. И потому, въ его комедіяхъ нечего искать творческой концепціи, глубоко задуманныхъ характеровъ; потому, въ нихъ мало дѣйствія, ходъ неестественъ, а развязка похожа на обыкновенные coups de théâtre; потому же, въ нихъ являются такъ однообразно и благородные отцы, и резонёры и, вездѣ и всегда, любовники, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другаго. Дѣйствующія лица комедій Мольера—олицетворенные пороки и добродѣтели, а

самыя комедіи—варьяціи на извѣстныя нравственныя тэмы. Но въ чемъ посредственность бываетъ просто отвратительна, въ томъ самомъ геній часто находитъ для себя удобныя средства для выполненія благихъ цѣлей: комедіи Мольера, не смотря на недостатки, условливаемые самою сущностію ихъ, какъ драматическихъ сатиръ, не суть холодныя аллегоріи, но живыя бельлетрическія произведенія, нерѣдко блещущія искрами поэтическаго вдохновенія. Онѣ имѣли сильное вліяніе на современниковъ, слѣдовательно, имѣютъ историческое значеніе. Человѣкъ, который могъ страшно поразить, передъ лицомъ лицемѣрнаго общества, ядовитую гидру ханжества—великій человѣкъ! Творецъ «Тартюфа» не можетъ быть забытъ! Прибавьте къ этому поэтическое богатство разговорнаго французскаго языка, которымъ преисполнены комедіи Мольера; вспомните, что многіе выраженія и стихи изъ комедій Мольера обратились въ пословицы,—и вы поймете признательный энтузіазмъ Французовъ къ Мольеру. Присовокупите къ этому еще его поэтическую судьбу, его благородный характеръ. Но опять-таки, вѣчныхъ безотносительныхъ и безусловныхъ красокъ въ комедіяхъ Мольера нѣтъ. Его поэзія принадлежитъ не къ чистохудожественной сферѣ; онъ былъ поэтъ соціальный въ духѣ своего времени,—а его время, надо сказать, было крайне-неблагопріятно для поэзіи, которая, помня свое божественное происхожденіе, не любитъ ливреи. Комедіи Мольера если еще и могутъ даваться теперь, то не иначе, какъ для публики самой образованной, которая приходила бы въ театръ смотрѣть не просто комедію, но *историческую* комедію, приходила бы видѣть воскресшимъ передъ своими глазами давно-умершее общество, съ его вѣрованіями, нравственными началами, съ его пороками и добродѣтелями, словомъ, со всѣми особенностями его существованія—отъ образа мыслей до костюма. Но у насъ, что прикажете у насъ дѣлать Мольеру? Развѣ *смѣшить* праздную толпу?..

Что мы сказали вообще о недостаткахъ *рода* комедій Мольера, то особенно выразилось въ «Школѣ Женщинъ». Вся завязка основана на томъ, что одинъ человѣкъ носитъ два имени, и потому невольно дѣлается повѣреннымъ юноши, который знаетъ его только подъ однимъ именемъ и который влюбленъ въ его невѣсту. Дѣйствіе происходитъ на улицѣ, и притомъ ночью. Развязка дѣлается чрезъ то, что называлось у древнихъ deus ex machina. Гдѣ жь тутъ комедія, гдѣ тутъ характеры? И, не смотря на то, тутъ много комическаго, много вѣрнаго въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Цѣль комедіи самая человѣческая—доказать, что сердца женщины нельзя привязать къ себѣ тиранствомъ, и что любовь—лучшій учитель женщины. Какое благородное вліяніе должны были имѣть на общество такія комедіи, если ихъ писалъ такой человѣкъ, какъ Мольеръ!.. О вы, обожаемые мною самородные и доморощенные русскіе драматурги! Читая Мольера, потрудитесь отдѣлить въ немъ отъ всего прочаго его общее, идеальное значеніе, и, оставя безъ вниманія все, принадлежащее странѣ и времени, постарайтесь подражать ему въ томъ, что равно присущно всѣмъ странамъ и всякому времени!.. Тогда, можетъ-быть, вы

перестанете ставить на сцену такія пьесы, въ которыхъ нѣтъ никакой страны, никакого времени, никакой цѣли и никакого... смысла, въ которыхъ изображается не то, что̀ есть, или что можетъ быть, но то, чего и нѣтъ, и не было, и никогда быть не можетъ!..

Критика на «Школу Женщинъ» есть не что иное, какъ литературный споръ о «Школѣ Женщинъ», завязавшійся въ салонѣ. Это—пьеса, явно написанная на случай, пьеса, которая въ свое время могла имѣть важное значеніе, но теперь, кромѣ книжнаго и историческаго, никакого значенія имѣть не можетъ, особенно на сценѣ. Богъ-знаетъ, для чего ее дали! Въ этомъ разговорѣ особенно замѣчательно, что за̀живо задѣтое самолюбіе завистниковъ, глупцовъ, невѣждъ и негодяевъ особенно нападало на комедію Мольера за дурной тонъ и неприличныя слова и выраженія... Люди всегда одни и тѣ же!.

Волшебный Носъ, или Талисманъ и Финики. Волшебная опера-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *А. Н. Писаревымъ*.

Покойный Писаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дарованій, которыя очень-сильны въ мелочахъ,—обстоятельство, которое, вѣроятно, и причиною того, что онъ теперь забытъ. Не смотря на это, всѣ наши теперешніе водевилисты, вмѣстѣ взятые, не стоятъ одного Писарева. Вотъ какъ ненадежно на Руси безсмертіе водевилиста! Кстати замѣтить, что можно было бы возобновить изъ сочиненій Писарева что-нибудь получше этого фарса, забытаго назадъ тому лѣтъ пятнадцать, считая со дня его перваго появленія на московской сценѣ.

Мать-Испанка. Драматическое представленіе въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. *Н. А. Полеваго*.

Когда за дѣло берется мастеръ, дѣло выходитъ хорошо. Бенефисныя пьесы обыкновенно пишутся для привлеченія большой толпы въ театръ—цѣль, для которой сочинители не щадятъ эффектовъ ни въ сюжетѣ, ни даже въ заглавіи пьесъ. О сюжетѣ сейчасъ; но сперва полюбуйтесь названіемъ пьесы: «Мать-Испанка». Не правда ли, у васъ сейчасъ возникаютъ въ воображеніи кинжалы, яды, убійства, самоубійства? Ну, ка̀къ не идти въ театръ! Но постойте—это еще не все. Пьеса, или *драматическое представленіе* (Вильямъ Шекспиръ и г. Полевой никогда не называютъ своихъ драматическихъ опытовъ ни драмами, ни трагедіями, но всегда «драматическими представленіями»—привилегія геніевъ!) состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое носитъ особенное названіе: 1-е—«Андалузская Роза», 2-е—«Тайна матери», 3-е—«Судъ Совѣсти»! Бѣгите, скачите, спѣшите достать билетъ! Но постойте—еще слово: не все! не все! Слушайте: *г-жа Дюръ и г. Смир-*

новъ 2-й танцовать будутъ менуэтъ! Эти слова читатель слышитъ уже на дорогѣ къ театру, пыль взвилась—и онъ уже не слышитъ насъ, летя стремглавъ... Подлинно, *дѣло мастера боится!..*

Филиппъ IV, король испанскій, влюбляется въ дочь герцогини Медина-Сидоніа до того, что хочетъ на ней тайно обвѣнчаться, отнявъ ее у жениха. Герцогиня объявляетъ королю, что ея дочь—сестра его, плодъ любви ея съ отцомъ короля. Послѣ разныхъ колебаній между любовью и ревностью, король прощаетъ жениха своей возлюбленной, обнажившаго шпагу на королевскаго любимца, велитъ ему сейчасъ же обвѣнчаться съ дочерью герцогини и сейчасъ же ѣхать въ Индію, куда назначаетъ его вицероемъ. Тогда герцогиня объявляетъ королю, что она солгала ему, для спасенія дочери отъ несчастія, а его, короля, отъ преступленія. Король прощаетъ ее, и дѣло оканчивается благополучно.

Все это очень-хорошо; но худо одно—что эта мать-Испанка такъ же похожа на Испанку, какъ и на Шведку, и на Нѣмку, какъ на женщину всякой другой націи; вся пьеса проникнута чѣмъ-то въ родѣ... не то дѣтскости, не то старчества: все въ ней дѣлается *по щучьему велѣнью, по моему прошенью*... Короля пожираетъ злойная страсть, которую онъ побѣждаетъ, и этого самого короля водитъ за носъ негодяй Оливарецъ, котораго сочинитель представилъ шутомъ и плутомъ: несообразность! Потомъ сочинитель заставляетъ двухъ шутовъ и дураковъ представлять, одного—каммергера, другаго—французскаго посла, и, по его волѣ, они должны вести между собою разговоры, нисколько неотносящіеся къ пьесѣ и до того исполненные дурнаго тона, что этихъ двухъ господъ скорѣе можно принять за истопниковъ, нежели за придворныхъ: еще несообразность! Испанскій дворъ напоминаетъ собою гостей Сквозника-Дмухановскаго, въ пятомъ актѣ «Ревизора»: третья несообразность! Во всей пьесѣ испанскаго нѣтъ ничего, кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ. Характеры... но кто же и требуетъ характеровъ отъ бенефисныхъ пьесъ, и притомъ уже извѣстныхъ сочинителей? Отсутствіе характеровъ въ этомъ «драматическомъ представленіи» очень-удачно вознагражденo *менуэтомъ*, а пьеса спасена отъ преждевременной смерти искусною игрою г. Каратыгина.

657. Литературныя и журнальныя замѣтки [235]).

Всѣ согласны, что русская литература довольно-небогата, такъ-что охотникамъ до русскихъ книгъ просто нечего читать, если они хотятъ читать только одно хорошее. Въ 1840 году вышелъ «Герой Нашего Времени», а въ 1842 году вышли «Мертвыя Души». Если включить сюда пять-шесть повѣстей въ журналахъ и альманахахъ—вотъ и все по части прозы.. Кто будетъ спорить, что для прочтенія *всего этого* немного нужно времени? Въ 1840 году вышли стихотворенія Лермонтова, а въ 1841—42 году, отъ дня смерти поэта почти до настоящей минуты, напечатаны въ «Отеч. Запискахъ», кромѣ

небольшихъ пьесъ, отрывки изъ «Демона» и поэма «Бояринъ Орша»; если включить сюда вышедшія въ нынѣшнемъ году стихотворенія г. Майкова, да еще пять-шесть стихотворныхъ пьесъ, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, вотъ и все,—что̀ явилось примѣчательнаго по части стиховъ въ послѣдніе два года!.. Опять никто не будетъ спорить, что для прочтенія *всего этого* нужно слишкомъ-мало времени... Репертуаръ русской сцены—эта арена гг. Кукольника, Полеваго, Ободовскаго, Коровкина, Соколова и многихъ другихъ,—репертуаръ русской сцены представляетъ собою то засохшее поле, на которомъ ни былинки, то, послѣ долгихъ проливныхъ дождей, покрытую грибами и дождевиками поляну... Вообще, наша драматическая литература хуже всякой другой нашей литературы; о ней не стоило бы даже и говорить. Но все это дѣло весьма-поправимое, и притомъ легко-поправимое. Удивляемся, какъ никому не пришло въ голову этого простаго средства, и только одна «Сѣверная Пчела» могла придумать его. Въ 42 № этой газеты напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

«Хладнокровіе къ русской литературѣ и русскимъ художествамъ, грѣхъ противу русской народности, слѣдовательно и противу патріотизма. Вы скажете намъ: да виноваты ли мы, что за границею пишутъ лучше (*чѣмъ—гдѣ?*), что водевили Скриба лучше нашихъ, что драмы Дюма и Виктора Гюго занимательнѣе (*чего?*), что романы Евгенія Сю, Бальзака и Жоржъ Зандъ превосходнѣе (*чего?*), что Les Français peints par eux-mêmes лучше *Нашихъ?*.. Быть можетъ, не споримъ. Но если въ годовыхъ своихъ расходахъ вы полагаете тысячу рублей на вистъ и тысячу рублей на непредвидимыя мелкія издержки, опредѣлите, *пожалуйста*, хотя *пятьсотъ рублей на русскія книги! Не читайте сами, если онѣ вамъ не нравятся, но отсылайте каждую зиму въ деревню, въ вашу деревенскую библіотеку. Пусть онѣ лежатъ тамъ спокойно.* Придетъ время, и вашъ потомокъ воздастъ вамъ за это честь и хвалу!—*Вамъ скучно въ русскомъ театрѣ—нѣтъ нужды! появляйтесь тамъ въ представленіе каждой новой русской пьесы, особенно оригинальной—это принесетъ большую пользу искусству!* Піесы пишутся по публикѣ, и когда люди высшаго вкуса и образованія станутъ появляться въ русскомъ театрѣ, піесы будутъ изящнѣе».

Какъ жаль, что подъ этою прекрасною статьею не подписано имени ея сочинителя, которое, такимъ образомъ, не перейдетъ въ потомство и не пріобрѣтетъ заслуженнаго имъ безсмертія! Какой проектъ, Боже мой, какой проектъ! Какъ онъ простъ и удобоисполнимъ! А между-тѣмъ какіе великіе результаты должны изъ него выйдти! Литература процвѣтетъ, т. е. потомки прочтутъ книги, которыя не стоили вниманія современниковъ, и будутъ обязаны живѣйшею благодарностію собирателямъ этихъ драгоцѣнныхъ библіотекъ... Увидя, что и высшее общество ѣздитъ зѣвать и спать на представленія новыхъ русскихъ, особенно оригинальныхъ пьесъ,—наши драматурги вдругъ пріобрѣтутъ и талантъ, и вкусъ, и умъ, и чувство приличія, и знаніе жизни, словомъ, все, чего они съ такою истинно-достойною удивленія рѣшимостію до-сихъ-поръ не хотятъ пріобрѣтать... Помилуйте, да такой проектъ

больше всякой книги заслуживаетъ демидовскую премію!.. Честь и слава газетѣ, гдѣ печатаются такіе дивные проекты!..

Что такое патріотизмъ и патріоты—всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патріоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патріотовъ за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ и другіе, не дожидаясь приговора общества, которое часто бываетъ завистливо, и исторіи, которая всегда бываетъ медленна. Другіе сами себя провозглашаютъ патріотами, потому-что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному. У насъ въ литературѣ теперь особенно много развелось патріотовъ втораго разряда. Между ними даже есть люди, неумѣющіе безъ ошибки противъ языка написать двухъ строкъ порусски, но тѣмъ не менѣе, въ своей патріотической ревности затѣвающіе преобразованіе русскаго слога. Другіе, прижавшись за-какого-нибудь опытнаго корректора, кое-какъ понавострились писать русскимъ складомъ, за что даже стяжали себѣ славу «сочинителей» на всѣхъ толкучихъ рынкахъ, гдѣ, между прочимъ хламомъ, продаются, и порознь и мѣшками, книги, которыя не пошли въ ходъ изъ книжныхъ лавокъ, или которыя прежде бойко шли, но потомъ, какъ говорится, вдругъ оборвались. Третьи, чтобы сдѣлать для всѣхъ яснѣе свой патріотизмъ, пишутъ языкомъ временъ Кошихина, примѣромъ русскихъ мужиковъ и бабъ уличаютъ Богъ-знаетъ въ чемъ Гоголя и французскихъ романистовъ, которые, разумѣется, ничего объ этомъ не знаютъ, а потому и не могутъ исправиться. Вообще, эти третьи всѣхъ интереснѣе. Россія не сходитъ съ ихъ пера, и, читая ихъ писанія, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно мухѣ Крылова, хлопочутъ о томъ, что и безъ ихъ хлопотъ хорошо идетъ; тому ли, что они пишутъ для такого класса людей, который, по незнанію грамоты, не можетъ читать ихъ, или, наконецъ, той наивной скромности, съ которою они даютъ знать, какъ крѣпко залегла у нихъ на сердцѣ мысль о благосостояніи всего отечественнаго... Одинъ изъ этихъ господъ недавно далъ совѣтъ русскимъ образованнымъ классамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей учиться русскому языку въ крестьянскія избы!!.. [236]) Впрочемъ, дѣло рѣшеное, что тяжелые труды, часто не вполнѣ вознаграждаемые современниками, составляютъ принадлежность только патріотовъ перваго разряда; патріоты же втораго разряда всегда и вездѣ благоденствовали, и должно-быть, на нихъ метилъ Крыловъ этими чудесными стихами:

А смотришь: по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку...

Исторія о ножичкѣ (*фактъ для будущаго историка русской литературы*). Въ 63 № «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года помѣщено, между-прочимъ, письмо гг. Анифьева, Страхова и Вагина, мастеровъ села Павлова, къ какому-то Ивану Ильичу. Письмо это напечатано подъ названіемъ

«Защита *добрыхъ* русскихъ мастеровъ» и заключаетъ въ себѣ возраженіе на статью о селѣ Павловѣ, напечатанную въ «Живописномъ Обозрѣніи». Оно оканчивается слѣдующими, равно любопытными и для современниковъ и для потомства, строками:

„....Милостивый государь Иванъ Ильичъ, мы и рѣшились васъ покорнѣйше попросить этимъ письмомъ, взять на себя трудъ увидѣться съ его высокоблагородіемъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, *какъ ревностнымъ защитникомъ и любителемъ всего отечественнаго*, и попросить его, не помѣститъ ли онъ хотя небольшой статейки, въ защиту нашихъ издѣлій противъ Живописнаго Обозрѣнія, въ Сѣверной Пчелѣ, *всегда вѣрной и безпристрастной вѣстницѣ о всѣхъ произведеніяхъ отечественныхъ, которую мы около десяти лѣтъ постоянно читаемъ и перечитываемъ, а въ особенности статьи* г. Булгарина, *всегда съ особеннымъ удовольствіемъ*.“

При семъ г. Булгаринъ *предъявляетъ* въ выноскѣ слѣдующее:

„Литературные мои противники могутъ обвинить меня въ тщеславіи, самолюбіи *и въ чемъ угодно* (*sic!*) за то, что я не вычеркнулъ изъ письма лестныхъ для меня выраженій. Подвергаюсь охотно всѣмъ упрекамъ и насмѣшкамъ журналовъ, но эта похвала русскихъ грамотныхъ мастеровыхъ такъ для меня лестна, такъ радуетъ меня и утѣшаетъ, что я не промѣняю ея на цѣлые печатные листы журнальной похвалы, и на самые кудрявые французскіе или русскіе комплименты (*разумѣется, если бы таковые имѣлись*)! Болѣе всего дорожу я мнѣніемъ русскихъ людей, смотрящихъ на вещи и дѣла безпристрастно Наши судьи *они*, а не литературныя партіи!.. Справьтесь, любезные мои противники, есть ли одинъ русскій грамотный человѣкъ, заглядывающій въ *печатное*, который бы не зналъ: *Ѳ. Б.?*“

Выписавъ выноску, или *предъявленіе* г. Булгарина, выпишемъ и конецъ письма грамотныхъ и безпристрастныхъ цѣнителей г. Булгарина, мастеровыхъ села Павлова:

„Мы препровождаемъ при семъ карманный ножичекъ (*), сдѣланный нашимъ г. Булгарина однимъ изъ малоизвѣстныхъ еще мастеровыхъ нашихъ, Иваномъ Хотянинымъ; онъ теперь человѣкъ молодой, но обѣщаетъ въ себѣ, въ-послѣдствіи, по издѣлію, многое. Этотъ ножичекъ и теперь, какъ по чистотѣ отдѣлки, такъ и по прочности въ закалкѣ стали, можетъ стать въ соперничество съ лучшими иностранными издѣліями этого рода, и въ-четверо ихъ дешевле. Мы просимъ покорнѣйше господина Ѳаддея Венедиктовича, принять его какъ доказательство, что у насъ въ Павловѣ фабрикація такихъ издѣлій не только не унижается, но по времени болѣе и болѣе совершенствуется и распространяется. Въ надѣяніи на васъ, имѣемъ честь быть, *и проч.*“

Изъ этого любопытнаго факта для будущаго историка русской литературы мы выводимъ много утѣшительныхъ и отрадныхъ слѣдствій. Исчислимъ нѣкоторыя изъ нихъ:

(*) „Ножичекъ этотъ получилъ я съ благодарностію, и берегу какъ вещь драгоцѣнную, потому что онъ подаренъ мнѣ *цѣлымъ міромъ* села Павлова! отказать я даже не смѣлъ, и сознаюсь, что этотъ пятирублевый подарокъ дороже мнѣ весьма многаго драгоцѣннаго! *Ѳ. Б.*“

I. Самые лучшіе и безпристрастные цѣнители литературныхъ заслугъ суть грамотные мастеровые; они же и самые ревностные читатели «Сѣверной Пчелы», а въ особенности статьи г. Булгарина всегда съ особеннымъ удовольствіемъ они читаютъ и перечитываютъ.

II. Вниманіемъ грамотныхъ мастеровыхъ г. Булгаринъ дорожитъ больше, чѣмъ литературными отзывами (вѣроятно потому-что отъ послѣднихъ ему уже нечего ожидать, тогда какъ отъ первыхъ, по новости для нихъ этого дѣла, онъ можетъ еще кое-чего надѣяться).

III. Всѣ грамотные люди, заглядывающіе въ *печатное*, знаютъ, что такое Ѳ. Б.

IV. Ножичекъ подаренъ г. Булгарину не тремя, или четырьмя мастеровыми села Павлова, какъ значится изъ письма, а *цѣлымъ міромъ села Павлова*, какъ увѣряетъ г. Булгаринъ своихъ читателей и цѣнителей (т. е. грамотныхъ мастеровыхъ), и что, поэтому, онъ, г. Булгаринъ, будетъ хранить этотъ ножичекъ, какъ вещь драгоцѣнную, хоть онъ и стоитъ всего какихъ-нибудь пять рублей.

V. Мы увѣрены, что черезъ какихъ-нибудь много-много сто лѣтъ «драгоцѣнный ножичекъ» будетъ продаваться дороже пера, которымъ Наполеонъ подписалъ въ Фонтенебло свое отреченіе отъ престола.

Исторія о Митрофанушкѣ на Лунѣ (*Еще матеріалъ для будущаго историка русской литературы*).

Въ 73 № «Сѣверной Пчелы» напечатана, между прочимъ, слѣдующая *литературная* статья:

„Позволивъ книгопродавцу И. Т. Лисенкову перепечатать въ трехъ частяхъ сочиненія мои изъ разныхъ журналовъ, я обѣщалъ ему къ четвертой части написать разсказъ, подъ заглавіемъ: *Митрофанушка въ Лунѣ*, но до сихъ поръ этого новаго сочиненія г. Лисенкову не доставилъ, а потому и прошу всѣхъ подписавшихся у него на четвертую часть моихъ сочиненій избавить его, Лисенкова, отъ всякой отвѣтственности. Я же принимаю на себя публично священную обязанность *выставить* четвертый томъ къ нынѣшнему лѣту, въ удовлетвореніе гг. подписавшихся. При семъ долгомъ считаю объясниться на счетъ этого замедленія, въ которомъ *я безъ вины виноватъ* Рукопись не только была *написана*, но даже *процензирована*, и по несчастному случаю *утрачена*. Что тутъ дѣлать? Писать вновь то, что уже было написано однажды, припоминая прежнее? Кто знакомъ, хотя нѣсколько, съ трудомъ воображенія, тотъ знаетъ, какъ это тяжело! Мучительнѣйшей пытки нельзя изобрѣсть для головы литератора, какъ повтореніе однажды уже конченной работы!—Между тѣмъ, г. Лисенковъ завелъ со мною процессъ, какъ это было видно изъ Полицейскихъ Вѣдомостей, и дѣло остановилось. Теперь прошу всѣхъ и каждаго подождать спокойно *шесть недѣль*, и четвертая часть будетъ готова. Симъ отвѣчаю на всѣ вопросы, запросы и требованія! *Нельзя же истолочь мозгъ литератора въ шоти, и спечь пироги*. Дѣло ума—дѣло невольное. *Нейдетъ въ голову мысль, такъ и пушечнымъ ядромъ не вгонишь ее.* Ѳ. Булгаринъ.“

Изъ этого «предъявленія» мы не выводимъ никакихъ слѣдствій: дѣло ясно само-по-себѣ. Можно замѣтить развѣ, что это обѣщаніе съ шестинедѣльнымъ срокомъ напечатано 2 апрѣля, теперь сентябрь,—а «Митрофанушки» все еще нѣтъ!

Свѣтскость рѣшительно сдѣлалась маніею нѣкоторыхъ сочинителей. Не то, чтобъ они были люди свѣтскіе, или находились въ какомъ-нибудь соприкосновеніи, прямомъ или косвенномъ, съ тѣмъ, что̀ называется «большимъ свѣтомъ»: нѣтъ, совсѣмъ не то! Ихъ уваженіе къ свѣтскости гораздо-выше и безкорыстнѣе, это что-то въ родѣ рыцарскаго обожанія красоты, которой никто изъ нихъ и не видалъ, но за честь которой каждый изъ нихъ готовъ переломить копье со всякимъ, осмѣливающимся сомнѣваться, что ихъ Дульцинея не первая красавица въ мірѣ. Впрочемъ, они стараются извлекать изъ своего безкорыстнаго обожанія кое-какія выгоды. Когда является твореніе поэта, на смерть убивающее произведенія этихъ «свѣтскихъ сочинителей»,—они, эти «свѣтскіе сочинители», сейчасъ поднимаютъ совсѣмъ не свѣтскій крикъ и силятся художественную вѣрность дѣйствительности въ великомъ твореніи выставить грязными картинами, вѣрность натурѣ и характерамъ изображаемыхъ лицъ—площадными словами, которыя будто-бы поэтъ употребляетъ отъ самого-себя, по страсти своей къ цинизму. Нельзя, однакожь, во всѣхъ этихъ нападкахъ видѣть умышленное искаженіе истины, неблагонамѣренную цѣль: напротивъ, многіе изъ нихъ удивляютъ своею искренностію. Дѣло въ томъ, что наши «свѣтскіе сочинители» смѣшиваютъ свой собственный кругъ общества съ большимъ свѣтомъ, котораго имъ и во снѣ не случалось видѣть. Къ какому же кругу общества принадлежатъ эти «свѣтскіе сочинители»?—Къ тому самому, который такъ превосходно выведенъ Гоголемъ въ IX-й главѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ такъ геніально изображены «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама» и «просто-пріятная дама». Впрочемъ, въ IX-й главѣ это общество представлено въ дѣйствіи, а общая характеристика его находится въ VIII-й главѣ, изъ которой, кстати, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ: «Дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностью и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, чтобъ подало намекъ на это, и говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя, или что-нибудь въ родѣ этого» (306 стр.). Трудно было бы и вообразить, что̀ говорятъ дамы города N о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя, но нѣкоторые «свѣтскіе сочинители» своими рецензіями удачно и удовлетворительно рѣшили эту задачу. Въ то время, какъ высшій свѣтъ, почти нечитающій русскихъ книгъ (по причинамъ, которыхъ по совѣсти нельзя не одобрить), читаетъ «Мертвыя Души» и восхищается ими, не находя въ нихъ ни одного слова, котораго бы нельзя было прочесть громко въ обществѣ,—они, бѣдняжки, т. е. наши «свѣтскіе сочинители» такъ

и рвутся отъ негодованія на произведеніе Гоголя за грязность его картинъ и выраженій. Вотъ что́ недавно прочли мы, по поводу этого:

„Мы слышали, будто въ здѣшней столицѣ учредилось дамское общество, въ которомъ запрещается говорить по-французски, и возлагается обязанность изъясняться непремѣнно по-русски, разумѣется съ Русскими. За каждое французское слово должно платить штрафъ, въ пользу бѣдныхъ по пятачку, а за неправильную русскую фразу по гривенничку. Ежели вѣсть эта справедлива, поздравляемъ русское общество съ этимъ благороднымъ предположеніемъ! Господа писатели, держите ухо (в)остро! Что́ вы представите нашимъ дамамъ? Въ одной здѣшней газетѣ, новый романъ г. Гоголя называютъ *образцовымъ* твореніемъ, не знаемъ въ шутку, или сер(ь)о(ё)зно, а сколько при чтеніи этого романа придется заплатить гривенниковъ штрафа!!! А за нѣжныя картины его, что́ платить? Повторяемъ: гг. писатели, помните, что у насъ есть дамы!“ (Сѣв. Пчела, 1842, № 143).

По тону статейки, можно заключить съ достовѣрностію, что ея свѣтскій сочинитель, говоря о дамахъ, явно намекаетъ на «пріятную во всѣхъ отношеніяхъ даму». Это еще болѣе подтверждается слѣдующими строками въ той же газетѣ, которыя отличаются истинно-изящнымъ тономъ: призывая русскую публику, изъ патріотизма, покупать плохія книги, свѣтскій сочинитель восклицаетъ: «Что значитъ человѣчество безъ просвѣщенія? Извините, господа, что *разболтался!* Чѣмъ полна душа, того не удержишь! Лишь тронулъ—льется черезъ край! О, любезный мой языкъ русскій, *дѣдушка* славянскихъ нарѣчій! О, милая русская литература! какъ мнѣ не вспоминать объ васъ, когда у васъ такъ немного истинныхъ друзей!..» Боже ты мой! что за свѣтскость!

Одинъ сочинитель вздумалъ исчислить, сколько разъ былъ онъ браненъ въ другихъ журналахъ, и началъ — 720 разъ!.. Кстати, онъ утверждаетъ, будто «Отеч. Записки» составили противъ него вооруженный союзъ... Смѣшная и забавная выходка! Желая очистить русскую литературу отъ подобныхъ жалкихъ явленій, «Отеч. Записки» неутомимо преслѣдуютъ ихъ, но не *бранью*, а *правдою*, и больше *выписками собственныхъ словъ* такихъ сочинителей, чѣмъ возраженіями на нихъ. 720 разъ разбраненный сочинитель держался до-сихъ-поръ тѣмъ, что его выводили на свѣжую воду только московскіе журналы, мало имѣвшіе хода въ Петербургѣ; именно отъ-того, что теперь за нимъ смотрятъ въ петербургскомъ журналѣ, онъ и потерялъ послѣдній кредитъ между сколько-нибудь образованными людьми, и радъ, бѣдняжка, что его хоть мастеровые-то еще читаютъ и хвалятъ... Это подаетъ надежду, что «Отеч. Записки» скоро совсѣмъ перестанутъ обращать на него свое вниманіе, которое, впрочемъ, и теперь обращаютъ онѣ рѣдко, именно, только по случаю его выдумокъ на нихъ. Между-тѣмъ, онъ самъ, о чемъ бы ни заговорилъ, всегда привяжется къ «Отеч. Запискамъ». Боясь ихъ вліянія на публику, онъ, при изданіи всякаго новаго своего пачканья, проситъ «Отеч. Записки» разбранить его... Что это значитъ?— А вотъ что: по его мнѣнію, весьма основательному, сказать о его сочиненіи правду, значитъ разбранить его; зная же впередъ, что къ «Отеч. Запискамъ»

нельзя зайдти ни съ которой стороны, и что онѣ непремѣнно скажутъ всю правду, нашъ сочинитель показываетъ видъ, что похвала «Отеч. Записокъ» опаснѣе для его книги или статьи, чѣмъ порицаніе... Принявъ такую политику, онъ каждый разъ, какъ готовится напечатать гдѣ-нибудь свои новыя погудки на старый ладъ, проситъ «Отеч. Записки» бранить его; а «Отеч. Записки» каждый разъ снисходительно выполняютъ его униженныя просьбы.

Въ 158 № «Сѣверной Пчелы», какъ образчикъ безсмыслицы, выставляютъ слѣдующее мѣсто изъ статьи «Отеч. Записокъ» о «Мертвыхъ Душахъ»:

„Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ „Мертвыхъ Душахъ“ вездѣ ощущаемо и, такъ-сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатическою душою и духовною личною самостію,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ на-прим., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя „который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко-отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы“; или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ „писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи“; или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его блондинкою, говоритъ, что „вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случилось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь: вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, невидавшей ничего, кромѣ сельской телеги—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ“... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ

пафосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, на-прим., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: „Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью“!..“

Все это въ «Сѣверной Пчелѣ» выписано безъ отличенія выраженій нашихъ отъ выраженій Гоголя, отличенныхъ въ нашей статьѣ обыкновенными знаками. Затѣмъ слѣдуетъ къ намъ просьба растолковать, что̀ значитъ: «*осязаемо̀ проступаетъ* его субъективность», какая это *субъективность*, которая искажаетъ *объективную дѣйствительность*, что̀ значитъ «человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и *духовно-личною самостію*». На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать отвѣта «Сѣверной Пчелѣ» по слѣдующей причинѣ: для людей чему-нибудь учившихся, всѣ эти выраженія должны быть очень ясны; тѣмъ же, кому учиться и образовываться трудно или невозможно, нечего и толковать того, что̀ безъ ученія и образованія понимаемо быть не можетъ. Что̀ значитъ (продолжаетъ «Пчела») «великій *омутъ* ежедневно вращающихся образовъ» (ужь подлинно попалъ въ омутъ!—*остроумное восклицаніе «Пчелы»*), что значитъ: «потрясающая *тина* мелочей» (ну, право, тина!—*еще остроумное восклицаніе «Пчелы»*).» Вотъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать «Пчелѣ» удовлетворительный отвѣтъ, который понять ей будетъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому. «Великимъ омутомъ ежедневно вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей» поэтъ называетъ ту сторону жизни, которая прежде всякой другой охватываетъ человѣка, и изъ-подъ обаянія которой освобождаются только немногіе избранники Провидѣнія. Эта *омутовая* и *тинная* сторона жизни преобладаетъ вездѣ—въ журналистикѣ также. Представимъ себѣ, для примѣра, такое изданіе, гдѣ бы писалось только о мелочахъ жизни—о табачныхъ лавочкахъ, кандитерскихъ, водочистительныхъ машинахъ, печатались бы похвалы дурнымъ книгамъ и бездарнымъ сочинителямъ, унижалось бы всякое дарованіе, всякій заслуженный успѣхъ; гдѣ какой-нибудь рецензентъ, еще вчера, на-примѣръ, падавшій до-ногъ передъ Пушкинымъ, завтра разругалъ бы лучшее его созданіе, провозгласилъ бы ему совершенное паденіе; вчера расхвалилъ до небесъ плохую драму своего пріятеля, возвеличивъ его именемъ Шиллера, завтра завопилъ бы передъ публикою: «пьеса дрянь, а что я ее хвалилъ—виноватъ: camaraderie, пріязнь, mea culpa, mea maxima culpa... «Вотъ въ такомъ бы изданіи выразилось то, что̀ Гоголь называетъ «великимъ омутомъ ежедневно-вращающихся образовъ» и «потрясающею тиною мелочей»... Но «Пчела» еще спрашиваетъ: что̀ значатъ у Гоголя: «чорствы, *шероховато-бѣдные, неопрятно-плюснющіе, низменные ряды жизни*» и «однообразно-*хладныя* и *скучно-опрятныя* высшія сословія». Не-уже-ли и это надо толковать «Пчелѣ»? Смѣшно было бы толковать то, что̀ и безъ толкованія ясно какъ 2×2=4. А если кому пріятно играть роль помѣщицы Коробочки,

которую Чичиковъ назвалъ дубинноголовою, то у насъ, право, нѣтъ никакой охоты толковать такимъ «коробочкамъ», что̀ такое *Мертвыя Души*...

Въ №№ 177 и 178 «Сѣверной Пчелы» помѣщена юмористическая статейка г. Ѳ. Булгарина въ родѣ овидіевыхъ превращеній. Г. Булгаринъ обращается, въ статейкѣ, въ синицу, рябчика, или въ стрижа, и попадаетъ въ желудокъ осла, гдѣ, съ свойственнымъ ему юморомъ, открываетъ множество злыхъ соковъ, и проч. Въ заключеніе, онъ говоритъ, будто бы въ Петербургѣ «Отеч. Записки» переводятся съ языка для него непонятнаго, на языкъ понятный, и, если слухъ не лживъ, проситъ своего корреспондента прислать къ нему переводъ «Отеч. Записокъ». Изъ этого ясно видно, какъ сильно г. Булгаринъ интересуется «Отеч. Записками», какъ сильно хочется ему ихъ читать, и какъ ему больно, что онъ не въ состояніи ихъ понимать. Мы, съ своей стороны, желая г. Булгарину пользы и удовольствія, очень-рады извѣстію о переводѣ «Отеч. Записокъ» на языкъ, болѣе ему понятный, который онъ называетъ языкомъ русскимъ; только боимся одного, чтобъ онѣ не были переведены по грамматикѣ г. Греча, на какое-нибудь *мазурское*, или *литовско-бѣлорусское нарѣчіе*... Тогда мы торжественно отречемся отъ переведенныхъ такимъ образомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ «Москвитянинѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатанъ *Гороскопъ Петра-Великаго*. Редакторъ послѣдняго журнала упрекаетъ въ небрежности, съ которою «Москвитянинъ» перевелъ съ латинскаго этотъ *будто бы* драгоцѣнный памятникъ старины. Мало того: онъ обвиняетъ въ неуваженіи къ этой «рѣдкости» почтеннаго московскаго профессора и астронома, Д. М. Перевощикова, который сказалъ о гороскопѣ, что «нельзя дѣлать примѣчаніе на бредъ, заслуживающій одно только презрѣніе», и что «всякое разсужденіе о гороскопахъ унижаетъ тѣхъ людей, которые занимаются такимъ вздоромъ». Редакторъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ, по этому случаю: «Такъ можетъ думать астрономъ и математикъ, но отнюдь не поэтъ, не историкъ и не философъ». Мы, съ своей стороны, долгомъ считаемъ вступиться за честь *поэзіи*, *исторіи* и *философіи*, къ области которыхъ напрасно относятъ такія нелѣпости, какъ гаданье на святкахъ и всякое колдовство и гороскопы. Правда, поэзія прежде, съ юношескою мечтательностію, любила эти заблужденія младенчествующаго человѣческаго ума; съ-тѣхъ-поръ, какъ она подросла и возмужала, она почитаетъ себѣ за честь быть органомъ разума, а не слабоумія, не невѣжества. Исторія тоже смотрѣла съ уваженіемъ, какъ на что-то таинственное, на все, въ чемъ не было смысла; но это было давно, когда еще исторія походила на легенду и на сказку. О философіи нéчего и говорить: заставлять ее интересоваться плодами невѣжества и дикости, вмѣсто того, чтобъ уничтожать ихъ, значитъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о содержаніи и цѣли философіи. Скажутъ, что, можетъ-быть, у «Русскаго Вѣстника» своя философія: а! въ такомъ случаѣ, нѣтъ и

спору—всякому свое; только зачѣмъ же было не оговориться, что-де *нашей* поэзіи, *нашей* исторіи и *нашей* философіи? Противъ *вашихъ*—мы ни слова...

*658. **Рѣчь о критикѣ**, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи, *А. Никитенко*. Санктпетербургъ. 1842 [238]).

СТАТЬЯ II.

Историческое обозрѣніе русской критики.

Обозрѣть исторически ходъ и развитіе русской критики—значитъ обозрѣть, въ общихъ чертахъ, исторію русской литературы, ибо, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, содержаніе критики, какъ сужденіе, есть то же самое, что̀ и содержаніе литературы, какъ судимаго; вся разница въ формѣ. Художникъ и литераторъ выражаютъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ *непосредственно*, самыми твореніями своими; критикъ выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ чрезъ *посредство* мысли, сознательно. Въ этомъ случаѣ, искусство и литература идутъ объ-руку съ критикою, и оказываютъ взаимное дѣйствіе другъ на друга. Если новый геній открываетъ міру новую сферу въ искусствѣ и оставляетъ за собою господствующую критику, нанося ей тѣмъ смертельный ударъ, то, въ свою очередь, и движеніе мысли, совершающееся въ критикѣ, приготовляетъ новое искусство, опереживая и убивая старое. Такое явленіе было въ Германіи, гдѣ литературный переворотъ совершился не чрезъ великаго поэта, а чрезъ умнаго энергическаго критика—Лессинга. Такъ-называемая романтическая школа, или юная литература Франціи, водрузила свои побѣдоносныя знамена на завоеванной ею у псевдо-классицизма почвѣ, едва-ли не болѣе при помощи критики, чѣмъ собственными усиліями. Жаненъ, нѣкогда столь даровитый, а теперь столь пустой фѣльетонный крикунъ, горячо сражался противъ мертвой литературы имперіи еще прежде, чѣмъ написалъ свой романъ «Мертвый Оселъ и Гильйотинированная Женщина». И этотъ союзъ искусства съ критикою со-дня-на-день становится тѣснѣе и неразрывнѣе. Отъ-того, теперь искусство становится мышленіемъ въ образахъ, а критика—искусствомъ [239]).

Русская литература была не плодомъ развитія національнаго духа, а плодомъ реформы. Хотя Петръ-Великій ничего не писалъ и не издавалъ, подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не менѣе онъ такъ же творецъ русской литературы, какъ и творецъ русской цивилизаціи, русскаго просвѣщенія, русскаго величія и славы, словомъ—творецъ новой Россіи. Написать исторію русской литературы, не сказавъ ни слова о Петрѣ-Великомъ,—это все равно, что написать о происхожденіи міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ міра. Русь до Петра кипѣла дикими и нестройными силами: его всемощное «да будетъ!» водворило порядокъ и гармонію въ этомъ хаосѣ, дало боровшимся въ немъ элементамъ опре-

дѣленную форму и указало имъ цѣль. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, слѣдовательно, и чрезъ него. Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, еслибъ могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совсѣмъ не то, что жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза, и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя, и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сферѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а постороннимъ посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожь, это можетъ не нравиться только раскольникамъ и старовѣрамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въ глубь явленій, это-то самое и свидѣтельствуетъ о колоссальности генія творца новой Россіи. Правда, можно много остраго и забавнаго наговорить, на-примѣръ, о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромптомъ, превращенныхъ въ подобіе цесарскихъ и прусскихъ солдатъ, съ выбритыми бородами, съ пучками на затылкахъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVII вѣка, объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ заучивали на память нѣмецкую военную терминологію, мудреные нѣмецкіе чины и званія; сверхъ-того, нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но за то, битва подъ Лѣснымъ заставляетъ разумниковъ призадуматься, смѣшаться, прикусить язычокъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у генія своя логика, свой здравый смыслъ, свое ясновидѣніе дѣйствительности, которыя чѣмъ менѣе подходятъ подъ сужденія толпы, тѣмъ истиннѣе и дѣйствительнѣе. Реформа, повидимому, чисто внѣшняя, повидимому, состоявшая только въ формахъ, могла казаться странною не только для Русскихъ, бывшихъ ея жертвою, но и для тогдашней Европы; теорія и практика, умозрѣніе и опытъ—все повидимому было противъ нея. Несчастное нарвское дѣло походило на порывъ урагана, сдувшій со стола карточный домикъ; оно всѣхъ убѣдило въ невозможности улучшеній—всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но подъ Лѣснымъ обстоятельства перемѣняются и для непріятеля настаетъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разъигралась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ, много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литерахъ, которымъ нѣчего было выражать собою; о заведенныхъ имъ типографіяхъ, которымъ нѣчего было печатать; о высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще нѣгдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи Наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между-тѣмъ это-то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть

слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ являться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно-ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не въ состоянiи были сдѣлать шагу? А теперь, мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо слѣдить за успѣхами въ Европѣ наукъ, искусствъ и промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведенiя того и другаго и третьяго, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся въ иностранцахъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такiе случаи уже кажутся теперь исключенiями изъ общаго правила.

Не менѣе дѣльнаго, умнаго и остраго можно наговорить (да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребности общества, а изъ слѣпаго подражанiя иностраннымъ литературамъ. И чего бы. въ-самомъ-дѣлѣ, можно было ожидать отъ этого сколка, списка, отъ этой копiи съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертваго, бездушнаго, слѣпаго подражанiя и передразниванiя чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между-тѣмъ, мы гордимся именами (конечно, еще немногими) нацiональныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ— Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... А между-тѣмъ, наша литература имѣла на общество великое и благодѣтельное вліянiе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣчественнаго образованiя...

Странное дѣло! какъ же такiя живыя слѣдствiя могли выйдти изъ такой мертвой, чисто-внѣшней, отвлеченно-формальной реформы? Здѣсь въ томъ-то и дѣло, что только близорукiе, ограниченные люди, да развѣ еще раскольники и старовѣры, поборники ложно понимаемой народности и дикаго невѣжества, могуть видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящiе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень-хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матерiальнымъ реформаторомъ. Его великiй, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности,—онъ началъ реформу прежде всего съ себя-самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому-себѣ. Поставивъ идею правосудiя выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого-себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенiя, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалiя, былъ солдатомъ, юнгою, и съ такою страстiю подчинялся повиновенiю, съ какою въ его возрастъ предаются обаянiю властвованiя. Счастiю Россiи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой да недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣста, слѣдовавшее достойнѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многiе видятъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссально-нравственный и религiозны духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служенiемъ идеѣ. А παθος къ идеѣ

есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Еслибъ Петръ былъ только необыкновенно-умный человѣкъ, только *политическій*, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинскою геніальностью,—вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность... Но объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношеніе къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямаго содержанія[240]). Обращаемся къ русской литературѣ, чтобъ отъ нея перейдти къ русской критикѣ.

Русская литература началась такъ же, какъ и русская цивилизація—подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизаціи, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самобытности и національности, и каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, не смотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только родъ поэзіи, и притомъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящіе таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протею. Безъ нихъ не было бы и его, или, по-крайней-мѣрѣ, онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости дарованія, а въ незрѣлости общества, еще не могшаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника. Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, на-примѣръ, Батюшкова; но *какъ художникъ*, Батюшковъ несравненно выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимало поэзію не иначе, какъ *торжественною одою* на какой бы то ни было случай—на побѣду, или просто на иллюминацію, и которое было увѣрено, что поэзія «сладостна и пріятна какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое, впослѣдствіи, господствовало въ русской поэзіи, подъ неопредѣленнымъ именемъ *элегическаго тона*, и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже по сему самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, задушевнаго и сердечнаго начала; и оно у него часто проторгалось, но какъ-бы противъ его воли, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора, стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ его время языкъ русскій былъ крайне-необработанъ, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыя заковалъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ,

виртоузности стиха, никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усѣченія прилагательныхъ, коверканіе словъ, какофонія реченій, были узаконены самою пінтикою того времени подъ именемъ «пінтическихъ вольностей». И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметомъ наслажденія для общества, которое какъ-бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ пінтикъ, по которымъ когда-то училось въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но не-уже-ли и въ-самомъ-дѣлѣ значитъ унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагопріятное для развитія время? Не думаемъ! И не-уже-ли можно унизить великаго человѣка, поставивъ его въ историческую зависимость отъ времени, отъ которой не освобождался ни одинъ геній съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!.. Державинъ—великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ — только для своего времени; а для нашего—едва ли онъ какой-нибудь поэтъ, потому что для насъ мертвы и идеальные мотивы и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина, да и не его, конечно. И мы не виннмъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми. Жуковскій внесъ въ русскую поэзію именно тотъ самый элементъ, котораго не доставало поэзіи Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ-себѣ, — вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковскаго, составляющій и ея непобѣдимую прелесть и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковскій діаметрально противоположенъ Державину,—и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковскаго суть экзотическія растенія въ-отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковскій поэтъ не одной своей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготовляющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковскаго, еще ученика въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзіи; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главною причиною этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣковъ уже не могла безусловно нравиться юному поколѣнію XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась извѣстною самой Франціи; въ Россіи, она могла плѣнять только немногихъ юношей, знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державинымъ его передѣлка одной шиллеровой пьесы (вѣроятно, съ французскаго перевода, или подражанія), названная имъ «Арфою»[241]; не знаемъ также и вре-

мени передѣлки извѣстной пьесы Гёте Дмитріевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода, или подражанія), названной имъ «Размышленіемъ по случаю грома»[242]): знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патріарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература сдѣлала естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе-жизненному источнику питанія—къ нѣмецкой поэзіи. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологъ Лира во время бури и отрывокъ изъ Оссіана; но о Шекспирѣ, не смотря на то, знали чрезъ Французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Попъ, Аддисонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковскій первый перевелъ, своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ, нѣсколько (впрочемъ, очень-мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духѣ свою («Эолову Арфу»), чѣмъ вѣрно передалъ *романтическій* характеръ англійской поэзіи. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы,—Жуковскій далъ большую прочность и дѣйствительность этому знакомству своими переводами изъ Вальтера Скотта, Байрона, Мура, Сутэя и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обаятельная сила и богатство содержанія, заимствованныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ, поставили его на высокую чреду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Минваны[243]), но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Державинымъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитріевъ, которымъ такъ много обязанъ русскій языкъ и русская версификація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно-новый для нея элементъ: античную художественность, которой, кромѣ его, были чужды всѣ наши поэты—до Пушкина. Душа Батюшкова была по преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перевелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ о живописи. Преобладающій паѳосъ его поэзіи—артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ; но эта жажда часто растворяется у него кроткою меланхоліею, легкою и свѣтлою грустію. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостію, фантазмъ—радужными образами фантазіи; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ-будто въ граціозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія, примиреніемъ дѣйствительнаго, но односторонняго направленія Державина, съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковскаго. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ,

глубокъ и многостороненъ, или потому-что онъ слишкомъ увлекался вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка, и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинскою, и, кажется, не зналъ греческой поэзіи[244]). По той или другой причинѣ, или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзіи вообще бѣдно; самый языкъ обилуетъ усѣченіями и вольностями, а художественность часто борется съ реторикою. Батюшкову дѣйствительно не доставало геніальности, чтобъ освободиться изъподъ вліянія своей эпохи. Несчастная болѣзнь парализировала его талантъ и дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзіи взошло ея великое свѣтило, которое не могло бы не имѣть на него сильнаго и благодѣтельнаго вліянія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была повершеніемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзіи. Да, Пушкинъ—*первый*, даже и по времени, поэтъ русскій: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиліемъ, или стремленіемъ,—въ немъ явилось какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ. Пареніе, возвышенность, сила,—все, что у Державина вспыхиваетъ по-временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсною водою реторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, *влажность* (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ *сухости* качествѣ), а не преобладаетъ надъ нею: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ унынiемъ—болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душою въ протяжной и разгульной русской пѣсни. И такъ-какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ,—то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ бываетъ въ самой дѣйствительности: вспомните *сонъ Татьяны*, балладу «Женихъ». Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзіи Пушкина: душа Пушкина была такъ крѣпка и здорова, что не могла подчиниться этому болѣзненному направленію. А между-тѣмъ, хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковскаго на Пушкина (ибо почва и сфера поэзіи послѣдняго слишкомъ-дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго, туманнаго и неопредѣленнаго); однакожь нельзя отрицать, чтобъ Жуковскій не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда тотъ самъ называетъ его «наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы». Не менѣе, если еще не болѣе,

любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по-преимуществу артистическая натура; слѣдовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но, что такое стихъ Батюшкова, пластика и виртоузность его поэзіи, передъ стихомъ, пластикою и виртоузностію поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какая же безконечная разница въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзіи! Ужь нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская. Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ; всѣмъ, что обладало прежними поэтами,—всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ, и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выразились постепенныя условія[245]) русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова — изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественною и самобытною, стремленіе изъ книжной сдѣлаться живою, общественною, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ быть, его недостатокъ, въ-слѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ, и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество, которое дотолѣ безусловно обожало его. Кажется въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ чистый огонь поэзіи. Къ чему ни прикасался онъ — всему давалъ поэтическіе образы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучилъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ: онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина,—и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно-любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ пьесъ,

которыя онъ потомъ передѣлалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что его не узнаешь! Какой тонкій художественный тактъ въ знаніи того, что̀ можно оставить безъ перемѣны, что надо переправить, и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! Удивительно ли, что этотъ человѣкъ какъ-будто перестроилъ вновь и языкъ и версификацію, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ! Стихъ Пушкина — это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго. Искусство, какъ искусство, поэзія какъ поэзія на Руси — это дѣло Пушкина. Безъ него не было бы у насъ поэзіи; и это потому, что онъ былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ-быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ. И вотъ почему—повторяемъ—отъ него ведемъ мы русскую поэзію и называемъ его первымъ, даже по времени, русскимъ поэтомъ...

Такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и русской литературы: ея исторія, по нашему мнѣнію, есть исторія ея усилій отъ искусственности и подражательности перейдти къ естественности и самобытности, изъ книжной сдѣлаться живою и общественною. Это продолжается и теперь, но уже въ другой сферѣ — въ сферѣ «возведенія въ перлъ созданія прозы жизни». И скоро наступитъ время, когда совсѣмъ рѣшится эта задача и кончится эта работа. Уже и теперь замѣтно новое требованіе отъ искусства — требованіе разумнаго содержанія, которое соотвѣтствовало бы историческому духу современности. И уже явился-было на Руси новый великій поэтъ, въ первыхъ, еще юныхъ и незрѣлыхъ произведеніяхъ котораго проглядывали полнота и богатство глубокаго содержанія, при художественности формъ, достойной преемника Пушкина; но преждевременная смерть незапно рушила надежды, которымъ не было конца и мѣры...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ, въ-особенности, прибавимъ мы, удѣлъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и литературы, и такъ многіе могутъ теперь думать объ этомъ предметѣ. Въ этомъ случаѣ, мы дали нашимъ читателямъ фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики[246]). Дай Богъ, чтобъ это была сторона *свѣтлая*! Чт оже до *темной*,— ея грустною картиною мы заключимъ нашу статью... Теперь же перескажемъ, какъ думали современники о фазисахъ русской литературы, которые мы слегка означили. Это будетъ исторіею русской критики.

Исторія русской критики та же, что и исторія русской поэзіи и литературы: постепенное стремленіе изъ эха господствующихъ въ Европѣ мнѣній перейдти въ самобытный взглядъ на искусство. Посему, русская критика такъ же носитъ въ себѣ элементы всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и

русская поэзія. Прежде, а отчасти и теперь, это, съ одной стороны, можно ставить ей въ недостатокъ; но со временемъ, изъ этого недостатка выйдутъ великія слѣдствія. Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одною изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошлое *эклектическое*) единство. Можетъ-быть, и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, доселѣ исключительно являвшагося только въ Западной Европѣ. На этомъ условіи, на обѣщаніи этой великой будущности, наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ-смиренною, ни слишкомъ-незавидною... На томъ же основаніи, не будемъ отчаяваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и является то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ, съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиною въ рукѣ, то неистовою вакханкою юной французской литературы, съ восторженною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшеными движеніями; не будемъ отчаяваться, видя ее въ разноцвѣтной мантіи, сшитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся, что въ ней есть жизнь и движеніе, что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстоится... Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова: нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмужать, окрѣпнуть и получить собственную, оригинальную физіономію...

Сначала, у насъ самовластно царила критика французская. Украшенное подражаніе природѣ: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ Французовъ XVIII вѣка нашею критикою; отъ себя прибавила она къ нему своего собственнаго—искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стихъ и «піитическія вольности». Все это дѣлалось во имя господина-Буало, который весьма бы удивился, еслибъ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ, и у насъ были люди, болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь начнемъ съ начала.

Первый свѣтскій поэтъ на Руси былъ Кантемиръ—сатирикъ. Какъ литература искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другаго какого-либо рода поэзіи, кромѣ сатиры. Причина этого, сверхъ того, заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба внѣшняго, формально-понимаемаго европензма съ роднымъ, вѣками взлелѣяннымъ азіатскимъ варварствомъ, не могла не вызвать сатиры. Въ-слѣдствіе этого, сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайно, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно-полезно. Отъ-того оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же можно объяснить, почему Сумароковъ въ массѣ

общества имѣлъ гораздо-большій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ—человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова. Направленіе перваго было болѣе-ученое и книжное, а втораго болѣе-жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть «россійскимъ господиномъ-Вольтеромъ», писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему «Димитрію Самозванцу», и въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ—издавалъ «Трудолюбивую Пчелу»... О чемъ не писало, т. е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человѣка! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи—истинное наслажденіе: столько въ нихъ добродушнаго, наивнаго, вѣющаго духомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно-умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и забавны, сколько скучны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ея полемическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно-самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Онъ рѣшительно почиталъ себя *россійскимъ господиномъ-Вольтеромъ*[247]), и кромѣ себя и *господина-Вольтера* никого не хотѣлъ знать, ничьего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ, и получая лестные отвѣты со стороны фернейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе увѣрялся въ своемъ геніи и своей всеобъемлемости.

Здѣсь мы не считаемъ лишнимъ сдѣлать перечень всему, что написалъ Сумароковъ: *переложеній псалмовъ*—153; *одъ духовнаго содержанія*—33; *торжественныхъ одъ*—33; *разныхъ одъ*—36; *вздорныхъ* одъ (пародіи на Ломоносова)—5; *трагедій*—9 («Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ и Труворъ», «Артистона», «Семира», «Ярополкъ и Димиза», «Вышеславъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Мстиславъ»); одну *драму* («Пустынникъ»); двѣ *оперы* («Альцеста», «Цефалъ и Прокрисъ»); одинъ *прологъ* («Новыя Лавры»); одинъ *балетъ* («Прибѣжище Добродѣтели»); *комедій*—12 («Опекунъ», «Лихоимецъ», «Три брата совмѣстники», «Ядовитый», «Нарцисъ», «Приданое обманомъ», «Чудовищи», «Тресотиніусъ», «Пустая Ссора», «Рогоносецъ по воображенію», «Мать Совмѣстница Дочери», «Вздорщица»); *притчей*—378; *сатиръ*—10; *эпистолъ*—7; *эклогъ*—65; *идилліи*—7; *пѣсень и хоровъ*—126; *элегій*—27; *стансовъ*—4; *сонетовъ*—9; *эпиграммъ*, *эпитафій*, *мадригаловъ*, *загадокъ*, *надписей и разныхъ мелкихъ стихотвореній*—216. Это по части стихотворства! А вотъ и по части прозы: «Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ». «На день коронованія ея величества императрицы Екатерины II», «Е. И. В., государю великому князю Павлу Петровичу»; «Е. И. В. государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской»; »На открытіе император-

ской Санктпетербургской Академіи Художествъ», «На заложеніе Кремлевскаго Дворца», «О любви къ ближнему», «На день восшествія на престолъ Е. В., государыни императрицы Екатерины II»; «Мнѣніе во сновидѣніи о Французскихъ трагедіяхъ»; «Краткая московская лѣтопись», «Первый и главный стрѣлецкій бунтъ», «Краткая Исторія Петра Великаго», «Нѣкоторыя статьи о добродѣтели», «Основаніе любомудрія», «О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи», «О первоначаліи и созиданіи Москвы», «Истолкованіе личныхъ мѣстоименій, *я*, *ты*, *онъ*, *мы*, *вы*, *они*», «О несогласіи», «О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ», «О неестественности»; «Россійскій Виѳлеемъ», «О разумѣніи человѣческомъ по мнѣнію Локка», «О типографскихъ наборщикахъ», «О несправедливыхъ основаніяхъ», «Разговоры мертвыхъ»; *письма*: «О красотѣ природы», «О большихъ бесѣдахъ», «О гордости», «О скорости и медленности», «О достоинствѣ», «Четыре отвѣта», «Объ остроумномъ словѣ», «О чтеніи романовъ», «О нѣкоторой заразительной болѣзни», «О думномъ дьякѣ», «Сонъ счастливое общество», «О копистахъ», «Письмо»; «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ и Геростратомъ», «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ: Кортецъ и Монтецума: Благость и милосердіе потребны героямъ», «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка», «О стихотворствѣ Камчадаловъ», «О коренныхъ словахъ русскаго языка», «Части 3 изъ 1 рѣчи Смотрителя» (вѣрно, переводъ изъ какого-нибудь англійскаго *зрителя* Spectator!), «Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегаза; изъ сочиненій г. Вольтера», «Письмо къ артиллеріи г. полковнику Петру Богдановичу Тютчеву», «Къ подъячему, писцу или писарю, то-есть къ такому человѣку, который пишетъ, не зная того, что онъ пишетъ», «Къ несмысленнымъ рѳмотворцамъ», «Сонъ», «Сонъ», «Сонъ», «Блохи», «Переводъ письма г. Сумарокова, писаннаго имъ же на нѣмецкомъ языкѣ къ пріятелю», «Переводъ эпистолы россійскимъ ратникамъ, писанной на французскомъ языкѣ г. Сентикола», «О казни», «Господину Пасеку: вотъ нашъ бывшій разговоръ», «Изъ Велизарія глава 10», «Противурѣчіе г. Примѣчаеву», «О всегдашней ревности въ продажѣ товаровъ», «Разговоръ между ученымъ и старою женщиною», «Разговоръ Ирсиккусъ и Касандръ», «Предложеніе разумнымъ Россіанамъ о принятіи новаго исчисленія времени», «О путешествіяхъ», «О модѣ», «О правописаніи», «Примѣчаніе о правописаніи», «Наставленіе ученикамъ», «О стопосложеніи», «Критика на оду», «Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова», «Отвѣтъ на критику», «О происхожденіи россійскаго народа», «Исменій и Исмена», «О новой философической сектѣ», «Къ добру или худу человѣкъ рождается», «О безбожіи и безчеловѣчіи», «О словѣ мораль», «О почтеніи автора въ приказному роду», «О происхожденіи слова царь», «О суевѣріи и лицемѣріи», «О пребываніи въ Москвѣ Монбрана», «Странное обыкновеніе», «О критикѣ», «О домостроительствѣ», «Переводъ съ французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣдующія, напечатаннаго въ Парижѣ: Синавъ и Труворъ россійская трагедія, сочинен-

ная стихами г. Сумароковымъ», «Наставленіе младенцамъ: мораль, исторія и географія» (итого 88 статей).

Мы не безъ намѣренія привели здѣсь этотъ полный перечень сочиненій Сумарокова. Такая дѣятельность изумительна въ человѣкѣ того времени! Годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, не смотря на то, что современники ими восхищались. Однакожь никакъ нельзя презирать и судомъ современниковъ, обязанныхъ сочиненіямъ Сумарокова своею грамотностію и—что особенно важно—своею наклонностію къ благородному наслажденію чтеніемъ и театромъ. Слѣдовательно, поэтическія сочиненія Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы и образованія русскаго общества. Что же касается до собственно-литературныхъ статей Сумарокова, онѣ чрезвычайно-интересны и для нашего времени, какъ живой отголосокъ давно-прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое, было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, но порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный,—Сумароковъ все-таки былъ человѣкъ умный и притомъ высоко-образованный въ духѣ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много фактовъ о состояніи общества и духѣ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судія не только искусства и литературы, но и мнѣній и нравовъ современнаго ему общества. Посему, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойдти перваго (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненій, гдѣ онъ является критикомъ и полемическимъ мыслителемъ. И мы увѣрены, что послѣ нашихъ указаній, многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненіями Сумарокова и пожалѣютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и искаженіями смысла, безъ примѣчаній, и что теперь некому издать всѣхъ сочиненій Сумарокова какъ слѣдуетъ, а главное—съ необходимыми поясненіями и примѣчаніями. Вообще, надо замѣтить, что компактныя дешевыя изданія старинныхъ русскихъ писателей, игравшихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, которымъ необходимо знать основательно исторію отечественной литературы и роднаго языка. Въ царствованіе Екатерины было много пишущаго народа и однако немногіе пользовались огромною извѣстностію: знакъ, что въ нихъ было нѣчто соотвѣтствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть вкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важнѣе человѣка, и самыя заблужденія ея всегда представляютъ любопытный и поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть безплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка возстановить славу корифеевъ ихъ

юности на-счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они силятся соблазнить новое поколѣніе умершею поэзіею прошедшаго: но въ то же время, можно уважать имена тружениковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ, и способствовали къ произведенію того, что̀ называется «публикою» и безъ чего невозможна никакая литература. Такимъ образомъ, желательно было бы видѣть изданіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое, не только Ломоносова (старинныя и неопрятныя, притомъ и не совсѣмъ—полныя изданія котораго составляютъ теперь библіографическую рѣдкость), или Державина (Смирдинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ безполезно, ибо въ немъ пьесы расположены по родамъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонвизина (который изданъ г. Салаевымъ довольно толковито, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Кантемира и Тредьяковскаго, Поповскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Богдановича, Княжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина, Иванова, Макарова и другихъ; еще желательнѣе, чтобъ все это было издано съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издаютъ своихъ старинныхъ писателей Французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя, при полемическомъ топѣ, характеризуютъ общество его времени.

Первое мѣсто между такими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ «Димитрію Самозванцу». Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ-называвшейся у насъ встарину «слезной комедіи», что̀ называлась въ Европѣ мелодрамою. Извѣстно, что мелодрамы были въ страшномъ гоненіи въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретики искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими наслажденія, а не по пінтикѣ Буало. Сумароковъ, въ свою очередь, не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ «Евгенія», переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что еще болѣе возстановило противъ нея ревниваго ко всякому чужому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы выказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Выписываемъ ее вполнѣ, тѣмъ болѣе, что она не велика:

Слово публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую онаго: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Естьли бы я писалъ о вкусѣ диссертацію, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большей части ими наполненна. Слово чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово: подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается,

которые не дворяне. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ величества божіяго, или кратко богословъ, естествословъ, астрономъ, риторъ, живописецъ, скульпторъ, архитекторъ и протч.: по сему слѣпому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великія чины имѣли, богатство крезово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало; отъ сына Филиппова побѣдителя или паче разорителя вселенной, отъ Іюлія Цесаря утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничего. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ; но по смерти его вкусъ мало по малу сталъ изчезать. Не изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по театру почти еще и начала пѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, сплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики!.. Конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣрить подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и неужели вкусъ жителей московскихъ сходняе со вкусомъ сево подъячева! Подъячему сплетать похвалы вкуса княжичей и господичей московскихъ, толь маломѣстно, коль не пристойно лакѣю, хотя и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить его драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или съѣзжавшимся видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ деньги заплачены въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторію своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма малонужныя, можно и внѣ театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многіе въ Москвѣ зрителя и зрительницы не для того на позорище ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ имъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся въ удовольствіе публики автору: его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра. Но какъ то ни есть: я жалѣю, что не имѣю копію съ посланнаго къ г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ, и крайне болень, когда князь Козловскій, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево на бѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: а особливо что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру,

ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ: и съ молебномъ совокупять панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истинѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

За тѣмъ слѣдуетъ письмо Вольтера въ подлинникѣ. Вотъ слова Вольтера касательно мелодрамы: «Со временъ Ренара, который былъ рожденъ съ истинно-комическимъ геніемъ и одинъ пѣсколько приблизился къ Мольеру, у насъ были только одни чудища. Авторы, неспособные написать даже порядочной шутки, хотѣли писать комедіи, чтобъ только пріобрѣтать деньги. Не имѣя достаточной силы ума, чтобъ сочинять трагедіи, ни довольно веселости, чтобъ писать комедіи,—они не умѣли добиться извѣстности даже между лакеями. Тогда они начали выставлять трагическія происшествія подъ мѣщанскими именами. Говорятъ, будто въ этихъ пьесахъ есть интересъ и будто они возбуждаютъ вниманіе зрителя, если хорошо играются; можетъ быть; впрочемъ, я никогда не могъ ихъ читать; но утверждаютъ, будто актеры производятъ нѣкоторую иллюзію. Это незаконно-рожденныя пьесы—ни трагедіи, ни комедіи; когда пѣтъ лошадей, то считаешь себя счастливымъ, если можешь ѣхать на мулахъ».

Похваставшись письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свое предисловіе слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія «Евгеніи»:

«Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худо воспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать: она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается на это сочетаніе; перьвая его супруга пріѣхала въ его домъ: свѣдала, что сожитель ея съ другою бракомъ сочетавается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ; отецъ сердится: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ: наконецъ сожитель ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ, и вдругъ перемѣнивъ свою систему опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтрѣ еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію».

Изъ самого этого изложенія видно, что пьеса «Евгенія» самая моральная: повѣса раскаявается и бракомъ заглаживаетъ свой проступокъ; но нашъ критикъ никакъ не хочетъ простить ему рукоплесканій московской публики, и упорствуетъ видѣть въ немъ злодѣя. Онъ даже ругнулъ порядкомъ и актрису, за то, что она слишкомъ-хорошо играла роль Евгеніи. Такіе критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: «Неужели Москва больше повѣритъ подъячему, нежели *г. Вольтеру* и *мнѣ*» и «А ежели ни *г. Вольтеру*, ни *мнѣ* кто въ этомъ повѣрить не захочетъ» и пр., показываютъ достаточно, *какъ* думалъ Сумароковъ о самомъ-себѣ. Въ выходкахъ его самолюбія есть какая-то наивность и достолюбезность: это не столько наглое самохвальство, сколько теплая вѣра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи, особенно забавна его статья «Отвѣтъ на критику», которая начинается такъ: «Не надлежало бы мнѣ отвѣтствовать на сочиненную противъ меня г. Т. критику; ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашелъ; однако надо его потѣшить и что-нибудь на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его такъ много уничтожаю, что ужь и отвѣчать не хочу». Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на эту критику, хорошо характеризующихъ вообще критику того времени:

„Не дивлюсь говоритъ онъ (авторъ критики), что поступка нашего автора, безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца“. О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю, въ протчемъ сія новомодная критика очень преславна!

„Не думаетъ ли онъ,—говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоитъ, и что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ цѣпи спустилъ своевольную въ лихости свою музу?“—Думаю.

Приводя въ примѣръ онъ строфу изъ нѣкоторой оды г. Л. не узналъ онъ, что авторъ недремлющими называетъ очами, хотя то и совершенно изъяснено, что авторъ недремлющими очами называетъ звѣзды, а онъ подумалъ, что то сказано о ангелахъ. А строфа сія очень ясна.

Привязался онъ къ типографскимъ двумъ погрѣшностямъ, какъ будто кладъ нашелъ. Надлежало написать *умножь сея*, а ошибкою напечатано *умножь сей*, и вмѣсто *удобно* напечатано *удобной:* какъ же подумать, чтобы первую ошибку кто-нибудь сдѣлать могъ, кто хотя немного о стихотвореніи слыхалъ, а другую, кто хотя нѣсколько по Русски умѣетъ.

„И хотя оды свойство, говоритъ онъ, по мнѣнію авторову, что она

Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,
И мчася въ быстротѣ во всѣ края вселенны,
Врата и путь вездѣ имѣетъ отворены.

Вторая изъ двухъ моихъ епистолъ. Однако *де* сіе не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стороны, какъ угорѣлой кошкѣ“. Я какъ угорѣлая кошка не суюсь, а подлому изъясненію, *какъ угорѣлой кошкѣ*, кромѣ его сочиненій ни въ какой критикѣ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами:

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтобъ свой слогъ неправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.

Изъ второй изъ двухъ моихъ епистолъ. Я не знаю, къ кому сіи стихи, ко мнѣ или къ нему больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

Плюнь на суку
Морску скуку,
Держись черней и знай штуку.

Кажется мнѣ не лутче моихъ сочиненій.

Изъ послѣдняго возраженія ясно видно, что г. Т., написавшій на Сумарокова такую грозную критику, есть ни кто иной, какъ профессоръ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ, безсмертный Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

Этотъ, эта, это, за (вмѣсто) *сей, сія, сіе,* имѣю (почитаю) я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова не чужестранныя и непростонародныя: да я ихъ кладу (употребляю) ихъ очень рѣдко.

Братіевъ вмѣсто *братій,* есть вольность же, такъ же *сльдствіевъ,* и протчее: а братіевъ есть и весьма вольность малая; ибо хотя *братій* и правильное, нежели *братіевъ;* однако вмѣсто *братіевъ* сокращенно *братьевъ* еще употребительняе, нежели *братій: зьло, зьло братьевъ я здѣсь въ уродность ево положилъ много.* А я употребленію съ такимъ же слѣдую рачепіемъ, какъ и правиламъ: правильныя слова дѣлаютъ чистоту, а употребительныя слова изъ склада грубость выгоняютъ, на примѣръ: Я люблю сего, а ты любишь другова есть правильно, но грубо. Я люблю этова, а ты другова.—Отъ употребленія и изгнанія трехъ слоговъ *го* и *гаго* слышится пріятняе. Вотъ для чего я это дѣлаю, а не отъ незнанія, какъ гнѣваясь на меня г. Т. говоритъ изволитъ.

Кладетъ въ порокъ, что я пишу *опять* за *паки;* но прилично ли положить въ ротъ дѣвицѣ семьнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *паки,* а *опять* слово совершенно употребительное, и ежели не писать *опять* за *паки,* такъ и *который, которая, которое,* надобно отставить и вмѣсто того употреблять къ превеликому себѣ посмѣшеству, не употребительныя нынѣ слова *иже, яже* и *еже,* которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и очень будутъ дурны, не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ.

Особенно примѣчательны въ этой антикритикѣ Сумарокова слѣдующія слова объ авторѣ критики, т. е. Тредіаковскомъ: «Меня онъ пуще всѣхъ не любитъ, за нѣкоторыя въ одной моей епистолѣ стихи и за комедію, которыя онъ беретъ на свой счетъ. Пускай ево беретъ, а я въ томъ, что не къ нему это сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотя бъ то и о немъ было: однако я не говорю, что то о немъ писалъ, можетъ-быть о немъ, а можетъ-быть и не о немъ». Здѣсь дѣло идетъ о комедіи «Тресотиніусъ», въ которой подъ именемъ педанта *Тресотиніуса* дѣйствительно выведенъ Тредіаковскій, и въ которой, какъ во всѣхъ комедіяхъ Сумарокова, нѣтъ ни нравовъ времени, ни характеровъ, ни комизма, ни остроумія, ни правдоподобія, ни здраваго смысла. Естественно, что Тредіаковскій особенно напалъ на комедію, въ которой увидѣлъ пасквиль на себя.

Жестоко злобясь и браня меня. говоритъ онъ, что *Тресотиніусъ* мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга! или онъ думаетъ, что у нихъ

такой же Русской не знающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ, по характеру своему взять изъ Терентіева Евнуха, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ самъ названъ именемъ, а въ дацкомъ подлинникѣ, онъ не Брамарбасомъ называется.

Хоревъ, говоритъ онъ, взятъ весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а паипаче изъ Расиновой Федры. Это не правда; а что есть въ ней подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, что я и укрывать не имѣлъ намѣренія; для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лутчія свои трагедіи взялъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію* *** стиховъ, въ *Федру* *** стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставить невозможно.

Гамлетъ мой, говоритъ онъ, не знаю отъ кого услышавъ, переведенъ съ французской прозы Аглинской Шекеспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паданія, на Шекеспирову трагедію едва, едва походитъ.

Епистола моя о Стихотворствѣ, говоритъ онъ, вся Боалова, а Боало взялъ изъ Горація. Нѣтъ: Боало взялъ не все изъ Горація, а я не все взялъ изъ Боало. Кто захочетъ мою епистолу сличить съ Боаловыми о Стихотворствѣ правилами; тотъ ясно увидитъ, что я изъ Боало можетъ быть не больше взялъ, сколько Боало взялъ изъ Горація, и что нѣчто изъ Боало взято, я въ томъ и запираться никогда не хотѣлъ.

Отъ Вольтеровыхъ двухъ стиховъ, которыя я почти перевелъ и положилъ въ трагедію Хорева, въ прежестокую г. Т. вступилъ ярость, дѣлаетъ протчія восклицанія, и протчія непстовствы: а дѣло все состоитъ, что въ печати не въ томъ мѣстѣ поставлена запятая.

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искусства и литературы того времени: взять цѣликомъ идею, сюжетъ чужаго сочиненія, перевести цѣлыя мѣста изъ него,—это не считалось похищеніемъ и не умаляло цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: Французы нещадно обворовывали Грековъ, Римлянъ, Англичанъ и Испанцевъ, и изъ этого воровства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы, составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобъ писать стихи, особенно съ рифмами, нужно, если не таланта, то способности, по-крайней-мѣрѣ; чтобъ выдумать сюжетъ поэмы или драмы, нужно было только знать, въ подлинникѣ, или переводѣ, произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй—это значило «сочинять». Даже подражать рабски отечественнымъ писателямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое, поэтому, онъ и не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духѣ своего времени; и будь у него не много

побольше вкусу, не много поменьше самолюбія, да владѣй онъ русскимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владѣлъ имъ Ломоносовъ,—то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы, въ отношеніи къ этому времени, дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьёзнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова «О пребываніи въ Москвѣ Монбрана» есть пренаивно-выраженное мнѣніе о «заимствованіяхъ». Кто этотъ Монбранъ—не знаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ, какъ образованный Французъ, хорошо былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ, и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своею болтовнею о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами «о бездѣльствахъ г. Вольтера и г. маркиза Даржинса и о невѣжествѣ послѣдняго».—«А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говоритъ Сумароковъ), думая искоренить мое къ г. Вольтеру и и къ г. Даржинсу почтеніе. А не сбивъ меня съ моей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что г. Вольтеръ окрадываетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А подражаніе ни которому стихотворцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелія не таясь заимствовалъ, что изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ г. Вольтера трагедій, съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ г. Вольтера, котораго трагедіи по достоинству ихъ, похвалу себѣ у всей Европы заслужили».

«Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» есть настоящая критическая статья, кажется, писанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духѣ того времени, какъ то показываетъ и ея заглавіе и это маленькое предисловіе къ ней:

Разныя обстоятельства отвратили меня вѣчно отъ театра. Легче было мнѣ разстаться съ Таліею, нежели съ прелюбезною моею Мельпоменою; но я нынѣ и о ней рѣдко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила: а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по разлученіи вспоминати мучительно. Но кто отъ мучительнаго сновидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву.

За тѣмъ, Сумароковъ начинаетъ съ «Цинны» Корнеля, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувствія и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то-де стихъ «преславенъ», и такой-то «скареденъ», что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто «презящно» а такое-то «гнусно и подло»: Сумароковъ, какъ русскій человѣкъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находитъ хорошимъ, а другое дурнымъ,—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ перемѣнчивы времена! Хваля

особенно четыре стиха изъ «Федры» Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: «Едино сіе явленіе соплело бы вѣчныя Расину лавры, еслибъ онъ и ничего болѣе не писалъ»! Разбирая вольтерова «Брута», критикъ говоритъ: «Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ вашъ назначали *(слѣдуетъ выписка семи стиховъ)*. Брутъ перервалъ Аратову рѣчь по Вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музъ самихъ. Сіе явленіе не одну забаву приноситъ и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру, за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе Втораго дѣйствія вы отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, родъ искусства Авторскаго, дабы любопытство смотрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было». Далѣе, онъ нашелъ такія красоты въ «Брутѣ», что говоритъ: «Восхищеніе и пораженіе симъ явленіемъ моего сердца, препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовати похвалою Французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и можетъ-быть *и моему совмѣстнику*, которому я еще больше долженъ, нежели Расину».

Мнѣніе о «Заирѣ» Вольтера такъ добродушно-оригинально, или, можетъ-быть, такъ ловко и хитро выражено, что его нельзя не выписать вполнѣ:

Первое Явленіе прекрасно, вкуса щегольскова. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Втораго Дѣйствія Первое Явленіе, хорошо, а паче многократно Христіянамъ. Второе Явленіе хорошо. Третіе Явленіе писано весьма хорошо и Христіянамъ крайне жалостно. Не плакали во время Явленія одни только невѣжи и Деисты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣднія были и тронуты, свиданіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія Трагедія весьма хороша, но я, по нещастію моему, окруженъ былъ беззаконниками, которыя во все время кощунствовали, и ради того, вступающія въ очи мои слезы, не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиняя Драму Авторъ, о томъ имѣлъ попеченіе, дабы Христіанскій Законъ утвердити въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, сихъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго Богопочитанія, которыя не пріемлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія Драма съ прямымъ успѣхомъ передъ Деистами представлена будетъ; такъ и Драма Магометъ въ Константинополѣ понравится. Брутъ когда нибудь можетъ войдти больше въ моду въ Парижѣ; ибо изъ Монархіи республики дѣлаются. А Заира никогда изъ моды не выдетъ; Христіанскій Законъ не исчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчившагося Бога. Вы здѣлали великое по общему Христіанскому мнѣнію, дѣло, проповѣдывая и утверждая Христіанство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною Трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго Богопочитанія, и уже зараженныхъ людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Деистъ; такъ бы я въ вѣчномъ остался невѣденіи, ради чего вы сію Трагедію сочинили. А зная, что вы Христіанинъ вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу по Христіанству вѣрность.

Послѣ одного стиха въ «Альзирѣ» критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ восплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самою Мельпоменою, критику не понравилось то, что Альзира, въ

предъидущихъ дѣйствіяхъ «ругавшаяся европейскому о чести разсудку», тутъ говоритъ о томъ въ другомъ совсѣмъ духѣ. «Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры и Замора божественны».

Критика заключается разборомъ «Меропы», и послѣднія строки этого разбора могутъ служить и resumé и характеристикою всей критики:

„Нечего отличати: все прекрасно въ сей Трагедіи, по сіе время: придемъ къ Четвертому Явленію Третьяго Дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, я чувствую, но словами изобразити не могу. Остатокъ Дѣйствія прекраснъ. Четвертое Дѣйствіе все весьма прекрасно. Второе Явленіе несравненно. Четвертое Явленіе Пятаго Дѣйствія несравненно, и все Дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинна и Аталія кажется мнѣ должны уступить первенство Меропѣ и Федрѣ. Сіи двѣ Трагедіи будутъ вѣчною честію своимъ Авторамъ и Мельпоменѣ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ, и всему роду человѣческому.

Точно подписи учителя на тетрадкахъ школьниковъ: не дурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень-хорошо, отлично-хорошо, прекрасно, превосходно!.. Но это-то и называлось тогда критикою, и, право, Сумароковъ ни чѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

«Переводъ съ Французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца Апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ. Синавъ и Труворъ Россійская трагедія сочиненная Стихами господиномъ Сумароковымъ»—есть не что иное, какъ разборъ «Синава и Трувора», напечатанный въ парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ, и, можетъ-быть, имъ же и написанный. Статья эта заключается слѣдующими строками:

Въ протчемъ кажется, что Господинъ Сумароковъ, прежде нежели обогатилъ Россійскій театръ сею трагедіею, имѣлъ знаніе о нѣкоторыхъ чужестранныхъ театрахъ: за что ему Россія тѣмъ большее благодареніе приносить должна. *Сколь ни остроуменъ онъ отъ природы, сколь ни блистаютъ естественныя его дарованія вездѣ въ семъ сочиненіи;* однако можетъ быть не столь сильно, не столь съ правдою сходственно изобразилъ бы онъ любовь и ревность, есть ли бы никогда не читалъ *Расина* и *Шекспира.* Что жъ? Должно ли стыдиться таковаго училища? Самыя лучшія сочиненія сихъ Авторовъ, служили бы только къ тому, чтобъ въ отчаяніе привесть стихотворцевъ послѣдующихъ вѣковъ, ежели бы по крайней мѣрѣ не позволено было подражаніе. Представимъ себѣ Андромаху, Федру, Отелла, Ромеа и Іуліетту, то увидимъ ясно, что древніе трагики неизчерпнули всей матеріи о сихъ двухъ, или лучше сказать, о сей единственной страсти: но всякъ признаетъ, что выше упомянутые два великіе мужи не оставили ничего, чтобъ послѣ ихъ будущіе, какъ нѣчто новое могли предложить. И такъ, когда Авторъ всѣ силы свои на то употребляетъ, чтобъ писать такимъ же образомъ, какимъ они; то чѣмъ ближе онъ къ ихъ слогу приходитъ, тѣмъ большую себѣ похвалу вмѣсто строгаго истязанія заслуживаетъ. Тотъ былъ бы весьма несправедливъ, кто бы не приносилъ должной похвалы Господину Сумарокову за то, что онъ красоты чужестранныхъ стихотворцевъ не только

умѣлъ познать и почитать, но и употребить оныя въ свою пользу. Достойное порицанія невѣжество многихъ нынѣшнихъ писателей подвергаетъ сему осужденію для того, что они пріобыкнувъ окрадывать или грабить другихъ авторовъ имъ единовременныхъ и единоземцевъ, наполняютъ безстыднымъ образомъ свои сочиненія чужими мыслями и словами, не вѣдая въ чемъ состоитъ разумное подражаніе. Еще меньше можно винить Господина Сумарокова въ томъ, что содержаніе его трагедіи сходственно со многими Французскими. Двухъ братьевъ, влюбившихся въ одну особу находимъ мы въ нѣкоторыхъ самыхъ лучшихъ трагедіяхъ, которыя до сего времени остались на театрѣ, напримѣръ: въ Родогунѣ, Никомидѣ, Митридатѣ, Британникѣ, Радомистѣ и протчихъ: однако никакого другаго сходства не сыщется въ нихъ съ Синавомъ и Труворомъ. Въ чемъ можно легко увѣриться слича оную со всѣми вышеписанными.

Неизвѣстны намъ древнія преданія, на которыхъ можетъ быть однихъ основана вся Россійская Исторія до принятія Россіянами Христіянской вѣры. Авторъ не упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть ли въ исторіи какіе слѣды приключеній изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ насъ, что сія Господина Сумарокова драма въ отечествѣ его великій успѣхъ имѣла, и мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не сдѣлаетъ она ни малѣйшаго ущерба чести Авторовой, но крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ произведшему на свѣтъ такого стихотворца, который живымъ примѣромъ показываетъ о успѣхахъ наукъ введенныхъ Петромъ-Великимъ и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ Августѣйшей Его Дщери.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень-ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, напримѣръ: «*Межь льдистыми горами!*» межь льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь». Замѣчаніе его на два первые стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градо́въ ограда.

Градо́въ ограда, сказать не можно. Можно молвить, селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю, сверхъ того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа городовъ, а градъ гра̀довъ, а не градо́въ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, городъ имѣетъ званіе города̀, а градъ гра̀ды, а не града̀ и не грады.

Все это отчасти и справедливо; но самъ Сумароковъ, въ своихъ стихахъ, даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова «Разсмотрѣніе одъ г. Ломоносова». Въ ней нѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого приступа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, такимъ образомъ: «*Строфы прекраснѣйшія:*

(слѣдуютъ римскія цифры для означенія одъ и обыкновенныя цифры для означенія строфъ); *строфы прекрасныя:* (цифры); *строфы весьма хорошія:* (цифры); *строфы хорошія:* (цифры); *строфы изрядныя:* (цифры); *строфы, по моему мнѣнію, требующія большова исправленія:* (цифры); *строфы, о которыхъ я ничего не говорю:* (цифры).

Но этимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ «нѣкоторыя строфы»; она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, поперемѣнно, надъ одною стоитъ «его», а надъ другою «моя». Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

Мнѣ уже прискучилося слышати всегдашнія о г. Ломоносовѣ и о себѣ (т. е. обо мнѣ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служитъ не можетъ: да сіе же объясненіе значитъ галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ нѣжность: и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приноситъ. Можетъ ли лирическій авторъ составити честь имени своему громомъ! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ быти нѣжною Сильвіею и Амариллою воздыхающими у Тасса и Гваринія! Во стихахъ г. Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется: а я имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. Г. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Ево достоинство въ одахъ не громкость. А что жъ? объ этомъ долго говорить, и я прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторые къ чести ево строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія. О преимуществѣ себѣ я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенныя гадки: а есть ли и г. Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ этомъ тужить не стану: желалъ бы я только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ протчемъ я свои строфы распоряжалъ, какъ распоряжали Мальгербъ и Руссо (Жанъ-Батистъ) и всѣ нынѣшніе лирики; а г. Ломоносовъ етова не наблюдалъ; ибо наблюденіе сево, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобильныя риѳмы, разношеніе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толикаго стоятъ затрудненія, коликую приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной надписи г. Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія: а онъ ни кого не училъ и ни кого не выучилъ; ибо г. Ломоносова честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и ево и мои стихи увидятъ и судить насъ будутъ, или паче письма наши; но потомки могутъ, или должны будутъ подумати, что и я по сей ему надгробной надписи былъ ево ученикъ: а я стихи писалъ еще тогда, когда г. Ломоносова и имени не слыхала публика. Онъ же въ Германіи писати зачалъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него не только наставленія, но ниже зная его по слуху. Г. Ломоносовъ меня нѣсколькими лѣтами былъ по старѣе; но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я не трогая ни мало чести сево стихотворца предувѣдомляю потомковъ, которыя и г. Ломоносова и меня не скоро увидятъ: а особливо ради того, что и языкъ нашъ и поэзія наша изчезаютъ, а зараза пінтичества весь россійскій Парнассъ невѣжественно охватила: а я истребленія оному предвидѣти не могу, жалѣя, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что въ протчемъ до г. Ломоносова надлежитъ; такъ я, похваляя ево, думаю только о живости

его духа виднаго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищати оды свои, а во протчія поэзіи не вдавался.*

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей «О правописаніи», онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову, съ профессорскимъ тономъ какого-то неоспоримаго преимущества передъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *е* вмѣсто буквы *і*, достоенъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что «сіе нововведенное правило, не имѣетъ основанія, ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи: а единственно на произволеніи г. Ломоносова и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила да и утверждати того Академіи не можно: ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется». Далѣе, Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ наприм., *лѣта*, вмѣсто *лѣта*, *граддвъ*, вмѣсто *грàдовъ*, и что «многіе не размышляя, таковыя его ошибки приняли украшеніемъ піитическимъ, и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціальному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ».—«Но (прибавляетъ онъ) дабы не подумали, что я о происхожденіи г. Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благородство, но Музы на Парнассъ возводятъ; ибо благородство есть послѣднее качество нашево достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которыя другова достоинства не имѣютъ».—Изъ отвѣта Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы *ѳ* буквою *ф*, видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьёзныя объясненія: «Эта-де литера стоптъ подпершися, слѣдовательно бодряе».—«Отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ» замѣчаетъ Сумароковъ. Говоря о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не перемѣняя ее на *і*, Сумароковъ прибавляетъ: «Г. Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семъ противурѣчилъ, и признавься по розысканію точныя обстоятельности, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ; но не успѣлъ письменно со мною въ ономъ согласиться, или по *частнымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ*, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ онъ покритиковалъ у меня не знаю за что нарѣчіе *днесь*, и не пашелъ другова къ тому реченія, зачалъ употребляти вмѣсто *нынѣ*, *нынь;* но *нынѣ* не знаменуетъ той краткой точности: а *нынь* не можно вмѣсто *нынѣ* писать; ибо *ѣ* претворяти въ *ь* писатели вольности не имѣютъ, хотя они и стихотворцы; ибо и имъ дозволяется нѣчто, а не все, да и то что рѣчи ни мало

не обезображиваетъ. Да и на что *нынь;* ибо *нынь* ево тоже изображаетъ какъ и *ныне*: а краткость одного слова не стоитъ труда искуснаго риѳмотворца».—Дѣйствительно, Ломоносово *нынь*, вмѣсто *нынѣ*, такъ же нелѣпо, какъ и Сумароковы *мя* и *тя*, вмѣсто *меня* и *тебя*. Вообще, говоря о другихъ, Сумароковъ нерѣдко бываетъ и основателенъ и справедливъ. Такъ, на-прим., жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительные примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе «февраль» вмѣсто «февраръ», «пролубь» вмѣсто «прорубь». Но зато, видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчитъ самому-себѣ; такъ на-прим., съ одной стороны, требуя, чтобъ, для сохраненія кореннаго происхожденія словъ, писать *пріятный* вмѣсто *пріятный*, съ другой стороны не хочетъ, чтобъ предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ коренную свою букву *з*, и вооружается противъ этого со всѣмъ комизмомъ своей запальчивости. «Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скаредство, каково мы нынѣ дожили! *Востокъ*, *источникъ*, *превозходительство!* Конечно, паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспріята!»

Замѣчательно, какъ фактъ того времени, что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на Малороссіянъ, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто *во вѣки вѣковъ*, писали и пѣли *во вики виковъ*, вмѣсто *Тебѣ Господи—Теби Господы*, и т. п. «Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюся противъ ученыхъ Малороссіянъ: нѣтъ, дай Боже, чтобъ не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Ѳеофана имѣли! Есть нѣчто во краснорѣчіи худова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!»

Послѣ забавно-энергической выходки противъ *востока*, *источника*, и *превозходительства*, Сумароковъ дѣлаетъ слѣдующее не менѣе забавно-энергическое воззваніе къ Ломоносову:

О Ломоносовъ, Ломоносовъ! Что бы ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей снмъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатаны свои сочиненія! Сіе тебѣ въ возмездіе, что ты участныя имѣя со мною распри, часто мнѣ противоборствовалъ и во правописаніи, и въ другомъ, касающемся до нашего языка, въ чемъ мы прежде нашихъ участныхъ ссоръ и распрей всегда согласны были: и когда мы другъ отъ друга совѣты принимали, ругаяся несмысленнымъ писателямъ, которыхъ тогда еще мало было, и переводу Аргениды. Не было бы у меня болѣе съ тобою распрей, ежели бы въ твое время столько врали на Руси. Были врали и при жизни твоей, но было ихъ и мало, и были они по скромняе: а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, чтобы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся. Жаль того, что со вракъ не положено пошлины: а изъ стихотворцевъ не берутъ въ рекруты; ибо полка два изъ нихъ легко составить можно: а когда изо всѣхъ и сочинителей и переводчиковъ набирать рекрутовъ; такъ въ одинъ мѣсяцъ цѣлая великая армія на сраженіе будетъ готова; но ежели они таковыя будутъ солдаты, каковыя писатели; такъ не прогонимъ ни визиря, ни возьмемъ Бендеры.

Замѣчательна выходка Сумарокова противъ перевода Тредіаковскаго ролленевой исторіи: «Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми насъ невѣжи обогащаютъ! Вредно ободряли вралей похвалами, чтобъ они больше врали; ибо де не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; но враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторія неоцѣненнаго Роллина, въ переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, нѣкоторое ему познаніе, къ малому просвѣщенію, безъ другихъ знаній, и ко прогнанію скуки: *а языкъ нашъ какъ моровая заражаетъ язва*».

Вообще, эта статья такъ и дышетъ своею современностію и личностію Сумарокова: въ ней, онъ и его время какъ бы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ ними. Кому тутъ не достается, кто не задѣвается! И писатели, и женщины, и подъячіе!.. «Женщины наши (говоритъ критикъ) по большей части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ ни попало, на-прим., *матушка мая галубушка пажалуй атпишика мне душа мая гдѣ ты купила вчерашнай градитуръ*, а иногда и *гарнитулъ*».— Противъ безграмотности подьячихъ, по длиннотѣ филиппики, и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ *крапивномъ зельи*, объ этомъ *хамовомъ поколѣніи* (какъ онъ называлъ подьячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рѣкою, затоплявшею берега свои.

Слѣдующее мѣсто представляетъ для нашего времени особенно интересный фактъ старинной нашей литературы:

Силы (ударенія надъ словами) писывалъ и я, долго того держался, хотя и ненавидѣлъ, дожидался кого себѣ въ изверженіи оныхъ сотоварища, но г. Козицкій и г. Мотонисъ [248]) люди и во правописаніи и во грамматикѣ и во краснорѣчіи, которымъ я никогда ненависти моей къ силамъ не открывалъ, сами предварили меня, дабы обще начати въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, называемыхъ Трудолюбивою Пчелою, силы извергнуть: что мы и здѣлали: а сіе не въ началѣ того изданія начать. О, ежели бы и то принято было, въ чемъ также будто узнавъ мое мнѣніе предварилъ меня нѣкогда г. Полѣтика, человѣкъ искусный, *чтобы собственныхъ прилагательныхъ именъ не писать большими литерами*, наприм: *россійское войско* и протч. Я не знаю, дѣльно ли еще и то, что мы большими литерами всѣ свои страницы излишно шпикуемъ: а по правописанію нашему, большіе литеры становилися только послѣ точекъ въ началѣ сочиненія, и должны еще становиться при каждой строкѣ въ началѣ стиха.

Статья «О стопосложеніи» изобилуетъ комически-смѣшными выходками Сумарокова противъ Ломоносова.

Г. Ломоносовъ зналъ недостатки сладкорѣчія: то есть, убожество риѳмъ, затрудненіе, отъ неразноски литеръ, выговора, нечистоту стопосложенія, темноту склада, рушеніе грамматики и правописанія, и все то, что нѣжному упорно слуху и неповрежденному противно вкусу; но убѣгая сей великой трудности, не находя къ стопосложенію и довольно имѣя къ одной только лирической поэзіи способности: а при томъ опираяся на безразборныя по-

хвалы, вмѣсто исправленія стопосложенія, ево болѣе и болѣе портилъ: и ставъ почти порчи сея образцемъ, не хуля того и во другихъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь ко стихотворенію; но путь сей на парнасскую гору не возводитъ. У г. Ломоносова во строфахъ его много еще достойнаго осталось, хотя, что, или лучше сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ ево иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроворный стопослагатель, ето я не пустыми словами, но не опровергаемыми доводами покажу; и всѣ мою истину увидятъ ясно: что ему много и самому часто говорено было. Жаль того, что въ нѣкакое время мы были съ нимъ приятели, и ежедневныя собесѣдники! и другъ отъ друга здоровыя принимали совѣты, я самъ тогда тонкости стопосложенія не зналъ; но послѣ долговременною пріобрѣлъ себѣ истинное о немъ понятіе практикою..... А спонден обезображивали и самыя лутчія г. Ломоносова строфы, къ великому мнѣ о немъ сожалѣнію: ибо онъ только и г. Поповскій нашему парнасу истинную честь, отъ начала Россіи, что до стиховъ надлежитъ, и приносили. И есть ли бы г. Ломоносовъ не разстроивался со мною; не въ такомъ бы состояніи видѣли мы россійское краснорѣчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянути на долго. Я ему еще подпора: нѣкоторыя духовныя и такія люди, каковъ г. Козицкій, Матонисъ и имъ равнознающія, ежели есть такія.

Статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы: она доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разливѣ. Сумароковъ смѣется надъ словами: *фрукты*, *сервизъ*, *антишамбера*, *камера*, *сюртукъ*, *супъ*, *гувернанта*, *аманта*, *дама*, *валетъ*, *атутъ* (козырь), *роа* (король), *мокероваться*, *эложъ* (похвала), *принцъ*, *бурса*, *тоалетъ*, *пансивъ* (задумчивъ), *корреспонденція*, *кухмистръ*, *толъ*, *эдиція*, *жени* (т. е. геній; подъ *жени* Сумароковъ понималъ *остроуміе*), *бонсанъ* (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ *разсужденіе*), *эдюкація*, *манификъ*, *деликатно*, *пассія*. Однакожь если многія изъ этихъ словъ вывелись изъ употребленія, зато многія и остались; геній языка умнѣе писателей, и знаетъ, что̀ принять и что̀ исключить. Вѣроятно были употребительны и такія фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: «Я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я à ку сюръ противъ риваля моего буду реванжироваться».

Какъ о чертѣ смѣшнаго и добродушно-наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя не упомянуть о его вызовѣ проѣздить за границею два года и потомъ описать свое путешествіе. «Каково мое перо (говоритъ онъ), о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшія въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю». За два года и четыре мѣсяца онъ спросилъ у правительства, кромѣ своего жалованья 12,000 рублей, «которыя деньги по изданіи моего путешествія воз-

вратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6000 экземпляровъ продаваяся по три рубля, 18,000 рублевъ, а потомъ оная во всегдашнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ».—«Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не дорого бы стало Россіи, ежели бы и 300,000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему».

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперь странно видѣть въ печати. Всѣ онѣ оканчиваются одинаково, въ родѣ этого:

О лютый Періандръ!.. невинность изчезаетъ:
Вручаюся тебѣ... Пастухъ на все дерзаетъ.
Не спортъ Туллія, гоня упрямство прочь,
И въ исступленіи препровождаетъ ночь,
Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ спора,
Доколѣ не взошла на паствѣ къ нимъ аврора...

И несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ, или неприличнымъ; а напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эклога такой ужь родъ поэзіи, который, по сущности своей, требовалъ такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эклоги «прекрасному россійскаго народа женскому полу», и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эклоги, какъ рода поэзіи:

Я вамъ, прекрасныя, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эклоги наполнены излишно любовію; такъ должно знати, что недостаточная (не полная?) любовь не была бы матерію поэзіи: сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ къ оному придлежащихъ: едина нѣжность только препровождаема жаромъ и вѣрность была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ, о ябедничествѣ беззазорно во всякихъ бесѣдахъ; не уже ли такіе разговоры благородняе рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви. Въ еклогахъ моихъ возвѣщается нѣжность и вѣрность, а не злопристойное сластолюбіе, и нѣтъ таковыхъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любовь имущая едино сластолюбіе въ основаніи: презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывати слабыхъ женщинъ: подвержены нѣкоторому попошенію и женщины, въ обманъ давшіяся: презрѣнно неблагородное сластолюбіе; но любовныя нѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтенны будутъ. Любовь источникъ и основаніе всякаго дыханія: а въ добавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи; такъ можно ли сочинняти еклоги, естьли нѣтъ ужаснется глупыхъ предваренній и невкусныхъ кривотолкованій. А вы, прекрасныя, помните только то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя еклоги и основанныя на нѣжности, подпертой честностію и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтенняе правосудія; но колико изъ него происходитъ ябедъ и крючкотворенній, а слѣдовательно утѣсненій и погибели роду человѣческому? И что почтенняе, еклоги ли составлять, наполненныя

любовнымъ жаромъ и пишемыя хорошимъ складомъ, или тяжебныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и вникните въ мысль этого предисловія: она была мыслію вѣка. Дезульеры, Геснеры и Флоріаны писали свои эклоги и идиллін именно по этой теоріи. Они изображали дѣйствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невинности, не понимая того, что состояніе ненинности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австралін. Этимъ-то мнимо-невиннымъ людямъ придавали они сладенькія чувствованьица своего времени, и были вполнѣ увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Меналки, Титиры, Коридоны, Аглаи, Хлои, Амариллы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда-какъ это просто общія реторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполнѣ достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ для своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судитъ обо всемъ—о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзіи, о стѣснительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бесѣдахъ, чтеніи романовъ, и проч. и проч. Часто у него попадаются мысли хотя не глубокія, но здравыя и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подьячихъ: Боже мой, гдѣ и какъ ни пятналъ, ни позорилъ ихъ этотъ неутомимый боецъ! Говоря о подьячихъ, Сумароковъ становится и жолченъ, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отродію (говоря его выраженіемъ) была живою струною его души; и кто же не согласится, что источникъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу: дидактическое направленіе въ поэзіи самобытной есть признакъ антипоэтическаго характера народа; но въ поэзіи подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была, въ своемъ началѣ, поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, соціальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самого искусства: ибо общество потому только и принялось за нее, что увидѣло въ ней *поученіе*, дѣйствительно-полезное для него. Когда дидактическая поэзія истощила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась реакція, заговорили о поэзіи, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой-себѣ, а между-тѣмъ привычка къ чтенію, занятію поэзіею, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзіи воспѣвать геройскіе подвиги и побѣды, не увольняя ея отъ обязанности поучать; потомъ, стали позволять ей, между прочимъ, быть выразительницею прихотей фантазіи, и наконецъ, ради граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнистое вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь.

Ужь послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само-себѣ цѣль, что поэзія внѣ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ-какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особной и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности и исключительности, а слѣдовательно, и до нелѣпости. Теперь критикѣ предстоитъ новая задача—примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, съ служеніемъ истинѣ [249]).

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Не смотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженій, для *многихъ* было весьма-полезно и поучительно въ тотъ зараженный спѣсью барства вѣкъ читать, на-прим., такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу:
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не ясняй умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку продать?

Въ числѣ эпистолъ, находимъ и слѣдующія: «Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель», «Къ неправеднымъ судіямъ», «О русскомъ языкѣ», «О стихотворствѣ» (передѣлка L'Art Poëtique Буало) и «Наставленіе хотящимъ быти писателями». Во всемъ этомъ видѣнъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчателенъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и его эпохи. Если бъ кто вздумалъ написать историческій романъ, или историческую повѣсть изъ тѣхъ временъ,—изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что такое историческій романъ, какъ не исторія общества въ извѣстную эпоху? Да; предметъ исторіи—человѣчество, или народъ; предметъ историческаго романа—общество. Постепенность развитія идей въ обществѣ представляетъ собою картину въ высшей

степени интересную. На само искусство нельзя смотрѣть только въ сферѣ самого искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть иногда вѣренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ-отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература—плодъ реформы Петра-Великаго,—какъ наша цивилизація. Начавшись формами безъ жизни, онѣ постепенно стремились къ жизни и самобытности, и достигли наконецъ того и другаго чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса,—что и заставило насъ говорить о немъ подробнѣе. Въ слѣдующей статьѣ, мы постараемся обозначить постепенность процесса формированія и развитія нашей поэзіи и литературы отъ знаменитой войны шишковистовъ съ карамзинистами до болѣе-знаменитой войны классицизма съ романтизмомъ. Мы думаемъ, что это значитъ показать ту сторону исторіи нашей литературы, на которую еще никто не обращалъ вниманія [250]).

***659. Сочиненія Платона.** Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи *Карповымъ*. Часть II-я. Санктпетербургъ. Въ тип. Император. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 385 стр. (Цѣна 3 р. сер. за обѣ части) [251]).

Во второй части «Сочиненій Платона» также еще нѣтъ самого Платона, какъ не было и въ первой: герой той и другой части — великій учитель Платона, Сократъ. Но въ этой части, Сократъ является уже съ другой, болѣе интересной для всѣхъ, нежели для немногихъ, стороны своей. Въ первыхъ трехъ разговорахъ мы видѣли только *діалектика* Сократа, который обезоруживалъ хитросплетенную ложь софистовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ—діалектикою, но который не высказывалъ своихъ убѣжденій и идей, довольствуясь тѣмъ, что изобличалъ пустоту и ничтожество софистическаго лжемудрованія. Въ слѣдующихъ же *пяти* разговорахъ — «Хармидѣ», «Эвтифронѣ», «Менонѣ», «Апологіи Сократа» и «Критонѣ», изъ которыхъ состоитъ эта вторая часть, мы видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся съ его высокою мудростью, исполненною глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта мудрость всѣмъ доступна и всякому понятна, кто только жаждетъ мудрости: ибо Сократъ, какъ истинный Грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецовъ могла производить только древность, гдѣ всѣ стихіи жизни были слиты въ органическое цѣлое и единое, гдѣ жрецъ, ученый, художникъ, купецъ, воинъ, прежде всего былъ человѣкомъ и гражданиномъ; гдѣ гуманическое начало развивалось въ человѣкѣ прежде всего, гдѣ воспитаніе было столько же развитіемъ тѣла, сколько и духа, на томъ основаніи, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа; гдѣ мыслить значило вѣровать, и вѣровать значило мыслить; гдѣ имѣть нравственное убѣж-

деніе значило быть всегда готовымъ умереть за него; гдѣ наука и искусство не отдѣлялись отъ жизни, и образъ мыслей отъ образа жизни; гдѣ гражданинъ былъ участникомъ и въ правленіи и въ жречествѣ; гдѣ воинъ, въ мирное время, учился мудрости и наслаждался искусствомъ; а ученый, артистъ и ораторъ, во время войны, сражались за отечество и умирали за него; гдѣ праздники были столько же религіозными, сколько эстетическими, общественными, государственными и національными... Греція въ особенности была такою страною въ древности, и только она могла произвести такого мудреца, какъ Сократъ, который поучалъ мудрости, бесѣдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собраніяхъ, въ торжествахъ, въ темницахъ,—вездѣ, гдѣ могъ сойдтись и встрѣтиться съ человѣкомъ... Наше время — время не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что многосторонніе и безконечно-разнообразные, въ сравненіи съ древностію, элементы новой жизни до сихъ-поръ еще въ броженіи, до-сихъ-поръ еще не примирились и не слились въ единое и цѣлое. Въ наше время, всѣ—или штатскіе, или военные, или мѣщане, купцы, художники, ученые, земледѣльцы, все, что̀ угодно—только не «люди»; титло «человѣка» священно и велико только на словахъ да въ книгахъ, а въ жизни, о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ... Въ юности мы учимся всѣмъ наукамъ, исключая той, которая научаетъ каждаго быть человѣкомъ. Званіе такое-то можетъ въ наше время избавлять отъ обязанности знать что-нибудь внѣ его сферы; званіе ученаго, напримѣръ, позволяетъ быть трусомъ, блѣднѣть и прятаться при звукѣ оружія. Но всего грустнѣе, что не только званіе, но даже всемірная слава философа, у насъ, не только избавляетъ отъ обязанности считать себя въ какихъ бы то ни было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и народомъ, но еще какъ-бы поставляетъ въ обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Отъ-того-то въ наше время иной философъ, пока на каѳедрѣ — Промеѳей, рѣшительный Промеѳей; слушаешь и дивишься, какъ одинъ человѣкъ можетъ вмѣстить въ себѣ столько мудрости, столько знанія!.. Но прійдите въ домъ къ этому Промеѳею: Боже мой, какое превращеніе! Филистеръ, мѣщанинъ, человѣкъ, котораго вся поэзія жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою пива... На каѳедрѣ — ему, кажется, только и бесѣдовать бы что съ богами; а въ жизни, это одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ бюргер-клуба... На каѳедрѣ, это герой истины, готовый защищать ее, логическими построеніями, противъ всей вселенной; а въ жизни — это человѣкъ, хорошо вытвердившій правило «мое дѣло сторона», и живущій въ ладу со всякою дѣйствительностію, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно ли, что философія въ наше время производитъ только школьныя партіи, и что жизнь также не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизнь?.. А художникъ нашего времени?.. Онъ живетъ въ прошедшемъ, поетъ, какъ птица [252]), и подобно птицѣ перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, ища мѣстечка, гдѣ бы ему было получше!.. Не такова была древность—эта великая школа людей и му-

жей, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей, и, будучи женами и матерями, умѣли быть и гражданками, гдѣ художники и ученые были не птицами и не педантами, а таинниками, хранителями прометеева огня національной жизни... Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль — фактомъ, и фактъ мыслію. Зато, въ Греціи, на-примѣръ, Гомера знали не одни ученые, а цѣлый народъ; Пиндару и Коринѣ рукоплескала вся Эллада на олимпійскихъ играхъ; Геродотъ, на тѣхъ же олимпійскихъ играхъ (а не въ собраніи общества любителей словесности), читалъ Эллинамъ исторію славной борьбы ихъ съ Азіею, а юноша Оукидидъ плакалъ, слушая вѣщаго старца... Софоклъ, обвиненный неблагодарными дѣтьми въ помѣшательствѣ ума, передъ лицомъ всего народа выигрываетъ процессъ, прочтя судіи-народу отрывокъ изъ своего «Эдипа»... А между-тѣмъ, Греки не знали великаго искусства книгопечатанія, которымъ мы столько гордимся, забывая, что у насъ большая часть и знающихъ-то грамотѣ читаютъ только прейс-куранты да объявленія о продажахъ и подрядахъ...

Вѣрить и не знать—это еще значитъ что-нибудь для человѣка; но знать и не вѣрить—это ровно ничего не значитъ. Сознательная вѣра и религіозное знаніе—вотъ источникъ живой дѣятельности, безъ котораго жизнь хуже смерти. А между-тѣмъ, сколько людей въ наше время безъ памяти рады, что они — скептики, и что они вѣрятъ только въ то, что чѣмъ больше въ карманѣ денегъ, тѣмъ веселѣе быть скептикомъ!.. Только въ такое несчастное время могутъ существовать люди, которыхъ ремесло въ томъ, чтобы тѣшить праздную толпу, кувыркаясь передъ нею на канатѣ, въ нарядѣ паяца, въ колпакѣ съ бубенчиками, и которые готовы доказывать, для ея потѣхи, что Сократъ былъ умный плутъ, который морочилъ Аѳинянъ своимъ демономъ, внутренно смѣясь надъ ними, какъ-будто бы Сократъ былъ забавникъ-журналистъ, или шутъ... Эти «скептики», по себѣ-самимъ судящіе о великихъ людяхъ, эти потѣшники толпы,—съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ, готовы доказывать, что Сократъ и чашу-то съ цикутою выпилъ изъ желанія плутовать и тѣшиться... Для низкихъ натуръ ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ мстить за свое ничтожество, бросая грязью своихъ воззрѣній и мнѣній въ святое и великое жизни... А безсмысленная толпа, дикая, невѣжественная чернь, за то-то и удивляется этимъ гаерамъ, принимая ихъ наглость и дерзость за знаніе и умъ...

Кстати о Сократѣ и чашѣ съ цикутою, которая прекратила дни мудреца и праведника: въ разговорѣ « Критонъ » Платонъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ въ темницѣ съ ученикомъ его, Критономъ. Критонъ уговариваетъ Сократа бѣжать, Сократъ доказываетъ ему, что не можетъ этого сдѣлать, не отрекшись отъ своего собственнаго ученія, и не запятнавъ безчестіемъ всей своей жизни. Критонъ говоритъ, что не хорошо, если толпа подумаетъ, что Сократъ больше пожалѣлъ денегъ, для подкупленія стражи, чѣмъ друзей своихъ.

Сокр. Но что вамъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно могло сдѣлаться.

Крит. Но вотъ ты видишь, Сократъ, что необходимо заботиться и о народномъ мнѣніи: настоящее именно событіе показываетъ, что толпа можетъ производить не маленькое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бываетъ оклеветанъ передъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобъ она могла производить величайшее зло, дабы имѣть силу и для произведенія величайшаго добра: тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго, ни умнаго ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

Какая глубокая соціальная мысль заключена въ этихъ словахъ Сократа. Именно, общественное мнѣніе потому и имѣетъ силу убивать часто доброе и безукоризненное имя, чтобъ быть въ состояніи воздать должное и великому подвигу: нужно ему быть просвѣщеннымъ, чтобъ имѣть силу дѣлать одно доброе и великое; но будучи невѣжественно, оно управляется вѣтромъ случая, и само-по-себѣ не можетъ дѣлать ни умнаго, ни глупаго, ни добра, ни худа...

Въ «Критонѣ» выражено понятіе Сократа о законахъ, и объ отношеніяхъ къ нимъ гражданина. Какъ послѣдній доводъ противъ Критона, Сократъ олицетворяетъ законы и заставляетъ ихъ такъ говорить ему, еслибъ онъ бѣжалъ:

„Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпринимаемымъ поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зависитъ, причинить погибель и намъ—законамъ и цѣлому обществу? Развѣ, по твоему мнѣнію, то общество можетъ еще существовать и не разрушиться, въ которомъ судейскія опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ они теряютъ свою важность и искажаются людьми частными!——Сократъ! не удивляйся нашимъ рѣчамъ, но отвѣчай; ты вѣдь привыкъ предлагать вопросы и давать отвѣты. Скажи-ка: за какую вину нашу и общественную хочешь погубить насъ? Во-первыхъ, не мы ли родили тебя? Не черезъ насъ ли твой отецъ женился на твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, порицаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ насъ—законовъ, которыми скрѣпляются брачныя узы?—Не порицаю, сказалъ бы я.—А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго и подъ управленіемъ которыхъ образованъ самъ ты? Развѣ законы, завѣдывающіе сими дѣлами, не хорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ?—Хорошо, отвѣчалъ бы я.—Конечно; но получивъ бытіе, воспитаніе и образованіе, можно ли тебѣ во-первыхъ сказать, что ты и не потомокъ нашъ и не рабъ? Можешь ли ты сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло,—ты имѣешь право противодѣйствовать нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего отца, и праву господина, еслибъ онъ былъ у тебя; ибо, страдая, тебѣ непозволительно было подвергать страданію, слушая брань противорѣчить, принимая побои, бить, и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ это дѣлать въ отношеніи къ отечеству и законамъ, такъ-что, когда мы, опираясь на свое право, намѣреваемся погубить тебя, ты рѣшаешься, сколько отъ тебя зависитъ, погубить насъ — законы и отечество, и говоришь, что твой поступокъ справедливъ,—говоришь ты, ревнитель истины и добродѣтели? Такова-то твоя мудрость! Ты забылъ, что отечество поч-

теннѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно досточтимѣе, священнѣе, выше ихъ и передъ богами, и передъ людьми умными; что передъ нимъ должно благоговѣть и, когда оно гнѣвается, покорствовать и угождать ему болѣе, чѣмъ отцу; что повелѣваетъ ли оно дѣлать,—надобно или уговорить его, или дѣлать, предписываетъ ли страдать,—надобно страдать, притомъ, молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти, надобно исполнять. — И вотъ справедливость: не уклоняться, не отступать, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ дѣлать то, что повелѣваетъ общество и отечество; или ужь показать ему, въ чемъ состоитъ существо справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво, а въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже. Что скажешь на это Критонъ? Правду ли говорятъ законы, или нѣтъ?

К р и т. Да, кажется.

С о к р. Смотри же, Сократъ, продолжали бы законы, истинны ли слова наши, что, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящій поступокъ, ты не правъ. Родивъ, воспитавъ, образовавъ тебя и давъ тебѣ, какъ и прочимъ гражданамъ, все зависѣвшее отъ насъ прекрасное, мы однакожь публично предоставили на волю каждаго Аѳинянина выдержать испытаніе, узнать дѣла общества и насъ—законы, и, если кому не нравимся, взять свое имущество и удалиться, куда угодно. Въ этомъ случаѣ ни который изъ насъ—законовъ не препятствуетъ и не запрещаетъ вамъ, если хотите, переселиться въ колонію, какъ скоро ни мы, ни общество не по мыслямъ, а оттуда переѣхать въ какое угодно иное мѣсто и взять свое имущество. Но кто изъ насъ, видя, какъ мы разсматриваемъ судебныя дѣла и управляемъ обществомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остался, тотъ у насъ почитается уже такимъ человѣкомъ, который далъ намъ согласіе на самомъ дѣлѣ — исполнять все, что бы ни было приказано, и если онъ непослушенъ, то мы признаемъ его втройнѣ виноватымъ: и потому, что оскорбляетъ насъ, какъ воспитателей, и потому, что согласившись слушаться насъ, и не слушается и не показываетъ намъ, что мы въ чемъ-нибудь поступаемъ худо. Между-тѣмъ, какъ съ нашей стороны только предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что приказываемъ, только позволяется одно изъ двухъ—или доказать намъ, или исполнить,—онъ не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Этимъ же обвиненіямъ подвергаешься и ты, Сократъ, какъ скоро совершивъ то, что замышляешь,—подвергнешься и ты не только не менѣе прочихъ Аѳинянъ, но еще болѣе, чѣмъ они. А если бы я спросилъ ихъ: почему это такъ? — то они, можетъ быть, справедливо бы укорили меня и сказали: потому, что ты далъ намъ это согласіе предпочтительно передъ другими Аѳинянами. Они сказали бы: Сократъ! у насъ есть важныя доказательства, что и мы, и общество—тебѣ нравились; ибо ты, вѣроятно, не жилъ бы здѣсь отлично отъ всѣхъ Аѳинянъ, если бы не имѣлъ столь же отличнаго расположенія къ мѣсту своего жительства. Ты никогда не оставлялъ города даже и для общественныхъ праздниковъ, разъ только ходилъ на Истмъ; никогда не отправлялся въ другія мѣста, развѣ сражаться; никогда не предпринималъ и путешествій, какъ дѣлаютъ многіе. У тебя не было охоты познакомиться съ иными обществами и иными законами: мы и наше общество удовлетворяли тебя. Вотъ какъ ты предпочиталъ насъ и соглашался управляться нами! Да и дѣтей родилъ здѣсь, потому-что здѣшнее тебѣ нравилось. Притомъ, во время самаго судопроизводства, если бы тебѣ хотѣлось, въ твоей власти было обречь себя на изгнаніе; и тогда ты сдѣлалъ бы то же самое съ согласія общества, что теперь предпринимаешь противъ его воли.

Между-тѣмъ, тогда ты показывалъ видъ, будто не оскорбляешься, если тебѣ надобно умереть, и говорилъ, что смерть предпочитаешь ссылкѣ; а теперь и тѣхъ словъ своихъ не стыдишься, и насъ—законовъ не совѣстишься, и умышляешь намъ погибель; теперь ты дѣлаешь то, что сдѣлалъ бы самый негодный рабъ, потому-что рѣшаешься бѣжать, вопреки условіямъ и согласію управляться нами. И такъ, сперва отвѣчай, правду ли мы говоримъ, утверждая, что ты обѣщался слѣдовать намъ, хоть не словомъ, такъ дѣломъ, или не правду? Что скажешь Критонъ? Не приходится ли согласиться?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты нарушаешь заключенныя съ нами условія, сказали бы они, и забываешь о своемъ согласіи, которое далъ и не по дѣйствію обмана, и не потому, что имѣлъ мало времени для размышленія. Въ-продолженіи семидесяти лѣтъ, тебѣ можно было бы удалиться, если бы мы не нравились, или, если бы твое согласіе казалось несправедливымъ. Такъ нѣтъ, ты не предпочелъ ни Лакедемона, ни Крита, которые всякій разъ признавалъ благоустроенными, и никакого инаго эллинскаго или варварскаго общества: ты рѣже оставлялъ свое отечество, чѣмъ хромые, слѣпые и другіе калѣки. Очевидно, что тебѣ болѣе, нежели прочимъ Аѳинянамъ, нравились—наше общество и мы, законы; ибо кому понравилось бы общество безъ законовъ? И вотъ теперь однакожь ты не стоишь въ своихъ обѣщаніяхъ? — Нѣтъ, Сократъ, насъ-то ты послушаешься и не уйдешь изъ общества, чтобы сдѣлаться предметомъ смѣха. Разсмотри-ка хорошенько: совершивъ свое преступленіе и уклонившись отъ своего долга, какое благо доставишь ты себѣ, или друзьямъ своимъ? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бѣжать и лишиться отечества, или потерять имущество,—это почти вѣрно. А самъ ты?—положимъ, во-первыхъ, придешь въ которое-нибудь изъ ближайшихъ обществъ, въ Ѳивы или Мегару, потому-что оба они отличаются благоустройствомъ: но туда явишься ты, Сократъ, какъ врагъ ихъ учрежденій; и тѣ, на которыхъ возложено попеченіе о сихъ обществахъ, будутъ смотрѣть на тебя съ недовѣрчивостію, какъ на разрушителя законовъ. Значитъ, твой поступокъ только подтвердитъ мнѣніе судей, что ихъ приговоръ надъ тобою, должно быть, справедливъ; ибо кто нарушаетъ законы, тотъ безъ сомнѣнія можетъ показаться развратителемъ юношей и глупцовъ. Положимъ опять, что ты постараешься бѣгать обществъ благоустроенныхъ и людей порядочныхъ: но дѣлая это, стоитъ ли тебѣ жить на свѣтѣ? Приближаясь къ нимъ, развѣ тебѣ не стыдно будетъ собственныхъ ихъ словъ?—и какихъ словъ, Сократъ!—тѣхъ, которыя ты говорилъ здѣсь, что добродѣтель и справедливость, политическія учрежденія и законы—для людей весьма важны. Не-уже-ли не думаешь, что тогда Сократъ явится человѣкомъ презрѣннымъ? И вѣдомо. Положимъ также, что вырвавшись изъ этихъ мѣстъ, ты придешь къ Ѳессалію, къ Критоновымъ знакомымъ: тамъ-то уже величайшее неустройство и своеволіе; тамъ, можетъ быть, не безъ удовольствія будутъ слушать, какъ забавно бѣжалъ ты изъ темницы, завернувшись въ какой-нибудь плащъ, или одѣвшись въ шубу, либо во что другое, по обычаю бѣглецовъ, и такимъ образомъ измѣнивши свою наружность. Но и тамъ ужели никто не скажетъ, что ты, въ старыхъ лѣтахъ, доживая, по всей вѣроятности, небольшой остатокъ своего времени, дерзнулъ такою скользкою дорогою усильно искать жизни и переступить великіе законы?—Можетъ быть, если никого не оскорбишь; а не то, — услышишь, Сократъ, много и такого, что недостойно тебя. Ты будешь жить, приноровляясь ко всѣмъ людямъ и служа имъ. Да и что тебѣ дѣлать въ Ѳессаліи, если не

пировать, пріѣхавъ туда будто на балъ? А тѣ рѣчи о справедливости и другихъ добродѣтеляхъ—куда дѣнутся у насъ? Но представимъ, что твоя жизнь будетъ посвящена воспитанію и образованію дѣтей? Такъ что жь? Они воспитаются и образуются, переѣдши ли въ Ѳессалію и сдѣлавшись иностранцами, чтобы и этимъ быть обязанными тебѣ? или, не подвергаясь такому переселенію и воспитываясь при твоей жизни, получатъ лучшее воспитаніе и образованіе въ твоемъ отсутствіи, то есть, когда объ нихъ будутъ заботиться друзья твои? Но если твои друзья примутъ ихъ на свое попеченіе, по отшествіи твоемъ въ Ѳессалію; то почему не попекутся о нихъ по отшествіи твоемъ въ преисподнюю? И вѣдомо;—какъ скоро тѣ, которые называютъ себя твоими друзьями, искренно хотятъ услужить тебѣ. Такъ, Сократъ, повинуясь намъ—воспитателямъ твоимъ, не ставь выше справедливости ни дѣтей, ни жизни, ничего другаго, чтобы, сошедши въ преисподнюю, мочь въ свое оправданіе сказать все это властямъ ея. Твой поступокъ, видишь, и здѣсь не обѣщаетъ ничего хорошаго, справедливаго и святаго, какъ тебѣ, такъ и твоимъ ближнимъ, и по пришествіи туда не встрѣтитъ тебя ничѣмъ хорошимъ. Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженнымъ — не отъ насъ—законовъ, а отъ людей: напротивъ, если уйдешь и такъ постыдно воздашь обидою за обиду, зломъ за зло, нарушивъ свои обѣщанія и договоръ съ нами и сдѣлавъ зло тѣмъ, которые менѣе всего виноваты, то-есть, себѣ друзьямъ, отечеству и намъ; то во время твоей жизни будемъ гнѣваться на тебя мы, а послѣ неблагосклонно примутъ тебя наши братья — законы преисподней, зная, что ты, сколько отъ тебя зависѣло, умышлялъ на нашу погибель. Не вѣрь же Критону болѣе, чѣмъ намъ, и не дѣлай того, что онъ говоритъ.

Вотъ слова, любезнѣйшій другъ, Критонъ, которыя я, кажется, слышу, какъ изступленные жрецы слышатъ флейту! Звуки этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно бы говорилъ, если бы сталъ утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего мнѣнія. Впрочемъ, если можешь сказать болѣе, говори.

Крит. Нѣтъ, Сократъ, не могу.

Сокр. Такъ перестань, Критонъ; сдѣлаемъ то, къ чему ведетъ Богъ. (Стр. 306—316).

Вотъ какъ мыслилъ и чувствовалъ Сократъ — этотъ тонкій плутъ, этотъ ловкій «надувало», тѣшившійся надъ легковѣріемъ Аѳинянъ!.. И какъ его мышленіе было его вѣрою,—онъ мученическою смертью утвердилъ справедливость своего религіознаго сознанія. Изучать доктрину Сократа, изложенную въ бесѣдахъ, преніяхъ, какъ самъ онъ излагалъ ее,—значитъ не только просвѣщать свой разумъ свѣтомъ истины, но и укрѣплять свой духъ въ вѣрѣ въ истину, пріобрѣтать божественную способность дѣлаться жрецомъ истины, готовымъ все приносить въ жертву ей и прежде всего — самого себя.

Вотъ почему, нисколько не увлекаясь и не преувеличивая дѣла, но видя его совершенно такимъ, каково оно есть дѣйствительно, — мы смѣло можемъ сказать, что г. Карповъ, если онъ кончитъ изданіе своего перевода, совершитъ подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Это великая заслуга передъ обществомъ, это безцѣнный подарокъ его настоящему и будущему. Изученіе классической древности въ новѣйшей Европѣ положено краеугольнымъ

камнемъ публичнаго воспитанія юношества, — и въ этомъ видна глубокая мудрость. Есть люди, которые кричатъ: за чѣмъ намъ нѣтъ спасенія безъ Грековъ и Римлянъ? за чѣмъ непремѣнно изучать греческій и латинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, если ужь безъ древнихъ языковъ нельзя обойдтись?—За тѣмъ, милостивые государи, что связь новѣйшей Европы съ Индіею и Аравіею гораздо отдаленнѣе, нежели съ Греціею и Римомъ. То родство въ двадцатомъ колѣнѣ, а это родство—близкое, кровное. Изученіе классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелѣтнія оковы съ ума человѣческаго, способствовало освобожденію отъ инквизиціи и тому подобныхъ человѣколюбивыхъ и кроткихъ мѣръ къ спасенію душъ. Законодательство римское замѣнило, въ новѣйшей Европѣ, феодальную тиранію правомъ, на разумѣ основаннымъ. Древняя Греція и Римъ—страны духа, впервые освободившагося отъ деспотическаго владычества природы, представитель котораго Азія. Тамъ, на этой классической почвѣ, развились сѣмена гуманности, гражданской доблести, мышленія и творчества; тамъ начало всякой разумной общественности, тамъ всѣ ея первообразы и идеалы. Правда, тамъ общество, освободивъ человѣка отъ природы, слишкомъ и покорило его себѣ. За то, средніе вѣка ужь слишкомъ освободили его отъ общества, и впали въ другую крайность. Теперь настаетъ время примиренія этихъ двухъ крайностей, во имя *среднихъ-вѣковъ* и *древняго міра;* слѣдовательно, Греція и Римъ и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ въ насъ, къ нашему благу и нашему преуспѣянію въ осуществленіи на дѣлѣ *идеальной* истины, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина—ложь [253]).

Переводъ г. Карпова именно такой, какого только нужно желать въ наше время: вѣрный и точный до буквальности, носящій на себѣ отпечатокъ того языка, съ котораго онъ сдѣланъ; но отъ-того русскій языкъ въ немъ нисколько не изнасилованъ и не лишенъ своей естественности. Переводъ изящный болѣе обогатилъ бы нашу литературу, чѣмъ познакомилъ бы насъ съ Платономъ. Такой переводъ можетъ быть важенъ для насъ только послѣ перевода г. Карпова; но и тогда мы читали бы его texte en regard съ переводомъ г. Карпова, имѣя послѣдній подъ рукою, такъ-сказать, для повѣрки перваго. Честь и слава человѣку, скромно, въ тиши кабинета, наединѣ, совершающему свой трудъ, который былъ бы истиннымъ подвигомъ для цѣлаго ученаго общества! Не-уже-ли этотъ трудъ не поддержится публикою?—Страшно и подумать объ этомъ...

*660. **Наши,** списанные съ натуры Русскими. Выпускъ двѣнадцатый. **Няня.** Соч. ***вой. 101—120 стр. (Цѣна этого выпуска 60 коп. сер.) [254]).

Статья «Няня» служитъ новымъ доказательствомъ, что русскія дамы могутъ писать—по-крайней-мѣрѣ не хуже русскихъ мужчинъ... Русская няня

изображена тутъ вѣрно и живописно. Какъ и слѣдуетъ, она является въ статьѣ ангеломъ-хранителемъ дитяти, любитъ его безсознательно, страдаетъ его страданіями, радуется его радостями. Впрочемъ, это только одна сторона русской няни, любящей до самоотверженія, но и необразованной, и грубой, и переполненной всевозможными предразсудками черни. Жаль, что даровитая писательница только слегка коснулась другой стороны няни, едва намекнувъ, какъ няня балуетъ дѣтей глупымъ потворствомъ и грубымъ заступничествомъ передъ гувернантками, на которыхъ, за ихъ справедливую строгость къ дѣтямъ, уже вышедшимъ изъ-подъ ея надзора, ворчитъ и злится за-глаза и въ-глаза. Тутъ можно было бы нарисовать широкую картину, какъ няня, всегда балуя младшихъ на-счетъ старшихъ, озлобляетъ послѣднихъ чувствомъ несправедливости, и изъ тѣхъ и другихъ ангело-подобныхъ существъ подготовляетъ исподоволь существа совсѣмъ не похожія на ангеловъ... А впрочемъ, она ихъ любитъ страстно и нѣжно, только безсознательно, какъ любятъ животныя и люди невѣжественные, какъ любятъ коровы телятъ, а куры цыплятъ, какъ любятъ русскія няни порученныхъ ихъ заботливости чужихъ дѣтей... Потомъ не мѣшало бы замѣтить, какъ эти няни портятъ воображеніе дѣтей страшными разсказами о привидѣніяхъ и тому подобныхъ вздорахъ, которыя сильно впечатлѣваются въ юномъ мозгу и, въ-слѣдствіе этого, часто одолѣваютъ разсудокъ взрослыхъ людей... Еще замѣтимъ, что никакъ нельзя согласиться съ мыслію сочинительницы статьи, будто-бы нянею, въ смыслѣ ангела-хранителя дѣтей, обязаны мы только крѣпостному сословію. Причина любви старухъ къ дѣтямъ лежитъ въ натурѣ человѣка: старость вездѣ и всегда другъ дѣтства, а дѣтство другъ старости. Дитя любитъ свою «бабу» (т. е. мать отца или матери) едва-ли не болѣе, чѣмъ мать свою, ибо первая—такъ какъ для нея нѣтъ уже въ жизни никакихъ другихъ интересовъ—занимается имъ съ какою-то неизъяснимою преданностью.

Изложеніе и вообще языкъ статьи «Няни»—просто прелесть; всѣ подробности такъ вѣрно схвачены съ натуры, такъ мастерски перенесены на бумагу, что, читая, будто видишь все на самомъ дѣлѣ, Какъ, наприм., хорошо вотъ это:

Больше всего досаждаютъ ей старшія дѣти, которыя, играя у столика въ углу комнаты, не смотря на всѣ ея просьбы и угрозы, шумятъ и спорятъ.

«Анна Александровна», говоритъ няня строгимъ голосомъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ лѣтъ пяти, большой проказницѣ: «Бога ты не боишься!.. сестрица почиваетъ... Не шуми, а не то я тебя...».

Не успѣла она выговорить слова, вдругъ—или дѣти не поладили между собою, или нечаянно—только оловянный сервизъ полетѣлъ со стола на полъ. Въ эту минуту стоитъ взглянуть на испуганную няню!

«Безстыдница!» шепчетъ она и, вооруживъ гребенкою одну руку, сжавъ въ кулакъ другую, летитъ съ распущенными волосами на дѣтей.

«Убью на мѣстѣ!» говоритъ няня, приближаясь къ маленькой Анютѣ, которая какъ цыпленокъ отъ коршуна, прижалась къ спинкѣ своего стульчика,

приподнявши надъ головою обѣ ручки въ защиту, и лепечетъ умоляющимъ голосомъ: «няненька, миленькая, не я, право, не я».

«И не я,—прерываетъ мальчикъ,—сервизъ самъ упалъ». Но няня, не слушая ихъ, схватила обоихъ за руки и вынихнула въ другую комнату, ворча имъ вслѣдъ: «вѣдь вы сдѣлаете сестру уродомъ; ахъ ты, Господи! прости мнѣ мои согрѣшенія!—продолжаетъ она, осторожно запирая за ними двери,—наказаніе Божье съ этими дѣтьми: долго ль до бѣды!»

Но можно ли повѣрить ея жестокосердію? Она готова за каждаго изъ дѣтей душу отдать, и даже старшія, отъ которыхъ она немного отвыкла, ей во сто разъ дороже самой-себя. Когда, во время сна Машеньки, она сидитъ у окна, съ очками на носу, и штопаетъ чулки, надо видѣть, какое негодованіе изображается на ея лицѣ, если до нея долетаютъ угрозы Нѣмки на Анюту или Ѳедю.

Няня потряхиваетъ головою и бормочетъ про-себя: «Охъ ужь эта мнѣ проклятая чухонка! вишь какъ она ихъ мучитъ! Словно за душу тянетъ... и барынѣ-то охота давать дѣтей ей въ руки».

Но шумъ въ сосѣдней комнатѣ увеличивается, и наконецъ Анюта входитъ къ нянѣ вся въ слезахъ. «Это что?» вскрикиваетъ няня: «стыдись, сударыня!.. стыдись плакать», продолжаетъ она, смягчивъ голосъ.

«Миленькая няня, Шарлотта Карловна все бранится», жалобно отвѣчаетъ малютка.

«Оттого, что ты ее не слушаешься», продолжаетъ няня, принимая на себя менторскій видъ. «*Уничтожь*, сударыня, *прекрати* ты свой характеръ». Потомъ, вынимая изъ кармана какую-то давно лежащую въ немъ конфетку, она, отерши слезы Анюты, говоритъ: «На-ко, заѣшь горе, горемычная ты моя; ну, *чортъ бы ее взялъ твою гувернантку*... На-ко *пососи сладенькаго*».

Если на бѣду Шарлотта Карловна, входя въ эту минуту, требовала, чтобы Анюта шла за нею, Агаѳья Семеновна не можетъ воздержаться, чтобъ не сдѣлать ей выговора съ досадою. «Какъ вамъ не стыдно, Шарлотта Карловна! всегда дитя раздразните; и что она вамъ сдѣлала?.. У меня сидитъ умнешенька, а лишь попадетъ къ вамъ, такъ и пошли жалобы, да слезы... *Диви* кабы своенравна была, а въ ней *хитрости ни на синь порохъ* нѣтъ».

Съ этими словами она вынимаетъ изъ кармана табакерку и, понюхивая табачокъ съ разстановками, говоритъ вполголоса уходящей Нѣмкѣ, которая по-нѣмецки что-то объясняетъ Анютѣ: «Толкуй ты тутъ! А у самой ни ложки, ни плошки. Нищей взяли въ домъ! Давно ль такъ спѣсива стала?.. Дискать мамзель, а такая же холопка какъ нашъ братъ...»

Да, это няня, живая русская няня! Скажите, много ли у насъ литераторовъ, которые бы такъ же умѣли изображать разныя стороны нашей общественности! Право, для спасенія чести современной русской литературы, безвременно погибающей отъ нравственно-сатирическихъ шмелей и другихъ дрянныхъ и докучныхъ насѣкомыхъ, одно только средство—просить дамъ, чтобъ онѣ побольше писали по-русски...

Касательно же изданія «Нашихъ» вообще, вотъ что при этомъ выпускѣ объявляетъ издатель ихъ, книгопродавецъ Я. А. Исаковъ:

«Согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ многими изъ подписчиковъ, продолжая изданіе *Нашихъ* полными статьями, безъ раздѣленія каждой на нѣсколько выпусковъ, мы, вмѣстѣ, понизили значительно цѣну въ двухъ отно-

шеніяхъ, *во-первыхъ:* украшеніемъ текста, чрезъ увеличеніе въ немъ числа виньетокъ, составляющихъ важнѣйшую издержку, *во-вторыхъ:* уменьшеніемъ платежа, не смотря на значительное увеличеніе расхода. Такимъ образомъ, сообразно съ намѣреніемъ первоначально принятымъ нами, будемъ мы дѣйствовать и впередъ; по-мѣрѣ умноженія числа подписчиковъ удостовѣряющаго, что изданіе наше все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе публики, мы будемъ всегда облегчать ей способы пріобрѣтать оное.

«Дѣятельно изготовляются и въ скоромъ времени будутъ выпущены одна за другою статьи: *Уральскій казакъ*, В. И. Даля; *Извощикъ*, ***; *Знахарь*, Основьяненко; *Дачники*, Башуцкаго. Сей новый порядокъ изданія былъ единственною причиною нѣкотораго замедленія въ выходѣ двѣнадцатаго выпуска».

***661. Картинки Русскихъ Нравовъ.** Книжки III и IV. Спб. Въ тип. Journal de St.-Pétersbourg. Въ 32-ю д. л. Въ III-ей книжкѣ 54, въ IV-ой 94 стр. (Цѣна за обѣ книжки 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сер.) [255]).

«Картинки Русскихъ Нравовъ» продолжаются и, кажется, будутъ продолжаться: стало-быть, на нихъ есть охотники... Да и почему жь не быть?— книжки маленькія, миньятюрныя, красиво-напечатанныя, съ миленькими оберточками и съ миленькими картинками; цѣна, по красивости изданія, довольно-умѣренная: какъ же, послѣ этого, не покупать, особенно когда, по части книжнаго товара, рѣшительно нечего покупать? Но текстъ—каковъ-то текстъ?— спросятъ насъ. Э! да кто же думаетъ о текстѣ, когда дѣло идетъ о красивенькихъ игрушкахъ? Тутъ текстъ совсѣмъ-постороннее дѣло, тѣмъ болѣе, что его никто не станетъ и читать, любуясь картинками. А сколько людей покупаютъ такія хорошенькія вещицы для дѣтей, вмѣсто игрушекъ! Дѣти же составляютъ самую невзыскательную публику и, при картинкахъ, готовы восхищаться всякимъ текстомъ. Издатели «Картинокъ Русскихъ Нравовъ» очень-хорошо это поняли и печатаютъ все, что̀ попало, лишь бы было къ чему прилѣпить картинки.

Третья книжка «Картинокъ Русскихъ Нравовъ» заключаетъ въ себѣ «Петергофскій Праздникъ», стихотвореніе, въ трехъ пѣсняхъ, г. Мятлева, автора «Курдюковой». Тутъ, по-прежнему, весь юморъ состоитъ въ смѣшеніи нижегородскаго съ французскимъ, и это, по-прежнему, многіе находятъ и острымъ, и замысловатымъ, и поэтическимъ. Что̀ касается до насъ, мы нисколько не удивляемся такому вкусу, особенно при современномъ состояніи русской литературы.

Четвертая книжка заключаетъ въ себѣ «Невскій Пароходъ» прозаическую статью г. А. Греча. Эта статья насъ особенно порадовала: изъ нея мы узнали, что если русская литература гордилась доселѣ знаменитымъ сочинителемъ, г. Н. Гречемъ, то впредь она будетъ гордиться не менѣе знаменитымъ сочинителемъ, г. А. Гречемъ, и что по отношенію къ таланту, одинъ въ дру-

гомъ не умретъ... Удивительна эта статья «Невскій Пароходъ!» Сколько въ ней новаго, оригинальнаго, какой игривый юморъ, какое остроумное изложеніе, сколько глубокихъ идей! Вотъ, напр., начало:

«Прогуливаясь по плѣнительнымъ аллеямъ Царскаго Села или Каменнаго Острова, прислушиваясь къ шуму фонтановъ въ Петергофѣ, или *услаждая полудикую природу Парголова занимательною бесѣдою*, захотятъ ли П(п)етербургскія дамы и дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой имъ принимаются разсказывать про Петербургъ, про городъ!»

«*Услаждая полудикую природу Парголова занимательною бесѣдою*»,—какъ это хорошо сказано, и какое дивное открытіе заключается въ этихъ словахъ! Парголовская природа, въ отличіе отъ царскосельской и всякой другой, которыя глухи и безчувственны для всякихъ бесѣдъ, и занимательныхъ и незанимательныхъ,—парголовская природа одарена способностью, подобно существамъ разумнымъ, услаждать себя занимательною бесѣдою петербургскимъ дамъ и дѣвицъ!.. Послѣ этого, очень-естественъ вопросъ сочинителя: захотятъ ли петербургскія дѣвицы взглянуть на книжечку, въ которой *имъ принимаются разсказывать* такія *чудеса?*.. Въ другомъ мѣстѣ, сочинитель восклицаетъ: «Есть ли на свѣтѣ что ужаснѣе прощанія? *Увѣряемъ васъ, разлука выдумана демономъ!*» Глубокая, оригинальная мысль, и какъ патетически выражена она!.. Но главное достоинство этой статейки составляетъ точность, съ какою въ ней означены часы прихода и отхода пароходовъ на Англійской Набережной. Вѣрность описаній мѣстности также изумительна: Англійская Набережная помѣщена сочинителемъ именно тамъ, гдѣ она въ-самомъ-дѣлѣ находится; Нева, въ статьѣ сочинителя, и широка и глубока; по дорогѣ къ Кронштадту, съ-права виднѣется берегъ Финляндіи, а съ-лѣва—дачи петергофской дороги, и наконецъ самъ Петергофъ,—словомъ, все, какъ оно есть въ-самомъ-дѣлѣ...

Картинки прекрасны—объ этомъ спора нѣтъ; но вотъ что странно во всѣхъ картинкахъ всѣхъ изданій такого рода: фигуры и физіономіи въ нихъ крѣпко сбиваются на иностранныя, за исключеніемъ развѣ будочниковъ, таможенныхъ и извозчиковъ... Очевидно, что въ числѣ нашихъ талантливыхъ рисовальщиковъ еще нѣтъ ни одного Гоголя, а все гг. Булгарины, А. Гречи и тому подобные нравоописатели и юмористы...

*662. Сплетни. Переписка жителя луны съ жителемъ земли, издаваемая дворянином *Кукарику*. Спб. Въ тип. Штаба Отдѣльн. Корп. Внутр. Стражи. 1842. Въ 4-ю д. л. Тетради I и II 28 стр. (Цѣна каждой тетради 20 коп. серебр.) [256]).

Мысль этой брошюры очень-остроумна; но исполненіе—такъ, ни то, ни сё. Послѣ исторіи двухъ пріятелей, разсказанной ни хорошо, ни худо (что гораздо-хуже, нежели просто-худо), слѣдуютъ письма въ луну. Что же въ этихъ

письмахъ?—Все и ничего. Вотъ *легонькое* сужденьице о «Мертвыхъ Душахъ»: бездоказательная и неопредѣленная похвала съ коротенькою выпискою изъ поэмы; потомъ, реестръ *новыхъ* книгъ, изъ которыхъ иныя (какъ напр. первый томъ «Матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи») вышли еще въ 1839 году; затѣмъ, старые анекдоты, переведенные изъ старинныхъ французскихъ хрестоматій, и теперь столько же не забавные, сколько и не новые; одинъ анекдотъ перепечатанъ изъ «Сѣв. Пчелы»; наконецъ замѣтка на одинъ современный журналъ, какой-то «Маякъ», который не знаемъ, гдѣ издается и даже издается ли гдѣ-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ; почему, боясь объявить ложный фактъ, не разсказываемъ содержанія замѣтки, тѣмъ болѣе, что, судя по ея же словамъ, этотъ журналъ, если онъ подлинно существуетъ, въ высшей степени безграмотенъ и нелѣпъ, такъ-что замѣтку можно счесть мистификаціею.

Вотъ и все, изъ чего состоятъ «Сплетни». Если слѣдующія тетради будутъ лучше, мы готовы сказать о нихъ доброе слово; а пока русская литература въ нихъ ровно ничего не выигрываетъ. Къ этому замѣтимъ еще, что «Сплетни» издаются довольно-скромненько и преисполнены множествомъ нестерпимыхъ опечатокъ, если только это опечатки, а не орѳографическія ошибки.

***663. Мать-Испанна.** Драматическое представленіе. Спб. 1842. Въ 8-ю д. л. 62 стр. [257]).

Радушному хлѣбосольству сочинителя показалось мало, что онъ угощалъ насъ своимъ посильнымъ издѣліемъ на сценѣ Александринскаго Театра: онъ вторично угощаетъ насъ имъ въ печатной брошюрѣ. Это угощеніе напоминаетъ извѣстную прекрасную басню нашего несравненнаго баснописца — «Демьянову Уху».

***664. Послѣдній Хеакъ.** Поэма *В. Зотова*. Спб. Въ тип. Императ. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 66 стр. [258]).

На русскомъ языкѣ есть удивительная поэма; ея имя: «Гуакъ, или непоколебимая вѣрность». Подобно «Гонзальву Кордуанскому», она писана прозою, съ присовокупленіемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ романсовъ съ рифмами: г. В. Зотовъ, съ своемъ «Послѣднемъ Хеакѣ», очень-счастливо подражалъ ей въ тонѣ, въ вымыслѣ и въ идеяхъ, и лишь только для бо́льшаго эффекта рѣшился, вмѣсто прозы, размахнуться стихами. Онъ посвятилъ свое стихотворное издѣліе памяти Пушкина, Марлинскаго и Лермонтова, которые—счастливцы!—не прочтутъ его и не пожалѣютъ о насъ, его прочитавшихъ... Изъ этого слѣдуетъ, что смерть не совсѣмъ зло, и что въ ней есть своя хорошая сторона... По-крайней-мѣрѣ, жизнь—величайшее зло для тѣхъ, кто, подобно намъ, не только

долженъ читать, между-прочимъ, все выходящее на заднемъ дворѣ россійской словесности, но еще и писать о прочитанномъ. Г. В. Зотовъ рѣшительно грозитъ сдѣлаться одинъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ каждый порознь были и суть гг. Орловъ, Сиговъ, Кузмичевъ, Славинъ, и проч. Театральныя пьесы его пока еще тихо падаютъ; но онъ неутомимо изготовляетъ ихъ, и есть надежда, что, понабивъ руку, сравнится, наконецъ, съ знаменитѣйшими нашими драматургами: гг. Полевымъ, Коровкинымъ, Соколовымъ, и проч. Что же касается до поэмъ въ стихахъ и вообще до всякихъ стиховъ, мы посовѣтовали бы г. В. Зотову совсѣмъ бросить писать ихъ: со смерти Лермонтова, стиховъ почти вовсе не читаютъ, и, кромѣ насъ да самого сочинителя стиховъ, г. В. Зотова,—никто читать не будетъ. Драмы—другое дѣло: кто пришелъ въ театръ, тотъ будетъ ихъ слушать хоть въ-просонкахъ.

*665. **Русскій театръ въ Петербургѣ** [259]). Искусство нашихъ театральныхъ артистовъ пользоваться своими бенефисами доходитъ до nec plus ultra совершенства. Но всѣхъ бенефиціантовъ, и прошедшихъ и будущихъ, перещеголялъ нѣкто г. Куликовъ. Для изъявленія нашего удивленія къ его генію, рѣшаемся нарушить принятый нами порядокъ Театральной Лѣтописи—перебирать пьесы по родамъ и тяжести, а не по бенефисамъ, и начнемъ нашу статью пьесами бенефиса г. Куликова:

Великій Актеръ, или Любовь дебютантки. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, соч. *П. П. Каменскаго.* Дѣйствіе первое. Отдѣленіе 1. Театральный Ламповщикъ и Цвѣточница. Дѣйствіе второе. Отдѣленіе 2. Гамма страстей. Дѣйствіе третье. Отдѣленіе 3. Театральный Буфетъ. Отдѣленіе 4. Уборная Актрисы. Отдѣленіе 5. Представленіе Лира на Дрюриленскомъ Театрѣ.

Жены наши пропали! или Майоръ Bon vivant, соч. *П. Григорьева 1-го.*

Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами. Сибирская сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и танцами, соч. *Н. А. Полеваго.* Дѣйствіе первое: Русская Удаль. Танцовать будутъ: г. Шишо и г-жа Левкѣева по-казацки. Дѣйствіе второе: Китайская Храбрость. Танцовать будутъ: г. Шамбургскій, Свищевъ, Тимоѳеевъ, Волковъ и Николаевъ по-китайски. Въ 1-мъ и 2-мъ дѣйствіи хоръ пѣсенниковъ будетъ пѣть національныя пѣсни.

Комическія сцены изъ новой поэмы: Мертвыя Души. Сочиненія *Гоголя* (автора Ревизора), составленныя *Г***.*

Согласитесь, такая афишка стоитъ, чтобъ ее сохранить для потомства...

Въ дочери отставной цвѣточницы на Дрюриленскомъ Театрѣ, Фанни, знаме-

нятый Гаррикъ признаетъ (по ея голосу) талантъ трагической актрисы, будущую Офелію, Дездемону и Корделію. Онъ приходитъ съ нею на бѣдную квартиру ея матери, въ ту самую минуту, какъ эту мать съ сыномъ Томомъ (ламповщикомъ при театрѣ) жестокая хозяйка выгоняетъ вонъ за долгъ. Гаррикъ платитъ хозяйкѣ деньги и нанимаетъ новую квартиру будущей дебютанткѣ, которая, на урокахъ и репетиціяхъ, восхищаетъ его своими успѣхами. Эвва, жена Гаррика, ревнуетъ Фанни къ мужу. Тутъ зачѣмъ-то вмѣшалось совершенно-постороннее лицо критика Джонсона, которому Эвва повѣряетъ свою бѣшеную ревность, осыпая Фанни позорною бранью. Фанни случайно подслушала этотъ разговоръ, передъ тою минутою, какъ благодѣтель приводитъ двухъ актеровъ, а вмѣстѣ съ ними, приглашаетъ и жену свою и Джонсона быть свидѣтелями необыкновенныхъ успѣховъ его ученицы въ декламаціи. Эвва уходитъ, Джонсонъ за нею; Фанни блѣдна и смущена; по просьбѣ Гаррика, Фанни начинаетъ импровизировать на собственную тэму, и въ этой импровизаціи высказываетъ свое ужасное положеніе. А Эвва между-тѣмъ подслушиваетъ за дверьми то, что могла бы слышать и въ комнатѣ. Гаррикъ пускается въ разсужденія о сценическомъ искусствѣ и, надо согласиться, все, что онъ говоритъ, умно, справедливо, и даже кстати. Впрочемъ, послѣднее качество этимъ разсужденіямъ, можетъ-быть, придала искусная игра актера. Эввѣ становится стыдно своихъ подозрѣній, и Джонсонъ, ея тѣнь и прихвостень, даетъ ей благоразумные совѣты. Этимъ кончается второй актъ. До-сихъ-поръ, не смотря на подслушиванія и непужное лицо Джонсона, все шло хорошо; по-крайней-мѣрѣ, актерамъ было что дѣлать. Но съ третьяго акта, началась путаница пустыхъ и, сверхъ-того, нисколько не сценическихъ эффектовъ. Въ «Буфетѣ», за деревяннымъ столомъ, сидятъ человѣкъ пять-шесть музыкантовъ, пьютъ пиво и говорятъ о дебютанткѣ и Гаррикѣ, и говорятъ именно то, что зритель и безъ нихъ хорошо знаетъ. Словомъ, тутъ нѣтъ ни буфета, ни сцены. «Уборная актрисы»—пустая комната, нисколько не похожая ни на какую уборную. Вбѣгаетъ Фанни, въ костюмѣ Корделіи, и говоритъ о своей безнадежной и преступной страсти къ Гаррику; Эвва (съ неразлучнымъ Джонсономъ) подслушиваетъ ее; вбѣгаетъ Гаррикъ, въ костюмѣ Лира, и тащитъ Фанни на сцену—Эвва не пускаетъ; Томъ, братъ дебютантки, по приказанію Гаррика, схватываетъ Эвву и, при громкомъ хохотѣ райка, барахтается съ нею... Но вотъ послѣднее отдѣленіе: на сценѣ—сцена и зала Дрюриленскаго Театра; Гаррикъ въ роли Лира, плачетъ надъ трупомъ Корделіи; занавѣсъ опускается, публика вызываетъ дебютантку; Гаррикъ, сбрасывая съ себя парикъ и вскакивая на ноги, подаетъ руки дебютанткѣ, поздравляя ее съ успѣхомъ дебюта. Но Фанни не встаетъ; глядятъ—она умерла! Томъ бросается на тѣло сестры, отъ него къ Эввѣ, осыпая ее упреками. Тѣмъ все и кончается. Все это не драматически и не сценически; все это неестественно и изъисканно. Къ довершенію бѣды, роль Тома была сыграна плоско-комически, и трагедія была сопровождена хохотомъ райка и улыбками партера. Разумѣется, не обо-

шлось и безъ аплодиссментовъ и вызывовъ: таковъ уже обычай у доброй публики Александринскаго Театра...

Двое мужей, одинъ старый, другой молодой, оставляя дома женъ, рыщутъ гдѣ попало. Старый дядя хочетъ проучить ихъ. Для этого онъ отыскалъ какого-то майора, который волочится за его племянницами и вездѣ съ ними ѣздитъ. Онъ долженъ разыграть съ ними комедію, объясняясь въ любви то съ тою, то съ другою при одномъ изъ подслушивающихъ мужей; но онъ просто за ними волочится, и притомъ такъ, какъ посовѣстился бы волочиться даже за горничными самъ какой-нибудь Ноздревъ. Майора игралъ авторъ водевиля, и въ этой роли очень походилъ на полковаго писаря, который любезничаетъ въ одномъ изъ тѣхъ честныхъ компанствъ, которыя какъ-то странно видѣть на сценѣ. За-тѣмъ, мужья мирятся съ женами, и исправляются. Это называется «Жены наши пропали, или Майоръ bon vivant...» Намъ кажется, что къ этой пьесѣ, вмѣсто «Майоръ bon vivant» лучше бы шло такое названіе: «Выгнанный изъ службы, за пьянство и дебошъ, недоросль изъ дворянъ Ерыгинъ».

Вотъ пьеса г. Полеваго — совсѣмъ-другое дѣло. Это пьеса чисто-патріотическая и національная. Въ ней одна русская баба побиваетъ ухватомъ и кочергою 60,000 Китайцевъ, которые всѣ представлены трусами, дураками и шутами. У нихъ генерала такой огромный животъ, что раекъ «животики надорвалъ» отъ хохота. Въ первомъ актѣ есть превосходное лирическое мѣсто о достоинствѣ русскаго кулака, которому много и крѣпко рукоплескали восхищенные зрители. Прибавьте ко всему этому пѣсни, пляски и танцы,—и согласитесь, что несравненный драматическій талантъ г. Полеваго все юнѣетъ и юнѣетъ. Что касается до «Ѳедосьи Сидоровны», то для распространенія образованія въ простомъ народѣ, ее слѣдовало бы давать на всѣхъ лубочныхъ театрахъ по ярмаркамъ, установивъ цѣну не дешевле одной копѣйки серебромъ и не дороже трехъ за входъ. Тамъ она была бы ближе къ цѣли.

Какой-то г. Г*** вырвалъ нѣсколько разговоровъ изъ «Мертвыхъ Душъ», перемѣшалъ и перебилъ ихъ, связавъ своими вставками, которыя хотя и состоятъ изъ нѣсколькихъ только фразъ, но отъ взятаго цѣликомъ у Гоголя отличаются, какъ глиняный носъ, рукою горшечника налѣпленный на лицо мраморной статуи древняго художника. Все это таинственный г. Г*** назвалъ «Комическими сценами изъ новой поэмы Мертвыя Души» и смѣло отдалъ свое литературное похищеніе, нелѣпо и пошло совершенное, г-ну Куликову, который и поставилъ на сцену Александринскаго Театра эти куски безъ начала, середины и конца, а потому и безъ значенія и смысла. Такого рода явленія возмущаютъ душу... Мы знаемъ навѣрное, что Гоголь никому (а тѣмъ болѣе какому-то г. Г***) не давалъ права на такое позорное искаженіе своей поэмы, писанной совсѣмъ не для театра, а потому и неимѣющей на театрѣ никакого смысла.

***666. Литературныя и журнальныя замѣтки** [259-а]). *Русская журналистика и капустныя кочерыжки (матеріалъ для будущаго историка русской литературы).*—Нынѣшній годъ ознаменованъ въ русской журналистикѣ великимъ событіемъ—войною, происшедшею изъ гибельнаго раздора между друзьями. Что̀ передъ нею вражда Агамемнона съ Ахилломъ? Тамъ дѣло завязалось изъ плѣнницы Бризенды, здѣсь—изъ кочерыжекъ!

Прологъ къ знаменитой войнѣ изъ-за *кочерыжекъ* была небольшая стычка изъ-за плохой «Исторіи Петра-Великаго» г. Ламбина. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья, гдѣ было сказано, что текстъ «Исторіи Петра-Великаго» плохъ до-нельзя, а картинки къ ней еще хуже. Статья была написана хорошо, основанія ея были дѣльны и доказательны; съ нею согласились всѣ читавшіе и не читавшіе ее, потому-что мнѣніе о внутреннемъ и внѣшнемъ безобразіи компиляціи г. Ламбина и спекуляціи г. Эльснера установилось тотчасъ же по выходѣ первыхъ тетрадей этого чудовищнаго изданія. Кажется, тѣмъ бы дѣлу и надобно кончиться: но не тутъ-то было! Изданіе успѣло пріобрѣсти себѣ жаркаго защитника въ г. Булгаринѣ. И вотъ, въ фѣльетонѣ «Сѣверной Пчелы» начались выходки противъ статьи «Русскаго Вѣстника», но не противъ, однакожь, самого «Русскаго Вѣстника»: о немъ прямо сказано, что это едва-ли не лучшій изъ современныхъ русскихъ журналовъ *(хорошіе же должны быть прочіе русскіе журналы!)*, что и злѣйшій врагъ г. Полеваго не упрекнетъ его въ *корыстныхъ* видахъ, но что г. Полевой не правъ, судя по одному *введенію* о цѣлой исторіи, хотя и правъ, называя картинки рѣшительно-дурными, и что ему, г. Булгарину, гораздо больше нравятся «Параша Сибирячка» и «Уголино», чѣмъ «Елена Глинская» (*№* 69 «Сѣверной Пчелы»). Не знаемъ, до какой степени помогла эта защита предпріятію г. Эльснера, но дѣло тѣмъ, т. е. ровно—ничѣмъ и кончилось. Должно думать, что обѣ стороны остались довольны, а извѣстно, что нужно большое искусство, чтобъ угодить и *нашимъ* и *вашимъ*... Но вотъ въ 75 *№* «Сѣверной Пчелы» является фѣльетонная статья, гдѣ, между прочимъ, г. Ѳ. Б. взглянулъ на русскіе журналы и газеты съ политико-экономической точки, доказывая, что нашу журналистику губитъ будто-бы *совмѣстничество*. Изъ этого видно, что г. Ѳ. Б. держится системы запретительной и принадлежитъ къ приверженцамъ *монополій* (*единоторжій* по переводу г. Шишкова). Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на то, что какъ прежніе журналы передразнивали, формою и содержаніемъ, «Московскій Телеграфъ», такъ нынѣшніе передразниваютъ, въ этомъ отношеніи, «Библіотеку для Чтенія». Разумѣется, при сей вѣрной окказіи, всѣхъ болѣе достается «Отеч. Запискамъ», въ которыхъ г. Ѳ. Б. видитъ поддѣлку подъ «Библіотеку для Чтенія»... «Но, говоритъ онъ: «то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!» И мы, вслѣдъ за нимъ, повторимъ съ гордостію: «то да не то! Ѳедотъ да не тотъ!».. Впрочемъ, снисходительный г. Ѳ. Б. прощаетъ «От. Запискамъ» ихъ подражаніе «Библіотекѣ»: «откуда же имъ выдумать что-нибудь свое?» восклицаетъ онъ въ полнотѣ своего критическаго одушевленія. «*Но* (продолжаетъ онъ) *право, непростительно*

Н. А. Полевому»... Теперь—слушайте, слушайте! Дѣло въ томъ, будто «Русскій Вѣстникъ» такъ же передразниваетъ «Экономa», какъ «Отеч. Записки» «Библіотеку». «Ну, какъ же не измѣнить программы (говоритъ г. Ѳ. Б. о «Русскомъ Вѣстникѣ»), когда и *смиренный* Экономъ имѣетъ успѣхъ!... *Семъка* пойдемъ тѣмъ же путемъ, *авось найдемъ!* И вотъ въ 3 № Русскаго Вѣстника на сей 1842 годъ, читатели этого журнала получаютъ то, что имъ не было обѣщано въ программѣ, а именно *хозяйственныя замѣтки!*» А! вотъ въ чемъ дѣло! вотъ къ чему клонились тонкіе намеки г. Ѳ. Б. на вредъ журнальнаго совмѣстничества, на выгоды единоторжія, и всѣ эти толки объ иностранныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ!.. Понимаемъ! Въ *хозяйственной замѣткѣ* «Русскаго Вѣстника» говорилось о новомъ средствѣ замѣнять дрова тамъ, гдѣ они, по безлѣсію, слишкомъ-дороги, *сушеными кочерыжками* и *стволами земляныхъ грушъ*. Если бы эта мысль была и неосновательна, можно было бы это замѣтить въ нѣсколькихъ строкахъ «Экономa», или, пожалуй, и «Сѣверной Пчелы»; но писать особую статью, заводить дѣло издалека, начавъ его если не съ яицъ Леды, то съ иностранныхъ журналовъ и газетъ, потомъ перейдти ко вреду совмѣстничества и къ пользѣ единоторжія, и наконецъ представлять изъ себя обиженнаго, оскорбленнаго, и чѣмъ же? — хозяйственною замѣткою, помѣщенною въ смѣси журнала, гдѣ обыкновенно помѣщается всякая всячина:—воля ваша, а это могло произойдти только изъ слишкомъ-глубокаго проникновенія философскимъ убѣжденіемъ о вредѣ *совмѣстничества* и пользѣ *единоторжія!*.. Г. Ѳ. Б. до того огорчился *хозяйственною замѣткою* «Русскаго Вѣстника», что заключилъ свою декларацію слѣдующею вдохновенною выходкою: «Допускаю одинъ, много два *энциклопедическіе* журнала, но всѣ журналы на одну стать, по одному плану, *перебивающіе одинъ другому дорогу*—это, воля ваша, невыносимо! Публика подтвердила мое мнѣніе, и на нынѣшній годъ подписка на всѣ журналы жестоко понизилась! Tu l'as voulu, Georges(s) Dandin! Ѳ. Б.». Не можемъ знать, до какой степени вѣрно это статистическое извѣстіе о пониженіи подписки на *всѣ* журналы нынѣшняго года,—не знаемъ, потому-что не имѣли ни возможности, ни охоты повѣрять хозяйственные счеты другихъ редакцій, а въ счетахъ своей собственной видимъ нынѣшній годъ значительное противъ прошлаго приращеніе числа подписавшихся; но удивляемся промаху, который далъ г. Ѳ. Б. утвержденіемъ о пониженіи подписки на *всѣ* журналы, тогда-какъ нѣсколько строкъ выше онъ говоритъ о благосклонномъ принятіи публикою «Репертуара», соединеннаго съ «Пантеономъ», и «Экономa»—трехъ журналовъ, издаваемыхъ *имъ же самимъ*, Ѳ. Б.!..

Въ IV № «Русскаго Вѣстника» воспослѣдовалъ отвѣтъ «Сѣверной Пчелѣ». Въ немъ было очень ловко, и даже не безъ силы, замѣчено:

1) Что слово *concurrence* лучше перевести словомъ *соревнованіе*, чѣмъ словомъ *совмѣстничество*, и что только одно соревнованіе можетъ поднять наши журналы, вмѣсто того, чтобъ уронить ихъ, какъ думаетъ г. Ѳ. Б.

2) Что «Библіотека для Чтенія» не имѣетъ ничего общаго, по своему плану,

съ англійскими reviews, но скопирована съ одного московскаго журнала (извѣстнаго, по словамъ автора статьи, но не поименованнаго имъ; — можно впрочемъ, догадываться, что онъ разумѣетъ «Телеграфъ»), что г. Сенковскій ни сколько не содѣйствовалъ успѣху «Библіотеки», а напротивъ, «вскорѣ заставилъ отказаться отъ участія въ ней всѣхъ литераторовъ», что монополія «Библіотеки» была вредна русской литературѣ, и что теперь «Б. для Ч.» самый плохой изъ всѣхъ русскихъ журналовъ (стр. 40).

3) Что «Русскій Вѣстникъ» никогда и не думалъ измѣнять своей программы, никогда не завидовалъ успѣху «Экономa», и всегда ему радовался: въ *коммерческомъ* отношеніи,—*славно идетъ: смѣются, а покупаютъ!*

Затѣмъ слѣдуетъ мнѣніе *хозяйственной статьи* «Русскаго Вѣстника»; но какъ это для насъ не интересно, мы и пропускаемъ это, а лучше вполнѣ выпишемъ слѣдующія *нотаціи* статьи «Русскаго Вѣстника» г-ну Ѳ. Б.:

1) Безспорно, что Репертуаръ и Экономъ журналы хорошіе, потому-что самъ издатель ихъ хвалитъ, но по единогласнымъ отзывамъ *Репертуаръ* въ нынѣшнемъ году далеко однакожъ отсталъ отъ прошлогодняго. Спросите у кого угодно. Говорятъ, что выборъ пьесъ въ немъ очень плохъ, что переводы въ немъ весьма небрежны; что онъ вовсе не выполняетъ своего обѣщанія: быть зеркаломъ всемірной драматургіи, наполняться лучшими пьесами и улучшаться въ литературномъ и художественномъ отношеніи. Мнѣніе не наше. Мы въ восторгѣ отъ Репертуара, но—вѣдь другимъ рта не завяжешь.

2) Мы также въ восхищеніи отъ *Экономa*, но опять другіе говорятъ—вѣдь мало ли дерзкихъ такихъ судей—говорятъ, что Экономъ также далеко не исполняетъ своей программы; что будто-бы самая интересная его часть та, гдѣ говорится о кухнѣ; экономическая—собственно весьма-дескать плоха, а технологическая такъ уже и очень плоха. Мы не смѣемъ сами судить, но повторяемъ слова другихъ. Мы слышали, на-примѣръ, какъ одинъ агрономъ смѣялся надъ аксіомами, которыя выставлены за основанія сельскаго хозяйства на стр. 26-й *Экономa* (листъ 56); какъ одинъ фабрикантъ тоже подсмѣивался надъ краненіемъ шелка, шерсти и бумаги берлинскою лазурью (*Экономa* листъ 53, стр. 3), и наконецъ, какъ одинъ гастрономъ хохоталъ, разсказывая о способѣ *домашнихъ поросятъ сдѣлать дикими и поросячьему мясу придать вкусъ кабаньяго* (*Экономъ*, листъ 63, стр. 88). Повторяемъ, что мы сами судить не смѣемъ, но сказанное нами, и еще многое другихъ замѣчаній слышали отъ знатоковъ (*Р. В. стр.* 56).

Кромѣ этихъ двухъ нотацій, въ остроумной и дѣльной статьѣ «Русскаго Вѣстника», находится еще слѣдующее любопытное библіографическое извѣстіе:

„Если все это правда, то остерегитесь, „почтеннѣйшій“ Ѳ. В.—Знаете ли что? Если это правда и за Репертуаромъ и Экономомъ есть грѣшки, то здѣсь полагаемъ мы главную причину въ томъ, что противъ *Экономa* и *Репертуара* нѣтъ теперь никакого совмѣстничества. Не только вѣроятнымъ, но достовѣрнымъ почитаемъ мы, что совмѣстничество заставило бы почтеннаго Ѳ. Б. еще старательнѣе и тщательнѣе заботиться о Репертуарѣ и Экономѣ и придать симъ изданіямъ болѣе положительнаго и прочнаго достоинства. Вотъ почему съ удовольствіемъ слышали мы извѣстіе, будто бы въ слѣдующемъ

году появятся три повременныя новыя изданія. Одно изъ нихъ будетъ посвящено драматической словесности и сценическому искусству, а два другія, одно подъ заглавіемъ: *Практическій Журналъ технологіи и сельскаго хозяйства,* обниметъ технологію и сельское хозяйство, а другое подъ титуломъ: *Журналъ Русской Хозяйки,* заключитъ въ себѣ статьи о кухнѣ, прачешной, погребѣ, домашнемъ хозяйствѣ, городскомъ вообще, о огородахъ, садахъ, припасахъ, запасахъ, и проч. и проч.—Все это только покамѣстъ слухи и предположенія, но мы слышали, что драматическаго журнала редакцію принимаетъ на себя какой-то опытный литераторъ, хозяйственнаго перваго практическій агрономъ, а другаго опытный экономъ, при пособіи многихъ хозяевъ, экономокъ, поваровъ, кандитеровъ, прачекъ, ключницъ, погребщиковъ, пивоваровъ, уксусниковъ, дворниковъ, и проч. Такое извѣстіе должно порадовать почтеннаго Ѳ. В., какъ „величайшаго приверженца спеціальныхъ журналовъ", заставляя его въ то же время болѣе заботиться о своихъ изданіяхъ" *(Р. В. стр. 59).*

Прежде, чѣмъ скажемъ, *что* и *какъ* возразилъ г. Ѳ. Б. на эту статью, мы должны замѣтить, что IV № «Русскаго Вѣстника» необыкновенно счастливо задался г-ну Ѳ. Б.—Въ отдѣлѣ «Новыя Русскія Книги», въ разборѣ «Комаровъ» г. Булгарина, мы встрѣчаемъ сіи поразительныя безпристрастіемъ и истиною строки:

Намъ не понравилось въ „Комарахъ" одно: перепалки Ѳ. В. съ литературною братіею и безпрестанное толкованіе его о томъ, что на него всѣ нападаютъ; что всѣ на него нападающіе не правы; что большая часть изъ нихъ очень глупы; что нападенія ихъ служатъ ему въ пользу; что онъ ихъ не боится. Не пора ли перестать? Все исчисленное нами повторяется Ѳ. В. безпрестанно, и какая же пѣсня не приполется, если безпрестанно пѣть ее? Дѣло очень простое: на Ѳ. В. нападаютъ—правда, а онъ развѣ никого не трогаетъ? Какъ же требовать, чтобъ задѣтые молчали, если еще не было примѣра, чтобъ Ѳ. В. оставилъ когда-нибудь безъ отвѣта самое невинное и кроткое замѣчаніе? Кто погрозитъ ему иголкой—онъ рубитъ того мечемъ, а кто броситъ въ него хлопушку—онъ отвѣчаетъ изъ пушки, когда при томъ изъ *десяти* перепалокъ *девять всегда начинаетъ Ѳ. В.?* Вопросъ о томъ, всѣ ли противники Ѳ. В. не правы, думаемъ, и самъ онъ по совѣсти рѣшитъ отрицательно. Совершенство не дано въ удѣлъ человѣку, а ошибки неизбѣжный удѣлъ его. Задачу о томъ, всѣ ли соперники Ѳ. В. дураки, невѣжды и негодяи литературные, опять почитаемъ мы безспорно отрицательною. Если же нападки на Ѳ. В. ему не вредны, а полезны, изъ чего же заводить споры и шумъ? А что Ѳ. В. не боится нападокъ, пора публикѣ увѣриться и безъ непрестанныхъ о томъ напоминаній съ его стороны. Скажемъ откровенно: замолчи Ѳ. В., и никто не затронетъ его. Не угодно ли ему не заводить споровъ хоть полгода, хоть для опыта, для удостовѣренія въ словахъ нашихъ? Посмотрите, какъ все будетъ тихо и смирно" (Р. В. *стр. 21*).

Не правда ли, что теперь очень-любопытно знать содержаніе той огромной, сильной, доказательной и остроумной статьи, которою г. Ѳ. Б. возразилъ на статьи противъ него въ № IV «Русскаго Вѣстника»? Вотъ она, эта огромная, сильная, доказательная и остроумная статья, вся, отъ

слова до слова, со всею ея огромностію, силою, доказательностію и остроуміемъ:

„Помните ли, что въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ былъ совѣтъ топить печи въ замѣнъ дровъ кочерыжками и стеблями земляныхъ грушъ? Въ Сѣверной Пчелѣ было *скромно* замѣчено, что это—*небылицы*. И вотъ Русскій Вѣстникъ, издаваемый подъ главнымъ надзоромъ *всезнающаго* Н. А. Полеваго, *вельми* разгнѣвался и выстрѣлилъ изъ всѣхъ своихъ баттарей въ одного изъ издателей Сѣверной Пчелы, Ѳ. Булгарина, принявъ за военный кликъ Riга, qui riга le dernier! – Мы также принимаемъ этотъ девизъ, и будемъ имѣть честь отвѣчать Русскому Вѣстнику въ отдѣльной литературной статьѣ. Мало почтенному Н. А. Полевому литературной славы: онъ соблазнился славою изобрѣтателя карболенна, и изобрѣлъ кочерыжное *топливо*, отъ котораго насъ морозъ по кожѣ забираетъ! *(видите ли—что значитъ страсть единоторжія!)*—И такъ, до свиданія, милый „Русскій Вѣстникъ!“ *(Сѣверной Пчелы* № 119).

И только? Да тутъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что̀ называется châte complête? [260]) восклицаетъ читатель.—Да чего же вы и хотите? отвѣчаемъ мы.—Противъ правды, хорошо-высказанной, нечего сказать... Тутъ по неволѣ прійдется отдѣлываться словами: *вельми*, *милый вѣстникъ* и т. п. А отдѣльная литературная статья?—Разумѣется, ея не было, потому-что не могло быть.—Но, вмѣсто ея, было вотъ что:

Въ № 130 «Сѣверной Пчелы» извѣщается, въ фѣльетонѣ, о представленіи въ Москвѣ «Елены Глинской», драмы г. Полеваго.

„Дирекція (по словамъ фѣльетона) сдѣлала все отъ нея зависящее, *но не могла придать драмѣ занимательности*... Парашу Сибирячку, Парашу давайте намъ, почтенный Н. А. Полевой! На что намъ *шекспириться*—Параша. Иголкинъ намъ по сердцу: *мы не спрашиваемъ, откуда и какъ вы почерпаете сюжеты для вашихъ драмъ, и какъ ихъ кроите и сшиваете. Было бы хорошо, а мы все прощаемъ!*.. Пусть васъ другіе упрекаютъ, будто вы, почтенный Н. А. Полевой, извлекаете много изъ чужихъ сочиненій; мы никогда не станемъ упрекать васъ въ этомъ, когда піеса ваша понравится публикѣ. Намъ до этого нѣтъ дѣла. *Когда пирогъ хорошъ, мы не спрашиваемъ, изъ чьей муки онъ спеченъ*, и благодаримъ того, кто насъ накормитъ. Извините, это сравненіе *экономское*, и хотя вы такъ жестоко разгнѣвались на *Экономa (когда же это?)*, а и онъ готовъ праздновать ваше торжество на сценѣ. *Мы люди не злопамятные*, правду скажемъ, а лгать, выдумывать и унижать никого не станемъ.—Сельскаго хозяина изъ васъ никогда не будетъ, почтенный Н. А. Полевой; *въ критикахъ вашихъ, особенно въ антикритикахъ, всегда болѣе страсти, нежели правды*, но для сцены вы человѣкъ золотой, и мы вамъ низко кланяемся!“

Вотъ истинное безпристрастіе! Г. Ѳ. Б. за одно нападаетъ на г. Полеваго а за другое хвалитъ его: нападаетъ за критику его на Ѳ. Б., а хвалитъ за драматическія сочиненія!.. Это напоминаетъ басню Крылова «Левъ и Барсъ» которая оканчивается этимъ стихомъ:

Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.

Въ № 142 «С. Пчелы», при разборѣ «Дагеротипа», г. Полевому досталось порядочно за его разсказъ «Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ». Тамъ, между прочимъ, сказано: «Мы съ благоговѣніемъ читали нѣкогда разборъ Н. А. Полеваго Китайской Грамматики отца Іакинѳа, удивляемся великимъ познаніямъ Н. А. Полеваго по всѣмъ возможнымъ отраслямъ человѣческихъ свѣдѣній, и только ждемъ осени, чтобъ употребить въ дѣло новое его изобрѣтеніе, и вмѣсто карболенна топить печи капустными кочерыжками и стеблями земляныхъ грушъ, какъ почтенный Н. А. Полевой совѣтуетъ въ 4-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» на сей 1842 годъ».—Затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что г. Полевой написалъ своего «Огурчикова» по грамматическимъ формамъ *печенѣжскаго* языка. Это, изволите видѣть—маленькое, невинное мщеніе за намеки г. Полеваго (подкрѣпленные нѣкоторыми словами и выраженіями г. Ѳ. Б., выписанными курсивомъ), изъ которыхъ ясно значится, что Ѳ. Б. держится, въ своихъ русскихъ писаніяхъ, литовско-бѣлорусской конструкціи. «А вы (восклицаетъ фѣльетонистъ), почтенный Н. А. Полевой» (что за гостинодворская вѣжливость: все «почтенный», да «почтеннѣйшій», да по имени и по отчеству!..) «подмѣчаете наши описки въ *ежедневномъ* листкѣ, выставляете ихъ наружу, а г. Ламбину уже не даете и уголка на поприщѣ литературы!»—«Намъ весьма прискорбно, что *почтенный Н. А. Полевой* пишетъ и печатаетъ такія статьи, какъ «Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ»! Длинно, широко и тяжело... *Вообще замѣчаютъ, что съ нѣкотораго времени...* Но довольно объ этомъ!» — Дѣйствительно, «Огурчиковъ» г. Полеваго, скажемъ и мы, плохъ изъ-рукъ-вонъ, но все же ничѣмъ не хуже ни «Иголкина», ни «Параши», а г. Ѳ. Б. нашелъ его плохимъ явно за статью въ № IV «Русскаго Вѣстника». Можно сказать, по этому случаю, что не ему бы, г. Полевому, это слышать, и не ему бы, г-ну Ѳ. Б., это говорить... Тѣмъ въ фѣльетонѣ № 142 «Пчелы» и кончается о г. Полевомъ; но есть много-много интереснаго о «Дагеротипѣ»; на-пр.:

„Издатель Дагеротипа вовсе не виноватъ! Онъ думалъ, что нашелъ кладъ когда пріобрѣлъ широковѣщательное писаніе *съ огороднымъ названіемъ писателя*, который одинъ изъ всѣхъ сказалъ печатно: „Я знаю Русь и Русь меня знаетъ“. Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ говоритъ не то“.

За тѣмъ слѣдуетъ опроверженіе извѣстія, помѣщеннаго въ «Дагеротипѣ»:

„Авторъ писемъ говоритъ объ актерѣ Громовѣ, о піесѣ Елена Глинская, утверждая, что *теперь стало тише!* т. е. вѣря, что будто прежде былъ шумъ, гамъ и суматоха! Мы этого вовсе не замѣтили. Было всегда очень тихо, а теперь и совсѣмъ заглохло“.

Но лучше всего, въ фѣльетонѣ № 142 «Пчелы», слѣдующій афоризмъ:

„Нѣтъ спора, что для геніальныхъ писателей все равно, что ни говорятъ объ нихъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и напримѣръ Евгеній Сю, Дюма, Гюго, не упадутъ оттого, если *какой-нибудь кваснинъ, выучившійся грамотѣ самоучкою,* станетъ напрягать свои силы, чтобъ доказывать ихъ ошибки“.

Глубоко вошла стрѣла *хозяйственной* замѣтки «Русскаго Вѣстника» въ чувствительное сердце редактора «Экономa»! О чемъ бы ни говорилъ онъ, непремѣнно обратится, хоть вскользь, къ тому же предмету. Для этого «Пчела» даже пустилась, въ № 157, въ критику, въ которую пускается она только въ крайнихъ случаяхъ, и размахнулась разборомъ книжки г-жи Авдѣевой «Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ». Вотъ два примѣчательнѣйшія мѣста въ рецензіи г. Ѳ. Б.:

„Быть можетъ, есть на свѣтѣ и такіе люди, которые, зная, *какъ несправедливо* поступилъ съ нами Н. А. Полевой (упоминая въ Русскомъ Вѣстникѣ о нашемъ скромномъ *Экономѣ* и о *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ*, надъ которымъ мы имѣемъ надзоръ, въ отсутствіе издателя), подумали, что мы воспользуемся случаемъ и отплатимъ *седьмерицею*, или зубъ за зубъ, око за око... Жалѣемъ, если есть такіе люди, которые могутъ думать, что личныя отношенія въ состояніи совратить съ истиннаго пути стариннаго литератора, любящаго душою словесность и почитающаго справедливость и любовь къ истинѣ высшимъ качествомъ въ критикѣ“.

По языку и слогу своему эта выходка г. Ѳ. Б., особенно послѣ *писателя съ огороднымъ прозваніемъ и квасника, самоучкою выучившагося грамотѣ*, напоминаетъ слова Чичикова, при торгѣ мертвыхъ душъ у Манилова: «Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ, хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужь извините: обязанность для меня дѣло священное — я нѣмѣю передъ закономъ» (Мерт. Души, стр. 62).

„Нѣтъ! намъ дѣла нѣтъ, *кто* писалъ книгу, а мы должны отдавать отчетъ, *какова книга*, и потому, прочитавъ съ удовольствіемъ записки К. А. Авдѣевой, желаемъ всѣмъ любящимъ Русь насладиться этимъ чтеніемъ. Книга написана легко, разсказъ живой, и если Н. А. Полевой могъ поправить какую-нибудь кавычку въ книгѣ своей сестры, то не могъ сообщить ей слога“.

Рѣдкое безпристрастіе! Оно тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что сочинитель такъ и подноситъ его къ глазамъ читателя... А манера выражаться—все-таки чичиковская; но она тѣмъ лучше, что г. Ѳ. Б., браня «Мертвыя Души», подражаетъ ихъ героямъ въ способѣ выражаться...

За симъ—конецъ! Вся эта повѣсть, которую мы разсказали, какъ фактъ и матеріалъ для будущаго историка русской литературы, кажется намъ, по ея содержанію, забавною и поучительною не меньше «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Это поразительное сходство между истиннымъ событіемъ, сейчасъ разсказаннымъ нами, и вымышленною повѣстью можетъ служить тысячью-первымъ доказательствомъ, какъ глубоко воспроизводитъ Гоголь, въ своихъ созданіяхъ, дѣйствительную жизнь: чѣмъ больше понимаешь ее, тѣмъ больше имѣешь случаевъ, на каждомъ шагу, припоминать то ту, то эту повѣсть Гоголя, или то это, то другое мѣсто изъ повѣстей Гоголя. Тамъ два друга, вполнѣ достойные одинъ другаго, поссорились, разорвали долголѣтнюю пріязнь—изъ чего же?—изъ того, что

одинъ не согласился уступить свое ни къ чему негодное ружье за большую здоровую свинью... Здѣсь двое литераторовъ, соединенныхъ издавна пріязнію, ссорятся—изъ чего же?—изъ *кочерыжекъ!*.. Правда, эта пріязнь разрывалась уже не разъ, и разрывъ всегда былъ или изъ ничего, или изъ правды, сказанной однимъ изъ нихъ на-счетъ плохихъ картъ къ плохой исторіи другаго; но все-таки пріятно, умилительно было видѣть для нашего враждующаго литературнаго міра, какъ они всегда адресовались одинъ къ другому съ полнымъ уваженіемъ, съ титуломъ «почтеннаго» и «почтеннѣйшаго», называя другъ-друга или просто по имени и по отчеству, или, въ торжественныхъ случаяхъ, даже не только по имени и отчеству, но притомъ и съ присовокупленіемъ фамиліи... Какъ образованные литераторы, они даже и въ спорѣ, и въ ссорѣ, не оставили этихъ изящныхъ формъ свѣтскаго обхожденія; но теперь это уже не искренно... Намъ скажутъ, что въ ссорѣ виноватъ одинъ, и что другой велъ себя въ ней и твердо, и умно, отвѣчалъ ловко и остро, и что, слѣдовательно, все смѣшное остается на сторонѣ только перваго. Согласны, вполнѣ-согласны; но мы думаемъ и убѣждены, что во всякомъ случаѣ литературная ссора съ пріятелемъ ставитъ каждаго въ комическое положеніе, для избѣжанія котораго только одно средство—избѣгать пріязни съ сочинителями, съ которыми можно завязаться въ кочерыжечную перепалку, или, уже, уважая себя, терпѣть отъ нихъ все... Впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей...

Исторія о «Мертвыхъ Душахъ» все еще продолжается: о нихъ толкуютъ и спорятъ въ публикѣ, о нихъ разсуждаютъ въ журналахъ. Прислушиваясь къ толкамъ и приглядываясь къ печатнымъ сужденіямъ, невольно видишь матеріалы для новой поэмы въ томъ же родѣ... Многія печатныя сужденія такъ и смотрятъ—кто Ноздревымъ, кто размазнёю-Манилловымъ, уѣзднымъ сантиментальнымъ мечтателемъ, кто Селифаномъ, резонёрствующимъ съ лошадьми... Изъ хвалителей, каждый находитъ героя по себѣ, говоря: вотъ одно лицо благородное и умное. Одинъ изъ критиковъ не шутя провозгласилъ, что всѣ лица гадки (по отношенію къ нимъ-самимъ, а не къ искусству), кромѣ... кого бы вы думали?.. не отгадаете!.. кромѣ Селифана. Критикъ видитъ въ немъ неиспорченную русскую натуру... Въ чемъ же состоитъ эта неиспорченная натура?—Въ томъ, что она напивается пьяною не по грубой животности, а потому-что съ хорошимъ человѣкомъ пріятно выпить... Право такъ! Впрочемъ, есть и другія доказательства неиспорченной натуры Селифана: это его готовность быть высѣченнымъ, сердечность, съ которою онъ говоритъ о милой ему конюшнѣ и знакомой ему припаркѣ... Хороша неиспорченная натура!.. Впрочемъ, и этимъ еще не кончились доказательства въ пользу неиспорченной натуры Селифана: ко всему этому критикъ прибавляетъ его пріятельское обращеніе съ лошадьми... Теперь понимаете ли, что̀ такое неиспорченная натура, по мнѣнію критика?.. Теперь понимаете ли, что если кто не пьетъ сивухи, не на-

пивается на смерть съ первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, считая его за хорошаго человѣка, кто не разговариваетъ съ лошадьми, и не позволитъ взыскать себя извѣстною милостію, по спинѣ, — горе тому: онъ испорченная натура! онъ покорился обаянію лукаваго Запада, погубилъ и душу и тѣло свое на вѣки!.. [262])

Когда вышелъ «Ревизоръ» одинъ извѣстный критикъ отказался писать о немъ, видя въ немъ грязное произведеніе; одинъ журналъ отказался напечатать у себя повѣсть Гоголя «Носъ», находя ее также грязною; недавно одинъ критикъ поставилъ Гоголя, въ ряду русскихъ поэтовъ, ниже г. Павлова (писателя даровитаго, но совсѣмъ не Гоголя) [263]). Жаль, что нѣкогда справляться, а то бы можно было много найдти фактовъ, доказывающихъ, что иные критики съ нѣкотораго времени совсѣмъ-иначе заговорили о Гоголѣ, нежели какъ говорили о немъ прежде и еще очень-недавно. А между-тѣмъ, посмотрите, какъ они сердятся, что другіе поняли Гоголя такъ-сказать со дня его вступленія на литературное поприще, и что осмѣлились намекнуть на это, какъ на свою собственную заслугу, изъ опасенія, чтобъ ихъ не смѣшивали съ повторялями чужихъ мыслей и даже словъ, за неимѣніемъ своихъ!.. Кто постоянно слѣдитъ за нашею литературою, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ. Можетъ-быть, многіе знаютъ, и безъ указаній, гдѣ и кто говорилъ, и послѣ того, о Гоголѣ въ томъ же духѣ, и томъ же тонѣ... Почему жь бы и не замѣтить того, что принадлежитъ вамъ по праву?.. Но люди неблагодарны, вы же ихъ научите вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепы,— и они же, за это, пошлютъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо снабдятъ васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинятъ въ самохвальствѣ, и объявятъ вашу фигуру *тощею*, какъ-будто это страшный недостатокъ и какъ-будто педантическая фигура съ брюшкомъ лучше тощей фигуры... Но, что всего забавнѣ, они назовутъ ваши похвалы автору непрошенными, какъ-бы намекая тѣмъ что у нихъ этотъ авторъ выпрашивалъ ихъ запоздалыя, съ чужого голоса взятыя похвалы... Что касается до насъ,—объявляемъ во всеуслышаніе, что тѣ писатели, которыхъ мы хвалимъ, никогда не просили нашихъ похвалъ, и что мы хвалимъ *даромъ*... [264])

Одинъ критикъ видитъ въ Гоголѣ существо двойное или раздвоившееся: одна половина, видите ли, смѣется, а другая плачетъ... Оригинальная мысль! Есть люди, которые никакъ не могутъ понять смѣха въ слезахъ, особенно же слезъ въ смѣхѣ, и хотятъ все дѣлить и различать механически, чтобъ иное великое явленіе какъ-нибудь сдѣлать доступнымъ своей ограниченности [265]).

Вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые, побывавъ въ Парижѣ и возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: «у насъ въ Парижѣ»?

Такъ нѣкоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойтись безъ Италіи. Одинъ изъ *таковыхъ* [266]) дѣлаетъ Гоголя ученикомъ Гомера, Данта и Шекспира. Признаемся, мы не видимъ въ «Мертвыхъ Душахъ» слѣдовъ изученія этихъ великихъ образцовъ. Что авторъ «Мертвыхъ Душъ» можетъ совпадать съ ними—противъ этого не споримъ; но причина этого не изученіе, а то, что поэзія не можетъ не совпадать съ поэзіею. Между всѣми ими есть одно общее,—именно то, что всѣ они поэты...

Нѣкто, толкуя вкось и вкривь, по крайнему своему разумѣнію, о Селифанѣ, о дядѣ Митяѣ и дядѣ Миняѣ, обвиняетъ Гоголя въ односторонности, въ томъ, что онъ показываетъ Русскихъ только съ одной ихъ стороны. Критику очень не нравится, что пьяный Селифанъ опрокинулъ бричку и вывалилъ изъ нея своего барина, и что дядя Миняй и дядя Митяй своимъ вмѣшательствомъ только больше запутали дѣло. Критикъ твердитъ одно: Русскій человѣкъ за поясъ заткнетъ Нѣмца; русскіе мужички въ дорогѣ очень *безкорыстны*. Послѣднюю истину очень-хорошо знаютъ всѣ, у кого въ дорогѣ ломалась ось экипажа, или экипажу случалось завязнуть въ грязи или зажорѣ .. Критикъ еще утверждаетъ, что русскій мужикъ, хоть и прихвастнетъ и опрокинетъ сиьяну, за то и «выѣдетъ на авосѣ по соломенному мосту». Правда! но правда и то, что много людей пропадаетъ въ оврагахъ, рѣкахъ, на мостахъ и пр., благодаря *авосю*... [267])

Но изъ всѣхъ забавныхъ мнѣній, высказанныхъ по случаю «Мертвыхъ Душъ», самое забавное, безъ сомнѣнія, то, что фантазія Гоголя *хлѣбосольная*... Гоголь—видите—не потому такъ отчетливо рисуетъ главные характеры, и такъ ярко, одною или нѣсколькими чертами, какъ-бы вскользь и мимоходомъ, изображаетъ множество второстепенныхъ и какъ-будто случайно подвернувшихся характеровъ, не потому, что онъ вѣренъ дѣйствительности, а потому, что его фантазія русская, стало-быть, и *хлѣбосольная*, и держится пословицы: *что есть въ печи, все на столъ мечи*... Милая критическая наивность! Черта изъ золотаго вѣка!.. [268])

Но вотъ еще такая же *буколическая* черта: одинъ изъ критиковъ, желая похвалить Гоголя, такъ выражается о его слогѣ: «Рѣчь его разсыпчата, какъ *сдобное тѣсто*, на которое не пожалѣли *масла;* она льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою *чиваго* [269]) хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; отъ того-то и періодъ его бываетъ слишкомъ *грузно начиненъ*, какъ *пирогъ* у затѣйливаго гастронома, который купилъ безъ разсчета припасовъ и не щадилъ никакой *начинки*»... Воля ваша, а эта кухонная похвала, должно быть, *непрошенная*... [270])

*667. **Рѣчь о критикѣ,** произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, марта 25-го дня 1842 года, экстраордин. профес., докторомъ философіи, *А. Никитенко.* Санктпетербургъ. 1842.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ [271]).

Статья наша о «Критикѣ» должна оставить принятый ею историческій путь и снова возвратиться къ настоящему, характеристикою котораго и заключится она. Мы и не хотѣли давать ей характеръ историческій; иначе, должны были бы написать много статей прежде, нежели добрались бы до настоящаго періода русской литературы. Въ предъидущей статьѣ, мы желали только намекнуть на то, какъ, по нашему мнѣнію, должно было бы слѣдить русскую критику въ ея историческомъ развитіи,—заранѣе отказываясь написать полную ея исторію въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Доселѣ еще не только не было никакой попытки — начертать исторію русской литературы со стороны ея вліянія на мнѣніе общества, т. е. со стороны критики, въ обширномъ значеніи этого слова; но даже не было и попытокъ сдѣлать хоть какія-нибудь указанія на матеріалы, необходимые для подобнаго труда. А между-тѣмъ, этотъ трудъ только слегка можетъ казаться легкимъ, въ сущности же онъ весьма-сложенъ, кропотливъ и тяжелъ. Нужно не только перечесть вполнѣ нѣкоторыхъ писателей, но и рыться въ старыхъ и новыхъ журналахъ. Притомъ же, мы задали бы себѣ слишкомъ-обширный вопросъ, еслибъ взяли критику въ ея общемъ значеніи. Для насъ важны не только тѣ русскіе писатели, которые посвящали свои труды или теоріи изящнаго, или собственно—критикѣ изящныхъ произведеній, или отрывочно, тамъ-и-сямъ, въ своихъ твореніяхъ, выговаривали свои понятія объ изящномъ и о критикѣ; но и тѣ писатели, которые, своими нравственными мнѣніями, выражали духъ времени, или давали ему новое направленіе. Въ этомъ отношеніи, какъ важенъ для насъ, напр. Фонвизинъ, съ его «Недорослемъ» и «Бригадиромъ», въ которыхъ, въ лицѣ глупцовъ и чудаковъ, высказано понятіе того времени объ отрицательной сторонѣ современнаго общества, а въ лицѣ резонёровъ и добродѣтельныхъ людей, высказанъ, такъ-сказать, идеалъ, къ которому должно было стремиться общество, высказаны начала, на основаніи которыхъ мыслили и дѣйствовали лучшіе люди той эпохи! А исповѣдь Фонвизина, его мелкія сатирическія статьи, его *вопросы*, и пр.? Оцѣнка всего этого была бы полною оцѣнкою всего Фонвизина, который замѣчателенъ совсѣмъ не какъ поэтъ (ибо поэтомъ онъ не былъ), а какъ умный, мыслящій человѣкъ своего времени, даровитый писатель съ критическимъ направленіемъ. «Словарь Россійскихъ Писателей» Новикова—богатый фактъ собственно-литературной критики того времени: его тоже нельзя миновать въ историческомъ обзорѣ русской критики. Тутъ же долженъ занять свое мѣсто и Макаровъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей и критиковъ того вре-

мени. Съ именемъ Карамзина соединяется понятіе о цѣломъ періодѣ русской литературы, стало-быть, отъ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія до двадцатыхъ настоящаго. Тридцать-пять лѣтъ такой блестящей литературной дѣятельности и около сорока лѣтъ такого сильнаго вліянія на русскую литературу, а черезъ нее и на русское общество! И вліяніе не только литературное, но и, можно сказать, всяческое! Все это должно вновь перечитать, пересмотрѣть, а на все это нужно время и время. Критическая дѣятельность Мерзлякова, князя Вяземскаго, Каченовскаго и другихъ, характеристика многихъ журналовъ, изъ которыхъ иныхъ теперь и имена не извѣстны публикѣ,—также должны войти въ этотъ обзоръ и, слѣдственно, также должны быть пересмотрѣны. Война карамзинистовъ съ шишковистами; прологъ къ войнѣ романтизма съ классицизмомъ, заключающій въ себѣ пренія, возбужденныя нѣмецкими и англійскими балладами Жуковскаго; далѣе, война поборниковъ классицизма и вмѣстѣ народности, съ поборниками классицизма чисто-подражательнаго и чуждаго всякой народности (въ этой войнѣ замѣчательны имена Катенина, Жандра, и *отчасти*, Грибоѣдова); наконецъ, война классицизма и романтизма:—сколько для всего этого нужно пересмотрѣть книгъ, особенно журналовъ! Появленіе каждаго генія бываетъ чѣмъ-то нарушающимъ обыкновенный порядокъ вещей, съ непривычки кажется чѣмъ-то незаконнымъ и возбуждаетъ вражду и оппозицію со стороны людей, проникнутыхъ духомъ господствующаго порядка вещей. Въ пользу генія возстаетъ юное поколѣніе, и завязывается битва, концомъ которой всегда бываетъ торжество генія. И вотъ окончена битва—и видъ дѣла измѣняется: геній признанъ величайшимъ и непогрѣшительнымъ авторитетомъ; противъ него враждуютъ развѣ только хриплые голоса немногихъ уцѣлѣвшихъ развалинъ стараго времени. Но время идетъ, новыя идеи вторгаются, и такъ-какъ не было и никогда не будетъ генія, который бы все сказалъ, все рѣшилъ, на все далъ отвѣтъ, исчерпалъ бы всѣ стороны бытія, такъ-что уничтожилъ бы возможность явленія другихъ геніевъ, а слѣдственно, и возможность дальнѣйшаго развитія народа или человѣчества: то и геній, послѣ столькихъ усилій и битвъ, сдѣлавшійся властителемъ думъ своего времени, является наконецъ представителемъ уже минувшей эпохи, неудовлетворяющимъ новаго времени. Противъ него воздвигается оппозиція, часто несправедливая и ослѣпленная въ своей крайности; за него стоитъ все, что не двинулось послѣ него впередъ — и опять битва! Но проходятъ годы, повое беретъ свое, мирно царитъ надъ настоящимъ и воздаетъ должное прошедшему. Все это было и въ русской литературѣ, хотя она существуетъ еще только *сто* лѣтъ, если началомъ ея взять 1739 годъ, когда Ломоносовъ написалъ первую свою оду — «На взятіе Хотина» (сатиры Кантемира были въ первый разъ изданы въ 1762 году). Такъ литературная дѣятельность Карамзина, явившаяся оппозиціею схоластическому направленію русской литературы, данному Ломоносовымъ, возстановила противъ себя славянофиловъ [272]) и пуристовъ русскаго языка. Время и разумъ рѣшили дѣло въ пользу реформы Карамзина, и Карамзинъ сдѣлался патріархомъ русской лите-

ратуры; подъ страхомъ анаѳемы и отлученія отъ литературнаго православія, не позволялось усомниться ни въ одной строкѣ, ни въ одной буквѣ его сочиненій. Но оппозиція шишковистовъ была ничто въ сравненіи съ тою, которая ожидала Карамзина уже по смерти его. Такъ-называемый романтизмъ развязалъ умы, вывелъ ихъ изъ узкой и избитой колеи преданія, авторитета и общихъ реторическихъ мѣстъ, изъ которыхъ прежде сплетались вѣнки славы прославленнымъ писателямъ; новыя идеи вторгались отовсюду; литературные и умственные перевороты въ Европѣ, начавшей, по низверженіи Наполеона, новую жизнь, отозвались и въ нашей литературѣ. Тогда-то возстали противъ Карамзина... Но прошло и это время: теперь всѣ понимаютъ, что не Карамзинъ виноватъ, если его поклонники приписали ему больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ, видѣли въ немъ что-то бо́льшее нежели то, чѣмъ онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ, что вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а онъ а въ томъ, что [273]) сдѣлалъ, и что не его была вина, въ томъ, что̀ если онъ рано родился и образовался подъ вліяніемъ литературныхъ идей прошлаго вѣка; теперь у Карамзина нѣтъ ни ослѣпленныхъ друзей, ни ожесточенныхъ враговъ—теперь для него настало потомство, безпристрастное, спокойное, уважающее его славное имя, цѣнящее его заслуги, давшее ему почетное мѣсто въ исторіи литературы и общественности. Явился Пушкинъ,—и встрѣча, сдѣланная ему, была уже совсѣмъ не то̀, что̀ встрѣча Карамзину: восторгъ и негодованіе, любовь и ненависть были тутъ значительно глубже и сильнѣе. Одни только-что не клялись именемъ Пушкина, другіе, слыша его, только-что не зажимали съ благочестивымъ ужасомъ ушей своихъ. Битвы были ожесточенныя и упорныя, а вопросъ еще и теперь не рѣшенъ! Уже нѣсколько поколѣній произнесли судъ свой надъ Пушкинымъ, а потомство для Пушкина все еще не настало... Элементы нашей эпохи такъ многосложны и спутаны, вопросы такъ глубоко-жизненны, что много надо пережить, перечувствовать и перемыслить, чтобы рѣшать ихъ: это дѣло времени и жизни — безъ нихъ люди ничего не сдѣлаютъ. Еще не рѣшился вопросъ о Пушкинѣ, и уже сколько новыхъ вопросовъ возникло, и возникло не изъ книгъ, какъ они возникали прежде, а изъ живыхъ явленій!.. И развѣ эти безпрерывные толки и споры въ обществѣ о «Мертвыхъ Душахъ», эти восторженныя похвалы и ожесточенныя брани въ журналахъ, возбуждаемыя новымъ твореніемъ Гоголя,—развѣ это не живое явленіе, и развѣ это не вопросъ, столько же литературный, сколько и общественный?.. Мало того: развѣ весь этотъ шумъ и всѣ эти крики, не результатъ столкновенія старыхъ началъ съ новыми, развѣ они—не битва двухъ эпохъ?.. Все, что является и успѣваетъ съ перваго разу, встрѣчаемое и провожаемое безусловною похвалою, все это не можетъ быть важнымъ и великимъ фактомъ: важно и велико только то, что̀ раздѣляетъ мнѣнія и голоса людей, что́ мужаетъ и растетъ въ борьбѣ, что̀ утверждается живою побѣдою надъ живымъ сопротивленіемъ. Полагать причиною этого сопротивленія одну зависть къ успѣху и къ генію, значило бы слишкомъ-ограниченно смотрѣть на дѣло: то ошибка духовъ времени, то борьба старыхъ началъ

съ новыми! Человѣкъ только до извѣстнаго возраста своей жизни обладаетъ способностію умственнаго движенія впередъ; разъ утвердившись въ извѣстномъ образѣ мыслей, по достиженіи извѣстнаго возраста, онъ дѣлается слѣпъ и глухъ для всякой новой истины, и видитъ въ ней ложь и нечестіе. Только сильные духомъ могутъ отрываться отъ ученій, въ которыхъ возрасли и укрѣпились; но и для нихъ, это движеніе сопряжено бываетъ съ тяжелымъ трудомъ, съ потрясеніемъ всего нравственнаго существованія ихъ. Цѣлое общество видѣло высочайшій идеалъ поэзіи въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, съ малолѣтства заучивало наизустъ стихи ихъ, восторгъ свой къ этимъ поэтамъ довела до обожанія, уваженіе—до піэтистическаго благоговѣнія,—и вдругъ этому-то обществу говорятъ, что ихъ поэты—не поэты, а только изящные риторы, что въ образцовыхъ ихъ трагедіяхъ нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни людей, ни игры страстей и чувствъ, ни глубокихъ идей, словомъ, никакой дѣйствительности, и что, наконецъ, идеалъ великаго драматурга осуществился въ Шекспирѣ, котораго оно, это общество привыкло считать пьянымъ дикаремъ, вдохновеннымъ невѣждою!.. Повѣрить на-слово общество не могло, понять еще менѣе; слѣдовательно, оставалось сознаться, что или оно всю жизнь свою обманывалось, или что оно не въ силахъ понять то, въ чемъ его увѣряютъ. Но это выше природы человѣческой: большей части людей легче понять непонятное ему, чѣмъ сознаться въ своей неспособности понимать. Однакожь, между молодыми людьми, которыхъ духъ новой жизни засталъ еще свѣжими, свободными и способными къ его принятію, являются смѣлые поборники новыхъ идей. И вотъ завязывается борьба; время идетъ, старые ратники выбываютъ изъ рядовъ, молодые прибываютъ, и—лѣвая сторона является правою, а въ центрѣ остается двухсмысленная изгарь двухъ мнѣній, люди полумѣръ, люди ни то, ни сё... И потомъ опять такая же исторія,—и изъ этихъ-то исторій составляется исторія развитія человѣчества, народовъ и обществъ.

Такую задачу, въ отношеніи къ русской литературѣ со стороны критики, мы хотѣли-было предположить себѣ, начавъ писать статью о критикѣ; но такая статья могла бы слишкомъ-далеко завлечь насъ. Однакожь, мы рѣшились приготовить на этотъ предметъ особую статью и перевести ее, изъ отдѣла критики, въ отдѣлъ наукъ. Тутъ будетъ цѣлая исторія русской литературы, обозрѣнная съ новой ея стороны, на которую еще никто не обращалъ вниманія—со стороны развитія литературныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началъ. Статья эта будетъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ «Отеч. Записокъ» на 1843 годъ [274]). Мы не будемъ въ ней повторять уже сказаннаго въ статьяхъ о «Критикѣ», и начнемъ прямо съ того, что̀ непосредственно должно слѣдовать за Сумароковымъ, взглядомъ на котораго мы кончили нашу вторую статью о критикѣ. Теперь же возвратимся на предметъ болѣе близкій, къ содержанію рѣчи г-на Никитенко, подавшей поводъ къ этимъ тремъ статьямъ. Въ первой статьѣ мы говорили, что̀ такое критика вообще и чѣмъ она должна быть въ наше время. Здѣсь поговоримъ о томъ, какова бываетъ иногда

критика. Не знаемъ, увидятъ ли читатели въ нашихъ словахъ характеристику современной русской критики; но во всякомъ случаѣ, мы никого не назовемъ, ни на кого не укажемъ: пусть дѣло говоритъ само за себя, пусть другіе ищутъ въ нашихъ словахъ кому кого угодно, а мы будемъ говорить вообще, ни къ кому не относя, ни къ кому не примѣняя... Предметомъ нашихъ разсужденій будетъ уклоненіе критики отъ идеала критики...

Читатели «Отеч. Записокъ» не могли не замѣтить, что критика этого журнала рѣзко отличается отъ критики другихъ журналовъ—своими началами, и своимъ характеромъ, и даже самымъ языкомъ. Враги «Отеч. Записокъ» ставили и ставятъ имъ это въ величайшій недостатокъ; другіе же находятъ это большимъ достоинствомъ. Намъ скажутъ: никто въ собственномъ дѣлѣ судьею быть не можетъ, и только публика имѣетъ право приговора въ пользу достоинства критики журнала... Согласны, но развѣ мы хвалимъ собственную критику?— Отнюдь нѣтъ, мы только говоримъ, что она — особенная критика въ современной русской литературѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ критикою другихъ современныхъ журналовъ. А это такъ же можно почесть порицаніемъ, какъ и похвалою. Гдѣ жь тутъ самохвальство? Тутъ только фактъ, въ вѣрности котораго согласны и друзья и враги наши [275]).

Критика можетъ раздѣляться на разные роды, по ея отношеніямъ къ самой себѣ; но не то теперь въ виду у насъ. По отношенію же критики къ лицамъ, занимающимся ею, прежде всего должно раздѣлить ее на критику искреннюю, добросовѣстную, критику по убѣжденію, по началу, и на критику по разсчету, критику торговую. Послѣдняя всегда ложна, потому-что еслибъ она иногда и находила для себя выгоднымъ обмолвиться истиною,—эта истина все-таки не относилась бы къ высокимъ предметамъ человѣческаго сознанія, а ограничивалась бы только, и то невсегда, умнымъ взглядомъ на нѣкоторыя стороны практическихъ предметовъ, въ то же время парализируя себя всякими неправдами, всякою ложью и всякими противорѣчіями. Въ злохудожную душу не впидетъ премудрость! Что̀ касается до критики искренней, критики по убѣжденію,—ее не всегда можно принимать за одно съ критикою истинною: убѣжденіе и истина—не одно и то же: это два отдѣльныя и самобытныя начала, которыя могутъ быть сильны только по взаимномъ проникновеніи, но которыя часто являются каждое самимъ-по-себѣ, и потому каждое безсильнымъ и безплоднымъ. Хотя въ наше время примѣры религіознаго фанатизма и рѣдки, однако и въ наше время могутъ существовать люди, которые отъ души убѣждены, что аутодафэ—вещь необходимая для спасенія душъ. Такое убѣжденіе можетъ быть и сильно, и глубоко, и безкорыстно; но тѣмъ не менѣе оно ложно. Притомъ же, въ дѣлѣ убѣжденій, должно обращать вниманіе на источникъ убѣжденія. Иногда случается такъ: какой-нибудь господинъ найдетъ и безопаснымъ и выгоднымъ для себя поддерживать извѣстную мысль, которая притомъ ни для кого не новость. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что выдаетъ эту мысль за великое открытіе, за неслыханную новость; подводитъ

подъ нее всѣ факты, и которые нейдутъ подъ нее,—онъ ихъ гнетъ, колотитъ, уродуетъ; вырабатываетъ себѣ странный и дикій языкъ, вопитъ о своемъ безкорыстіи, патріотизмѣ, о своей пламенной любви къ народности. Надъ нимъ начинаютъ смѣяться, доказываютъ ему, что мысль его и не нова и односторонняя, что гораздо-прежде его было много охотниковъ выѣзжать на ней; что языкъ его, вмѣсто народности, отзывается цинизмомъ, тономъ извощиковъ и замашками Кутейкина (дѣйствующее лицо въ «Недорослѣ» Фонвизина); что патріотизмъ его пока еще одно хвастовство, ибо патріотизмъ, чей бы то ни былъ, доказывается не словами, а дѣлами, что титло патріота дается гражданину народомъ и исторіею, а не самозванствомъ; что народность его—не таинственная психея народной жизни, а грязь съ торговой площади... Все это, разумѣется, раздражаетъ господина-сочинителя; самолюбіе его оскорбляется, желаніе оправдаться возбуждаетъ въ немъ потребность самому убѣдиться въ собственныхъ убѣжденіяхъ. Эту потребность, возбужденную жаждою вещественныхъ выгодъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ, онъ принимаетъ въ себѣ за убѣжденіе, и оканчиваетъ тѣмъ, что дѣйствительно дѣлается фанатическимъ послѣдователемъ наудачу и по разсчету выбраннаго ученія, и на немъ оправдывается французская пословица: à force de forger on devient forgeron. И вотъ онъ глубже и глубже тонетъ въ тинѣ своихъ дикихъ убѣжденій; неудача раздражаетъ его энергію, энергія его переходитъ въ фанатизмъ;—и горе было бы людямъ, еслибъ онъ имѣлъ возможность проявлять свое убѣжденіе не однимъ гуснымъ перомъ... Но перо его не страшно; сначала оно можетъ озадачить толпу, которая всегда отступаетъ передъ силою какою бы то ни было—силою убѣжденія, или фанатизма—все равно. Но это не надолго; толпа не всегда чутка на ложь и истину съ перваго раза; когда же пройдетъ ея первое изумленіе, она, иногда молча и безсознательно, рѣшитъ дѣло лучше всякаго ученаго и философа. Дѣло тутъ въ томъ, что надъ обществомъ имѣютъ прочную власть только идеи, а не слова; свойство же и существенное отличіе идеи отъ всего, что̀ не есть идея, состоитъ въ томъ, что она движется, идетъ впередъ,—словомъ развивается; а нашъ «патріотъ» твердитъ все одно и то же, одними и тѣми же словами; высказавшись весь въ первой статьѣ своей, онъ въ тысячѣ слѣдующихъ за нею только повторяетъ собственные зады свои... Сверхъ того, не имѣя никакого внутренняго созерцанія, изъ котораго выходила бы его система, ничего не зная основательно, не опираясь на современную науку, лишенный всякаго инстинкта истины и всякаго такта выраженія,—онъ впадаетъ въ нелѣпости, до которыхъ, впрочемъ, доходитъ послѣдовательно, логически, ибо онѣ лежатъ въ самомъ основаніи его нелѣпаго ученія. Онъ утверждаетъ, напр., что образованность высшихъ и среднихъ классовъ общества—мишура, что національная мудрость хранится въ черни, что дѣти даже людей высшаго общества должны учиться отечественному языку въ избахъ мужиковъ, у ростовскихъ огородниковъ и рыбныхъ торговокъ... Съ публикою онъ объясняется языкомъ гостинодворскихъ сидѣльцевъ, почитая это и оригинальнымъ и національнымъ... Онъ набираетъ себѣ извѣст-

ное число прозелитовъ—бездарныхъ людей, которые, за рѣшительною неспособностію выдумать что-нибудь свое, готовы повѣрить на-слово всякому, у кого горло широко, и которыхъ, между-тѣмъ, мучитъ демонъ кропанья стиховъ и прозы. Сюда же присоединяются старые писаки, которые и въ свое время только смѣшили публику своимъ авторствомъ, своими мадригалами, трагедіями, романами, дѣтскими нравоучительными книжонками и азбуками. «Патріотъ» радъ ихъ даровымъ статьямъ, ихъ бездарному досужеству, ихъ готовности вторить его голосу; онъ одобряетъ ихъ, хвалитъ, ссылается на ихъ дикія и неслыханныя имена въ статьяхъ своихъ: какъ такой-то (имя рекъ) сказалъ, этакой-то выразился, см. стр. такую-то... Бѣдняки, рыцари печальнаго образа, радёхоньки, что имъ есть куда сбрасывать все, чѣмъ удастся имъ разрѣшиться,—пишутъ съ-плеча, статью за статьею, хвалятъ старину и другъ-друга, бранятъ все новое и даровитое, геній называютъ злодѣйствомъ, талантъ—развратомъ, а выбранныя изъ дѣтскихъ прописей сентенціи—чистѣйшею нравственностью. Тутъ являются свои геніи, свои таланты по-преимуществу, обыкновенно человѣкъ пятокъ: эти всегда впереди, остальные за ними... Но, увы! ничто не поможетъ нашему «критику»: надъ его журналомъ и его статьями уже не смѣются даже, вовсе забывая о ихъ существованіи... «Критикъ» прибѣгаетъ къ послѣднему средству: прежде онъ только и дѣлалъ, что стрѣлялъ холостыми зарядами по журналу, котораго мнѣнія и успѣхъ въ публикѣ не давали ему спокойно заснуть, и изъ котораго онъ сдѣлалъ себѣ какую-то мишень, не догадываясь, въ своей слѣпотѣ и ограниченности, что онъ этимъ еще болѣе возвышаетъ чужой журналъ; теперь онъ самъ пишетъ огромныя письма къ самому-себѣ (разумѣется, подъ вымышленнымъ именемъ), разбираетъ въ нихъ собственный журналъ и собственныя статьи, удивляется собственному краснорѣчію, глубокости своихъ идей, благоговѣетъ передъ своимъ геніемъ, своею ученостію, и торжествуетъ мнимыя побѣды надъ враждебными журналами и враждебными мнѣніями... Но, увы!—и это не помогаетъ: письма остаются не разрѣзанными и не прочитанными, а о самомъ журналѣ пропадаетъ и слухъ... Туда ему и дорога!..[216])

Есть еще одного рода убѣжденіе, сходное съ тѣмъ, которое мы описали, но разнящееся отъ него какою-то наивною добросовѣстностію: это убѣжденіе посредственности, убѣжденіе въ томъ, что она—талантъ, и что ей только по зависти не отдаютъ должной справедливости. Чтобъ доказать міру несправедливость враговъ своихъ, наивная посредственность рѣшается иногда—издавать журналъ. Это особенно часто бываетъ въ Германіи, гдѣ такъ много филистеровъ и такъ много пишущихъ гофратовъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ, мы недавно прочли объ одномъ изъ такихъ господъ, слѣдующее: Добрякъ принялся издавать журналъ. «Меня, говорилъ онъ своимъ знакомымъ, ругали—теперь я буду ругать». А его совсѣмъ и не ругали; просто о немъ молчали—это-то и было ему всего досаднѣе. Правда, когда-то было кой-гдѣ замѣчено, что его поэмы и романы плохи; но какъ вся эта дрянь была имъ написана давно, то о немъ уже и забыли. Впрочемъ, онъ вкусилъ и сладость печатной

похвалы: филистерскіе журналы объявили его пріятнымъ и моральнымъ писателемъ, и особенно остались довольны его слогомъ, дѣйствительно, столь же гладкимъ, сколь и безсмысленнымъ; только одинъ изъ рьяныхъ молодыхъ критиковъ, съ юношескою опрометчивостью, напалъ и на филистерскіе журналы и на сочинителя. Съ-тѣхъ-поръ, столько прошло времени, что рьяный критикъ забылъ и сочинителя-гофрата и многія изъ собственныхъ журнальныхъ статей. Каково же было его удивленіе, когда въ новомъ журналѣ онъ увидѣлъ выписки изъ своихъ старыхъ статей, выписки съ разными примѣчаніями, которыя еще были сдобрены солидными остротами! Онъ прочелъ и выписки изъ своихъ статей и остроумныя противъ нихъ выходки—и добродушно посмѣялся надъ тѣми и другими... А издатель неугомонно продолжалъ ратовать противъ всего талантливаго, хваля посредственность и самого-себя, пока не угомонилъ своего журнала (ибо самъ былъ едва ли не единственнымъ своимъ подписчикомъ и читателемъ)... Въ Германіи такое явленіе—не диковинка, а потому надъ нимъ даже и не смѣялись; оно прошло само-собою, подобно мыльному пузырю, лопнувшему на воздухѣ. Но можно поручиться, что этимъ не кончатся затѣи добряка; самолюбіе посредственныхъ писакъ неугомонно: лопнулъ свой журналъ, а чужіе не пріймутъ его статей,—тогда остаются брошюры. И такъ—до могилы! А все отъ наивнаго убѣжденія въ своемъ талантѣ и въ зависти къ нему враговъ...

Вообще, объ ограниченныхъ людяхъ съ убѣжденіями можно составить цѣлую книгу, которая была бы интереснымъ психологическимъ сочиненіемъ. Главное различіе между даровитыми и умными людьми съ убѣжденіями и между посредственностями съ убѣжденіями, состоитъ въ томъ, что убѣжденія первыхъ выходятъ изъ истины, а убѣжденія вторыхъ—изъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія. Человѣкъ съ умомъ всегда подверженъ сомнѣніямъ, которыя часто охлаждаютъ и ослабляютъ жаръ и энергію его убѣжденій; люди посредственные свято вѣруютъ во всякій вздоръ, потому только, что этотъ вздоръ вышелъ изъ ихъ головы. Чудаки эти часто не подозрѣваютъ, что и вздоръ-то, поддерживаемый ими, не ихъ, а навѣянъ на нихъ другими, которые имѣютъ свои виды на вздоръ извѣстнаго рода и на добродушное усердіе простяковъ, готовыхъ отъ-души ратовать за чужое мнѣніе, за которое ловко умѣли заставить ихъ уцѣпиться, какъ-будто за ихъ собственное. Такъ иной патріотъ, нажившій въ-тихомолку, разными «патріотическими» средствами, «индѣекъ малую толику», приберетъ себѣ журнальнаго работника, да изъ-за его дюжаго въ работѣ плеча, обдѣлываетъ по-маленьку свои дѣлишки, взявъ на себя только трудъ говорить отъ времени до времени, что онъ готовъ умереть за свое родное, и что онъ съ головы до ногъ—«патріотъ». А простякъ работаетъ, какъ волъ изъ одного безкорыстнаго стремленія обобщить свои идеи о томъ, что гдѣ много просвѣщенія, тамъ все гніетъ, и что нравы праотцевъ лучше всякой заморской мудрости. Однакожь этотъ простакъ бываетъ иногда не очень-добръ, и часто обнаруживаетъ придирчивую взыскательность,—это съ нимъ

случается всякій разъ, когда задѣнутъ его авторское самолюбіе, или его педантическій догматизмъ. Во всемъ остальномъ, это добрѣйшій человѣкъ; похвалите его, согласитесь съ нимъ въ его мнѣніяхъ,—онъ произведетъ васъ въ геніи. Это ему такъ легко, ибо у него нѣтъ никакихъ началъ: его мыслію управляютъ слова, а не мысли словами. Слова же его—это образецъ пухлаго безсмыслія, изысканныхъ фразъ. Если онъ давно пишетъ (особенно, если еще чему-нибудь учился, знаетъ языки и много читалъ), онъ набиваетъ руку и пріобрѣтаетъ способность много и скоро писать обо всемъ, и притомъ такъ, что въ его писаніи есть какая-то оригинальность, какой-то блескъ выраженія. Но это оригинальность искусственная, это блескъ фольги. Прочтете—и не помните, что̀ и о чемъ вы прочли. Особенно поражаетъ васъ въ его слогѣ искусство парафразированія: одна и та же мысль, и притомъ простая и пустая, какъ на-пр., то, что деревянные столы дѣлаются изъ дерева, одна и та же мысль тянется у него длинною вереницею предложеній, періодовъ, троповъ, фигуръ; онъ переворачиваетъ ее съ-боку-на-бокъ, плодитъ ее на цѣлыхъ страницахъ, и пересыпаетъ многоточіями. Все у него такъ кудряво, во всемъ такое изобиліе эпитетовъ, амплификацій, что неопытный читатель дивится этой живописности, этой рельефности, этимъ разноцвѣтнымъ и блестящимъ переливамъ слога,—и его очарованіе только тогда исчезнетъ, когда онъ задастъ себѣ вопросъ о содержаніи бойко и затѣйливо написанной статьи: ибо, вмѣсто всякаго содержанія, онъ замѣчаетъ, къ удивленію своему, только одно пухлое самолюбіе и однѣ пухлыя слова и фразы. Это особенно часто является на Западѣ, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ Западъ началъ гнить; у насъ, на Руси, гдѣ еще писательство нѐ обратилось въ привычку, такія явленія пока еще едвали возможны [277]).

Вообще, убѣжденія людей посредственныхъ, невѣжественныхъ и ограниченныхъ, представляютъ собою картину столько же смѣшную, сколько и жалкую. Они почти всегда оканчиваютъ рѣшительнымъ неуспѣхомъ и совершеннымъ отчаяніемъ. Не такое зрѣлище представляютъ собою люди ловкіе, но безъ всякихъ убѣжденій, критики не по призванію, а по нуждѣ, или по разсчету. Этимъ большею частію хорошо везетъ, особенно, если они умѣютъ вò время остановиться, кстати замолчать. Но здѣсь-то они обыкновенно и попадаются въ сѣти своего чернаго демона. Привычка управлять мнѣніемъ довѣряющей имъ части публики такъ вкореняется въ нихъ, что дѣлается равносильною страстію жаждѣ пріобрѣтенія. Это заставляетъ ихъ всю жизнь повторять одно и то же, т. е. кричать о своихъ заслугахъ, о своей народности, о зависти, невѣжествѣ, злобѣ и безталантности своихъ враговъ, о своей готовности умереть за истину (на бумагѣ), о томъ, что кто не написалъ самъ романа, тотъ не имѣетъ права судить о чужихъ романахъ... Какъ это не надоѣстъ имъ самимъ! Тактика ихъ очень-проста и (до поры до времени) очень-вѣрна; они льстятъ публикѣ, величая ее «почтеннѣйшею» и «милостивою государынею» (въ харчевняхъ такая галантерейность обращенія, говорятъ, въ большомъ ходу), и главное—хвалятъ

себя безъ стыда и совѣсти. Одну и ту же книгу они и разбранятъ и расхвалятъ, и потомъ опять разбранятъ и расхвалятъ, смотря по тому, что̀ найдутъ въ книгѣ... Если ихъ уличатъ въ противорѣчіи, они ссылаются или на сотрудника, котораго, будто-бы, не считаютъ себя въ правѣ стѣснять въ убѣжденіяхъ, или говорятъ, что ихъ листокъ даетъ мѣсто всѣмъ мнѣніямъ, не отвѣчая ни за одно. Притомъ же, они очень-хорошо знаютъ, что журнальные листы живутъ одинъ день и завтра забываются: такъ гдѣ же публикѣ помнить всѣ противорѣчія и всѣ продѣлки его издателей! До убѣжденій, до началъ имъ нѣтъ дѣла: они знаютъ—будетъ день, будетъ и хлѣбъ. И потому у нихъ что̀ день, то новыя убѣжденія. Въ одномъ только вѣрны они себѣ—во враждѣ ко всякому успѣху, въ которомъ они не участники—и къ матеріальному и къ умственному. Талантовъ они не любятъ по инстинкту, ибо сами богаты только звонкими ходячими талантами. Все это опять обыкновенное явленіе на Западѣ, гдѣ ежедневная журналистика сосредоточила въ себѣ всѣ интересы современной жизни. Тамъ даже бываютъ такіе газетёры, которые, прочтя въ другомъ журналѣ что-нибудь о литературныхъ плутняхъ, сейчасъ же пишутъ возраженія, и нападаютъ на дурной обычай употреблять личности. Успѣхъ книги они обыкновенно измѣряютъ ея расходомъ; нападая на другой журналъ, всегда считаютъ по пальцамъ его подписчиковъ. Если имъ нѣкогда удалось поддѣть публику какими-нибудь шарлатанскими сочиненіями, то они такъ и колятъ глаза людямъ, которые ничего не издали отдѣльно, лишая ихъ за это права писать въ журналахъ. Имъ нужды нѣтъ, что ихъ книги давно уже забыты: они тѣмъ громче кричатъ о своихъ заслугахъ, зная, что не всякій читатель захочетъ справляться насчетъ достоинства ихъ писаній. Но какъ же, спросятъ насъ, они такъ долго могутъ держаться? Очень-просто: люди сметливые, они во̀-время затѣяли изданіе, въ которомъ была нужда; прежде, чѣмъ публика ихъ разгадала, изданіе ихъ получило ходъ, а соперниковъ не являлось, потому-что, за границею, основаніе новаго изданія очень-трудно, въ денежномъ отношеніи [278]).

Это промышленники мелкіе. Ихъ критика фѣльетонная, мелочная; она состоитъ больше въ объявленіи о новыхъ книгахъ, съ приличными возгласами. Но бываютъ промышленники en grand, промышленники оптовые. Этимъ для успѣха нужна не одна ловкость и изворотливость, но и умъ и способности, если не талантъ. Мелкая изворотливость имъ нужна только для зазыва публики въ ихъ олимпійскій циркъ съ великолѣпными представленіями на лошадяхъ и съ фейерверками; но тутъ имъ можетъ помочь какая-нибудь пріятельская газета, которая закричитъ: «кто не подпишется, тотъ не любитъ отечественной литературы.» Но вотъ великое дѣло совершено съ успѣхомъ; тысячи подписчиковъ жаждутъ читать новый журналъ—неслыханное чудо, невиданное диво въ мірѣ журналистки. Любопытно знать, какъ и чѣмъ оправдаетъ новый журналъ возбужденныя имъ безмѣрныя ожиданія въ публикѣ, какъ и чѣмъ упрочитъ онъ свое существованіе на будущее время. Разумѣется, критикою, которая есть душа всякаго журнала. Въ чемъ же будетъ состоять направленіе новой кри-

тики, какой будетъ ея отличительный характеръ?—Нашъ журналистъ человѣкъ умный: онъ знаетъ, что надо блеснуть новизною, надо быть оригинальнымъ, надо озадачить. И вотъ онъ полагаетъ въ основу своей критики *скептицизмъ* и *насмѣшку*. На что же устремлены его скептицизмъ и насмѣшка?—На все, о чемъ ни говоритъ онъ, на все, чѣмъ ни великъ міръ науки, мысли, искусства. Онъ понимаетъ, что скептицизмъ—самая лучшая удочка для уловленія толпы. Простодушная, она обыкновенно удивляется тому, кто, много зная (т. е. обо многомъ говоря съ увѣренностію), ничему не вѣритъ и все считаетъ за вздоръ. Насмѣшка ее забавляетъ, не давая ей труда мыслить и вникать въ сущность дѣла. Толпа притомъ самолюбива; она низко кланяется генію, таланту, всякому роду нравственнаго превосходства; но отъ этихъ поклоновъ втайнѣ страждетъ ея самолюбіе; ей непріятно думать, что надъ нею такъ-высоко стоятъ нѣсколько выскочекъ, что эти выскочки высшей натуры, что они—аристократы человѣчества, а она, бѣдная толпа, представляетъ собою простой народъ, plebs. Надо подслужиться ей, надо польстить ея тайной думѣ, которой она не смѣетъ высказать, надо говорить ей, что все хорошо только издали, что славны бубны за горами, что все великое велико только условно. И вотъ—въ новомъ журналѣ является біографія за біографіей, но совсѣмъ не въ родѣ плутарховыхъ «жизнеописаній великихъ мужей». Простодушный и возвышенный Грекъ видѣлъ въ своихъ великихъ мужахъ проявленіе на землѣ божественнаго начала, торжество и славу человѣческаго духа, красу и утѣшеніе человѣчества. Онъ не скрывалъ отъ читателя темныхъ сторонъ своихъ героевъ, ибо зналъ, что безъ этихъ сторонъ, они были бы не людьми, а призраками; онъ отыскивалъ силу въ слабости, разумъ въ ограниченности, добротель въ борьбѣ со страстями,—такъ какъ все это является въ самой дѣйствительности и какъ, слѣдственно, иначе являться не можетъ. Нашъ біографъ отправился отъ противоположной точки воззрѣнія: онъ отъискивалъ эгоизмъ въ самопожертвованіи, заблужденіе въ истинѣ, глупость и тщеславіе въ добродѣтели. Великіе люди у него явились и завистниками, и интриганами, и пролазами, и эгоистами, и невѣждами, и негодяями; онъ искусно умѣлъ оттѣнить ихъ этими качествами, такъ, что изъ-за этихъ качествъ не видно стало великихъ людей. Когда же сами факты слишкомъ противорѣчили его уже черезчуръ субъективнымъ воззрѣніямъ на великое въ мірѣ, онъ—смѣло ломалъ дѣйствительность фактовъ, выворачивалъ ихъ наизнанку, или, опираясь на свою мнимую ученость, выдумывалъ небывалые факты, или отрицалъ дѣйствительность извѣстныхъ и доказанныхъ, ссылаясь на какія-нибудь небывалыя новыя сочиненія. И вотъ толпа обрадовалась, что ей все по плечу, что она нисколько не хуже, нисколько не ниже своихъ бывшихъ идоловъ, которые велики только благодаря прихоти ваятелей, давшихъ имъ колоссальные размѣры. Славный журналъ! толпа читаетъ и не нахвалится!.. Но не однимъ этимъ ее тѣшатъ. Ей доказываютъ, что наука—вздоръ, изобрѣтеніе педантовъ, что разумъ, которымъ гордится человѣчество, есть не что иное, какъ обманщикъ че-

ловѣчества, который водитъ его за носъ; что система выдумана школярами, чтобъ затемнить истину, что можно все знать, ничему не учась и только читая журналъ, въ которомъ проповѣдуются такія удобоприложимыя къ жизни начала; что философы — шарлатаны, что самъ Сократъ былъ тонкій плутъ, морочившій Аѳинянъ своимъ демономъ, и пр. «Эге, ге!—говорила толпа, лукаво посвистывая,—такъ вотъ оно какъ! ай-да молодецъ! славно, ну!». Но толпа не можетъ жить безъ геніевъ: отсутствіе геніевъ такъ же оскорбляетъ ея самолюбіе, какъ и ихъ превосходство передъ нею. Ловкій критикъ-скептикъ понимаетъ это. И вотъ онъ дѣлаетъ своихъ геніевъ, выдавая патенты на геніальность своимъ клевретамъ, разной посредственности. Это ему и легко и весело: онъ ихъ и жалуетъ и разжалываетъ по своей волѣ; а они его трепещутъ, пишутъ по его заказамъ, работаютъ съ-плеча,—и романамъ, повѣстямъ, драмамъ конца нѣтъ... Толпѣ любы эти геніи, съ которыми она можетъ обходиться за панибрата, которые велики, знамениты, славны, и въ то же время скромны и никого не могутъ оскорбить своимъ превосходствомъ; которые сочиняютъ славно, а зазнаться не смѣютъ, вѣдая, что съ ними церемониться не будутъ, какъ съ тѣми деревянными божками, которымъ Буряты кланяются и приносятъ жертвы во время вёдра, и которыхъ они же нещадно сѣкутъ во время ненастья. Все истинно-великое, истинно-даровитое критикъ хвалитъ только по отношеніямъ, когда отъ этого есть польза его журналу; но и тутъ онъ хвалитъ такъ двусмысленно, что не разберешь, шутитъ онъ, или говоритъ серьезно, бранитъ или хвалитъ. Тѣ же таланты, которые гордо презираютъ и его бранью и его лестью, онъ неослабно преслѣдуетъ и намеками и явною бранью. Ему это такъ легко, онъ такъ смѣлъ и рѣшителенъ... Разбирая книгу, онъ выдастъ собственное сочиненіе за выписку изъ разбираемой книги, и скажетъ: «смотрите, какъ глупо!» Онъ же къ этому мастеръ смѣшить толпу,—а кто хохочетъ, тотъ побѣжденъ, тому нѐкогда ни подумать, ни навести справки. Все это для критика-скептика очень-хорошо: журналъ его цвѣтетъ, имя его пользуется извѣстностію, благосостояніе утверждено. Но высшая точка успѣха часто бываетъ опасна; кому нельзя идти выше, тотъ часто летитъ внизъ... Толпа—предатель, толпа не умираетъ, какъ человѣкъ; ея выбылые ряды безпрестанно замѣняются новыми свѣжими лицами, которыя требуютъ новаго и находятъ пошлымъ повтореніе стараго. Нашъ же журналистъ-скептикъ по неволѣ долженъ ограничиться повтореніемъ одного и того же, ибо только одна истина неистощима въ своемъ развитіи и, пребывая самой-собою, одною и тою же, всегда является, въ своемъ развитіи, новою и оригинальною. И благо скептическому критику, если онъ сумѣетъ остановиться вò-время, и будетъ забытъ, не напоминая о себѣ! изъ всѣхъ родовъ забвенія самый унизительный для человѣка тотъ, когда онъ еще твердитъ о себѣ, а о немъ уже забыли. Не помогутъ тогда ему никакіе фокус-покусы, и его журналъ падетъ, какъ ни вспрыскивай его мертвою и живою водою позднихъ преобразованій и улучшеній, какъ ни призывай себѣ на помощь и на поддержку неопытныхъ спекуляптовъ... [279])

Скептицизмъ—слово великое и слово пошлое, смотря по тому, какъ его понимаютъ. Скептицизмъ никогда не бываетъ самъ себѣ цѣль, и не въ немъ удовлетвореніе стремленій и порываній духа, жаждущаго знанія! Глупцы и люди ограниченные всему вѣрятъ, потому-что не могутъ ничего изслѣдовать. Люди глубокіе—скептики по натурѣ; но скептицизмъ такихъ людей есть признакъ души жаждущей знанія, а не холоднаго отрицанія. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ истину, тѣмъ внимательнѣе ее изслѣдуетъ, тѣмъ осторожнѣе ее принимаетъ. Онъ вѣритъ въ достоинство истины, вѣритъ въ непреложность ея существованія: но онъ не вѣритъ на́ слово людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ истины, ибо знаетъ, что человѣкъ и истина—не одно и то же; но онъ не вѣритъ безусловно и самому-себѣ, ибо знаетъ, что его, какъ человѣка, можетъ обманывать и привычка, и непосредственность, и чувство, и его собственный умъ. Скептицизмъ такихъ людей не отрицаетъ истины, а отрицаетъ только то̀, что̀ можетъ быть примѣшано людьми къ истинѣ ложнаго и ограниченнаго. Во времена переходныя, во времена гніенія и разложенія устарѣвшихъ стихій общества, когда для людей бываетъ одно прошедшее, уже отжившее свою жизнь, и еще не наставшее будущее, а настоящаго нѣтъ,—въ такія времена скептицизмъ овладѣваетъ всѣми умами, дѣлается болѣзнію эпохи. Истинный скептицизмъ заставляетъ страдать, ибо скептицизмъ есть неудовлетворяемое стремленіе къ истинѣ, и слѣдовательно,—болѣзнь, какъ голодъ и жажда; но нормальное состояніе [280]), средство, а не цѣль. Только умы мелкіе, души ничтожныя щеголяютъ скептицизмомъ, какъ моднымъ платьемъ, хвалятся имъ, какъ заслугою. Только маленькіе великіе люди, фокусники и потѣшники праздной толпы, только они сомнѣваются во всемъ легко и весело, забавляясь, а не страдая... И что за заслуга—надъ всѣмъ смѣяться и все бранить—и науку, и разумъ, и искусство? Это значитъ не быть умнымъ и великимъ [281]).

Обращаясь отъ этихъ общихъ понятій снова къ русской критикѣ, мы, вмѣстѣ съ краснорѣчивымъ профессоромъ, подавшимъ намъ своею прекрасною рѣчью поводъ ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, желаемъ ей, т. е. русской критикѣ, «больше любви къ искусству и больше уваженія къ самой-себѣ!» [282])

668. Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя «Мертвыя Души» [283]).

Изъ множества статей, написанныхъ въ послѣднее время о «Мертвыхъ Душахъ», или по поводу «Мертвыхъ Душъ», особенно замѣчательны четыре. Ихъ нельзя не раздѣлить на двѣ половины, по-пàрно. Каждая изъ двухъ статей въ парѣ составляетъ рѣзкій контрастъ; на каждую можно смотрѣть, какъ на крайнюю противоположность другой парѣ. О первой изъ нихъ мы упомянали въ предъидущей книжкѣ «Отечеств. Записокъ», какъ о единственной хорошей

статьѣ изъ всѣхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкѣ «Современника». Это статья умная и дѣльная сама-по-себѣ, безотносительно; но кто-то, вѣроятно, безъ всякаго умысла, а спроста и невинно, сдѣлалъ рѣзче ея достоинство и выше ея цѣну, написавъ къ ней нѣчто въ родѣ антипода и назвавъ свое посильное писаніе *критикою* на «Мертвыя Души». Смыслъ этой «критики» находится въ обратномъ отношеніи къ смыслу статьи «Современника». Боже мой, сколько курьёзнаго въ этой «критикѣ»! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неиспорченной русской натуры, Ахилломъ новой «Иліады», на томъ основаніи, что онъ *а)* пріятельски разговариваетъ съ лошадьми, и *б)* напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т. е. всегда готовымъ мертвецки напиться, человѣкомъ... По этому, можно судить и о прочемъ, чѣмъ такъ необыкновенно-замѣчательна «критика», о которой мы говоримъ... [284])

Другую пару рѣзкихъ противоположностей составляютъ: статья въ «Библіотекѣ для Чтенія» и московская брошюрка «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души».—Статья «Биб. для Чтенія» была неудачнымъ усиліемъ втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество. Всѣмъ извѣстно, что эта статья добилась совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней «Мертвыя Души» являются вторымъ твореніемъ послѣ «Иліады», а подлѣ Гоголя позволяется становиться только Гомеру и Шекспиру...

Но «Мертвыя Души» и безъ всякихъ претензій становиться на ряду съ «Иліадой» имѣютъ великое достоинство: отъ того-то онѣ устояли не только противъ статьи «Биб. для Чтенія», но—что было гораздо труднѣе—и противъ московской брошюры... Къ поэмѣ Гоголя, стало-быть, нельзя не примѣнять этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ:
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужь эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Мы раздѣлили эти четыре статьи на двѣ пары, основываясь на противоположности ихъ достоинствъ и исходныхъ пунктовъ: теперь раздѣлимъ ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По послѣднему раздѣленію, останутся только двѣ статьи, ибо статья «Современника», въ такомъ случаѣ, будетъ безъ пары, какъ статья умная и дѣльная; статья «Биб. для Чтенія» тоже будетъ безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго успѣха яркаго таланта. Итакъ, остаются только двѣ статьи: та, въ которой Селифанъ торжественно признанъ представителемъ «неиспорченной русской натуры», и московская брошюрка: обѣ онѣ много имѣютъ между собою общаго и родственнаго. Но объ этомъ послѣ, а сперва замѣтимъ, мимоходомъ, что намъ много даютъ ра-

боты и бранныя и хвалебныя статьи о «Мертвыхъ Душахъ». Такъ-какъ эти хвалебныя статьи больше оскорбляютъ людей безпристрастныхъ и благомыслящихъ, то ихъ-то мы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдовать преимущественно передъ бранными.

Въ-слѣдствіе этого, въ 9-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» была высказана, прямо и опредѣлительно, горькая истина московской брошюрѣ «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души». Это крайне не понравилось автору ея, г. Константину Аксакову,—и вотъ онъ, въ 9-мъ № «Москвитянина», напечаталъ противъ насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, что будто-бы мы умышленно исказили смыслъ его брошюры и приписали ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признать своими. Стоитъ только перечесть или нашу рецензію, или брошюру г. Константина Аксакова, чтобъ убѣдиться, что мы нисколько не перенначивали дѣла, но представили его такимъ, какъ оно есть, и что отъ-того именно оно и приняло нѣсколько комическій характеръ. Возраженіе автора брошюры также можетъ служить нашимъ оправданіемъ, ибо въ немъ-то и переиначено дѣло: авторъ брошюры, замѣтивъ неловкость своего положенія, прибѣгнулъ къ обыкновенной, но неловкой литературной увертцѣ,—отперся отъ части своихъ мыслей и много наговорилъ о томъ, что, по его мнѣнію, могло служить ему оправданіемъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ сущность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся, не ради г. Константина Аксакова, котораго ни брошюра, ни возраженіе не стоятъ большихъ хлопотъ; но ради важности предмета, подавшаго поводъ къ тому и другому. Впрочемъ, если наше объясненіе будетъ полезно и для г. Константина Аксакова, мы будемъ этому очень рады, ибо не имѣемъ никакихъ причинъ не желать добра ни ему, ни кому другому.

Г. Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое «Объясненіе» тѣмъ, что брошюра (имярекъ) принадлежитъ ему, и что въ концѣ ея выставлено его имя, которое, *неизвѣстно почему*, не упомянуто «Отеч. Записками». Признаёмъ справедливость претензіи г. Константина Аксакова, и чтобъ загладить нашу вину передъ нимъ, касательно умолчанія его имени, будемъ, въ этой статьѣ, какъ-можно-чаще употреблять его. Впрочемъ, не желая оставлять г. Константина Аксакова въ неизвѣстности о причинѣ умолчанія его имени въ рецензіи, спѣшимъ объяснить, что мы не упомянули этого имени по чувству гуманной деликатности, будучи увѣрены, что имя человѣка и неудачная статья—не одно и то же, ибо и умный, порядочный человѣкъ можетъ написать (и даже напечатать) плохую брошюру. По тому же самому чувству гуманной деликатности, мы не хотѣли (хотя бы и слѣдовало это сдѣлать по требованію истины) замѣтить, въ нашей рецензіи, что брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по-этому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми озна-

меновываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и что, потому же, въ ея изложеніи видна какая-то вялость, разплывчивость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость.

Главное обвиненіе г. Константина Аксакова противъ насъ состоитъ въ томъ, будто-бы мы заставили его называть «Мертвыя Души» *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*. Чтобъ отстранить отъ себя нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и дѣлаетъ изъ нея выписки; но все это нисколько не поможетъ горю. Г. Константинъ Аксаковъ дѣйствительно не называлъ «Мертвыхъ Душъ» *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ;* такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ «Мертвыя Души» на одну доску съ «Иліадою», а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что правда, то правда! Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслѣ, можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ г. Константинъ Аксаковъ какъ-будто и забылъ, и надо согласиться, что въ этомъ случаѣ, память очень *кстати* измѣнила ему):

„Такъ, глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя! Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, *является оправданіе цѣлой сферы поэзіи,* сферы давно унижаемой; *древній эпосъ возстаетъ предъ нами*“.

Это значитъ ни больше, ни меньше, какъ то, что давно-унижаемый эпосъ Гомера вновь воскрешенъ Гоголемъ, и что «Мертвыя Души», *слѣдовательно*, вторая «Иліада»!!..

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять эти слова г. Константина Аксакова? Онъ жалуется, что мы, по обыкновенію журналистовъ, имѣющихъ въ виду уронить непріятное имъ произведеніе, вырывали мѣстами по нѣсколько строкъ изъ его брошюры, прибавляя къ нимъ собственныя замѣчанія. Но неуже-ли же мы должны были выписывать все? это значило бы украсить нашъ журналъ брошюрою г. Константина Аксакова, на что мы не имѣли ни права, ни охоты. И такъ, мы выписали изъ брошюры только тѣ строки, въ которыхъ заключались ея основныя положенія. Такъ сдѣлаемъ мы и теперь. Послѣ выписанныхъ строкъ, намъ надо было бы перепечатать теперь нѣсколько страницъ; но это было бы скучно и для насъ и для читателей, и потому мы только *перескажемъ* содержаніе этихъ нѣсколькихъ страницъ, непосредственно слѣдующихъ за выписанными нами строками. Сперва авторъ брошюры характеризуетъ древній эпосъ тѣмъ, что этотъ эпосъ «основанъ былъ на глубокомъ простомъ созерцаніи и обнималъ собою цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій», что въ немъ все на своемъ мѣстѣ, всякій предметъ переносится въ него съ его правами, съ тайною его жизни, и т. п. Все это и не ново, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой опредѣленности... Потомъ, авторъ брошюры говоритъ, что этотъ эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, мелѣлъ, *«снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти» (стр. 3).*—«И вдругъ, среди этого времени, возникаетъ древній эпосъ съ своею глубиною и простымъ вели-

чіемъ—является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все-видящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе».—«Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широкообъемлющій размѣръ» *(стр. 4)*.

Теперь дѣло ясно: эпосъ есть что-то великое; онъ вполнѣ выразился въ созданіяхъ Гомера («Иліадѣ» и «Одиссеѣ»); но со временъ Гомера до Гоголя (до 1842-го года по Р. Х.) все мелѣлъ и искажался: Гоголь же вновь воскресилъ его во всей его первобытной красотѣ и свѣжести...

Не-уже-ли и теперь г. Константинъ Аксаковъ отопрется отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состояніи духа такихъ вещей не говорятъ), и будетъ стараться дать имъ другое значеніе? Нѣтъ, улика на лицо, и тутъ не помогутъ никакія увертки...

Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на западъ, точно мелѣлъ и искажался; но въ чемъ?—въ такъ-называемыхъ эпическихъ поэмахъ—въ «Энеидѣ», «Освобожденномъ Іерусалимѣ», «Потерянномъ Раѣ», «Мессіадѣ» и проч. (*). Всѣ эти поэмы имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства, но какъ частности и отдѣльныя мѣста, а не въ цѣломъ; ибо онѣ не самобытныя созданія, которымъ бы современное содержаніе дало и современную форму, а подражанія, явившіяся въ-слѣдствіе школьно-эстетическаго преданія объ «Иліадѣ», преданія, гдѣ «Иліада» была смѣшана и отождествена съ родомъ поэзіи, къ которому она принадлежитъ. И этотъ древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего униженія въ «Генріадахъ», «Россіадахъ», «Петріадахъ», «Александроидахъ», и другихъ «идахъ», «адахъ» и «ядахъ», сюда же должно отнести и такія уродливыя произведенія, какъ «Телемакъ» Фенелона, «Гонзальвъ Кордуанскій» Флоріана, «Кадмъ и Гармонія» и «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи» Хераскова и проч. Еслибъ г. Константинъ Аксаковъ это разумѣлъ подъ искаженіемъ на Западѣ древняго эпоса,—мы совершенно съ нимъ согласились бы, потому-что это фактъ, историческій фактъ, противъ котораго нечего сказать. Но въ такомъ случаѣ, онъ долженъ бы былъ принять за основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могъ не исказиться, будучи перенесенъ на Западъ, особенно въ новѣйшія времена. Древне-эллинскій эпосъ могъ существовать только для древнихъ Эллиновъ, какъ выраженіе *ихъ* жизни, *ихъ* содержанія въ *ихъ* формѣ. Для міра же новаго его нечего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть своя жизнь, свое содержаніе и своя форма, слѣдовательно, и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра явился преимущественно въ *романѣ*, котораго главное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромѣ христіанскихъ и другихъ элемен-

*) Изъ этихъ поэмъ должно исключить Divina Comedia Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духѣ католической Европы среднихъ вѣковъ.

товъ новѣйшаго міра, составляетъ еще и *проза жизни*, вошедшая въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому эпосу. И потому, романъ отнюдь не есть искаженіе древняго эпоса, но есть эпосъ новѣйшаго міра, исторически-возникнувшій и развившійся изъ самой жизни и сдѣлавшійся ея зеркаломъ, какъ «Иліада» и «Одиссея» были зеркаломъ древней жизни. Г. Константинъ Аксаковъ умолчалъ о романѣ, сказавъ только, и то въ выноскѣ, что конечно и романъ и повѣсть имѣютъ-де *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но что предѣлы статьи его не позволяютъ ему распространиться о нихъ *(стр. 3)*. Во-первыхъ, эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, искажался, *снизошелъ* до романовъ и, наконецъ, *до крайней степени своего униженія*, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же *свое* значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ г. Константина Аксакова? И притомъ, если говорить (особенно такія диковинки и такъ смѣло), то ужь надо говорить все и притомъ опредѣленнѣе, чтобъ не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего не говорить; или говоря, не противорѣчить себѣ ни въ текстѣ, ни въ выноскахъ; или, наконецъ, *проговорившись*, умѣть смолчать. Въ противномъ случаѣ, это все равно, какъ еслибъ кто-нибудь, сказавъ такъ: «Байронъ плохой поэтъ», а въ выноскѣ замѣтивъ: «впрочемъ и Байронъ имѣетъ *свое* значеніе, но мнѣ теперь нѣкогда о немъ распространяться», считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дѣло, а не пустяки. Г. Константинъ Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюрѣ ни о Сервантесѣ, ни о Вальтерѣ Скоттѣ, ни о Куперѣ,—чѣмъ и далъ право думать, что онъ и въ нихъ видитъ исказителей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!!.. Въ нашей рецензіи, мы это замѣтили г. Константину Аксакову, сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скоттъ есть истинный представитель современнаго эпоса, т. е. историческаго романа, что Вальтеръ-Скоттъ могъ явиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не было бы безъ Вальтера Скотта; и, наконецъ, если Гоголя можно сближать съ кѣмъ-нибудь, такъ ужь конечно съ Вальтеромъ Скоттомъ, которому онъ, какъ и всѣ современные романисты, такъ много обязанъ, а не съ Гомеромъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Но г. Константинъ Аксаковъ въ своемъ «Объясненіи» промолчалъ объ этомъ;—изворотъ очень-полезный, для него, разумѣется, но по отношенію къ намъ не совсѣмъ-добросовѣстный... И это-то самое заставляетъ насъ повторить, что г. Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ *нисходитъ* до романа), а Вальтера Скотта просто ни за что не считаетъ (ибо не удостоиваетъ его и упоминаніемъ—вѣроятно, изъ опасенія унизить Гоголя какимъ-бы-то ни было сближеніемъ съ такимъ незначущимъ писателемъ, какъ Вальтеръ Скоттъ). Какъ называются такія умозрѣнія—предоставляемъ рѣшить читателямъ...

И такъ, романъ совершенно уничтоженъ г. Константиномъ Аксаковымъ;

но современный эпосъ проявился не въ одномъ романѣ исключительно: въ новѣйшей поэзіи есть особый родъ эпоса, который не допускаетъ прозы жизни, который схватываетъ только поэтическіе, идеальные моменты жизни, и содержаніе котораго составляютъ глубочайшія міросозерцанія и нравственные вопросы современнаго человѣчества. Этотъ родъ эпоса одинъ удержалъ за собою имя «поэмы». Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина (въ особенности «Цыганы» и «Галубъ»), также Лермонтова «Демонъ», «Мцыри» и «Боярин Орша». Если для г. Константина Аксакова поэмы Пушкина и Лермонтова не составляютъ факта, то какъ же не упомянулъ онъ ни слова о Байронѣ? Положимъ, что Байронъ, въ-сравненіи съ Гоголемъ—ничто, а Чичиковъ, Маниловы и Селифаны имѣютъ болѣе всемірно-историческое значеніе, чѣмъ титаническія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, ничтожный въ-сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ все-таки долженъ же имѣть хоть какое-нибудь *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства?.. Почему же г. Константинъ Аксаковъ не удостоилъ упомянуть о Байронѣ, ну, хоть однимъ презрительнымъ словомъ, хоть для того, чтобъ уничтожить его во имя «Мертвыхъ Душъ»? Не-уже-ли же, спросятъ насъ, г. Константинъ Аксаковъ не шутя и въ Байронѣ видитъ искаженіе эпоса?—Должно быть, такъ: ибо настоящій, истинный эпосъ, послѣ Гомера, явился только въ «Мертвыхъ Душахъ»—отвѣчаемъ мы... Да это (опять скажутъ намъ), это просто... нелѣпость, галиматья!.. Помилуйте, какъ это можно (отвѣчаемъ мы); это умозрѣнія, спекулативныя построенія, гегелевская философія—на замоскворѣцкій ладъ...

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но какое сходство?—такое, что тотъ и другой—поэты, другаго нѣтъ и быть не можетъ. Однакожь, такое сходство есть не только между Гомеромъ и французскимъ пѣсенникомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и русскимъ баснописцемъ Крыловымъ: всѣхъ ихъ дѣлаетъ сходными—*творчество*. Но думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ—значитъ быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за философскія истины...

Итакъ, повторяемъ: г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а «Мертвыя Души»—«Иліадою»; онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, «древній эпосъ былъ унижаемъ на Западѣ», а мы прибавили (и имѣли на это право) отъ себя:—Сервантесомъ, Вальтеромъ-Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ;—и что во-вторыхъ, «въ Мертвыхъ Душахъ древній эпосъ возстаетъ передъ нами»; а мы прибавили отъ себя (и имѣли на это право):—*ergo* «Мертвыя Души» то же самое въ новомъ мірѣ, что̀ «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь то̀ же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что̀ Гомеръ въ исторіи древняго искусства.

Спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: была ли какая-нибудь возможность вывести

другое заключеніе изъ положеній г. Константина Аксакова? или: была ли какая-нибудь возможность не вывести изъ положеній г. Константина Аксакова того заключенія, какое мы вывели?—И мы ли виноваты, что заключеніе это насмѣшило весь читающій по-русски міръ?

Правда, г. Константинъ Аксаковъ далѣе въ своей брошюрѣ замѣчаетъ, что «само содержаніе кладетъ разницу между «Иліадою» и «Мертвыми Душами»: однакожь, эта оговорка у него не только не поясняетъ дѣла, а еще болѣе затемняетъ его, какъ противорѣчіе. Г. Константину Аксакову явно хотѣлось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и какъ у него не было ни силъ, ни призванія сказать новой великой истины, то онъ и разсудилъ сказать великій... какъ бы это выразить?—ну, хоть *парадоксъ*... Удивительно ли, что, развивая и доказывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много такого, въ чемъ онъ самъ запутался и надъ чѣмъ другіе только добродушно посмѣялись?.. Въ своемъ «Объясненіи», онъ особенно намекаетъ на то, что «эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинное, то же, какое и у Гомера» и что «только у одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе». Хорошо; да гдѣ же доказательства этого? Да нигдѣ—доказательствъ никакихъ, кромѣ увѣреній г. Константина Аксакова:—бѣдное и ненадежное ручательство! «Поэма Гоголя (говоритъ онъ) представляетъ вамъ цѣлую форму жизни, цѣлый міръ, гдѣ, опять, *какъ у Гомера*, свободно шумятъ и блещутъ воды, восходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ,—міръ, являющій намъ глубокое цѣлое, глубокое, внутри лежащее содержаніе *общей жизни*, связующій единымъ духомъ всѣ свои явленія» (*стр.* 4). Вотъ всѣ доказательства близкой родственности гомеровскаго эпоса съ гоголевскимъ; но во-первыхъ, это столько же характеристика гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтера Скотта, съ тою только разницею, что эпосъ Вальтера Скотта именно заключаетъ въ себѣ «содержаніе *общей жизни*», тогда какъ у Гоголя эта «общая жизнь» является только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая *совершеннымъ отсутствіемъ* общечеловѣческаго въ изображаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: *общая жизнь* въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ кампанствѣ, занимающемъ своею пошлостію вниманіе читателя въ «Мертвыхъ Душахъ»? Гдѣ тутъ Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ? Тутъ просто Гоголь—и больше никого.

Говоря, что у Гоголя эпическое созерцаніе чисто-древнее, истинное, гомеровское, и что Гоголь все-таки совсѣмъ не Гомеръ, а «Мертвыя Души» нисколько не «Иліада», ибо-де само содержаніе уже кладетъ здѣсь разницу,—г. Константинъ Аксаковъ тотчасъ же прибавляетъ: «Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе Мертвыхъ Душъ»?—Именно такъ: *кто знаетъ это?* повторяемъ и мы. Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его геніальныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а на-счетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: *кто знаетъ*, *впрочемъ*, *какъ*, и пр. Особенно

часто повторяемъ мы про-себя: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе Мертвыхъ Душъ?* И на повтореніе этого вопроса наводятъ насъ слѣдующія слова въ поэмѣ Гоголя: «Можетъ-быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или русская дѣвица, *какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ*, со всею дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. *И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ*» (М. Д. стр. 430). Да, эти слова творца «Мертвыхъ Душъ» заставили насъ часто и часто повторять, въ тревожномъ раздумьи: «кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»?.. Именно, *кто знаетъ?..* Много, слишкомъ-много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому-что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими—по-крайней-мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... [286]) Впрочемъ, опять-таки—кто знаетъ... Но кто бы ни зналъ, вопросъ этотъ, заданный г. Константиномъ Аксаковымъ, явно показываетъ, что если онъ, г. Константинъ Аксаковъ, и видитъ въ первой части «Мертвыхъ Душъ» разницу съ «Иліадою», полагаемую уже самимъ содержаніемъ,—то все таки крѣпко надѣется, что въ двухъ послѣднихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ» и эта разница сама собою уничтожится, и что, ergo, «Мертвыя Души»—«Иліада», а Гоголь—Гомеръ. Послѣдняго онъ не сказалъ, но мы въ-правѣ опять вывести это комическое заключеніе...

Главное доказательство мнимой родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ состоитъ у г. Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, въ обиліи и сходствѣ этихъ сравненій у Гомера и у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ этомъ сходствѣ упоминаетъ и еще другая критика—та самая, въ которой мы видимъ гораздо-больше родственности и тождества съ брошюркою г. Константина Аксакова, нежели сколько между Гомеромъ и Гоголемъ; но въ той критикѣ находятъ сходство Гоголя, по отношенію къ сравненіямъ, не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте [287]); а мы, съ своей стороны, беремся найдти его съ добрымъ десяткомъ новѣйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкина можно выписать тысячу сравненій, такъ же напоминающихъ собою сравненія Гомера, какъ напоминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, которое побольше всѣхъ гоголевскихъ сравненій напоминаетъ собою гомеровскія:

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ приказъ посъдьлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,

Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Здѣсь даже не одно внѣшнее (какъ у Гоголя), но и внутреннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся *въ наивной простотѣ, соединенной съ возвышенностію;* однако изъ этого еще не выходитъ никакого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. Правда, «Борисъ Годуновъ» въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ «Мертвыя Души», напоминаетъ собою Гомера, *тономъ* многихъ своихъ страницъ, *тономъ наивно-простымъ и вмѣстѣ возвышеннымъ;* но на это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенностью его поэтической натуры, или ея родственностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ для своей трагедіи эпохи, гдѣ самые высокіе умы и сильные характеры мыслили и говорили простодушно, или простодушно и возвышенно вмѣстѣ. Тутъ есть еще и другая причина: не смотря на свою драматическую форму, «Борисъ Годуновъ» Пушкина есть, въ сущности, эпическое произведеніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда имѣетъ большее или меньшее, ближайшее или отдаленнѣйшее, сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ поэзіи. Но это сходство уничтожается въ «Мертвыхъ Душахъ» уже тѣмъ, что онѣ проникнуты насквозь юморомъ. Если Гомеръ сравниваетъ тѣснимаго въ битвѣ Троянами Аякса съ осломъ,— онъ сравниваетъ его *простодушно*, безъ всякаго юмора, какъ сравнилъ бы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всѣхъ Грековъ его времени, оселъ былъ животное почтенное и не возбуждалъ, какъ въ насъ, смѣха однимъ своимъ появленіемъ, или однимъ своимъ именемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе, на-пр., франтовъ, увивающихся около красавицъ, съ мухами, летящими на сахаръ, все насквозь проникнуто юморомъ. Слѣдовательно, все сходство чисто-внѣшнее, т. е. то, что и у Гомера есть сравненія, и у Гоголя есть сравненія; но этакъ между Гомеромъ и Гоголемъ и еще можно найдти большое сходство, именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвышенно-наивныя созданія на греческомъ языкѣ, а Гоголь пишетъ по-русски: извѣстно же всѣмъ, что греческій и русскій языкъ происходятъ отъ одного корня, кромѣ уже того, что всѣ языки въ мірѣ, не смотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ разума человѣческаго...

Не зная, *какъ, впрочемъ, раскроется содержаніе* «Мертвыхъ Душъ» въ двухъ послѣднихъ частяхъ, мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ «поэмою» все произведеніе, и *пока* видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе. Если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмою», содержаніе и герой которой есть субстанція русскаго народа,—то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку: ибо, хотя эта «субстанція» глубока, и сильна, и громадна (что уже ярко проблескиваетъ и въ комическомъ опредѣленіи общественности, въ которомъ она пока проявляется и которое Гоголь такъ геніально схватываетъ и воспроизводитъ въ «Мертвыхъ Душахъ»), однако субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣ-

ленія, когда она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только... Въ творчествѣ, великая для художника задача—выбирать предметъ и содержаніе для произведенія; этотъ предметъ и это содержаніе всегда должны быть осязательно-опредѣленны; иначе, художественное произведеніе будетъ неполно, несовершенно, то, что, Французы называютъ manqué. И потому, великая ошибка для художника писать поэму, которая можетъ быть возможна въ будущемъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе разсматриваемъ дѣло г. Константина Аксакова, тѣмъ болѣе сходство между Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы сказать?—забавнѣе и смѣшнѣе... Смыслъ, содержаніе и форма «Мертвыхъ Душъ» есть—«созерцаніе данной сферы жизни сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы». Въ этомъ и заключается трагическое значеніе комическаго произведенія Гоголя; это и выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то не могутъ понять ограниченные люди, которые видятъ въ «Мертвыхъ Душахъ» много смѣшнаго, *уморительнаго*, говоря ихъ простонароднымъ жаргономъ, но ужь мѣстами черезчуръ-переутрированнаго. Всякое выстраданное произведеніе великаго таланта имѣетъ глубокое значеніе,—и мы первые признаемъ «Мертвыя Души» Гоголя великимъ по самому-себѣ произведеніемъ въ мірѣ искусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго общаго содержанія, но для насъ тѣмъ болѣе важнымъ и драгоцѣннымъ. Еще не было доселѣ болѣе-важнаго для русской общественности произведенія,—и только одинъ Гоголь можетъ дать намъ другое, болѣе-важное произведеніе, а дастъ ли въ-самомъ-дѣлѣ—*кто*, *впрочемъ*, *знаетъ*, судя по нѣкоторымъ основнымъ началамъ воззрѣнія, которыя довольно-непріятно промелькиваютъ въ «Мертвыхъ Душахъ» и относятся къ нимъ, какъ крапинки и пятнышки къ картинѣ великаго мастера,—о чемъ мы поговоримъ въ свое время и подробнѣе и отчетливѣе...[288])

Такимъ образомъ, если г. Константинъ Аксаковъ хочетъ оправдаться, а не отдѣлаться только отъ неосторожно-высказанныхъ имъ странностей,—онъ долженъ сказать и доказать:

1) Почему древній эпосъ *снизошелъ* (слѣд. унизился) до романовъ, и считаетъ ли онъ Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Байрона исказителями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гоголемъ? Послѣдняя недомолвка очень-подозрительна: изъ нея видно, что г. Константинъ Аксаковъ самъ испугался своихъ смѣлыхъ положеній.

2) Почему мы солгали на него, говоря, что изъ его положеній прямо выводится то слѣдствіе, что «Мертвыя Души»—«Иліада», а Гоголь—Гомеръ нашего времени?

3) Почему во французской повѣсти эпосъ дошелъ до своего крайняго униженія?

Но г. Константинъ Аксаковъ рѣшился ничего больше не говорить объ

этомъ, послѣ своего, ничего необъяснившаго «Объясненія»: и хорошо сдѣлалъ—больше ему ничего и не остается; онъ высказалъ уже всю свою мудрость. За то, намъ еще много осталось кое-чего сказать.

Какъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ народовъ, есть еще исторія человѣчества,—точно такъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ литературъ (греческой, латинской, французской и пр.), есть еще исторія всемірной литературы, предметъ которой—развитіе человѣчества въ сферѣ искусства и литературы. Само-собою разумѣется, что въ этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, что она должна предъидущимъ объяснять послѣдующее, ибо иначе она будетъ лѣтописью или перечнемъ фактовъ, а не исторіею. И потому, напримѣръ, романы Шотландца XIX вѣка, Вальтера Скотта, непремѣнно должны быть въ какой-нибудь связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно состоитъ въ томъ, что романы В. Скотта суть необходимый моментъ дальнѣйшаго развитія эпоса, котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть поэмы индійскія, а послѣдующимъ моментомъ—поэмы Гомера. Въ исторіи пѣтъ скачковъ. Слѣдовательно, греческій эпосъ не *низошелъ* до романовъ, какъ мудрствуетъ г. Константинъ Аксаковъ, а *развился* въ романъ: ибо нелѣпо было бы предполагать, въ продолженіи трехъ тысячь лѣтъ, пробѣлъ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Гомера прыгнуть прямо къ Гоголю, который, еще, въ добавокъ, и нисколько не принадлежитъ ко всемірно-историческимъ поэтамъ...[289]) Вотъ почему, мы *основательно*, а не *наобумъ*, *исторически*, а не *фантасмагорически* думаемъ и убѣждены, что напримѣръ, какой-нибудь *Данте*, въ дѣлѣ эпоса, побольше значитъ Гоголя, что тутъ имѣетъ свое значеніе и Аріостъ, и что не только Сервантесъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, какъ художники по-преимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (философскіе романы и повѣсти), Руссо («Новая Элоиза») имѣютъ несравненно и неизмѣримо-высшее значеніе во всемірно-исторической литературѣ, чѣмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искусства, и со стороны содержанія и искусства вмѣстѣ. Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Гомера, или продолжалъ собою Гомера мимо всѣхъ прочихъ, и старинныхъ и современныхъ поэтовъ Европы, значитъ, вмѣсто похвалы, оскорблять его, значитъ выключать его изъ историческаго развитія, выставлять человѣкомъ, чуждымъ современности, чуждымъ знанія всего, что было до него... Что же касается до мысли о какой-то родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ,—мы уже доказали, что эта мысль больше, чѣмъ неосновательна. Притомъ же, если бъ и такъ было, надобно бъ было объяснить, въ чемъ тутъ заслуга со стороны Гоголя, тѣмъ болѣе, что авторъ брошюры говоритъ объ этомъ такимъ торжествующимъ тономъ, какъ-будто ставитъ это въ величайшую заслугу Гоголю.

Теперь о крайнемъ искаженіи эпоса во французской повѣсти: это еще что за исторія? Г. Константинъ Аксаковъ видитъ во французской повѣсти—простой анекдотъ, родъ шарады, гдѣ все дѣло въ сюжетѣ, т. е. въ сплетеніи и

расплетенін событія (fable): да вольно же ему видѣть это, когда этого нѣтъ во французской повѣсти *), а есть совсѣмъ другое, именно: характеры, дивное, однимъ только Французамъ сродное искусство разсказа, соціальные и нравственные вопросы, вопли и страданія современности?.. Если кто-нибудь зажмуритъ глаза и станетъ доказывать, что нѣтъ на свѣтѣ солнца и свѣта,—что̀ ему на это скажутъ?—конечно не другое что, какъ «открой глаза»; но если онъ слѣпъ отъ природы,—тогда что ему скажутъ?—вотъ что: «ты правъ, *для тебя* точно нѣтъ на свѣтѣ ни солнца, ни свѣта»... А что, можетъ быть, г. Константинъ Аксаковъ не любитъ французскихъ повѣстей—его воля, да только публикѣ-то что за дѣло, что любитъ и чего не любитъ г. Константинъ Аксаковъ? Французскія повѣсти читаются всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ, во всѣхъ пяти частяхъ земнаго шара, французская повѣсть есть плодъ французской литературы, а французская литература имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ своего «Объясненія», г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ, въ скобкахъ, мимоходомъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ Зандъ не входитъ ни безусловно, ни условно,—и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все сказалъ; тогда-какъ онъ этимъ сказалъ только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржа Занда, или читалъ, да не понялъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о Жоржѣ Зандѣ; скажемъ только, что Жоржъ Зандъ имѣетъ большое значеніе и во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной французской, тогда-какъ Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имѣетъ *рѣшительно-никакого* значенія во всемірно-исторической литературѣ и великъ только въ одной русской, что, слѣдовательно, имя Жоржа Занда безусловно можетъ входить въ реестръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда-какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира, оскорбляетъ и приличіе и здравый смыслъ... Въ послѣднемъ, кромѣ г. Константина Аксакова, никто въ мірѣ не усомнится, а расчетъ перваго можно представить сильныя доказательства... [290])

Въ-добавокъ къ вопросу о повѣсти, какъ крайнемъ униженіи эпоса, скажемъ, что если ужь видѣть это униженіе въ повѣсти, то, конечно, скорѣе въ нѣмецкой, чѣмъ во французской. Нѣмецкая повѣсть возникла и выросла на почвѣ отвлеченія, аскетизма, антиобщественности; она изображаетъ не общество, а отдѣльныя личности, которыхъ вся жизнь и вся повѣсть жизни состоитъ въ переливахъ внутреннихъ ощущеній, фантастическихъ и фантазёрскихъ грезъ, и которыхъ все блаженство заключается не въ стремленіи къ идеалу дѣйствительной жизни и достиженіи его, а въ томъ, чтобъ любоваться собственною внутреннею глубокостію и пустою праздною жизнію ощущенія, вмѣсто дѣйствія. Но и нѣмецкая повѣсть, какъ мы это замѣтили уже и въ

*) Исключая, разумѣется, плохихъ повѣстей, которыя есть у всѣхъ народовъ, а иногда бываютъ и у великихъ поэтовъ...

рецензіи, даже какъ и уклоненіе отъ нормы, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе, объясняемое изъ національнаго духа Нѣмцевъ.

Теперь о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ, будто мы взвели на него небылицу, приписывая ему изобрѣтеніе равенства Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отпирается отъ изобрѣтенія этого удивительнаго равенства, но ставитъ намъ въ вину, что мы не замѣтили, *въ какомъ отношеніи* разумѣетъ онъ это равенство; а разумѣетъ онъ его, изволите видѣть, *въ отношеніи къ акту творчества.* Подлинно, есть за что обвинять насъ: понимать г. Константина Аксакова такъ трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ-себя не совсѣмъ понимаетъ. Брошюра его—это такая смѣсь несвязанныхъ между собою... не мыслей, а скорѣе—*недомысловъ*, что трудно разобрать, что̀ онъ разумѣетъ тутъ, и какъ его понимать! Онъ говоритъ, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по акту творчества, и что въ-отношеніи къ акту творчества, только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—величайшіе поэты; и въ то же время, онъ, съ какою-то наивностію, увѣряетъ, что этимъ онъ нисколько не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, думая, вѣроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтера Скотта, Купера, Байрона, Шиллера, Гёте—большая честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, пріятельски-обнявшагося съ Гомеромъ и Шекспиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взяли, что Гоголь, и по акту творчества родной братъ Гомеру и Шекспиру, и выше всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что вамъ сто̀яло только выговорить эту, положимъ изъ вѣжливости—мысль, чтобъ ее всѣ, подобно вамъ, нашли непреложною и истинною? Гдѣ на это доказательства, гдѣ ваши доводы? Ваше убѣжденіе?—да публикѣ-то какое дѣло до вашихъ убѣжденій?.. Употребивъ оговорку—*по отношенію къ акту творчества, а не содержанію*, г. Константинъ Аксаковъ думаетъ,—что онъ совершенно оправдался и сдѣлалъ насъ кругомъ виноватыми... Какая милая наивность, какая буколическая невинность!.. Развивая свою мысль о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ (по отношенію къ акту творчества), г. Константинъ Аксаковъ говоритъ: «Мы далеки отъ того, чтобъ унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ-отношеніи къ акту созданія, *они ниже Гоголя* (sic!...). Развѣ не можетъ быть такъ на-примѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создаетъ великаго человѣка; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ-отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества» (стр. 15). Хорошо; но зачѣмъ брать ложныя сравненія, если не затѣмъ, чтобъ оправдать натяжками ложныя мысли?—Не лучше ли было бы сказать такъ, на-примѣръ: «Поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ; другой, обладающій такою же полнотою, создаетъ великаго человѣка: ничтожно будетъ дѣло перваго передъ дѣломъ втораго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленій жизни, цвѣтокъ передъ великимъ человѣкомъ»? Какъ вы думаете объ этомъ,

г. Константинъ Аксаковъ? Это не совсѣмъ-выгодно для вашего идолопоклонства, зато ближе къ истинѣ—повѣрьте намъ, въ этомъ случаѣ, на-слово, или спросите у здраваго смысла—онъ за насъ!.. Но положимъ, что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ только по акту творчества, а не по содержанію; но зачѣмъ же вы прибавляете эти слова: «Но Боже насъ сохрани, чтобъ миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя!» Какой смыслъ этихъ словъ—не этотъ ли: по акту творчества, Гоголь выше всѣхъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ равенъ, а по содержанію онъ не уступаетъ имъ, ergo съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту творчества?.. Какъ вамъ угодно, а выходитъ такъ! Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ, или вашихъ противорѣчій—все равно, вѣренъ... Гдѣ жъ наши на васъ выдумки, лжи и клеветы?..

Актъ творчества дѣйствительно великая сила въ поэтѣ, какъ отвлеченная сообразительность въ математикѣ: противъ этого никто не споритъ и безъ ссылокъ на über die aestetische Erziehung Шиллера, которое г. Константинъ Аксаковъ совѣтуетъ намъ прочесть хоть *во французскомъ переводѣ*, тонко намекая этимъ, что онъ знаетъ по-нѣмецки, какъ-будто бы для всякаго другаго это рѣшительная невозможность...[291]) Безъ акта творчества нѣтъ поэта—это аксіома; но въ наше время мѣриломъ величія поэтовъ принимается не актъ творчества, а *идея, общее*...[292]) Многія стихотворенія Гейне такъ хороши, что ихъ можно принять за гётевскія, но Гейне, несмотря на то, все-таки пигмей передъ колоссальнымъ Гёте.[293]) Въ чемъ же ихъ разница?—въ идеѣ, въ содержаніи... «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка» по отношенію акта творчества, дѣйствительно не ниже шекспировскаго «Гамлета»; но несмотря на то, въ сравненіи съ «Гамлетомъ» повѣсть Гоголи—абсолютное ничтожество, такъ, что даже есть что-то смѣшное въ какомъ бы то ни было сближеніи этихъ двухъ произведеній... Право такъ, г. Константинъ Аксаковъ!.. Почти такъ же комически-забавно и сближеніе «Мертвыхъ Душъ» съ «Иліадою»... Дѣйствительно, Гоголь обладаетъ удивительною полнотою въ актѣ творчества, и эта полнота дѣйствительно можетъ служить ручательствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія, и несмотря на то, все-таки могъ бы не сравняться ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни стать выше другихъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, еслибъ современная русская жизнь могла дать ему необходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы именно въ томъ-то и видимъ великость и геніальность въ Гоголѣ, что онъ, своимъ артистическимъ инстинктомъ, вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ великою, задачею—объектировать современную дѣйствительность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣть на досугѣ то́, до чего никому, кромѣ художниковъ диллетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность такою, какой она никогда не бывала. *Впрочемъ*,

кто знаетъ, какъ еще раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т. е. западные Европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Да; кто знаетъ впрочемъ... можетъ-быть, судя по этимъ обѣщаніямъ, г. Константинъ Аксаковъ и дождется скоро оправданія нѣкоторыхъ изъ своихъ фантазій... Тогда мы низко поклонимся и отъ души поздравимъ его... Но до-тѣхъ-поръ—повторяемъ: въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту геніальности.

Да, велика творческая сила фантазіи Гоголя—мы въ этомъ согласны съ г. Константиномъ Аксаковымъ. Но почему она выше творческой силы фантазіи великихъ европейскихъ поэтовъ—этого мы не понимаемъ. Мы даже имѣемъ дерзость думать, что непосредственность творчества у Гоголя имѣетъ свои границы и что она иногда измѣняетъ ему, особенно тамъ, гдѣ въ немъ поэтъ сталкивается съ мыслителемъ, т. е. гдѣ дѣло преимущественно касается идей... Кстати: вѣдь эти идеи, кромѣ огромнаго таланта, или, пожалуй, и генія, кромѣ естественной силы непосредственнаго творчества, требуютъ эрудиціи, интеллектуальнаго развитія, основаннаго на неослабномъ преслѣдованіи быстро-несущейся умственной жизни современнаго міра—именно того, чѣмъ такъ сильны и велики, напр., Байронъ, Шиллеръ, Гёте,—эти идеи, заклятые враги безвыходно-замкнутой внутри себя жизни, враги умственнаго аскетизма, который заставляетъ поэтовъ закрывать глаза на все въ мірѣ, кромѣ самихъ-себя... Что непосредственность творчества нерѣдко измѣняетъ Гоголю, или что Гоголь нерѣдко измѣняетъ непосредственности творчества, это ясно доказывается его повѣстями (еще въ «Вечерахъ на Хуторѣ»), «Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала» и «Страшною Местью», изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ искусствѣ сдѣлало какія-то уродливыя произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ препревосходныхъ частностей, касающихся до проникнутаго юморомъ изображенія дѣйствительности. Но особенно это ясно изъ вполнѣ-неудачной повѣсти «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ» еще въ 1835 году; но, должно быть, чувствуя ея недостатки, Гоголь недавно передѣлалъ ее совсѣмъ. И что же вышло изъ этой передѣлки? Первая часть повѣсти, за немногими исключеніями, стала несравненно-лучше, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи дѣйствительности (одна сцена квартальнаго, разсуждающаго о картинахъ Чарткова, сама-по-себѣ, отдѣльно взятая, есть уже геніальный эскизъ); но вся остальная половина повѣсти невыносимо-дурна и со стороны главной мысли и со стороны подробностей. И что за мысль, напр.: благонамѣренный, умный и благородный вельможа, жаркій патріотъ, дѣятельный покровитель искусствъ и наукъ въ отечествѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается обскурантомъ, злодѣемъ, гонителемъ просвѣщенія,—отъ-чего же? Отъ-того, что взялъ денегъ взаймы у страшнаго ростовщика, у таинственнаго Грека!.. Дѣло какъ-будто-бы въ томъ, что займи этотъ вельможа у другаго кого-нибудь, только бы не у этого Грека, онъ остался бы прежнимъ благороднымъ человѣкомъ... Итакъ, вотъ

отъ какого фатализма зависитъ нравственность человѣка!.. Да помилуйте, такія дѣтскія фантасмагоріи могли плѣнять и ужасать людей только въ невѣжественные средніе вѣка, а для насъ онѣ не занимательны и не страшны, просто—смѣшны и скучны... И потомъ, что̀ за подробности: на аукціонѣ художникъ Б. нашелъ мѣсто и время разсказывать исторію страшнаго портрета, и его всѣ заслушались, а портретъ между-тѣмъ пропалъ... Нѣтъ, *такое* исполненіе повѣсти не сдѣлало бы особенной чести самому незначительному дарованію. А мысль повѣсти была бы прекрасна, еслибъ поэтъ понялъ ее въ *современномъ* духѣ: въ Чартковѣ онъ хотѣлъ изобразить даровитаго художника, погубившаго свой талантъ, а слѣдовательно и самого-себя, жадностію къ деньгамъ и обаяніемъ мелкой извѣстности. И выполненіе этой мысли должно было быть просто, безъ фантастическихъ затѣй, на почвѣ ежедневной дѣйствительности: тогда Гоголь, съ своимъ талантомъ, создалъ бы нѣчто великое. Ненужно было бы прилетать тутъ и страшнаго портрета съ страшно-смотрящими живыми глазами (въ которомъ поэтъ, кажется, хотѣлъ выразить гибельныя слѣдствія копированія съ натуры, вмѣсто творческаго воспроизведенія натуры, и выразилъ черезъ-чуръ затѣйливо, холодно и сухо-аллегорически); ненужно было бы ни ростовщика, ни аукціона, ни многаго, что̀ поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно отъ-того, что отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство. Это же доказываетъ и недавно-напечатанная въ «Москвитянинѣ» статья «Римъ», въ которой есть удивительно-яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и—что всего непостижимѣе въ Гоголѣ—есть фразы, напоминающія своею вычурною изысканностію языкъ Марлинскаго. Отъ-чего это?—Думаемъ, отъ-того, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ, а при одномъ актѣ творчества и геній наконецъ начинаетъ постепенно ниспускаться... [294]) Въ «Мертвыхъ Душахъ», гдѣ Гоголь снова очутился на русской, а не на европейской почвѣ, и въ дѣйствительной, а не въ фантастической сферѣ, въ «Мертвыхъ Душахъ» также есть, по крайней-мѣрѣ, обмолвки противъ непосредственности творчества, и весьма важныя, хотя и весьма немногочисленныя: на стр. 261—266, поэтъ весьма-неосновательно заставляетъ Чичикова расфантазироваться о бытѣ простаго русскаго народа, при разсматриваніи реестра скупленныхъ имъ мертвыхъ душъ. Правда, это «фантазированіе» есть одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: оно исполнено глубины мысли и силы чувства, безконечной поэзіи и вмѣстѣ поразительной дѣйствительности; но тѣмъ менѣе идетъ оно къ Чичикову, человѣку геніальному въ смыслѣ плута-пріобрѣтателя, но совершенно-пустому и ничтожному во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь поэтъ явно отдалъ ему свои собственныя благороднѣйшія и чистѣйшія слезы, незримыя и невѣдомыя міру, свой глубокій, исполненный грустною любовію юморъ, и заставилъ его высказать то̀, что̀ долженъ былъ выговорить отъ своего лица. Равнымъ образомъ, также мало идутъ къ Чичикову и его размышленія о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ

росписку (стр. 201—202): эти размышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; ихъ слѣдовало бы автору сказать отъ своего лица... Характеристика Британца съ его сердцевѣдѣньемъ и мудростію, Француза съ его недолговѣчнымъ словомъ, и Нѣмца съ его умно-худощавымъ словомъ (стр. 208), также показываетъ только то̀, что авторъ не совсѣмъ хорошо знаетъ ни Британцевъ, ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, и что незнанію не поможетъ никакой актъ творчества (*). И между-тѣмъ, Гоголь все-таки обладаетъ удивительною силою непосредственнаго творчества (въ смыслѣ способности воспроизводить каждый предметъ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми его тончайшими особенностями); только эта сила у него имѣетъ свои границы и иногда измѣняетъ ему (чего *такимъ образомъ*, *какъ у Гоголя*, не случалось ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шиллеромъ, ни даже съ Пушкинымъ, и что̀ очень-часто, и еще хуже случалось, съ Гёте въ-слѣдствіе аскетическаго и анти-общественнаго духа этого поэта [301]), съ которымъ все-таки нельзя смѣть ровнять Гоголя). Но эта удивительная сила непосредственнаго творчества, которая составляетъ *пока еще* главную силу, высочайшее достоинство Гоголя, и посредствомъ которой, подобно волшебнику—властелину царства духовъ, вызывающему послушныя на голосъ его заклинанія безплотныя тѣни,—онъ—неограниченный властелинъ царства призрачной дѣйствительности—самовластно вызываетъ передъ себя ея представителей, заставляя ихъ обнажить передъ нимъ такіе сокровенные изгибы ихъ натуръ, въ которыхъ они не сознались бы самимъ-себѣ подъ страхомъ смертной казни,—эта-то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она, такъ сказать, *отводитъ ему глаза* отъ идей и нравственныхъ вопро-

---

*) Все сказанное о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Гоголя и недостаткахъ въ его «Мертвыхъ Душахъ», будетъ подробно развито въ особой статьѣ по поводу выхода четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, которыхъ уже печатается третій томъ, и которыя выйдутъ въ Петербургѣ къ декабрю мѣсяцу текущаго года. Мы еще въ долгу у публики и подробнымъ разборомъ Пушкина, давно уже нами обѣщаннымъ. Обѣщанія своего мы не забыли, но все ждали предположеннаго издателями трехъ послѣднихъ томовъ сочиненій Пушкина—«Дополненія» къ изданнымъ уже одиннадцати томамъ его сочиненій. Это дополненіе выйдетъ скоро, и вѣроятно, во второй книжкѣ «Отеч. Записокъ» будущаго 1843 года читатели наши найдутъ или исполненіе, или начало исполненія нашего обѣщанія касательно разбора сочиненій Пушкина. Непосредственно за этимъ разборомъ послѣдуетъ разборъ всѣхъ сочиненій Гоголя, отъ «Вечеровъ на Хуторѣ» до «Мертвыхъ Душъ» *включительно*. А за этимъ разборомъ послѣдуетъ разборъ всѣхъ сочиненій Лермонтова, котораго полное собраніе стихотвореній скоро должно выйдти въ свѣтъ. Сколько составятъ статей эти три разбора—три ли статьи только или больше, пока не можемъ сказать; но всѣ эти три разбора будутъ написаны въ органической связи между собою, и составятъ какъ-бы одно критическое сочиненіе. Историческая и соціальная точка зрѣнія будетъ положена въ основу этихъ статей. Поговорить будетъ о чемъ! [300])

совъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Въ «Отеч. Запискахъ» уже было замѣчено, что къ числу особенныхъ достоинствъ «Мервыхъ Душъ» принадлежитъ болѣе ощутительное, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слѣдовательно, и *рефлексіи*. Надо желать, чтобъ это преобладаніе рефлексіи постепенно въ немъ усиливалось, хотя бы насчетъ акта творчества, изъ котораго такъ хлопочетъ г. Константинъ Аксаковъ. Гегель, въ своей эстетикѣ, въ осо-
ную заслугу поставляетъ Шиллеру преобладаніе, въ его произведеніяхъ, рефлектирующаго элемента, называя это преобладаніе выраженіемъ духа новѣйшаго времени. Совѣтуемъ г. Константину Аксакову прочесть это мѣсто въ подлинникѣ (мы вѣримъ его знанію нѣмецкаго языка) и поразмыслить о немъ. Безъ способности къ непосредственному творчеству, нѣтъ и быть не можетъ поэта—кто жь этого не знаетъ? но когда человѣка называютъ поэтомъ, то уже необходимо предполагаютъ въ немъ эту способность, даже не говоря о ней, и обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если же эта способность въ поэтѣ слишкомъ-сильна, то о ней тогда только толкуютъ и кричатъ, когда не видятъ въ немъ глубокаго содержанія. Говоря о Шекспирѣ, было бы странно восторгаться его умѣньемъ все представлять съ поразительною вѣрностью и истиною, вмѣсто того, чтобъ удивляться *значенію* и *смыслу*, которые его творческій разумъ даетъ образамъ его фантазіи. Въ живописцѣ, конечно, великое достоинство—умѣнье свободно владѣть кистью и повелѣвать красками, но это умѣнье еще не составляетъ великаго живописца. Идея, содержаніе, творческій разумъ—вотъ мѣрило для великихъ художниковъ.

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ въ великую заслугу Гоголю, что у него юморъ, выставляя субъектъ, не уничтожаетъ дѣйствительности: да что же бы это былъ за юморъ, еслибъ онъ уничтожалъ дѣйствительность? стоило [302]) ли бы тогда и говорить о немъ? Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ еще, что такого юмора онъ не нашелъ ни у кого, кромѣ Гоголя: вольно же было не поискать—авось либо и можно было найдти. Не говоря уже о Шекспирѣ, напримѣръ, въ романѣ Сервантеса донъ-Кихотъ и Санчо Пансо нисколько не искажены: это лица живыя, дѣйствительныя; но, Боже мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и спокойнаго, и ѣдкаго, въ изображеніи этихъ лицъ! Такихъ примѣровъ можно найдти довольно. Что у Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составляетъ главную стихію его таланта,—это другое дѣло; противъ этого нельзя спорить.

Г. Константинъ Аксаковъ нашелъ, въ своей брошюрѣ, что Чичиковъ сливается съ субстанціей русскаго народа въ любви къ скорой ѣздѣ: мы надъ этимъ посмѣялись въ нашей рецензіи, и вотъ онъ опять упрекаетъ насъ въ искаженіи словъ его: онъ, видите, разумѣлъ не просто «скорую ѣзду», но ѣзду на телегѣ и на тройкѣ лошадей. Виноваты—просмотрѣли, въ чемъ дѣло; но все-таки субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ тройкѣ, ни въ телегѣ.

Коляску четвернею всѣ образованные Русскіе лучше любятъ, чѣмъ тряскую телегу, на которой заставляетъ ѣздить только необходимость. Но желѣзную дорогу даже и необразованные Русскіе, т. е. мужички православные, теперь рѣшительно предпочитаютъ завѣтной телегѣ и тройкѣ: доказательство можно каждый день видѣть на Царскосельской дорогѣ. Иначе и быть не можетъ: свѣтъ побѣдитъ тьму, просвѣщеніе побѣдитъ невѣжество, образованность побѣдитъ дикость, а желѣзными дорогами будутъ побѣждены телеги и тройки. Пожалуй, иной субстанцію русскаго народа запрячетъ въ горшокъ со щами и кашею, или, вмѣсто бѣлужины, запечетъ ее въ кулебякѣ... Можно любить тяжелую, грубую, хотя и вкусную русскую кухню,—и однакожь не въ ней ощущать себя въ лонѣ русской національности... Г. Константинъ Аксаковъ отсылаетъ насъ къ страницамъ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ дѣйствительно съ энтузіазмомъ описана тройка съ телегою: страницы эти мы читали не разъ; но они намъ ничего не доказали, кромѣ ухорской, забубенной удали и какой-то беззаботности простаго русскаго народа въ дѣлѣ улучшеній... Ссылка на «Мертвыя Души» еще не доказательство: мы сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій талантъ Гоголя, но идолопоклонничать ни передъ кѣмъ не хотимъ, въ наше время идолопоклонство есть ребячество, г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами не ребяты:
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!

Г. Константинъ Аксаковъ опять доказываетъ, что въ Маниловѣ есть своя сторона жизни: да кто жъ въ этомъ сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что и въ свиньѣ, которая, роясь въ навозѣ на дворѣ Коробочки, съѣла мимоходомъ цыпленка (стр. 88), есть своя сторона жизни? Она ѣстъ и пьетъ—стало-быть, живетъ: такъ можно ли думать, что не живетъ Маниловъ, который не только ѣстъ и пьетъ, но еще и куритъ табакъ, и не только куритъ табакъ, но еще и фантазируетъ...

Вообще, видно, что сбившись съ прямаго пути названіемъ «поэмы», которое Гоголь далъ своему произведенію, г. Константинъ Аксаковъ готовъ находить прекрасными людьми всѣхъ изображенныхъ въ ней героевъ... Это, по его мнѣнію, значитъ понимать юморъ Гоголя... Что бы онъ ни говорилъ, но изъ тона и изо всего въ его брошюрѣ видно, что онъ въ «Мертвыхъ Душахъ» видитъ русскую «Иліаду». Это значитъ понять поэму Гоголя совершенно навыворотъ. Всѣ эти Маниловы и подобные имъ забавны только въ книгѣ, въ дѣйствительности же избави Боже съ ними встрѣчаться,—а не встрѣчаться съ ними нельзя, потому-что ихъ таки довольно въ дѣйствительности, слѣдовательно, они представители нѣкоторой ея части. Хороша же «Иліада», героемъ которой дѣйствительность, имѣющая такихъ представителей!.. «Иліаду» можетъ напомнить собою только такая поэма, содержаніемъ которой служитъ субстанціальная стихія національной жизни, со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія, въ которой эта жизнь *полагается*, а не *отрицается*... Истинная критика «Мертвыхъ Душъ» должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ

и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о неиспорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телегѣ: нѣтъ, истинная критика должна раскрыть паѳосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія. Потомъ критика должна войдти въ основы и причины этихъ формъ, должна рѣшить множество, по-видимому простыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: Отъ-чего прекрасную блондинку разбранили до слезъ, когда она даже не понимала, за что ее бранятъ? Отъ-чего весь губернскій городъ N оказался и хорошо населеннымъ и людным, когда силетни насчетъ Чичикова получили свое начало отъ живаго участія «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы» и «просто-пріятной дамы»? Отъ-чего наружность Чичикова показалась «благонамѣренною» губернатору и всѣмъ сановникамъ города N? Что значитъ слово «благонамѣренный» на чиновническомъ нарѣчіи? Отъ-чего-авторъ поэмы необходимою принадлежностію длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бываютъ на всякихъ дорогахъ), но и слякоть, грязь, починки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожныхъ подлецовъ? Отъ-чего Собакевичъ приписалъ Елизавету Воробья? Отъ-чего прокурорскій кучеръ былъ малый опытный, потому-что правилъ одною рукою, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина? Отъ-чего сольвычегодскіе угостили на пиру (а не въ лѣсу, при дорогѣ) устьсысольскихъ на смерть, а сами отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ-микитки, и все это назвали «пошалить не много»?.. Много такихъ вопросовъ можно выставить. Знаемъ, что большинство почтетъ ихъ мелочными. Тѣмъ-то и велико созданіе «Мертвыя Души», что въ немъ сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе. Конечно, какой-нибудь Иванъ Антоновичъ, кувшинное-рыло, очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень-мелкое явленіе въ жизни; но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ потеряете охоту, да и мелкимъ его не найдете... Почему онъ такъ можетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни—вотъ вопросъ!.. Гоголь геніально (пустяками и мелочами) пояснилъ тайну, отъ-чего изъ Чичикова вышелъ такого рода «пріобрѣтатель»; это-то и составляетъ его поэтическое величіе, а не мнимое сходство съ Гомерами и Шекспирами...

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ намъ въ вину, что мы вовсе пропустили слѣдующія строки въ его брошюрѣ: «Такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ сказать о многомъ, развить многое, и дать заранѣе полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. *Но надѣемся, что они разрѣшатся сами собою*». Выписавъ эти строки, г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ: «Но у рецензента не было ни недоумѣній, ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло». Неправда, рѣшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: брошюра ваша возбудила въ рецензентѣ сильное недоумѣніе касательно того, что̀ въ ней говорится, воз-

будила вопросъ, какъ въ наше время могутъ являться въ свѣтъ подобныя фантасмагоріи празднаго воображенія и пустаго философствованія; но онъ, рецензентъ, если не тотчасъ же, то очень-скоро понялъ, въ чемъ дѣло, т. е. понялъ, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ... Итакъ, надежда г. Константина Аксакова совершенно сбылась: дѣло его брошюры объяснилось само-собою... А что тѣсные предѣлы статьи его не позволили ему много развить и заранѣе отвѣтить на вопросы (которые, видно, чуяло его сердце),—это уже не наша, а его вина: вольно же ему было избирать тѣсные предѣлы, вмѣсто обширныхъ...

Остальные пункты «Объясненія» г. Константина Аксакова состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Г. Константинъ Аксаковъ могъ бы доказать ясно, что «Отеч. Записки» жестоко ошибаются, думая, что *пока* еще русскій поэтъ не можетъ быть міровымъ поэтомъ; но что онъ объ этомъ, *конечно*, съ петербургскими журналами говорить не будетъ; и что объ этомъ могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія, книги, но тоже, *конечно*, ужъ не для петербургскихъ журналовъ...

2. Возраженіе его, г. Константина Аксакова, не полно, однако пространнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ; кто же хочетъ узнать дѣло лучше, тотъ можетъ снова прочесть брошюру, которую онъ, г. Константинъ Аксаковъ, готовъ (храбрая готовность!..) вновь повторить слово-отъ-слова. Затѣмъ онъ оставляетъ всѣ дальнѣйшія объясненія, не предполагаетъ, чтобъ «Отеч. Записки» стали ему возражать (увы, не сбывшееся предположеніе!), и во всякомъ случаѣ отвѣчать болѣе не будетъ...

3. «Отеч. Записки», не смотря на ихъ несогласія во мнѣніяхъ съ другими петербургскими журналами, въ сущности одно и то же съ ними...

Бѣдные петербургскіе журналы! погибли вы, погибли безвозвратно! Г. Константинъ Аксаковъ такъ глубоко презираетъ васъ, что и говорить съ вами не хочетъ... Великій Боже! за что же такая страшная кара на петербургскіе журналы?.. Развѣ нельзя было опредѣлить менѣе-тяжкаго наказанія!.. Но, позвольте: кто же онъ самъ, этотъ страшный неумолимый г. Константинъ Аксаковъ, однимъ своимъ «да» и «нѣтъ» рѣшающій всѣ вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Не-уже-ли это тотъ самый г. Константинъ Аксаковъ, который, въ разныхъ журналахъ, а въ числѣ ихъ и въ «Отеч. Запискахъ», напечаталъ нѣсколько переводовъ нѣмецкихъ стихотвореній, переводовъ частію довольно-порядочныхъ, частію весьма посредственныхъ, а частію и весьма посредственныхъ, а частію и весьма-плохихъ?.. Если такъ, то невольно спросишь: изъ какой же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи ли еще онъ?..[303])

Что же до нежеланія г. Константина Аксакова возражать далѣе, оно очень-понятно: это ему теперь было бы и трудно, да и негдѣ (развѣ въ брошюрахъ): ибо какой же московскій журналъ захочетъ далѣе *принимать*, какъ говоритъ русская пословица, *въ чужомъ пиру похмѣлье?*..

Что же, наконецъ, до тождества «Отеч. Записокъ» съ другими петербургскими журналами: г. Константинъ Аксаковъ воленъ находить его. Можетъ-быть, онъ это утверждаетъ и не съ досады, а по убѣжденію... Мы тоже, по глубокому убѣжденію, видимъ тождество между его брошюркою и знаменитою «критикою» по поводу «Мертвыхъ Душъ», въ которой Селифанъ сдѣланъ представителемъ неиспорченной русской натуры... [304])

669. Драматическія Сочиненія и Переводы *Н. А. Полеваго.* Спб. Въ тип. Н. Греча. 1842. Двѣ части. Въ 16-ю д. л. Въ I-й части 435, во II-й—589 и XIII стр. [305])

Г. Полевой сдѣлался драматистомъ совершенно-нечаянно. Еслибъ въ то время, когда издавалъ онъ свой «Московскій Телеграфъ», въ которомъ съ такою энергіею и такимъ одушевленіемъ преслѣдовалъ и уничтожалъ бездарность и посредственность, еслибъ, говоримъ мы, въ то время кто-нибудь сказалъ ему, что нѣкогда онъ будетъ писать «драматическія представленія»,—то, думаемъ, такое предсказаніе почелъ бы онъ за обыкновенную выходку оскорбленной и самолюбивой посредственности, которая не хочетъ, да еслибъ и хотѣла—не можетъ вѣрить въ другихъ продолжительности и неизмѣнности возвышенныхъ убѣжденій. Другими словами: онъ принялъ бы этихъ предсказателей за тѣхъ людей, которые, съ лукавою усмѣшкою, всегда говорятъ пылкому юношѣ, презирающему пошлыми житейскими продѣлками и порывающемуся къ осуществленію высшаго идеала жизни: «а вотъ погоди, упрыгаешься—не то запоешь: мы сами не хуже тебя горячились въ свое время, да вотъ угомонились же и взялись за умъ!» Пылкая юность обыкновенно презираетъ такими предсказаніями, но втайнѣ они сердятъ ее и обдаютъ холодомъ, заставляющимъ содрогаться. Увы! на-зло пылкой юности, слова этихъ предсказателей не совсѣмъ вздоръ и ложь, или, лучше сказать, рѣдко, очень рѣдко вздоръ и ложь... Нѣчто въ родѣ этой горькой мысли такъ ловко и занимательно было развито самимъ г. Полевымъ въ его безъ всякихъ претензій написанной статейкѣ: « Три Дня въ Двадцати Годахъ» (сцены изъ обыкновенной человѣческой жизни, въ разговорахъ представленныя; см. «Новый Живописецъ Общества и Литературы, составленный Николаемъ Полевымъ». Москва. 1832, часть III, стр. 119); вотъ содержаніе этой примѣчательной статейки. Нѣсколько задушевныхъ друзей, за бутылкою вина, мирно бесѣдуютъ о высокой цѣли жизни, о высокомъ смыслѣ ихъ дружбы. «Мы», говоритъ одинъ изъ нихъ, «осмѣливаемся причислить себя къ людямъ, *отличеннымъ Зевеса любовію;* намъ должно прожить не только не дѣлая зла: это участь толпы! — нѣтъ, для насъ впереди завидная судьба: дѣйствовать и быть полезнымъ другимъ, тѣмъ, что̀ дала намъ мать-природа и общая дружба наша, освященная завѣтомъ на прекрасное и великое; всѣ мы въ одно время вступили въ свѣтъ: дадимъ же руку и поклянемся жить для

ближнихъ!» На эту восторженную рѣчь восклицаютъ всѣ другіе: «клянемся!» Ораторъ продолжаетъ: «И да будетъ тотъ наказанъ общимъ всѣхъ насъ презрѣніемъ, кто измѣнитъ клятвѣ! Не я измѣню ей первый... » — И не я, и не я! повторяютъ всѣ другіе. Пріятельская бесѣда эта происходитъ наканунѣ разъѣзда друзей по разнымъ дорогамъ жизни. Одинъ изъ нихъ поэтъ и литераторъ; онъ читаетъ отрывки изъ своихъ стихотвореній, говоритъ объ успѣхѣ своихъ статей: о лагарповомъ разборѣ «Заиры», о нелѣпости англійской драмы и о преимуществѣ «Россіады» передъ «Генріадою». Другого изъ нихъ мѣтятъ друзья въ великіе полководцы, третій самъ смотритъ великимъ дипломатомъ. Вотъ черезъ десять лѣтъ послѣ этого вечера, друзья опять собираются; но это уже не тѣ пылкіе молодые люди, съ которыми мы познакомились въ первый вечеръ назадъ тому десять лѣтъ... Одинъ изъ нихъ мизантропъ и клянетъ себя, какъ за слабость, за остатокъ любви къ людямъ; другой не бережетъ своего здоровья, говоря, что «не для чего»; всѣ чувствуютъ, что остали отъ вѣка, выжили изъ таланта; дѣйствительность поколотила мечты юности ихъ, и они недовольны жизнію, недовольны другъ другомъ, пересуживаютъ, упрекаютъ одинъ другаго въ слабости, недостаткахъ и ошибкахъ. Еще черезъ десять лѣтъ, одинъ изъ нихъ уже сдѣлался «его превосходительствомъ», двое другихъ подличаютъ въ его передней, а третій безуспѣшно хлопочетъ у своего превосходительнаго друга по дѣлу сироты, сына одного изъ нихъ друзей, котораго хотятъ ограбить друзья же отца его,—и о мѣстечкѣ съ пустымъ жалованьемъ для другаго сироты, сына умершаго въ домѣ умалишенныхъ лучшаго друга изъ этого кружка друзей.

Это рѣшительно лучшее изъ всѣхъ «драматическихъ представленій» г-на Полеваго, ибо въ немъ отразилось человѣческое чувство, навѣянное думою о жизни; а между-тѣмъ г. Полевой написалъ его безъ всякихъ претензій, какъ бездѣлку, которая не стоила [306]) ему труда, и которую прочтутъ—хорошо, не прочтутъ—такъ и быть! Какая же мысль этого «драматическаго представленія»? Она ясна и безъ поясненій; но у насъ есть своя мысль на этотъ предметъ,—мысль, по нашему мнѣнію, достойная того, чтобъ какой-нибудь поэтъ взялъ ее въ основаніе цѣлой драмы, или цѣлаго романа: «Юность есть огонь и свѣтъ жизни; каждый человѣкъ, по-своему, бываетъ разъ въ жизни юнъ; но одинъ сохраняетъ юность до двадцати лѣтъ, другой до тридцати, третій до сорока, и такъ далѣе; немногіе избранники Провидѣнія совсѣмъ не знаютъ старости и цвѣтутъ юностію подъ снѣгомъ волосъ дряхлой старости».

Гордое презрѣніе къ посредственности—одно изъ свойствъ юности: оно происходитъ изъ любви къ высокому и истинному, изъ внутренняго ясновидѣнія идеала высшей жизни. Довольство тѣмъ, что есть, безъ требованія того, чего еще нѣтъ, но безъ чего не для чего жить, примиреніе съ окружающею дѣйствительностію, терпимость посредственности—вотъ первые страшные предшественники наступающей старости. Кто окунется въ омутъ жизни, кто привыкнетъ къ житейскому, прозаическому, мелочному и посредственному—до того, что съ

убѣжденіемъ и самодовольствомъ возьметъ въ немъ свою роль и, какъ успѣху, радъ будетъ ей: тотъ уже старикъ, хилый старикъ! Тускнѣютъ его дряхлыя очи, и сквозь покрывшую ихъ мутную влагу не могутъ разсмотрѣть ничего юнаго и великаго: оно возбуждаетъ въ нихъ только кропотливое ворчаніе, которымъ означается порицанье всего новаго и похвала всему старому! Отнимается у нихъ даже свѣтлое воспоминаніе о ихъ невозвратно-погибшей юности, и они называютъ безумствомъ гордые помыслы и благородные порывы своихъ юныхъ лѣтъ; они помнятъ въ нихъ только сильный аппетитъ да крѣпкій сонъ; они хвалятъ свое время не за то, что̀ было въ немъ безусловно-прекраснаго, а за то только, что оно было ихъ время... «Забирайте же съ собою въ путь, «выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, «забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ— «не поднимете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего «не отдаетъ назадъ она! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь «погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ «чертахъ безчеловѣчной старости!» *).

Но мы, заговорясь о постороннихъ предметахъ, отдалились отъ предмета нашей статьи — «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» г. Полеваго. Читателямъ должно быть извѣстно наше о нихъ мнѣніе. Г. Полевой, въ своемъ *Послѣсловіи*, приложенномъ къ концу второй части «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» говоритъ между-прочимъ:

„За немногими исключеніями, которыя пріемлю съ глубокою признательностью, все, что можно сказать объ Александрахъ Анфимовичахъ Орловыхъ и „подобныхъ ему“ писакахъ, было обо мнѣ сказано критиками. Они находили, что даже самый родъ драматическихъ пьесъ моихъ ложный; что онѣ *хоцебятина* (извините выраженіе критиковъ!); что опѣ доказываютъ безвкусіе, безграмотность; что я обобралъ въ моихъ драматическихъ сочиненіяхъ, Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, В. Скотта. Озерова, Кукольника, и—право, не помню кого-то еще!“

Не принадлежа къ числу критиковъ, на которыхъ такъ горько жалуется г. Полевой, мы смѣло можемъ сказать, что въ ихъ обвиненіяхъ нѣтъ ни правды, ни толка, и что, въ то же время, и самъ г. Полевой не совсѣмъ правъ въ томъ, что̀ говоритъ въ выписанныхъ нами словахъ своего «Послѣсловія». Во-первыхъ: зачѣмъ ему принимать съ глубокою признательностію немногія исключенія по части критическихъ отзывовъ въ пользу его «драматическихъ представленій»? Если ихъ хвалили, то, надо полагать, за то, что находили ихъ достойными похвалы: какой же авторъ обязанъ благодарностію (да еще и глубокою!) критику, который, находя его сочиненія хорошими, не называетъ ихъ дурными? По нашему мнѣнію, авторы благодарятъ критиковъ только за пристрастныя похвалы или за снисхожденіе, которое для гордой юности позорнѣе всякой брани. Потомъ: критики, которые равняли г. Полеваго съ Александромъ

*) Мертвыя Души, стр. 244.

Аноимовичемъ Орловымъ и находили въ его драмахъ безвкусіе, безграмотность и безсмысліе—«наѣлись грязи», какъ выражается одинъ татарскій критикъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что г. Полевой, въ своихъ драмахъ, несравненно-выше, чѣмъ А. А. Орловъ, въ своихъ романахъ, и что въ драмахъ г. Полеваго есть немножко и вкуса, много грамотности, и смыслъ вездѣ на лицо. Но вотъ въ томъ-то и бѣда наша, что мы не любимъ посредственности; она для насъ хуже бездарности! Притомъ же, мы такъ уважаемъ въ лицѣ г. Полеваго, бывшаго журналиста, что намъ непріятно видѣть его чѣмъ-то среднимъ между г. Кукольникомъ и г. Ободовскимъ (много-ниже перваго и мало-выше второго) и главою разныхъ драматистовъ, съ успѣхомъ подвизающихся на сценѣ Александринскаго Театра. По тому же самому намъ непріятно, что его въ томъ же театрѣ вызываетъ та же публика, которая вызываетъ и г. Зотова, и г. Коровкина, и многихъ другихъ того же разбора сочинителей. По нашему мнѣнію, не должно дорожить такими рукоплесканіями, такими вызовами, такою славою... Далѣе: неправы критики, называя родъ «драматическихъ представленій» г. Полеваго ложнымъ: ибо, прежде всего, это совсѣмъ не родъ, а такъ, Богъзнаетъ что̀ такое... Еще: не правъ г. Полевой, почему-то почитая слово «коцебятина» неприличнымъ и извиняясь въ немъ передъ публикою. *Коцебятина*—то же, что̀ у французовъ, наприм., *marivaudage*: первое означаетъ родъ и характеръ драматическихъ пьесъ Коцебу, второе — комедій Маривò. Наконецъ, неправы критики, утверждая, что г. Полевой обиралъ, въ своихъ «драматическихъ представленіяхъ», Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, Озерова и г. Кукольника. Правда, въ любви Нино и Вероники (въ «Уголино»), г. Полевой сдѣлалъ пародію на «Ромео и Юлію» Шекспира; въ своей «Еленѣ Глинской», г. Полевой перепародировалъ «Макбета» Шекспира, а частію «Кенильвортъ» В. Скотта: но писать пародіи на великія созданія великихъ поэтовъ и обирать ихъ—это совсѣмъ не одно и то же; критики рѣшительно неправы въ этомъ случаѣ! Что касается до Мольера, г. Полевой передѣлалъ (и то съ кѣмъ-то вдвоемъ) «Malade imaginaire», и не думалъ скрывать этого: но передѣлка—дѣло законное и ничего общаго съ литературнымъ обирательствомъ не имѣетъ! Что же касается до Гёте, Шиллера, Вольтера, Дюма, Гюго, Озерова и г. Кукольника,—то едва ли критики обвиняли г. Полеваго въ похищеніяхъ у этихъ писателей. Правда, г. Полевой иногда сталкивался съ г. Кукольникомъ въ нѣкоторыхъ театральныхъ эффектахъ; но это потому, что les beaux esprits se rencontrent.

Описавъ злонамѣренность критиковъ, г. Полевой говоритъ, что онъ «въ теченіе *пяти лѣтъ*, имѣлъ честь удостоиться за *пятнадцать* пьесъ драгоцѣннаго ему одобренія зрителей петербургскихъ и московскихъ». Противъ этого мы не споримъ: здѣсь публика нашла по себѣ сочинителя, а сочинитель нашелъ по себѣ публику; обѣ стороны одна другою довольны, обѣ поняли одна другую — зрѣлище пріятное и умилительное! «*Двѣ* только пьесы заслужили осужденіе публики, «справедливое во всѣхъ отношеніяхъ», прибавляетъ г. По-

левой съ рѣдкою въ нашъ развратный вѣкъ скромностію и безпристрастіемъ къ самому-себѣ.

«Такъ поступила со мною *критика*.

«Такъ поступила со мною *публика*.

«Чѣмъ рѣшить такое *противорѣчіе*?»

Вопросъ глубокомысленный! Есть надъ чѣмъ поломать голову даже Парижской Академіи Наукъ! Что же касается до насъ,—не смѣемъ и думать, чтобъ нашихъ силъ стало на рѣшеніе вопроса такой важности.

Далѣе, г. Полевой говоритъ, что собираетъ свои пьесы вмѣстѣ въ ожиданіи *окончательнаго* приговора. «Критикамъ (прибавляетъ онъ) доставится средство осудить *повально* то, что они осуждали въ *разбой*».

Каламбуръ! И еще какой—его стало бы на цѣлый водевиль!

Странно, однакожь, какъ все измѣняется въ семъ треволненномъ мірѣ: г. Полевой, *нѣкогда* критикъ строгій, рѣзкій и для многихъ страшный, *теперь* такъ же скромно протестуетъ противъ неугомонности критиковъ, какъ нѣкогда, когда онъ самъ былъ критикомъ—множество сочинителей протестовало (и также тщетно) противъ него... И неужели драматическіе труды князя Шаховского, каковы бы ни были они, ужь до такой степени ниже «драматическихъ представленій» г. Полевàго?.. А вѣдь едва-ли кто о самомъ А. А. Орловѣ, или объ *извѣстномъ* знаменитомъ его соперникѣ, говорили такія вещи, какія въ-старину говаривалъ г. Полевой о князѣ Шаховскомъ, по поводу его драматическихъ пьесъ...

Интересно: какъ высказываетъ г. Полевой свое мнѣніе о собственныхъ «драматическихъ представленіяхъ»: это драгоцѣнные черты для будущаго біографа г. Полеваго! «Мать семейства (говоритъ онъ) смѣло можетъ причислить мои драматическія сочиненія къ библіотекѣ своего *семейнаго чтенія*, и наградою моею будутъ ея слеза и ея улыбка» (*стр.* 17). Да, правда, тысячу разъ правда! Тутъ и сама зависть къ славѣ г. Полеваго охотно согласится, что эта награда столько же принадлежитъ ему, какъ и Б. М. Ф. (Ѳ)едорову.

Мать дочери велитъ его читать!

Лестная награда для великаго писателя!.. Увы, этой награды не удостоились, изъ чужихъ: ни Гомеръ, ни Дантъ, ни Сервантесъ, ни Шекспиръ, ни Байронъ, ни многіе другіе, а изъ нашихъ: ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ!..

Трудно было бы слѣдить за критическою оцѣнкою г. Полеваго собственныхъ его пьесъ: замѣтимъ только, что «Параша»—его *любимая* пьеса, что день ея представленія былъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни, что успѣхъ ея былъ необыкновенный, и что она послужила темою для оперы г. Струйскаго, *также* заслужившей вниманіе знатоковъ...

Выписываемъ вполнѣ замѣтку г. Полеваго о «Солдатскомъ Сердцѣ»— она въ высшей степени замѣчательна:

„Солдатское сердце. Основаніе взято изъ событія въ жизни извѣстнаго литератора Ѳ. В. Булгарина. Находясь въ военной службѣ и бывши въ Финляндіи, въ юности своей онъ спасъ несчастнаго, ложно обвиненнаго въ предательствѣ, и черезъ много лѣтъ потомъ имѣлъ наслажденіе слышать благодарность сына за сохраненіе жизни отца. По особеннымъ обстоятельствамъ пьеса моя была принята довольно холодно; но я печатаю ее, потому, что *никакія частныя отношенія не сильны побудить мое убѣжденіе тамъ, гдѣ я по совѣсти считаю себя правымъ, если воздаю достойному достойное*".

И такъ, пьеса г. Полеваго «Солдатское Сердце» трикраты замѣчательна во-первыхъ, тѣмъ, что сюжетъ ея сообщенъ сочинителю г. Булгаринымъ и г. Полевой написалъ ее по разсказу г. Булгарина; во-вторыхъ, тѣмъ, что по *особеннымъ обстоятельствамъ*, она была довольно-холодно принята; въ-третьихъ потому-что никакія частныя отношенія не помѣшаютъ г. Полевому воздавать *достойному достойное*.

Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, что этотъ герой имѣлъ такого пѣвца своихъ подвиговъ, какъ Гомеръ: сколько же героевъ позавидуютъ теперь г. Булгарину.

А какая черта великодушія со стороны г. Полеваго это «Солдатское Сердце»! *Никакія отношенія*... слышите ли! *никакія отношенія!* т. е. ни «писатели съ огороднымъ прозваніемъ», ни «квасники, самоучкою выучившіеся грамотѣ» *)!.. Подлинно, когда два достойные сочинителя поймутъ другъ друга, то изъ *гусака* судиться не будутъ, какъ Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, въ повѣсти Гоголя!..

Комедію «Мнимый Больной», водевили «Черезполосныя Владѣнія» и «Онъ за все платитъ» и комедію «Ужасный Незнакомецъ» г. Полевой печатать не хочетъ, и даже кается въ нихъ какъ въ литературныхъ грѣхахъ. Онъ самъ говоритъ, что «Ужасный незнакомецъ» *ужасно* хлопнулся при первомъ представленіи, и что «не все то годится на сцену, что нравится въ чтеніи». Изъ этого видно, что г. Полевому «Ужасный Незнакомецъ» нравился въ чтеніи.

„Передѣлывая его для сцены (продолжаетъ г. Полевой), я полагалъ, что пьеска будетъ забавна, но увидѣлъ, что ничего безсвязнѣе и неуклюжѣе не можетъ быть. Сидя въ углу ложи, *обшиканный* авторъ, *философически* разрѣшалъ я (подлинно, истинный философъ— вездѣ и во всякомъ случаѣ вѣренъ своему призванію!) задачу объ условіяхъ и требованіяхъ сцены, когда занавѣсъ опускался при общемъ весьма гармоническомъ шиканьѣ зрителей.—Послѣ того, мѣсяца черезъ два, написалъ я *Парашу Сибирячку*".

Геніальная черта—не смущаться паденіемъ и возставать послѣ него такъ высоко, что ужъ и спрыгнуть внизъ страшно!..

А жаль, очень жаль, что г. Полевой не хочетъ печатать «Черезполосныхъ Владѣній», «Онъ за все платитъ» и «Ужасный Незнакомецъ». Этакъ — чего добраго!—онъ пожалуй не напечатаетъ и «Комедіи о Войнѣ Ѳедосьи Сидоровны

*) См. „Литер. и Журнальныя Замѣтки: *Русская Журналистика и Капустныя Кочерыжки*" (Отеч. Зап. Т. XXIV, Смѣсь, стр. 131) [317].

съ Китайцами». Мы вообще противъ неполныхъ изданій великихъ писателей, особенно противъ пропусковъ того изъ ихъ сочиненій, что̀ сами они, по авторской скромности, считали бездѣлками: ибо если въ бездѣлкахъ часто заговаривается писатель, то *проговаривается* человѣкъ... Говоря о «Трехъ Дняхъ въ Двадцати Годахъ», мы намекали, что̀ составляло нѣкогда пафосъ (страсть духа) г. Полеваго: такъ любопытно же будетъ потомству знать, въ чемъ потомъ заключался пафосъ сочиненій г. Полеваго, чтобъ тѣмъ легче могло оно сравнить, чѣмъ онъ былъ прежде и чѣмъ сталъ послѣ... Въ бездѣлкахъ писатель искреннѣе, больше на распашку, больше человѣкъ, тогда-какъ въ сочиненіяхъ, которыя онъ считаетъ важными, онъ словно въ мундирѣ, весь—осторожность... Впрочемъ, «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» совсѣмъ не бездѣлка: это рѣшительно самое поэтическое, самое національное и самое патріотическое произведеніе г. Полевого. Напечатайте его, г. Полевой, непремѣнно напечатайте—а мы ужь приложимъ стараніе—разберемъ... [308])

***670. Дочь купца Жолобова.** Романъ, извлеченный изъ иркутскихъ преданій. Соч. *П. Калашникова.* Изданіе третіе, исправленное. Санктпетербургъ. Въ тип. Конрада Вингебера. 1842. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части. 138, во II-й—132, въ III-й—125, въ IV-й—119 стр. [309])

Нисколько не должно удивляться, что «Дочь Купца Жолобова», будучи весьма-посредственнымъ романомъ, напечатана теперь третьимъ изданіемъ. Въ романѣ г. Калашникова, двѣ стороны: одна чисто-романическая и очень плохая; другая—описательная, касающаяся до страны, сколько близкой намъ, интересной, столько и мало-извѣстной—Сибири, или лучше сказать, интереснѣйшей части Сибири—Иркутской Губерніи. Эта вторая сторона романа г. Калашникова мѣстами очень не безъ интереса, и потому нѣкоторыя страницы «Дочери Купца Жолобова» читаются съ удовольствіемъ. Но собственно-романическая часть, повторяемъ, очень и очень плоха. Завязка слаба и неестественна. Злодѣй Груздевъ въ женитьбѣ своего глупаго сына на дочери купца Жолобова не могъ видѣть такихъ огромныхъ выгодъ, чтобъ рѣшиться на столько злодѣйствъ для достиженія этой цѣли. Вообще, злодѣи г. Калашникова такъ черны, какъ-будто рисованы осеннею уличною грязью, а добродушные люди такъ бѣлы и свѣтлы, что сквозь нихъ ничего и не видно. Тѣ и другіе — образы безъ лицъ. Герой и героиня просто смѣшны своею идеальностію, почерпнутою изъ грошовыхъ романовъ. Гораздо-лучше бы поступилъ г. Калашниковъ, еслибъ, вмѣсто плохаго романа, составилъ что-нибудь въ родѣ записокъ о Сибири, въ которыхъ, удаляясь отъ всякаго ученаго и догматическаго тона, разсказалъ бы просто, *не мудрствуя лукаво*, все, что̀ видѣлъ, слышалъ и узналъ во время своего житья въ Сибири, — и о климатѣ, и о мѣстностяхъ, и объ обычаяхъ жителей, преданіяхъ, разсказахъ и пр. Смѣемъ увѣрить г. Калашни-

кова, что его книга имѣла бы большой успѣхъ и доставила бы ему и выгоды и славу. Въ наше время стало замѣтно въ русскихъ читателяхъ стремленіе къ ознакомленію съ ихъ великимъ отечествомъ. Если сочиненія такого рода не всегда удаются и теперь, — въ этомъ виноваты сами гг. писатели, а не публика. Изъ нихъ слишкомъ-немногіе понимаютъ важность, прелесть и высокій интересъ простаго разсказа очевидца о малоизвѣстной странѣ, и именно разсказа о томъ, чего нельзя найти въ ученыхъ и серьезныхъ книгахъ, но что можно узнать только отъ очевидца. Г. Калашниковъ, какъ видно изъ его романа, хорошо знаетъ Сибирь и любитъ ее: описанія его часто бываютъ увлекательны и живы: знакъ, что онъ могъ бы написать хорошую книгу въ томъ родѣ, о которомъ мы говоримъ.

671. Любовь музыканта. Романъ *Андрея Ярославцова.* Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Іогансона. Въ трехъ частяхъ. Въ 12-ю д. л. Въ первой части 197, во второй—357, въ третьей—334 стр. [310])

Съ недавняго времени, въ русской литературѣ образовался особенный родъ романовъ, имѣющій свои внѣшнія и внутреннія отличія. Это обыкновенно романы отъ одной до трехъ частей, тощенькихъ, въ двѣнадцатую долю листа, рѣдко въ цвѣтной оберткѣ, но большею частію, въ бѣлой—символъ ихъ невинности и чистоты; печатаются они въ типографіяхъ средней руки, ни въ слишкомъ-хорошихъ, ни въ слишкомъ-дурныхъ, вообще издаются скромно, довольно-опрятно и никогда красиво или роскошно. А внутреннія отличія ихъ— слѣдующія. Герой всегда человѣкъ необыкновенный, бѣдный, талантливый, возвышенный духомъ, обуреваемый страстями и непонимаемый презрѣнною толпою, потому именно непонимаемый, что говоритъ всегда такъ вычурно, кудряво, высоко, что толпа, по своему невѣжеству, всегда слушаетъ его, какъ помѣшаннаго, дивясь, въ простотѣ своей, почему онъ не въ домѣ сумасшедшихъ,— этомъ благодѣтельномъ заведеніи для всѣхъ романическихъ героевъ... Героиня всегда или дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, или дочь богатыхъ, но жестокосердыхъ родителей; любитъ читать книжки, пѣть новые романсы, мечтать при лунѣ и выражать свои чувства, страсти и мысли такимъ языкомъ, какого, кромѣ этого рода романовъ, да развѣ еще вышеупомянутаго благодѣтельнаго заведенія, нигдѣ не услышишь. У героя обыкновенно есть другъ, которому онъ повѣряетъ бурю страстей своихъ и завѣтныя думы сердца; обыкновенно бываетъ такъ, что герой серьёзенъ, а другъ его легкаго и веселаго характера, надъ всѣмъ шутитъ и отличается тѣмъ милымъ, игривымъ остроуміемъ, которое составляетъ неотъемлемую собственность юныхъ чиновниковъ. Фамиліи дѣйствующихъ лицъ всегда самыя романическія: *Славины*, *Гремины*, *Альмскіе*, *Лирины*, *Звонскіе*, *Свѣтины*, *Лидины* и т.д. Это, впрочемъ, ихъ парадныя имена; но въ романѣ, а авторъ и они сами называютъ себя просто

по-пріятельски: *Ипполитъ*, *Платонъ*, *Валеріанъ*, *Александръ*, *Владиміръ* и проч. Героини всегда называются не по фамиліямъ, а поименамъ, какъ у иностранцевъ: *Марія*, *Александрина*, *Лидія*, *Елизавета* и проч. Такъ называютъ ихъ и сочинители романовъ и представляемые въ этихъ романахъ интересные молодые люди, даже на балахъ, даже не будучи съ ними хорошо-знакомы. А эти господа, т. е. сочинители такихъ романовъ, и сами знаютъ, что такое обращеніе совсѣмъ не въ нравахъ русскаго общества, что у насъ дамъ называютъ или по фамиліи,—съ прибавленіемъ французскаго madame и mademoiselle, или, и это большею частію,—по имени и по отчеству, что у насъ нѣтъ именъ Марія и Александрина, а есть Марья и Александра, разумѣется, Ивановна, Петровна, или иначе какъ-нибудь; но этого уже требуетъ характеръ романическаго слога, такъ же, какъ вмѣсто щекъ, лба, глазъ, всегда писать ланиты, чело и очи. Вообще, эти господа убѣждены, что чѣмъ меньше романъ будетъ выражать дѣйствительную жизнь, тѣмъ больше онъ—романъ, и, надо сказать правду, что эти господа владѣютъ необыкновеннымъ талантомъ представлять въ своихъ сочиненіяхъ такую жизнь, такое общество и такихъ людей, которыхъ тщетно вы стали бы искать въ семъ подлунномъ мірѣ. Особенно-сильны эти господа въ изображеніи высшаго общества и большаго свѣта: ихъ графы, князья, графини, княгини, баронессы, словомъ знатные господа и знатныя дамы отличаются такою тонкостію обращенія, такимъ остроуміемъ, о какихъ, можно сказать рѣшительно, и понятія не имѣютъ люди того большаго свѣта, который существуетъ не въ романахъ, а въ дѣйствительности. Ко всему этому надо прибавить, что романы, о которыхъ мы говоримъ, любятъ щегольнуть французскою фразою, ловко ввертывая въ разговоръ слова mon cher, mon ami, ma chére, quelle heure est-il и т. п. Это обыкновенно дѣлается для показанія самой отчаянной свѣтскости, и не всегда съ соблюденіемъ орѳографіи.

Въ доказательство, что наша характеристика вѣрна, выписываемъ нѣсколько строкъ изъ «Любви музыканта»:

„Духъ Вольфганга колебался: то онъ пріятно струился, то вдругъ вздымался тяжелымъ, чернымъ валомъ. „Не понимаю послѣдняго ея свиданія!.“ думалъ дорогою Вольфгангъ. „Такъ холодно она еще не обращалась!..“ Онъ пошелъ по линіи. Воображеніе нарисовало ему, какъ за два дня до этого, сидѣлъ онъ у фортепіано подлѣ Эвфаліи. Эта минута такъ живо представилась ему, что онъ, повторяя сказанныя въ то время слова, прошепталъ на дорогѣ со взоромъ *пламеннѣйшаго томленія:* „ангелъ!..“

А вздохнувъ, подумалъ съ *сердечною истомою:* „Но такъ холодно она еще не обращалась со мною!..“

Еслибъ ты видѣла меня въ то время, когда онъ началъ къ намъ ходить такъ, я не знаю!—я, право, была какъ въ небѣ!.. Какъ я готовила урокъ свой ему—удивительно! Какъ я не могла дождаться, чтобъ онъ поскорѣе пришелъ, а когда онъ уходилъ, то мнѣ такъ и хотѣлось съ нимъ же уйти!—уйти, *знаешь*, куда-нибудь, *гдѣ бы мы были только одни*... Теперь ужь я совсѣмъ не то: я

не говорю, чтобъ я его вовсе разлюбила; но я ужъ не рвусь его видѣть, какъ бывало прежде.

— „Ну, ужъ!“ сказала Софья Васильевна, нѣсколько смягченная *жарко разсказанною повѣстью* Эвфаліи *о первой любви*. „Конечно, онъ съ талантомъ; довольно милъ; но сравни его съ Чроткинымъ; какъ тотъ обходителенъ! Хоть военный, а какъ скроменъ, какой онъ *gentil!* Право, какъ твой папенька. Вотъ съ нимъ васъ была бы пара!

— „Ну, Сонечка, а Малининскій!.. а! *ангельчикъ?..*“

Неправда-ли, истинно-романическій слогъ? *Взоръ нѣжнѣйшаго томленія*, произнесъ съ *сердечною истомою*, *жарко разсказанная повѣсть любви:* превосходно! А языкъ героинь романа—какой *gentil*, *ангельчикъ:* сейчасъ видно, что героини принадлежатъ къ высшему обществу.

Слѣдующая семейная картина лучше всего доказываетъ искусство нашихъ романистовъ пятнадцатаго класса рисовать высшее общество:

Было около втораго часа ночи. Богданъ Вольфгангъ мечталъ за сигарою, и съ нетерпѣніемъ тщеславнаго ждалъ сына.

„Ну, что, какъ тебя приняли?..“ спросилъ онъ у вошедшаго въ комнату сына.

— „Какъ? гмъ! Такъ, что я никогда больше не пойду въ такой проклятый домъ!..“

„Ты не можешь говорить вѣжливѣе? мужикъ!..“

— „Всѣ русскіе мужики“ говорилъ раздраженный Эдуардъ „гораздо лучше, нежели этотъ дуракъ, камеръ-юнкеръ!“

Отецъ схватилъ чубукъ и, грозя имъ, говорилъ задыхаясь:

„Скажи еще одну дерзость!.. *Злая каналья!..* Гдѣ тебя?.. Кто тебя станетъ принимать?.. Грубіянъ!..“ и разслабѣвъ отъ гнѣва, онъ ушелъ и легъ спать; а Эдуардъ, (*в*) сплеснувъ руками и облокотясь на рояль, горько-горько заплакалъ. Потомъ, въ какомъ-то *полупамятіи*, уставился глазами на лежавшія передъ нимъ ноты.

— „Ну, что, Эдуардъ Богдановичъ, вы все еще прежній дѣвственникъ?“ спросилъ графъ, съ улыбко разваливаясь на диванѣ.

„Нѣтъ, я узналъ, что это вздоръ!“ сказалъ Эдуардъ, *отяжеленный* виномъ и душною атмосферою комнаты.

Графъ и офицеръ перемигнулись.

Довольно! теперь читатели должны ясно видѣть отличія того рода романовъ, о которыхъ мы говорили. Прибавимъ къ этому, что участь всѣхъ этихъ романовъ одинакова: мѣсяца съ два по выходѣ каждаго изъ нихъ, вы можете видѣть одинъ экземпляръ на прилавкѣ каждаго книжнаго магазина; цѣна этому экземпляру всегда не меньше трехъ рублей серебромъ: но черезъ два мѣсяца экземпляръ исчезаетъ и, вмѣстѣ съ остальными, поступаетъ въ мѣшки букинистовъ и на столики мелочныхъ книжныхъ торговцевъ, которые и продаютъ его копеекъ по 30 серебромъ.

«Любовь Музыканта» отличается отъ всѣхъ другихъ романовъ этой категоріи тѣмъ, что его дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ-Острову, и что онъ написанъ тоже на Васильевскомъ-Острову. Это ясно значится изъ посвященія, которое, по оригинальности, выписываемъ здѣсь:

„Моему отцу"

„За жизнь, вполнѣ отданную службѣ для блага семейства; за горячее чувство, которое неизмѣнно, въ теченіе болѣе шестидесяти лѣтъ, руководило васъ въ великомъ семейномъ дѣлѣ и поставило въ числѣ почетнѣйшихъ родителей, за любовь къ покойной нашей матери; за жизнь нѣсколькихъ лицъ, которымъ она мила съ ея печалями и радостями, плодъ прекраснѣйшихъ минутъ

вашего сына
Андрея.

31 мая 1841 года.
Васильевскій-Островъ.»

Къ не малому отличію «Любви Музыканта» отъ прочихъ романовъ принадлежитъ еще и то, что почти всѣ его герои и героини—нѣмцы Васильевскаго-Острова. Это придаетъ роману особенный интересъ: извѣстно, что нѣмцы, особенно живущіе на Васильевскомъ-Острову, народъ пламенный, идеальный, хотя съ виду и весьма-тихій и даже холодный. Къ первой части романа приложена гравированная виньетка, на которой представлена дѣва въ греческомъ костюмѣ, т. е. въ хламидѣ: у ногъ ея лира; передъ дѣвою столбикъ въ ящикѣ, что, вѣроятно, должно означать надгробный памятникъ; на шеѣ дѣвы ожерелье, на головѣ вѣнокъ, а надъ всѣмъ этимъ, вверху, лучи заходящаго солнца. Романъ стóитъ виньетки, и виньетка стóитъ романа.

***672 II Письмо на Луну. III Письмо на Луну.** Санктпетербургъ, 1842. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней стражи. Въ 4-ю д. л. 29—42 стр. [341])

«Сплетни», о которыхъ мы говорили въ предъидущей книжкѣ, превратились въ «Письма на Луну», ничего не выигравъ отъ этого превращенія. Въ нихъ помѣщаются очерки петербургскихъ нравовъ, извѣстія, анекдоты и остроты. Очерки не то, чтобъ дурны, да и не то, чтобъ хороши, а такъ серёдка на половинѣ, какъ говорится. Впрочемъ, главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ мало русскаго и петербургскаго, и что они сильно смахиваютъ на парижскіе поль-де-коковскіе очерки. Кто прочтетъ «Искателя Обѣдовъ», тотъ согласится съ нами. Что касается до извѣстій, особенно ученыхъ, они какъ-то неумѣстны въ подобномъ изданіи; анекдоты пахнутъ страшною стариною, а остроты не всегда остры и часто даже плосковаты. Впрочемъ, это изданіе сносно, ибо не отличаясь никакими положительными достоинствами, оно и не поражаетъ пошлостію. Отъ нечего-дѣлать, можно пересматривать такіе листки, какъ газету, которая читается за кофе и не требуетъ отъ читателя ни вниманія, ни размышленія.

***673. Общая реторика.** *Н. Кошанскаго.* Изданіе седьмое. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8 д. л. 118 стр. [342])

«Словесныя науки (говоритъ сочинитель этой реторики) дѣлятся на три главныя части: *грамматику*, *реторику*, *поэзію* (?!..) и граничатъ съ *эсте-*

тикою (??!!). Всѣ онѣ разсматриваютъ *даръ слова, силы его* и *дѣйствія;* но каждая имѣетъ *свой* предметъ, *свою* цѣль, *свои* предѣлы. Каждая, какъ наука, имѣетъ свою *теорію*, и какъ искусство, свою *практику*».

Доселѣ, мы думали, что *поэзія* есть искусство, и что нѣтъ на свѣтѣ науки, которая называлась бы *поэзіею*, но г. Кошанскій открылъ намъ глаза. Благодаря ему, мы теперь знаемъ, что есть наука, называемая *поэзіею*. Впрочемъ, открытіе г. Кошанскаго только въ-половину ново: и до него знали всѣ, что есть что-то въ родѣ науки, называемое *піитикою;* стало-быть, г. Кошанскому принадлежитъ только честь переименованія *піитики* въ *поэзію*. Но что̀ значатъ его слова, что словесныя науки, т. е. грамматика, реторика и поэзія, *граничатъ съ эстетикою?* И что такое разумѣетъ онъ подъ «эстетикою»?—«Въ эстетикѣ (говоритъ онъ) хранятся *мечтательныя начала* не только словесныхъ наукъ, но и всѣхъ искусствъ изящныхъ». Итакъ, эстетика, по опредѣленію г. Кошанскаго, есть кладовая, въ которой хранятся *мечтательныя начала* всѣхъ изящныхъ искусствъ! Чего же лучше?

«Грамматика, занимаясь словами, разсматриваетъ ихъ 1) порознь *(этимологія)*, 2) въ связи *(синтаксисъ)*, 3) въ начертаніи *(орѳографія)*, 4) въ произношеніи *(просодія)*. *Поэзія*, какъ преимущественный органъ чувствованій, выражаетъ ихъ 1) въ лицѣ самого поэта *(лирическая)*, 2) въ другихъ лицахъ, поэтомъ созданныхъ *(драматическая)*.

Какъ много сказано въ немногихъ словахъ! Во-первыхъ, мы узнаемъ, что поэзія есть преимущественный органъ чувствованій; потомъ, что *лирическая* поэзія выражаетъ чувствованія въ лицѣ самого поэта, *драматическая*—въ другихъ лицахъ, созданныхъ поэтомъ, а *эпическая* ничего не выражаетъ, почему г. Кошанскій и не упомянулъ о ней... Но далѣе—

«*Реторика*, имѣя предметомъ мысли, показываетъ: 1) откуда онѣ почерпаются *(изобрѣтеніе)*, какъ приводятся въ порядокъ *(расположеніе)*, 3) какъ излагаются *(выраженіе мыслей)*. Итакъ...

«Реторика (вообще) есть наука *изобрѣтать*, *располагать* и *выражать* мысли, и (въ-особенности) руководство къ познанію всѣхъ прозаическихъ сочиненій».

Удивительная наука—эта реторика г. Кошанскаго! Человѣкъ, на-примѣръ, ограниченъ отъ природы, или просто глупъ, ничему не учился, ни о чемъ не думалъ, и между-тѣмъ хочетъ быть сочинителемъ: вы думаете, не быть ему сочинителемъ, нельзя ему быть сочинителемъ? Ошибаетесь: ему сто́итъ только выучить наизусть реторику г. Кошанскаго—и онъ будетъ знатнымъ сочинителемъ. Что́ за нужда, что у него нѣтъ мыслей! Г. Кошанскій научитъ его *изобрѣтать* мысли, и притомъ самымъ простымъ образомъ: именно по вопросамъ: *quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?* А ужь если мысли *изобрѣтены*, то выучиться *располагать* и *выражать* ихъ—сущіе пустяки!..

*674. **Колосья.** *В. М.* Снопъ первый. Санктпетербургъ. 1842 (сентябрь). Въ типографіи Санктпетербургской Городской Полиціи. Въ 32-ю д. л. 54 стр. [313])

Удивительно, до какой степени способна ухищряться наша книжная промышленность! Прочтя въ одной газетѣ объявленіе объ этой книжонкѣ, съ поименованіемъ заключающихся въ ней статей, мы сами подумали-было, что она должна быть нѣчто въ родѣ альманаха, который, судя по множеству статей, какъ бы коротки онѣ ни были, могъ состоять листовъ изъ десяти печатныхъ. То же самое, вѣрно, подумали и многіе читатели, особенно провинціальные,—изъ чего и бился неизвѣстный сочинитель..! Ловокъ, нечего сказать! Но мы предупреждаемъ читателей, что это книжонка въ 32-ю д. л., въ 54 странички, слѣдовательно не заключающая въ себѣ и *одного* печатнаго листа, хотя и состоящая болѣе, нежели изъ *сорока* статеекъ. Каковы же должны быть эти статьи, и что̀ въ нихъ?—Статьи (если только ихъ можно назвать статьями) очень-пусты по содержанію и очень-плохи по изложенію. Но это еще не послѣднее ихъ достоинство; лучше всего въ нихъ, какъ и въ *идеѣ* самой книжки, то, что ихъ сочинитель съ успѣхомъ идетъ по слѣдамъ г. Булгарина, сочинителя «Комаровъ». Мало того, что вся эта книжка есть явное подражаніе «Комарамъ» г. Булгарина, которые въ свою очередь суть жалкое подражаніе остроумнымъ «Осамъ» Альфонса Карра,—въ ней перепечатаны даже нѣкоторыя статейки изъ «Комаровъ», такъ же, какъ перепечатано много подобнаго вздору изъ разныхъ старыхъ журналовъ и газетъ. Оригинальныя же, неперепечатанныя статейки, принадлежащія самому неизвѣстному сочинителю, такъ и дышатъ меркантильнымъ духомъ. На-прим., въ одной изъ нихъ онъ съ жаромъ нападаетъ на изданія тетрадями, par livraisons, предостерегая отъ ихъ искушенія ту самую публику, которую онъ самъ стремится искусить своими тощими колосьями, какимъ-то страннымъ образомъ связанными *въ снопъ!* Но чѣмъ навлекли на себя его гоненіе ливрезонныя изданія—трудно понять. Изданія эти, напротивъ, очень полезны, когда дѣло идетъ о хорошихъ и дорогихъ книгахъ, ибо и недостаточнымъ людямъ даютъ возможность, безъ отягощенія, какъ-бы незамѣтно, пріобрѣтать важныя сочиненія. Жаль только, что у насъ издаютъ ливрезонами не важныя по содержанію, а только красивыя по наружности книги: вотъ противъ этого можно было бы вооружиться! Но и тутъ не безъ исключенія: «Шекспиръ» г. Кетчера издается *почти* ливрезонами: сюда же должно отнести полезную книгу Дефо, издаваемую г. Корсаковымъ, книгу въ которой и роскошь изданія полезна, ибо эта книга издается для дѣтей. «Робинзонъ Крузо» Дефо, выходящій въ шести ливрезонахъ по отношенію къ красивости изданія, гораздо-легче для покупки, нежели плохая книжонка Кампе, посредственно-переведенная и на дурной сѣрой бумагѣ, изданная съ двумя картинками, а между-тѣмъ стоящая *два рубля серебромъ*... «Робинзонъ», издаваемый г. Корсаковымъ, дороже цѣлыми тремя рублями, но зато онъ, по объему, впятеро больше «Робинзона» Кампе, и въ немъ не *двѣ*,

а *двѣсти* картинокъ, да, въ-добавокъ, онъ и изданъ великолѣпно, роскошно. Гдѣ же тутъ вредъ? мы видимъ только пользу!

Въ одной изъ статеекъ, не перепечатанныхъ, но принадлежащихъ собственному изобрѣтенію собирателя «Колосьевъ», этотъ собиратель нападаетъ на журналы, въ которыхъ статьи печатаются безъ подписи именъ писавшихъ ихъ. Какая дѣтская нападка! Какъ-будто дѣло не въ статьѣ, а въ имени, которое подъ ней подписано! Давно бы, кажется, пора нашей литературѣ выйти изъ пеленокъ, а нашимъ литераторамъ отстать отъ ребяческаго удовольствія видѣть свое имя подъ всякою своею статьею и статейкою! Только въ дрянныхъ газетахъ ненарушимо соблюдается правило подъ всякою рецензіею (даже о какомъ-нибудь давно-вышедшемъ альбомѣ съ крадеными стихотвореніями и разнымъ вздоромъ) подписывать полныя имена или заглавныя буквы именъ. Нашъ собиратель приписываетъ обыкновеніе не подписывать именъ подъ мелочными рецензіями самолюбивому разсчету редакторовъ, желающихъ присвоивать себѣ себѣ чужіе труды! «Непосвященные въ таинства журнальнаго механизма (говоритъ онъ) *изумляются*, какъ редакторъ журнала успѣлъ въ теченіе мѣсяца перечитать столько книгъ, обсудить ихъ и написать обо всѣхъ мнѣніе. Да, въ самомъ дѣлѣ удивительно!».—Мало ли что удивительно на свѣтѣ! Но кто же можетъ думать, что одинъ литераторъ можетъ самъ и одинъ писать о книгахъ различнаго содержанія—и о романахъ, и хозяйственныхъ, и о медицинскихъ, о которыхъ его журналъ ежемѣсячно отдаетъ отчетъ публикѣ. Всѣмъ сколько-нибудь образованнымъ людямъ извѣстно, что у каждаго редактора есть сотрудники по разнымъ частямъ.

По словамъ собирателя «Колосьевъ», когда редактора спрашиваютъ, кто написалъ такую-то прекрасную статью,—онъ отвѣчаетъ: *я*, а когда о той же статьѣ спрашиваютъ его, кто написалъ такую вздорную статью,—онъ отвѣчаетъ: «мой сотрудникъ; я не хотѣлъ печатать статьи, да пристаетъ—безотвязный такой—надоѣлъ ужасно... и я для того только напечалъ статью, чтобъ отвязаться отъ него». Хорошъ же редакторъ, самъ сознающійся, что печатаетъ глупости въ своемъ журналѣ по какимъ-то особымъ причинамъ! Собирателю «Колосьевъ» можно, конечно, на-слово повѣрить, что такіе редакторы бываютъ на свѣтѣ; онъ не можетъ не знать ихъ: судя по *идеѣ* и тону его книжки, нельзя не замѣтить, что онъ довольно обращался съ ними, и самъ, при случаѣ, можетъ быть очень-недурнымъ редакторомъ въ этомъ родѣ...

Да и какъ, въ самомъ-дѣлѣ, не повѣрить возможности существованія редакторовъ, которые не только не стыдятся присвоивать себѣ чужія статьи, но не стыдятся еще ругать сочиненія, печатаемыя въ ихъ собственномъ журналѣ,—какъ не повѣрить возможности существованія такихъ редакторовъ, когда часто случается видѣть, какъ иные сотрудники перебѣгаютъ изъ одного журнала въ другой, ссорятся съ новыми своими патронами, передъ которыми вчера еще печатно ползали и изгибались, потомъ мирятся съ ними, потомъ снова перебраниваются?.. Эти «почтеннѣйшіе», какъ видно, люди незлопамятные и

всегда готовы, пожимая, послѣ пріятельской потасовки, руки другъ другу, спрашивать одинъ другого:

Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ?..

Между такими людьми, въ такомъ «почтеннѣйшемъ» обществѣ—какихъ редакторовъ и какихъ сотрудниковъ не бываетъ!.. [314])

675. Литературныя и журнальныя замѣтки. [315])

Литература и ея успѣхи тѣсно связаны съ книжною торговлею и ея успѣхами. Иногда литература можетъ находиться въ состояніи бездѣйствія и апатіи именно потому, что литераторамъ негдѣ помѣщать свои произведенія и нѣтъ средствъ издавать ихъ отдѣльно. Чтобъ посвятить всего себя литературѣ, необходимо въ своей же литературной дѣятельности найти и средства къ своему существованію. Исключеніе остается только за людьми богатыми, которыхъ богатство не зависитъ ни отъ службы, ни отъ торговли, ни отъ другаго постояннаго занятія, отнимающаго время и силы, необходимыя для работъ литературныхъ. Въ наше время, эта мысль—аксіома; слѣдственно, нѣтъ никакой нужды ни развивать, ни доказывать ее. Торговля не унижаетъ и не можетъ унижать таланта, потому-что въ обществѣ все торговля, т. е. обмѣнъ труда на деньги, представляющія собою цѣнность вещей. Назадъ тому лѣтъ десять съ небольшимъ, понятіе о платѣ за литературный трудъ заключало въ себѣ что-то соблазнительное, неприличное и унизительное, такъ-что, когда основалась «Библіотека для Чтенія», одинъ литераторъ написалъ статью «Литература и Торговля», или что-то въ этомъ родѣ. [316]) А въ старыя добрыя времена нашей литературы (до самаго Пушкина), журналы наши издавались *даромъ*, и всѣ расходы издателей ограничивались только платой за типографскую работу и бумагу. Писатели были народъ бѣдный, а книгопродавцы наживались. Это происходило отъ дурно-понятаго барства, которое боится труда, какъ униженія, а платы за трудъ, какъ позора. Литераторы занимались литературою, какъ благороднымъ, пріятнымъ и даже полезнымъ развлеченіемъ, и въ этомъ выразилось совершенно-дѣтское понятіе о литературѣ. Наше время называютъ, въ похвальное отличіе отъ этого добраго стараго времени, *торговымъ*: мы думаемъ, что его слѣдовало бы въ этомъ отношеніи, называть *умнымъ*. Бывало, какой-нибудь смѣтливый книгопродавецъ наберетъ томовъ пять, или, пожалуй, и десятокъ, чужихъ сочиненій, хорошихъ и дурныхъ, да и выдастъ ихъ подъ громкимъ и заманчивымъ титуломъ «образцовыхъ сочиненій». Что же? Тѣ, чьи сочиненія попали въ сборникъ, не могли нарадоваться чести, которой ихъ удостоили; а тѣ, которые не попали въ *образцовые*, считали себя обиженными. Въ журналистикѣ было то же самое: только печатай журналистъ, а статей и переводныхъ и оригинальныхъ нанесутъ ему множество! И все это «изъ славы», ибо не только подъ всякою стихотворною дребеденью (шарадою, мадригаломъ,

рондо, и т. п.) подписывалось имя, но и подъ всякимъ переводцемъ, хотя бы въ страничку величиною, чётко и ясно печаталось: «перевелъ такой-то». Видѣть свое имя въ печати—Боже мой! это такая радость, такая честь, такая слава, что о трудѣ и потерянномъ времени хлопотать не стóитъ! Да и много ли тогда нужно было труда и времени: переведите съ французскаго статейку, скропайте мадригалъ или рондо,—вотъ и извѣстность и слава по-крайней-мѣрѣ на десять лѣтъ, потому-что и статейку и рондо забывали, а *литераторомъ*, *писателемъ*, да еще *образцовымъ* и *первоклассным*ъ величать не переставали. Теперь не то: теперь только развѣ школьники, безбородые отроки готовы забыть и ученье, и службу, и все на свѣтѣ, ради чести видѣть въ печати свое имя; да и тѣ уже, гоняясь за славою, стороною все-таки заводятъ рѣчь о томъ, «по сколько съ листа». Кто же успѣлъ раза два пройтись бритвою по своему юному подбородку, тотъ ужъ о славѣ и не упоминаетъ, а прямо начинаетъ—съ денегъ. Онъ знаетъ, что теперь зашибить славу довольно трудненько, и что для рѣдкихъ она является благоухающимъ ѳиміамомъ, для большей части бываетъ дымомъ, который выѣдаетъ глаза и производитъ тошноту, особенно въ пустомъ желудкѣ. Что въ наше время много людей, которые пишутъ для однихъ денегъ, безъ познаній, безъ таланта, безъ призванія,—это правда; но что жъ до этого? Если тутъ и зло, то зло необходимое. Развѣ можно требовать уничтоженія вина, потому-что на свѣтѣ много пьяницъ?.. Истинный талантъ и въ наше время не станетъ писать для денегъ, хотя безъ денегъ и не захочетъ отдавать своего труда другимъ. Истинный талантъ не скажетъ себѣ: «денегъ нѣтъ, дай-ка что-нибудь напишу»; нѣтъ, онъ продастъ уже сдѣланное, написанное не для денегъ. Нужда въ деньгахъ можетъ заставить его только не терять времени на написаніе того, что̀ свободно возникло и развилось въ фантазіи, или умѣ его, и что̀ осталось ему только положить на бумагу. Да и тутъ желаніе сдѣлать получше часто бываетъ причиною продолженія стѣсненнаго положенія...

Никто не сомнѣвается, что цвѣтущее состояніе книжной торговли, какъ средство обезпеченія трудовъ писателей, много значитъ и для цвѣтущаго состоянія литературы; но едва ли кто, кромѣ «Сѣверной Пчелы» (зри № 227), рѣшится утверждать, что капиталистъ-книгопродавецъ можетъ создать литературу своими деньгами! Если цвѣтущее состояніе книжной торговли помогаетъ процвѣтанію литературы, то и цвѣтущее состояніе литературы помогаетъ процвѣтанію книжной торговли: это круговая порука, тутъ все дѣло во взаимодѣйствіи. Деньги поддерживаютъ литературу, но не создаютъ ея: иначе, литература была бы слишкомъ пошлымъ явленіемъ въ жизни. Источникъ литературы—духъ, геній, разумъ, историческое положеніе общества...

Всему Петербургу извѣстно теперь, что новый книгопродавецъ г. Ольхинъ открываетъ большой книжный магазинъ на Невскомъ Проспектѣ. Владѣя значительнымъ капиталомъ и находясь въ связяхъ со всѣми петербургскими книгопродавцами, онъ дѣйствительно можетъ многое сдѣлать, и отъ него многаго

можно надѣяться—въ отношеніи къ поддержанію упадавшаго кредита публики къ книгопродавцамъ, но отнюдь не относительно оживленія мертвой русской литературы, какъ увѣряетъ «Сѣв. Пчела». Г. Ольхинъ можетъ довершить тотъ спасительный переворотъ, который начатъ въ недавнее время г-мъ Ивановымъ. Всей русской читающей публикѣ извѣстно, какъ г. Ивановъ началъ свое книгопродавческое поприще:—скромно, почти безъ всякихъ средствъ, кромѣ собственной дѣятельности, расторопности, усердія и честности,—началъ съ управленія конторою «Отеч. Записокъ», и вотъ теперь онъ уже едва ли не лучшій русскій книгопродавецъ. Онъ коммиссіонеръ почти всѣхъ провинцій Россіи, и его оборотъ уже весьма значителенъ. А спросите его, какъ достигъ онъ этого? Очень просто: надобно было только поступать честно съ своими корреспондентами. Напр., житель провинціи высылалъ къ нему деньги на покупку книгъ: онъ денегъ этихъ не бралъ себѣ, не бросалъ письма въ корзинку съ ненужными бумагами и не оставлялъ корреспондента своего безъ денегъ, безъ книгъ и безъ отвѣта на многократно-повторяемыя письма; онъ по первой же почтѣ отсылалъ требуемыя книги по *настоящей ихъ цѣнѣ*, а вмѣстѣ съ ними и счетъ, и отчетъ, и разсчетъ. Естественно, появленіе такого человѣка не могло не обрадовать иногородныхъ покупателей книгъ, ибо, кромѣ того, что никому не пріятно мучиться пустымъ ожиданіемъ и, вдобавокъ, потерять свои деньги,—всякому хотѣлось бы, особенно живя въ глуши, вò-время получить ожидаемую литературную новость. Г. Ивановъ понялъ, какъ много значитъ удовлетвореніе подобной потребности, началъ дѣйствовать сообразно съ этимъ,—и здѣсь-то причина его успѣховъ. Очень хорошо было бы, еслибъ на Руси развелось побольше такихъ книгопродавцевъ, какъ г. Ивановъ [317]). Вотъ почему нельзя не радоваться, слыша о появленіи новаго книгопродавца, на котораго можно полагать прочныя надежды. Если г. Ольхинъ оправдаетъ эти надежды,—въ чемъ мы и не имѣемъ никакихъ причинъ сомнѣваться,—тогда честь нашей книжной торговли можетъ возстановиться вполнѣ. Его коммерческая оборотливость, подкрѣпляемая значительными денежными средствами, при честности, разсчетливости и аккуратности, можетъ дать новое движеніе дѣлу. А отъ этого не можетъ не быть своей пользы (до извѣстной степени) и бѣдствующей во всѣхъ отношеніяхъ русской литературѣ. Но съ этой-то стороны и должно г. Ольхину показать себя; это будетъ пробнымъ камнемъ его книгопродавческаго умѣнья. Если онъ, по примѣру иныхъ, сдѣлается исключительнымъ поборникомъ какой-нибудь литературной партіи, будетъ скупать у нея разный хламъ, безполезно тратясь на его изданіе, то въ этомъ не будетъ пользы ни для литературы, ни для книжной торговли, ни, слѣдственно, для него-самого. Ничто такъ не вредитъ авторитету и выгодамъ книгопродавца, какъ изданіе лежалаго хлама выписавшихся сочинителей. Этимъ гарпіямъ то и на руку; но тутъ-то книгопродавецъ и долженъ держать, что-называется, ухо востро̀. Поставщики книжнаго товара, потерявшіе уже кредитъ въ публикѣ, которую когда-то удавалось имъ поддѣвать, тотчасъ провѣдаютъ о деньгахъ новаго книгопродавца и явятся къ

нему съ предложеніемъ своихъ услугъ, станутъ навязывать ему свои продукты, плѣснѣющіе въ кладовыхъ, или отрекомендуютъ новыя, задуманныя ими спекуляціи на довѣренность публики, будутъ обѣщать хвалить его въ подручныхъ имъ газетахъ и журналахъ, если онъ приметъ ихъ предложенія, или ругать и преслѣдовать въ случаѣ отказа. Но пусть г. Ольхинъ не смущается ни этими угрозами, ни лестными обѣщаніями: они ровно ничего не значатъ! Исправность и честность въ исполненіи принятыхъ обязанностей—вотъ одно, что̀ можетъ доставить ему кредитъ въ публикѣ; продажныя похвалы никого поддержать не могутъ, равно-какъ и брань обманутаго въ разсчетахъ своихъ корыстолюбія не уронитъ честнаго и исправнаго книгопродавца. Передъ глазами много примѣровъ, какъ гибли книгопродавцы, убаюканные похвалами и обѣщаніями своихъ покровителей, которые, высосавъ изъ нихъ все, что̀ можно было высосать, послѣ сами же смѣялись надъ ними [31]). Первѣйшая обязанность книгопродавца—не приставать ни къ какой партіи, быть книгопродавцемъ, а не полемистомъ... Желаемъ отъ-души, чтобъ г. Ольхинъ принялъ къ свѣдѣнію эти совѣты наши, подаваемые ему съ самымъ чистымъ побужденіемъ.

«Сѣверная Пчела» извѣщаетъ еще, что г. Ольхинъ, по примѣру г. Смирдина, соединитъ въ одномъ толстомъ ежемѣсячномъ журналѣ труды *всѣхъ* русскихъ литераторовъ. Не знаемъ, до какой степени было бы полезно русской литературѣ соединеніе трудовъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; но знаемъ достовѣрно, что это соединеніе—дѣло рѣшительно-невозможное, особенно въ настоящее время. «Сѣв. Пчела» *фактически* ошибается, утверждая, будто подобное соединеніе существовало когда-то въ «Библіотекѣ для Чтенія». Самое сильное соединеніе въ этомъ родѣ было въ первомъ (1834) году изданія «Б. для Ч.»; но и тогда оно было соединеніемъ трудовъ далеко не всѣхъ русскихъ литераторовъ; въ ней совсѣмъ не участвовали гг. Гоголь, Лажечниковъ, Н. Ф. Павловъ, М. Г. Павловъ, Вельтманъ, Даль, Плетневъ, Н. Полевой, Надеждинъ, Андросовъ и многіе другіе. Мало того, что еще въ томъ же 1834 году издавались «Телеграфъ» и «Телескопъ», имѣвшіе своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, которые не очень интересовались честью красоваться на страницахъ «Б. для Ч.»,—въ 1835 году основался еще новый журналъ «Московскій Наблюдатель», и основался именно для того, чтобъ цѣлой части русскихъ литераторовъ было гдѣ печатать свои статьи. Но теперь мысль о подобномъ соединеніи еще несбыточнѣе: теперь издается въ Россіи нѣсколько журналовъ, соединяющихъ въ себѣ труды одинаково-мыслящихъ литераторовъ, которые и сами не захотятъ участвовать въ журналѣ, чуждомъ ихъ убѣжденію; да еслибъ и захотѣли, то для журнала отъ этого мало было бы прибыли, ибо изъ ихъ соединенныхъ трудовъ вышелъ бы престранный дивертиссманъ. Но этого не можетъ быть, во-первыхъ, потому-что не всѣ же русскіе литераторы готовы съ аукціона продавать свою дѣятельность, или для денегъ дробить и растягивать ее на нѣсколько журналовъ; а во-вторыхъ, не всѣ же изъ существующихъ журналовъ издаются *даромъ*: между ними навѣрное найдется хоть одинъ, который платитъ

за статьи... Сверхъ-того, если бы и возможно было соединить въ одномъ періодическомъ изданіи труды всѣхъ русскихъ литераторовъ,—изъ этого изданія вышелъ бы еще только сборникъ, а не журналъ. Журналъ составляетъ *мнѣніе*, а не сборъ случайно-набранныхъ статей. За мнѣніе журнала можетъ ручаться только имя редактора, а мы знаемъ наперечетъ имена всѣхъ русскихъ литераторовъ... Кто же будетъ редакторомъ журнала г. Ольхина? Это вопросъ, безъ рѣшенія котораго нечего и говорить о журналѣ. Пожалуй, найдется и редакторъ, и журналъ будетъ съ мнѣніемъ,—но съ *какимъ?*—вотъ еще вопросъ!.. Если мнѣніе новаго журнала будетъ состоять въ томъ, что Сократъ былъ плутъ, что умъ человѣческій—надувало, что греки раскрашивали свои мраморныя изваянія, что историческій романъ есть незаконный плодъ прелюбодѣянія исторіи съ поэзіей, что «Мертвыя Души» Гоголя—плоское и бездарное произведеніе, а «Сердце Женщины» г. Воскресенскаго—превосходный романъ, такъ, какъ нѣкогда «Ледяной Домъ» г. Лажечникова очутился плохимъ романомъ, а «Постоялый Дворъ» г. Степанова—колоссальнымъ созданіемъ; если... но этимъ «если» не было бы конца [319]). Скажемъ коротко, что если таково будетъ мнѣніе новаго журнала,—то прошла уже безвозвратно пора такимъ мнѣніямъ и такимъ журналамъ. Публика уже не та, и ее нельзя, какъ прежде, увѣрить криками и воплями въ пріятельскомъ фельетонѣ. Вѣдь «Сѣверная Пчела» увѣряла же, что «Русскій Вѣстникъ» (остановившійся въ нынѣшнемъ году на *четвертой* книжкѣ, тогда какъ другіе журналы издали свои одиннадцатыя книжки),—лучшій изъ всѣхъ современныхъ журналовъ, и что хуже «Отеч. Записокъ» не было и нѣтъ на Руси журнала; публика разсудила же иначе!..

Въ № 133 той же «Сѣвер. Пчелы» прочли мы фельетонъ, преисполненный удивительными вещами. Рѣчь идетъ, между прочимъ, о г. Полевомъ. О немъ сказано тутъ весьма-много новаго и поучительнаго,—напр. что «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами»—фарсъ, который основанъ на нелѣпости (ab absurdo), но который позволяли себѣ первѣйшіе драматурги,—какіе именно, не сказано, почему мы и думаемъ, что это тонкій намекъ на «Шкуну Нюкарлеби» соч. г. Булгарина... Въ этомъ фарсѣ, фельетонистъ нашелъ—что бы вы думали?—идею, да еще презабавную!!!... Потомъ, мы узнаёмъ изъ фельетона, что никто такъ не понялъ смысла народной русской драмы и современной потребности (въ чемъ—неизвѣстно!), какъ Н. А. Полевой; далѣе, что онъ отличается въ *женскихъ роляхъ;* потомъ, что г. Краевскій не имѣетъ права судить о драмахъ г. Полеваго, ибо самъ не написалъ ни одной драмы!!!... Это, должно быть, ужь насмѣшка надъ читателями «Сѣв. Пчелы». Бѣдные! въ нихъ не предполагается и столько здраваго смысла, чтобы понять, что право критики дается способностію къ критикѣ, а не способностію или охотою дѣлать то же, что̀ дѣлали критикуемые авторы. Иначе, кто же бы сталъ критиковать Шекспира?—неужели г. Полевой, сочинитель «Параши», «Елены Глинской», «Комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» и подобныхъ

«драматическихъ представленій»?.. Или не господинъ ли Булгаринъ, сочинитель «Шкуны Нюкарлеби»? И притомъ, неужели, чтобы оцѣнить критически дюжину плохихъ сценическихъ фарсовъ, надо самому написать дюжину такихъ же фарсовъ? Помилуйте! это-то бы и значило лишить себя всякаго права заниматься критикою... Но—извините, мы заговорились, забыли, что подобныя истины новы и неслыханны только для «Сѣв. Пчелы», и развѣ еще для тѣхъ, кто добродушно вѣритъ ея мнѣніямъ... За этими «мнѣніями» о драматическихъ заслугахъ г. Полеваго, слѣдуетъ оригинальное, по искренности и нецеремонности, мнѣніе о его личномъ характерѣ. Вотъ оно:

„Г. Полевой большой охотникъ спорить, и ничего не пропуститъ, чтобы не кольнуть своимъ критическимъ перомъ. Это не отъ сердца, а такъ отъ привычки! У меня былъ пріятель нѣмецъ (теперь покойникъ), котораго я въ шутку назвалъ Herr Aber, то есть господинъ *Но*. О чемъ бывало ни заговоришь, онъ во всемъ найдетъ aber!—Какая прелестная погода—„Да, aber (но) къ вечеру можетъ перемѣниться“.—Кушайте это блюдо, не правда ли, что оно вкусно.—Да, вкусно, aber (но) дорого и можетъ быть не здорово“. Все это говорилъ мой покойный пріятель по привычкѣ. Такова была его манера. А воля ваша, Н. А. Полевой немножко *смахиваетъ* на моего пріятеля. Лишь только онъ за перо, ему тотчасъ является передъ глазами, какъ привидѣніе, огромное aber (но)“.

Умно, мило, граціозно, по-пріятельски, халатно!.. Именно такъ и должны писать другъ о другѣ русскіе сочинители—для отличія отъ русскихъ литераторовъ...

Конецъ фёльетона состоитъ въ похвалахъ повѣстямъ графа Соллогуба... Фёльетонисту самому показалось это странно,—и онъ увѣряетъ, что правда, одна только правда—больше ничего, заставила его хвалить писателя, котораго недавно бранилъ... Однако, въ-самомъ-дѣлѣ, что бы это значило?.. Ужъ не затѣваетъ ли нашъ фёльетонистъ толстаго ежемѣсячнаго журнала, для соединенія въ немъ трудовъ *всѣхъ* русскихъ литераторовъ, со включеніемъ и себя самого?.. Пріятное будетъ общество!..

Перерывая старые журналы (мы ищемъ въ нихъ матеріаловъ для составленія *полной* исторіи русской литературы и русской журналистики),[320]) мы нашли въ одномъ изъ нихъ, что въ-старину (недальше какъ въ 1825 году!) былъ на Руси журналистъ, который утверждалъ, что *Сахалинъ* есть полуостровъ; когда же его уличили въ невѣдѣніи географіи и доказали ему, что Сахалинъ—островъ, онъ отвѣчалъ: «да я тамъ не былъ, можетъ-быть, и островъ». Тотъ же журналистъ... Но пока довольно; мы еще поговоримъ о подвигахъ этого журналиста. Прекурьёзная исторія!.. [321])

***676. Сумерки.** Сочиненіе *Евгенія Баратынскаго*. Москва. 1842.
Стихотворенія *Евгенія Баратынскаго*. Двѣ части. Москва. 1835. [322])

Пытливый духъ изслѣдованія и анализа, по-преимуществу характеризующій новѣйшую эпоху человѣчества, проникъ въ таинственныя нѣдра земли, и по

ся словамъ начерталъ исторію постепеннаго формированія нашей планеты. Естествознаніе, еще прежде, чрезъ классификацію родовъ и видовъ явленій трехъ царствъ природы, опредѣлило *моментальное* [323]) развитіе духа жизни, отъ низшей его формы—грубаго минерала, до высшей—человѣка, существа разумно-сознательнаго. Все это богатство фактовъ, добытыхъ опытнымъ знаніемъ, послужило къ оправданію апріорныхъ воззрѣній на жизнь міроваго духа, и очевидно доказало, что жизнь есть развитіе, а развитіе есть переходъ изъ низшей формы въ высшую, и, слѣдовательно, что̀ не развивается, т. е. не измѣняется въ формѣ, пребывая въ однообразной неподвижности, то̀ не живетъ, то̀ лишено плодотворнаго зерна органическаго развитія, рождаясь и погибая чрезъ случайность и по законамъ случайности. Такое же зрѣлище представляютъ и историческія общества, ибо и они—или существуютъ по тому же вѣчному закону развитія, т. е. перехожденія изъ низшихъ формъ жизни въ высшія, или вовсе не существуютъ, потому-что одно фактическое, одно эмпирическое существованіе, какъ лишенное разумной необходимости, слѣдственно, случайное, равняется совершенному несуществованію: кто докажетъ теперь человѣку непросвѣщенному и необразованному, что Грецiя и Римъ существуютъ? —а между-тѣмъ, для человѣчества, они и теперь существуютъ несомнѣнно; кто не докажетъ всѣмъ и каждому, что Китай подлинно существуетъ?—а между тѣмъ Китай все-таки существуетъ для человѣчества меньше, чѣмъ китайскій чай...

Внимательное изслѣдованіе открываетъ, что и жизнь обществъ, такъ же какъ и жизнь планеты, на которой они обитаютъ, слагается изъ множества слоевъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, подобно разноцвѣтнымъ волнующимся лентамъ, отличается множествомъ слоистыхъ пластовъ. Пласты эти—поколѣнія, изъ которыхъ каждое, удерживая въ себѣ многое отъ предшествовавшаго поколѣнія, тѣмъ не менѣе и отличается отъ него собственнымъ колоритомъ, собственнымъ характеромъ, собственною формою и собственною физіономіею. Каждое послѣдующее поколѣніе относится къ предшествующему, какъ корень къ зерну, стебель къ корню, стволъ къ стеблю, вѣтвь къ стволу, листъ къ вѣтви, цвѣтъ къ листу, плодъ къ цвѣту. Но это сравненіе только относительно, только внѣшнимъ образомъ вѣрно, и не обнимаетъ сущности предмета: дерево совершаетъ вѣчно-однообразный кругъ развитія: выходя изъ зерна, оно зерномъ вновь становится, чѣмъ и оканчивается вся органическая его дѣятельность. По новѣйшимъ открытіямъ, жизненная сила и прототипъ каждаго растенія заключаются не только въ зернѣ, но и во всякомъ листкѣ его: отпадая и разносясь вѣтромъ, листья вновь являются деревьями, и черезъ нихъ нагія степи покрываются лѣсами. Но отъ листа дуба и родится дубъ, совершенно во всемъ подобный тому, отъ котораго произошелъ, и тѣмъ дубамъ, которые самъ произведетъ въ свою очередь. Стало-быть, здѣсь только повтореніе одного и того же типа во множествѣ одинаковыхъ его проявленій; здѣсь, стало-быть, то или другое дерево—явленія совершенно-случайныя, а важна только идея *рода* дерева, который, возникши разъ, вѣчно повторяетъ себя

черезъ однообразный процессъ органическаго развитія. Не таково общество: никто не помнитъ его историческаго начала, теряющагося въ туманной дали безсознательнаго младенчества; никто не скажетъ, гдѣ конецъ его развитія, ни того, что̀ будетъ съ нимъ завтра, судя по вчера. И между-тѣмъ, хотя его *завтра* и всегда заключено въ его *вчера*, однако *завтра* никогда не походитъ на *вчера*, если только общество живетъ *историческою*, а не одною *эмпирическою* жизнію.

Цѣлый циклъ жизни отжила наша Русь, и, возрожденная, преображенная Петромъ-Великимъ, начала новый циклъ жизни. Первый продолжался болѣе *восьми* вѣковъ; отъ начала втораго едва прошло *одно* столѣтіе: но, Боже мой, какая неизмѣримая разница въ значеніи и объемѣ жизни, выраженныхъ этими *во семью* вѣками и этимъ *однимъ* вѣкомъ! Иногда въ жизни одного человѣка бываетъ день такого полнаго блаженства и такого глубокаго смысла, что передъ этимъ днемъ всѣ остальные годы жизни его, какъ бы многочисленны ни были, кажутся только мгновеніемъ какого-то темнаго, смутнаго тяжелаго сна. То̀ же самое бываетъ и съ народами; то̀ же самое было и съ Русью. Здѣсь мы опять должны сдѣлать оговорку, чтобъ добрые люди, любящіе толковать навыворотъ чужія мысли, не вздумали *буквально* понять нашего сравненія: единичный человѣкъ (индивидуумъ) и народъ—не одно и то же, такъ же, какъ и счастливый день въ жизни человѣка и великая эпоха въ исторіи народа—не одно и то же. Подвигъ Петра-Великаго не ограничился днями его царствованія, но совершался и послѣ его смерти, совершается теперь, и будетъ безконечно совершаться въ грядущихъ временахъ, и все въ болѣе-громадныхъ размѣрахъ, все въ бо̀льшемъ блескѣ и бо̀льшей славѣ... И до Петра-Великаго текло время, и поколѣнія смѣнялись поколѣніями; но эта смѣна состояла только въ томъ, что старики умирали, и дѣти заступали ихъ мѣсто на аренѣ жизни, а не въ живой послѣдовательности живыхъ идей. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, а идеи оставались все тѣ же, и послѣдующее поколѣніе такъ же походило на предшествующее, какъ одинъ листокъ походитъ на тысячи другихъ листьевъ одного и того же дерева. Правнукъ вѣнчался въ нарядномъ кафтанѣ прадѣда, а внучка въ той же тѣлогрѣйкѣ, въ которой вѣнчалась ея бабушка, и все тѣ же тутъ свахи, тѣ же дружки, тѣ же пиры и проч... Ходъ времени измѣрялся круговращеніемъ планеты, ея вѣчною весною, за которою всегда слѣдовали лѣто, осень и зима, да еще лицами и именами, а не идеями,—случайными фактами, а не стройнымъ развитіемъ. Война или потрясала на время ввѣшнее благоденствіе государства, или укрѣпляла и расширяла его извнѣ, а внутри все оставалось неизмѣннымъ... Явился исполинъ-преобразователь, привилъ къ плодородной и дѣвственной почвѣ русской натуры зерно европейской жизни,—и съ-небольшимъ въ столѣтіе Русь пережила нѣсколько столѣтій. Развитіе Руси и доселѣ носитъ на себѣ отпечатокъ могучаго характера ея преобразованія; она ростетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ ея сказочные богатыри. Изъ многихъ сторонъ возьмемъ ближайшую къ предмету нашей статьи-

*

литературу по отношенію къ обществу—давно ли завелась она у насъ, а уже сколько слоевъ осѣлось на днѣ ея недавняго прошедшаго, сколько *поколѣній* рѣзко обозначилось въ сферѣ ея движенія! И теперь еще на Руси есть цѣлая публика, хотя и небольшая, которая отъ всей души убѣждена, что Ломоносовъ «нашихъ странъ Малербъ и Пиндару подобенъ», что Херасковъ—«нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, Россіи торжество, паденіе Казани», что Сумароковъ въ притчахъ побѣдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ далеко оставилъ за собою Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что съ этими тремя поэтами кончился цвѣтущій вѣкъ россійской словесности. Поклонники Державина уже холоднѣе къ нимъ, хотя все еще высоко ставятъ ихъ въ своемъ понятіи: извѣстно, что Державинъ съ горестью признавался, «сколь трудно соединить Хераскова съ силою стиховъ Петрова». Вообще, до Карамзина особенно трудно прослѣдить измѣненіе литературныхъ понятій въ поколѣніяхъ; но съ Карамзинымъ начинается совершенно-новая литература и совершенно-новое общество: къ стукотнѣ громкихъ одъ до того прислушались, что ужь больше писали и хвалили ихъ (и то по преданію), чѣмъ читали; плакали надъ «Бѣдною Лизою», твердили нѣжные стихи ея творца. «Пой во мракѣ тихой рощи, нѣжный, кроткій соловей», «Кто могъ любить такъ страстно» и пр.; зачитывали до лоскутовъ книжки умно, ловко и талантливо составляемаго имъ «Вѣстника Европы»; въ умныхъ, прекрасно, по своему времени, обработанныхъ стихахъ Дмитріева, думали видѣть бездну поэзіи... Литературное поколѣніе до Карамзина было *торжественное:* парадъ и иллюминація было неисчерпаемымъ источникомъ его вдохновеній, его громкихъ одъ. Остроумный Дмитріевъ мѣтко и ловко характеризовалъ это поколѣніе въ своей прекрасной сатирѣ «Чужой Толкъ». Слѣдовавшее за тѣмъ поколѣніе было *чувствительное:* оно охало, проливало токи слезны и воздыхало въ стихахъ и прозѣ. Любовь замѣнила славу, миртовые вѣнки вытѣснили лавровые, горлицы своимъ *томнымъ воркованіемъ* заглушали громкій клектъ орловъ. Права на любовь состояли въ нѣжности, въ одной нѣжности. Счастливый любовникъ восклицалъ своей *Хлоѣ:* «Мы желали— и свершилось!» Несчастный, отъ разлуки или отъ измѣны, кротко и умиленно говорилъ *милой* или *жестокой:*

Двѣ горленки укажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно, скажутъ:
«Онъ умеръ во слезахъ!»

Нравственность при всемъ этомъ не забывалась и шла своимъ путемъ. Для доказательства этого, стоитъ только упомянуть о стократы-знаменитой пѣснѣ: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ», которая оканчивается слѣдующею сентенціею:

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

Въ этомъ *чувствительномъ* періодѣ русской литературы есть, конечно, своя смѣшная сторона, и надъ нею довольно посмѣялись послѣдовавшіе за тѣмъ періоды, воспроизводя его въ «Эрастахъ Чертополоховыхъ» и тому подобныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ, болѣе или менѣе плоскихъ сатирахъ, какъ онъ самъ, въ «Чужомъ Толкѣ» зло подтрунилъ надъ предшествовавшимъ ему *торжественнымъ* періодомъ. Это круговая порука: въ томъ и состоитъ жизненность развитія, что послѣдующему поколѣнію есть что̀ отрицать въ предшествовавшемъ. Но это отрицаніе было бы пустымъ, мертвымъ и безплоднымъ актомъ, еслибъ оно состояло только въ уничтоженіи стараго. Послѣдующее поколѣніе, всегда бросаясь въ противоположную крайность, однимъ уже этимъ показываетъ и заслугу предшествовавшаго поколѣнія, и свою отъ него зависимость, и свою съ нимъ кровную связь: ибо жизненная движимость развитія состоитъ въ крайностяхъ, и только крайность вызываетъ противоположную себѣ крайность. Результатомъ ошибки двухъ крайностей бываетъ истина; однакожь эта истина никогда не бываетъ удѣломъ ни одного изъ поколѣній, выразившихъ собою ту или другую крайность, но всегда бываетъ удѣломъ третьяго поколѣнія, которое, часто даже смѣясь надъ предшествовавшими ему *торжественными* и *чувствительными* поколѣніями, безсознательно пользуется плодомъ ихъ развитія, истинною стороною выраженной ими крайности; а иногда, думая продолжать *ихъ* дѣло, творитъ новое, свое собственное, которое само-по-себѣ опять можетъ быть крайностію, но которое тѣмъ выше и превосходнѣе кажется, чѣмъ больше воспользовалось истинною стороною труда предшествовавшихъ поколѣній. Такъ Жуковскій—этотъ литературный Коломбъ Руси, открывшій ей Америку романтизма въ поэзіи, по-видимому дѣйствовалъ, какъ продолжатель дѣла Карамзина, какъ его сподвижникъ, тогда-какъ въ-самомъ-то дѣлѣ онъ создалъ свой періодъ литературы, который ничего не имѣлъ общаго съ карамзинскимъ. Правда, въ своихъ прозаическихъ переводахъ, въ своихъ оригинальныхъ прозаическихъ статьяхъ и бо̀льшей части своихъ оригинальныхъ стихотвореній, Жуковскій былъ не больше, какъ даровитый ученикъ Карамзина, шагнувшій дальше своего учителя; но истинная, великая и безсмертная заслуга Жуковскаго русской литературѣ состоитъ въ его стихотворныхъ переводахъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ и въ подражаніяхъ нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ. Жуковскій внесъ романтическій элементъ въ русскую поэзію: вотъ его великое дѣло, его великій подвигъ, который такъ несправедливо нашими аристархами былъ приписываемъ Пушкину. Но Жуковскій, нисколько не зависимый отъ предшествовавшихъ ему поэтовъ въ своемъ самобытномъ дѣлѣ введенія романтизма въ русскую поэзію, не могъ не зависѣть отъ нихъ въ другихъ отношеніяхъ: на него не могла не дѣйствовать крѣпость и полётистость поэзіи Державина, и ему не могла не помочь реформа въ языкѣ, совершенная Карамзинымъ. Карамзинъ вывелъ юный русскій языкъ на большую ровную дорогу изъ дебрей, тундръ и избитыхъ проселочныхъ дорогъ славянизма, схоластизма и педантизма; онъ возвратилъ ему свободу, естествен-

ность, сблизилъ его съ обществомъ. Но связь Карамзина и его школы (въ которой послѣ него первое и почетное мѣсто долженъ занимать Дмитріевъ) съ Жуковскимъ, заключается не въ одномъ языкѣ: пробудивъ и воспитавъ въ молодомъ и потому еще въ грубомъ обществѣ *чувствительность*, какъ *ощущеніе* (sensation), Карамзинъ, черезъ это самое, приготовилъ это общество къ *чувству* (sentiment), которое пробудилъ и воспиталъ въ немъ Жуковскій. Какъ ни безконечно-неизмѣримо пространство, отдѣляющее «Бѣдную Лизу», «Островъ Борнгольмъ» Карамзина, его же и Дмитріева нѣжные чувствительные пѣсни и романсы, отъ «Эоловой Арфы», «Кассандры», «Ахилла», «Не узнавай, куда я путь склонила», «Орлеанской Дѣвы» Жуковскаго; но общество не поняло бы послѣднихъ, еслибъ не перешло черезъ первыя. И этотъ переходъ былъ тѣмъ естественнѣе, что у самого Жуковскаго были пьесы *посредствующія* для такого перехода, какъ-то: «Людмила», «Свѣтлана», «Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ», «Пустынникъ», «Алина и Альсимъ» и т. п. Новый элементъ, внесенный Жуковскимъ въ русскую литературу, былъ такъ глубоко-знаменателенъ, что не могъ ни быть скоро понятъ, ни произвести скорыхъ результатовъ на литературу, и потому Жуковскаго величали *балладникомъ*, пѣвцомъ могилъ и привидѣній,—а подражатели его наводняли и книги и журналы чудовищными кладбищными балладами,—въ чемъ и заключается смѣшное этого періода русской литературы. Впрочемъ, Жуковскій такъ же виноватъ въ смѣшномъ этого періода, какъ Шекспиръ въ уродливыхъ и нелѣпыхъ нѣмецкихъ трагедіяхъ Грильпарцера, Раупаха, Шенка и подобныхъ имъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что смыслъ поэзіи Жуковскаго обозначился для общества позднѣе, уже при Пушкинѣ, а до-тѣхъ-поръ, особенно при началѣ поприща Жуковскаго, литература русская представляла собою смѣшеніе разныхъ элементовъ, новое и старое, дружно-дѣйствовавшее: Капнистъ допѣвалъ свои длинныя элегическія разсужденія въ стихахъ; Озеровъ сдѣлалъ изъ французской трагедіи все, что можно было сдѣлать изъ нея для Россіи, и въ лицѣ его французскій псевдоклассицизмъ совершилъ на Руси полный свой циклъ, такъ-что Озеровъ былъ у насъ послѣднимъ даровитымъ его представителемъ; Крыловъ продолжалъ созданіе народной басни; Пушкинъ (Василій) считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ; Батюшковъ, какъ талантъ сильный и самобытный, былъ неподражаемымъ творцомъ своей особенной поэзіи на Руси; князь Вяземскій былъ творцомъ особенной, такъ-называемой свѣтской поэзіи, и по-справедливости почитался лучшимъ критикомъ своего времени, бестящимъ, живымъ и несвязаннымъ классическою схоластикою, которая такъ много повредила критическому вліянію Мерзлякова на общество [324]). Съ появленіемъ Пушкина все измѣнилось, и новое поколѣніе рѣзче, чѣмъ когда-либо, отдѣлилось отъ стараго. Между прочими элементами началъ проникать въ русскую литературу элементъ историческій и сатирическій, въ которомъ выразилось стремленіе общества къ самосознанію. Пользуясь этимъ направленіемъ времени, нѣкоторые ловкіе литературщики съ успѣхомъ пустили въ ходъ разные нравоописательные, нрав-

ственно-сатирическіе и исправительно-историческіе романы и повѣсти, которые будто-бы изображали Русь, но въ которыхъ русскаго было—одни собственныя имена разныхъ совѣстдраловъ и резонёровъ. Но тутъ были и достойныя уваженія исключенія, изъ которыхъ самое яркое—романы и повѣсти талантливаго, но не развившагося Нарѣжнаго. Въ Гоголѣ это направленіе нашло себѣ вполнѣ достойнаго и могучаго представителя.

Но мы здѣсь пишемъ не исторію русской литературы, а только слегка обозначаемъ моментальную послѣдовательность общественнаго развитія, которое въ каждомъ поколѣніи имѣло своего представителя. Еще и теперь есть люди, которые съ восторгомъ повторяютъ монологи изъ «Димитрія Самозванца» и «Хорева», и даже печатаютъ восторженныя книжки о поэтическомъ геніи Сумарокова: эти люди—утлые остатки нѣкогда-юнаго, живого и многочисленнаго поколѣнія: въ ихъ хриплomъ старческомъ голосѣ, въ ихъ запоздалыхъ восторгахъ, слышится голосъ невозвратно-прошедшаго для насъ времени. Другіе издыхаютъ о «Титовомъ Милосердіи», «Рославлѣ» и «Сбитеньщикѣ» Княжнина, говоря про-себя: «что теперь пишутъ—и читать нечего!» Третьи со слезами на глазахъ, но уже не споря, говорятъ равнодушному новому поколѣнію о томъ, что послѣ «Эдипа», «Димитрія Донскаго», «Поликсены» и «Фингала» не зачѣмъ и ѣздить въ театръ. Есть люди, для которыхъ русская поэзія умерла съ Ломоносовымъ и Державинымъ, и которые хотя не оспориваютъ заслугъ Жуковскаго, однако и неохотно говорятъ о нихъ. Есть люди, которые не иначе могутъ восхищаться Жуковскимъ, какъ отрицая всякое поэтическое достоинство въ Пушкинѣ. Но сколько теперь такихъ, которые, юношами встрѣтивъ первые опыты таланта Пушкина, остановились на Пушкинѣ, не въ силахъ ни на шагъ двинуться впередъ, и откровенно признаются, что не видятъ ничего особеннаго и необыкновеннаго въ Гоголѣ. Другіе же, которыхъ первыя созданія Гоголя застали еще въ порѣ юности, въ порѣ живой и быстрой воспріемлемости впечатлѣній и способности умственнаго движенія,—высоко цѣнятъ и Пушкина и Гоголя; но даже и не подозрѣваютъ существеннаго значенія Лермонтова. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ они не признавали въ Лермонтовѣ таланта: нѣтъ, кто отъ поэзіи Пушкина перешелъ черезъ поэзію Гоголя, тотъ уже по-неволѣ видитъ дальше и глубже людей, остановившихся на Пушкинѣ, и не можетъ не восхищаться опытами Лермонтова; но восхищаться поэтомъ и понимать его—это не всегда одно и то же... И всѣ эти поклонники разныхъ мнѣній, живутъ въ одно и то же время, раздѣляясь на пестрыя группы представителей и прошедшихъ уже, и проходящихъ, и существующихъ еще поколѣній... И ихъ существованіе есть признакъ жизни и развитія общества, въ которое царственный Преобразователь-Зиждитель вдохнулъ душу живу, да живетъ вѣчно!... И чѣмъ больше количество, чѣмъ пестрѣе разнообразіе представителей прошедшихъ вкусовъ и мнѣній,—тѣмъ ярче и поразительнѣе выказывается жизненность общественнаго развитія. *Отсталые* могутъ возбуждать сожалѣніе и состраданіе, какъ люди заживо-умершіе, какъ

дряхлый старецъ, окруженный однѣми могилами милыхъ ему существъ, живущій одними воспоминаніями о невозвратно-прошедшей порѣ счастія, чуждый и холодный для всѣхъ надеждъ и обольщеній, которыми кипятъ не-родныя ему новыя поколѣнія; но едва-ли справедливо было бы презирать этихъ *отсталыхъ*, а тѣмъ болѣе обвинять ихъ. Благо тому, кто *отличенный Зевеса любовію*, неугасимо носитъ въ сердцѣ своемъ прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной *идеѣ* и никогда не покоряясь оцѣпеняющему *времени*, или мертвящему *факту*,—благо ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же рѣдкій, сколько и драгоцѣнный даръ неба, и не многимъ избраннымъ ниспосылается онъ! Прочувствовать великаго поэта, вполнѣ-выразившаго собою моментъ общественнаго развитія,—это значитъ пережить цѣлую жизнь, принять въ себя цѣлый, отдѣльный и самобытный міръ мысли, слѣдовательно, дать своему нравственному существованію особенную настроенность, отлить духъ свой въ особую форму. И потому только слишкомъ глубокая и сильная натура способна бываетъ принимать въ себя все, ничѣмъ не переполняясь, и носить въ груди своей цѣлые міры, всегда жаждая новыхъ. По-большей-части, людямъ трудно отрываться отъ того, что̀ разъ наполнило ихъ, разъ овладѣло ими, и они враждебно, какъ на ересь, смотрятъ на то, что̀ наполняетъ и владѣетъ уже чуждыми имъ поколѣніями. Всякая литература не безъ живыхъ примѣровъ въ этомъ родѣ. Такъ иной пожилой критикъ, ci-devant поборникъ *высшихъ взглядовъ* и новыхъ идей, а теперь отсталой обскурантъ, такъ же точно и тѣми же словами нападаетъ на новаго великаго поэта и его почитателей, какъ нѣкогда нападали люди стараго поколѣнія на прежняго великаго поэта и его почитателей... [1325]) Онъ и не подозрѣваетъ, что онъ повторяетъ жалкую роль тѣхъ самыхъ людей, которыхъ нѣкогда, можетъ-быть, онъ первый заклеймилъ именемъ «отсталыхъ», что онъ теперь бросаетъ въ молодое поколѣніе тою же грязью, которою нѣкогда швыряли въ него классическіе парики, и что, подобно имъ, онъ только себя мараетъ этою грязью... Такое зрѣлище можетъ возбуждать лишь болѣзненное состраданіе—больше ничего.

На такія мысли навела насъ маленькая книжка г. Баратынскаго, названная имъ «Сумерками». Все, сказанное нами—нисколько ни отступленіе отъ предмета статьи, ни вступленіе съ *яицъ Леды:* нѣтъ, эти мысли возбудила въ насъ поэтическая дѣятельность г. Баратынскаго, и подъ вліяніемъ этихъ мыслей хотимъ мы разсмотрѣть ее критически. Кто скоро ѣдетъ, тому кажется, что онъ стоитъ, а все мимо его мчится: вотъ почему Россіи и не замѣтенъ ея собственный ходъ, между-тѣмъ, какъ она не только не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но, напротивъ, движется впередъ съ неимовѣрною быстротою. Эта быстрота движенія выразилась и въ литературѣ. Голова кружится, когда подумаешь о разстояніи, которое раздѣляетъ предпрошлое десятилѣтіе (1820—1830) отъ прошлаго (1830—1840); а прошлое десятилѣтіе отъ этихъ двухъ протекшихъ лѣтъ настоящаго! Подлинно, скажешь:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Давно ли было это наводненіе альманаховъ, которое затопило-было всѣ библіотеки; давно ли издавался «Телеграфъ», котораго мнѣнія были такъ *новы* и *глубоки*, и который такъ справедливо величался своимъ чрезвычайнымъ расходомъ, опираясь на 1200 постоянныхъ подписчиковъ? Давно ли литература наша гордилась такимъ множествомъ (увы! забытыхъ теперь) знаменитостей, которыя были потому велики, что одна написала плохую романтическую трагедію и дюжину водяныхъ элегій; другая—издала альманахъ, третья—затѣяла листокъ, четвертая напечатала отрывокъ изъ неоконченной поэмы, пятая тиснула въ пріятельскомъ журналѣ нѣсколько невинныхъ и довольно-пріятныхъ разсказовъ?... Давно ли Марлинскій былъ геніемъ? Давно ли повѣсти не только г. Полеваго, но и г. Погодина считались необходимымъ украшеніемъ и альманаха и журнала? Давно ли на «Ивана Выжигина» смотрѣли чуть-чуть не какъ на геніальное сочиненіе? Давно они наводятъ на грустную думу о непостоянствѣ сего треволненнаго міра...

Нѣтъ; еще одинъ вопросъ! Давно ли г. Баратынскій, вмѣстѣ съ г. Языковымъ, составлялъ блестящій тріумвиратъ, главою котораго былъ Пушкинъ? А между-тѣмъ, какъ уже давно одинокою стоитъ колоссальная тѣнь Пушкина, и, мимо своихъ современниковъ и сподвижниковъ, подаетъ руку поэту новаго поколѣнія, котораго талантъ засталъ и оцѣнилъ Пушкинъ еще при жизни своей!... Давно ли каждое новое стихотвореніе г. Баратынскаго, явившееся въ альманахѣ, возбуждало вниманіе публики, толки и споры рецензентовъ?.. А теперь тихо, скромно появляется книжка съ послѣдними стихотвореніями того же поэта—и о ней уже не говорятъ и не спорятъ, о ней едва упомянули въ какихъ-нибудь двухъ журналахъ, въ отчетѣ о выходѣ разныхъ книгъ, стихотворныхъ и прозаическихъ... Да не подумаютъ, что мы этимъ хотимъ сказать, что дарованіе г. Баратынскаго незначительно, что оно пользовалось незаслуженною славою: нѣтъ, мы далеки отъ подобнаго мнѣнія; мы высоко уважаемъ яркій, замѣчательный талантъ поэта уже-чуждаго намъ поколѣнія, и, потому именно, что уважаемъ его, хотимъ, въ обозрѣніи его поэтической дѣятельности показать, почему его произведенія, будучи и теперь изящными, какъ и всегда были, уже не имѣютъ теперь той цѣны, какую имѣли прежде.

Такія явленія всегда имѣютъ двѣ причины: одна заключается въ степени таланта поэта, другая въ духѣ эпохи, въ которую дѣйствовалъ поэтъ. Никто не можетъ стать выше средствъ, данныхъ ему природою; но историческій и общественный духъ эпохи или возбуждаетъ природныя средства дѣйствователя до высшей степени свойственной имъ энергіи, или ослабляетъ и парализуетъ ихъ, заставляя поэта сдѣлать меньше, чѣмъ бы онъ могъ. Отношенія поэта къ его эпохѣ бываютъ двояки: или онъ не находитъ въ ея сферѣ жизненнаго содержанія для своего таланта; или, не слѣдя за современнымъ духомъ, онъ не можетъ воспользоваться тѣмъ жизненнымъ содержаніемъ, какое могла бы представить его таланту эпоха. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ результатъ

одинъ—безвременный упадокъ таланта и безвременная утрата справедливостяжанной славы. Открытіе причинъ такого печальнаго конца блестящимъ образомъ начатаго поприща, не принесетъ пользы поэту, о которомъ идетъ дѣло; но уроки прошедшаго полезны для настоящаго и будущаго,—и одна изъ обязанностей основательной критики—обращать вниманіе на такіе уроки.

Было время, когда русская критика состояла изъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ стихахъ. «Какой гармоническій стихъ! какъ удачно воспользовался поэтъ звукоподражаніемъ: въ этомъ стихѣ слышенъ рокотъ грома и завываніе вѣтра! Но слѣдующій за тѣмъ стихъ оскорбляетъ слухъ какофоніею, и притомъ, послѣ отрицательной частицы *не* поставленъ винительный падежъ, вмѣсто родительнаго. А вотъ въ этомъ стихѣ и ударенія неправильны и усѣченія многочисленны; конечно, *поэтическія вольности* дозволяются стихотворцамъ, но онѣ должны имѣть свои границы. Какъ удачно, вотъ въ этомъ стихѣ, выражена нѣжность пастушки, и сколько простодушія и невинности въ ея отвѣтѣ!» Такъ, или почти-такъ критиковали поэтовъ наши аристархи добраго стараго времени. Съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія стали критиковать иначе. Вмѣсто филологическихъ, грамматическихъ и просодическихъ замѣтокъ, вмѣсто похвалъ или порицаній отдѣльно-взятымъ стихамъ, стали дѣлать эстетическія замѣчанія на *отдѣльныя мѣста* поэтическаго произведенія: такой-то характеръ выдержанъ, а такой-то не выдержанъ, такое-то мѣсто поразительно своимъ драматизмомъ, или своимъ лиризмомъ, а такое-то слабо, и т. п. Эта критика была большимъ шагомъ впередъ; но теперь и она неудовлетворительна. Теперь требуютъ отъ критики, чтобъ, не увлекаясь частностями, она оцѣнила цѣлое художественнаго произведенія, раскрывъ его идею и показавъ, въ какомъ отношеніи находится эта идея къ своему выраженію, и въ какой степени изящество формы оправдываетъ вѣрность идеи, а вѣрность идеи способствуетъ изяществу формы. Если же дѣло идетъ о цѣлой поэтической дѣятельности поэта, то отъ современной критики требуютъ не восклицаній въ родѣ слѣдующихъ: «сколько души и чувства въ этой элегіи г. N., сколько силы и глубокости въ этой его одѣ, какими поразительными положеніями изобилуетъ его поэма, какъ вѣрно выдержаны характеры въ его драмѣ!» Нѣтъ, отъ современной критики требуютъ, чтобъ она раскрыла и показала духъ поэта въ его твореніяхъ, прослѣдила въ нихъ преобладающую идею, господствующую думу всей его жизни, всего его бытія, обнаружила и сдѣлала яснымъ его внутреннее созерцаніе, его naooc.

Если мы скажемъ, что преобладающій характеръ поэзіи г. Баратынскаго есть *элегическій*, то скажемъ истину, но этимъ еще ничего не объяснимъ, ибо характеръ чьей бы то ни было поэзіи еще не составляетъ ея сущности, какъ физіономія не составляетъ сущности человѣка, хотя и намекаетъ на нее. Чтобъ объяснить то и другое, должно раскрыть идею и въ ней найдти причину и разгадку характера и физіономію. Что такое *элегическій тонъ* въ чьей бы то ни было поэзіи?—грустное чувство, которымъ проникнуты созда-

нія поэта. Но чувство само-по-себѣ еще не составляетъ поэзіи: надо, чтобъ чувство было рождено идеею и выражало идею. Безсмысленныя чувства—удѣлъ животныхъ; они унижаютъ человѣка. Къ чести г. Баратынскаго должно сказать, что элегическій тонъ его поэзіи происходитъ отъ думы, отъ взгляда на жизнь, и что этимъ самымъ онъ отличается отъ многихъ поэтовъ, вышедшихъ на литературное поприще вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Разсмотримъ же *идею*, которая проникаетъ собою созданія г. Баратынскаго и составляетъ паѳосъ его поэзіи. Возьмемъ для этого одно изъ лучшихъ, хотя и позднѣйшихъ его произведеній—«Послѣдній Поэтъ». Въ этой пьесѣ поэтъ высказался весь, со всею тайною своей поэзіи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Разберемъ же ее всю отъ слова до слова.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы,

Но этой энергіи и поэтической красотѣ стиховъ, ужъ тотчасъ видно, что поэтъ выражаетъ свое profession de foi, передаетъ огненному слову давнонакипѣвшія въ груди его жгучія мысли... Настоящій вѣкъ служитъ исходнымъ пунктомъ его мысли; *по немъ* онъ дѣлаетъ заключеніе, что близко время, когда проза жизни вытѣснитъ всякую поэзію, высохнутъ растлѣнныя корыстію и разсчетомъ сердца людей, и ихъ вѣрованіемъ сдѣлается «насущное» и «полезное»... Какая страшная картина! Какъ безотрадно будущее! Поэзіи болѣе нѣтъ. Куда же дѣвалась она?—*исчезла при свѣтѣ просвѣщенія*... И такъ, *поэзія* и *просвѣщеніе* — враги между собою? И такъ, только *невѣжество* благопріятно *поэзіи?* Не-уже-ли это правда? Не знаемъ: такъ думаетъ поэтъ—не мы... Впрочемъ, поэтъ говоритъ не о поэзіи, но о *ребяческихъ снахъ поэзіи*, а это—другое дѣло! Но посмотримъ, какъ разовьется далѣе мысль поэта.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!
Блеститъ зима дряхлѣющаго міра.
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ:
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;

Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы,
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Теперь любопытно, о чемъ онъ поетъ; любопытно потому особенно, что въ его пѣснѣ ясно должна высказаться мысль автора этой пьесы.

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, *имъ ослушной,*
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья,
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля!

А, вотъ что! теперь мы понимаемъ! *Наука ослушна* (т. е. непокорна) *любви* и *красотѣ; наука пуста* и *суетна!*.. Нѣтъ страданій глубокихъ и страшныхъ, какъ основнаго, первосущнаго звука въ аккордѣ бытія, страданіе мимолетно—его должно исцѣлять легкомысліемъ; въ дни незнанія (т. е. невѣжества) земля лучше чувствуетъ радость...

Это стихотвореніе написано въ 1835 году отъ Р. Х.!..

Какъ жаль, что люди не знаютъ языка, напр., *птичьяго:* какіе должны быть удивительные поэты между птицами! Вѣдь птицы не знаютъ глубокихъ страданій—ихъ страданія мимолетны, и они цѣлятъ ихъ не только легкомысліемъ, но даже и совершеннымъ безсмысліемъ — что̀ для поэзіи еще лучше; а о наукахъ птицы и не слыхивали, стало-быть, и понятія не имѣютъ о пустотѣ и суетѣ наукъ; что̀ же касается до *незнанія*—птицы ушли дальше его—онѣ пребываютъ въ рѣшительномъ *невѣжествѣ*... Какія благопріятныя обстоятельства для поэзіи, и какъ жаль, что, по незнанію птичьяго языка, мы незнакомы съ птичьею поэзіею!..

Но, полно, правъ ли поэтъ въ своей основной мысли? Полно, невѣжествомъ ли сильна поэзія? Но-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ извѣстно всему грамотному свѣту, что сильнѣйшее развитіе изящныхъ искусствъ совершалось только у просвѣщеннѣйшихъ народовъ міра — Грековъ, Римлянъ, Итальянцевъ, Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ, — а не у Чукчей, Коряковъ и Самоѣдовъ...

Поклонникамъ Уранін холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ нажити Эолъ бурнопогодный,
Плодотворятъ они сердца людей:
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ нѣпистой пучины волнъ морскихъ.

И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ?
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Какіе чудные, гармоническіе стихи! Не грѣхъ ли заставить ихъ выражать такія неосновательныя мысли? И удивительно ли, что—

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста *вѣщать полуотверсты*(?),
Но гордыя главы не преклонилъ:
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; *но свѣтъ*
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Сила грустнаго чувства словно молнія проблеснула въ послѣднихъ стихахъ этого куплета: видно, что мысль стихотворенія явилась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она вышла не изъ праздно-мечтающей головы, а изъ глубокорастерзаннаго сердца... И тѣмъ не менѣе все-таки она—ложная мысль!

Человѣку непокорно
Море синее одно:
И свободно и просторно
И привѣтливо оно;
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ...

Эти стихи такъ хороши, такъ хороши, что напоминаютъ собою строфы, переведенныя Жуковскимъ изъ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ древнему міру.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
На ней пѣвецъ, мятежной думы полнъ,
Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала... тѣнь Сафо!.. голосъ волнъ...
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой *безполезный* даръ!

Именно—*безполезный* даръ!..

И по-прежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ:

Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ:
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, если бы они выражали собою истинное содержаніе! О, тогда это стихотвореніе казалось бы произведеніемъ огромнаго таланта! А теперь, чтобъ насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сдѣлать усиліе: надо *заставить себя* стать на точку зрѣнія поэта, согласиться съ нимъ на-минуту, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію и на науку; а это теперь рѣшительно невозможно!.. И отъ-того, впечатлѣніе ослабѣваетъ, удивительное стихотвореніе кажется обыкновеннымъ...

Бѣдный вѣкъ нашъ—сколько на него нападокъ, какимъ чудовищемъ считаютъ его! И все это за желѣзныя дороги, за пароходы—эти великія побѣды его, уже не надъ матеріею только, но надъ пространствомъ и временемъ! Правда, духъ меркантильности уже черезчуръ овладѣлъ имъ; правда, онъ уже слишкомъ-низко поклоняется златому тельцу; но это отнюдь не значитъ, чтобъ человѣчество дряхлѣло и чтобъ нашъ вѣкъ выражалъ собою начало этого дряхлѣнія: нѣтъ, это значитъ только, что человѣчество, въ XIX вѣкѣ, вступило въ переходный моментъ своего развитія, а всякое переходное время есть время дряхлѣнія, разложенія и гніенія. И пусть за этимъ дряхлѣніемъ послѣдуетъ смерть—что̀ нужды! Человѣчество совсѣмъ не то̀, что̀ человѣкъ: умирая, человѣкъ уже не существуетъ болѣе на землѣ; но человѣчество, какъ идеальная личность, составляющаяся изъ мильоновъ реальныхъ личностей, которыя если и убываютъ, зато и прибываютъ, — человѣчество старымъ и дряхлымъ умираетъ на землѣ для того, чтобъ на землѣ же воскреснуть юнымъ и крѣпкимъ. Уже не разъ оно было и младенцемъ, и юношею, и мужемъ, и старцемъ, умирало и воскресало, подобно фениксу изъ собственнаго своего пепла. Развѣ послѣдніе дни древне-языческаго міра, дни отъ царствованія Августа почти до царствованія Августула, не были днями разложенія, гніенія и смерти, и развѣ за ними не послѣдовало воскресенія и новаго младенчества человѣчества? Развѣ послѣдовавшіе потомъ девять столѣтій не были эпохою пылкой юности человѣчества, а съ пятнадцатаго вѣка не вступило оно въ свой возрастъ мужества? Восьмнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ его старости... А сколько было частныхъ смертей, означившихъ собою эпоху перелома и возрожденія? И развѣ не были эпохами смерти—крестовые походы, когда вся Европа въ ужасѣ ожидала страшнаго суда, и всѣ народы ея двинулись въ Азію, чтобы въ своей колыбели найти и свой гробъ; или тридцатилѣтняя война, когда выжженная, обгорѣлая Германія походила на разграбленный станъ?.. И такъ, думать, что человѣчество когда-нибудь умретъ, и что нашъ вѣкъ есть его предсмертный

вѣкъ,—значитъ не понимать, что̀ такое человѣчество, значитъ не имѣть высокой вѣры въ его высокое значеніе... Если нашъ вѣкъ и индюстріаленъ по-преимуществу, это нехорошо для нашего вѣка, а не для человѣчества: для человѣчества же это очень-хорошо, потому-что черезъ это будущая общественность его упрочиваетъ свою побѣду надъ своими древними врагами—матеріею, пространствомъ и временемъ. При этомъ, нехудо не забывать, что нашъ индюстріальный вѣкъ гордо называетъ своими сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранже, и многихъ другухъ художниковъ. Неуже-ли же это—все *послѣдніе поэты?*.. Много же ихъ!.. Мы еще понимаемъ трусливыя опасенія за будущую участь человѣчества тѣхъ недостаточно-вѣрующихъ людей, которые думаютъ предвидѣть его погибель въ индюстріальности, меркантильности и поклоненіи тельцу златому; но мы никакъ не понимаемъ отчаяніе тѣхъ людей, которые думаютъ видѣть гибель человѣчества въ *наукѣ*. Вѣдь человѣческое знаніе состоитъ не изъ одной *математики* и *технологіи*, вѣдь оно прилагается не къ однѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и машинамъ... Напротивъ, это только одна сторона знанія, это еще только низшее знаніе,—высшее объемлетъ собою міръ нравственный, заключаетъ въ области своего вѣдѣнія все, чѣмъ высоко и свято бытіе человѣческое, все, что̀ составляетъ достоинство и величіе имени человѣческаго, всѣ тѣ великіе вопросы, которые присущны самой натурѣ человѣка, съ которыми онъ родится и которые носитъ въ груди своей... Кромѣ математики и технологіи, есть еще философія и исторія—одна какъ наука развитія въ мышленіи довременныхъ и безплотныхъ идей; другая—какъ наука осуществленія въ фактахъ, въ дѣйствительности, развитія этихъ довременныхъ идей, таинственныхъ и первосущныхъ матерій всего сущаго, всего рождающагося и умирающаго, и, не смотря на то̀, вѣчно-живущаго!..

Намъ, можетъ-быть, скажутъ, что стихотвореніе не есть философская система, и что особенно по одному стихотворенію нельзя заключать о мыслительномъ воззрѣніи поэта на міръ. На первое мы дадимъ отвѣтъ ниже; вмѣсто же отвѣта на второе, перейдемъ къ другимъ стихотвореніямъ г. Баратынскаго: они отвѣтятъ за насъ.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой:
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала,
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжалъ изъ лѣсу волкъ,

Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала:
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ,
Не чуждая жизнь въ ней дышала.
Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму
Вдался въ суету изысканій...
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній!

Коротко и ясно: все наука виновата! Безъ нея, мы жили бы не хуже Ирокезовъ... Но хорошо ли, но счастливо ли живутъ Ирокезы, безъ науки и знанія, безъ довѣренности къ уму, безъ суеты изысканій, съ уваженіемъ къ чувству, съ томагоукомъ въ рукѣ и въ вѣчной рѣзнѣ съ подобными себѣ? Нѣтъ ли и у нихъ, у этихъ счастливыхъ, этихъ блаженныхъ Ирокезовъ, своей *суеты испытаній*, нѣтъ ли у нихъ своихъ понятій о чести, о правѣ собственности, своихъ мученій честолюбія, славолюбія? И всегда ли вранъ успѣваетъ предостерегать ихъ отъ бѣды, всегда ли волкъ пророчитъ имъ побѣду? Точно ли они—невинныя дѣти матери-природы?.. Увы, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!.. Только животныя безсмысленныя, руководимыя *однимъ* инстинктомъ, живутъ въ природѣ и природою. Дикарь-человѣкъ татуируетъ свое тѣло, пронзаетъ свои ноздри и уши (въ послѣднемъ не далеко ушелъ отъ него и просвѣщенный Европеецъ, по-крайней-мѣрѣ, въ лицѣ своего прекраснаго пола—знакъ, что еще много ему работы для освобожденія себя отъ первобытнаго варварства), пронзаетъ свои ноздри и уши, чтобъ украшать ихъ блестящими привѣсками: варварство и грубость—безъ сомнѣнія; но уже этимъ самымъ варварствомъ онъ стоитъ выше животнаго. Животное родится готовымъ; чего не выростетъ на немъ, того не придѣластъ оно себѣ искусственно; оно не можетъ сдѣлаться ни лучше, ни хуже того, какимъ создала его природа. Человѣкъ бываетъ животнымъ только до появленія въ немъ первыхъ признаковъ сознанія; съ этой поры, онъ отдѣляется отъ природы и, вооруженный искусствомъ, борется съ нею всю жизнь свою. Это мы видимъ на дикаряхъ: они тѣ же люди, что и просвѣщенные Европейцы, и существенное ихъ различіе отъ послѣднихъ заключается только въ томъ, что ихъ искусственность неразумна: озарите ихъ свѣтомъ разума, и они свое татуированіе замѣнятъ одеждой, т. е. ложную искусственность замѣнятъ истинною. Но въ самыхъ дикостяхъ и нелѣпостяхъ этихъ *несчастныхъ* дѣтей природы, видно уже порываніе выйти изъ оковъ природы, порываніе отъ инстинкта къ разуму. Въ XVIII вѣкѣ величайшіе умы были склонны видѣть въ дикаряхъ образецъ неиспорченной человѣческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностію гибнущаго въ ложной искусственности европейскаго общества, была и нова и блестяща. Въ XIX вѣкѣ, эта мысль и стара и пошла:

Все мысль да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ, и человѣкъ и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ земномъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная!

И это понятіе объ отношеніи мысли къ искусству совершенно гармонируетъ съ понятіемъ г. Баратынскаго объ отношеніи ума къ чувству, науки къ жизни. Что такое искусство безъ мысли?—то же самое, что человѣкъ безъ души—трупъ... И почему разумъ и чувство—начала враждебныя другъ другу? Если они враждебны, то одно изъ нихъ—лишнее бремя для человѣка. Но мы видимъ и знаемъ, что глупцы бываютъ лишены чувства, а безчувственные люди не отличаются умомъ. Мы видимъ и знаемъ, что преимущественное развитіе чувства насчетъ ума дѣлаетъ человѣка, самымъ счастливымъ образомъ одареннаго отъ природы, или фанатикомъ-звѣремъ, или старою бабою, суевѣрною и слабоумною; такъ же, какъ одинъ умъ безъ чувства дѣлаетъ человѣка или безнравственнымъ существомъ, эгоистомъ, или сухимъ діалектикомъ, безжизненнымъ педантомъ, который во всемъ видитъ однѣ логическія формальности, и ни въ чемъ не видитъ души и содержанія. Очевидно, что разумъ и чувство — двѣ силы, равно-нуждающіяся другъ въ другѣ, мертвыя и ничтожныя одна безъ другой. Чувство и разумъ—это *земля* и солнце: *земля*, въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ, скрываетъ растительную силу и всѣ зародыши плодовъ своихъ, солнце возбуждаетъ ея растительную силу—и радостно рвутся на свѣтъ его изъ темной орковой [326]) страны зеленѣющіе стебли ея порожденій... Такъ въ груди человѣка—въ этомъ подземномъ царствѣ темныхъ предчувствій и нѣмыхъ ощущеній, скрываются, словно въ землѣ, корни всѣхъ нашихъ живыхъ стремленій и страстныхъ помысловъ; но только свѣтъ разума можетъ и развивать, и крѣпить, и просвѣтлять эти ощущенія и чувства до мысли,—безъ него онѣ остаются или животнымъ инстинктомъ, или дикими страстями, черными демонами, устрояющими гибель человѣка... Чувство, въ свою очередь, есть дѣйствительность разума, какъ тѣло есть реальность души: безъ чувства, идеи холодны, свѣтятъ, а не грѣютъ, лишены жизненности и энергіи, неспособны перейти въ дѣло. И такъ, полнота и совершенство человѣческой натуры заключаются въ органическомъ единствѣ разума и чувства. Горе тому, который раздѣляется самъ на себя; горе человѣку, въ которомъ чувство возстанетъ на разумъ, или разумъ возстанетъ на чувство! И, однако-жь, это горе неизбѣжное, необходимое, и мертвъ, ничтоженъ тотъ человѣкъ, который не испыталъ его! Чувство, по натурѣ своей, стремится къ положенію, любитъ останавливаться на положительныхъ результатахъ; разумъ контролируетъ положенія чувства и, если не найдетъ ихъ основательными, отрицаетъ ихъ. Отсюда происходитъ мука сомнѣ-

нія. Но безъ этого сомнѣнія, человѣкъ, остановившись разъ на извѣстномъ положеніи, и закоснѣлъ бы въ немъ, не двигаясь впередъ, слѣдовательно, не развиваясь,—не дѣлался бы изъ младенца отрокомъ, изъ отрока юношей, изъ юноши мужемъ, изъ мужа старцемъ, но до смерти своей оставался бы младенцемъ. Духъ сомнѣнія гонитъ человѣка отъ одного опредѣленія къ другому,—и благо тому, кто сомнѣвался въ извѣстныхъ истинахъ, не сомнѣваясь въ существованіи истины, ибо истины преходящи, но истина вѣчна!

Помнится намъ, г. Баратынскій гдѣ-то сказалъ что-то въ родѣ слѣдующей мысли: положеніе поэта трудно потому, что, въ одно и то же время, онъ находится подъ противоположнымъ вліяніемъ огненной творческой фантазіи и обливающаго холодомъ разсудка. Мысль, не скажемъ несправедливая, но не точная: обливающій холодомъ разсудокъ дѣйствительно входитъ въ процессъ творчества, но когда?—въ то время, когда еще поэтъ вынашиваетъ въ себѣ концепирующееся свое твореніе, слѣдовательно, прежде, нежели приступитъ къ его изложенію, ибо поэтъ излагаетъ уже готовое произведеніе. Разумѣется, здѣсь должно предполагать высшіе таланты, потому что только низшіе сочиняютъ съ перомъ въ рукѣ, еще не зная сами, что̀ сочиняютъ они; или затрудняются въ выраженіи собственныхъ идей. Истинный поэтъ тѣмъ и великъ, что свободно даетъ образъ каждой глубоко прочувствованной имъ идеѣ, выражаетъ словомъ постижимое для одного ума и невыразимое для каждаго, кто не поэтъ.

Этотъ несчастный раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ, составляетъ основу поэзіи г. Баратынскаго, и почти всѣ лучшія его стихотворенія проникнуты имъ. Въ одномъ изъ нихъ ему предстаетъ, въ горькую минуту, истина, и обѣщаетъ успокоить путемъ холоднаго безстрастія. Она говоритъ поэту:

Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ-быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой,
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.

Поэтъ въ трепетѣ отказывается отъ страшнаго дара *неземной гостьи;* но въ заключеніи, проситъ его у ней такъ:

.....Когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! открой мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Такъ, въ другомъ стихотвореніи, поэтъ окриляетъ надеждами обольщеній безумную юность, но, обращаясь къ *знающимъ*, говоритъ:

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету надеждъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть!
Гоните прочь ихъ рой прельстительный;
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.
Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхвы словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ;
Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія
Для боли новой прежнихъ ранъ.

Большое, отличающееся превосходными стихами стихотвореніе «Послѣдняя Смерть» есть апоѳеоза всей поэзіи г. Баратынскаго. Въ немъ вполнѣ выразилось его міросозерцаніе. Поэтъ представляетъ, въ яркой картинѣ, кипящій жизнію міръ; потомъ, въ другой картинѣ, увяданіе міра, а въ третьей—

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущая судьбина.
Гдѣ люди, гдѣ? скрывался въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ *позоръ* (?)
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землю ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ, надъ ней спѣя, вился
И жертвою чистительной дымился.

*

Великолѣпная фантазія, но не болѣе, какъ фантазія! И главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она вездѣ является чернымъ демономъ поэта. Жизнь какъ добыча смерти, разумъ какъ врагъ чувства, истина какъ губитель счастія,—вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго, и вотъ въ чемъ ея величайшій недостатокъ. Зданіе, построенное на пескѣ, недолговѣчно; поэзія, выразившая собою ложное состояніе переходнаго поколѣнія, и умираетъ съ тѣмъ поколѣніемъ, ибо для слѣдующихъ не представляетъ никакого сильнаго интереса въ своемъ содержаніи. Мало того: сдѣлавшись органомъ ложнаго направленія, она лишается той силы, которую могъ бы сообщить ей талантъ поэта.

Конечно, этотъ раздоръ мысли съ чувствомъ явился у поэта не случайно,—онъ заключался въ его эпохѣ. Кто не знаетъ и не помнитъ пушкинскаго *Демона?* Пушкинъ, какъ первый великій поэтъ русскій, котораго поэзія выходила изъ жизни, первый и встрѣтился съ *демономъ*. «Печальны были наши встрѣчи!» восклицаетъ онъ о своемъ Демонѣ».

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи,
Вливали въ душу хладный ядъ!
Непстощимый клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, это страшный демонъ, особенно для перваго знакомства! Впрочемъ, онъ опасенъ не тѣмъ, что̀ онъ на-самомъ-дѣлѣ, а тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ показаться человѣку. Люди имѣютъ слабость смѣшивать свою личность съ истиною: усомнившись въ *своихъ* истинахъ, они часто перестаютъ вѣрить существованію истины на землѣ. Вотъ тутъ-то демонъ и бываетъ опасенъ, тутъ-то онъ и губитъ людей. Отъ него можетъ спасти человѣка только глубокая и сильная, живая вѣра. Пусть онъ во всемъ разочаровался, пусть все, что̀ любилъ и уважалъ онъ, оказалось недостойнымъ любви и уваженія, пусть все, чему горячо вѣрилъ онъ, оказалось призракомъ, а все, что̀ думалъ знать онъ, какъ непреложную истину, оказалось ложью,—но да обвиняетъ онъ въ этомъ свою ограниченность, или свое несчастіе, а не тщету любви, уваженія, вѣры, знанія! Пусть самое отчаяніе его въ тщетѣ истины, будетъ для него живымъ свидѣтельствомъ его жажды истины, а его жажда — живымъ свидѣтельствомъ существованія истины: ибо чего нѣтъ, о томъ несродно страдать человѣческой натурѣ. Пусть прошло для него время познанія истины, и онъ отчается навсегда узрѣть ея обѣтованную землю, но пусть же не смѣшиваетъ онъ себя съ истиною, и не думаетъ, что если она не для него, то уже и ни для кого.

Но какъ же, скажутъ, вѣрить, если вся дѣйствительность есть отрицаніе всякой вѣры? Дѣйствительность?—Но что такое дѣйствительность, если не осуществленіе вѣчныхъ законовъ разума? Всякая другая дѣйствительность — временное затменіе свѣта разума, болѣзненный витальный процессъ,—а развѣ можетъ быть вѣчное затменіе солнца, развѣ солнце не является послѣ затменія въ бо́льшемъ блескѣ и бо́льшей лучезарности; развѣ страданіе, претерпѣваемое младенцемъ при прорѣзываніи зубовъ, бываетъ продолжительно и не составляетъ необходимаго временнаго зла для продолжительнаго добра? Скажутъ: младенцы часто умираютъ отъ процессовъ физическаго развитія. Правда, умираютъ—младенцы, которые подчинены необходимо болѣзненнымъ процессамъ органическаго развитія и которые смертны, но не человѣчество, которое подчинено болѣзненнымъ процессамъ историческаго развитія, и которое безсмертно. Надо умѣть отличать разумную дѣйствительность, которая одна дѣйствительна, отъ неразумной дѣйствительности, которая призрачна и преходяща [327]). Вѣра въ идею спасаетъ, вѣра въ факты губитъ. Есть люди, которые отрицаютъ добродѣтель и достоинство женщины, потому что случай сводилъ ихъ все съ пустыми и легкими женщинами, потому что они не знали ни одной женщины высшей натуры. И это безвѣріе, какъ проклятіе, служитъ достойнымъ наказаніемъ безвѣрію, ибо въ душѣ благодатной долженъ заключаться идеалъ женщины,—въ дѣйствительности же должно искать не идеала, а только осуществленія идеала; найти или не найти его, это дѣло случая. То же можно сказать и о людяхъ, которыхъ разложеніе и гніеніе элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскудѣніе жизни и доблести въ современномъ—заставляютъ отчаяваться за будущую участь человѣчества... Здѣсь очевидно демонъ губитъ ихъ на фактѣ, за которымъ они не видятъ идеи, не понимая, что умираетъ и гніетъ только отжившее, чтобъ уступить мѣсто новому и живому. Еслибъ вмѣсто того, чтобъ испугаться демона, они испытали его — онъ указалъ бы имъ на послѣднее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тѣшилась кровавымъ зрѣлищемъ, какъ звѣри терзаютъ христіанъ, и которая, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣвала, что этою побѣдою надъ мучениками она сама была побѣждена, съ своими уже опошлившимися богами .. Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаетъ смерти истины вообще... Демонъ, по своей демонической натурѣ, золъ и насмѣшливъ. Онъ презираетъ безсиліе и веселится, терзая его; но онъ уважаетъ силу и сторицею воздаетъ ей за временное зло, которымъ ее терзаетъ. Онъ служитъ и людямъ и человѣчеству, какъ вѣчно движущая сила духа человѣческаго и историческаго. То страшный и мрачный, то веселый и злой, онъ, какъ Протей, неистощимъ въ формахъ своего проявленія, какъ Антей, неистощимъ въ своихъ средствахъ. Онъ внушалъ Сократу откровенія его нравственной философіи и помогалъ ему дурачить софистовъ ихъ же обоюду-острымъ оружіемъ. Онъ внушалъ Аристофану его комедіи; онъ нашептывалъ ритору Лукіану его «Діалоги Боговъ»; онъ помогъ Коломбу открыть Америку; онъ изобрѣлъ по-

рохъ и книгопечатаніе; онъ продиктовалъ Ульриху Гуттену его злую сатиру «Epistolae obscurorum virorum» [328]); Бомарше—его «Фигаро», и много философскихъ сказокъ и сатирическихъ поэмъ продиктовалъ онъ Вольтеру; онъ уничтожилъ ошейники вассаловъ и рыцарскіе разбои феодальныхъ бароновъ, священную инквизицію и благочестивое ауто-да-фе. Гёте схватилъ его только за хвостъ въ своемъ Мефистофелѣ, а въ лицо только слегка заглянулъ ему. За то, колоссальный Байронъ не трепеща смотрѣлъ ему въ очи, и гордо мѣрялся съ нимъ силою духа и, какъ равный равному, подалъ ему руку на вѣчную дружбу. Изъ русскихъ поэтовъ, первый познакомился съ нимъ Пушкинъ, и тягостно было ему его знакомство, и печальны были его встрѣчи съ нимъ... Онъ не палъ отъ него, но и не узналъ, не понялъ его... И неудивительно: ничто не дѣлается вдругъ. За то, другой русскій поэтъ, явившійся уже по смерти Пушкина, не испугался этого страшнаго гостя: онъ знакомъ былъ съ нимъ еще съ дѣтства, и его фантазія съ любовію лелѣяла этотъ «могучій образъ», для него:

Какъ царь нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно...

Онъ былъ избраннымъ героемъ пламеннаго бреда его юности, и ему посвятилъ онъ цѣлую поэму, гдѣ, за всѣ утраченныя блага жизни, этотъ страшный герой сулитъ открыть «пучину гордаго познанья»...

Человѣкъ страшится только того, чего не знаетъ; знаніемъ побѣждается всякій страхъ. Для Пушкина, *демонъ* такъ и остался темною, страшною стороною бытія, и такимъ является онъ въ его созданіяхъ. Поэтъ любилъ обходить его, сколько было возможно, и потому онъ не высказался весь и унесъ съ собою въ могилу много нетронутыхъ струнъ души своей; но, какъ натура сильная и великая, онъ умѣлъ, сколько можно было, вознаградить этотъ недостатокъ, тогда-какъ другіе поэты, вышедшіе съ нимъ вмѣстѣ на поэтическую арену, пали жертвою неузнаннаго и неразгаданнаго ими духа, и для нихъ навсегда мысль осталась врагомъ чувства, истина бичемъ счастія, а мечта и ребяческіе сны поэзіи—высшимъ блаженствомъ жизни...

Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ г. Баратынскому. Несмотря на его вражду къ мысли, онъ, по натурѣ своей, призванъ быть поэтомъ мысли. Такое противорѣчіе очень-понятно: кто не мыслитель по натурѣ, тотъ о мысли и не хлопочетъ; борется съ мыслію тотъ, кто не можетъ овладѣть ею, стремясь къ ней всѣми силами души своей. Эта невыдержанная борьба съ мыслію, много повредила таланту г. Баратынскаго: она не допустила его написать ни одного изъ тѣхъ твореній, которыя признаются капитальными произведеніями литературы, и если не навѣчно, то надолго переживаютъ своихъ творцовъ.

Взглянемъ теперь на нѣкоторыя стихотворенія г. Баратынскаго со стороны мысли. Въ посланіи къ Г-чу, поэтъ говоритъ:

Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ,
Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ,
Не угодитъ тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ:
Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Затѣмъ, онъ объясняетъ Г-чу, почему не можетъ принять его вызова—

оставить мирный слогъ
И, ѣдкой жолчію напитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки.

И чѣмъ же?—тѣмъ, что сатирою можно нажить себѣ враговъ, а благодарность общества—плохая благодарность, ибо онъ, поэтъ, не вѣритъ благодарности. Вотъ заключеніе этого стихотворенія:

Нѣтъ, нѣтъ! *разумный* мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но *сноситъ благонравно*,
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество,
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Межь-тѣмъ—какъ странны мы!—межь тѣмъ любой изъ насъ
Переначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Подобныя мысли, безъ сомнѣнія, очень благоразумны и даже благонравны, но едва-ли онѣ поэтически-великодушны и рыцарски-высоки... Благоразуміе не всегда разумность: часто бываетъ оно то равнодушіемъ и апатіею, то эгоизмомъ. Но вотъ еще нѣсколько стиховъ изъ этого же стихотворенія:

Полезенъ обществу сатирикъ безпристрастный,
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ:
То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содраганье,
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надменнаго глупца;
Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Сличивъ эти стихи съ приведенными выше, легко понять, почему такое стихотвореніе, даже если бы оно было написано и хорошими стихами, не можетъ теперь читаться...

«На смерть Гёте» есть одно изъ лучшихъ между мелкими стихотвореніями г. Баратынскаго. Стихи въ немъ удивительны; но стихотвореніе, не смотря на то, не выдержано, и потому не производитъ того впечатлѣнія, какого бы можно было ожидать отъ такихъ чудесныхъ стиховъ. Причина этого очевидна: неопредѣленность идеи, невѣрность въ содержаніи. Поэтъ слишкомъ-много и слишкомъ-бездоказательно приписалъ Гёте, говоря, что

. . . ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ онъ предѣлъ.

Прекрасно сказано, но не справедливо! Не было, нѣтъ и не будетъ никогда генія, который бы *одинъ* все постигъ, или все сдѣлалъ. Такъ и для Гёте существовала цѣлая сторона жизни, которая, по его нѣмецкой натурѣ, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразилъ Шиллеръ. Оба эти поэта знали цѣну одинъ другаго, и каждый изъ нихъ умѣлъ другому воздавать должное. Обидно видѣть, какъ люди, не понимая дѣла, все отдаютъ Гёте, все отнимая у Шиллера... [329]) Если ужь надо сравнивать другъ съ другомъ этихъ поэтовъ, то, право, еще не рѣшенное дѣло —кто изъ нихъ долѣе будетъ владычествовать въ царствѣ будущаго;—и многіе не безъ основанія догадываются уже, что Гёте, поэтъ прошедшаго, въ настоящемъ умеръ развѣнчаннымъ царемъ... Вмѣсто безотчетнаго гимна Гёте—поэту слѣдовало бы охарактеризовать его,—и онъ сдѣлалъ это только въ четвертомъ куплетѣ, въ которомъ довольноудачно схваченъ *пантеистическій* характеръ жизни и поэзіи Гёте:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Слѣдующіе за тѣмъ заключительные куплеты слабы выраженіемъ, темны и неопредѣленны мыслію, а потому и разрушаютъ эффектъ всего стихотворенія. Все, что̀ говорится въ пятомъ куплетѣ, такъ же можетъ быть примѣнено ко всякому великому поэту, какъ и къ Гёте; а что̀ говорится въ шестомъ, то̀ ни къ кому не можетъ быть примѣнено, за темнотою и сбивчивостію мысли.

Теперь обратимся къ поэмамъ г. Баратынскаго. Въ нихъ много отдѣльныхъ поэтическихъ красотъ; но въ цѣломъ ни одна не выдержитъ основательной критики.

Русскій молодой офицеръ, на постоѣ въ Финляндіи, обольщаетъ дочь своего хозяина, Чухоночку Эду—добродушное, любящее, кроткое, но ничѣмъ особеннымъ не отличное отъ природы созданіе. Покинутая своимъ обольстителемъ, Эда умираетъ съ тоски. Вотъ содержаніе «Эды»—поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства. И этихъ немногихъ строкъ, которыя сказали мы объ этой поэмѣ, уже достаточно, чтобъ показать ея безотносительную неважность въ сферѣ искусства. Такого рода поэмы, подобно драмамъ, требуютъ, для своего содержанія, *трагической коллизіи*,—а что̀ трагическаго (т. е. *поэтически*-трагическаго) въ томъ, что шалунъ оболь-

стилъ дѣвушку и бросилъ ее? Ни характеръ такого человѣка, ни его положеніе, не могутъ возбудить къ нему участія въ читателѣ. Почти такое же содержаніе, напр., въ повѣсти Лермонтова «Бэла»; но какая разница! Печоринъ—человѣкъ, пожираемый страшными силами своего духа, осужденнаго на внутреннюю и внѣшнюю бездѣйственность; красота Черкешенки его поражаетъ, а трудность овладѣть ею раздражаетъ энергію его характера и усиливаетъ очарованіе ожидающаго его счастія; холодность Бэлы еще болѣе подстрекаетъ его страсть, вмѣсто того, чтобъ ослабить ее. Но когда онъ упился первыми восторгами этой оригинальной любви къ простой и дикой дочери природы, онъ почувствовалъ, что для продолжительнаго чувства мало одной оригинальности, для счастія въ любви мало одной любви,—и его начинаетъ терзать мысль о гибели милаго, хотя и дикаго, женственнаго существа, которое, въ своей естественной простотѣ, не умѣло ни требовать, ни дать въ любви ничего, кромѣ любви. Трагическая смерть Бэлы, вмѣсто того, чтобъ облегчить положеніе Печорина, страшно потрясаетъ его, съ новою силою возбуждая въ немъ вспышку прежняго пламени,—и отъ его дикаго хохота содрогается сердце не у одного Максима Максимыча, и становится понятно, почему онъ, послѣ смерти Бэлы, долго былъ нездоровъ, весь исхудалъ и не любилъ, чтобъ при немъ говорили о ней... Это не волокита, не водевильный донъ-Хуанъ, вы не вините его, но страдаете съ нимъ и за него, говоря мысленно: «о горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Для нѣкоторыхъ характеровъ, не чувствовать, быть внѣ какой бы то ни было духовной дѣятельности—хуже, чѣмъ не жить; а жить, это больше чѣмъ страдать,—и вотъ является трагическая коллизія, какъ мысль неотразимой судьбы, достойная и поэмы и драмы великаго поэта...

Гораздо-глубже, по характеру героини, другая поэма г. Баратынскаго—«Балъ»:

Презрѣнья къ мнѣнію полна,
Надъ добродѣтелію женской
Не насмѣхается ль она,
Какъ надъ ужимкой деревенской?
Кого въ свой домъ она манитъ;
Не записныхъ ли волокитъ,
Не новичковъ ли миловидныхъ?
Не утомленъ ли слухъ людей
Молвой побѣдъ ея безстыдныхъ
И соблазнительныхъ связей?
Но какъ влекла къ себѣ всесильно
Ея живая красота!
Чьи непорочныя уста
Такъ улыбался умильно?
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивыхъ
Своихъ лазоревыхъ очей
И свѣжести ланитъ стыдливыхъ,
Не отдала бы сей же часъ

За яркій глянецъ чорныхъ глазъ,
Облитыхъ влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланитъ?
Какая феѣ самовластной,
Не уступила бъ изъ харитъ?

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
Была плѣнительна она!
Какъ угодительна нѣжна!
Какая ласковость во взорахъ
У ней сіяла! Но порой
Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какія слезы изъ очей
Потомъ катилися у ней!
Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ:
Кто бъ не отеръ пхъ у печали,
Кто бъ не оставилъ красотѣ?

Страшись прелестницы опасной,
Не подходи; обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ!
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.

И этотъ демоническій характеръ въ женскомъ образѣ, эта страшная жрица страстей, наконецъ должна расплатиться за всѣ грѣхи свои:

Посланникъ рока ей предсталъ,
Смущенный взоръ очаровалъ,
Поработилъ воображенье,
Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
И пролилъ страстное мученье
Въ глухую сердца глубину.

Въ этомъ «посланникѣ рока» должно предполагать могучую натуру, сильный характеръ,—и въ-самомъ-дѣлѣ портретъ его, слегка, но рѣзко-очерченный поэтомъ, возбуждаетъ въ читателѣ большой интересъ:

Красой изнѣженный Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій
Носилъ онъ на челѣ: въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ—
Усмѣшка праздная блуждала:
Онъ не задолго посѣщалъ
Края чужія; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья,
И снова родину узрѣлъ;
Но видно, сердцу исцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣлъ.
Предсталъ онъ въ домъ моей Лапсы
И остряковъ задорный полкъ
Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ—
Главой поникли Адонисы.
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ,
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца,
И сколько не былъ хладно-сжатымъ
Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ души своей.

Нашла коса на камень: узелъ трагедіи завязался. Любопытно, чѣмъ развяжетъ его поэтъ, и какъ оправдаетъ онъ, *въ дѣйствіи*, портретъ своего героя. Увы! все это можно разсказать въ короткихъ словахъ: Арсеній любилъ подругу своего дѣтства и приревновалъ ее къ своему пріятелю; на упреки его Ольга отвѣчала дѣтскимъ смѣхомъ, и онъ, какъ обиженный ребенокъ, не понимая ея сердца, покинулъ ее съ презрѣніемъ... Воля ваша, а портретъ невѣренъ!... Что же потомъ?—Потомъ Нина получила отъ него письмо:

Что жь медлить (къ ней писалъ Арсеній)
Открыться должно... небо! въ чемъ?
Едва владѣю я перомъ,
Ищу напрасно выраженій.
О, Нина! Ольгу встрѣтилъ я;
Она понынѣ дышетъ мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смѣшною.
Удѣлъ рѣшенъ. По старинѣ
Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до позднихъ дней:

Въ немъ понесу я наказанье
Ошибокъ юности моей.

Несмотря на трагическую смерть Нины, которая отравилась ядомъ, *такая* развязка *такой* завязки похожа на водевиль, вмѣсто пятаго акта придѣланный къ четыремъ актамъ трагедіи... Поэтъ очевидно не смогъ овладѣть своимъ предметомъ... А сколько поэзіи въ его поэмѣ, какими чудными стихами наполнена она, сколько въ ней превосходныхъ частностей!...

«Цыганка», самая большая поэма г. Баратынскаго, была издана имъ, въ 1831 году, подъ названіемъ: «Наложница», съ предисловіемъ, весьма-умно и дѣльно-написаннымъ. «Цыганка» исполнена удивительныхъ красотъ поэзіи,— но опять-таки въ частностяхъ; въ цѣломъ же не выдержана. Отравительное зелье, данное старою Цыганкою бѣдной Сарѣ, ничѣмъ не объясняется и очень-похоже на deus ex machina для трагической развязки во что́ бы то ни стало. Чрезъ это ослабляется эффектъ цѣлаго поэмы, которая, кромѣ хорошихъ стиховъ и прекраснаго разсказа, отличается еще и выдержанностію характеровъ. Очевидно, что причиною недостатка въ цѣломъ всѣхъ поэмъ г. Баратынскаго есть—отсутствіе опредѣленно-выработавшагося взгляда на жизнь, отсутствіе мысли крѣпкой и жизненной.

Кромѣ этихъ трехъ поэмъ, у г. Баратынскаго есть и еще три: «Телема и Макаръ», «Переселеніе Душъ» и «Пиры». Первыхъ двухъ—признаемся откровенно—мы совершенно не понимаемъ, ни со стороны содержанія, ни со стороны поэтической отдѣлки. «Пиры» собственно не поэма, а такъ—шутка въ началѣ и элегія въ концѣ. Поэтъ, какъ-будто только принявшись воспѣвать пиры, замѣтилъ, что уже прошла пора и для пировъ и для воспѣванія пировъ... У времени есть своя логика, противъ которой никому не устоять... Въ «Пирахъ» г. Баратынскаго много прекрасныхъ стиховъ. Какъ мила, напр., эта характеристика нашей доброй Москвы:

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольный,
Не золоченыя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не силетни вѣстницы-молвы,
Мой умъ плѣняли своевольный.
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды;
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ:
Вполнѣ торжественны обѣды;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.—

и прочее. Г. Баратынскаго, за эту поэму, нѣкогда величали «пѣвцомъ пировъ»: мы думаемъ, что за этотъ отрывокъ, его слѣдовало бы называть «пѣвцомъ Москвы»...

Какъ хороши эти стихи въ «Пирахъ»:

Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милыя друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Что потакать мечтѣ унылой,
Кричали вы: смѣлѣе пей!
Развеселись, товарищъ милый,
Для насъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ разсѣянно послушный,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной;
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой срывалися печали,
И задрожавшія уста
«Богъ съ ней!» невнятно лепетали..,

Говоря о поэзіи г. Баратынскаго, мы были чужды всякихъ предубѣжденій въ-отношеніи къ поэту, котораго глубоко уважаемъ. Не скрывая своего мнѣнія и открыто, безъ уклончивости, высказывая его, тамъ, гдѣ оно было не въ пользу поэта, мы и не старались, въ пользу нашего мнѣнія, скрывать его достоинства, и выписывали только такіе отрывки изъ его стихотвореній, которые могли дать высокое понятіе о его талантѣ. Стихъ г. Баратынскаго не только благозвученъ, но часто крѣпокъ и силенъ. Однакожь, говоря о художественной сторонѣ поэзіи г. Баратынскаго, нельзя не замѣтить, что онъ часто грѣшитъ противъ точности выраженія, а иногда впадаетъ въ шероховатость и прозаичность выраженія. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Снять поспѣшила какъ-нибудь
Дня одѣянія *неловки*.

Что знаменуетъ сей *позоръ* (вм. *зрѣлище*).

Хотѣло бъ сердце у нея
Себѣ избрать кумиръ единый,
И тѣмъ *осмыслить* бытіе.

. . . . . Скажите:
Я равнодушенъ вамъ, или нѣтъ?

Всегда дарамъ своимъ предложитъ.
Условье нѣкое она,
Которымъ *злобно смышлена*,
Ихъ отравитъ, и уничтожитъ

Проказы жизни боевой
Никакъ веселыя проказы.

Храни свое *неопасенье*,
Свою неопытность лелѣй.

Какое же потомъ въ груди твоей
Ни водворится *озаренье*,

Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее *вихревращенье*.

Кромѣ стихотвореній, на которыя мы уже ссылались, въ сборникѣ г. Баратынскаго особенно достойны памяти и вниманія еще слѣдующія: *Финляндія; Завыла буря; Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ; Лета; Паденіе листьевъ; Глупцы не чужды вдохновенья; Когда печалью вдохновенный; Тебя изъ тьмы не изведу я; Идилликъ новый на искусъ; Элизійскія поля; Когда взойдетъ денница золотая; Когда исчезнетъ омраченье; Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти; Не бойся ѣдкихъ осужденій; Разувѣреніе; Старикъ; Притворной нѣжности не требуй отъ меня; Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье; Черепъ; О, мысль, тебѣ удѣлъ цвѣтка; Наяда; Мудрецу; На что вы, дни!; Осень*, и проч.

Нельзя вѣрнѣе и безпристрастнѣе охарактеризовать *безотносительное* достоинство поэзіи г. Баратынскаго, какъ онъ сдѣлалъ это самъ въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Не ослѣпленъ я музою моею,
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ,
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ,
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Не беремъ на себя тяжелой обязанности опредѣлять поэтическое достоинство г. Баратынскаго *относительно* къ другимъ поэтамъ и въ-отношеніи историческомъ, т. е. въ отношеніи къ выраженной имъ эпохѣ, къ настоящему и будущему положенію и значенію его въ русской литературѣ. Скажемъ только—и то, чтобъ чѣмъ-нибудь закончить нашу статью, а не для какого-нибудь поучительнаго вывода,—скажемъ, что всѣ поэты, по нашему мнѣнію, раздѣляются на два разряда. Одни называются великими, и ихъ отличительную черту составляетъ *развитіе:* по хронологическому порядку ихъ созданій можно прослѣдить діалектически-развивающуюся живую идею, лежащую въ основаніи ихъ творчества и составляющую его пафосъ. Неподвижность, т. е. пребываніе въ однихъ и тѣхъ же интересахъ, воспѣваніе одного и того же, однимъ и тѣмъ же голосомъ, есть признакъ таланта обыкновеннаго и бѣднаго. Безсмертіе—удѣлъ движущихся поэтовъ. Если и прошли навсегда интересы ихъ времени,—ихъ поэзія непреходяща, именно потому, что представляетъ собою памятникъ эпохи: такъ вѣчна исторія, написанная великимъ историкомъ, хоть она и содержитъ въ себѣ давно-прошедшія дѣла и интересы. Другіе поэты болѣе или

менѣе могутъ приближаться къ первымъ, особенно, если они выразили своими созданіями то, что было въ ихъ эпохѣ существенно-историческаго, а не одни ея недостатки. Для такихъ поэтовъ всего невыгоднѣе являться въ переходныя эпохи развитія обществъ; но истинная гибель ихъ таланта заключается въ ложномъ убѣжденіи, что для поэта довольно чувства... Это особенно-вредно для поэтовъ нашего времени: теперь всѣ поэты, даже великіе, должны быть вмѣстѣ и мыслителями, иначе не поможетъ и талантъ... Наука, живая, современная наука, сдѣлалась теперь пѣстуномъ искусства, и безъ нея—немощно вдохновеніе, безсиленъ талантъ!.. [330])

***677. Утренняя Заря**, альманахъ на 1843 годъ, изданный *И. Владиславлевымъ*. Пятый годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. III-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, Въ 16-ю д. л. 361 стр. (Цѣна 4 р. сер.). [331])

«Утренняя Заря» г. Владиславлева,—давно уже прекрасная и желанная гостья въ русской литературѣ. Она всегда появляется на рубежѣ двухъ литературныхъ годовъ, заставляя не поминать лихомъ стараго и съ веселою надеждою встрѣчать новый. Содержаніе ея всегда представляетъ такъ много хорошаго для легкаго чтенія. Это книга сколько свѣтская, столько и изящная, по внутреннему и по внѣшнему своему достоинству. Появленіемъ своимъ она всегда пробуждаетъ отъ апатическаго сна нашу лѣнивую и неповоротливую литературу: ее читаютъ и смотрятъ, ею восхищаются и любуются, ей всѣ рады, ее всѣ единодушно хвалятъ. На нынѣшній годъ, «Утренняя Заря» явилась прежнею красавицею, если еще не лучше прежняго. По-крайней-мѣрѣ, внутреннее ея достоинство на этотъ разъ гораздо-существеннѣе, чѣмъ было въ прошедшемъ году.

Первое мѣсто, по важности содержанія при достоинствѣ изложенія, принадлежитъ, въ ряду статей новой «Утренней Зари», безъ всякаго сомнѣнія, отрывку изъ записокъ покойнаго генерала Михаила Ѳеодоровича Орлова «Капитуляція Парижа». Очевидецъ и дѣйствователь въ этомъ знаменитомъ событіи, онъ описалъ его живо, увлекательно, *драматически*. Разсказъ его простъ, ясенъ, исполненъ умныхъ и дѣльныхъ наблюденій. Особенно замѣчательно искусство, съ какимъ авторъ умѣлъ придать легкую литературную форму статьѣ такого серьёзнаго, важнаго содержанія.

Изъ собственно-литературныхъ статей, перлъ альманаха составляетъ *послѣднее* стихотвореніе Лермонтова «Валерикъ». Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній покойнаго поэта; оно отличается этою стальною прозаичностью выраженія, которая составляетъ отличительный характеръ поэзіи Лермонтова, и которой причина заключалась въ его мощной способности смотрѣть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, въ его отвращеніи прикрашивать ихъ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать хоть начало этого довольно-большаго стихотворенія:

Я къ вамъ пишу случайно, право,
Не знаю какъ и для чего;
Я потерялъ ужь это право,
И что скажу вамъ? Ничего.
Что помню васъ? но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно;
И знать вамъ также нѣту нужды,
Гдѣ я? что я? въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды:
Да врядъ ли есть родство души.
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остывшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ:
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ;
Добро бъ еще морочить свѣтъ!
Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужь больше нѣтъ?
Безумно ждать любви заочной...
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.
Но я васъ помню—да и точно
Я васъ никакъ забыть не могъ:
Во-первыхъ потому, что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ.
Потомъ, въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь безплодныхъ лѣтъ—
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ.
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ
Забыть мнѣ было невозможно—
И къ мысли этой я привыкъ;
Мой крестъ несу я безъ роптанья
И то и это—наказанье!..
Не все ль одно: я жизнь постигъ,
Судьбѣ, какъ Турокъ, иль Татаринъ,
За все равно я благодаренъ...
У неба счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть можетъ небеса востока
Меня съ ученьемъ пхъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ,
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночью, днемъ,
Все, размышленію мѣшая,

Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу,—сердце спитъ,
Простору нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...

«Медвѣдь», повѣсть графа Соллогуба, тоже принадлежитъ къ лучшимъ и существеннѣйшимъ украшеніямъ новой «Утренней Зари». Въ этой повѣсти, разсказанъ очень-простой и очень-возможный случай, почти то, что́ называется анекдотомъ, но какъ разсказанъ! Такъ разсказывать умѣетъ только графъ Соллогубъ, и, право, такихъ разскащиковъ немного и въ литературахъ, которыя по-старше и по-богаче русской! Кромѣ превосходнаго, искуснаго изложенія, въ новой повѣсти графа Соллогуба много души, а нѣкоторыя мѣста ея дышатъ музыкою... Вотъ одно изъ такихъ:

„Съ другой стороны, *медвѣдь* (герой повѣсти, за дикій и нелюдимый характеръ свой былъ прозванъ медвѣдемъ еще отъ своихъ школьныхъ товарищей) былъ молодъ, и много дикой поэзіи таилось въ душѣ его. Въ особенности лѣтомъ мечтанія толпились роемъ надъ нимъ и мутили его воображеніе; душа его искала высшихъ наслажденій, сердце просило любви, чувство одиночества давило его и становилось нестерпимо. Но тогда онъ убѣгалъ на берегъ моря, долго вглядывался въ волны, и ему становилось легче, и странныя мысли приходили ему въ голову...

„Онъ думалъ тогда, что любить женщину недостойно человѣка, который чувствуетъ въ себѣ бодрость и силу. Какая красота женская, несовершенная и земная, можетъ сравниться,—думалъ онъ, глядя на море,—съ этой вѣчной, неизмѣнной красотой? Какой шопотъ любви, самый сладкій, можетъ сравниться съ этимъ вѣчнымъ шопотомъ, съ этими неясными стонами и жалобами, съ этимъ замирающимъ говоромъ, тайно наговаривающимъ на душу такія чудныя думы? Какой порывъ страсти, самой бурной, можетъ сравниться съ ненастною ночью, когда волны вздымаются до неба, утопляя звѣзды въ своихъ брызгахъ, когда громъ и молнія бороздятъ бездонныя пропасти, и вся трепетная природа сливается въ мрачную картину ужаса и гнѣва? А потомъ, когда все снова стихнетъ, когда черныя тучи, испуганныя солнцемъ, быстро убѣгутъ за небосклонъ, и море разовьется зеркальной равниной,—какое глубокое чувство, какое душевное смиреніе можетъ сравниться съ этой глубиной, съ этимъ смиреніемъ? Кто проникъ въ нѣдра чудной стихіи? Кто понялъ ея жизнь, ея силу, душу?... Долго проснжпвалъ онъ на берегу, вперивъ испытующій взоръ въ прозрачныя волны, и душа его наполнялась какой-то странной, необъятной любовью. И ему чудилось, что между нимъ и моремъ было что-то похожее на таинственное сочувствіе. Въ тихомъ говорѣ волнъ, плескавшихъ у ногъ его, ему слышались неясные звуки, какъ бы неоконченныя слова, какъ бы сладострастный отзывъ, что любовь его не пропала даромъ, что если онъ не измѣнитъ ей, его вѣчно, вѣчно будетъ хранить невидимая сила, и эти журчащія слова, эти мѣрные звуки убаюкивали его, какъ колыбельная пѣсня, и онъ засыпалъ на берегу, и сонъ его былъ тихъ и спокоенъ, какъ сонъ ребенка“...

Мы сказали, что въ этой повѣсти разсказанъ простой случай, почти анекдотъ: это не значитъ, чтобъ сюжетъ ея можно было передать въ двухъ словахъ, и чтобъ она была наполнена большею частію отступленіями и разсу-

жденіями. Напротивъ, въ «Медвѣдѣ» нѣтъ ни отступленій, ни разсужденій, длинныхъ и лишнихъ, но все разсказъ, все развитіе событія, простота и немногосложность котораго именно и требовала большаго таланта, большаго знанія и такта дѣйствительности. Писаки обыкновенно берутся за удивительныя и небывалыя приключенія: люди съ талантомъ изображаютъ то, что̀ можетъ быть, и слѣдственно, что̀ есть и бываетъ въ обыкновенной, ежедневной жизни, но изображаютъ это такъ, что оно, выходя изъ-подъ ихъ пера, кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ, выше мелочныхъ событій житейскаго быта. Особенно хорошо очеркнута въ «Медвѣдѣ» нравственная сторона такъ-называемаго большаго свѣта...

Одно только можно вмѣнить въ недостатокъ повѣсти графа Соллогуба: его медвѣдь совсѣмъ не изъ того круга людей, который авторъ называетъ «медвѣжьимъ». Этотъ кругъ, по собственному описанію автора, набитъ какими-то праздношатающимися пустозвонами, вѣчно пьющими и ядущими; а медвѣдь его—человѣкъ съ душою и сердцемъ, хоть и убитый воспитаніемъ. Напрасно также авторъ заставляетъ этихъ медвѣдей читать *плохіе* русскіе журналы, забывая, что *такіе* медвѣди, какъ и львы большаго свѣта, ровно ничего не читаютъ, и что въ плохихъ русскихъ журналахъ бываютъ иногда *прекрасныя* русскія повѣсти...

«Ударило двѣнадцать часовъ. *Римъ* пылалъ хуже всякой печки»... Такъ начинается «Наденька», другая повѣсть въ «Утренней Зарѣ». Встрѣтивъ слово «Римъ», мы въ испугѣ поспѣшили посмотрѣть на имя, подписанное подъ повѣстью—и книга вывалилась у насъ изъ рукъ... Повѣсть г. Кукольника!.. Она начинается съ Рима и въ Римѣ, стало-быть, это повѣсть итальянская, а намъ, по обязанности, должно прочесть ее... Что дѣлать! будемъ читать! Однакожь, къ-счастію, повѣсть оказалась русскою: Римъ въ ней играетъ побочную роль; главное ея дѣйствіе и развязка въ одномъ изъ захолустьевъ Россіи. Повѣсть незатѣйливая, но занимательно и мило разсказанная. Жаль только, что въ ней часто кланяются въ ноги...

«Прудъ» г. Гребенки—третій разсказъ въ новой «Утренней Зарѣ», столь богатой хорошими статьями. Это тоже прекрасный разсказъ о многомъ, что̀ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Кромѣ занимательности, разсказъ не лишенъ и юмору, что̀ составляетъ большое достоинство въ статьяхъ такого рода.

Послѣдняя прозаическая статья въ «Утренней Зарѣ» принадлежитъ г. Кукольнику и называется: «Историческія замѣтки о картинахъ, помѣщенныхъ въ альманахѣ: «Утренняя Заря». Статейка не безъ занимательности.

Кромѣ всего здѣсь исчисленнаго, въ альманахѣ г. Владиславлева есть стихотворенія гг. Подолинскаго, Ознобишина и Бенедиктова.

Гравюры, по-прежнему, удивительны! Ихъ семь: 1) Заглавная виньетка: «Утренняя Заря надъ памятникомъ Сусанину»; 2) Портретъ Торвальдсена, съ Кипренскаго; 3) Видъ Фалля, съ картины Фрикке; 4) Волга въ Симбирской Губерніи, съ картины Чернецова; 5) Поцѣлуй, съ картины Моллера; 6) Ма-

ріула, съ картины Кипренскаго; 7) Дача графа Строганова, съ картины Воронихина.

678. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова. Первая книга. Спб. 1842. Въ 8-ю д. л. 128 стр. (Цѣна 2 р. сер., вѣсов. за фунтъ). [332])

Это *второе* изданіе *первой* части стихотвореній г. Бенедиктова. Первое появилось въ 1835 году; въ 1838 году, г. Бенедиктовъ издалъ вторую часть своихъ стихотвореній, и такъ-какъ первая тогда же разошлась, а вторая и досихъ поръ не разошлась, то г. Бенедиктовъ издалъ теперь первую часть вновь, приноровивъ форматъ, печать, бумагу и обертку къ формату, бумагѣ и оберткѣ второй части.

О достоинствѣ и значеніи поэзіи г. Бенедиктова споръ уже конченъ; самые почитатели его согласятся, что онъ то же самое въ стихахъ, что Марлинскій въ прозѣ. Подражать тому и другому невозможно: оба они, и г. Бенедиктовъ и Марлинскій, оригинальны и самобытны даже въ самыхъ недостаткахъ своихъ. Точно такъ же, какъ геніальные, великіе поэты выражаютъ своими твореніями *крайность* какой-нибудь *дѣйствительной* стороны искусства, или жизни,—такъ они *геніально* выразили, одинъ въ стихахъ, другой въ прозѣ, крайность внѣшняго блеска и кажущейся силы искусства, чуждой дѣйствительнаго содержанія, а слѣдовательно и дѣйствительной жизненности. Отсюда проистекаютъ эти блестящіе, пестрые, узорочные миражи образовъ, столь обольстительные для неопытныхъ глазъ, поражающихся одною внѣшностію; отсюда же проистекаетъ и эта кажущаяся сила страстей и чувствъ, эта кажущаяся оригинальность и яркость идей, и эта дѣйствительная изысканность выраженія, доходящая иногда до уродливости и чудовищности. На Руси есть нѣсколько поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ больше чувства, души и изящества, чѣмъ въ произведеніяхъ г. Бенедиктова; но эти поэты не произвели и никогда не произведутъ на публику и въ-половину такого сильнаго впечатлѣнія, какое произвелъ г. Бенедиктовъ. И публика, въ этомъ случаѣ, совершенно-права: тѣ поэты незначительны въ той сферѣ искусства, въ которой они принадлежатъ: они заслоняются въ ней высшими поэтами той же сферы; а г. Бенедиктовъ самъ великъ въ той сферѣ искусства, къ которой принадлежитъ, и потому, никому не подражая, имѣетъ толпу подражателей. Объяснимъ это сравненіемъ. Китайская живопись, какъ все китайское, уродлива и ложна: но картина геніальнаго китайскаго живописца (если только могутъ быть геніальные китайскіе живописцы) сильнѣе поразитъ вниманіе зрителей, чѣмъ европейская картина обыкновеннаго таланта. Вообще, должно замѣтить, что поэты, подобные Марлинскому и гг. Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень-полезны для эстетическаго развитія общества. Эстетическое чувство развивается чрезъ сравненіе и требуетъ образцовъ даже уклоненія искус-

*

ства отъ настоящаго пути, образцовъ ложнаго вкуса и, разумѣется, образцовъ отличныхъ. Поэты, которымъ суждено выражать эту сторону искусства, тщетно стали бы пытаться отличиться въ другой какой-нибудь сторонѣ искусства; особенно, для нихъ недостижима цѣломудренная и возвышенная простота. Вотъ почему они держатся однажды принятаго направленія. И хорошо дѣлаютъ: будучи вѣрны ему, они всегда будутъ блестѣть, всегда будутъ имѣть *свою* толпу почитателей, и какъ теорія, такъ и исторія искусства, всегда будетъ, въ нужныхъ случаяхъ, ссылаться на нихъ, какъ на авторитеты въ извѣстныхъ вопросахъ науки изящнаго,—тогда-какъ ни та, ни другая и знать не хочетъ обыкновенныхъ талантовъ въ сферѣ истиннаго искусства.

Стихотворенія г. Бенедиктова имѣли особенный успѣхъ въ Петербургѣ, успѣхъ, можно сказать, народный, — такой же, какой Пушкинъ имѣлъ въ Россіи: разница только въ продолжительности, но не въ силѣ. И это очень-легко объясняется тѣмъ, что поэзія г. Бенедиктова не поэзія природы, или исторіи, или народа,—а поэзія среднихъ кружковъ бюрократическаго народонаселенія Петербурга. Она вполнѣ выразила ихъ, съ ихъ любовью и любезностію, съ ихъ балами и свѣтскостію, съ ихъ чувствами и понятіями, — словомъ, со всѣми ихъ особенностями, и выразила простодушно-восторженно, безъ всякой ироніи, безъ всякой скрытой мысли. Сколько юныхъ чиновниковъ и теперь еще помнитъ наизусть, напр., это стихотвореніе «Напоминаніе»:

Нина, помнишь-ли мгновенья,
Какъ пѣвецъ усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой,
Въ шумной залѣ и въ гостиной
Взоръ твой дѣвственно-невинной
Взоромъ огненнымъ ловилъ,—
Иль *мечтательно* къ окошку
Прислонясь, летучую-ножку
Тайной думою слѣдилъ,
Иль влекомъ мечтою сладкой,
Въ шумѣ общества, украдкой,
Въ слѣдъ за Ниною своей
Отъ *людей* бѣжалъ къ *безлюдью*
Съ переполненною грудью,
Съ острымъ пламенемъ рѣчей;
Какъ вносилъ я въ вихрь круженья
Предъ завистливой толпой
Станъ твой, полный обольщенья,
На ладони огневой,
И рука моя лѣниво
Отдѣлялась *отъ огней*
Безконечно-прихотливой
Дивной таліи твоей;
И когда ты утомлялась

И садилась отдохнуть,
Океаномъ мнѣ являлась
Нѣгой зыблемая грудь,—
И на этомъ океанѣ,
Въ пѣнѣ млечной близны,
Черезъ дымку, какъ въ туманѣ,
Рисовались двѣ волны?—
То угрюмъ, то бурно-веселъ,
Я стоялъ у пышныхъ креселъ,
Гдѣ покоилася ты,
И прерывистою рѣчью,
Къ твоему склонясь *заплечью*,
Проливалъ мои *мечты:*
Ты внимала мнѣ привѣтно,
А *шалунъ главы* твоей—
Русый локонъ незамѣтно
По щекѣ скользилъ моей...

Нина, помнишь тѣ мгновенья,—
Или времени потокъ
Въ море хладнаго забвенья
Все завѣтное увлекъ?

Врядъ-ли кто не согласится, что эта Нина совершенно-безцвѣтное лицо, настоящая чиновница, и что во всемъ этомъ воспоминаніи поэта нѣтъ ничего вѣющаго музыкой души и чувства... Но эта безсердечность, этотъ холодный блескъ, при изысканности и неточности выраженія, кажется истинною поэзіею «львамъ» и «львицамъ» средней-руки...

Какъ человѣкъ съ дарованіемъ, г. Бенедиктовъ не лишенъ ни вдохновенія, ни чувства, ни фантазіи; но его вдохновеніе, чувство и фантазія лишены дѣйствительной почвы, которая давала бы имъ жизненное питаніе; отъ-того, они натянуты, неестественны и приводятъ читателя въ какое-то напряженное состояніе, какъ при тяжелой работѣ. Впрочемъ, мѣстами, хотя и рѣдко, у г. Бенедиктова проблескиваютъ истинно-поэтическіе образы, проглядываетъ чувство искреннее и задушевное, какъ, напримѣръ, въ этихъ прекрасныхъ стихахъ:

Я помню приволье широкихъ дубравъ;
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ—синѣлась, шумѣла вода,
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны, да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Вдали безконечной видѣлись лѣса;—
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали...

***679. Наши, списанные съ натуры Русскими.** Выпускъ тринадцатый. Съ 121-й по 154-ю (36) стр. [333])

Кто что ни говори, а въ «Нашихъ» есть вещи, стоящія чтенія; при бѣдности русской литературы, это большая заслуга со стороны «Нашихъ». Мы по-прежнему убѣждены, что въ этомъ изданіи нѣтъ *типовъ*, для созданія которыхъ нужны художники, не просто литераторы, повѣствователи и разскащики. Но много ли типовъ, или, лучше сказать, есть ли типы и въ французскомъ изданіи, по образцу котораго составляются «Наши»? Конечно, тамъ больше встрѣтится статей, мастерски-написанныхъ, больше живости, развязности, яркости, больше умѣнья дѣлать то же да не такъ, какъ дѣлаютъ у насъ. Но не должно забывать, что созрѣвшая цивилизація представляетъ тамъ больше и ярко-выпуклыхъ предметовъ для изображеній, а созрѣвшая общественность и литература представляютъ больше дѣятелей, владѣющихъ твердо перомъ. Нельзя не согласиться, что Французы удивительные мастера писать, особенно писать бойко, ловко, игриво, легко, остроумно о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, служащихъ содержаніемъ для ежедневныхъ бесѣдъ и разговоровъ. Въ этомъ за ними мудрено тягаться. Но будемъ довольны и тѣмъ, что̀ есть. Такія статьи, какъ «Барышня», «Армейскій Офицеръ», «Гробовой Мастеръ» и «Няня», конечно, не составляютъ собою капитальныхъ произведеній литературы, не представляютъ чего-нибудь необыкновеннаго или особеннаго; но онѣ доставляютъ пріятную пищу для легкаго чтенія, въ которомъ особенно нуждается русская публика. Но даже какъ хорошій запасъ для легкаго чтенія, «Наши»—пріятное явленіе въ русской литературѣ, ибо, повторяемъ, по части легкаго-то чтенія она и бѣдна особенно. Если къ этому прибавить, что «Наши» издаются со всевозможнымъ на Руси изяществомъ, вкусомъ и роскошью, съ прекрасными картинками и виньетами работы русскихъ художниковъ,—то, право, нельзя не пожелать имъ всякаго успѣха. Впрочемъ, «Наши» и такъ хорошо идутъ—знакъ, что публикѣ они понравились, и потребность въ нихъ чувствовалась.

Тринадцатый выпускъ заключаетъ въ себѣ статью г. Основьяненко «Знахарь». Эта статья—истинный кладъ для любителей легкаго чтенія. Она разсказана живо и занимательно, вниманія не утомитъ, а удовольствіе доставитъ. Картинки и виньеты (числомъ 13) прекрасны.

***680. Сочиненія Ѳаддея Булгарина.** MDCCCXLIII. Санктпетербургъ. Четыре части. (Три первыя печатаны въ Гуттенберговой тип., а четвертая—въ тип. Н. Греча). Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 525, во II-й—509, въ III-й—546, въ IV-й—177 стр. [334])

Сочиненія г. Булгарина имѣютъ не одну литературную исторію: съ ними было много разныхъ исторій. Такъ, на-примѣръ, съ тѣми, которыя изданы те-

перь въ четырехъ томахъ, сбылся прекурьезный казусъ. Три части ихъ напечатаны уже давно, хотя на нихъ и выставленъ еще ненаступившій *1843 годъ*.

Что касается до этихъ изданныхъ г-мъ Лисенковымъ «Сочиненій Ѳаддея Булгарина»,—ихъ нельзя разбирать уже и потому, что самъ сочинитель отрекается отъ нихъ, и не признаетъ ихъ своими дѣтищами («Сѣверная Пчела» № 256): такъ, видите, много въ нихъ опечатокъ! Правду сказать, въ трехъ первыхъ томахъ этихъ опечатокъ почти нѣтъ, да и въ четвертомъ не опечатки виноваты, что, по словамъ г. Булгарина, «дѣло состряпалось такое, отъ котораго самъ авторъ охотно бы отказался и не призналъ бы его своимъ дѣтищемъ» («Сѣверная Пчела» № 256); но если ужь самъ г. Булгаринъ выдаетъ головою своего «Митрофанушку въ Лунѣ», то мы и не хотимъ его трогать, помня русскую пословицу: *лежачаго не бьютъ*... Не-уже-ли и послѣ этого, г. Булгаринъ будетъ упрекать насъ въ привязчивости, въ охотѣ браниться съ нимъ?..

Итакъ, до выхода «Полнаго Собранія Сочиненій» г. Булгарина, которое, какъ объявлено въ «Сѣверной Пчелѣ», скоро выйдетъ.

***681. Таинственный Монахъ** (,) или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Историческій романъ. Въ трехъ частяхъ. (Второе изданіе). Санктпетербургъ. 1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части—253, во II-й—262, въ III-й—206 стр. (Цѣна 2 р. 50 к. сер.). [335])

Всѣ существующія въ свѣтѣ «нѣкоторыя черты» принадлежатъ неутомимому петербургскому сочинителю, г. Р. Зотову: г. Р. Зотовъ не напишетъ ни одного романа безъ «нѣкоторыхъ чертъ». Въ «нѣкоторыхъ чертахъ» онъ изобразилъ даже и Наполеона: его чудотворной кисти подъ-силу всякая историческая личность, какъ бы ни была она громадна; а чудотворная кисть его напишетъ проворно, ярко, не жалѣетъ ни бакана, ни сурика, ни яри венеціанской, ни синьки; отъ-того у него изображенія выходятъ чудесныя. Нашъ живописецъ не любитъ тѣней: онъ обводитъ глаза и носы у своихъ фигуръ черными полосками, какъ дѣлаютъ китайскіе живописцы. Къ недостаткамъ его живописи можно отнести то, что головы, руки и ноги у фигуръ его какъ-будто были отбиты, а потомъ вновь приставлены съ помощію гвоздей и клея; но это-то и нравится той публикѣ, для которой изготовляются такія картины. Прихотливая не менѣе всякой другой, эта публика тоже непремѣнно хочетъ исторической живописи: хоть на лубкѣ, хоть помеломъ, а нарисуй ей Наполеона! Таковъ духъ нашего историческаго вѣка! Г. Р. Зотовъ удивительно-вѣрно понялъ этотъ духъ: всѣ романы этого плодовитаго сочинителя—историческіе, съ *нѣкоторыми чертами*. Его публика довольна имъ какъ-нельзя-больше. Не будемъ разбирать его романа: вѣдь онъ пишетъ не для насъ и не для нашей публики, а для себя и для *своей* публики. Зачѣмъ поселять недовѣрчивость въ

этой публикѣ къ таланту ея любимаго сочинителя! Пусть онъ пишетъ, а она читаетъ: занятія невинныя и даже полезныя для публики—въ отношеніи образованія ума и сердца, и особенно знанія «нѣкоторыхъ чертъ», которыхъ она, добрая публика, не имѣла случая узнать даже изъ исторіи г. Кайданова...

***682. Стихотворенія Н. С.** Санктпетербургъ. Въ типографіи *Конрада Вингебера*. 1842. Въ 16-ю д. л. 32 стр. [336])

Прости меня, Спаситель міра!
Дай отпущеніе грѣхамъ,

восклицаетъ неизвѣстный піита въ одномъ изъ своихъ стихотвореній; мы думаемъ, что подъ «грѣхами» онъ разумѣетъ и свои стихи, а потому не можемъ не отчаяваться за него. Посмотрите, что это такое:

Прости меня, Спаситель міра!
Дай отпущеніе грѣхамъ,
За бѣло-снѣжнымъ облакамъ,
Пріими въ подзвѣздный край эѳира
Молитву чистую мою.
И я, съ восторженной душою,
Не увлекуся суетою,
А рѣку слезную пролью...
Отнынѣ я злословьемъ свѣта
Не оскверню мои уста,—
Да будь душа моя чиста,
Молитвой теплою согрѣта.

А вотъ и еще лучше:

ПѢСНЯ.

Не летай, голубка,
Подъ моимъ окномъ
Лѣтнимъ вечеркомъ.
Знаешь ты, голубка:
Лѣтомъ ночь свѣтла—
Ты чиста, бѣла.
Подожди, голубка,
Нѣтъ тебѣ гнѣзда;
Будетъ свое время,
Своя череда...
Пролетай почаще,
Подъ моимъ окномъ,
Когда не забудешь
Зимнимъ вечеркомъ.

И все тутъ! Вотъ ужь подлинно: какого туману напустилъ — отгадай кто хочетъ!

Эта неопрятно-изданная книжонка начинается *балладою* «Женихъ-Мер-

твецъ»... Помилуйте, г. Н. С., кто же теперь пишетъ баллады? кто теперь воспѣваетъ женяховъ-мертвецовъ? Этимъ вздорамъ теперь вѣрятъ развѣ только старыя няньки, и то въ провинціальной глуши: а что всѣми людьми со смысломъ и не безъ какого-нибудь образованія признается вздоромъ и нелѣпостію, то не можетъ служить предметомъ для поэзіи. Женихъ-Мертвецъ—это больше, чѣмъ вздоръ, больше, чѣмъ нелѣпость. Ужь лучше воспѣвать голубокъ, хотя бы и безъ смысла, или «проливать слезную рѣку», чѣмъ пугать женихами-мертвецами, которыхъ теперь нельзя употребить даже и вмѣсто огородныхъ пугалъ для воробьевъ...

***683. Дагеротипъ.** Спб. 1842. Въ тип. *А. Бородина* и *К°*. Въ 8-ю д. л. Тетради 7, 8, 9, 10, 11 и 12-я. 36, 42, 119 и 38 стр. (Цѣна 3 р. сер., вѣсов. за 2 ф.). [337])

Говорить обо всемъ, что пишется и печатается въ россійской словесности многоплодною посредственностію и досужею промышленностію, безполезно и скучно. Поэтому, скажемъ только о самомъ, почему бы то ни было, примѣчательномъ, что есть въ этихъ шести тетрадяхъ «Дагеротипа». Стало-быть, исчисленіе и оцѣнка не утомятъ нашихъ читателей.

«Ложа въ Одесской Оперѣ», повѣсть даровитой г-жи Гапъ, недавно похищенной смертію у русской литературы, не принадлежитъ къ числу ея замѣчательнѣйшихъ созданій. Впрочемъ, мы о ней, еще будемъ имѣть случай говорить при выходѣ въ свѣтъ полнаго собранія ея повѣстей, которое уже поступаетъ въ печать. Эта небольшая повѣсть наполняетъ собою двѣ тетради «Дагеротипа», въ которыхъ, кромѣ нея, находится еще одна глава изъ переведеннаго г. Струговщиковымъ «Вильгельма Мейстера», занимающая собою ровно *пять* страничекъ, и прологъ изъ большой драматической фантазіи г. Кукольника «Піэтро-Аретино», достоинствомъ и скукою своею похожій на всѣ прологи ко всѣмъ большимъ и малымъ итальянскимъ фантазіямъ г. Кукольника. Въ трехъ слѣдующихъ тетрадяхъ (9, 10 и 11) находятся двѣ сцены изъ рукописной трагедіи г. Кукольника «Генералъ-поручикъ Паткуль» и «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» г. Полеваго. Нельзя не порицать обыкновенія драматистовъ печатать отрывки изъ драмъ: это очень-рѣдко даетъ понятіе о драмѣ и всегда повредитъ полнотѣ ея впечатлѣнія на публику, когда она выйдетъ вполнѣ. Г. Кукольникъ уже нѣсколько разъ потчивалъ публику отрывками изъ своего «Паткуля», думая, вѣроятно: *хорошаго по-немножку*... Но мы скажемъ наше мнѣніе объ этомъ «хорошемъ», когда оно выйдетъ вполнѣ, если, разумѣется, доживемъ до сего вожделѣннаго событія. Что же касается до «Комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами», мы очень-рады, что это превосходное твореніе нашего второго, послѣ г. Кукольника, драматиста, явилось въ печати и не погибнетъ для потомства... Въ 12-й те-

тради, напечатанъ плохой и уже извѣстный и перезвѣстный разсказъ, подъ названіемъ: «Невинные Злодѣи, или сюжетъ для комедіи», да перепечатана слово-въ-слово изъ «Московскаго Вѣстника» 1828 года, статья подъ названіемъ: «Аксель, романсъ Исаи Тегнера». Вотъ и все, что̀ есть въ шести тетрадяхъ «Дагеротипа» особенно-хорошаго, или особенно-плохого.

***684. Памятникъ Искусствъ.** Санктпетербургъ. 1842. Въ 4-ю д. л. Четыре тетради. [338])

«Памятникъ Искусствъ»! такъ онъ еще здравствуетъ, а мы думали, что онъ давно уже скоропостижно умеръ! Бѣдный, ему суждено умирать медленною, постепенною смертію, чахнуть по-немногу... Странна судьба этого изданія: родилось оно безъ головы, рукъ и ногъ, самое туловище его навсегда осталось тайною для библіографическихъ зоологовъ,—и ко всему этому, оно родилось еще съ злою чахоткою въ груди... Вотъ, на-примѣръ, теперь вдругъ, ни съ того, ни съ сего, появились четыре тетради, которыя рѣшительно не хотятъ знать одна другую, рѣшительно не признаютъ своего единства и родства. Читатель даже не знаетъ, которую читать прежде, которую послѣ, и тщетно ищетъ какой-нибудь нумераціи, или чего-нибудь подобнаго. На двухъ изъ нихъ страницы перемѣчены, какъ и во всякой книгѣ, обыкновенными европейскими цифрами, иначе называемыми «арабскими»: въ одной такихъ страницъ 31, въ другой—70; но въ третьей, страницы перемѣчены «римскими» цифрами, и ихъ числомъ—LXXVIII; а въ четвертой страницы никакъ не перемѣчены, и самому читателю предоставляется пріятная обязанность пересчитать ихъ... Теперь посмотримъ, что въ тетрадяхъ. Боже мой! да это хаосъ, вавилонское столпотвореніе! Но пересмотримъ, какъ ни тяжело это. Вотъ тетрадь, перемѣченная арабскими цифрами, въ 70 страницъ: она содержитъ въ себѣ описаніе «Памятниковъ искусствъ Египта». По содержанію, статья интересная! Но ка̀къ она относится къ идеѣ и къ цѣли цѣлаго изданія, кто составлялъ ее, или откуда взята она—рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ предоставляется догадливости и проницательности самого читателя: предупредительный издатель любитъ дѣйствовать загадками... Вотъ тетрадь, перемѣченная арабскими цифрами, въ 31 страницу; она содержитъ въ себѣ «Принцо(е)вы Острова» и «Харемы». Зачѣмъ же *Принцевы Острова* и *Харемы* зашли въ «Памятникъ Искусствъ»? спрашиваете вы насъ...—Спросите издателя: онъ лучше насъ долженъ знать это... Къ статьѣ «Харемы» приложена прекрасно выгравированная картина, представляющая, во внутренности харема, Турка съ двумя одалисками и стоящаго вдали евнуха. Картинка эта взята изъ извѣстнаго англійскаго изданія «Константинополь и Турки», недавно изданнаго г. Смирдинымъ въ русскомъ переводѣ.—Тетрадь, перемѣченная римскими цифрами, содержитъ въ себѣ «Индію» и выдана безъ оглавленія, тогда-какъ 70-ти-стра-

ничная тетрадь, содержащая въ себѣ «Памятники искусствъ Египта» снабжена необходимымъ оглавленіемъ. Къ «Индіи» приложена одна литографія; но какъ и при «Памятникахъ искусствъ Египта» не сказано, кѣмъ написана, или изъ какихъ источниковъ составлена, или откуда переведена эта статья. Содержаніе четвертой, не нумерованной тетради, можно узнать изъ самого содержанія (ибо при ней нѣтъ даже и заглавія): это «Словарь Санктпетербургской Академіи Художествъ», изъ котораго, по азбучному порядку, можно познакомиться съ произведеніями, хранящимися въ Академіи, и съ художниками, принадлежащими къ Академіи, т. е. можно прочесть нѣкоторыя біографическія подробности и ознакомиться съ ихъ трудами. Вещь очень и очень-полезная для справокъ. Жаль только, что она устарѣла, не насладившись юностію: такъ, на-прим., въ статьѣ о Карлѣ Брюлловѣ, изъ его трудовъ упомянуто только о копіи съ доменикинова Іоанна Богослова, «Помпеѣ», «Аѳинской школѣ» (копіи съ Рафаэля) и «Явленіи трехъ ангеловъ Аврааму» (программѣ). Къ этой тетради приложенъ *генеральный планъ бель-этажа Академіи Художествъ*.

685. Литературныя и Журнальныя замѣтки [339]). Въ десятой книжкѣ московскаго журнала «Москвитянинъ», кто-то г. Пельтъ (имя, въ первый разъ слышимое въ русской литературѣ!), разбирая «Комаровъ» г. Булгарина, не совсѣмъ-кстати и совсѣмъ-несправедливо зацѣпилъ мимоходомъ «Отеч. Записки». Г. Булгаринъ въ своихъ «Комарахъ» приписалъ себѣ всю честь необыкновеннаго успѣха «Героя Нашего Времени», который, по его словамъ, будто-бы до-тѣхъ-поръ лежалъ въ книжныхъ лавкахъ, не трогаясь съ мѣста, пока «Сѣверная Пчела», сжалившись надъ нимъ, не похвалила его. Справедливо осуждая неумѣстную выходку г. Булгарина, замѣчаетъ въ выноскѣ:

«Замѣтимъ здѣсь кстати подобную же выходку Отеч. Записокъ. Безъименный рецензентъ (точно ли безъименный, господа?... спросимъ мы въ скобкахъ...), разбирая Мертвыя Души, говоритъ, что Отеч. Записки первыя открыли дарованіе Гоголя и указали на него всей читающей Руси, когда еще до ихъ рожденія, при каждомъ представленіи Ревизора, театры обѣихъ столицъ были полны, а Миргородъ оцѣненъ былъ по достоинству во всѣхъ благомыслящихъ журналахъ. Но стоитъ ли все это опроверженія? Хорошъ былъ бы талантъ, для открытія котораго потребно бъ было существованіе Отеч. Зап.»

Мы съ этимъ совершенно согласны: что̀ за талантъ, для открытія котораго потребно было бы существованіе какого бы то ни было журнала—не только «Отеч. Записокъ», но даже и «Москвитянина», того самаго «Москвитянина», который недавно *открылъ*, что Гоголь, по акту творчества, равенъ Гомеру и Шекспиру, и воскресилъ древній эпосъ, искаженный великими поэтами Западной Европы (*). Да, съ этимъ мы совершенно согласны, потому-что это

(*) См. «Москвитянинъ» 1842, книжку IX, статью г. Аксакова «Объясненіе». [340])

совершенная истина, противъ которой нѣчего сказать. Но мы несогласны съ критикомъ «Москвитянина» въ томъ, будто мы говорили о себѣ, что первые открыли талантъ Гоголя и указали на него всей читающей Руси,—несогласны потому, что эта совершенная неправда... Во-первыхъ, мы говорили не собственно объ «Отеч. Записках», а о *прямой* и *уклончивой* критикахъ, изъ которыхъ первая, не боясь быть смѣшною въ глазахъ толпы, смѣло низвергаетъ ложныя славы съ ихъ пьедесталовъ и указываетъ на истинныя славы, которыя должны занять ихъ мѣсто, а вторая, такъ же понимая дѣло, въ угоду толпѣ, выражается осторожно, намеками, съ оговорками. Опредѣливъ характеръ той и другой критики, вотъ что̀ сказали мы еще:

«Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ „прямой критики“, сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ-существующихъ журналовъ, только на долю „Отеч. Записокъ“ выпала роль „прямой критики“. Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ (*) возбудила противъ насъ столько криковъ, столько непріязненности, какъ со стороны литературной братіи, такъ и со стороны большинства читающей публики? И что же! смѣшно и жалко видѣть, какъ, съ голосу „Отеч. Записокъ“, ихъ словами и выраженіями (не новы, да благо ужь готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразера — Богъ знаетъ, изъ какихъ щелей наползшіе въ современную литературу критиканы, Богъ вѣдаетъ какіе журналы и какія газеты! Большинство публики не только не думаетъ теперь на это сердиться, но тоже, въ свою очередь, повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! Давно ли многіе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермонтовѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ журналъ? И что же! мало того, что участіе и устремленныя на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполнѣ оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ;—мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованія онъ не подозрѣвалъ, и которые гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своею враждою, чѣмъ пріязнію... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ-сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ *теперь* журналовъ, „Отеч. Записки“ *первыя* и *одни* сказали и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ, указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Еслибъ мы имѣли несчастіе увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образцѣ бездарности,—и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь—великій талантъ, геніальный поэтъ и *первый* писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ на-

*) «Отеч. Записки» 1840, т. VIII.

падали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь перваго великаго поэта Руси. Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна мысль видѣть имя Гоголя подлѣ имени Пушкина, они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ собою отношенія Гёте и Шиллера...» (*).

Вотъ что̀ мы сказали. Есть ли въ нашихъ словахъ что-нибудь похожее на то̀, въ чемъ упрекаетъ насъ «Москвитянинъ»? Онъ нашелъ въ нашихъ словахъ то же самое, что́ и въ выходкѣ г. Булгарина: г. Булгаринъ прямо объявилъ, что единственно *онъ* далъ ходъ Лермонтову; слѣдственно, по обвиненію «Москвитянина», и мы похвалились тѣмъ же, т. е., что дали ходъ Гоголю... Правда, «Москвитянинъ», или его безъименный критикъ, замѣчаетъ, что мы похвалились только тѣмъ, что *указали* публикѣ на Гоголя, но въ такомъ случаѣ, что же общаго между нашимъ «указателемъ» и выходкою г. Булгарина? Да сверхъ того, мы и не думали говорить, что «Отеч. Записки» *указали* публикѣ на Гоголя: мы сказали, что «изъ существующихъ *теперь* журналовъ, «Отеч. Записки» *первыя* и *однѣ* сказали и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что̀ такое Гоголь въ русской литературѣ»; къ этому мы прибавили еще, что за это насъ порицали почти всѣ другіе журналы и нѣкоторые изъ читателей... Все это правда. Кто же изъ существующихъ *теперь* журналовъ называлъ Гоголя великимъ писателемъ? Ужь не тотъ ли московскій журналъ, который недавно поставилъ г. Павлова выше Гоголя, а Гоголя ниже г. Павлова?.. Изъ существовавшихъ *прежде* журналовъ, первый оцѣнилъ Гоголя «Телескопъ», а совсѣмъ не тотъ, другой московскій журналъ, который отказался принять въ себя повѣсть Гоголя «Носъ», по причинѣ ея пошлости и тривіальности, и не тотъ *именитый* критикъ, который отказался писать о «Ревизорѣ», какъ опять о тривіальномъ и грязномъ произведеніи... Гоголю далъ ходъ его великій талантъ: публика оцѣнила Гоголя прежде всѣхъ журналовъ, но *какъ* оцѣнила—вотъ вопросъ! Сколько и теперь есть людей, которые не одинъ разъ прочли Гоголя, а все говорятъ, что куда ему до Марлинскаго!.. Дѣло журнала оцѣнить писателя *сознательно* и распространить въ публикѣ эту *сознательную* оцѣнку, и мы почитаемъ себя въ правѣ сказать, что «Отеч. Записки» принимали едва-ли не первое и не исключительное участіе въ дѣлѣ *сознательной* оцѣнки Гоголя, изъ всѣхъ существующихъ теперь журналовъ... Ими же *первыми*, изъ существующихъ *теперь* журналовъ, оцѣненъ по достоинству Марлинскій и ими *однѣми* оцѣненъ по достоинству Лермонтовъ. Да, ужь, конечно, Лермонтовъ оцѣненъ не тѣмъ критикомъ, который поставилъ Лермонтова ниже г. Хомякова, а г. Хомякова выше Лермонтова... Все это факты, противъ которыхъ нечего сказать, равно-какъ и противъ того, что въ замѣчаніи «Москвитянина», или его критикъ противъ «Отеч. Записокъ» нѣтъ нисколько правды, а есть много неправды... [342])

(*) „Отеч. Записки“ 1842, т. XXIII. Отд. „Библіографія“, стр. 4—5. [341])

Небольшой разговоръ между литераторомъ и не-литераторомъ о дѣлѣ, не совсѣмъ литературномъ.

N. (входя къ M.) Скажите, пожалуйста, это по вашей части: что такое означаетъ вотъ это стихотвореніе *(показывая книжку журнала)* къ «Безъименному Критику»?

M. Во-первыхъ, это совсѣмъ не по моей части...

N. Какъ не по вашей? вы занимаетесь литературою, вы сами литераторъ...

M. Потому-то это стихотвореніе и не по моей части... Впрочемъ, такъ-какъ теперь въ русскую литературу вошло много *не-литературныхъ* элементовъ, то иногда принужденъ бываю читать и такое, чего сохрани Богъ написать ..

N. Не о томъ дѣло! Скажите, что̀ это такое? къ какому безъименному критику?

M. Само-собою разумѣется, къ критику, котораго никто не знаетъ...

N. Нѣтъ, развѣ къ такому, который не подписываетъ своего имени подъ своими критиками?..

M. И который, по этому, никому не извѣстенъ?..

N. Ну, Богъ знаетъ! Тутъ къ нему адресуются въ такомъ тонѣ, какъ-будто его имя можетъ сейчасъ же сказать каждый грамотный человѣкъ... Прочтите...

M. Я читалъ уже...

N. Что за бѣда! Такъ слушайте:

Нѣтъ! твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!

Кто это, кто?

M. То-есть, кто тотъ, который *ужалилъ* Карамзина?—Не знаю!

N. Разумѣется, не ужалилъ, а писалъ противъ Карамзина?

M. О, очень-многіе! Во-первыхъ, славянофилы [343]), доказывавшіе, что Карамзинъ испортилъ русскій языкъ, что онъ не знаетъ русскаго языка, что онъ пишетъ не по-русски, и прочее; потомъ, Каченовскій, написавшій, между незначительными придирками, и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на «Исторію Государства Россійскаго»; потомъ г. Арцыбашевъ, между нѣсколькими дѣльными замѣчаніями, написавшій и множество мелочныхъ замѣчаній на исторію Карамзина, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» г. Погодина, и возбудившихъ негодованіе (не совсѣмъ, впрочемъ, основательное и справедливое) во многихъ литераторахъ, особенно же въ г. Полевомъ, потомъ, г. Полевой, передъ выходомъ своей и до-сихъ-поръ еще не конченной, «Исторіи Русскаго Народа», начавшей нападать на «Исторію Государства Россійскаго»...

N. Ну, а Ломоносова-то кто называлъ не-поэтомъ?

М. Многіе и очень многіе; но изъ всѣхъ ихъ, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Пушкинъ. Вотъ слова его о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I-мъ и Екатериною II-ю, онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи, не что иное, какъ *исправный чиновникъ*, *а не поэтъ*, вдохновенный свыше, *не ораторъ*, мощно увлекающій... Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. *Его вліяніе на словесность было вредное*, и до-сихъ-поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изъисканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ [1])»... Вся статья Пушкина о Ломоносовѣ состоитъ въ доказательствахъ, что Ломоносовъ былъ великій человѣкъ и великій ученый, но не поэтъ и даже не ораторъ.

N. Ну, а вотъ дальше-то о комъ идетъ рѣчь?

Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковскій, и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!

М. Стихи плохи до того, что трудно понять ихъ смыслъ. Кажется, надо понимать такъ, что дерзкою рукою «безъименнаго критика» тронуты всѣ люди славные, оказавшіе услуги литературѣ?

N. Именно такъ! Кто же это?

М. Да никто. Очевидно, что это такъ—реторическое украшеніе, невинная и благонамѣренная гипербола.

N. Но кто же оскорблялъ Жуковскаго и Державина?

М. Писали о нихъ многіе, но кто оскорблялъ—трудно сказать, потому-что въ стихахъ не прописано: какъ, какимъ образомъ оскорблялъ. Въ стихотвореніяхъ, приближающихся къ роду юридическихъ сочиненій [344]), надо быть какъ можно отчетливѣе; къ нимъ не мѣшаетъ даже прилагать piéces justificatives...

Н. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца до Петра,
Обнажилъ бытописаній
Славы силы и добра!

Это на кого?

М. На Ломоносова и на многихъ старинныхъ нашихъ писателей, которые, и въ стихахъ и въ прозѣ, говорили, что Петръ былъ полубогомъ Россіи, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петръ, явившись, сказалъ: «*да будетъ свѣтъ!*»—*и бысть!*.. Долго справляться, а фактовъ нашлось бы много. Впро-

[3]) „Сочиненія Александра Пушкина“, т. XI, стр. 21—22.

чемъ, и теперь Русскіе раздѣляютъ этотъ восторгъ къ Петру нашихъ старинныхъ писателей. Что же касается до двухъ послѣднихъ стиховъ —

Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра,—

то, за отсутствіемъ смысла въ нихъ, я не могу дать отвѣта. Дальше читать нéчего—ибо въ этихъ трехъ куплетахъ высказаны главные пункты дѣла; въ остальныхъ содержится распространеніе и поясненіе этихъ трехъ главныхъ пунктовъ и приговоровъ за преступленіе. А преступленіе, надо сказать, было бы великое, еслибъ все стихотвореніе не было чистымъ поэтическимъ вымысломъ.

N. Но какая же причина этого вымысла?

М. Самая простая: авторъ болѣнъ страстію къ стихоманіи, а талантомъ, какъ видно изъ этихъ же стиховъ, не богатъ: стало быть, онъ похвалъ себѣ не слыхалъ, а горькой правды отъ *именныхъ* и *безъименныхъ* критиковъ наслышался вдоволь. Поэтому, естественно, что ему не нравится все, что̀ мыслитъ и разсуждаетъ. Видя, что правду можно говорить и о знаменитыхъ писателяхъ, не только-что о дрянныхъ писакахъ, онъ съ горя и закричалъ: «слово и дѣло!», давъ своему восклицанію такой оборотъ:

О!... когда народной славѣ
И избранниковъ *его* (?)
Насмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?...

N. А и въ-самомъ-дѣлѣ: кто захочетъ трудиться, видя, что и труды великихъ иногда цѣнятся и вкось и вкривь?

М. Кто?—каждый, кто родится съ призваніемъ на великое. И какой великій дѣйствователь останавливался отъ мысли, что его не оцѣнятъ и оскорбятъ? Вспомните, что̀ говорили и писали о Пушкинѣ, какими бранями встрѣчалось каждое его произведеніе! И однакожь, это его не остановило: онъ отвѣчалъ на ругательства новыми произведеніями. Это исторія каждаго замѣчательнаго, не только великаго человѣка. Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то было на умѣ у нашего піиты: онъ хлопоталъ не о великихъ... Впрочемъ, Богъ-знаетъ, о чемъ онъ хлопоталъ! Если спросить его, думаю, онъ самъ не найдется ничего сказать. [345])

Въ 256-мъ № «Сѣверной Пчелы» напечатано объясненіе, почему публика охладѣла къ «Репертуару» соединенному съ «Пантеономъ»: виноватъ во всемъ—видите ли — фѣльетонистъ, или сотрудникъ этого журнала... А фѣльетонистъ, или сотрудникъ «Репертуара» упрекаетъ въ охлажденіи публики редакцію «Репертуара и Пантеона», не умѣвшую, какъ видно, сдѣлать прочія части журнала занимательными. Кто правъ, кто виноватъ изъ нихъ?—Изъ вѣжливости, повѣримъ *обоимъ*, и не станемъ спорить ни съ однимъ...

Фѣльетонистъ той же газеты (№ 261) горько жалуется, что «не смѣетъ причислить себя къ числу умныхъ людей» (его собственныя слова, выписанныя нами съ дипломатическою точностію), потому-что, будто-бы, «Отеч. Записки и Литературная Газета въ *каждой книжкѣ* (большая NB) и *каждомъ листѣ* (маленькая NB), а *Москвитянинъ* при всякой «*вѣрной оказіи*» (полтора NB) ясно, умно, остроумно и безпристрастно доказываютъ цѣлому міру, что фѣльетонистъ Сѣверной Пчелы—человѣкъ безъ малѣйшаго дарованія», и пр., и пр. Странно! читая эти строки, подумаешь, что «Отеч. Записки» выходятъ ежедневно, а «Сѣверная Пчела» разъ въ мѣсяцъ? Или, что «Отеч. Записки» только и толкуютъ, что о «Сѣверной Пчелѣ», а «Сѣверная Пчела» ни слова ни говоритъ объ «Отеч. Запискахъ»! Чтобъ утѣшиться въ горѣ, «Сѣверная Пчела» старается увѣрить публику, что «Отеч. Записки» и «Литературная Газета»—одно изданіе, и г-на Кони называетъ критикомъ «Отеч. Записокъ»!... Къ чему всѣ эти продѣлки? Публика знаетъ, что «Литер. Газета»—совершенно-отдѣльное отъ «Отеч. Записокъ» изданіе, нисколько не зависящее отъ нихъ въ своемъ направленіи и образѣ мыслей и неимѣющее съ ними никакой связи; г. Кони никогда не былъ критикомъ «Отеч. Записокъ» и даже никогда не участвовалъ въ этомъ журналѣ, какъ сотрудникъ... Кому это неизвѣстно, и кого, съ какою цѣлію хотятъ увѣрить въ противномъ?—Въ 250 нумерѣ «Сѣверная Пчела» увѣряетъ, будто «Отеч Записки» сравниваютъ «Мертвыя Души» съ «Иліадою», «Одиссеею», а Гоголя—съ Гомеромъ!... Послѣ этого «Сѣверной Пчелѣ» остается увѣрить публику, что «Отеч. Записки» называютъ г. Булгарина даровитымъ и отличнымъ писателемъ, а «Сѣверную Пчелу»—превосходною газетою.... Чего добраго, пожалуй, и это станется отъ нея!...[346]).

Редакція «Москвитянина», объявляя о продолженіи своего журнала въ будущемъ году, распространилась о томъ, что будто всѣ литераторы раздѣлились на двѣ стороны—одна сторона въ пользу мысли о необходимости европейскаго развитія Руси, другая—въ пользу мысли о вожделѣнности самобытнаго развитія изъ самой себя... Первый разрядъ литераторовъ «Москвитянинъ» раздѣлилъ на невѣждъ, незнающихъ ни Запада, ни Руси, и на полуневѣждъ, знающихъ Западъ и незнающихъ Руси. Положимъ, все это и такъ; но вотъ въ чемъ дѣло и вотъ въ чемъ вопросъ: когда же «Москвитянинъ» рѣшитъ намъ задачу о самобытномъ (чуждомъ Западу) развитіи Руси? Вотъ уже два года, какъ издается онъ, а кромѣ фразъ и возгласовъ ничего еще имъ не сказано... Правда, онъ ясно доказалъ свое незнаніе Запада; но когда же, когда докажетъ онъ намъ свое знаніе Руси и того, что̀ ей нужно для самобытнаго (чуждаго Западу) развитія?... Вѣдь сборъ незначительныхъ историческихъ матеріаловъ, которые напечатаны въ «Москвитянинѣ» и которымъ приличнѣе было бы войдти въ составъ какого-нибудь спеціальнаго историческаго сборника,—еще не представляетъ собою рѣшенія заданнаго имъ самому-себѣ вопроса... Равнымъ образомъ, и письма Пушкина, писанныя совсѣмъ не для печати, и его шуточный,

глубоко-ироническій[347]) разборъ трагедіи «Марѳа Посадница»—также не рѣшаютъ вопроса?... То-то же! На словахъ кого ни послушаешь—всѣ «мы сбили, мы рѣшили», а на дѣлѣ—глядь и выйдетъ: «мы сбились сами».

686. Русскій театръ въ Петербургѣ. Людмила, драма въ трехъ отдѣленіяхъ, подражаніе нѣмецкому (Lenore), составленная изъ баллады *В. А. Жуковскаго*, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ его стиховъ[348]).

Объ этой пьесѣ намъ не слѣдовало бы и говорить—пьеса старая; но *отъ избытка чувствъ уста глаголятъ*... Это такая возмущающая душу нелѣпость, такая балаганная пьеса, что не знаешь, чему дивиться—смѣлости ли нѣкоторыхъ бенефиціантовъ, угощающихъ свою публику подобными пустяками, или готовности этой бенефисной публики восхищаться всякимъ вздоромъ... Нѣкогда, въ оное блаженное старое время Германіи, когда еще имена Шиллера и Гёте были въ ней новы и юны, Бюргеръ прославился своею балладою «Ленора». Баллада пренелѣпая по содержанію, но не дурная по стихамъ; по пословицѣ «не родись уменъ, а родись счастливъ» добрые Нѣмцы увидѣли въ ней колоссальное произведеніе. Шиллеръ первый сказалъ Бюргеру, что такими пустяками не снискивается поэтическое безсмертіе. Съ-тѣхъ-поръ Lenore скоропостижно скончалась, и теперь ее вспоминаютъ развѣ нѣмецкіе сапожники въ трактирахъ. А у насъ изъ нея сдѣлали драму... Драма изъ баллады съ мертвецомъ и кладбищемъ!... Приплели тутъ отечественную войну 1812 года, Смоленскъ, измѣну, заставили ломаться и кривляться какую-то невѣсту съ крѣпконамазаннымъ бѣлилами лицомъ, а жениха-мертвеца заставили, при свистѣ вѣтра, вызывать ее въ окно стихами баллады, которая когда-то тѣшила дѣтей. И все это *возобновляется* въ 1842 году!... Жаль, что у насъ не бываетъ о святкахъ и пасхѣ лубочныхъ театровъ: тамъ эта «трагедь» вмѣстѣ съ «Комедіею о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» восхитила бы *свою* публику...

Посмертныя и неизвѣстныя статьи 1840—42 гг.

***687) Сочиненія въ стихахъ и прозѣ.** *Дениса Давыдова.* Второе изданіе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. 1840. Три части[349]).

Помните ли вы то время нашей литературы, когда она казалась такою живою, разнообразною, пестрою, богатою,—когда не было конца литературнымъ новостямъ, не было конца изумленію и наслажденію читателя? Прекрасное то было время! Тогда явился исполинъ нашей поэзіи, полный и могучій представитель русскаго духа въ искусствѣ—Пушкинъ. Каждое его новое стихотвореніе, показывавшееся то въ журналѣ, то въ альманахѣ, расшевеливало

всѣ умы, настроенные ожиданіемъ чудесъ его поэзіи, было живою, чудною новостію, которая возбуждала любопытство и вызывала вниманіе даже стараго поколѣнія, сладко дремавшаго за бостономъ и вистомъ. Не говоря уже о множествѣ мелкихъ произведеній Пушкина,—этотъ рядъ поэмъ: «Русланъ и Людмила», «Братья Разбойники», «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыгане», «Полтава», наконецъ драма «Борисъ Годуновъ», и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ глава за главою дивнаго поэтическаго романа «Евгенія Онѣгина», созданія чисто-оригинальнаго, исчерпавшаго до дна всю жизнь современной Руси,—согласитесь, что тутъ было отъ чего закружиться даже и молодымъ, не только старымъ головамъ, которыя еще не совсѣмъ успѣли переварить въ себѣ и поэзію Жуковскаго:—столь странною и дикою даже и она казалась имъ, еще съ почтеніемъ вспоминавшимъ о Сумароковѣ, съ мистическимъ благоговѣніемъ о Херасковѣ, и не умѣвшимъ вообразить ничего выше Ломоносова, Державина и Озерова! Всѣ теоріи перевернулись и перепрокинулись: классицизмъ единогласно былъ уволенъ въ-чистую, за выслугою и дряхлостію, а романтизмъ плохо понимали и самые его поборники. Шумъ, крикъ, споры... Славное было то время! Что нужды, если спорившіе плохо разумѣли предметъ спора: разумѣніе является тогда, когда утихнетъ шумъ и крикъ, но оно все-таки есть результатъ этого шума и крика. Тогда шумѣли, кричали спорили и даже *бранились*[350]),—это правда—но не изъ подписчиковъ, единственной и исключительной причины полемики многихъ теперешнихъ журналовъ, а изъ мысли, изъ желанія защитить свое убѣжденіе, или узнать истину. Конечно, и тутъ, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, вмѣшивались и корыстные разсчеты, и самолюбіе; но главнымъ рычагомъ всей тогдашней литературной дѣятельности и главною причиною и шума, и криковъ, и даже браней, было—живо естремленіе къ истинѣ[351])... Но объ этомъ грустномъ предметѣ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ[352]); а теперь намъ должно скорѣе дойти до предмета настоящей статьи—Давыдова.

Вслѣдъ за Пушкинымъ вышла на литературную арену цѣлая дружина молодыхъ талантовъ. Всѣ они пошли по направленію, данному имъ Пушкинымъ, и самый послѣдній изъ нихъ, безъ всякаго спора, гораздо выше, напримѣръ, гг. Тимоѳеева и Кукольника, громко провозглашенныхъ въ одномъ журналѣ великими геніями русской литературы отъ 1834 года до сей минуты включительно,—или г. Бернета, который, благодаря тому же журналу, смѣло сталъ подлѣ двухъ первыхъ. Кромѣ того, что каждый изъ талантовъ, появившихся въ слѣдъ за Пушкинымъ, имѣлъ больше или меньше неотъемлемое достоинство, положительную силу,—не забудемъ, что каждый изъ нихъ тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ на публику, что былъ для нея совершенно новымъ; уже одна новость, небывалость и, въ-отношеніи къ предшествовавшему періоду литературы, совершенная оригинальность, могла быть принята и за талантъ, и за геній. Въ это время начало ходить по рукамъ въ рукописи великое твореніе Грибоѣдова «Горе отъ Ума»; въ это время чувствительныя души пла-

кали надъ рукописнымъ «Чернецомъ» Козлова, и безпрестанно появлялись лирическія произведенія Козлова, Баратынскаго, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ѳ. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманскаго, Шевырева (особенно какъ талантливаго переводчика Шиллера), Шишкова 2-го (переводчика «Нѣмецкаго Театра»), Писарева (водевилиста) и пр. *). При этомъ, довольно значительномъ числѣ дарованій, дѣйствовавшихъ въ одно время и подъ вліяніемъ одного общаго свѣтила—Пушкина, дѣйствовалъ и великій талантъ стараго періода литературы—Жуковскій, и дѣйствовалъ, казалось, съ новою силою. Даже изрѣдка являлись басни Крылова. Всегда игривая, остроумная, а нерѣдко и трогающая грустнымъ чувствомъ муза князя Вяземскаго, казалось, получила новую жизнь. Мерзляковъ напоминалъ о себѣ въ это время своими русскими пѣснями, Гнѣдичъ—отрывками изъ «Иліады», которая наконецъ и вполнѣ была издана въ 1830 году...

Мы говорили о стихотворцахъ; теперь перейдемъ къ прозаикамъ. Ихъ число, конечно, было не такъ велико, какъ число прозаиковъ съ 1834 года; но мы здѣсь говоримъ собственно не о стихотворцахъ или прозаикахъ, а о цѣлой литературѣ въ данный періодъ. Притомъ же, количество не всегда то же, что̀ качество, а посему и въ отношеніи къ прозаикамъ мы еще помедлимъ отдать перевѣсъ послѣднему времени литературы, начавшемуся съ 1834 года[353]). Вмѣстѣ съ Пушкинымъ вышелъ на поприще литературы Марлинскій. Время произнесло свой судъ надъ этимъ писателемъ: лѣтъ пять назадъ онъ былъ ростомъ чуть не съ Шекспира, или съ Эльборусъ, а теперь поступилъ на вакантное удивленіе и восторгъ той части публики, которая, отдавъ романамъ г. Булгарина полную дань удивленія и восторга, уже скучаетъ ими и требуетъ чего-нибудь получше. Какъ бы то ни было, но Марлинскій все-таки очень-примѣчательное лицо въ исторіи нашей литературы. Его назначеніе было—дѣйствовать противъ заплесневѣлой старости. Онъ очень остроумно и энергически преслѣдовалъ мелкою журнальною дробью такъ-называвшихся тогда «классиковъ», а въ повѣстяхъ своихъ изъ всѣхъ силъ добивался оригинальности въ вымыслѣ и выраженіи, новыхъ блестящихъ оборотовъ въ слогѣ и въ новыхъ словахъ. Его сочиненія принесли великую пользу тѣмъ, что уничтожили въ глазахъ публики всякую цѣну прежняго направленія въ романѣ и повѣсти, сдѣлавъ ихъ смѣшными и пошлыми, и возбудили въ публикѣ требованіе чего-то лучшаго, высшаго и истиннѣйшаго. Сначала публика думала, что нашла въ повѣстяхъ Марлинскаго осуществившійся идеалъ современнаго романа и повѣсти; но, попригляд̀евшись къ нимъ, она признала ихъ почтенною, хотя и неудавшеюся попыткою, и съ рукъ на руки передала той части публики,

*) Достойны вниманія переводы и даже нѣкоторыя оригинальныя произведенія гг. Ротчева, Тютчева, Маркевича, Вердеревскаго и даже г. Ранча, очень не дурно переведшаго «Буколики» Виргилія и написавшаго нѣсколько стихотвореній, отличающихся гладкостію и бойкостію стиха.

которая, прочитавъ «Ивана Выжигина», уже остроумно и колко подшучивала надъ «Милордомъ Англинскимъ». Но дальнѣйшія подробности этого дѣла не относятся къ предмету нашей статьи: намъ нужно замѣтить только, что если повѣсти Марлинскаго, теперь, будучи изданы вторично, имѣли такой блестящій успѣхъ,—то какой же восторгъ производили онѣ своею новостію и оригинальностію, какое движеніе и какую жизнь давали нашей литературѣ и нашей публикѣ! И не забудьте, что онѣ были современны поэмамъ Пушкина, «Горю отъ Ума» Грибоѣдова и всѣмъ выше исчисленнымъ нами поэтамъ. Кромѣ Марлинскаго, попытками на русскую повѣсть въ то время замѣчательны гг. Погодинъ и Полевой; ихъ повѣсти не только не лишены значительныхъ беллѣтрическихъ достоинствъ, особенно важныхъ для того времени, въ которое онѣ являлись, но онѣ возбуждали сильный интересъ въ тогдашней публикѣ. Г. Полевой, сверхъ-того, пріобрѣтшій большую извѣстность въ качествѣ журналиста, сдѣлалъ еще попытку и на историческій романъ, и въ его «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ» есть мѣста, отличающіяся занимательностію и ознаменованныя нѣкоторою степенью дарованія. Въ это же время вышелъ на литературную арену еще новый атлетъ, съ свѣжими силами, съ элементомъ новой жизни, совершенно-новою мыслію въ новой оригинальной формѣ: мы говоримъ о князѣ Одоевскомъ, который создалъ себѣ особый родъ и не нашелъ себѣ въ немъ ни послѣдователей, ни соперниковъ. Трудно опредѣлить характеръ его такъ-называемыхъ повѣстей, которыя скорѣе можно назвать поэтическими думами о жизни и фантастическими видѣніями. Въ нихъ преобладаетъ глубоко-гуманическое начало; ихъ герой—внутренній человѣкъ, и всего чаще—художникъ въ борьбѣ съ враждебною дѣйствительностію. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преобладаетъ благородный юморъ, возбуждаемый созерцаніемъ противорѣчій жизни и искаженной человѣческой натуры,—и во всѣхъ господствуетъ дидактически-поэтическое стремленіе—пробуждать заснувшія въ грязи внѣшней жизни души для высшаго идеальнаго существованія. Первымъ его литературнымъ опытомъ была повѣсть «Элладій», потомъ нѣсколько аллегорій, напечатанныхъ въ «Мнемозинѣ», но это были только пробы пера,—и тѣ, которымъ извѣстны «Послѣдній Квартетъ Бетховена», «Себастіанъ Бахъ», «Насмѣшка Мертваго», и другія пьесы князя Одоевскаго, согласятся съ нами, что такой писатель имѣетъ не временное значеніе и важность. Какой же интересъ должны были возбуждать въ публикѣ эти произведенія при своемъ появленіи, какую жизнь должны были давать они литературѣ того прекраснаго времени! *).

Такъ-какъ мы, говоря о періодѣ русской литературы отъ 1819 до 1834 года, имѣемъ въ виду преимущественно ту жизнь, которой она въ это

*) Какъ жаль, что князь Одоевскій медлитъ до-сихъ-поръ изданіемъ своихъ сочиненій, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ! Только тогда можно бъ было увидѣть, какое важное значеніе имѣютъ они въ русской литературѣ [354]).

время была одушевлена и которою возбуждала такой сильный интересъ въ публикѣ,—то и должны упомянуть даже о явленіяхъ, которыя, будучи само-по-себѣ совершенно ничтожны, своею новостію способствовали еще къ большему оживленію литературы и возбужденію живаго интереса въ публикѣ. Къ такимъ явленіямъ принадлежатъ романы г. Булгарина, безспорно имѣющіе свое «литературно-историческое» значеніе, хотя и чуждые всякаго поэтическаго и даже просто бельлетрическаго достоинства по рѣшительному отсутствію внутренней жизни. Нужно-ли говорить о томъ, можно-сказать, волненіи, которое произвелъ въ нашей литературѣ «Юрій Милославскій» г. Загоскина, эта теплая, добродушная попытка въ романическомъ родѣ, убившая на-повалъ сочинителя «Самозванца»? Равнымъ образомъ, нужно ли говорить о «Рославлевѣ», этомъ добродушномъ повтореніи «Юрія Милославскаго», омегѣ славы его автора, которой альфою былъ «Юрій Милославскій»?.. Въ это же время выступилъ на литературное поприще и единственный даровитый романистъ нашъ, г. Лажечниковъ, съ своимъ высоко-поэтическимъ «Новикомъ». Тогда же публика радушно привѣтствовала и «Киргизъ-Кайсака», г-на Ушакова и «Странника» съ «Кащеемъ Безсмертнымъ» г-на Вельтмана. Самъ Гоголь явился съ своими дивно-художественными «Вечерами на Хуторѣ» въ этотъ же живой и цвѣтущій періодъ нашей литературы, который мы начинаемъ съ 1820 года, а оканчиваемъ 1833 годомъ, и который мы почитаемъ приличнымъ и справедливымъ назвать періодомъ *пушкинскимъ* *).

Вотъ къ этому-то періоду нашей литературы принадлежитъ и даровитый нашъ партизанъ-поэтъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Правда, ему было уже *пятнадцать* лѣтъ отъ роду, когда еще Пушкинъ только-что родился, и онъ написалъ одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній, свое знаменитое посланіе къ Бурцову, въ 1804 году, когда Пушкину было еще только пять лѣтъ отъ роду; но тѣмъ не менѣе, какъ поэтъ и литераторъ, Давыдовъ принадлежитъ къ пушкинскому періоду нашей литературы, о которомъ мы не безъ причины такъ распространились. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, имѣя рѣшительное вліяніе на поэтовъ, вмѣстѣ съ нимъ или послѣ него явившихся, имѣлъ также сильное вліяніе и на нѣкоторыхъ поэтовъ предшествовавшаго, т. е. *карамзинскаго* періода литературы, уже пріобрѣтшихъ опредѣленную извѣстность. Къ такимъ относимъ мы князя Вяземскаго, Ѳ. Глинку и въ особенности Дениса Давыдова; сличите стихотворенія этихъ поэтовъ, написанныя ими до появленія Пушкина, съ ихъ же стихотвореніями, написанными ими по появленіи Пушкина,—и вы увидите, какая безконечная разница не только въ языкѣ, или фактурѣ стиха, но и въ колоритѣ, оборотахъ фразъ и мыслей! Таково вліяніе генія на совре-

*) Началомъ, или исходнымъ пунктомъ слѣдующаго за тѣмъ періода нашей литературы, было начало «Библіотеки для Чтенія», какъ главнаго его героя и центра его дѣятельности. По характеру своему, онъ можетъ назваться *книгопродавческимъ*, *промышленнымъ*, или *торговымъ*, точно такъ же, какъ настоящее время нашей литературы можетъ назваться *апатическимъ*.[335])

менную ему литературу: его дѣятельность есть водоворотъ, все увлекающій въ своемъ непреодолимомъ стремленіи!

Давыдовъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ людямъ блестящаго царствованія Александра-Благословеннаго, царствованія, столь богатаго и славнаго талантами на всѣхъ поприщахъ, блестящаго знаменитостями и славами всѣхъ родовъ. Давыдовъ примѣчателенъ и какъ поэтъ, и какъ военный писатель, и какъ вообще литераторъ, и какъ воинъ—не только по примѣрной храбрости и какому-то рыцарскому одушевленію, но и по таланту военачальничества,— и наконецъ онъ примѣчателенъ какъ человѣкъ, какъ характеръ. Онъ во всемъ этомъ знаменитъ, ибо во всемъ этомъ возвышается надъ уровнемъ посредственности и обыкновенности. Говоря о Давыдовѣ, мы преимущественно имѣемъ въ виду поэта; но чтобъ понять Давыдова, какъ поэта, надо сперва понять его какъ Давыдова, т. е. какъ оригинальную личность, какъ чудный характеръ, словомъ, какъ всего человѣка: и потому сперва бросимъ взглядъ на его біографію.

Къ первому изданію его стихотвореній, сдѣланному въ 1832 году московскимъ книгопродавцемъ Салаевымъ, приложенъ легкій очеркъ его жизни, подъ названіемъ «Нѣкоторыя черты изъ жизни Дениса Васильевича Давыдова». Въ краткомъ предисловіи, издатель извѣстилъ публику, что этотъ очеркъ написанъ однимъ изъ сослуживцевъ Давыдова; но мы очень хорошо помнимъ, что тогда никто этому не повѣрилъ, и всѣ журналы назвали этотъ очеркъ автобіографіею, хотя самъ Давыдовъ, или нѣкоторые изъ близкихъ къ нему литераторовъ, и протестовали противъ этого, какъ противъ ошибки. При теперешнемъ изданіи сочиненій Давыдова, опять приложенъ съ нѣкоторыми измѣненіями этотъ же самый очеркъ подъ названіемъ «Очерка жизни Дениса Васильевича Давыдова»,— и новый издатель, въ краткомъ предисловіи, извѣщаетъ публику, что авторъ этого Очерка—сослуживецъ Давыдова, покойный генералъ-лейтенантъ О. Д. О—й, и что многіе *ошибочно* приняли этотъ очеркъ за автобіографію, а въ доказательство приводитъ слова самого Давыдова, который, въ письмѣ къ нему, формально отрекается отъ сочиненія «Очерка» и утвердительно приписываетъ его сослуживцу и другу своему, генералу О. Д. О—му. Какъ бы то ни было, но не смотря на личное свидѣтельство самого Давыдова, дѣло остается «въ сильномъ подозрѣніи»: до такой степени носитъ на себѣ этотъ «Очеркъ» родовыя примѣты пера Давыдова и отличается такимъ добродушіемъ, такою откровенностію, искренностію, такою удалою размашистостію и оригинальностію! Пробѣжимъ же эту автобіографію, или — если угодно — этотъ очеркъ жизни Давыдова, мѣстами говоря его собственными словами, а мѣстами, скрѣпя сердце, замѣняя поэтическое изложеніе оригинала нашимъ прозаическимъ пересказомъ[386]).

Давыдовъ родился въ Москвѣ, 16-го іюля 1784 года. Съ малолѣтства, подобно большей части дѣтей, обнаруживалъ онъ страсть къ ружью и маршированію, страсть, которая получила высшее направленіе отъ случайнаго вни-

манія къ нему Суворова. Суворовъ, при осмотрѣ полтавскаго полка, находившагося подъ командою отца Дениса Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, благословивъ его, сказалъ: «Ты выиграешь три сраженія!»—Маленькій повѣса (слова Очерка) бросилъ псалтырь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка.

Въ-самомъ-дѣлѣ, это событіе такъ глубоко врѣзалось въ душу Давыдова, что въ лѣта мужества онъ передалъ его со всѣми подробностями, въ прекрасной статьѣ. Мы должны же говорить о Давыдовѣ, какъ о прозаикѣ, такъ вотъ кстати и образчикъ его прозы, а къ жизни его мы еще обратимся:

«За полчаса до полночи, меня съ братомъ разбудили, чтобы видѣть Суворова, или по-крайней-мѣрѣ слышать слова его, потому что ученье начиналось за часъ до разсвѣта; а въ самую полночь, какъ насъ увѣряли, онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударитъ въ ладоши и прокричитъ пѣтухомъ: по этому сигналу трубачи затрубятъ «генералъ-маршъ», и войско станетъ сѣдлать лошадей, ожидая «сбора», чтобъ садиться на нихъ и строиться для выступленія изъ лагеря. Но, не взирая на все наше вниманіе, мы не слыхали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтухомъ. Говорили потомъ, что онъ не только въ ту ночь, но никогда, ни прежде, ни послѣ, этого не дѣлывалъ, и что все это была одна изъ выдумокъ и преувеличенныхъ странностей, которыя ему приписывали.

До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ поле. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея всеминутно уходили у насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ гулъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами, въ облакахъ пыли, показывается кто-то скачущій въ бѣлой рубашкѣ—и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ поле для одного съ нами предмета, вырывались крики: „Вотъ онъ! вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!“ Вотъ все, что мы видѣли и слышали...

. . . . . .

Около десяти часовъ утра все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало „скачетъ! скачетъ!“ Мы выбѣжали, и увидѣли Суворова во стѣ саженяхъ отъ насъ, скачущаго во всю прыть въ направленіи мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ оно упадало при встрѣчѣ съ любимою женщиной. Я весь былъ взоръ и вниманіе, весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу—толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди Суворова на соврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и легкой, маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формою нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеровъ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, не смотря на дѣтскія лѣта, напечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ почему мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, ни-

саннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію и котораго вѣрнѣйшая конія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ, искусно выгравированный Уткинымъ, не похожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его физіономіи, соненъ и безжизненъ.

Когда онъ несся мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совсѣмъ необразованный, но котораго онъ предъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій,—Тищенко закричалъ ему: „Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!“—„Гдѣ они? гдѣ они?“ спросилъ онъ, и увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена, подозвалъ насъ къ себѣ еще ближе, благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: „любишь ли ты солдатъ, другъ мой?“ Смѣлый и пылкій ребенокъ, я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: „Я люблю графа Суворова; въ немъ все,—и солдаты, и побѣда, и слава!“—„О, помилуй Богъ, какой удалой!—сказалъ онъ—это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!“—Съ этимъ словомъ, онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ.

Суворовъ въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ: братъ мой весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ, и служилъ съ честью, что̀ доказываютъ восемь полученныхъ ранъ, всѣ, кромѣ двухъ, отъ холоднаго оружія,—ранъ, издалека неполучаемыхъ; а я не командовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными корпусами; слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выиграть сраженій.

При всемъ томъ, слова великаго человѣка имѣли что-то магическое; когда, спустя нѣсколько лѣтъ, подошло для обоихъ насъ время службы, отцу моему предложили записать насъ въ Иностранную Коллегію; но я, полный словъ героя, не хотѣлъ другаго поприща, кромѣ военнаго; братъ мой, озадаченный можетъ быть его предсказаніемъ, покорился своей службѣ, и, прежде чѣмъ поступилъ въ военное званіе, около году служилъ въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, юнкеромъ.

На этомъ мѣстѣ должна бы кончиться наша выписка изъ статьи Давыдова; но,—очарованные его разсказомъ, столь живописнымъ, что все какъ-будто видишь сію же минуту передъ глазами своими, и давнопрошедшее становится настоящимъ,—мы выпишемъ еще о посѣщеніи Суворовымъ отца Давыдова. А чтобъ выписка не была черезчуръ длинна, мы своими словами перескажемъ нѣкоторыя подробности о приготовленіяхъ къ пріему великаго человѣка. По благосклонности къ отцу Давыдова, Суворовъ самъ назвался къ нему на обѣдъ. Дѣло было въ какой-то постъ,—и потому на большомъ кругломъ столѣ въ гостиной стояли разныя постныя закуски, съ рюмкою «благороднаго размѣра» и графиномъ водки. Въ столовой накрытъ былъ столъ на 23 прибора, безъ всякихъ украшеній посреди—безъ вазъ съ фруктами и вареньемъ, и безъ плато̀, какъ тогда водилось: Суворовъ ненавидѣлъ роскоши. Не было даже суповыхъ чашъ на столѣ—кушанья должны были подаваться прямо съ огня: такъ обыкновенно дѣлывалось у Суворова. Въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ за столовой

были приготовлены: ванна, нѣсколько ушатовъ съ холодною водой, нѣсколько чистыхъ простынь, перемѣнное бѣлье его и одежда, привезенныя изъ лагеря. Изъ приглашенныхъ къ обѣду, между прочими гостями, была одна пожилая госпожа, знакомая хозяйкѣ дома и пріѣхавшая изъ Москвы: она съ перваго взгляда не понравилась Суворову и была предметомъ его насмѣшекъ и шутокъ во все время пребыванія у Давыдова. Теперь обратимся къ разсказу самого автора.

Маневры того дня кончились въ 7 часовъ утра, т. е. въ 7 часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой, оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ въ лагерь во всю прыть своего черкесскаго коня, на которомъ былъ на маневрахъ, чтобы, перемѣня его, скорѣе пріѣхать къ намъ и, до прибытія Суворова, исправить то, что требовало исправленія для его принятія. Уже онъ былъ на половинѣ пути отъ лагеря къ Грушевкѣ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ боку, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко: оба они скакали во всѣ поводья по направленію къ Грушевкѣ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесятитрехлѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго, на крыльцѣ, трепавшаго саврасаго коня своего, и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ. „Помилуй Богъ! славная лошадь! Я на такой никогда не ѣзжалъ. Это не двужильная, а трехжильная!“ Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ что нельзя было угадать чертъ его лица.

Всѣ мы ожидали выхода Суворова въ гостиную. Это продолжалось около часа времени. Вдругъ растворились двери изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ младенецъ послѣ святаго крещенія. Волосы у него убраны были, какъ представляются на его портретахъ. Мундиръ на немъ былъ генералъ-аншефскій того времени, богато шитый серебромъ или золотомъ, не помню, на распашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому лѣтнему жилету лежала лента Георгія перваго класса: болѣе орденовъ не было. Лѣтнее, бѣлое, довольно узкое нижнее исподнее платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортъ. Въ рукахъ ничего не было—ни шляпы, ни каски. Такъ я въ другой разъ увидѣлъ Суворова.

Отецъ мой вышелъ къ нему навстрѣчу, провелъ его въ гостиную, и представилъ ему мать мою и насъ. Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ о покойномъ отцѣ ея, генералъ-поручикѣ Щербининѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ намѣстникомъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній; каждаго изъ насъ благословилъ снова, далъ намъ поцѣловать свою руку, и сказалъ: „это мои знакомые“. Потомъ, оборотясь ко мнѣ, повторилъ: „О, этотъ будетъ военнымъ человѣкомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!“ Тутъ отецъ мой представилъ ему родную сестру мою, трехъ-лѣтняго ребенка. Онъ спросилъ ее: „что съ тобою, моя голубушка? что ты такъ худа и блѣдна?..“ Ему отвѣчали, что у нея лихорадка. „Помилуй Богъ, это не хорошо! Надо эту лихорадку хорошенько

высѣчь розгами, чтобъ она ушла и не возвращалась къ тебѣ". Сестра подумала, что сѣченье предлагается ей, а не лихорадкѣ, и едва не заплакала. Тогда, оборотясь къ пожилой госпожѣ, Суворовъ сказалъ: „А объ этой и спрашивать нечего; это вѣрно какая-нибудь *мадамка!*" Эти слова сказаны были безъ малѣйшей улыбки и весьма хладнокровно, что возбудило въ насъ смѣхъ, отъ котораго едва мы воздержались; но онъ, не измѣняя физіономіи, съ тѣмъ же хладнокровіемъ подошелъ къ столу, уставленному закусками, налилъ рюмку водки, выпилъ однимъ глоткомъ и такъ плотно принялся завтракать, что любо.

Спустя нѣсколько времени, отецъ мой пригласилъ его за обѣденный столъ. Всѣ размѣстились. Подали щи кипячія, какъ Суворовъ обыкновенно кушалъ: онъ часто любилъ ихъ хлебать изъ самаго горшка, стоявшаго на огнѣ. Я помню, что почти до половины обѣда онъ не занимался ничѣмъ кромѣ утоленія голода и жажды среди глубокаго молчанія, и что обѣ эти операціи производилъ, можно сказать, ревностно и прилежно. Около половины обѣда пришла череда и разговорамъ. Но болѣе всего остались у меня въ памяти частыя насмѣшки его надъ пожилой госпожей, что насъ, дѣтей, чрезвычайно забавляло, да и старшихъ едва не увлекало къ смѣху. Въ теченіе всего обѣда, Суворовъ, при самыхъ интересныхъ разговорахъ, не забывалъ ловить каждое движеніе ея, какъ скоро она обращалась въ противную отъ него сторону, и мгновенно бросалъ какую-нибудь шутку на ея счетъ. Когда она, услышавъ его голосъ, оборачивалась на его сторону, онъ, подобно школьнику-повѣсѣ, потуплялъ глаза въ тарелку, не то обращалъ ихъ къ бутылкѣ или стакану, показывая, будто занимается питьемъ или ѣдою, а не ею. Такъ, напримѣръ, взглянувъ однажды на нее тогда, какъ она всматривалась въ гостей, сидѣвшихъ въ концѣ стола, онъ сказалъ въ полголоса, но довольно явственно: «какая тетеха!» И едва успѣла она обратиться въ его сторону, какъ глаза его уже опущены были на рыбу, которую онъ кушалъ весьма внимательно. Въ другой разъ, замѣтивъ, что она продолжаетъ слушать разговоры тѣхъ же гостей, Суворовъ сказалъ: „какъ вытаращила глаза!" Въ третій разъ, увидѣвъ то же, онъ произнесъ: „они тамъ говорятъ, а она сидитъ да глядитъ!"

Тищенко сказывалъ мнѣ, что изъ одного только уваженія къ моей матери, Суворовъ ограничилъ подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что обыкновенно онъ, чтобы избавиться отъ присутствія противной ему особы, при первой встрѣчѣ съ нею восклицалъ: „Воняетъ! воняетъ! Курите, курите!" И тогда привычные къ нему чиновники, зная уже, до кого рѣчь касается, тайно подходили къ той особѣ и просили ее выйдти изъ комнаты. Тогда только прекращались его восклицанія.

Послѣ обѣда онъ завелъ рѣчь о лошади, на которой ѣздилъ на маневрахъ и пріѣхалъ къ намъ на обѣдъ; хвалилъ ея прыткость и силу, и увѣрялъ, что никогда не ѣзжалъ на подобной, кромѣ одного раза, въ сраженіи подъ Козлуджи. „Въ этомъ сраженіи,—сказалъ онъ—я былъ охваченъ и преслѣдуемъ Турками очень долго. Зная турецкій языкъ, я самъ слышалъ уговоръ ихъ между собою не стрѣлять по мнѣ и не рубить меня, а стараться взять живаго: они узнали, что это былъ я. Съ этимъ намѣреніемъ они нѣсколько разъ настигали меня такъ близко, что почти руками хватались за куртку; но при каждомъ ихъ наскокѣ, лошадь моя какъ стрѣла бросалась впередъ,

и гнавшіеся за мною Турки отставали вдругъ на нѣсколько саженъ. Такъ я спасся!"

Пробывъ у насъ около часа послѣ обѣда, весьма разговорчивымъ, веселымъ и безъ малѣйшихъ странностей, онъ отправился въ коляскѣ въ лагерь, и тамъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„Первый полкъ отличный; второй полкъ хорошъ; про третій ничего не скажу; четвертый никуда не годится".

Въ приказѣ полки означались собственнымъ именемъ каждаго; я назвалъ ихъ нумерами. Не могу умолчать однако, что первый нумеръ принадлежалъ полтавскому легко-конному полку.

По отданіи этого приказа, Суворовъ немедленно сѣлъ на перекладную тележку, и поскакалъ обратно въ Херсонъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мирныхъ маневровъ конницы и пасмѣшекъ надъ пожилою госпожею на берегахъ Днѣпра,—польское королевство стояло уже вверхъ-дномъ и, залитая кровью, Прага курилась.

Одинъ изъ друзей Давыдова и нашихъ литераторовъ сдѣлалъ очень остроумное и правдоподобное объясненіе для оправданія пророчества Суворова на счетъ трехъ побѣдъ, которыя долженъ былъ одержать Давыдовъ. Приведенный нами примѣръ прозы Давыдова очень основательно можетъ быть принятъ за представителя одной изъ блестящихъ побѣдъ его, напророченныхъ Суворовымъ. Но обратимся къ жизни Давыдова и поищемъ въ ней объясненія двухъ послѣднихъ его побѣдъ.

До тринадцатилѣтняго возраста, Давыдовъ учился болтать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ, и повершилъ свой курсъ образованія съ арапникомъ въ рукахъ, въ отъѣзжемъ полѣ. Между *порошалы* и *брызгалы*, живя въ Москвѣ безъ дѣла, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ Университетскомъ пансіонѣ, и, благодаря имъ, прочелъ альманахъ Карамзина «Аониды». Знакомыя имена подъ нѣкоторыми статейками зажгли его честолюбіе и заставили приняться за авторство. Очень интересенъ его первый опытъ въ поэзіи:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить!

Историческая строгость требуетъ замѣтить, что это стихотвореніе стоило Давыдову большихъ трудовъ и большого поту.

Въ началѣ 1801 года (т. е. *семнадцати* лѣтъ), отправили Давыдова въ Петербургъ на службу. Малый ростъ препятствовалъ ему вступить въ кавалер-

гардскій полкъ безъ затрудненія; однакожь (говоритъ Очеркъ) «наконецъ привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и трехугольною шляпою,—и такимъ чудовищемъ спѣшилъ онъ къ двоюродному брату своему К—му, чтобы порадовать его своею радостію». Но тутъ его ждало одно изъ тѣхъ благодѣтельныхъ разочарованій, которыя, потрясая до основанія даровитыя и самолюбивыя натуры, вызываютъ наружу всѣ ихъ силы и указываютъ предназначенный имъ путь. Кому не дано отъ природы, въ томъ и самыя благопріятныя обстоятельства ничего не откроютъ; но богатая натура пробуждается къ сознанію иногда отъ самыхъ пустыхъ внѣшнихъ случаевъ. Вмѣсто изъявленія восторговъ и поздравленій, родственникъ осыпалъ Дениса язвительными насмѣшками, указавъ ему на его рѣшительное невѣжество. Тогда Давыдовъ принялся за военныя книги и скоро пристрастился къ ихъ чтенію. Въ промежуткахъ дежурствъ своихъ, въ казармахъ, въ госпиталѣ, на столикѣ больного, на солдатскихъ нарахъ, даже въ эскадронной конюшнѣ—бесѣдовалъ онъ съ музами и писалъ сатиры и эпиграммы, которыми началъ свое литературное поприще.

Въ 1804 году, Давыдовъ принужденъ былъ выйдти въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, стоявшій тогда въ Кіевской губерніи. «Молодой гусарскій ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, *затянулся*, *натянулся* и пустился плясать мазурки до упаду. Въ это бѣшеное время, онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, потому-что была полячка, и сочинилъ извѣстное приглашеніе на пуншъ Бурцову, который служилъ съ нимъ въ одномъ полку, и который, получивъ удалое посланіе, не могъ читать, потому-что самъ писалъ *мыслете*».

Съ 1806 по 1815 годъ, Давыдовъ участвуетъ во всѣхъ войнахъ и кампаніяхъ. Во время войны съ Шведами, онъ неотлучно находится при авангардѣ знаменитаго Кульнева. При началѣ великой войны 1812 года, Давыдовъ поступаетъ въ ахтырскій гусарскій полкъ подполковникомъ и, до битвы подъ Бородинымъ, командуетъ первымъ баталіономъ этого полка. Тутъ онъ подаетъ мысль о выгодѣ партизанскаго образа дѣйствованія и съ 130 гусарами и казаками отправляется въ тылъ непріятеля и середину его обозовъ, командъ и резервовъ; дѣйствуетъ противъ нихъ десять сутокъ и, усиленный шестью стами новыхъ казаковъ, сражается нѣсколько разъ въ окрестностяхъ и подъ стѣнами Вязьмы; раздѣляетъ подъ Ляховомъ славу съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ, разбиваетъ трехтысячное кавалерійское депо подъ Копысомъ, разсѣеваетъ непріятеля подъ Бѣлычанами и продолжаетъ *веселые* и *залетные* свои поиски до береговъ Нѣмана. Подъ Гродно нападаетъ онъ на четырехъ-тысячный отрядъ Фрейлиха, составленный изъ Венгерцевъ:—Давыдовъ въ душѣ гусаръ и любитель природнаго гусарскаго напитка: за стукомъ сабель застучали стаканы и—городъ нашъ!

За этимъ послѣдовало кратковременное затмѣніе счастія Давыдова; поступивъ подъ начальство генерала Винцингероде; пройдя съ нимъ черезъ Польшу,

Силезію и вступивъ въ Саксонію, Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину Дрездена, защищеннаго корпусомъ Дюрюта. За такую дерзость онъ лишенъ былъ команды и сосланъ въ главную квартиру; но справедливость Царя-покровителя была защитою безпокровнаго, — и Давыдовъ снова является на похищенное у него поприще. Во Франціи, онъ командуетъ въ арміи Блюхера ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а потомъ бригадою, составленною изъ ахтырскаго и бѣлорусскаго гусарскихъ полковъ, съ которыми онъ проходитъ чрезъ Парижъ. За отличіе въ сраженіи подъ Бріеномъ, онъ производится въ генералмайоры.

Вскорѣ послѣ того, Давыдовъ получаетъ отпускъ въ Москву, гдѣ и предается исключительно литературнымъ занятіямъ. Въ 1819 онъ вступаетъ въ бракъ, а въ началѣ 1823 выходитъ въ чистую отставку.

Со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно-царствующаго Государя Императора, Давыдовъ принимаетъ участіе въ персидской кампаніи и является на той единственной пограничной чертѣ Россіи, которая еще не звучала подъ копытами его коня. Вырвавшись изъ объятій милаго ему семейства,—черезъ десять дней Давыдовъ уже за Кавказомъ; еще нѣсколько дней,—и онъ за громадою Безобдала преслѣдуетъ, съ своимъ отрядомъ, отступающаго отъ него, по Бамбакской Долинѣ, непріятеля; наконецъ, еще одни сутки,—и онъ у подошвы заоблачнаго Алагёза поражаетъ четырех-тысячный отрядъ извѣстнаго Гассанъ-Хана и принуждаетъ его бѣжать къ Эриванской Крѣпости.

Кавказскій климатъ не былъ благопріятенъ здоровью Давыдова и заставилъ его возвратиться въ Россію. До 1831 года, онъ живетъ въ своей приволжской деревнѣ и пользуется всѣми наслажденіями мирной, уединенной и семейственной жизни.

Обстоятельства 1831 года снова вызвали Давыдова на военное поприще. Для его дѣятельной, кипучей натуры громъ оружія былъ такъ же обязателенъ, какъ и стукъ пуншевыхъ чашъ въ пріятельскихъ бесѣдахъ: онъ не могъ владѣть собою, слыша тотъ или другой. Но польская кампанія, въ которой Давыдовъ отличился не однимъ блестящимъ дѣломъ, была его послѣднею кампаніею: откройся теперь война,—и ужь Давыдовъ, почуявъ бой, не помчится вихремъ изъ первыхъ на ратное поле; но это потому только, что Давыдова уже нѣтъ въ живыхъ...

Въ литературной дѣятельности Давыдовъ таковъ же, какъ и въ военной: и въ службѣ музъ, онъ былъ только лихимъ наѣздникомъ и дѣйствовалъ не массами войскъ, какъ полководецъ, а летучими партизанскими отрядами, и притомъ быстро и неожиданно. Стихотворенія Давыдова не подлежатъ суду философской критики: они не суть явленіе того искусства, которое высокія идеи воплощаетъ въ живые, вѣчно-юные и вѣчно-прекрасные образы; ихъ нельзя назвать художественными,—и Давыдовъ, дѣйствуя въ сферѣ самого искусства дѣйствовалъ въ другой и для другой сферы. Онъ былъ поэтъ въ душѣ: для него жизнь была поэзіею, а поэзія жизнью,—и онъ поэтизировалъ все, къ чему

ни прикасался: въ его стихахъ *преужасные* пуншевые стаканы и чаши не оскорбляютъ образованнаго чувства, но звучатъ весело и отрадно; облака табачнаго дыма не выѣдаютъ глазъ, не першатъ въ горлѣ, но вьются рѣзвыми, кудрявыми кругами; ярко свѣтитъ полоса гусарской сабли, которая служитъ лихому наѣзднику вмѣсто зеркала и помогаетъ ему расправлять широкій усъ. Все, что̀ у другихъ такъ пошло, приторно, безвкусно, оскорбительно для чувства, словомъ—всѣ эти лагерныя замашки, казарменное удальство, чѣмъ потчуютъ насъ многіе поэты, особенно господа̀ сочинители повѣстей и романовъ, въ главѣ которыхъ стоитъ, впрочемъ, весьма-небезталантливый, Марлинскій,— все это у Давыдова получаетъ значеніе, преисполняется жизнію, облагораживается формою. Буйный разгулъ превращается у него въ удалую, но благородную шалость; грубость—въ откровенность воина; отчаянная смѣлость иного выраженія, которое не меньше читателя и само удивлено, увидѣвъ себя въ печати, хоть иногда и скрытое подъ точками,—становится энергическимъ порывомъ могучаго чувства, которое, сознавая свое достоинство, не заботится объ условномъ приличіи, но *хлещетъ* чопорную пошлость и ничтожество прямо по лицу и чѣмъ попало. Вся эта сторона поэзіи Давыдова, которую мы здѣсь старались выставить на видъ читателю, колко и могуче выказалась сама въ его превосходной «Исповѣди Гусара»:

Я каюсь: я гусаръ, давно, всегда гусаръ,
И съ просѣдью усовъ, все рабъ младой привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ
И громогласныя шампанскаго оттычки,
Отъ юности моей, врагъ чопорныхъ утѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ *безъ воли* и *распашки.*
Давай мнѣ хоръ Цыганъ! Давай мнѣ споръ и смѣхъ,
И дымъ столбомъ отъ *трубочной затяжки!*
Бѣгу отъ сборища, гдѣ жизнь въ однѣхъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
Гдѣ спѣсь да подлости—вельможа да холопъ;
Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
Гдѣ подъ подушками потѣетъ столько. .
Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты.
. . . . . .
. . . . . .
Долой, долой крючки отъ глотки до пупа!
Гдѣ трубки?—Вѣйся дымъ на удаломъ раздольѣ!
Роскошествуй веселая толпа
Въ *живомъ* и *братскомъ* своевольѣ!

Вотъ истинно-русская душа—широкая, свѣжая, могучая, раскидистая: коли пошла она гулять—такъ держитесь вы, мнимые моралисты, бездушные Китайцы, чопорные мандарины!..[357]) Мы согласны, что эти стихи не для дамъ, но дамы ихъ

не станутъ и читать, не только не будутъ ими восхищаться: всякому свое, и гусарское не идетъ дамамъ, а дамское не всегда по сердцу гусарамъ. Вотъ такія стихотворенія, которыя пишутся для дамъ и которыхъ дамы не могли бы читать за ихъ тонъ,—такія стихотворенія мы первые готовы осудить на всесожженіе въ каминѣ, и даже назвать ихъ *безнравственными*. Все, въ чемъ есть жизнь, можетъ, а слѣдовательно и должно быть предметомъ поэзіи, ибо содержаніе всякой поэзіи есть жизнь [358]). Жизнь одна, но формы и степени ея проявленій разнообразны до безконечности,—а чтобы жизнь ни въ чемъ не ускользала отъ нашего взора, чтобъ мы замѣчали ее вездѣ, гдѣ только она есть,—мы не должны мѣрять ея на свой аршинъ, но у ней же самой должны брать этотъ аршинъ. Сущность всякаго факта не въ самомъ фактѣ, а въ его значеніи,—и если поэтъ съумѣлъ схватить значеніе факта и этимъ значеніемъ, какъ гранёный хрусталь свѣтомъ, *просквозить* фактъ: этотъ фактъ всегда будетъ поэтиченъ, хотя бы онъ состоялъ въ изображеніи солдата, который, уставъ и назябнувшись въ походѣ, весело подноситъ ко рту стаканъ съ водкою. Вотъ почему, мы сквозь пальцы и улыбаясь смотримъ на *разудалое* стихотвореніе Давыдова «Герою битвъ, бивуковъ, трактировъ и *прочаго*», которое въ новомъ изданіи называется проще—«Храброму Повѣсѣ» (стр. 24). Не станемъ читать его при дамахъ, и даже наединѣ, или въ дружеской бесѣдѣ, не расположены слишкомъ восхищаться имъ; но иногда, подъ веселую минуту, не безъ удовольствія прочтемъ и ее, во имя Давыдова и въ живое воспоминаніе о немъ. Что же касается до его «Рѣшительнаго Вечера Гусара» (стр. 15),—мы видимъ въ немъ столько комической достолюбезности, даже своего рода хмѣльной граціозности, что никогда не постыдимся прочесть его вслухъ и съ удовольствіемъ въ самомъ Пекинѣ, при собраніи всѣхъ мандариновъ апатическаго царства.

Всѣмъ извѣстно удалое его посланіе къ Бурцову, въ которомъ такъ много жизни и разгула, и потому мы не выписываемъ его; но второе его посланіе къ Бурцову не пользуется такою извѣстностію, хотя, вмѣстѣ съ другими въ этомъ родѣ стихотвореніями Давыдова, и составляетъ какъ-бы profession de foi истиннаго гусара стараго времени. Особенно замѣчательны въ немъ, по ѣдкому и цѣпкому юмору и обыкновенной веселой размашистости музы Давыдова, слѣдующіе стихи:

Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчется жизнь моя!
Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣденъ, боязливъ,
А въ собраніи героевъ,
Остръ, отваженъ, говорливъ!
Пусть фортуна для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,

Дастъ мнѣ чинъ . . . . .
И Георгья за совѣтъ!
Пусть я буду вѣкъ въ заботахъ
Членомъ въ мемельскихъ разсчетахъ,
Иль... пожарный капитанъ!
Пусть... но полная лохань
Ужъ сухая остается;
Носъ твой рдѣетъ, лобъ твой жмется,
Отвѣчать тебѣ не въ мочь...
Ну, прощай же—добра ночь!

Всѣ эти ужасныя несчастія (которыя для многихъ кажутся самыми обольстительными счастіями) храбрый гусаръ призываетъ на свою удалую голову въ такомъ случаѣ, если онъ поблѣднѣетъ и дастъ тягу передъ непріятелемъ, или даромъ (т. е. безъ обмѣна) отдастъ сердце какой-нибудь миленькой плутовкѣ. Сухіе резонёры и ложные моралисты никакъ не видятъ, гдѣ оканчивается шутка и начинается дѣло, и гдѣ подъ шуткою высказывается дѣло, а подъ дѣломъ шутка: они понимаютъ только положительно-опредѣленное, какъ счетъ изъ овощной лавочки, и въ поэзіи требуютъ ариѳметическаго слога, а въ ея содержаніи — широковѣщательныхъ и многоглагольныхъ моральныхъ сентенцій. Равнымъ-образомъ, они никакъ не могутъ понять, что слова безъ содержанія ничего не значатъ и дешевле дѣлъ,—и потому никакъ не могутъ взять въ толкъ, чтобъ удалое разгулье, любовь къ шумнымъ пирамъ и веселой жизни, при шалостяхъ и повѣсничествѣ, могли соединяться съ высокостію чувствъ. А, кажется, мнимымъ моралистамъ и резонёрамъ всего бы и легче было понять эту простую истину: вѣдь имъ больше, чѣмъ кому другому извѣстно, какъ можно распливаться въ моральныхъ сентенціяхъ, поминутно восхвалять добродѣтель,—и въ то же время быть Фарисеями, Тартюфами, сребролюбцами, лихоимцами, клеветниками и пр. Что касается до насъ,—мы не столько боимся всѣхъ *тайныхъ добродѣтелей* этихъ господъ, сколько ихъ безжизненнаго резонёрства; крѣпко затыкаемъ отъ него уши и, хоть не принадлежимъ къ почтенному сословію гусаровъ и не охотники до шумныхъ и разгульныхъ пировъ [359]), но съ удовольствіемъ бываемъ на нихъ—въ живописныхъ стихахъ Давыдова, и порою съ живымъ увлеченіемъ восклицаемъ за нимъ, къ Бурцову:

Ради Бога, трубку дай,
Ставь бутылки передъ нами,
Всѣхъ пѣздниковъ сзывай
Съ закрученными усами!
Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
Эскадронъ гусаръ летучихъ;
Чтобъ до неба возлетѣлъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ;
Чтобы стѣны отъ *ура*
И тряслись и трепетали! ..

. . . . . .
Бурцовъ, Братъ, что за раздолье!
Пуншъ жестокій!... Хоръ гремитъ!
Бурцовъ! пью твое здоровье:
Будь гусаръ, вѣкъ пьянъ и сытъ!
Понтируй, какъ понтируешь,
Фланкируй, какъ фланкируешь,
Ставь прическу дуракамъ,
Пока будешь съ нею самъ!
Въ мирныхъ дняхъ не унывай
И въ бояхъ качай-валяй!
Жизнь летитъ—не осрамися:
Не проспи ея полетъ.
Пей, люби да веселися—
Вотъ мой дружескій совѣтъ!

Кому не извѣстно прекрасное стихотвореніе Давыдова—«Пѣсня Стараго Гусара»—эта пѣсня, которую было бы прилично назвать похоронною, потому-что онъ въ ней воспѣваетъ тѣхъ коренныхъ гусаръ, которые были, но которыхъ уже нѣтъ?...

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красно-сизыми носами!
На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ—кипа сѣна.
Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ...
Ни полслова... Дымъ столбомъ...
Ни полслова... Всѣ мертвецки
Пьютъ, и преклонясь челомъ
Засыпаютъ молодецки.
Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ;
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.
Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ—и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

Таковы были истые гусары стараго времени, тѣ, которые строго и набожно держались буквальнаго смысла гусарскаго корана; но новые— увы, любезный

читатель, какъ и у Давыдова, ваше сердце обольется кровью, и вамъ станетъ грустно, посмотрите, что это такое—

А теперь что вижу?—Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальсируютъ на паркетѣ!
Говорятъ умнѣй они...
Но что слышимъ отъ любова?
«Жомини да Жомини!..»
А объ водкѣ ни полслова!...

Но не бойтесь—гусары нашего времени не осердятся на Давыдова и останутся имъ довольны такъ же, какъ и гусары стараго времени;—правда, нашелся тогда одинъ *филистеръ*, который, не догадавшись, что въ стихахъ Давыдова новые гусары похвалены не меньше старыхъ, обидѣлся одинъ за всѣхъ, и пропѣлъ Давыдову резонёрскую рацею, изъ которой мы помнимъ нѣсколько стиховъ:

Вотъ и мы, друзья *младые*,
Отъ *сатиры* не ушли:
Наши дѣды дорогіе
Тьму пороковъ въ насъ нашли.
Виноваты: не умѣемъ
Изъ лохани пить ковшомъ,
И таланта не имѣемъ
Услаждать себя виномъ.—

и прочая,—все такими же плохими стихами [360]).

Муза Давыдова по превосходству военная. Нашему воину-поэту всѣ предметы представлялись сквозь призму военнаго быта.

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
. . . . . .
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

восклицаетъ Давыдовъ,—и вся жизнь его была оправданіемъ этихъ словъ. Давыдову не было нужды божиться и клясться, что онъ патріотъ—ему можно было повѣрить и на слово. Это, повторяемъ, отразилось и въ его поэзіи: стихотворенія его, не смотря на ограниченность ихъ числа, разнообразны, но всѣ носятъ на себѣ отпечатокъ взгляда на вещи съ одной точки, и потому-то особенно дороги они: въ Давыдовѣ русская военная служба нашла себѣ достойнаго поэта, и онъ, какъ увидимъ ниже, доказалъ, что въ ней есть жизнь и поэзія, и возвысилъ ее до поэтическаго апотеоза. Его стихотворенія даже

являлись на свѣтъ по-военному: были писаны на привалахъ, на днёвкахъ, между двухъ дежурствъ, между двухъ сраженій, между двухъ войнъ; «это (прибавляетъ «Очеркъ») пробные почерки пера, чинимаго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ». «Нѣкоторыя стихотворенія (сказано въ «Очеркѣ») исторгнутыя имъ изъ покрытыхъ уже прахомъ, или изорванныхъ журналовъ, а другія, переходя изъ рукъ въ руки писцовъ, болѣе или менѣе грамотныхъ, измѣнились до того, что и самимъ авторомъ едва были узнаны. Не говоримъ уже о тѣхъ, которыя, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могутъ теперь показаться на инспекторскій судъ цензурнаго комитета».

Давыдовъ самъ отказывается отъ званія присяжнаго поэта:

Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ,
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но́ паскокомъ
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ! не наѣздника пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь нѣгу и покой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой—
Я въ этой пѣснѣ запѣвало.

Эта же мысль высказана Давыдовымъ и въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое замѣчательно, какъ дополнительная черта къ поэтической физіономіи его творца:

На вьюкѣ, въ торокахъ цѣвницу я таскаю;
Она и подъ локтемъ, она подъ головой;
Межь конскихъ ногъ позабываю,
Въ пыли, на влагѣ дождевой...
Такъ мнѣ ли ударять въ разлаженныя струны
И пѣть любовь, луну, кусты душистыхъ розъ?
Пусть загремятъ войны перуны—
Я въ этой пѣснѣ виртуозъ!

Но не смотря на то, Давыдовъ былъ истиннымъ виртуозомъ и въ другой пѣснѣ—въ пѣснѣ любви; эта пѣсня у него полна чувства и разнообразія, но она вездѣ пѣсня солдата.

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусаръ, питомецъ славы,
Любилъ лишь только бой кровавый
И былъ отступникомъ любви.
Амуръ не вѣчно пастушкомъ
Въ свирѣль безъ умолку играетъ:
Онъ часто, скучивъ посошкомъ,
Съ гусарской саблею гуляетъ;
Онъ часто храбрости огонь

Любовнымъ пламенемъ питаетъ —
И тѣмъ милѣй бываетъ онъ!
Онъ часто съ грознымъ барабаномъ
Мѣшаетъ звукъ любовныхъ словъ.
Онъ такъ и намъ подъ доломаномъ
Вселяетъ звѣрство и любовь.
Въ насъ сердце не всегда желаетъ
Услышать стонъ, увидѣть бой—
Ахъ, часто и гусаръ вздыхаетъ,
И въ киверѣ его весной
Голубка гнѣздышко свиваетъ...

Давыдовская пѣсня любви принимаетъ разные тоны: то она шаловлива, какъ въ его шутливо-граціозной *анакреонтической* одѣ «Мудрость»; то солдатски-откровенна и грубо-насмѣшлива, когда мститъ за отказъ, какъ въ этомъ стихотвореніи:

Неужто думаете вы
Что я слезами обливаюсь,
Какъ бѣшеный кричу: *увы!*
И отъ измѣны измѣняюсь?
Я тотъ же атеистъ въ любви,
Какъ былъ и буду, увѣряю,
И чѣмъ рвать волосы свои,
Я—ваши къ вамъ же отсылаю.
А чтобъ впослѣдствіи не быть
Передъ наслѣдникомъ въ отвѣтѣ,
Всѣ ваши клятвы: *въкъ любить*
Ему послалъ по эстафетѣ.
Простите! право, виноватъ!
Но еслибъ знали, какъ я радъ
Моей отставкѣ благодатной!
Теперь покойно ночи сплю,
Спокойно ѣмъ, спокойно пью,
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою,
Чѣмъ чахнуть отъ любви унылой,
Ахъ! что здоровѣй можетъ быть,
Какъ подписать отставку милой,
Или отставку получить!

Но нашъ храбрый гусаръ не всегда бываетъ такъ храбръ въ любви: отъѣзжая съ товарищемъ въ армію, онъ говоритъ ему:

. . . о тебѣ любовь горюетъ...
Счастливецъ! о тебѣ—я видѣлъ самъ—тоской
Запыли... влажный взоръ стремился за тобой;
А обо мнѣ хотя бъ вздохнули,
Хотя-бъ въ окошечко взглянули,

Какъ я на тройкѣ проскакалъ;
Когда, забывъ покой и нѣгу,
Въ курьерску завалясь телѣгу,
Гусарскіе усы слезами обливалъ.

Страсть есть преобладающее чувство въ пѣсняхъ любви Давыдова; но какъ благородна эта страсть, какой поэзіи и граціи исполнена она въ этихъ гармоническихъ стихахъ:

О, пощади! - зачѣмъ волшебство ласкъ и словъ,
Зачѣмъ сей взглядъ, зачѣмъ сей вздохъ глубокій,
Зачѣмъ скользитъ небережно покровъ
Съ плечь бѣлыхъ и груди высокой?
О, пощади! я гибну безъ того:
Я замираю, я нѣмѣю
При легкомъ шорохѣ прихода твоего;
Я звуку словъ твоихъ внимая цѣпенѣю...
Но ты вошла—и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бѣшенство желанья
Бѣгутъ по вспыхнувшей крови
И разрывается дыханье!
Съ тобой летятъ, летятъ часы,
Языкъ безмолвствуетъ, однѣ мечты и грезы;
И мука сладкая, и восхищенья слезы—
И взоръ впился въ твои красы,
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы!

Или, напримѣръ, какою поэтическою, какою человѣческою страстью дышитъ это стихотвореніе, столь полное тихаго, трепетнаго блаженства любви:

Въ былыя времена она меня любила,
И тайно обо мнѣ подругамъ говорила,
Смущенная и очи опустя,
Какъ передъ матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стихъ, порывистый, несвязный,
Стихъ безъискусственный, но жгучій и живой,
И чувствъ разстроенныхъ языкъ разнообразный,
И упоенный взглядъ любовью и тоской.
Она внимала мнѣ, она ко мнѣ ласкалась,
Унылая и думою полна,
Иль ободренная, какъ ангелъ, улыбалась
Надеждамъ и мечтамъ обманчиваго сна...
И долго взоръ ея изъ-подъ рѣсницъ стыдливыхъ
Бѣжалъ струей любви—и мягко упадалъ
Мнѣ на душу—и на устахъ пылалъ
Готовый поцѣлуй для устъ нетерпѣливыхъ...
. . . . . .
. . . . . .

Боже мой, какой гармоническій стихъ, какіе граціозно-пластическіе образы! [361])
Это стихотвореніе отзывается художественною оттѣнкою.

Другая страсть кипитъ и пышитъ въ страстно-шутливомъ стихотвореніи «Поэтическая женщина»:

Что она?—Порывъ, смятенье,
И холодность, и восторгъ,
И отпоръ, и увлеченье,
Смѣхъ и слезы, чортъ и....,
Пылъ полуденнаго лѣта,
Урагана красота;
Изступленнаго поэта
Безпокойная мечта.
Съ нею дружба—упоенье!
Но спаси, Создатель, съ ней
Отъ любовнаго сношенія
И таинственныхъ вещей.
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива ревнива,
Какъ законная жена.

Есть люди, для которыхъ дальше буквы ничего не видно,—и они никакъ не въ состояніи понять, что душа одного и того же человѣка была такъ широка и глубока, что могла вмѣщать въ себѣ элементы разнородные и часто, по видимому, противоположные другъ-другу. Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочитавъ «Поэтическую Женщину», вполнѣ останутся убѣждены, что для Давыдова не существовало другой поэтической женщины, что чужды ему были возвышенныя чувства одухотворенной любви! И въ-самомъ-дѣлѣ, самъ Давыдовъ съ такою достолюбезною наивностію сознается въ этомъ,—въ стихотвореніи, означенномъ литерами «С. А. К—ной»:

Вы личикомъ паѳосскій богъ,
Вы молоды и стройны, какъ Аглая:
Но я гусаръ... я бъ васъ любить не могъ,
Простите: *для меня вы слишкомъ неземная!*
Къ вамъ свѣтской страстью, какъ къ другой,
Горѣть грѣшно!—Съ восторженной душой
Мы вамъ, какъ божеству, несемъ кадилъ куренье,
Обѣты чистые, и гимны, и моленье!

Но именно это-то откровенное признаніе и доказываетъ, что для Давыдова существовало отрицаемое имъ въ себѣ; что глубокая натура его понимала все,—даже и то, что не было ея преобладающею потребностію. Ограниченность состоитъ въ неразумѣніи, въ непониманіи, и нѣкоторыми принимается за одно съ моральностію; а всеобъемлемость и многосторонность почитаются за одно съ безнравственностію, и потому Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ въ глазахъ этихъ нѣкоторыхъ—безнравственные поэты, у которыхъ только одна внѣшняя художественность, безъ любви. Хотя Давыдовъ и не принадлежитъ къ всеобъемлющимъ

поэтамъ, каковы Шекспиръ, Гёте и Пушкинъ [362]), но тѣмъ не менѣе и ему многое человѣческое было доступно, а въ числѣ этого многаго—и то чувство, которымъ обязаны мы красотѣ и граціи, въ образѣ женщины. Страстный по натурѣ, онъ иногда возвышался до чистѣйшей идеальности въ своихъ поэтическихъ видѣніяхъ:

Я былъ, я видѣлъ божество;
Я пѣлъ ей пѣснь съ восторгомъ новымъ;
И осѣнилъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.
Я, какъ младенецъ, трепеталъ
У ногъ ея въ уничиженьи,
И омрачать богослуженье
Преступной мыслью не дерзалъ.
Ахъ! мнѣ ль божественной къ стопамъ
Несть обольщенія искусство?
Я весь былъ гимнъ, я весь былъ чувство,
Я весь былъ чистый өиміамъ!

Эти куплеты взяты нами изъ прекраснаго стихотворенія «Душенька»; но вотъ окончаніе другаго, еще лучшаго, стихотворенія, «Рѣчка», которое подтверждаетъ нашу мысль:

Явлюсь, весь въ думу превращенный,
На берега твоихъ зыбей
Въ обитель дѣвы незабвенной,
И тихо, странникъ потаенный,
Невидимымъ проникну къ ней.
И, неподвластный злымъ укорамъ
Я облеку ее собой,
Упьюсь ея стыдливымъ взоромъ,
И вдохновеннымъ разговоромъ,
И гармонической красой.
Ея—чья прелесть—увлеченье,
Свѣтла, небесна и чиста,
Какъ чувство ангела въ моленьи,
Какъ непорочно сповидѣнье,
Какъ юной граціи мечта!

Но особенную цѣнность должны имѣть тѣ стихотворенія Давыдова, которыхъ предметъ—любовь, и въ которыхъ личность его является такою *рыцарскою*, а его званіе воина пріобрѣтаетъ чрезъ то столько благородной, возвышенной поэзіи. Эти пьесы тѣмъ драгоцѣннѣе, что онѣ единственны въ нашей литературѣ, и не имѣютъ себѣ ни образцовъ, ни подражаній. Почти всѣ онѣ (впрочемъ ихъ очень-немного) отличаются гармоническими стихами, между которыми иные могутъ назваться пластически-прекрасными; таковы, напримѣръ, эти:

А я?.. мой жребій пасть въ бояхъ,
Мечемъ побѣды пораженнымъ,

И, можетъ быть, врагомъ влеченный на поляхъ
Чертитъ кремнистый путь челомъ окровавленнымъ!

Или:

О Лиза! сколько разъ на миртовыхъ поляхъ,
Среди грозы боевъ, я, презирая страхъ,
Съ воспламененною душою
Тебя, какъ славу, призывалъ,
И въ пылъ сраженья мчалъ
Крылатые полки желѣзною стѣною...
Кто понуждалъ меня, скажи,
Отъ жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтаніе души
Что славы лучъ моей на милой отразится;
Что, можетъ быть, вѣнокъ, пріобрѣтенный мной
Въ бояхъ мечемъ нетерпѣливымъ,
Покроетъ лавромъ горделивымъ
Чело стыдливое подруги молодой!

Эти прекрасные стихи изъ извѣстной пьесы, которая такъ граціозно начинается:

Нѣтъ! полно пробѣгать, съ улыбкою любви,
Перстами легкими пѣвницу золотую!
Пускай другой поетъ и радости свои,
И жизни счастливой подругу молодую—

Такова же пьеса, которая начинается стихами—

Возьмите мечъ—я недостоинъ брани!
Сорвите лавръ съ чела—онъ страстью омраченъ!
О боги Паѳоса! окуйте мощны длани
И робкимъ плѣнникомъ въ постыдный рвньте плѣнъ!

и которой окончаніе дышетъ такою роскошью чувствъ и поэтическихъ красокъ—

Ахъ! пусть богъ Ѳракіи мнѣ громомъ угрожаетъ,
И потрясая лавръ, манитъ еще къ боямъ—
Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ея лобзаетъ,
И говоритъ «прости!» торжественнымъ вѣнкамъ...
Но кто сей юноша блаженный,
Который будетъ пить дыханье воспаленно
На тающихъ устахъ,
Познаетъ млѣнье чувствъ въ потупленныхъ очахъ
И на груди еявоздр емлетъ утомленный?

Въ нынѣ-вышедшемъ изданіи стихотвореній Давыдова помѣщена и его большая пьеса «Договоры», написанная имъ еще въ 1806 или 1807 годахъ. Долго о ней не было никакого слуха, какъ вдругъ недавно была она перепе-

чатана въ одномъ журналѣ, съ такимъ объясненіемъ отъ автора, что ея прежде не понимали, считая за сантиментальное стихотвореніе, тогда-какъ она—сатира. Мы на этотъ разъ не согласны съ авторомъ—да проститъ намъ тѣнь его! Мы думаемъ просто, что молодой и удалый гусаръ поддался на минуту духу сантиментальности, царствовавшей тогда въ русской литературѣ, и не имѣлъ смѣлости, въ зрѣлыя лѣта, сознаться въ этомъ самому-себѣ, забывъ, что *быль молодцу не укора*. Въ этой пьесѣ, явно выходящей изъ сферы таланта Давыдова, мало хорошаго; но вотъ лучшее—

. . . . Что видимъ мы въ театрахъ?—Малый кругъ
Разумныхъ критиковъ, а прочіе—зѣваки,
Глупцы, насмѣшники, невѣжды, забіяки.
Открылся занавѣсъ. Неистовый герой
Завоетъ «на стихахъ», и въ бѣшенствѣ жеманномъ,
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударитъ не въ-попадъ кинжаломъ деревяннымъ,
Иль, небу и землѣ отмщеніемъ грозя,
Пронзаетъ грудь и выпуча глаза,
Весь въ клюквенномъ соку, кобенясь умираетъ...
И ужинать домой съ княжною уѣзжаетъ.

Мы не безъ особеннаго намѣренія привели здѣсь эти стихи: читатель увидитъ въ нихъ классическую замашку и тяжелую ломоносовскую фактуру шестистопнаго ямбическаго стиха,—и пусть онъ сравнитъ его со стихами позднѣйшихъ стихотвореній Давыдова: какая безконечная разница! Нельзя довольно надивиться, какъ хорошъ стихъ у Давыдова, особенно если вспомнишь, какъ онъ писалъ всѣ свои стихи. Правда, въ его даже лучшихъ пьесахъ попадаются стихи черезъ-чуръ неграціозные, жесткіе и прозаическіе, но когда же *казаку*, пишущему на привалахъ и бивуакахъ, думать о гладкости стиховъ и художественной отдѣлкѣ стихотвореній? Сверхъ того, число слабыхъ и дурныхъ стиховъ очень-незначительно у Давыдова, а хорошіе просто приводятъ въ изумленіе, какъ, напримѣръ, вотъ въ этой пьесѣ, которую, по мысли и формѣ, мы почитаемъ рѣшительно лучшимъ его стихотвореніемъ:

Вечеръ въ іюнѣ.

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ. Полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали,
Зарницы бѣгали за синею горой,
И окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая
И прислонясь къ лавровому кусту
Дышала роза молодая.

Если бы не досадное усѣченіе «полупрозрачна», эта пьеса могла бъ назваться вполнѣ художественною, и даже въ ряду аналогическихъ стихотвореній

Пушкина и Батюшкова не утратила бы своего высокаго поэтическаго достоинства. Говоря объ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, нельзя не вспомнить «Бородинскаго Поля»,—тѣмъ болѣе, что оно не пользуется тою извѣстностію, которой заслуживаетъ по своему достоинству:

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы
И шумъ оружія и сѣчи и борьбу,
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, рынь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ рать свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу,-- веди меня, я твой—
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?.. Слушаю... нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника и друга!

Число всѣхъ стихотвореній Давыдова не велико—около шестидесяти; изъ нихъ, можетъ-быть, два или три слабыя, но каждое болѣе или менѣе примѣчательно или по поэтическому достоинству, или потому-что представляетъ собою черту для дополненія физіономіи своего творца. «Полу-солдатъ» особенно примѣчательно въ этомъ отношеніи: отличаясь высокимъ поэтическимъ достоинствомъ, оно—въ то же время, и превосходная автобіографія, и полный, вѣрный портретъ Давыдова, написанный имъ же самимъ,—что и заставляетъ насъ, при заключеніи, выписать эту пьесу вполнѣ.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!»
«Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика Куртинца;
Лечу стремглавъ, не дуя въ усъ,
На пожъ и шашку Кабардинца.
«Все такъ,—но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами.
«И все кипитъ, и все гремитъ,
А я межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убитъ,

Душой и мыслію далеко.
«Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ вкругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши!
«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео; на Секванѣ?
«Бывало, слово: «другъ, явись!»
И ужь Денисъ съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнутъ, и Денисъ
Какъ тутъ и чашу осушаетъ!
«На скачку, на борьбу—готовъ,
И чтимый *выродкомъ* глупцами,
Онъ расточитель острыхъ словъ,
Онъ хлещетъ прозой и стихами.
«Иль въ карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской буркѣ;
Или вкругъ свѣтлаго костра
Танцуетъ съ дѣвками мазурки.
«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!»
Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы велѣньемъ
Отъ крова мирнаго, въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключъ нагорный,
И Алагьёзъ, нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.
Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека груда снѣговая.
На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда!

Просимъ извиненія у читателей, если имъ покажется, что мы слишкомъ долго говорили о поэзіи Давыдова: что дѣлать! есть вещи, о которыхъ, сколько ни говори, не наговоришься вдоволь. Какъ все истинно-прекрасное, произве-

денія Давыдова оцѣнены и въ то же время нисколько не оцѣнены нашею публикою; *оцѣнены*, но безсознательно, потому-что извѣстны всѣмъ, занимающимся чтеніемъ изъ удовольствія, нѣкоторыя даже заучены наизустъ; и *не оцѣнены* сознательно, потому-что о Давыдовѣ уже никто не говоритъ, удивляясь въ то же время самымъ пустымъ и ничтожнымъ литературнымъ явленіямъ. Вышли въ свѣтъ сочиненія Давыдова, и что же? всѣ журналы и газеты наши—кто промолчалъ, кто отдѣлался общими мѣстами, а кто посмѣялся надъ ними *). Потому, «Отечественныя Записки» особенно обрадовались встрѣчѣ съ старымъ знакомцемъ, любимцемъ русской публики, и—удивительно ли, что заговорились съ нимъ? Перечитывая стихотворенія Давыдова, мы испытывали такое же наслажденіе, какое доставляетъ неожиданная встрѣча съ другомъ, съ которымъ давно разстались, безъ надежды скораго свиданія. Мы нашли ихъ гораздо лучшими, нежели какими оставили ихъ, но не потому, чтобы они измѣнились, а потому что мы сами сдѣлались способнѣе оцѣнять все простое и непритязательное, при истинномъ достоинствѣ. Давыдовъ, какъ поэтъ, рѣшительно принадлежитъ къ самымъ яркимъ свѣтиламъ второй величины на небосклонѣ русской поэзіи, и имѣетъ гораздо больше правъ на славу и удивленіе, нежели многіе, которые больше его пользуются тѣмъ и другимъ у большинства читающаго люда. Талантъ Давыдова не великій, но замѣчательный, самобытный и яркій, которымъ и не столь бѣдная литература, какъ наша, должна была бы дорожить и гордиться. Для военныхъ людей, стихотворенія Давыдова должны имѣть особенную цѣну: въ этихъ вольныхъ и разгульныхъ вдохнове-

*) За что же другое, какъ не за насмѣшку, принять, напримѣръ, подобный отзывъ о сочиненіяхъ Давыдова: «Не многіе бываютъ равно умны и въ стихахъ и въ прозѣ: для этого нужно имѣть особенную сноровку, которая не всѣмъ дается, много разборчивости, и еще болѣе хладнокровія: нужно точно знать, что должно сказать стихами, а что прозою. Вообще то, чего не стоитъ говорить, надобно говорить стихами, надобно выровнять по пінтическому ватерпассу, подкрасить эпитетами и стараться спустить съ рукъ съ риѳмами: многіе, для риѳмы, купятъ и мысль, которой иначе не взяли бы и даромъ Хорошія, дѣльныя мысли, напротивъ, очень выгодно сбывать въ натурѣ, то-есть, въ прозѣ. Большая часть писателей, полагая по врожденному самолюбію, что всѣ ихъ мысли равно чудесны, пренебрегаютъ великимъ искусствомъ сортированія идей, куютъ безъ разбору дѣльныя мысли свои въ стихи, пустыя въ прозу, и отъ того проза и стихи ихъ выходятъ плохіе. Этимъ искусствомъ Давыдовъ обладалъ въ высотой степени: идей у него было немного, но онъ умѣлъ оцѣнить каждую изъ нихъ, зналъ, которыя годятся въ стихи,—этихъ было очень-много, почти три четверти всего количества,—а которыя можно съ эффектомъ употребить въ прозу, и, такимъ образомъ, сдѣлался онъ равно пріятнымъ и равно примѣчательнымъ писателемъ въ стихахъ и въ прозѣ».

Какова оцѣнка таланту Давыдова? Каковы понятія о творчествѣ, объ искусствѣ, объ идеяхъ?.. И это напечатано въ 1840 году!.. Мы не выдумали—право напечатано... [363]).

віяхъ, они увидятъ поэзію своего быта, причину любить его, дорожить и гордиться имъ. Прозаическія произведенія Давыдова, по своему содержанію, такъ же важны для всякаго военнаго человѣка, какъ и стихотворенія. Однимъ словомъ, странно было бы не увидѣть сочиненій Давыдова у всякаго истинно-образованнаго воина,—воина не по одной службѣ, но и по душѣ...

Прозаическія сочиненія Давыдова большею частію—журнальныя статьи, въ родѣ мемуаровъ. Въ нихъ найдете вы живыя воспоминанія объ участіи автора въ разныхъ компаніяхъ, особенно въ священной брани 1812—1814 годовъ; воспоминанія о герояхъ той великой эпохи—Каменскомъ, Кульневѣ, Раевскомъ и проч. Предоставляемъ военнымъ людямъ судить о военномъ достоинствѣ этихъ статей; что же касается до литературнаго, съ этой стороны онѣ—перлы нашей бѣдной литературы: живое изложеніе, доступность для всѣхъ и каждаго, интересъ, слогъ быстрый, живописный, простой и благородный, прекрасный, поэтическій! Какъ прозаикъ, Давыдовъ имѣетъ полное право стоять на-ряду съ лучшими прозаиками русской литературы. Какъ ни малъ взятый нами отрывокъ изъ статьи «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ», но и по немъ читатели могутъ судить о справедливости нашего мнѣнія касательно достоинства прозы Давыдова. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, остроумно и справедливо растолковалъ пророчество Суворова о Давыдовѣ, что онъ выиграетъ три сраженія, но эти три сраженія—три славы Давыдова: слава воина, слава поэта и слава отличнаго прозаическаго писателя [364]).

Не знаемъ, всѣ ли прозаическія статьи Давыдова помѣщены въ этомъ изданіи его сочиненій; но большаго и важнѣйшаго его произведенія въ прозѣ—«Опытъ Теоріи Партизанскаго Дѣйствія» въ немъ нѣтъ.

Давыдовъ умеръ въ 1839 году, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, еще въ порѣ и цвѣтѣ силъ своихъ, отъ которыхъ литература наша еще многаго могла ожидать себѣ...

Заключимъ нашу статью прекраснымъ очеркомъ личности Давыдова, которымъ оканчивается его біографія, писанная генераломъ О. О—мъ, и которая, по мнѣнію другихъ, не чуждому и намъ самимъ, есть не что иное, какъ автобіографія: «Давыдовъ не нюхаетъ табаку съ важностію, не смыкаетъ бровей въ задумчивости, не сидитъ въ углу въ безмолвіи. Голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ представляется намъ сочетателемъ противоположностей, рѣдко сочетающихся. Принадлежа старѣющему поколѣнію, и лѣтами и службою, онъ свѣжестію чувствъ, веселостію характера, подвижностію тѣлесною и ратоборствованіемъ въ послѣднихъ войнахъ, собратствуетъ какъ однолѣтокъ и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ; благословеніе это ринуло его въ боевыя случайности на полное тридцатилѣтіе,—но, кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ то же время занимаетъ не послѣднее мѣсто въ словесности между людей, посвятившихъ себя исключительно словесности, и, охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всесокрушительными событіями, какъ Везувій

лавою,—онъ пѣлъ въ пылу ихъ, какъ на кострѣ тампліеръ-Моле, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе—и о Давыдовѣ нѣтъ слуха; его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ;—но повѣетъ войною—и онъ уже тутъ,—торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ, и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты въ ея отрасляхъ,—въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніи художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, словесности ли—вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея; вотъ Давыдовъ!» [365]).

688. Труды Императорской Россійской Академіи. Ч. 1 и 2. Спб. 1840 [366]).

Ученыя общества, труды которыхъ преимущественно устремлены на языкъ и литературу отечественные, играютъ нынѣ совсѣмъ не ту роль, какую играли прежде и какая назначалась имъ при ихъ основаніи. Когда литература народа бываетъ дѣломъ книжнымъ, доступнымъ только избранному, слѣдовательно ограниченному числу посвященныхъ въ ея таинства, а не достояніемъ цѣлаго общества (разумѣя подъ этимъ словомъ публику), тогда учено-литературныя общества оказываютъ литературѣ и общественному образованію большія услуги. Обнародывая свои ученые труды по части теоріи языка и словесности вообще, и тѣмъ дѣлая для всѣхъ доступными истинныя понятія о томъ и другомъ, они обнародывали такіе же труды и частныхъ лицъ, которыя, безъ того, не имѣя средствъ къ изданію, или оставляли бы ихъ въ своихъ портфёляхъ, или—что еще вѣроятнѣе—никогда не думали бы и заниматься ими. Въ этомъ отношеніи подобныя общества и теперь могутъ приносить въ Россіи большую пользу; ибо хотя у насъ и есть учено-литературные журналы, однако статьи извѣстнаго содержанія не всегда могутъ находить себѣ въ нихъ мѣсто, сколько по исключительности своего предмета и сухости изложенія, столько и потому, что для помѣщенія статьи въ журналѣ всегда нужна какая-нибудь придирка къ современности (à propos). Но учено-литературное общество, издавая труды свои періодически или не-періодически, обращаетъ вниманіе только на то, чтобы они относились къ предмету его занятій и не выходили изъ ихъ круга. Повторяемъ: въ этомъ отношеніи, были бы и теперь очень полезны даже труды Общества Любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетѣ, нѣкогда очевидно, а теперь (1840 г.) проблематически существующемъ. Но учено-словесныя общества, хлопоча объ утвержденіи и развитіи языка на его истинныхъ основаніяхъ, равно какъ и распространеніи истинныхъ понятій объ изящномъ въ словесныхъ произведеніяхъ, принимаютъ въ сферу своей дѣятельности и въ кругъ своихъ занятій произведенія поэзіи и легкой литературы, чтобы съ теоріею дать и образцы. Это можетъ приносить свою пользу только при началѣ литературы, когда (какъ это было еще недавно въ Россіи) публика, не имѣя потребности въ умственной пищѣ, не можетъ поддерживать своимъ участіемъ сло-

весныхъ произведеній и своимъ вниманіемъ ободрять и вознаграждать ихъ творцовъ. Такъ, напримѣръ, Общество Любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетѣ очень хорошо дѣлало во время оно, помѣщая въ своихъ трудахъ повѣсти и стихотворенія, которыя, безъ того, можетъ быть, не могли-бъ быть изданными. Но теперь, когда произведенія поэзіи и легкой литературы, даже иногда и не ознаменованныя печатію таланта, но лишь способныя занимать и тѣшить праздное любопытство публики, находятъ себѣ обширный кругъ читателей, а ихъ авторы вѣрное вознагражденіе,—теперь въ «трудахъ» ученыхъ обществъ могутъ помѣщаться только такія произведенія въ этомъ родѣ, которыя, по отсутствію всякой внутренней цѣнности, не могутъ быть изданы отдѣльно, ни быть принятыми въ какое-нибудь періодическое изданіе, и которыя, поэтому, лучше совсѣмъ не печатать. И въ самомъ-дѣлѣ, что за польза покровительствовать посредственность и бездарность за то только, что онѣ рядятся въ мантію педантизма, неуклонно слѣдуя забытымъ и никѣмъ, кромѣ педантовъ и невѣждъ, не признаваемымъ правиламъ?... Но изданіе трудовъ, касающихся до языка и—если угодно—теорія изящнаго, и теперь можетъ приносить большую пользу, равно какъ и соединенныя усилія многихъ лицъ, составляющихъ одно ученое общество. Вотъ почему мы не можемъ не преслѣдовать съ живѣйшимъ интересомъ дѣятельности Россійской Академіи.

Уже одно то придаетъ ей важное значеніе и дѣлаетъ великую честь, что она, по примѣру всѣхъ или большей части подобныхъ ученыхъ обществъ даже въ Европѣ, не играетъ роли упорной защитницы добраго стараго времени, и не силится дѣлать опозицію, болѣе упрямую, чѣмъ твердую, болѣе забавную, чѣмъ дѣйствительную всякому движенію впередъ, всякому успѣху. Давно ли французская академія, до того покорившаяся духу времени, что приняла въ свои члены не только романтическаго Ламартина, но даже и водевилиста Скриба—давно ли, безсильная совершенно отрѣшиться отъ педантическихъ предубѣжденій умершей старины, отвергла главу поэтовъ своей земли и предпочла Виктору Гюго какого-то господина Флурана, ничѣмъ не доказавшаго, что онъ знаетъ хоть грамотѣ? Не такова наша Академія: стоитъ только пересмотрѣть списокъ членовъ ея, чтобы убѣдиться въ томъ, что ни одно истинное дарованіе, соединенное съ ученостію, или проявившее себя въ художественной дѣятельности, не миновало чести быть принятымъ въ число ея членовъ, и что ни одна безталанная, хотя бы и преученая, голова никогда не удостоивалась этой высокой чести. В. М. Федоровъ (писатель во всѣхъ родахъ и для всѣхъ половъ и возрастовъ, но преимущественно для дѣтей) и Пушкинъ; М. А. Лобановъ (трагикъ) и Жуковскій; В. И. Панаевъ (идиллистъ) и Крыловъ; Муравьевъ (Николай Назарьевичъ и дѣйств. статс. совѣтн.) и Карамзинъ; кн. Шихматовъ (поэтъ), Писаревъ (А. А., поэтъ) и Гнѣдичъ, кн. Вяземскій и другіе; далѣе—Линде, Добровскій, Арсеньевъ, Языковъ—и гг. Ироконовичъ-Антонскій, Постоловъ, Загорскій, Ястребцовъ, Нечаевъ, Соловьевъ, Красовскій и проч. и проч. и проч. Какія имена! сколько подвиговъ и славы, трудовъ и заслугъ русскому языку и рус-

ской литературѣ соединяется съ ними! Тутъ всѣ роды поэзіи и учености, всѣ школы: Пушкинъ, Жуковскій и Б. М. Федоровъ—романтики; Крыловъ, Карамзинъ и гг. Лобановъ и Панаевъ—классики. Но пусть само дѣло говоритъ за себя. Въ первой части «Трудовъ» Россійская Академія имѣла снисхожденіе напомнить публикѣ о своемъ существованіи историческимъ очеркомъ совершенныхъ ею подвиговъ: изложимъ бѣгло содержаніе этого историческаго взгляда на достославное существованіе Россійской Академіи. Статья, о которой мы говоримъ и изъ которой заимствуемъ, составлена секретаремъ Академіи и называется: «Краткое извѣстіе о Россійской Академіи, отъ основанія оной въ 21 день октября 1783 года по 1840 годъ».

Въ чемъ должна состоять исторія Академіи, какъ и всякаго ученаго общества? Разумѣется, это не должна быть исторія дома, въ смыслѣ зданія, или исторія его канцеляріи, его экономическихъ операцій, ни даже сборъ протоколовъ, заключающихъ въ себѣ описаніе церемоніяловъ принятія въ члены и комплименты членовъ другъ другу: сохрани Богъ! только въ Китаѣ понимаютъ такъ исторію ученыхъ обществъ и академій въ особенности. Нѣтъ, исторія академіи должна состоять въ изображеніи ея дѣйствій въ сферѣ того предмета, который есть причина и цѣль, но отнюдь не средство ея основанія и существованія.

Первоначальная мысль объ основаніи Академіи принадлежитъ, разумѣется, Петру-Великому, какъ и первоначальная мысль всего, что̀ посѣяло въ Россіи сѣмена очеловѣченія, облагороженія и одухотворенія. Екатерина Великая выполнила его мысль, какъ выполнила она и многія изъ его мыслей. Великая обращала особенное вниманіе на успѣхи русскаго языка и русской литературы,— и ея-то царственному вниманію обязаны они своимъ теперешнимъ состояніемъ. Безъ публики нѣтъ литературы, а Екатерина была единственною причиною того, что у насъ явилось нѣчто похожее на публику: воля великой императрицы подѣйствовала на ея дворъ, а примѣръ двора и на полудикое, невѣжественное общество, которое хотя и съ досадою, но принудило себя видѣть въ книгахъ нѣчто достойное не презрѣнія, а уваженія, узнавъ, что премудрая монархиня очень уважаетъ ихъ. Желая болѣе споспѣшествовать успѣхамъ отечественнаго языка, Екатерина II рѣшилась привести въ исполненіе мысль Петра I,—и княгинѣ Дашковой, бывшей директоромъ Академіи Наукъ, поручено было начертать планъ ученаго общества, имѣющаго предметомъ своихъ занятій русскій языкъ и русскую словесность. Сентября 30, 1783 года этотъ планъ былъ утвержденъ высочайшимъ на имя княгини Дашковой рескриптомъ, а октября 21 того же года Академія была открыта. Число членовъ было опредѣлено шестьюдесятью, собранія назначены еженедѣльно по одному разу; по окончаніи засѣданія каждому присутствовавшему члену назначенъ *жетонъ*, что̀ нынѣ *дарикъ;* отличавшихся трудами и пользою членовъ опредѣлено, по большинству голосовъ, награждать, по прошествіи года, въ торжественныхъ собраніяхъ, золотою медалью въ 250 рублей.

Первою заботою Академіи было составленіе словаря отечественнаго языка и какъ бы ни свершено было это дѣло, но оно было первымъ опытомъ, и потому уже было истиннымъ подвигомъ. Сама великая императрица приняла участіе въ этомъ дѣлѣ, сдѣлавъ собственноручныя замѣчанія къ пополненію словъ, начинающихся съ буквы А, и повелѣвъ «избѣгать всевозможно чужеземныхъ словъ, а напаче реченій, замѣняя ихъ словами, или древними, или вновь составляемыми». Этотъ словарь былъ составленъ не азбучнымъ, а словопроизводнымъ порядкомъ, и напечатанъ, въ шести томахъ, въ шесть лѣтъ (1789—1794). Какъ жаль, что непомѣрно-высокая цѣна дѣлаетъ его совершенно безполезнымъ! Кому онъ нуженъ! — ужь конечно не свѣтскимъ людямъ, не любителямъ легкаго чтенія, а ученымъ и литераторамъ? Но спрашивается: много ли есть ученыхъ и литераторовъ, которые въ состояніи заплатить за Словарь Академіи сто пятьдесятъ рублей ассигнаціями?.. Это обстоятельство наводитъ на заключеніе, что кромѣ самой Академіи, едва ли кто воспользовался ея словаремъ.

Потомъ Академія немедленно приступила къ составленію словаря по азбучному порядку; но это дѣло совершилось уже въ семнадцать лѣтъ (1806—1822), хотя и этотъ словарь былъ изданъ также въ шести частяхъ.

Періодъ существованія Академіи отъ 12 ноября 1796 по 29 мая 1801 года ознаменовался увольненіемъ княгини Дашковой отъ предсѣдательства въ обѣихъ Академіяхъ, прекращеніемъ ежегоднаго отпуска для Академіи 6.250 рублей и отдачею ея дома въ вѣдомство министерства удѣловъ и военно-сиротскаго дома; а въ замѣну его предоставленіемъ ей (10 іюля 1800) мѣста съ небольшимъ строеніемъ на В. О. у Тучкова моста.

Воцареніе Александра I было и для Академіи, какъ и для всего въ Россіи, восходомъ лучезарнаго живительнаго солнца. Ей возвращена была ея ежегодная сумма 6250 рублей, и сверхъ того на изданіе полезныхъ сочиненій и на награды авторамъ и переводчикамъ опредѣлено ежегодно отпускать изъ Кабинета Е. И. В. 3000 рублей; да на построеніе дома было выдано единовременно 25,000 рублей. Правительство дѣлало для Академіи болѣе, нежели сколько вправѣ была она ожидать отъ него; но что-же сдѣлала Академія?— Начиная съ 1805 года, она ежегодно приглашала чрезъ вѣдомости къ сочиненію: 1) похвальныхъ словъ: царямъ Іоанну Васильевичу и Алексѣю Михайловичу, великому князю Владиміру Мономаху, Минину и Пожарскому, Румянцову-Задунайскому и Суворову, Хераскову; 2) разсужденія о началѣ, успѣхахъ и распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи; 3) ироической пѣсни на побѣду великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ. Конечно, теперь страннымъ покажется одна мысль о похвальныхъ словахъ, какъ о родѣ сочиненій, безъ всякой цѣли и смысла, какъ о риторической шумихѣ и трескотнѣ общихъ истасканныхъ мѣстъ; еще болѣе страннымъ покажется мысль о похвальномъ словѣ Хераскову,—бездарному стихотворцу, и еще страннѣе покажется теперь мысль о возможности управлять чьимъ-бы то ни было вдохновеніемъ,

задавая тему—и еще какую!—ироическую пѣснь на побѣду Донскаго надъ Мамаемъ;—но мы не должны забывать, что тогда было время псевдо-классицизма, похвальныя слова почитались законнымъ родомъ краснорѣчія, Херасковъ—не только поэтомъ, но и россійскимъ Гомеромъ, а поэмы и ироическія пѣсни обыкновенно писались на заказъ, и притомъ на такія темы, которыя теперь оставлены даже и въ уѣздныхъ училищахъ. Кромѣ этого, насъ можетъ утѣшить еще и то, что, несмотря на лестную надежду блестящей награды (золотой медали въ 50 червонцевъ), соискателей не оказалось—темы остались безъ выполненія. Только одинъ членъ Академіи, г. Львовъ написалъ похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу, вовсе неизвѣстное въ нашей литературѣ, за что̀ и получилъ золотую медаль.

Между тѣмъ, объявленіе отъ Академіи задачъ подѣйствовало на нѣкоторыя частныя лица. Одинъ неизвѣстный прислалъ въ распоряженіе Академіи 500 р. въ награду тому, кто напишетъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, которую Академія признаетъ лучшею. Эту премію получилъ Херасковъ (1807) за свою трагедію «Зоренда и Ростиславъ». Но награда не застала этого сочинителя въ живыхъ, а жена его извѣстила Академію, что онъ отказался отъ награды въ пользу того, кто напишетъ лучшую трагедію или комедію, въ стихахъ, въ 5 дѣйствіяхъ. Явно, что Грибоѣдовъ не могъ получить этой награды, потому-что его «Горе отъ Ума» было только въ четырехъ актахъ. Въ 1831 году вышелъ «Борисъ Годуновъ» Пушкина; но онъ вовсе не былъ раздѣленъ на акты да и притомъ написанъ не весь стихами, а съ небольшою примѣсью прозы. Въ 1835 году, г. Лобановъ издалъ очень мало извѣстную въ нашей литературклассическую трагедію, и въ стихахъ и въ 5-ти актахъ, подъ названіемъ «Борисъ Годуновъ» и получилъ за нее отъ Академіи херасковскіе 500 р., которые, съ наросшими на нихъ процентами, составили 1833 р. 40 коп. Вообще, должно замѣтить, что въ раздачѣ наградъ, Академія всегда имѣла въ виду поощреніе такихъ сочиненій, которыя не могли имѣть какого-нибудь успѣха у публики, или даже быть ей извѣстными. Другой неизвѣстный предложилъ 100 червонныхъ за похвальное слово генералу Ермолову, которую награду и получилъ бывшій членъ академіи и секретарь ея въ продолженіи почти тридцати-трехъ лѣтъ (съ 1802 по 1835 г.), г. Соколовъ. Третій неизвѣстный предложилъ медаль въ 30 червонныхъ за сочиненіе разсужденія: «Имѣетъ ли русскій языкъ нужду, для обогащенія своего заимствовать, и до какой степени, оборотъ реченій изъ другихъ языковъ, кромѣ своего корня!» Но Академія не приняла сего предложенія потому, что русскій языкъ по своему изобилію и свойству, не имѣетъ нужды заимствовать оборотовъ и выраженій изъ языковъ чужеземныхъ. Глубоко-мудрая причина!

Съ 1805 по 1813 годъ Академія издала семь частей «Сочиненій и переводовъ россійской Академіи», въ которыхъ, изъ прозаическихъ сочиненій, примѣчательны нѣкоторыя статьи, относящіяся до русскаго языка, и принадлежащія А. С. Шишкову. Въ этотъ же промежутокъ времени, Академія сочинила и

издала «Грамматику россійскаго языка», которая была послѣ перепечатываема три раза, въ 1809, 1819 и 1827, а теперь уже совершенно забыта всѣми, кромѣ тѣхъ, которые слишкомъ помнятъ ее, учась по ней въ дѣтствѣ. «Наука Стихотворства» Рижскаго, «Лѣтопись Тацитова», перев. Румовскаго, «Димосѳеново надгробное слово Аѳинянамъ, убитымъ при Херонеѣ», перев. митрополита Евгенія, «Саллустія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурѳы», перев. Озерецковскаго, «Разсужденіе о сходствѣ между санскритскимъ и русскимъ языкомъ», переводъ съ франц. языка Никольскаго, сочиненія Леванды, то-же изданныя Академіею, «Ликей, или курсъ словесности Лагарпа»—суть такія изданія Академіи, которыя она почитала прямо относящимися къ предмету своихъ занятій.— Въ 1802 году, Академія увѣнчала золотыми медалями *труды* слѣдующихъ своихъ членовъ: предсѣдателя своего А. Нартова (какъ за участіе въ составленіи словаря, такъ и за ходатайство у монаршаго престола о благосостояніи Академіи), Д. Трощинскаго (за усердное ходатайство и предстательство предъ Государемъ Императоромъ о пользахъ Академіи); въ 1804, А. С. Шишкова (за переложеніе на русскій языкъ «Слова о полку Игоревомъ», съ примѣч. и объясненіями).

Съ 1813 года, вице-адмиралъ Шишковъ сдѣланъ президентомъ Академіи. Въ 1818 утвержденъ Государемъ Императоромъ новый уставъ Академіи, въ которомъ точнѣе и подробнѣе опредѣлился кругъ ея дѣятельности; вмѣсто одной медали для академическихъ наградъ положено имѣть три — во 100, въ 50 и въ 25 червонныхъ; вмѣстѣ съ уставомъ Императоръ Александръ утвердилъ академіи и новый штатъ, по которому она получаетъ въ годъ 60,000 руб.; повелѣлъ продолжать отпускъ изъ своего кабинета 3000 р. въ годъ, и наконецъ пожаловалъ 30,000 р. на заведеніе типографіи. Боже мой! что можно было сдѣлать съ такими огромными средствами! И дѣйствительно сдѣлано было весьма много, а именно:

Изданы были: «Извѣстія Россійской Академіи» 12 том. (1815—1828), въ которыхъ все касающееся до русскаго языка и все хоть сколько-нибудь примѣчательное принадлежитъ А. С. Шишкову. Въ нихъ-же помѣщена «Пѣснь сотворшему вся» князя С. А. Шихматова (въ послѣдствіи времени іеромонаха Аникиты). Это стихотвореніе (говоритъ «Краткое извѣстіе о Россійской Академіи») отличается и хорошимъ своимъ слогомъ и выспренностію мыслей. — «Новременное изданіе Академіи» 4 т. (1829—1832). Въ немъ болѣе или менѣе замѣчательны нѣкоторыя статьи самого президента, касающіяся русскаго языка. Изъ множества стихотвореній, помѣщенныхъ тутъ, ни публикѣ, ни намъ рѣшительно ни одно не извѣстно.—«Краткія Записки», 3 т. (1834—1835). Въ нихъ замѣчательны статьи противъ такъ-называемаго романтизма, впрочемъ, не оригинальныя, а переведенныя съ французскаго; и статьи г. президента: «О разности между академикомъ и писателемъ» и «Нѣчто о пересудѣ или разборѣ сочиненій, называемомъ критикою». — «Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи», соч. Бросса, пе-

рев. съ франц. Никольскаго, 2 ч. (1821—1822).—«Untersuchungen über die Sprache», 3 ч. (1826, 1827, 1836). — «Recherches sur les racines des idiomes slavons, comparées avec celle des langues etrangères», 1832, перев. г. Рейфа изъ соч. А. С. Шишкова.—«Квинтиліана риторическія наставленія» перев. съ латин. А. Никольскаго, 2 ч. 1834.—„Vergleichendes Wörterbuch», 2 ч. 1838.

Академія, сверхъ того, предположила издать: 1) Сочиненія Ломоносова, касающіяся до словесности. Это предположеніе выполнено въ нынѣшнемъ году.—2) Соч. Богдановича, съ рисунками графа Ѳ. П. Толстова, по изготовленіи которыхъ и будетъ приступлено къ этому изданію.—3) Избранныя сочиненія Сумарокова.—4) Басни Хемницера.

Въ 1836 году Академія приступила къ новому изданію русскаго словаря по азбучному порядку. По нынѣшній годъ обработано уже 48,896 словъ.

Такъ-какъ въ кругъ занятій Академіи входитъ и отечественная исторія, то Академія сдѣлала по сей части слѣдующее:

Оказала пособіе изъ своихъ суммъ извѣстному художнику графу Ѳ. П. Толстому въ изданіи составленныхъ имъ рисунковъ медалямъ на достопамятныя событія 1812, 1813 и 1814 годовъ. — Въ 1830, отправила Ю. Н. Венелина въ путешествіе по Болгаріи, Валахіи и Молдавіи, для отысканія и описанія оставшихся памятниковъ древняго языка этихъ странъ, и преимущественно болгарскаго, историческихъ и церковныхъ; положенія всѣхъ мѣстъ, о которыхъ упоминается въ исторіи, а особливо въ русскихъ лѣтописяхъ. На это путешествіе употреблено 6,000 р. и плодомъ ея было собраніе влахо-болгарскихъ грамотъ и снимковъ съ нихъ и «Болгарская Грамматика», которая никогда издана не будетъ.—Въ 1834 приступлено къ печатанію пятой части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», изданію которыхъ положилъ начало графъ Н. П. Румянцевъ, но это изданіе остановилось на 4 части, по недостатку денежныхъ средствъ. Положено издать въ переводѣ на русскомъ языкѣ Византійцевъ, по послѣднему изданію, сдѣланному въ Боннѣ; также всѣхъ западныхъ и сѣверныхъ временниковъ, не исключая даже исландскихъ сагъ. Приглашенные для сего переводчики приступили уже къ дѣлу, и оконченный однимъ изъ нихъ переводъ сочиненій Прокопія разсматривается въ особомъ комитетѣ Академіи.

Для дополненія характеристики духа Россійской Академіи, необходимо показать ея распоряженія по части наградъ отличившимся въ занятіяхъ «россійской словесностью», или только ревностью къ оной, господъ сочинителей и переводчиковъ.

Золотыми медалями стараго вида (въ 250 р.) Академія наградила. 1) Президента своего А. С. Шишкова (1815, сент. 28).—2) Князя С. А. Шихматова (въ иночествѣ іеромонахъ Аникита, 1817, мая 12) за разныя его сочиненія и въ особенности за «Пѣснь сотворшему вся».

Новаго вида: большими во 100 червонныхъ: 1) Карамзина. Медаль

поднесена ему въ торжественное собраніе Академіи 1820, янв. 8, въ которомъ онъ читалъ нѣкоторыя мѣста изъ IX т. своей исторіи, тогда еще не вышедшаго въ свѣтъ.—2) Дмитріева (И. И.) (1823, янв. 14).—3) Крылова (тогда-же).—4) Жуковскаго (1837, янв. 2).

Средней величины въ 50 червонныхъ: 1) Слѣпушкина, стихотворца-самоучку (1826, янв. 30).—2) Ѳ. Ѳ. Аделунга, за ученыя сочиненія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, касающіяся частію до филологіи, частію до русской исторіи (1830, февр. 22).—3) Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, за «Похвальное слово Императору Александру Благословенному» (1831, сент 11).—4) Гросгейнриха, за переводъ на нѣмецкій языкъ «Сравнительнаго словаря», составленнаго президентомъ Академіи (1835, марта 23). — 5) Съ нимъ вмѣстѣ, и г. Рейфа, за переводъ на французскій языкъ статьи изъ «Академическихъ извѣстій».—6) Юнгмана, библіотекаря музеума въ богемской Прагѣ, за заслуги чешской словесности (1835, іюня 1).—7) Копытара, хранителя вѣнской императорской библіотеки (за что—не сказано).—8) Ганку, библіотекаря пражскаго музеума (за что—тоже не сказано).—9) Шаффарика (за что—тоже не сказано).—10) Коллара, за стихотвореніе на чешскомъ языкѣ «Slawy dcera».—11) Г. Полѣнова, за ревностное участіе въ трудахъ Академіи,особенно въ приготовляемомъ словарѣ.

Малой величины въ 25 червонныхъ: 1) Раковецкаго, ученаго поляка, за переводъ на польскій языкъ «Русской Правды».—2) Г. Панаева за изданіе идиллій. Награда тѣмъ болѣе справедливая, — что оныя идилліи не могли имѣть успѣха въ публикѣ (1820 г. сент. 11). — 3) Ѳедора Павловича, за труды въ пользу какой-то «словенской словесности» (1815, марта 2). — 4) Дѣвицу Ярцову, за неизвѣстное публикѣ сочиненіе «Полезное чтеніе для дѣтей» (1836, янв. 18).

Медалями серебряными: 1) Князя Цертелева, за нѣкоторыя изданныя имъ о народныхъ пѣсняхъ разсужденія и замѣчанія (1820).—2) Вука Стефановича, за изд. Сербскаго словаря (1820).—3) Кавалера Филистри за составленіе четырехъ таблицъ, изображающихъ вкратцѣ россійскую исторію (1821).—4) К. Калайдовича, за изд. памятниковъ русской словесности XII вѣка (1822).—5) Г. Н. Полеваго, за представленный отъ него новый способъ спряженій русскихъ глаголовъ (1822).—6) М. Суханова, экономическаго крестьянина, за стихотворенія, и сверхъ медзли ему-же 1,000 р. деньгами (1822).—7) Егора Алипанова, тоже крестьянина и тоже за стихотворенія довольно посредственныя (1831).—8) Дундера, вѣнскаго книгопродавца, за его предпріятіе издавать общій Словенскій книжный лексиконъ.

Сверхъ почести медалями, Академія наградила труды слѣдующихъ сочинителей единовременнымъ денежнымъ даромъ: 1) А. Х. Востокову 500 р. за его стихотворенія и изслѣдованія отечественнаго языка (1829).—2) Дѣвицѣ А. П. Буниной 1,000 р. за стихотворенія и переводы съ англійскаго языка соч. Блера (1829).—3) С. Н. Глинкѣ 4,500 р. за многолѣтнія занятія его на

поприщѣ отечественной словесности (1832, 1836, 1838).—4) Д. И. Языкову 4,000 р. за труды по части словесности, исторіи и древностей русскихъ (1837).—5) Четырнадцатилѣтней дѣвицѣ Шаховой 500 руб. за ея опыты въ стихахъ (1837). Кромѣ того, въ 1839 году Академія напечатала ея стихотворенія въ числѣ 800 экземпляровъ и предоставила ихъ всѣ въ ея пользу.—Протоіерею Меглицкому 1,100 р. за скорый переводъ на русскій языкъ Словенскихъ древностей Шафарика (1835).—7) Вуку Стефановичу Караджичь 1,080 р. въ пособіе на путешествіе по Словенскимъ землямъ, для собранія народныхъ пѣсенъ, пословицъ, рукописей и проч. (1835). 8) Гаврінлу Покацкому 650 р. за переложеніе стихами Псалтири и Канона Андрея Критскаго (1819, 1829).—9) Кавалеру Филистри 400 р. за сочиненную имъ генеалогическую, хронологическую и синхронистическую таблицу Россійской исторіи.—10) М. Е. Лобанову 5,000 р. на изданіе его стихотвореній и двухъ трагедій (1836, 1838).—11) В. А. Броневскому 1,250 р. на изданіе его «Записокъ морского офицера» (182).—Эти «Записки» были напечатаны Академіей вторично въ 1837 году.—12) Купцу Ершову 1.000 р. на изданіе «Исторіи Восточной Римской имперіи» (1836). – 13) Момировичу 1,000 р. на изданіе «Краткой исторіи и географіи Сербіи» (1839).—14) А. С. Норову 5,000 р., покупкою у него 200 экземпляровъ его «Путешествія ко святымъ мѣстамъ» (1837).—15) П. П. Свиньину 7,500 р. покупкою у него 250 экземпляровъ первой части его «Картины Россіи» (1838). Вся употребленная въ сей періодъ на сей предметъ сумма простирается до 42,000.

Кромѣ этихъ, постановленныхъ уставомъ, наградъ, Академія дѣйствовала къ распространенію словесности еще и тѣмъ, что печатала, по надлежащемъ разсмотрѣніи, разныя сочиненія и переводы на свой счетъ и всѣ напечатанные экземпляры предоставляла въ пользу сочинителей и переводчиковъ. Такимъ образомъ изданы ею: 1) Собраніе всѣхъ сочиненій ея президента, въ XVII частяхъ (1818—1834, 1839), и сочиненія и переводы его племянника.—2) Переведенная Н. И. Гнѣдичемъ Омирова «Иліада» (1829).—3) Писанное на греческомъ языкѣ сочиненіе священника Константина Экономоса «О ближайшемъ сродствѣ Словено-Россійскаго языка съ Греческимъ» (1829).—4) Словарь Россійскаго языка, въ 2-хъ частяхъ, составленный г. Соколовымъ (1834).—5) Стихотворенія Н. И. Шатрова, въ 3-хъ частяхъ.—6) Россійская грамматика А. Х. Востокова, два раза (1832, 1838).—7) Сочиненіе кн. С. А. Шихматова (въ монаш. Аникита) подъ названіемъ «Іисусъ въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, или ночь у креста».—8) Похвальныя слова кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова въ Бозѣ почившимъ Императору Александру Павловичу и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1833). — 9) Піитическіе опыты дѣвицы Кульманъ (1832). — 10) «Опытъ исторіи словесности», написанный г. Глаголевымъ (1834) и его-же: «Записки Русскаго путешественника» (1837).—11) «Краткій священный словарь», составленный протоіереемъ А. И. Маловымъ.—12) Дѣвицы Ишимовой «Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей», въ 5 частяхъ (1836—1838).—

13) Ключъ къ Исторіи Россійскаго Государства, соч. Карамзина, составленный г. Строевымъ (1836).—14) Сочиненія С. В. Руссова a) О кожаныхъ деньгахъ; b) О мнѣніяхъ касательно Руси; c) О Гостомыслѣ; d) О происхожденіи Рюрика; e) О Новѣгородѣ и f) Объ Алдейгаборгѣ (1836).—15) А. И. Михайловскаго-Данилевскаго «Записки о походѣ 1813 года» (1836).—16) Б. М. Ѳедорова сочиненіе: «Кадетскіе бивуаки» и переводъ «Симона Нантуанскаго» (1836, 1837).—17) В. М. Перевощикова «О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ» (1836).—18) Д. И. Языкова «Книга большему чертежу» (1838).—19) Стихотворенія дѣвицы Онисимовой (1838).

Долговременные неутомимые труды и рвеніе члена и непремѣннаго секретаря Академіи П. И. Соколова, она наградила единовременно выдачею ему 13,000 рублей.

Споспѣшествуя всякому обще-полезному заведенію Академія принесла въ даръ библіотекамъ, открытымъ въ разныхъ городахъ, изданныя ею книги, на 14,000 рублей; учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго просвѣщенія, и духовнымъ пріобрѣтенныя ею 200 экземпляровъ «Путешествія Норова ко святымъ мѣстамъ» и 1,000 экземпляровъ «Книги большему чертежу»—цѣн. на 10,000; и въ 1839 г. снабдила училища вновь открытаго Варшавскаго учебнаго округа изданными ею книгами—цѣн. на 9,970 рублей.

Въ память оказанныхъ Россійскому слову заслугъ нѣкоторыми членами Академіи она украсила залу своихъ собраній ихъ портретами. «Хотя покойная дѣвица Бунина и не принадлежала къ числу членовъ, но отличныя ея стихотворныя дарованія, дали и ея портрету мѣсто между прочими». Въ 1835 году Академія приступила къ изданію литографическихъ портретовъ своихъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ какъ умершихъ, такъ и здравствующихъ еще. Число налитографированныхъ портретовъ простирается по сіе время до 54-хъ.

Зала академическихъ собраній украшена мраморными бюстами: Ломоносова и Державина; сверхъ того, въ знакъ своей признательности, она положила присоединить къ нимъ еще мраморный же бюстъ своего президента.

Память нѣкоторыхъ изъ усопшихъ членовъ Академіи, почтила она сооруженіемъ надгробныхъ имъ памятниковъ, или совершенно, на свой счетъ, или принявъ участіе въ расходахъ, и именно, въ первомъ случаѣ: 1) Дмитревскому 3,830 р. (1824) и 2) П. И. Соколову 2,000 р. (1837); во второмъ: 1) Державину 5,000 р., 2) Карамзину 5,000 р. (1833) и 1,000 р. на исправленіе памятника Ломоносову.

Вообще *одобрительныя* дѣйствія Россійской Академіи на трудящихся въ пользу русской словесности, показываютъ съ одной стороны строжайшій и безпристрастный выборъ, а съ другой благочестивое стремленіе помогать бѣдности. И потому если медалями во 100 червонныхъ награждены Дмитріевъ, Карамзинъ, Крыловъ и Жуковскій, но не награжденъ Пушкинъ, такъ это, вѣроятно,

по причинѣ преждевременной его смерти, не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ намъ не малымъ можетъ служить утѣшеніемъ, что за то увѣнчана этою наградою «Пѣснь сотворшему вся», князя Шихматова (въ иночествѣ Аникита). Что же касается до того, что награждены медалями стихотворцы-крестьяне Слѣпушкинъ, Сухановъ и Алипановъ, и не награжденъ поэтъ-мѣщанинъ Кольцовъ, это, вѣроятно, потому, что послѣдняго можетъ наградить публика, тогда какъ первые никакъ не могутъ положиться на ея вниманіе. Вѣроятно, эта же самая причина обратила вниманіе Академіи и на сочиненія дѣвицъ: Буниной, Шаховой, Онисимовой, Покацкаго, Лобанова, Б. М. Ѳедорова и другихъ. Все это дѣлаетъ большую честь великодушію Академіи.

Теперь обратимся къ изданнымъ ею двумъ частямъ своихъ «Трудовъ».

Въ первой части находится въ высшей степени любопытная историческая статья г. Полѣнова «Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ датскія владѣнія»: этотъ фактъ доселѣ былъ государственною тайною. Во второй части помѣщено сочиненіе академика Арсеньева «Царствованіе Петра II», которое было издано въ прошломъ году особою книгою.

Обѣ части «Трудовъ» украшены стихотвореніями гг. Лобанова и Ѳедорова. Нынче такихъ стиховъ не пишутъ, потому что такихъ стиховъ никто ужь не читаетъ, потому-то и должны они были помѣститься въ «Труды» Академіи, имѣющей въ виду преимущественно вознагражденіе и одобреніе такихъ произведеній словесности, которыя не могутъ ожидать вознагражденія и одобренія публики. Особенно хороши стихи Б. М. Ѳедорова — вотъ нѣсколько изъ нихъ:

Корабль спасенія душъ чистыхъ,
Златымъ вѣнцомъ *облечена*,
Надъ сѣнію дубравъ тѣнистыхъ
Издалека *она видна*.
Пріютъ и странника и сира,
Ущедренъ благостной рукой,
И призываетъ въ пристань мира,
Блистая горней красотой,

и прочая, все въ такомъ-же паренін и такомъ-же смыслѣ.

Очень также интересенъ отрывокъ, не то изъ повѣсти, не то изъ романа, разумѣется, исторической или историческаго, подъ титуломъ «Золотая Палата. Картина русскаго двора въ XVI вѣкѣ» Б. М. Ѳедорова: это рѣшительно одно изъ лучшихъ произведеній сего достойнаго сочинителя и академика [367]).

Примѣчанія къ VII тому.

1) Стр. 1. „Отеч. Зап.“ 1842 г. № 1. Цензъ. разр. 31 дек. 1841 г.

2) Стр. 4. Изъ-за этого вполнѣ вѣрнаго отношенія къ Ломоносову, правильность котораго теперь уже никому въ умъ не придетъ оспаривать, Бѣлинскому вскорѣ придется огрызаться отъ нападокъ литературнаго старовѣрства (ср. дальше статью № 685, стр. 510—512). Но еще въ началѣ своей критической дѣятельности и самъ Бѣлинскій куда выше ставилъ Ломоносова какъ поэта. Ср. „Литературныя Мечтанія“ (т. I, стр. 333), гдѣ про Ломоносова сказано: „Онъ былъ великій поэтъ и плохой ораторъ“.

3) Стр. 5. Холодно относясь теперь къ поэтической дѣятельности Ломоносова, Бѣлинскій продолжаетъ чрезмѣрно восторженно относиться къ нравственной личности его. Ср. т. III, стр. 495—97.

4) Стр. 6. Ср. отзывъ о книгѣ Глинки т. VI, ст. № 547.

5) Стр. 7. Полевого.

6) Стр. 14. Было время, когда и самъ Бѣлинскій если и не сводилъ задачу женщины къ тому, чтобы „варить мужу щи и кашу“, то, во всякомъ случаѣ, держался по истинѣ „киргизъ-кайсацкихъ“ взглядовъ на учено-литературную дѣятельность женщинъ. Вспомнимъ знаменитую статью по поводу романа Монборнъ (т. II, прим. 166—167).

7) Стр. 15. Слава теперь забытыхъ именъ „Бетины и Рахель“ была чрезвычайно громка въ началѣ 40-хъ годовъ. *Бетина (Елизавета) фонъ-Арнимъ* (1785—1859) только что выпустила свою замѣчательную книгу „Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde“ (1835)—смѣсь правды и вымысла, частью выдуманныхъ писемъ къ Гёте, частью дѣйствительной переписки съ великимъ поэтомъ, преклоненіе предъ которымъ въ фантастическомъ существѣ Бетины приняло характеръ почти реальной любви. Восторженность Бетины сдѣлала ее „Сивиллою романтической школы“. Совсѣмъ иного склада была *Рахиль Варнгагенъ-фанъ-Энзе* (1771—1833), женщина необыкновенной душевной красоты и высокаго ума, обаяніе которой было тѣмъ неотразимѣе, что въ личной жизни она была мало счастлива и это сообщало ея духовному существу особенно идеальный оттѣнокъ. Въ 1842 г. слава Рахили, еще недавно группировавшей вокругъ себя все, что было выдающагося въ Германіи въ сферѣ литературы, науки и искусства, была въ самомъ разгарѣ. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ были изданы ея мужемъ—причастнымъ отчасти и къ русской литературѣ Карломъ Варнгагеномъ-фанъ-Энзе (см. т. IV, прим. 179—180)—двѣ книги: „Rahel, ein Buch des Andenkens für ihre Freunde“ (1833) и „Galerie von Bildnissen aus Rahels Umgang und Briefwechsel“ (1836), которыя сдѣлали

извѣстнымъ большой публикѣ прекрасный образъ этой замѣчательной женщины, до того извѣстный только ея друзьямъ.

8) Стр. 15. Бѣлинскій очень восторженно относился къ книгѣ миссисъ (а не миссъ) Анны Джемсонъ (1797—1860), съ которою былъ знакомъ по извлеченіямъ, напечатаннымъ Васильемъ Боткинымъ въ „Отеч. Зап.“ 1841 г. (т. XIV). Со свойственною ему способностью всегда увлекаться до самыхъ крайнихъ предѣловъ, онъ писалъ Боткину по поводу характеристики Офеліи:

„Лучшаго по части критики я не читалъ ни во снѣ, ни на яву съ тѣхъ поръ, какъ родился“ (Пыпинъ, II, 109—110).

9) Стр. 15. Бѣлинскій, какъ членъ редакціи „Отеч. Зап.“, гдѣ чрезъ нѣсколько книжекъ начнутъ появляться повѣсти *Зенеиды Р—вой*, конечно, зналъ, какая „неизвѣстная дама“ скрывается подъ этимъ именемъ. Но въ печати псевдонимъ умершей въ томъ же 1842 году Елены Ганъ еще не былъ раскрытъ.

10) Стр. 17. Это, вошедшее въ учебники, опредѣленіе заслугъ Карамзина Бѣлинскій приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ далъ уже въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. т. I, стр. 347—48).

11) Стр. 17. Къ забытому теперь даже по имени критику *Петру Ивановичу Макарову* (1765—1804) намъ еще придется вернуться.

12) Стр. 19. Устарѣвшая теперь форма.

13) Стр. 19. Обычное у Бѣлинскаго неправильное отношеніе къ непарадной сторонѣ исторіи. Ср. т. VI, прим. 3.

14) Стр. 19. Новѣйшая историческая критика, главнымъ образомъ въ лицѣ П. Н. Милюкова (см. его „Главныя теченія русской истор. мысли“) выяснила, что въ чисто-научной разработкѣ предмета Карамзинъ почти всѣмъ обязанъ своимъ предшественникамъ. Всего менѣе сдѣлалъ Карамзинъ „по части исторической критики документовъ“. Онъ даже относился свысока къ этой сторонѣ своей задачи. Правда, „Примѣчанія“ къ исторіи Карамзина богаты новыми документами, но эти документы даны въ сыромъ видѣ, безъ критики ихъ дѣйствительнаго значенія.

15) Стр. 19. Полевой въ предисловіи къ „Исторіи русскаго народа“.

16) Стр. 20. Выходки противъ Полевого являются продолженіемъ упорной борьбы, которую Бѣлинскій велъ съ нимъ съ такимъ ожесточеніемъ съ тѣхъ поръ, какъ Полевой измѣнилъ свое литературное направленіе. Подробный обзоръ этой борьбы можно прослѣдить по примѣчанію 8 въ т. V и пр. 277 въ т. VI. Относящееся къ Полевому въ примѣчаніяхъ къ VII тому собрано указаніями на настоящее примѣчаніе. Ср. прим. 60, 89, 90, 97, 99, 151, 164, 308, 325. Въ отмѣчаемомъ теперь мѣстѣ Бѣлинскій не только несправедливо относится къ самому Полевому, исторія котораго, хотя и неоконченная была очень крупнымъ явленіемъ въ русской исторіографіи, но и къ превосходной идеѣ, легшей въ ея основаніе. Талантливый самоучка больше чѣмъ на полвѣка опередилъ русскую цѣховую ученость, которая въ наши дни вся почти сосредоточилась на исторіи именно русскаго народа съ самыхъ первыхъ стадій его существованія.

17) Стр. 23. Въ „Отеч. Зап.“ по явному недосмотру *со* опущено.

18) Стр. 27. Съ великимъ изумленіемъ прочитываетъ современный читатель эту блестящую страничку о романтизмѣ. Неужели рѣчь идетъ о литературномъ теченіи, которому теперь уже почти сто лѣтъ? Пользуясь опредѣленіями самихъ же романтиковъ, Бѣлинскій характеризуетъ романтизмъ, какъ „Міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрова-

ній, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ"; „таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личной человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія".

Но вѣдь это, однако, буквально тѣ же формулы, которыя мы слышимъ отъ провозвѣстниковъ символизма! А между тѣмъ эти провозвѣстники убѣждены, что они говорятъ какое-то новое слово и прокладываютъ какіе-то новые пути въ искусствѣ.

При такомъ случаѣ литературнаго атавизма, удивительно ли, что и возраженія Бѣлинскаго получаютъ вполнѣ современный интересъ. Все то, что Бѣлинскій говоритъ объ опасностяхъ, которыя ведетъ за собою извращеніе законныхъ, нормальныхъ и плодотворныхъ элементовъ романтизма, все это вполнѣ примѣнимо и къ символизму, который многіе прямо и называютъ нео-романтизмомъ. И въ символизмѣ всего менѣе подлежитъ оспариванію то стремленіе ввысь, безъ котораго человѣкъ погрязаетъ въ тинѣ обыденности. Но бѣда, когда люди, „погружаясь въ пучину внутренняго созерцанія", дѣлаются „мистическими сомнамбулами", „живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности". А всего печальнѣе, конечно, когда, подъ предлогомъ стремленія ввысь, люди яко бы новыхъ литературныхъ теченій просто убѣгаютъ отъ обязанностей гражданина и человѣколюбца и погружаются въ тину плохо-прикрытаго громкими формулами эгоизма и индиферентизма.

19) Стр. 27. Интересный анализъ субъективизма переводовъ Жуковскаго см. у Всеволода Чешихина: «Жуковскій какъ переводчикъ Шиллера» (Рига 1895).

20) Стр. 30. Бѣлинскій на всю жизнь останется приверженцемъ классической системы образованія и это характерно для всѣхъ людей сороковыхъ годовъ. Въ то время защитниками включенія греческаго и латинскаго яз. въ гимназическія программы выступили люди прогрессивныхъ стремленій, а противниками ихъ люди охранительнаго направленія. Отношеніе партій въ вопросѣ о классицизмѣ особенно ярко опредѣлилось въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ, послѣ революціи 1848 года. Въ наше время представители охранительнаго направленія видятъ главное достоинство классицизма въ томъ, что, сосредоточивая умъ юноши на лексическихъ занятіяхъ, онъ отвлекаетъ его отъ современныхъ идей и предохраняетъ, такимъ образомъ, отъ революціонныхъ стремленій. А въ 1848 году именно въ классицизмѣ видѣли источникъ революціонной заразы. Извѣстно, что еще въ началѣ 19 столѣтія, при реставраціи, господствовало мнѣніе, что классицизмъ былъ причиною французской революціи, что онъ привилъ республиканскія идеи и поселилъ понятія о равенствѣ и свободѣ. Вспомнимъ, что республиканское правительство окрестило свои должности римскими названіями, что наиболѣе ревностные революціонеры, отбросивъ христіанскія имена, стали звать себя Брутами, Катонами, Периклами, что трибуны конвента то и дѣло ссылались на древній Римъ и его республиканскія доблести. Въ 1848 году всѣ эти обвиненія всплыли вновь. Въ руководящихъ сферахъ раздались вліятельные голоса, которые считали нужнымъ начинать римскую исторію съ Августа и рѣшительно высказывались противъ цѣлесообразности изученія сочиненій республиканцевъ Цицерона, Саллюстія, Ливія, Демосѳена. Симпатіи противниковъ классицизма рѣшительно склонялись въ пользу замѣны республиканскихъ языковъ естественными

науками. Это объясняется тѣмъ, что на естествознаніе смотрѣли въ то время какъ на безобидную науку о козявкахъ и травкахъ. Естественныя науки не имѣли еще тогда своихъ Дарвиновъ, Фохтовъ, Малешотовъ и потому не возбуждали никакихъ страховъ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ вопросъ о классицизмѣ не былъ, конечно, такъ рѣзко поставленъ. Насадитель классицизма въ русской средней школѣ — Уваровъ—всего менѣе былъ человѣкъ симпатій къ свободѣ. Но онъ искренно благоговѣлъ предъ европейской наукой и пересадилъ къ намъ классицизмъ просто потому, что эта система господствовала въ ученой Германіи. Уваровскія гимназіи были несомнѣннымъ шагомъ по пути европеизаціи Россіи и потому Бѣлинскій съ такою искренностью относился къ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ направленіи. А чѣмъ больше Бѣлинскій уклонялся влѣво, тѣмъ любовь его къ Риму и Греціи все росла и въ изученіи древности онъ все болѣе и болѣе видѣлъ средство привить русскому юношеству гражданскія доблести Перикловъ, Катоновъ и Демосѳеновъ.

Въ печати эта подкладка восторженнаго отношенія Бѣлинскаго къ древности не могла, конечно, выразиться, особенно ярко и только въ частной перепискѣ онъ даетъ себѣ полную волю. Такъ Вас. Боткину, отъ 27 іюня 1841 г. онъ пишетъ:

„По совѣту твоему, купилъ „Плутарха“ Дестуниса и прочелъ. Книга эта свела меня съ ума. Боже мой, сколько еще кроется во мнѣ жизни, которая должна пропасть даромъ! Изъ всѣхъ героевъ древности трое привлекли всю мою любовь, обожаніе, энтузіазмъ—Тимолеонъ и Гракхи. Біографія Катона (Утическаго, а не скотины Старшаго) пахнула на меня мрачнымъ величіемъ трагедіи,—какая благороднѣйшая личность! Периклъ и Алкивіадъ взяли съ меня полную и обильную дань удивленія и восторговъ. А что же Цезарь,—спросишь ты. Увы, другъ мой, я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очучусь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Теперь ты поймешь, почему Тимолеонъ, Гракхи и Катонъ Утическій... заслонили собою въ моихъ глазахъ и Цезаря и Македонскаго. Во мнѣ развилась какая-то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести. Принимаясь за „Плутарха“, я думалъ, что греки заслонятъ отъ меня римлянъ—вышло не такъ. Я бѣсновался отъ Перикла и Алкивіада, но Тимолеонъ и Фокіонъ (эти грекоримляне) закрыли для меня своей суровою колоссальностію прекрасные и граціозные образы представителей аѳинянъ. Но въ римскихъ біографіяхъ душа моя плавала въ океанѣ. Я понялъ черезъ „Плутарха“ многое, чего не понималъ. На почвѣ Греціи и Рима выросло новѣйшее человѣчество. Безъ нихъ средніе вѣка ничего не сдѣлали бы. Я понялъ и французскую революцію, и ея римскую помпу, надъ которою прежде смѣялся... Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства. Да, греч. и лат. языки должны быть краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, фундаментомъ школы“. (Пыпинъ II, 117).

21) Стр. 31. Бѣлинскій не преминулъ кольнуть Шевырева и его высоко-курьезную попытку ввести въ русское стихосложеніе особенности итальянской октавы.

22) Стр. 33. Продолжается нѣкоторое умаленіе Лермонтова. Ср. т. VI, прим. 219.

23) Стр. 34. Какъ мы знаемъ (т. VI, пр. 576), формула, впервые высказанная въ русской литературѣ Бѣлинскимъ и ставшая классическою.

24) Стр. 36. Сравнительно небольшая характеристика Пушкина замѣчательна по своей содержательности и въ сжатомъ видѣ намѣчаетъ основныя черты того, что Бѣлинскій скажетъ въ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ.

25) Стр. 36. Объ Олинѣ см. т. IV, прим. 80, о намекахъ при именіГлинки т. VI, статья № 540.

26) Стр. 38. Въ отзывахъ о столпахъ „Москвитянина“—Языковѣ и Хомяковѣ, чувствуется несомнѣнный полемическій задоръ, но покамѣстъ еще сдержанный. Скоро пойдетъ разговоръ въ другомъ тонѣ.

27) Стр. 39. Повидимому, здѣсь опечатка или описка. Очевидно, что „печатію старины“ запечатлѣна не „дѣйствительность“, а „пафосъ“ Грибоѣдова. Комедія вѣдь воюетъ противъ иностранщины, „вѣчныхъ французовъ“ и отчасти зоветъ къ „долгополой старинѣ“.

28) Стр. 39. Какая огромная разница между теперешнимъ отношеніемъ къ „Горю отъ ума“ и прежнимъ, выросшимъ на почвѣ преклоненія предъ „разумною дѣйствительностью“ (см. т. V, прим. 38 и т. VI, 44). Все то, что прежде раздражало Бѣлинскаго въ великой сатирѣ, теперь его восхищаетъ. Къ сожалѣнію, благодаря объему и тому, что второй разъ Бѣлинскому уже не пришлось высказаться съ такою полнотою, только первая статья и пользуется извѣстностью. Хотимъ надѣяться, что читатель настоящаго изданія, когда въ его распоряженіи будетъ указатель именъ, не полѣнится прослѣдить позднѣйшее отношеніе Бѣлинскаго къ Грибоѣдову и увидитъ, до какой степени оно стало діаметрально-противоположнымъ.

29) Стр. 42. Трактатъ Шиллера не читавшему по-нѣмецки Бѣлинскому, очевидно, былъ знакомъ по передачѣ пріятелей. На русскомъ языкѣ трактатъ впервые появляется только въ „Отеч. Зап.“ 1850 г. въ переводѣ Михаила Достоевскаго.

30) Стр. 46. Бѣлинскій продолжаетъ въ настоящей статьѣ свою пѣснь объ отсутствіи литературы, которую началъ въ „Литерат. Мечтаніяхъ“. Вся постройка статьи-обзора такая же и многія характеристики тѣ же самыя. Но значительно измѣнился критерій обозрѣвателя. Тогда все сводилось къ необходимости образованія, теперь же на первый планъ выдвигается литература, какъ „выраженіе *внутреннихъ духовныхъ интересовъ общества*, которыми мы пока еще очень небогаты“.

31) Стр. 48. Для насъ неясно, почему *слѣдовать* подчеркнуто и въ чемъ тутъ ядовитость.

32) Стр. 49. Статья Сенковскаго, какъ всегда у него, представляетъ собою смѣсь огромной и разнообразной эрудиціи и здравыхъ сужденій съ безпринципнымъ шутовствомъ и отсутствіемъ вкуса. Замѣчанія его относительно того, что Гнѣдичъ переводилъ Гомера черезчуръ торжественно, безъ соблюденія первобытной простоты, очень интересны и во многомъ даже безусловно вѣрны. Но эту здравую мысль лишенный чувства мѣры литературный Мефистофель превратилъ въ балаганную буффонаду, предложивъ такіе образчики „настоящаго“ перевода:

Разскажи мнѣ, Муза, про мужа многохитраго, что очень много
Скитался, послѣ того какъ Троп святой вышгородъ разрушилъ.
Многихъ-то людей видѣлъ онъ, города и нравъ узналъ!

Много и на морѣ-то претерпѣлъ кручины на своемъ на сердцѣ,
Хлопоча и о своей душенькѣ и о возвратномъ пути товарищей.
Да все-же-таки товарищей не спасъ, хоть и старался:
Своими-то вѣдь собственными безпутствами погибли,
Дурни, всѣ, которые быковъ Солнца Верхохода
Наѣлись: а тотъ у нихъ и отнялъ возвратный денекъ!
Про тѣ-то дѣла маленько, богиня, Зевсова дочь, поразскажи и намъ и т. д.

— Ба! ба! ба! Какъ ужъ смертные-то стали обвинять боговъ!
Отъ васъ-де все зло есть: а вѣдь сами-то
Своими безпутствами, сверхъ судьбы, кручины (себѣ) наживаютъ!
Вотъ хоть бы и теперь, Эгистъ, сверхъ судьбы, Атренча
Супругу брачную взялъ и т. д.

Но у меня объ Улисѣ ратоборномъ кручинится сердце,
Бѣдняжкѣ, который далеко отъ друзей претерпѣваетъ горя
На островѣ на обливномъ, что̀ на самомъ-то пупу моря и т. д.

Это уже даже не Даль-Луганскій, а прямо „Энеида на изнанку“.

33) Стр. 50. Вкратцѣ указанные Бѣлинскимъ въ этомъ абзацѣ отзывы и статьи являются типическими образчиками гаерски-мефистофелевской манеры Сенковскаго-Брамбеуса, о которой намъ часто приходится говорить въ нашихъ примѣчаніяхъ. Отзывы о Ростопчиной, Зенендѣ Р .. и Кукольникѣ находятся въ рецензіи объ „Утренней Зарѣ“ Владиславлева. Это какая-то непрерывная смѣна наивысшихъ похвалъ съ самымъ рѣшительнымъ издѣвательствомъ. Вотъ Кукольникъ какъ будто превознесенъ выше облака ходячаго, но уже въ самой чрезмѣрности явно чувствуется насмѣшка:

„Кукольникъ идетъ впередъ гигантскими шагами: заслуживъ вѣнецъ поэта, онъ теперь только начинаетъ быть прозаикомъ, и „Эвелина де Вальероль“ первый значительный шагъ его на этомъ поприщѣ, тотчасъ обнаруживаетъ уже *исполинскій, ужасающій своею огромностью, талантъ его, какъ писателя.* Мы рѣшительно не имѣемъ въ спискѣ нашихъ романовъ ничего равнаго, ничего подобнаго, этому *мощному*, мастерскому творенію. Здѣсь вы видите только его начало,—но уже какое начало!—Такъ, послѣ стиховъ, начиналъ въ прозѣ только Вальтеръ Скоттъ. Каждый мѣсяцъ, съ каждымъ новымъ „продолженіемъ“, слава „Эвелины“ будетъ увеличиваться: это несомнѣнно; это мы смѣло можемъ предсказать ей, хотя конца романа еще не знаемъ. „Эвелина“—Маренго и Айвенго Кукольника: если онъ выиграетъ сраженіе и одержитъ поле романа, онъ будетъ пожизненный консулъ русской словесности и нашъ Вальтеръ Скоттъ“.

Уже въ этихъ нелѣпо-преувеличенныхъ похвалахъ чувствуется насмѣшка, а затѣмъ критикъ прямо начинаетъ потѣшаться:

„Но онъ выиграетъ: онъ нагрянулъ на романъ съ страшными силами таланта, искусства и знанія дѣла: все покорится его мечу – перу: быть, быть ему тріумфаторомъ!... и если только, средь торжества, не ослѣпятъ его честолюбіе и страсть къ новымъ завоеваніямъ, то вѣнецъ, пріобрѣтенный въ первой побѣдѣ, навсегда останется на его головѣ. Но онъ сумѣетъ сохранить его: онъ художникъ въ душѣ. Вотъ погодите: онъ еще перенесетъ изъ своихъ радужныхъ стиховъ въ прозу все ихъ изящество, весь блескъ слова, весь этотъ чудесный колоритъ, которымъ они красуются, и тогда увидите! Отъ такого таланта можно ожидать всего, даже чудеснаго колорита, которымъ они красуются, и тогда увидите! Отъ такого таланта (можно) ожидать всего, даже чудеснаго слогу въ прозѣ, послѣ чудеснаго слогу въ стихахъ. *Въ самомъ дѣлѣ, Несторъ Васильевичъ, что бы*

ужъ вамъ перенести все это изъ стиховъ. Для васъ это бездѣлица, а для насъ — такая радость“ („Библ. для Чт.“ 1841, т. 45, отд. VI, стр. 3).

Совершенно въ томъ же стилѣ хвалится Ростопчина. Она титулуется „прелестной владычицей русскаго Парнаса“, разбирается „прекрасное“ стихотвореніе ея, а содержаніе излагается такимъ образомъ:

„Это разговоръ Души съ Геніемъ. Геній спрашиваетъ у души:—Что съ тобой, душа? что ты такъ мрачна.—Мнѣ скучно, отвѣчаетъ душа: смерть скучно въ деревнѣ!—Не хочешь ли въ Италію, душенька?—Не хочу!—Не хочешь ли на Востокъ?—Не хочу!—Не хочешь ли на Западъ, примѣромъ сказать, въ Лондонъ?—Не хочу!—Ну, такъ въ Парижъ?—Нѣтъ, не хочу!—Ну, такъ въ Карльсбадъ, на теплыя воды?—Ну, нѣтъ, не хочу да и не хочу!—Да куда жъ тебѣ, душа, хочется? говоритъ недогадливый Геній. Скажи откровенно!—Не скажу!—Ахъ, какая ты, право!... Можетъ быть, на Сѣверъ, въ Петербургъ?—Да! да! на Сѣверъ, въ Петербургъ!.. страхъ какъ хочется въ Петербургъ!—Пустяки! отвѣчаетъ Геній: оставайся въ деревнѣ! Посмотри, какая вдохновительная природа!“....

Отзывъ о Зенендѣ Р*** (Гапъ), впрочемъ, написанъ безъ проніи. Онъ, правда, преисполненъ самыхъ дикихъ похвалъ:

„Во многихъ литературныхъ отношеніяхъ, Зенеида Р*** должна быть поставлена критикою несравненно выше Жоржа-Занда: талантъ созданія, искусство сильной занимательности, умѣнье дѣйствовать на читателя, у нихъ, быть можетъ, равны; горькій сарказмъ, глубокое и краснорѣчивое огорченіе, обще имъ обѣимъ; но русская писательница далеко превосходитъ прославленную француженку нравственною чистотою чувства и воображенія, не говоря уже о первѣйшемъ достоинствѣ всего, что хочетъ называться словесностью—слогѣ. У Жоржа-Занда нѣтъ слогу, нѣтъ никакого ни хорошаго, ни дурного: она пишетъ, какъ ни попало, тогда какъ Зенеида Р*** надѣлена удивительнымъ инстинктомъ изящнаго въ языкѣ, живо чувствуетъ художественное прекрасное въ рисункѣ и группировкѣ фразъ, обладаетъ богатѣйшимъ колоритомъ и пишетъ, какъ настоящій поэтъ, „обмакивая золотое перо въ радугу“.

Но насмѣшки тутъ нѣтъ: въ основѣ отзыва лежитъ отчасти безвкусица, а, главнымъ образомъ, личныя отношенія.

Въ упоминаемой Бѣлинскимъ рецензіи о Пушкинѣ (т. 49, отд. VI, стр. 1—10), собственно, о постоянномъ предметѣ нападокъ Сенковскаго,—злополучныхъ „*сей* и *оный*“ не говорится, но Пушкину читается нотація за *злато*, *младость* и т. п. и высказывается увѣренность, что

„когда всѣ постигнутъ, что ни въ какомъ образованномъ и просвѣщенномъ языкѣ не позволяется насиловать коренныхъ формъ его и замѣнять ихъ формами другого языка или нарѣчія, эти *макаронизмы* много повредятъ прелести пушкинскаго стиха въ произведеніяхъ, не скрѣпленныхъ печатью поэтическаго генія“.

Отзывъ о статьѣ о Франклинѣ какъ о „плоской шуткѣ“ еще сравнительно мягокъ. Анонимный авторъ—судя по всему самъ Сенковскій[1])—то и дѣло огорашиваетъ читателя такими, ровно ничѣмъ не подтверждаемыми характеристиками благороднаго Франклина:

„Отличный пройдоха, Франклинъ такъ мастерски пользовался обстоятельствами, что въ продолженіе пятидесяти лѣтъ его считали идеаломъ высокой любви къ человѣчеству, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ идеаломъ лукавства и эгоизма“.

Лучше всего, однако, то мѣсто статьи, гдѣ основателю сѣверо-американской республики вмѣнено въ преступленіе слѣдующее:

„Франклинъ очень хорошо зналъ, чѣмъ кончится для Франціи бѣдственный революціонный фанатизмъ, но не упустилъ ничего, что могло содѣйствовать къ его развитію.

---

[1]) Въ собр. соч. Сенковскаго статья не вошла.

Опъ выхлопоталъ у графа де-Верженна позволеніе перевести и напечатать въ Парижѣ новое уложеніе Соединенныхъ Штатовъ и теорію правъ гражданина. Герцогъ де-Ла-Рошфукò взялъ на себя изданіе этого *вреднаго сочиненія*, а графъ де-Верженнъ распространилъ его по всѣмъ слоямъ французскаго общества. Стало быть, можно сказать, что Франклинъ погубилъ Францію" („Библ. для Чт." 1841, т. 49, отд. III, стр. 68).

34) Стр. 50. Статья о „Нибелунгахъ" написана гельсингфорскимъ профессоромъ С. И. Барановскимъ, какъ это видно изъ автобіографіи его, напечатанной въ VI т. нашего „Критико-біогр. Словаря", а также изъ переписки Плетнева съ Гротомъ (т. I).

35) Стр. 51. Отзывъ о „Москвитянинѣ" замѣчателенъ по своему безпристрастію. Не будемъ пока еще говорить о томъ остромъ періодѣ полемики съ московскимъ журналомъ, который начинается въ 1842 году (см. прим. 95). Но чтобы оцѣнить безпристрастіе Бѣлинскаго, достаточно вспомнить грубѣйшую выходку московскаго журнала противъ Бѣлинскаго въ предыдущемъ 1841 году. См. VI, прим. 176.

36—37) Стр. 52. Изъ статьи Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.", напечатанной въ журналѣ безъ подписи автора.

38) Стр. 53. Отзывъ до извѣстной степени дружескій. „Литер. Газета" съ 1840 г. болѣе или менѣе тѣсно примыкала къ „Отеч. Зап.". Въ 1840 г. „Литер. Газета" даже прямо издавалась Краевскимъ и въ ней принималъ участіе Бѣлинскій. Въ 1841—43 г. во главѣ изданія стоялъ Ѳедоръ Кони, къ которому Бѣлинскій со временъ его, направленнаго противъ Булгарина, водевиля „Петербургскія Квартиры" (см. т. V ст. № 491) относился очень благосклонно.

39) Стр. 55. См. дальше статью № 586. О замѣчательной прозорливости съ которою Бѣлинскій сразу оцѣнилъ талантъ Майкова, см. прим. 68.

40) Стр. 56. Въ „Отеч. Зап." и въ изд. Солдатенкова по явной опечаткѣ или авторской описке „лекаря".

41) Стр. 56. Слѣдовало сказать „гелертера".

42) Стр. 57. Подъ псевдонимомъ *А. Н.* писалъ повѣсти извѣстный впослѣдствіи историкъ *И. Н. Кудрявцевъ* (1816—58). Бѣлинскій очень любилъ и уважалъ этого прекраснаго человѣка и переносилъ свои симпатіи и на довольно слабыя повѣсти его. Неоднократно хвалилъ онъ ихъ (см. по указателю) въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Но затѣмъ онъ созналъ свое увлеченіе и настоящій отзывъ, все еще очень сочувственный, носитъ уже на себѣ слѣды болѣе трезваго отношенія.

43) Стр. 58. Къ повѣстямъ Ганъ намъ еще придется вернуться по поводу большой статьи о нихъ Бѣлинскаго.

44) Стр. 61. Небольшой отчетъ о научныхъ сочиненіяхъ вѣроятно не принадлежитъ Бѣлинскому. Ср. т. V, прим. 293.

45) Стр. 61. Какъ никакъ, а подвинулось-таки русское просвѣщеніе: въ настоящее время книгъ выходитъ тысячъ 9—10 въ годъ.

46) Стр. 62. Мы не могли установить о какой статьѣ тутъ рѣчь. Въ обстоятельнѣйшей библіографіи русской философской литературы, составленной Я. Н. Колубовскимъ для рус. изданія исторіи философіи Ибервега-Гейнце ничего подходящаго не нашлось.

47) Стр. 63. Сноска поставлена по недоразумѣнію.

48) Стр. 63. „Отеч. Зап." 1842, № 2. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Предыдущіе отзывы объ изящномъ альманахѣ см. т. IV, ст. № 318 и V, ст. № 505.

49) Стр. 65. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Первый отзывъ см. VI статью № 558.

50) Стр. 65. Благотворительный характеръ изданія.

51) Стр. 69. Это стихотвореніе и въ настоящее время печатается безъ заключительныхъ четырехъ строкъ, носящихъ слишкомъ интимный характеръ. „Въ ней“, по объясненію П. А. Ефремова, „говорится объ А. О. Смирновой, Александрѣ Ник. Карамзинѣ, И. П. Мятлевѣ (авторѣ „Курдюковой“) и о смѣшливости самой Софьи Николаевны Карамзиной“:

Люблю я разговоры ваши
И „ха-ха-ха“ и „хи-хи-хи“!
Смирновой штучки, фарсы Саши
И Ишки Мятлева стихи.

52) Стр. 69. «Отеч. Зап.» 1842, № 2. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Отзывы о первыхъ выпускахъ «Сказки за сказкой» см. VI, ст. № 552.

53) Стр. 69. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ заключительныхъ 5 строкъ.

54) Стр. 70. См. выше, стр. 66—68.

55) Стр. 71. «Отеч. Зап.» 1842, № 2. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

56) Стр. 72. Тамъ же.

57) Стр. 74. Тамъ же.

58) Стр. 76. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитатъ.

59) Стр. 81. «Отеч. Зап.» 1842, № 3. Въ изд. Солдатенкова и всѣхъ остальныхъ вошло съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитатъ.

60) Стр. 82. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Полевому см. прим. 16.

61) Стр. 83. См. по нашему изданію, т. VI, статья № 541.

62) Стр. 83. См. по нашему изданію, т. V, статья № 452. Въ примѣч. къ этой статьѣ мы уже отмѣтили это блестящее проявленіе проницательности Бѣлинскаго, которою онъ теперь законно гордится. См. дальше прим. 68.

63) Стр. 89. Это собственно не «Шиллеровская», а Шиллеръ-Гетевская «ксенія». См. полное изданіе ихъ Эриха Шмидта и Зупгана («Xenien 1796», Weimar, 1893), № 890—892 («Moralische Schwätzer»).

64) Стр. 95. Вотъ въ чемъ источникъ любви Бѣлинскаго къ древности. Ср. примѣч. 20.

65) Стр. 97. Думается, что Бѣлинскій тутъ не совсѣмъ точно выразилъ свою мысль. Перечтемте, въ самомъ дѣлѣ, стихотвореніе:

Мраморный Фавнъ.

Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухѣ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую: то Фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умильно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ, а онѣ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились: въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревъ мелькали;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,

Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.
Я долго идоломъ забытымъ любовался.
И онъ мнѣ изъ кустовъ лукаво улыбался.
Мнѣ стало жаль его. «Ты нѣкогда былъ богъ,
Цинической кумиръ! Тебѣ при флейтѣ звонкой,
Бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ,
На камнѣ закалалъ съ молитвою ягненка
И кровью орошалъ тебя... О! разскажи:
Что, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный? Тогда—бывали ближе-ль къ счастью
Младыя племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымыселъ, ихъ миръ и наслажденья?—
Иль вѣкъ одни и тѣ-жъ земныя поколѣнья?..
Ты улыбаешься?.. Потомъ была пора,
Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора;
Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскали,
Тебѣ разбили садъ; вокругъ тебя собрали
Тритоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ,
И римскихъ цезарей и греческихъ боговъ;
А все смѣялся ты, умильно осклабляясь!..
Ты видѣлъ бальный блескъ. По саду разливаясь,
Гремѣла музыка. Въ аллеѣ темной сей
Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей:
Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,
Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья...
Скажи мнѣ: долго ли хранились клятвы ихъ
Ненарушимыми? Любовь въ сердцахъ у нихъ
Горѣла вѣчно ли, и долѣе-ль, чѣмъ имя
И увѣренья ихъ, на мраморѣ твоемъ
Напечатлѣнныя и ... смытыя дождемъ?
Иль, можетъ быть, опять подъ липами твоими
Являлися они, условившись, съ другими?
И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей
Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,
Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?»
. . . . . .
Такъ, молча, взоромъ я статую вопрошалъ,
А циникъ мраморный язвительно смѣялся.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что стихотвореніе растянуто, что первые 13 стиховъ самые лучшіе и что растянутость особенно чувствуется послѣ 25 стиха. Но, все-таки, просто отсѣчь «приставку» ни послѣ 13-го, ни послѣ 25-го стиха—нельзя, не нарушивши авторской мысли, который въ первыхъ 13-ти стихахъ далъ только одно описаніе, въ стихахъ 14—25 выразилъ мысль о недостижимости счастья, а въ заключительной части стихотворенія далъ опять новую мысль о лживости любовныхъ клятвъ. Еще на 25 стихѣ можно отсѣчь стихотвореніе, пожертвовавъ частью авторской мысли, но уже 13-ымъ стихомъ физической возможности нѣтъ ограничиться: остался бы одинъ приступъ безъ основной мысли.

*

66) Мы всѣ привыкли считать чисто-пушкинскимъ выраженіе изъ «Мѣднаго Всадника»:

Въ Европу прорубилъ окно.

Но въ дѣйствительности оно взято у извѣстнаго итальянскаго писателя Альгароти (1712—1764), на что указалъ и самъ Пушкинъ въ примѣчаніи, обыкновенно пропускаемомъ въ популярныхъ изданіяхъ.

67) Стр. 100. Конечно, Бенедиктовъ.

68) Стр. 102. **Оцѣнка Майкова** принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ мѣстъ литературнаго формуляра Бѣлинскаго и заслуга этого истолкованія признается людьми рѣшительно всѣхъ направленій. Съ тѣхъ поръ, какъ вышли сочиненія Бѣлинскаго, почти нѣтъ ни одной статьи въ обширной литературѣ статей, посвященныхъ Майкову, въ которой не было бы преклоненія предъ тою восторженною проницательностью, съ которою великій критикъ сразу угадалъ крупные размѣры таланта молодого поэта. И, все таки, «орлиная проницательность» Бѣлинскаго, какъ выразился Орестъ Миллеръ («Рус. Мысль» 1888, № 5), и недостаточно, и въ сущности невѣрно подчеркнута этимъ всеобщимъ признаніемъ эстетическаго чутья, проявленнаго тутъ Бѣлинскимъ. Дѣло въ томъ, что большинство критиковъ, писавшихъ о Майковѣ, говоритъ только о той статьѣ, къ которой относится настоящее примѣчаніе. Это, конечно, совершенно правильно, потому что только здѣсь Бѣлинскій подвергъ обстоятельному анализу основныя черты таланта Майкова; позднѣе, онъ говорилъ о молодомъ поэтѣ только мимоходомъ. Но, собственно, для сужденія о степени «орлиной зоркости» Бѣлинскаго статья 1842 года далеко не такъ характерна, какъ принято думать. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что передъ глазами Бѣлинскаго была теперь цѣлая книга превосходныхъ стиховъ. Затѣмъ, какъ мы ниже увидимъ, книжка привела въ восторгъ почти всѣхъ критиковъ. Значитъ, восторги Бѣлинскаго не представляли собою чего-нибудь исключительнаго. Наконецъ, Майковъ не былъ въ 1842 г. совершенно неизвѣстнымъ дебютантомъ. Его стихи уже печатались въ журналахъ, въ томъ числѣ въ «Отеч. Запискахъ», значитъ, его уже замѣтили, о немъ уже говорили въ литературныхъ кружкахъ.

Несравненно ярче выступаетъ проницательность Бѣлинскаго въ тѣхъ (сравнительно немногихъ) статьяхъ о Майковѣ, которыя первое привѣтствіе Бѣлинскаго новому таланту относятъ не къ статьѣ 1842 года, а къ мимоходному упоминанію о «неизвѣстномъ, но даровитомъ поэтѣ» въ статьѣ 1841 года, посвященной «Римскимъ Элегіямъ» Гете (т. VI, стр. 266—67). Объ этомъ отзывѣ, который сопровождается цитированіемъ майковскаго «Сна», съ законною гордостью говоритъ и самъ Бѣлинскій (см. выше, стр. 83).

И тѣмъ не менѣе и тутъ мы должны отмѣтить, что это еще не самое яркое проявленіе эстетической проницательности Бѣлинскаго въ исторіи оцѣнки таланта Майкова. Дѣйствительнымъ торжествомъ его проницательности является библіографическая замѣтка объ «Одесскомъ Альманахѣ», напечатанная нами въ V т. (статья № 452), а до того погребенная въ «Отеч. Запискахъ» 1840 г. Солдатенковское изданіе не воспроизвело рецензіи объ «Одесскомъ Альманахѣ», по «незначительности» ея... Но въ дѣйствительности рецензія принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ матеріаловъ для сужденія о Бѣлинскомъ. Здѣсь на него въ одно и то же время нашло непонятное эстетическое затмеіе—онъ посовѣтовалъ Лермонтову выбросить изъ собранія своихъ стихотвореній «Ангела» (подробнѣе см. т. V, прим. 118)—и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же его осѣнило замѣчательное эстетическое прозрѣніе, потому

что помѣщенное въ Альманахѣ майковское стихотвореніе «Сонъ», скромно подписанное буквою *М.*, возбудило въ немъ настоящій восторгъ. Какъ мы уже отмѣтили своевременно (т. V, стр. 562),

„Бѣлинскій не усомнился поставить какого-то дебютанта, не осмѣливавшагося даже подписаться полнымъ именемъ, рядомъ съ Пушкинымъ! Но подъ инціаломъ *М.* дѣйствительно выступалъ одинъ изъ первыхъ мастеровъ русской „художественной формы“—Аполлонъ Майковъ! Какъ и относительно Лермонтова, Бѣлинскому опять тутъ принадлежитъ честь перваго открытія крупнѣйшаго поэта“.

Мы уже сказали, что книжка Майкова привела въ восторгъ почти всѣхъ критиковъ. Единственный диссонансъ составлялъ отзывъ совершенно утратившаго чутье Полевого («Рус. Вѣст.» 1842, т. V), только что разнесшаго въ пухъ и прахъ «Мертвыя души» [1]).

Но даже въ этомъ, поистинѣ трагическомъ для критической репутаціи Полевого, отзывѣ, Майковъ, сопоставленный съ пользовавшимся уже громкою извѣстностью Лермонтовымъ, былъ оцѣненъ довольно высоко.

Остальныя рецензіи: Плетнева въ «Современникѣ» (1842, т. 26), «Литерат. Газеты» (1842, № 6), «Сына Отеч.» (1842, № 2), наконецъ Сенковскаго («Библ. д. Чт.» 1842, т. 50) всѣ необычайно благопріятны молодому поэту. Сенковскій оставилъ для него даже свою мефистофелевскую манеру такъ хвалить, что неизвѣстно, гдѣ похвала и гдѣ насмѣшка.

---

[1]) Полевой недоволенъ былъ прежде всего тѣмъ, что въ книжкѣ цѣлыхъ 85 стихотвореній. Слишкомъ это много:

„Истинное дарованіе недовѣрчиво къ себѣ, недовольно собой и самодовольство всегда признакъ безталантности. Какъ порадуемся мы, если узнаемъ, что г. Майковъ увлекся только примѣромъ другихъ и минутнымъ тщеславіемъ; что онъ *раскаивается въ изданіи своей книжки*, что онъ желалъ бы истребить двѣ трети напечатанныхъ стиховъ своихъ и передѣлать остальную“.

Поистинѣ жалко становится нѣкогда столь проницательнаго критика, когда онъ затѣмъ даетъ нижеприводимое неудачнѣйшее предсказаніе. Конечно, 1942-й годъ еще не наступилъ, но вѣдь сто лѣтъ тутъ взято только для круглаго счета и печальная близорукость критика достаточно иллюстрируется и 60 годами, въ теченіе которыхъ стихотворенія книжки 1842 года стали классическими.

Предположивъ, что юный дебютантъ «раскаивается въ изданіи своей книжки» и «желалъ бы истребить двѣ трети напечатанныхъ стиховъ своихъ», Полевой говоритъ:

„Если не такъ думаетъ нашъ юный поэтъ, если „Стихотворенія“ его будутъ „продолжаться“—мы простимся съ нимъ и напередъ предскажемъ ему жребій его: онъ будетъ писать стихи, печатать ихъ въ журналахъ; у него будутъ даже просить стиховъ; его могутъ даже провозгласить геніемъ въ какомъ-нибудь журналѣ, какъ давно ли провозглашали Кукольника, Тимофеева, *Лермонтова* (!) И въ жалкомъ самозабвеніи онъ погрузится въ грязное болото журнальное и литературное и... въ 1942 году будутъ о немъ вспоминать, какъ въ 1842 году вспоминаютъ объ его сонменикѣ (и не предкѣ ли?), который нѣкогда славился своими стихами, писалъ оды, басни, трагедіи и шуточная поэмы котораго: „Елисей или раздраженный Вакхъ“ прославлена была даже стихами Дмитріева. А нынѣ кто помнитъ творца Елисея и Ѳемиста и Іеронимы“.

Предсказавши дебютанту будущность дѣйствительно предка его (сказать къ слову, совсѣмъ не ничтожнаго поэта) Василія Майкова, отмѣтивши затѣмъ что у него «*идей почти нѣтъ*» (sic), Полевой, все же, находитъ у него «стихъ гибкій, звучный».

Великъ былъ успѣхъ Майкова и внѣ литературныхъ сферъ. Министръ народ. просвѣщенія Уваровъ прямо посился съ книжкой молодого поэта (см. переписку Плетнева съ Гротомъ, т. I) и

счелъ своею пріятною обязанностью представить ее Государю, „какъ плодъ студенческаго досуга.“. Государь приказалъ спросить: чего желаетъ Майковъ? „Ѣхать въ Италію“, лаконически отвѣчалъ молодой канцелярскій чиновникъ. И вотъ молодому Майкову, по Высочайшему повелѣнію, пожаловано было 1000 р. на путешествіе за границу“ (Златковскій, А. Н. Майковъ, стр. 18—19).

Все это мы приводимъ какъ доказательство поразительно-единодушнаго одобренія, выпавшаго на долю книжки Майкова и не въ томъ, слѣдовательно, «орлиная» зоркость Бѣлинскаго, что онъ отнесся такъ горячо къ молодому поэту. Заслуга Бѣлинскаго въ томъ, что никто такъ тщательно не разобрался въ *свойствахъ* всѣми признаннаго съ перваго раза таланта Майкова, что никто, такъ рѣзко и ясно не подчеркнулъ, что «стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ» составляютъ «перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его». Остальные изъ восторгавшихся критиковъ либо даже и приблизительно этого не поняли, либо если и оцѣнили антологическія стихотворенія молодого поэта, то все-таки, недостаточно подчеркивая, что въ нихъ самая сокровенная сущность поэтической личности дебютанта, что основныя качества антологіи—ясная созерцательность и спокойная пластичность навсегда останутся и *основными* свойствами холодно-изящнаго и художественно-ровнаго темперамента Майкова на всю его долгую жизнь.

Вотъ, напр., восторженный отзывъ «Сына Отечества». Рецензентъ находитъ, что «многія стихотворенія молодого поэта истинно прекрасны». Въ доказательство онъ приводитъ «Лунную ночь» и затѣмъ прибавляетъ:

Прекрасное хвалить не нужно. Мы увѣрены, что и всѣ почтенные читатели согласятся, что они давно не читывали подобныхъ стиховъ.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ г. Майкова замѣтна недоконченность, неполнота, ихъ можно сравнить съ недорисованными картинами. Дочитавъ ихъ, еще ждешь продолженія, чувствуешь что-то недосказанное. *Стихотворенія его, въ родѣ древнихъ, гдѣ говорится о миѳологическихъ божествахъ, по нашему мнѣнію, слабѣе (!!) тѣхъ, для которыхъ онъ черпалъ предметы изъ своей души, изъ своихъ вѣрованій и убѣжденій.* Это естественно. Перваго рода стихотворенія—копіи, поддѣлки; стихотворенія же второго рода—оригинальныя картины, нарисованныя его собственною фантазіею, проникнутыя его искреннимъ чувствомъ. Въ его небольшой драматической поэмѣ: *Олиноъ и Эсвирь*, онъ изобразилъ борьбу двухъ началъ: чувственности языческаго Рима и духовнаго общества христіанскаго. Эти два начала замѣтны и въ его стихотвореніяхъ. Совѣтуемъ молодому поэту избрать одно направленіе. Мы увѣрены, что безъ помощи миѳологіи его дарованіе почерпнетъ много прекрасныхъ предметовъ въ лучшемъ источникѣ поэзіи, въ собственномъ сердцѣ, въ думахъ и размышленіяхъ, основанныхъ на собственныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Тогда вѣрованіе его сосредоточится и мы будемъ имѣть *оригинальнаго русскаго* (курсивъ подлинника) поэта. Вѣдь вы пишете не для грековъ, не для римлянъ, господинъ Майковъ, а для вашихъ соотечественниковъ“. („С. От.“ 1842, № 2, отд. VI, стр. 26—28).

Отмѣтимъ кстати, что неудовольствіе единственнаго критика, встрѣтившаго Майкова недружелюбно—Полевого, главнымъ образомъ, возбудили именно антологическія стихотворенія:

„У г. Майкова“ говорилъ онъ „безпрестанно являются Наяды, Нимфы, Цинтія, Фавны, Вакхъ, Вакханки, тимпаны, свирѣли, оніміамы, лавры, мирты, весь причетъ греческой миѳологіи, но какъ онъ понимаетъ ихъ? Хочетъ-ли употреблять ихъ, какъ употребляли ихъ у насъ

въ старину? Хочетъ ли одѣться этою ветхою мишурою, какъ Дельвигъ одѣвался ею, какъ одѣваются ею Эдипы и Велизаріи на новѣйшей сценѣ, и вообще, какъ понимаетъ онъ изученіе и возсозданіе поэзіи древней? *Намъ кажется, судя по нѣкоторымъ переводамъ, онъ далеко не постигъ ее, а возсозданіе и подражаніе безъ полнаго себѣ отчета ни къ чему не поведетъ*".

Другіе критики не были столь убійственно-близоруки, какъ Полевой и рецензентъ «Сына Отеч.», и отмѣчали выдающіяся достоинства стихотвореній Майкова въ античномъ родѣ. Такъ, Сенковскій сказалъ, что «лучшія пьесы г. Майкова принадлежатъ къ роду антологическому». Плетневъ въ своей коротенькой рецензіи тоже отмѣтилъ, что, «особенно судя по вѣрности умопредставленій, сочувствуетъ онъ (Майковъ) съ антологическими поэтами Греціи». Наконецъ, коряво-написанная, но вдумчивая рецензія «Литератур. Газеты» обстоятельнѣе всѣхъ другихъ говорила объ антологическихъ элементахъ дарованія Майкова.

Но все это не имѣло того резонанса, какой давала восторженная статья Бѣлинскаго, не было тутъ того воодушевленія, которое одно способно создать разбираемому писателю большую литературную репутацію. Какъ обыкновенно въ статьяхъ Бѣлинскаго, сила и этой статьи вовсе не была въ новизнѣ ея взглядовъ, а въ діапазонѣ похвалъ, въ ихъ страстности и властности, которая вытекала изъ глубины убѣжденности. Въ этой убѣжденности источникъ одной изъ важнѣйшихъ особенностей статьи—ея эстетической детальности. Другіе рецензенты, даже тѣ, которые правильно поняли сущность антологическаго таланта Майкова, намѣчали только общее. Одинъ Бѣлинскій такъ продумалъ свой взглядъ, что далъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ тонкихъ замѣчаній технически-эстетическаго характера. И лучшей оцѣнкой значительности этихъ указаній можетъ служить впечатлѣніе, которое они произвели на самого Майкова. Въ статьѣ «По поводу годовщины кончины А. Н. Майкова», («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1898, № 4) Н. Аммонъ, между прочимъ, занялся выясненіемъ «того вниманія, съ какимъ отнесся молодой поэтъ къ мнѣніямъ авторитетнаго цѣнителя». Майковъ выбросилъ изъ позднѣйшихъ изданій

„напечатанныя въ первомъ изданіи и осужденныя (Бѣлинскимъ) пьесы, каковы: *Воробьевы Горы*, *Два гроба*, *Истинное Благо*, *Мститель*, *Кладбище*, *Два моря*, пьесы, въ которыхъ Бѣлинскій „рѣшительно не узнаетъ Майкова", говоря, что подъ ними смѣло могли бы подписаться „гг. Кропоткинъ, Гогніевъ, Романовичъ и имъ подобные стихотворцы".

Но въ особенности поучительно прослѣдить въ отдѣльныхъ мелочахъ чуткость Майкова къ мнѣніямъ Бѣлинскаго. Въ статьѣ Бѣлинскаго мы читаемъ: „*Горный Ключъ* принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, если-бы въ немъ ручьи не были названы *рѣзвыми питями земли*". Возьмемъ въ руки одно изъ позднѣйшихъ изданій нашего поэта (хотя-бы изданіе 1872 года)—и тамъ мы уже найдемъ непонравившееся критику выраженіе замѣненнымъ другимъ:

Откуда ты, о ключъ подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бездны черной,
Вы, *слезы чистыя земли*.

То же самое мы замѣтимъ при чтеніи пьесы *Ангелъ и Демонъ*, про которую Бѣлинскій, приведя ее цѣликомъ, сказалъ: „Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то недостаетъ, что-то не договорено; эпитетъ *пышный* неудовлетворителенъ; мы думаемъ, что даже „*гордый*" больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы.

Въ позднѣйшемъ изданіи забракованный эпитетъ замѣненъ рекомендованнымъ:

Но *гордый* демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Равнымъ образомъ изъ поэмы *Іафетъ* исчезли съ теченіемъ времени отмѣченныя Бѣлинскимъ изысканныя выраженія: *міръ*, *обновленный въ купели моря; Кавказскія горы—гордыя врата Европы*“

Заканчивая свои замѣтки о вліяніи статьи Бѣлинскаго на Майкова, г. Аммонъ устанавливаетъ связь между совѣтами Бѣлинскаго и позднѣйшими «Двумя Мірами»:

„Но не только тамъ, гдѣ дѣло касается отдѣльныхъ выраженій, мы можемъ подмѣтить такое внимательное отношеніе поэта къ мнѣніямъ критика. Говоря о широко задуманной, но слабо выполненной юношеской драматической поэмѣ Майкова «Олиноъ и Эсоирь», долженствующей изобразить „контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра“, Бѣлинскій находитъ, что поэтъ неудачно выбралъ героя для своего произведенія: его Олиноъ „только эпикурееецъ и больше ничего; собственно—онъ образъ безъ лица“,—тогда какъ въ противоположность христіанству слѣдовало бы избрать „послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы, сколько стоистическою жизнью и трагической смертью, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ республиканскій Римъ“. Достаточно извѣстно, какъ указанная задача была впослѣдствіи приведена въ исполненіе Майковымъ; въ лирической драмѣ *Два Міра*, несомнѣнно ведущей свое происхожденіе отъ ранняго опыта поэта, вмѣсто безличнаго эпикурейца Олиноа представителемъ умирающаго языческаго Рима является достойный потомокъ древнихъ квиритовъ, „послѣдній римлянинъ“, Децій, боготворящій идею вѣчнаго города и безтрепетно осушающій чашу съ ядомъ, оставаясь до послѣдней минуты „на своемъ посту“.

Гораздо правильнѣе, однако, было бы, какъ намъ кажется, установить связь между совѣтами Бѣлинскаго и великолѣпною «лирическою драмою» *Три Смерти*, и по времени (1852) несравненно болѣе близкой къ эпохѣ вліянія Бѣлинскаго на Майкова. «Два Міра» — слишкомъ объемистая вещь для небольшого запаса лиризма въ спокойномъ поэтическомъ темпераментѣ Майкова и потому онъ впалъ здѣсь въ манерность и слащавость, что, конечно, всего менѣе соотвѣтствуетъ совѣтамъ Бѣлинскаго. Но если можно вообще говорить о подчиненіи крупнаго писателя критику въ такомъ серьезномъ проявленіи творческой личности, какъ замыселъ, то уже скорѣе можно сказать, что великолѣпныя «Три Смерти» какъ бы созданы по прямымъ указаніямъ Бѣлинскаго. Страстный поэтъ-гражданинъ Луканъ и величавый стоикъ Сенека олицетворяютъ именно то, чѣмъ въ восторженномъ представленіи Бѣлинскаго «великъ былъ республиканскій Римъ».

Существеннѣйшимъ дополненіемъ къ рецензіи Бѣлинскаго является драгоцѣнный разсказъ, со словъ поэта, сообщенный М. Златковскимъ въ его юбилейной брошюрѣ о Майковѣ (А. Н. Майковъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1888). Дѣло происходитъ нѣсколькими годами позже, когда Бѣлинскій весь отдался проповѣди идейно-общественнаго искусства:

„Какъ-то на вечерѣ, если не ошибаюсь, у М. А. Языкова, играли въ карты: Бѣлинскій, Гончаровъ, Панаевъ и еще кто-то изъ тогдашнихъ литераторовъ. Бѣлинскій и за картами, со свойственнымъ ему жаромъ, проповѣдывалъ свою любимую идею того времени, что искусство обязано служить практическимъ цѣлямъ, что чистое искусство есть ложь, праздная и безполезная забава, и т. д. Закончивъ свою горячую тираду, Бѣлинскій вскочилъ, подбѣжалъ къ камину и столь же энергично сталъ выбивать свою трубку.

Увидя по направленію падающей золы чью-то пару сапогъ, онъ медленно сталъ поднимать глаза, чтобы узнать, кому они принадлежатъ, и увидѣлъ смущеннаго Аполлона Николаевича, на лицѣ котораго еще не изгладилось впечатлѣніе отъ словъ, произнесенныхъ ораторомъ. Быстрымъ движеніемъ швырнулъ Бѣлинскій свою трубку на полъ, схватилъ обѣими руками за плечи молодого поэта, сильно потрясъ его, какъ бы желая стряхнуть съ него все имъ навѣянное впечатлѣніе и съ жаромъ вскричалъ: „А вы Майковъ, вы не слушайте, что я говорилъ! Вамъ это... избави Богъ“ (стр. 29).

Многіе, вѣроятно, тоже того мнѣнія, что для Майкова все «это», дѣйствительно, было «избави Богъ». Въ дальнѣйшемъ ходѣ своей литературной дѣятельности Майковъ, постепенно освобождаясь отъ круга идей Бѣлинскаго какъ общественныхъ, такъ и эстетическихъ, не разъ настраивалъ свою лиру на очень уже «практическій» ладъ, да мало отъ того добра выходило. Вѣрно сказано было въ одномъ изъ его некрологовъ:

„Если брать всю личность Майкова и всю его литературную дѣятельность, то придется прибавить, что онъ былъ не только грекомъ, но и византійцемъ. Однако, византіецъ Майковъ не далъ ничего русской литературѣ, а грекъ обогатилъ ее чудными произведеніями“ („Новое Слово“ 1896—97, № 7).

Но думается, все-таки, что, несмотря на дружеское предостереженіе, восторженная проповѣдь Бѣлинскаго объ общественномъ значеніи искусства не прошла безслѣдно для Майкова. Не слышится ли отголосокъ «горячихъ тирадъ» Бѣлинскаго въ рѣчи поэта-гражданина Лукана, когда онъ восклицаетъ:

Уже ли съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли—образъ дать
Ихъ чувству—Слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ; вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!..
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя—ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ—
Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести иль обезславить!

69) Стр. 102. «Отеч. Зап.» 1842, № 3.

70) Стр. 106. Свѣдѣніе, требующее большихъ оговорокъ. Вальтеръ-Скоттъ,

конечно, не зналъ «нищеты и бѣдности» въ буквальномъ смыслѣ слова. Но онъ, какъ извѣстно, былъ вовлеченъ въ спекуляціи своего издателя, нажилъ себѣ громадный долгъ и для того, чтобы выпутаться, сталъ усиленно писать. Не все въ подневольномъ писаніи было удачно, но многое изъ произведеній этого періода принадлежитъ къ лучшимъ его вещамъ—напр. «Вудстокъ», а общій характеръ творчества, во всякомъ случаѣ, остался тотъ же самый.

71) Стр. 109. Частью по соображеніямъ друзей, редактировавшихъ посмертное изд. соч. Пушкина, частью вслѣдствіе прямого запрещенія цензуры, статьи Пушкина, вышучивавшія Булгарина, не были включены и Бѣлинскому приходится цитировать старую книжку «Телескопа».

72) Стр. 109. Гаерски-язвительная статья Сенковскаго-Брамбеуса во II т. «Библ. для Чтенія» 1834 г., написанная въ такомъ тонѣ:

«О Ѳаддей Венедиктовичъ! Гдѣ ты? Бросься скорѣе въ мои объятія. Обними меня въ послѣдній разъ! Простись со мною и съ цѣлымъ свѣтомъ. Взгляни на мои слезы!... Я тебя люблю и уважаю, но долженъ.... долженъ пожертвовать тобою, принести тебя въ жертву литературному правосудію для удостовѣренія всѣхъ и каждаго въ самостоятельности этого журнала» и т. д. (отд. V, стр. 14).

73) Стр. 122. «Отеч. Зап.» 1842, № 3. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ послѣдней строчки.

74) Стр. 122. Спеціально объ «Эвелинѣ де Вальероль» Бѣлинскій собственно не писалъ и говорилъ объ ней только мимоходомъ (ср. напр. VII, 48).

75) Стр. 123. Правильно: Сенъ-Марсъ.

76) Стр. 123. Слово «щепетильный» Бѣлинскій употребляетъ въ древнерусскомъ значеніи щеголеватаго.

77) Стр. 124. Рѣчь о мефистофелевскомъ отношеніи къ Кукольнику Сенковскаго-Брамбеуса, который то возводилъ Кукольника въ геніи, то заявлялъ потомъ, что это съ его стороны была шутка. См. подробнѣе т. II, прим. 304 и 385 и III, прим. 33; въ настоящемъ томѣ прим. 33.

78) Стр. 124. «Отеч. Зап.» 1842, № 3. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Статью о Мирошевѣ см. выше (№ 587). О дѣйствительно лучшей въ Москвѣ типографіи Степанова см. т. III, стр. 513. Бѣлинскій продолжаетъ питать добрыя чувства къ ней, хотя имѣлъ всѣ права сердиться на владѣльца, поставившаго его въ эпоху редактированія «Москов. Наблюдателя» въ весьма затруднительное положеніе.

79) Стр. 124. Тамъ же. Въ изданіи Солдатенкова вошло безъ послѣдней строчки. Стихи Майкова печатались въ «Библ. для Чтенія». Большую статью о Майковѣ см. выше (№ 586).

80) Стр. 125. Рѣчь, очевидно, о рецензіи „Сына Отеч.“, приведенной выше въ примѣч. 68.

81) Стр. 126. «Отеч. Зап.» 1842, № 3

82) Стр. 127. По смыслу фразы какъ будто выходитъ, что Глинка также далекъ отъ Шуберта, какъ уличная шарманка отъ игры геніальнаго скрипача. Бѣлинскій плохо понималъ самъ музыку и зналъ только кое-что по бесѣдамъ съ друзьями, среди которыхъ особенно выдѣлялся своею музыкальностью Боткинъ. Но пѣсни Шуберта онъ любилъ страстно, особенно «Leiermann'a», который доводилъ его до слезъ. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, что Бѣлинскій просто неловко выразился. Въ началѣ 1840-хъ годовъ толпа еще недостаточно оцѣнила Глинку и «Русланъ» не имѣлъ успѣха, но люди вродѣ Боткина ставили его очень высоко.

83) Стр. 127. Со свойственною ему безвкусицею и лишеннымъ чувства мѣры гиперболизмомъ, Шевыревъ разъ выразился:

Что въ морѣ купаться—что Данта читать

и это стало предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ надъ нимъ. Здѣсь и дальше педантъ-коментаторъ, конечно, Шевыревъ особенно—любившій говорить о Данте, которому посвящена и его диссертація «Дантъ и его вѣкъ».

84) Стр. 128. Рѣчь о статьѣ Шевырева «Визитъ Бальзаку» («Москвитянинъ» 1841, № 1). Бѣлинскій тутъ не правъ. И въ заглавіи статьи, и въ самой статьѣ Бальзакъ всюду называется просто Бальзакомъ. Но самъ же Шевыревъ съ ироніею разсказываетъ, что ему удалось розыскать знаменитаго писателя только послѣ того, какъ онъ сталъ его титуловать *де*-Бальзакомъ, приводитъ письмо Бальзака, подписанное съ приставкою *de*, подчеркиваетъ, что въ мѣстности, гдѣ жилъ Бальзакъ, его знаютъ только какъ *помѣщика* де-Бальзака и т. д. Бѣлинскій, очевидно, писалъ по памяти, которая какъ мы знаемъ, не разъ измѣняла ему. Ср. особенно эпизодъ съ Вяземскимъ (т. III, пр. 62), съ Навроцкимъ (т. VI, прим. 69) и др. (т. VI, прим. 49).

85) Стр. 129. Рѣчь о «Путевыхъ запискахъ» Погодина въ «Москвитянинѣ», надъ забавнымъ слогомъ которыхъ особенно остроумно потѣшался Герценъ въ «Запискахъ Ведрина».

86) Стр. 130. Одинъ изъ немногочисленныхъ эстетическихъ промаховъ Бѣлинскаго. Потомство не на сторонѣ Бѣлинскаго и считаетъ Бальзака писателемъ первостепеннымъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что обыкновенно промахи Бѣлинскаго относятся къ иностранной литературѣ: онъ совсѣмъ не оцѣнилъ на первыхъ порахъ Диккенса, слишкомъ вотъ низко цѣнитъ Бальзака, радикально измѣнялъ отношеніе къ Жоржъ-Зандъ, переоцѣнивалъ Вальтеръ-Скотта и Купера, слишкомъ порывисто относился къ Шиллеру и всей французской литературѣ и т. д.

87) Стр. 130. Бѣлинскій прежде находился въ литературной враждѣ со *Строевымъ* (см. т. II, прим. 386—87). Но разъ представилась возможность похвалить, то не таковъ былъ Бѣлинскій, чтобы вспоминать старые счеты. Хвалилъ онъ теперь Строева, потому что пребываніе за границей, несомнѣнно, послужило недавнему сотруднику „Сѣверной Пчелы“ на благо. Вотъ, напр., запись въ дневникѣ Никитенки:

„Встрѣтилъ, между прочимъ, Строева, который недавно вернулся изъ-за границы. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и, кажется, не принадлежитъ къ числу тѣхъ отчизнолюбцевъ, которые, зря, громятъ Западъ и все, что не отзываетъ родной поэзіей кнута и штыка“ (т. I, стр. 391).

Путевыя замѣтки Строева были своего рода кульминаціоннымъ пунктомъ его скромной литературной дѣятельности. До того онъ былъ малоуважаемымъ сотрудникомъ „Сѣв. Пчелы“, послѣ того нужда сдѣлала его спеціальнымъ поставщикомъ переводовъ французскихъ романовъ и дѣтскихъ книгъ для рыночныхъ издателей.

Біографическія свѣдѣнія о *Владимірѣ Михайловичѣ* **Строевѣ** (1812—6 іюля 1862) скудны. Онъ происходилъ изъ извѣстной семьи Строевыхъ (см. т. II, стр. 549) и родился, повидимому, въ Москвѣ, гдѣ отецъ его служилъ чиновникомъ. Учился, кажется, въ Московскомъ университетѣ приблизительно тогда же, когда тамъ былъ Бѣлинскій и младшій братъ его, рано умершій историкъ Сергѣй Строевъ (Скромненко) примыкалъ къ кружку Станкевича,

который, впрочемъ, въ перепискѣ съ Невѣровымъ, далъ очень суровый отзывъ о всей семьѣ Строевыхъ (подробнѣе въ настоящ. изд. т. II, прим. 203). Курса во всякомъ случаѣ Владиміръ Строевъ не кончилъ, потому что имени его нѣтъ ни въ исторіи Москов., ни въ исторіи Петерб. университета. Въ началѣ 1830-хъ гг. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ братъ его Павелъ, извѣстный археографъ, занималъ уже замѣтное мѣсто въ ученыхъ сферахъ. Онъ поступилъ на службу во II отдѣленіе Собств. Его Вел. Канцеляріи и сталъ принимать участіе въ „Сѣв. Пчелѣ“ и „Сынѣ Отечества“, а также много работалъ для „Энциклопед. Лексикона“ Плюшара. Въ 1833 году „молодой юристъ“, какъ онъ названъ въ Академическомъ отчетѣ, получилъ поощрительную Демидовскую премію за изслѣдованіе объ Уложеніи Алексѣя Михайловича. Отзывы рецензентовъ — дерптскаго профессора Неймана и академика Круга, однако, были довольно суровы, въ особенности Неймана, который, отнесшись съ похвалою къ добросовѣстности изслѣдователя, вмѣстѣ съ тѣмъ „отнималъ у его труда почти всякое ученое достоинство“ (Второе присужд. Демид. наградъ, 21). Можетъ быть, полученіе Демидовской преміи сблизило Строева съ братомъ учредителя этихъ премій-тоже извѣстнымъ меценатомъ Анатоліемъ Демидовымъ, который въ то время жилъ въ Парижѣ и старался знакомить Западную Европу съ Россіею. Онъ имѣлъ обширныя знакомства въ средѣ французскихъ литераторовъ и художниковъ и доставлялъ имъ матеріалы о Россіи. Собираніе этого матеріала онъ, конечно, поручалъ другимъ, въ томъ числѣ и Строеву, который, такимъ образомъ, года два прожилъ въ Парижѣ на счетъ Демидова.

Вернувшись въ концѣ 1839 г. въ Петербургъ, Строевъ не смогъ сколько-нибудь прилично устроиться и сдѣлался литературнымъ поденщикомъ. Судя по воспоминаніямъ Головачевой-Панаевой, ему очень не повезло въ семейной жизни:

„Строевъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ въ гражданскомъ бракѣ съ необразованной, грубой по натурѣ женщиной, имѣлъ отъ нея нѣсколько человѣкъ дѣтей и, несмотря на всѣ безобразныя сцены, какія ему дѣлала его сожительница, не бросалъ ея. Строевъ былъ хорошо воспитанъ и образованъ, говорилъ по-французски, какъ парижанинъ, манеры его были изящныя, и онъ умѣлъ занять интереснымъ разговоромъ. Строевъ страшно нуждался и бралъ всякую работу, только бы добыть денегъ на содержаніе своей семьи. А извѣстно, что если знаютъ, что человѣкъ нуждается въ работѣ, то его принимаютъ, и Строевъ переводилъ книги для книгопродавцевъ за баснословно дешевую цѣну“.

Ниже мы приводимъ длинный списокъ книгъ, переведенныхъ Строевымъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Но это далеко не все, что онъ перевелъ, потому что многое появлялось и анонимно. Кромѣ того, онъ много помѣщалъ переводовъ въ журналахъ и газетахъ: „Репертуарѣ и Пантеонѣ“, „Отеч. Зап.“ (должно быть, 50-хъ гг.), „Сѣв. Почтѣ“. Переводческая дѣятельность до такой степени поглотила Строева, что только съ этой стороны его и знали въ литературныхъ кружкахъ. Единственный некрологъ, появившійся послѣ его смерти (*П. А.*—очевидно, Ильи Арсеньева—въ „Сѣвер. Почтѣ“ 1862 г. № 148), начинается такъ: „6 іюля скончался въ С.-Петербургѣ извѣстный и лучшій нашъ переводчикъ Владиміръ Михайловичъ Строевъ. Русская литература обязана ему множествомъ замѣчательныхъ переводовъ знаменитѣйшихъ французскихъ романовъ“.

Дальше идутъ подробности о той „необыкновенной легкости“, съ которою Строевъ переводилъ.

Оригинальнаго Строевъ послѣднія 20 лѣтъ жизни почти не писалъ, если не считать нѣсколькихъ историческихъ компиляцій для дѣтей.

Велика, должно быть, была нужда, которая довела его до составленія такихъ книгъ, какъ „Тысяча анекдотовъ, шутокъ, глупостей и пр.“.

Названный выше некрологъ „Сѣвер. Почты“, между прочимъ, сообщаетъ что Строевъ „завѣдывалъ въ началѣ редакціею журнала *Разсвѣтъ* [1]). *Живописный Сборникъ* [2]) почти весь изданъ исключительно трудами Владиміра Михайловича“.

Болѣе крупныя журнальныя статьи и разсказы В. М. Строева (подписанныя): 1) *Русская критика въ 1835 году*. „Сынъ Отеч.“, ч. 175, стр. 45, 184, 250. 2) *Марья Васильевна*. „Сынъ Отеч.“, ч. 184. 3) *Викторъ Гюго*. „Сынъ Отеч.“, ч. 186. 4) *Парижскіе театры*. „Сынъ Отеч. 1839, XI. 5) *Нынѣшнее искусство и художество Франціи*. „Сынъ Отечества“ 1840, II.

Отдѣльнымъ изданіемъ В. М. Строевъ напечаталъ:

1) *Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изд. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1649 г.* Спб. 1833. 2) *Сцены изъ петербургской жизни* (изд. подъ буквами *В. В. В.*) 2 ч. Спб. 1835—37. 3) *Исторія Петра Великаго, отца отечества*. для дѣтей. 2 ч. Спб. 1837. 4) *Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ*. 2 ч. Спб. 1841—42. 5) *Біографія Александры Михайловны Каратыгиной* (подъ буквами *В. В. В.*). Спб. 1845. 6) *Тысяча анекдотовъ, шутокъ, глупостей и пр.* 10 ч. Спб. 1856. 7) *Бесѣды дяди съ племянницей*. Спб. 1859. Разсказы изъ русской исторіи для дѣтей. Спб. 1851.

Переводы: 1) *Парижскія тайны*. Эженя Сю. 2 т. Спб. 1844. 2) *Вѣчный жидъ*, романъ Сю. 10 ч. Спб. 1844. 3) *Графъ Монте-Кристо*, Дюма, 10 ч. Спб. 1845—46. 4) *Паула Монти*, романъ Сю. 4 ч. Спб. 1846. 5) *Тереза Дюнойе*, романъ Сю. 4 ч. Спб. 1847. 6) *Похожденія марсельскаго охотника*, Дюма. 2 ч. Спб. 1847. 7) *Корсиканское семейство*, Дюма. 2 ч. Спб. 1847. 8) *Маркизъ Леторъеръ*, Сю 6 ч. Спб. 1847. 9) *Мальтійскій командоръ*, Сю. 4 ч. Спб. 1847. 10) *Женская война*, Дюма. 8 ч. Спб. 1848. 11) *Викомтъ де Браженелонъ*, Дюма, 8 ч. Спб. 1848. 11) *Сказки*, княгини де Бомонъ. Спб. 1848 („Библ. для маленькихъ читателей“, ч. VIII). 12) *Эпизоды путешествій*. Спб. 1854 („Библ. путеш.“ Плюшара, т. VIII). 13) *Путешествіе по Японіи*, Ф. Зибольда. 3 т. Спб. 1854. („Библ. путеш.“ Плюшара, т. I, II, III). 14) *Разсказы о кораблекрушеніяхъ*. 2 т. Спб. 1854 („Библ. путеш.“ Плюшара, т. VI и VII). 15) *Эксцентрическіе разсказы*, Невиля. Спб. 1857. 16) *Тайна теоріи любви и ревности*. Спб. 1859.

Кромѣ того мы въ своемъ библіографическомъ собраніи нашли указанія на слѣдующіе переводы Строева, повидимому относящіеся къ 1850-мъ гг.: 16) *Домашній очагъ*. Фредерики Бремеръ. 17) *Мелодіи Вольфрама*. 18) *Морская волна и адское пламя*, Невиля. 19) *Бубновый король*, Скриба. 20) *Сцены*, Скриба. 21) *Жюдита или ложа въ оперномъ театрѣ*. Разсказъ Скриба. 22) *Три вороны*. Англ. повѣсть.

Ср. о В. М. Строевѣ: 1) *И. А.*, въ «*Сѣв. Почтѣ*» 1862, № 148. 2) *Геннади*, въ «Рус. Арх.» 1864, 1099. 3) *Никитенко*, Дневникъ, т. I, стр. 391, 409. 4) Словарь *Березина*. 5) *Головачева-Панаева*, Рус. писатели и артисты. Спб. 1890, гл. V. 6) *Бурнашевъ*, Изъ воспоминаній петерб. старожила, «Заря» 1871, № 4. 7) *Березинъ-Ширяевъ*, Послѣдніе матеріалы для библіографіи. Спб. 1884, стр. 157, 438. 8) *Вольфъ*, Хроника петербургскихъ театровъ, т. I. 9) *Геннади*, Анонимныя книги.

---

[1]) Возникъ въ 1859 г.

[2]) Выходилъ въ 1858 г.

Отзывы. Объ „*Историко-Юридическ. Изслѣд. Уложенія Алексѣя Михайловича*“: 1) „Москов. Телеграфъ“ 1833, ч. 52, № 16, стр. 563. 2) *А. А. А.* въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1833, № 234.

О „*Сценахъ изъ петербургской жизни*“: 1) *Никаноръ Иволикъ*, въ „Литературн. Прибавл. къ Рус. Инвалиду“ 1835, № 85. 2) *П. М.* въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1835, № 244 и 1837, № 263.

Объ «*Исторіи Петра Великаго*»: 1) „Сынъ Отеч.“, ч. 183, стр. 368. 2) „Библ. для Чт.“ 1837, т. XX, отд. VI, стр. 53

О драмѣ „*Безъименное письмо*“: 1) *П. И.-чъ*, „Литер. Газета“ 1840, № 75. 2) (Бѣлинскій) въ „Отеч. Зап.“ 1840, № 10, по нашему изд. т. V, стр. 408—410.

О «*Парижѣ въ 1838 и 1839 годахъ*»: 1) «Сынъ Отеч.» 1842, № 5. 2) «Русск. Вѣст.» 1842, т. V, отд. III, стр. 102. 3) „Библ. д. Чт.“ 1842, т. 50. 4) *Плетневъ*, въ «Современникѣ» 1842 и Соч. т. II, стр. 334—336. 5) (*Бѣлинскій*), въ «Отеч. Зап.» 1842, т. XXI (настоящая статья).

О переводѣ « *Париж. тайнъ*» *Сю:* 1) (*Плетневъ*) въ «Современникѣ» 1844 и Соч. т. 2, стр. 440—42. 2) „Литер. Газета“ 1847, № 39. 3) (*Валеріанъ Майковъ*), «Отеч. Зап.» 1847 и „Крит. опыты“, стр. 354—365.

О переводѣ «*Графа Монте-Кристо*» *Дюма:* 1) (*Плетневъ*) въ «Современникѣ» 1846 и Соч. т. 2, стр. 517.

О „*Біографіи Александры Михайловны Каратыгиной*“: «Современникъ» 1845, т. 38.

О «*Разсказахъ изъ русской исторіи для дѣтей перваго возраста*»: 1) „Библ. для Чтенія“, т. 105, отд. VI, 18. 2) „Современникъ“ 1851, т. XXV, отд. V, стр. 25. 3) „Отеч. Зап.» 1851, т. 74, отд. VI, 47.

О «*Тысячѣ анекдотовъ*»: «Библ. для Чт.» 1857, т. 141, стр. 83—87.

О «*Бесѣдахъ дяди съ племянницей*» 1) *Толь*, Наша дѣтская литература, Спб. 1862, стр. 167—168. 2) *Трапезниковъ*, Книж. Вѣст. 1860, № 13—14.

88) Стр. 130. «Отеч. Зап.» 1842, № 3. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ нѣкоторыхъ цитатъ.

89) Стр. 130. Продолжаются нападки на Полевого и его во многихъ отношеніяхъ замѣчательную «Исторію русскаго народа». См. прим. 16.

90) Стр. 131. Одно изъ наиболѣе несправедливыхъ проявленій теперешняго отношенія Бѣлинскаго къ Полевому. Рѣчь тутъ о томъ самомъ переводѣ «Гамлета», о которомъ всего 3 года тому назадъ Бѣлинскій написалъ такую восторженную статью (т. III, ст. № 261); см. прим. 16.

91) Стр. 133. «Отеч. Зап.» 1842, № 3. Въ изд. Солдатенкова не вошло. О грамматическихъ работахъ самого Бѣлинскаго см. т. III, прим. 68. *Мой* и теперь считается мѣстоименіемъ.

92) Стр. 134. «Отеч. Зап.» 1842, № 3.

93) Стр. 135. О «Нашихъ», выходившихъ отдѣльными, хорошо иллюстрированными очерками см. прим. 254.

94) Стр. 135. Цитата изъ «Носа», первоначально напечатаннаго въ этой книжкѣ «Современника» и въ собраніе соч. Гоголя въ то время еще не входившаго.

95) Стр. 141. Направленнымъ противъ Шевырева **„Педантомъ“ открывается острый періодъ борьбы Бѣлинскаго съ „Москвитяниномъ“.** Все, что касается въ VII томѣ этой борьбы и вообще полемики съ „Москвитяниномъ“, мы сосредоточиваемъ ссылками на настоящее примѣчаніе. Ср. прим. 21, 26, 35, 83, 84, 263, 276, 277.

Починъ обостренія ни въ какомъ случаѣ не принадлежалъ Бѣлинскому.

Мы уже отмѣтили въ прим. 35, что, несмотря на грубѣйшую выходку „Москвитянина“ въ 1841 г. *лично* противъ Бѣлинскаго, онъ, коснувшись въ своемъ обзорѣ литературы за 1841 годъ московскаго журнала, отнесся къ нему съ рѣдкимъ безпристрастіемъ. Неумолимый въ преслѣдованіи всего того, что считалъ вреднымъ для литературы, Бѣлинскій никогда не помнилъ обидъ личныхъ. Но не таковъ былъ злобный **Шевыревъ**. Все ростущее значеніе Бѣлинскаго, страстность его убѣжденности, а главное сила его сарказма, направленнаго противъ „Москвитянина“, довело озлобленіе Шевырева до высшаго напряженія и онъ во главѣ первой книжки „Москвитянина“ за 1842 г. помѣстилъ одну изъ пелѣпѣйшихъ своихъ статей—„Взглядъ на современное направленіе русской литературы“. И въ предыдущихъ томахъ и въ настоящемъ (особенно въ примѣч. 276 и 277) мы постоянно указываемъ на безвкусицу и полное отсутствіе чувства мѣры, какъ на основное качество Шевырева, которое превращало дѣятельность этого очень образованнаго и далеко не бездарнаго человѣка въ нѣчто отрицательное и смѣхотворное. Въ только что названной статьѣ оба эти качества достигли своего апогея въ попыткахъ характеризовать Бѣлинскаго. Въ хорошую компанію попалъ тутъ Бѣлинскій! Статья имѣетъ задачею характеризовать *„черную* сторону“ современной литературы, которая состоитъ изъ выведенныхъ подъ прозрачными обозначеніями Булгарина, Греча, Сенковскаго, Полевого и... Бѣлинскаго. Всѣмъ членамъ этой компаніи достается на орѣхи, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говорится о Бѣлинскомъ. Одно изъ главныхъ преступленій его, о которомъ говорится съ необыкновенною настойчивостью на протяженіи всей статьи, довольно неожиданнаго свойства: статьи Бѣлинскаго неподписаны...

„На мѣсто прежнихъ славныхъ лицъ съ извѣстнымъ образомъ мыслей и характеромъ, на мѣсто литераторовъ, именами своими украшавшихъ славу своего отечества, поступили компаніи журнальныя, образуемыя наборомъ *перьевъ безъимянныхъ*“ (стр. V).

Эти „безъимянныя перья“ поступаютъ на службу къ журнальнымъ „кондоттіери“, которые отъ „воинственныхъ кондоттіери среднихъ временъ Италіи“ „будто бы взяли необыкновенную рѣшительность и дерзость; они также набираютъ себѣ бодрое войско витязей пера и управляютъ имъ самостоятельно, сначала лаская одно ихъ самолюбіе, потомъ удовлетворяя и другой страсти, менѣе благородной; они также стараются имѣть у себя *неизвѣстнаго безъимяннаго рыцаря*, въ маскѣ и забралѣ, съ *мѣднымъ лбомъ* и размашистою рукою, готоваго на всѣхъ и на все, и ни передъ кѣмъ не ломающаго шапки“.

Это, значитъ, Краевскій журнальный „кондотьери“, а Бѣлинскій—„безъимянный рыцарь“ съ „мѣднымъ лбомъ“, очевидно, изъ страха надѣвающій „маску и забрало“.

Организація журнальнаго кондотьерства такая: „при главномъ предводителѣ находятся много неизвѣстныхъ ратниковъ, съ тупыми и вострыми перьями: мнѣнія этой журнальной *безъимянной челяди, разумѣется, должны быть подчинены во всемъ мнѣнію главнаго кондоттіери*, но и она, гдѣ можетъ, также съ своей стороны по мелочи раздаетъ свое покровительство и высказываетъ свою не грозную ненависть“.

И такъ „Отеч. Записки“ являлись выраженіемъ литературныхъ взглядовъ и интересовъ „главнаго кондоттіери“ Краевскаго, а челядинецъ Бѣлинскій только „по мелочи раздавалъ“ свое собственное „покровительство“ и „высказывалъ“ свою личную „не грозную ненависть“.

Чрезвычайно похоже на правду и на дѣйствительную роль въ „Отеч. Зап.“ Краевскаго, не имѣвшаго даже сколько-нибудь опредѣленныхъ литературныхъ и политическихъ взглядовъ, съ тою-же готовностью печатавшаго статьи Бѣлинскаго о „Бородинской годовщинѣ“, а черезъ какой-нибудь годъ его же статьи діаметрально-противоположнаго настроенія.

Разсѣявши по всей статьѣ рядъ мелкихъ уколовъ „безымянному“ челядинцу Краевскаго, Шевыревъ главное нападеніе приберегаетъ для конца статьи. Подходомъ служитъ характеристика Сенковскаго-Брамбеуса: „прежде было въ особенной модѣ отдавать главную роль въ критикѣ какому-нибудь забавному весельчаку для потѣхи читателямъ: иногда бывало, что и самъ кондотіери, по неимѣнію остроумнаго пересмѣшника въ своей фалангѣ, бралъ на себя эту привлекательную роль. Такой журнальный пересмѣшникъ (clown), въ своемъ забавномъ колпакѣ и съ наглыми ухватками, бывалъ иногда весьма остроуменъ и въ самомъ дѣлѣ смѣшилъ часто своими шутками“.

Идетъ затѣмъ вполнѣ вѣрная характеристика Сенковскаго, но ничего новаго въ себѣ не заключающая и неоднократно, съ гораздо бо́льшимъ воодушевленіемъ, данная Бѣлинскимъ. Пора „пересмѣшника“ проходитъ. Онъ „нѣсколько устарѣлъ и наскучилъ читателямъ“. Къ тому же, „много повредила ему въ мнѣніи открытая его неблагонамѣренность“. Тутъ слово неблагонамѣренность употребляется не въ позднѣйшемъ политическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ явной недобросовѣстности. Публика замѣтила эту „неблагонамѣренность“, потому что въ ней „есть же всегда это нравственное чувство истины, которое никакими шутками, никакимъ праздникомъ смѣхомъ заглушено вовсе быть не можетъ. Рано или поздно, оно непремѣнно скажется“. И вотъ „смекнувъ это и видя, что одежда благонамѣренности обновилась, стала въ модѣ и требуется публикою, нѣкоторые журнальные кондотіери взялись за умъ и дали главную роль въ своей критикѣ лицу, совершенно иному по наружности: это лицо—*рыцарь безъ имени*“.

Тутъ-то, наконецъ, Шевыревъ подходитъ вплотную къ Бѣлинскому; ему наноситъ главный ударъ, рисуется полный портретъ его:

„Вотъ его внѣшніе признаки: *цѣльная, изъ одного куска литая броня наглости* прикрываетъ въ немъ самое невинное невѣжество. Но этой бронѣ онъ родной братъ журналисту пересмѣшнику: но вы видите на ней огромный щитъ, и на щитѣ, вмѣсто девиза, кривыми и *громадными*[1]) (любимое его слово) буквами, написано: *убѣжденіе*[1]). Симъ послѣднимъ признакомъ онъ совершенно отходитъ отъ своего веселаго брата.

„Размашистымъ мечемъ онъ рубитъ направо и налѣво, и нѣтъ такого имени, которое бы остановило его махъ немилосердный. Дантъ, Мильтонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ—ему ни почемъ. Снаружи, оно вѣдь кажется бойко и отважно презирать всѣ имена и славы міра, и не поклоняться ничему: ничто такъ не дѣйствуетъ на массу читателей-невѣждъ, какъ неуваженіе и дерзость передъ всякимъ признаннымъ прежде величіемъ, какъ засученный на весь свѣтъ кулакъ: здѣсь разсчетъ для дѣйствія на толпу еще хитрѣе придуманъ и прикрытъ личиною, которая хотя скучна, но съ виду поразительна. Бойкій рыцарь, въ порывѣ заносчивости, дошелъ до того, что однажды уничтожилъ всю Русскую литературу и публику, за исключеніемъ двухъ или трехъ именъ и своего журнала, съ котораго онъ полагаетъ настоящее несомнѣнное ея начало, точно также какъ и журнальный пересмѣшникъ. Но сей послѣдній смѣется надъ всѣмъ безъ убѣжденія; безъименный же рыцарь уничтожаетъ все, будто бы по убѣжденію. Самъ *бобыль литературный*[1]), *послѣдній внукъ литератора-промышленника*,

[1]) Курсивы Шевырева.

онъ не хочетъ уважать никакихъ преданій, не признаетъ никакого авторитета, кромѣ того, который онъ самъ возведетъ въ это званіе однимъ волшебнымъ прикосновеніемъ щита своего.

„Да, ужъ если въ чемъ онъ убѣдился—бѣда предмету его убѣжденія. Тутъ является онъ пламеннымъ рыцаремъ на подобіе того, который прославленъ романомъ Сервантеса; тутъ его преданность доходитъ до кумиропоклоненія. Если случится ему признать кого-нибудь за талантъ, онъ подноситъ ему тотчасъ эпитетъ *громаднаго* [1]); поклоняется ему наравнѣ съ Шекспиромъ. Бываетъ, что убѣжденіе его падетъ случайно на какое-нибудь произведеніе славнаго писателя замѣчательное, но не первостепенное: бѣда такому произведенію—оно тотчасъ получаетъ эпитетъ *міроваго* [1]). Случается даже, что убѣжденіе его встрѣтитъ какую-нибудь значительную брошюру: бѣда той брошюрѣ — у него она *всемірное явленіе* [1]).

„Талантамъ истиннымъ бываетъ очень совѣстно отъ такихъ поклоненій обожающаго ихъ рыцаря, точно такъ, какъ совѣстно было Державину принимать къ себѣ всякій разъ того наивнаго живописца, который ежедневно повадился приходитъ къ нему цѣловать его руку, а потомъ уже затѣялъ цѣловать его и въ губы“.

Послѣднія слова относятся, конечно, къ восторженнымъ похваламъ Бѣлинскаго Гоголю, которыя особенно злили Шевырева.

Въ приведенномъ сейчасъ литературномъ портретѣ Бѣлинскій не сгоряча названъ „послѣднимъ внукомъ литератора-промышленника“. Заканчивая общую характеристику „черной стороны“, въ дѣятельности которой Бѣлинскому отводитъ первое мѣсто, Шевыревъ мужественно заявляетъ:

„Всему этому движенію даетъ самый ничтожный, самый мелкій видъ одной праздной суеты и тревоги та убійственная цѣль, которая обуяла дѣятелей, обузила ихъ умы, унизила ихъ характеры, стерла съ нихъ всякую духовную личность, раздражила однѣ слабыя ихъ страсти... Какая же это цѣль? Мы выскажемъ ее теперь искренно и смѣло; знаемъ напередъ, что слово наше подниметъ и вооружитъ на насъ весь самый дѣятельный пишущій міръ, что всѣ эти сотни (!!!) безъимянныхъ перьевъ остановятся вдругъ и ощетинятся отъ гнѣва; но не смотря на все это—мы считаемъ обязанностью назвать ее вслухъ. Эта цѣль—*разработка карамановъ внутренней Россіи посредствомъ литературы* (курсивъ Шевырева). Она-то причиной, почему въ колоссальной столицѣ вы видите литературу пигмеевъ“ (стр. XXXI).

Итакъ, „безымянный“ „бобыль литературный“, „съ мѣднымъ лбомъ“, для безопасности одѣвшій „маску и забрало“, да еще „закованный въ броню наглости“, поступилъ „челядинцемъ“ къ „кондотьери“ Краевскому и „разрабатываетъ“ „карманы внутренней Россіи посредствомъ литературы“—вотъ кто такой Бѣлинскій! Пожалуй, эта характеристика должна считаться вѣнцомъ той коллекціи курьезовъ, которая связана съ именемъ Шевырева. Отсутствіе чувства мѣры достигло здѣсь апогея и какъ то обидно даже становится за человѣка, не лишеннаго извѣстныхъ достоинствъ, когда знакомишься съ его дикими выходками противъ Бѣлинскаго. Какъ можно было имѣть такъ мало чутья, чтобы третировать Бѣлинскаго какъ проходимца! Вѣдь вотъ Бѣлинскій даже въ *отвѣтной* статьѣ не отрицалъ-же ни извѣстныхъ литературныхъ способностей Картофелина-Шевырева, ни его образованія, ни его безкорыстія и т. д. Оттого-то и получился вполнѣ живой портретъ, правда безпощадный, но настолько вѣрный дѣйствительности, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, впечатлѣніе получилось громадное даже въ сферахъ, ничего общаго съ Бѣлинскимъ не имѣвшихъ.

[1]) Курсивы Шевырева.

Да, не на радость себѣ и не по силамъ затѣялъ Шевыревъ свою печальную полемику. На забавную по преимуществу выходку Шевырева Бѣлинскій отвѣтилъ великолѣпнымъ „Педантомъ“. Онъ великолѣпенъ именно тѣмъ, что въ немъ все необыкновенно зло, но нѣтъ ни капли злобы. Вотъ это такъ дѣйствительно портретъ, имъ можно пользоваться какъ біографическимъ очеркомъ. Въ общемъ, при всей своей односторонности, „Педантъ“ является первостепеннымъ источникомъ для сужденія о Шевыревѣ, вплоть до его смѣшныхъ замашекъ на свѣтскую бонтонность. А нападеніе Шевырева, несравненно болѣе рѣзкое и грубое чѣмъ хладнокровная иронія Бѣлинскаго до такой степени были смѣшны, до такой степени не попадали въ цѣль и не задѣвали, что, какъ мы тоже сейчасъ увидимъ, ни мало не было неделикатностью со стороны друзей Бѣлинскаго прочитать ему статью Шевырева вслухъ. За то Шевыревъ цѣлую недѣлю не показывался въ обществѣ.

Исторію того впечатлѣнія, которое произвелъ этотъ убійственный полемическій ударъ можно прослѣдить по перепискѣ Бѣлинскаго съ Василіемъ Боткинымъ. Полемически-односторонняя, но, всетаки, мастерская характеристика Картофелина-Шевырева и мимоходные шлепки „литератору-цинику“ и „хитрому антрепренеру“—Погодину попали въ цѣль.

Переписка по поводу „Педанта“ начинается съ того, что Боткинъ почему-то приписалъ памфлетъ поэту Ключникову. Бѣлинскій отвѣтилъ негодующе-юмористическимъ письмомъ отъ 14 марта 1842 года:

„Съ чего ты взялъ,—пишетъ онъ, прибавляя шуточно-бранный эпитетъ,—смѣшивать мизерную особу И. П. Ключникова съ благородною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего часто упоминаемаго Петра Бульдогова могъ не узнать друга твоего Виссаріона Бѣлинскаго, вѣчно-неистоваго, всегда съ пѣною у рта и поднятыми вверхъ кулакомъ (для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка)?... О Боткинъ! Боткинъ! ты обидѣлъ меня, обидѣлъ!... (Онъ не сердился бы, еслибы Боткинъ разбранилъ самую лучшую его статью—), но *типъ*, сей первый и робкій опытъ юнаго таланта на совершенно новомъ для него поприщѣ... Опытъ, столь удачный, столь блестящій.—О Боткинъ! Боткинъ! гдѣ жъ дружба, гдѣ любовь? Мрачное мщеніе, выходи изъ утробы моей, выставляй змѣиныя жала свои... Нѣтъ, Боткинъ, не шутя, я способенъ ко многимъ родамъ сочиненій, когда вдохновляетъ меня злоба. Идея *Педанта* мгновенно блеснула у меня въ головѣ еще въ Москвѣ, въ домѣ М. С. Щепкина, когда Кетчеръ прочелъ тамъ вслухъ статью Шевырева. Еще не зная, какъ и что отвѣчу я,—я, по впечатлѣнію, произведенному на меня доносомъ Шевырева, тотчасъ же понялъ, что напишу что-то хорошее... Въ Питерѣ эта штука прошла незамѣченной, „Москвитянина“ у насъ никто не читаетъ, Шевыревъ извѣстенъ какъ миѳъ... А статейка была не дурна, да цензурный комитетъ выкинулъ все объ Италіи и стихи Полевого — злую пародію на стихи Шевырева“ (Пыпинъ II, 133).

О впечатлѣніи, которое произвелъ „Педантъ“ въ Москвѣ, можно судить по письму Боткина къ Краевскому:

„Ударъ произвелъ дѣйствіе, превзошедшее ожиданія. Шевыревъ не показывался эту недѣлю въ обществѣ. Въ синклитѣ Хомякова, Кирѣевскихъ, Павлова, если заводятъ объ этомъ рѣчь, то съ пѣною у рта и ругательствами. Всѣхъ больше ругался... Н. Ф. Павловъ; онъ предложилъ написать письмо къ князю Одоевскому [1]) отъ лица всѣхъ московскихъ литераторовъ, въ которомъ просятъ князя, чтобы онъ съ вами не знался; письмо это будетъ пересыпано разными любезностями на счетъ вашъ и Бѣлинскаго... Погодинъ уменъ... проглотилъ пилюлю, но ходитъ съ веселымъ лицомъ... Но это все хорошо,—а можетъ быть худо то, что Шевыревъ (какъ я слышалъ) хочетъ жаловаться и въ его жа-

[1]) Кн. Одоевскій былъ однимъ изъ пайщиковъ „Отеч. Зап.“.

лобѣ будто приметъ участіе кн. Д. В. [1]), который надняхъ ѣдетъ въ Петербургъ. Смотрите, чтобъ не было вамъ какой бѣды... Святители! какое движеніе эта штука сдѣлала въ университетѣ—Давыдовъ [2]) расцвѣлъ, помолодѣлъ и видимо блаженствуетъ, спрашиваетъ всякаго встрѣчнаго: читали-ли вы 3 № „О. Зап.“... Но, Боже мой, какъ „москвитяне“ поносятъ бѣднаго, невиннаго Виссаріона—и чѣмъ не называютъ его!!!.. Кстати, статья Бѣлинскаго въ 1 № [3]) привела Шевырева въ негодованіе до того, что онъ посвятилъ одну цѣлую лекцію на опроверженіе ея—и въ 3 № „Москвитянина“ это является въ печати [4])... Грановскаго рѣчи по поводу „Педанта“ до того привели въ негодованіе, что онъ жалѣетъ, что нѣтъ у него готовой статьи, онъ тотчасъ бы послалъ вамъ, хоть для того, чтобъ имя его стояло на журналѣ. Кирѣевскій ругаетъ Бѣлинскаго словами, приводящими въ трепетъ всякаго православнаго и спрашиваетъ Грановскаго: „неужели вы не постыдитесь подать Бѣлинскому руку?“ А Грановскій имѣлъ безстыдство отвѣчать: „не только не постыжусь подать руки, а хоть даже на площади передъ всѣми обниму его!“ Да всѣхъ разговоровъ не упомнишь и не передашь“ (Пыпинъ II, 137).

Не въ одной Москвѣ пошли разговоры о „Педантѣ“. Изъ біографіи Погодина Барсукова можно видѣть, что „пасквиль“ былъ съ великимъ интересомъ замѣченъ и провинціальными знакомыми издателей „Москвитянина“. Слишкомъ много было правды въ „пасквилѣ“, чтобы не возбудить въ „друзьяхъ“ желанія потрогать свѣжую рану. Такъ Мефистофель-Надеждинъ даже по аттестаціи г. Барсукова „съ нѣкоторымъ злорадствомъ“ писалъ Погодину: „Ну, какъ поздоровилось вамъ съ Шевыревымъ послѣ *Отечественныхъ Записокъ*. А! что я тебѣ говорилъ? Ну, да ничего, ничего... молчаніе“. (Барсуковъ, Жизнь Погодина, т. 6, стр. 265).

Изъ той же біографіи мы узнаемъ, чѣмъ окончилась весьма малолитературная попытка обуздать „наглость“ автора „Педанта“ домашнимъ путемъ:

„Напрасно было предложеніе Н. Ф. Павлова написать письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, чтобъ онъ по поводу оскорбленія, нанесеннаго его друзьямъ, Шевыреву и Погодину, прервалъ сношенія съ *Отечественными Записками*. Самъ кн. Одоевскій далеко не раздѣлялъ мыслей, выраженныхъ во *Взглядѣ* Шевырева, о чемъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ письмѣ своемъ къ Погодину: „Одоевскій забавенъ очень своею дипломатическою таинственностью. Представь себѣ, что онъ мою *черную сторону* разумѣетъ *голубою* [5]) статьею, противъ нихъ написанною“ (Барсуковъ, Жизнь Погодина, VI, 263).

Такимъ образомъ въ статьѣ Шевырева усмотрѣлъ доносъ не одинъ Бѣлинскій.

96) Стр. 141. «Отеч. Зап.» 1842, № 3. Въ изд. Солдатенкова сокращены цитаты изъ «Елены Глинской» Полевого.

---

[1]) Кн. Д. В. Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ.

[2]) И. И. Давыдовъ, извѣстный профессоръ словесности и философіи, политически—полный единомышленникъ Шевырева.

[3]) Рѣчь объ обзорѣ литературы 1841 г. (ст. № 56).

[4]) Въ 3-мъ № „Москвитянина“ есть продолженіе злополучнаго „Взгляда на современную русскую литературу“, но она не соотвѣтствуетъ тому, что сообщаетъ о ней Боткинъ. Это статья довольно миролюбивая и только въ одномъ примѣчаніи (см. дальше примѣч. № 216) задѣваетъ „Отеч. Зап.“. Въ противоположность первой, имѣющей цѣлью характеризовать „черную“ сторону русской литературы и въ ея составѣ Бѣлинскаго, она посвящена „свѣтлой сторонѣ“.

[5]) т. е. цвѣта жандармскаго мундира.

*

97) Стр. 142. Объ измѣнившемся отношеніи къ переводу «Гамлета» см. т. V, прим. 56.

98) Стр. 145. Уже неоднократно было указано нами (ср. т. I, стр. 155; III, прим. 183; IV, прим. 274; V, 246), что Бѣлинскій, вопреки увѣреніямъ друзей, очень порядочно зналъ франц. языкъ. Изъ отмѣчаемаго теперь мѣста очевидно, что Бѣлинскій изрѣдка посѣщалъ и французскій театръ.

99) Стр. 153. Ср. прим. 16.

100) Стр. 153. «Отеч. Зап.» 1842, № 4. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ многихъ цитатъ.

101) Стр. 157. Къ подписывавшейся псевдонимомъ *Фонъ-Дим*ъ писательницѣ *Е. Кологривовой*, къ которой Бѣлинскій позднѣе относился снисходительнѣе, намъ еще придется вернуться.

102) Стр. 157. «Отеч. Зап.» 1842, № 4. Въ изданіе Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ и того, не слогомъ Бѣлинскаго, написаннаго мѣста (см. дальше стр. 161), которое по ошибкѣ не снабжено кавычками (см. примѣч. 103).

103) Стр. 161. Весь этотъ абзацъ по ошибкѣ журнала не поставленъ въ кавычки. Тутъ все слова Грота («Альманахъ», стр. 47), а не Бѣлинскаго который въ это время уже вышелъ изъ періода преклоненія предъ «разумною дѣйствительностью» и такимъ умиленнымъ слогомъ не писалъ.

104) Стр. 162. А какъ недавно еще этимъ занимался самъ Бѣлинскій? О прежнихъ огульныхъ нападкахъ на французовъ см. т. VI, прим. 43.

105) Стр. 163. Бѣлинскій продолжаетъ невѣрно цитировать это двустишіе (ср. т. I, стр. 448, прим. 202 и VI, прим. 49.). У Пушкина сказано:

Не продается *вдохновенье*,
Но можно рукопись продать.

106) Стр. 164. «Отеч. Зап.» 1842, № 4. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Одно изъ немногихъ проявленій отношенія Бѣлинскаго къ еврейству.

107) Стр. 164. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

108) Стр. 165. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Увы, безсмертный «Гуакъ» и теперь, 62 года спустя, все продолжаетъ выходить новыми изданіями.

109) Стр. 165. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Бѣлинскій вообще не любилъ поэтовъ-самоучекъ (см. напр. статью о Слѣпушкинѣ въ т. V, ст. № 465), но Алипанова онъ спеціально преслѣдовалъ (ср. V, ст. 498, VII, ст. № 605). Объ Алипановѣ см. прим. 129.

110) Стр. 166. «Отеч. Зап.» 1842, № 4. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

111) Стр. 167. «Отеч. Зап.» 1842, № 5. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ значительной части цитатъ, благодаря чему статья больше похожа въ этомъ кастрированномъ видѣ на библіографическую справку, чѣмъ на статью о поэтѣ, гдѣ всегда вся сила въ надлежаще подобранныхъ цитатахъ.

112) Стр. 172. Все это отступленіе о поэтахъ съ «риѳмованнымъ звономъ» относится къ Языкову, ненавистному Бѣлинскому, какъ воинствующему сотруднику «Москвитянина». Отсюда ожесточенность этого длиннаго отступленія. Намеки относительно малаги относятся къ стихотворенію Языкова «Малага», помѣщенному во 2-ой книжкѣ «Москвитянина» 1842 г. Больной, лѣчившійся въ Ганау поэтъ разсказывалъ, что прежде онъ пилъ шампанское:

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой,
Вино кипучее я пилъ,

И вкусъ и блескъ его и хмѣль его игривой,
Друзья, не мало я хвалилъ.
Теперь онъ смирился и вмѣсто шампанскаго пьетъ малагу
Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
Не веселитъ меня друзья!
Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенный;
Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
Напитокъ смирный и безцѣнный,
Вино густое какъ элей,
И черное какъ смоль, какъ очи дѣвы горной
И мягко-сладкое, какъ медъ.

113) Стр. 173. Напечатанныя Бѣлинскимъ курсивомъ выраженія взяты изъ Бенедиктова. «Риѳмотворецъ», увѣряющій: «что въ морѣ купаться, то де читать Данта»—Шевыревъ (см. прим. 83), третій, конечно, выдуманъ. Не знаемъ, кто выведенъ въ первомъ «риѳмотворцѣ»; можетъ быть, онъ тоже выдуманъ, какъ третій.

114) Стр. 175. Здѣсь и дальше совершенно неправильное отношеніе къ личной судьбѣ Полежаева. См. прим. 122.

115) Стр. 180. Это сильное выраженіе, очевидно, относится къ фривольной поэмѣ «Сашка».

116) Стр. 183. См. прим. 122.

117) Стр. 187. Въ «Отеч. Зап.» это мѣсто перепутано и мы возстановили порядокъ стиховъ по изд. Ефремова. Строки, обозначенныя у Бѣлинскаго точками, въ свое время не были пропущены цензурою, а теперь возстановлены П. А. Ефремовымъ. Первый пропускъ:

И угнетенъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей.

Съ возстановленіемъ текста во второмъ и третьемъ пропускѣ конецъ стихотворенія читается теперь такъ (послѣ «Борюсь какъ будто бы во снѣ»; пропуски набраны курсивомъ):

Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточенной
Берусь за нагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе, и печаль—
Готовъ... но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ,
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ.
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

118) Стр. 196. Бѣлинскій не точно разсказалъ эту исторію. Никакой стихотворецъ «Валтасара» себѣ не приписывалъ. Стихотвореніе было напечатано во 2 № «Москов. Телеграфа» 1829 г., *безъ всякой подписи*, подъ заглавіемъ

ВИДѢНІЕ ВАЛТАЗАРА
(Подражаніе Байрону).

А въ концѣ той же книжки (стр. 288) помѣщено заявленіе Полевого:

«Стихи *Видѣніе Валтазара* напечатаны уже въ Галатеѣ. Не знаю, какъ они туда попали; мнѣ доставилъ ихъ самъ переводчикъ. Листъ «Телеграфа», гдѣ они помѣщены, былъ уже оконченъ печатаніемъ, когда вышелъ 6-й № «Галатеи». Не желая замедлить выхода книжки, я рѣшился оставить въ «Телеграфѣ» упомянутые стихи».

Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ правильности этого заявленія Полевого, который одинъ изъ первыхъ сталъ обращать вниманіе на Полежаева. Но «Галатея» находилась тогда въ жестокой литературной враждѣ съ «Моск. Телегр.» и не преминула помѣстить бранчивую отповѣдь:

Въ томъ же 2 № «М. Телеграфа» на стр. 288 сказано: «Стихи *Видѣніе Валтазара* напечатаны уже въ «Галатеѣ». Не знаю, какъ они туда попали; мнѣ доставилъ ихъ самъ переводчикъ». Въ какомъ смыслѣ принимаетъ издатель «Телеграфа» слово *переводчикъ*, въ смыслѣ ли interpraetatoris, или traductoris, или, наконецъ, въ смыслѣ translatoris? Если въ послѣднемъ, то у него должно быть много *переводовъ*. Но шутки въ сторону. Зачѣмъ было г. Полевому прибѣгать къ увертками? Если онъ добросовѣстенъ, то напишетъ откровенно: *заимствовано изъ «Галатеи»* («Галатея» 1829, часть II, стр. 165).

Translator—тутъ, очевидно, надо понимать какъ *переносчика*—изъ одного изданія въ другое.

119) Стр. 201. Въ «Отеч. Зап.» по ошибкѣ *Гремячугское*.

120) Стр. 203. Изъ стихотворенія, которое печатается въ новѣйшихъ изданіяхъ Полежаева безъ заглавія и начинается стихами

Ты хочешь, другъ, чтобы рука

121) Стр. 203. Раппо—знаменитый силачъ того времени. О немъ, между прочимъ, разсказываетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Загоскинѣ:

«Легенда о силѣ (физической) Загоскина проникла даже за границу. На одномъ публичномъ чтеніи въ Германіи я, къ удивленію моему, услыхалъ балладу, въ которой описывалось, какъ въ столицу Московіи прибылъ геркулесъ Раппо и, давая представленія въ театрѣ, всѣхъ вызывалъ и всѣхъ побѣждалъ; какъ внезапно, среди зрителей, не вытерпѣвъ посрамленія соотечественниковъ, поднялся der russische Dichter: stehet auf der Zagoskin! (съ удареніемъ на *кинъ*)—какъ онъ сразился съ Раппо и, побѣдивъ его, удалился скромно и съ достоинствомъ».

122) Стр. 204. **Роль Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Полежаева** чрезвычайно велика. Статья и въ свое время произвела очень сильное впечатлѣніе (Ср. соч. Дружинина, т. VII, стр. 416—417). А позднѣе она оказывала еще болѣе рѣшающее вліяніе, потому что была помѣщена во главѣ обоихъ обращавшихся въ публикѣ втеченіе 30 лѣтъ (1857 — 88) изданіяхъ (Щепкина и Солдатенкова) стихотвореній Полежаева. Самыя изданія были редактированы согласно указаніямъ Бѣлинскаго. Редакторъ этихъ изданій—Кетчеръ оставилъ только то, что Бѣлинскій въ своей статьѣ призналъ хорошимъ и выбросилъ все то, что онъ назвалъ слабымъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы великій литературный прозорливецъ содѣйствовалъ установленію безусловно правильнаго взгляда на несчастнаго поэта. Бѣлинскій, конечно, сдѣлалъ чрезвычайно много для созданія Полежаеву большой литературной репутаціи, а главное—превосходно выяснилъ и очертилъ образъ поэта-страдальца. При имени Полежаева у всякаго сейчасъ же является совершенно опредѣленное представленіе о загубленной жизни, о

трагически-растраченныхъ силахъ. Этимъ представленіемъ мы всецѣло обязаны Бѣлинскому, который съ удивительнымъ мастерствомъ подобралъ такую мозаику изъ стихотвореній Полежаева, что получилась яркая автобіографія поэта. И вотъ потому оцѣнка Полежаева принадлежитъ къ числу наиболѣе блестящихъ мѣстъ литературнаго формуляра Бѣлинскаго, имя котораго совершенно неотдѣлимо отъ имени самаго поэта, уже почти забытаго, уже не читаемаго внѣ того, что дается хрестоматіями.

Но если,—можно прямо сказать,—Полежаевъ, какъ поэтическая личность, есть какъ бы созданіе Бѣлинскаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій же очень односторонне и въ значительной мѣрѣ несправедливо очертилъ реальную личность несчастнаго поэта. Очевидно недостаточно освѣдомленный насчетъ обстоятельствъ жизни Полежаева, Бѣлинскій пустилъ въ ходъ господствующее вплоть до нашихъ дней отношеніе къ Полежаеву, какъ къ человѣку, *«который не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели»*. Въ дѣйствительности, Полежаевъ всецѣло жертва того періода русской исторіи, когда возможно было отдать даровитаго поэта въ солдаты за нѣсколько строфъ. А внѣ общественныхъ условій, вся вообще жизнь Полежаева была сцѣпленіемъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ ряду которыхъ его собственныя „страсти“ далеко не имѣли рѣшающаго значенія.

Бросимъ въ самомъ дѣлѣ взглядъ на главныя черты біографіи Полежаева Мы только бѣгло коснемся общеизвѣстныхъ фактовъ біографіи несчастнаго поэта и, напротивъ того, остановимся на такихъ, которыя или мало или совсѣмъ еще не были выяснены и подчеркнуты—главнымъ образомъ на чертахъ *наслѣдственности* и *вліянія среды*.

Александръ Ивановичъ **Полежаевъ** (1805—16 января 1838) съ первыхъ же дней своей печальной жизни попалъ въ условія, всего менѣе содѣйствовавшія тому, чтобы выработать изъ него сколько-нибудь уравновѣшеннаго человѣка. Начать съ того, что онъ происходилъ изъ явно-непормальной семьи. Незаконный сынъ помѣщика Пензенской губерніи Леонтія Николаевича Струйскаго, Полежаевъ приходился внукомъ литературному маньяку *Николаю Еремѣевичу Струйскому*. Литературное маньячество, само-по-себѣ, еще не есть, конечно, проявленіе непормальности. Но тѣ формы, въ которыхъ оно выразилось у Струйскаго, едва-ли совмѣстимы съ „здравымъ умомъ итвердою памятью“. Совершенно лишенный поэтическаго таланта, Струйскій, по выраженію хорошо знавшаго его поэта кн. И. М. Долгорукаго, такъ „влюбился въ стихотворенія свои, что издавалъ ихъ денно и нощно, покупалъ французской бумаги пропасть, выписывалъ буквы разнаго калибра, учредилъ типографію собственно свою и убивалъ на ея содержаніе лучшую часть своихъ доходовъ“. Кромѣ этой собственной типографіи (въ селѣ Рузаевкѣ, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губ.) Струйскій печаталъ свои произведенія также въ Петербургѣ и печаталъ при томъ съ поразительною роскошью. Безстрастный библіографъ Сопиковъ занося въ свой каталогъ напечатанную Струйскимъ въ 1789 г. (Спб.). „Епистолу императрицѣ Екатеринѣ“, не можетъ удержаться отъ того, чтобы не прибавить отъ себя: „Изданіе великолѣпное, на Александрійской бумагѣ, съ украшеніями на поляхъ“. П. А. Ефремовъ, издавшій книги Струйскаго, составляющія величайшую библіографическую рѣдкость, говоритъ о нихъ: „мало встрѣчается подобныхъ изданій не только въ Екатерининское время, но и теперь: ибо, напримѣръ, книга „Сочиненій“ Струйскаго, изданная въ 1790 году, вышла со множествомъ пре-

лестныхъ и крайне изящныхъ виньетокъ, гравированныхъ лучшими изъ тогдашнихъ художниковъ: Скородумовымъ, Шенбергомъ, Набгольцемъ и другими" („Пантеонъ Литературы" 1888, № 2). Рузаевскій поэтъ и типографщикъ „творилъ" тоже при особенной обстановкѣ. Въ воспоминаніяхъ того же князя Долгорукаго мы читаемъ:

„Струйскій имѣлъ кабинетъ въ самомъ верху дома, называемый Парнасъ. Въ сіе святилище никто не хаживалъ, ибо, говорилъ онъ, не должно метать бисера свиньямъ. Меня онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за который дорого заплатилъ однако одинъ изъ моихъ товарищей: ибо онъ, читая мнѣ одно свое произведеніе и натурально изъ хвастовства, по мнѣнію его лучшее, сильно будучи восхищенъ, щипалъ его въ восторгѣ до сихъ пятенъ. Изступленія подобнаго, когда о стихахъ говорили, я не видывалъ. Все обращеніе его, впрочемъ, было дико, одѣваніе странно. Онъ носилъ съ фракомъ парчевый камзолъ, подпоясывался розовымъ кушакомъ шелковымъ, обувался въ бѣлые чулки, на башмакахъ носилъ бантики и длинную повязывалъ прусскую косу".

Этими чудачествами на границѣ психопатіи не ограничивались, однако, странности рузаевскаго поэта. Разсказываетъ Долгорукій о немъ и вотъ что:

„Когда я посѣтилъ его на вышеписанномъ Парнасѣ, то, примѣтя пыль вездѣ большую и большой безпорядокъ въ уборѣ, ибо рядомъ съ сургучемъ брошенъ былъ перстень алмазный, возлѣ большой рюмки стоялъ поношенный бюстъ,—спросилъ я его о причинѣ, и онъ мнѣ далъ самую мудреную. Пыль, сказалъ онъ, есть мой стражъ, ибо по ней увижу тотчасъ, не былъ ли кто у меня и что̀ онъ трогалъ. Такая мысль меня поразила. Увидѣвъ притомъ, что въ комнатѣ его множество разныхъ оружій и соображая сей нарядъ, столь неприличный Парнасу, съ его отзывомъ, заключилъ, что онъ долженъ быть жестокій хозяинъ и посреди упражненій своихъ, которыя иногда держатъ его за перомъ, а паче, какъ онъ самъ признавался, осенью, сутокъ по двое безъ сна и почти безъ пищи, опасался падъ собою злонамѣренныхъ покушеній. Говорили мнѣ, будто догадка моя была справедлива, но я не зналъ его довольно коротко, чтобы на одной молвѣ основать такое предосудительное о немъ заключеніе. Впрочемъ, отзывъ его приличенъ былъ тирану, посящему съ собою повсюду мрачные помыслы. Сказывали мнѣ еще, будто онъ до старческаго пристрастія былъ наклоненъ къ юридическимъ упражненіямъ, дѣлалъ самъ людямъ своимъ допросы, судилъ ихъ, говорилъ *за* нихъ и *противъ*, судъ и дѣло въ своихъ собственныхъ судилищахъ и вводилъ самыя даже пытки потаеннымъ образомъ. Вотъ что я слышалъ отъ постороннихъ. Ежели это было подлинно такъ, то чего смотрѣло правительство? Отъ этого волосы подымаются". („Рус. Архивъ", 1865, стр. 961).

Долгорукому не совсѣмъ хочется вѣрить разсказамъ о жестокостяхъ Струйскаго, потому что „ежели было такъ, то какой удивительный переходъ отъ страсти самой звѣрской, отъ хищныхъ такихъ произволеній къ самымъ кроткимъ и любезнымъ трудамъ, къ сочиненію стиховъ, къ нѣжной и вселобзающей литературѣ". Но какъ могли бы возникнуть подобные разсказы, и притомъ изъ различныхъ источниковъ, въ ту эпоху, когда просто-дурное обращеніе съ крѣпостными составляло норму, почти незнавшую исключенія? Нельзя поэтому сомнѣваться въ томъ, что жестокость Струйскаго нарушала „нормальную" жестокость эпохи. Да, наконецъ, эта черта передалась и его сыну, отцу нашего поэта.

Струйскій-дѣдъ передалъ своему потомству двѣ основныя черты своего маньячества—наклонности къ поэзіи и жестокость. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, считать простою случайностью то, что *два* его внука были поэтами—кромѣ Полежаева, пользовался въ 1830-хъ и 40-годахъ нѣкоторою извѣстностью *Дмитрій Юрьевичъ Струйскій*, поэтъ третьестепенный или четвертостепенный, но, всетаки, печатавшій свои стихи въ „Библіотекѣ для Чтенія" и дру-

гихъ видныхъ изданіяхъ того времени. Онъ болѣе извѣстенъ подъ своимъ псевдонимомъ *Трилунный*, который и теперь еще удержался въ литературной памяти. Но если во внукахъ маньячество Струйскаго облагородилось, то въ сынѣ его и отцѣ нашего поэта—Леонтіѣ Николаевичѣ Струйскомъ другія проявленія маніакальной натуры рузаевскаго типографщика получили характеръ несомнѣннаго вырожденія. Это былъ форменный алкоголикъ, доходившій до delirium tremens и *по настоянію Сперанскаго* (во время его пензенскаго губернаторства) сосланный въ Тобольскъ. Документальныхъ данныхъ за что̀ именно онъ былъ сосланъ—нѣтъ. Но сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ біографіи Сперанскаго съ тѣмъ, что безъ изъ ряда вонъ выходящаго тиранства не сослали бы богатѣйшаго помѣщика въ Сибирь, не оставляютъ сомнѣнія, что Струйскій либо до смерти засѣкъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ [1]), либо совершилъ надъ своими крестьянами другое мучительство со смертельнымъ исходомъ. Есть указаніе, что Леонтій Николаевичъ предался пьянству и тиранству съ отчаянія, вызваннаго причинами весьма благороднаго свойства. Онъ находился въ связи со своей крѣпостной Степанидой, съ которою прижилъ сына Александра и дочь Олимпіаду. Онъ очень любилъ дѣтей и хотѣлъ ихъ усыновить. И вотъ тутъ разыгралась какая-то „семейная интрига“, въ результатѣ которой Степаниду, противъ желанія Струйскаго, выдали замужъ за мѣщанина сосѣдняго города Сарапска Полежаева, официальнаго отца поэта. Съ этого времени Струйскій и запилъ и занепостовствовалъ. Вѣрно-ли это указаніе, идущее отъ хорошо относившагося къ Струйскому родственника—сказать трудно, но самый фактъ отъ того немѣняется: *алкоголизмъ и необузданность темперамента перешли къ Полежаеву по наслѣдству.*

Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ прошло дѣтство Полежаева—нѣтъ. Но злополучная автобіографическая поэма „Сашка“ даетъ достаточно матеріала для общей характеристики его „воспитанія“. Изъ піететности герой поэмы Сашка, т. е. самъ Полежаевъ глухо для другихъ, но достаточно ясно, когда знаешь въ чемъ дѣло, говоритъ отъ отцѣ

Пропустимъ также, *что родитель*
Его до крайности любилъ

При этой любви отца къ „чему-то“, очевидно, некогда было заниматься сыномъ

И первый Сашеньки учитель
Лакей изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ во французскомъ Соломонъ,
И что дитя болталъ исправно
Весь сквернословья лексиконъ.
Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шесть лѣтъ онъ „барыню“ игралъ,
И что въ....., бабкахъ, свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ.

Когда Полежаеву было десять лѣтъ, его отвезли въ Москву и отдали въ извѣстный пансіонъ Визара. Видимо, черезъ 2 года разразилась катастрофа надъ отцемъ и ближайшее попеченіе надъ Полежаевымъ перешло къ брату

[1]) Указаніе барона Корфа въ его біографіи Сперанскаго. См. предисловіе П. А. Ефремова къ его изд. Полежаева.

его отца Петру Николаевичу Струйскому. Особеннаго вліянія этотъ дядя не имѣлъ на мальчика, ни въ хорошую, ни въ дурную сторону и автобіографическая поэма только слегка говоритъ о скукѣ, которую воспитанный сквернословящей дворнею юноша испытывалъ въ чинномъ домѣ дяди. Въ 1820 г., т. е. имѣя всего 15 лѣтъ, способный юноша, хорошо выдержавъ экзаменъ, поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета. Былъ моментъ, когда ему угрожала опасность прервать ученіе: осенью 1821 года онъ вынужденъ былъ уволиться изъ университета по „встрѣтившимся обстоятельствамъ“, которыя заключались въ томъ, что дядя прекратилъ поддержку. Но вскорѣ пришелъ на помощь другой дядя, жившій въ Петербургѣ, Юрій Николаевичъ Струйскій, и студенческая жизнь Полежаева вошла въ обычную колею.

Именно *обычную*. Это всегда нужно помнить при сужденіи о томъ, по собственной-ли „винѣ“ Полежаева такъ печально сложилась его жизнь. Если приглядѣться къ студенческой жизни героя „Сашки“, то впечатлѣніе, конечно, получается прямо отвратительное. Автобіографія Сашки это не просто „шалость“ и „проказы“, а какая-то душевная грубость и азіятчина. Уже одно вступленіе коробитъ всякаго, кто привыкъ предъявлять къ литературѣ сколько-нибудь высокія требованія. Юный поэтъ бравируетъ своимъ цинизмомъ:

Не для славы
Для забавы
Я пишу
Одобренья
И презрѣнья
Не прошу.
Пусть кто хочетъ
Тотъ хохочетъ
Я и радъ.
А развратенъ,
Непріятенъ
Пусть бранятъ.

Затѣмъ идетъ рядъ бытовыхъ картинъ, написанныхъ съ тѣмъ же бравированіемъ и, между прочимъ, портретъ героя:

. . вотъ въ вицмундирѣ
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ пріятелемъ въ трактирѣ
Какой-то черненькій буянъ,
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ
И сквернословіе летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ.
Кричитъ... пуншъ блещетъ, брызжетъ пиво
Графины, рюмки дребезжатъ

и т. д. все въ томъ же мажорномъ стилѣ. Авторъ очень доволенъ своимъ сквернословящимъ героемъ и выводитъ его вмѣстѣ съ компаніей такихъ же героевъ въ публику

. . . . . .

И вижу въ Марьиной мы рощѣ

Блистаемъ славою своей
Фуражки, взоры и походка,
Все дышетъ жизнью и поетъ:
Табачный ароматъ и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ...
Идемъ, качаясь, величаво
И всѣ дорогу намъ даютъ,
А дѣвы влѣво и направо
Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.
Идемъ... И горе тебѣ, дерзкій
Взглянувшій искоса на насъ,
„Молчать“ кричимъ, насупясь звѣрски,
Иль выбьемъ потроха какъ разъ!
Толпа иль дамъ, иль дѣвъ стыдливыхъ
Попалась въ давкѣ тѣсной намъ,
Цѣлуемъ миленькихъ, смазливыхъ,
И харкаемъ въ глаза каргамъ.
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ:
Пусть дураки на насъ глядятъ
Намъ все равно, хвалы не ищемъ,
Пусть что угодно говорятъ.

Въ „Сашкѣ“ особенно поражаетъ не столько ея порнографическій сюжетъ (студенты атакуютъ домъ терпимости) и ея непристойности, которыя всѣ сводятся къ уличному обозначенію продажныхъ женщинъ и т. п., сколько ея полная некультурность и разгулъ какихъ-то чисто-азіятскихъ инстинктовъ. Можно-ли примѣнить эпитеты „шалости“ и „проказы“ къ такимъ дикимъ подробностямъ разгрома, произведеннаго студентами, съ Сашкою во главѣ, въ пріютѣ „дѣвъ“, куда не пустили пьяную ватагу:

Какъ лютый волкъ стремится Саша
На дѣву блѣдную одну
И распростерлася Дуняша,
Облившись кровью на полу.
Какое страшное смятенье
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно-избіенныхъ дѣвъ.

Не смотря на чудовищную грубость этой „потѣхи“, Полежаевъ заканчиваетъ ея описаніе такимъ дифирамбомъ:

Скачите, дѣвы, припѣвая:
Виватъ нашъ Сашка молодецъ.
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей-Богу, молодецъ.

Какъ ни отвратительно все это любованіе разгуломъ героя-автора, но, чтобы правильно къ нему отнестись, надо задаться двумя вопросами: что въ этомъ безобразіи *индивидуально Полежаевскаго* и точно-ли Сашка есть полная автобіографія автора? И вотъ тутъ-то оказывается, во-первыхъ, что картина, нарисованная Полежаевымъ безусловно-жанровая, типическая. Прочтите

хотя-бы записки Пирогова, учившагося одновременно съ Полежаевымъ, и вы увидите, что безобразное пьянство и буйство всякаго рода—составляли самую отличительную черту московскаго студенчества того времени. А затѣмъ совершенно несомнѣнно, что личное участіе Полежаева въ подвигахъ стиля „Сашки“ чрезвычайно преувеличено. Мы сейчасъ увидимъ, что Полежаевъ, по просьбѣ университетскаго начальства, читалъ стихи на актѣ 1826 года. Можно-ли допустить, что университетскія власти сдѣлали-бы такое лестное предложеніе студенту, извѣстному съ дурной стороны? Но тѣмъ все это характернѣе. Въ каждой эпохѣ перемѣшаны самые разнообразные элементы, есть задатки всѣхъ типовъ, теченій и настроеній. Но господство получаетъ одно что-нибудь, а остальное до поры до времени прячется. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ русскомъ студенчествѣ не было недостатка въ элементахъ карьеризма, сословнаго чванства и пошлости всякаго рода, но все это пряталось и стыдилось. Напротивъ того, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ не было недостатка въ юношахъ высокаго душевнаго строя, но обстоятельства были неблагопріятны для нихъ и тонъ студенческой жизни задавали шикари, бѣлоподкладочники и трактирные засѣдатели. То же самое было и въ студенческіе годы Полежаева, который явно на себя „напускалъ“, но „напускалъ“ въ доминирующемъ тонѣ времени.

И вотъ почему все грубое и непривлекательное въ „Сашкѣ“ ни въ какомъ случаѣ не должно быть поставлено въ личную „вину“ Полежаеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ многое должно быть тутъ поставлено ему въ личную заслугу. Герой-авторъ несомнѣнно выдѣлялся надъ огромною массою заурядnаго московскаго студенчества того времени, когда сообщалъ такія подробности о Сашкѣ:

Черты характера его:
Свобода въ мысляхъ и поступкахъ,
Не знать судьею никого
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемѣрія ханжей.
. . . . . .
Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И къ фарисеямъ въ хомутахъ
Горѣть враждой закоренѣлой.

За эти-то „черты характера“, выразившіяся въ тѣхъ строкахъ поэмы, которыя и теперь не могутъ быть напечатаны и разразилась катастрофа, разбившая жизнь поэта.

Полежаевъ пробылъ въ университетѣ около 6 лѣтъ и уже студентомъ обратилъ на себя вниманіе переводами изъ Байрона и Ламартина и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями, напечатанными въ лучшихъ журналахъ—„Вѣстникѣ Европы“ и „Москов. Телеграфѣ“. Что у начальства Полежаевъ ни мало не былъ на дурномъ счету видно изъ того, что на актѣ 12-го января 1826 г. онъ, по собственному почину, прочиталъ свое большое стихотвореніе „Геній“, а по просьбѣ университетскихъ властей для того же акта написалъ оду „Въ память благотвореній Александра I Императорскому московскому университету“. Оба эти стихотворенія написаны въ ультра-благонамѣренномъ тонѣ, и не только въ превыспреннѣйшихъ выраженіяхъ въ нихъ говорится о воцареніи „Монарха любви и правоты“ Николая I, но даже безъ всякой прямой надобности дается такая картинка французской революціи:

Но вотъ, какъ бурныя моря,
Сыны безумія смутились:
Текутъ, неистовствомъ горя,
Противъ царей совокупились,
Законы, троны пали въ прахъ,
Повсюду смерть и разрушенье... и т. д.

Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что не стань по пути нѣсколько политически-рѣзкихъ строкъ „Сашки“ и жизнь Полежаева потекла бы обычнымъ путемъ прозябанія россійскаго обывателя, для котораго времяпрепровожденіе героя Полежаевской поэмы всего менѣе составляло что-либо экстраординарное. Въ поэмѣ, написаной въ концѣ университетской жизни для интимнаго кружка друзей, *поименно* названо нѣсколько пріятелей-студентовъ, вѣрныхъ соратниковъ „Сашки“ въ его подвигахъ по части трактировъ и избіенія „дѣвъ“—*но изъ нихъ никто не пострадалъ*, значитъ всего менѣе въ этихъ подвигахъ была „вина“ Полежаева.

Поэма была назначена для немногихъ, но получила широкое распространеніе:

И друзья, злодѣи скрытые
Злобно предали меня,

жаловался потомъ поэтъ на распространителей поэмы, въ концѣ концовъ дошедшей до самого государя, пріѣхавшаго въ іюнѣ 1826 г. въ Москву для коронаціи. Впечатлѣніе декабрской попытки было еще очень сильно и рѣшимость вырвать послѣдніе остатки декабристскаго настроенія была непоколебима. Названныхъ въ поэмѣ соратниковъ и собутыльниковъ Сашки не потревожили, а съ только-что кончившимъ университетъ, но еще жившимъ въ студенческомъ общежитіи Полежаевымъ, по его собственному разсказу, приведенному въ „Былomъ и Думахъ“ Герцена, произошло вотъ что:

„Въ одну ночь, часа въ три, ректоръ (Прокоповичъ-Антонскій) будитъ Полежаева, велитъ одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждетъ попечитель (князь Оболенскій). Осмотрѣвъ, всѣ ли пуговицы на мундирѣ и нѣтъ ли лишнихъ, онъ безъ всякаго объясненія пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ.

„Привезъ его къ министру народнаго просвѣщенія (Шишкову). Министръ сажаетъ Полежаева въ свою карету и везетъ,—на этотъ разъ уже прямо къ государю.

„Шишковъ [1]) оставилъ Полежаева въ залѣ, гдѣ дожидались нѣсколько чиновниковъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, не смотря на то, что былъ шестой часъ утра,—и пошелъ во внутреннія комнаты. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ предложилъ ему давать уроки сыну.

„Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ Шишковымъ. Онъ бросилъ на вошедшаго испытующій взглядъ, въ рукахъ у него была тетрадь.

— Ты-ли,—спросилъ онъ,—сочинилъ эти стихи?

— Я,—отвѣтилъ Полежаевъ.

— Вотъ,—продолжалъ государь:—вотъ я вамъ представляю образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ!—прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву.

---

[1]) У Герцена по ошибкѣ кн. Ливенъ.

„Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ государя неподвижно остановился на немъ ..

— Я не могу,—сказалъ Полежаевъ.

— Читай!..

„Это возвратило силы Полежаеву, онъ развернулъ тетрадь.

„Никогда,—говорилъ онъ,—я не видывалъ „*Сашку*“ такъ переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

„Сначала ему было трудно читать; потомъ, одушевляясь все болѣе и болѣе, онъ громко и живо дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса.

— Что скажете? — спросилъ государь по окончаніи чтенія. — Я положу предѣлъ этому разврату; это все еще *слѣды, послѣдніе остатки*. Я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?

„Министръ, разумѣется, не зналъ, какого онъ поведенія, но въ немъ проснулось человѣческое чувство и онъ сказалъ:

— Превосходнѣйшаго! ваше величество.

— Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надобно для примѣра другимъ. Хочешь-ли въ военную службу?

„Полежаевъ молчалъ.

— Я тебѣ даю военною службой средство очиститься. Что же, хочешь?

— Я долженъ повиноваться,—отвѣтилъ Полежаевъ.

„Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и сказалъ: „Отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ *писать*“, — и поцѣловалъ его въ лобъ.

„Я десять разъ заставлялъ Полежаева повторять разсказъ о поцѣлуѣ, такъ онъ мнѣ казался невѣроятнымъ. Полежаевъ клялся, что это правда.

„Отъ государя—Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили, онъ вышелъ, зѣвая, и, прочитавъ бумагу,—спросилъ флигель-адъютанта:

— Это онъ?

— Онъ, ваше сіятельство.

— Что же, доброе дѣло, послужите въ военной, я все въ военной службѣ былъ,— видите, дослужился, — и вы, можетъ, будете фельдмаршаломъ... Полежаева свезли въ лагерь“...

Такова подлинная исторія несчастія, разбившаго жизнь Полежаева. Намекая на нее, насколько это было возможно въ 1857 году, уже Добролюбовъ замѣтилъ: „именно себя-то Полежаевъ и не могъ обвинять“.

Дальнѣйшая жизнь Полежаева была логическимъ сцѣпленіемъ вытекавшихъ одно изъ другого несчастій. Совершенно брошенный родными, очевидно, безъ всякихъ средствъ, Полежаевъ былъ предоставленъ исключительно обществу унтеръ-офицеровъ расположеннаго въ Москвѣ Бутырскаго полка, куда онъ—какъ окончившій университетъ съ правомъ личнаго дворянства — былъ опредѣленъ унтеръ-офицеромъ. Онъ не сразу покорился своей участи и, помня разрѣшеніе государя писать ему непосредственно, отправилъ просьбу о помилованіи. Но разрѣшенія государя не было, конечно, оформлено и потому просьба Полежаева, какъ поданная не по формѣ, т. е. не черезъ начальство, не дошла по назначенію. Ничего не зная объ этомъ, Полежаевъ пишетъ еще нѣсколько просьбъ и все съ тѣмъ же результатомъ. Тогда онъ рѣшается на отчаянный шагъ: уходитъ изъ полка и пѣшкомъ направляется въ Петербургъ,

чтобы лично добраться до государя. Чрезъ нѣсколько дней пути онъ, однако, одумался и добровольно вернулся по начальству. Послѣдовалъ, конечно, судъ, приговоръ котораго, (отъ 4-го сент. 1827 г.), восходившій на утвержденіе государя, гласитъ: „за отлучку изъ полка, изъ коей самъ добровольно явился, разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые и лишенъ личнаго дворянства, *безъ выслуги*".

Можно-ли сколько-нибудь серьезно говорить о личной „винѣ", если послѣ этого приговора, закрывшаго всякій просвѣтъ въ лучшее будущее, наслѣдственный алкоголикъ Полежаевъ запилъ мертвую?

Но чаша его страданій еще не наполнилась до краевъ. Предстояло еще нѣчто худшее. Вернувшись разъ въ нетрезвомъ видѣ въ казармы, Полежаевъ обругалъ фельдфебеля непристойными словами и началось новое дѣло, принявшее теперь страшный оборотъ. Около года Полежаевъ въ кандалахъ пробылъ на гауптвахтѣ Спасскихъ казармъ и его ждало „прогнаніе шпицрутенами" сквозь строй. Это была почти смерть и притомъ смерть мучительная и позорная.

Страстная натура „бурнаго" Полежаева не могли примириться съ покорнымъ ожиданіемъ. Солдатикъ, присматривавшій за нимъ, понялъ его настроеніе и принесъ ему наточенный штыкъ. Но на этотъ разъ Полежаева спасло то же самое, что погубило его въ исторіи съ „Сашкой": положеніе его какъ политическаго преступника. Дѣло, при обычныхъ условіяхъ не требовавшее высшей конфирмаціи, восходило до государя, который отмѣнилъ приговоръ, почти равносильный смертному, и все закончилось тѣмъ, что ему зачли въ наказаніе «долговременное пребываніе подъ арестомъ» и перевели, въ началѣ 1829 года, въ другой полкъ—Московскій. Общее положеніе его теперь даже «улучшилось». Такъ напр., въ журналахъ, несомнѣнно съ вѣдома цензуры, начинаютъ вновь появляться его стихи, правда подписанные только буквами —ъ —ъ. Своимъ страстнымъ тономъ,—отзвукомъ несчастій, разразившихся надъ головою поэта, они быстро обратили на себя вниманіе. Было своего рода «улыбкою счастія» и то, что Московскій полкъ (пѣхотный) отправился въ томъ же 1829 г. на войну съ турками и кавказскими горцами. Цѣлыхъ 3 года провелъ Полежаевъ на Кавказѣ, принявъ участіе прямо въ десяткахъ стычекъ и экспедицій, одинъ голый перечень которыхъ занимаетъ въ біографическомъ очеркѣ П. А. Ефремова, приложенномъ къ новѣйшему изданію соч. Полежаева, двѣ страницы петита. Въ личной жизни поэта кавказскій періодъ былъ несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ. Съ одной стороны его воодушевляла надежда путемъ боевыхъ отличій улучшить свою участь

Лечу за честію вездѣ
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ,

восклицаетъ онъ въ написанной тогда поэмѣ «Чиръ-Юртъ». Затѣмъ, успокаивающее растерзанные нервы вліяніе имѣла простота военно-походной обстановки. Сословныя различія почти исчезали на бивуакѣ или въ аульной саклѣ. Пѣхотное офицерство было все народъ бѣдный, не стыдившійся питаться изъ солдатскаго котла и при такихъ условіяхъ всѣми брошенный поэтъ легче переносилъ нужду свою въ деньгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такой простотѣ, Полежаевъ, уже пользовавшійся литературною извѣстностью, не былъ также предоставленъ одному обществу солдатъ, какъ въ московскихъ казармахъ. Наконецъ, бодрое настроеніе само собою поддерживала постоянная боевая опасность.

Все это кончилось, когда полкъ Полежаева вернулся въ Москву. Надежда «проложить себѣ дорогу» къ «потерянной звѣздѣ» осуществилась лишь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ: несмотря на трехлѣтнее участіе въ безчисленныхъ боевыхъ стычкахъ, Полежаевъ не былъ, какъ онъ имѣлъ полное право разсчитывать, произведенъ въ офицеры и дальше унтеръ-офицерства не пошелъ. Опять, поэтому, съ возвращеніемъ въ 1832 году въ Москву началась безотраднѣйшая жизнь въ казармахъ, безъ друзей, безъ денегъ, безъ общества. На Кавказѣ, какъ мы уже говорили, всѣ соціальныя неравенства сглаживалось, жилось нравственно-уютно въ боевой общинѣ. Полежаевъ, окрыленный надеждами на лучшее будущее, чувствовалъ себя лучше чѣмъ когда бы то ни было и почти навѣрное можно сказать, что не пилъ сколько-нибудь безобразно. Есть статейка С. А. Карпова, (въ «Русск. Архивѣ» 1881 г., т. III), служившаго на Кавказѣ вмѣстѣ съ Полежаевымъ, о кавказскомъ періодѣ жизни злосчастнаго поэта. Статейка небольшая, но намѣчающая, однако, главныя черты боевой жизни Полежаева. И тамъ ничего нѣтъ о какихъ бы то ни было эксцессахъ, значитъ же что стремленія Полежаева утопить въ винѣ свое горе не бросалось въ глаза. Но безпросвѣтное прозябаніе въ Москвѣ снова подняло въ Полежаевѣ всю горечь сознанія загубленной жизни и опять наслѣдственный алкоголизмъ вступалъ въ свои права. Были, впрочемъ, мимолетные моменты душевнаго подъема: онъ встрѣтился съ молодой дѣвушкой—Е. И. Бибиковой, которая оставила яркій слѣдъ въ поэзіи Полежаева въ стихотвореніи «Черные глаза». Относительно этого и нѣкоторыхъ другихъ примыкающихъ къ нему стихотвореній Бѣлинскій навѣрное не имѣвшій никакого представленія о ставшемъ извѣстнымъ только лѣтъ 50 спустя реальномъ эпизодѣ жизни Полежаева, съ удивительною проницательностью отмѣтилъ, что «не въ пору явившееся мгновенье было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а страшную похоронную пѣснь самому себѣ». Въ 1881 году превратившаяся въ «Старушку изъ степи» Е. И. Бибикова разсказала, вполнѣ подтверждающую слова Бѣлинскаго, краткую «идилію», длившуюся всего двѣ недѣли. Для 16-ти-лѣтней дѣвушки это была проходящая идилія, но для Полежаева тутъ только и выяснилась глубина бездны, отдѣляющей его отъ возможности счастія. И чрезвычайно характерно для опредѣленія «вины» Полежаева въ своихъ несчастіяхъ, что въ началѣ «идиліи» Бибиковъ-отецъ писалъ своимъ:

«Въ городѣ *** стоитъ пѣхотный армейскій полкъ, гдѣ служилъ унтеръ-офицеромъ разжалованный поэтъ Полежаевъ. Я познакомился съ полковникомъ и выпросилъ у него дозволеніе взять къ себѣ на квартиру несчастнаго молодого человѣка, въ обществѣ котораго время для меня летитъ незамѣтно. *Ведетъ онъ себя безукоризненно*».

А закончилась «идилія» тѣмъ, что распрощавшись съ Бибиковыми, Полежаевъ не сразу вернулся въ полкъ: жестоко опять запилъ.

Дальнѣйшіе немногіе годы жизни Полежаева было простымъ догораніемъ. Около этого времени написано имъ страшное стихотвореніе «Къ сивухѣ». Все стихотвореніе не дошло до насъ, но достаточно и дошедшихъ 8 стиховъ:

Когда ужъ въ вѣчность преселюся,
Иль въ рай, иль въ адъ мнѣ все равно,
Гдѣ-бъ ни былъ я,—вездѣ напьюся.
Коль въ адѣ-жъ выпито вино,—

Зефиры, вы быстрѣй летите
Къ моей отчизнѣ дорогой
И изъ питейныхъ принесите
Мнѣ штофъ съ сивухою простой! [1])

Стихотвореніе изъ разряда «юмористическихъ». Но это тотъ юморъ, отъ котораго морозъ по кожѣ подираетъ

Гдѣ-бъ ни былъ я,—вездѣ напьюся!

Это уже не «слабость къ вину», это страшный кошмаръ, роковой финалъ страшнаго сцѣпленія безгранично-неблагопріятныхъ условій, гдѣ нѣтъ и тѣни какого бы то ни было стремленія къ наслажденію. И говорить объ этомъ ужасѣ какъ объ индивидуальной «винѣ», значитъ имѣть слишкомъ преувеличенное представленіе о предѣлахъ человѣческой воли.

Страшный недугъ быстро подтачивалъ здоровье Полежаева. Уже въ 1835 году онъ ясно сознавалъ, что жизнь кончается и пишетъ рядъ глубокопрочувствованныхъ, за душу хватающихъ стихотвореній—«Прощаніе», «Отчаяніе», «Къ моему генію», «Тоска», «Чахотка», одни заглавія которыхъ достаточно краснорѣчиво говорятъ объ ихъ содержаніи. 16-го января 1838 г. закончилась эта злосчастная жизнь, изъ 32-хъ лѣтъ которой 12-ть проведены въ условіяхъ николаевской солдатчины.

Несомнѣнно недостаточно-знакомый съ печальными условіями, при которыхъ темпераментъ Полежаева получилъ свое роковое развитіе, Бѣлинскій крайне преувеличилъ, между прочимъ, значеніе «сладострастья» въ жизни и поэзіи Полежаева. Если слово «сладострастье» довольно часто встрѣчается въ стихахъ нашего поэта, если онъ даже и самъ про себя сказалъ въ «Пѣснѣ», что онъ

увялъ на лонѣ сладострастья,

то это не болѣе какъ поэтическій жаргонъ того времени. Чтобы не останавливаться долго на этомъ предметѣ, скажемъ только, что даже тѣ скудныя біографическія данныя, которыя имѣются о Полежаевѣ, выясняютъ такую страшную нужду его, что говорить о сколько-нибудь широкомъ разгулѣ извѣстнаго сорта просто смѣшно. Эту легенду пора окончательно сдать въ архивъ.

А самое главное—«сладострастье» не играетъ сколько-нибудь замѣтной роли въ поэзіи Полежаева. Даже въ «Сашкѣ», при всей ея грубости, нѣтъ ничего такого, что выходило бы за предѣлы обычной безцеремонности того времени. Всякая вещь познается сравненіемъ. И вотъ, по совершенно вѣрному замѣчанію П. А. Ефремова,

«Все содержаніе поэмы, кромѣ двухъ-трехъ строфъ, дѣйствительно крайне рѣзкихъ въ политическомъ отношеніи и очень нескромныхъ, однако, не настолько цинично, какъ, напр., «Петергофскій праздникъ», «Госпиталь», «Уланша» Лермонтова, и не настолько атеистично, какъ извѣстная поэма Пушкина («Гавріліада»)».

Въ вещахъ, назначенныхъ для печати, «сладострастье» прямо не играетъ никакой роли, если не считать весьма слабаго во всѣхъ отношеніяхъ «Ренегата». Бѣлинскій находился въ большомъ заблужденіи, полагая, что этотъ «дивирамбъ» не могъ быть напечатанъ «по множеству мѣстъ цинически-безстыдныхъ и безумно-вдохновенныхъ». Теперь «Ренегатъ» печатается въ собраніяхъ соч. Полежаева съ опущеніемъ всего 10 строкъ. А въ свое время

[1]) «Вѣстн. Евр.» 1897 г., № 6, статья В. Е. Якушкина.

«множество» мѣстъ было выброшено всего менѣе по ихъ цинизности. Была, напр., выброшена строка:

Пусть онъ летитъ туда, чалмою крестъ обмѣнитъ,

потому что въ то время всякое прикосновеніе къ священнымъ сюжетамъ подвергалось величайшимъ стѣсненіямъ. Изъ этихъ же соображеній было выброшено цѣликомъ одно мѣсто, которое теперь печатается въ такомъ видѣ:

О, прочь съ груди моей, исчезни, знакъ священный,
. . . . . .
. . . . . .
Гдѣ пышная чалма, гдѣ алкоранъ Пророка?
Когда въ сады прелестнаго Востока
Переселюсь отъ пагубныхъ мнѣ мѣстъ?
Что мнѣ закопъ? . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
... Когда мнѣ жить не должно для него.

Точки потому остаются до сихъ поръ, что затерянъ соотвѣтствующій имъ текстъ. Но по общему характеру оставшихся строкъ совершенно несомнѣнно, что тутъ никакого «сладострастья» и быть не могло.

Въ общемъ, элементъ не только «сладострастья», но и просто любовныя темы играютъ въ поэзіи Полежаева самую ничтожную роль. Въ то время какъ нѣтъ почти ни одной крупной вещи Лермонтова и Пушкина, гдѣ бы въ центрѣ не стояла любовь, у Полежаева въ его *лучшихъ* вещахъ, т. е. въ тѣхъ, гдѣ сказалась сила его таланта, о любви прямо рѣчи нѣтъ.

Вообще, при сужденіи о связи поэзіи Полежаева съ личными обстоятельствами его жизни, слѣдуетъ обратить вниманіе вотъ на что: *лирикъ по преимуществу, Полежаевъ всю силу чувства излилъ исключительно въ плачъ о загубленной жизни.* Получается, такимъ образомъ, очень жестокій, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ соотвѣтствующій дѣйствительности выводъ: личныя несчастія Полежаева принесли ему несчастіе только какъ человѣку, для поэзіи же его они были *благотворны.* Сравните его произведенія, писанныя при относительно-благопріятныхъ условіяхъ и тѣ стоны, которые онъ издавалъ подъ впечатлѣніемъ страшныхъ ударовъ судьбы: какая огромная разница въ поэтической силѣ! Лучшій періодъ его злосчастной жизни—три года, проведенные на Кавказѣ, главнымъ образомъ, выразились въ двухъ забытыхъ даже по имени большихъ поэмахъ («Эрпели» и «Чиръ-Юртъ»), совершенно лишенныхъ литературнаго интереса. Роскошныя краски юга и войны почти ничего не дали исключительно субъективному таланту Полежаева. Объективное, эпическое, отвлеченное—ему безусловно не удается и въ кавказскихъ поэмахъ дарованіе его прорывается только въ немногихъ лирическихъ изліяніяхъ, вызванныхъ воспоминаніемъ о своей судьбѣ. Поэтическое вдохновеніе Полежаева получало силу и полётъ только тогда, когда онъ лично «погибалъ», а «злобный геній» его жизни «торжествовалъ». Перлы его поэзіи: «Вечерняя заря», «Пѣснь Прокезца», «Цѣпи», «Пѣснь погибающаго пловца», «Ожесточенный», «Провидѣніе», «Негодованіе», «Отчаяніе», «Къ моему генію», «Тоска»—все это исключительно отзвуки печальныхъ моментовъ жизни поэта, которому суждено было такою дорогою цѣною купить свое литературное значеніе.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что, говоря о роли Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Полежаева, мы игнорируемъ довольно большой отзывъ Бѣлинскаго 1838 года (т. IV, ст. № 304). Затерянный въ почти никѣмъ не

читаемомъ „Моск. Наблюдателѣ", этотъ отзывъ въ свое время не былъ замѣченъ, а впослѣдствіи, при изданіи соч. Бѣлинскаго и Полежаева, совершенно стушевался предъ статьею 1842 года. По существу же, отзывъ 1838 года гораздо больше является выраженіемъ крайнихъ предѣловъ увлеченія теоріей „разумной дѣйствительности" (см. т. IV, стр. 547 и слѣд.), чѣмъ оцѣнкой Полежаева.

123) Стр. 204. «Отеч. Зап.» 1842, № 5. Въ изд Солдатенкова вошло съ большими сокращеніями.

124) Стр. 205. Объ этомъ, направленномъ противъ Булгарина, водевилѣ см. т. V, статью № 501.

125) Стр. 206. См. т. V, стр. 510.

126) Стр. 207. На этотъ разъ Булгаринъ хвасталъ, имѣя на то право. См. т. V, примѣч. 228.

127) Стр. 208. Намеки на дезертирство Булгарина изъ Испаніи, гдѣ онъ былъ въ числѣ польскихъ легіонеровъ Наполеоновской арміи.

128) Стр. 213. Ср. прим. 254.

129) Стр. 214. «Отеч. Зап.» 1842, № 5. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Бѣлинскій продолжаетъ упорно преслѣдовать Алипанова (ср. прим. 109). Мы вернемся еще къ нему по поводу статьи Бѣлинскаго о немъ 1843 года.

130) Стр. 214. «Отеч. Зап.» 1842, № 5. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Намъ еще придется коснуться **грубо-враждебнаго отношенія Бѣлинскаго къ малорусской литературѣ** (ср. т. VI, ст. № 536). Покамѣстъ отмѣтимъ, что настоящая замѣтка едва ли не самое поразительное изъ всего того, что писалъ Бѣлинскій по этому вопросу. Замѣтка о „*Гайдамакахъ*" *Шевченки* до сихъ поръ не была извѣстна, потому что, руководствуясь объемомъ, изданіе Солдатенкова пренебрегло ею «по незначительности». Но при составленіи списка немногочисленныхъ промаховъ Бѣлинскаго, замѣтка должна стать рядомъ съ его поразительнымъ совѣтомъ Лермонтову выбросить изъ собранія своихъ стихотвореній «Ангела» (см. т. V, прим. 118). Въ настоящей замѣткѣ Бѣлинскій не имѣетъ и отдаленнаго представленія о томъ, что глумится надъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ поэтовъ всего славянства.

131) Стр. 216. «Отеч. Зап.» 1842, № 5. Въ изданіе Солдатенкова не вошло.

132) Стр. 217. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Большую статью о Полежаевѣ см. выше, ст. № 603.

133) Стр. 218. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. О любви Бѣлинскаго къ преферансу намъ еще придется говорить.

134) Стр. 218. «Отеч. Зап.» 1842, № 6. По ошибкѣ, въ текстѣ передъ этою статьею поставлена звѣздочка.

135) Стр. 223. «Отеч. Зап.» 1842, № 6. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Помѣщаемъ эту рецензію потому, что она значится въ Галаховскихъ спискахъ (см. т. IV, прим. 197). Но, признаться, мы не особенно убѣждены въ томъ, что рецензія дѣйствительно принадлежитъ Бѣлинскому. За исключеніемъ 3–4 строкъ, совсѣмъ не его слогъ. Слишкомъ авторитетны сужденія о живописи, наконецъ, совершенно непонятно нѣжное отношеніе къ «Автору путешествія къ святымъ мѣстамъ», т. е. грубому святошѣ Андрею Муравьеву. Бѣлинскій въ 1842 году уже вышелъ изъ полосы симпатій къ этого рода писателямъ.

136) Стр. 224. «Отеч. Зап.» 1842, № 6. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Большую статью о Никитенкѣ см. дальше, статью № 643.

137) Стр. 225. Тамъ же.

138) Стр. 226. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

139) Стр. 227. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

140) Стр. 227. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

141) Стр. 227. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

142) Стр. 228. «Отеч. Зап.» 1842, № 6.

143) Стр. 229. Важное біографическое сообщеніе. Бѣлинскій, какъ мы узнаемъ здѣсь, не только былъ сотрудникомъ журнала, но и участвовалъ въ редакціи, читая рукописи.

144) Стр. 233. Къ *Леопольду Васильевичу Бранту*, котораго такъ уничтожаетъ Бѣлинскій, намъ еще придется вернуться по поводу другихъ отзывовъ о немъ Бѣлинскаго.

145) Стр. 233. «Отеч. Зап.» 1842, № 6. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

146) Стр. 235. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ сокращеніями.

147) Стр. 238. Тамъ же.

148) Стр. 238. См. выше статью № 604.

149) Стр. 239. Рѣчь о пьесѣ Булгарина «Шкуна Нюкарлеби» поставленной въ 1841 г. Вольфъ въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» сообщаетъ: «1-го сентября въ бенефисъ Самойлова театръ былъ биткомъ набитъ. Толпа собралась ради ожидаемаго скандала. Слухъ носился, что хотятъ торжественно ошикать «Шкуну Нюкарлеби» Ѳ. В. Булгарина. Однако же вслѣдствіе усиленнаго полицейскаго надзора, демонстрація противу Ѳаддея Венедиктовича не состоялась. Шикать никто не посмѣлъ, а напротивъ того благонамѣренная часть публики безпрепятственно вызвала автора и онъ восторжествовалъ. Въ фельетонѣ «Пчелы» Булгаринъ заявилъ, что онъ пьесѣ своей значенія не придаетъ и успѣхъ приписываетъ только любви публики къ нему, ясно выразившійся громкимъ вызовомъ, несмотря на происки завистниковъ». (Т. I, стр. 95).

150) Стр. 246. «Отеч. Зап.» 1842, № 7. По ошибкѣ, въ текстѣ предъ этою статьею поставлена звѣздочка.

151) Стр. 247. Литературный портретъ Полевого (см. прим. 16), а рѣчь о «прямой критикѣ» и здѣсь и дальше—конечно, исторія критической дѣятельности самого Бѣлинскаго. Дальше о Булгаринѣ и Гречѣ.

152) Стр. 248. Объ этихъ нападкахъ на Гоголя см. т. III, стр. 508.

153) Стр. 249. По нашему изданію, т. V, статья № 447.

154) Стр. 251. О прославленіи Бѣлинскимъ «Отеч. Записокъ» см. т. VI, прим. 315.

155—156) Стр. 252. Оцѣнилъ, конечно, Бѣлинскій еще въ «Телескопѣ» (см. т. II, прим. 257). А съ переходомъ въ «Отеч. Зап.» вся критическая дѣятельность Бѣлинскаго становится непрерывнымъ дионрамбомъ Гоголевскаго направленія и обороною Гоголя противъ литературнаго старовѣрства и утратившихъ чутье критиковъ, вродѣ Полевого. Той новой большой статьи, о которой мечталъ Бѣлинскій, ему не пришлось написать.

157) Стр. 252. Въ «Отеч. Зап.» появился рядъ посмертныхъ стихотвореній Лермонтова.

158) Стр. 258. При всей своей бѣглости и многочисленныхъ полемическихъ отступленіяхъ въ сторону, замѣтка о «Мертвыхъ Душахъ» имѣетъ, все-таки, историческое значеніе, потому что первая дала надлежащій общій тонъ. Пока публика недоумѣвала, Бѣлинскій провозгласилъ «Мертвыя Души» велп-

кимъ произведеніемъ и намѣтилъ основное значеніе ихъ какъ выраженія вѣрно-понятой любви къ родинѣ.

Трудно понять, почему не привелъ Бѣлинскій въ исполненіе дважды категорически высказаннаго въ настоящей замѣткѣ намѣренія написать большую статью о новомъ произведеніи. Вѣроятно его настроеніе разбилъ рядъ полемическихъ статей по поводу «Мертвыхъ Душъ», которыя ему пришлось писать. (См. дальше статьи №№ 639, 655, 657, 666, 668).

159) Стр. 258. Въ «Отеч. Зап.» и въ изд. Солдатенкова это вступленіе въ обзоръ дальнѣйшихъ книгъ какъ бы сливается съ предыдущею статьею о «Мертвыхъ душахъ», хотя и отдѣляется отъ нея чертою. Намъ казалось болѣе удобнымъ дать этому вступленію особое заглавіе, которое ввиду того, что оно дано нами, а не журналомъ, ставимъ въ скобки. Въ изд. Солдатенкова вступленіе сокращено.

160) Стр. 259. Тутъ получается нѣкоторая неясность: «осмотръ» дальнѣйшимъ книжкамъ, суди по спискамъ Галахова (т. IV, прим. 197), дѣлаетъ не Бѣлинскій, а Галаховъ и Кудрявцевъ, писавшіе, вообще, рецензіи о книгахъ, появившихся въ Москвѣ. Выходитъ, такимъ образомъ, что Бѣлинскій сдѣлалъ вступленіе къ чужимъ рецензіямъ и сказавши «итакъ, начнемте нашъ обзоръ», въ обзорѣ этомъ не участвуетъ, такъ какъ разбираемый послѣ «макарьевскихъ» произведеній Вороновъ къ числу «макарьевскихъ» авторовъ не принадлежитъ.

161) Стр. 259. «Отеч. Зап.» 1842, № 7. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

162) Стр. 261. «Отеч. Зап.» 1842, № 7. Отзывъ о первой тетради см. выше статью № 614

163) Стр. 262. Эти нѣсколько строкъ слѣдуетъ причислить къ самымъ блестящимъ проявленіямъ эстетическаго чутья Бѣлинскаго. Съ какимъ литературнымъ безстрашіемъ онъ не постѣснился приравнять легенду величайшаго поэта къ смѣхотворно-бездарнымъ стихамъ Бориса Федорова! И онъ былъ безусловно правъ, хотя и не потому, что «легенда» плоха, а потому, что она появилась въ самомъ изуродованномъ видѣ и прескверной передачѣ. Даровитый переводчикъ Струговщиковъ совершенно неузнаваемъ въ этихъ виршахъ. Приводимъ ихъ, потому что ни самой «легенды», ни перевода Струговщикова нѣтъ въ русскихъ изданіяхъ сочиненій Гете.

Жилъ въ Греціи мудрецъ Платонъ,
Имѣлъ обыкновенье онъ,
Съ живымъ примѣромъ пополамъ,
Внушать своимъ ученикамъ,
Завѣты мудрости святой,
Отъ вѣка сущей и благой.
Случалось, что они, въ одинъ
День лѣтній, вышли изъ Аѳинъ;
Дорогою мудрецъ глядитъ —
Монета мѣдная лежитъ.
„Возьми“,– Ктезиппу онъ сказалъ
И на монету указалъ;
Но тотъ не изъ послушныхъ былъ,
Спины погнуть не разсудилъ.
Быть можетъ, нашъ тогда герой
Мечталъ о жизни неземной,
Иль думалъ царствомъ управлять..

Когда жъ тутъ спину нагибать?
И вотъ, въ примѣръ ученикамъ,
Платонъ беретъ монету самъ:
Когда селеньемъ проходилъ,
Онъ вишень на нее купилъ,
И какъ находка ни бѣдна,
А вишень стоила она,
Себя онъ ими прохлаждалъ,
И путь свой далѣ продолжалъ.
День жаркій былъ и часъ таковъ,
Что каждый изъ учениковъ,
Годъ жизни радъ былъ уступить,
Чтобъ только жажду утолить.
„Постой же!“—молвилъ нашъ мудрецъ,
И дѣлу далъ такой конецъ:
Одну онъ вишню обронилъ
И вслѣдъ другую опустилъ:
Шагнуть учитель не успѣлъ,
Ктезиппъ нагнулся—взялъ и съѣлъ.
Мудрецъ продѣлку повторилъ,
Тотъ снова спину наклонилъ,
И сколько разъ онъ ни ронялъ,
Тотъ столько спину нагибалъ.
Тогда божественный Платонъ,
Такъ изстари зовется онъ,
Сказалъ Ктезиппу: «другъ, смирись,
«И ниже долу поклонись!
«По крошкѣ крохи собирай,
«Да чаще спину нагибай».
И изъ любви къ нему прямой,
Прибавилъ онъ съ улыбкой злой:
Кто рано малымъ небрежетъ,
За малымъ послѣ спину гнетъ.

Прелестная въ подлинникѣ «Легенда» Гете тутъ совершенно неузнаваема. Въ дѣйствительности, въ ней рѣчь не про Платона и Ктезиппа, а про Христа и апостола Петра. Въ тѣ времена цензура не допускала и самаго мимолетнаго прикосновенія къ священнымъ предметамъ не въ каноническомъ тонѣ. Немыслимо поэтому было даже и попытаться переводить дословно и нельзя за это обвинять Струговщикова. Вмѣстѣ съ тѣмъ сущность разсказа и поученія передана Струговщиковымъ въ общемъ вѣрно, но дѣло-то въ томъ, что прелесть Гетевской легенды заключается въ ея тонѣ: она написана въ стилѣ народныхъ легендъ и съ удивительнымъ мастерствомъ передаетъ наивность народнаго творчества:

Als noch, verkannt und sehr gering,
Unser Herr auf der Erde ging
Und viele Jünger sich zu ihm fanden,
Die sehr selten sein Wort verstanden,
Liebt er sich gar über die Massen
Seinen Hof zu halten auf den Strassen,
Weil unter des Himmels Angesicht

Man immer besser und freier spricht.
Er liess sie da die höchsten Lehren
Aus seinem heiligen Munde hören
Besonders durch Gleichniss und Exempel
Macht er einen jeden Markt zum Tempel и т. д.

Особенно хорошъ по своему добродушному юмору (а у Струговщикова «прибавилъ онъ съ улыбкой злой»!) конецъ:

Nun ging's zum anderen Thor hinaus,
Durch Wies' und Felder ohne Haus;
Auch war der Weg von Bäumen bloss;
Die Sonne schien, die Hitz' war gross,
So dass man viel an solcher Stätt'
Für einen Trunk Wasser gegeben hätt'.
Der Herr geht immer voraus vor allen,
Lasst unversehens' ne Kirsche fallen.
Sankt Peter war gleich dahinter her
Als wenn es ein goldner Apfel wär':
Das Beerlein schmeckte seinem Gaum.
Der Herr, nach einem Kleinen Raum,
Ein ander Kirschlein zur Erde schickt,
Wornach Sankt Peter schnell sich bückt.
So lässt der Herr ihn seinen Rücken,
Gar vielmal nach den Kirschen bücken.
Das dauert eine ganze Zeit.
Dann sprach der Herr mit Heiterkeit:
«Thätst du zur rechten Zeit dich regen
Hätt'st bequemer haben mögen.
Wer geringe Dinge wenig acht't,
Sich um geringere Mühe macht».

Отъ всей этой превосходно выдержанной простоты и наивности въ передѣлкѣ Струговщикова не осталось и малѣйшаго слѣда и, какъ совершенно вѣрно выяснилъ Бѣлинскій, получилась пошлая дѣтская побасенка.

Бѣлинскій, очевидно, не имѣлъ никакого представленія о подлинникѣ. Иначе онъ не сталъ бы говорить о томъ, что «Платонъ рѣшительно не похожъ на себя». Очевидно онъ и не подозрѣвалъ, что никакого Платона у Гете нѣтъ. Онъ судилъ по непосредственному чутью, которое и выказало себя здѣсь съ самой блестящей стороны..

164) Стр. 262. Ср. прим. 16.

165) Стр. 263. «Отеч. Зап.» 1842, № 7. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ въ концѣ примѣровъ дурного перевода. На этотъ разъ Бѣлинскій снисходительнѣе обыкновеннаго къ Поль-де-Коку.

166) Стр. 264. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

167. Стр. 265. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

168) Стр. 265. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

169. Стр. 266. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Включаемъ эту рецензію, руководствуясь Галаховскими списками (см. т. IV, прим. 197). Но также какъ относительно статьи № 611 (см. выше, примѣч. 133), мы не убѣждены, что она дѣйствительно принадлежитъ Бѣлинскому. Странный для Бѣлинскаго слогъ: «слѣдственно», «твореніе» и т. д., да весь тонъ черезчуръ уже торжественный.

170) Стр. 268. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Первый отзывъ см. выше статью № 611. Высказанныя въ примѣчаніи 135 сомнѣнія по поводу перваго отзыва вполнѣ приложимы и ко второму отзыву.

171) Стр. 269. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Къ «Нашимъ» мы еще вернемся въ слѣдующихъ томахъ. Ср. пр. 254.

172) Стр. 269 «Отеч. Зап.» 1842, № 7. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

173) Стр. 270. Даже отрѣшившись отъ прежняго преклоненія предъ «разумною дѣйствительностью», Бѣлинскій все еще очень далекъ отъ политическаго радикализма. О политическомъ міросозерцаніи Бѣлинскаго ср. т. VI, прим. 89.

174) Стр. 270. Въ «Отеч. Зап.» по ошибкѣ или опечаткѣ «Торню». Мы исправили на Торнео, но по опечаткѣ получилось тоже невѣрное *Торног*.

175) Стр. 270. Рѣчь о «Лѣтней прогулкѣ по Финляндіи и Швеціи въ 1838 г.». Булгарина (Спб. 1839, 2 ч.).

176) Стр. 270. «Отеч. Зап.» 1842, № 7. По ошибкѣ, № настоящаго примѣчанія не поставленъ при заглавіи статьи «Журнальныя и литературныя замѣтки».

177) Стр. 271. Булгаринъ издавалъ сборникъ «Комары». (См. выше статью № 604).

178) Стр. 273. Михаилъ Дмитріевъ вскорѣ отомститъ Бѣлинскому за его насмѣшки (см. дальше стр. 510). Изъ двухъ эпиграммъ первая напечатана въ «Москвитянинѣ» (1842, № 3) и, конечно, направлена противъ Полевого, который поспѣшилъ отвѣтить ему такою же сомнительнаго остроумія эпиграммою въ своемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1842, № 4). Упоминаемый въ отвѣтной эпиграммѣ Фреронъ—жестоко осмѣянный Вольтеромъ французскій критикъ, противникъ энциклопедистовъ.

179) Стр. 273. Скрывшись подъ псевдонимомъ Ѳеофилакта Косичкина, Пушкинъ въ „Телескопѣ“ 1831 г. (№ 15) напечаталъ убійственную для Булгарина статью „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“. Цензура не разрѣшила издателямъ посмертнаго собранія сочиненія Пушкина включить эту статью и Бѣлинскому приходится говорить не о Пушкинѣ, а о Косичкинѣ.

180) Стр. 275. Чрезвычайно любопытно сравнить теперешнее отношеніе Бѣлинскаго къ статьѣ Вяземскаго о „Ревизорѣ“ съ тѣмъ совершенно непонятнымъ извращеніемъ ея смысла, которое мы отмѣтили въ прим. къ статьѣ № 231 (т. III, прим. 62). Подтверждается, такимъ образомъ, вполнѣ наша догадка, что Бѣлинскому тогда просто что-то попритчилось.

181) Стр. 276. „Отеч. Зап.“ 1842, № 8. На этотъ разъ Бѣлинскій отнесся къ благотворительному сборнику безъ того благодушія, которымъ проникнутъ отзывъ о II томѣ „Бесѣды“. См. т. VI, ст. № 558.

182) Стр. 281. Вотъ это мѣсто:

„Народу множество по корридорамъ. Мы отнеслись къ назначенному лицу и тотчасъ были посажены на мѣста. Зала длинная, по двумъ стѣнамъ которой стоятъ лавки одна надъ другой для членовъ. При входѣ скамейки для посѣтителей. Прямо, противъ насъ, сидѣлъ, такъ называемый, ораторъ, который, однакожъ, ничего не говоритъ, въ огромномъ парикѣ, Лефевръ. Къ его столу приходили безпрестанно члены и уходили, а сидѣли въ шляпахъ. Мнѣ указали входившаго *Оконеля*. Человѣкъ, лѣтъ за пятьдесятъ, съ полнымъ лицомъ, въ шляпѣ на-бокъ; сюртукъ едва застегивается, кажется, онъ только-что съ жирнаго обѣда. По наружности похожъ на пивовара, и никто не предположитъ въ немъ „великаго агитатора“. Говорили нѣсколько человѣкъ съ своихъ мѣстъ, но вотъ

подходитъ къ ораторскому столу лордъ *Станлей*, котораго я очень радъ былъ увидѣть (человѣкъ почти молодой, около сорока лѣтъ, бѣлокурый, въ короткомъ сюртукѣ), и начинаетъ говорить объ ученомъ преобразованіи. Кстати случилось намъ послушать его. Онъ положилъ на столъ свертокъ бумагъ и изрѣдка справлялся съ ними. Сосѣдъ мой ругалъ лорда Станлея и безпрестанно приговаривалъ: „Вотъ онъ чего хочетъ! Какъ же! Хорошъ!“ и тому подобное. Члены его партіи и противники выражали очень часто свое удовольствіе и неудовольствіе громкими криками — междометіями, точно какъ у насъ слышатся иногда на улицахъ, въ рядахъ, или на охотѣ, когда псари пускаются на зайцевъ. Иностранцу странно слышать такіе дикіе вопли въ высшемъ совѣтѣ государства, среди самыхъ важныхъ разсужденій. Рѣчь Станлеева продолжалась очень долго. Хотя скучно стало слушать, однако я досидѣлъ до конца ея, какъ ни звалъ меня товарищъ въ театръ смотрѣть Ричарда III. Можетъ быть Ричарда я увижу и послѣ, а случая въ парламентъ другаго не найдешь. Но вотъ онъ, наконецъ, кончился, и лордъ *Морнеръ* подходитъ къ столу отвѣчать ему.

Образъ произношенія у англичанъ совершенно другой. Чувствуешь, что здѣсь хозяйствуетъ разсудокъ и заботится только о пользѣ. Ударенія, движенія иныя. Англичане какъ будто не говорятъ, а считаютъ и подводятъ итоги. Я желалъ бы знать, впрочемъ, какое значеніе имѣютъ эти рѣчи, если впередъ бываетъ извѣстно число голосовъ pro и contra. Слѣдовательно, это только одна проформа: дѣло рѣшается заранѣе. А съ другой стороны, нельзя имъ обойтись и безъ рѣчей“. („Рус. Бесѣда“, т. III, Спб. стр. 12—13).

Спутникъ Погодина по поѣздкѣ въ Лондонъ—Шевыревъ не преминулъ бы отпустить какія-нибудь ядовитости насчетъ парламентскаго правленія, а Погодинъ, по своему обыкновенію, написалъ нѣчто такое ничтожное и несуразное, что оставалось только въ недоумѣніи развести руками.

183) Стр. 283. Сенковскій, какъ извѣстно, былъ главнымъ заправилой „Библіотеки для Чтенія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ Гречемъ и Булгаринымъ, однимъ изъ главныхъ виновниковъ разворенія добродушно-благоговѣвшаго передъ писателями Смирдина.

184) Стр. 283. «Отеч. Зап.» 1842, № 8. Въ изд. Солдатенкова не вошло. О «Макарьевскихъ» романахъ см. выше, статью № 623.

185) Стр. 284. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

186) Стр. 285. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ сокращеніями.

187) Стр. 286. Тамъ же.

188) Стр. 287. Перемѣна орѳографіи. Прежде „Отеч. Зап.“ не только писали петербуржцы, но вообще были извѣстны своимъ пристрастіемъ къ буквѣ *Ж*. Извѣстный острякъ, другъ Пушкина, Соболевскій, предлагалъ переименовать издателя „Отеч. Зап.“ Краевскаго въ Краежскаго.

189) Стр. 292. О прежнихъ тѣсно-дружескихъ отношеніяхъ между Бѣлинскимъ и Константиномъ Аксаковымъ см. дальше примѣч. 304.

190) Стр. 292. „Отеч. Зап.“ 1842, № 8. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

191) Стр. 293. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

192) Стр. 294. Тамъ же.

193) 294. Послѣ этого идетъ еще маленькая замѣтка, тоже, какъ будто, принадлежащая Бѣлинскому. Но она не включена въ Галаховскіе списки (г. IV, прим. 197) и потому мы даемъ ее только здѣсь, въ примѣчаніяхъ. Эти немногія строки, къ тому же, представляютъ и нѣкоторый фактическій интересъ:

„Вообще, въ „Сѣв. Пчелѣ“ такъ много накопилось интереснаго, что непремѣнно надо, въ пособіе будущему историку комеражной исторіи русской литературы (которая, говорятъ, уже написана извѣстнымъ сочинителемъ, почерки писателей уже налитографированы, и

все готово къ печати), составить изъ нихъ нѣчто цѣлое и отдѣльное. Особенно интересна новая выходка „Сѣв. Пчелы“ на „Мертвыя Души“, а вмѣстѣ съ ними и на „Отеч. Записки“. Тамъ спрашиваютъ, между прочимъ, что значитъ выраженіе Гоголя: „омутъ ежедневно-вращающихся образовъ“. На это мы дадимъ самый удовлетворительный отвѣтъ въ слѣдующей книжкѣ „Отеч. Записокъ“, но для этого намъ нужно позапастись фактами изъ „Сѣверной Пчелы“.

Такого отвѣта нѣтъ ни въ слѣдующей, ни въ дальнѣйшей книжкѣ „Отеч. Зап.“ и это даетъ еще одно основаніе приписать приведенныя строки Бѣлинскому. Ему часто, во время писанія одной статьи, приходило желаніе написать другую, и онъ тутъ же сообщалъ о своихъ намѣреніяхъ, но далеко не всегда приводилъ ихъ въ исполненіе. Слухъ о „комеражной исторіи русской литературы“, повидимому, шутка.

194) Стр. 294. «Отеч. Зап.» 1842, № 9.

195) Стр. 296. «Дѣйствительность», прославляемая здѣсь Бѣлинскимъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою пресловутою „разумною дѣйствительностью“, о которой см. подробнѣе т. IV, стр. 547 и дальше. Какъ мы уже и тамъ отмѣтили, Бѣлинскаго и въ эпоху гегельянско-консервативнаго бѣсованія прельщало въ апоѳеозѣ „дѣйствительности“ прославленіе живой жизни. Теперь же все это прямо уже переходитъ въ требованіе реализма, научнаго и литературнаго.

196) Стр. 298. Тутъ уже прямо и опредѣленно поставлена формула идейнаго искусства. Какая разница между тѣмъ, что 3 года тому назадъ говорилось о «лазаретной поэзіи (см. т. IV, стр. 47) и теперешнимъ требованіемъ отъ искусства, чтобы оно было «воплемъ страданія». Ср. прим. 198.

197) Стр. 302. Бѣлинскій пока еще вполнѣ денстъ.

198) Стр. 303. Если статья о Никитенкѣ вообще должна считаться совершенно уже опредѣлившимся выраженіемъ **литературныхъ взглядовъ второго періода дѣятельности Бѣлинскаго**, то настоящее мѣсто является даже своего рода литературнымъ манифестомъ. Не часты въ исторіи литературы подобнаго рода отреченія. «Вѣрность своимъ взглядамъ» поднесь считается во всѣхъ литературныхъ лагеряхъ основною добродѣтелью всякаго «серьезнаго» писателя. Но Бѣлинскій прежде всего былъ искатель истины; онъ былъ фанатикъ извѣстныхъ идей только до тѣхъ поръ, пока ихъ считалъ вѣрными; онъ ни на одну минуту не колебался отречься отъ нихъ коль скоро мучительный процессъ выработки другихъ взглядовъ завершался и приводилъ его къ иному воззрѣнію.

199) Стр. 303. Зоологъ съ этимъ не согласится. Природа никуда ничего не прячетъ. Между глубоководными имѣются прекраснѣйшія породы, а безобразнѣйшій носорогъ подъ землею не прячется.

200) Стр. 304. Лозунгъ завершительнаго періода дѣятельности Бѣлинскаго поставленъ, наконецъ, прямо и опредѣленно. Съ тою же категоричностью, съ которою еще такъ недавно (ср. VI, прим. 2, 7, 9) провозглашенъ былъ принципъ „искусство для искусства“, онъ теперь объявляется враждебнымъ духу «нашего вѣка».

201) Стр. 305. Все ростетъ преклоненіе предъ Жоржъ-Зандъ, для которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ не было достаточно позорящихъ словъ (ср. VI, прим. 228).

202) Стр. 306. Запомнимъ этотъ важнѣйшій пунктъ новыхъ литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго—**искусство какъ отраженіе жизни.**

203) Стр. 306. Конечно, Булгаринъ.

204) Стр. 307. По адресу Сенковскаго-Брамбеуса.

205) Стр. 312. И такъ съ полною опредѣленностью провозглашено здѣсь идейное, но вмѣстѣ съ тѣмъ *свободно-идейное* искусство, результатъ того, что писатель ни въ коемъ случаѣ не пѣвчая птица, а человѣкъ своего времени, который не можетъ не волноваться тѣмъ, что волнуетъ всякаго заурядnаго человѣка данной эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашена *святость* искусства, не та святость, которая изъ искусства создаетъ самодовлѣющій кумиръ, а та, что служеніе искусству дѣлаетъ однимъ изъ видовъ *добродѣтели*.

206) Стр. 313. «Отеч. Зап.» 1842, № 9. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Большую статью о Баратынскомъ см. дальше № 676.

207) Стр. 313. «Отеч. Зап.» 1842, № 9. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Плоховатая драма, конечно, *И* (Ивана Ивановича) Лажечникова. Объ отзывѣ, на который здѣсь ссылается Бѣлинскій, см. прим. 337.

208) Стр. 313. Тамъ-же. Въ изданіи Солдатенкова помѣщено съ произвольными сокращеніями.

209) Стр. 317. „Отеч. Зап.“. 1842, № 9. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

210) Стр. 317. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

211) Стр. 318. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

212) Стр. 318. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Первые отзывы см. статьи №№ 611 и 631.

213) Стр. 319. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Намѣреніе написать большую статью о соч. Ранке не было приведено въ исполненіе.

214) Стр. 319. Тамъ же.

215) Стр. 320. Впервые Бѣлинскій употребляетъ этотъ терминъ, которому суждено было получить такую знаменитость. Но здѣсь онъ, все таки, употребленъ еще въ тѣсномъ смыслѣ друга славянскихъ народностей, а не въ смыслѣ представительства *русской* общественно-политической партіи.

216) Стр. 320. Бѣлинскій почему-то беретъ тутъ на себя отвѣтственность за мысли, вовсе не имъ высказанныя и притомъ мысли весьма сомнительнаго достоинства. Въ № 10 «Отеч. Зап.» за 1841 г. появилась рецензія на актовую рѣчь профессора Ришельевскаго Лицея Михаила Соловьева «О развитіи русской жизни въ отношеніи къ законодательству». Рецензентъ сердито отмѣчаетъ, что авторъ

«Заботился только о частомъ повтореніи своей любимой мысли, которая вся заключается въ неисчерпаемой любви къ „міру Славянскому“. Признаемся, что касается до міра русскаго, то никому не уступимъ въ любви къ нему, но міръ Славянскій для насъ не тоже, что Россія... Намъ скажутъ, что и Русскіе и Малороссіяне—Славяне: нѣтъ, не Славяне, а просто Русскіе, благоденствующіе подъ сѣнію одного и того-же двуглаваго орла, одной и той же властительной державы. Что же касается до другихъ Славянъ, то мы и ихъ любимъ, какъ людей, въ той мѣрѣ, въ какой они люди; но особенной страсти къ нимъ не можемъ питать, *тѣмъ болье, что они даже не составляютъ ни націй, ни государствъ, но суть достояніе Турковъ и Нѣмцевъ*» („От. Зап.“ 1841, № 10, отд. VI, 49).

Это дикое «тѣмъ болѣе» возводится въ цѣлую теорію въ концѣ рецензіи, гдѣ задолго до Бисмарка провозглашается такая формула:

„Что же касается до такъ называемаго „славянскаго міра“—онъ лучше всего доказываетъ превосходство европейскаго начала передъ азіатскимъ: Россія всемогуща и безъ всякой борьбы на вѣчныя времена слила съ собою Малороссію, Бѣлоруссію и Литву и пр. Если нѣмцы владѣютъ значительною частью славянскихъ племенъ, то опять таки силою своего образованія. Если, наконецъ, турки владѣютъ значительною частію славянскихъ племенъ

то опять-таки потому, что Турція есть государство, каково бы оно ни было, а какіе-нибудь Болгары—полудикое племя. *Сила есть право, и право есть сила: таковъ законъ историческаго тяготѣнія, и если племя или народъ лишается свободы, значитъ зерно его субстанціи такъ хило и дряхло, что не въ состояніи собственною силою развиться до государственной формы и до самостоятельнаго значенія*" (ib., стр. 53).

Этотъ циничный апоѳеозъ силы несомнѣнно представляютъ собою отрыжку и послѣдніе отголоски теоріи «разумной дѣйствительности» (см. т. IV, стр. 547 и слѣд.). Тутъ уже въ полной мѣрѣ не только все «дѣйствительное» разумно», но и «все *существующее* разумно».

Конечно, все это было только одно теоретезированіе; конечно, и самъ ратовавшій за «образованіе» рецензентъ съ ужасомъ отказался бы отъ своей теоріи, если бы ее захотѣли примѣнить не къ «полудикому племени» Болгаръ, а напр. къ итальянцамъ, разстрѣляннымъ или гнившимъ въ австрійскихъ тюрьмахъ за попытки освободиться отъ австрійскаго ига.

Но въ томъ и заключается историко-литературный интересъ этого весьма любопытнаго для характеристики партій того времени эпизода, что онъ показываетъ какъ часто партійное ожесточеніе спутывало тогда понятія. Принципъ «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ» приводилъ къ самымъ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Сплошь да рядомъ, разъ что попадало подъ защиту «Москвитянина», оно тѣмъ самымъ становилось ненавистнымъ „Отеч. Запискамъ". Въ частности, самое неблагопріятное вліяніе оказала партійная вражда на отношеніе лагеря «Отеч. Записокъ» къ вопросу о народности. Грубое и пресмыкающееся русопетство „Москвитянина" и его защита славянскихъ народовъ въ пику «нѣмцамъ» страшно раздражали защитниковъ европейской культуры, и въ полемической борьбѣ съ этимъ извращеніемъ удары очень часто попадали уже не въ извращеніе, а въ самый принципъ, самъ по себѣ законный и симпатичный. Мы не разъ будемъ имѣть случай подчеркивать такія печальныя полемическія увлеченія, но сейчасъ отмѣченный эпизодъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу самыхъ яркихъ.

«Москвитянинъ» не замедлилъ подхватить выходку „Отеч. Зап." и дважды на нее напалъ. Сначала Шевыревъ въ одномъ мѣстѣ второй части своего «Взгляда на современную русскую литературу» („Сторона свѣтлая") сдѣлалъ такое примѣчаніе, въ которомъ многое безусловно-вѣрно:

„При всеобщемъ нетерпѣніи, съ какимъ ждетъ все молодое учащееся поколѣніе нашихъ ученыхъ путешественниковъ изъ славянскихъ странъ, обнаруживая тѣмъ жаркое сочувствіе къ славянскому міру, мы не могли безъ негодованія и отвращенія читать слѣдующія слова въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ прошлаго года: «Что же касается до другихъ славянъ, мы и ихъ любимъ, какъ людей, въ той мѣрѣ, въ какой они люди; но особенной страсти къ нимъ не можемъ питать, *тѣмъ болѣе*, что они даже не составляютъ ни націй, ни государствъ, но суть достояніе турковъ и нѣмцевъ". Давно-ли вся Европа сочувствовала грекамъ, какъ христіанамъ страдавшимъ подъ игомъ турковъ? Сколько милліонъ славянъ, единовѣрныхъ и сплеменныхъ намъ страдаетъ подъ тѣмъ же несноснымъ игомъ! И насъ увѣряютъ, что мы не должны имъ сочувствовать именно потому, что они страдаютъ: не знаешь чему тутъ болѣе удивляться логикѣ ли, чувству ли, невѣжеству-ли". („Москвитянинъ". 1842, № 3, стр. 189).

Второе нападеніе было сдѣлано вскорѣ—въ 5-й книжкѣ «Москвитянина» за тотъ же 1842 годъ. Здѣсь была напечатана огромная статья о „Денницѣ Новоболгарскаго образованія" Априлова, подписанная *Михаилъ Соловьевъ* и собственно на эту-то статью и отозвался Бѣлинскій. Отчасти, онъ былъ

правъ, когда характеризовалъ Соловьева, какъ «имя неизвѣстное и темное въ литературѣ». Но, все же, совершенно ничтожнымъ противникомъ Соловьева не слѣдовало считать.

Михаилъ Александровичъ **Соловьевъ** (1816—16-го сент. 1856), магистръ петербургскаго университета, съ 1838—1843 былъ профессоромъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія. Кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, напечаталъ вышеназванную актовую рѣчь (Одесса 1841), изъ-за которой сыръ-боръ и разгорѣлся и магистерскую диссертацію «О значеніи Законовъ» (Спб. 1841). Ср. о немъ: 1) *И. С.* въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1856, ч. XCII, 2) «С.-Пет. Вѣд.» 1856, № 258. 3) «Отеч. Зап.» 1841, т. 18, отд. VI, 49. 4) «Москвит.» 1851, ч. I, стр. 142. 5) *Григорьевъ*, «Ист. Спб. унив.». 6) Энц. Словарь Березина.

По существу, Соловьевъ весьма резонно называлъ теорію „сила есть право и право есть сила“ измышленіемъ нѣмецкихъ «гелертеровъ» и не считалъ даже нужнымъ сколько нибудь подробно «говорить о противорѣчіи этой фразы съ нравственно-религіозными понятіями: это яснѣе дня». Онъ ставилъ вопросъ на историко-практическую почву:

„Возьмемъ исторію русскую, положимъ хоть 14 вѣка. Родная наша страна страдала въ то время подъ игомъ монгольскимъ; князья наши вымаливали въ ордѣ свои родовые удѣлы, Русь православная платила тяжкую дань царю невѣрному; однимъ словомъ народъ русскій не имѣлъ свободы, а „если племя или народъ лишается свободы, то это значитъ, по философіи „Отеч. Зап.“, зерно его субстанціи такъ хило и дряхло, что не въ состояніи собственною силою развиться до государственной формы и до самостоятельнаго значенія“ По этому умозаключенію Русь должна была находиться подъ игомъ монгольскимъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ нарушить... „законъ историческаго тяготѣнія“ („Москвит.“ 1842, № 5, стр. 140).

Въ заключеніе Соловьевъ спрашиваетъ:

„Спросимъ только у Отеч. Зап., неужели зерно субстанціи нѣмецкой во время Наполеона было слишкомъ хило и дряхло“ (ib).

Бѣлинскому не было никакой надобности вступаться за рецензію. Не онъ писалъ ее и не онъ теперь былъ апологетомъ силы. Самъ онъ отъ себя вноспіъ тутъ весьма важную поправку о томъ, что сила есть основаніе *историческаго* права, что, конечно, совершенно вѣрно. Но достаточно было того, что Соловьевъ въ своей статьѣ постоянно нападаетъ на нѣмцевъ и выдвигаетъ «славянскую» идею, чтобы Бѣлинскій сразу настроился враждебно.

Враждебное отношеніе къ Славянскимъ народностямъ составляетъ одно изъ печальныхъ послѣдствій, къ которымъ привела Бѣлинскаго и западническій лагерь борьба съ русопетски-славянскимъ «Москвитяниномъ». Въ „Славянской идеѣ“ видѣли только оплотъ обскурантизма и сервильности и изъ-за этого не замѣчали тѣхъ сторонъ вопроса, которыя ни мало не шли въ разрѣзъ съ лучшими завѣтами освободительнаго строя мысли. Грубое отношеніе Бѣлинскаго къ стремленіямъ малороссійскихъ патріотовъ (см. прим. 130 и въ слѣдующихъ томахъ) находится въ прямой связи съ этимъ подозрительнымъ отношеніемъ ко всему „славянскому“.

217) Стр. 321. «Отеч. Зап.». 1842, № 9.

218) Стр. 321. Очевидно, Кайдановъ, о которомъ см. т. II, пр. 121; IV, пр. 44.

219) Стр. 321. См. т. II, прим. 251. Бѣлинскій не точно цитируетъ знаменитый возгласъ Медеи. Надо «moi», а не «c'est moi».

220) Стр. 323. *Петръ Егоровичъ* **Георгіевскій** былъ очень добродушный, но

на рѣдкость бездарный человѣкъ. Для своихъ учениковъ по училищу Правовѣдѣнія и Лицею онъ былъ предметомъ самыхъ жестокихъ издѣвательствъ Разобранное Бѣлинскимъ „Руководство“ (первое изд. 1835) было извѣстно среди нихъ подъ именемъ *„Пепкинаго свинства“*. И такъ какъ курьезное „Руководство“ было выпущено въ двухъ видахъ—болѣе пространномъ и сокращенномъ, то, соотвѣтственно этому, оно еще называлось: «Большое Пепкино свинство» и «Малое Пепкино свинство». Ужъ на что была нетребовательна Россійская Академія (не смѣшивать съ Академіей Наукъ, см. дальше статью № 688), но и она, когда Георгіевскій представилъ первое изданіе на премію, не сочла возможнымъ „поощрить“ его.

Георгіевскій учился въ калужской семинаріи и Педагогическомъ институтѣ, (1811—1815 г.), съ 1816 преподавалъ въ Лицеѣ, сначала въ качествѣ адъюнкта, а съ 1828 г. въ званіи профессора. Позднѣе преподавалъ русскую словесность и въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Кромѣ „Руководства“ Георгіевскій, студентомъ Педагогическаго института, напечаталъ статьи: 1) *Разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ главная цѣль человѣческой жизни.* «Періодич. сочин.» 1814, 39. 2) *Жертва сердечныхъ чувствованій, приносимая питомцами музъ свыше благословенному Александру Освободителю и примирителю Европы.* „С. Отеч.“. 1814, 52.

См. о *П. Е. Георгіевскомъ*: 1) *Селезневъ*, Историч. очеркъ Александров. Лицея, Спб. 1861, стр. 101 и 362. 2) Энцикл. Словарь Брокгаузъ-Ефрона. 3) *Никитенко*, Дневникъ I, 536; III, 199. 4) *Сухомлиновъ*, Ист. рос. академіи, т. VIII. 5) *Плетневъ*, переписка съ Гротомъ, т. I, 119, 559, 562, 584, 598; II, 261, 262, 268, 368; III, 611, 613, 614, 768. 6) *Пыпинъ*, Ист. рус. лит. I, 34. 7) *Бар. Н. А. Корфъ*, Изъ пережитаго. „Рус. Ст.“ 1884, т. 42, май, стр. 378. 8) *Тютчевъ*, Въ училищѣ правовѣдѣнія „Рус. Ст.“ 1885, т. 48, № 11, стр. 443—447, 9) *Яхонтовъ*, Воспоминанія царскосель. лицеиста, „Рус. Ст.“ 1888, т. 60, № 10, стр. 114.

Отзывы о *Руковод. къ изуч. рос. словесности*: 1) Библ. для Чт.“ 1835, XII, отд. VI, 29 и 1837 г., т. 22, отд. V. 2) *Тургеневъ*, „Сѣв. Пч.“ 1835, № 169 и 1836, № 230 и 231. 3) *В. Межевичъ*, „Сѣв. Пчела“ 1836, № 271. 4) *Бѣлинскій* „Отеч. Зап.“ 1842, т. 24, отд. VI, 22 (настоящая статья). 5) *Вал. Майковъ* „Крит. Опыты“, стр. 462.

221) Стр. 323. „Отеч. Зап.“ 1842, № 9. Въ изд. Солдатенкова вышло съ опущеніемъ послѣдней строчки

222) Стр. 324. См. выше статью № 639.

223) Стр. 324. Рѣчь, очевидно, о статьѣ Булгарина, содѣйствовавшей успѣху „Героя нашего времени“. См. т. V, пр. 228.

224) Стр. 325. Бѣлинскій, очевидно, имѣлъ случай ознакомиться съ „Шинелью“ по рукописи. Мы еще коснемся подробнѣе личныхъ отношеній Гоголя и Бѣлинскаго, весьма двусмысленныхъ со стороны Гоголя, поддерживавшаго знакомство съ вліятельнымъ критикомъ, по тайкомъ отъ своихъ друзей изъ „Москвитянина“. Здѣсь же отмѣтимъ, что при всей своей краткости отзывъ о «Шинели» устанавливаетъ за Бѣлинскимъ первенство въ оцѣнкѣ геніальной повѣсти.

225) Стр. 326. «Отеч. Зап.» 1842, № 9.

226) Стр. 327. Надо Rira bien, а не bien rira.

227) Стр. 329. Упрекъ не по адресу. Гоголь, какъ извѣстно, побольше «четверти часа» работалъ надъ своими рукописями. Годами онѣ у него вылеживались и передѣлывались множество разъ.

228) Стр. 329. Въ 1839 г. Гречъ выпустилъ брошюрку «Литературныя Поясненія».

Весьма вѣжливо, со всевозможными комплиментами по адресу «директора» «Библ. для Чтенія», но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма энергично Гречъ доказывалъ, что Сенковскій не знаетъ по-русски и что какъ собственныя статьи его, такъ и другія статьи его журнала полны всевозможныхъ полонизмовъ, барбаризмовъ и т. д. Это былъ отвѣтъ на то, что Сенковскій напалъ на «устарѣлый» слогъ Гречевской «Черной женщины», на «пристрастіе автора къ нѣкоторымъ мертвымъ словамъ», и вообще на «языкъ въ Черной женщинѣ», который «*теперь*, въ глазахъ девяти десятыхъ частей Россіи, можетъ показаться нѣсколько устарѣлымъ, и даже дикимъ». Слово *теперь* Сенковскій не преминулъ пояснить:

„Критикъ“, говоритъ Гречъ въ своей брошюрѣ, „не заставляетъ насъ долго томиться недоумѣніемъ. Съ невыразимымъ простодушіемъ сознательнаго генія онъ прямо говоритъ: „Это несчастіе (обветшалость и одичаніе Гречева слога), которому *мы* отчасти причиною“.

Поздравляемъ! И такъ, вотъ гдѣ усовершеніе, обогащеніе, обновленіе русскаго языка! Въ Библіотекѣ для Чтенія! Она открыла намъ невѣдомыя дотолѣ тайны русскаго слова, она его возродила и вознесла на высшую степень („Литерат. пояснснія“, 6).

Гречъ, въ качествѣ автора популярной грамматики и иныхъ пособій по изученію русскаго языка, считавшій себя однимъ изъ создателей русскаго стиля, не стерпѣлъ обиды. Почти отстрашивъ вопросъ о собственномъ слогѣ, онъ занялся ожесточенною войною „Библ. для Чт.“ противъ *сей* и *оный*, противъ формъ *златой*, *младость* и т. д., показывая, что умѣренная примѣсь славянизмовъ языка не портитъ. Но, главнымъ образомъ, задѣтый стилистъ запался стилемъ самой „Библ. для Чтенія“. Онъ взялъ на выдержку всего только двѣ книжки журнала и цѣлыми десятками выуживалъ изъ нихъ неправильные обороты. Нѣкоторые изъ этихъ указаній Греча въ настоящее время сами производятъ впечатлѣніе курьеза. По его мнѣнію, напр. нельзя сказать „зеленѣютъ лѣса“, а надо говорить „зеленѣ*ются* лѣса“, нельзя сказать „съ *ранняго* утра до вечера“, „*возвращаясь назадъ* въ Каиръ“ („развѣ можно возвращаться впередъ“, спрашиваетъ обличитель); „все это должна быть *сплетня*“ („слово *сплетни* въ единственномъ числѣ не употребляется“!) и т. д. Но большинство указаній Греча совершенно правильно и получается длинный списокъ дѣйствительно поразительнѣйшихъ промаховъ противъ русскаго языка, Въ статьяхъ редактора и сотрудниковъ „Библ. для Чтенія“ встрѣчаются такія слова и выраженія: „путешественникъ *разорялъ всѣ тертьмія*“, „несчапая гора начала *осуваться* къ Нилу“, „всѣхъ здѣшнихъ *крокодилей*“, „я *оплазъялъ*“, „за *испорченіе* переплета“, „*отворилъ* книгу“, и т. д.

Заканчивается брошюра Греча такимъ вѣжливымъ стегаціемъ:

„Никто болѣе меня не уважаетъ отличныхъ дарованій директора Библіотеки для Чтенія; никто не отдаетъ такъ охотно должной справедливости его блистательному уму, его глубокимъ познаніямъ, его примѣрному трудолюбію; никто болѣе меня не радуется его успѣхамъ, но и никто болѣе меня не сожалѣетъ, что такой умный, ученый, образованный, полезный литераторъ берется за дѣло, которое превышаетъ его силы. Нѣтъ стыда признаться, что мы не знаемъ того или другого языка: Томасъ Муръ, Шатобріанъ, Тикъ, Манзони, Тегнеръ ни слова не знаютъ по русски. Уважая директора Библіотеки, но въ то же время страстно любя русскую словесность и правду, прошу его убѣдительно оставить въ покоѣ русскій языкъ, и выбить изъ головы несчастную мысль, что можно быть преобразователемъ языка, когда не знаешь ни духа, ни началъ его“ (стр. 31).

229) Стр. 331. Медленно ростетъ въ общемъ сознаніи всякая идея и не сразу отпадаетъ шелуха старыхъ врожденныхъ понятій. Мы уже не разъ (ср. т. VI, пр.

95) отмѣчали пренсбреженіе къ простому народу, которое такъ странно поражаетъ позднѣйшаго читателя въ Бѣлинскомъ. Вотъ и теперь; онъ уже вступаетъ во второй періодъ своей дѣятельности, которая скоро получитъ характеръ яркой пропаганды демократизма, но для него простой народъ все еще что-то въ родѣ папуасовъ и онъ серьезно считаетъ „упрекомъ“ знакомство съ кучерами. Черезъ нѣсколько лѣтъ Бѣлинскій, задыхаясь отъ негодованія будетъ говорить о всякой попыткѣ пренебрежительно относиться къ простому народу.

230) Стр. 332. Ср. выше (ср. 274—75) цитату изъ Вяземскаго.

231) Стр. 335—338. Мысль издать исторію русской литературы (См. т. VI, статьи 518, 572—75 и примѣчанія къ нимъ) въ концѣ 1842 г. значитъ была еще очень настойчива. Тщательный подборъ цитатъ здѣсь и дальше показываетъ, что подготовлялась очень доказательная статья о Сенковскомъ. Въ перепискѣ Бѣлинскаго мы находимъ и прямыя указанія относительно предполагавшагося изданія книги. Передавая содержаніе письма къ Боткину отъ 20 апрѣля 1842, Пыпинъ (II, 153) сообщаетъ:

«Подъ тайной Бѣлинскій сообщаетъ Боткину, что одинъ изъ его знакомыхъ берется печатать его книгу (исторію русской литературы съ христоматіей), которая была давно имъ задумана: изданіе должно было доставить ему значительную сумму, какъ онъ думалъ, но это предпріятіе не состоялось».

232) Стр. 339. То, что мы сказали въ примѣч. 229-мъ по поводу шелухи старыхъ понятій, иллюстрируется и постоянными укорами Сенковскому его польскимъ происхожденіемъ.

233) Стр. 339. „Отеч. Зап.“ 1842, № 9.

234) Стр. 341. О Лобановѣ см. т. II, прим. 151.

235) Стр. 345. „Отеч. Зап.“ 1842, № 9.

236) Стр. 347. Одно изъ проявленій все еще продолжающагося пренебреженія Бѣлинскаго къ простому народу (ср. прим. 229). Почему не учиться русскому языку у крестьянскихъ дѣтей? Пушкинъ говорилъ, что лучше всего говорятъ по-русски московскія просвирни. Совѣтъ учиться русской рѣчи у крестьянскихъ дѣтей, кажется, принадлежитъ Погодину. (Ср. объ этомъ же стр. 417).

237) Стр. 355. По ошибкѣ, сноска на настоящее примѣчаніе пропущена. Эта сноска должна быть помѣщена во 2-ой строкѣ сверху 355-ой страницы. Бѣлинскій явно неправъ «Русскій Вѣстникъ», конечно, говорилъ о гороскопѣ съ фольклористской точки зрѣнія, какъ о памятникѣ старинаго суевѣрія.

238) Стр. 355. «Отеч. Зап.» 1842, № 10. Въ изданіе Солдатенкова вошло въ очень сокращенномъ видѣ. Особенно пострадали выдержки изъ Сумарокова и перечни его сочиненій.

239) Стр. 355. Формула, достойная того, чтобы ее запомнить. Первая половина ея стала у насъ крылатымъ опредѣленіемъ искусства (см. т. VI, прим. 576). Въ связи съ второй половиной намъ приходилось читать, что Бѣлинскій гдѣ-то сказалъ, что всякій критикъ—недоношенный художникъ. Но мы еще пока не натолкнулись на это мѣсто.

240) Стр. 358, Продолжается безгранично-восторженное отношеніе къ Петру (ср. IV, прим. 74). Бѣлинскій идеализируетъ и личность Петра, котораго знаетъ только по панегирику Голикова. Бѣлинскій будетъ все страстнѣе защищать дѣло Петра, по мѣрѣ того какъ на Петровскую реформу будутъ нападать „Москвитянинъ“ и славянофилы.

241) Стр. 359. Бѣлинскій вналъ тутъ въ ошибку и, какъ мы сейчасъ укажемъ, вѣроятно, назвалъ не то стихотвореніе Державина, которое слѣдовало назвать. Державинская „Арфа“, написанная въ честь игравшей на арфѣ П. М. Бакуниной, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть „передѣлкою одной Шиллеровой пьесы“, потому что представляетъ собою воспоминанія Державина о жизни въ Казани:

Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое.

и т. д. Ср. соч. Державина въ изд. Грота т. II, стр. 189—194.

Но у Державина есть другое стихотвореніе „*Дѣва за Арфою*“, которое, дѣйствительно, представляетъ собою передѣлку Шиллеровскаго юношескаго стихотворенія „Laura am Klavier“, и, очевидно, его и имѣлъ въ виду Бѣлинскій. „Дѣва за Арфою“ относится къ 1805 г. и нѣтъ основанія предполагать, что она переведена или вѣрнѣе передѣлана не съ нѣмецкаго (см. соч. Державина въ изд. Грота, т. II, стр. 540—543).

242) Стр. 360. „Размышленіе по случаю грома“ появилось въ изд. 1803—1805 гг. и представляетъ собою подражаніе Гетевскому „Die Grenzen der Menschheit“. Бѣлинскій ошибается, полагая, что „до патріарховъ нашей поэзіи“ доходили только *„темные слухи* о Шиллерѣ и Гете“. И Шиллеръ и Гете пользовались громкою славою у насъ еще въ концѣ 18 вѣка. Криминалистъ Сандуновъ составилъ себѣ литературное имя вышедшимъ еще въ 1793 г. переводомъ „Разбойниковъ“, имѣвшихъ и крупный сценическій успѣхъ. Первый переводъ „Вертера“ вышелъ уже въ 1781 году, годомъ раньше—въ 1780 году вышелъ переводъ „Клавиго“.

243) Стр. 360. Героиня „Эоловой Арфы“ Жуковскаго.

244) Стр. 361. Извѣстные переводы Батюшкова изъ греческой антологіи частью сдѣланы по переложенію Вольтера (Л. Н. Майковъ, Батюшковъ, стр. 94) и главнымъ образомъ по французскимъ переводамъ С. С. Уварова (см. соч. Батюшкова подъ ред. Л. Н. Майкова и Сантова т. I).

245) Стр. 362. Вѣроятно, надо—*усилія*.

246) Стр. 363. Настоящая статья вообще отличается стилистическими странностями. Можетъ быть это результатъ большой спѣшности, отпечатокъ которой очень замѣтенъ на всей статьѣ, а можетъ быть тутъ просто много типографскихъ ошибокъ. Что значитъ «дать фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики»?

247) Стр. 365. Надо-бы тутъ поставить для сохраненія произношенія 18 вѣка, удареніе на первомъ словѣ—*Вóльтеромъ*.

248) Стр. 381. Дальше этотъ же Мотонисъ называется Матонисомъ. Надо Мотонисъ (Николай Николаевичъ, членъ академіи наукъ, переводчикъ и сотрудникъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ Миллера).

249) Стр. 385. Въ этой односторонности больше всего повинепъ самъ Бѣлинскій со своимъ столь недавнимъ еще безграничнымъ преклоненіемъ передъ «искусствомъ для искусства (ср. VI, пр. 2, 7, 9). Теперь онъ въ этомъ кается—сънаибольшею энергіею, какъ мы увидимъ, въ письмахъ, но нерѣдко и въ печати. Въ настоящемъ мѣстѣ, говоря о „свѣжихъ умахъ“, онъ, конечно, ведетъ рѣчь о себѣ.

250) Стр. 386. Уловленіе *общаго хода* нашей литературной мысли, то, что

теперь назвали бы *эволюціей*, составляетъ незабвенную заслугу Бѣлинскаго предъ исторіею русской литературы. На это до Бѣлинскаго, дѣйствительно, «никто не обращалъ вниманія». Какъ разъ въ крайне-спѣшно и нестройно написанной статьѣ о Никитенкѣ Бѣлинскій больше обѣщаетъ, чѣмъ дѣйствительно даетъ. Но вообще стремленіе улавливать общій ходъ нашей литературы до того составляетъ органическое свойство Бѣлинскаго, что почти каждая большая статья его, начиная съ перваго же дебюта его—«Литературныхъ мечтаній», быстро сбивается на обзоръ.

251) Стр. 386. «Отеч. Зап.» 1842, № 10. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ, благодаря чему рецензія много потеряла въ интересѣ.

252) Стр. 387. Когда Бѣлинскимъ завладѣвала какая-нибудь идея, или даже просто образъ, слово, онъ по всякому поводу возвращался къ этой облюбованной идеѣ и къ облюбованному образу. Теперь онъ особенно былъ преисполненъ своею формулою, что писатель не есть «птица», безсознательно отдающаяся инстинктивному влеченію (см. конецъ первой статьи о Никитенкѣ, стр. 312) и вотъ онъ пользуется всякимъ удобнымъ, или вѣрнѣе совсѣмъ неудобнымъ случаемъ, чтобы провозглашать свой новый лозунгъ. Статья о Платонѣ писалась тотчасъ послѣ статьи о Никитенкѣ и Бѣлинскій, далеко, далеко отойдя и отъ Греціи, и отъ Сократа, и отъ Платона втискиваетъ все свое настроеніе въ совершенно несоотвѣтствующія рамки. Статья о древне-греческомъ мудрецѣ становится продолженіемъ статьи о задачахъ русской критики. Литературная дѣятельность всегда была для Бѣлинскаго дневникомъ всѣхъ волновавшихъ его настроеній.

253) Стр. 393. О восторженномъ отношеніи Бѣлинскаго къ древности см. прим. 20, 64. Формула «всякая эмпирическая истина—ложь» вполнѣ естественна въ рецензіи о Платонѣ, учившемъ, что вѣчны только идеи и что явленія реальнаго міра преходящіе призраки.

254) Стр. 393. «Отеч. Зап.» 1842, № 10. Въ изд. Солдатенкова вошло съ опущеніемъ всѣхъ цитатъ.

652) Къ этому изданію, подкупившему Бѣлинскаго своимъ теплымъ отношеніемъ къ дворникамъ, водовозамъ и прочему мелкому петербургскому люду, намъ еще придется вернуться по поводу статей 1843 года.

255) Стр. 396. «Отеч. Зап.» 1842, № 10 Въ изданіе Солдатенкова не вошло.

256) Стр. 397. Тамъ же. Отзывъ о «Маякѣ», конечно, пронія.

257) Стр. 398. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Авторъ пьесы—Полевой. (см. выше, стр. 344—45).

258) Стр. 398. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

259) Стр. 399. Тамъ же.

259-а) Стр. 401. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова вошло съ сокращеніями.

260) Стр. 406. Когда появилась VII глава «Евгенія Онѣгина», Булгаринъ провозгласилъ ее полнымъ паденіемъ таланта Пушкина и для вящшаго эффекта формулировалъ свое мнѣніе французскимъ восклицаніемъ: chûte complète! Бѣлинскій часто травитъ Булгарина этимъ дѣйствительно классическимъ эпизодомъ изъ исторіи литературной безвкусицы.

261) Стр. 407. По ошибкѣ сноска на это примѣчаніе не поставлена въ самомъ концѣ 407 страницы. Полевого всегда травили его купеческимъ происхожденіемъ и тѣмъ, что онъ самоучка.

262) Стр. 410. Все это дѣйствительно «не шутя провозгласилъ» Шевы-

ревъ въ своей статьѣ, о которой см. дальше, прим. 264—267. Вотъ цѣликомъ характеристика Селифана:

„Петрушка, находясь всегда около своего барина, подражая ему въ костюмѣ, и умѣя даже читать, провонялъ, а Селифанъ, будучи всегда съ лошадьми и въ конюшнѣ, сохранилъ свѣжую, непочатую русскую природу. Это новое, полное типическое созданіе, вынутое изъ простой русской жизни. Мы не знали объ немъ до тѣхъ поръ, пока дворня Манилова не напоила его пьянымъ и пока вино не открыло намъ всю его славную и добрую натуру. Напивается онъ пьянъ болѣе для того, чтобы поговорить съ хорошимъ человѣкомъ. Вино расшевелило Селифана: онъ пустился въ разговоры съ лошадьми, которыхъ въ своемъ простодушіи считаетъ тоже своими ближними. Его доброе расположеніе къ Гнѣдому и къ Засѣдателю, и особенная ненависть къ подлецу Чубарому, о которомъ онъ надоѣдаетъ даже и барину своему, чтобы его продалъ, взяты изъ натуры каждаго кучера, имѣющаго къ своему дѣлу особое призваніе. Похвалялся нашъ пьяный Селифанъ, что не перекинетъ, а когда случилась съ нимъ бѣда, какъ наивно вскричалъ онъ: вишь ты и перекинулось!—*за то ужъ съ какимъ радушіемъ* (!) и покорностію отвѣчалъ онъ барину, на его угрозы: „почему жь не посѣчь, коли за дѣло, на то воля господская... почему жь не посѣчь“?..

Изъ всѣхъ лицъ, какія до сихъ поръ являются въ поэмѣ, самое большее участіе наше возбуждено къ неоцѣненному кучеру Селифану. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ предъидущихъ лицахъ мы живо и глубоко видимъ, какъ шумная и праздная жизнь можетъ низвести человѣческую натуру до скотской. Каждое изъ нихъ представляетъ разительное сходство съ какимъ нибудь животнымъ. Собакевичъ, какъ мы уже сказали, соединилъ въ одномъ себѣ медвѣжью и свиную; Ноздревъ очень похожъ на собаку, которая безъ причины въ одно и то же время и лаетъ, и обгрызывается, и ласкается; Коробочку можно бы сравнить съ суетливою бѣлкой, которая собираетъ орѣшки въ своемъ закромѣ, и вся живетъ въ своемъ хозяйствѣ; Плюшкинъ, какъ муравей однимъ животнымъ инстинктомъ, все что ни попало тащитъ въ свою нору; Маниловъ имѣетъ сходство съ глупымъ потатуемъ, который, сидя въ лѣсу, надоѣдаетъ однообразнымъ крикомъ, и какъ будто мечтаетъ о чемъ-то; Петрушка съ своимъ запахомъ превратился въ пахучаго козла. Чичиковъ плутовствомъ перещеголялъ всѣхъ животныхъ и тѣмъ только поддержалъ славу природы человѣческой... Одинъ лишь кучеръ Селифанъ вѣкъ свой прожилъ съ лошадьми и сохранилъ всѣхъ вѣрнѣе добрую человѣческую натуру“.

Какъ всегда у Шевырева (ср. прим. 266), тутъ вѣрное и даже тонкое перемѣшано съ курьезнымъ и кое-чѣмъ похуже. Пока критикъ «Москвитянина» просто привѣтливо относился къ кучеру, онъ правъ, потому что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ прожившій весь вѣкъ съ лошадьми Селифанъ «вѣрнѣе сохранилъ добрую человѣческую натуру»,чѣчъ Собакевичъ и компанія. И Шевыревъ не только правъ, но и больше симпатиченъ, чѣмъ презрительно относящійся къ кучеру Бѣлинскій, который, не смотря на то, что уже радикально измѣнился въ политическомъ отношеніи, все еще пренебрежительно относился «къ мужикамъ» и «бородачамъ» (см. прим. 229, 236). Но своими похвалами тому «радушію», съ которымъ Селифанъ готовъ быть высѣченнымъ, Шевыревъ неосторожнѣйшимъ образомъ открылъ свои карты. Ему дорогъ Селифанъ какъ представитель того патріархальнаго «смиренія», въ которомъ «Москвитянинъ» видѣлъ главную добродѣтель русскаго народа.

263) Стр. 410. Закадычные друзья Гоголя — Погодинъ и Шевыревъ хотѣли сдѣлать изъ сочувственнаго отношенія къ Гоголю свою монополію и особенно злились на Бѣлинскаго за то, что онъ являлся восторженнымъ провозвѣстникомъ литературнаго значенія Гоголя (ср. прим. 265). Но какъ мы уже показали во II т. (прим. 257), эти «друзья» въ началѣ литературной

дѣятельности Гоголя далеко не выяснили себѣ всего объема его таланта и литературнаго значенія и относились къ нему полупокровительственно, а подчасъ брали на себя даже менторскую роль. Къ разряду непрошеннаго менторства относится курьезная исторія съ «Носомъ». Въ 1835 г., когда Шевыревъ и Погодинъ основали «Московскій Наблюдатель», Гоголь далъ имъ эту повѣсть. Но Шевыревъ нашелъ содержаніе ея грязнымъ и не взялъ ее. Пушкинъ съ радостью взялъ «Носъ» для своего «Современника», гдѣ онъ и появился.

Кто отказался писать о «Ревизорѣ» какъ о «грязномъ произведеніи» и кто поставилъ Гоголя ниже Павлова — съ точностью не знаемъ. Но совершенно несомнѣнно, что рѣчь идетъ о Шевыревѣ и его журналахъ—«Московскомъ Наблюдателѣ» и «Москвитянинѣ»: въ слѣдующихъ „Литературныхъ и Журнальн. Замѣткахъ“ (см. стр. 509) эти упреки уже опредѣленно посылаются по адресу „одного московскаго журнала“. Въ Москвѣ, кромѣ Надеждинскаго „Телескопа“ и „Московскаго Наблюдателя“ редакціи Бѣлинскаго, только и было въ 1835—42 гг. журналовъ, что „Московск. Наблюдат.“ редакціи Шевырева и Погодина, да „Москвитянинъ“.

То, что мы не могли разыскать, кто отказался писать о „Ревизорѣ“ насъ не смущаетъ: какъ и исторія съ „Носомъ“, ставшая извѣстною только поздпѣе—изъ біографіи Гоголя—это дѣло частное и Бѣлинскій передаетъ только ходившій въ литературныхъ кругахъ разсказъ. Но сообщеніе, что „московскій журналъ“ „недавно поставилъ г. Павлова выше Гоголя, а Гоголя ниже г. Павлова“, насъ смущаетъ. Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., именно въ статьѣ Шевырева, о которой см. въ примѣч. 95, дѣйствительно говорится одновременно о Гоголѣ и Павловѣ, но Павловъ ни въ какомъ случаѣ не ставится выше Гоголя. Не почитчилось ли опять Бѣлинскому, какъ это съ нимъ часто бывало (ср. прим. 84)?

264) Стр. 410. Личныхъ друзей Гоголя—Шевырева и Погодина страшно злило и бѣсило то, что истиннымъ глашатаемъ славы Гоголя, дѣйствительно создававшимъ въ читающей публикѣ благоговѣйное отношеніе къ великому писателю, былъ Бѣлинскій. Если, намекая на себя, Бѣлинскій говорилъ: „Кто постоянно слѣдитъ за нашею литературою, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ“, то это была самая буквальная, самая точная правда. Мы уже знаемъ, что безъ Бѣлинскаго Гоголь остался бы при снисходительно-покровительственныхъ похвалахъ своихъ друзей—литературныхъ аристократовъ, что Бѣлинскій первый провозгласилъ его *великимъ* писателемъ (см. II, прим. 257). Вся критическая дѣятельность Бѣлинскаго въ „Отеч. Зап.“ была сплошнымъ пѣснопѣньемъ въ честь Гоголевскаго направленія и вотъ это-то и выводило изъ себя редакторовъ „Москвитянина“ и главнымъ образомъ злобнаго Шевырева. А такъ какъ Шевырева еще всего ломило отъ болп послѣ ударовъ „Педанта“ (см. прим. 95), то злобствованіе его не знало границъ. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ этотъ чопорный проповѣдникъ литературной бонтонности попосилъ Бѣлинскаго самымъ грубымъ и пошлымъ образомъ. А приступивши къ обширному разбору „Мертвыхъ Душъ“, („Москвитянинъ“ 1842 г., № 7 и 8) онъ даже и не могъ не коснуться дифирамбовъ Бѣлинскаго. Фактъ былъ слишкомъ ярокъ, чтобы его замолчать. Какъ это можно отчасти видѣть изъ статей настоящаго тома (см. стр. 273, ст. № 655 и др.), вся петербургская журналистика: отнеслась отрицательно къ „Мертвымъ Душамъ“. Одинъ только „Отеч. Зап.“ устами своего „безымяннаго“ (см. прим. 95) критика съ энтузіазмомъ пѣли великую хвалу великому произведенію. И вотъ зады-

хающемуся отъ безсильной злобы педанту надо было втоптать въ грязь эти похвалы Бѣлинскаго, и онъ, съ обычнымъ своимъ отсутствіемъ чувства мѣры, характеризуетъ ихъ въ слѣдующей дикой выходкѣ, на которую и намекаетъ Бѣлинскій въ своей замѣткѣ:

„Съ другой стороны, изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы, выскочило *наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ* и размашистою рукою; обрадовавшись случаю изъ за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, *пялитъ на немъ (!) свою тощую фигуру*, силится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и увѣрить васъ, что точно оно вамъ его показало, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть. Безмолвно возвышается произведеніе надъ выскочкой—непризваннымъ трубачемъ его славы—и только обличаетъ собою его крохоту и умственное безсиліе“ („Москвит. 1842, № 7, стр. 207).

Съ отдѣльными мѣстами статьи намъ еще придется встрѣтиться въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ.

265) Стр. 410. Задавшись въ своихъ замѣткахъ исключительно полемическими цѣлями и избравъ мишенью ихъ указанную въ предыдущемъ примѣчаніи статью Шевырева, Бѣлинскій отнесся къ ней односторонне и читатель выноситъ болѣе невыгодное представленіе о статьѣ, чѣмъ она того заслуживаетъ. Въ дѣйствительности, статья Шевырева въ ряду современныхъ оцѣнокъ «Мертвыхъ Душъ» занимаетъ выдающееся мѣсто. Въ ней, несомнѣнно, не мало забавно-педантическаго, о чемъ будетъ сейчасъ рѣчь въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и весьма вдумчивыя замѣчанія. А главное—статья замѣчательна по горячему тону, по стремленію показать, что писатель имѣетъ право воспроизводить, «грубую, низкую, животную природу человѣка», что всего важнѣе «связь искусства съ жизнію», что только то произведеніе тронетъ у насъ за-живое и возбудитъ участіе всѣхъ, въ которомъ существенная основа тѣсно связана съ корнемъ нашей жизни, въ хорошую ли, въ дурную ли ея сторону», что „пора уже намъ отъ блестящей жизни внѣшней возвращаться къ внутреннему бытію, къ дѣйствительности собственно русской, какъ бы ни казалась она ничтожна и отвратительна намъ“, что всякое обличительное произведеніе „напоминающее намъ о тяжелой существенности нашего внутренняго быта, открывающее тѣ захолустья которыя лежатъ около насъ, а намъ кажутся за горами потому только, что мы на нихъ не смотримъ, каждое такое произведеніе, заглядывающее въ глубь нашей жизни, кромѣ своего достоинства художественнаго, можетъ по всѣмъ правамъ имѣть достоинство и благороднаго подвига на пользу отечества“.

Если отбросить брань на Бѣлинскаго и попадающіяся кое-гдѣ незначительныя выходки противъ современнаго европейскаго просвѣщенія, то въ общемъ статья положительно была торжествомъ тѣхъ идей, которыя проповѣдывали и „Отеч. Записки“. Бѣлинскій былъ безусловно правъ, когда, намекая на статьи «Москвитянина» о Гоголѣ, говорилъ, что его литературные противники, сами того не замѣчая, повторяютъ его мысли. Но тѣмъ односторонѣе было полемическое подчеркиваніе однихъ только слабыхъ мѣстъ статьи Шевырева.

Въ частности, мысль о раздвоенности Гоголя совсѣмъ не карикатурна. Шевыревъ отчасти исходитъ изъ столь любезной Бѣлинскому всего два года тому назадъ теоріи примиряющаго значенія искусствъ, а отчасти комментируетъ знаменитыя слова Гоголя о „видномъ міру смѣхѣ“ сквозь „незримыя, невѣдомыя ему слезы“:

„Одно изъ первыхъ условій всякаго изящнаго произведенія искусства есть водвореніе полной блаженной гармоніи во всемъ внутреннемъ существѣ нашемъ, которая не свойственна обыкновенному состоянію жизни. Но изображеніе предметовъ изъ грубой, низкой животной природы человѣка производило бы совершенно противное тому дѣйствіе и нарушало бы вовсе первое условіе изящнаго впечатлѣнія — водвореніе гармоніи въ нашемъ духѣ — если бы не помогло здѣсь усиленіе другой стороны, возвышеніе субъективнаго духа въ самомъ поэтѣ, возсоздающемъ этотъ міръ. Да, чѣмъ ниже, грубѣе, матеріальнѣе животнѣе предметный міръ, изображаемый поэтомъ, тѣмъ выше, свободнѣе, полнѣе, сосредоточеннѣе въ самомъ себѣ долженъ являться его творящій духъ; другими словами, чѣмъ ниже объективность имъ изображаемая, тѣмъ выше должна быть, отрѣшеннѣе и свободнѣе отъ нея, его субъективная личность.

„Сія послѣдняя проявляется въ юморѣ, который есть чудное сліяніе смѣха и слезъ посредствомъ коего поэтъ соединяетъ всѣ видѣнія своей фантазіи съ своимъ собственнымъ человѣческимъ существомъ. Неистощимъ комическій юморъ Гоголя, всѣ предметы, какъ будто нарочно, по его волѣ становятся передъ нимъ смѣшною ихъ стороною, даже имена, слова, сравненія подвертываются къ нему такія, что возбуждаютъ смѣхъ; конечно, заразительный смѣхъ пронесся вмѣстѣ съ „Мертвыми Душами“ по всѣмъ предѣламъ Россіи, гдѣ только ихъ читали. Но тотъ недалеко слышитъ и видитъ, кто въ яркомъ смѣхѣ Гоголя не замѣчаетъ глубокой затаенной грусти. Въ „Мертвыхъ Душахъ“ особенно часто веселость смѣняется задумчивостью и печалью.

Смѣхъ принадлежитъ въ Гоголѣ художнику, который не инымъ чѣмъ какъ смѣхомъ можетъ забирать въ свои владѣнія весь грубый скарбъ низменной природы смертнаго, но грусть его принадлежитъ въ немъ человѣку. Какъ будто два существа виднѣются намъ изъ его романа: поэтъ, увлекающій насъ своею ясновидящею и причудливою фантазіею, веселящій неистощимою игрою смѣха, сквозь который онъ видитъ все низкое въ мірѣ,—и человѣкъ, плачущій глубоко и чувствующій иное въ душѣ своей въ то самое время, какъ смѣется художникъ. Такимъ образомъ въ Гоголѣ видимъ мы существо двойное или раздвоившееся; поэзія его не цѣльная, не единичная, а двойная, распадшаяся.

Яркій смѣхъ поэта, переливаясь черезъ глубокую думу и печаль, превращается въ немъ такъ часто въ возвышенныя лирическія движенія; тотъ же самый человѣкъ, который теперь только передъ вами такъ беззаботно смѣялся и смѣшилъ васъ, является вдохновленнымъ прорицателемъ, съ торжественною думой на важномъ челѣ своемъ. Эта способность такъ легко переходить отъ хохота ко всѣмъ оттѣнкамъ чувства до самыхъ высокихъ лирическихъ восторговъ, показываетъ, что смѣхъ поэта проистекаетъ въ немъ не отъ холоднаго разсудка, который все отрицаетъ и потому надъ всѣмъ смѣется, но отъ глубины чувства, которое въ самой природѣ человѣческой двоится на веселье и горе. Вотъ чѣмъ юмористическій хохотъ Гоголя отмѣченъ отъ того пустого пересмѣшничества (persiflage), которое часто встрѣчается во французской литературѣ и ведетъ свое начало отъ Вольтера. Пересмѣшникъ издѣвается разсудкомъ, а не чувствомъ смѣется: хохотъ перваго утомляетъ подъ конецъ своею пустотою, тогда какъ хохотъ втораго часто заставляетъ задумываться“ (Ibid. 349).

266) Стр. 411. Рѣчь о смѣшной замашкѣ Шевырева безпрерывно возвращаться къ своимъ итальянскимъ впечатлѣніямъ, говорить о Данте, Рафаэлѣ и т. п. Въ частности по отношенію къ «Мертвымъ Душамъ», написаннымъ въ итальянскій періодъ жизни Гоголя, ни мало не было смѣшно, собственно, заговорить о вліяніи Италіи и нѣкоторыя замѣчанія Шевырева положительно интересны. Вотъ напр. одно изъ нихъ:

„Яркій отпечатокъ природы, живописи и поэзіи изящнаго полудня Европы лежитъ на колоритѣ „Мертвыхъ Душъ“ и на всемъ, что составляетъ внѣшнюю сторону изображаемаго въ нихъ міра. При этомъ замѣчаніи прошу читателей не смѣшать содержанія

съ искусствомъ: содержаніе, разумѣется, дано Россіею, и поэтъ всегда ему вѣренъ, но ясновидѣніе и сила фантазіи, съ какимъ возсоздаетъ онъ далекій міръ отчизны, воспитаны въ Гоголѣ италіянскимъ окруженіемъ. Въ одномъ мѣстѣ видно даже, что Италія невольно бросила нѣсколько жаркихъ красокъ на самое содержаніе картины, а именно—въ описаніи сада Плюшкина, гдѣ зеленыя облака и трепетолистные куполы деревъ, лежащихъ на небесномъ горизонтѣ, напоминаютъ ландшафты Юга“ („Москвитянинъ“, 1842, № 8, стр. 359).

Но какъ всегда это бывало съ Шевыревымъ, онъ, высказавши даже вѣрную и интересную мысль, тотчасъ же терялъ чувство мѣры и впадалъ въ педантическое утрированіе. Что, кромѣ улыбки, могло вызвать такое увѣреніе критика, надутаго своимъ знаніемъ итальянской литературы:

„Говоря объ этой полуденной стихіи въ поэмѣ Гоголя, какъ забыть чудныя сравненія, встрѣчающіяся не рѣдко въ „Мертвыхъ Душахъ“. Ихъ полную художественную красоту *можетъ постигнуть только тотъ (!), кто изучилъ сравненія Гомера и итальянскихъ эпиковъ, Аріоста и особенно Данта*, который, одинъ изъ поэтовъ новаго міра, постигъ всю простоту сравненія Гомерическаго и возвратилъ ему круглую полноту и оконченность, въ какихъ оно являлось въ эпосѣ греческомъ. *Гоголь въ этомъ отношеніи пошелъ по слѣдамъ своихъ великихъ учителей*“ (Ibid. 360).

Кромѣ Шевырева никто изъ другихъ литераторовъ не „изучилъ итальянскихъ эпиковъ“, и такимъ образомъ, за нимъ однимъ утверждалась монополія полнаго постиганія художественныхъ красотъ „Мертвыхъ Душъ“.

Что касается превращенія Гоголя сначала въ ученика Гомера, Данта и итальянскихъ „эпиковъ“, а черезъ нѣсколько страницъ въ «достойнаго ученика поэзіи сѣвера, и особенно Шекспира и В. Скотта» (ib. стр. 363), то это опять было обычнымъ проявленіемъ неумѣнія Шевырева справиться даже съ мыслію, совершенно вѣрною и отсутствіемъ чувства мѣры сдѣлать ее карикатурною.

Шевыревъ совершенно вѣрно подмѣтилъ, что

„сравненіе образуетъ у Гоголя по большей части отдѣльную полную картину, которою онъ увлекается какъ эпикъ, и которую искусно вставляетъ въ цѣлое поэмы, не нарушая нисколько единства, и не прерывая нити разсказа“.

Для иллюстраціи Шевыревъ приводитъ одно мѣсто изъ „Мертвыхъ Душъ“ которое «полнотою и простотою образа напоминаетъ сравненія Гомеровы»:

„Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюньскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и пользуясь подслѣповатостію и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски гдѣ вразбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетали вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одну о другую заднія или передвія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться и опять улетѣть и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами“.

Покамѣстъ все обстоитъ благополучно. Вполнѣ все благополучно и дальше, когда тотъ же пріемъ перехода сравненій въ отдѣльныя картинки критикъ замѣчаетъ и у Гомера, и у Данте. Вотъ «нѣсколько подобныхъ сравненій изъ Гомера»:

„.... Сбѣгалися народы: такъ точно племена пчелъ густыми роями вылетаютъ все больше и больше изъ скалы глубокой, и въ видѣ гроздій несутся на весенніе цвѣты; однѣ летятъ въ одну, другія въ другую сторону. Такъ высыпалъ народъ изъ кораблей и шатровъ...(Пѣснь I, ст. 86—91).—„Какъ оселъ, забравшись въ ниву, споритъ съ дѣтьми упрямый: много палокъ объ него они изломали, а онъ забрался и жретъ себѣ глубокую нашню; мальчишки бьютъ его палками, но глупа еще ихъ сила,—и тогда только съ трудомъ выгоняютъ его, когда онъ насытился нивой: такъ Аякса великаго изгоняли Трояне—(И. XI. ст. 557—562).—„Воины быстро высыпали впередъ, подобно осамъ придорожнымъ, которыхъ дразнятъ по обычаю мальчишки, всегда тревожа ихъ въ жилыяхъ, на пути стоящихъ; несмысленные навлекаютъ общее зло на многихъ, и чуть какой нибудь путникъ, идучи по дорогѣ, тронулъ ихъ не нарочно, всѣ съ безстрашнымъ сердцемъ высыпаютъ онѣ вонъ на защиту дѣтей своихъ. Такъ Мирмидоняне...“ (И. XVI, ст. 257—266).—„Они толпились около мертваго, какъ мухи въ хлѣву жужжатъ вокругъ подойниковъ, переполненныхъ молокомъ, въ весеннюю пору, когда оно льется черезъ край въ сосуды“... (И. XVI, ст. 641—643).

Вотъ сравненія изъ *Данта*: „Какъ овечки выходятъ изъ затвора по одной, по двѣ, по три, а другія стоятъ робкенькія (timi dette), опустивъ къ землѣ глаза и рыльцо, и что дѣлаетъ первая, за нею дѣлаютъ и другія, прислоняясь къ ней сзади, если она остановится, просты и тихи, а почему такъ дѣлаютъ не знаютъ.... Такъ двигались души“. (Чист., II. 3). „Подобно тому, какъ слетаются на ниву голуби и клюютъ ячмень или просо, тихіе, безъ обычнаго своего воркованія, а если что нибудь вдругъ ихъ испугаетъ, внезапно покидаютъ они свою притраву, потому что постигла ихъ важнѣйшая забота: такъ и эта свѣжая толпа оставляла берегъ“.

Сопоставленія эти въ высшей степени любопытны и интересны. Связываются во едино литературныя явленія почти 3.000 лѣтъ, устанавливая общіе законы творчества. И сдѣлай Шевыревъ такой выводъ, онъ былъ бы цѣннымъ результатомъ его разнообразныхъ знаній. Но въ томъ-то и дѣло, что для правильнаго пользованія своими знаніями у критика-педанта не хватало достаточно вкуса и онъ богъ вѣсть что нагородилъ. Бѣлинскій еще сравнительно мягко отнесся къ смѣхотворному выводу, что, давая картинку мухъ на сахарѣ, Гоголь *подражалъ* и Данте, и Гомеру, а какъ дальше оказывается и Шекспиру! И не только мухи на сахарѣ явились результатомъ *изученія* великихъ писателей. «Припомнимъ лучшія сравненія Гоголя»:

„Сравненіе Манилова съ котомъ, у котораго пощекотали за ушами пальцемъ, овальнаго лица съ прозрачнымъ яичкомъ, радостнаго чувства среди печалей съ блестящимъ экипажемъ, который проносится по бѣдной деревушкѣ, глазъ Плюшкина съ мышами, вниманіе нетерпѣливой дамы съ русскимъ барином—охотникомъ, ожидающимъ зайца, городскихъ дамъ съ ученымъ, пускающимъ въ свѣтъ смѣлую гипотезу, жителей города со школьникомъ, которому товарищи засунули въ носъ гусара“.

Вы, конечно, думаете, что эти сравненія — картинки свободно родились въ творческомъ мозгу Гоголя? Нѣтъ, все это только «пріемы славныхъ *учителей*», все это „русскій поэтъ могъ возвести на такую степень искусства только тамъ, гдѣ творили Дантъ, гдѣ Аріостъ дружился съ Рафаэлемъ въ его мастерской и, созерцая безсмертную кисть, переносилъ живыя ея краски въ итальянское жаркое слово“.

Мы нѣсколько остановились на этихъ образчикахъ Шевыревскаго отсутствія чувства мѣры, потому что они очень характерны для Шевырева, который часто фигурируетъ и въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ настоящаго тома, а еще чаще будетъ фигурировать дальше. Мы тутъ видимъ воочію какъ великолѣпно схватилъ Бѣлинскій сущность Шевырева своимъ „Педантомъ“. Именно педантъ,

т. е. человѣкъ, владѣющій большимъ матеріаломъ, да никакъ не умѣющій надлежаще съ нимъ справиться. Шевыревъ всегда ходилъ по самой границѣ между вполнѣ вѣрнымъ и вполнѣ нелѣпымъ, между очень тонкимъ и очень смѣшнымъ. Не хватало бездѣлицы—вкуса.

267) Стр. 411. Изъ той же статьи Шевырева.

268) Стр. 411. Курьезы изъ той же статьи. Выдержки изъ нея 2 строчками ниже. Очевидно опасаясь цензурныхъ непріятностей, Бѣлинскій не только не называетъ въ своихъ замѣткахъ Шевырева по имени, но даже каждую изъ деталей распредѣляетъ такъ, какъ будто онѣ принадлежатъ разнымъ лицамъ.

269) Стр. 411. При своей педантической любви къ вычурности Шевыревъ и слова любилъ вычурныя, въ томъ числѣ архаизмы. *Чивый*, по объясненію Даля,—«тчивый, точивый, щедрый, тароватый».

270) Стр. 411. Та жа статья, о которой рѣчь въ предыдущихъ строкахъ.

Мы воспроизвели «Литературныя Замѣтки» въ томъ объемѣ, въ какомъ ихъ даетъ изданіе Солдатенкова. Но не сомнѣваемся, однако, что и окончаніе «Записокъ» тоже принадлежитъ Бѣлинскому: тотъ же тонъ, то же настроеніе, тотъ же предметъ. Если мы не воспроизвели это окончаніе въ текстѣ и даемъ его здѣсь въ примѣчаніяхъ, то потому, что, все таки, формальныхъ данныхъ нѣтъ: въ Галаховскихъ спискахъ (т. IV, прим. 197) ничего не сказано, а другихъ указаній нѣтъ.

Вотъ это окончаніе «Замѣтокъ»:

Да, много забавнаго и мало дѣльнаго въ нашемъ пишущемъ мірѣ; но есть и дѣльное. Въ 3-й книжкѣ „Современника“ на нынѣшній годъ, прочли мы умную и прекрасно написанную статью о „Мертвыхъ Душахъ“, означенную литерами „С. Ш.“ и присланную въ журналъ изъ Житомира.

„Сѣверная Пчела“, извѣщая (№ 196) о поставкѣ на московской сценѣ выписокъ изъ „Мертвыхъ Душъ“, замѣчаетъ, что при нихъ „лучше бы всего было представить въ лицахъ драматическую картину на Мертвыя Души изъ послѣдней (8-й) книжки *Библіотеки для Чтенія* и прибавляетъ, что „это было бы и кстати, и умно, и забавно, и дѣльно, и полезно, какъ для автора, такъ и для публики“.—Многіе, совершенно соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, находятъ, что еще было бы лучше, послѣ драматической картины на „Мертвыя Души“ изъ „Библіотеки для Чтенія“, представить драматическую картину на „Библіотеку для Чтенія“ изъ девятой книжки «Отечеств. Записокъ» [1]), и что это было бы и кстати, и умно, и забавно, и дѣльно, и полезно, какъ для автора драматической картины на „Мертвыя Души“, такъ и для публики...

271) Стр. 412. „Отеч. Зап.“ 1842, № 11. Первыя статьи см. выше статьи №№ 643 и 658. Звѣздочка передъ статьею поставлена въ текстѣ по ошибкѣ.

272) Стр. 413. Терминъ „Славянофилы“ пережилъ два періода. Онъ возникаетъ въ самомъ началѣ 19-го столѣтія и служилъ для обозначенія напвносмѣхотворныхъ стремленій Шишкова изгнать всѣ иностранныя слова изъ русскаго языка и преобразовать литературный языкъ на основѣ церковно-славянскаго. Полное фіаско славяно-россскихъ теорій Шишкова и его пресловутой „Бесѣды“ привело и къ полному забвенію термина, который воскресаетъ только въ 40-хъ годахъ, послѣ окончательнаго обособленія общественно-политическаго міросозерцанія кружка Хомякова, бр. Кирѣевскихъ и Константина Аксакова.

---

[1]) Въ отдѣлѣ «Смѣсь» статья „Литературный Разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ“, стр. 32—43 (по нашему изданію см. выше статья № 655 *С. В.*).

У Бѣлинскаго въ этомъ второмъ значеніи „Славянофильство“ пока промелькнуло всего одинъ только разъ (см. прим. 215) и то больше какъ обозначеніе покровительства славянскимъ народностямъ.

273) 414. Въ „Отеч. Зап.“ это мѣсто напечатано такъ:

„Вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а онъ сдѣлалъ„

Мы хотѣли исправить эту явную опечатку и сами сдѣлали новую опечатку. Надо, конечно, читать такъ:

„Вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а въ томъ, что онъ сдѣлалъ“.

274) Стр. 415. Намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Это все отголоски неосуществленной мечты объ исторіи русской литературы (см. VI прим. 28, 46, 563). А пока Бѣлинскій обрываетъ статью, въ которой литературная злоба дня — Гоголь и разное другое слишкомъ увлекли его въ сторону.

275) Стр. 416. Бѣлинскій, слишкомъ убѣжденный въ каждый данный моментъ въ правотѣ своихъ симпатій, не стѣснялся никогда ни громко хвалить „Отеч. Зап.“ (см. прим. 154), ни прославлять своихъ литературныхъ друзей, если ихъ произведенія ему нравились, ни, наконецъ, подчеркивать, что его критика преслѣдуетъ иныя цѣли, чѣмъ падутая и пошлая критика другихъ современныхъ критиковъ.

276—277) Стр. 418. Конечно, рѣчь о всегда обдѣлывавшемъ свои дѣлишки Погодинѣ („патріотъ“, „критикъ“), и надутомъ Шевыревѣ („простакъ“, „наивная посредственность“, „работникъ“), Михаилѣ Дмитріевѣ (старые писаки) и „Москвитянинѣ“. О полемикѣ съ „Москвитяниномъ“ см. прим. 95, гдѣ къ указаніямъ на относящіяся къ борьбѣ Бѣлинскаго съ „Москвитяниномъ“ примѣчанія надо еще прибавить примѣч. 264, 265—270.

278) Стр. 421. Тоже, конечно, рѣчь не о „заграницѣ“, а объ отечественномъ Булгаринѣ съ его почти монопольною „Сѣверною Пчелою“.

279) Стр. 423. Портретъ Сенковскаго.

280) Стр. 424. Тутъ, очевидно, что-то пропущено.

281) Стр. 424. Конечно, Сенковскій.

282) Стр. 424. Статья явно надоѣла Бѣлинскому и онъ ее кое-какъ закончилъ, совсѣмъ забывъ о Никитенкѣ.

283) Стр. 424. „Отеч. Зап.“ 1842, № 11.

284) Стр. 425. Обо всемъ этомъ было уже въ „Литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ“ (см. выше ст. № 666) и въ примѣч. 262—270 мы подробно говорили о критикѣ, такъ восхитившемся Селифаномъ, т. е. Шевыревѣ. Статью о „Мертвыхъ Душахъ“ въ „Современникѣ“ писалъ Плетневъ. Она была помѣщена подъ вымышленными инціалами *С. Ш.* и яко бы прислана изъ Житоміра (Плетневъ, соч. т. I). Первое нападеніе на брошюру Константина Аксакова см. выше ст. № 639.

285) Стр. 427. Въ первой статьѣ Бѣлинскій до извѣстной степени щадилъ стараго друга, теперь, въ пылу полемическаго раздраженія, онъ становится все безпощаднѣе.

286) Стр. 432. Какое пророческое предвидѣніе, какое тонкое пониманіе, что въ творческомъ аппаратѣ Гоголя что-то испортилось и грозитъ гибелью.

287) Стр. 432. См. примѣч. 266.

288) Стр. 434. „Отчетливѣе и подробнѣе“ уже не пришлось Бѣлинскому говорить, если, конечно, не считать того, что онъ написалъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда его предчувствія такъ печально исполнились и первые всходы,

съ такою проницательностью разсмотрѣнные имъ въ „Мертвыхъ Душахъ“, распустилась печально-пышно въ гоголевской „Перепискѣ“ съ друзьями.

289) Стр. 435. Весьма важная подробность взгляда Бѣлинскаго на Гоголя, въ которой отнюдь не слѣдуетъ усматривать результатъ полемическаго раздраженія. Еще больше, чѣмъ предъ Гоголемъ Бѣлинскій преклонялся предъ Пушкинымъ. Но и за нимъ онъ никогда не признавалъ *всемірно-историческаго* значенія. И кто станетъ спорить противъ этого теперь, когда дѣйствительно-всемірные русскіе геніи, Толстой и Достоевскій, вошли въ составъ всемірной литературы такъ быстро и главное *органически*, т. е. не только возбуждая къ себѣ удивленіе, на что не могутъ жаловаться и Пушкинъ и Гоголь, но оказывая вліяніе и являясь родоначальниками новыхъ настроеній.

290) Стр. 436. Все сказанное относительно французской литературы и Жоржъ-Зандъ, конечно, вѣрно. Но кто больше Бѣлинскаго пизводилъ французскую литературу (ср. VI, прим. 43) и особенно Жоржъ-Зандъ (ср. прим. 201)? Въ тѣ дни, когда Бѣлинскій и Аксаковъ были друзьями (см. прим. 304), у нихъ не было разногласія относительно Жоржъ-Зандъ. Именно, къ этому времени относится знаменитая рецензія о Монборнъ (т. II, ст. № 101).

291) Стр. 438. Бѣлинскій плохо зналъ по-нѣмецки и это, конечно, было извѣстно Аксакову.

292) Стр. 438. Одна изъ наиболѣе важныхъ формулъ второго періода эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго.

293) Стр. 438. Весьма сильно сказано. Позднѣе Бѣлинскій будетъ болѣе высокаго мнѣнія о Гейне.

294) Стр. 440. Тутъ уже звучатъ нѣкоторыя ноты будущаго негодующаго письма къ Гоголю. Тревога, которую забилъ Бѣлинскій такъ рано—одно изъ проявленій радикальнаго прозелитизма его. Онъ оскорбленъ неблагопріятнымъ отношеніемъ Гоголя къ европейскому идейному броженію и не останавливается передъ тѣмъ, чтобы заговорить очень рѣзко. Въ упрекахъ Бѣлинскаго строго говоря, есть нѣкоторая непослѣдовательность. Онъ того мнѣнія, что „при одномъ актѣ творчества и геній начинаетъ ниспускаться“. Кромѣ того, мы двумя страницами раньше читали, что мѣриломъ литературнаго значенія произведенія является не одинъ „актъ творчества“, а вложенная въ него „идея“. Но вѣдь какъ разъ „идея“ гоголевскаго „Рима“, его „косые взгляды на Парижъ“ и „близорукіе взгляды на Римъ“, и разсердили Бѣлинскаго. Тутъ, значитъ, дѣло не въ отсутствіи „идеи“ и разсчетѣ исключительно на одинъ „актъ творчества“, а въ томъ, что „идеи“-то „Рима“ нехорошія, вышедшія изъ нѣдръ реакціоннаго „Москвитянина“.

295—299) По недоразумѣнію числа 295–299 были пропущены при нумераціи сносокъ и послѣ 294 вмѣсто 295 было поставлено прямо 300.

300) Стр. 441. Мечты, осуществившіяся только относительно Пушкина. *Соціальность*—вотъ чѣмъ теперь только и бредитъ Бѣлинскій, какъ въ статьяхъ, такъ и въ письмахъ. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что „соціальность“ тутъ цензурный псевдонимъ „соціализма“. Соціализмъ, въ опредѣленномъ, партійномъ смыслѣ, захватываетъ Бѣлинскаго позднѣе.

301) Стр. 441. Когда-то за это самое пренебреженіе къ текущей жизни прославлялся Гете (см. т. IV, статья № 430).

302) Стр. 442. Второй разъ употреблено стȯяло (ср. стр. 437, 21 строка снизу). Очевидно, значитъ, что это не опечатка, а орѳографія того времени. Ср. прим. 306.

303) Стр. 445. Очень уже разсердился Бѣлинскій на стараго друга.

Литературно онъ тутъ и правъ, и не правъ. Дѣло въ томъ, что какъ крупная умственная сила Константинъ Аксаковъ обозначился только позднѣе, уже послѣ смерти Бѣлинскаго. Но собственно отсутствіе непосредственно-литературнаго таланта характеризуетъ Константина Аксакова на всемъ протяженіи его дѣятельности. Онъ всегда писалъ неуклюже.

304) Стр. 446. Рѣчь, конечно, о статьѣ Шевырева (см. ст. № 666 и прим. 262).

Раздраженный и придирчивый тонъ обѣихъ полемическихъ статей, направленныхъ противъ Константина Аксакова имѣлъ въ основѣ нетолько литературное разногласіе по довольно безобидному вопросу о томъ, можно-ли приравнять „Мертвыя Души“ „Иліадѣ“. Печатное столкновеніе было первымъ публичнымъ проявленіемъ глубокаго интимнаго разлада. Бѣлинскій своею полемикою порвалъ теперь на всегда отношенія съ однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей. Цѣлыхъ 10 лѣтъ тѣснѣйшей дружбы связывали Бѣлинскаго съ Константиномъ Аксаковымъ. Они сблизились еще въ кружкѣ Станкевича (т. I, стр. 419—21), вмѣстѣ редактировали и издавали „Телескопъ“ и „Московскій Наблюдатель“, вмѣстѣ переживали крайности гегельянскихъ увлеченій“ (см. т. IV, стр. 547), жили, вообще, душа въ душу. Бѣлинскій былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Аксаковыхъ, отецъ Константина—Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ устроилъ его учителемъ въ межевомъ институтѣ. Но съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ начинается постепенное охлажденіе, мало-по-малу переходящее въ настоящую вражду. Зная идеально-благородныя сердца обоихъ друзей, нужно-ли прибавлять, что вражда возникла исключительно на принципіальной почвѣ. Намъ уже пришлось дать общую характеристику этой вражды въ нашемъ этюдѣ о Константинѣ Аксаковѣ (Критико-біографическій Словарь“, т. I). Мы отмѣтили тамъ, что Бѣлинскій, добравшись въ статьѣ о „*Бородинской годовщинѣ*“ до кульминаціоннаго пункта своего увлеченія правымъ гегеліанствомъ, круто поворачиваетъ въ противоположную сторону и съ такою же стремительностью начинаетъ произносить, говоря выраженіемъ Константина Аксакова, „буйныя хулы“ по адресу понятій, которыми еще такъ недавно восхищался. Не вытерпѣлъ этого Аксаковъ, все болѣе и болѣе начинавшій сближаться, послѣ смерти Станкевича и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ, съ Хомяковымъ и Кирѣевскими, прежніе друзья обмѣнялись нѣсколькими рѣзкими письмами и на вѣки разстались. Константинъ Аксаковъ пошелъ направо, Бѣлинскій—налѣво. У каждаго изъ нихъ при этомъ сердце кровью обливалось. Нужно перечитать напечатанныя въ „Руси“ 1881 г. письма Бѣлинскаго къ Аксакову (отъ 1837 г.), чтобы понять, какая горячая, истинно-братская привязанность соединяла обоихъ идеалистовъ. Но именно потому, что оба они были идеалисты, именно потому, что исканіе правды не было для нихъ высокопарною фразою, а насущною потребностью ихъ высокаго духовнаго существа, именно потому-то разрывъ между ними и сталъ неизбѣженъ какъ только они стали разно понимать истину. „Я по натурѣ жидъ“,—писалъ Бѣлинскій по поводу своей ссоры съ Аксаковымъ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ человѣка съ исключительными симпатіями,—которому ненавистно все не свое, который не выноситъ ни малѣйшаго компромисса съ „филистимлянами“. Но такимъ же жидомъ по натурѣ былъ и Константинъ Аксаковъ. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только свою истину, только ту истину, которая окрашена въ любезный ему цвѣтъ, онъ тоже не понималъ какихъ бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашеній. И вотъ почему оба прежніе друзья играютъ однѣ и тѣ же роли въ

тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно примкнули послѣ разрыва. Съ тою же необузданностью, съ какою „пѣстовый Виссаріонъ“ выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Константинъ Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ. Онъ первый одѣваетъ на себя мурмолку и первый же провозглашаетъ, что надо вернуться „домой“, т. е. въ допетровскую Русь.

Съ подробностями этой чисто-принципіальной ссоры мы еще ознакомимся по перепискѣ Бѣлинскаго. Ср. Пыпинъ, Бѣлинскій, т. II, стр. 75, 165—167.

305) Стр. 446. «Отеч. Зап.» 1842, № 11.

306) Стр. 447. См. прим. 302.

307) Стр. 451. У насъ см. выше ст. № 666.

308) Стр. 452. О Полевомъ см. прим. 16. О „Комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны“ см. выше стр 401.

309) Стр. 452. «Отеч. Зап.» 1842, № 11. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

310) Стр. 453. Тамъ же. Въ изданіе Солдатенкова вошло съ опущеніемъ цитатъ.

Вмѣстѣ съ сочиненіями Бѣлинскаго, и никому невѣдомому Ярославцеву суждено своего рода „безсмертіе“. Въ дѣйствительности, однако, онъ совсѣмъ не такое ничтожество. Ярославцевъ принадлежитъ къ тѣмъ литературнымъ неудачникамъ, которые имѣли несчастіе всего одинъ только разъ попасться на глаза крупному критику и притомъ со вздоромъ, а затѣмъ уже никогда не обращали на себя вниманія вліятельной критики. И вотъ только отзывъ объ этомъ вздорѣ и остается. А между тѣмъ, авторъ послѣ того и много работалъ, и совсѣмъ не такъ дурно, встрѣчалъ даже одобреніе и ласку, но все отъ людей, не властныхъ въ литературѣ, и эти ласковые отзывы затерялись въ старыхъ журналахъ. А вотъ щелчекъ вліятельнаго критика вмѣстѣ съ сочиненіями его живетъ долгою литературною жизнью.

Андрей Константиновичъ Ярославцевъ род. 21-го ноября 1809 г., учился въ петербургской нѣмецкой Peter-Schule и 2-й гимназіи, затѣмъ на философско-юридическомъ факультетѣ спб. университета, гдѣ въ 1835 г. кончилъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Съ 1836 по 1851 гг. онъ служилъ въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія, позднѣе, до 1865 г., былъ секретаремъ петербургскаго цензурнаго комитета. Умеръ 8-го марта 1884 г. Ярославцевъ помѣщалъ статьи въ „Литературной Газетѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Общезанимат. Вѣстн.“ и др. и

Отдѣльнымъ изданіемъ *напечаталъ:*

1) *Любовь музыканта.* Спб. 1842. 2) *Князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій.* Трагедія. Спб. 1858. 3) *Прогулка на Иматру.* Спб. 1858. Оттискъ изъ „Общезанимат. Вѣстн.“. 4) *О картинѣ Леонарда-да-Винчи „Тайная вечеря“.* переводъ изъ Гете. Въ память Александра Андреевича Иванова. Спб. 1858. 5) *О личности Гамлета Шекспировской трагедіи.* Въ память 300-лѣтняго юбилея Шекспиру. Спб. 1865 (брошюра). 6) *Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ-Горбунокъ“.* Спб. 1872.

Наибольшій интересъ изъ написаннаго Ярославцевымъ представляетъ біографія его университетскаго товарища Ершова. Это не только цѣнный матеріалъ для біографіи автора знаменитой сказки, но и любопытный психологическій очеркъ разбитыхъ иллюзій и погибшихъ въ борьбѣ съ житейскою прозою надеждъ. Ершову, на зарѣ его литературной дѣятельности, улыбнулось счастіе: шутя и не придавая ей никакого значенія, онъ написалъ сказку, которой суждено было пріобрѣсть легендарную извѣстность. Но этимъ ка-

призомъ судьбы закончились всѣ литературные успѣхи Ершова. Больше 30-ти лѣтъ онъ прожилъ послѣ появленія «Конька-Горбунка» и неоднократно пытался опять выступать на литературное поприще, но терпѣлъ полную неудачу.

Въ одушевленіи, съ которымъ въ книжкѣ Ярославцева прослѣжена эта трагедія разбитыхъ иллюзій, чувствуется и психологія самого автора, тоже что-то пытавшагося сдѣлать, да съ малымъ успѣхомъ.

Смерть Ярославцева прошла совершенно незамѣченною печатью, но въ «Журн. Мин. Мар. Просв.» 1884 г., № 5, появился очень тепло написанный некрологъ, принадлежащій перу извѣстнаго профессора греческой литературы Г. С. Дестуниса. Съ семьею Дестуниса, Ярославцева связывала тѣсная дружба съ юности. Приводимъ цѣликомъ этотъ некрологъ:

7-го марта скончался, на 75-мъ году жизни, Андрей Константиновичъ Ярославцевъ, оставивъ о себѣ добрую память между своими друзьями, товарищами и почитателями. Его жизнь, исполненная труда и самоотреченія, найдетъ въ свое время надлежащую оцѣнку: мы же ограничимся здѣсь лишь краткимъ очеркомъ. Среднеучебный курсъ пройденъ былъ Ярославцевымъ въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ и въ тогдашнемъ высшемъ училищѣ (нынѣ 2-я гимназія). Юношу, познакомившагося съ произведеніями русскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ и съ ихъ біографіями, сильно потянуло въ университетъ.

Отецъ его, по служебному положенію, имѣлъ возможность тогда же опредѣлить сына на службу и тѣмъ, еще при жизни своей, доставить ему вѣрный кусокъ хлѣба.

Завязалась борьба между двумя существами, горячо любившими другъ друга, но смотрѣвшими неодинаково на этотъ первый шагъ. Свои задушевныя стремленія къ пріобрѣтенію высшаго образованія юноша высказалъ извѣстному въ то время духовному лицу и пріятелю своего отца, Григорію Ивановичу Мансветову, и попросилъ его подѣйствовать на отца въ желанномъ смыслѣ. Внимательно выслушавъ доводы юноши, Григорій Ивановичъ охотно обѣщалъ свое содѣйствіе, но замѣтилъ ему, что если онъ стремится къ образованію себя, то долженъ исправно слушать лекціи, и что, если будетъ по прежнему часто посѣщать вечеринки, то ничему не научится.

Ходатайство Мансветова передъ отцомъ имѣло успѣхъ. Вотъ Андрей Константиновичъ въ университетѣ по юридическому факультету: какъ попалъ онъ въ этотъ именно факультетъ, когда всѣ вкусы его были только литературные и музыкальные, ему и самому осталось неизвѣстнымъ. Учился онъ старательно, но приковался не къ юридическимъ наукамъ, а къ словеснымъ. Любимцемъ его, между прочимъ, между профессорами, сталъ Александръ Васильевичъ Никитенко. Изъ товарищей, къ которымъ онъ привязался, на первомъ планѣ у него стоялъ П. П. Ершовъ, авторъ «Конька Горбунка». Преданно, вполнѣ по дружески, лелѣялъ Андрей Константиновичъ добрые замыслы Ершова, не только въ короткіе годы студенчества, но и въ продолженіе всей его жизни. Благородными эстетическими порывами жилъ и дышалъ тотъ небольшой кружокъ студентовъ тридцатыхъ годовъ, къ которымъ принадлежалъ Ярославцевъ.

Находясь еще въ университетѣ, задумалъ онъ тему перваго своего литературнаго произведенія, написаннаго и обработаннаго имъ уже по окончаніи курса. Это—«Любовь музыканта», романъ, вылившійся изъ молодой души, полной пыла и очарованія, едва-едва знакомившейся и то издалека съ разочарованіемъ. Въ первые годы по выходѣ Ярославцева изъ университета, служба предоставляла ему свободу на всѣ послѣобѣденные часы: эта-то пора дня и была имъ посвящена всему, къ чему стремилась его молодая, пылкая душа: чтенію излюбленныхъ писателей, музыкѣ, собственнымъ литературнымъ опытамъ, бесѣдамъ съ товарищами, имѣвшими сходные съ нимъ вкусы. Но настало время самостоятельной и усиленной служебной дѣятельности, когда возложили на него тяжелые труды, сопряженные съ отвѣтственностью. Не легко было исполненіе служебныхъ обязан-

постей въ проходимыхъ имъ должностяхъ, каковы: секретаря совѣта въ здѣшнемъ университетѣ, секретаря цензурнаго комитета, цензора, правителя канцеляріи спб. учебнаго округа.

Всѣ обращавшіеся къ нему, какъ къ лицу служащему, очень хорошо помнятъ, съ какою теплотою относился онъ къ каждому, готовый подать наилучшій совѣтъ для облегченія дѣла, но безъ нарушенія установленныхъ правилъ. Нужно знать, что со смерти отца своего, т. е. съ 1846 г., онъ взялъ на свое попеченіе сестеръ своихъ, и это побуждало его больше прежняго искать обезпечивающей службы; тогда занятія литературой и музыкой, разумѣется, сократились, свиданія съ пріятелями стали рѣже и рѣже. Это не помѣшало, однако, Ярославцеву, выдержанно, хотя и урывками, возвращаться къ любимымъ занятіямъ и всею душой, по прежнему, принадлежать своимъ друзьямъ. Сокращая то, что мы имѣемъ сказать о немъ, мы остановимся на одной чертѣ его, какъ писателя.

Онъ писалъ только о томъ, что его глубоко занимало. Человѣкъ очень впечатлительный, порывающійся къ возвышенному и изящному, онъ обыкновенно долго носилъ въ душѣ своей наполнявшую его идею, долго ее обдумывалъ и разработывалъ.

Но издавъ свое произведеніе, онъ готовъ былъ стоять за каждую свою мысль, за каждый образъ, за каждое слово. Вотъ Ярославцевъ хочетъ показать молодымъ людямъ, какова должна быть настоящая, глубокая критика эстетическихъ произведеній: онъ переводитъ статью Гете о «Тайной Вечери» Леонарда-да-Винчи. Но онъ желаетъ и самъ сообщить свой собственный опытъ художественнаго анализа: онъ пишетъ статью о Гамлетѣ Шекспира. Его поражаетъ страшная картина эпохи Грознаго, начертанная Карамзинымъ: онъ вчитывается все болѣе и болѣе въ Карамзина, переходитъ къ источникамъ, всматривается въ характеры и нравы, и плодомъ этого изученія является драма: Владиміръ князь Старицкій. Онъ разсказывалъ съ благодарнымъ чувствомъ, что не могла бы выйдти въ свѣтъ эта драма, еслибъ исключительную отвѣтственность за ея пропускъ не взялъ на себя самъ тогдашній попечитель округа, кн. Щербатовъ.

Выдержаннымъ, твердымъ, непреклоннымъ знали Ярославцева всѣ его пріятели, не въ одной области идеаловъ литературныхъ, но и въ области идеаловъ нравственныхъ. Долгъ свой передъ отечествомъ, родными и друзьями исполнялъ онъ такъ же неуклонно, какъ неуклонно служилъ своему призванію литературному. Передъ концомъ своей служебной дѣятельности Ярославцевъ, по собственному почину, отказывается отъ должности правителя канцеляріи учебнаго округа и мѣняетъ ее на должность корректора въ типографіи Второго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Что побудило его къ такому переходу, противорѣчащему ходячимъ служебнымъ взглядамъ? На сколько намъ помнится, просто желаніе сложить съ себя въ преклонныя лѣта такую отвѣтственность, которая начинала превышать его силы.

Однако, при новыхъ занятіяхъ, требовавшихъ большого напряженія глазъ, зрѣніе его стало слабѣть. Онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей. Остатки своего зрѣнія посвятилъ онъ жизнеописанію своего любимаго университетскаго товарища. Въ 1872 г. издалъ онъ этотъ послѣдній трудъ свой подъ заглавіемъ: „Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: Конекъ-Горбунокъ. Біографическія воспоминанія университетскаго его товарища А. К. Ярославцева". Въ томъ изображеніи Ершова, какое даетъ намъ Ярославцевъ, участвовала, съ одной стороны, нѣжная любовь къ другу, съ другой—постоянная, спокойная критика помысловъ, дѣйствій, произведеній изображаемаго лица. Кто пожелалъ бы понять Ярославцева въ его зрѣломъ возрастѣ, тотъ долженъ прочесть его біографію Ершова; прибавимъ, что лучше всего можно ознакомиться съ Ярославцевымъ въ его молодыя лѣта по его роману: «Любовь музыканта».

Въ біографіи Ершова и сочувствіе автора къ даровитому товарищу, и указаніе на его слабыя стороны, все приводитъ читателей къ нравственнымъ воззрѣніямъ самого Яро-

славцева, не только на Ершова и на нѣкоторыхъ изъ современниковъ, но и на задачи жизни вообще, воззрѣніямъ строгимъ и послѣдовательнымъ. Въ жизни своей онъ былъ вѣренъ своимъ коренным нравственнымъ убѣжденіямъ. Какъ жилъ, такъ и умеръ безропотно этотъ другъ правды и добра, перенося съ рѣдкимъ терпѣніемъ продолжительную болѣзнь, причинявшую ему жесточайшія муки. И въ послѣдніе дни своей жизни произнесъ онъ спокойно и безропотно: «Пора идти къ своимъ». Въ заключеніе скажемъ: Ярославцевъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые силою воли не позволяютъ себѣ уклоняться отъ укоренившихся въ нихъ убѣжденій [1]).

311) Стр. 456. «Отеч. Зап.» 1842, № 11. Въ изд. Солдатенкова не вошло. О «Сплетняхъ» см. выше статью № 662.

312) Стр. 456. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

313) Стр. 456. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

314) Стр. 460. Бѣлинскій, конечно, зналъ, что подъ инціалами *В. М.* скрывается Василій Степановичъ Межевичъ (1813—1849). Это любопытный типъ человѣка съ извѣстными литературными дарованіями, который одно время даже шелъ за «перваго критика», писалъ статьи въ «Отеч. Зап.», но затѣмъ, подъ вліяніемъ нужды, совершенно палъ нравственно и дошелъ до мелко-пресмыкательскаго сотрудничества у Булгарина и въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». Характеристикой его паденія можетъ служить то, что Панаевъ описалъ его въ очеркѣ подъ названіемъ «Литературная Тля». Мы еще вернемся къ Межевичу.

315) Стр. 460. «Отеч. Зап.» 1842, № 11.

316) Стр. 460. Извѣстная въ свое время статья Шевырева въ 1-й книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 года. О ней см. во II т., стр. 460 и дальше.

317) Стр. 462. Бѣлинскій никогда не стѣснялся выхвалять то, что ему было симпатично только потому, что это свое и близкое. См. примѣч. 154.

318) Стр. 463. Рѣчь, конечно, о Смирдинѣ.

319) Стр. 464. Все это относится къ Сенковскому. Очевидно, его мѣтили въ редакторы новаго журнала, впрочемъ, не состоявшагося. Непонятно, почему въ число парадоксовъ Сенковскаго включено раскрашиваніе греческихъ статуй. Это несомнѣнный фактъ.

320) Стр. 465. Важный фактъ для исторіи «Критической исторіи русской литературы» Бѣлинскаго (ср. прим. 274). Въ концѣ 1842 г. Бѣлинскій еще значитъ, очень живо ею интересовался.

321) Стр. 465. Мы не могли допскаться болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ мелкомъ и малохарактерномъ инцидентѣ. Въ 1825 г. нельзя было считать серьезнымъ «невѣдѣніемъ географіи» неточныя свѣдѣнія о Сахалинѣ,

---

[1]) См. о Ярославцевѣ: 1) *Вороновъ*, Обозрѣніе петербургскаго округа; 2) *Березинъ*, Энц. Словарь; 3) *Альбомъ Семевскаго*; 4) «Историч. Вѣстн.» 1884, № 6, стр. 701; 5) *Г. Дестунисъ*, въ «Журн. Мин. Мар. Просв.» 1884, № 5. Воспроизведено выше. 6) *Языковъ*, Обзоръ, вып. 4; 7) *Чернышевскій*, Очерки Гоголев. періода; 8) *Березинъ-Ширяевъ*, Матеріалы для Библіографіи, вып. IX, 372 и вып. XI, 179. Много автобіографическаго въ книжкѣ Ярославцева объ Ершовѣ.

Отзывы о романѣ «*Любовь музыканта*»: 1) «Литер. Газета» 1842, № 44; 2) «Библ. для Чтенія» 1842, т. 55, отд. VI, 13; 3) (*Бѣлинскій*), въ «Отеч. Зап.» 1842, № 11; (статья, къ которой сдѣлано настоящее примѣчаніе); 4) *М.* въ »Сѣв. Пчелѣ» 1842, № 253.

О «*Князѣ Старицкомъ*»: *П. Вейнбергъ* въ «Библ. для Чтенія» 1858, т. 150. Объ «*О личности Гамлета*»: «Голосъ» 1865, № 116 О «*Петрѣ Павловичѣ Ершовѣ*»: 1) «Вѣстн. Евр.» 1872, № 11; 2) «Рус. Старина» 1873, № 8.

которомъ тогда всего какихъ-нибудь 10 — 15 лѣтъ какъ появились первыя достовѣрныя данныя. Изъ видныхъ журналистовъ 1825 года въ 1842 году продолжали свою дѣятельность только Булгаринъ и Полевой (Греча къ «журналистамъ» не причисляли); значитъ, только объ одномъ изъ нихъ и идетъ тутъ рѣчь.

322) Стр. 465. «Отеч. Зап.» 1842, № 12. Въ изд. Солдатенкова вошло съ небольшими сокращеніями.

323) Стр. 466. Здѣсь въ философскомъ смыслѣ момента, какъ стадіи.

324) Стр. 470. Продолжается хорошее отношеніе къ Вяземскому, котораго Бѣлинскій когда-то спеціально ненавидѣлъ. Ср. прим. 180 и письма къ Краевскому, о которыхъ говорится въ т. III, прим. 69—72.

325) Стр. 472. Полевой, теперь ведущій ожесточенную войну съ Гоголемъ и его поклонниками. Отъ отношенія Бѣлинскаго къ Полевому см. прим. 16.

326) Стр. 481. См. Шиллеровскія «Жалобы Цереры».

327) Стр. 485. Два года тому назадъ всякая «дѣйствительность» (см. т. IV, нашъ этюдъ «Гегельянско-бакунинскій періодъ жизни Бѣлинскаго», стр. 547). Теперь появилась и «неразумная дѣйствительность», которая въ письмахъ къ друзьямъ неизмѣнно называется „гнусною россійскою дѣйствительностью".

328) Стр. 486. Въ „Отеч. Запискѣ." напечатано: Epistolae obscurorum divorum. Надо «Epistolae virorum obscurorum»

329) Стр. 488. **Отношеніе Бѣлинскаго къ Шиллеру и Гете** является яркимъ показателемъ измѣненій его литературно-политическаго міросозерцанія. Преклоненіе предъ Гете тѣснѣйшимъ образомъ связано съ эпохою преклоненія предъ «разумною дѣйствительностью» (см. т. IV, стр. 547) и къ числу наиболѣе яркихъ статей этого періода принадлежитъ статья о Менцелѣ (т. IV, ст. № 430), представляющая собою настоящій гимнъ въ честь олимпійскаго его объективизма Гете. О Шиллерѣ Бѣлинскій не высказался въ печати съ такою полнотою, но мимоходомъ онъ и въ печати, и въ письмахъ къ друзьямъ весьма холодно относился къ „рефлектированной" поэзіи Шиллера и прямо враждебно къ его драмамъ. Драмы Шиллера посвящены вопросамъ общественно-политическимъ и этого достаточно было, чтобы возстановить противъ себя Бѣлинскаго въ эпоху его бѣснованія во имя «искусства для искусства».

Тогдашнія выходки Бѣлинскаго противъ Шиллера даже ссорили его съ самыми близкими людьми. Въ началѣ 1839 года «московскіе друзья передавали Бѣлинскому, что Станкевичъ недоволенъ его нападеніями на Шиллера и сердится на нихъ». (Пыпинъ, II, 29). Въ свою очередь, Бѣлинскій, узнавъ объ этомъ, также сердился и жаловался, что за нимъ не хотятъ оставить свободы его мнѣнія. Онъ продолжалъ защищать свой взглядъ на Шиллера, хотя, все-таки, сталъ выражаться мягче прежняго. «Уважаю Шиллера за его духъ, но драмы его, въ художественномъ отношеніи, для меня — хоть бы ихъ не было» (ib. 29). Еще лѣтомъ 1840 года Бѣлинскій писалъ Боткину:

„Нѣтъ братъ, что ни говори, а на счетъ Шиллера кто-нибудь изъ насъ грубо не понимаетъ одного. Все, что ты о немъ пишешь—правда, да только трагедій-то его читать нѣтъ мочи" (ib. 49).

Но по мѣрѣ того, какъ проходилъ угаръ преклоненія предъ разумною дѣйствительностью, возрастало преклоненіе предъ авторомъ «Донъ-Карлоса».

Черезъ какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца, Бѣлинскій съ обычною своею стремительностью пишетъ (4 окт. 1840) Боткину:

„Но чортъ съ нимъ (съ обществомъ)—наша участь—схимничество. Проклинаю мое

гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія“ (ib. II, 58).

Шиллеръ теперь ему кажется «Тиберіемъ Гракхомъ нашего времени» стр. 11-), предъ духовными очами его «возникли во всемъ блескѣ лучезарнаго величія колоссальные образы Фихте и Шиллера, этихъ пророковъ человѣчности (гуманности)... этихъ жрецовъ вѣчной любви и вѣчной правды, не въ одномъ книжномъ сознаніи и брамінской созерцательности, а въ живомъ и разумномъ That» (стр. 129).

И наконецъ онъ приходитъ къ ясному сознанію духовнаго родства съ Шиллеромъ:

„О Шиллерѣ“, пишетъ онъ Боткину въ январѣ 1841 года, „не могу и думать не задыхаясь, а къ Гете начинаю чувствовать родъ ненависти, и, ей Богу, у меня рука не подымется противъ Менцеля, хотя сей мужъ и по прежнему остается въ глазахъ моихъ идіотомъ. Боже мой—какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно подумать.

Да, я созналъ наконецъ свое родство съ Шиллеромъ, я—кость отъ костей его, плоть отъ плоти его,—и если что должно и можетъ интересовать меня въ жизни и въ исторіи, такъ это - онъ, который созданъ, чтобъ быть моимъ богомъ, моимъ кумиромъ,—ибо онъ есть высшій и благороднѣйшій мой идеалъ человѣка“ (стр. 87).

330) Стр. 495. **Роль Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Баратынскаго чрезвычайно значительна.** Она, пожалуй, еще болѣе значительна, чѣмъ роль его въ литературной карьерѣ двухъ другихъ поэтовъ, разобранныхъ въ статьяхъ настоящаго тома—Майкова (см. прим. 68) и Полежаева (см. прим. 122). Дѣло въ томъ, что Баратынскій въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ Полежаевъ и уже нечего говорить о Майковѣ, лишенъ непосредственныхъ судей—читателей. Какъ совершенно вѣрно отмѣтилъ апологетъ Баратынскаго—С. А. Андреевскій, Баратынскій всецѣло принадлежитъ къ числу поэтовъ „оцѣпанныхъ“, и „загубленныхъ“ хрестоматіями. Внѣ хрестоматій Баратынскаго, дѣйствительно, почти никто не знаетъ. И неудивительно, что при такихъ условіяхъ отзывъ властнаго литературнаго судьи явился своего рода окончательнымъ рѣшеніемъ литературной участи.

Долго отношеніе Бѣлинскаго къ Баратынскому не встрѣчало никакихъ возраженій. Главнымъ образомъ, потому что никто не интересовался Баратынскимъ. Но вотъ со средины 1880 годовъ, вмѣстѣ съ общимъ противодѣйствіемъ кругу идей, восходящихъ къ Бѣлинскому, начинается интересъ къ Баратынскому. А параллельно съ этимъ возобновленнымъ интересомъ начинается враждебное отношеніе къ Бѣлинскому за то, что онъ яко бы умалилъ значеніе вдумчиваго пессимиста.

Атаку на статью Бѣлинскаго началъ С. А. Андреевскій. Его небольшой, но чрезвычайно содержательный этюдъ о Баратынскомъ («Новое Время» 1888, февраль и въ сборникѣ статей Андреевскаго—«Литературныя Чтенія») въ значительной степени состоитъ изъ полемики съ Бѣлинскимъ.

Баратынскій несправедливо забытъ:

«Въ такомъ забвеніи Баратынскаго виноваты: во-первыхъ, глубина его поэзіи, *во-вторыхъ*, *Бѣлинскій съ своимъ ложно-прогрессивнымъ разборомъ его произведеній* и, въ третьихъ, христоматіи—эти истинныя губительницы поэтовъ негромкихъ, но содержательныхъ».

«Не оцѣненная современниками», читаемъ мы дальше, «*осужденная, по ложнымъ основаніямъ*, *Бѣлинскимъ* и, наконецъ, оцѣпанная христоматіями, поэзія Баратынскаго требуетъ реставраціи».

Главное преступленіе Бѣлинскаго по отношенію къ Баратынскому выразилось вотъ въ чемъ:

„Въ стихотвореніяхъ „Послѣдній поэтъ“, „Все мысль да мысль“ и „Примѣты“, Баратынскій, какъ бы отмщая познанію и разсудку за свой разладъ, высказалъ, что первоначальные сны поэзіи и наивное общеніе съ природой исчезли, именно благодаря мысли, *наукѣ*. Это священное слово было названо—и на Баратынскаго ополчился Бѣлинскій.

Вотъ въ подлинникѣ преступное мѣсто въ стихотвореніи „Послѣдній поэтъ“:

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И *науки*, имъ ослушной,
Пустоту и суету.
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣня,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.

А вотъ и отрывокъ изъ «Примѣтъ»:

Пока человѣкъ естества не пытalъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
По дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
. . . . . .
Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Негодованіе Бѣлинскаго было неудержимое. «Оленя ранили стрѣлой!» Приведенныя мѣста изъ сборника вызвали цѣлую бурю:

(Слѣдуютъ цитаты изъ Бѣлинскаго, помѣщенныя у насъ на стр. 476—80).

Странно теперь читать этотъ горячій трактатъ о томъ, что дважды два—четыре. Странно видѣть, съ какимъ усердіемъ Бѣлинскій доказываетъ Баратынскому, словно маленькому мальчику, пользу наукъ, изобрѣтеній желѣзныхъ дорогъ и т. п. Неужели Баратынскій всего этого не понималъ? Превосходно понималъ и мы въ настоящее время имѣемъ въ печати даже письма Баратынскаго, гдѣ онъ говорилъ: „Я очень наслаждаюсь путешествіемъ и быстрой смѣной впечатлѣній. Желѣзныя дороги — чудная вещь. Это апоѳеоза разсѣянія“... Конечно, Баратынскій не могъ не цѣнить завоеваній культуры. Онъ указывалъ только на фактъ безспорный, на фактъ, единогласно признаваемый человѣчествомъ, что знаніе имѣетъ и свою тѣневую сторону, что оно, обогащая нашъ умъ, отнимаетъ часть прелести у окружающихъ предметовъ, что наука сушитъ, что все раскрытое перестаетъ быть привлекательнымъ. Поэтому, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы съ особенною любовью не вспоминалъ своего дѣтства, т. е. именно поры полнаго невѣжества. Вѣдь все это такія истины, что надо только удивляться ослѣпленію Бѣлинскаго. Кстати вспомнимъ, что тѣ же идеи о горечи познанія мы встрѣчаемъ у Пушкина. Не Пушкинъ-ли сказалъ:

*

Тьмы низкихъ *истинъ* мнѣ дороже
Насъ возвышающій *обманъ*!

А эта чудная строфа изъ «Евгенія Онѣгина»:

Стократъ блаженъ, кто преданъ *вѣрѣ*
Кто, хладный *умъ* угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній вившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ нихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И увлекаться запретилъ.

Развѣ здѣсь слова „истина“, „опытъ“, „предвидѣніе всего“—т. е. въ сущности завоеванія ума въ жизни отдѣльнаго человѣка—не играютъ рѣшительно той же роли, какъ и слово „наука“ у Баратынскаго? Ибо, что такое наука, какъ не опытъ всего передового человѣчества? Только у Баратынскаго вопросъ поставленъ рѣзче и шире. Объясняется это натурою обоихъ поэтовъ. Пушкинъ—темпераментъ подвижный, страстный, жизнелюбивый; онъ задѣвалъ такіе скорбные вопросы только слегка, онъ слишкомъ любилъ жизнь съ ея блескомъ и культурой и находилъ всегда выходъ изъ страданія въ своей здоровой, гармонической организаціи. Баратынскій же, какъ человѣкъ созерцательный и полный мучительныхъ противорѣчій, ни въ чемъ не находилъ исцѣленія отъ своей скорби. И не странно-ли было со стороны Бѣлинскаго распекать Баратынскаго за отсталость, когда нашъ поэтъ выражалъ только тотъ глубокій вопль о роковыхъ противорѣчіяхъ міроустройства, который не перестанетъ повторяться во всѣ вѣка. Достаточно вспомнить философію Руссо въ прошломъ столѣтіи и направленіе поэзіи Льва Толстого въ самые послѣдніе дни нашего времени“..

„Приговоръ Бѣлинскаго былъ послѣднимъ ударомъ для успѣха Баратынскаго. Непонятый съ самаго начала своей дѣятельности, онъ былъ теперь окончательно низверженъ самымъ вліятельнымъ изъ русскихъ критиковъ“.

Мы привели почти цѣликомъ обвинительный актъ противъ Бѣлинскаго, какъ истолкователя Баратынскаго. Пускаться въ безплодный споръ по существу мы не станемъ. Что прибавить къ ироническому вопросу Бѣлинскаго: «Полно, невѣжествомъ-ли сильна поэзія?» и къ краснорѣчивому перечню его: «нехудо не забывать, что нашъ индюстріальный вѣкъ гордо называетъ своими сынами Гете, Бетховена, Байрона, Вальтера-Скотта, Купера, Беранже и многихъ другихъ художниковъ. Неужели же это—все *послѣдніе поэты*?.. Много же ихъ»!..

Баратынскій себя, несомнѣнно, считалъ однимъ изъ «послѣднихъ» поэтовъ. Но послѣ него въ одной только русской литературѣ были Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Достоевскій. Неужели всѣ они внѣ поэзіи?

Смѣшна и нелѣпа самая мысль о какихъ-то *послѣднихъ* поэтахъ. Говоря любимой формулой Бѣлинскаго, *гдѣ жизнь тамъ и поэзія*. Поэзія исчезнетъ только съ послѣднимъ человѣкомъ на землѣ. Она будетъ принимать новыя формы, иначе проявится и выразится—это другой вопросъ. Но, говоря словами самого г. Андреевскаго «изящная литература имѣетъ своею единственною задачею изображеніе и передачу, посредствомъ творческаго генія,

внутренней и внѣшней жизни человѣчества». Такъ вотъ, когда исчезнетъ «внутренняя и внѣшняя жизнь человѣчества», тогда и поэзія и поэты переведутся. И не самъ-ли Баратынскій въ самомъ знаменитомъ изъ его стихотвореній съ восторгомъ повѣдалъ намъ про нѣкоего поэта:

Съ природою одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Кто же этотъ поэтъ—пантеистъ и довѣренный природы и въ какомъ онъ жилъ вѣкѣ? Очевидно, тогда когда «человѣкъ естества не пыталъ» и «по дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ». Но, увы, это былъ Гете, не только величайшій поэтъ новаго человѣчества, но и самый научно-образованный изъ всѣхъ когда-либо жившихъ поэтовъ, самый геніальный по «хладному» уму, да вдобавокъ блестящій естествоиспытатель, человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ слова «пытавшій естество» «горниломъ и вѣсами». Гдѣ же пресловутый антагонизмъ между наукою и поэзіею?

Мы, однако-же, отвлеклись въ сторону, потому что, въ концѣ концовъ, для опредѣленія «вины» Бѣлинскаго предъ Баратынскимъ совершенно не важно, кто изъ нихъ правъ. Допустимъ, что абсолютно правъ Баратынскій и абсолютно неправъ Бѣлинскій. Въ чемъ же тутъ вина Бѣлинскаго, какъ *критика?* Почему спорить съ *поэтомъ* по отвлеченному вопросу значитъ «свергать» его? Вотъ С. А. Андреевскій старается привести въ связь Баратынскаго съ Руссо и Толстымъ. Связь эта болѣе чѣмъ сомнительная, потому что если Толстой относится насмѣшливо къ наукѣ, то всего менѣе изъза того, что она убиваетъ поэзію, которая его еще меньше интересуетъ, чѣмъ наука. И Руссо и Толстой говорятъ о несовершенствахъ *культуры*, въ ущербъ нравственности и человѣколюбію. Что же тутъ общаго съ чисто-литературнымъ воплемъ Баратынскаго о гибели поэзіи? Однако же допустимъ, опять-таки, что связь между Толстымъ, Руссо и Баратынскимъ, въ дѣйствительности, очень велика и что С. А. Андреевскій правъ въ своихъ доводахъ. Но развѣ тѣ писатели, которые спорили и спорятъ съ Руссо и Толстымъ когда-нибудь подвергались обвиненію въ томъ, что они кого-то «низвергаютъ?»

Отъ критика требуется только двѣ вещи и только преступленія въ этомъ направленіи, дѣйствительно, могутъ быть поставлены въ вину: 1) критикъ долженъ вѣрно опредѣлить *размѣры таланта* писателя и 2) долженъ правильно понять *мысль писателя и ея значительность*. А симпатизируетъ онъ или не симпатизируетъ *правильно характеризованному* писателю, это совершенно безразлично. И вотъ если обратиться къ опредѣленію сущности поэзіи Баратынскаго и мѣста, занимаемаго Баратынскимъ въ исторіи русской поэзіи, то и окажется, что современные апологеты Баратынскаго, съ С. А. Андреевскимъ во главѣ, ничего не прибавили къ тому, что выяснено Бѣлинскимъ. Вся разница только въ томъ, что Бѣлинскій даетъ свои опредѣленія сердито, а новѣйшіе его апологеты любовно, Бѣлинскій къ идеямъ Баратынскаго, безусловно правильно ихъ *характеризуя*, относится враждебно, а новѣйшіе апологеты вполнѣ ихъ раздѣляютъ. Въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій:

1) великолѣпно опредѣлилъ *общій характеръ* поэзіи Баратынскаго, ска-

завши: «несмотря на вражду Баратынскаго къ мысли, онъ по натурѣ своей призванъ быть поэтомъ мысли».

2) Бѣлинскій безусловно вѣрно опредѣлилъ *содержаніе* поэзіи Баратынскаго сказавши: «жизнь какъ добыча смерти, разумъ какъ врагъ чувства, истина какъ губитель счастія,—вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго» и прибавилъ-ли къ этой характеристикѣ г. Андреевскій хотя бы одну черточку, когда даетъ свое опредѣленіе:

„Содержаніе поэзіи Баратынскаго—преходимость всего земного, жажда вѣры, вѣчный разладъ разума и чувства и какъ послѣдствіе этого непримиримаго разлада—глубокая печаль".

3) Бѣлинскій, оспаривая разочарованіе Баратынскаго, тѣмъ не менѣе, относится съ полнымъ уваженіемъ къ его грусти. Онъ не только заявляетъ: «мы *высоко уважаемъ яркій замѣчательный талантъ* поэта уже-чуждаго намъ поколѣнія», но онъ констатируетъ, что «мысль» поэта «явилась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она вышла не изъ праздномечтающей головы, а изъ *глубоко-растерзаннаго сердца*».

4) И, наконецъ, не Бѣлинскій-ли со всею свойственною ему категоричностью сказалъ: «изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, *первое мѣсто безспорно принадлежитъ Баратынскому*»?

Первый послѣ Пушкина—да, позвольте, какая при подобномъ опредѣленіи литературнаго ранга можетъ идти рѣчь о «низведеніи»?

Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ послѣдніе годы Бѣлинскому за „низведеніе" Баратынскаго, становится еще яснѣе, когда мы перенесемъ вопросъ на историко-литературную почву. Если Баратынскій былъ „низверженъ" Бѣлинскимъ, значитъ до того онъ стоялъ на какомъ-то довольно высокомъ пьедесталѣ?

Вотъ это-то абсолютно не вѣрно. Какъ мы уже отмѣтили въ статьѣ нашей о Баратынскомъ во II томѣ „Критико-біографич. Словаря", литературная карьера Баратынскаго „шла очень неровно. Въ самомъ началѣ ея достаточно было десятка стихотвореній, чтобы молодой поэтъ сразу укрѣпился на Парнасѣ. Его начали ставить рядомъ съ Пушкинымъ и даже считать равнымъ ему. Правда, журналисты иной разъ пощипывали автора „Эды", благодаря чему Пушкинъ въ своей статейкѣ о Баратынскомъ съ немалымъ раздраженіемъ говоритъ о журнальныхъ зоилахъ, но публика, какъ констатируетъ Пушкинъ же, „приняла первыя, юношескія произведенія Баратынскаго съ восторгомъ». Длилось это, однако, не долго. Весьма скоро интересъ къ Баратынскому начинаетъ испаряться. Статья Пушкина о немъ, написанная въ 1830 году, была явнымъ признакомъ падающей популярности Баратынскаго: плохо дѣло, когда надо доказывать, что тотъ или другой писатель мало оцѣненъ или забытъ. А еще хуже, когда писатель объявляется понятнымъ *для немногихъ*. Эта характеристика Баратынскаго, какъ поэта для немногихъ повторяется его поклонниками и теперь, и почему-то они думаютъ, что въ такомъ опредѣленіи кроется большая похвала. Мы ее рѣшительно не понимаемъ. Почему Пушкина и Лермонтова понимаютъ всѣ, а для пониманія Баратынскаго надо быть какимъ-то избранникомъ? Истинно-великое въ поэзіи доступно каждому непошлому сердцу".

Но какъ бы то ни было, популярность Баратынскаго быстро таяла. Мы сейчасъ укажемъ проявленія этой непопулярности, почерпнутыя изъ другихъ статей Бѣлинскаго. А покамѣстъ, изъ многихъ доказательствъ того, что всего

менѣе Бѣлинскому приходилось свергать Баратынскаго съ какого то пьедестала, приведемъ три, которыя намъ кажутся особенно разительными.

Извѣстно, какъ мало имѣлъ общаго съ Бѣлинскимъ мрачный реакціонеръ Лонгиновъ, періодъ пребыванія котораго во главѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, до сихъ поръ, считается однимъ изъ самыхъ тяжкихъ моментовъ русскаго печатнаго слова. Такъ вотъ этотъ самый Лонгиновъ свидѣтельствуетъ по поводу книжки, разобранной Бѣлинскимъ:

„Когда въ 1842 году вышла книжка „Сумерекъ“ Баратынскаго, она произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ и недоумѣвающихъ лицъ, не умѣвшихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она хочетъ отъ потомковъ“! („Рус. Архивъ“ 1867, № 2, стр. 262).

Столь же мало имѣлъ общаго съ Бѣлинскимъ Гоголь въ эпоху созданія „Переписки съ друзьями“. И вотъ что онъ тамъ пишетъ въ статьѣ „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи“:

„Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мыслей къ міру внутреннему и сталъ уже заботиться о матеріальной отдѣлкѣ ихъ, *тогда какъ онъ еще не вызрѣлъ въ немъ самомъ; темный и неразвившійся, сталъ себя выказывать людямъ и сдѣлался чрезъ то для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ*“.

Это будетъ куда посердитѣе, чѣмъ у Бѣлинскаго. Наконецъ, весьма характеренъ отзывъ *учебника* сороковыхъ годовъ—„Руководства къ изученію русской литературы“ Василія Плаксина [1]). Плаксинъ отдаетъ должное элегіямъ Баратынскаго, въ которыхъ онъ „можетъ соперничать съ лучшими нашими поэтами“; но „въ повѣствовательной поэзіи Баратынскій долженъ стоять между второстепенными поэтами, а, въ общемъ, Пушкинъ по благородной снисходительности къ современнымъ поэтамъ, *особенно къ Баратынскому и Дельвигу, слишкомъ высоко ставилъ ихъ достоинства; онъ дополнялъ своимъ воображеніемъ то, чего въ нихъ не доставало*“. (Стр. 387).

Приведенныя доказательства, почерпнутыя изъ источниковъ, столь мало имѣющихъ общаго съ „Отеч. Записками“, надѣемся, опредѣленно рѣшаютъ вопросъ о популярности Баратынскаго въ моментъ появленія статьи Бѣлинскаго. Такимъ образомъ, утвержденіе, что Бѣлинскій свергъ Баратынскаго съ какого-то пьедестала безусловно должно быть зачислено въ разрядъ литературныхъ легендъ.

Но къ еще болѣе характернымъ выводамъ придемъ мы, если обратимся къ тѣмъ отзывамъ о Баратынскомъ, которые имѣются въ статьяхъ Бѣлинскаго, предшествующихъ статьѣ 1842 года. Оказывается, что весь походъ

---

[1]) Учебникъ вышелъ (2-мъ изданіемъ) въ 1846 году. Хронологически можно тутъ установить связь съ отзывомъ Бѣлинскаго, появившимся въ 1842 г. Но достаточно имѣть и самое мимолетное представленіе о Плаксинѣ, чтобы всякая мысль о связи его учебника съ кругомъ идей Бѣлинскаго показалась смѣшной. *Василій Тимофеевичъ* **Плаксинъ** (1796—1869), преподаватель петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній, уже въ 1832 году выпустившій первое изданіе своего „Руководства“, былъ педагогъ стараго типа, съ курьезными представленіями о новѣйшей литературѣ. Такъ, не отрицая таланта Гоголя, онъ полагаетъ, что *Ревизоръ* «не комедія, а пустая трата сильнаго таланта»; не отрицая также таланта Лермонтова,—онъ говорилъ—„прочтите *Герой нашего времени*, который, по мнѣнію его приверженцевъ, есть лучшее его созданіе; и вы не найдете ни основной идеи, ни силы творчества, ни очарованія искусства“ и т. д.

противъ „прогрессивности“ Бѣлинскаго, яко-бы извратившей и спутавшей эстетическія понятія его, предпринятъ совершенно напрасно.

Въ дѣйствительности, въ тотъ періодъ, когда Бѣлинскій всего менѣе былъ причастенъ къ „ложно-прогрессивнымъ“ идеямъ, онъ говорилъ о Баратынскомъ порою съ прямымъ пренебреженіемъ.

„Ложно-прогрессивныя“ идеи, такимъ образомъ, не только не съузили эстетическій горизонтъ Бѣлинскаго, не только не притупили эстетическое чутье его, а, напротивъ того, изощрили его, дали Бѣлинскому поводъ отвести Баратынскому почетнѣйшее мѣсто въ исторіи русской поэзіи.

Одинъ изъ отзывовъ, о которыхъ мы говоримъ, извѣстенъ г. Андреевскому и другимъ изъ новѣйшихъ апологетовъ Баратынскаго и, казалось бы, его одного совершенно достаточно, чтобы показать, до чего тутъ за волосы притянута „прогрессивность“ Бѣлинскаго. Въ 1834 году, когда Бѣлинскій какъ это достаточно знаютъ читатели настоящаго изданія, еще весьма былъ далекъ отъ „прогрессивности“, онъ писалъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“:

„Г. Баратынскаго ставили на одну доску съ Пушкинымъ; ихъ имена всегда были неразлучны, даже однажды два сочиненія сихъ поэтовъ явились въ одной книжкѣ, подъ однимъ переплетомъ. Говоря о Пушкинѣ, я забылъ замѣтить, что только нынѣ его начинаютъ цѣнить по достоинству, ибо уже реакція кончилась, партіи поохолодѣли. *И такъ теперь даже и въ шутку никто не поставитъ имени г. Баратынскаго подлѣ имени Пушкина.* Это значило бы жестоко издѣваться надъ первымъ и не знать цѣны второму. Поэтическое дарованіе г. Баратынскаго не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, онъ написалъ плохую поэму Пиры, плохую поэму Эдды (Бѣдную Лизу въ стихахъ), плохую поэму Наложницу, но вмѣстѣ написалъ и нѣсколько прекрасныхъ элегій, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ, изъ коихъ на смерть Гете можетъ назваться образцовою, нѣсколько посланій, отличающихся остроуміемъ. Прежде его возвышали не по заслугамъ; теперь, кажется, унижаютъ неосновательно“.

Идетъ-ли въ какое-нибудь сравненіе этотъ отзывъ сверху внизъ съ отзывомъ 1842 года? Здѣсь „Наложница“ (она же „Цыганка“) названа „плохою поэмою“, а въ статьѣ 1842 года про нее сказано, что она „исполнена удивительныхъ красотъ поэзіи“; здѣсь „Эдда“ тоже аттестуется, какъ „плохая поэма“, а изъ статьи 1842 года, мы узнаемъ, что „*Эдда*—поэма, написанная прекрасными стихами, исполненная души и чувства»; здѣсь, наконецъ, „Пиры“, опять-таки, только и характеризуются, какъ „плохая поэма“, а въ 1842 Бѣлинскій находилъ въ нихъ „много прекрасныхъ стиховъ“. Но, главное, конечно, общій топъ отзыва, „Поэтическое дарованіе г. Баратынскаго не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію“, Баратынскаго „теперь, *кажется*, унижаютъ неосновательно“—какая бездна лежитъ между этимъ полупокровительственнымъ, полунасмѣшливымъ отношеніемъ и „глубокимъ уваженіемъ“ статьи 1842 года.

И тѣмъ не менѣе даже это полупренебрежительное отношеніе „Литературныхъ мечтаній“ (1834) далеко не характеризуетъ собою того, какъ мало Бѣлинскій цѣнилъ Баратынскаго въ эпоху, когда онъ еще совсѣмъ былъ свободенъ отъ „ложно-прогрессивныхъ“ идей. Къ истинному сожалѣнію, и г. Андреевскому, и другимъ вторящимъ его критикамъ остался совершенно неизвѣстнымъ отзывъ слѣдующаго, 1835-го года, хотя этотъ отзывъ всего менѣе принадлежитъ къ числу трудно-находимыхъ литературныхъ источниковъ и напечатанъ въ I т. Солдатенковскаго изданія. Говоримъ *къ сожалѣнію*, потому что тогда навѣрное и вся легенда о «низверженіи» Баратынскаго Бѣлинскимъ не создалась бы.

Отзывъ, о которомъ мы говоримъ, помѣщенъ въ нашемъ изданіи во II томѣ (статья № 128, стр. 241—249). Приглашаемъ нашихъ читателей ознакомиться съ нимъ цѣликомъ, а здѣсь отмѣтимъ только наиболѣе яркое. Вотъ если бы г. Андреевскій обрушился на Бѣлинскаго за статью 1835 года, онъ былъ бы безусловно правъ. Тутъ такъ дѣйствительно „низведеніе“. Мы своевременно отмѣтили (т. II, стр. 573), что статья 1835 года, „не принадлежитъ къ блестящимъ страницамъ критическаго формуляра Бѣлинскаго“. Теперь мы готовы выразиться рѣзче и прямо отнести статью къ немногимъ моментамъ эстетическаго затменія Бѣлинскаго, въ родѣ ужаснаго совѣта Лермонтову выбросить изъ собранія его стихотвореній «Ангела» и „Узника“ (Ср. т. V, пр. 118). Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, иначе, какъ не временнымъ омраченіемъ поразительнаго эстетическаго чутья Бѣлинскаго объяснить то, что онъ поставилъ Баратынскаго ниже Козлова, что онъ говорилъ о «свѣтской, паркетной музѣ г. Баратынскаго», что онъ даже задавался вопросомъ: „г. Баратынскій поэтъ-ли“? и давалъ отвѣтъ: «нѣсколько разъ перечитывалъ я стихотворенія г. Баратынскаго и вполнѣ убѣдился, что *поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ въ нихъ*. Основной и главный элементъ ихъ составляетъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, *почти всегда слегка скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блещущій остротами*».

И вотъ, если сейчасъ приведенные отзывы Бѣлинскаго, предшествующіе статьѣ 1842 года, прибавить къ другимъ проявленіямъ непопулярности и непониманія Баратынскаго, то дѣйствительная роль Бѣлинскаго въ исторіи литературной репутаціи Баратынскаго представится намъ въ *діаметрально-противоположномъ видѣ*. Въ дѣйствительности, дѣло было такъ:

Когда въ 1842 г. вышли „Сумерки“ Баратынскаго, они «произвели впечатлѣніе привидѣнія среди удивленныхъ и недоумѣвающихъ лицъ» (Лонгиновъ); авторъ былъ «для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ» (Гоголь). Появленіе книжки до такой степени не было литературнымъ происшествіемъ, что даже ближайшіе друзья не обратили на нее вниманія. Въ Плетневскомъ „Современникѣ“, появилась маленькая библіографическая замѣтка въ $1^1/_2$ страницы (Соч. Плетнева, т. II), а въ „Москвитянинѣ“ такъ даже совсѣмъ не отмѣтили выходъ книжки. Совершенно вѣрно констатировалъ Бѣлинскій, сопоставляя прежнюю громкую извѣстность Баратынскаго съ теперешнимъ равнодушіемъ къ нему: „а теперь тихо, скромно появляется книжка съ послѣдними стихотвореніями того же поэта—и о ней уже не говорятъ, не спорятъ, о ней едва упомянули въ какихъ-нибудь двухъ журналахъ, въ отчетѣ о выходѣ разныхъ книгъ, стихотворныхъ и прозаическихъ“... *Одинъ только Бѣлинскій сразу угадалъ, что передъ нимъ хотя и отжившее, какъ ему казалось, но, все-же, крупное литературное явленіе* и посвятилъ ему большую статью—честь, которую онъ оказывалъ только литературнымъ произведеніямъ, которымъ придавалъ большое значеніе. Желаніе отстоять науку, науку въ самомъ обширномъ и высокомъ смыслѣ слова, а вовсе не „изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ“, какъ совершенно невѣрно утверждаетъ г. Андреевскій (см. дальше стр. 634), дѣйствительно вызвало въ душѣ Бѣлинскаго страстное воодушевленіе. Дѣйствительно, „Оленя ранили стрѣлой“, говоря прекрасною характеристикою г. Андреевскаго, и, какъ при всякомъ приливѣ благороднаго волненія, ярче проявились всѣ лучшія душевныя и духовныя силы Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и эстетическая прозорливость. Онъ разглядѣлъ теперь въ Баратынскомъ то, что не замѣтилъ въ 1834 и 1835 гг., онъ *нарисовалъ теперь Баратынскаго во всю его*

литературную величину, уловилъ всѣ характерныя особенности его литературной физіономіи. И вотъ въ этой *положительной* сторонѣ и заключается дѣйствительная роль Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Баратынскаго. Не только онъ не низвергъ Баратынскаго статьею 1842 года, а, напротивъ того, впервые отнесся къ непонятому раньше ни имъ, ни другими поэту съ должною вдумчивостью. И такъ какъ вплоть до конца 80-хъ гг. статья 1842 г. была единственною крупною статьею о Баратынскомъ, единственнымъ серьезнымъ источникомъ, по которому всѣ получали представленіе о Баратынскомъ, то въ общемъ, должно сказать, что именно Бѣлинскій-то и создалъ Баратынскому крупную литературную репутацію. Онъ не внушилъ къ нему симпатій—это безспорно, но онъ создалъ ему большое литературное имя, онъ создалъ то обще-распространенное пониманіе поэзіи Баратынскаго, которое остается незыблемымъ и теперь. Новѣйшіе критики прибавили къ этому вѣрному пониманію только такую шаткую и совершенно несущественную часть литературнаго истолкованія, какъ личное сочувствіе толкователя.

Думается, что приведенныя выше фактическія указанія должны поколебать г. Андреевскаго въ довольно прочно (см. дальше) посѣщенномъ имъ заблужденіи относительно неблагопріятной роли Бѣлинскаго въ исторіи литературной карьеры Баратынскаго. Но одно изъ своихъ утвержденій талантливый апологетъ Баратынскаго, во всякомъ случаѣ, долженъ будетъ взять назадъ безъ всякихъ оговорокъ.

Въ цитированномъ выше обвинительномъ актѣ противъ Бѣлинскаго, г. Андреевскій, между прочимъ, пишетъ:

„Странно теперь читать этотъ горячій трактатъ о томъ, что дважды-два—четыре. Странно видѣть, съ какимъ усердіемъ Бѣлинскій доказываетъ Баратынскому, словно маленькому мальчику, пользу наукъ, изобрѣтеній желѣзныхъ дорогъ и т. п. Неужели Баратынскій всего этого не понималъ? Превосходно понималъ и мы въ настоящее время имѣемъ въ печати даже письмо Баратынскаго, гдѣ онъ говорилъ: «я очень наслаждаюсь путешествіемъ и быстрой смѣной впечатлѣній. Желѣзныя дороги—чудная вещь. Это апоѳеоза разсѣянія“...

Итакъ, Бѣлинскій посрамлялъ Баратынскаго желѣзными дорогами. Дѣйствительно, „странно видѣть и читать“ наѳосъ по поводу подобнаго „дважды-два—четыре“.

Но еще болѣе странно то, что ничего подобнаго у Бѣлинскаго нѣтъ, и что все это почтенному критику попритчилось. Правда, въ началѣ своей «защиты» Бѣлинскій говоритъ:

„Бѣдный вѣкъ нашъ—сколько на него нападокъ, какимъ чудовищемъ считаютъ его! И все это за желѣзныя дороги, за пароходы,—эти великія побѣды его, уже не надъ матеріею только, но надъ пространствомъ и временемъ“. Всего менѣе, однако, онъ желѣзныя дороги считаетъ сущностью того знанія и той культуры, во имя которой ополчается. Съ пренебреженіемъ, чѣмъ г. Андреевскій Бѣлинскій заявляетъ: «вѣдь человѣческое знаніе состоитъ не изъ одной *математики и технологіи* (курсивы Бѣлинскаго), вѣдь оно *прилагается не къ однимъ желѣзнымъ дорогамъ и машинамъ*... Напротивъ, это только одна сторона знанія, *это еще только низшее знаніе*».

А какое же знаніе высшее?

„Высшее знаніе объемлетъ собою міръ нравственный, заключаетъ въ области своего вѣдѣнія все, чѣмъ высоко и свято бытіе человѣческое, все,

что составляетъ достоинство и величіе имени человѣческаго, всѣ тѣ великіе вопросы, которые присущны самой натурѣ человѣка, съ которыми онъ родится и которые носитъ въ груди своей... Кромѣ математики и технологіи, есть еще философія и исторія—одна, какъ наука развитія въ мышленіи довременныхъ и безплотныхъ идей; другая—какъ наука осуществленія въ фактахъ, въ дѣйствительности, развитія этихъ довременныхъ идей, таинственныхъ матерій всего сущаго, всего рождающагося и умирающаго, и, несмотря на то, вѣчно-живущаго!.."

Все это, конечно, „дважды два—четыре" и нападеніе на Баратынскаго во имя „желѣзныхъ дорогъ". Очень похоже.

Талантливый этюдъ С. А. Андреевскаго обратилъ на себя вниманіе въ литературныхъ кругахъ и замѣтно отразился на всемъ, что позднѣе писалось о Баратынскомъ. Принадлежа къ числу восторженныхъ поклонниковъ критической прозорливости Бѣлинскаго, авторъ настоящихъ строкъ можетъ этому только радоваться. Какъ мы уже достаточно старались подчеркнуть выше, яко бы „новое" толкованіе поэзіи Баратынскаго по существу ровно ничѣмъ не отличается отъ толкованія Бѣлинскаго. Самостоятельною заслугою этюда г. Андреевскаго должно быть признано только то, что онъ поднялъ интересъ къ забытому поэту.

Но, къ сожалѣнію, поддержавъ своимъ этюдомъ правильное отношеніе къ Баратынскому, г. Андреевскій создалъ столь же интенсивное неправильное отношеніе къ статьѣ Бѣлинскаго. Образчикомъ этого дѣйствительно „новаго" отношенія можетъ служить написанная подъ явнымъ вліяніемъ этюда г. Андреевскаго статья В. Саводника въ «Рус. Вѣсти.» 1900 г. (№ 3 и 4 и отд. М. 1900) Какъ всегда, невѣрное положеніе въ устахъ повторяющаго приняло уже совершенно ни съ чѣмъ несообразныя очертанія. Все что г. Андреевскій *фигурально* сказалъ о „послѣднемъ ударѣ", нанесенномъ Бѣлинскимъ „успѣху Баратынскаго", г. Саводникъ принялъ *буквально*.

Поговоривъ объ „ошибкѣ" Бѣлинскаго, заключающейся въ томъ, что онъ далъ „горячую отповѣдь противъ воображаемаго мракобѣсія Баратынскаго", г. Саводникъ сначала находитъ эту „ошибку" „понятной",—Бѣлинскій „взглянулъ на дѣло глазами публициста, а не безпристрастнаго критика", а затѣмъ мрачно прибавляетъ:

„Но будучи вполнѣ понятна, ошибка эта остается тѣмъ не менѣе *весьма прискорбною по тѣмъ послѣдствіямъ*, которыя она повлекла за собою".

„Весьма прискорбною",—такъ говорятъ только о реальномъ фактѣ,—и, дѣйствительно, авторъ, ничто же не сумняшеся, даетъ слѣдующія съ ногъ сшибательныя свѣдѣнія:

„Послѣдствія эти не замедлили сказаться. *Статья знаменитаго и вліятельнаго критика поразила Баратынскаго какъ громомъ*. Впечатлѣніе, произведенное ею на него было такъ сильно, что поэтъ словно потерялъ подъ собою почву и пересталъ довѣрять самому себѣ. Быть можетъ также онъ отчаялся въ томъ, что люди его поколѣнія поймутъ его послѣ того, какъ человѣкъ, съ умомъ и чуткостью Бѣлинскаго, такъ несправедливо отнесся къ его выношеннымъ и выстраданнымъ, въ глубинѣ души, думамъ. Какъ бы то ни было, но съ *этого времени Баратынскій замолкъ почти совершенно*. За послѣдніе годы (sic) жизни онъ написалъ всего 7—8 стихотвореній, изъ которыхъ два имѣютъ непосредственное отношеніе къ статьѣ Бѣлинскаго. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ съ грустною резигнаціею прощается со своею музою, боясь, чтобъ его слово опять „не пробудили бы перуны" (стихотвореніе „Люблю я васъ, богини пѣнья" *С. В.*), дѣйствіе кото-

рыхъ онъ уже испыталъ на себѣ. Въ другомъ стихотвореніи: *На посѣвъ лѣса* онъ горько жалуется на то непониманіе, какое встрѣтило его поэтическое творчество и въ заключеніе повторяетъ вновь свой отказъ отъ художественной дѣятельности.

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.
Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
Да хрящъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосенъ
И пусть! Простятся съ лирою моей,
Я вѣрую: *ее замѣнятъ эти*
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти. (Курсивъ г. Саводника).

Во всѣхъ этихъ категорическихъ утвержденіяхъ нѣкоторую долю правдоподобія имѣетъ только сопоставленіе „Посѣва лѣса“ съ тою отходною, которую Бѣлинскій пропѣлъ поэту. Остальное принадлежитъ къ области непомѣрнаго преувеличенія и весьма малаго знакомства съ дѣйствительной біографіей Баратынскаго и литературными отношеніями того времени. Начать съ того, что эпитеты „знаменитый и вліятельный критикъ“ прибавлены къ имени Бѣлинскаго безъ всякаго представленія объ исторической перспективѣ. Въ 1842 г. Бѣлинскій уже пользовался, конечно, вліяніемъ среди извѣстной части публики, но это была не та публика, которою интересовался Баратынскій. А уже о „знаменитости“ смѣшно и говорить. Изъ похода Шевырева противъ „*безымяннаго* рыцаря“ (см. прим. 95) мы знаемъ, какъ третировала Бѣлинскаго та среда, гдѣ вращался Баратынскій. Еще смѣшнѣе говорить о томъ, что, благодаря рецензіи Бѣлинскаго, Баратынскій „*за послѣдніе годы* (!) *жизни* написалъ всего 7—8 стихотвореній“. Рецензія появилась въ декабрѣ 1842 года, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Баратынскій уѣхалъ со всей семьей за границу, а 29-го іюня 1844 г., т. е. чрезъ 18-ть мѣсяцевъ послѣ появленія рецензіи, внезапно умеръ въ Неаполѣ. Все время путешествія онъ чувствовалъ себя прекрасно и страшно увлекался новыми впечатлѣніями, временами даже испытывалъ настоящее упоеніе.

До поѣздки Баратынскій, вѣроятно, былъ нѣкоторое время разстроенъ рецензіей Бѣлинскаго и, можетъ быть, если судить по приведенной г. Саводникомъ цитатѣ, болѣзненно переживалъ свое отчужденіе отъ новаго литературнаго поколѣнія; но одновременно онъ испытывалъ также извѣстный приливъ бодрости, и своего рода отвѣтомъ на статью Бѣлинскаго, можетъ быть, является написанное тогда слѣдующее стихотвореніе:

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужъ пилъ Летійскія струи;
Слегка сѣдѣющій мой волосъ
Любилъ за право на покой;
Но вотъ къ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветъ и будитъ мой.
Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!

Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!
Спасибо! Молодость вторую,
И человѣческимъ сынамъ
Досель безвѣстную, пирую
Я въ зависть Флакку, въ славу намъ.

Во всякомъ случаѣ, ни въ какихъ дѣйствительныхъ матеріалахъ для біографіи Баратынскаго г. Саводникъ не могъ почерпнуть своего сообщенія о томъ что поэтъ былъ «какъ громомъ» пораженъ статьею Бѣлинскаго. Все это представляетъ собою только плодъ излишней довѣрчивости къ утвержденію г. Андреевскаго.

Смѣшное преувеличеніе г. Саводника встрѣтило отпоръ, но въ весьма курьезной формѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Щегловъ-Леонтьевъ, талантливый беллетристъ, но писатель нѣсколько легковѣрный въ своихъ экскурсахъ въ область исторіи литературы, задался рискованною мыслью доказать, что въ лицѣ Сальери Пушкинъ вывелъ Баратынскаго. (Всѣ, сюда относящіеся фельетоны его перепечатаны имъ въ книгѣ «Новое о Пушкинѣ». Спб. 1902 г.). Въ связи съ этимъ г. Щегловъ получилъ отъ одного «извѣстнаго профессора, дальняго родственника Баратынскаго», письмо, изъ котораго, въ названной сейчасъ книгѣ, приводитъ слѣдующій отрывокъ:

„... До какой степени многое для насъ, близкихъ къ тому времени и къ тѣмъ людямъ, ясное становится современнымъ писателямъ непонятнымъ“,—возмущается онъ,—„вижу, между прочимъ, изъ статьи нѣкоего Саводника о Баратынскомъ. Тутъ прелестное стихотвореніе „Люблю я васъ, богини пѣнья“ приведено въ связь съ *тупоумною* (sic) статьею Бѣлинскаго о „Сумеркахъ“ Баратынскаго и статьѣ этой приписывается какое-то роковое вліяніе на поэта. Измышленіе это—совершенная нелѣпость. Баратынскій, какъ и Пушкинъ, цѣнилъ талантъ и умъ Бѣлинскаго, но приписывать имъ что-либо похожее на позднѣйшее идолопоклонство передъ блестящимъ, но *ограниченнымъ* (!!!) критикомъ—просто смѣшно. Статья Бѣлинскаго могла возбудить въ Баратынскомъ развѣ минутную досаду на непониманіе рецензента.

Вотъ подлинное происхожденіе стихотворенія: „Люблю я васъ, богини пѣнья“. Написано оно по поводу смерти Пушкина. Баратынскій былъ суевѣренъ. По его примѣтамъ, всякій подъемъ вдохновенія предвѣщалъ ему бѣду. О смерти Пушкина онъ узналъ, когда дописывалъ стихотвореніе „Осень“, коимъ былъ очень доволенъ и прервалъ работу, пораженный ужаснымъ подтвержденіемъ своего повѣрья. Послѣднія строфы стихотворенія не додѣланы и въ этомъ видѣ напечатаны. Жена поэта настаивала на окончательной отдѣлкѣ „Осени“. Поэтъ отвѣчалъ стихотвореніемъ: „Люблю я васъ, богини пѣнья“. Напечатано оно гораздо позже“... (Стр. 215—216).

Нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Щегловъ не сообщаетъ имени профессора. Очевидно, это человѣкъ изъ ряда вонъ выходящаго остраго ума, если для него не только статья Бѣлинскаго «тупоумная», но и самъ Бѣлинскій «ограниченный», хотя и «блестящій» критикъ. Всѣ другіе, когда-либо писавшіе объ обсуждаемой статьѣ, въ томъ числѣ гг. Андреевскій и Саводникъ, находили ее чрезвычайно замѣчательною. Самъ Бѣлинскій, сказать кстати, былъ ею очень доволенъ, что съ нимъ бывало чрезвычайно рѣдко и, между прочимъ, такъ говорилъ о ней въ письмѣ къ Боткину: «Статья скомкана, свалена, а, кажется, чуть-ли не изъ лучшихъ моихъ мараній» (Пыпинъ, II, 168).

331) Стр. 495. «Отеч. Зап.» 1842, № 12. Въ изданіе Солдатенкова не вошло. Ср. прим. 48.

332) Стр. 499. Тамъ же. На этотъ разъ Бѣлинскій довольно милостивъ къ Бенедиктову. Главный отзывъ его о Бенедиктовѣ см. т. II, статья № 149.

333) Стр. 502. Тамъ же. Въ изд. Солдатенка не вышло. Ср. выше примѣчаніе 254.

334) Стр. 502. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Бѣлинскій болѣе обстоятельно занялся сочиненіями Булгарина только 4-мя годами позже—въ 1846 г., но разборъ этотъ при жизни Бѣлинскаго не появился. См. дальше въ статьяхъ 1846 года.

335) Стр. 503. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

336) Стр. 504. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло.

337) Стр. 505. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Прежніе отзывы см. статьи № 614 и 625. По недоразумѣнію, нами не былъ воспроизведенъ въ своемъ мѣстѣ отзывъ о 3, 4, 5 и 6 тетрадяхъ «Дагеротипа». Помѣщаемъ его здѣсь, а въ оглавленіи настоящаго тома обозначаемъ его № 638—а.

Дагеротипъ. *Тетради 3, 4, 5 и 6. Спб. 1842.*

Въ 6-й тетради этого страннаго изданія, о которомъ мы уже извѣщали нашихъ читателей, сказано, что съ выходомъ ея прекращается отдѣльная продажа тетрадей, а согласно съ „*постановленными правилами*“ (не для *журналовъ* ли?) принимается подписка на все изданіе, которое къ сентябрю мѣсяцу будетъ вполнѣ окончено. „Дагеротипъ“ обезпечилъ себя разными союзами, вслѣдствіе которыхъ, будучи разбраненъ въ 142 № „Сѣверной Пчелы“, онъ теперь расхваленъ въ 164 № *той же самой* газеты. Тамъ прямо и искренно объявлено, что „Дагеротипъ“ во сто разъ выше „Отечественныхъ Записокъ“. Вотъ какъ! Изъ этого ясно видно, что „почтеннѣйшіе“ объяснились и поняли другъ друга. Дай имъ Богъ совѣтъ и любовь: они стбятъ другъ друга... Есть и еще газета, которой мы не назовемъ: въ ней тоже „Дагеротипъ“ сперва принятъ былъ очень круто, но потомъ расхваленъ въ-пухъ. Ужь нечего и говорить, какъ со стороны пріятно видѣть, что люди, вполнѣ достойные другъ друга, живутъ и дѣйствуютъ ладно. Да зачѣмъ имъ и не ладить? Гоголевъ Селифанъ правду сказалъ: „Съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ... Закуска не обидное дѣло; съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить“... А между тѣмъ, все это хорошо и для литературы: черезъ это партіи яснѣе обозначаются, и публика знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло...

Мы ни слова не сказали бы и объ этихъ четырехъ тетрадкахъ „Дагеротипа“, еслибъ въ нихъ не было драмы г. Лажечникова „Христіернъ II и Густавъ Ваза“. Эта драма навела насъ на многія мысли, грустныя и поучительныя, изъ которыхъ подѣлимся съ читателями только двумя: именно, намъ пришло на мысль, что всякая муза, если она уважаетъ сама себя и хочетъ, чтобъ ее уважали другіе, должна вести себя съ крайнею осторожностію и не заходить всюду, куда зовутъ ее; иначе, она рискуетъ лишиться своей репутаціи, которая для женщины всего дороже. Еще пришло намъ на мысль, что когда имя извѣстнаго автора начинаетъ появляться въ разныхъ афишахъ, наполняемыхъ литературною бранью и сплетнями, если его находятъ подъ статьями, исполненными мелкой полемики и запальчивыхъ фразъ, и все это изъ дѣла, которое само по себѣ не стоитъ и двухъ словъ, то невольно возникаетъ опасеніе, чтобъ въ этихъ дрязгахъ не погибла извѣстность, не затмилось имя автора, нѣкогда замѣчательное...

Все это, разумѣется, не имѣетъ прямого отношенія ни къ г. Лажечникову, ни къ его драмѣ, о которой должны мы сказать свое мнѣніе... Но что сказать о ней? Г. Лажечниковъ не можетъ написать ничего дурнаго: такъ и въ драмѣ его много хорошаго; но, несмотря на то, наша литература ровно ничего не пріобрѣтаетъ въ ней. Драма требуетъ

характеровъ, дѣйствія, движенія драматическаго и, сверхъ всего этого,—мысли, мысли и мысли..

Все остальное въ „Дагеротипѣ“ по прежнему поразительно отсутствіемъ цѣли, намѣренія, таланта и, даже, здраваго смысла. Каждая статья—шарада, послѣ которой изумленный читатель восклицаетъ: „Да что же это такое?“ Вотъ стихи какого-то таинственнаго г. Ч., которые называются „Начало и Конецъ“, и въ которыхъ ровно ничего нельзя понять;—вотъ что-то въ родѣ разсказа, „Встрѣча“ (г. Чужбинскаго), въ которомъ ничего не разсказано, кромѣ фразъ à la Марлинскій;—вотъ коротенькая статейка „Дача“, въ которой тяжело и тупо силится пробиться искусственный юморъ,—вотъ „Надпись“, стихотвореніе г. Кукольника, которое должно быть хорошо, какъ все, что выходитъ изъ-подъ многопишущаго пера этого неутомимаго сочинителя, но которое, подобно всему прочему, имъ написанному, читается тяжело и трудно,—вотъ плохое стихотвореніе г. Соколовскаго;—вотъ „Московскіе цыгане“, стихотвореніе г. Бенедиктова:

Хоръ готовъ. *Вожатый ярый*
Вышелъ; *волю далъ плечу:*
Заиграло; *вспыхнулъ, старый!*
Сталъ, моргнулъ, качнулъ гитарой,
Топнулъ, брякнулъ;—*тише! чу!*
Груша поетъ: голосокъ упоительный
Тонкой серебряной нитью дрожитъ,
Какъ замираетъ онъ въ пѣгѣ мучительной!..
Чу!—Громъ!—Взрывъ!—Буря шумитъ.
Грянулъ хоръ; *сверкнули брызги*
Отъ каскада голосовъ:
Пламя молній! Вѣтра взвизги!

Ужасъ! мочи нѣтъ! въ ушахъ трещитъ! Вотъ истинный дифирамбъ въ цыганскомъ вкусѣ и тонѣ! Далѣе, въ этомъ дифирамбѣ идутъ такіе страхи, что силъ нѣтъ и пересказать: „*изъ глазъ картечи*“, хоръ „*разъѣваетъ раскаленную гортань*“, полную „*бѣшеныхъ*“ созвучій; Матрена колотитъ, колотитъ, колотитъ, кипитъ и дробитъ, кипитъ и молотитъ, дробитъ и молотитъ... Ну, чтобы положить этотъ цыганскій дифирамбъ на музыку: онъ особенно выразителенъ долженъ быть съ аккомпаньеманомъ балалайки, у воротъ барскаго дома, въ вечерніе сумерки...

По прежнему, въ каждой тетрадкѣ „Дагеротипа“ есть *Астраханскія Письма*—сборъ какихъ-то сплетенъ, непонятныхъ намековъ и еще Богъ вѣдаетъ чего. Въ одномъ письмѣ сочинитель говоритъ, что у него пропала книга, что онъ прочелъ „Мертвыя Души“, да еще комедію, которой названіе забылъ, но которая плоха, и что отецъ автора комедіи разсердился на сочинителя „Астраханскихъ Писемъ“ за то, что онъ не похвалилъ комедіи. Спрашивается: какое дѣло до всего этого вздора, до всѣхъ этихъ сплетенъ читающей публикѣ, и неужели *это* должна она читать?.. Въ другомъ письмѣ сочинитель заявляетъ свое невѣріе въ историческую необходимость, говоря, что онъ ея не понимаетъ. Да мало ли чего не понимаетъ сочинитель: публикѣ-то какое до всего этого дѣло?.. Право, мы того и ждемъ, что сочинитель „Астраханскихъ Писемъ“ увѣдомитъ публику, что у него пропали сапоги и что человѣкъ былъ пьянъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Удивительная фамильярность съ публикою! Вообще, эти „Астраханскія Письма“ писаны явно подъ вліяніемъ какого-то упоительнаго вдохновенія, и потому ихъ нелѣпость часто доходитъ до какого-то лирическаго восторга,—и если хоръ московскихъ цыганъ подалъ поводъ г. Бе-

педиктову, обладающему такимъ превосходнымъ талантомъ, написать такой дивный дифирамбъ, то какой дифирамбъ отхваталъ бы онъ, еслибъ вздумалъ вдохновиться изъ упоительнаго источника „Астраханскихъ Писемъ“?..

338) Стр. 506. Тамъ же. Въ изд. Солдатенкова не вошло. Прежніе отзывы см. т. V, стат. № 512, т. VI, стат. № 532.

339) Стр. 507. Тамъ же.

340) Стр. 507. См. статьи №№ 639, 668

341) Стр. 509. По нашему изданію см. выше, стр. 249—250.

342) Стр. 509. Все это безусловно правда, но только заслуга тутъ принадлежитъ не журналу, а исключительно Бѣлинскому. О рѣшающей роли, которую сыгралъ Бѣлинскій въ разрушеніи репутаціи Марлинскаго и въ созданіи первостепенной репутаціи Гоголя и Лермонтова см. т. V, прим. 177. томъ VII, прим. 264 и т. VI, прим. 26. О борьбѣ съ «Москвитяниномъ», проходящей красной нитью чрезъ настоящій томъ и потому часто состоящей изъ однѣхъ и тѣхъ же доводовъ см. прим. 95.

343) Стр. 510. Наканунѣ своего рожденія, это слово все еще употребляется не въ теперешнемъ значеніи, а для обозначенія приверженцевъ теоріи Шишкова. Ср. примѣч. 215 и 272. Окончательное распаденіе русской интеллигенціи на славянофиловъ и западниковъ произойдетъ черезъ 1—2 года.

344) Стр. 511. Въ полемикѣ 40-хъ годовъ носившія характеръ доноса статьи противъ прогрессивныхъ теченій описательно обозначались какъ «юридическія сочиненія» или «юридическія бумаги».

345) Стр. 512. Какъ и на всемъ пространствѣ ожесточенной полемики съ «Москвитяниномъ», Бѣлинскій, изъ цензурныхъ соображеній, избѣгаетъ называть по имени московскій журналъ и его сотрудниковъ. Направленные противъ Бѣлинскаго стихи «Безыменному критику» принадлежатъ, бездарному литературному старовѣру, Михаилу Дмитріеву (1796—1866), о которомъ такъ мѣтко сказалъ другъ Пушкина—острякъ Соболевскій:

Онъ каммеръ-юнкеръ при дворѣ
И каммердинеръ на Парнассѣ.

346) Стр. 513. На самомъ дѣлѣ «Отеч. Зап.» воевали съ приравниваніемъ «Мертвыхъ Душъ» къ «Иліадѣ». См. выше статьи №№ 639 и 668.

347) Стр. 514. Утвержденіе Бѣлинскаго совершенно невѣрно. Отзывъ Пушкина о «Маврѣ Посадницѣ» Погодина ни мало не ироническій. Можно, конечно, удивляться тому приподнятому тону, съ которымъ великій поэтъ и очень тонкій критикъ говоритъ о безслѣдно провалившейся въ Лету трагедіи Погодина, но онъ восторгался ею серьезно. Уже изъ того письма Пушкина (изъ Болдина, въ концѣ ноября 1830) къ Погодину, которое напечатано въ «Москвитянинѣ» 1842 г. (т. V, № 10) и о которомъ говоритъ Бѣлинскій ясно, что ни о какой ироніи тутъ и рѣчи не можетъ быть. Разсказавъ Погодину, какъ его не пустили черезъ карантинъ и «протурили назадъ въ Болдино», Пушкинъ затѣмъ сообщаетъ ему: «въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и Марѳу—и прочелъ ее два раза духомъ. Ура!—я-было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но, нѣтъ—я все-таки при томъ же мнѣніи: *Марѳа имѣетъ Европейское, высокое достоинство.*— Я разберу ее какъ можно пространнѣе.—*Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе*». Слѣдуетъ затѣмъ указаніе недостатковъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ слогу, а заканчивается письмо такъ: «Что за прелесть сцена пословъ.—Какъ вы поняли русскую дипломатику! а Вѣче! А посадникъ? А князь Шуйскій? А

князья удѣльные? *Я вамъ говорю, что это все достоинства Шекспировскаго*». Этотъ отзывъ не есть результатъ минутнаго увлеченія: онъ является завершеніемъ длиннаго ряда такихъ же восторженныхъ отзывовъ, по поводу отдѣльныхъ дѣйствій (Погодинъ читалъ Пушкину трагедію по мѣрѣ того, какъ она писалась. См. подробнѣе у *Барсукова*, Жизнь и труды Погодина). Когда Погодинъ прочиталъ ему 3-е дѣйствіе, Пушкинъ заплакалъ, поцѣловалъ автора и сказалъ: «Я не плакалъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ сочиняю; мои сцены народныя ничто предъ вашими». Восторги Пушкина своею чрезмѣрностью даже смутили Погодина и онъ, съ дѣлающей ему честь скромностью, даетъ имъ весьма правдоподобное объясненіе: «Можетъ быть, слушая меня, онъ самъ много вообразилъ, бросалъ свое золото, какъ алхимикъ, не знаю. И такая похвала чуть-чуть доставляетъ мнѣ удовольствіе» (Барсуковъ, III, 30).

Одновременно съ вышеприведеннымъ письмомъ изъ Болдина, Пушкинъ послалъ Погодину и разборъ трагедіи, вѣроятно, назначенный для печати. Но этотъ разборъ, при жизни Пушкина, не появился и одновременно съ письмомъ изъ Болдина напечатанъ Погодинымъ въ томъ же № 10 «Москвитянина» за 1842 годъ. Въ назначенномъ для печати отзывѣ Пушкинъ гораздо сдержаннѣе и къ Шекспиру Погодина не приравниваетъ, но въ общемъ относится къ трагедіи чрезвычайно сочувственно.

348) Стр. 513. „Отеч. Зап.“ 1842, № 12.

349) Стр. 514. «Отеч. Зап.» 1840, т. XIII, № 11. Настоящая статья не включена въ изд. Солдатенкова, не отмѣчена въ спискахъ Галахова (т. IV, прим. 197) и потому совершенно исчезла изъ литературнаго наслѣдства Бѣлинскаго. Но мы, тѣмъ не менѣе, ни единой минуты не сомнѣваемся, что она ему принадлежитъ. Кто же другой могъ написать такую статью? У кого другого изъ сотрудниковъ «Отеч. Зап.» могло быть это пламенное воодушевленіе, это безгранично-страстное отношеніе къ литературѣ? Литературныя статьи въ «Отеч. Зап.» 1840 г. писали только Галаховъ, Кудрявцевъ, Боткинъ и Катковъ. Первые три писали вяло и сухо и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы приписать имъ статью. Катковъ, конечно, писалъ блестяще и Бѣлинскій подчасъ ему даже «завидовалъ». А такъ какъ Бѣлинскій къ тому же находился подъ сильнымъ вліяніемъ Каткова въ вопросахъ философско-эстетическихъ, то различить *теоретическую* статью Каткова отъ такой же статьи Бѣлинскаго не легко. Но совсѣмъ другое дѣло оцѣнка конкретныхъ литературныхъ явленій. Тутъ безграничное увлеченіе предметомъ сразу сообщало статьямъ Бѣлинскаго такую яркую печать его индивидуальности, что смѣшать ихъ ни съ чьими статьями нельзя.

Но, кромѣ этихъ общихъ соображеній, можно въ статьѣ о Давыдовѣ найдти цѣлый рядъ отдѣльныхъ характерныхъ черточекъ, рѣшающихъ безповоротно вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ приписать статью.

350) Стр. 515. Характерная внѣшняя особенность статей Бѣлинскаго: страсть къ курсивамъ.

351) Стр. 515. Слово *истина* Бѣлинскій всегда произноситъ съ біеніемъ сердца. Вотъ и здѣсь онъ снабдилъ его многоточіемъ.

352) Стр. 515. Тоже характерная черта Бѣлинскаго: давать обѣщанія, которыя, довольно-таки часто, дальше добрыхъ намѣреній не шли.

353) Стр. 516. О томъ, почему именно 1834 годъ является какимъ-то литературнымъ рубежомъ см. дальше, стр. 518.

354) Стр. 517. Отзывъ объ Одоевскомъ повтореніе того, что Бѣлинскій

неоднократно писалъ уже о немъ. Ср. особенно т. II, стр. 203, гдѣ буквально тѣ же опредѣленія основныхъ чертъ творчества Одоевскаго: поэтическій дидактизмъ, художники въ борьбѣ съ дѣйствительностью и т. д.

355) Стр. 518. Если весь вообще приступъ статьи въ значительной степени напоминаетъ манеру и отдѣльныя мнѣнія «Литературныхъ Мечтаній», то тутъ уже прямое совпаденіе съ однимъ изъ наболѣе яркихъ мѣстъ тѣхъ же «Литературныхъ Мечтаній» Тамъ полу-иронически, полу-серьезно, послѣ Ломоносовскаго, Карамзинскаго, Пушкинскаго и прозаически-народнаго, устанавливается пятый—*Смирдинскій* періодъ (т. I, стр. 390). Здѣсь полное повтореніе этой шутки съ тою только разницею, что вмѣсто «Смирдинскаго» періодъ названъ «книгопродавческимъ». Собственно говоря, одного этого мѣста совершенно достаточно, чтобы установить авторство статьи. Кто рѣшился бы присвоить себѣ такую цвѣтную мысль?

356) Стр. 519. Проницательная догадка Бѣлинскаго вполнѣ вѣрна. Въ предисловіи къ собранію сочиненій (4-му) Давыдова, изданномъ въ 1860 г. (М.) его сыномъ, читаемъ: «Въ составъ новаго изданія входятъ: Извѣстіе о жизни Дениса Васильевича, *автобіографія его, приписанная покойнымъ родителемъ моимъ сослуживцу его генералу О. Д. О.*» и т. д.

357) Стр. 527. Если читатель ознакомится со статьею о Давыдовѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ, т. е. послѣ другихъ статей настоящаго тома, то онъ будетъ пораженъ шовинистическою разухабистостью иныхъ мѣстъ, которымъ мѣсто скорѣе въ «Москвитянинѣ», чѣмъ въ «Отеч. Запискахъ». Но читатель долженъ помнить, что статья относится къ 1840 г., т. е. къ эпохѣ статей о «Бородинской Годовщинѣ» (см. т. IV, стр. 547.).

358) Стр. 528. Любимѣйшій и исконній лозунгъ Бѣлинскаго, впервые выраженный имъ съ особенною опредѣленностью въ статьѣ о Гоголѣ (т. II, № прим. 242), съ ея формулою «гдѣ жизнь — тамъ и поэзія».

359) Стр. 529. Черта вполнѣ автобіографическая для Бѣлинскаго и, такимъ образомъ, мы имѣемъ тутъ еще одно доказательство того, что статья принадлежитъ ему. Автобіографична и самая манера говорить о себѣ въ статьяхъ. Ни занимавшій скромнѣйшее положеніе въ журналистикѣ Галаховъ, ни тѣмъ болѣе Катковъ, только что выступившій въ литературѣ, не стали бы говорить въ такомъ «персональномъ» тонѣ.

360) Стр. 531. Какъ выразился Плетневъ въ письмѣ къ Гроту (см. прим. 365) по поводу настоящей статьи «все, что о Давыдовѣ цитируется изъ журнала китайцевъ, относите къ Маяку, издаваемому Корсаковымъ и Бурачкомъ». (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, I, 185).

361) Стр. 534. Такимъ экспансивнымъ слогомъ рѣшительно никто, кромѣ Бѣлинскаго, въ «Отеч. Зап.» не писалъ.

362) Стр. 536. Въ настоящемъ томѣ, который относится къ 1842 году, мы (ср. стр. 291), читали, что Пушкинъ не міровой поэтъ. Но статья о Давыдовѣ писана въ 1840, когда Бѣлинскій въ письмахъ къ Боткину говорилъ о «великомъ, мірообъемлющемъ Пушкинѣ» (Пыпинъ II, 27).

363) Стр. 541. Цитата изъ отзыва «Библ. для Чтенія» (1840, т. 41, отд. VI, стр. 13).

364) Стр. 542. Не знаемъ, кому принадлежитъ этотъ отзывъ. Но, видимо онъ высказанъ гдѣ-нибудь мимоходомъ. Статьи и рецензіи о соч. Давыдова, появлявшіяся въ журналахъ (см. имѣющій появиться II томъ нашихъ «Источниковъ словаря рус. писателей»), всѣ анонимныя и приписать ихъ кому-нибудь изъ «лучшихъ нашихъ литераторовъ» нѣтъ основаній.

365) Стр. 543. Почти всѣ предыдущія примѣчанія были сдѣланы и самая статья о Давыдовѣ изъ предосторожности была выдѣлена въ особый отдѣлъ, когда мы неожиданно натолкнулись на совершенно опредѣленное доказательство того, что статья безусловно принадлежитъ Бѣлинскому. 20 дек. 1840 г. Гротъ въ письмѣ къ Плетневу, сначала сообщивши, что «молодой Цигнеусъ привезъ изъ Петербурга ноябрьскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ я съ удовольствіемъ прочелъ статью о Давыдовѣ», затѣмъ спрашиваетъ:

„Насчетъ статьи о Давыдовѣ вразумите меня: 1) въ какомъ это велемудромъ журналѣ напечатано, къ сраму нашихъ дней, сужденіе въ стихахъ и прозѣ, помѣщенной у *Бѣлинскаго* въ выноскѣ; 2) кто растолковалъ три славы Давыдова, какъ онъ въ концѣ статьи объясняетъ; 3) кого онъ разумѣетъ подъ часто употребляемымъ словомъ китайцы?“ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896, т. I, стр. 179—180).

Въ послѣдовавшемъ черезъ 7 дней отвѣтѣ Плетневъ сообщаетъ своему пріятелю:

„Все, что о Давыдовѣ цитируется срамного изъ журнала китайцевъ, относится къ „Маяку“, издаваемому Корсаковымъ и Бурачкомъ“ (ib., стр. 185).

Этотъ отвѣтъ не совсѣмъ удовлетворителенъ: на второй вопросъ совсѣмъ нѣтъ отвѣта, а на первый данъ отвѣтъ невѣрный: отзывъ, приведенный въ выноскѣ у Бѣлинскаго (по нашему изд. см. выше стр. 541), взятъ не изъ «Журнала китайцевъ» т. е. «Маяка», а изъ «Библ. д. Чтенія» (см. прим. 363). Но для насъ, въ данномъ случаѣ эта мелкая ошибка Плетнева не представляетъ интереса. Для насъ важно, что Гротъ прямо говоритъ о статьѣ *Бѣлинскаго*, а Плетневъ, отлично знавшій и журнальныя отношенія, и самого Бѣлинскаго этого не опровергаетъ.

Несмотря на рѣшающее значеніе сейчасъ приведеннаго свидѣтельства, мы оставляемъ и свои доказательства. Намъ кажется, что они представляютъ извѣстнаго рода интересъ, какъ анализъ нѣкоторыхъ особенностей писательской манеры Бѣлинскаго. Кромѣ того, всегда пріятно и интересно, когда теоретическимъ путемъ приходишь къ какому-нибудь выводу, который потомъ подтверждается положительнымъ указаніемъ.

По объему, статья о Давыдовѣ—самое, покамѣстъ, крупное пріобрѣтеніе нашего изданія. По общему характеру, она всецѣло примыкаетъ къ настроенію статьи о «Бородинской Годовщинѣ», о которомъ см. т. IV, этюдъ «Бакунинско-Гегеліянскій періодъ жизни Бѣлинскаго» (стр. 547 и слѣд.). Отсюда ея особенная нѣжность къ поэту-воину и столь странное въ устахъ Бѣлинскаго идеализированіе гусарскаго удальства.

366) Стр. 543. Эта статья не была напечатана при жизни Бѣлинскаго и появилась только въ 12 томѣ изд. Солдатенкова. Удивляться нечего. Очевидно, что цензура не пропустила статью, насквозь проникнутую убійственною ироніей по отношенію къ *Императорской* Россійской академіи. Характеристика Бѣлинскаго, въ общемъ, блистательна и даетъ превосходную картину смѣхотворной дѣятельности Шишковской академіи. Но есть въ ней и печальные промахи. Удивленіе, съ которымъ Бѣлинскій относится къ тому, что академія поощряла дѣятельность Ганки, Копытара и Шафарика показываетъ, что эти имена ничего не говорили Бѣлинскому.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОГО ТОМА.

Свердкинготорг
букотдел
кн. № 5947
дата 50 = 16/XI-57 г
4Г.

[illegible]

100 рб. 4 тома

60

14 дол.

15 р.